

Ландина Лариса Владимировна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Родилась в г. Минске. В 1990 г. окончила с отличием Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького (ныне БГПУ им. М. Танка) по специальности «история и иностранный язык (французский)». Кандидат исторических наук (2001 г.).

Автор более 150 публикаций.

Сфера научных интересов: историография и методология исторической науки, интеллектуальная история, всеобщая история и история Беларуси XVI–XVIII вв., государственные институты Европы и России Нового времени, культурология, музейное дело и охрана историко-культурного наследия.

ISBN 978-985-7247-17-2

9 789857 247172

Л. В. ЛАНДИНА

Л. В. Ландина

АБСОЛЮТИЗМ И АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ

в российской историографии
последней трети XIX – начала XXI в.

АБСОЛЮТИЗМ И АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ
в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Л. В. Ландина

УДК [94 + 321.61(091)]:930.1(470+571)"18/20"

ББК 63.3(0)5-3 + 63.1(2)53

Л22

Рекомендовано к изданию Советом исторического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 7 от 26 июня 2020 г.)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Н. И. Минацкий;

доктор исторических наук, профессор В. В. Тугай

АБСОЛЮТИЗМ и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Л22 Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / Л. В. Ландина ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
ISBN 978-985-7247-17-2

В монографии раскрывается интерпретация одного из важнейших концептов историографии Нового времени – европейского абсолютизма – в российской исторической науке на протяжении последней трети XIX – начала XXI в. Автор демонстрирует его восприятие, особенности методологических трансформаций, изменения проблемного поля и ценностных ориентиров. Особое внимание уделено соотношению понятий «абсолютизм» и «самодержавие», а также различиям в осмыслении проблем западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия. Показывая развитие концепта абсолютизма в российской исторической науке, автор выявляет критерии и содержание данного процесса, подчеркивает его связь с традициями европейской историографии. Трансформация концепта абсолютизма проанализирована в контексте социально-политических условий развития российской исторической науки последней трети XIX – начала XXI в. Автор предлагает интегративную модель абсолютизма как объекта изучения в исторической науке, а также указывает на возможности компаративного подхода в рассмотрении истории европейских политических институтов Нового времени.

Книга адресована специалистам по всеобщей и отечественной истории, историографии и методологии, преподавателям и студентам исторических факультетов, а также всем, кто интересуется историей государства.

ISBN 978-985-7247-17-2

УДК [94 + 321.61(091)]:930.1(470+571)"18/20"

ББК 63.3(0)5-3 + 63.1(2)53

© Л. Ландина, 2020

© Оформление УП «Энциклопедикс», 2020

Минск
2020

Содержание

От автора	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ КАК КОНЦЕПТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	19
1.1. Генезис и появление концепта абсолютизма в российской исторической науке	19
1.2. Историографическая рефлексия проблем абсолютизма в работах российских историков	38
1.3. Источниковедческий анализ концепта абсолютизма в российской историографии	56
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА РАСЦВЕТА И КРИЗИСА ПОЗИТИВИЗМА (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)	77
2.1. Изучение государственных институтов в контексте развития российской исторической науки пореформенной эпохи	77
2.2. Западноевропейский абсолютизм в системе российской дореволюционной новистики	94
2.3. Самодержавная монархия как феномен российского историографического нарратива последней трети XIX – начала XX в.	144
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ (1917–1920-е гг.).....	188
3.1. Социокультурные и политические доминанты в развитии исторической науки 1920-х гг.	188
3.2. Концепт западноевропейского абсолютизма: преемственность и дискретность в интерпретации «государства торгового капитала».....	204
3.3. Проблема российского абсолютизма в идейно-политических дискуссиях исторической науки 1920-х гг.	232
ГЛАВА 4. ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «РАВНОВЕСИЯ» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТИЗМА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ 1930 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг.	258
4.1. Социально-политические приоритеты исторической науки СССР 1930-х гг. и изучение государственных институтов	258
4.2. Интерпретация абсолютизма в методологических построениях 1930-х гг.: оформление концепции «равновесия»	277
4.3. Европейский абсолютизм и российское самодержавие в советской историографии периода Великой Отечественной войны	326
4.4. Абсолютная монархия и ее институты в работах советских историков конца 1940-х – первой половины 1950-х гг.	340

ГЛАВА 5. НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ПОСТРОЕНИИ КОНЦЕПТА АБСОЛЮТИЗМА И КРИЗИС ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. 398

5.1. Изучение советскими историками государственных институтов Нового времени в период «оттепели»	398
5.2. Западноевропейский абсолютизм в советской исторической науке середины 1950-х – 1960-х гг.	433
5.3. Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг.: содержание, акценты, значение ...	473
5.4. Российское самодержавие в советской историографии 1970-х – середины 1980-х гг.	492
5.5. Западноевропейский абсолютизм в советской историографии периода «развитого социализма»	512

ГЛАВА 6. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х гг.)..... 541

6.1. Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. и изучение российской монархии и ее институтов советскими историками.....	541
6.2. Западноевропейский абсолютизм в дискурсе российской советской историографии 1985–1991 гг.	570

ГЛАВА 7. ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА АБСОЛЮТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПОНЯТИЙНОГО КРИЗИСА И ПОЛИВАРИАНТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. 592

7.1. Системная трансформация российской постсоветской историографии в контексте изучения проблем государства	592
7.2. Абсолютные монархии Запада в работах современных российских историков.....	606
7.3. Российский абсолютизм как государственный и социокультурный феномен в постсоветской российской историографии.....	646

ГЛАВА 8. СОЗДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АБСОЛЮТИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ..... 691

8.1. Современные контуры концепта абсолютизма	691
8.2. Концепт абсолютизма в условиях терминологической и понятийной ревизии.....	703
8.3. Абсолютные монархии Западной Европы и шляхетская республика Речи Посполитой в свете задач компаративного подхода в отечественной историографии (к постановке проблемы).....	714
Заключение.....	720
Библиографический список.....	740
Именной указатель	803
Перечень сокращений	815

От автора

Эта книга стала результатом многолетней работы над темой, первая публикация по которой вышла в 2006 году. Сейчас, когда пройден этот непростой путь, мне хочется сказать слова благодарности и признательности замечательным людям:

Кошелеву Владимиру Сергеевичу, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, моему научному консультанту, знания, опыт и рекомендации которого были ориентирами в моей работе и придавали уверенность в ее благополучном завершении;

Беспалой Марии Аркадьевне, доктору исторических наук, профессору, заведующей кафедрой истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств, поддержку, участие и ценные советы которой я никогда не забуду.

Огромное спасибо моим уважаемым рецензентам –

Миницкому Николаю Иосифовичу, доктору исторических наук, профессору, за рекомендации, идеи и общение высочайшего профессионального уровня;

Тугаю Владимиру Васильевичу, доктору исторических наук, профессору, за понимание, заинтересованность и конструктивность.

Я благодарна Белорусскому государственному университету культуры и искусств, в котором я преподаю уже почти двадцать лет, за содействие в организации научных стажировок. Я говорю слова признательности за поддержку моим замечательным коллегам – кафедре истории Беларуси и музееведения. Спасибо Павловой Елене Яковлевне, кандидату исторических наук, доценту, источниковеду и военному историку, за консультации, благодаря которым я открыла для себя притягательность источниковедения.

Особую признательность я выражаю российским коллегам – Отделу западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской академии наук во главе с членом-корреспондентом РАН, доктором исторических наук, профессором, главным редактором журнала «Средние века» Павлом Юрьевичем Уваровым – уникальным ученым и неподражаемым творцом научных текстов. Мои теплые слова – доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Цатуровой Сусанне Карленовне за доброжелательность и оказанную помощь.

Огромное спасибо за внимание и поддержку члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук, профессору, руководителю Центра интел-

лектуальной истории, главному редактору журнала «Диалог со временем» Репиной Лорине Петровне – женщине, в которой сочетались огромное обаяние и высочайший профессионализм.

Я выражаю благодарность коллегам, оказавшим мне помощь во время работы в российских архивах, – и. о. заведующего Научным архивом Института Российской истории РАН, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Дроздову Константину Сергеевичу и кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Западноевропейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН Чирковой Александре Викторовне.

Наверное, не хватит слов благодарности в адрес моей семьи, без моральной и материальной помощи которой был бы немыслим этот многолетний труд. Огромное спасибо моим родителям – Владимиру Сергеевичу и Ларисе Михайловне, за постоянную заботу, помощь и поддержку. Спасибо моей дочери Алисе, самому дорогому человеку и лучшему другу, за помощь и дизайн книги. Вероятно, недостаточно слов, чтобы выразить признательность моему мужу Ландину Евгению Александровичу за поддержку и терпение. Он был не только первым читателем глав этой книги и незаменимым помощником в поиске литературы, но и опорой в повседневной жизни, разделившим со мной годы напряженной работы.

С уважением.

Август 2020 г.

Введение

Исследуя события и процессы Нового времени, историк неизбежно сталкивается с проблемой абсолютизма, масштабность которой невозможно переоценить. На протяжении нескольких столетий активная роль абсолютной монархии формировала условия развития стран Западной Европы и России. И «регулярное государство», и монархии просвещенного абсолютизма контролировали и организовывали все сферы общества, не исключая и частной жизни своих подданных. Абсолютизм создавал, с региональными особенностями, соответствующие ему экономическую систему, конфессиональные отношения, социальную иерархию, дипломатию династических интересов, а также своеобразную духовную культуру, призванную олицетворять идею величия государства. Политические традиции абсолютизма, его идеологические и ментальные конструкции, символика и презентация власти не только сформировали соответствующие модели взаимоотношений власти, общества и личности, но в некоторых случаях пережили и сам институт абсолютной монархии.

Власть и государство, господство и его осуществление всегда были и остаются в центре внимания общества. Абсолютизм, как важная составляющая новоевропейской цивилизации, отразился в обширной философской и историко-правовой традиции, различным образом воспринятой и развитой европейскими государствами.

В России, где неограниченная суверенная власть называлась самодержавием, концепт абсолютизма появился в эпоху Петровских реформ для обоснования создаваемого Петром «регулярного государства», а затем был воспринят российскими исследователями всеобщей истории. Таким образом, в данной работе ведется речь о преломлении концепта абсолютизма, как феномена европейской историко-правовой традиции, в российской исторической науке.

Государство, формирующееся на этапе перехода от Средних веков к Новому времени, в современной историографии именуется модерным (l'État moderne), или государством Нового времени. Данный концепт, появившийся в первой половине XX в., маркирует ряд новых черт государственности, формировавшейся с конца Средневековья. Однако само понятие «государство Нового времени» уже с момента возникновения было дискуссионным. Споры велись вокруг его критериев, неясны его хронологические рамки в диапазоне от XIII до начала XX в. Нужно учитывать и то, что новоевропейская государственность была представлена как монархией, так и республи-

кой. Господствующей же формой управления в западноевропейских государствах стала абсолютная монархия.

Абсолютная монархия формировалась в Европе на протяжении XV в., ее расцвет пришелся на XVI–XVIII вв., а полное упразднение произошло в начале XX в. Соответственно, абсолютизм надлежит рассматривать как этап развития государства Нового времени. Учитывая же тот факт, что не все государства этой эпохи были абсолютными монархиями, с логической точки зрения модерное государство и абсолютизм соотносятся как целое и часть.

Вынесенные в заглавие работы термины «абсолютизм» и «абсолютная монархия» не случайны. Они являются наиболее употребительными для определения как социально-политической системы, так и формы управления, установившихся в большинстве стран Западной Европы в XVI–XVIII вв., а в России – сохранившихся до начала XX в.

Применяемые по умолчанию как синонимы не только в российской, но и в зарубежной историографии, они тем не менее таковыми в полной мере не являются. Термин «абсолютизм» характеризует в первую очередь общество в совокупности его политических, экономических, социальных, ментальных характеристик. Со своей стороны, «абсолютная монархия» указывает, прежде всего, на форму управления. Давняя традиция и существующий историографический консенсус оставляют оба взаимодополняющих термина в активном употреблении. В свете понятийной ревизии последних десятилетий термин «абсолютная монархия» выступает как ближайший эквивалент термина «абсолютизм», перманентно критикуемого за несоответствие отображаемому явлению. Однако, как показывает практика, понятие «абсолютизм» используется с учетом внесенных коррективов, между тем как его критика и предложения упразднить уже оформились в отдельный историографический сюжет.

Понятие «абсолютизм», вошедшее в российскую историческую науку с середины XIX в., возникло в западноевропейской историографии. Историки России применяли его в основном для характеристики монархий Западной Европы, в то время как для определения верховной власти в России существовал термин «самодержавие». Советская историография нивелировала разницу между понятиями «абсолютизм» и «самодержавие», включив историю России в мировой процесс смены формаций. В настоящее время абсолютной монархией (абсолютизмом) называется преобладающая в Западной Европе XVI–XVIII вв. (в России до начала XX в.) форма государственного управления, при которой власть монарха передается по наследству и не имеет формально-юридических ограничений. При абсолютизме отсутствует разделение властей, управление бюрократ-

тизировано, церковь не отделена от государства, общество сословно и иерархично, экономика аграрная, однако с элементами мануфактурного капитализма. Именно в таком смысле в данной работе применяются понятия «абсолютизм» и «абсолютная монархия», а также обозначающие их термины.

В таком же ракурсе употребляется и понятие «самодержавие», маркирующее развитие государственного строя России второй половины XVII – начала XX в. и в данном контексте тождественное понятию «абсолютизм». Для более четкого понимания соотношения понятий «самодержавие» и «абсолютизм» необходимо помнить, что термин «самодержавие» семантически изменялся на протяжении своего существования. На это неоднократно указывалось как в российской исторической науке, так и в правоведении¹. В современной историографии царствование Ивана Грозного именуется самодержавием, в то время как абсолютизмом российская монархия считается лишь с правления Алексея Михайловича. Наконец, несмотря на юридическое упразднение абсолютизма Манифестом 17 октября 1905 г., самодержавие продолжало существовать до отречения Николая II 15 марта 1917 г.

Изучение природы и построение теоретической модели европейской государственности, в основе которой лежала абсолютная монархия, необходимо для понимания и осмысления исторических судеб государств и регионов Европы. Традиционно наиболее разрабатываемой проблемой выступает специфика отдельных стран в рамках общеевропейских процессов развития абсолютных монархий. Не менее важным и перспективным является использование методов исторической компаративистики для оценки выраженности тех или иных явлений и процессов в формате сопоставления конкретных государств. Наконец, представляется актуальным анализ механизмов и результатов экономических, политических и социокультурных заимствований, распространенных в практике новоевропейских монархий. Какова была эффективность таких мероприятий, и насколько сочетались заимствования с местными особенностями? Например, в России времен абсолютизма всегда было расхождение заимствуемой идеи и ее реализации. Более того, до сегодняшнего дня западные новации приобретают весьма своеобразный оттенок на постсоветской почве.

Проблема рецепции может быть поставлена и в ракурсе панорамного и синхронного рассмотрения различных типов государственного управления и политической культуры европейских стран. Каковы были условия и итоги попыток внедрения элементов абсолютистского правления

¹ Золотухина Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии // Lex rossica. 2016. № 10. С. 202–230.

в государствах, где абсолютная монархия либо развивалась в сглаженных формах, либо не существовала вообще? Примером в первом случае выступает Англия, во втором – Речь Посполитая. И если предыстория Английской революции, с идейной борьбой сторонников и противников континентального абсолютизма на английской почве, получила отражение в российской историографии, то попытки введения абсолютистских порядков правителями Речи Посполитой, бывшие устойчивой тенденцией развития этого государства, до сегодняшнего дня не оформлены как проблема, требующая специального изучения. Все отмеченное позволяет сделать вывод о значительной востребованности изучения концепта абсолютизма применительно к истории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

Несмотря на кажущуюся привычность понятия «абсолютизм» и обилие нарратива, раскрывающего его различные аспекты, проблема абсолютизма в современной историографии весьма неоднозначна. Целый ряд важнейших вопросов (факторы генезиса абсолютной монархии, периодизация ее развития, региональная специфика абсолютизма, роль рецепции абсолютистских институтов в развитии конкретных стран и т. д.) неизменно вызывает дискуссии. Сам термин «абсолютизм» уже не первое десятилетие подвергается критике. Некоторые исследователи вообще выступают за его упразднение, как не отражающего исторические реалии. В ряде работ дефиниция абсолютизма, по сути, подменяется описанием условий его формирования. Несомненно, что терминологическая ревизия, релятивизм и деконструкция полезны в научном сообществе. Однако они производят противоположный эффект, например, в преподавании, где необходимы и понятийный аппарат, и построение концептуальной модели.

Указанную ситуацию можно назвать по-разному – методологическим поиском, кризисом, проявлением постмодерна в исторической науке. Однако такое положение не случайно. Оно системно обусловлено и формировалось в течение многих десятилетий, явившись результатом действия множества факторов внутреннего и внешнего порядка. Это политические и социокультурные приоритеты общества, институциональный статус исторической науки, характер международных научных связей, отношения внутри сообщества ученых, профессиональные предпочтения исследователей и т. д. Предлагаемая работа демонстрирует, каким образом в российской историографии с последней трети XIX в. до наших дней это многоуровневое системное взаимодействие изменяло концепт европейского абсолютизма. Как проходил этот процесс, чем характеризуется современная ситуация, каковы дальнейшие тенденции в указанной области – такова направленность исследовательского интереса, если вести

речь в категориях «как было», «что есть» и «каковы перспективы». Однако лишь такой ракурс раскрытия проблематики работы представляется односторонним.

Историография – это многослойный научный и социокультурный феномен, то есть явление объективной реальности, доступное для познания, что диктует применение в данной работе феноменологического подхода. В данном контексте важны два замечания. История как бытие, как некогда существовавшая реальность, и система знаний об этой реальности являются различными объектами философского осмысления. В этой связи нельзя переоценить утверждение российского методолога и источникововеда О. М. Медушевской (1922–2007) о том, что «по сути, основной принцип феноменологического подхода – это понимание отношений между реальным миром и изучающим его научным методом, наукой»². Феноменологический подход, указывается далее, «исходит из того, что в мире существует системность, взаимосвязанность, которую исследователь как раз стремится открыть»³.

Создание исторического нарратива осуществляется ученым, живущим в конкретной социальной реальности и работающим для окружающего его общества. Деятельность историка невозможна без обращения к источнику, и о том, насколько неоднозначным процессом является интерпретация последнего, написано много. Однако все указанное корректируется формирующим историческое знание социумом. В зависимости от ряда условий, общество определяет, что является актуальным, и реагирует на то, в каком ключе это было представлено. В свою очередь, социум испытывает обратное влияние уже существующего в нем исторического нарратива. По этой причине ответ только на вопрос «что» написал ученый, показывает лишь внешний, лежащий на поверхности результат его труда. Не менее важен вопрос «почему» было написано именно то, что вышло из-под пера историка, и ответ на него раскрывает условия развития исторической науки.

Вместе с тем не следует упрощать проблему, представляя историка простым исполнителем социального заказа, без собственных моральных установок и исследовательских пристрастий. Взаимосвязь историка и общества имманентна, однако историк является активной личностью. Более того, самое добросовестное применение на практике всех принципов исторического исследования и методов критики источников не может лишить историка его научной и человеческой индивидуальности. Сказанное делает правомерным обращение в данной работе к антропологическому подходу. Говоря о научном творчестве, опосредованном многослойным

² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 14.

³ Там же.

совокупным влиянием ученого и общества, уместно привести суждение основателя исторической антропологии в советской медиевистике А. Я. Гуревича (1924–2006): «Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны. Помещаясь в человеческих головах, владея живыми сердцами, истина, направляющая людей на те или иные поступки, не может не окрашиваться эмоциями, целевыми установками и даже эстетическими тонами... Для того, чтобы служить людям, истина, наука должны подышать их воздухом, пропитаться их стремлениями и страстями... Возможна ли наука без предпосылок? А где коренятся сии предпосылки? В чем состоят потребности общества?... Так вот, я утверждаю, что история – наука пристрастная, что работать, не имея никаких симпатий и антипатий, увлечений, склонностей, даже предвзятых идей, историк, который изучает людей, действовавших в обществе, совершавших поступки и движимых мыслями и страстями – не может»⁴.

Наконец, не менее важно, «как» историк обращается к аудитории – логика построения его труда, система аргументации, речевые обороты, лексика, а также коннотации, акценты, умолчания, иерархия сюжетов и т. д. Все указанное в комплексе образует дискурс исторической науки, который может быть как индивидуальным, так и коллективным. Имманентно существующий в обществе и пронизывающий все его сферы, создающий вербальный образ науки, формирующий исследовательскую индивидуальность и одновременно конструируемый ученым, дискурс историка несет в себе множество смыслов, открывающих большие познавательные возможности.

Среди многочисленных характеристик дискурса автор находит исчерпывающим определение российской исследовательницы В. Е. Чернявской: «Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающую особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текст»⁵. С позиций исторической науки удачным следует признать и определение отечественных исследователей В. Н. Сидорцова и О. М. Шutowой: дискурс есть языковое сознание эпохи. Из речевой деятельности во всех ее проявлениях историк может определить, как «рисовали» себе в речи свою жизнь люди изучаемой им эпохи. Соответственно, бытие есть

⁴ Гуревич А. Я. История историка. М. 2004. С. 184.

⁵ Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2000. С. 7–78.

текст, а мир – это семиотическое образование, которое может быть расшифровано⁶.

Развитие концепта абсолютизма в российской исторической науке было неразрывно связано с европейской культурной и историографической традицией, несмотря на различное ее преломление в понятиях «абсолютизм» и «самодержавие». На протяжении последней трети XIX – начала XXI в. происходили методологические, ценностные, содержательные трансформации концепта абсолютизма. Их специфика позволяет говорить о своеобразии периодов этого процесса, выделять в них различные аспекты и иллюстрировать их соответствующим историографическим материалом. Однако при этом смысловое ядро двух наиболее близких понятий – «абсолютизм» и «абсолютная монархия» – сохранялось практически неизменным.

Для раскрытия указанных процессов применялся ряд общенаучных и специальных методов исследования. Общенаучные методы – это анализ и синтез, дедукция и индукция, классификация и типологизация, сравнение и обобщение и т. д. Специальными историческими методами являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный методы, а также диахроническое, синхроническое и ретроспективное рассмотрение историографических процессов. При историографической интерпретации текстов продуктивными являются герменевтический метод и метод контент-анализа. В рамках данной работы особое значение приобрели историко-сравнительный метод, выводящий на продуктивные возможности исторической компаративистики, а также метод моделирования, примененный для создания интегративной модели абсолютизма как объекта научного анализа. При написании работы автор руководствовался принципами историзма, системности, объективности и ценностного подхода.

Формат введения делает уместными замечания, необходимые для более четкого определения диапазона рассматриваемых вопросов. В фокусе исследования автора находится европейский абсолютизм как этап и одна из форм развития государства в Новое время, взятый в качестве объекта историографической рефлексии. Это предполагает первоочередное внимание к сущности абсолютизма и абсолютной монархии как специфического общества и государства с присущей ему формой управления, социальными характеристиками, политическими институтами, практике

⁶ Сидорцов В. Н., Шutowа О. М. Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. М., 2008. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. С. 38–43.

управления и презентации власти, персоналиям правящей элиты и т. д. как проблемам, нашедшим отражение в российской историографии.

Работа посвящена развитию концепта абсолютизма в российской исторической науке. Это подразумевает анализ его как историографического феномена, получившего отражение в работах историков-профессионалов Российской империи, Советского Союза и современной Российской Федерации. Автор не рассматривает трактовки абсолютной монархии историками российского зарубежья, так как, ввиду качественно иных условий развития исторической науки, это является отдельной проблемой. В равной степени, не являются предметом специального анализа формирование идеи абсолютной монархии, правовая мысль Античности и Средневековья в названной области, развитие монархической идеологии в Европе и России, а также идеология и практика современного монархизма.

Изучение историографической рефлексии концепта абсолютизма не представляется возможным без отражения проблематики абсолютизма в учебной литературе для высшей школы. Во-первых, такая литература предполагает систематическое, концептуально оформленное изложение проблемы в рамках методически целесообразного предметного поля. Данные параметры необходимы для понимания того, в какой системе методологических, аксиологических и проблемных координат находился концепт абсолютизма на конкретном этапе. Во-вторых, учебная литература является важным элементом подготовки историков-профессионалов, без чего невозможно функционирование научного сообщества.

В данной работе, применительно к феномену европейского абсолютизма как объекту историографического исследования, предпочтительно употребление термина «концепт», а не «понятие». «Концепт», восходящий к латинскому «conceptus» – «содержание понятия», «восприятие», – маркирует не только само понятие как выражение сущностных черт объекта познания. «Концепт» означает также совокупность смыслов и идей, это теоретическое построение, сформированное на ментальном уровне и выраженное в дискурсе. Таким образом, европейский абсолютизм выступает как существующая на протяжении уже не одного столетия ментальная конструкция в исторической науке, претерпевшая значительные изменения. Выявить их причины, проявления, последствия, тенденции развития, имевшие место в российской историографии на протяжении последней трети XIX – начала XXI в., – такова цель, поставленная автором.

Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что в последней трети XIX в. российская историческая наука вошла в особенно продуктивный этап. Именно в это время сформировалась «русская исто-

рическая школа» всеобщей истории, добившаяся европейского признания в начале XX в., а в области изучения истории России достигла расцвета государственная школа. Верхняя хронологическая граница является открытой, что позволяет в перспективе заниматься дальнейшей разработкой проблемы. Длительная временная протяженность дает возможность масштабного и целостного видения историографических процессов, что было бы недостижимо при фрагментарном рассмотрении периодов.

Критерием авторской периодизации выступает изменение общественно-политического строя России, что в конечном счете определяло направленность и специфику исторической мысли. Соответственно, временную протяженность последней трети XIX – начала XXI в. можно представить следующим образом.

I период (последняя треть XIX в. – 1917 г.) характеризуется динамичным развитием российской историографии на основе позитивистской методологии. Трактовки западноевропейского абсолютизма основывались на европейской научной традиции, воспринятой и развитой «русской школой» всеобщей истории. Осмысление российского абсолютизма, для обозначения которого предпочитался термин «самодержавие», велось в различных идейно-методологических направлениях, среди которых ведущей была государственная школа. В обоих случаях приоритетным в понимании абсолютизма был правовой подход в сочетании с многофакторностью, присущей позитивизму. Западноевропейский абсолютизм оценивался при этом с либеральных позиций, а оценки российского могли варьироваться от монархических до социал-демократических. Российская историческая наука была открыта для диалога с западноевропейской, что обеспечивалось как условиями подготовки специалистов в области всеобщей истории, так и участием российских историков в международных конгрессах.

II период (1917–1930-е гг.) может быть разделен на переходные в концептуальном плане 1920-е гг. и 1930-е гг., когда произошло установление историографического канона в рамках единой формационной схемы марксизма. Правовой подход в изучении абсолютизма сменился социологическим, утвердилась концепция «равновесия», отличия в трактовках российского и западноевропейского абсолютизма были ликвидированы. Ввиду установившегося методологического монизма и идеологической конфронтации происходило свертывание научного обмена между советскими и зарубежными историками.

III период (1940-е – 1980-е гг.) – время безусловного доминирования марксистской методологии и социологической модели абсолютизма, выраженной в концепции «равновесия». Проблематика абсолютизма зани-

мала значительное место в советской исторической науке, развивавшейся в условиях идеологического контроля. Степень его варьировалась от предельно жестких рамок сталинской эпохи до фактического их исчезновения к концу 1980-х гг.

С середины 1960-х гг. социологическая модель абсолютизма вошла в кризисный этап, в значительной мере преодоленный результатами дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг. Диалог советских историков с их зарубежными коллегами возобновился в период «оттепели» и отражал реалии биполярной системы международных отношений. Будучи в конфронтации с европейскими буржуазными историками и критикуя их, советские ученые приязненно относились к историкам-марксистам.

IV период (1991 г. – начало XXI в.) – этап методологического кризиса и поисков, что было особенно характерно для первого постсоветского десятилетия. Российская историческая наука вошла в мировое пространство, с плюралистической методологией, исследовательским релятивизмом и понятийной ревизией, что непосредственно коснулось и трактовок абсолютизма, в осмыслении которого произошел ценностный разворот. На сегодняшний день существует необходимость создания теоретической модели абсолютизма с учетом многогранности его как исторического и социокультурного феномена.

Предложенная автором периодизация отнюдь не исключает обстоятельств, на которых нужно остановиться специально. Во-первых, социально-политические изменения в обществе, являясь определяющими, все же не вызывают мгновенных изменений в историческом знании – для этого должен пройти этап восприятия и трансляции в науке новых идей. Во-вторых, методологические изменения требуют времени для накопления материала и выхода соответствующих работ. Наконец, отвергаемая на конкретном этапе научная парадигма никогда не исчезает полностью – в новых условиях продолжают использоваться ее наиболее устойчивые и адаптированные к изменившейся ситуации компоненты.

Достижение поставленной в работе цели предполагает решение задач, структурирование которых может осуществляться как по хронологическому, так и по предметному критерию. В первом случае необходимо решить такие задачи:

- раскрыть мотивацию, методологические основы и специфику разработки проблем западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XX в.;
- показать характер методологической преемственности и дискретности в трансформации концепта абсолютизма в советской историографии 1920-х – 1930-х гг.;

– проанализировать интерпретацию проблемы абсолютизма в историографии 1940-х – 1960-х гг., показать влияние «оттепели» на направленность исследований советских историков;

– выявить системный характер кризиса социологической модели абсолютизма и значение дискуссии 1968–1972 гг. для разработки проблем абсолютизма в 1970-х – первой половине 1980-х гг.;

– охарактеризовать причины и последствия методологического поворота второй половины 1980-х гг. применительно к концепту абсолютизма;

– оценить современную методологическую ситуацию в развитии концепта абсолютизма и наметить исследовательские перспективы в данной области.

Наряду с хронологическим весьма продуктивен предметный подход на основе выделения важнейших аспектов концепта абсолютизма. В таком ракурсе исследовательские задачи выглядят следующим образом:

– выявить и сопоставить мотивацию и цели в изучении западноевропейского и российского абсолютизма;

– продемонстрировать методологические основы концептуальных построений в области абсолютизма в российской историографии;

– показать динамику методологических трансформаций концепта абсолютизма как западноевропейского, так и российского;

– охарактеризовать изменения ценностных установок в осмыслении концепта абсолютизма;

– оценить трансформацию проблемного поля концепта абсолютизма;

– раскрыть изменения характера международных контактов российских историков в области изучения абсолютизма и его институтов;

– предложить теоретическую модель концепта абсолютизма и указать перспективные направления работы в данной области.

Впервые в историографии анализ рефлексии проблемы европейского абсолютизма проводится в большом временном масштабе – с последней трети XIX до начала XXI в. Концепт европейского абсолютизма рассматривается поэтапно и динамично – с момента его вхождения в пространство российской исторической науки и до сегодняшнего дня. Это дает возможность прийти к новым выводам о преемственности и дискретности изменений в осмыслении абсолютизма, степени выраженности и взаимного влияния различных парадигм исторической науки, специфике методологических трансформаций на различных этапах, особенностях трактовок проблем абсолютизма западноевропейского и российского и т. д.

На основе изучения максимально широкого круга источников и существующих подходов автор предлагает собственную интегративную

модель абсолютизма как этапа развития европейской государственности. Дореволюционная и советская историография в понимании абсолютизма располагала двумя подходами – правовым и социологическим. При этом они не выступали равнозначно – в дореволюционной историографии доминирующим был первый из них, в советской – второй. На современном этапе, особенно в учебной литературе, очевидно взаимодействие обоих подходов. Однако представляется, что сведение многогранности феномена абсолютизма к двум названным составляющим совершенно не достаточно. Осмысление абсолютизма требует рассмотрения его в военном, социокультурном, ментальном, психологическом ракурсах. Концептуальная модель абсолютизма должна отражать не только правовые нормы и социальные процессы, но и человеческий фактор во всем его разнообразии – результаты антропологического поворота в историографии уже не первое десятилетие демонстрируют свою перспективность. При этом различные аспекты абсолютной монархии не представляется возможным выстроить в некую общую иерархическую линейную конструкцию. Напротив, их сочетание, результаты совокупного воздействия, степень выраженности зависят от комплекса условий, характеризующих конкретное общество, что диктует построение открытой динамической модели.

Глава 1. Европейский абсолютизм как концепт российской историографии

1.1. Генезис и появление концепта абсолютизма в российской исторической науке

Понятие «абсолютизм» неоднократно трансформировалось. Первоначально речь шла о «*potentia Dei absoluta*» – в христианской церкви под этим понималось всемогущество Бога. В свою очередь, идея о божественном всемогуществе была актуализирована активным деятелем Ключинского движения монахом Петром Дамиани (1007–1072).

Как отмечает известный российский медиевист С. Е. Федоров, именно в середине XI в. «интенсифицировался спор о границах божественных возможностей, и именно тогда в богословские споры прочно вошла теологическая параллель *potentia Dei absoluta* / *potentia Dei ordinata* дальнейшие спекуляции вокруг которой повлекли за собой множественные интерполяции самой предметной парадигмы в споры о границах и возможностях сначала папской, затем имперской, и, наконец, верховной светской власти вообще»⁷.

С течением времени европейская богословская традиция к XIV–XV вв. выдвинула операционалистскую концепцию *potestas absoluta*, что предполагало вмешательство в установленный порядок и его изменение. При этом, как указывает С. Е. Федоров, философ-номиналист У. Оккам (1285–1347) и его последователи допускали прямую аналогию с обеими формами божественного могущества в деятельности церковных и светских авторитетов⁸. При этом как Бог, так и папа действовали, во-первых, в условиях «общего права», с соответствии с «общим законом природы», и, во-вторых, в соответствии с принадлежащей каждому из них полнотой власти⁹.

По мере секуляризации правовой мысли и формирования понятия о светском государстве и публичной власти происходит перенесение представлений канонического права на гражданское. Как отмечает С. Е. Федоров, уже в начале XIV в. существовали юристы, адаптировавшие богословские

⁷ Федоров С. Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы) // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени* / под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2016. Вып. 2 (14). С. 33.

⁸ Там же. С. 34.

⁹ Там же. С. 35.

идеи «для нужд сугубо правовой интерпретации»¹⁰. В XVII в. «английская цивилистская традиция трактует абсолютную власть монарха как совокупность потенциально неограниченных возможностей»¹¹. Вместе с тем, по существовавшему тогда представлению, монарх действует в условиях уже существующего порядка, установленного самой природой, и по этой причине его власть оказывается и абсолютной, и ограниченной уже существующими предписаниями¹².

В формировании абсолютизма как политического концепта важнейшую роль следует отнести, с одной стороны, разработавшему практическое руководство для абсолютной власти Н. Макиавелли (1469–1527) и его «Государю», с другой – теоретику монархического суверенитета Ж. Бодену (1530–1596).

«Государь» Н. Макиавелли¹³ уже много столетий является одним из популярнейших политических трактатов, замечательных краткостью, четкостью и практической направленностью рекомендаций. Теоретическая часть в «Государе» минимальна – Макиавелли указывает, что все государства «были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно»¹⁴. Макиавелли также проводит разницу между тем, что называлось деспотией, и законной монархией. В Турции, отмечает он, все повинуются одному властелину, и все его слуги. Король Франции, наоборот, окружен многочисленной родовой знатью, признанной своими подданными и наделенной привилегиями, которые король не может безнаказанно нарушать¹⁵. Работа Макиавелли является руководством по завоеванию, удержанию и осуществлению власти в различных политических и социальных условиях, причем рассматриваемые случаи иллюстрируются историческими примерами.

По определению Ж. Бодена, государство есть управление суверенной властью. Как народ, так и правители «могут без каких-либо условий отдать суверенную и вечную власть какому-нибудь лицу, чтобы он по своему усмотрению распоряжался имуществом [государства], лицами и всем государством, и затем передал все это кому хочет совершенно так же, как собственник может отдать свое имущество единственно лишь по причине своей щедрости, что представляет собой подлинный

¹⁰ Федоров С. Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы). С. 35.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же.

¹³ Макиавелли Н. Государь // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М., 2004. С. 58–135.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Там же. С. 68.

дар, который не обставлен никакими условиями, будучи однажды совершен и завершен»¹⁶. Что же касается законов божеских и естественных, то, как указывает Боден, им подчинены все государи. Однако, подчеркивает Боден, необходимо, чтобы суверенные правители «не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным»¹⁷.

На протяжении XVII–XVIII вв. в теорию абсолютизма вносили вклад Ж.-Б. Боссюэ, Т. Гоббс, Г. Гроций, Ф. Прокопович, Ш. де Монтескье и другие философы и правоведы. Идеологами и практиками абсолютизма были Яков I, Ришелье, Людовик XIV, Петр I, Фридрих II, Екатерина II. Сама абсолютистская доктрина эволюционировала от требования беспрекословного подчинения подданных на основе божественной воли до идеи общего блага на основе просвещенного правления.

Ж.-Б. Боссюэ (1627–1704) в обосновании абсолютизма соединил идеи общественного договора и божьего промысла. Между Богом и людьми, считал Боссюэ, заключен договор, на основе которого строится человеческое общество. Соответственно, люди обязаны исполнять божественные законы и законы, проистекающие от верховной власти¹⁸.

На необходимость выполнения общественного договора и подчинения государству указывал и Т. Гоббс (1588–1679). Природа дала каждому право на все, объясняет Гоббс, однако для людей от этого мало пользы. Например, человек, сказав о всякой вещи: это мое, не смог бы ею воспользоваться, так как этим же правом обладал бы и любой другой¹⁹. И если «к природной склонности людей причинять друг другу вред» добавить право всех на все, начнется «постоянная война», которая, благодаря равенству сил, не может окончиться победой²⁰.

Для сохранения мира требуется не только согласие, но и единство. При этом право всех переносится на одного. Следовательно, делает вывод Гоббс, «государство (по нашему определению) есть одно лицо, воля которого в силу соглашения многих людей признается волей их всех»²¹. «Наибольшую власть, какой люди могут наделить человека, мы называем абсолютной властью»²², – указывает Гоббс.

¹⁶ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970. С. 145–146.

¹⁷ Боден Ж. Шесть книг о государстве. С. 146.

¹⁸ Кулешова Е. В. Жак-Бенинь Боссюэ и его время: из истории общественно-политической мысли Франции второй половины XVII века: автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 17.

¹⁹ Гоббс Т. Основы философии: часть третья: о гражданине // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 305–306.

²⁰ Там же. С. 307.

²¹ Там же. С. 345.

²² Гоббс Т. Основы философии: часть третья: о гражданине. С. 349.

Абсолютная монархия, по Гоббсу, является оптимальной формой управления. Во-первых, даже в ее пределах дела ведутся сообща, монархи имеют советников. Во-вторых, королю незачем злоупотреблять своей властью и притеснять подданных. «В абсолютной власти, – пишет Гоббс, – нет ничего тягостного, если не считать того, что человеческие установления не могут существовать без некоторых неудобств. И эти неудобства зависят от граждан, а не от власти. Ибо, если бы каждый отдельный человек мог сам управлять собой... не было бы никакой необходимости ни в существовании государства, ни в принудительном осуществлении общей власти»²³. Абсолютная власть, замечает Гоббс, существует во всех видах государств. Однако верховные властители делают не все, что они хотят или признают полезным. Но причиной этого является не слабость, а стремление считаться с гражданами – то, что правители иногда не совершают определенных поступков, ничуть не умаляет их прав²⁴.

Апологией же абсолютной власти является «Левиафан» – книга Т. Гоббса, опубликованная в 1651 г. для оправдания диктатуры Кромвеля. Название книги, метафора эпохи барокко, выражало авторскую идею: «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского»²⁵. Левиафан – это библейское морское чудовище, ужасающее, мощное и несокрушимое. Гоббс уподобляет государство этому существу, что раскрывается в ряде тезисов.

– Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты²⁶.

– Из этого установления государства производятся все права и способности того или тех, на кого перенесена верховная власть.

– Подданные не могут изменить форму правления.

– Верховная власть не может быть потеряна.

– Никто не может, не нарушая справедливости, протестовать против установления суверена, провозглашенного большинством.

– Подданные не могут осуждать действия суверена.

– Любой суверен ненаказуем подданным.

²³ Гоббс Т. Основы философии: часть третья: о гражданине. С. 350.

²⁴ Там же.

²⁵ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 5.

²⁶ Он же. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 197.

– Суверен – судья в вопросах о том, что необходимо для мира и защиты своих подданных²⁷.

– Власть и честь подданных исчезают в присутствии верховной власти.

– Верховная власть не столь пагубна, как отсутствие ее, и вред возникает тогда, когда большинство с трудом подчиняется меньшинству²⁸.

Эпоха Просвещения смягчила и рационализировала идею абсолютизма, поставив во главу угла создание и исполнение законов монархами. Например, Ш. Монтескье (1689–1755) в трактате «О духе законов» указывает на существование трех «образов правления». Это республика, монархия и деспотия. Республика – это правление, при котором верховная власть находится в руках народа или его части. При монархии «управляет человек, но посредством неизменных законов». В деспотии управление «все вне всяких законов» и по произволу одного лица²⁹.

В концепции Монтескье три формы правления детерминированы географически, социально и культурно. Так, моральной основой республики является добродетель, монархии – честь, а деспотии – страх³⁰. Почему добродетель не является принципом монархии? Монтескье указывает, что такие республиканские добродетели, как патриотизм, стремление к славе, самоотверженность, при монархии заменяет закон³¹.

Однако Монтескье отнюдь не обольщается данным обстоятельством. «Прочитайте, что писали историки всех времен и народов о дворах государей, – предлагает он. – Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, месть, измена, вероломство, забвение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх перед добродетелью государя в надежде на его пороки, и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью – вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмечавшиеся всюду и во все времена... Если же в народе и найдется какой-нибудь злополучный честный человек, то кардинал Ришелье в своем политическом завещании намекает, что государству следует остерегаться пользоваться его услугами»³².

²⁷ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства и гражданского. С. 197–202.

²⁸ Там же. С. 207–208.

²⁹ Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С.169.

³⁰ Там же. С. 182, 183, 185.

³¹ Там же. С. 182.

³² Там же. С. 182–183.

Взамен добродетели при монархии существует честь, которая «может... вдохновлять людей на самые прекрасные деяния»³³. Сама природа монархии, указывает Монтескье, требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя, и благодаря этому государство обретает устойчивость³⁴. Понятие чести предполагает существование чинов, преимуществ и дворянства. Именно дворянство – тот посредствующий канал, по которому власть движется от монарха к обществу. Говоря современным языком, дворянство – это социальная опора монархии. Дворянство – «самая естественная из всех посредствующих и подчиненных властей», и его место выражается следующим правилом: «Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, – указывает Монтескье, – монарх становится деспотом»³⁵.

В Россию концепт абсолютизма проникает в эпоху петровских преобразований, реализуясь затем в сочинениях и практической деятельности Ф. Прокоповича, Петра I и Екатерины II. В терминологическом плане наречие «абсолютно» применительно к власти также появляется в Петровскую эпоху в «Гистории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях» князя Б. И. Куракина. Так, Куракин пишет: «Князь Борис Алексеевич Голицын сидел в Казанском дворце и правил весь Низ так абсолютно, как бы был государем»³⁶. И далее об усилении власти Петра и его неприязни к родовитым фамилиям: «К тому же и сам его величество склонным явился, дабы уничтоживанием оных отнять у них повоир (pouvoir – власть, калька с фр. – Л. Л.) весь и учинить бы себя наибольшим сувереном»³⁷.

Таким образом, на протяжении раннего Нового времени концепт абсолютизма находился в пределах политической идеологии и практики, правоведения и юриспруденции, не выходя в предметное поле собственно исторической науки. Тем не менее, уже в то время были сформулированы фундаментальные основы понимания абсолютной монархии. Во-первых, это единовластие. Во-вторых, хотя монарху позволено очень многое, его власть не является неограниченной. Существуют законы Бога и природы, которые властителю непозволительно нарушать. В самом государстве правитель должен опираться на законы – в противном случае речь идет о деспотии. Наконец, монархия – это общество сословное, в котором ведущая роль принадлежит дворянству.

³³ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 183.

³⁴ Там же. С. 209.

³⁵ Там же. С. 184, 176.

³⁶ Архив князя Ф. А. Куракина: [в 10 кн.] / под ред. М. М. Семевского. СПб. Кн. 1: Бумаги князя Б. И. Куракина, 1676–1717 г. С. 63.

³⁷ Там же. С. 63.

Изложенные предварительные замечания, достаточно краткие и имеющие вводную цель, уже давно представляют масштабный историографический сюжет, рассмотрение которого не входит в задачу данной работы. В качестве последней выступает анализ развития концепта абсолютизма в исторической науке. Таким образом, возникает вопрос: когда и как понятие «абсолютизм» заняло место в трудах профессиональных историков?

Немецкий историк К. Шарф в статье, посвященной трансферу западно-европейских политических идей в России, указывал, что в первой половине XIX в. уже оперировали понятием «абсолютизм». В справочнике «Лексикон государства» Ф. Мурхард (1778–1853) из Гессена, ученик Августа Людвига фон Шлецера, в статье «Absolutismus», опубликованной в 1845 г., различал абсолютную монархию и деспотию как разные формы государственного устройства. Деспотию Мурхард определял как «полный произвол одного правителя», а «абсолютную монархию» как систему, где правитель обязан придерживаться законов³⁸.

Нужно отметить, что формулировка Мурхарда была традиционна – уже с XVI в. европейские правоведы различали «деспотию» и «законную монархию». К. Шарф, однако, отметил одно обстоятельство. Мурхард, указав он, еще в 1831 г. дистанцировался от английских и французских авторов XVIII в., которые часто употребляли понятия «абсолютная монархия» и «деспотическая монархия» как синонимы. С другой стороны, сам Мурхард видел расплывчатость границ между этими государственными формами: даже если абсолютная монархия и не является деспотией, то переход от одной к другой «короткий и быстрый». Поэтому, делает вывод Шарф, «Мурхарда следует отнести к одному из творцов научного понятия “абсолютизм”»³⁹.

То, что абсолютизм стал одной из центральных проблем европейской историографии, было естественно. Либеральные историки эпохи Реставрации, демонстрируя генезис буржуазного общества, акцентировали внимание на том, как третье сословие развивалось в политическом партнерстве с монархией. Таким образом, королевская власть с точки зрения буржуазной историографии стала, наряду с народом, ведущей силой европейской истории.

В создании соответствующего историографического нарратива центральная роль принадлежит О. Тьерри (1795–1856) и его «Истории происхождения и успехов третьего сословия», вышедшей в 1853 г.⁴⁰ Под третьим

³⁸ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблемам адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9–45.

³⁹ Там же. С. 43–44.

⁴⁰ Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия / пер. с фр.; под ред. и вступ. ст. Р. Ю. Виппера. М., 1988. 306 с.

сословием Тьерри понимает не буржуазию, а весь народ (за исключением духовенства и дворянства)⁴¹, который, в союзе с королевской властью, был создателем современной Франции.

Историографическая канва Тьерри стала краеугольной для последующего развития концепта абсолютизма, в силу чего целесообразно кратко указать на ее основные положения:

- французское государство создано в результате завоевания германскими племенами позднеримского населения. В результате завоеватели стали господствующим привилегированным сословием, а все остальное население – завоеванным народом, стремившимся обрести гражданские права. В этой борьбе естественным союзником народа стала королевская власть, заинтересованная в покорении землевладельческой аристократии⁴²;

- усиление королевской власти, распыленной в условиях феодального партикуляризма, началось с коммунальной революции в городах в XII в., что позволило монарху аккумулировать средства и обрести союзников в лице горожан. Указанные процессы сопровождались деятельностью легистов, обосновывавших усиление монархической власти на основе римского права. Эти события, происходящие в эпоху Людовика IX и Филиппа Красивого, связывались Тьерри с началом «административной эры» французской монархии, причем Тьерри применяет словосочетания «самодержавный король» и «королевское самодержавие»⁴³;

- по мере укрепления союза монархии с третьим сословием, к середине XVI в. представители третьего сословия, называемые «людьми длинного платья», занимали «почти все должности гражданской администрации, вплоть до самых высоких из них»⁴⁴;

- характеризуя взаимодействие монархии и общества в XVI в., Тьерри приводит такую **«формулу равновесия»** в понимании абсолютизма: *«движение нации к единству было ускорено более значительной концентрацией власти, а движение к гражданскому равенству принижением в придворной жизни знатных дворянских родов и одновременного поднятия различных классов третьего сословия»* (курсив мой. – Л. Л.)⁴⁵;

- отношения третьего сословия и дворянства, союзнические в эпоху религиозных войн XVI в., стали затем осложняться. По мере падения роли Гене-

⁴¹ Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия. С. 35.

⁴² Там же. С. 42, 65.

⁴³ Там же. С. 66–70.

⁴⁴ Там же. С. 129.

⁴⁵ Там же. С. 179.

ральных штатов, в условиях абсолютной монархии, единственными выразителями интересов третьего сословия стали парламенты. Однако Тьерри не питал иллюзии по отношению к ним. Реального противодействия королевской власти они не могли оказать, действуя в союзе с использовавшими их придворными партиями, аристократией и т. д.⁴⁶;

- правление Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV определяется как «административное верховенство» и «концентрация власти»⁴⁷, радикальные жесткие меры по укреплению монархии⁴⁸ и, наконец, «принцип неограниченной монархии»⁴⁹;

- смерть Кольбера и отмена Нантского эдикта были событиями, «отделяющими годы величия от эпохи падения» монархии Людовика XIV. После этого речь шла уже о том, чтобы «более широкая идея государства включала в себя все законные права гражданина и обеспечила их». Это явилось содержанием XVIII столетия, когда либеральная мысль и сила общественного мнения «все обновили в 1789 г.»⁵⁰.

Ф. Гизо (1787–1874) признавал огромную роль монархии как универсальной политической формы. В «Истории цивилизации в Европе» (1828)⁵¹ Гизо указывал, что монархия «является самым прочным учреждением, которое весьма трудно избежать там, где его еще нет, и уничтожить там, где оно уже существует»⁵². Королевская власть создала Европу новейшего (то есть начавшегося с XVII в.) времени. Главным его содержанием стала радикальная общественная перестройка. «Первенствующими деятелями» истории были не дворяне, духовенство, короли, горожане, поселенцы, рабы, а «две великие силы, которые одни руководят историей» – правительство и народ⁵³. Нужно заметить, что у Гизо правительство и народ вписаны в систему абсолютной монархии, переживающей расцвет именно в XVII в.

На протяжении XV в., указывает Гизо, происходит централизация. Исчезают традиционные права и вольности, как не отвечающие задачам безопасности и прогресса. В это же время активизируются международные отношения, и дипломатия при самом рождении своем попадает в руки королей⁵⁴. Важнейшим событием XVI в. была Реформация. Гизо характеризовал ее как религи-

⁴⁶ Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия. С. 209–212.

⁴⁷ Там же. С. 179.

⁴⁸ Там же. С. 218–226.

⁴⁹ Там же. С. 239.

⁵⁰ Там же. С. 261, 269, 271.

⁵¹ Историография истории нового времени стран Европы и Америки / А. В. Адо [и др.]; под ред. И. П. Дементьева. М., 1990. С. 122.

⁵² Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск, 2005. С. 221.

⁵³ Там же. С. 201.

⁵⁴ Там же. С. 275.

озную революцию, направленную против «абсолютной власти в духовном мире»⁵⁵. Таким образом, в Европе XVI в. в одно и то же время торжествовали и Реформация – «великое восстание человеческого разума», – и абсолютная монархия. Рано или поздно между столь противоположными явлениями должна была разгореться борьба⁵⁶. Это и произошло во время Английской революции⁵⁷. В это же время на материке Европы абсолютная монархия Людовика XIV стремилась превратиться во всемирную⁵⁸. После победы Английской революции ведущими силами стали «свободное исследование» (так Гизо называл Просвещение) и абсолютная монархия.

В целом отношение Гизо к абсолютной монархии было положительным – именно эта сила создала, по его мнению, современную Европу, в которой Франция стала лидером. Правление Людовика XIV Гизо оценивает как спасительное для страны, когда была обеспечена независимость, восстановлена «народная честь», преобразована администрация, обновлено законодательство⁵⁹.

Однако почему такое блестящее правительство дошло до упадка? Ответ на этот вопрос впоследствии станет стержневым для ценностного осмысления абсолютизма. Причина произошедшего – в самой сути абсолютной власти, ее самодовлеющем характере, приведшем ее к одряхлению и упадку. В стране отсутствовали политические силы и учреждения, которые могли бы быть противовесом монархии. Как писал Гизо, уже не было «древних французских общественных учреждений». Людовик XIV разрушил их и не создал новых – они стесняли бы его власть. Правление Людовика – это, по мнению Гизо, факт великий, но лишенный «основания и корня». Между тем существование свободных учреждений было необходимо для прочности правительства, предотвращения его незаконных действий, реагирования на вызовы времени. Монархия слабела и старела, исчезли «энергичные характеры» и «политические нравы»⁶⁰.

Таким образом, Гизо, как и Тьерри, указывает на бессилие абсолютизма, ставшего самодовлеющим и не допускающим общественной инициативы. В образовавшийся политический и интеллектуальный вакуум хлынули идеи Просвещения – «свободного исследования». В XVIII в. оно приобрело универсальный характер, его деятели были убеждены в возможности преобразовать все в существующем мире⁶¹. Вот та сила, указывал Гизо, кото-

⁵⁵ Гизо Ф. Указ. соч. С. 295.

⁵⁶ Там же. С. 297, 307.

⁵⁷ Там же. С. 314–315.

⁵⁸ Там же. С. 329.

⁵⁹ Там же. С. 340.

⁶⁰ Там же. С. 351–352.

⁶¹ Там же. С. 353–354.

рая встала лицом к лицу с остатками правительственной системы Людовика XIV, и столкновения между ними невозможно было избежать⁶².

В восприятии российскими новистами абсолютизма и предпосылок революции 1789 г. важную роль сыграла книга французского историка, искусствоведа, публициста И. Тэна (1828–1893) «Происхождение современной Франции»⁶³, первый том которой вышел в 1876 г. В данной работе присутствуют многие составляющие концепта абсолютизма, названного Старым порядком. Тэн указывает на его историческую обусловленность, которая заключалась в формировании привилегированных сословий – духовенства и дворянства, а также королевской власти, как необходимых компонентов общества. Церковь была гарантом социальной устойчивости, военное сословие защищало, а королевская власть создавала государство⁶⁴. Абсолютная монархия формировалась как гарант единого государства, причем «ради блага страны» король «низвел к нулю древние авторитеты». Дворяне стали офицерами и придворными, служители церкви назначались, а Генеральные штаты «не созывались в продолжение ста семидесяти пяти лет»⁶⁵. Старый порядок, по Тэну, это власть патримониальная. «Порка, – замечает Тэн, – является обыкновением наказанием, не считая других, более тяжких. Но никогда наказанному не приходила в голову мысль заявить протест или подать в суд, так как владетель, наказывающий их, как отец, в то же время защищает их, как отец, помогает им в несчастии и заботится во время их болезни»⁶⁶.

Тэн указывает на два важнейших обстоятельства в развитии абсолютизма. Первое из них – сохранение и укрепление социальных привилегий духовенства и дворянства по мере лишения последних политического влияния, а также постепенное приобретение привилегиями гипертрофированного характера⁶⁷. Второе – регрессивное перерождение абсолютизма по мере усиления монархии на местах, когда дворянство, бессильное бороться с королевскими интендантами, становится бесполезным и праздным. При этом оно усиливает сеньориальный гнет на крестьян, так как дворянские потребности возрастают⁶⁸. Средства постоянно нужны – дворян обязывает к тратам придворная жизнь в столице. Это ведет к разрыву между Парижем и провинциями, которые оскудевают и деградиру-

⁶² Гизо Ф. Указ. соч. С. 355.

⁶³ Тэн И. Происхождение современной Франции: в 3 т. / пер. с фр.; под ред. Я. В. Швырова. Т. 1: Старый порядок. СПб., 1907. 195 с.

⁶⁴ Там же. С. 9–16.

⁶⁵ Там же. С. 17.

⁶⁶ Там же. С. 27.

⁶⁷ Там же. С. 18–27.

⁶⁸ Там же. С. 33–36.

ют. На местах доведенные до абсурда привилегии, произвол, умственный застой усугубляются осознанием широкими массами социальной несправедливости⁶⁹.

Чрезмерная бюрократизация делает государственную машину настолько громоздкой, что король, при расточительном дворе которого три четверти дворян служат «для парада», бессильный что-либо изменить, «опускает усталые руки»⁷⁰. Социальная напряженность, разрушение традиционных для Старого порядка этических норм, бессилие власти, воздействие радикальных идей предрешают судьбу монархии. «С одной стороны, радикальное учение служит грубой силой. С другой стороны, грубая сила в распоряжении радикального учения. И лишь эти две власти остаются на обломках разрушенной Франции, – отмечает Тэн. – Две эти власти суть преемники и убийцы старого порядка, и если проследить, как последний их зародил, высидел, выкормил, поставил на ноги и возбудил, нельзя не заметить, что его история – история продолжительного, медленного самоубийства, и его можно уподобить человеку, который, взобравшись на самый верх громадной лестницы, подпилит ее у себя под ногами»⁷¹.

Нужно отметить, что теоретическое осмысление абсолютизма французскими либеральными историками дополнялось огромным фактологическим материалом, изложенным одним из крупнейших германских историков Ф. Шлоссером (1776–1861) в пятом и шестом томах его восьмитомной «Всемирной истории»⁷².

Трактовки абсолютизма К. Марксом (1818–1883) и Ф. Энгельсом (1820–1895), с одной стороны, были частью современной им европейской исторической мысли, с другой – каноном для советских историков, и по этим причинам внимание к ним необходимо. Кроме того, нужно учитывать два обстоятельства, понимаемых, но не высказываемых официально советскими историками. Во-первых, селективность в подборе фрагментов из работ Маркса и Энгельса – соответствующие цитаты должны были подтверждать официальную трактовку. Во-вторых, вариативность толкования даже общепризнанных выдержек из марксистского наследия, что не раз давало возможность идеологического и методологического маневра.

Практически все указанные факторы проанализированы в статье доктора юридических наук О. А. Омельченко «Историко-политическая кон-

⁶⁹ Тэн И. Указ. соч. С. 39–52.

⁷⁰ Там же. С. 61–70.

⁷¹ Там же. С. 291.

⁷² Шлоссер Ф. Всемирная история: в 8 т. Второе, общедост., испр. и умнож. издание. СПб.; М., 1868–1877. Т. V. – 1871. 738 с.; Т. VI. – 1872. 673 с.

цепция абсолютной монархии в классическом марксизме: К критике традиционных проблем исторического государствоведения»⁷³. Говоря о том, что в советской историографии сложилась своя, внутренняя традиция понимания абсолютизма классиками марксизма, О. А. Омельченко указывает на произвольное и зачастую упрощенное толкование выдержек из работ К. Маркса и Ф. Энгельса, которые применялись советскими историками прагматично, как инструмент аргументации⁷⁴.

В связи с этим О. А. Омельченко предлагает рассмотреть трактовку абсолютизма Марксом и Энгельсом, исходя из ее внутренней, изначальной природы. Омельченко отмечает, что к 1830-м гг. термин «абсолютизм», не имеющий четкого содержания, воспринимался скорее как неологизм. Импульсом для исследования проблемы абсолютной монархии стало для Маркса закрытие в 1843 г. «Рейнской газеты», редактором которой он был. Основанием действий германских властей стало то, что публикации газеты нападают на принципы монархии и основы государственного строя. Соответственно, целью Маркса было выяснить, в чем эти принципы и основы состоят.

Исходным пунктом в исследованиях Маркса была философия Гегеля, в русле которой монархия есть *высшее* воплощение принципа государства. Для Маркса же монархия была *лишь одной из реализаций* принципа государства. В «Крейцнахских тетрадах», содержащих выводы занятий Марксом всемирной историей и созданных в 1843 г., «едва ли не впервые Маркс употребил... и самый термин “абсолютная монархия”»⁷⁵.

Таким образом, в понимании Маркса, абсолютная монархия – продукт определенных исторических условий. Что их определяло и развивало?

В публикации К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843 г.)⁷⁶ Маркс противопоставляет гегелевской концепции государства, и, в частности, монархии как имманентно высшей и разумной идее, свою трактовку. По Марксу, государство определяется в первую очередь развитием гражданского общества, то есть Маркс как республиканец противопоставит Гегелю как монархисту. Комментируя мнение Гегеля о народном

⁷³ Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме: к критике традиционных проблем исторического государствоведения [Электронный ресурс] // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 1. М., 2000. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/document.asp?d-ocID=1135820/>. Дата доступа: 01. 04. 2019.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии...

⁷⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Сочинения: в 50 т. / Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1954. С. 219–368.

суверенитете как о «путаных мыслях» и «диком представлении о народе», Маркс с насмешкой замечает, что «путаные мысли» и «дикое представление» есть только у Гегеля⁷⁷. «В монархии, – подытоживает Маркс, – мы имеем народ государственного строя, в демократии – государственный строй народа»⁷⁸.

Политическое государство, или государственный строй, рассуждает далее Маркс, развивалось как нечто потустороннее, идеальное по отношению к государству материальному. Постепенно оно отчуждалось от общества, и монархия есть законченное выражение этого отчуждения⁷⁹. С другой стороны, по мере этого процесса развивалось неполитическое государство – гражданское общество, и в новое время произошло абстрагирование государства и отделение его от частной жизни⁸⁰.

Процесс превращения политических сословий в гражданские происходит в абсолютной монархии, когда бюрократия стремится провести в жизнь идею единства государства. Однако при этом социальные различия сословий продолжают оставаться политическими различиями⁸¹, то есть Маркс подчеркивает сословность общества при абсолютизме, несмотря на желание «регулярного государства» нивелировать жизнь подданных. Только французская революция, указывает Маркс, завершила процесс превращения политических сословий в социальные, то есть сделала сословные различия гражданского общества лишены политического значения. В современном ему обществе, отмечает далее Маркс, главными критериями отнесения к разным сословиям стали деньги и образование⁸². Таким образом, абсолютная монархия выступает у Маркса в нескольких ракурсах. Это и исторически обусловленная форма государства, и показатель степени отчуждения государства от гражданского общества, и некая альтернатива преодоления этого отчуждения.

К 1847 г. К. Маркс, как указывает О. А. Омельченко, сформулировал свои исторические и экономические воззрения. Их выражением стало и понимание абсолютизма, изложенное в «Морализирующей критике и критицизирующей морали». Это произведение носило полемический характер и рассматривало процесс смены политических форм под влиянием социально-экономического развития. С одной стороны, К. Маркс опровергал

⁷⁷ Маркс К. Указ. соч. С. 250.

⁷⁸ Там же. С. 251–252.

⁷⁹ Там же. С. 254.

⁸⁰ Там же. С. 255.

⁸¹ Там же. С. 310.

⁸² Там же. С. 310.

«договорную» теорию монархии. С другой – в трактовке Маркса, по верному замечанию О. А. Омельченко, сплелись опыт анализа современных Марксу историографии и политико-философских концепций⁸³.

В данной работе автором уже были приведены трактовки абсолютной монархии Ф. Гизо и О. Тьерри, вследствие чего нетрудно заметить ряд концептуальных параллелей. Нужно обратить внимание и на первые слова канонической для советской историографии характеристики абсолютизма, данной К. Марксом. «Современная историография показала, – отмечал он, – что *абсолютная монархия* возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой. Таким образом, элементы, на которых покоится абсолютная монархия, ни в коем случае не являются ее продуктом; наоборот, они образуют, скорее, ее социальную предпосылку, историческое происхождение которой слишком хорошо известно, чтобы вновь здесь о нем напоминать. Тот факт, что в Германии абсолютная монархия возникла позднее и держится дольше, объясняется лишь уродливым развитием класса немецкой буржуазии»⁸⁴. Слова «современная историография показала» традиционно опускались в советских работах с целью отмежевать марксистское видение истории, как единственно верное, от изначально классово ангажированной буржуазной исторической науки. Между тем Маркс указывает как раз на «современную» ему, то есть буржуазную, историографию.

В материалах «Капитала» Маркс указывал на обусловленность абсолютной монархии буржуазным развитием и интенсивный рост товарно-денежных отношений в рамках абсолютизма и централизации. «Абсолютная монархия, – подчеркивал Маркс, – которая уже сама есть продукт развития буржуазного богатства, поднявшегося на несовместимую с прежними феодальными отношениями ступень, нуждается соответственно с той единообразной всеобщей властью, которую она должна быть в состоянии осуществлять во всех точках периферии, в материальном рычаге этой власти – во всеобщем эквиваленте, в богатстве в его постоянно готовой к бою форме... Поэтому абсолютная монархия активно содействует превращению денег во всеобщее средство платежа... Превращение всех налогов в денежные налоги – для абсолютной монархии вопрос жизни»⁸⁵.

⁸³ Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии...

⁸⁴ Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 306.

⁸⁵ Маркс К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 46, ч. 2. М., 1968. С. 410.

Нужно отметить, что приведенные выше и подобные им тезисы указывали на «буржуазность» природы абсолютизма – вплоть до норм права, и эти высказывания не раз находили поддержку в историографии XX в. Тем не менее, советские историки категорически отвергали данную интерпретацию.

Как отмечает О. А. Омельченко, на момент создания марксистской трактовки абсолютизма последний рассматривался как государственность исторически переходного времени. Данное понимание было значительно масштабнее, нежели рассуждения о классово-природе абсолютизма в рамках формационной теории, где абсолютизм надлежало отождествлять с общественно-экономической формацией, предшествующей капитализму⁸⁶.

Отнесение абсолютизма к переходной эпохе не могло не вызывать целого ряда споров в историографии XX в. Так, если речь шла о переходе от феодализма к капитализму, возникала дискуссия о том, что понималось под «феодализмом» и «буржуазией» советскими и западными историками. Более того, в среде советских историков не заканчивались споры о том, что и насколько считать «феодальным» и «буржуазным» в генезисе абсолютизма, так как для описания обоих качеств отсутствовали четкие количественные и качественные параметры.

Указание на дворянство как социальную опору абсолютизма, очевидно, не было собственным «открытием» Маркса и Энгельса. В концептуальном плане это подтверждают, например, работы французских либеральных историков. Однако очевидно, что имманентное восприятие короля как первого дворянина в европейской политической культуре сыграло значительную роль в научных выводах. Абсолютный монарх, таким образом, опирался на органически и генетически связанное с ним дворянство и учитывал интересы буржуазии, используя ее ресурсы. «Подобно тому, как феодальные элементы общества видят в короле божьей милостью своего *политического главу*, так и король божьей милостью видит в феодальных сословиях свою *социальную основу*, пресловутый “оплот короны”, – указывал Маркс. – Поэтому каждый раз, когда интересы феодалов и подвластных им армии и бюрократии сталкиваются с интересами буржуазии, королевская власть божьей милостью вынуждена идти на государственный переворот, и тогда готовится революционный или контрреволюционный кризис⁸⁷.

Марксистская концепция абсолютизма создавалась в эпоху, когда буржуазные революции в Европе, несмотря на конституционные достижения, не ликвидировали института монархии, а в России сохранялась абсолютная

⁸⁶ Омельченко О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии...

⁸⁷ Маркс К. Монтескье LVI // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 6. М., 1957. С. 203.

монархия. Абсолютизм, таким образом, в рамках формационной теории, представлялся государственной формой, не только характеризующейся определенной двойственностью, но и приспособляющейся к различным социально-экономическим условиям.

В популярной в советской историографии работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс развернуто это характеризовал с позиций классовой трактовки государства. «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса, – указывал Энгельс. – Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство – органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата»⁸⁸.

Абсолютизм, по Энгельсу, это порождение эпохи, когда «в деревне благородные господа хозяйничали еще всюду», но «кругом уже поднялись города»⁸⁹. Экономический рост и торговля сплывали территории, между тем как феодальный партикуляризм был этому помехой – «в XV в. городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство»⁹⁰. В этих условиях усиливающаяся королевская власть сыграла прогрессивную роль. Она была «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации и противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяго-

⁸⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 171–172.

⁸⁹ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Там же. С. 406.

⁹⁰ Энгельс Ф. Указ. соч. С. 406.

тели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним, – указывает Энгельс и разъясняет далее: – Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало в X века; нередко он нарушался в результате конфликтов и вновь возобновлялся... становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»⁹¹.

Говоря о предпосылках абсолютизма, Энгельс указывает на еще одно обстоятельство, которое, однако, оставалось в тени советскими историками. Это – роль римского права и сословия юристов, в которых «как короли, так и бюргеры нашли могущественную поддержку»⁹². Эти юристы, подчеркивает Энгельс, не только сами принадлежали к бюргерскому сословию. Само римское право «является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений»⁹³. Эти слова Энгельса могли дать основание для утверждений о буржуазном характере социальных изменений при абсолютизме (что, кстати, не раз происходило). Однако советские историки считали абсолютизм дворянским государством, лишь использующим средства буржуазии, и по этой причине рассуждения о буржуазной направленности абсолютистской политики неизменно пресекались.

Почему французский абсолютизм считался классическим? Учитывая интерпретации Тьерри и Гизо, можно сделать вывод в первую очередь о цивилизационном своеобразии Франции. В марксистском понимании оно обрело ярко выраженную классовую трактовку. Ф. Энгельс в «Предисловии к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал следующее: «Франция есть страна, где историческая борьба классов больше, чем в других странах доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которой находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единой сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей

⁹¹ Энгельс Ф. Указ. соч. С. 412.

⁹² Там же. С. 412.

⁹³ Там же. С. 412.

буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна»⁹⁴.

Таким образом, концепт абсолютизма в европейской историографии середины XIX в. был актуальным и интенсивно разрабатывался. Однако предпочтительным был термин «абсолютная монархия», а не «абсолютизм», воспринимаемый в то время как новинка.

Когда же термин «абсолютизм» появился в российской историографии? Это произошло в лекционном курсе 1858/59 гг. российского медиевиста С. В. Ешевского (1829–1865) при описании ранней империи в Риме. Речь шла о том, что истомленное гибелью республики Римское государство признало власть Августа как условие мира и спокойствия⁹⁵. В интерпретации Ешевского абсолютизм связывался в первую очередь с авторитаризмом власти, необходимым во имя высшей цели: «Абсолютизм является иногда исторической необходимостью, шагом вперед в государственном развитии... Как переходное состояние, как возможность... лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое оправдание, даже проявляясь в суровых, жестких формах»⁹⁶. Однако, предупреждает Ешевский, утративший необходимость, ставший самоцелью, «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества»⁹⁷.

Трактовка С. В. Ешевского демонстрирует, в первую очередь, правовой подход – абсолютизм выступает как этап в развитии государства. При этом доминирующей ценностью выступает свобода, на время попранная абсолютизмом. Интерпретация Ешевского показательна в контексте популярности либерализма в Европе, а в России – либерально-реформаторской эпохи Александра II⁹⁸. Более того, именно такое понимание абсолютизма, применительно к новоевропейскому государству, станет традиционным.

С течением времени российские историки и правоведы оценивали разнообразные трактовки и классификации абсолютизма в европейской правовой и исторической мысли (Р. Козер, Г. Трейчке и др.)⁹⁹. Несмотря на разнообразие и спорность трактовок, в рамках либеральной мысли одно-

⁹⁴ Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 258–259.

⁹⁵ Ландина Л. В. Соотношение подходов в изучении западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии конца XIX – начала XXI в. // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты. Минск, 2018. С. 260.

⁹⁶ Ешевский С. В. Сочинения: в 2 ч. Ч. 1. М., 1870. С. 125–126.

⁹⁷ Там же. С. 126.

⁹⁸ Ландина Л. В. Концептуальная модель европейского абсолютизма в контексте современной методологии // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. науч. ст. и матер. Псков, 2018. С. 289–290.

⁹⁹ Рейснер М. А. Введение // Политический строй современных государств: в 2 т. Т.1. СПб., 1905. С. 1–2.

значно признавался следующий тезис: «Абсолютное государство на Западе было только промежуточным образованием, которое стояло на пути между старым феодализмом и правовым конституционным государством»¹⁰⁰.

Таким образом, концепт абсолютизма, зародившись в европейской христианской традиции, пройдя через каноническое и гражданское право, послужив идеологии и практике абсолютной монархии, войдя в правоведение и юриспруденцию, стал достоянием профессиональной историографии к середине XIX в. Это произошло в первую очередь благодаря французским либеральным историкам эпохи Реставрации, авторитет которых был высок и в России.

1.2. Историографическая рефлексия проблем абсолютизма в работах российских историков

При оценке достигнутого в рассмотрении проблем абсолютизма российской исторической наукой необходимо учитывать ряд обстоятельств, определяющих историографический анализ. Первоначальное его условие – определение проблемы как таковой и наличие анализируемого материала. Системным фактором является социальная обусловленность исторического исследования и, соответственно, историографии как его аналитической и оценивающей области. Производной от указанных условий выступает вариативность историографических выводов. Ее выраженность и особенности позволяют сделать заключения о динамике, направленности и содержательной стороне интерпретации рассматриваемой проблемы. Историографический анализ характеризуется ценностными, методологическими, количественными, предметными параметрами. В свою очередь, их выраженность и специфика позволяют вести речь о периодах развития последнего. Наконец, результат историографического анализа указывает на исследовательские лакуны, фрагментарность, необходимость переосмысления тех или иных проблем, а также перспективы работы в данном направлении.

Совокупность материалов, отражающих осмысление проблем абсолютизма в российской исторической науке, позволяет сделать вывод о том, что рефлексия в ней концепта абсолютизма включает три периода. Они могут быть обозначены как дореволюционный (последняя треть XIX в. – 1917 г.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (современный), продолжающийся с 1991 г. до сегодняшнего дня. В качестве предварительного

¹⁰⁰ Рейснер М. А. Указ. соч. С. 1.

замечания нужно указать и на то, что, находясь в рамках одного периода, историографическая рефлексия западноевропейского и российского абсолютизма могла отличаться.

В дореволюционной историографии проблематика самодержавия была стержневой и выходила на российские реалии, в то время как западноевропейский абсолютизм оценивался как явление, некогда имевшее свое место и время. Однако в обоих случаях до определенного момента вести речь о собственно историографической рефлексии не приходилось. Происходило накопление и описание материала. В основном это были публикации в журналах, часто без подписи, сводящиеся к пересказу содержания вышедших книг. Такой, например, была публикация о заговоре «верховников», отраженном в XIX томе «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в «Вестнике Европы» за февраль 1870 г.¹⁰¹

Однако в 1880-х гг. ситуация стала изменяться, появились первые публикации, в которых доминировал историографический анализ. Таковой была обширная работа историка и публициста М. О. Кояловича (1828–1891) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»¹⁰². Впервые изданная в 1884 г., она лишь обозначала проблему русского самодержавия сквозь призму частных сюжетов, полемически интерпретируемых автором.

Как идеологу западнорусизма, Кояловичу была близка идея величия российской государственности, и он весьма настороженно относится к западному влиянию. Например, рассуждая об интерпретации С. М. Соловьевым Петровских реформ, Коялович расценивает их начало как период «величайшего разлада», когда стало возможно, чтобы «горсть иноземных пройдох перевернула строй жизни великого государства и великого народа»¹⁰³, и только гениальность Петра не дала в России произойти смуте или самозванству¹⁰⁴.

Говоря об «Истории Петра Великого» А. Г. Брикнера, Коялович указывает на ее вторичность. «В том смысле, – аргументирует он, – что все важнейшее содержание этого сочинения взято из «Истории России» Соловьева и в том еще, что здесь воспроизведены некоторые взгляды нашего русского историка»¹⁰⁵. Однако, по мнению Кояловича, Брикнер, идя по стопам «балтийских ученых», принижает допетровскую Россию¹⁰⁶.

¹⁰¹ Русские верховники прошлого века [Рецензия] // Вестн. Европы. 1870. Кн. 2. С. 945–957. Рец. на кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1869. Т. 19. 392 с.

¹⁰² Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. 688 с.

¹⁰³ Там же. С. 416.

¹⁰⁴ Там же. С. 417–418.

¹⁰⁵ Там же. С. 488–489.

¹⁰⁶ Там же. С. 489–491.

Особое внимание М. О. Коялович уделяет В. О. Ключевскому. Его «Боярская дума древней Руси» – это исследование, «закрывающее в себе целую систему научного изложения русской истории с древнейших времен и до Петра I¹⁰⁷. Достоинство работы Ключевского – во внимании не только к механизму государственных учреждений, но и их «социальному материалу»¹⁰⁸.

П. Н. Милюков (1859–1943), историк и будущий лидер российских либералов, в написанном в 1886 г. историографическом обзоре¹⁰⁹ критически оценивает государственную школу. По его мнению, за сорок лет это направление не только дало ряд капитальных исследований, но и «само сделалось фактом нашего прошедшего»¹¹⁰. Однако, как отмечает Милюков, несмотря на то, что «само направление сходит со сцены, оно не заменено никаким другим»¹¹¹.

Заслуга государственной, или юридической, школы, считает Милюков, заключалась в замене «карамзинской» истории, с морализаторством и патриотическим пафосом, на ее научное осмысление. В свою очередь, оно пришло из немецкой классической философии, в первую очередь построений Гегеля. Немецкая историческая школа противопоставила договорной теории возникновения государства идею появления государства как результата естественных человеческих стремлений, изменявшихся исторически¹¹².

Заслуга К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, указывает Милюков, в поиске движущих сил и единства исторического процесса¹¹³. Центральным моментом, объясняющим отличие России от Европы, были варварские завоевания. Они разрушили родовой быт, в то время как христианская идея выдвинула на первое место личность. На Руси родовой быт остался, пока не началось освобождение личности, связанное, в первую очередь, с Петровскими реформами¹¹⁴.

Анализируя работы историков юридической школы, Милюков отмечает ее ограниченность изучением функционирования государственных институтов. Несмотря на противоположность взглядов Кояловича и Милюкова, они ведут речь об одном – недостатке в исследованиях государственных институтов социальной составляющей. У Милюкова эта мысль

¹⁰⁷ Коялович М. О. Указ. соч. С. 594.

¹⁰⁸ Там же. С. 600.

¹⁰⁹ Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 80–92.

¹¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹¹ Там же. С. 81.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 83.

¹¹⁴ Там же. С. 84.

звучит так: «В нашей схеме мы видим юридическую форму, для объяснения которой необходимо исследование наполняющего ее социального материала»¹¹⁵.

Важной частью в осмыслении концепта абсолютизма стали научные рецензии, как одна из форм историографического анализа. В февральском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1900 г. была опубликована рецензия одного из наиболее известных специалистов по историографии – В. С. Иконникова (1841–1923). Предметом рассмотрения выступали «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)»¹¹⁶ – издание докторской диссертации С. Ф. Платонова, впоследствии декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Рецензент указывал на внимание автора к глубинным, политическим и социальным предпосылкам Смуты. В частности, речь шла о патримониальном характере московского самодержавия и его военных нуждах. Это вело к систематическому принесению в жертву интересов «промышленного и земледельческого класса» ради интересов «служилых землевладельцев, не участвовавших непосредственно в производительной деятельности страны»¹¹⁷. Рецензент указывал и на социальную опору формирующегося российского абсолютизма, выявленную С. Ф. Платоновым: итоги Смуты выдвинули на первый план «простого дворянина и “лучшего посадского человека”»¹¹⁸.

В 1907 и 1908 гг. это же издание опубликовало две рецензии историка, исследователя русских летописей И. А. Тихомирова (1852–1928) на вторую и третью часть «Курса русской истории» крупнейшего историка пореформенной России – В. О. Ключевского.

Рецензент указал на трактовку Ключевским Московского государства как боевого (находящегося в состоянии борьбы с внешней угрозой), тяглового (неправового, состоящего из обремененных повинностями сословий) и обладающего верховной властью с неограниченным пространством действия¹¹⁹. Период установления абсолютизма, по Ключевскому, это время, когда «взамен вотчины вырабатывалось понятие о России как о госу-

¹¹⁵ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 91.

¹¹⁶ Иконников В. С. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1900. Февр. С. 367–399. Рец. на кн.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1899.

¹¹⁷ Там же. С. 384.

¹¹⁸ Иконников В. С. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1900. Апр. С. 187–188.

¹¹⁹ Тихомиров И. А. [Рецензия] // Там же. 1907. Июль. С. 199. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Курс русской истории: в 4 ч. 2. М., 1906.

дарстве, и о государе, как верховном правителе»¹²⁰. В рецензии отражена и оценка Ключевским этого периода – «народ не поспевал за деятельностью государя», «одни классы видели права, другие только обязанности», «увеличился размах власти, но уменьшился подъем народного духа»¹²¹.

Неоднократно указывая на огромную популярность «Курса русской истории» Ключевского, Тихомиров начинает рецензию на третью его часть беспрецедентным замечанием. К третьей части, указывает рецензент, «приложен особый лист с извещением от автора, что все издания, предлагавшиеся под видом его курса, представляют собой недобросовестную макулатуру, что только экземпляры, снабженные штемпелем автора, представляют единственно подлинный текст, что все авторские права удерживаются автором на будущее время... Все это, повторяем, необычайно, ничего подобного нам до сих пор встречать не приходилось. Само собой разумеется, что подобные фальсификации должны быть лестны для самолюбия автора, так как, очевидно, курс его настолько хорош, что было бы желательно его подделывать: фальсифицировать дурной курс охотников не нашлось бы...»¹²²

Таким образом, на протяжении пореформенного периода рассмотрение и интерпретации российского самодержавия прошли дистанцию от изложения отдельных его сюжетов до теоретических выводов. Однако специальных работ, где бы анализировалось отражение проблем российского самодержавия, не было. Во многом аналогичная ситуация сложилась и в интерпретации западноевропейского абсолютизма.

Российские историки-новисты сделали к началу XX в. ряд выводов о социальной основе, практике и исторической роли западноевропейского абсолютизма. Так, в рецензии, опубликованной в 1879 г. известный российский историк, юрист, социолог М. М. Ковалевский (1851 – 1916) проанализировал работу И. В. Лучицкого о политических институтах Франции XVIII в.¹²³ Соглашаясь с Лучицким в том, что двор и правительство не смогли предотвратить Французскую революцию реформами, Ковалевский отмечает, что противниками реформ были не только придворные консерваторы, но и парламенты и провинциальные штаты, позиционирующие себя гарантами от королевского произвола¹²⁴.

¹²⁰ Он же // Там же. 1908. Август. С. 432. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Курс русской истории: в 4 ч. 3. М., 1908.

¹²¹ Там же.

¹²² Тихомиров И. А. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1908. Авг. С. 431–432. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Курс русской истории: в 4 ч. 3. М., 1908.

¹²³ Ковалевский М. М. [Рецензия] // Критическое обозрение. 1879. № 15. С. 32–33. Рец. на кн.: Лучицкий И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль. Киев, 1879.

¹²⁴ Ковалевский М. М. [Рецензия] ... С. 32.

В свою очередь, рецензент подписавшийся инициалами «К. К.», оценивая в 1880 г. книгу М. М. Ковалевского «Английская конституция и ее историк», не соглашается с мнением автора о том, что слабость английских городов в качестве союзников королевской власти помешала укреплению абсолютизма. Он указывает, что в рассматриваемый Ковалевским период – XIV в. – активность горожан не могла существенно повлиять на государственную власть¹²⁵.

Рецензии, выходявшие в дореволюционный период, представляют отдельный интерес. Они были развернутыми, с подробным анализом содержания работы, в них освещались смежные проблемы, давались рекомендации с указанием необходимых источников. Зачастую рецензии имели выраженный экспрессивный оттенок – как позитивный, так и негативный. Например, рецензия С. А. Котляревского (1873–1939), историка и правоведа либеральных взглядов на очерк по истории Англии, Франции и Германии Н. А. Рожкова, придерживающегося марксистских позиций, продемонстрировала негативное отношение даже минимальным объемом в две страницы¹²⁶. «Книжка г. Рожкова написана в духе самого примитивного экономического материализма, – жестко указывал рецензент, – написана с полной уверенностью, что весь исторический процесс может без всякого ущерба уместиться на прокрустовом ложе этой схемы... Самые крупные явления в области французской политической и экономической жизни объясняются целиком из вульгарнейшим образом понятых классовых интересов... Книга г. Рожкова не лучше и не хуже всевозможных произведений марксистской публицистики. Жалко лишь, что она написана человеком, доказавшим свою способность к настоящей научной работе»¹²⁷.

В том же номере журнала «Русская мысль», где была напечатана рецензия С. А. Котляревского, выступил рецензентом В. Н. Перцев (1877–1960), ученик Р. Ю. Виппера, впоследствии один из самых известных белорусских историков. Перцев рассматривал книгу П. П. Митрофанова, посвященную реформаторской деятельности Иосифа II¹²⁸, и указывал на ряд ее значимых выводов. В частности, о том, что собственно философские идеи мало волновали австрийского императора, руководствовавшегося политическим прагматизмом и желанием не отстать от соседних государств¹²⁹. В целом

¹²⁵ К. К. [Рецензия] // Вестник Европы. 1880. Кн. 4. С. 750–752. Рец. на кн.: Ковалевский М. М. Английская конституция и ее историк. М., 1880.

¹²⁶ Котляревский С. А. [Рецензия] // Русская мысль. 1908. Кн. 2. С. 27–28. Рец. на кн.: Рожков Н. А. От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб., 1908.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Перцев В. Н. [Рецензия] // Там же. С. 24–27. Рец. на кн.: Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907.

¹²⁹ Перцев В. Н. [Рецензия] ... С. 24.

положительно оценивая работу Митрофанова, Перцев высказал два замечания: во-первых, автором слабо проанализирован социальный состав австрийского общества, и, во-вторых, практически отсутствует историографический обзор¹³⁰.

Рецензентом книги П. П. Митрофанова о просвещенном абсолютизме Иосифа II выступил и Н. И. Кареев (1850–1931), ведущий российский исследователь Новой истории, публикации которого – яркий пример дореволюционного стиля рецензирования. Объем рецензии Кареева¹³¹ составляет 54 (!) страницы. Во вводной части раскрывается содержание понятия «просвещенный абсолютизм», указывается, чем последний отличался от абсолютизма как такового, оцениваются задачи и мероприятия просвещенных монархов, то есть подробно анализируется актуальное состояние проблемы. Далее Кареев рассматривает использованные источники и отмечает, что по каким-то причинам автор ограничился лишь работами немецких историков и проигнорировал русские архивы, при этом сам рецензент указывает, что именно Митрофанов должен был включить в свою работу¹³². После обстоятельного комментирования содержания книги примечателен нюанс ее итоговой, в общем положительной, оценки. Говоря о схематической, структурирующей манере изложения Митрофанова, Кареев, однако, отмечает, что «получается от его изложения впечатление некоторой догматичности, лишенной какого бы то ни было внутреннего искания (курсив мой. – Л. Л.)... Спокойная догматичность книги, – конечно, не заходящая так далеко, как обычное изложение учебных руководств, – лишает читателя возможности разобраться в вопросе, что же сделал сам г. Митрофанов для освещения избранного им предмета»¹³³.

Н. И. Кареев выступал центральной фигурой и в освещении проблем Французской революции. Именно ее изучение генерировало научный интерес к проблемам Старого порядка как одной из предпосылок событий 1789 г. Кареев был не только специалистом по всеобщей и особенно Новой истории, но и социологом, методологом и историографом. Например, в публикации «Работы русских ученых по истории французской революции»¹³⁴ Н. И. Кареев высказал знаковое впоследствии мнение о своем учителе В. И. Герье (1837 – 1919): «Честь почина в деле серьезного преподавания

¹³⁰ Перцев В. Н. [Рецензия] ... С. 26–27.

¹³¹ Кареев Н. И. Книга о Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма // Журн. М-ва нар. просвещения. 1907. Ноябрь. С. 134–187. Рец. на кн.: Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907.

¹³² Там же. С. 146–150.

¹³³ Там же. С. 185–186.

¹³⁴ Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции // Изв. С.-Петерб. политехн. ин-та. 1904. Т. 1, вып. 1/2. С. 41–73.

истории французской революции с университетской кафедры принадлежит профессору Московского университета В. И. Герье»¹³⁵. Французская монархия, отмечает Кареев, это, в трактовке Герье, великая сила, создавшая страну. Однако, достигнув апогея, монархия «остановилась в своей исторической жизни»¹³⁶. Боровшаяся с феодализмом в области государственной, королевская власть оставила феодализм в виде социальных привилегий. Между тем, в конце XVIII в. «под феодальным покровом незаметно созрел новый организм»¹³⁷.

В масштабном обзоре «Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911)»¹³⁸ Кареев обращает внимание на две работы, посвященные непосредственно французскому абсолютизму. Первая из них – исследование историка права Ф. В. Тарановского «Догматика положительного государственного права при Старом порядке»¹³⁹, внесившее существенные дополнения в российский исторический нарратив о французском абсолютизме. В частности, Кареев указал на важные выводы Тарановского о правовой традиции Старого порядка, которая основывалась на приоритете законов, средоточием и гарантами которых считали себя парламенты¹⁴⁰. Королевская власть сдерживалась «положительными законами» – о престолонаследии, неотчуждаемости коронного домена, обязанности короля испрашивать согласия парламентов, несменяемости должностных лиц и т. д.¹⁴¹

Значительное внимание Н. И. Кареев также уделил исследованию своего коллеги П. Н. Ардашева о провинциальных интендантах во Франции накануне 1789 г.¹⁴², где система управления и политическая культура предреволюционной Франции были раскрыты на основе архивных материалов. Работа Ардашева, отмечал Кареев, значительно уточняла представления о Старом порядке и разрушала ряд стереотипов об абсолютизме как системе всеобъемлющего контроля и подавления столицей провинции¹⁴³. Кареев не раз анализировал труд Ардашева. Так, в отзыве по случаю присуж-

¹³⁵ Кареев Н. И. Работы русских ученых ... С. 45.

¹³⁶ Там же. С. 48.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Кареев Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) // Историческое обозрение: сб. ист. О-ва при Имп. С.-Петерб. ун-те. 1912. Т. 17. С. 12–126.

¹³⁹ Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке. Юрьев, 1911. 633 с.

¹⁴⁰ Кареев Н. И. Эпоха французской революции ... С. 16.

¹⁴¹ Там же. С. 17.

¹⁴² Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным: в 2 т. СПб., 1900. Т. 1. XVI, 658 с.

¹⁴³ Кареев Н. И. Эпоха французской революции ... С. 29–36.

дения Ардашеву премии Императорской Академии наук в 1909 г. Кареев отмечал, что представленное исследование может быть названо энциклопедией Старого порядка, что это «работа, в высшей степени важная»¹⁴⁴. С другой стороны, Кареев указывал на слишком «оптимистичные» выводы о ситуации в предреволюционной Франции. Причину этого Кареев видел в характере используемых автором источников – преимущественно административной переписки, где приукрашивалось реальное положение дел, и недостаточном изучении наказов 1789 г.¹⁴⁵

«Провинциальная администрация во Франции» стала предметом рецензии ученика Н. И. Кареева – А. М. Ону (1865–1935), емко охарактеризовавшем существовавший уровень изучения французского абсолютизма. «История только недавно перестала быть искусством, и в смысле систематического изучения источников новая история представляется наиболее отсталой отраслью науки, – считал А. М. Ону. – В частности, история “старого порядка” во Франции до сих пор является в значительной степени полем брани, на котором сводят партийные счета друзья и недруги старины и революции»¹⁴⁶. В этом смысле, П. Н. Ардашев, по мнению Ону, «основываясь на огромном массиве необработанного материала, воздал каждому по заслугам»¹⁴⁷. Однако, как и Кареев, Ону считал, что Ардашева ввели в заблуждение «язык и риторика официальных документов с рассуждениями об “общем благе”»¹⁴⁸.

Французский абсолютизм получил отражение в работе М. М. Ковалевского «Происхождение современной демократии», также проанализированной Н. И. Кареевым¹⁴⁹. В интерпретации Старого порядка, отмечает Кареев, Ковалевский выступает как социолог и приверженец конституционной монархии¹⁵⁰, считающий, что новые порядки были не вызваны революцией, а узаконены ею¹⁵¹.

¹⁴⁴ Кареев Н. И. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным». Т. I, СПб., 1900 г. Т. II, Киев, 1906 г. // Отчет о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премий митрополита Макария в 1909 году по историко-филологическому отделению. СПб., 1911. С. 23, 53.

¹⁴⁵ Там же. С. 25–42; см. также: Кареев Н. И. Последние работы русских ученых о французской революции // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 321–322.

¹⁴⁶ О. Н. У. [Ону А. М.] [Рецензия] // Мир Божий. 1901. № 5. С. 99. Рец. на кн.: Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. I. СПб., 1900.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 104.

¹⁴⁹ Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк французской революции // Вестник Европы. 1917. Февраль. С. 211–226.

¹⁵⁰ Там же. С. 215.

¹⁵¹ Там же. С. 221.

Характеризуя вклад дореволюционных исследователей в изучение проблем революции 1789 г. и французского абсолютизма, уместно привести такую оценку Н. И. Кареева: «Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много, за ближайшие 30–35 лет, не сделал для изучения французской революции и старого порядка, как русские историки»¹⁵².

Однако характерная для дореволюционной либеральной историографии рефлексия проблем абсолютизма была свернута событиями 1917 г. Причина этого заключалась в ответе на вопрос: какое отношение могло быть к монархии и к ее изучению в стране победившей социалистической революции? Смена ценностей в обществе привела к изменению проблемного поля историографии.

Западноевропейский абсолютизм, некогда существовавший и ушедший с исторической арены, не вызывал каких-то особенных чувств ни у исследователей старой школы, ни тем более у молодой генерации историков. В первые советские годы его изучение фрагментарно комментировалось в обобщающих трудах Н. И. Кареева¹⁵³ и В. П. Бузескула¹⁵⁴. В частности, Кареев, как и ранее, писал о трактовках Старого порядка в работах В. И. Герье, И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, П. Н. Ардашева, а также собственных¹⁵⁵. В. П. Бузескул (1858–1931), исследователь Античности и историограф, в двухтомной работе об изучении всеобщей истории в России¹⁵⁶ упоминал об интерпретациях абсолютизма в трудах В. И. Герье, Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого, А. М. Ону¹⁵⁷, Г. Е. Афанасьева, П. Н. Ардашева¹⁵⁸.

Совершенно иным было отношение к российской монархии, резко негативно оцениваемой в системе советских идеологических координат. Все написанное о российском самодержавии дореволюционными историками критиковалось, разоблачалось и объявлялось псевдонаучным и классово враждебным. Наибольшим ударам подвергалась государственная школа, и самым непримиримым ее критиком был официальный глава советской исторической науки – М. Н. Покровский (1868–1932).

¹⁵² Кареев Н. Последние работы русских ученых о французской революции // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 318.

¹⁵³ Кареев Н. И. Историки Французской революции: в 3 т. Т. 3: Изучение Французской революции вне Франции. Л., 1925. 306 с.

¹⁵⁴ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.: в 2 ч. Ч. 1. Л., 1929. 218 с.; Ч. 2. Л., 1931. 223 с.

¹⁵⁵ Кареев Н. И. Историки Французской революции. С. 150–161, 203–209.

¹⁵⁶ Бузескул В. П. Указ. соч.

¹⁵⁷ Там же. Ч. 1. С. 145, 164, 168, 188–189.

¹⁵⁸ Там же. Ч. 2. С. 1–15.

В целом ряде работ¹⁵⁹ Покровский проводил мысль о том, что вся дореволюционная историография – «то, что написано в работах Ключевского, Платонова, Чичерина, Соловьева» – это не факты, «это идеология, т. е. отражение фактов... в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью»¹⁶⁰. Историкам государственной школы, подчеркивал Покровский, важно было доказать, что «государство в России не было созданием господствующих классов и орудием классового угнетения, а представляло собой интересы всего народа, без различия классов»¹⁶¹. Соответственно, университетская наука в дореволюционной России была «одним из способов господства над массами»¹⁶².

Указывая, насколько устарел пятый том «Курса русской истории» В. О. Ключевского, изданный в 1922 г., Покровский приводит «неопровержимый» довод. Он уверенно заявляет, что «истории России XIX в., как научной дисциплины, в те дни не существовало. Создана она, преимущественно, марксистами – в наиболее широком понимании этого термина»¹⁶³. В силу того, что, согласно марксистской интерпретации, государство было орудием классового господства, для советской историографии была принципиально неприемлема идея о том, что «самодержавие было всегда самостоятельной силой», то есть надклассовой или внеклассовой¹⁶⁴.

В 1920-х – 1930-х гг. трактовки самодержавия в основном носили политизированный характер и использовались как аргументация в спорах об исторических судьбах и классовой основе российской монархии, социальных предпосылках российских революций и т. д. Среди историко-политических споров наиболее известной была дискуссия М. Н. Покровского и Л. Д. Троцкого о классовом характере российского самодержавия, отраженная в статье Президента Академии наук БССР П. О. Горина (1900–1938)¹⁶⁵.

В последующие годы публикации, затрагивающие проблемы российской государственности, предварялись вступлением с критикой взглядов как дореволюционных историков, так марксистов (особенно М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова) за неправильное, с точки зрения текущего полити-

¹⁵⁹ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Историческая наука и борьба классов: историографические очерки, критические статьи и заметки. Вып. 1–2. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 7–100; он же. Как и кем писалась русская история до марксистов // Там же. Вып. 1. С. 101–117; он же. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия? // Там же. С. 167–205 и др.

¹⁶⁰ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература. Вып. 2. С. 10.

¹⁶¹ Он же. Как и кем писалась русская история до марксистов. С. 110.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Покровский М. Н. О пятом томе «Истории» Ключевского [Рецензия] // Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 55. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. Пг., 1922.

¹⁶⁴ Он же. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия? С. 171.

¹⁶⁵ Горин П. О. М. Н. Покровский – большевик-историк: сб. ст. о М. Н. Покровском. Минск, 1933. С. 17–20.

ческого момента, понимание классовой сути российской монархии. Примером этого выступает историографический очерк историка и правоведа Б. И. Сыромятникова (1874–1947) в книге о «регулярном» государстве Петра I¹⁶⁶. В свою очередь, воззрения Сыромятникова жестко критиковались его коллегами во время обсуждения проблем российской государственности во второй половине 1940-х гг. Лишь суждения Б. Б. Кафенгауза (1894–1969), известного советского исследователя Петровской эпохи, отличались более корректным тоном¹⁶⁷. В фундаментальном томе «Очерков истории СССР», посвященном XVII в. и вышедшем в 1955 г., сохранена категоричность оценок, имевшая своей целью утвердить правильность канонической трактовки российского абсолютизма¹⁶⁸.

Таким образом, в первые советские десятилетия осмысление проблем российского абсолютизма, в конечном итоге выходящих на предпосылки революций 1917 г., связывалось с актуальными идеологическими задачами. При этом отдельных историографических публикаций не выходило – сюжеты о российском абсолютизме включались в работы общего характера.

Рефлексия проблем западноевропейского абсолютизма была еще более скромной. С одной стороны, интерес к нему имел скорее академическую, нежели идеологическую специфику, с другой – в рамках марксизма вопросы государства, как политической надстройки, считались пусть не первостепенными, но весьма значимыми. Результатом таких установок стало включение сюжета об абсолютизме в обобщающие работы, посвященные изучению Средних веков советскими историками. Именно в таком формате изложена проблематика абсолютизма в книгах и статьях ведущих советских медиевистов – О. Л. Вайнштейна (1894 – 1980)¹⁶⁹ Е. А. Косминского (1886–1959) и Е. В. Гутновой (1914–1992)¹⁷⁰.

В «Историографии средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» О. Л. Вайнштейна, изданной прак-

¹⁶⁶ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.; Л., 1943. С. 5–77.

¹⁶⁷ Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Петр Великий / под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 334–389; он же. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 24–42.

¹⁶⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельцева, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 5–27.

¹⁶⁹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. 365 с.; он же. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 490–513.

¹⁷⁰ Косминский Е. А. Изучение истории средних веков за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. Волгина В. П., Тарле Е. В., Панкратовой А. М. М.; Л., 1942. С. 209–215; Косминский Е. А. Сорок лет советской медиевистики / Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова // Вопросы истории. 1957. № 11. С. 186–205; Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков. М., 1963. 456 с.

тически сразу после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», лишь несколькими строками обозначена проблема западноевропейского абсолютизма как предмета исследований советских историков – в частности, указано на введение термина «абсолютистско-феодальный порядок» и выход статьи З. В. Моисиной «Абсолютизм в политике Генриха IV»¹⁷¹. В статье О. Л. Вайнштейна, вышедшей в 1958 г., существовавшая методологическая ситуация была охарактеризована более развернуто, с оценкой дискуссий советских историков, проходивших в конце 1930-х и на рубеже 1940-х – 1950-х гг.¹⁷² Аналогичной по содержанию стала публикация Е. А. Косминского, посвященная подведению итогов сорокалетней работы советских медиевистов, дискуссиям вокруг классовой природы абсолютизма и установлению концепции «равновесия»¹⁷³. Последняя многократно анализировалась в статьях, посвященных главному ее создателю – академику С. Д. Сказкину¹⁷⁴. Ввиду участия советских историков в работе X Международного конгресса в Риме и развернувшейся там дискуссии, в «Средних веках» за 1957 г. появилась полемическая статья А. С. Самойло¹⁷⁵.

В 1968 г., в контексте отмеченного 50-летия Октябрьской революции, была издана «История советской медиевистики» О. Л. Вайнштейна¹⁷⁶. В данной книге проблема абсолютизма была названа «сложной» и поставлена второй по важности после генезиса капитализма в позднем Средневековье¹⁷⁷. В формате обобщающей работы Вайнштейн уделил значительное внимание проблематике абсолютизма. Он указал на начало споров о классовой природе абсолютизма и российского самодержавия, обратил внимание на дискуссии рубежа 1930-х – 1940-х гг. и обсуждение концепции и работ Б. Ф. Поршнева¹⁷⁸. С одной стороны, Вайнштейн привел установившуюся тогда трактовку абсолютизма: «В общем, советские историки пришли к единодушному признанию того, что абсолютная монархия является последней фазой развития

¹⁷¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков ... С. 349, 361.

¹⁷² Вайнштейн О. Л. Изучение истории Франции ... С. 495–498.

¹⁷³ Косминский Е. А. Сорок лет советской медиевистики. С. 199–201.

¹⁷⁴ Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина // Средние века. 1960. Вып. 17. С. 5–18; Гутнова Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин (к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности) // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 118; Творческий путь советских ученых: Академик Сергей Данилович Сказкин / Е. В. Гутнова [и др.] // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 148–158. О концепции абсолютизма – с. 151–152.; Сапрыкин Ю. М. Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина (к 75-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та. 1966. № 2. С. 89–99. О его концепции абсолютизма – с. 96–97; Гутнова Е. В., Чистозвонов А. Н. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 149–156. О его концепции абсолютизма – с. 153–154.

¹⁷⁵ Самойло А. С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии (по материалам X Международного конгресса историков в Риме в сентябре 1955 г.) // Средний век. Вып. 16. 1957. С. 125–135.

¹⁷⁶ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. 424 с.

¹⁷⁷ Там же. С. 138.

¹⁷⁸ Там же. С. 150–157.

феодалного государства, организацией диктатуры дворянства, причем эта диктатура могла осуществляться только в условиях известного компромисса с поднимающимся классом буржуазии»¹⁷⁹. С другой – указал на суть споров советских медиевистов. Она заключалась в проблематичности однозначного определения места буржуазии как второго эксплуататорского класса при феодализме в системе абсолютной монархии¹⁸⁰.

Среди публикаций советских историков существовала особая группа, преимущественно статьи, посвященные рассмотрению тех или иных проблем классиками марксизма-ленинизма. Эти работы могут считаться историографическими, так как отражают идеологические приоритеты, проблемное поле и актуальные методологические рамки. Такие публикации, частота которых увеличивалась к юбилейным датам (в частности, к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г.), носили в известной мере императивный характер. Они указывали на систему координат, которой должны были придерживаться советские историки, в том числе в интерпретации западноевропейского¹⁸¹ и российского абсолютизма¹⁸².

Со второй половины 1960-х гг. активизировались исследования и обсуждения проблем абсолютизма советскими историками. Причиной этого стало их участие в международных конгрессах, создание новых работ, а также развертывание и последствия дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг. Тем не менее эти значимые факторы не вызвали появления самостоятельных историографических публикаций. Проблематика абсолютизма была представлена традиционно – в виде фрагментов в статьях по истории¹⁸³ (ряд их вышел во время дискуссии

¹⁷⁹ Там же. С. 150.

¹⁸⁰ Там же. С. 150–151.

¹⁸¹ Сказкин С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1941. Т. 3, вып. 1. С. 3–25; его же. В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики // Средние века. Вып. 18. 1960. М., 1960. С. 7–8; Гутнова Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Изд. 2-е. М., 1970. С. 81–83.

¹⁸² Дербов Л. А. В. И. Ленин о классовой сущности и основных этапах эволюции самодержавия в России // Историографический сборник. Вып. 1. Саратов, 1962. С. 3–33; Троицкий С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 294–311; Белявский М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Московского университета. 1970. № 2. С. 65–79; Давидович А. М. Ленинская концепция абсолютизма (самодержавия) и современная литература // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 32–37; Троицкий С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России // Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 5–17; Чистякова Е. В., Мальцева И. Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985. С. 26–32.

¹⁸³ Энгельгардт Р. Ю. Очерки по истории Франции конца XVII – начала XVIII столетия // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 104. Серия История. Кишинев, 1968. С. 55–72, 127–145; Преображенский А. А. Проблемы классовой борьбы в XVII–XVIII вв. и абсолютизма в трудах Л. В. Черепнина // Русское централизованное государство. Образование и эволюция XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти академика Льва Владимировича Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 26–28 ноября 1980 г. М., 1980. С. 12–18; Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Проблемы политической истории феодальной России в новейшей историографии // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 43–47.

об абсолютизме)¹⁸⁴ и историографии¹⁸⁵, монографиях по истории¹⁸⁶ и историографии¹⁸⁷, диссертациях¹⁸⁸, а также в учебных пособиях¹⁸⁹, юбилейных¹⁹⁰ и мемориальных¹⁹¹ публикациях. Показательным было отражение проблематики абсолютизма в пятом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», где дискуссиям об абсолютизме 1940 и 1968–1972 гг. было отведено несколько строк¹⁹².

Более подробный анализ трактовок абсолютизма содержался в работах, посвященных конкретным сюжетам – например, в книге А. Д. Люблинской о Франции при Ришелье или полемических статьях в ходе дискуссии об абсолютизме. Тем не менее, отдельных работ, посвященных непосредственно рефлексии абсолютизма советскими историками, не вышло. Нужно, однако, сделать одно уточнение. В единственной на сегодняшний день книге, анализирующей научную рефлексию французского абсолютизма¹⁹³, российские исследователи Т. Н. и С. В. Кондратьевы указывают на депонированные в ИНИОН РАН рукописи начала 1980-х гг. воронежского историка Ю. Л. Ярецкого, посвященные интерпретации проблем абсолютизма Б. Ф. Поршневым¹⁹⁴.

¹⁸⁴ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 54–74; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85.

¹⁸⁵ Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала XX вв. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Т. 166. Серия историческая. Томск, 1963. С. 62–84; Павлова Т. А. Английская буржуазная революция в освещении советской историографии // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 155.

¹⁸⁶ Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982. С. 219–228.

¹⁸⁷ Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 369–379; Муравьев В. А. Современная советская историография революции 1905–1907 годов. М., 1985. С. 76–78; Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. 334, [2] с.; Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 206–233.

¹⁸⁸ Иванова Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук – Ленинград, Ленинградский Орден Ленина и Орден трудового красного знамени государственный университет им. А.А. Жданова. Л., 1984. С. 12–13.

¹⁸⁹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. С. 275–279; ее же. Историография истории средних веков. Изд. 2-е, перераб и доп. М., 1985. С. 322.

¹⁹⁰ Гутнова Е. В., Чистозвонов А. Н. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики // Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. к 80-летию академика Сергея Даниловича Сказкина. М., 1972. С. 10–12; Бессмертный Ю. Л., Малов В. Н. А. Д. Люблинская – историк-медиевист // Средние века. Вып. 35. М., 1972. С. 8–9.

¹⁹¹ Сергей Данилович Сказкин [Некролог] // Новая и новейшая история. 1973. № 4. С. 217–219; Гутнова Е. В. Памяти академика С. Д. Сказкина // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 125; Александра Дмитриевна Люблинская / Е. В. Бернадская [и др.] // Средние века. Вып. 46. С. 293–301.

¹⁹² Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред) и др. Т. 5. М., 1985. С. 10, 32.

¹⁹³ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. С. 17–18.

¹⁹⁴ Там же. С. 17–18.

Только в 1989 г. в Ленинградском государственном университете была защищена кандидатская диссертация, посвященная интерпретации российского абсолютизма XVII – первой половины XVIII в. в советской исторической науке¹⁹⁵. Автором работы была венгерская исследовательница М. Агоштон, и диссертация содержала новые идеологические и концептуальные акценты. В частности, было расширено понимание абсолютной власти, указано на узость классового и социологического подхода в трактовке абсолютизма и т. д.

Методологические и ценностные изменения, произошедшие после 1991 г., обусловили новое качество историографической рефлексии концепта абсолютизма. Революционные и классовые ценности сменились государственными и общечеловеческими, абсолютизм перестал рассматриваться сквозь призму господства эксплуататорских классов. Самодержавие обрело статус важного компонента исторической памяти и культурной идентичности российского общества, началась реинтерпретация российской дореволюционной историографии. Указанные условия вызвали появление историографических работ, посвященных проблеме российского абсолютизма. Это, например, монография Д. Ф. Попова¹⁹⁶, в которой подробно рассмотрено формирование понятий «абсолютная монархия» и «самодержавие», однако освещение интерпретации абсолютизма в советской историографии минимально. В диссертации А. Б. Савельева¹⁹⁷ кратко очерчена дореволюционная, советская и постсоветская историография абсолютизма, но авторское внимание сконцентрировано на царствовании Николая II. Историографическому анализу эпохи «великих реформ» посвящена диссертация А. В. Клименко¹⁹⁸. К рассмотрению проблемы абсолютизма в российской и зарубежной историографии неоднократно обращался А. Н. Медушевский¹⁹⁹.

Об устойчивом интересе к различным аспектам проблемы российского абсолютизма свидетельствует содержание реферативных сборни-

¹⁹⁵ Агоштон М. Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII в. в советской исторической науке: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 219 с.

¹⁹⁶ Попов Д. Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. 362 с.

¹⁹⁷ Савельев А. Б. Российский абсолютизм конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 09 [Электронный ресурс]. М., 2001. 286 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/rossijskij-absolutizm-konca-xix-nachala-xx-vv-v-otechestvennoj-istoriografii.html>. Дата доступа: 02.05.2020.

¹⁹⁸ Клименко А. В. Отечественная историография внутривластного курса самодержавия в 1861–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 09. М., 1998. 23 с.

¹⁹⁹ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1993. С. 7–16; его же. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX вв.) // Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до кризиса. М., 2006. С. 84–117.

ков и аналитических обзоров²⁰⁰. Анализ проблем абсолютизма, кроме того, приводился в работах, посвященных рассмотрению концепций отдельных историков – М. Н. Покровского²⁰¹, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского²⁰², С. Ф. Платонова²⁰³, Н. И. Павленко²⁰⁴ и т. д. Однако, несмотря на востребованность осмысления концепта российского абсолютизма, в распоряжении современных исследователей имеются лишь единичные работы по данной теме и фрагменты в публикациях смежной тематики.

Историографическая рефлексия западноевропейского абсолютизма представлена аналогично – фрагментами в диссертациях и статьях биографического и мемориального характера. Лишь два сюжета, о которых будет сказано ниже, рассмотрены в диссертациях и монографии.

Проблематика абсолютизма упоминается в работах о М. М. Ковалевском²⁰⁵, В. И. Герье²⁰⁶, С. Д. Сказкине²⁰⁷, А. Д. Люблинской²⁰⁸. С другой стороны, сюжет об исследовании абсолютизма доминирует в публикациях о В. В. Бирюковиче²⁰⁹, Б. Ф. Поршневе²¹⁰, В. В. Штокмар²¹¹. Группа российских авторов – В. С. Анти-

²⁰⁰ Коновалов В. С. Государственное управление в России (XVI–XVIII вв.) (аналитический обзор) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2013. № 1. С. 71–95; Беспалов С. В. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России (аналитический обзор) // Там же. С. 110–135; Фадеева Т. М. Российский абсолютизм в XVIII в. (аналитический обзор) // Там же. С. 173–205.

²⁰¹ Володьков О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в оценке М. Н. Покровского // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 5. С. 119; его же. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.): монография. Омск, 2011. С. 194–195.

²⁰² Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285, [2] с.; Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005. С. 46–47, 51, 118–119, 214–219.

²⁰³ Брачев В. С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 113–115.

²⁰⁴ Рахматуллин М. А. К 80-летию со дня рождения Николая Ивановича Павленко // Там же. 1996. № 2. С. 112–113.

²⁰⁵ Бодров О. В. М. М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 17–18.

²⁰⁶ Погодин С. Н. Владимир Иванович Герье // Клио. 2004. № 1. С. 209–217.

²⁰⁷ Гутнова Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 157–158; ее же. Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. Т. 2. Всеобщая история. Москва – Иерусалим, 2000. С. 202–203.

²⁰⁸ Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Там же. С. 228–242.

²⁰⁹ Зезегова О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 24 с.; Золотарев В. П., Зезегова О. И. Владимир Владимирович Бирюкович (1893–1954) // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 171–189; Кондратьева Т. Н. Проблема французского абсолютизма в работах В. В. Бирюковича // Европа. 2001. № 1. С. 76–86.

²¹⁰ Кондратьева Т. Н. «Абсолютизм», «народные массы», «буржуазия» и «Фронда» в трактовке Б. Ф. Поршнева в 30-е – 40-е годы // Там же. 2002. № 2. С. 126–147; ее же. Б. Ф. Поршнев в дискуссиях советских историков о французском абсолютизме // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. Гуманит. исслед. Humanitatis. 2009. № 1. С. 51–58; ее же. Б. Ф. Поршнев и дискуссия об абсолютизме в институте истории АН СССР (1940) // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. Т. 65. № 3. С. 240–247.

²¹¹ Английский абсолютизм в работах В. В. Штокмар / С. Е. Федоров [и др.] // Англия XVII века: идеология, политика, культура. СПб., 1992. С. 4–13; Лебедева, Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю. Труды и дни профессора В. В. Штокмар // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Вып. 12. СПбГУ, 2015. С. 27–29.

пов²¹², О. И. Барбашина²¹³, Е. В. Леушина²¹⁴ представляют статьи, посвященные разработке российскими историками проблем просвещенного абсолютизма.

Нужно особенно указать на диссертацию о проблеме Старого порядка в научном наследии П. Н. Ардашева²¹⁵ российского историка А. Н. Зарубина (Чебоксары). В данной работе речь идет не только об интерпретации французского абсолютизма, но и об актуализации идей данного представителя «русской школы» современными историками²¹⁶.

Наряду с диссертацией А. Н. Зарубина, научная рефлексия французского абсолютизма представлена в диссертации Т. Н. Кондратьевой (Тюмень)²¹⁷ и созданной на ее основе монографии²¹⁸. Диссертация Т. Н. Кондратьевой, защищенная в 2002 г., – первая в постсоветской историографии работа, раскрывающая проблематику абсолютизма в историографическом ракурсе, а вышедшая в 2003 г. на ее основе книга – первый опыт дискурсивного подхода в историографических штудиях.

В отечественной исторической науке историографическая рефлексия абсолютизма представлена единичными публикациями, авторами которых выступают как ведущие специалисты в области новистики²¹⁹, так и исследователи, делающие первые шаги в данном направлении²²⁰.

²¹² Антипов В. С. Отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1917 – начало 1930-х гг.) // Вестн. Псковск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 21–28; его же. Методологическая реформа 1930-х гг. и изучение политики просвещенного абсолютизма советскими историками // Метаморфозы истории. 2017. № 10. С. 126–147; его же. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах // Вестн. Псковск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 13. С. 35–44; его же. Советские историки о политике просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1934–1941) // Метаморфозы истории. 2018. № 11. С. 25–39.

²¹³ Барбашина О. И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей // Проблемы всеобщей истории события, люди, факты. 2000. С. 39–53.

²¹⁴ Леушина Е. В. П. П. Митрофанов о реформировании церкви эпохи просвещенного абсолютизма // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. С. 276–283.

²¹⁵ Зарубин А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 338 с.

²¹⁶ Там же. С. 271–272.

²¹⁷ Кондратьева Т. Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиэвистике 20-х – начала 50-х гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 30 с.

²¹⁸ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ...

²¹⁹ Чикалова И. Р. «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты. БГУ, 2018. С. 371–380.

²²⁰ Мякинкая А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии // Философия. Культура. Общество: сб. трудов молодых ученых и аспирантов. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004. С. 145–151; ее же. Новая история Франции в современной отечественной историографии: традиции и новации // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: II Междунар. науч. конф. Пинск, 2018. Вып. 3. С. 311–315; ее же. Французская абсолютная монархия в дореволюционной российской историографии // Научные труды РИВШ. Вып. 19. В 3 ч. Ч. 1. Историографические и психолого-педагогические науки. Минск, 2019. С. 373–379.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на известную степень рефлексии, концепт абсолютизма (как западноевропейского, так и российского), не получил надлежащего историографического освещения. На сегодняшний день в рассмотрении концепта абсолютизма, как феномена историографии, отсутствуют:

- рассмотрение его трансформации в динамике и долговременном формате, что необходимо для выявления ее сущности и содержания;
- сравнительный анализ историографической рефлексии западноевропейского абсолютизма по странам, что содействовало бы более глубокому пониманию особенностей истории и политической культуры отдельных государств;
- сопоставление, в рамках российской историографии, трактовок абсолютизма западноевропейского и российского, что весьма продуктивно не только для выявления специфики мотивационных, методологических, предметных и иных установок в обоих случаях, но и более глубокого понимания условий развития российской исторической науки;
- комплексный анализ изменений, произошедших в развитии концепта абсолютизма, как западноевропейского, так и российского, на протяжении трех последних десятилетий, так как данный период не только обладает выраженными отличительными чертами, но и определяет современное видение проблем абсолютизма.

1.3. Источниковедческий анализ концепта абсолютизма в российской историографии

Для проведения исследования, имеющего целью заполнить перечисленные историографические лакуны, в данной работе использован массив разнообразных источников. Автор придерживается культурологической парадигмы в рассмотрении исторического источника, в соответствии с которой последний выступает одновременно как артефакт и феномен культуры, имеющий неограниченный потенциал интерпретации. В силу этого правомерно считать, что историческим источником «становится любой продукт деятельности человека, содержащий информацию о ней и ставший объектом изучения»²²¹. Не менее важна очевидная в данном контексте интегративная роль источника в гуманитарном

²²¹ Источниковедение / Е. Д. Твердюков [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М., 2015. С. 8.

знании. В соответствии с ней, источник «выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа»²²². Несмотря на различие целевых исследовательских установок историка и историографа, в обоих случаях происходит обращение к корпусу исторических источников. Соответственно, ввиду специфики работы историографа, используемый им исторический источник может расцениваться и как историографический.

Используемые в данном исследовании источники типологически относятся к письменным. В свою очередь, согласно критерию опосредованности в отражении прошлого, их следует разделить на повествовательные и документальные, с последующим выделением функциональных групп. Каждая из групп имеет специфические характеристики в зависимости от периода появления и бытования представляющих ее источников.

Принципиально важно учитывать, что источник является результатом человеческой деятельности в конкретной социокультурной реальности. В силу этого, «любой источник... не может быть интерпретирован вне той общекультурной ситуации, в которой он возник и функционировал»²²³. Указанное обстоятельство диктует, ввиду системного рассмотрения общества и исторической науки, необходимость различения основных и опорных источников. Правомерность этого замечания возрастает, если учесть, что в данной книге проводится не только реконструкция методологической и предметной составляющей концепта абсолютизма, но и очерчивается то, что российский историк и методолог В. П. Корзун удачно охарактеризовала как «образ исторической науки»²²⁴ в социокультурном контексте общества.

Основные источники представляют собой корпус трудов российских историков, раскрывающих интерпретацию проблемы абсолютизма на протяжении последней трети XIX – начала XXI в. Данные источники относятся как к повествовательным (нарративным), так и к документальным. По формальному признаку они могут быть систематизированы на следующие группы.

²²² Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский [и др.]. М., 2004. С. 7.

²²³ Там же. С. 128.

²²⁴ Корзун В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 4.

Обобщающие «большие нарративы» по истории²²⁵ и историографии²²⁶ раскрывают проблемы абсолютизма в контексте панорамного рассмотрения исторического и историографического процесса. Появившись в дореволюционный период, объемные и многотомные работы стали максимально востребованными в послевоенной советской историографии. Их издание демонстрировало устойчивость советского историографического канона, подводило итоги развития советской историографии, а также предоставляло материал для читателя. Эти работы, несмотря на выраженную идеологизацию, до сегодняшнего дня ценны в справочном отношении, например, «Очерки истории исторической науки в СССР». Методологические реалии и резкий рост публикаций сделали в постсоветский период такой формат историографического нарратива неактуальным. Вместе с тем выход «Всемирной истории» в 6 томах показал, что потребность в масштабных обобщающих работах по истории осталась.

Индивидуальные и коллективные монографии по истории²²⁷ и исто-

²²⁵ Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. М., 2011. Т. 3. Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. 2013. 857 с.; Всемирная история: в 10 т. Т. IV. М., 1958. 823 с.; Там же. Т. VI / под ред. Н. А. Смирнова (отв. ред.) [и др.]. М., 1959. 829, [1] с.; История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. 509 с.; История Франции: в 3 т. М., 1972–1973. Т. 1. [Ю. Л. Бессмертный, А. Д. Люблинская, С. Д. Сказкин и др.]. 1972. 359 с.; Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. Изд. 5-е. СПб., 1913–1915. Т. 1. Переход от средних веков к новому времени. 1914. 422 с.; Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1993–1995; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд, испр. Т. 2. СПб., 2000. 566, [1] с.; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельцева, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. М., 1955. 1032 с.; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. СПб., 1914–1917; Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. Т. 7. Старый порядок (господство дворянства). 2-е изд. М.; Л., 1928. 273 с.; Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. X. История России с древнейших времен. Т. 19–20. М., 1993. 751 с.

²²⁶ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.: в 2 ч. Ч. 1. Л., 1929. 218 с.; Ч. 2. Л., 1931. 223 с.; Вайнштейн О. Л. Историография средних веков: в связи с развитием историч. мысли от начала средних веков до наших дней. Л.; М., 1940. 376 с.; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. 424 с.; Кареев Н. И. Историки Французской революции: в 3 т. Л., 1924–1925. Т.3. Изучение Французской революции вне Франции. 306 с.; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011. 688 с.; Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.] Т. 3. М., 1963. 830 с.

²²⁷ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. 239 с.; Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. Т. I / под ред. акад. Е. А. Косминского, канд. ист. наук Я. А. Левицкого. М., 1954. 495 с.; Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902. 183 с.; его же. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным: в 2 т. Т. 1. СПб., 1900. 658 с.; Властные институты и должности

риографии²²⁸ были и остаются одной из наиболее распространенных форм публикации итогов исследовательской работы.

Тематика монографий отражает проблемное поле абсолютизма, а ее изменения иллюстрируют ценностные и сюжетные трансформации в трактовке последнего. Так, в данной книге уделяется внимание рукописным главам «Истории советской медиевистики» О. Л. Вайнштейна²²⁹, демонстрирующим степень изменения авторского замысла под влиянием идеологической ситуации.

в Европе в Средние века и раннее Новое время: монография / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. 600 с.; Герье В. И. Идея народовластия и Французская революция 1789 г. М., 1904. 571 с.; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.; История Польши: в 3 т. Т.1. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954. 583 с.; Кафенгауз Б. Б. Россия при Петре Первом. М., 1955. 176 с.; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 2018. 412 с.; Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин СПб., 1912. 146 с.; Кожокин Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции. М., 1989. 176 с.; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х гг. М., 1999. 384 с.; Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). Л., 1959. 294 с.; ее же. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982. 275 с.; Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. 497 с.; Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794). М., 1950. 176 с.; Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. 460 с.; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование: монография. Москва-Берлин, Директ-Медиа, 2015. 320 с.; Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907. 784 с.; Павленко Н. И. Екатерина Великая. Изд. 6-е. М., 2006. 495 с.; Перцев В. Н. Германия в XVIII веке. Минск, 1953. 76, [2] с.; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007. 743 с.; Плешкова С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992. 176 с.; Поршнева Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 724 с.; Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография. Омск, 1999. 322 с.; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974. 395 с.; Федоров С. Е. Королевская семья в церемониальном пространстве раннеюжартовской монархии. СПб., 2018. 270 с.; Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке: история института. СПб., 2018. 544 с. и т. д.

²²⁸ Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. 334 [2] с.; Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. 800 с.; Кареев Н. И. Историки Французской революции: в 3 т. Т. 3. Изучение Французской революции вне Франции. 306 с.; Кирсанова Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. 119 с.; Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. 272 с.; Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков. М., 1963. 456 с.

²²⁹ Развитие советской историографии в условиях «культы личности» (нач. 30-х – середина 50-х гг.) [Монография. Ч. II, гл.V] // НИИ СПб ИИ РАН. ЗЕС. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11; Развитие советской историографии в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (30-е – середина 50-х гг.) [Монография] // Там же. Ед. хр. 10.

Содержание докторских²³⁰ и кандидатских²³¹ диссертаций отражает су-

²³⁰ Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 42 с.; Баринаева В. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2003. 40 с.; Батыр К. И. Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. 41 с.; Гайнутдинов Р. К. Политико-правовая идеология меркантилизма в России XVII – первой четверти XVIII веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 39 с.; Гриценко Н. Ф. Официальная доктрина внутривластного курса России конца XIX века: Политические и духовные аспекты внутренней политики: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 43 с.; Давидович А. М. Самодержавное государство в России в эпоху империализма (Классовая сущность идеология российского абсолютизма): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. 60 с.; Захарова О. Ю. Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 46 с.; Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. 43 с.; Коршунова Н. В. Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: замысел и механизмы реализации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 38 с.; Люблинская А. Д. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1951. 1060 с.; Малов В. Н. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Социальная и экономическая политика Кольбера: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 36 с.; Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2001. 41 с.; Омельченко О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 42 с.; Оржеховский И. В. Внутренняя политика российского самодержавия (усиление реакционно-охранительных начал): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1974. 44 с.; Плешкова С. Л. Франция XVI – начала XVII века: королевский галлицизм: церковная политика монархии и формирование официальной идеологии: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. М., 2005. 464 с.; Пименова Л. А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Ролова А. Д. Флоренция и проблема экономического упадка Италии (вторая половина XVI – начало XVII в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1974. 43 с.; Тянь В. В. Эволюция верховной самодержавной власти в России (1860-е – 1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 54 с.; Шишкин В. В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2019. 37 с.; Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютистской монархии второй половины XVI века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1963. 35 с.; Энгельгардт Р. Ю. Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кишинев, 1972. 43 с.

²³¹ Барчугова А. В. Политическая борьба в Англии в конце XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1951. 17 с.; Бугаева Н. А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.; Бузов С. В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двенадцатых – тридцатых годов XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 20 с.; Виноградова Н. Н. Коронация в России во второй половине XIX века как общественно-политическое явление: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004. 30 с.; Волосюк О. В. Г. М. де Ховельянос и политика просвещенного абсолютизма в Испании во второй половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 25 с.; Горбунова Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 26 с.; Дмитриева О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 22 с.; Зарубин А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 338 с.; Ивонин Ю. Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 23 с.; Калущкая Л. П. Политические идеи кардинала Ришелье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1951. 30 с.; Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 22 с.; Куцева Е. А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. 24 с.; Лысяков В. Б. Социально-политические воззрения Людовика XIV: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 29 с.; Мельникова А. В. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. 16 с.; Несмеянова И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 24 с.; Ролова А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение

ществующие в обществе на момент их написания представления об актуальности темы исследования, так как последняя не только должна быть обоснована соискателем, но и принята научным сообществом. В указанном контексте резкий рост в постсоветские годы количества работ, имеющих отношение не только к европейскому абсолютизму, но и в особенности к российской монархии, вряд ли нуждается в комментариях.

Специфическим видом источников, демонстрирующим нормы общения научного сообщества и требования к научным работам, являются рецензии²³² и отзывы²³³.

Обсуждения диссертаций, монографий, статей, докладов, также целесообразно выделить в отдельную функциональную группу. Данные источники демонстрируют восприятие результатов исследования научным сообществом. Соответственно, в обсуждениях раскрываются обоснование актуальности, степень разработанности проблем, последовательность аргументации, стиль научной полемики и т. д. Эта группа наиболее репрезентативна в публикациях и документах довоенных и первых послевоенных

абсолютизма Медичи: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 482 с.; Савинова А. Н. Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 22 с.; Сорокин Ю. А. Российский император Павел I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 20 с.; Черникова А. В. Российская монархия конца XIX века – 1917 года: эволюция монархической доктрины и политических институтов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.

²³² Иконников В. С. [Рецензия] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1900. Апрель. С. 165–189. Рец. на кн.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. 665 с.; Тихомиров И. А. [Рецензия] // Там же. 1908. Август. С. 431–442. Рец. на кн.: Ключевский В. О. Курс русской истории: в 4 ч. Ч. 3. М., 1908. 476, [2] с.; Котляревский С. А. [Рецензия] // Русская мысль. 1908. Кн. 2. С. 27–28. Рец. на кн.: Рожков Н. А. От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб., 1908. [4], 248 с.; Перцев В. Н. [Рецензия] // Там же. С. 24–27. Рец. на кн.: Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907. [2], VI, [2], 784 с.; Кареев Н. И. Книга о Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма // Журн. М-ва нар. просвещ. 1907. Ноябрь. С. 134–187. Рец. на кн.: Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907. [2], VI, [2], 784 с.; Молдавская М. А. [Рецензия] // Средние века. Вып. 23. М., 1963. С. 283–288, 287–288. Рец. на кн.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). Л., 1959. 294 с.; О. Н. У. (Ону, А. М.) [Рецензия] Павел Ардашев Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789) // Мир Божий. 1901. № 5. С. 99–105; Покровский Н. Н. [Рецензия] // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 144–148. Рец. на кн.: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. 239 с.; его же. [Рецензия] // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 121. Рец. на кн.: Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940. 595 с. и др.

²³³ Отзыв Б. Ф. Поршнева от 20.04.39 г. на диссертацию З. В. Мосиной «Абсолютизм во взглядах и политике Генриха IV»; Отзыв Е. А. Косминского от 30.04.39 на диссертацию З. В. Мосиной «Абсолютизм Генриха IV» (названия диссертации идентичны указанным в документах. – Л. Л.) // АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 277. Л. 2–5; Отзыв С. Д. Сказкина о рукописи доклада Л. В. Черепнина «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) для III Конгресса советских и итальянских историков 8–10.04.1968 // АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–4; [Сказкин С. Д.] Отзывы о работах Поршнева Б. Ф. «Народные восстания во Франции перед Фрондой», «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества», «Христианство, как составляющая часть надстройки в феодальной общественной формации». 1949–1956 // АРАН. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 87. Л. 2–30; [Сказкин С. Д.] Об освещении классовой борьбы в статьях Поршнева Б. Ф., опубликованных в журналах «Известия АН СССР», Серия истории и философии в 1948–1952 гг. // АРАН. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–13 и др.

десятилетий. В качестве повествовательных источников выступают сообщения в научной периодике о защите диссертаций, научных обсуждениях, дискуссиях и т. д.²³⁴ Документальные источники представляют собой материалы делопроизводства – стенограммы и протоколы заседаний Ученых советов, секторов по изучению истории СССР и Средних веков, научных групп и т. д. Это обсуждение в Институте истории АН СССР диссертации З. В. Мосиной в 1939 г., проблем абсолютизма в 1940 г., вопросов эволюции российской государственности и просвещенного абсолютизма в 1946 г., доклада А. Д. Люблинской о первоначальном накоплении во Франции в 1951 г., публикаций источников по истории французского абсолютизма в 1956 г., проблем изучения феодализма в 1963 г., вопросов перехода от феодализма к капитализму в 1966 г.²³⁵ и др.

²³⁴ Абсолютная монархия в Европе (Заключительное слово т. Косминского на семинаре I курса секции Запада исторического отделения ИКП 9/VI 1930 г.) // Бюллетень заочно-консультационного отдела ИКП. 1930. № 10. С. 43–52; А. В. Заседание ученого совета Института истории АН СССР 24–28 марта 1949 г. / Вопросы истории. 1949. № 3. С. 152–155; Дискуссии // Там же. 1968. № 2. С. 82–104; Дискуссия по статье М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. Вып. 2. 1999. С. 42–75; Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // Историк-марксист. 1939. Кн. 5–6. С. 278–279; Москаленко А. В. Институт истории Академии Наук СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева // Вопросы истории. 1951. № 6. С. 138–143; Обсуждение проблемы абсолютизма // Историк-марксист. 1940. № 6. С. 63–68; Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР, Серия истории и философии» в 1948–1950 гг. // Изв. Акад. Наук СССР. Сер. истории и философии. 1951. Т. 8. № 2. С. 201–208; Стегарь С. Научная работа на историческом факультете Московского государственного педагогического института // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 149–152; Стишов М. На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 154–158; Шарاپов Ю. Защита докторской диссертации на тему «народные восстания во Франции XVII века» // Ист. журн. 1941. № 5. С. 147–149; Шунков В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году // Там же. № 3. С. 154–157.

²³⁵ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории СССР по вопросу защиты диссертаций А. А. Строкова на тему «Ярославова Дворица» и З. В. Мосиной на тему «Идея абсолютизма в королевских посланиях и законодательных актах Генриха IV» // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 43–91; Стенограмма заседания Ученого совета Института [истории], посвященная обсуждению проблем абсолютизма в Западной Европе в XI–XIII веках (приведено оригинальное название документа. – Л. Л.) 16.03.1940 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 39; Л. 1–35; Стенограмма заключительного заседания Ученого совета [Института истории АН СССР], посвященного обсуждению проблем абсолютизма в Западной Европе в XIII–XVII веках (приведено оригинальное название документа. – Л. Л.) 10.04.1940 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 39. Л. 36–101 об.; Стенограмма заседания сектора истории СССР до XIX века 04.03.1940 г. [Обсуждение докладов проф. К. В. Базилевича и С. В. Юшкова] // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89; Протокол заседания сектора по истории СССР до XIX в. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121, т. 1.; Протокол заседания сектора истории СССР до XIX века от 04.04.1946 г. «К вопросу об основных моментах русского государства до середины XIX в. Тезисы доклада проф. С. В. Юшкова «Основные моменты истории русского государства до середины XIX века» // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321., т. 1.; Протокол заседания сектора истории СССР до XIX в. 11.04.1946 г. Обсуждение доклада С. В. Юшкова «История русского государства» (окончание) // Там же. Д. 322; 321; Протокол № 3 заседания группы всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории АН СССР от 17 января 1951 г. Доклад А. Д. Люблинской «Первоначальное накопление во Франции» // НИИ СПБИИ РАН. ЗЕС. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5. Л. 5; Стенограмма заседания Ученого совета по докладу Л. В. Черепнина «О научной работе в области истории СССР периода феодализма» 9 мая 1963 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506. Л. 1–31; Протокол заседания сектора истории средних веков от 28.09.1956 г. // Не-обработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени; Стенограм-ма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора средних веков Института истории академии наук СССР 8 апреля 1966 г. // Там же; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г. // Там же. Т. 1 и др.

Частные проблемы абсолютизма рассматриваются в научных сборниках²³⁶, а также в соответствующих статьях по истории²³⁷ и историогра-

²³⁶ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. 517 с.; Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники) / под ред. проф. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984. 200 с.; Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология). Пг., 1922. 230 с.; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / [отв. ред. Н. А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников]; М., 2008. 600 с.; Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда / под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб., 2001. 352 с.; Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. к 80-летию академика Сергея Даниловича Сказкина. М., 1972. 446 с.; Искусство власти: сб. в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. 512 с.; Кареев Н. И. Polonica: сб. ст. по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. 268 с.; От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции: межвуз. сб. / под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988. 175 с.; Пименова Л. А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка: сб. науч. ст. / М., 2018. 410 с.; Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. М., 2017. 316 с.; Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты: сб. науч. тр. М., 1989. 189 с.; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. М., 2006. 484 с.

²³⁷ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; Берго И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 39–55; Бирюкович В. В. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–1624 гг. // Исторические записки. Т. 3. М., 1938. С. 181–240; Блуменау С. Ф. Людовик XV // Вопр. истории. 2000. № 9. С. 62–82; Варьяш О. И. Королевская власть и ордена в Испании XVI века (по документам ордена Калатрава, ЛОИИ АН СССР) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 222–229; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. С. 206–242; Дмитриева О. В. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI – начала XVII в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. С. 360–382; Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопр. истории. 1989. № 10. С. 3–24; Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. С. 18–49; Ивонин Ю. Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 65–75; Иволина Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. // Вопр. истории. 2012. № 8. С. 104–117; Кияпина Н. С. Николай I: личность и политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 6. С. 8–41; Кирьянова Е. А. «Зримый образ Бога»: король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного правления» Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 71 (3–4). – М., 2010. С. 225–242; Кожокин Е. М. Фронда: кризис французского государства в середине XVII века // Статьи и материалы по истории Франции: фр. ежегодник, 1986. М., 1988. С. 54–80; Кондратьев С. В. Политика и политические элиты в предреволюционной Англии // Англия XVII века: социальные группы и общество: межвуз. сб. науч. тр. СПб., 1994. С. 17–32; Копосов Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка // От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции: межвуз. сб. Л., 1988. С. 26–51; Кошелева О. Е. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М., 2008. С. 78–94; Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15; Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38; Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма (конец XV – середина XVII в.) // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 55–70; Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М., 2005. С. 86–128; Медушевский А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 15–30; Мосина З. В. Франция при Генрихе IV // Ист. журн. 1938. № 9. С. 95–104; Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. С. 389–427; Пименова Л. А. Доктрина французской монархии в конце Старого порядка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4. История. 1996. № 5. С. 33–44; Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 285–303; Полосин И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Соци-

фии²³⁸. Это самая многочисленная группа источников, отражающая максимальный диапазон проблем абсолютизма, представленная не только

ально-политическая история России XVI – начала XVII вв. М., 1963. С. 156–181; Поршнев Б. Проблема Фронды // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 96–105; Прокопьев А. Ю. Династии и дворянство конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит // Нобилитет в истории Старой Европы. СПб., 2009. С. 194–228; Пчелов Е. В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7(50). С. 140–152; Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестн. права. 1902. № 9–10. С. 1–128; Розенталь Н. Н. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (К вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII) // Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1928. Т. 6. С. 110–126; Ролова А. Д. Политика Тосканского правительства в отношении народных масс (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Средние века. Вып. 37. М., 1973. С. 174–195; Рутенбург В. И. Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. к 80-летию акад. С. Д. Сказкина. М., 1972. С. 225–235; Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (Время и условия его возникновения) // Избранные труды по истории. М., 1973. С. 341–354; Томсинский С. Г. Петровские реформы // Историк-марксист. 1933. № 4. С. 53–80; Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 3. С. 130–149; Федоров С. Е. Раннепетровская монархия и титулованная знать: итоги династического строительства (финальный эпизод 1616–1629) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 4 (№ 26). С. 3–21; Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопр. истории. 1971. № 7. С. 46–65; Цагурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 3–16; ее же. Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *Quod principi placuit*) // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М., 2005. С. 129–149; Черепнин Л. В. Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.)» // Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма. сб. ст. М., 1981. С. 208–214; Черепнин Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России // Там же. С. 219–235 и т. д.

²³⁸ Антипов В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах // Вестн. Псковск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 13. С. 35–44; его же. Советские историки о политике просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1934–1941) // Метаморфозы истории. 2018. № 11. С. 25–39; Барбашина О. И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей // Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты. М., 2000. С. 39–53; Вайнштейн О. Л. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1958. М., 614 с. С. 491–513; Волобуев О. В. Феодальная революция в трактовке Н. А. Рожкова // Вестн. Московск. гос. обществ. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2009. № 4. С. 124–130; Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Петр Великий: сб. ст. М.; Л., 1947. С. 334–389; Кондратьева Т. Н. «Абсолютизм», «народные массы», «буржуазия» и «Фронда» в трактовке Б. Ф. Поршнева в 30-е – 40-е годы // Европа. 2002. № 2. С. 126–147; ее же. Б. Ф. Поршнев в дискуссиях советских историков о французском абсолютизме // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. Гуманит. исслед. Humanitatis. 2009. № 1. С. 51–58; ее же. Проблема французского абсолютизма в работах В. В. Бирюковича // Европа. 2001. № 1. С. 76–86; Копосов Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М., 1987. С. 139–155; Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепнина Н. Ю. Труды и дни профессора В. В. Штокмар // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Вып. 12. СПб., 2015. С. 20–37; Люблинская А. Д. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. Вып. 3. М.; Л., 1961. С. 374–403; ее же. Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. // Вопр. истории. 1946. № 10. С. 112–117; Медушевский А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы) // История СССР. 1988. № 3. С. 195–206; Мякинская А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии // Философия. Культура. Общество: сб. тр. молодых ученых и аспирантов. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2004. С. 145–151; Чикалова И. Р. «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты. Минск, 2018. С. 371–380 и т. д.

в печатном, но и в электронном виде и, ввиду мобильности виртуального пространства, едва ли поддающаяся точному учету. В воссоздании интерпретации абсолютизма советскими историками автором данной книги были использованы также две неизданные рукописи статей З. В. Мосиной и Б. Ф. Поршнева²³⁹.

В группе статей целесообразно выделить специфическую подгруппу, включающую публикации, посвященные трактовкам западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия классиками марксизма. Такие публикации, максимум которых вышло в послевоенные годы, выступают важным штрихом советской историографии. Они в наиболее четкой форме демонстрировали историографический канон, устоявшийся в послевоенные десятилетия, и указывали историкам официально принятые рамки интерпретаций²⁴⁰.

Материалы конференций, круглых столов и конгрессов²⁴¹ демонстри-

²³⁹ Мосина З. В. Внутренняя политика Франциска I (1515–1547) // НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 14; Поршнев Б. Ф. О роли крестьянских восстаний в истории средних веков и буржуазных революциях // Там же. Д. 174.

²⁴⁰ Белявский М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестн. Московск. ун-та. 1970. № 2. С. 65–79; Давидович А. М. Ленинская концепция абсолютизма (самодержавия) и современная литература // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 32–37; Дербов Л. А. В. И. Ленин о классовой сущности и основных этапах эволюции самодержавия в России // Историографический сборник. Вып. 1. Саратов, 1962. С. 3–33; Сказкин С. Д. В. И. Ленин и некоторые проблемы средневековой истории // Средние века. Вып. 18. 1960. М., 1960. С. 3–8; его же. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Моск. город. пед. ин-та. 1941. Т. 3. Вып. I. С. 3–25; Троицкий С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. ст. М., 1970. С. 294–311; Щеголев П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 84. С. 3–86 и др.

²⁴¹ Актуальные проблемы истории Великой Французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. 261 с.; Бестиарий антитез: сб. по статьям и материалам междунар. конф. 19–20 января 2018 г. Сер. 7. Res et verba. М., 2019. 239 с.; «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М., 2008. 255 с.; Гутнова Е. В. Проблемы истории средних веков на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте / Е. В. Гутнова, Л. А. Котельникова, Л. С. Чиколлини // Средние века. Вып. 50. М., 1987. С. 30–57; Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века. М., 1970. 365 с.; Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского / отв. ред. А. В. Малинов [и др.]. СПб., 2003. 413 с.; История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король [гл. ред.] [и др.]. Минск, 2018. 405 с.; Нобилитет в истории старой Европы: матер. конф. в Санкт-Петербургском университете // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 69 (1). М., 2008. С. 41–118; Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М. Бойцова, О. Г. Эксле; [сост. М. А. Бойцова]. М., 2008. 443 с.; Публичное сияние власти. Материалы круглого стола. М., 2006. 125 с.; Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. М., 2017. 316 с.; Русское централизованное государство. Образование и эволюция XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти академика Льва Владимировича Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 26–28 ноября 1980 г. М., 1980. 124 с.; Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология [сб. ст. к 200-летию Великой Французской революции]. М., 1988. 268 с.; Эпоха Великой Французской революции: проблемы истории и историографии. К 200-летию юбилею революции: межвуз. сб. науч. тр. Чебоксары, 1989. 92 с.; Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры: Тезисы докладов XVIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 1999. 85 с.

руют не только научную, но и общественную актуальность рассматриваемых проблем, так как в ряде случаев посвящаются известным деятелям науки или историческим датам. Коллективные научные мероприятия, количество которых увеличивается, чему содействуют информационные технологии, охватывают максимальный круг научной общественности, являются первым опытом представления своего труда молодыми учеными, зачастую демонстрируют начальные версии будущих статей и монографий, отличаются гибкостью формата представления научных материалов.

Четко определяемой функциональной группой выступает учебная литература, показывающая нормативную трактовку абсолютизма в момент выхода соответствующих изданий. Учебная литература представлена в нескольких формах. Это лекционные курсы²⁴², учебники²⁴³ и учебные посо-

²⁴² Базилевич К. В. Курс истории СССР. Темы: Образование Русского национального государства; расширение Русского государства и превращение его в многонациональное; Крестьянская война в начале XVII в.; Разгром польской и шведской интервенции; Русское государство в XVII веке; Народы Сибири в XVI–XVII веке; Завоевание Сибири; Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI–XVII вв.; Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России: стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 уч. году. М., 1940. 256 с.; Бауер В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете: в 2 т. Т.1. СПб., 1886. 339 с.; Т. 2. СПб., 1888. 566 с.; Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья М., 1987. 427, [1] с.; Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987–1990. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. 1987. 430, [1] с.; Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. 414, [1] с.; Т. 4. Курс русской истории. Ч. 1. 1989. 398, [1] с.; Косминский Е. А. Лекции по истории средних веков: с конца IV по XV век включительно: для студ.-заочников пед. и учит. ин-тов. М., 1938. 476, [3] с.; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. 688 с.; Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России (1725–1773): курс лекций. Л., 1964. 194 с.; Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х – 70-х годах XIX века. Лекции по спецкурсу. Горький, 1974. 168 с.; Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. IV. История нового времени (от Вестфальского мира до Конвента). СПб., 1913. 298 с.; Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005. 832 с.; Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции / под общ. ред. Е. А. Косминского. Изд. 2. М., 1937. 388 с.; Удальцов А. Д., Сказкин С. Д. История средних веков. Курс лекций, прочитанных в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 1944. 275 с.; Там же. М., 1952. 222 с.; Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. Курс лекций. Л., 1938. 492 с. и др.

²⁴³ Арзаканян М. Ц., А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. История Франции. М., 2005. 474 с.; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. 399 с.; Виппер Р. Ю. Новая история: [в 2 кн.]. Кн. 1: Новая история. 1500–1789. М., 1923. 283 с.; его же. Учебник истории: [в 3 кн.]. Рига, 1928. Часть III. Новое время. Рига, 1928. 473 с.; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1985. 419 с.; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России; 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 352 с.; Историография истории нового времени стран Европы и Америки / А. В. Адо [и др.]; под ред. И. П. Деметьева. М., 1990. 511 с.; История России от древнейших времен: учебник истории для вузов [Электронный ресурс] / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1992. 211 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Projan/intro.php. Дата доступа: 08.05.2020.; История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для вузов / Н. И. Павленко [и др.]; под ред. Н. И. Павленко. М., 1996. 559 с.; История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под общ. ред. А. Н. Сахарова. М., 2012. 768 с.; История средних веков [в 2 т.]. Т. 2. / под ред. проф. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. М., 1939. 562 с.; История средних веков / Ин-т истории Акад. наук СССР и ист. фак. Моск. гос. ун-та им. Ломоносова [Ч.1. Раннее средневековье. Ч. 2. Периоды XI–XV вв.] / под ред. акад. Е. А. Косминского и чл.-кор. акад. наук СССР С. Д. Сказкина. 1952. 748 с.; История средних веков: [Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов] Т. 2. [Ч. 3. Позднее средневековье] / под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР С. Д. Сказкина [и др.]. М., 1954. 520 с.; История средних веков: допущено Мин-вом высш. и ср. спец. обр. СССР в качестве учебника для студ. пед. ин-тов / ред. коллегия: М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревич, Н. Ф. Колесницкий. М., 1964. 703 с.; История средних веков [в 2 т.]: под общ. ред. С. Д. Сказкина. Изд. 2-е, перераб. Т. 2. / ред. коллегия:

бия²⁴⁴, учебные программы²⁴⁵ и программы курсов, изданные и неизданные²⁴⁶, а также отдельно опубликованные лекции.

Многотомные лекционные курсы, за исключением «Курса русской истории» В. О. Ключевского, не обрели широкого распространения, ввиду неудобства в использовании. В советский период достаточно часто выходили издания в двух томах. На сегодняшний день наиболее популярными являются однотомные издания, в большинстве случаев представленные также в электронном виде. Что же касается издания стенограмм отдельных лекций²⁴⁷, то широкое распространение данной практики в 1930-х – 1950-х гг.

А. Д. Люблинская [и др.]. М., 1977. 336 с.; Кондратьев С. В. Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2010. 192 с.; Моисеев В. В. История России. С древнейших времен до наших дней: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Берлин, 2019. 732 с.; Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: учеб. для студентов вузов: в 3 ч. / [А. М. Родригес и др.]; под ред. А. И. Родригеса, М. В. Пономарева. М., 2005–2008. Ч.1. 2005. 528 с.; Семенов В. Ф. История средних веков: учебник для студ. ист. ф-тов пед. ин-тов. Изд. 4-е. М., 1975. 590 с. и др.

²⁴⁴ Абсолютная монархия во Франции: учеб. пособие / под ред. В. В. Бирюковича. Л., 1936 31 с.; Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР: учеб. пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б): в 3 ч. Ч. 1. От древнейших времен до конца XVIII века. М., 1946. 742 с.; Баттыр К. И. История феодального государства Франции: учеб. пособие для студ. ВЮЗИ. М., 1975. 50 с.; Бирюкович В. В. Италия в XIV–XVI вв.: учебное пособие. Л., 1937. 37 с.; Вульфийус А. Г. Западная Европа в Новое время. Пг., 1920. 39 с.; Денисенко Н. П. Испанская монархия в последней трети XV – начале XVI века: учеб. пособие. Иваново, 1991. 74 с.; Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции: учеб. пособие. М., 1965. 417 с.; Новая история / под ред. проф. В. В. Бирюковича, проф. Б. Ф. Поршнева, члена-корр. Акад. наук СССР С. Д. Сказкина. – Т. 1. 1640–1789. М., 1951. 471 с.; Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютистской монархии (вторая половина XVIII века): учеб. пособие. М., 1989. 148, [3] с.; Отечественная история / С. Н. Полтораки, В. А. Бунакова, С. Б. Ульянова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. 398 с.; Потемкин Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции // Новая история. Первый период (1642– 870): учеб. пособие. М., 1956. 291 с.; Ревякин А. В. Новая история стран Европы и Америки: конец XV–XIX вв.: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2007. 508 с.; Сказкин С. Д., Удальцов, А. Д. История средних веков: учеб. пособие. М., 1955. 223 с.; Штокмар В. В. История Англии в средние века: учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 179, [5]с. и др.

²⁴⁵ Новая история: Первый период (1640–1870): Программа для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М., 1954. 48 с.; Программа семинария по истории стран Западной Европы 1931/32 учебного года для аспирантов I курса Ленинградского отделения Коммунистической академии // СПбФ АРАН. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 54, 54 об.; Программы (копии) курсов по общеобразовательным предметам [ФОН МГУ] // ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 62. Л. 4–34.

²⁴⁶ Плешкова С. Л. Французская Реформация (Спецкурс и переводы источников): учеб.-метод. пособие. М., 1993. 122 с.; Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции. М.; Л., 1925. 96 с.; Уваров П. Ю. Проблемы социальной и культурной истории Франции XVI–XVII вв.: Программа спецкурса. для гос. вузов. Спец. 2008 – история. Казань, 2002. 24 с.

²⁴⁷ Косминский Е. А. Абсолютизм во Франции: стеногр. лекции, прочитанной в Высшей школе пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б). М., 1938. 43 с.; его же. Английский абсолютизм. Буржуазная революция в Англии в XVII веке: стеногр. лекции, прочитанной 13 и 16 марта 1940 г. М., 1940. 72 с.; его же. История средних веков. Вып. 1. (Лекции 1–3) Курс 1935/36 уч. года. М., 1936. 40 с.; Молок А. И. Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века // Стенограмма лекции профессора Молока А. И., прочитанной 17 апреля 1936 г. Л., 1936. 22 с.; Новицкий Г. А. Образование Российской империи: стеногр. лекций, прочитанных 21, 27 и 29 января 1940 г. // Курс истории СССР. М., 1940. 52 с.; Потемкин Ф. В., Молок А. И. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции: стеногр. лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949. 55 с.; Сказкин С. Д. Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII–XVIII веках: стеногр. лекции, прочитанной в ВПШ при ЦК ВКП(б) в 1940/41 уч. г. М., 1941. 24 с.; его же. Английская революция: стеногр. лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 уч. году. М., 1941. 19 с.; его же. Буржуазная революция XVII века в Англии. Страны континентальной Европы в XVII–XVIII веках: лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952. 32 с.

постепенно ушло по мере все большего предложения учебников и учебных пособий. Как и учебная литература, общепринятую позицию в трактовках абсолютизма отражают статьи в энциклопедиях и словарях²⁴⁸.

Достоинства реферативных сборников и обзоров, как нарративных источников – в тематическом подборе изданий и доведении их содержания до исследователя в концентрированном виде²⁴⁹. Документальными источниками, ценными для рассмотрения проблем абсолютизма как в практике высшей школы, так и научном исследовании, являются публикации документов, изданные на протяжении 1960-х – 1970-х гг. благодаря организаторской деятельности А. Д. Люблинской²⁵⁰.

Среди основных повествовательных источников надлежит выделить две специфические группы, занимающие особое положение. Первая из них – научно-популярные работы, созданные российскими историками-профессионалами, представленные в виде книг²⁵¹ и статей²⁵². Данный нарратив об абсолю-

²⁴⁸ Абсолютизм // Всемирная история государства и права: энцикл. слов. / [Ю. Г. Арзамасов и др.]; под ред. Крутских А. В. М., 2001. С. 6–7; Абсолютизм // СИЭ. Т. 1. М., 1961. Стлб. 45–48; Дживелегов А. Абсолютизм // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». 7-е перераб. изд., 13-е стер. изд. до 33 тома. – Т. 1 А – актуарий. М. Стб. 64–73; Покровский М. Н. Абсолютизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 1. Стб. 90.

²⁴⁹ Беспалов С. В. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России (аналитический обзор) // История России. Сер. аналитических обзоров и сборников. 2013. № 1. С. 110–135; Коновалов В. С. Государственное управление в России (XVI–XVIII вв.) (аналитический обзор) // Там же. С. 71–95; Медушевский А. Н. Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.) (Зарубежная историография). Научно-аналитический обзор. М., 1989. 61 с.; его же. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы) // История СССР. 1988. № 3. С. 195–206; Фадеева Т. М. Российский абсолютизм в XVIII в. (аналитический обзор) // История России. С. 173–205.

²⁵⁰ Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг.: Сев. и Центр. провинции [сб. докум.]. Л., 1980. 279 с.; Документ по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой и Е. Г. Гурари; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века. Вып. 12. 1958. С. 149–171; Там же. Вып. 13. 1958. С. 155–180. Там же. Вып. 14. 1959. С. 168–190; Там же. Вып. 15. 1959. С. 149–174; Там же. Вып. 19. 1961. С. 292–329; Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561–1563 гг. [Из отд. рукописей Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории; [под ред. и с предисл. проф. А. Д. Люблинской]. М.; Л., 1962. 364 с.; Документы по истории внешней политики Франции. 1547–1548 гг. / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории. Л.; М., 1963. 394 с.; Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг. [сб. докум.] / АН СССР: Ленингр. отд. Ин-та истории. Л.; М., 1966. 406 с.

²⁵¹ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006. 635, [3] с.; Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2004. 362 с.; его же. Императорская Россия. СПб., 2008. 640 с.; Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2012. 368 с. – С. 6; Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. 192 с.; Высокочков Л. В. Николай I. Изд. 2-е. М., 2006. 694, [10] с.; Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М., 2004. 308 с.; Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010. 635 с.; Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004. 462, [1] с.; Ивонина Л. И. Мазарини. М., 2007. 301, [2] с.; Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. 288 с.; Кизеветтер А. А. День царя Алексея Михайловича (Сцены из жизни Москвы XVII века). Изд. 3-е. М., 1913. 20 с.; его же. Исторические силуэты. Ростов-н/Д., 1997. 475, [2] с.; Козляков В. Н. Михаил Федорович. Изд. 2-е. М., 2010. С. 324; Курукин И. В. Екатерина I. М., 2016. 397, [1] с.; Ляшенко Л. М. Александр I. Самодержавный республиканец. М., 2014. 347, [5] с.; Павленко Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002. 384 с.; его же. Екатерина Великая. Изд. 6-е. М., 2006. 495 с.; его же. Петр I. М., 2000. 428 с.; его же. Страсти у трона. М., 2018. 336 с.; Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010. 524, [2]; Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990. 384 с. и др.

²⁵² Анисимов Е. В. Отец Отечества // Звезда. 1989. № 11. С. 101–118; Демидова Н. Ф. Пролог: Сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем // Родина. 1993. № 1. С. 126–127; Курукин И. В. Фаворит на десять лет. Незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне // Родина. 2000. № 9. С. 37–42; Троицкий Н. А. «На земле стоит комод...» Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль – XXI. 2000. № 5. С. 88–98 и др.

тизме обращен к широкому кругу читателей, и его роль нельзя переоценить в формировании интереса к проблеме и базового уровня соответствующих знаний. В свою очередь, указанное является неотъемлемой частью концепта абсолютизма в качестве коллективного представления о последнем.

Второй группой источников, также весьма важной, выступают работы западных историков – монографии²⁵³ и статьи²⁵⁴. В дореволюционный пе-

²⁵³ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М., 2010. 512 с.; Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор литературы / вступ. статья и общ. ред. докт. ист. наук В. И. Буганова. М., 1985. 197 с.; Виллар Ж., Виллар К. Формирование французской нации. (X – начало XIX в.) / пер. с фр. О. В. Волкова; ред. и предисл. [с. 5–21] проф. А. З. Манфреда. М., 1957. 335 с.; Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск, 2005. 416 с.; Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России / пер. с фр. М., 2006. 448 с.; ее же. Николай Второй: расстрелянная преемственность / пер. с фр. Е. Богатыренко. М., 2006. 446 с.; Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV 1460–1610 / пер. с фр. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М., 2004. 416 с.; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002. 976 с.; Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640. Эссе по исторической психологии / пер. с фр. Андрея Лазарева. М., 2010. 328 с.; Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / пер. с франц. Некрасов М. Ю.; науч. ред. Шишкин В. В., предисл. Уварова П. Ю. СПб., 2008. 416 с.; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 421 с.; Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской Империи: state end society in the Old Régime. London, 1990. 304 с.; Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Ефимова. СПб., 2008. 248 с.; Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия / пер. с фр. под ред. и вступ. ст. Р. Ю. Виппера. М., 1988. 306 с.; Тэн И. Происхождение современной Франции: в 3 т. / пер. с фр.; под ред. Я. В. Швырова. СПб., 1907. Т. 1. Старый порядок. 1907. 195 с.; Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемониал русской монархии [в 2 т.]. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. 608 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пильникова. М., 2004. 796, [4] с.; Фюре Ф. Постигание Французской революции / пер. с фр. Д. В. Соловьева. СПб., 1998. 224 с.; Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. СПб., 2003. 272 с.; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / пер. с фр. О. Э. Гринберг. М., 2001. 256 с.; Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова [и др.]. М., 2002. 368 с. (Studia historica) Beik W. The absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past&Present. 2005. № 188. P. 195–224; Bély L. La France au XVII siècle: puissance de l'État, contrôle de la société. P., 2009. 846 p.; Campbell P. R. Power and Politics in Old Regime France. 1740–1745. London and New York, 2003. 432 p.; Cosandey F. La reine de France. Symbole et pouvoir XVe – XVIII siècles. P., 2000. 414 p.; Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France: Histoire et historiographie. P., 2002. 316 p.; Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle. De la Féodalité aux Lumières / Guy Chaussinant-Nogaret. P., 1976. 239 p.; Doucet R. Étude sur le gouvernement de François Ier dans ses rapports avec le Parlement de Paris: Ire partie. P., 1921. 378, [1] p.; Goubert Pierre. L'ancien régime. Vol. 1. La société. P., 1969. 271 p.; Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien régime. 1. La société et l'état. P., 1984. 383 p.; Hurt J. J. Louis XIV and the Parlements: The Assertion of Royal Authority. Manchester, 2004. 249 p.; Jouanna A. Le prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique. P., 2013. 436 с.; Mandrou R. L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'Etat. 1649–1775. P., 1977. 401 p.; Mandrou R. La France aux XVII et XVIII siècles. P., 1974. 355 p.; Mousnier R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1946. 629, [XXIX] p.; Pagés G. La monarchie d'Ancien Régime en France (De Henri IV à Louis XIV). P., 1928. 215 p.; The Origins of the English Civil War / Ed. by Conrad Russell. L., 1973. 296 p. и др.

²⁵⁴ Козандей Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV: фр. ежегодник, 2014. М., 2014. С. 239–251; Поор Я. О понятии просвещенного абсолютизма // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархия от расцвета до кризиса. М., 2006. С. 69–83; Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9–45; Cosandey F. Préséances et sang royal // Cahiers de la Méditerranée. 2008. № 77. P. 19–26; Cosandey F. De lance en quenouille. La place de la reine dans l'État moderne (XIVe–XVIIe siècles) // Annales. 1997. № 4. P. 799–820; Mousnier R. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1958. T. V. P. 81–113 и др.

риод эти издания адаптировались российскими новистами-либералами, в советское – были предметом критики как идеологически чуждые (за исключением работ историков марксистской и близкой к ней ориентации), а на современном этапе занимают значимое место в общем историческом нарративе как пример альтернативного рассмотрения как западноевропейского абсолютизма, так и российского самодержавия.

Структура предметного поля опорных источников является значительно более сложной, нежели основных. В ней можно выделить несколько проблемных групп.

Первая группа объединяет в себе две подгруппы источников, особое место которых объясняется спецификой условий развития российской историографии. Так, анализируя феномен самодержавия, нельзя абстрагироваться от трактовок последнего российской монархической мыслью²⁵⁵ и ее интерпретациями в современных условиях²⁵⁶. В свою очередь, рассмотрение концепта абсолютизма в советской историографии невозможно без обращения к соответствующим работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина²⁵⁷.

Вторая группа отражает существование концепта абсолютизма в философии, правоведении, идеологии, управлении, то есть в областях, оказавших важнейшее влияние на осмысление феномена абсолютизма в исто-

²⁵⁵ Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. 480 с.; его же. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. 192 с.; Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. 464 с.; Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998. 432 с.

²⁵⁶ Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 42 с.; Гусев И. В. Монархическое направление русской социально-политической мысли XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2005. 19 с.; Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 55 с.; Павлова Е. Л. Феномен сакрализации и десакрализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2008. 20 с.; Савельева М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности: Российский опыт становления феномена «сакральное». Киев, 2007. 410 с.; Серегин А. В. Теоретические проблемы монархической формы правления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 22 с.

²⁵⁷ Ленин В. И. Анкета об организациях крупного капитала // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 21. М., 1973. С. 288–305; его же. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Там же. Т. 17. М., 1973. С. 339–353; его же. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Там же. Т. 20. М., 1973. С. 171–180; его же. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Там же. Т. 17. М., 1973. С. 407–414; его же. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове) // Там же. Т. 20. С. 114–133; его же. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Там же. Т. 39. М., 1974. С. 433–451; его же. По поводу юбилея // Там же. Т. 20. С. 161–170; его же. Попытное направление в русской социал-демократии // Там же. Т. 4. М., 1971. С. 240–272; его же. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Там же. Т. 1. М., 1971. С. 125–346; Маркс К. К критике гегелевской философии права // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1954. С. 219–368; его же. Монтескье LVI // Там же. Т. 6. М. 1957. С. 192–207; его же. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Там же. Т. 4. М., 1955. С. 291–321. его же. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы // Там же. Т. 46. Ч. 2. М., 1968. С. 407–493; Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» // Там же. Т. 21. М., 1961. С. 258–259; его же. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. С. 23–178.

рической науке. Нарративные источники данной группы включают ряд подгрупп. Это мемуарные и эпистолярные источники²⁵⁸, работы по истории права (книги, статьи, курсы лекций)²⁵⁹, а также произведения философской и политической мысли (книги, трактаты, статьи), представляющие, в свою очередь, западноевропейскую²⁶⁰ и российскую²⁶¹ традиции. Примерами документальных источников, демонстрирующих практику абсолютистской доктрины, являются Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г.²⁶²

Третья группа опорных источников раскрывает, в рамках системного подхода, социокультурную взаимообусловленность исторической науки и общества. Данная группа может быть разделена на три подгруппы. Первая из них демонстрирует подготовку кадров и цели исторического образования, вторая раскрывает состояние исторической науки в контексте социально-политического развития общества, третья показывает восприятие процессов в исторической науке сообществом профессиональных историков.

Первая подгруппа включает как документальные, так и нарративные источники. В первом случае речь идет о документах законодательства – постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании истории в средней

²⁵⁸ Архив князя Ф. А. Куракина: в 10 кн. / под ред. М. М. Семевского. Кн. 1. Бумаги князя Б. И. Куракина 1676–1717 г. Письма Петра Великого. Гистория. Дневник и путевые заметки. СПб., 1890. XXVI, 387 с.; Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1986. С. 22–73.

²⁵⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд., доп. Киев; СПб, 1900. 667, II с.; Градовский А. Н. Собрание сочинений: в 9 т. СПб., 1899–1904. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве. 1901. 433 с.; Дитятин И. И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1895. [4], 632 с.; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010. 520 с.; Коркунов Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям: в 2 т. Т. 1: Введение и общая часть. СПб., 1892. 402 с.; Рейснер М. А. Введение // Политический строй современных государств: в 2 т. Т. 1. СПб., 1905. С. 1–77; его же. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 1–128; Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке. Юрьев, 1911. VII, 633 с.

²⁶⁰ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970. С. 144–147; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1964. С. 45–678; его же. Основы философии: часть третья: о гражданине // Там же. Т. 1. М., 1964. С. 287–387; Макьявелли, Н. Государь // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: сб. М., 2004. С. 58–135; Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 157–733.

²⁶¹ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 11–67; Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. 127 с.

²⁶² Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. Дата доступа: 02.06.2020; Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/intro.htm>. Дата доступа: 02.06.2020.

школе²⁶³, материалах делопроизводства (протоколах заседания деканата ФОН МГУ 1921–1923 гг. об условиях приема и содержании обучения)²⁶⁴. Нарративные источники представлены «Кратким курсом» истории ВКП(б)²⁶⁵, статьями о задачах изучения истории, проектом создания «Всемирной истории»²⁶⁶, а также современными исследованиями²⁶⁷.

Взаимосвязь исторической науки и социально-политического развития общества характеризуют целый ряд документальных и нарративных источников. Документальные источники представлены материалами делопроизводства и законодательства, относящимися к советскому периоду и отражающими установки идеологических кампаний в исторической науке²⁶⁸. Нарративные источники данной подгруппы состоят из целого ряда статей,

²⁶³ К изучению истории: сб. М., 1938. 40 с.; Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе // Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Приложение № 5 к п. 31 пр. ПБ № 58 от 25. VIII. 1931 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://istmat.info/node/53561>. Дата доступа: 21.01.2018. С. 170–189; Постановление ЦК ВКП(б) от 25. VIII. 1932 г. Об учебных программах и режиме начальной и средней школе // Постановление ЦК ВКП(б) от 25. VIII. 1932 г. Об учебных программах и режиме начальной и средней школе. Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ № 113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/57330>. Дата доступа: 28.01.2018; На фронте исторической науки: в Совнаркомме Союза СССР и ЦК ВКП(б) [постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова о конспектах учебников и др. материалы]. М., 1936. 27, [2] с.

²⁶⁴ Протокол заседания деканата факультета общественных наук от 30 января 1921 г. // ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24. Л. 1–22; Протокол заседания деканата факультета общественных наук от 6 марта 1922 г. // Там же. Д. 40. Л. 14–15 и др.

²⁶⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. 350 с.

²⁶⁶ Вейсман А. Д. О задачах преподавания истории в средних учебных заведениях // Журн. М-ва нар. просвещ. 1908. Июль. С. 19–30; Покровский М. Н. Задачи Общества историков-марксистов (Речь, произнесенная при открытии Общества и заседании 1 июня 1925 г.) // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 3–10; Некоторые итоги и задачи изучения новой и новейшей истории // Новая и новейшая история. 1973. № 4. С. 3–13; Проект схемы многотомника всемирной истории // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 143–191; Проект схемы многотомника всемирной истории // Там же. № 3. С. 170–189.

²⁶⁷ Аврус А. И. Власть и университеты в России // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 10. М., 2003. С. 207–218; Андреев Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа // Там же. Вып. 20. М., 2007. С. 270–284; Ястер И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920-х – 1930-х гг. // Там же. Вып. 10. С. 282–288.

²⁶⁸ Стенограмма заседания Ученого совета по обсуждению доклада С. Д. Сказкина «О патриотическом долге советского ученого» 15 марта 1948 г // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 2–23; Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР, посвященного обсуждению недостатков и задач научно-исследовательской работы института от 15 октября 1948 г // Там же. Д. 192; Стенограмма заседания Ученого совета, посвященного проблемам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке 24 марта 1949 г // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207; Стенограмма заседания Ученого совета, посвященного вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке 25 марта 1949 г // Там же. Д. 208. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535; Стенографический отчет заседания Общества [историков-марксистов] по вопросу о состоянии исторической науки и о задачах историков-марксистов в реконструктивный период. Доклад Н. М. Лукина // СпбФ АРАН. Ф. 234. Оп. 1. Д. 54; Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 320–322 и др.

интервью, докладов²⁶⁹, содержащих идеологические ориентиры для историков. Процессы, происходящие в современной исторической науке, отражены в статьях и книгах, различных по дискурсу и идейной направленности²⁷⁰.

Связь историка и общества, в котором он живет и для которого создает свои исследования, ярко прослеживается на субъективном уровне, то есть в биографиях и мемуарах. Биографический сегмент нарративных источников, использованных в данной работе, достаточно репрезентативен. При этом источники советского и постсоветского периодов значительно отличаются по формальным, количественным и содержательным показателям. Биографические работы советского периода об историках – это юбилейные²⁷¹ и мемориальные статьи²⁷², за исключением отдельной работы М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском²⁷³ и автобиографической книги Н. М. Дружинина²⁷⁴.

²⁶⁹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 г. С., 1987. 63 с.; За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. 1953. № 2. С. 3–13; Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 3–6; Иванов В. В. Ленинский принцип партийности и научная объективность // Там же. 1980. Вып. 43. С. 5–12; Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3–31; Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии // История и историки. М., 1978. С. 5–16; «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 3–57; Лукин Н. М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта // Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 3–10; Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 3–12; Сванидзе А. С. Наши задачи // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 5–13; Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Сочинения [в 18 т.]. Т. 13. М., 1951. С. 104–123; его же. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Там же. С. 236–256; Чубарьян А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 7–18.

²⁷⁰ Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999. С. 17–4; Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 3–4. С. 21–36; Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! М., 2005. 245, [1] с.; Медушевский А. Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 3–16; его же. Научное сообщество и его критерии: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // Там же. № 4. С. 203–208; Литвак Б. Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. 190 с.; Сахаров А. Н. О новых подходах к российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: историограф. вестн. М., 2002. С. 3–28; Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. 277, [3] с.; его же. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 194–208; Федотова В. Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 60–70 и др.

²⁷¹ Бессмертный Ю. Л., Малов В. Н. А. Д. Люблинская – историк-медиевист // Средние века. Вып. 35. С. 3–15; Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Там же. Вып. 46. С. 291–323; Гутнова Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин (к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности) // Вопросы истории. 1961. № 1. С. 116–120; Гутнова Е. В., Чистозвонов А. Н. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики // Там же. 1970. № 10. С. 149–156 и др.

²⁷² Ганелин Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4. С. 102–112; Гутнова Е. В. Памяти академика С. Д. Сказкина // Вопр. истории. 1980. № 10. С. 12–128; ее же. Академик Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 145–163 и др.

²⁷³ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974. 638 с.

²⁷⁴ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979. 166, [1] с.

Совершенно иная ситуация характерна для современной историографии. Во-первых, в связи с переосмыслением истории российской исторической науки резко возросло количество публикаций биографического плана. Они стали выходить не только в периодических изданиях, но и в специальных сборниках, среди которых одним из наиболее известных является серия «Портреты историков. Время и судьбы»²⁷⁵. Возросло количество мемуарной литературы, были изданы воспоминания Н. И. Кареева, П. Н. Милюкова, дневник А. Н. Савина²⁷⁶. Появился жанр «эго-истории» и такое явление, как «война мемуаров»²⁷⁷.

Четвертая группа опорных источников представляет разнообразные стороны историографического контекста, в котором интерпретировался концепт абсолютизма. Речь идет о функционировании научных школ и направлений, исследованиях отдельных историков, международных контактах ученых, функционировании академических учреждений, влиянии идеологических приоритетов государства на развитие исторической науки и т. д. Источники, относящиеся к различным периодам, ценны для демонстрации методологических и аксиологических изменений в самой историографической рефлексии. Например, трактовки дореволюционной российской историографии советскими исследователями существенно отличаются от таковых в настоящее время. В свою очередь, советская историография предстает в различном свете в зависимости от того, оценивается ли она историками советского или постсоветского периода. Нарративные источники этой обширной группы сюжетно весьма разнообразны. По формальному же признаку их можно систематизировать на многотомные «большие нарративы» (в данном случае «Очерки истории исторической науки в СССР»)²⁷⁸.

²⁷⁵ Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Портреты историков: время и судьбы: Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 228–242; Дунаевский В. А. Николай Михайлович Лукин // Там же. С. 310–321; Золотарев С. П. Николай Иванович Кареев // Там же. С. 276–293; Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 102–126; Лебедева, А. В. Березкин, Н. Ю. Черепенина Г. Е. Труды и дни профессора В. В. Штокмар // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 12. СПб., 2015. – С. 20–37; Погодин С. Н. Владимир Иванович Герье // Клио. 2004. № 1. С. 209–217; Шмидт С. О. Сергей Федорович Платонов // Портреты историков: время и судьбы: Т. 1. 2000. С. 100–135; Цатурова С. К. Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 5–45 и др.

²⁷⁶ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с.; Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 1. М., 2014. 400 с.; Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб., 2015. 524 с.

²⁷⁷ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. 216 с.; Гордон А. В. Историки железного века. М., 2018. 448 с.; Гуревич А. Я. Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 362–39; его же. История историка. М., 2004. 288 с.; его же. Путь прямой, как Невский проспект, или Исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 7–34; Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. 464 с.; Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Cathedra medii aevi: материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-х – 1950-х годов. СПб., 2008. 123, [2] с.; Мильская Л. Т. Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 394–401 и др.

²⁷⁸ Очерки истории исторической науки в СССР: [в 5 т.] / под ред. М. В. Нечкиной. [и др.]. Т. 2. М., 1960. 861 с.; Т. 3. М., 1963. 830 с.; Т. 4. М., 1966. 854 с.; Т. 5. М., 1985. 605 с.

монографии²⁷⁹, статьи²⁸⁰, диссертации²⁸¹, лекции²⁸².

²⁷⁹ Брачев В. С. Травля русских историков. М., 2006. 320 с.; Вандакловская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285, [2] с.; Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974. 334 [2] с.; Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. 800 с.; Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. 160 с.; Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. Минск, 2009. 628 с.; Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. 333 с.; Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992. 216 с.; Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. 216 с.; Кирсанова Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. 119 с.; Корзун В. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. 471 с.; Корзун В. П., Кныш Н. А., Колеватов Д. М. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. 470, [1] с.; Мир историка. XX век: монография / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002. 475 с.; Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идеи но-политические позиции. Казань, 1988. 198, [2] с.; Нечухрин А. Н. Проблема специфики исторического познания в творчестве Н. И. Кареева // Методологические и историо-графические вопросы исторической науки. Вып. 13. Томск, 1979. 103 с.; Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. 348 с.; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. 320 с.; Рубинштейн Н. Л. Русская историография / под ред. А. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. СПб., 2008. 938 с.; Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь, 1998. 229 с.; Сидорова Л. А. Оттепель в советской исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. 288 с.; Советская историография / под общ. ред. акад. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. 591 с.; Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1955 г.). М.; СПб., 2016. 427 с.; Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Томск, ~ 1978. 171 с.; Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: монография. М., 2010. 704 с.; Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. 503 с.; Чикалова И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб., 2017. 576 с.; Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания. М., 2017. 280 с. и др.

²⁸⁰ Блуменау С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопр. истории. 2003. № 9. С. 155–161; Бутенко В. А. Наука новой истории в России // Анналы. 1922. № 2. С. 129–167; Вайнштейн О. Л. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1958. М., 1959. С. 491–513; Вебер Б. Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой Французской революции // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1960. М., 1961. С. 489–526; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. С. 3–33; Комолова Н. П. Встреча советских и итальянских историков // Вестн. академии наук СССР. 1968. № 7. С. 88–92; XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопр. истории. 1960. № 12. С. 3–29; Ключев А. И., Свешников А. В. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920–1940-х годов // Вестн. Омск. ун-та. 2013. № 3. С. 57–62; Милюков П. Н. Величие и падение М. Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 505–524; Минц И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и 6-м международном конгрессе историков в Осло // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 84–96; Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе 1930-х – 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86–112; Уваров П. Ю. В поисках «феодализма» // Одиссей 2006. М., 2006. С. 5–10; Черепнин Л. В. XII Международный конгресс историков // История СССР. 1966. № 1. С. 3–23. Щетинина Г. И. Третья встреча советских и итальянских историков // Там же. 1968. № 5. С. 245–249 и др.

²⁸¹ Бодров О. В. М. М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 27 с.; Зонина Н. С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 23 с.; Казак О. М. Теоретико-методологические основания концепции русской истории С. М. Соловьева: автореф. дис. канд. ... филос. наук. М., 1987. 24 с.; Кирсанова Е. С. Историко-теоретические взгляды В. И. Герье: автореф. канд. ... ист. наук. Томск, 1982. 20 с.; Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: автореф. канд. ... ист. наук. Барнаул, 2009. 23 с.; Леонтьева О. Б. «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: проблемы теории и методологии истории: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2005. 32 с.

²⁸² Могиляницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 558 с.

Целый ряд документальных и повествовательных источников, использованных автором, взят из фондов следующих российских архивов.

– *Архив Российской академии наук (РАН)*, ф. 457 – Отделение истории Российской академии наук; ф. 1577 – Институт истории Академии наук СССР; ф. 1900 – Институт всеобщей истории АН СССР; ф. 1514 – Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959); ф. 1604 – Дружинин Николай Михайлович (1886–1986); ф. 1742 – Сказкин Сергей Данилович (1890–1973); ф. 1791 – Черепнин Лев Владимирович (1905–1977).

– *Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН)*, ф. 1 – Институт истории АН СССР, в том числе документы папки «Г», содержащие материалы сектора истории Средних веков.

– *Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПб ИИ РАН), Западноевропейская секция (ЗЕС)* – Фонд Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 15 – Вайнштейн Осип Львович (1894–1980). К сожалению, фонд А. Д. Люблинской (ф. 13 ЗЕС), к документам которого автор стремился получить доступ еще в 2017 г., до сих пор находится в обработке. Однако, как сообщили сотрудники архива, к концу 2020 г. этот процесс будет завершен.

– *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)*, ф. 684 – Поршнева Борис Федорович (1905–1972).

– *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)*, ф. 133 (Ленинградское отделение Института истории АН СССР) и ф. 227 (Ленинградское отделение Коммунистической академии при ЦИК СССР).

– *Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)*, ф. 418 и 1609 (Московский университет).

– *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)*, ф. 14 (Императорский Петроградский университет).

– *Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации*. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Протокол заседания сектора истории Средних веков от 28.09.1956 г.; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г.; Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков Института истории академии наук СССР 8 апреля 1966 г.

Нужно отметить, что в формате данной монографии источниковедческий анализ не может охватить и охарактеризовать все без исключения источники, использованные автором. Выполнение такой задачи требует отдельного источниковедческого исследования. Ввиду содержательного разнообразия основных и особенно опорных источников, не всегда можно провести четкие границы между ними по предметному критерию. Использованные в процессе создания книги публикации автора не исчерпывают всего их количества, представленного в открытых источниках.

Глава 2. Проблема абсолютизма в российской историографии периода расцвета и кризиса позитивизма (последняя треть XIX – начало XX в.)

2.1. Изучение государственных институтов в контексте развития российской исторической науки пореформенной эпохи

В результате реформ 1860–1870-х гг. в России развернулась масштабная модернизация, которая, несмотря на неравномерный характер, существенно изменила экономику, социальную структуру, общественную жизнь, образование и культуру страны. Российская историческая наука находилась на подъеме и превращалась в важное средство формирования национального самосознания и имиджа страны на международной арене. Российская империя, позиционирующая себя как европейское государство и великая держава, не только адаптировала европейские научные и культурные образцы, но и демонстрировала в этом собственные достижения. Под влиянием указанных факторов получает мощный импульс российское общественно-политическое движение, включающее весь диапазон течений от анархизма до приверженности православному самодержавию. На рубеже столетий происходит не только оформление политических партий, но и частичное разрешение накопившихся проблем развития страны в первой российской революции.

В общественно-политической полемике широко использовалось апеллирование к историческому прошлому России и Европы. Речь шла о российских общественных и государственных институтах, их сопоставлении с западноевропейскими аналогами, результативности проводимых еще с петровских времен реформ, выборе российского пути развития и т. д. Изучение истории России было призвано показать, с одной стороны, ее уникальность, с другой – принадлежность к европейскому сообществу государств. Одно из центральных мест в историческом и политическом дискурсах России занимало самодержавие, представляемое одновременно и как явление, отражающее российское цивилизационное своеобразие, и как олицетворение сильной государственной власти. Это неизбежно ставило рассмотрение российской государственности в число приоритетных направлений исторических исследований.

Самодержавие позиционировалось как закономерная и конструктивная сила, обуславливающая исторический путь России и со временем из-

менявшаяся под влиянием геополитических и социальных вызовов. Не менее важным было осмысление отношений власти и общества, отражавшееся в истории сословий, конституционных проектов, тайных обществ, народных движений и т. д. Главная роль в создании и трансляции этого масштабного нарратива принадлежала либеральным историкам и правоведам государственной школы (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский). Эта школа обосновывала необходимость в России сильной власти, которая, в свое время закрепостив сословия, постепенно их освобождала, по мере решения государственных задач и формирования консенсуса монархии и общества.

Альтернативные государственной школе трактовки российского самодержавия представляли также социал-демократы – В. И. Ленин, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, и монархисты – К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, В. С. Соловьев, Н. И. Черняев. Нужно отметить, однако, что представители столь противоположных идейных направлений к сообществу профессиональных историков, за единичными исключениями, не принадлежали.

Феномен абсолютной монархии рассматривался дореволюционными историками и правоведами в двух парадигмах – исторической и юридической. Соответственно, каждая из составляющих терминологического ряда – «самодержавие», «абсолютизм», «абсолютная монархия» – имела свою локализацию в правоведческом и историческом дискурсе. Если речь шла о российской истории, использовался термин «самодержавие». В работах представителей государственной школы в характеристиках российских государственных институтов термин «абсолютизм» не применялся. Более того, даже в «Курсе новой истории» крупнейшего представителя государственной школы С. М. Соловьева (1820–1879) речь идет о кризисе «самодержавного правительства» во Франции времен Фронды¹.

Представители юридической науки второй половины XIX в. также предпочитали понятию «абсолютизм» такие его аналоги, как «неограниченная монархия» и «абсолютная монархия». Например, российский юрист, правовед Н. М. Коркунов (1853–1904) указывал, что монархии могут принимать различные формы в зависимости от степени полноты власти в руках правителя. Если в них сосредотачивается вся государственная власть, речь идет об абсолютной монархии. Если часть власти передается народу и его представителям – о конституционной². Доктор государственного права А. Д. Градовский (1841–1889) определял «права и преимущества» государ-

¹ Соловьев С. М. Курс новой истории. М., 2003. С. 225.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1892. С. 48.

ственной власти в России как «монархии неограниченной». В ней «права государственной власти, во всем их объеме, принадлежат Государю Императору. Нет той сферы управления, которая бы не была подчинена его самодержавию»³. Известный историк и правовед М. Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) указывал, что в период империи было осуществлено изменение Московского государственного строя путем усвоения «западноевропейских и западнорусских форм». При этом «классы смыкаются в сословия», а государство «из вотчинного и патриархального превращается в полицейское»⁴.

При рассмотрении же государственных институтов Западной Европы речь шла об абсолютизме. Так, Н. М. Коркунов, рассматривая эволюцию монархий, отмечает, что «вечевая монархия» есть самая первоначальная форма государственного устройства, по крайней мере, у арийских народов. Она предшествовала у них и республике, и абсолютизму⁵.

Представители «русской школы» всеобщей истории вели речь об абсолютизме, характеризуя развитие западноевропейских государственных институтов Нового времени. Таким же образом поступает и ученик С. М. Соловьева, крупнейший российский историк рубежа XIX–XX вв. В. О. Ключевский (1841–1911), указывая в лекциях по новейшей истории на реформы «просвещенного абсолютизма» в Европе⁶.

Понятие «абсолютизм», очевидно, воспринималось как инородное в дискурсе истории России вплоть до конца XIX в. Однако в начале XX в. ситуация стала меняться. Работа «Общественное благо и абсолютное государство» российского, а затем советского юриста, историка, социолога М. А. Рейснера (1868–1928) рассматривает европейский и российский абсолютизм в комплексе⁷. Принцип общего блага, по мнению Рейснера, стал «резкой гранью», отделившей абсолютистское государство от «средневекового феодального строя»⁸. Рациональная идея общего блага стала «всеобщей догмой». Она не только повсеместно распространилась в Европе, но и пришла в Россию, где содействовала перестройке русского государства на новый лад⁹. Теория общего блага обосновывала и идею «европейской самодержавной монархии». Акцент был сделан на том, что «только один монарх

³ Градовский А. Н. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7: Начала русского государственного права, ч. 1: О государственном устройстве. СПб., 1901. С. 127.

⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд., доп. Киев; СПб., 1900. С. 248.

⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право ... С. 65.

⁶ Ключевский В. О. Новейшая история Западной Европы в связи с историей России (конспект) // Неопубликованные произведения. М. С. 200, 203.

⁷ Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестн. права. 1902. № 9–10. С. 5–11.

⁸ Там же. С. 1.

⁹ Там же. С. 5, 6, 11.

имеет не только обязанность, но и исключительное право на осуществление этой великой задачи; другими словами, необходимо было обосновать, с одной стороны, вообще монополию прав власти на служение общему благу, а с другой, надо было еще сосредоточить все руководство по достижению указанной цели исключительно и целиком в руках одного лица, специально к этому делу призванного, то есть неограниченного монарха»¹⁰.

Революция 1905–1907 гг., ввиду последствий Манифеста 17 октября, вызвала резкий интерес к проблеме абсолютизма, и теперь последним в работах авторов демократического лагеря считалась и российская монархия. В 1905 г. вышла написанная в публицистическом стиле работа М. А. Рейснера «Русский абсолютизм и европейская реакция»¹¹. В ней самодержавие названо не просто абсолютизмом, но абсолютизмом особого рода, обратившим себе на пользу европейские достижения науки, техники и общественной мысли. Русское государство, отмечал Рейснер, «сумело во многих отношениях достичь своеобразных и оригинальных успехов... оно взяло с Запада и приспособило к своим потребностям все то, что могло только взять, а новейшие приобретения политической мысли в Европе сумело переварить в себе и создать из них новые опоры для своего средневекового господства»¹².

В 1906 г. в будущем один из самых известных советских историков-новистов Е. В. Тарле (1874–1955) в работе, посвященной практике и падению абсолютизма,¹³ подверг последний сокрушительному анализу. Это – государство, по мнению Тарле, насквозь реакционное, угнетающее все на своем пути¹⁴ и реформируемое только ценой собственной гибели, ибо ограниченный абсолютизм – это нонсенс¹⁵. Российский же абсолютизм был охарактеризован следующим образом: «Повторяем, нигде и никогда абсолютизм не имел в своем распоряжении такого дееспособного и сильного орудия, как абсолютизм русский, в лице политической полиции. И он этим орудием пользовался и пользуется исчерпывающим образом. Нигде и никогда абсолютизм не имел такой огромной военной силы, ибо он один только дожил до эпохи полного развития современного милитаризма, до эпохи колоссальных армий, вооруженных самыми усовершенствованными орудиями. Нигде, никогда, наконец, абсолютизм не имел возможности так оттягивать свое финансовое банкротство, как наш, ибо только он один дожил до современной эпохи, богатой свободными, выбрасываемыми ежегодно на денеж-

¹⁰ Рейснер М. А. Общественное благо ... С. 16.

¹¹ Он же. Русский абсолютизм и европейская реакция. СПб., 1905. 102 с.

¹² Рейснер М. А. Русский абсолютизм ... С. 6.

¹³ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. М., 2011. 273 с.

¹⁴ Там же. С. 103–118.

¹⁵ Там же. С. 89–90.

ную биржу Западной Европы миллиардами, ищущими сбыта даже в рискованных сферах»¹⁶.

Крупнейший российский исследователь новой истории Н. И. Кареев в фундаментальной работе об абсолютной монархии указывал на ряд важных моментов. Во-первых, на закономерную смену абсолютизма народно-правовым государством. Во-вторых, на понятие «Старый порядок», которое означает «старое абсолютное, бюрократическое, полицейское государство, и его систему всепроникающей опеки с недоверием к проявлением общественной самостоятельности и личной инициативы подданных»¹⁷. Наконец, на то, что в России крушение Старого порядка началось с 1905 г.¹⁸

Таким образом, термин «абсолютизм» применительно к российской монархии, очевидно, имел иные коннотации, чем термин «самодержавие». Он указывал не просто на европейский компонент в российской монархии, но и переносил на нее оценки в либеральном и революционном духе.

Российские историки и юристы достаточно часто применяли словосочетание «полицейское государство», считая таковым как западноевропейские монархии, так и российское самодержавие начиная с петровских времен. Данное понятие, указывает доктор юридических наук Н. С. Нижник, не ново. Термин «*politia*» является латинизированной формой греческих слов «политейя», «полис», «политика» и означает «общее управление городской жизнью», «обеспечение благополучия граждан полиса». Формирование концепта «полицейское государство» относится еще ко времени Платона. Особенное же развитие он получил в работах Х. Вольфа. Следуя договорной теории государства, Вольф считал, что его целью является общее благо в самом широком смысле. Только государство знает, как этого достичь, и поэтому имеет право требовать от граждан соблюдения всех условий этой деятельности. Отсюда – регламентация, надзор, опека подданных со стороны власти, естественно, при использовании полиции и бюрократии, что в полной мере присутствовало при абсолютизме. Таким образом, «полицейское государство» – это своеобразный ракурс государство «общего блага». Теоретически гуманные цели всеобщего благосостояния, однако, достигались средствами нивелирования и принуждения подданных, что придавало понятию «полицейское государство» негативную коннотацию, как государству репрессивному, ограничивающему свободы. Именно в этом смысле полицейское государство противопоставлялось народно-правовому¹⁹. Немец-

¹⁶ Тарле Е. В. Падение абсолютизма ... С. 206–207.

¹⁷ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб., 1908. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 4–5.

¹⁹ Нижник Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194.

коязычный термин *Polizeistaat* («полицейское государство») был впервые использован в 1851 г. со ссылкой на деятельность полицейских органов в Австрии²⁰, а затем стал применяться и в России.

В качестве предварительных замечаний уместно также обратить внимание на содержание понятий «государство» и «монархия» в рассматриваемый период. Н. М. Коркунов, как юрист, приводит следующую их характеристику: «Отличительную особенность государства, как особой формы человеческого общения, составляет принудительная власть. Государство есть прежде всего властвование»²¹. По форме устройства государства разделяются на монархии и республики. Критерием отличия служит ответственность власти перед обществом. Коркунов об этом писал так: «В республике все лица, участвующие в распоряжении властью, ответственны от последнего избирателя до президента... В монархии, напротив, имеется и безответственный орган власти – монарх»²². Соответственно, при существовании в государстве «безответственного субъекта властвования», как отмечает Коркунов, ряд юридических норм получают характер лишенных санкции, то есть опирающихся в своем действии лишь на религиозные, нравственные, бытовые основания, но не на юридические. Кроме того, монархический принцип требует, чтобы ничто не совершалось против и даже помимо воли монарха²³.

Мнение о государстве историков государственной школы образно выразил С. М. Соловьев: «Государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства»²⁴. Соответственно, правительство «есть произведение в той или другой форме исторической жизни известного народа, есть самая лучшая поверка этой жизни. Как скоро известная форма правительства не удовлетворяет более потребностям народной жизни в известное время, она изменяется с большим или меньшим потрясением всего организма народного»²⁵.

Таким образом, для концепта абсолютизма в дореволюционной историографии характерна заметная понятийная «асимметрия», обусловленная особенным осмыслением самодержавия российскими историками при сопоставлении его с абсолютизмом на Западе. При этом государство пони-

²⁰ Лазорин К. Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в XVIII–XIX веках [Электронный ресурс] // Проблемы в российском законодательстве. 2013, № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politseyskogo-gosudarstva-v-stranah-evropy-v-xviii-xix-vekah>. Дата доступа: 02.06.2020.

²¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. С. 1.

²² Он же. Лекции по общей теории права. М., 2010. С. 338.

²³ Там же.

²⁴ Соловьев С. М. Наблюдение над исторической жизнью народов // Сочинения. Книга XVII. Работы разных лет. М., 1996. С. 15.

²⁵ Соловьев С. М. Наблюдение над исторической жизнью народов. С. 11.

малось, с одной стороны, как обеспечение властвования, с другой – как непрерывное условие развития любого народа.

Изучение всеобщей, и особенно новой истории, началось в России значительно позже и диктовалось другой мотивацией, нежели изучение российской истории. Со времен Петровских реформ Россия вступила в тесное соприкосновение с Европой, что требовало знания не только иностранных языков, но и ментальности, культуры и истории европейских стран. В условиях общественно-политических дискуссий пореформенной эпохи российские либералы обращались к истории двух великих европейских держав – Англии и Франции. Англия выступала как образец идеального государства, в котором передовая экономика развивалась в рамках наиболее разумной, как представлялось, политической системы – конституционной монархии в сочетании с сильным местным самоуправлением. По этой причине неслучайными были в российском обществе «англомания» и огромный интерес к британской истории, экономике и политическим институтам²⁶. Франция являла пример радикального разрешения конфликта власти и общества на основе либеральных ценностей свободы, равенства и братства. Это служило основанием для изучения французского абсолютизма и предпосылок 1789 г. Более того, Французская революция являлась едва ли не самым популярным сюжетом исследований «русской школы»²⁷.

Революция 1905–1907 гг. и ее итоги придали дополнительный импульс и качество рассмотрению государственных институтов России и Европы, что позволяет квалифицировать период 1905–1917 гг. как время наиболее интенсивной разработки проблем государства в российской историографии. Учреждение в России Государственной думы, как шаг к конституционализму, интерпретировалось историками-либералами как процесс, аналогичный переходу от абсолютизма к народно-правовому государству.

Заинтересованность российских исследователей западноевропейской государственностью, однако, не исчерпывалась примерами Англии и Франции. Анализируя российское реформаторство XVIII в., историки неизбежно выходили на рассмотрение европейского просвещенного абсолютизма. Страны, в которых проводилась эта политика, принадлежали к иной модели, нежели Англия и Франция, и имели сходные с Россией черты развития. Не случайно поэтому осмысление российского реформаторства от Петра I до Александра I приводило к сопоставлению его результатов с деятельностью Фридриха II, Марии-Терезии или Иосифа II. Просвещенный абсолю-

²⁶ Чикалова И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб., 2017. С. 15–16.

²⁷ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания. М., 2017. 280 с.

тизм как отдельная проблема не только анализировался в обобщающих работах – его австрийской модели была посвящена отдельная книга исследователя Австрии П. П. Митрофанова (1873–1917)²⁸.

Говоря об особенностях восприятия всеобщей истории в России, уместно привести высказывание В. И. Герье, который отмечал: «Всеобщая история имеет пока для русского совершенно иное значение, чем для западного человека... На западе всякий принадлежит к какой-нибудь из старинных партий, корни которых кроются в далеком прошлом, и взаимная вражда которых составляет содержание истории. Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на совершившийся процесс. Спокойно и беспристрастно может он вглядываться в этот процесс... Он не связан преданием и инстинктивным, наследственным влечением к тому или другому началу, к той или другой из исторических партий...»²⁹.

Российская буржуазная историография находилась в периоде расцвета и методологического разнообразия. Ведущей научной парадигмой являлась позитивистская, трактующая исторический процесс как прогрессивное развитие, которое может быть познано на основе многофакторности и изучения корпуса исторических источников. Несмотря на возраставший к концу XIX в. кризис позитивизма, его установки были сильны и в начале XX в. Их требования, заключающиеся в построении рациональной схемы исторического процесса, подтверждении теории эмпирическим материалом, стимулировали, с одной стороны, развитие социологии, с другой – источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, публикацию источников, деятельность археологических и археографических комиссий.

Нужно отметить, что методологические поиски и кризис позитивизма на рубеже веков в свое время оценивались советской историографией как тотальный необратимый процесс и тупик буржуазной историографии, неспособной к новым идеям, реакционной и противостоящей марксизму. Это могло быть выражено жестко, с акцентированием краха буржуазной исторической науки и мессианской роли «ленинского направления с историографии»³⁰, либо более взвешенно³¹. Например, Р. А. Киреева оценивала российскую буржуазную историографию рубежа XIX–XX вв. как переживающую всеобъем-

²⁸ Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги. (1780–1790). СПб., 1907. [2], VI, [2], 784 с.

²⁹ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания. С. 21.

³⁰ Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. Т. 3. М., 1963. С. 239–243.

³¹ Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Томск, 1978. 171 с.; Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. С. 260–264.; Софронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. 220 с.

лющий кризис. Для буржуазной исторической науки характерны «отрицание объективной исторической закономерности, разрыв с общественной практикой, проповедь бесконфликтного эволюционного пути, что, впрочем, и ранее было характерно для историков-позитивистов. Но теперь идея эволюционизма более, чем прежде, противостоит революции, которая изображается тормозом прогрессивного развития России»³².

В настоящее время методологический кризис в российской историографии рассматривается как системное явление, обусловленное сочетанием ряда факторов, действовавших в обществе и науке. Российский исследователь С. П. Рамазанов определяет кризис начала XX в. в историографии как «процесс коренной ломки принятых в ней ранее установок о цели, форме и способе исторического исследования, выражающейся в смене ведущих позиций теоретико-методологических течений в исторической мысли и усилении борьбы в сфере методологии истории»³³.

Кризис в российской историографии на рубеже столетий оценивается также как закономерный этап развития науки и поиска в ней новых путей в рамках ставшей узкой позитивистской парадигмы. Так, белорусский историограф и методолог А. Н. Нечухрин отмечает поэтапный и системный кризис позитивизма, завершающий этап которого приходится на 1920-е гг. Методологические дискуссии начались с 1890-х гг., затем они дополнились социальным кризисом после 1917 г., что привело к сосуществованию «критического позитивизма», неокантианства и «философии жизни». Однако ограниченный отрезок времени и наступление марксистской идеологии не позволили развиваться этим течениям»³⁴.

С последней четверти XIX в. в общественной мысли России начал распространяться марксизм. В условиях развития индустриального капитализма, рабочего движения, формирования партий он стал не столько философской и исторической, сколько политической теорией. Созданный на основе достижений западноевропейской общественной мысли, он отнюдь не был чужд в российском интеллектуальном пространстве конца XIX – начала XX в. Например, Н. И. Кареев в автобиографической книге «Прожитое и пережитое» рассказывает о появлении и распространении марксизма в России и собственном к нему сначала заинтересованном, а затем критическом отношении³⁵. Марксистское понимание исторического процесса,

³² Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 49.

³³ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999. С. 38.

³⁴ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. С. 6–7.

³⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 34–35.

как стадийное и прогрессивное, было генетически связано с позитивизмом. Общим с позитивистской парадигмой было и признание утилитарности исторического знания и применимости к нему методологии естественных наук. Отличием, которое в перспективе приведет к драматическим последствиям, был экономический детерминизм, противопоставленный позитивистскому плюрализму, однако на рубеже XIX–XX вв. эта проблема не выходила за рамки теоретических споров. В то время марксизм приобрел различные оттенки в трактовках В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, А. А. Богданова, Н. А. Рожкова, Л. Д. Троцкого, М. Н. Покровского и других, но это еще не было основанием для обвинений политического характера.

Рассмотрение теоретического разнообразия дореволюционной историографии необходимо дополнить «субъективной школой» П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, соответствующей позитивизму и народничеству. Влияние подходов естественных наук, идей «органической социологии», теории «борьбы за индивидуальность» и «героев и толпы» ощутили историки, экономисты, публицисты различных идейных течений – Н. И. Кареев, Н. А. Рожков, Г. В. Плеханов и т. д.³⁶ Теоретической заслугой «субъективной школы», как отмечает ее исследовательница О. Б. Леонтьева, была разработка идеи о многогранности и особом характере исторического познания, а познающего субъекта – как активной силы. Кроме того, представителей данного направления, обратившихся к историко-антропологической тематике, можно считать провозвестниками антропологического поворота в исторической науке.³⁷

В исторической науке сосуществовали сторонники монархической и республиканской идеи, почвенничества и западничества. Тем не менее, определяющей чертой профессиональных историков был либерализм различной степени выраженности. В методологическом отношении базовой парадигмой была позитивистская. Это касается как «русской школы» всеобщей истории, получившей на рубеже столетий международную известность, так и государственной школы в изучении российской истории.

Вот своего рода научное кредо, объединяющее ученых этого времени. Его выразил историк, социолог и экономист, считавший себя марксистом – Н. А. Рожков (1868–1927) в работе «От самовластия к народовластию»³⁸. Наука нужна для пользы обществу, так как, раскрыв законы природы, можно поставить природу на службу человеку³⁹. Аналогично понималась Рожко-

³⁶ Леонтьева О. Б. «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: проблемы теории и методологии истории: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2005. С. 23–29.

³⁷ Там же. С. 30.

³⁸ Рожков Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб., 1908. [4], 248 с.

³⁹ Там же. С. 2–3.

вым и цель исторической науки: «Люди в разное время различным образом ведут свое хозяйство, устраивают управление... Надо узнать, почему это все происходит... Надо найти общие причины перемен в народной жизни, открыть законы развития человеческого общества. Только тогда мы сможем уяснить себе, как улучшить жизнь народа»⁴⁰. Рожков указывает также на краеугольные для дореволюционной историографии положения. Первое из них – европоцентризм, второе – выделение «главных» европейских народов – англичан, французов, немцев, и, наконец, третье – необходимость России учиться у Европы»⁴¹.

Во второй половине XIX в. в России оформились историография и методология как самостоятельные области исторической науки. В становлении историографии важную роль сыграли обзоры литературы, предваряющие общие курсы по истории⁴². В изучении всеобщей истории эта практика была заложена Т. Н. Грановским (1813–1855)⁴³ – основоположником медиэвистики и идеологом западнического направления. Грановский доводил свои лекции до новой истории, датируемой XV–XVII вв. Так, в первой лекции 1849/50 гг. он кратко охарактеризовал соответствующие работы издававшихся в то время европейских историков – Ф. Л. Раумера, Ф. Рагона и Ф. Леба⁴⁴. В изучении истории России термин «историография» впервые был применен профессором Нежинского юридического лицея И. В. Лашнюковым (1823–1869). В работе «Очерки русской историографии» (1869) Лашнюков провел анализ летописей как первого историографического памятника⁴⁵.

В 1884 г. вышла работа М. О. Кояловича, имеющая много общего с современными обобщающими курсами историографии в хронологическом построении материала и его систематизации по концептуальному критерию. Это «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»⁴⁶.

Целесообразность издания автор обосновал так: «С самого начала моей профессорской деятельности я считал первейшей своей обязанностью вводить моих студентов прежде всего в область литературы науки русской истории и давать им такие указания, которые помогали бы сразу опреде-

⁴⁰ Рожков Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии. С. 3.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М., 2009. С. 151–152.

⁴³ Там же. С. 152.

⁴⁴ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 10, 343–344, 373.

⁴⁵ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. С. 152.

⁴⁶ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011. 688 с.

лять нужные им по тому или другому вопросу книги и узнавать при первом ознакомлении с новой книгой, что ждать от нее, что искать в ней. Поэтому я обыкновенно начинал мой курс “Русской истории” с истории этой науки. С годами отдел этот увеличивался и требовал более и более времени для его изложения, так что, наконец, я вынужден был употребить на это весь учебный 1880–1881 год. Тогда же эти “Лекции” были мною написаны, а затем до последнего времени я их исправлял и дополнял, насколько мог, и дал им вообще тот вид, в каком они теперь являются в печати»⁴⁷.

Преподавание российской истории в высшей школе, естественно, включало рассмотрение абсолютизма. Например, на историко-филологическом факультете Петербургского университета в 1909/10 учебном году проводились следующие лекции и семинары: приват-доцента С. В. Рождественского лекция «Московское государство XVII века и эпоха преобразований Петра Великого» и семинар по литературе проектов реформ в эпоху Петра Великого⁴⁸; приват-доцента М. А. Полиевктова лекции «История России в первую половину XIX века» и семинар «Проекты государственных преобразований в царствование Александра I»⁴⁹; приват-доцента В. Н. Строева – углубленный курс «История России в XVIII ст. (1725–1801) – от смерти Петра I до смерти императора Павла I»⁵⁰.

Проблемы российского абсолютизма были представлены в многочисленных конспектах, а также дипломных работах и рефератах студентов Московского университета. Во второй половине 1890-х гг. их тематика выглядела так: «Происхождение и развитие неограниченной власти Московского государства» (С. Горбунов)⁵¹, «Государственный и общественный строй Московского государства в царствование Алексея Михайловича (по Котошихину)» (Н. Берсенева)⁵², «Состав и строй Московского государства перед эпохой преобразований» (А. Дельвиг)⁵³, «Сенат при Петре I» (С. Горбунов)⁵⁴, «Власть русских государей в первую половину XVIII века и попытка ее ограничения» (А. Губонин)⁵⁵, «“Наказ” императрицы Екатерины II» (А. Дельвиг)⁵⁶, «Реформы Александра I» (М. Блюм)⁵⁷ и т. д.

⁴⁷ Коялович М. О. Указ. соч. С. 34.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16113. Л. 70, 70 об.

⁴⁹ Там же. Л. 66, 66 об.

⁵⁰ Там же. Л. 77.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2090.

⁵² Там же. Д. 754.

⁵³ Там же. Д. 2405.

⁵⁴ Там же. Д. 2088.

⁵⁵ Там же. Д. 2279.

⁵⁶ Там же. Д. 2403.

⁵⁷ Там же. Д. 827.

Интенсивный культурный и научный обмен с Европой проявлялся в изданиях переводов «всеобщих историй». С течением времени в образованной части российского общества стала укрепляться мысль о необходимости систематизированного изложения всемирной истории. Белорусский историк и историограф И. Р. Чикалова в этой связи приводит мнение редакции «Отечественных записок» – одного из крупнейших российских журналов XIX в.: «Большее или меньшее распространение в обществе основательных исторических сведений служит мерилем развития самого общества; а количество и качество средств, находящихся в его распоряжении для приобретения этих сведений, дают возможность судить об общем уровне и качестве его исторических познаний»⁵⁸. Первыми на российском книжном рынке появились труды Ф. Шлоссера, затем – Г. Вебера, Т. Маколя, О. Егера, Ш. Сеньбоса, Э. Лависса и А. Рамбо⁵⁹.

Преподавание и исследование новой истории прошло в дореволюционной России более тяжелый и длительный путь, чем медиевистика или антиковедение. Формально предмет присутствовал в университетских программах, но преподавание велось по иностранным «руководствам», не было подготовки соответствующих специалистов. Рассмотрение материала доходило до середины XVIII в., изучение Французской революции было запрещено.

Ситуация изменилась после принятия университетского устава 1863 г. и проведения цензурной реформы 1865 г., предоставивших университетам больше самостоятельности, а преподавателям – свободы для научной деятельности. Наступил этап интенсивного изучения и адаптации европейского научного опыта, структурного и содержательного оформления дисциплин, создания обобщающих лекционных курсов, появления первых оригинальных работ российских авторов. В России публиковались работы Ф. Гизо, Ф. Минье, Ж. Мишле, А. де Токвиля, И. Тэна, А. Тьера, У. Прескотта, Т. Карлейля, Т. Маколя, Г. Бокля и др. Сильное влияние на российскую историческую мысль оказала германская историография (Л. Ранке, Г. Зибель, Ф. Шлоссер, Л. Гейссер). Новая история «стала, наконец, занимать подобающее ей место и в университетском преподавании, и на университетских кафедрах»⁶⁰. Вторая половина XIX в. стала периодом, подготовившим возникновение «русской школы» историков Нового времени. Основателем ее был профессор Московского университета В. И. Герье, ставший учителем

⁵⁸ Чикалова И. Р. Издание переводов «всеобщих историй» в дореволюционной России [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы источниковедения отечественной истории: междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 2011. Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/1161>. Дата доступа: 22.05.2020.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Бутенко В. А. Наука новой истории в России // *Анналы*. 1922. № 2. С. 130.

целой плеяды исследователей – Н. И. Кареева, П. Н. Ардашева, М. С. Корелина, М. К. Любавского, П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера и других.

Однако политический климат в стране неоднократно менялся. Так, в эпоху контрреформ был принят университетский устав 1884, в соответствии с которым правительство делало все, чтобы максимально урезать новую и новейшую историю стран Запада в учебных планах. Н. И. Кареев вспоминал впоследствии, как он и его коллеги составили коллективное письмо на имя министра народного просвещения. В письме доказывалась необходимость курсов всеобщей истории, так как они «могут дать студентам то связанное представление об их предмете, то понимание исторической жизни и законов истории, без которых не может быть истинно плодотворной разработка частных»⁶¹.

О том, насколько непросто было отстаивать свою точку зрения и университетскую автономию в условиях консервативного курса после революции 1905–1907 гг., рассказывал в своем дневнике профессор Московского университета, медиевист А. Н. Савин (1873–1923)⁶². 1 сентября 1908 г. он делает такую запись: «11 1/2 часов вечера, 1 сентября. Только что вернулся. Мое первое интересное и важное заседание. Борьба единодушно совета с идущим сверху разрушением университета. Оказывается, что уже заседание 31 мая, последнее заседание совета перед каникулами, ознаменовалось борьбой за университет против министра, уничтожающего университет. В заседании 31 мая 1908 (я на нем не был, ибо уехал в Германию) из министерства пришли 3 бумаги: о том, чтобы выгнать вольнослушательниц, о том, чтобы не пускать семинаристов, о том, чтобы совет отвечал за все, что творится на студенческих собраниях. Против этих требований возражали единодушно и сделали постановление о ходатайстве пред министром о допуске семинаристов, о допуске женщин не только в качестве вольнослушательниц, но и в качестве студенток. А насчет студенческих собраний указали, что требование министра противоречит Высочайшему указу об автономии 27 августа 1905 г.»⁶³.

Причины неприязни к курсам новой и особенно новейшей истории официальных лиц были очевидны: конституционализм, радикальные и либеральные идеи, революции, республиканское устройство были весьма нежелательны в качестве сюжетов для студенческой аудитории, и без того весьма восприимчивой и активной. Тем не менее, университетское преподавание истории неуклонно приближало ее содержание к актуальным событиям. Если Т. Н. Грановский доводил свой материал до Реформации, то В. И.

⁶¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 17–18.

⁶² Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб., 2015. 524 с.

⁶³ Там же. С. 32.

Герье – до Французской революции, а его ученики Н. И. Кареев и Р. Ю. Виппер – до современности. Последнее казалось тогда необычным и мало приемлемым⁶⁴. Историк, публицист, лидер партии кадетов П. Н. Миллюков так описывал неоднозначность этой ситуации: «Я не был принципиальным противником так называемой “повествовательной” истории, но мне уже давно начало казаться, что для истинного понимания истории России нужно нечто совсем другое. Прежде всего, я не разделял ученого предрассудка, что истинно научное изучение истории есть изучение древних периодов, – от которых осталось меньше всего материалов для изучения. Курсы новой, а особенно новейшей истории у нас казались почему-то обязательно ненаучными, и я помню наше общее неодобрение, когда такой курс (истории XIX века) начал читать в Петербурге проф. Кареев. Уступая требованиям времени, приблизился к современности в своем курсе и В. О. Ключевский, но достаточно взглянуть в пятый том его курса, изданный посмертно по студенческим запискам, чтобы видеть, что из этого вышло»⁶⁵.

Изучение западноевропейского абсолютизма, в том числе французской монархии накануне революции, отражено во множестве конспектов, написанных студентами Московского университета, в также рефератах и дипломных работах. В 1880–1890-х гг. студенты выбирали в качестве последних, например, такие темы: «Характер испанской монархии в XVI в. Филипп II» (В. Арсеньев)⁶⁶, «История безответственности монарха» (В. Белецкий)⁶⁷, «Политическая оппозиция при дворе Людовика XIV» (П. Довнарвич)⁶⁸, «Борьба партий в Англии от вступления на престол Карла I и до утверждения республики» (Н. Гольденвейзер)⁶⁹, «Просветительный абсолютизм в трех главных представителях: Фридрихе II, Иосифе II, Екатерине II» (Г. Берент)⁷⁰, «Дворянские наказания 1789 г.» (В. Боголепов)⁷¹ и др.

В 1908 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» была опубликована статья филолога, преподавателя классических языков А. Д. Вейсмана (1834–1913), раскрывающая задачи преподавания истории в средних учебных заведениях⁷². Автор указывает не только на отсутствие единого подхода к их решению, но даже и к пониманию. В связи с этим предлагается

⁶⁴ Софронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 100–101.

⁶⁵ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 146.

⁶⁶ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 348.

⁶⁷ Там же. Д. 650.

⁶⁸ Там же. Д. 2575.

⁶⁹ Там же. Д. 2054.

⁷⁰ Там же. Д. 736.

⁷¹ Там же. Д. 867.

⁷² Вейсман А. Д. О задачах преподавания истории в средних учебных заведениях // Журн. М-ва нар. просвещ. 1908. Июль. С. 19–30.

руководствоваться «теми же началами», которые обязательны для любого предмета, то есть целями средней школы и возрастом учащихся⁷³. История, указывает Вейсман, не поддается объективному изложению, и первостепенная задача ее – этическое и нравственное воспитание. «История выводит ученика из тесного круга обыденной жизни, знакомит его с судьбами как своего, так и других выдающихся культурных народов, – объясняет автор. – Она знакомит его с выдающимися общественными деятелями, с великими завоевателями, с великими законодателями и просветителями. Она знакомит его с борьбой, которая велась не только за власть и господство, но и за лучшее устройство правовых отношений, как между гражданами одного и того же государства, так и между целыми народами, с борьбой за свободу политическую, за права человеческие... От истории отечественной требуется еще, чтобы она развивала патриотизм, или любовь к отечеству... Хотя любовь к отечеству “врождена” человеку, однако она, как чувство, есть нечто неопределенное... История должна это чувство осмыслить, развить и углубить»⁷⁴.

Соглашаясь с тем, что молодым людям необходимо знать актуальные экономические и политические доктрины, автор весьма настороженно (и это понятно в России 1908 г.) относится к знакомству учащихся с социалистическими и коммунистическими идеями и совершенно не разделяет мнения о том, что с последними нужно бороться, начиная со школьной скамьи. «Спрашивается, каким образом школа может сделать это, не рискуя вовлечь юношество в злобу дня и таким образом превратиться в арену для шутов, исход которых мог бы быть весьма сомнительным? – приводит Вейсман свои аргументы. – Ясно, что было бы неуместно на особых уроках знакомить их с теориями социалистов и коммунистов, и стараться опровергать их, доказывая нелепость, несбыточность и вредность их... Кровавые сцены, сопровождавшие революцию 1848 г. и провозглашение Коммуны в Париже в 1871 г., лучше всяких теоретических опровержений доказывают опасность для общества крайних политических учений и невозможность действительного улучшения общественного строя от насильственных переворотов»⁷⁵.

Существенным фактором, определяющим развитие российской исторической науки, была ее открытость европейским идеям. Это предполагало не только издание иностранной литературы, но и обязательные командировки будущих специалистов по всеобщей истории за границу. Такие поездки в Германию, Францию, Англию могли продолжаться до двух лет

⁷³ Там же. С. 19–20.

⁷⁴ Вейсман А. Д. О задачах преподавания истории ... С. 21–22, 25.

⁷⁵ Там же. С. 23–24.

и предполагали усовершенствование языковой подготовки, работу в архивах и библиотеках и обязательное посещение лекций европейских профессоров. Российские ученые приняли участие в трех международных конгрессах исторических наук, успевших состояться до Первой мировой войны. Это конгрессы в Риме (1903), Берлине (1908), Лондоне (1913), где Россию представляли П. Н. Ардашев, В. П. Бузескул, П. Г. Виноградов, М. А. Дьяконов, С. А. Жебелев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. П. Митрофанов, Е. В. Тарле, Б. А. Тураев, Е. Ф. Шмурло и ряд других, преимущественно специалистов по всеобщей истории⁷⁶.

На Римском конгрессе российскими историками было прочитано 5 докладов, на Берлинском – 4, на Лондонском – 13, причем российские ученые выступали в каждой секции. Особенное внимание присутствующих привлек доклад, прочитанный на пленарном заседании А. С. Лаппо-Данилевским и посвященный идее государства в российской истории⁷⁷. Был поставлен вопрос о включении русского языка наравне с английским, французским, немецким и итальянским в число языков международного научного общения. Успех российской делегации стал основанием для решения о проведении IV Конгресса в Петербурге в 1918 г. Однако Первая мировая война и революция не дали реализовать этот проект⁷⁸.

Таким образом, изучение государственных институтов эпохи абсолютизма в дореволюционной России было обусловлено рядом обстоятельств – востребованностью данной проблематики в общественно-политическом дискурсе, установками позитивистской методологии, интенсивным изучением как российских, так и зарубежных источников, подготовкой научных кадров, зарубежными контактами российских историков. Вместе с тем очевидна разница во времени, мотивации и идейной окрашенности исследований российского и западноевропейского абсолютизма. В первом случае речь шла о национальном самосознании, отечественной истории и оценке государства как главной движущей силы в развитии страны. Осмысление указанных проблем было не только приоритетным, но и изначально обеспеченным максимумом источников. При этом трактовки проблем российской государственности могли отличаться в зависимости от идейных воззрений авторов.

Интерес к западноевропейскому абсолютизму диктовался иными мотивами. Открытие России для Европы требовало знания ее истории и культуры, а проведение модернизации – сопоставления российских обще-

⁷⁶ Зонова Н. С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 14.

⁷⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.

⁷⁸ Зонова Н. С. Указ. соч. С. 16, 21.

ственных и государственных институтов с европейскими. В общественных спорах о путях развития России выделились две референтные страны для сравнения – Англия и Франция, чья политическая история и общественное устройство особенно наглядно демонстрировали специфику России. Изучение всеобщей и особенно новой истории требовало подготовки кадров и надлежащего информационного обеспечения, что стало налаживаться только со второй половины XIX в. Термин «абсолютизм», ассоциируемый с Западом и регламентирующим государством, применялся лишь в работах по истории Западной Европы, и только в начале XX в., в радикальном и либеральном контекстах, стал связываться с российской монархией. Специалисты, занимающиеся всеобщей историей, восприняли установки европейской историографии и, создавая собственные работы, в идейном отношении придерживались либеральных убеждений. Либералами были и представители государственной школы российской истории, однако российская монархия осмысливалась в более широком идейном диапазоне – от марксистского до монархического.

2.2. Западноевропейский абсолютизм в системе российской дореволюционной новистики

В развитии российской новистики вторая половина XIX – начало XX в. является определяющей эпохой, в которой, в свою очередь, можно выделить два этапа. Первый из них характеризуется усвоением зарубежных «руководств» и материалов, отсутствием собственных специалистов и появлением первых обобщающих материалов, созданных российскими историками. Академик В. П. Бузескул так описывал этот этап: «Было время, когда история у нас стояла близко к изящной литературе, считалась столько же наукой, как и искусством. Наиболее видные ее представители до шестидесятих-семидесятих годов, за немногими исключениями, были по преимуществу историки-художники»⁷⁹. Российский историк-франковед В. А. Бутенко (1877–1931) дополнил эту характеристику: «Новая история, как самостоятельная отрасль исторического знания, является самой молодой из всех областей всеобщей истории... Она была в планах университетов в первой половине XIX в, но обыкновенно эти курсы были простым переложением иностранных руководств. В лучшем случае материал доводился до второй половины XVIII в., не дерзая вступать в находившуюся под строгим запретом эпоху французской революции. Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешев-

⁷⁹ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 121.

ский, М. С. Куторга и М. М. Стасюлевич... главную свою задачу эти выдающиеся деятели наших дореформенных университетов видели не столько в самостоятельных научных исследованиях, сколько в роли добровольных посредников между западной наукой и русской интеллигенцией»⁸⁰.

Ситуация стала изменяться после 1860-х гг., когда ввиду либеральных реформ, принятия нового университетского устава, цензурных изменений, возможностей зарубежных поездок произошли качественные изменения в российской новистике. Появились систематические обобщающие курсы для университетов, подготовка кадров, наконец, оригинальные работы.

В формировании концепта западноевропейского абсолютизма пореформенные десятилетия имели фундаментальное значение. Именно в это время, на основе изучения западных работ, была принята и адаптирована содержательная и оценочная канва в интерпретации европейского абсолютизма, характерная для всей дореволюционной российской новистики. Именно на данной основе формировалась и «русская школа», расцвет которой пришелся на начало XX в.

Существуют разные мнения о том, с чьим именем связано начало изучения Новой истории в России. Советский историк, декан исторического факультета МГУ А. В. Ефимов полагал, что началом российской новистики нужно считать появление трудов С. М. Соловьева, освещающих внешнюю политику России и международные отношения XVII–XIX вв.⁸¹ Альтернативной точкой зрения стало утверждение, что «первым пионером» Новой истории был В. И. Герье. Именно он впервые включил в преподаваемый материал темы, освещающие Французскую революцию⁸². Наконец, в «Очерках истории исторической науки в СССР» сказано: «Первым историком нового времени в России из рядов университетской профессуры следует считать не столько В. И. Герье, как это принято обычно, сколько Михаила Николаевича Петрова (1826–1887). Его нередко незаслуженно забывают...»⁸³ С последним мнением надлежит согласиться, т. к. докторская диссертация М. Н. Петрова, защищенная в 1865 г. в Москве, имела фундаментальное для новистики историографическое значение и называлась «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции». Сам Петров преподавал всеобщую историю в Харьковском университете, его исследовательские интересы были непосредственно связаны с Новым временем, началом которого в дореволюционной новистике считался рубеж XV–XVI вв.⁸⁴

⁸⁰ Бутенко В. Наука новой истории в России. С. 129.

⁸¹ Ефимов А. В. Изучение Новой истории в СССР // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры: науч. конф., М., 1944. С. 71–72.

⁸² Бутенко В. А. Наука новой истории в России. С. 131.

⁸³ Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. 2. М., 1960. С. 393.

⁸⁴ Там же. С. 394.

М. Н. Петров, равно как и другие российские специалисты в области Нового времени, использовал для своих лекционных материалов и научных трудов западноевропейский историографический нарратив, о котором говорилось выше. В этом смысле, разумеется, можно вести речь о заимствовании и адаптации. Однако нужно учитывать, что без такой первичной основы было бы невозможно развитие на собственной почве, развернувшееся в следующем поколении историков.

Среди ряда важных проблем Новой истории европейская государственность традиционно занимала одно из важнейших мест, что объяснялось исключительной ролью абсолютных монархий как во внутренней, так и во внешней политике. Именно на это обращает внимание Петров, говоря о «сильном развитии абсолютной монархии». Главными ее представителями, как он указывал, являлись сначала испанские Габсбурги, затем – английские Тюдоры, после – «французские государственные люди» Ришелье и Мазарини. Наконец, при Людовике XIV во Франции абсолютизм достиг «полной зрелости»⁸⁵.

Франция, как доминирующая европейская страна, раньше других оформилась в сильное государство со светской культурой. Здесь максимально полно и последовательно развились феодальные учреждения и государственное начало, страна не испытывала проблем с государственным объединением или национальным вопросом⁸⁶. Отмечая, что уже с XII в. идет «усиление монархического начала», Петров называет первым французским королем Нового времени Франциска I (1515–1547), сделавшего изречение «чего хочет король, того хочет и закон» девизом своей политики⁸⁷.

Программа построения абсолютной монархии начала выполняться Генрихом IV (1589–1610), деятельность которого оценивается позитивно. Королю удалось умиротворить страну после религиозных войн и достичь экономического роста⁸⁸. Более того, Петров и в действиях Ришелье (1624–1642) не находил ничего такого, чего бы не предпринял Генрих IV. Новаторство Ришелье, по мнению Петрова, только в его политических приемах и теоретическом обосновании идеи абсолютизма, что нашло отражение в его политическом завещании. Кроме того, Ришелье первым стал использовать жизненные интересы и проблемы соседних стран на пользу Франции⁸⁹.

Мазарини (1643–1661), как преемнику Ришелье, удалось упрочить монархическую власть внутри страны и международный авторитет Франции,

⁸⁵ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории: в 5 т. Т. 3: История нового времени (реформационная эпоха). СПб., 1913. С. 3.

⁸⁶ Там же. Т. 4: История нового времени (от Вестфальского мира до Конвента). СПб., 1913. С. 10.

⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 92–93.

⁸⁸ Там же. С. 118–121.

⁸⁹ Там же. С. 130–133.

а Людовику XIV (1643–1715) «оставалось лишь воспользоваться плодами деятельности двух кардиналов и с небывалым блеском идти по проложенному ими пути»⁹⁰. Политика «короля-Солнца», подробно рассмотренная Петровым, сначала блестящая, была омрачена кризисными явлениями конца царствования, имевшими негативные последствия⁹¹.

В концепции М. Н. Петрова, таким образом, были сформулированы базовые положения для дальнейшей интерпретации абсолютизма. Абсолютизм как ведущая сила новоевропейского общества, Франция как страна образцовой модели абсолютизма, этапы французского абсолютизма, сдержанное отношение к Людовику XIV. Эта содержательная «матрица» не только сохранится и далее, но будет селективно принята советскими историками и актуализирована современными специалистами.

Изучение Новой истории в Петербургском университете было связано с преподавательской и научной деятельностью В. В. Бауера (1833–1884). Выпускник Петербургского университета, ученик первого русского исследователя Древней Греции М. С. Куторги, Бауер начал свою научную деятельность как исследователь Античности. Однако со временем центр исследований переместился в область Новой истории. Фундаментальным событием Нового времени Бауер считал Реформацию, рассматривая остальные проблемы периода в известной степени как ее производные.

В идейном отношении В. В. Бауер – либерал, как и его коллеги, и сторонник позитивистской идеи прогресса. По Бауеру, крупнейшим событием Нового времени была Реформация, которая, признавая лишь авторитет Священного писания, освободила общество и государство от опеки папства и католической церкви. Но это освобождение было только провозглашено, необходимо было придать государству соответствующую форму. Это и явилось насущной потребностью XVII в.⁹² Если учесть, что, по словам Бауера, уже к XV в. западноевропейское общество требовало для себя новых идеалов и форм, и «идея монархического начала сделалась всеобщей и силилась заменить собой прежнюю феодальную систему»⁹³, то станет понятно, что речь идет об абсолютизме. Таким образом, эпоха абсолютизма в концепции Бауера являлась естественным продолжением Реформации.

Какое же государство могло взять на себя практическое воплощение программы абсолютизма? Германия, являвшаяся эпицентром Реформации, была раздроблена⁹⁴. Построение абсолютистского государства взяли

⁹⁰ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 3. С. 140.

⁹¹ Там же. Т. 4. С. 8–45.

⁹² Бауер В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете: в 2 т. Т. 1. С. 4.

⁹³ Бауер В. В. Лекции по новой истории ... Т. 1. С. 137.

⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 4.

на себя Англия и Франция; одна под влиянием протестантских идей, а другая – католических⁹⁵.

Результаты деятельности монархов Англии и Франции по реализации абсолютистской идеи были различными. На континенте, и в первую очередь во Франции, сформировался монархический абсолютизм. В Англии Стюарты стремились к тому же. «Но, – указывал Бауер, – то, что можно было проводить во Франции и Испании, того нельзя было проводить в Англии, где условия исторического развития народа были совершенно иные»⁹⁶. Результатом противостояния короля и «политических партий» были «внутренние неурядицы» (так Бауер характеризует Английскую революцию), казнь короля и провозглашение республики. Однако деспотизм короля сменился деспотизмом Кромвеля. Ситуация стала настолько нестерпимой, что произошла Реставрация Стюартов в 1660 г. Стюарты «вообразили, что народ соглашается теперь на столь ненавистный ему монархический абсолютизм». Результатом политической борьбы явилась «славная революция» 1688 г., установление конституционной (у Бауера представительной) монархии, в которой соединилось и самоуправление, и права короны⁹⁷.

Страной, имеющей политическую силу, воплотившей «эмансипацию государства от церкви», по Бауеру, стала Франция, и «блистательное время этого периода, лучшее его выражение, есть век Людовика XIV»⁹⁸. Особое внимание Бауер уделяет деятельности Ришелье, весьма положительно его оценивая. Кардинал «сумел заставить уважать королевскую власть, сумел провести и утвердить идею государства, как высшего принципа»⁹⁹. Говоря о системе Ришелье, Бауер подчеркивает цель кардинала – народное благо, – в достижении которой Ришелье опирался на поддержку большинства нации. Возможно, здесь присутствует идеализация кардинала, тем более что Бауер специально подчеркивает разницу французского и испанского абсолютизма в пользу первого. В Испании монархи, стремясь к абсолютизму, привели нацию к духовной смерти. Страна утратила свое некогда блестящее политическое значение, так как Карл V (1519–1556), а затем Филипп II (1556–1598) добивались чуждых народу интересов: первый – всемирной монархии, а второй – всемирного господства католицизма. Этим они отличались от Ришелье, целью которого было, согласно Бауеру, народное благо¹⁰⁰.

⁹⁵ Бауер В. В. Лекции по новой истории ... Т. 2. С. 43.

⁹⁶ Там же. С. 129.

⁹⁷ Там же. С. 55, 128–131.

⁹⁸ Там же. С. 4–5.

⁹⁹ Там же. С. 8.

¹⁰⁰ Там же. С. 7–8.

Отдавая должное кардиналу, Бауер все же указывал, что, разрушив старое, кардинал не создал систему новых учреждений, которая могла бы изменяться со временем. В созданной Ришелье системе все зависело от личности правителя, и кто мог поручиться, что впоследствии правители окажутся такими же способными и энергичными? Бауер считает, что подобная ошибка привела к личному произволу Людовика XIV и превращению его правления из абсолютистской монархии в деспотизм восточных правителей. Более того, отмечает Бауер, в этом таились зародыши и Великой французской революции¹⁰¹.

В. В. Бауер подробно анализирует различные стороны внутренней и внешней политики «короля-Солнца», причем нарративный материал по этой теме станет впоследствии традиционным. Представляет интерес оценка правления Людовика XIV, в которой Бауер отмечает полярность суждений. По его мнению, это не исторично – «примешивать свои симпатии и антипатии XIX века к событиям XVII»¹⁰². Далее Бауер разъясняет свое понимание событий и личности в истории. Человечество, отмечает он, развивается по законам, составленным людьми, и потому историческим лицом можно назвать только такого человека, который в кризисную эпоху делается выразителем общественных стремлений, который своей энергией иногда ускоряет переворот, стоящий на очереди. Вместе с тем исторические личности остаются людьми, и не все они вполне понимают свое значение, а также то, что они только исполнители и орудия высшего закона¹⁰³.

Людовику XIV, отмечает Бауер, предстояло продолжить начатое его великими предшественниками и проникнуться мыслью, что он существует для Франции, а не Франция для него. Неограниченная власть, полезная вначале для Франции, имела в итоге самые вредные последствия. И не нужно при этом обольщаться внешним блеском Версаля. Никаких принципиально новых учреждений король не создал, поставив все государственное управление в зависимость от своей воли. Поэтому со старостью короля стала стареть и слабеть его монархия. Постепенно в массе народа исчезло и уважение к самому монархическому принципу. Пополненные Кольбером финансы король истощал бесконечными войнами, а промышленности был нанесен губительный удар отменой Нантского эдикта. Искусство и литература служили прославлению короля, не имея связи с народом, в научной области никаких открытий сделано не было. «Он не создал ни учреждений, ни законов, он не воспитал народа к самостоятельности и к самостоятельному развитию всех творческих сил страны»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Бауер В. В. Лекции по новой истории ... Т. 2. С. 10–13.

¹⁰² Там же. С. 40.

¹⁰³ Там же. С. 41.

¹⁰⁴ Там же. С. 44–52.

Абсолютизм, нашедший свое наиболее полное воплощение в системе Людовика XIV, был, по мнению Бауера, крайне полезен для своего времени, так как только он мог вывести страну из кризиса. Ошибка же тех, кто вводил эту систему, была в понимании ее как чего-то совершенного, не подверженного изменениям. Соответственно, реакция против всепоглощающего светского авторитета была столь же естественна для XVIII в., как и реакция против духовного авторитета в XV и начале XVI в. И если в начале Нового времени протест был направлен против церкви, то в XVIII в. – против абсолютизма. При этом если в эпоху Реформации во главе протеста стояла Германия, то родиной революции стала Франция, страдающая от абсолютизма¹⁰⁵.

Бауер весьма сдержанно относится к политике просвещенного абсолютизма. Из всех просвещенных монархов однозначно положительной оценки удостоился у него лишь Фридрих II (1740–1786). Отмечая распространение просветительских идей в Европе и стремление монархов править на их основе, Бауер подчеркивает, что не все тогдашние деятели обладали необходимыми дарованиями, многие действовали из тщеславия и эгоизма; в деятельности большинства политиков были поспешность, презрение к традиции, фанатизм и деспотизм, и поэтому деяния просвещенных монархов и министров заканчивались ничем. В конце столетия, указывал Бауер, за реформы, в большинстве не реализованные, ухватился народ, и разыгралась революция¹⁰⁶.

В XVIII в. провозвестницей новых идей была Франция, подобно тому как Германия воплощала идеи Реформации. Однако идеи Французской революции не были новыми, они волновали уже реформационную эпоху. Следовательно, по мнению Бауера, Великая Французская революция была только продолжением Реформации, а XVIII в. представляет собой продолжение XVI в., он является таким же веком брожения и социальной революции¹⁰⁷.

Подводя итог созданному по проблеме абсолютизма В. В. Бауером, нужно отметить, во-первых, его суждение о преемственности Реформации, абсолютизма и Французской революции как явлений, демонстрирующих развитие европейской интеллектуальной и правовой традиции, и, во-вторых, существенное увеличение нарративного материала.

Говоря о знаковых фигурах российской пореформенной новистики, необходимо остановиться на работах И. В. Лучицкого (1845–1918), представлявшего Киевский университет. Лучицкий – крупнейший исследователь

¹⁰⁵ Бауер В. В. Лекции по новой истории ... Т. 2. С. 56–57.

¹⁰⁶ Там же. С. 75–76.

¹⁰⁷ Там же. С. 57–58.

религиозных войн во Франции, однако эта проблематика тесно связывается им со становлением французского абсолютизма.

В своем видении исследуемых процессов Лучицкий исходит из традиционного тезиса западноевропейских историков о «борьбе феодализма и абсолютизма». «Феодализм» – это феодальный партикуляризм, отношения вассалитета¹⁰⁸. Это «феодальная аристократия, городские общины и даже целые провинции, стремящиеся к местной независимости, к самоуправлению». Они противостоят формирующейся абсолютной монархии. По словам Лучицкого, это – «новая сила». Она «обнаружила признаки жизни еще в XII веке... в течение четырех или пяти веков успела развиться до того, что в состоянии была в значительной степени затянуть тот узел, который должен был задушить старую оппозицию»¹⁰⁹. Далее Лучицкий поясняет это утверждение: «Я говорю о той централизации, которая с неудержимой силой, хотя и медленно, пускала корни во французской почве... о поглощении властью короля местной и личной независимости»¹¹⁰.

Такое понимание феодальных институтов и абсолютизма имеет много общего с идеями одной из самых популярных в России книг А. де Токвиля (1805–1859) – «Старый порядок и революция», впервые изданной в 1856 г. Для Токвиля европейские феодальные институты являлись жизнеспособными – будь это сеньории или городские муниципальные учреждения. Но, как отмечал Токвиль, к XVIII в. все это «обветшало и пришло в негодность». Причиной этого Токвиль, потомственный аристократ, считает губящее влияние королевской власти. «Аристократия, – пишет Токвиль, – в этом соприкосновении обретает старческую немощь, даже политическая свобода, все средневековье наполнившая своими творениями, выглядит пораженной бесплодием»¹¹¹. Королевская власть при Старом порядке, по Токвилю, это давящая, контролирующая и регламентирующая сила. При этом столица поглотила провинции, и никто не представляет себе, как можно вести важные дела без участия государства¹¹².

И. В. Лучицкий относится к феодальным учреждениям более критически, расценивая «личную и местную независимость», с «ее стеснительными формами», как бремя, зачастую ложившееся на народ¹¹³. Он рассматривал борьбу королевской знати с протестантами как борьбу цен-

¹⁰⁸ Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Ч. 1. Киев, 1971. С. 29.

¹⁰⁹ Там же. С. 1.

¹¹⁰ Там же. С. 1.

¹¹¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 27.

¹¹² Там же. С. 63–71.

¹¹³ Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. С. 1.

трализации с силами, стремящимися к политической независимости. Это и аристократы, и горожане, и маргинальные элементы¹¹⁴.

Перипетии этой борьбы имели результатом «торжество королевской власти в лице Генриха IV»¹¹⁵. Однако, несмотря на то, что Генриху удалось привлечь знать на свою сторону и приучить к придворной жизни, добиться политического замирения в стране смог лишь Ришелье. Он подчинил монархии и «прирученную» аристократию, и «вместе с ней те общины, которые вели заодно со знатью борьбу, но которые вечно ссорились»¹¹⁶. Таким образом, Лучицкий, демонстрируя приход абсолютистских порядков на место феодального партикуляризма, тем не менее, не идеализирует ни те, ни другие. Более того, попытки феодальной аристократии и протестантов отвоевать утраченное влияние он называет «феодальной реакцией» в XVI и XVII вв.¹¹⁷

Общая оценка абсолютизма И. В. Лучицким совпадает с приведенным выше высказыванием С. В. Ешевского. Абсолютизм закономерен и нужен для решения чрезвычайных задач, но, как только жизненно важные проблемы разрешены, он превращается в силу, губящую все вокруг себя¹¹⁸.

Именно так оценивался Лучицким абсолютизм предреволюционной Франции. Лучицкий говорил о господстве «целого режима, тяготевшего над Францией в течение почти целого века, режима, сдавливавшего и сковывавшего пробуждающуюся мысль, страшно разорительного для народа, отдававшего всю страну, скованную по рукам и ногам, в руки административного произвола»¹¹⁹. И над всем этим «возвышалась в XVIII в. неограниченная почти власть одного короля, управлявшего по произволу безмолвною нацией»¹²⁰.

Разумеется, в стране назрела потребность в переменах. Естественно, что с новым королем связываются все надежды. Однако, как отмечает Лучицкий, «публика не знала, что рядом с добротой и честностью у Людовика XVI существуют редкая слабохарактерность, замечательная нерешительность в действиях, отсутствие какой бы то ни было энергии и сколько-ни-

¹¹⁴ Там же. С. II.

¹¹⁵ Там же. С. II.

¹¹⁶ Там же. С. III.

¹¹⁷ Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во II половине XVI века (по неизданным источникам): в 2 т. Т. 1. Киев, 1877. разд. паг. 560 с.+ 60 с. + II с.

¹¹⁸ Ешевский С. В. Сочинения: в 2 ч. Ч. 1. М., 1870. С. 125–126.

¹¹⁹ Лучицкий И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль. Киев, 1879. С. 2.

¹²⁰ Там же. С. 6.

будь сильной воли»¹²¹. Все попытки реформ были напрасны – придворные и привилегированные выступили против, не желая поступаться своими интересами. Неудачи реформ, равно как и радикализация населения, привели к революции¹²².

Коллега И. В. Лучицкого, приват-доцент Новороссийского университета в Одессе Г. Е. Афанасьев (1848–1925), придерживаясь в целом описанных выше трактовок, внес в них дополнения. Характеризуя абсолютизм как силу, поглотившую и подчинившую все в государстве, Афанасьев указывал и на скрывавшуюся в этом слабость. Став всем в государстве, взвалив на себя задачу заменить все общественные силы, абсолютистская власть автоматически приняла на себя и всю ответственность за происходящее в стране – «и не только за то, что делалось, но и за то, что не делалось, и чего она не в силах была бы сделать»¹²³. Кроме того, ликвидировав политический феодализм, абсолютная власть перестала учитывать интересы общества, позволив себе «оставаться позади общественных интересов». Став такой, власть, указывал Афанасьев, «делалась тяжестью, несомую в силу привычки, но все с большим и большим неудовольствием»¹²⁴.

Реформы Тюрго, проводимые в предреволюционной Франции, Афанасьев оценивает как лучший образец мероприятий просвещенного абсолютизма – системы мер, проводимых практически в одно время многими правителями и заключающихся, с одной стороны, в секуляризации, с другой – в уничтожении привилегий. Сравнивая Тюрго с Фридрихом II, Иосифом II, Струензе, Помбалем, Афанасьев указывает, что среди них Тюрго занимает «первое место по цельности своей программы и по гуманности начал». «Если кто из современников стоит к нему в этом отношении ближе других, то это Иосиф II, гуманнейший из государей этого времени. Как тому, так и другому были дороги интересы низших классов, подавленных не столько тяжестью государственных требований, сколько неравенством их распределения между отдельными классами общества»¹²⁵. Российская либеральная новистика пореформенных десятилетий подготовила выход целой плеяды российских историков, результатом деятельности которых стало возникновение «русской школы» всеобщей истории.

Ключевой фигурой этой эпохи в изучении всеобщей истории является В. И. Герье. Ученик С. М. Соловьева, Герье был известен не только как историк, но и как методолог и наставник целой плеяды ученых – Н. И. Карее-

¹²¹ Лучицкий И. В. Провинциальные собрания ... С. 3.

¹²² Там же. С. 30–40.

¹²³ Афанасьев Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение Одесса, 1884. С. 2.

¹²⁴ Там же. С. 3.

¹²⁵ Афанасьев Г. Е. Главные моменты ... С. II.

ва, П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера, П. Н. Ардашева, М. С. Корелина и других, прославивших «русскую школу». На протяжении четверти века Герье возглавлял кафедру всеобщей истории в Московском университете, был первым председателем Российского исторического общества, создателем первых в России Высших женских курсов. Его деятельность высоко оценивалась современниками, а историографическое осмысление наследия Герье насчитывает десятки работ¹²⁶.

В. И. Герье полагал в основу исторического процесса развитие идей, ведущих, в контексте либеральной традиции, к освобождению личности, ликвидации опеки государства и установлению демократии. При этом Герье был либералом консервативного толка, уверенным в необходимости для России самодержавной власти¹²⁷. Монархию Герье рассматривал как объединяющую силу общества, особенно если речь шла о просвещенном правителе¹²⁸.

Становление абсолютизма в Европе Герье связывал с торжеством государственного принципа над феодальным партикуляризмом¹²⁹. В Англии абсолютизм не развился до конца, что объясняется политической борьбой XVI в. и противостоянием короля и парламента накануне Английской революции¹³⁰. В зависимости от стиля управления, Герье выделял два типа абсолютизма. При первом из них идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная, разорительная для государства. Другой тип монархии – будничной, рабочей – подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I¹³¹.

Постепенно среди монархии другого типа под влиянием просветительских идей появляется просвещенный абсолютизм, основанный на рациональных, этических началах. Монарх – это гражданин своего государства,

¹²⁶ См., например: Юбилей профессора В. И. Герье // Русская школа. 1898. № 11. С. 313–317; Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории Французской революции // Изв. Санкт-Петербургского политехн. ин-та. 1904. Т. 1. Вып. 1–2. С. 41–73; его же. Памяти двух историков // Анналы. 1922. № 1. С. 155–174; Кирсанова Е. С. Историко-теоретические взгляды В. И. Герье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982. 20 с.; Иванова Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 17 с.; Погодин С. Н. Владимир Иванович Герье как историк и методолог // Вопр. истории. 2004. № 10. С. 151–162; Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. 503 с. и др.

¹²⁷ Кирсанова Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 64–65.

¹²⁸ Герье В. И. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. М., 1884. С. 5–7.

¹²⁹ Он же. История XVIII века. М., 1902. С. 106–107.

¹³⁰ Там же. С. 73–74.

¹³¹ Герье В. И. История XVIII века. С. 107–108.

призванный править во благо народа, а государство обязано заботиться о благосостоянии граждан¹³².

Самый яркий просвещенный правитель для Герье – Петр I (1682–1725), «наиболее восточный» государь в Восточной Европе¹³³. Успехи российского императора Герье объясняет, во-первых, выдающимися качествами Петра, во-вторых, условиями России, где все нужно было делать заново, и, в-третьих, связью деятельности Петра с идеями эпохи. Это воплотилось в таких чертах власти, как безусловность и самодержавность, стремление к благу государства и рационализме, признающем «принуждение вразумляющее»¹³⁴.

Крупнейшими представителями просвещенного абсолютизма в Европе для Герье являются Фридрих II и Иосиф II (1765–1790). Прусский король, указывал Герье, сочетал в себе качества практика и философа¹³⁵. Герье отмечает продуманность его мер в крестьянском вопросе, финансах, законодательстве, просвещении¹³⁶. Иосиф II действовал в Австрии. Страна настолько страдала от церковной опеки, что еще его мать Мария-Терезия была вынуждена провести реформы, ослабившие роль католицизма¹³⁷. Будучи поклонником Просвещения и принципа единовластия, Иосиф II продолжил антиклерикальную политику, хотя и не всегда продуманную. Меры же в области централизации, проводимые директивно и без учета местных особенностей, привели к сопротивлению. Иосиф умер, не успев реализовать свои идеи¹³⁸.

Самыми же неудачными, с точки зрения Герье, были реформы во Франции накануне революции. В свою очередь, выяснение причин этих неудач ведет к пониманию истоков революции 1789 г. Герье утверждает, что дело не столько в личных качествах последних Бурбонов или вырождении династии¹³⁹, сколько в привилегированности самой власти, солидарности с привилегированными сословиями и невозможности и нежелании эти привилегии нарушить. Новые идеи проникли в общество, но власть, пассивная и нерешительная, только уступала напору общественного мнения¹⁴⁰. Последние два царствования «отличались именно старческой немощью, нерешительностью и непоследовательностью во внутренней политике», что и привело к двадцатилетнему потрясению и кровопролитию¹⁴¹.

¹³² Герье В. И. История XVIII века. С. 108–115.

¹³³ Там же. С. 116.

¹³⁴ Там же. С. 116–119.

¹³⁵ Там же. С. 119–120.

¹³⁶ Там же. С. 130–132.

¹³⁷ Там же. С. 132–136.

¹³⁸ Там же. С. 136–139.

¹³⁹ Герье В. И. Идея народовластия и Французская революция 1789 г. М., 1904. С. 35–37.

¹⁴⁰ Там же. С. 53–56.

¹⁴¹ Там же. С. 63–64.

Трактовка европейского абсолютизма у Герье, таким образом, соответствовала либеральной традиции, с выведением политических институтов из господствующих в обществе идей. Абсолютизм расценивался как торжество государственной идеи в сравнении с феодальным партикуляризмом. Предпочитаемым Герье типом абсолютизма был просвещенный с реформами «сверху», что отвечало политическим идеалам самого историка. Герье, впервые начавший подробное изучение Французской революции, считал ее причинами неспособность власти к реформированию, что сочеталось с нежеланием этих реформ привилегированными сословиями.

Период 1890-х – 1910-х гг. является временем расцвета российских исследований в области всеобщей истории и признания «русской школы» в Европе. Одновременно этот период характеризуется как кризис позитивизма, сопровождаемый поиском новых возможностей исторического познания. Как отмечает отечественный историк и методолог А. Н. Нечухрин, проблема кризиса позитивизма остается открытой¹⁴². Очевидно, отношение к ней зависит от того, что считать кризисом. В советской историографии кризис рубежа столетий расценивался исключительно в негативном ключе, как показатель бесплодности и реакционности буржуазной историографии. Очевидно, такое понимание кризиса было односторонне. Во-первых, как отмечает А. Н. Нечухрин, позитивистская парадигма была успешно реализована в российской науке, российская историография выдвинулась на передовые позиции в сравнении с мировым уровнем¹⁴³. Во-вторых, кризис предполагает рост и поиск решений, что также имело место в рассматриваемый период. Особую роль в выработке новых подходов к историческому знанию А. Н. Нечухрин отводит Н. И. Карееву, который, формально оставаясь в рамках позитивизма, пытался внести ряд новых подходов в организацию исторического знания. Кареев разграничил теории исторического знания и исторического процесса, рассматривал историю как феноменологическую науку, субъективность в познании социальных фактов и т. д. Концепция Кареева, как отмечает А. Н. Нечухрин, давала возможности решения проблем позитивистской парадигмы, но не устраняла их¹⁴⁴.

Признавая открытой проблему кризиса, считая его индикатором роста и анализируя историографические процессы последних десятилетий

¹⁴² Нечухрин А. Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1993. 49 с. См. также: его же. Теоретико-методологические основы позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.): монография. Гродно, 2003. 348 с.

¹⁴³ Там же. С. 6.

¹⁴⁴ Нечухрин А. Н. Смена парадигм в российской историографии ... С. 18–23. См. также: его же. Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм) // Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі ў XIII – пачатку XX стст.: матэр. канф. Кн. 6, ч.1. Гродна, 1994. С. 49–60.

тий, уместно, тем не менее, сформулировать такой вопрос: существуют ли в принципе бескризисные периоды развития в исторической науке, и если да, то какова их ценность?

Отмечая разнообразные заслуги Н. И. Кареева, как крупнейшего представителя «русской школы» в области методологии и всеобщей истории, нужно обратить внимание на развернутое изложение в его работах проблематики абсолютизма. Однако, как это ни парадоксально, данный сюжет не являлся предметом специального рассмотрения, несмотря на наличие большого опыта историографического анализа научного наследия Кареева¹⁴⁵.

Абсолютная монархия включена Кареевым в общее развитие исторического процесса. Его факторами являются психологический, социальный и экономический. Степень их выраженности может быть различной¹⁴⁶. Исторический процесс заключается в изменении культурных и социальных форм в результате человеческой деятельности¹⁴⁷. По мнению Кареева, там, где люди повторяют одни и те же поступки в рамках постоянной социальной организации, истории нет. История начинается тогда, когда личность вносит нечто новое. Новые идеи дают результат в обширных социальных организациях, поэтому исторический процесс зарождается с образованием государств¹⁴⁸.

История есть смена идей, а общественный прогресс, по Карееву, есть эволюция идеалов истины, добра и справедливости¹⁴⁹. Для того чтобы показать развитие общественного прогресса в контексте развития государства, Кареевым были созданы типологические курсы, где анализировались известные в то время государственные формы. Это государство-город античного мира, монархии Древнего Востока и греко-римского мира, средневековое поместье-государство (феодалная сеньория), сословная монархия Средних веков, западноевропейская абсолютная монархия и новейший тип – народно-правовое (конституционное) государство, которое должно стремиться к всеобщему политическому равенству и развиваться в направлении демократизации и признания за подданными неприкосновенных личных прав¹⁵⁰.

¹⁴⁵ См., например: Бутенко В. А. Наука новой истории в России. С.129–167; Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. 160 с.; Сидненко Т. И. Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 38 с. и т. д.

¹⁴⁶ Нечухрин А. Н. Смена парадигм в российской историографии ... С. 18–20; его же. Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. С. 59.

¹⁴⁷ Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 21.

¹⁴⁸ Он же. Роль идей, учреждений и личности в истории. Одесса, 1895. С. 3–4.

¹⁴⁹ Кареев Н. И. Роль идей, учреждений и личности в истории. С. 7–15.

¹⁵⁰ Он же. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1908. С. 1–4.

В хронологическом отношении абсолютная монархия – это политический и социальный строй большей части западноевропейских стран в XVI, XVII, XVIII столетиях с ближайшими к ним десятилетиями XV и XIX вв. Это бюрократическое государство и сословное общество в Западной Европе в период времени между концом средневековой сословной монархии и началом новейшего конституционного государства. С Великой французской революции начинается крушение абсолютизма в Западной Европе. Тогда же появляется термин «Старый порядок», то есть учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах. В России Кареев относит крушение Старого порядка к 1905 г.¹⁵¹

Историческими аналогиями абсолютной монархии Кареев называет монархии Древнего Востока и греко-римского мира, потому что, с его точки зрения, политическая форма в данном случае одна. Какие бы ни были классовые и сословные отношения в обществе, оно либо принимает участие в делах государства, либо исключено из них. В первом случае существуют вече, съезды знати, представительные собрания и т. д.; глава государства делится властью с общественными силами. В противоположном случае общественные силы исключены из участия в политической жизни, вся власть сосредоточивается в одном лице и проводниками этой власти являются чиновничество и бюрократия. Неограниченная монархическая власть – одна из наиболее древних и распространенных в истории. Государство такого типа сложилось еще при фараонах Древнего Египта, форму восточной деспотии приняли эллинистические монархии, затем в бюрократическую деспотию превратился Древний Рим, преемницей Рима была Византия. Таким образом, абсолютная монархия в Западной Европе является как бы возвращением (с известными оговорками) к политическим формам императорского Рима.¹⁵²

В социально-правовом аспекте абсолютизм в известном смысле синоним Старого порядка. Это абсолютное, бюрократическое, полицейское государство, с системой всепроникающей опеки, недоверием к общественной самостоятельности и инициативе подданных, с взглядом на религию как на орудие власти, с преклонением перед идеей государственности в ущерб правам и интересам граждан, с охраной сословных привилегий¹⁵³, с особым

¹⁵¹ Он же. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб., 1908. С. 1, 4–5. См. также: Ландина Л. В. Дифференциация подходов к изучению абсолютной монархии в российской историографии начала XX в. // Культура. Наука. Творчество = Culture. Science. Arts: сб. науч. ст. Минск, 2018. С. 351.

¹⁵² Кареев Н. И. Западно-европейская абсолютная монархия ... С. 2–8. См. также: Ландина Л. В. Дифференциация подходов к изучению ... С. 351.

¹⁵³ Ляхович Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной и советской историографии: ценностные установки исследований // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. Минск, 2015. Вып. 15. Ч. 1. С. 119.

покровительством дворянству и принесением в жертву как ему, так и государству крестьянской массы и т. д. За населением отрицаются «права человека и гражданина», личные и общественные свободы, гражданское равенство¹⁵⁴. Юридическое неравенство и экономическое неблагополучие вызывали крестьянский и рабочий вопросы¹⁵⁵.

Утверждение абсолютной монархии в Европе осуществилось путем замены средневековой сословной монархии единоличной монархической властью. Сословная монархия выросла на почве «собирания земель» королевской властью, однако с течением времени сословные учреждения ослабели. Они не были всенародным представительством, преследовали своекорыстные интересы и при случаях народного брожения неизменно становились на сторону короля. Сословия часто занимались сведением счетов между собой, вместо того, чтобы отстаивать общие интересы против усиливающейся королевской власти. Сословные представительства действовали время от времени, королевская же власть действовала постоянно, делаясь все более независимой, особенно в обеспечении себя средствами¹⁵⁶.

Н. И. Кареев рассматривает две модели утверждения абсолютизма. Во-первых, это возникновение новой власти без традиционных корней в самой общественной жизни, и, во-вторых, превращение в неограниченную прежней более или менее ограниченной королевской власти. В первом случае возникает абсолютизм в чистом виде, без всякой феодальной примеси, во втором старые феодальные порядки и взгляды более или менее приспособляются к новому строю¹⁵⁷. Под феодализмом Кареев подразумевает средневековый партикуляризм с землевладением, тенденцию «сделать государство из каждого поместья»¹⁵⁸.

Примером монархов «без малейшей примеси феодальных начал» являются итальянские князья – принцессы XIV–XV вв. Это – власть без аграрной основы, при самостоятельности итальянских городов-государств, с установлением тирании в ходе борьбы. Итальянский князь – принцес – это представитель неограниченной власти, принадлежащей ему лично, выросшей на развалинах республиканских порядков, узурпированной и охраняемой

¹⁵⁴ Кареев Н. И. Западно-европейская абсолютная монархия ... С. 5–6.

¹⁵⁵ Он же. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800): Введение в историю XIX века (основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XVI–XVIII вв.). СПб., 1893. С. 32–37.

¹⁵⁶ Кареев Н. И. Западно-европейская абсолютная монархия ... С. 41–45.

¹⁵⁷ Там же. С. 45.

¹⁵⁸ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. Изд. 5-е. Т. 1: Переход от средних веков к новому времени. СПб., 1914. С. 16.

наемными войсками¹⁵⁹. Такой абсолютизм напоминает греческую тиранию и римский цезаризм. Совершенно не случайно в это время возрождается литература в духе абсолютизма, а гуманисты (Ф. Петрарка, Н. Макиавелли, Н. Никколини и др.) идеологически обосновывают единовластие¹⁶⁰.

В Испании, Франции, Англии абсолютизм прививался к старой, уже существовавшей власти. В Англии это произошло в результате ослабления сословно-представительных учреждений во второй половине XV в. При этом власть монархов трактовалась как преемница власти прежних германских королей¹⁶¹. Спецификой английской королевской власти, по сравнению с континентальной, была изначально более жесткая власть, установившаяся после норманнского завоевания, с полным подчинением всех вассалов королю. Деспотизм короны оттолкнул от нее духовную и светскую аристократию, а также горожан. По этой причине, в то время как во Франции образовался союз королевской власти и городов против аристократии, в Англии знать и города объединились ради противодействия монархической власти. Так возник английский парламент¹⁶². В Испании абсолютизм утвердился путем династического брака Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Во Франции абсолютная монархия установилась при династии Валуа к концу Средних веков, абсолютистские формы долго уживались во Франции с институтами сословной монархии, а свои права французские короли выводили из римского права при помощи легистов. В Германии идея абсолютизма переносится на власть местных князей и обосновывается римским правом¹⁶³.

Периодом повсеместного утверждения и развития абсолютной монархии была вторая половина XVII в., когда ни одно государство в Европе не могло сравниться с Францией Людовика XIV. Однако со смертью Ж.-Б. Кольбера прекращается «органическая работа» французской монархии, и государство постепенно приходит в расстройство¹⁶⁴. Кареев невысоко оценивает Людовика XIV. Король, поставивший на место государства свое «я», сделал приоритетом военную силу и завоевания, что шло вразрез с интересами промышленного развития. Кроме того, король придерживался религиозной нетерпимости, в отличие от Ришелье и Кольбера, при которых работа французской монархии была продуктивной¹⁶⁵.

¹⁵⁹ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время ... С. 85–86.

¹⁶⁰ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия ... С. 46–54; его же. История Западной Европы в новое время ... С. 85–86.

¹⁶¹ Он же. Философия культурной и социальной истории нового времени ... С. 50.

¹⁶² Кареев Н. И. Две английские революции XVII века. М., 2002. С. 10–11.

¹⁶³ Он же. Западноевропейская абсолютная монархия ... С. 54; его же. История Западной Европы в новое время ... С. 86–93.

¹⁶⁴ Ландина Л. В. Дифференциация подходов к изучению ... С. 351.

¹⁶⁵ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время ... Т. 2: История XVI и XVII веков. СПб, 1915. С. 554–555, 562.

Сущность социальной политики абсолютизма формулировалась Кареевым следующим образом. Королевская власть после победы над феодализмом (сепаратизмом феодальных сеньорий) и католицизмом (претензиями папства и католической церкви) отняла у духовенства и дворянства их политические права, но оставила за ними и даже взяла под защиту их социальные привилегии и господство над духовной жизнью общества¹⁶⁶. Идея общественного блага понималась в смысле поддержания внутреннего порядка и внешней независимости, а не народного благосостояния. Политика абсолютизма – меркантилизм, преследовала в первую очередь фискальные интересы, хотя объективно содействовала развитию буржуазии. Вообще же и сословная монархия, и абсолютизм, и его просвещенный вариант игнорировали народные интересы¹⁶⁷.

С идеологической точки зрения абсолютизму могло приписываться и божественное происхождение (Фильмер, Боссюэ), и государственная необходимость (Боден, Гоббс, Вольтер, Фридрих II, физиократы). Короли могли подчинять себе идею государства, как это было у Людовика XIV, и видеть в себе только первых слуг государства, как это было у прусских Гогенцоллернов. Абсолютная монархия могла служить делу культурной и социальной реакции, особенно в период контрреформации (при этом Кареев применяет эпитеты «вероисповедный» и «придворный» абсолютизм XVI и XVII вв.), или становиться орудием общественного прогресса, что выразилось в мероприятиях просвещенного абсолютизма XVIII в.¹⁶⁸

Наряду с Н. И. Кареевым, проблематику абсолютизма в максимальной степени отражал в своих работах его коллега, представитель «русской школы», ученик В. И. Герье, П. Н. Ардашев (1865–1924). Ардашев, историк и публицист праволиберального направления, оставил после себя капитальные работы по истории абсолютизма – «Абсолютная монархия на Западе» и «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты».

«Провинциальная администрация...» была высоко оценена коллегами П. Н. Ардашева. Так, например, Н. И. Кареев считал, что уже один первый том этого исследования, положительно оцененного не только русскими, но и французскими коллегами, можно назвать крупным вкладом в науку¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Ландина Л. В. Дифференциация подходов к изучению ... С. 351.

¹⁶⁷ Кареев Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени ... С. 55–57.

¹⁶⁸ Там же. С. 55.

¹⁶⁹ Он же. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным», Т. 1, СПб., 1900 г. Т. 2. Киев, 1906 г. // Отчет о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премии митрополита Макария в 1909 году по историко-филологическому отделению. СПб., 1911. С. 23–24.

В качестве замечания Кареев, однако, указал, что выводы Ардашева о провинциальной администрации дореволюционной Франции все же грешат «излишним оптимизмом». По мнению Кареева, административная переписка, один из главных для Ардашева источников, отражая «чиновничьи нравы», склонна представлять дела «в наиболее выгодном свете»¹⁷⁰.

Историк, журналист, теоретик анархизма А. А. Боровой характеризовал работы Ардашева как выдающиеся события исторической литературы, отмеченные западной критикой¹⁷¹. Об Ардашове писали В. А. Бутенко¹⁷² и В. П. Бузескул¹⁷³. Затем П. Н. Ардашев и его труды оказываются почти в полном забвении, за исключением редких упоминаний в обобщающих работах¹⁷⁴, так как концепция Ардашева противоречила советской историографической традиции. С конца 1980-х гг. имя П. Н. Ардашева стало возвращаться в историографию, что связано с работами Т. Н. Ивановой¹⁷⁵, А. Н. Зарубина¹⁷⁶ и А. В. Чудинова¹⁷⁷.

По Ардашеву, абсолютная монархия, или абсолютизм, составляет господствующую черту политического развития XVI–XVIII вв.¹⁷⁸ В выявлении генезиса абсолютизма Ардашев опирается на правовой подход. Причинами установления абсолютной монархии он называет, во-первых, возрождение римской государственной идеи и, во-вторых, разложение феодализма и вышедшей из него сословной монархии. При феодализме же, замечает Ардашев, государства нет, а есть система сеньорий; король феодальной эпохи – это крупный сеньор¹⁷⁹.

Римская идея императорской власти, не связанной с землевладением, возродилась в Италии, где был силен авторитет римского права, уже с XI в. В это время города Ломбардии начинают освобождаться от власти сеньоров, и в создающихся республиках формируется идея власти, связанная не с владением землей, а с избранием. Итальянский князь, получивший или

¹⁷⁰ Кареев Н. И. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева... С. 25, 37–38.

¹⁷¹ Боровой А. А. История личной свободы во Франции. Т. 1. Ч. 1: Старый порядок и революция. М., 1910. С. 11–12.

¹⁷² Бутенко В. А. Наука новой истории в России. С. 158–159.

¹⁷³ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители ... Ч. 2. С. 6–12.

¹⁷⁴ Вебер Б. Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой Французской революции. С. 525; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. С. 486–487.

¹⁷⁵ Иванова Т. Н., Леонидова О. А. П. Н. Ардашев: материалы к научной биографии // Эпоха Великой французской революции: проблема историографии: К 200-летию юбилею революции. Чебоксары, 1989. С. 76–92.

¹⁷⁶ Зарубин А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева: дис. ...канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. 338 с.

¹⁷⁷ Чудинов А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Абсолютизм во Франции: к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник. М., 2005. С. 259–293.

¹⁷⁸ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902. С. 1–2.

¹⁷⁹ Там же. С. 2–4.

узурпировавший власть, владеющий ею нераздельно и неограниченно, является прототипом абсолютного монарха¹⁸⁰.

Политический феодализм слабел в результате освобождения крестьян из крепостной зависимости, роста городов, формирования рынка, разрушения натурального хозяйства. Началось развитие промышленности и формирование буржуазии. Таким образом, Ардашев обращает внимание на социально-экономические предпосылки абсолютизма. Объединение земель, потребность в средствах на содержание армии, бюрократии и двора вызывали к жизни налоги и государственный кредит. Соответственно, возрастала роль буржуазии и «сила денег», в то же время роль феодалов как основы армии снижалась¹⁸¹. Происходил упадок сословно-представительных учреждений из-за межсословного антагонизма внутри них, неполноты представительства, отсутствия определенных сроков созыва. Лишь Англии удалось развить парламент в национальное представительство благодаря солидарности сословий и постоянному контролю над средствами короны¹⁸².

Основная часть «Абсолютной монархии на Западе» отведена под хорошо сгруппированный нарративный материал. Ардашев выделяет ранний абсолютизм (итальянский принципат), испанско-габсбургский абсолютизм и абсолютную монархию во Франции. П. Н. Ардашев отмечает, что именно в романском мире – Италии, Испании, Франции где «римская традиция коренилась в самой почве и... крови населения», абсолютизм реализовался наиболее полно и оригинально, являясь «туземным растением». В Италии абсолютизм зародился, в Испании – возрос, а во Франции – «окончательно возмужал»¹⁸³.

Французский абсолютизм, как наиболее яркий и образцовый, формировался в условиях параллельно идущих объединения страны и укрепления власти монархов¹⁸⁴. Период второй половины XIII – начала XIV в. был «царством легистов», когда во французский язык вошли выражения «изволение государя имеет силу закона», «король есть живой закон» и т. д. Во время правления Франциска I в качестве заключительной формулы королевских ордонансов постоянно применяется выражение «поелику таково наше изволение». Формируется блестящий королевский двор, появились придворный этикет и церемониал¹⁸⁵.

¹⁸⁰ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 10–12.

¹⁸¹ Там же. С. 13–19.

¹⁸² Там же. С. 13–19.

¹⁸³ Там же. С. 50.

¹⁸⁴ Там же. С. 101–102.

¹⁸⁵ Там же. С. 102–103, 107–109.

Абсолютизм укрепился при Генрихе IV, олицетворявшем в общественном мнении порядок и покой. Воля государя провозглашалась высшим критерием государственного порядка, короли воспринимались как «боги на земле и сыны Всевышнего»¹⁸⁶. Однако власть монарха не означала произвола. «Личная умеренность и такт самого короля», конечно, допускали различное толкование, отмечал Ардашев, но «король не должен делать всего, что может»¹⁸⁷. Начиная с Генриха IV, французский абсолютизм приобрел особую черту – правительственная опека, наиболее результативно воплощенная в кольбертизме¹⁸⁸.

Все дореволюционные историки соглашались в том, что царствование «короля-Солнца» было, с одной стороны, апогеем абсолютизма, а с другой – тем периодом, когда абсолютная монархия стала превращаться в обузу для общества. Например, В. И. Герье отмечал, что за фасадом абсолютной монархии скрывалось «старое, несистематическое, во многих отношениях анархическое строение, которое объясняется остатками феодализма... административный и социальный хаос»¹⁸⁹. Н. И. Кареев указывал на «невыделенность законодательной функции из управления», а также на особенную роль парламентов во Франции и их оппозицию верховной власти¹⁹⁰.

Все социальное устройство тогдашней Франции, писал Герье, было «проникнуто привилегиями», и причины будущей революции – в нежелании монархии проводить реформы, то есть эти привилегии затронуть¹⁹¹. Н. И. Кареев также утверждал, что «первая причина оппозиции абсолютизму во французской нации заключалась не в том, что он был абсолютизмом, а в том, что он сделался основой сословных привилегий»¹⁹².

Внешнего же наблюдателя ослеплял блеск власти и непрерывный феерический культ «короля-Солнца». Церемониал, как слагаемое имиджа власти, был важной частью политической культуры. «Грубо ошибаются те, – писал Людовик XIV, – кто думает, что это простые церемонии. Народы... не умея проникнуть в суть дела, судят по внешности... Так как для общества важно быть управляемым одним, то важно... чтобы тот, кто исполняет эту должность, был так возвышен над остальными, чтобы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать или сравнивать»¹⁹³. Между тем налоги

¹⁸⁶ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 113–114.

¹⁸⁷ Там же. С. 115.

¹⁸⁸ Там же. С. 116–122, 147.

¹⁸⁹ Герье В. И. История XVIII века ... С. 228–229.

¹⁹⁰ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия ... С. 133–134.

¹⁹¹ Герье В. И. История XVIII века ... С. 229–231.

¹⁹² Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия ... С. 285.

¹⁹³ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 170–171.

превышали платежные силы населения. Это вызвало хозяйственный упадок и народные восстания. Государственный долг в двадцать пять раз превышал чистый годовой. Ардашев делает вывод: «В истории царствования Людовика XIV – ключ к историческому уразумению Великой французской революции»¹⁹⁴.

Что же представляла собой предреволюционная Франция? Исследование этой проблемы, проведенное на большом массиве источников, является уникальным в дореволюционной новистике. Разумеется, концепция Ардашева не была безупречна, и на это указывал Н. И. Кареев. Однако выводы Ардашева радикально расходились как с принятыми в то время представлениями на основе мнения А. де Токвиля, так и с предписанными впоследствии советской историографией характеристиками феодально-абсолютистского антинародного строя.

Хронологически рассматриваемый Ардашевым Старый порядок включал три предреволюционных царствования – от эпохи Людовика XIV до 1789 г. По Ардашеву, Старый порядок не есть нечто однородное. Это – ряд эпох, каждая с индивидуальным обликом, когда эволюционные изменения в обществе происходили не столько законодательно, сколько фактически изменениями в самом порядке вещей, когда менялись не законы и учреждения, а люди и идеалы¹⁹⁵.

«Административный и социальный хаос», при котором, по выражению Вольтера, при путешествии по известным областям Франции, приходилось менять юридический режим при каждой перемене лошадей, а представители монархии, интенданты, должны были приспособляться к местным условиям¹⁹⁶, в политическом сознании людей Старого порядка были естественным состоянием. Даже единство гражданского кодекса для отдельной провинции представлялось им едва достижимым идеалом, а для всей Франции – утопической мечтой. Поэтому смысл, вкладываемый в XX в. в слова «Франция», «французская нация», «народ», «страна», неприменим для эпохи Старого порядка¹⁹⁷.

Коллега П. Н. Ардашева, историк, юрист, публицист А. А. Боровой (1875–1935) поддерживал его мнение о том, что изучение Старого порядка «in bloc» – в совокупности – невозможно. Сам Боровой, изучавший систему правосудия в эпоху Людовика XVI (1774–1792), отмечает ее сложность, разнообразие юрисдикций, отсутствие четких компетенций судебных учреждений. Все это сочеталось с продажами и наследственно-

¹⁹⁴ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 175–177.

¹⁹⁵ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции... Т. 1. С. 90–92.

¹⁹⁶ Там же. С. 100, 102–103.

¹⁹⁷ Там же. С. 100–104.

стью судебных должностей¹⁹⁸. В отличие от Ардашева, в целом положительно и с пониманием относящегося к Старому порядку, Боровой более категоричен в оценках. Личная свобода при Старом порядке, утверждает он, была не правом, а милостью. Абсолютистское государство правовых гарантий не предоставляло. Кроме того, они были совершенно парализованы широкой системой административных наказаний. «Те исключительно редкие случаи, когда вопиющие злоупотребления администрации выплывали наружу, благодаря энергии ее исконного врага – Парламента, или ловкости и настойчивости самого потерпевшего – лишь ярче подчеркивают общее правило: полное бесправие личности и всемогущество бесконтрольной бюрократии»¹⁹⁹, – подводит итог Боровой.

П. Н. Ардашев указывал на такую специфическую черту Старого порядка, как необязательность исполнения законов. Закон расценивался как некий провозглашенный принцип, не предполагающий реализации. Кроме того, законодательный акт рассматривался на соответствие местному праву, а система частных узаконений, отсрочек, специальных регламентов, местных обычаев и т. д., минимизировала деятельность правительства, которому не были известны даже точное количество населения, границы округов, бюджет государства²⁰⁰.

Король обязан был считаться с судебными административными учреждениями – парламентами, особенно главным из них – Парижским. После прекращения созыва Генеральных штатов они стали оппонентами власти, основываясь на праве регистрации королевских законов, которое со временем превратилось почти в законодательное вето. В своем сословном консерватизме парламенты «враждебны всякой разумной и гуманной реформе». Они защищают применение пытки и варварских казней, продажу должностей, устарелую организацию цехов и т. д.²⁰¹ Таким образом, абсолютная монархия, вынужденная существовать в условиях стольких стесняющих ее факторов, была абсолютной, по сути, лишь номинально.

Королевская власть отнюдь не дистанцируется от общества. Она – объект оценки общественного мнения, которое смогло в условиях культурного подъема, отсутствия внутренних смут и властного давления набрать силу²⁰². В 1784 г. Ж. Неккер, бывший и будущий министр финансов, отме-

¹⁹⁸ Боровой А. А. История личной свободы во Франции. С. 34, 40.

¹⁹⁹ Там же. С. 35–36.

²⁰⁰ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции ... Т. 1. С. 107–115, 122–129. См. также: Ляхович Л. В. Проблема французского абсолютизма накануне 1789 г. в дореволюционной новистике и современной российской историографии // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 8. М., 2013. С. 125.

²⁰¹ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции ... Т. 1. С. 447–464.

²⁰² Там же. Т. 2. С. 122–124. См. также: Ляхович Л. В. Проблема французского абсолютизма ... С. 125.

чал, что во Франции существует «трибунал, перед которым обязан предстать всякий, на ком... сосредоточены взоры общества. Здесь... общественное мнение раздает награды и венки, создает и разрушает репутации»²⁰³. Ссылками на общественное мнение, разум и справедливость, «всеобщие пожелания нации», «доверие народа» пестрят эдикты Людовика XVI с начала его царствования²⁰⁴.

Но не были ли эти выражения просто официальной фразеологией? По мнению П. Н. Ардашева, нет. Он считает, что такие сомнения могут возникнуть, если судить об официальном языке Старого порядка критериями начала XX в. Ардашев убежден, что языку XVIII в. «совершенно чужда большая часть тех условных лжей, которые составляют неотъемлемую особенность современного официального стиля... это язык необыкновенно наивный в лучшем смысле этого слова... склонный скорее к излишней выразительности, чем к умолчаниям и затушевываниям»²⁰⁵.

Общественное мнение во Франции формируется множеством источников – это парламенты, провинциальные штаты, правительство, печать. Источниками общественного мнения выступают двор, салоны, клубы, академии, театры, кафе. Особое место занимает литература. Склонность к писательству и восприимчивость к новым идеям – обычные черты образованного человека в то время. «Скоро придется стать писателем, чтобы занять место в администрации», – говорил один из очевидцев событий²⁰⁶.

Правительство прислушивается к общественному мнению, старается его контролировать и использовать, особенно прессу и литературу²⁰⁷. Результат же оказался отрицательным – монархия накануне 1789 г. не контролировала ни общественное настроение, ни поток подпольной литературы²⁰⁸. Почему так произошло?

Во Франции не было легально разрешенной свободы слова, но это совершенно не мешало формированию и распространению разрушающей имидж власти информации. Престиж двора упал, придворные и министры «фрондировали версальские власти и ухаживали за властями Энциклопедии». Накануне революции поток памфлетов, «сатир», брошюр, афиш, направленных против двора и правительства, захлестнул столицу²⁰⁹. Общественное мнение было тем более неконтролируемо, что развивалось путем неформального общения – воспитанием, чтением, посещением са-

²⁰³ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции Т. 2. С. 123.

²⁰⁴ Там же. С. 124–134.

²⁰⁵ Там же. С. 134.

²⁰⁶ Там же. С. 174.

²⁰⁷ Там же. С. 153–159.

²⁰⁸ Там же. С. 198.

²⁰⁹ Там же. С. 162, 198–199. См. также: Ляхович Л. В. Проблема французского абсолютизма ... С. 126.

лонов, клубов, кафе, театров. Огромную роль играл даже разговор с соответствующим подтекстом, жестами, мимикой и т. д.

Запреты власти в отношении авторов и их произведений практически не выполнялись. Правящая элита в массе сочувствовала новым идеям и покровительствовала просветителям. Например, канцлер Р.-Н. де Мопу организовал получение «нечестивых сочинений» из-за границы на свое имя, чтобы затем передавать их книгопродавцу Мерлэну²¹⁰.

Иногда авторов «безбожных» сочинений заключали в тюрьму, но это не только не прекращало писательской деятельности, но и создавало авторам дополнительную популярность. Запрещение и сожжение книг имели обратный эффект²¹¹. Один из современников так высказался об этом в 1777 г.: «Плохая политика – жечь книги. Сожжение извлекает их из праха, в котором им, может быть, суждено было сгнить... сожжение для книги приблизительно то же, что для писателя – звание академика... Тем лучше для нас – мы ведь живем глупостью писателей и публики»²¹².

Новыми идеями была захвачена и французская провинция. На фактическом материале второго тома «Провинциальной администрации» Ардашев показывает деятельность интендантов, ряд которых, по его мнению, были просвещенными и заботливыми администраторами.

Ардашев указывает на характерные для общества ненависть к деспотизму и произволу, отмечая, что последние были изначально присущи Старому порядку. Понимание короля как сеньора, а государства – как вотчины приводило опекающий характер власти к «отеческому произволу»²¹³. В таких условиях гуманность, веротерпимость, целесообразность также были «просвещенным произволом», который, в конечном счете, был прогрессивным явлением в Старом порядке. Грандиозным же «актом произвола» Ардашев назвал Французскую революцию²¹⁴. В силу начавшегося с конца 1980-х гг. переосмысления абсолютизма и предпосылок Французской революции становится понятна востребованность этих выводов П. Н. Ардашева в постсоветской историографии.

Изучение Французской революции неизбежно приводило к рассмотрению социальных и правовых основ французского абсолютизма. По этой причине выход в 1911 г. книги историка права Ф. В. Тарановского (1875–

²¹⁰ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции... Т. 2. С. 182–184. См. также: Ляхович Л. В. Проблема французского абсолютизма ... С. 125–126.

²¹¹ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции. С. 184–187.

²¹² Там же. С. 186.

²¹³ Там же. С. 662–665, 691–700.

²¹⁴ Там же. С. 699–700.

1936) о государственном праве Франции при Старом порядке²¹⁵ был закономерным и необходимым. Эта работа раскрывала проблемы формирования и интерпретации французского светского права, сущности монархии, правовых основ королевской власти, ее ограничений, специфики правовой культуры эпохи абсолютизма и т. д.

Принимая за исходную позицию своего анализа трактат историка и правоведа К. де Сейсселя (1450–1520) «Великая французская монархия», Тарановский приводит не только обоснование Сейсселем монархии как лучшей формы правления, но и указывает на «положительные законы», ограничивающие королевскую власть. В частности, это закон о неотчуждаемости коронного домена и обязательство монарха охранять права дворянства с одновременным надзором за тем, чтобы оно «не становилось чересчур заносчивым»²¹⁶. С одной стороны, в «положительном праве» неуклонно проводился принцип королевского суверенитета, с другой – король не должен был позволять своим судьям «предпринимать по отношению к правам и прерогативам дворянства никаких “новин”»²¹⁷. Для читателя начала XX в. отмеченное многое объясняло в природе Старого порядка.

Содержательный акцент книги сделан на рассмотрении правовой доктрины французских парламентов как «хранилища законов» (*le dépôt des lois*) королевства и раскрывает систему «сдержек и противовесов» государства Старого порядка. Так, согласно парламентской доктрине XVIII в., дополнительную остроту которой придали, с одной стороны, идеи Просвещения, с другой – «революция Мопу», законная монархия во Франции «совершенно не совместима с какими бы то ни было актами абсолютной власти»²¹⁸. Монархия, основанная на законах, противопоставлялась деспотии, имевшей целью «блага одного лишь правителя», и уже в силу этого находящейся в противоречии с рациональной идеей государства²¹⁹. «Два основных признака составляют сущность государства монархического, – прописывалось в парламентских установках, – 1) то, что управление его основано не на произволе, но на прочных законах; 2) то, что подданные в нем не рабы, но люди свободные»²²⁰. Наконец, квинтэссенцией парламентской доктрины и одновременно правовым идеалом служило утверждение о том, что «короли существуют для блага народов, а не народы для удовлетворения интересов королей»²²¹.

²¹⁵ Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке. Юрьев, 1911. VII, 633 с.

²¹⁶ Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права ... С. 52.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 422.

²¹⁹ Там же. С. 229.

²²⁰ Там же. С. 230.

²²¹ Там же. С. 225.

Нужно заметить, что в условиях пореформенного оживления либерального движения и тем более событий 1905–1907 гг. предпосылки Французской революции, экстраполируемые на политическую ситуацию в России, привлекали внимание представителей самых разных политических воззрений.

Так, профессор физики Московского университета, «единомышленник Каткова и Леонтьева»²²², консервативный публицист Н. А. Любимов (1830–1897) издал весьма неоднозначную книгу «Крушение монархии во Франции». Любимов, высказывающий крайне охранительные взгляды, отрицательно относящийся к эпохе «великих реформ» Александра II и восстанию 1863 г., поставил своей целью продемонстрировать пагубность идей революции. При этом он сопоставил реформы Александра II с эпохой Французской революции.

Признавая значимость Французской революции, Любимов указывает на разрушительность «русской революции», называя ее «попросту русским разложением»²²³. Параллели между российской и французской действительностью Любимов усматривает в пагубности «умственной смуты». «Изучение революционной эпохи, кажется мне, способно доставить богатый запас уроков и предостережений, которые в нынешнюю эпоху нашей умственной смуты и путаницы понятий могли бы быть для нас как нельзя более полезны»²²⁴, – подчеркивает Любимов.

Любимов предлагает коснуться «лишь некоторых событий и явлений» не так, как они переданы тем или другим историком, а как представляются «в первых источниках». Страницы документов, указывает он, «раскрывают любопытный мир»²²⁵. Описывая радость народа по случаю рождения дофина в 1781 г., Любимов уверен, что видит перед собою «страну, глубоко проникнутую монархическим началом и привязанную к своему королю»²²⁶.

Конечно, отмечает Любимов, немало было явлений, свидетельствующих «о возбужденном состоянии общества». Но «если есть что-либо прочное в мире, то по всем человеческим расчетам таким, по-видимому, следовало признать монархический строй во Франции в описываемую эпоху»²²⁷. Жизнь предреволюционной Франции, по словам Любимова, была жизнью для наслаждения²²⁸. В обществе царили сентиментальность, любовь

²²² Бузескул В. П. Указ соч. С. 123.

²²³ Любимов Н. А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787–1790). М., 1893. С. V.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. С. XIII.

²²⁶ Там же. С. 5.

²²⁷ Там же. С. 5.

²²⁸ Там же. С. 8. 11–16.

к изящному, благотворительность²²⁹. Почему же рухнул этот мир всеобщего благоденствия?

По мнению Любимова, дело было в отвлеченных идеях, завоевавших умы – те же люди, которые пользовались при дворе милостями монарха, прославляли американцев, судили и рядили об английской конституции, каждый толковал о народе и его бедственном положении²³⁰.

Отживающие учреждения, интеллектуальное брожение среди интеллигенции, неспособность правительства у эффективным мерам – все это в совокупности сыграло роковую роль²³¹. Материальными предпосылками революции были финансовые проблемы. «Управление, стремившееся всячески возбуждать кредит, чтобы делать долги, едва ли надлежит признать образцовым»²³², – указывал Любимов.

Однако нравственный дефицит, вытекавший из действующей системы, подчеркивал Любимов, был значительнее материального и удешевлял значение последнего. Систему же общего управления характеризовали господство чиновнического, бюрократического начала и господство протекции. «Как управлялась Франция? – задает вопрос Любимов. – Была масса мест и должностей для государственного и придворного парада. Занимающие их получали большое содержание и не делали никакого дела, которое можно было бы назвать полезным»²³³.

О собрании нотаблей и том, что за ним последовало, Н. А. Любимов выразился следующим образом: «Когда в стране распространено, от тех или других причин, недовольство существующим порядком, а власть в то же время слаба, то для правительства нет ничего опаснее представительных учреждений, и нет ничего выгоднее для революции. Недовольство и так ходит по земле. Требуется ли собрать его воедино, дать ему кров, одеть, накормить его?»²³⁴

Что же нужно, по мнению Любимова, чтобы не последовать в России по пагубному революционному пути? Рецепт от Любимова звучал так: «Не в том зло, что трудно у нас жить, а в том, что слишком легко у нас живется... Нет труда производительного, ибо в выгоде и почете труд непроеизводительный... Все управления кишат проектами, нет мало-мальски заметного чиновника, который бы не был членом десяти комиссий... весь этот парад

²²⁹ Любимов Н. А. Крушение монархии во Франции. С. 8. 11–16.

²³⁰ Там же. С. 68.

²³¹ Там же. С. 68–80.

²³² Там же. С. 108–109.

²³³ Там же. С. 108–109.

²³⁴ Там же. С. 109.

есть только внешнее подобие дела, а не самое дело. Дело есть вещь трудная, руководить им могут немногие, их надлежит искать и дорожить ими, если найдены. Но трудиться и исполнять то, что предписывает долг, должны все. Условия нашей действительности требуют возможно простых форм и строгого исполнения. А между тем мы видим только кандидатов в руководители и набрасывателей проектов»²³⁵.

Книга Н. А. Любимова вызвала критические замечания ученика Н. И. Кареева, исследователя Французской революции А. М. Ону. Отметив крайнюю реакционность взглядов Любимова, Ону указал, что последний не заметил самого главного, что отличало Францию от России. Франция, подчеркивал Ону, не знала короля – освободителя. Система Александра II и Людовика XVI прямо противоположны. «Русский император освободил крестьян с землею, дал земское самоуправление и судебные уставы, – разъяснял Ону. – Французский король прогнал Тюрго, мечтавшего о бесконечно более робкой крестьянской реформе, о скромном самоуправлении, а вместо преобразований суда – жалко, слабо и непоследовательно воевал с парламентами; позднее Людовик XVI до конца подливал масла в огонь, отстаивая отжившие и вредные сеньориальные права, страшно осложнившие и обострившие аграрный вопрос. Совсем иначе поступали представители просвещенного абсолютизма по всей Европе и русский Царь-Освободитель. Поэтому сравнивать Александра II с жалким Людовиком XVI прямо грешно и почти оскорбительно памяти Царя-Освободителя»²³⁶.

Наряду с Н. А. Любимовым, выраженное консервативное восприятие причин Французской революции демонстрировал Т. И. Буткевич (1868–1925), доктор богословия, член Союза русского народа, представитель право-монархического направления, в книге «Уроки первой Французской революции (из переписки друзей)». Изданная в 1907 г., в обстановке первой российской революции, книга Буткевича начинается критикой Е. В. Тарле, «модного профессора», о котором «заговорил весь Петербург»²³⁷.

Настроенность автора выражена в следующем фрагменте: «Тарле в прошлом году читал в Петербургском университете лекции по истории французской революции. Этим – я думаю – сказано все, ибо что может быть в наше время интереснее и пикантнее этого предмета для всех лиц, увлекающихся теперешним революционным движением у нас, в России? И удивительно ли, что интеллигентная молодежь, сбита с толку различными

²³⁵ Любимов Н. А. Крушение монархии во Франции. С. XVII.

²³⁶ Ону А. М. Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. 1: Опыт установления метода исследования и критики наказов как исторического источника. СПб., 1908. С. IX–X.

²³⁷ Буткевич Т. И. Уроки первой Французской революции (из переписки друзей). Харьков, 1907. С. 1.

социалистическими и революционными теориями, толпами спешит в аудиторию Тарле, надеясь услышать там нечто такое, что могло бы послужить для нее опорой и оправданием действий явно предосудительных, каковы: бойкоты, забастовки всякого рода, обструкция, экспроприации, убийства, грабежи, воровства, насилия и т. п.»²³⁸

Буткевич признает, что революции предшествовали различные «социальные нестроения». Это и малоземелье крестьян, и тяжелое положение рабочих, и обременительность государственных налогов, и угнетенное положение одних сословий и привилегированное положение других. Однако не в этом причина революции²³⁹. Революцию, считает Буткевич, приводя аргументацию французских авторов, начал не народ. Инициатива в ней принадлежала дворянству – «самому привилегированному, обеспеченному и почетному сословию»²⁴⁰. Активное участие в революции приняло католическое духовенство, включая прелатов и епископов, увлеченных радикальной атеистической философией, а также французская буржуазия – «класс, наименее страдавший от бедности и от развращенности нравов»²⁴¹. Король Людовик XVI, по мнению Т. И. Буткевича «ясно видел все эти язвы на тогдашнем организме французского государства»²⁴². Он – трагическая фигура, жертва обстоятельств, всей системы Старого порядка и созданной вокруг него «черной легенды»²⁴³.

В чем же тогда была причина революции? Т. И. Буткевич видит ее в пороках морального свойства. Это: «1) упадок религии в смысле распространения неверия, безбожия, извращения христианского учения... 2) находящийся обычно в тесной, внутренней и неразрывной связи с упадком религии, упадок нравственности, как в частной, так и в общественной жизни... Но упадок религии и нравственности есть не что иное, как практическое, внешнее осуществление тех теоретических начал большей частью отрицательного свойства, которые пропагандируются грубо-материалистическим философским мировоззрением»²⁴⁴. Носителями же его являются просветители и масоны, которые «на место христианской религии ставили... только естественную гуманистическую мораль, – мораль без живого Бога, без исторического Христа, без сверхъестественного откровения – мораль человеческого разума»²⁴⁵.

²³⁸ Буткевич Т. И. Уроки Первой Французской революции ... С. 2.

²³⁹ Там же. С. 4.

²⁴⁰ Там же. С. 16.

²⁴¹ Там же. С. 17–18.

²⁴² Там же. С. 47.

²⁴³ Там же. С. 47–51.

²⁴⁴ Там же. С. 52.

²⁴⁵ Там же. С. 65.

Диаметрально противоположные взгляды на причины Французской революции высказывал идеолог анархизма князь П. А. Кропоткин (1842–1921). Его «Великая Французская революция 1789–1793», впервые вышедшая в 1909 г. и переведенная на русский язык в 1914 г., указывает на «два главных течения», подготовивших и совершивших революцию». «Одно из них, наплыв новых понятий относительно переустройства государства, исходило из буржуазии, – объясняет Кропоткин. – Другое – действие для осуществления новых стремлений – исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетариата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшению своего положения»²⁴⁶. Что же касается Людовика XVI, то Кропоткин категорически против сочувствия к нему: «Людовик XVI во все не был тем безразличным, безобидным, добродушным человеком, занятым только охотой, каким хотят его изобразить, – утверждает Кропоткин. – В течение пятнадцати лет, вплоть до 1789 г., он сумел противостоять настоятельно чувствовавшейся потребности в новых политических формах, которые заменили бы королевское своеволие и положили бы конец возмутительным злоупотреблениям старого порядка»²⁴⁷.

Французская революция, как величайшее событие, и Старый порядок, как причина и «виновник» революции, опыт которых переносился на российскую почву, стали, таким образом, едва ли не самыми популярными сюжетами российской общественно-политической полемики, градус которой повысился после событий 1905–1907 гг. Многие их написанные в это время будут впоследствии адаптированы как монархистами в объяснении причин падения самодержавия (консервативная интерпретация предпосылок Французской революции), так и советскими историками (либеральное и демократическое понимание причин 1789 г.).

Что же касается значения революции, то она «имела своим следствием уничтожение тех политических устоев, называемых обычно феодальными порядками, которые на протяжении многих веков безраздельно царили у большинства европейских народов»²⁴⁸. Это суждение А. де Токвиля также окажется весьма долговечным в российской историографии.

Говоря о «русской школе», необходимо обратить внимание на двух ее крупнейших представителей-англоведов – М. М. Ковалевского и А. Н. Савина. Англия, как страна образцового капитализма и победоносной буржуазной революции, была не менее популярной для изучения в России, чем Франция.

М. М. Ковалевский был историком и юристом, правоведом и социологом. Так, Н. И. Кареев говорит о нем как социологе, имевшем свою трак-

²⁴⁶ Кропоткин П. Великая Французская революция 1789–1793. Пг.; М., 1922. С. 1.

²⁴⁷ Там же. С. 21.

²⁴⁸ Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Ефимова. СПб., 2008. С. 29.

товку марксизма²⁴⁹. В. А. Бутенко оценивает Ковалевского как создателя обширной работы, посвященной изучению «развития доктрины» Французской революции²⁵⁰. В. П. Бузескул характеризует его как позитивиста, приверженца историко-сравнительного метода²⁵¹.

Научное наследие М. М. Ковалевского высоко оценивалось и советской исторической наукой. Советской историографии было близко как социально-экономическое направление, избранное Ковалевским, так и знакомство М. М. Ковалевского с К. Марксом. Е. В. Гутнова, например, отмечала влияние марксизма, пожалуй, на одного Ковалевского среди историков-либералов²⁵². При этом уточнялось, что он не принимал методологического монизма, идей классовой борьбы, революции, теории общественно-экономических формаций²⁵³. На исходе советского периода историографии Г. П. Мягков указывал на бесспорность «известного влияния» марксизма на научные интересы и проблематику исследований Ковалевского²⁵⁴.

Б. Г. Могильницкий писал, что Ковалевский, как историк, наиболее последовательно выражавший интересы русской пореформенной буржуазии, защищал коренные интересы своего класса и его политическую программу, понимая несовместимость с ней социалистических идеалов²⁵⁵. Одновременно, по мнению Могильницкого, Ковалевский – представитель буржуазной историографии, сказавший принципиально новое слово в исследовании Английской революции. Указанное заключалось в выявлении буржуазного характера революции и ее социально-экономических предпосылок²⁵⁶.

Современный этап развития исторической науки характеризуется новым прочтением историографической классики, среди которой работы М. М. Ковалевского занимают видное место²⁵⁷. Так, Г. П. Мягков считает, что М. М. Ковалевский заложил основы собственной научной школы, формировавшейся преимущественно на почве социологии, которую можно рассматривать как дочернюю по отношению к «русской школе»²⁵⁸. Жизнь

²⁴⁹ Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 231–232.

²⁵⁰ Бутенко В. А. Наука новой истории в России С. 153–155.

²⁵¹ Бузескул В. П. Указ. соч. С. 155–164.

²⁵² Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 8.

²⁵³ Там же. С. 325.

²⁵⁴ Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 48.

²⁵⁵ Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX века – начала 900 годов. Томск, 1969. С. 41.

²⁵⁶ Там же. С. 243–244.

²⁵⁷ Бодров О. В. М. М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 27 с.

²⁵⁸ Мягков Г. П. «Русская историческая школа»: теория и история развития школы как научного общества: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000. 43 с.

и деятельность М. М. Ковалевского отражены в ряде работ С. Н. Погодина²⁵⁹.

В 1880 г., на излете эпохи александровских «великих реформ», была издана работа М. М. Ковалевского «Общественный строй Англии в конце средних веков». Автор четко проводит параллель между Россией второй половины XIX в. и Англией второй половины XV ст. Говоря об отмене крепостничества в Англии, Ковалевский отмечает: «В России, как и в Англии XV века, сельское хозяйство может сделаться производительным лишь под условием радикальной перемены в самой системе управления... Говоря это, я хочу указать на факт развития, преимущественно во второй половине XV ст., системы отдачи земель в арендное держание постепенно образовавшемуся классу свободных арендаторов, фермеров, системы, которая находит себе аналогичное явление в современной России»²⁶⁰.

В том же году вышла работа М. М. Ковалевского «Английская конституция и ее историк». Один из ее тезисов может быть расценен как настоящий «символ веры» российского либерала-англомана. Ковалевский пишет об Англии: «Монархическая Европа доселе не знает, да и не может знать политической машины, которая бы, в равной мере с народным представительством, обеспечивала собою как мирное пользование существующим порядком, так и прогрессивное развитие его в будущем»²⁶¹. Что же представляла собой английская конституция? Какова в этом смысле была роль монархии? В чем особенность английской королевской власти? Почему произошли события 1640 г., и какие последствия они имели?

В трактовке Ковалевского, английская конституция – это и сословно-представительная монархия, и парламентский строй, и вся совокупность писанных и неписанных норм во взаимоотношениях монарха, парламента и общества. Работу «Общественный строй Англии в конце средних веков» М. М. Ковалевский начинает в соответствии с социально-экономическим направлением исследования. «Историку, – утверждает автор, – который желал бы представить картину внутреннего быта той или иной страны в ту или иную эпоху ее существования, необходимо остановиться, прежде всего, на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась и доселе является одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического»²⁶². Особенностью английского землевладения, по Ковалевскому, было установление еще со времен Вильгельма Завоевателя (1066–1087), его публичного ха-

²⁵⁹ Погодин С. Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005. 158 с.

²⁶⁰ Ковалевский М. М. *Общественный строй Англии в конце средних веков*. М., 1880. С. 180–181.

²⁶¹ Он же. *Английская конституция и ее историк*. М., 1880. С. 15.

²⁶² Он же. *Общественный строй Англии в конце средних веков*. С. 1.

рактера. Последний проявлялся в том, что, установив в Англии известное число непосредственно зависимых от него рыцарских ленов, обязав присягой себе не только непосредственных вассалов, но и подвассалов, Вильгельм создал порядок, согласно которому никто не мог быть собственником земли иначе, как при условии вассалитета и несения службы королю²⁶³.

Аграрный переворот XV ст., обеднение дворянства из-за дарений земель церкви и удорожания рабочей силы, резкое уменьшение числа старинной аристократии не смогло поколебать позиций дворянства. Дворяне стали заниматься предпринимательской деятельностью, обедневшие дворяне оценили возможности браков с девушками из среднего сословия для поправления средств. С другой стороны, значительно поредевшее дворянство восстановило свои ряды в основном за счет рыцарства, купцов и т. д.²⁶⁴

Со Средних веков дворянское достоинство в Англии переходило к старшему сыну, остальные дети были коммонерами, свободными гражданами. Ряды дворянства были открыты всем, кто отличался в политике, торговле, промышленности, науках или литературе. Дворянский титул в Англии не сопровождался судебными или податными льготами, а частные преимущества глав аристократических родов были связаны с их службой королю и не ущемляли прав других сословий. Соответственно, делает вывод Ковалевский, английское дворянство «не находило оппозиции своим политическим притязаниям, какую на континенте повсеместно встречала феодальная аристократия, отделенная от народа неприступной стеной налоговых и судебных изъятий. А это обстоятельство дало возможность проявления в Англии чего-то небывалого на континенте – взаимодействия сословий в общем всем им деле ограничения королевского и чиновничьего произвола»²⁶⁵.

Начиная с Вильгельма Завоевателя, короли раздавали земли своим вассалам не сплошными округами, а небольшими поместьями, разбросанными по всему королевству. К этому добавилась присяга королю как непосредственно вассалов, так и подвассалов. Таким образом, создавать оппозицию королю и мобилизовать материальные и людские ресурсы на обширных территориях английские аристократы не имели возможности. Королевская власть изначально не дала феодалам присвоить себе королевских юридических прав и не допустила системы наследственных должностей. Властные стремления английское дворянство реализовывало в местном управлении, где уже с XIV в. короли предоставляли английской аристократии больше прав, чем континентальной. Таким образом, бедная

²⁶³ Ковалевский М. М. *Общественный строй Англии в конце средних веков*. С. 34–37.

²⁶⁴ Там же. С. 163–169, 179–195.

²⁶⁵ Там же. С. 240–243.

сословными привилегиями, английская аристократия оказалась богатой политическими правами²⁶⁶. Ничем в особенности не обязанная лично королю, аристократия могла много с него потребовать, особенно при ущемлении вассальных прав. Так и произошло при принятии «Великой хартии вольностей» в 1215 г. и созыве в 1265 г. английского парламента.

Почему английская сословно-представительная монархия не превратилась в континентальный абсолютизм? Одной из причин было уже описанное Ковалевским отсутствие замкнутости аристократии и противостояния среднему сословию. Английские города не выступали сторонниками короля в его борьбе с аристократией, как это было во Франции. Другой причиной является островное положение Англии, ее малодоступность для внешних врагов. Содержание постоянной армии было бесполезным, а это, в свою очередь, лишало короля главного оплота его могущества. Таким образом, «английская аристократия с успехом сохраняет в течение веков твердыню своего всемогущества, английский парламент, от всевозможных попыток Йорком, Тюдоров и Стюартов к восстановлению в свою пользу единоличного правления»²⁶⁷.

XVI в. был ознаменован, по Ковалевскому, двумя крупнейшими событиями – ростом монархической власти и постановкой вопроса о сохранении или упразднении католической церкви под главенством папы, то есть Реформацией. Ковалевский указывает на такие факторы периода, как упадок средневековой феодальной организации, интеллектуальный подъем в обществе, падение доверия народа к парламенту, который созывается королем лишь по причине частой нужды в деньгах²⁶⁸.

Особенное значение для укрепления абсолютизма в Англии имела Реформация. Со стороны экономической, обогащаясь за счет церкви, правительство могло обходиться и без средств, утверждаемых парламентом. При распродаже церковных имуществ покупателем выступала зажиточная буржуазия. Она получила доступ к власти, а монархия таким образом создала себе «благодарных союзников». Не менее важной стороной Реформации стала политическая. В ходе Реформации к королю перешло главенство над церковью. «Нигде на Западе, – говорит Ковалевский, – цезарепапизм не существует в большей степени, чем в Англии, и нигде, как здесь, церковь является опорой престола»²⁶⁹.

Дополнительными факторами утверждения абсолютизма Ковалевский называет потерю значения дворянства как военной силы страны и созда-

²⁶⁶ Ковалевский М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков. С. 265–271.

²⁶⁷ Там же. С. 19–21.

²⁶⁸ Там же. С. 120–121.

²⁶⁹ Там же. С. 121–122.

ние монархией новой аристократии вместо утраченной во время войны Роз. Эти войны значительно сократили число крупных аристократических родов, к правлению Генриха VII их осталось 28. Король, по словам Ковалевского, «сделал новых до полсотни, а его сын прибавил к ним еще несколько сотен»²⁷⁰. Дворянство возродилось, сосредоточив в своих руках огромные земельные владения. Общим фактором, обусловившим переход к абсолютной монархии, Ковалевский называет расширение торгового обмена, образование торговых монополий, новые морские пути²⁷¹.

Необходимо уточнить, что термины «феодализм» и «абсолютизм» М. М. Ковалевский применяет в современных ему значениях. «Феодализм» в первую очередь подразумевает юридический аспект. Это, во-первых, договорная основа общества и, во-вторых, это феодальный партикуляризм, при котором король – не более чем первый среди других феодальный сеньор.

Термин «абсолютизм» Ковалевский использует в нескольких аспектах. В правовом – абсолютизм выступает как результат подражания идеалу Римской империи и обращения к принципу «quod principi placuit, legis habet vigorem», то есть «что нравится князю, то должно быть законом»²⁷². Абсолютизмом Ковалевский называет систему управления Меровингов, Каролингов и англосаксонских королей. Основанием для этого он считает устранение народа от участия в делах управления и низведение королями народных собраний до такого состояния, когда они не имели не только решающего, но и даже совещательного голоса²⁷³. Тезис об устранении общества от управления, очевидно, был привнесен из европейской историографии. Сам Ковалевский ссылается на работу Г. Зибеля «Происхождение королевской власти в Германии»²⁷⁴. Под абсолютизмом в правовом ракурсе Ковалевским подразумевается также форма государственного управления позднего Средневековья и раннего Нового времени, сопровождающаяся упадком сословного представительства.

Борьба королей с политическими притязаниями дворянства и частично духовенства имеет социальные последствия, что позволяет рассматривать абсолютизм в социологическом аспекте. Борьба с аристократией заставляет правителей Европы содействовать материальному подъему и юридической правоспособности крестьянства и горожан. Сословная рознь, по словам Ковалевского, в такой ситуации возрастает. Пользуясь ею, монархия, принимая форму демократического цезаризма, или просве-

²⁷⁰ Ковалевский М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков С. 123.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Ковалевский М. М. Социология: в 2 т. Т. 1: Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. СПб., 1910. С. 40–41.

²⁷³ Ковалевский М. М. Английская конституция и ее историк. С. 2–4.

²⁷⁴ Там же. С. 4.

щенного абсолютизма, ослабляет или прекращает сословное представительство. Решающим здесь является создание не зависящего от сословий налога на содержание постоянного войска, что знаменует собой рост абсолютной монархии²⁷⁵. Таким образом, фактически Ковалевский раскрыл механизм «равновесия» при абсолютизме.

Ковалевский подчеркнул, что всюду абсолютизм создавался благодаря союзу королевской власти с дворянством. Во Франции же были отклонения от этого процесса, и рост абсолютизма произошел преимущественно при союзе монарха со средним сословием. Это случилось, пояснил Ковалевский, ввиду того, что французская аристократия была феодальной, то есть обладающей вотчинной юстицией, что необходимо было преодолеть королям²⁷⁶.

Наконец, Ковалевский, в историческом аспекте, различает абсолютизм континентальной Европы и абсолютизм английский. Абсолютизм континентальный – это, прежде всего, французский абсолютизм. Ковалевский оценивает его почти как восточный деспотизм, в который выродилась сословная монархия²⁷⁷. Для английского же абсолютизма характерно сохранение сословного представительства²⁷⁸.

Но даже на британской почве общая европейская тенденция к установлению абсолютной монархии дает о себе знать рядом симптомов. «Мы встречаемся с парламентом при всех и каждом из правителей из династии Тюдоров, – отмечает Ковалевский, – но только заседает этот парламент недолго, нередко на протяжении десятилетий не производится новых выборов. Король многие дела законодательного характера решает единолично, с ведома и участия своего Тайного совета, так что английские юристы считают возможным говорить о торжестве короля в совете над королем в парламенте, выражающем собой переход монархии конституционной в монархию абсолютную»²⁷⁹.

Кульминационным пунктом в развитии английского абсолютизма Ковалевский называет 1539 г., когда парламент довел свое раболепие до того, что принял постановление, согласно которому «отныне указы, изданные королем с участием в его совете, будут иметь ту же обязательную силу, что и законы»²⁸⁰, хотя это постановление и было отменено. Ковалевский указывает, что, перенеся в европейскую политическую практику римскую им-

²⁷⁵ Ковалевский М. М. Социология. Т. 1. С. 55.

²⁷⁶ Он же. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. С. 153.

²⁷⁷ Он же. Английская конституция и ее историк. С. 19–21.

²⁷⁸ Там же. С. 21.

²⁷⁹ Ковалевский М. М. История аристократии: курс лекций, чит. на экон. отд-нии С.-Петербург. политехн. ин-та в 1913–14 уч. году. СПб., 1914. С. 124.

²⁸⁰ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 125.

перскую идею, монархи тем самым открыли путь и для существовавшей параллельно идеи о народе как источнике всякой власти²⁸¹. Эта идея существовала всегда, выступая альтернативой не менее устойчивой теории божественного происхождения монархической власти.

В ответ на авторитарные заявления монархии о том, что «свобода речи не должна быть понимаема в том смысле, что всякий вправе говорить, что ему взбредет на ум; она означает только то, что в ответ на правительственные предложения можно сказать “да” или “нет”»²⁸², парламент настаивает на том, что только ему, при участии монарха, принадлежит право рассмотрения вопросов, затрагивающих народную жизнь. Парламент выступает в защиту своих исконных законодательных функций против попыток обратить их в законосовещательные. При этом Ковалевский в который раз проводит параллель с современной ему российской политической ситуацией, имея в виду пожелания российских правых превратить Государственную думу в законосовещательное учреждение²⁸³.

В Англии полемика между идеологами церковной и светской власти была активизирована столкновением в 60-е гг. XII в. короля Генриха II (1154–1189) и архиепископа Кентерберийского Фомы (Томаса) Бекета, что закончилось убийством архиепископа и конфликтом в английском обществе. От этого инцидента, замечает Ковалевский, пошел поток литературы, в которой обсуждались различные системы управления. При этом важное значение придавалось выявлению грани, за которой монархия вырождается в тиранию²⁸⁴. Современник конфликта Генриха II и Томаса Бекета, Иоанн Солсберийский в «Поликратике» формулирует идею тираноборчества. Во-первых, государство, подобно живому организму, может стареть и умирать. Во-вторых, монархом можно назвать только такого государя, который правит, руководствуясь божественным и человеческим законом. В-третьих, если монарх сам становится законом, и правит, руководствуясь личной волей, он становится тираном. А тиран должен быть убит²⁸⁵.

Не менее важно и то, что, наряду с абсолютистской доктриной, развивается идея о смешанной форме правления. Согласно этой теории, сформулированной еще ранее Дж. Фортескью, монархия необходима, в некоторых сферах король может иметь абсолютную власть – в вопросах войны и мира, чеканки монеты, назначении чиновников на должности, осуществлении

²⁸¹ Ковалевский М. М. Социология. Т. 1. С. 41.

²⁸² Там же. С. 4.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 42.

²⁸⁵ Там же. С. 51–54.

права помилования. Но верховная власть должна принадлежать парламенту, как совокупности монарха, лордов и общин²⁸⁶.

Особенно сильное влияние на абсолютистские устремления английских монархов оказала Реформация. Король стал главой национальной церкви, между ним и Богом исчезло посредничество папы. Соответственно, формулируется доктрина о короле Божьей милостью, и, в свою очередь, Иаков (Яков) I, как идеолог абсолютной монархии, утверждает, что «без епископа нельзя представить себе и короля»²⁸⁷.

Ковалевский указывает, что в условиях проведения в Англии Реформации «сверху» несогласные с официальным вероисповеданием попадали в состояние выбора между требованиями Божеского закона, свободно ими понимаемого, и пассивного повиновения властям. В такой ситуации произошел отказ от беспрекословного подчинения власти и был поставлен вопрос о границах закономерного повиновения. Решение этой проблемы ставило вопрос о том, какая власть вообще может быть признана законной и нельзя ли считать народ единственным источником власти и творцом монарха²⁸⁸.

Во избежание искажения восприятия предреволюционной Англии, Ковалевский делает важное замечание. Он говорит о том, что при всех сложностях отношений короля и парламента, «начиная с Генриха VII и оканчивая Иаковом I, все и каждый из представителей Тюдоровой и Стюартовой династии свято соблюдали букву конституции, испрашивая согласия парламента и для издания нового закона, и для вотирования новых налогов»²⁸⁹.

Особенную остроту в предреволюционной Англии приобрела религиозная проблема. Пуританам было поставлено в вину не столько религиозное разномыслие, сколько недовольство существующим правительством, а потому их «секта» была расценена как недопустимая в «благоустроенном государстве». Вина же католиков была в том, что они признают верховенство папы над королями и императорами. Папа есть иноземный государь, а значит, католики повинны в государственной измене и не могут быть терпимы в Англии²⁹⁰. Все указанное выше Яков I (1603–1625) сформулировал

²⁸⁶ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 155–156.

²⁸⁷ Он же. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений: в 3 т. Т. 2. М., 1906. С. 5–6.

²⁸⁸ Там же. С. 17–18.

²⁸⁹ Там же. С. 82.

²⁹⁰ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 8–11.

в своей тронной речи, и, как замечает Ковалевский, можно легко судить о впечатлении, произведенном данной речью в палате, три четверти которой, как говорят современники, составляли пуритане²⁹¹.

Карл I (1625–1649) унаследовал проблемы, сформировавшиеся во время правления его отца. Кроме того, Карла I обвиняли в скрытой симпатии к католицизму, в поощрении в стране арминианства – течения в англиканстве, которое в наименьшей степени порывало с католицизмом. Дополнительную почву для недовольства создал брак Карла I с французской принцессой-католичкой Генриеттой-Марией. У большинства парламентских деятелей не имелось сомнений в том, что вместе с заключением брака король дал обязательство насильственно обратить Англию в католицизм²⁹².

Политика короля представляет собой, в изложении Ковалевского, череду мер, создающих представление о том, что инициативу в борьбе захватил парламент, а король и правительство постепенно и верно заходили в тупик, не задумываясь глубоко о последствиях предпринимаемых ими действий²⁹³. В результате гордиев узел отношений монархии и парламента, а шире – и общества, был разрушен 30 января 1649 г., когда король взшел на эшафот.

Ковалевский особенно отмечает религиозную нетерпимость в предреволюционной Англии. Он считает, что сложно судить французскую принцессу за то, что она требовала прекращения преследований ее единоверцев. «Но, – говорит далее Ковалевский, – если вы вспомните, о каком времени я с вами веду речь, какие кровавые столкновения происходили в течение XVII века между католиками и последователями всякого рода протестантских толков, если вы вспомните о драгонадах Людовика XIV по отношению к гугенотам... то станет вам понятно то обстоятельство, почему пресвитериане в Англии, т. е. те же гугеноты, были преисполнены такой же крайней враждебностью по отношению к католикам. Мы присутствуем в Англии при любопытнейшем явлении... Парламент, отстаивающий народные вольности, права человека и гражданина, в то же самое время не хочет слышать об этой терпимости»²⁹⁴.

Нужно отметить, однако, что «любопытнейшее явление» объяснить не так сложно. Это позже сделал младший современник М. М. Ковалевского, еще один блестящий исследователь истории Англии А. Н. Савин. В своих «Лекциях по истории Английской революции» он подчеркнул, что противники абсолютизма опирались не на идеи правового государства

²⁹¹ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 12.

²⁹² Там же. С. 24.

²⁹³ Там же. С. 44–55.

²⁹⁴ Там же.

или прогресса – они были чужды парламентской оппозиции²⁹⁵, идеал которой – традиционные сословные свободы²⁹⁶. Кроме того, даже в самые острые моменты политической борьбы вожди парламентской оппозиции не позволяли себе нападать на личность монарха, обвиняя в ошибках правительства «дурных советников» короля²⁹⁷. Ковалевский, вольно или невольно, перенес современное ему понимание прав человека на английское общество первой половины XVII в.

Причинами конфликта между королем и парламентом Ковалевский называет, наряду и конституционными несогласиями, несогласия по церковным вопросам. Он говорит буквально следующее: «Англия в это время переживала второй период реформации, при котором свободное чтение Библии привело к более радикальным мерам, чем те, какие были приняты вследствие столкновения Генриха VIII с папой. Уже с последних лет царствования Елизаветы... идет рост раскола, сопровождающийся зарождением массы партий, которые не ограничиваются только вопросами религиозного характера, но и связывают их с вопросами политическими»²⁹⁸.

Таким образом, М. М. Ковалевским была создана обширная нарративная канва в изучении английского абсолютизма и революции XVII в., расширенная затем А. Н. Савиным. При этом, несмотря на присутствие социологического подхода в трактовке английского абсолютизма, ведущим в осмыслении английской абсолютной монархии оставался правовой критерий. В равной степени, при рассмотрении причин Английской революции, на первое место ставились правовые и религиозные.

Нужно отметить, что Савин, говоря об Англии XVI в., указывает на парадоксальность английского абсолютизма и задает вопрос: можно ли с юридической точки зрения назвать государственный порядок Англии абсолютистским, если, кроме короля, власть осуществлял парламент?²⁹⁹ Савин разрешает этот парадокс следующим образом, говоря, что необходимо отличать юридические нормы как таковые от их осуществления в конкретных условиях.

В политической реальности Англии, отмечает Савин, были налицо все признаки религиозного поклонения монарху, и даже «такие хурдородные короли, как Тюдоры, представлялись в XVI в. помазанниками божьими»³⁰⁰.

²⁹⁵ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 75.

²⁹⁶ Там же. С. 69.

²⁹⁷ Там же. С. 77.

²⁹⁸ Ковалевский М. М. История аристократии. С. 24–25.

²⁹⁹ Савин А. Н. История Англии в Новое время. Вып. 1. М., 1912. С. 5.

³⁰⁰ Там же. С. 7.

В тюдоровской Англии существовали и «патриархальные» взгляды на государство, как на вотчину монарха. Наконец, весьма неоднозначным является отношение Тюдоров к парламенту. Формально монархи делят с ним власть, а на деле они подчиняют его себе и удерживают свое политическое преобладание. Парламент, приобретая значительный политический вес, тем не менее легко отступает под натиском монархии³⁰¹.

Наконец, Савин обращает внимание на подобострастное отношение к королевской власти, распространенное во всем английском обществе. Примененный Савиным эпитет, к слову, не отражает всей глубины, на первый взгляд, совершенно абсурдной ситуации во время чудовищных политических казней. «С ними не церемонились, – рассказывает Савин, – наоборот, совершали их всенародно, к удовольствию толпы, созерцавшей их. О настроениях и поведении казнимых и толпы составлялись протоколы. Из протоколов о смертных казнях мы видим, что люди, которые, казалось, должны были ненавидеть монархическую власть и монарха, выступают до последней минуты своей жизни его покорными подданными»³⁰². Пользуясь таким расположением, власть может вмешиваться всюду, что она и делает. Рост правительственного вмешательства приближает монархию Тюдоров к континентальному абсолютизму, заключает Савин³⁰³.

Проблемное поле западноевропейского абсолютизма в дореволюционной историографии было достаточно широко в географическом плане, охватывая рассмотрение практически всей Европы. Это иллюстрируется целым рядом обобщающих работ – от «Истории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева³⁰⁴ до учебного издания «Очерки новой истории (XVI–XIX вв.)», одним из авторов которого был В. Н. Перцев³⁰⁵.

Отдельное внимание было уделено истории Австрии (П. П. Митрофанов)³⁰⁶, Италии (Е. В. Тарле)³⁰⁷, Испании (В. К. Пискорский)³⁰⁸. Так, П. П. Митрофанов характеризует абсолютизм в традиционном ключе – как форму управления, пришедшую на смену сословно-представительной монархии в условиях роста буржуазии и денежного хозяйства. Это дало монарху возможность не только создать армию и бюрократию, но и

³⁰¹ Савин А. Н. История Англии в Новое время. С. 7–11.

³⁰² Там же. С.15–16.

³⁰³ Там же. С. 17.

³⁰⁴ Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. Изд. 5-е. Т. 2: История XVI и XVII веков СПб., 1915. 640 с.

³⁰⁵ Перцев В. Н., Ефимова Е. А. Очерки новой истории (XVI–XIX вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., [1918]. [2], 282 с.

³⁰⁶ Митрофанов П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. Изд. 2-е. М., 2003. 156 с.

³⁰⁷ Тарле Е. В. История Италии в Новое время. СПб., 1901. 190 с.

³⁰⁸ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909. 276 с.

систему управления, при которой подданные были «лишь членами государственного организма» и произошло полное порабощение личности государственными целями³⁰⁹. Митрофанов указывает на консервативность австрийского абсолютизма, как системы управления в стране с областями «земледельческими, а не торговыми и промышленными». Кроме того, постоянные проблемы существовали в организации управления многочисленными областями империи³¹⁰.

Говоря об итальянском абсолютизме, Е. В. Тарле обращал внимание на специфические условия его формирования и социальную основу, обеспечивающую его устойчивость. При удалении пап в Авиньон и исчезновении императорской власти города Северной Италии были предоставлены сами себе. Начальники отдельных военных отрядов захватывали власть почти во всех главных центрах Тосканы и Ломбардии, к тому же вполне неограниченную. «Богатые купеческие круги городов ничего не имели против возникновения этих деспотий, охранявших внутреннее спокойствие и внешний престиж, столь нужные для коммерческого процветания города; эпигоны феодальной знати также находили более для себя удобным и выгодным пристраиваться в качестве придворных-временщиков, советников при новых властителях; наконец, *popolo minuto*, более бедный класс, уже потому поддерживал деспотов, что алчная и своекорыстная политика городских самоуправлений, сплошь заполненных богачами, приучила его смотреть на цезаризм как на принцип равенства между богатыми и бедными, как на идеальную почти форму правления»³¹¹.

На ряд особенностей испанского абсолютизма указал российский исследователь Испании и Португалии В. К. Пискорский (1867–1910)³¹². Это огромное количество дворянства, пользовавшегося, особенно в Арагоне, «безмерным могуществом»³¹³, огромная роль инквизиции, которой способствовала многовековая борьба с маврами, наконец, имперские амбиции и непроизводительные траты испанской монархии, приведшие страну к экономическому кризису³¹⁴.

Проблема абсолютизма приобрела новое звучание в связи с событиями 1905–1907 гг. Речь идет об изданной в 1906 г. книге «Падение абсолютизма в Западной Европе» Е. В. Тарле, второе дополненное издание которой вышло в 1924 г. под названием «Падение абсолютизма в Западной Европе и России». Материалами для «Падения абсолютизма...» послужили в пер-

³⁰⁹ Митрофанов П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. С. 88–89.

³¹⁰ Там же. С. 90–91.

³¹¹ Тарле Е. В. История Италии в Новое время. С. 2.

³¹² Пискорский В. К. История Испании и Португалии. 276 с.

³¹³ Там же. С. 75–76.

³¹⁴ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. С. 116, 129–130.

вую очередь читаемые Е. В. Тарле в 1905–1906 гг. лекции о буржуазных революциях и падении абсолютных монархий Англии и Франции, что было созвучно общественным настроениям начавшейся первой российской революции.

Тарле выступает здесь не как историк, а как социолог, исследующий проблему смены одного государственного строя другим. Почему абсолютизм погибает именно революционным путем?

Тарле считает ошибочными утверждения о том, что абсолютизм гибнет от финансовых затруднений или личностных качеств носителей власти. Дело в ненормальности всего государственного уклада. Необходимо дать в обществе выход и удовлетворение новым нуждам. Это путь реформ, и они ведут к ограничению абсолютной власти. Однако абсолютизм по самой своей природе не может быть ограниченным, для него это равносильно самоубийству³¹⁵. Следовательно, разрешить проблемы в обществе может лишь революция, результатом которой станет уничтожение абсолютизма. Тарле подчеркивал, что абсолютизму «бывало труднее, нежели всякой иной форме правления, выполнить выпавшую ему на долю задачу, так как для него она выражалась в том, чтобы отказаться от собственного существования»³¹⁶.

Абсолютизм становится вреден с того самого времени, как становится бесполезен. Огромная власть с колоссальными ресурсами не может оставаться в покое, она проявляет себя в войнах, борьбе за гегемонию, преследованиях инакомыслящих и т. д., что в результате разрушает абсолютистское государство³¹⁷.

Чем больше «зажился на свете абсолютизм», тем жестче протекает классовая борьба. В России особая роль в ниспровержении абсолютизма принадлежит пролетариату – классу, который после своего выступления на историческую арену, более чем какой-либо другой связывает борьбу с абсолютизмом с борьбой за политическую власть³¹⁸.

Спектр дореволюционных интерпретаций абсолютизма будет неполон без трактовки историка, который уже в то время считал себя марксистом, – Н. А. Рожкова. Он был убежден, что «главной причиной всех перемен в народной жизни является хозяйство, т. е. те способы, которыми народ добывает себе все необходимое для жизни»³¹⁹. Поворотным моментом в развитии Англии, Франции и Германии, рассматриваемых Рожко-

³¹⁵ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. М., 2011. С. 80–81.

³¹⁶ Там же. С. 81.

³¹⁷ Там же. С. 104–108, 102–103.

³¹⁸ Там же. С. 150–156.

³¹⁹ Рожков Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб., 1908. С. 9.

вым, стал переход в условиях натурального хозяйства от переложного земледелия к трехпольному. Соответственно, потребовалось закрепление за постоянным собственником земельных владений и рабочей силы. Бенефиций превратился в феодал. Феодал стал самостоятельным государством, что произошло в XI в.³²⁰

Сюжет о разложении натурального хозяйства и формировании рынка в высоком и позднем Средневековье иллюстрирует «точку схождения» мнений историков разной идейной направленности. Так, Рожков, выдвигая на первый план экономику, утверждает, что она возвысила новый класс общества – купцов и ремесленников. Соответственно, у дворян – владельцев феодалов появился соперник – класс горожан³²¹. Между тем несколькими годами ранее П. Н. Ардашев, консервативный либерал, писал: «Разложение феодализма начинается как раз с его социально-экономических устоев... Развитие денежного хозяйства на счет натурального, развитие города на счет деревни, рост торговли и промышленности – все это вместе взятое создает новый... городской класс – буржуазию... сосредоточивающий в своих руках новую силу: денежный капитал»³²².

История XV–XVIII вв. Англии, Франции и Германии (последней до середины XIX в.) представлена Рожковым по единой схеме: хозяйство – социальная структура – государство – общественная мысль. Обращает на себя внимание последовательность сюжетов: экономика – социальное развитие – государство – общественная мысль (культура), – впоследствии принятая советской историографией. Для всех рассматриваемых стран характерно денежное хозяйство с обширным рынком³²³, с соответствующими ему сословиями и классами. Рожков формулирует их определения, закрепившиеся затем в советской историографии: «Если отдельные части общества... отличаются по правам и обязанностям, то эти части называются сословиями... Если же отдельные части общества... отличаются по своему положению в хозяйстве, то они называются классами»³²⁴. При этом, по мнению Рожкова, классовое деление развивается всегда соответственно тому, насколько развито денежное хозяйство. Последнее требует предприимчивости, свободы распоряжения капиталами и землей, мобильности – того, что сословное обеспечить не может ввиду отсутствия гражданских свобод³²⁵.

³²⁰ Рожков Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии. С. 8–11.

³²¹ Там же. С. 12–13.

³²² Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. С. 13, 15.

³²³ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 17, 86, 192.

³²⁴ Там же. С. 24, 25.

³²⁵ Там же. С. 197–198.

Описанные Рожковым государства представляют собой, по сути, переходные общества – везде есть и классы, и сословия, но в разном сочетании. В Англии существуют классы – купцы, фабриканты и наемные рабочие, и сословия – дворяне, горожане, духовенство, крестьяне³²⁶. Превалирующими здесь выступают сословные отношения, так как «денежное хозяйство не достигло еще очень большого значения»³²⁷.

Во Франции господствует сословный Старый порядок, с гораздо более сильными сословными различиями, чем в Англии³²⁸. Само же общество Старого порядка в изображении историка-марксиста выглядит вместилищем социальных бед: «Богатые и знатные пользовались огромными правами, которые позволяли им, подобно пиявкам, присасываться к народному телу и пить народную кровь»³²⁹.

Наконец, характеризуя германские земли, Рожков делает акцент на классах, несмотря на наличие сословности, преодолеваемой в ряде случаев реформами «сверху»³³⁰. Классы в германском обществе, ввиду успехов «денежного хозяйства», были во всех землях. Но если на севере и востоке они только наметились, то на юге и западе были выражены гораздо резче³³¹.

Какая же политическая оболочка покрывала эти экономики и общества? Это, разумеется, абсолютная монархия – «единая огромная государственная власть – власть самодержавных королей, которые объединяли всю страну, укрепляли торговлю, делали возможным широкий сбыт товаров»³³². Такова она везде – «самодержавие английских королей»³³³, «самодержавная власть французских королей»³³⁴ и «абсолютизм, неограниченное самодержавие монарха, превращавшееся на деле в самодержавие чиновников»³³⁵ в Германии.

Характеризуя абсолютизм в конкретных странах, Рожков сочетает нарративную канву, уже известную по «русской школе», с гораздо более жесткими оценочными суждениями, что логично для историка-марксиста, особенно в свете недавно прошедших в России событий 1905–1907 гг.³³⁶

В Англии «сильная единая власть» была в интересах и дворян, и богатых купцов, и фабрикантов, поэтому в XVI–XVII вв. она стала «почти совер-

³²⁶ Ландина Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала XX // Диалог со временем. № 66. С. 223–237.

³²⁷ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 25.

³²⁸ Там же. С. 90–97.

³²⁹ Там же. С. 97.

³³⁰ Там же. С. 198–201.

³³¹ Там же. С. 197.

³³² Там же. С. 97–98.

³³³ Там же. С. 31.

³³⁴ Там же. С. 98.

³³⁵ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 202.

³³⁶ Ландина Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова ... С. 227.

шенно самодержавной»³³⁷. По Рожкову, абсолютизм обогатил самых знатных и богатых, между тем как среднее и мелкое дворянство и другие слои народа не могли этого сделать без политической свободы. Но король и знать не желали слышать ни о каких уступках. В результате – недовольство, усугубленное религиозным фактором, и Английская революция³³⁸.

В Германии и Австрии абсолютизму положили конец революции 1848 г. До этого германские земли отличались не только экономически, но и разной степенью проводимых «сверху» реформ³³⁹. Политическая система этих стран оценивается Рожковым отрицательно: «Главная черта системы Меттерниха – это абсолютизм, неограниченное самодержавие монарха, превращавшееся на деле в самовластие чиновников... заведена была политическая полиция, преследования и аресты стали постоянным явлением по всей Германии»³⁴⁰.

Апогеем же «королевского самодержавия» является Франция Старого порядка, история которой излагается Рожковым в общем с либералами русле: короли победили феодалов, отняли у них ограничивающие королевскую власть права, но оставили те, что обременяли народ³⁴¹. Со временем исчерпавший себя Старый порядок «не хотел уступить – дворянство и духовенство слишком дорожили своими привилегиями – поэтому... произошла великая революция»³⁴². Эти достаточно нейтральные суждения стали базовыми для негативизации Старого порядка, в чем Рожков превосходит своих либеральных коллег.

Во Франции «король... был действительно самодержцем, совершенно неограниченным государем»³⁴³, при этом «французские короли были плохо образованны, их больше не жили и портили, чем учили, и к тому же они очень плохо знали жизнь и совсем не знали народа»³⁴⁴. Политические структуры «старого порядка» выглядят почти карикатурно и по понятным причинам уподобляются российским: Королевский совет – бессильное учреждение при самодержавном короле³⁴⁵, губернаторы – из «обленившихся и изнеженных, не умевших и не желавших ничего делать»³⁴⁶ дворян. Назначаемые королем интенданты, уподобляемые российским губернато-

³³⁷ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 28–29.

³³⁸ Там же. С. 31–32.

³³⁹ Там же. С. 202–205.

³⁴⁰ Там же. С. 202, 205.

³⁴¹ Там же. С. 92.

³⁴² Там же. С. 114.

³⁴³ Там же. С. 98.

³⁴⁴ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 98, 100.

³⁴⁵ Там же. С. 99.

³⁴⁶ Там же. С. 101.

рам, «совершали множество несправедливостей и насилий, и поэтому чаще всего население их ненавидело»³⁴⁷. Власть у французских провинциальных штатов столь же ничтожна, как и у российских земств³⁴⁸. Французские парламенты – суды – «были еще более непокорными, упрямыми, беспорядочными», чем все вышеописанное, и «очень плохими»³⁴⁹. Право регистрации парламентами королевских законов расценивалось Рожковым как «иногда приносящее некоторую пользу народу», так как парламенты «отказывались записать вредный закон или тяжелую подать», но заседание в присутствии короля сводило это право к минимуму³⁵⁰.

Предрешенность Французской революции Рожков обосновывает так: «Всем заправляли привилегированные сословия, позволявшие себе большой произвол, крайние насилия и чрезвычайные несправедливости. Пока денежное хозяйство с обширным рынком еще только зарождалось и укреплялось, до тех пор сословность, королевское самодержавие и обширная власть чиновников были прочны, потому что все это было необходимо... Но в XVIII веке уже не приходилось создавать рынок – он был уже готов и прочен. Притом же привилегии дворянства и духовенства и самовластие чиновников приносили невыносимые страдания буржуазии и крестьянству. И потому в народных массах, и в городе, и в деревне, все более развивалось недовольство...»³⁵¹

Работа Рожкова создана в популярном ключе, однако она представляет интерес и для историографа. Ее концепция основана на идее стадильности и прогресса, общей для либеральной и марксистской традиции. Основываясь на нарративной основе «русской школы», Рожков заменил позитивистский плюрализм марксистским монизмом. При этом весьма сдержанная оценка Старого порядка либералами превратилась у историка-марксиста в обличительное «выставление счета» абсолютизму.

Статью в энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат можно рассматривать как своего рода итог в осмыслении концепта абсолютизма дореволюционными историками. Седьмое, переработанное издание словаря начало выходить в 1910 г. В его первом томе медиовист А. К. Дживелегов (1875–1952), использовавший среди других источников работы Кареева и Ардашева, изложил следующую трактовку абсолютизма:

³⁴⁷ Рожков Н. А. Указ. соч. С. 103.

³⁴⁸ Там же. С. 105.

³⁴⁹ Там же. С. 104.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же. С. 105.

– под абсолютизмом, или абсолютной монархией, понимается «та форма монархии, которая не признает никаких ограничений для носителя верховной власти»;³⁵²

– практика управления приводит к неизбежному самоограничению власти монарха. Однако оно не носит необходимого характера – у «конституции» абсолютной монархии отсутствуют формальные гарантии;

– абсолютизм немислим без бюрократии – монарх не может править единолично и делегирует часть своих полномочий чиновникам;³⁵³

– абсолютизм представляет собой одну из древнейших государственных форм и восходит к древневосточным деспотиям. Вместе с тем, оценивая уровень знаний начала XX в. о древних цивилизациях, автор указывает на целесообразность «оставаться в кругу хорошо известных нам явлений европейской истории»;³⁵⁴

– приходя на смену феодальному партикуляризму и сословной монархии, абсолютизм является закономерным. В данном процессе важную роль играют факторы экономического (разрушение натурального хозяйства, развитие товарно-денежных отношений, создание национальных рынков), политического (необходимость в единстве страны и уничтожении политического феодализма) и идеологического (рецепция римского права и разработка теоретических и практических основ абсолютистского правления в Западной Европе);³⁵⁵

– классом, «вложившим в руки королевской власти острый меч абсолютизма, мог быть только торговый и промышленный класс»;³⁵⁶

– абсолютная власть, отняв у «старших сословий» политические права, «мудро оставила в их руках социальное господство и без колебаний становилась на их сторону, когда этому господству что-нибудь угрожало»;³⁵⁷

– социальная основа абсолютизма выражалась тезисом, который в будущем послужит для целого ряда толкований в длительных дискуссиях, а именно: «Живя в мире с классом торговым, в союзе с землевладельческим, абсолютизм мог не бояться ничего».³⁵⁸

В объемной статье А. К. Дживелегов вел речь о типологии абсолютизма, выделяя, с одной стороны, французский и испанский, а с другой – англ-

³⁵² Дживелегов А. Абсолютизм // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат»: в 58 т. 7-е перераб. изд., 13-е стер. изд. до 33 тома. Т. 1: А – актуарий. М., [б. г.] Стб. 64.

³⁵³ Там же. Стб. 65.

³⁵⁴ Там же. Стб. 66.

³⁵⁵ Там же. Стб. 67–69.

³⁵⁶ Там же. Стб. 68.

³⁵⁷ Там же. Стб. 70.

³⁵⁸ Там же.

лийский абсолютизм, а также об абсолютистской идеологии и просвещенном абсолютизме. Акцентировалось внимание на исчерпании потенциала абсолютизма и превращении последнего в регрессивную силу. В частности, автор указывал на отсутствие при абсолютизме гарантий того, что «будет правильно вестись государственное хозяйство, ибо народные деньги бесконтрольно расходуются на непроизводительные цели и убивается государственный кредит»³⁵⁹. Соответственно, «буржуазия, как только она приходила к осознанию своих интересов, старалась разделаться с абсолютизмом»³⁶⁰.

В 1925 г. вышла обобщающая книга Н. И. Кареева «Историки Французской революции». В ее третьем томе автор, оценивая вклад дореволюционных историков в исследование Французской революции, утверждал, что работ частного характера, созданных российскими историками, «довольно много, не так, конечно, много, как у французов, но не меньше, по крайней мере, чем у немцев, во всяком случае, значительно больше, чем у англичан»³⁶¹. Недаром, продолжал далее Кареев, французские историки говорят о «русской школе», особенностью которой является внимание не к общим схемам революции, а к ее частным проблемам³⁶².

Таким образом, период дореволюционной историографии оказался определяющим в формировании концепта западноевропейского абсолютизма. Указанное явилось результатом усвоения российскими историками европейской концептуальной и нарративной основы, ее адаптации и создания на этой почве оригинальных российских работ.

Многофакторность в генезисе абсолютизма, правовой уклон в понимании условий его формирования, идея баланса сил дворянства и буржуазии при усиливающейся королевской власти, ее дворянская основа и сословный характер – большинство этих установок окажутся базовыми и для дальнейшего развития концепта абсолютизма. Не меньшее значение имела и ценностная составляющая, заключающаяся в «предъявлении счета» абсолютизму как реакционной силе. Таким образом, к началу XX в. уже присутствовали все компоненты в интерпретации абсолютизма, впоследствии получившие развитие в работах советских историков, однако это осуществлялось уже в другом идеологическом и социокультурном контексте.

³⁵⁹ Дживелегов А. Абсолютизм. Стб. 72.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Кареев Н. И. Историки Французской революции: в 3 т. Т. 3: Изучение Французской революции вне Франции. Л., 1925. С. 147.

³⁶² Там же.

2.3. Самодержавная монархия как феномен российского историографического нарратива последней трети XIX – начала XX в.

Исторические судьбы России и российской монархии входили в число важнейших социально-политических проблем пореформенной эпохи. В чем особенности самодержавия и политической культуры российского общества? Европеизировать Россию или культивировать российскую самобытность? Насколько эффективны в России реформы по западному образцу? Наконец, реформы или революция? В зависимости от ответов на поставленные вопросы формировались направления в публицистике и историографии, по-разному трактующие и проблематику российского самодержавия.

Понятие «самодержавие» представляло собой не только правовую, но и ментальную и социокультурную составляющую российского общества. С течением времени семантика этого понятия изменялась. Как указывает доктор юридических наук Н. М. Золотухина, термин «самодержавие» применялся с XII в., но не для обозначения самовластия, а как синоним государственного суверенитета правителя. Например, монах и писатель XVI в. Спиридон Савва, обращаясь к великому князю Василию III (1505–1533), подчеркивает независимость последнего на подвластной ему территории от какого-либо иного носителя верховной власти³⁶³. Идеологи того времени считали необходимым и существование противовесов самодержавной власти. В качестве таковых указывались совет при правителе и законы. Так, М. Грек уподоблял правителя туловищу орла, а советников – его крыльям³⁶⁴.

Однако с получением Иваном Грозным (1533–1584) титула царя в 1547 г., завершением централизации и политической борьбой концепт «самодержавие» стал ассоциироваться с ничем не ограниченной властью. В первом письме Андрею Курбскому Иван Грозный, апеллируя к совести и вере, увещевает князя: «Разве это и есть “совесть прокаженная” – держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? Это ли “против разума” – не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли “православие пресветлое” – быть под властью и в повиновении у рабов?.. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»³⁶⁵.

³⁶³ Золотухина Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии // *Lex rossica*. 2016. № 10. С. 206, 212.

³⁶⁴ Там же. С. 206–207.

³⁶⁵ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // *Памятники литературы Древней Руси*. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 31

В Соборном уложении 1649 г. российский монарх именуется государем, царем, великим князем и всей Руси самодержцем³⁶⁶. Степень же его власти очевидна из первой главы Уложения, где речь идет о самых тяжких преступлениях – богохульстве и церковных мятежах. «А будет кто, забыв страх Божий и презрев царское повеление, – прописано в девятой статье, – учнет ему государю, или патриарху, или иным властем, в церкви Божии во время церковного пения о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет»³⁶⁷. Самодержавную традицию продолжил и Петр I. В статье 20 Артикула воинского указано: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен... Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»³⁶⁸.

«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»³⁶⁹ – эти слова Н. М. Карамзина (1766–1826), крупнейшего историка начала XIX в., создателя «Истории государства Российского», уже стали афоризмом. Литература, освещающая проблему самодержавия в историографическом наследии Карамзина, огромна, и анализ ее не входит в задачи этой книги. Вместе с тем, отмечая фундаментальную роль трудов Н. М. Карамзина в утверждении идеи о созидательной роли монархии в истории России, уместно обратить внимание на ряд сделанных им акцентов.

Во-первых, подчеркивается неограниченность и произвольность самодержавия. В созданной в 1811 г. «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» – развернутом манифесте дворянского консерватизма, Карамзин указывает: «Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло было не княжеское, не боярское, но титуло с л у г и ц а р е в а»³⁷⁰.

Во-вторых, утверждается тезис о добровольном подчинении народа самодержавной власти: «Народ, избавленный князьями московскими от вну-

³⁶⁶ Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/intro.htm>. Дата доступа: 02.06.2020.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. Дата доступа: 02.06.2020.

³⁶⁹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22.

³⁷⁰ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России ... С. 24.

тренних междоусобиц и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; *довольный действием, не спорил о правах (курсив мой. – Л. Л.)*»³⁷¹.

В-третьих, демонстрируется отличие российских государственных институтов и политической культуры от западноевропейских. При Лжедмитрии, отмечал Карамзин, Боярская дума, «бывшая прежде единственным Царским советом, обратилась в шумный сонм ста правителей, мирских и духовных». Карамзин порицал практику «беспечного и ленивого Димитрия», который доверил этому правительству внутреннюю политику, оставив за собой лишь внешнюю. Особое осуждение вызывал у Карамзина стиль управления Лжедмитрия, очевидно, привнесенный из Европы. Карамзин с неодобрением замечал, что иногда Лжедмитрий «являлся сам и спорил с боярами к общему удивлению, ибо *россияне дотоле не знали, как подданный мог торжественно противоречить монарху (курсив мой. – Л. Л.)*. Веселая общительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для самодержавцев гораздо нужнее, чем для монахов картезианских»³⁷².

Акцентирование неограниченности царской власти в идеологии самодержавия сочеталось с обоснованием ее сакральности. В рамках православной византийской традиции возникло представление о российском самодержавии как особом духовном единении веры, престола и народа. «Симфония» духовной и светской властей, идея «Москва – Третий Рим», теория «официальной народности», славянофильство и византизм, равно как и российский монархизм, уже давно стали отдельными историографическими сюжетами, насчитывающими сотни работ. Однако в рамках данной книги уместно указать на некоторые тезисы российской монархической мысли рассматриваемого периода.

Д. А. Хомяков (1841–1919), православный мыслитель, публицист, старший сын основоположника славянофильства А. С. Хомякова, в работах «Православие», «Самодержавие», «Народность», вышедших в начале XX в., вел речь не только об уникальности самодержавной монархии, но и ее принципиальном отличии от абсолютизма. «Вся суть реформы Петра сводится к одному, – указывал Хомяков, – **к замене русского самодержавия – абсолютизмом**. Самодержавие, означавшее первоначально просто единодержавие, становится после него римско-германским **императорством**»³⁷³. Власть ради власти, автократия ради самой себя – вот чем Петр и его преемники, по мнению Хомякова, «стремились заменить живое народное по-

³⁷¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России ... С. 24.

³⁷² Там же. С. 26.

³⁷³ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С. 219 – 220.

нятие об органическом строе государства, в котором Царь – глава, народ – члены», где «свобода власти не исключает зависимости ее от общих всему народному организму начал»³⁷⁴.

Самодержавный царь – русский, но как только он стал императором, он «эмансипировался от зависимости от духа русского народа»³⁷⁵. Императорство, указывает Хомяков, народу непонятно, и если народ слышит этот титул, он относит его к числу риторических фигур, подобно слову «монарх», непонятному, но безвредному по содержанию. Для того чтобы русский царь стал действительно великим, нужно, чтобы он был русским по духу. Однако абсолютизм это отрицает, ставя во главу угла величие и отрешенность от народа.

Русскому народу, отмечает далее Хомяков, никогда не приходило в голову смотреть на Царя «исключительно» с утилитарной точки зрения. Будь это так, то он «недолго бы на ней устоял и приложился бы к Западу, где и преобладает идея простой пользы и осязаемой выгоды»³⁷⁶. Таким образом, православному, проникнутому народным духом и идеей общего согласия самодержавию противопоставляется абсолютизм как рациональное, чужеродное, космополитическое и стоящее над обществом явление, привнесенное с Запада на русскую почву.

Л. А. Тихомиров (1852–1923), говоря о формах монархической власти, отличал европейский абсолютизм, восточное самовластие и российское самодержавие³⁷⁷. Европейский абсолютизм – это абсолютная власть государства над массой. На Востоке существует огромная зависимость от личности правителя, это своего рода узурпация власти³⁷⁸. В России же монархия самодержавная, основанная на моральном единстве царя и народа. При этом, «подчиняя свою жизнь моральному идеалу, нация, собственно, желает подчинить себя божественному руководству»³⁷⁹. Для Тихомирова «светлый идеал», который носился над страной в облике самодержца, явился вместе с православием³⁸⁰. Царская власть едина и неограниченна. При этом царь является представителем не народной, а божественной власти³⁸¹. Идея «народной монархии», как доктрина двух последних российских самодержцев, пропагандировалась Л. А. Тихомировым. Народ может обладать в государстве своим представительством, но только в том случае, когда представите-

³⁷⁴ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. С. 220–221.

³⁷⁵ Там же. С. 234.

³⁷⁶ Там же. С. 236–237.

³⁷⁷ Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. С. 72–73.

³⁷⁸ Там же. С. 123–131.

³⁷⁹ Там же. С. 81, 139.

³⁸⁰ Там же. С. 87.

³⁸¹ Там же. С. 96–101.

ли не стремятся сделаться господствующей властью. Эту, по словам Тихомирова, опасность может предотвратить только вручение верховной власти царю. Государственная дума, по мнению Тихомирова, не может ограничивать царскую власть, ибо это недопустимо в принципе. Верховная, а потому неограниченная власть российского императора «не есть его частная собственность», а освященная Богом политическая обязанность. Российский монарх может все, за исключением ограничения своей власти³⁸².

Н. И. Черняев (1853–1910) уверен, что «самодержавие нужно понимать, но в него нужно и верить», ибо «охватить его одним разумом невозможно»³⁸³. «Мистика русского Самодержавия, – утверждает Черняев, – целиком вытекает из учения Православной церкви о власти и о народных взглядах на царя как на “Божьего пристава”. Русский монархизм, как народное чувство и народный инстинкт, коренится в той глубокой и потаенной области бессознательного, которое дает начало всем проявлениям человеческого духа»³⁸⁴. России, пришедшей к самодержавию закономерно, под влиянием географических, этнографических, исторических, культурных условий, не нужно западное народное представительство, потому что у нее есть свое, родное и понятное представительство – русский царь³⁸⁵.

Несмотря на вариативность интерпретаций концепта «самодержавие», существовали его нормативные трактовки. Примером этого может служить публикация ученика А. Д. Градовского, государствоведа И. И. Дитятин (1847–1892) «Верховная власть в России XVIII столетия»³⁸⁶. По традиции, в работе идет речь о самодержавии, а не абсолютизме. Власть императора, неограниченная и самодержавная, не стеснена «никакими юридическими нормами», власть не разделяется «ни с каким установлением или сословием в государстве». Самодержавная власть отличается как от конституционных монархий, так и от восточных деспотий³⁸⁷. Самодержавие опирается на непререкаемую божественную санкцию, дополненную в петровское время рациональными основаниями «естественного разума» и «договора». В. Н. Татищев, а затем Екатерина II выдвинули дополнительную аргументацию необходимости самодержавия – неизбежность единоличной власти на огромных пространствах страны, так как «всякое другое правление не только было бы для России вредно, но и вконец разорительно»³⁸⁸. Непре-

³⁸² Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 135–148.

³⁸³ Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998. С. 16.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же. С. 28, 77.

³⁸⁶ Дитятин И. И. Верховная власть в России XVIII столетия // Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 590–631.

³⁸⁷ Там же. С. 591.

³⁸⁸ Там же. С. 594–596.

менным условием монархии, основанной на рациональных началах, были законы. Однако в России, отметил Дитятин, наличие законов отнюдь не означало их исполнения, и единственным гарантом законности были санкция и контроль монарха³⁸⁹. Идея законности долго была идеалом, однако, по мнению Дитятин, отмена крепостного права и последующие реформы в будущем «создадут твердое и на законах основанное положение» в государстве³⁹⁰.

Российское самодержавие рассматривалось в двух парадигмах – как юридическое и как историческое явление. При этом в середине XIX в. общим в обоих случаях был правовой подход. Вместе с тем, по мере развития позитивистских установок, в исторической науке набирает силу идея многофакторности и выявления социальной основы российской монархии. Этот процесс, протяженный во времени, наглядно демонстрируется развитием господствующего направления в российской историографии – государственной или юридической школы. Сформировавшаяся на основе немецкой классической философии и позитивистских установок, государственная школа не только стала доминирующей с середины XIX в., но и оказала значительное влияние на последующие поколения историков, и, несмотря на негативизацию в советский период, переосмысливается современными российскими исследователями.

Позитивистская идея воплотилась в юридической школе не только в идеях многофакторности, стадильности и общественной значимости исторической науки. В связи с адаптацией в историческом исследовании методов естественных наук, общество уподоблялось человеческому организму, которой не только рождается, растет, достигает расцвета и умирает, но и болеет и излечивается с большим или меньшим успехом.

Будучи западной, юридическая школа рассматривала российскую историю сквозь призму сравнения с институтами и сословиями Европы, фиксируя и объясняя отставание допетровской Руси от Запада по названным параметрам. В силу этого Петр I, сделавший рывок в сторону европеизации России, был для историков-западников величайшим национальным деятелем.

Основываясь на диалектике Гегеля, государственная школа интерпретировала исторический процесс как поступательный, органический, прогрессивный, в котором народы обретают выражение в государстве. Само государство является результатом развития общества – у российских историков оно проходит через родовый, вотчинный и государственный этапы. При этом государство противопоставлялось феодальному партикуляризму.

³⁸⁹ Дитятин И. И. Верховная власть в России XVIII столетия. С. 610–630.

³⁹⁰ Там же. С. 631.

Вместе с обществом развивается и личность, однако проявить свою индивидуальность она может, в соответствии с идеями немецкой классической философии, лишь в государстве. Таким образом, стержневой конструкцией юридической школы является триада «государство – общество – личность». Государству, как руководящей силе, объединяющей все общественные интересы, стоящей над сословиями и классами, отводилась главная роль в развитии народа, при этом развитие личности и ее свобод должно было обеспечиваться государственными институтами. Таким образом, юридическая школа следовала европейской буржуазно-либеральной идее, заключающейся в построении народно-правового государства.

Французская и немецкая либеральная историография, бесспорно, оказали огромное влияние на российских историков, однако нельзя недооценивать и общественно-политический контекст середины XIX в. Французская революция, наполеоновские войны, революции 1820-х гг., «весна народов» 1848 г., падение абсолютистских режимов неизбежно заставляли осмысливать феномен российского самодержавия, демонстрирующего невиданную прочность в подобных условиях. Почему так происходило и в каком направлении развиваться России? Этот вопрос был стержневым для исторической науки пореформенного периода, если речь шла о российской монархии.

Анализируя развитие концепта самодержавия в российской дореволюционной историографии, уместно сделать некоторые пояснения. Во-первых, о целесообразности применения в данном случае термина «самодержавие» как наиболее корректного с позиций историографии. Дореволюционные историки и правоведы, за минимальным исключением, называли российскую монархию самодержавием, подразумевая, выделяя в ней конкретные этапы. По этой причине такие конструкции, как «русский абсолютизм в работах С. М. Соловьева», «абсолютистское государство в России в интерпретации В. О. Ключевского» и т. д. выглядели бы искусственными и искажающими смысл, изначально вкладываемый в характеристики российской монархии.

Во-вторых, целесообразно разъяснить возможные вопросы, связанные с уже имеющейся историографической рефлексией проблемы самодержавия. Несмотря на очевидную ее значимость, было бы тщетно искать отдельного анализа концепта самодержавия в советской историографической литературе. Самодержавная монархия тогда оценивалась как антинародная сила, изучение которой не было актуально. Например, во втором томе фундаментальных «Очерков истории исторической науки СССР»³⁹¹

³⁹¹ Очерки истории исторической науки СССР. Т. 2. 852 с.

проблема российской монархии не является предметом специального рассмотрения. Она рассредоточена среди частных вопросов – закрепощения крестьян, Петровских реформ, истории сословий, усиления дворянства и т. д. Так, в главе, посвященной историческому наследию В. О. Ключевского и написанной Л. В. Черепниным, отмечено, что «критика самодержавия давалась Ключевским не во имя призыва к революционному перевороту, а во имя мирного преобразования политического режима в направлении “благоустроенного” буржуазного государства»³⁹². В биографии В. О. Ключевского, созданной М. В. Нечкиной³⁹³, показаны его идейные колебания и поиски в оценке российской монархии. При этом М. В. Нечкина отмечает, что Ключевский «не смог понять ни классового лица Петра, ни классовой сути самодержавия», и его продолжала крепко держать идея надклассового «общего блага»³⁹⁴.

В поздней советской и современной историографии оценки созданного дореволюционными историками изменялись, делаясь более взвешенными. Однако трактовки российского самодержавия отдельными учеными традиционно включались в более общие вопросы. Именно такой ракурс изложения применен М. Г. Вандалковской³⁹⁵ в работах о П. Н. Милюкове и А. А. Кизеветтере, причем историографический нарратив подан автором в сопоставлении, что весьма ценно. На сегодняшний же день доминирует рассмотрение проблемы самодержавия в контексте анализа научного наследия отдельных историков, вне системного сопоставления их трактовок³⁹⁶.

Один из основателей государственной школы К. Д. Кавелин (1818–1885) высказался о возникновении самодержавия следующим образом: «Самодержавие родилось с Великороссией. Андрей Боголюбский был такой же самодержец, как Всеволод Большое Гнездо, как московские великие князья и цари до смутной эпохи»³⁹⁷. Кавелин выводил политическое

³⁹² Очерки истории исторической науки СССР. Т. 2. С. 169.

³⁹³ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974. 638 с.

³⁹⁴ Там же. С. 539.

³⁹⁵ Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285, [2] с.; ее же. «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова и современники // История и историки. М., 1995. С. 255–278.

³⁹⁶ Казак О. М. Теоретико-методологические основания концепции русской истории С. М. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 24 с.; Волкова И. В. «Новый период» истории России в трудах С. М. Соловьева (Из истории общественной мысли середины XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 20 с. См. также: Лачаева М. Ю. С. М. Соловьев (1820–1879) // Историография истории России до 1917 г.: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 315–343 с.; ее же. В. О. Ключевский (1841–1911) // Там же. Т. 2. М., 2003. С. 167–199; ее же. П. Н. Милюков (1859–1943) Там же. С. 200–218; Дорохов В. Н. Исторические взгляды П. Н. Милюкова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 30 с.; Шляхов М. Ю. Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А. А. Корнилова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. 25 с.

³⁹⁷ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Наш умственный строй: ст. по философии рус. истории и культуры. М., 1989. С. 251.

развитие русских земель из родового начала. Он писал о «домашних, частных, кровных интересах», о безграничных областных правителях, с которыми государство «не могло ужиться»³⁹⁸. Древняя русская жизнь, писал Кавелин, «провела Россию сперва через общинный быт, потом через родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену истории типы племенона начальника, начальника рода и вотчинника... Последним ее усилением, венцом ее деятельности были первые зачатки государства и начало личности»³⁹⁹.

Говоря о развитии российского государства в допетровскую эпоху, Кавелин обращает внимание на закрепощение сословий как «обязанности всех и каждого нести в пользу государства личную службу, натуральную повинность». Разделение занятий вызвало «общественные разряды», то есть сословия, приписанные либо к земле, либо к учреждениям⁴⁰⁰. Нужно было, как отмечал Кавелин, «образоваться и установиться политическому телу»⁴⁰¹. Личность же и индивидуальность в этих условиях задышалась, и ее пробуждение началось с Петра⁴⁰². Таким образом, для Кавелина Петр I был велик как реформатор и создатель российского государства, давший простор личностному началу и сблизивший русских с европейскими народами⁴⁰³.

«Петр Великий, – указал Кавелин, – принял титул императора и окружил царскую власть внешней обстановкой европейских монархий. Этим обозначилось окончательное вступление России в политическую и международную систему Европы»⁴⁰⁴. При Петре самодержавное начало стало «гораздо более резче, определеннее и сознательнее», чем при его предшественниках, за исключением Ивана Грозного. Не создавая самодержавия, Петр «придал ему своею деятельностью, своею личностью, своею жизнью новый характер и в этом смысле определил и весь последующий ход нашей истории. Преобразование... возведено им в правительственную систему и вошло с его времени в число атрибутов верховной власти *вполне согласно с глубочайшими инстинктами русского народа (курсив мой. – Л. Л.)*»⁴⁰⁵.

Крупнейший представитель государственной школы, ректор Московского университета С. М. Соловьев (1820–1879) в «Истории России с древнейших времен» ярко продемонстрировал концепцию органического развития

³⁹⁸ Он же. Взгляд на юридический быт Древней России // Там же. С. 52.

³⁹⁹ Там же. С. 58.

⁴⁰⁰ Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш умственный строй. С. 160.

⁴⁰¹ Там же. С. 161.

⁴⁰² Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Наш умственный строй. С. 163–170.

⁴⁰³ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России. С. 66.

⁴⁰⁴ Он же. Мысли и заметки о русской истории. С. 250.

⁴⁰⁵ Там же. С. 251–252.

и приемы позитивистской методологии в формате «большого нарратива». Это уподобление общества живому организму, приоритет знания, полученного из максимального количества источников, многофакторность и стадийность исторического процесса. Наконец, весьма показателен дискурс Соловьева. Образный, полный сложносочиненных предложений, близкий к художественному стилю, насыщенный фактами текст создает имплицитный образ автора, стоящего «над» описываемыми событиями и транслирующего их ход для просвещения и воспитания читателя.

Вот, например, описание географических особенностей Западной Европы в сравнении с Россией: «Мы знаем, как выгодны для быстрого развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко очерченной государственной области, удобства внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господство над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуместь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет: природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха»⁴⁰⁶.

Россия, указывает Соловьев, была государством земледельческим, без развитых городов и промышленности, вынужденным вести постоянную борьбу с соседями и содержать большое войско для защиты растянутых открытых границ. Ввиду нехватки денег служилым людям раздаются земли, которые требуют рабочих рук. За них идет борьба, и единственное средство обеспечить служилое сословие рабочей силой – это прикрепление крестьян, которое Соловьев назвал «вопьем отчаяния, испущенным государством, находящимся в безвыходном экономическом положении»⁴⁰⁷. Однако со временем Россия стала отставать от более динамичных европейских стран. Это сознавалось еще до Петра, при царевне Софье, когда Россия «готовилась войти в общую жизнь европейских народов»⁴⁰⁸. В результате же Петровских реформ «подле Западной Европы для общей деятельности с ней явилась Восточная, что сейчас же отразилось в европейском организме»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁶ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 7: История России в древнейших времен, т. 13/14. М., 1991. С. 7–8.

⁴⁰⁷ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения. Кн. 18: Работы разных лет. М., 1995. С. 20–22.

⁴⁰⁸ Он же. Сочинения. Кн. 7. С. 40–47, 357.

⁴⁰⁹ Он же. Сочинения. Кн. 9, т. 17/18. М., 1993. С. 530–531.

Петр служил идее государства, по выражению Соловьева, как божеству, «принося тяжкие жертвы и сам подавая пример», напрягая ресурсы страны и силы народа, в «страшных трудах и лишениях»⁴¹⁰. Он «провозгласил несостоятельность древнерусского, чисто национального быта», «явился страшным деспотом», который заставил часть общества сменить традиционные обычаи на чуждые. И тогда «произошло раздвоение между высшими и низшими слоями народонаселения, что и составило главное зло русской земли, начиная с царствования Петра»⁴¹¹.

Таким образом, оценивая величие Петра, Соловьев указывает на ряд обстоятельств: рывок потребовал невиданных жертв, напряжения всех сил и раскол русское общество на европеизированную элиту и простой народ. Красноречива была и такая оценка Соловьева: «Никогда ни один народ не совершал такого подвига, как был совершен русским народом в первую четверть XVIII века»⁴¹².

Следует обратить на метафоричность исторического дискурса Соловьева. В частности, на уподобление государства после Петровских реформ организму после лечения. «Сильные лекарства усложняются сильными болезнями, – указывал Соловьев, – и мы знаем, что допетровская Россия накопила в себе много болезней, и явления преобразовательной эпохи всего лучше указывают на них. Политическое тело оздоровело, получило средства к продолжению жизни, и жизни, богатой сильными проявлениями; но историк впал бы в непоправимую односторонность, если бы не заметил, что сильные средства оставляют по себе и неблагоприятные для организма последствия. Эпоха преобразования не представляет в этом смысле исключения. Не дело историка безусловно восхищаться всеми явлениями той эпохи, безусловно оправдывать все средства, употреблявшиеся преобразователем для лечения застарелых недугов России; но, изображая деятельность человеческую в необходимую в ней темную стороною, историк имеет право изображать деятельность Петра как деятельность великого человека, послужившего более других для своего народа и человечества»⁴¹³.

Реформаторский импульс, данный Петром, указывал Соловьев, не затухал, «новый порядок вещей остался и развивался». Несмотря на сложность и кажущееся бесславие эпохи дворцовых переворотов, она была, с точки зрения Соловьева, значима, так как «русские люди были здесь предоставлены самим себе, ввиду громадного материала, данного

⁴¹⁰ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 9. С. 530–531.

⁴¹¹ Там же. С. 527.

⁴¹² Там же. С. 532.

⁴¹³ Там же. С. 527.

преобразователем»⁴¹⁴. Говоря о предоставлении «кондиций» Анне Иоанновне (1730–1740), Соловьев указывает на социальную опору самодержавия – дворянство⁴¹⁵. В дальнейшем же развитии российского государства «поворота назад быть не могло»⁴¹⁶. Его поступательное движение выразилось пожеланием С. М. Соловьева, высказанным в 1872 г.: «Да не оставит нас дух Петра Великого!»⁴¹⁷

С. М. Соловьев заметно расширил идеи К. Д. Кавелина о российском самодержавии. Речь шла не просто о создании беспрецедентно «большого нарратива», но и о подчеркивании социальной основы самодержавия – дворянства. Кроме того, в работах Соловьева значительно сильнее звучит тема драматических отношений государства и общества, дорогой цены, заплаченной за преобразования, признания величия народа, силами которого были реализованы Петровские реформы.

Концепция одного из величайших российских историков В. О. Ключевского, ученика С. М. Соловьева, представляет новый шаг в рассмотрении российской монархии. Отправной точкой построения Ключевского стало признание двух ведущих сил истории – человеческого духа и физической природы⁴¹⁸. На основах кровной связи строилась семья, несколько семей образовывали род. Далее формами социальной организации выступали племя, народ и, наконец, государство, «когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона»⁴¹⁹. К этой схеме, традиционной для юридической школы, Ключевский добавляет более разработанную, чем у своих предшественников, идею колонизации. В зависимости от колонизационного процесса он выделяет следующие периоды: 1) днепровский; 2) верхневолжский; 3) великорусский; 4) всероссийский⁴²⁰. Самодержавие как стиль управления и имманентная черта российской политической культуры для Ключевского начинается с Ивана Грозного, для которого оно «не только установленный, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков»⁴²¹.

Значительно подробнее, чем предшественники, Ключевский раскрывает проблему формирования правящего класса и поместной системы при самодержавии, сопровождаемых сменой боярства дворянством⁴²². Для

⁴¹⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 9. С. 539.

⁴¹⁵ Там же. Кн. 10, т. 19/20. М., 1993. С. 213.

⁴¹⁶ Там же. Кн. 12, т. 23/24. М., 1993. С. 604.

⁴¹⁷ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 151.

⁴¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1. М. 1987. С. 39.

⁴¹⁹ Там же. С. 42.

⁴²⁰ Там же. С. 53.

⁴²¹ Там же. Т. 2: Курс русской истории, ч. 2. М., 1987. С. 157.

⁴²² Там же. С. 170, 209. См. также: Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 2018. 412 с.

Ключевского совершенно несвойственен апологетический тон при характеристике Московского государства. Это, по мнению Ключевского, «вооруженная Великороссия», с тягловым неправовым характером внутреннего управления и обособившимися сословиями. Верховная самодержавная власть характеризуется «неопределенным, т. е. неограниченным, пространством действия»⁴²³.

Явление, называемое ныне российским абсолютизмом, относится у Ключевского к 4-му периоду, продолжающемуся с начала XVII в. до царствования Александра II, то есть с 1613 до 1855 г. Это время названо Ключевским «нашей новой историей» и представляет собой «целую цепь» эпох, «составляющих основу современной жизни»⁴²⁴. Новая династия – Романовых – соответствует новому правительственному классу – дворянству, возвышающемуся на фоне утрачивающего силу боярства. Окончательно оформляется крепостное право, обособляются сословия. Появляется промышленность⁴²⁵.

Характеризуя социальную основу российской монархии этого периода, Ключевский указывает на растущую пропасть между «внешними силами народа и его внутренними свободами» и усиление мощи дворянства, когда «худея генеалогически, правящий класс непомерно добрел политически»⁴²⁶. Социальная база монархии трансформируется следующим образом. В XVII в. московское правительство начинает править посредством дворянства, в XVIII в. это дворянство пытается править обществом посредством правительства. Затем в XIX в. дворянство пристроено было к чиновничеству как его «плодороднейший рассадник». Наконец, «в половине XIX века» Россия управлялась уже бюрократией, то есть действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика группой лиц, объединенных лишь делопроизводством. Это социальное неравенство усилилось нравственным отчуждением правящего класса от управляемой массы⁴²⁷. Здесь Ключевский применил меткую фразу: «Государство пухло, а народ хирел»⁴²⁸.

В отличие от своих предшественников, Ключевский скептически оценивает и петровские преобразования, и просвещенный абсолютизм Екатерины II (1762–1796). «Государство запутывалось в нарождающихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее, начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили... бы его, – характери-

⁴²³ Ключевский В. О. Там же. С. 372.

⁴²⁴ Там же. Т. 3: Курс русской истории, ч. 3. М., 1988. С. 5.

⁴²⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 7.

⁴²⁶ Там же. С. 8–9.

⁴²⁷ Там же. С. 9.

⁴²⁸ Там же. С. 13.

зует Ключевский экстренный и вынужденный характер российской модернизации, – и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовленный из людей и идей, спешно вызывало оттуда мастеров и ученых, которые завели бы нечто подобное и у нас, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учеников. Но государственная нужда не терпела отсрочки, не ждала, пока загнанные школьники доучат свои буквари, и удовлетворять ее приходилось, так сказать, сырьем, принудительными жертвами, подрывавшими народное благосостояние и стеснявшими общественную свободу»⁴²⁹.

Оценка Петра I лишена у Ключевского преклонения, свойственного его учителям. «Реформа Петра, – указывал Ключевский, – была борьбой деспотизма с народом, его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно (курсив мой. – Л. Л.). Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – эта политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»⁴³⁰. Достаточно сравнить это мнение Ключевского с фразой его учителя Соловьева «Да не оставит нас дух Петра Великого!»⁴³¹, чтобы понять степень идейной эволюции в пределах государственной школы.

Послепетровская Россия, по мнению Ключевского, это «государство с абсолютной властью»⁴³². Ключевский отрицательно относится к периоду дворцовых переворотов, считая, что в это время утратилась преемственность петровских преобразований⁴³³. «До конца XVI в., – отмечал он, – мы наблюдали русское государство, держащееся еще на основах вотчинного порядка... Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства: он видел цель государства в добре общем, в народном благе... Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах»⁴³⁴.

Особое место в развитии российского самодержавия занимает эпоха Екатерины II, охарактеризованная афоризмом: «Век нашей истории, начатый царем-плотником, заканчивался императрицей-писательницей»⁴³⁵.

⁴²⁹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 3. С. 13.

⁴³⁰ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4: Курс русской истории, ч. 1. М., 1989. 398, [1] с.

⁴³¹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 151.

⁴³² Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4. С. 236.

⁴³³ Там же. С. 305.

⁴³⁴ Там же. С. 329–330.

⁴³⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5: Курс русской истории, ч. 5. М., 1989. С. 31.

По мнению Ключевского, Екатерина стремилась следовать одновременно направлению *национальному, либеральному и сословно-дворянскому*. В российских условиях это было нереально. По этой причине реализовались следующие задачи: «строго национальная, смело патриотическая внешняя политика, благодушно-либеральные, возможно гуманные приемы управления, стройные и сложные областные учреждения с участием трех сословий, салонная, литературная и педагогическая пропаганда просветительных идей времени и осторожное, но последовательно консервативное законодательство с особенным вниманием к интересам одного сословия. Основную мысль программы можно было выразить так: попустительное распространение *идей века* и законодательное закрепление *фактов места*»⁴³⁶.

«Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишенная всякого юридического облика – это основной факт нашей государственной истории, сложившейся ко времени Екатерины, – раскрывает Ключевский суть просвещенного абсолютизма. – Она оберегала этот *факт места* от всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению. Но она хотела прикрыть этот туземный факт *идеями века*»⁴³⁷. В целом сдержанно оценивая Екатерину, Ключевский подводит такой итог ее правлению: «С Петра, едва смея считать себя людьми, и еще не считая себя европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе», и за это императрице прощали ее слабости и ошибки⁴³⁸. Нужно добавить, что и сегодняшние оценки Екатерины совпадают с мнением Ключевского.

С конца XVIII в. российская монархия претерпевает определенную эволюцию. По мнению Ключевского, речь идет о «двойной перестройке» общества. С одной стороны, это ослабление привилегий дворянства, с другой – сближение между собой различных классов общества путем уравнивания их перед законом. Как считал Ключевский, достижения этой цели реализовались в эпоху реформ Александра II (1855–1881)⁴³⁹. Ключевыми событиями в этом стали ликвидация крепостного права и введение земств⁴⁴⁰.

Лидер российских либералов П. Н. Милюков в изданных на протяжении 1896–1903 гг. «Очерках по истории русской культуры» также основывался на географическом детерминизме государственной школы⁴⁴¹, при этом целью автора выступал анализ российской культуры в широком смысле.

⁴³⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 34–35.

⁴³⁷ Там же. С. 65–66.

⁴³⁸ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 338–339.

⁴³⁹ Он же. Сочинения. Т. 5. С. 171.

⁴⁴⁰ Там же. С. 259.

⁴⁴¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: [в 3 т.] Т. 1. М., 1993. С. 66–73, 333–334.

В данном контексте раскрывается и самодовлеющий характер российского самодержавия.

Изначальная инаковость российской и западноевропейской культуры имела, по мнению Милюкова, множество причин. Например, Милюков указывает на несхожесть в обоих случаях роли церкви. На Западе церковь «сделала в области искусства самые широкие уступки новому мировоззрению, только бы... удержать... за собой власть над душой нового человека»⁴⁴². Но совершенно не так было на Руси, где установился византийский религиозный канон⁴⁴³.

В результате русское национальное самосознание могло развиваться только на почве политического объединения. Это было «единство власти в руках одного господаря»⁴⁴⁴. Усиление власти сочеталось с традиционализмом византийской политической культуры⁴⁴⁵. Огромные пространства континентальной России, минимальное соприкосновение с культурой других стран привели, по мнению П. Н. Милюкова, к медленному и позднему развитию национального самосознания, ассоциировавшемуся, прежде всего, с принадлежностью к православию⁴⁴⁶.

Иноземное влияние рассматривалось как потенциальная измена вере, поэтому до Петра любые заимствования были в первую очередь материального характера. Роль Алексея Михайловича (1645–1676) в такой ситуации была образно охарактеризована Милюковым: «Он никуда не шел и даже не стоял. Он просто спокойно возлежал на груде обломков старого и нового, не разбирая, откуда что идет, и подобрав под себя что было помягче»⁴⁴⁷. Реформа, утверждал Милюков, была неизбежна, но, подчеркивал он, реформа не умеренная, а крайняя, продиктованная потребностями жизни⁴⁴⁸. Волонтаризм Петра приводил к тому, что реформа получала, с одной стороны, «случайный, отрывочный, дилетантский характер», а с другой – оставляла равнодушным к происходящему окружение царя-реформатора⁴⁴⁹. Милюков относится в личности Петра еще более скептически, чем Ключевский, характеризуя первого российского императора как «примитивную натуру», в которой не было «твердого скелета логики» и «никакого упорства систематика»⁴⁵⁰.

⁴⁴² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 6–7.

⁴⁴³ Там же. С. 8–9.

⁴⁴⁴ Там же. Т. 3. М., 1995. С. 27–33.

⁴⁴⁵ Там же. С. 40–48.

⁴⁴⁶ Там же. С. 95–98.

⁴⁴⁷ Там же. С. 136.

⁴⁴⁸ Там же. С. 143–145.

⁴⁴⁹ Там же. С. 150.

⁴⁵⁰ Там же. С. 163.

Оценка Милюкова, не являясь новой в дискурсе российских историков-либералов, примечательна своим логическим продолжением: «Думал ли Петр о том, что это было далеко не все, чему можно было научиться у Запада? Понимал ли он, что самому ценному, что было в содержании европейской культуры, вообще нельзя “научиться” так просто, а надо это нажить самим, воспитать в себе – совсем в ином смысле, чем он воспитывал своих современников?.. Но чего он, наверное, и не подозревал вовсе – это то, что настоящая культура, с ее условными и обязательными нормами житейского общения, с ее уважением к чужой личности, сделала бы его собственные приемы насаждения культуры совершенно неприменимыми и невозможными»⁴⁵¹. Петр I, подводит итог Милюков, «умер, не кончив курса и не выдержав экзамена по многим весьма существенным предметам реформационного курса». В свою очередь, страна «получила такую реформу, на какую только и была способна», последствием чего был культурный и ментальный раскол общества⁴⁵².

Просвещенный абсолютизм Екатерины Милюков характеризует в категориях «полицейского государства». «Одного только Екатерина не могла допустить, – замечает Милюков, – что люди могут сделаться разумны и счастливы по какой-нибудь другой системе, исключая ее собственную»⁴⁵³. Иронично оценивал он и «вольтерианство» императрицы, «которое скорее отзывало фривольной эпохой регентства, чем эпохой Людовика XVI»⁴⁵⁴. По мере того, как реальная жизнь уменьшала доверие Екатерины к «модным философам», в ее политике возрастал пафос «панрусизма» и «панславизма». Признавая это за императрицей, Милюков замечает с немалой дозой иронии: «Задолго до русских историков-националистов XIX века она пишет Гримму, что “скоро докажет, что древние славяне дали свои названия большинству рек, долин и урочищ во Франции, Шотландии и других местах”»⁴⁵⁵.

Среди подобных трактовок российского самодержавия выделяется позиция известного историка, представителя петербургской школы, С. Ф. Платонова (1860–1933), придерживающегося монархических взглядов. В начавших выходить с конца XIX в. лекциях по русской истории он утверждает, что самодержавие начинается в Московской Руси. Иван III, закончив собирание великорусских земель, превратился «в единого государя целой народности»⁴⁵⁶. Московская власть, по мнению Платонова, была

⁴⁵¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 157.

⁴⁵² Там же. С. 163, 166, 199.

⁴⁵³ Там же. С. 260.

⁴⁵⁴ Там же. С. 340.

⁴⁵⁵ Там же. С. 425.

⁴⁵⁶ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005. С. 168–169.

абсолютной и демократической, так как государь есть безусловный вотчинник своего царства, а власть опирается на сознание народа⁴⁵⁷.

Для Платонова Российское государство XVII в. – «здоровый организм, реализующий намеченную программу»⁴⁵⁸. Переход к абсолютизму, как новому этапу самодержавия, Платонов характеризует так: «Дружное сотрудничество двух родственных политических авторитетов, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась от сословных влияний и пока вокруг нее не сложилась придворно-аристократическая бюрократия... Власть ищет дальнейшей опоры уже не в соборах, а в собственных исполнительных органах: начинается бюрократизация управления, торжествует “приказное” начало, которому Петр Великий дал полное выражение в своих учреждениях»⁴⁵⁹.

Оценка Петровских реформ Платоновым созвучна с суждениями Соловьева – они закономерны, оправданны, и даже оплошности преемников Петра не могли вернуть Россию в прежнее состояние. Однако, отмечает Платонов, на русское общество реформы Петра произвели страшное впечатление после осторожной и медлительной политики московского правительства, при Петре были закрепощены все российские сословия⁴⁶⁰.

Мощный импульс развитию самодержавия был дан при Екатерине II, когда «шляхетство» (дворянство) было раскрепощено, что привело к установлению «шляхетского» режима и односословной (дворянской) монархии. Оценка Платоновым «просвещенного абсолютизма» Екатерины II положительна, но не однозначна. Так, с явной симпатией говорится об интеллектуальных занятиях императрицы, но в то же время отмечается, что либеральные принципы Екатерины были «совершенно чужды русской жизни», и это корректировало мероприятия императрицы⁴⁶¹.

С начала XIX в. российские монархи, о которых Платонов высказывается с неизменным уважением, с разной степенью успешности проводят «раскрепощение сословий». Наконец, Александр II вновь обращается к общественным силам, и в его реформах Платонов видит «поиск новых форм общественного и государственного быта, которые привели бы Россию к гражданскому миру и социальному счастью»⁴⁶².

⁴⁵⁷ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 206–207.

⁴⁵⁸ Ляхович Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 12. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2012. С. 186–187.

⁴⁵⁹ Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. С. 381.

⁴⁶⁰ Там же. С. 470, 477, 587, 798.

⁴⁶¹ Там же. С. 674–675.

⁴⁶² Там же. С. 798–799.

Анализ проблемного поля самодержавия демонстрирует, что наиболее популярными для изучения оказались сюжеты, относящиеся к XVIII в., что объяснимо. Это была эпоха внешнеполитических успехов и могущества императорской России, время правления двух российских монархов, названных Великими – Петра I и Екатерины II. Важным преимуществом данного периода для исследования была его максимальная обеспеченность письменными источниками. Наконец, что также важно, трактовка истории XVIII в. значительно меньше зависела от политической конъюнктуры, нежели анализ событий XIX в.

В изучении российской истории XVIII в. особое внимание привлекали государственные институты, персоналии Петра I и Екатерины II, а также попытки ограничения монархии в 1730 г. Например, ученик В. О. Ключевского М. М. Богословский (1867–1929) рассматривал историю Петровских реформ и их последствия⁴⁶³, а также попытку ограничения самодержавия «верховниками» при Анне Иоанновне⁴⁶⁴. Этот же круг проблем анализировался и П. Н. Милюковым⁴⁶⁵.

Эпоха Екатерины II оценивалась как значительный этап в развитии Российской империи. Такой ракурс характерен для работ историков, представляющих соответственно московскую и петербургскую школы в историографии – М. К. Любавского (1860–1936) и А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919).

М. К. Любавский, ректор Московского университета в 1911–1917 гг., указывает на ряд определяющих тенденций екатерининского правления. Это «превращение старого военно-служилого класса в землевладельческий, господствующий политически и социально», «постепенное порабощение земледельческого класса и полное развитие и господство крепостного права», влияние на эпоху «личности самой императрицы»⁴⁶⁶.

А. С. Лаппо-Данилевский, методолог и источниковед, в «Очерке внутренней политики Екатерины II» характеризует императрицу в несколько панегирической манере. По его мнению, Екатерина – это выдающаяся личность, исполненная либеральных и гуманных идей, которая «в лице своих подданных видела не рабов, а людей, повинующихся законам»⁴⁶⁷.

С описанием жизни и деятельности Екатерины II связан выход книг, представляющих собой ее биографии. Речь идет о работе В. А. Бильбасо-

⁴⁶³ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг. М., 1902. XVI, 522 с.; его же. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Изд. 2-е. Пг., 1918. 47 с.

⁴⁶⁴ Он же. Конституционное движение 1730 г. М., 1906. 40 с.

⁴⁶⁵ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. XVI, 736 с.; его же. Верховники и шляхетство. Ростов-н/Д., 1905. 74 с.

⁴⁶⁶ Любавский М. К. История царствования Екатерины II. 2-е изд. СПб., 2001. С. 30.

⁴⁶⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. [2], 62 с.

ва (1838–1904), специалиста по екатерининской эпохе⁴⁶⁸, и А. Г. Брикнера (1834–1896), внесшего значительный вклад в изучение российской истории XVIII в.⁴⁶⁹ Самобытным исследователем, представителем биографического направления, был Н. К. Шильдер (1842–1902)⁴⁷⁰. Являясь военным по образованию, монархистом по убеждениям, он придерживался мнения о необходимости соблюдения моральных норм в политике, пренебрежение которыми ведет к тяжелым последствиям.

Ученик В. О. Ключевского – А. А. Кизеветтер (1866–1933), рассматривал государственные институты России и ее правителей в максимальном временном диапазоне – с IX по XIX в.⁴⁷¹ История России XIX в. интерпретировалась в либеральном духе такими исследователями, как А. А. Корнилов (1862–1925)⁴⁷², С. С. Татищев (1846–1906)⁴⁷³ и А. Е. Пресняков (1870–1929). О работах А. Е. Преснякова нужно сказать несколько подробнее. Ученик Платонова, Пресняков занимался широким спектром проблем – от княжеского права до восстания декабристов. К дореволюционному периоду относится его исследование о Правительствующем сенате⁴⁷⁴, а две книги, представляющие собой политические портреты Александра I (1801–1825)⁴⁷⁵ и Николая I (1825–1855)⁴⁷⁶, написанные в выраженном либеральном духе, были опубликованы после Октябрьской революции.

Развитие концепта самодержавия в рамках государственной школы, таким образом, характеризуется рядом компонентов. Во-первых, это признание уникальности российской монархии, сформированной на иной, нежели

⁴⁶⁸ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй: в 2 т. Т. 1: Екатерина до воцарения, 1729–1762. Берлин, [1900]. X, 659 с.; Т. 2: Воцарение Екатерины, 1762–1764. Берлин, [1900]. VIII, 830 с.

⁴⁶⁹ Брикнер А. Г. История Петра Великого: в 2 т. М., 1996.; его же. История Екатерины Второй. М., 2004. 687 с.; его же. Русский двор при Петре Втором (1727–1730). [Б.м.], 1896. 108 с.; его же. История Павла I. М., 2004. 287 с. и др.

⁴⁷⁰ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 2013. 541, [1] с.; его же. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. М., 2013. 732, [1] с.; его же. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. М., 2013. 709, [1] с.

⁴⁷¹ Кизеветтер А. А. День царя Алексея Михайловича (Сцены из жизни Москвы XVII века) Изд. 3. М., 1913. 20 с.; его же. Петр Великий за границей. М., 1900. 24 с.; его же. Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: историч. очерк. Изд. 2-е. Пг., 1917. 120 с.; его же. Русское общество в восемнадцатом столетии. 2-е изд. Ростов н/Д., 1905. 48 с.; его же. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М., 1909. X, 473 с.; его же. Десятилетний век в истории России. Ростов н/Д., 1905. 48 с.; его же. Исторические силуэты. Ростов н/Д., 1997. 475, [2] с.

⁴⁷² Корнилов А. А. Курс русской истории XIX века. М., 1993. 446 с.; его же. Крестьянская реформа. СПб., 1905. IV, 271 с.; его же. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909. 263 с.

⁴⁷³ Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы: историч. очерки. СПб., 1889. 460 с.; его же. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. 1006 с.

⁴⁷⁴ История Правительствующего сената за двести лет, 1711–1911 гг.: [в 5 т.] Т. 2: Правительствующий сенат в царствование Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича / сост. А. Е. Пресняков и Н. Д. Чечулин. Правительствующий сенат в царствование Екатерины Второй / сост. бар. А. Э. Нольде, М. А. Полиектов и Н. Д. Чечулин. Правительственный сенат в царствование Павла I. СПб., 1911. 806 с.

⁴⁷⁵ Пресняков А. Е. Александр I. СПб., 1924. 188, [1] с.

⁴⁷⁶ Он же. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. 97, [2] с.

западноевропейская королевская власть, культурной и религиозной основе. Во-вторых, оценка самодержавия как силы, стоящей над обществом и закрепившей сословия. В-третьих, определение дворянства как социальной основы российской монархии, а также выявление трансформаций в правящем классе. В-четвертых, признание петровской модернизации как необходимой и вынужденной, насаждаемой «сверху», которая, реформируя государство, принесла культурный и ментальный раскол в российское общество.

В методологическом плане юридическая школа на первое место выдвигала правовой подход и рассмотрение государственных институтов. Тем не менее, при осмыслении самодержавия как исторического явления, в соответствии с позитивистской идеей многофакторности, учитывались его географические, культурные, социальные, политические, личностные слагаемые. Примечательно, что по мере расширения проблемного поля в изучении самодержавия, с одной стороны, и набиравшей силу либеральной идеологии – с другой, заметно уменьшался пиетет в отношении к российской монархии. Мощно звучащий у Кавелина и Соловьева, он минимизирован у Ключевского и особенно у Милюкова. Наконец, государственная школа, сформировавшая национальный исторический нарратив, оказывала влияние и на историческую мысль иной идейной направленности.

Отмеченное справедливо в отношении социал-демократической концепции российской монархии, несмотря на то, что историки-марксисты неизменно отмежевывались от государственной школы. Основываясь на материалистической идее, они рассматривали российскую монархию как орудие классового господства и требовали в конечном итоге ее свержения. Один из первых российских марксистов и основателей РСДРП Г. В. Плеханов (1856–1918) заявляет на первой странице «Истории русской общественной мысли»: «Я исходил из того основного положения исторического материализма, что не сознание определяет бытие, а бытие сознание»⁴⁷⁷. Тем не менее естественное влияние установок государственной школы в его концепции налицо. Это тезисы о «закрепощении всех сил страны», вызванном «неумолимой экономической необходимостью»⁴⁷⁸, о подчинении духовной власти светской ввиду «экономической зависимости церковной иерархии от государства»⁴⁷⁹, об опоре монархии в борьбе с крупными землевладельцами не на горожан, а на дворянство⁴⁸⁰.

Г. В. Плеханов обращает внимание на совершенно разную политическую культуру России и Европы: «На Земский собор съезжались “холопы”

⁴⁷⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: [в 3 т.]. Т. 1. СПб., 1914. С. 1.

⁴⁷⁸ Там же. С. 207.

⁴⁷⁹ Там же. С. 138.

⁴⁸⁰ Там же. С. 150.

московского царя; на собраниях Генеральных штатов выступали “подданные” французского короля»⁴⁸¹. Сопоставление же российских и европейских государственных институтов приводит Плеханова к выводу о значительном сходстве российского государства с восточной деспотией⁴⁸².

Совершая свою реформу, Петр, по мнению Плеханова, «обладал беспредельной властью восточного деспота. И он широко пользовался этой властью»⁴⁸³. Просвещенный абсолютизм Екатерины II Плеханов оценивает весьма скептически. Он отмечает поверхностность философских увлечений императрицы, нужных ей не для уничтожения абсолютной власти, а, наоборот, для ее укрепления. В вопросах же смягчения крепостного права «всегдашним правилом» Екатерины «было избегать ненужной для нее игры с огнем»⁴⁸⁴. Плеханову принадлежит наиболее жесткая и образная характеристика Екатерины во всей российской историографии. «В характере Фелицы, – указывал Плеханов, – есть много черт, сближающих ее с итальянскими тиранами эпохи Возрождения: та же даровитость, та же свобода от “предрассудков”; та же способность интересоваться успехами культуры; та же упругая энергия; то же холодное самообладание; то же властолюбие и та же беспредельная неразборчивость в средствах. Говорить об ее идеалах и об ее разочарованиях – то же, что говорить об идеалах и разочарованиях какого-нибудь Лодовико Моро или Цезаря Борджиа»⁴⁸⁵.

Теоретические построения исторического процесса и роли в нем российского самодержавия были необходимы марксистам для решения задач политической борьбы. Каково происхождение российской монархии? В чем сходство и различие западноевропейского и российского абсолютизма? Насколько закономерна в России буржуазно-демократическая революция? Каков ресурс развития самодержавия в пореформенный период? На какие социальные группы опирается российский абсолютизм? В чем специфика российских институтов власти? Насколько революционны различные слои российского общества? Ответы на эти вопросы могли варьироваться, но существовали общие для социал-демократов положения в трактовке российской монархии:

– история России является частью общеевропейской, в силу чего феодализм, абсолютизм, капитализм, буржуазия и пролетариат – явления не только западноевропейские, но и российские;

⁴⁸¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. 1. С. 213.

⁴⁸² Там же. С. 12.

⁴⁸³ Там же. Т. 2. М., 1915. С. 91.

⁴⁸⁴ Там же. Т. 3 М., 1917. С. 123–125.

⁴⁸⁵ Там же. С. 128–129.

– по сравнению с ведущими европейскими странами – Англией, Францией, Германией – Россия является отстающей, однако замедленность развития политических институтов компенсируется большей силой и радикализмом революционных процессов;

– самодержавие – пример отсталости российских политических институтов, однако по сравнению с западноевропейскими монархиями оно более устойчиво, консервативно и имеет огромный потенциал приспособления к новым условиям;

– Россия, развиваясь по пути капитализма, осталась единственной европейской страной, сохранившей абсолютизм, поэтому, как архаизм, самодержавие должно быть упразднено;

– социальной базой российского абсолютизма являются в первую очередь дворяне-помещики, на удовлетворение интересов которых направлена политика самодержавия;

– российская буржуазия труслива и слаба не только по причине отсутствия в России институтов гражданского общества – монархия покупает лояльность буржуазии государственными заказами, покровительственными тарифами, инвестициями т. д., поддерживая российский капитализм «сверху».

В. И. Ленин (1870–1924), как лидер большевиков и впоследствии глава первого советского правительства, неоднократно высказывался о российском самодержавии. Вопрос о том, насколько полна была концепция Ленина, не раз обсуждался советскими историками, равно как и споры о том, что именно подразумевал Ленин в том или ином случае. Сейчас эти споры утратили актуальность, однако знание ленинской трактовки абсолютизма необходимо из историографических позиций.

Во-первых, нужно отметить применение Лениным терминов «абсолютизм» и «самодержавие» как синонимов, что было присуще радикальным публицистам, правоведам и историкам. Очевидно, что марксистская модель социально-экономических формаций, включавшая российскую историю в общемировую, нивелировала семантику этих терминов, чтобы продемонстрировать единую линию развития, а затем революционной ломки абсолютистских институтов Европы и России.

В работе «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899 г.) В. И. Ленин ставит знак равенства между понятиями «абсолютизм» и «самодержавие». По контексту работы, речь идет о том, что Г. В. Плеханов в своих сочинениях «указал российским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма»⁴⁸⁶. «Но что такое низвержение

⁴⁸⁶ Ленин В. И. Попытное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 4. С. 251.

абсолютизма?» – формулирует Ленин главный вопрос и указывает: «Чтобы разъяснить это... необходимо ответить сначала на вопрос: что такое самодержавие?»⁴⁸⁷.

«Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия), – отвечает Ленин на собственный вопрос, – есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»⁴⁸⁸. Обращает на себя внимание дальнейший контекст: «Что же значит ниспровержение абсолютизма? Это значит отказ царя от неограниченной власти... Такая форма правления, когда народ участвует в законодательстве и управлении, называется конституционной формой правления... Итак, ниспровержение самодержавия означает замену самодержавной формы правления конституционной формой правления»⁴⁸⁹.

Русский абсолютизм, по Ленину, является диктатурой феодалов-крепостников, прошедшей в своем развитии пять этапов в направлении буржуазной монархии: 1) самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией; 2) самодержавие XVIII в. с бюрократией и отдельными периодами просвещенного абсолютизма; 3) монархия первой половины XIX в. – крепостнический консервативный режим; 4) монархия второй половины XIX в., проведшая буржуазные реформы. Наконец, после 1905 г. наступает новый, пятый этап в развитии российской монархии, указывающий на ее движение в буржуазном направлении⁴⁹⁰.

Учитывая политическую актуальность, Ленин более подробно характеризовал четвертый и пятый этапы развития российского абсолютизма как монархии, все в большей степени опирающейся на буржуазию. «Не при Николае II, любезные гг. меньшевики, а при Александре II русский царизм стал превращаться в плутократическую монархию, «начинал выражать классовые интересы буржуазии», подчеркивал Ленин. – Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой организации буржуазии... III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков

⁴⁸⁷ Ленин В. И. Попытное направление в русской социал-демократии. Т. 4. С. 251.

⁴⁸⁸ Там же. С. 251–252.

⁴⁸⁹ Там же. С. 252.

⁴⁹⁰ Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. Т. 17.: март 1908 – июнь 1909. М., 1973. С. 346; его же. Анкета об организациях крупного капитала // Там же. Т. 21. С. 303; его же. По поводу юбилея // Там же. Т. 20. С. 165.

и буржуазии»⁴⁹¹. Более того, Третью Думу и столыпинскую аграрную политику Ленин называет «второй буржуазной реформой, проводимой крепостниками»⁴⁹².

Пропагандируя марксизм как учение, применимое в России, социал-демократы не могли абстрагироваться от государственной школы. Это влияние, очевидное у представителей марксистского направления, зачастую приводило к созданию достаточно оригинальных работ, однако после 1917 г. стало предметом жесткой критики. Так, например, Г. В. Плеханов и Н. А. Рожков обвинялись в «непонимании прошлого», «игнорировании классово-революционной борьбы в России», «непоследовательности, незавершенности марксистского анализа», неумении «преодолеть зависимость от буржуазной историографии», «мелкобуржуазной революционности» и т. д.⁴⁹³ Это – оценки из «Российской историографии» Н. Л. Рубинштейна, вышедшей в 1941 г. Впрочем, сама «Российская историография» в 1948–1949 гг. будет признана методологически и идеологически вредной, а ее второе издание выйдет только в 2008 г.

Большой популярностью среди социал-демократов пользовалась теория «торгового капитала», созданная известным теоретиком марксизма А. А. Богдановым (1873–1928). Чрезвычайно популярная в первые десятилетия XX в., идея «торгового капитала» впоследствии будет названа «богдановщиной». «Школа Покровского», развившая ее в максимальной мере, также будет разгромлена как методологически порочная⁴⁹⁴.

«Краткий курс политической экономии» А. А. Богданова с 1897 по 1906 г. выдержал девять изданий. В его вступительной части Богданов прописывает базовый тезис о том, что экономические отношения обусловлены развитием производительных сил, а идеологические и правовые формы находятся в зависимости от экономических отношений и технических условий производства⁴⁹⁵. Общество развивается от первичного натурального хозяйства к меновому (товарному), а от него – к социально организованному⁴⁹⁶.

Торговый капитализм – это стадия развития менового хозяйства, для которой характерны расширение рынка, углубление общественного разделения труда и постоянное увеличение роли денег⁴⁹⁷. Следствием этого стало углубление экономических связей, что повлекло за собой политическое

⁴⁹¹ Ленин В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 411; его же. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове) // Там же. Т. 20. С. 121.

⁴⁹² Он же. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Там же. Т. 20. С. 178.

⁴⁹³ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 628, 630, 631, 644.

⁴⁹⁴ Там же. С. 686.

⁴⁹⁵ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. Пр., 1922. С. 7–8.

⁴⁹⁶ Там же. С. 12–13.

⁴⁹⁷ Богданов А. А. Указ. соч. С. 77.

объединение и создание централизованных монархий⁴⁹⁸. Таким образом, абсолютная монархия – это государство эпохи торгового капитала. Первой задачей абсолютизма было объединение страны и подчинение феодалов в интересах развития торговли и промышленности, второй – подавление крестьянских восстаний, явившихся следствием двойной эксплуатации – помещичьей и торгово-капиталистической. Третьей задачей стало освобождение крестьян к концу эпохи торгового капитализма, так как крепостная зависимость была помехой развитию торгового капитала⁴⁹⁹.

После революции 1905–1907 гг. происходит оживление социал-демократической мысли. Так, в июле 1905 г. вышла статья популярного характера «Буржуазия и монархия»⁵⁰⁰. Ее автор – публицист, критик, в будущем дипломат В. В. Воровский (1871–1923). Задача публикации – основываясь на марксистской теории, показать причины, по которым крупная буржуазия поддерживает монархию, что происходило в России начала XX в.

Говоря о сословно-представительной и абсолютной монархии как формах феодального государства, Воровский обращает внимание на изменение отношения королевской власти к дворянству и буржуазии. Сначала монархия берет буржуазию в союзники против мятежных крупных феодалов, затем, укрепив власть, пользуется ее средствами. При установлении абсолютной монархии крупные феодалы утрачивают свое политическое преобладание⁵⁰¹. Соответственно, нужна была дополнительная сила, в союзе с которой феодалы могли бы восстановить свою власть. Такой силой и стала абсолютная монархия. Абсолютная монархия, подчеркивает Воровский, стала реформированным выражением феодальных интересов в эпоху денежного хозяйства⁵⁰². Абсолютизм, как оружие господства «старого порядка», подчинил и буржуазию, однако она не была едина. Более влиятельные слои торговой и промышленной буржуазии ищут в монархии поддержку против народа и более радикальной буржуазии⁵⁰³.

То же самое, отмечает Воровский, произошло и в России: «Подготавливая себе господство над своим классом и над всем обществом, наши землевладельцы и промышленники спешат создать себе в монархии дополнительную силу, способную уравновесить при помощи штыков и полицейского кулака голоса миллионов поработанного населения»⁵⁰⁴. Самым революци-

⁴⁹⁸ Богданов А. А. Указ. соч. С. 78.

⁴⁹⁹ Там же. С. 103–104.

⁵⁰⁰ Воровский В. В. Буржуазия и монархия // Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955. С. 32–38.

⁵⁰¹ Там же. С. 33.

⁵⁰² Там же. С. 33.

⁵⁰³ Там же. С. 34–35.

⁵⁰⁴ Там же. С. 37.

онным классом российского общества является пролетариат. Он борется за демократическую республику, и его задача – сражаться для низвержения «царства хищений и насилий, которое всегда создает вокруг себя господство крупной буржуазии»⁵⁰⁵.

Откликом на события первой российской революции стала работа Е. В. Тарле, где сопоставляются исторические судьбы западноевропейского и российского абсолютизма⁵⁰⁶. Автор указывает на дворянский характер российского абсолютизма, что, однако, не исключало его эволюции в сторону надобщественного, самодовлеющего развития⁵⁰⁷.

Российский абсолютизм, по мнению Тарле, является губительным для развития капитализма. По этой причине для российской буржуазии мириться с абсолютизмом – значит совершать нечто вроде «классового самоубийства»⁵⁰⁸. Однако нигде, кроме как в России, абсолютизм не оказывал настолько яростного сопротивления революционному движению. Тарле объяснял это «неизмеримо лучшей “боевой готовностью”, обилием и совершенством технических средств к самозащите». «Нигде и никогда, – подчеркивал Тарле, – борьба государственно-самостоятельного народа против своего правительства до такой степени не напоминала восстания какой-либо покоренной страны против чужеземных завоевателей, как борьба России против абсолютизма»⁵⁰⁹.

Вышедшая в 1906 г. работа профессионального историка, ученика В. О. Ключевского Н. А. Рожкова «Происхождение самодержавия в России» интересна по нескольким причинам. С одной стороны, прав О. В. Волобуев, исследователь научного наследия Рожкова, утверждая, что эта работа фундаментальна⁵¹⁰. Действительно, здесь Рожковым, который называл себя марксистом, изложена концепция российской монархии. С другой – «Происхождение самодержавия...» демонстрирует смешение, по крайней мере, трех подходов. Работа начинается обращением к идеям Н. М. Коркунова и Г. Еллинека – юристам, представителям позитивистского направления в истории права. Значительное влияние на автора оказала идея «торгового капитала». Наконец, выводы о вотчинном начале княжеской власти и «закрепощении сословий» отсылают к государственной школе.

Как марксист, Рожков выводит специфику институтов власти из экономических факторов. Он обращает внимание на такую особенность России,

⁵⁰⁵ Воровский В. В. Буржуазия и монархия. С. 38.

⁵⁰⁶ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. М., 2011. 273 с.

⁵⁰⁷ Там же. С. 119.

⁵⁰⁸ Там же. С. 147.

⁵⁰⁹ Там же. С. 159.

⁵¹⁰ Волобуев О. В. Николай Александрович Рожков // Избранные труды. М., 2010. С. 8.

как обилие земли на обширной территории, что не вызывало потребности в регламентации землепользования вплоть до XII в.⁵¹¹. Это состояние «первобытной неорганизованности», когда «ни классового, ни сословного расчленения общества в сущности совершенно не было»⁵¹².

Импульсом в развитии северо-востока русских земель Рожков считает развитие торговли. В руках бояр и монастырей, занимавшихся ею, оказались значительные капиталы, что привело к переходу земель из рук смердов в боярское и монастырское владение⁵¹³. Это формировало вотчины, у владельцев которых политические права были неразделимы с правами на земельную собственность⁵¹⁴.

Применительно к Европе такая хозяйственная и политическая система расценивается как феодализм, но Н. А. Рожков отрицает существование феодальных отношений в удельной Руси ввиду отсутствия соответствующих правовых норм. «Даже служебные князья (находившиеся на службе у Московского князя. – Л. Л.), не говоря уже о других землевладельцах, не обладали полнотой суверенных прав: монета чеканилась не ими, а удельным самостоятельным князем, и, кроме того, у них не было права войны, иностранных сношений, права на непременно участие в законодательных съездах и суда пэров»⁵¹⁵.

Обширные равнины, продолжительный снеговой покров, множество рек позволяли создавать в России рынки не в 10–15 верст в окружности, как в Европе, а сразу в 200–500. Россия, считает Рожков, по сути, пропустила период существования локальных рынков и сразу перешла к рынку, называемому им народным⁵¹⁶. Это привело к несоответствию старой юридической базы новым условиям и тяжелому кризису последней трети XVI – 40-х гг. XVII в.⁵¹⁷. Выход из кризиса был в приспособлении хозяйства к новым условиям. Это стало задачей нового общественного класса – средних и мелких дворян-землевладельцев и городских торговцев. Социальные отношения этого периода воплотились в самодержавии, а фоном для этого стали сословность и крепостное право⁵¹⁸.

Позиционируя себя как марксиста, Рожков пришел к выводам государственной школы о крепостном праве, необходимом для стабильного наличия рабочей силы, выгодном и для помещика, и для крестьянина, который

⁵¹¹ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 5.

⁵¹² Там же. С. 6.

⁵¹³ Там же. С. 13.

⁵¹⁴ Там же. С. 22.

⁵¹⁵ Там же. С. 21.

⁵¹⁶ Там же. С. 45–47.

⁵¹⁷ Там же. С. 48–49.

⁵¹⁸ Там же. С. 57.

в случае нужды мог обратиться к землевладельцу за помощью⁵¹⁹. В России, в отличие от Европы, было прикрепление личное, а не поземельное. В густонаселенной Европе с небольшими местными рынками перемещение крестьян за новым владельцем создало бы экономическую угрозу всему региону. На обширных же территориях России прикрепление именно к земле сделало бы население неподвижным⁵²⁰.

Государством, соответствующим новым социально-экономическим реалиям, было самодержавие. Оно формировалось в политической борьбе. Противостоящими силами были, с одной стороны – бояре, думная аристократия, и с другой – среднее и мелкое провинциальное дворянство, посадские люди и зажиточные крестьяне⁵²¹.

Возникновение самодержавия проходит у Рожкова четыре этапа: I момент (конец XV – начало XVI в.) – период, когда появились и уяснили свои задачи боярство и дворянство, и временно одержало верх боярство; II момент (с середины XVI до начала XVII в.) – столкновение боярства и дворянства, выразившееся в опричнине, репрессиях Годунова, в результате чего самодержавная дворянская монархия одержала победу; III момент – Смутное время, закончившееся победой средних классов; IV момент – торжество самодержавия – от правления Михаила Романова до середины царствования Алексея Михайловича⁵²².

Рожков четко указывает, когда московское правительство «окончательно вступило на путь абсолютизма». Когда в 1662 г. посадские люди Москвы выступили по причине денежных затруднений и введения медных денег и заявили царю, что полезно было бы созвать Земский собор, власть проигнорировала это пожелание⁵²³. Применяя термины «самодержавие» и «абсолютизм», Рожков не проводит их четкого смыслового разграничения. Однако по контексту очевидно, что критерием перехода от первого ко второму является усиление единоличной воли монарха и прекращение созыва Земских соборов.

В России самодержавие оказалось сильнее, чем на Западе. Причиной этому, по мнению Рожкова, был резкий экономический рывок второй половины XVI – начала XVII в., заключающийся в переходе от натурального хозяйства почти непосредственно к денежному с обширным рынком⁵²⁴.

Таким образом, концепция Рожкова, развитая им в последующих работах и неоднократно критикуемая советскими историками-марксистами,

⁵¹⁹ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. С. 6–63.

⁵²⁰ Там же. С. 64.

⁵²¹ Там же. С. 185.

⁵²² Там же. С. 203–204.

⁵²³ Там же. С. 203.

⁵²⁴ Там же. С. 208–209.

была методологическим синтезом на базе марксизма, с выраженной концептуальной составляющей «государственной школы» и элементами компаративного анализа в сопоставлении генезиса российских и европейских государственных институтов⁵²⁵.

Одно из центральных мест в политической доктрине марксистов занимал вопрос специфики российских государственных институтов. Именно на ней делали акцент российские консерваторы, желая продемонстрировать самобытность самодержавия как особой духовной силы, объединяющей народ и власть на основе патернализма и православия. С их точки зрения, западноевропейские правовые основы договора сюзерена и вассала, рациональное обоснование королевской власти, право подданных на восстание и революцию – чужды России. Более того, даже называвший себя марксистом Н. А. Рожков говорил о крайней неразвитости феодальных институтов на русских землях. Подобные трактовки ставили под сомнение и возможность антимонархического протеста, и правомерность буржуазной революции в России.

Вышедшая в 1907 г. книга «Феодализм в древней Руси» Н. П. Павлова-Сильванского (1869–1908), историка-архивиста, автора концепции «русского феодализма», объективно стала значительной поддержкой марксистской концепции, хотя сам Павлов-Сильванский марксистом не был. Не случайно при переиздании этой работы в 1924 г. Покровский написал предисловие к ней, начинавшееся такими словами: «Эту книгу необходимо иметь каждому историку России, особенно историку-марксисту»⁵²⁶.

По мнению Павлова-Сильванского, в России XVI–XIX вв. основным общественным институтом являлось сословное государство. В свою очередь, этот период распадается на две, тесно связанные между собой половины – эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя»⁵²⁷.

Сопоставляя события западноевропейской и российской истории, Павлов-Сильванский делает вывод о том, что российские процессы феодализации, складывания централизованного государства, развития политических институтов, формирования сословий и т. д. были аналогами западноевропейских, несмотря на то, что имели специфику и развивались позже. Применительно к эпохе позднего феодализма эти процессы характеризуются Павловым-Сильванским так: «Политический феодализм окончательно пал

⁵²⁵ Ландина Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова как отображение методологической трансформации в российской историографии начала XX века // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. № 66. С. 229–230.

⁵²⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924. С. 4.

⁵²⁷ Там же. С. 157–158.

у нас... при Иване Грозном, через 100 лет после того, как при Людовике XI он пал во Франции... Московское царство XVII века по своей структуре одинаково с западно-европейской сословной монархией, и в начале XVIII века эта сословная монархия у нас, подобно западу, превращается в монархию абсолютную»⁵²⁸.

Социальной основой абсолютизма в Западной Европе и России было «сеньориальное право крупных землевладельцев»⁵²⁹. В России, по мнению Павлова-Сильванского, абсолютизм «с полной силой» разворачивается при Петре I, а затем при Екатерине II. Однако тенденции к абсолютизму видны уже в XVII в. Так, по словам Павлова-Сильванского, «право-творящее уложение 1649 г. заметно отличается от преимущественно кодифицирующих действующее право судебныхников 1497–1550-х годов»⁵³⁰.

В российской социал-демократической мысли начала XX в. абсолютистское государство могло быть и надклассовым, и классовым. О том, какой класс, когда и почему становился его опорой, можно было рассуждать и теоретически, и исходя из практических соображений. На таком фоне неожиданной стала работа, основная мысль которой выражалась так: нет не только абсолютизма как надклассового государства, но и абсолютизма как государственного института. Вместо этого есть сложившаяся на протяжении столетий дворянская организация, а монархия, крепостное право, армия и бюрократия – только ее орудия.

Речь идет о вышедшей в 1910 г. работе «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России»⁵³¹. Ее автор – историк, публицист, революционер М. С. Ольминский (Александров) (1863–1933). В ситуации разочарования оппозицией, считавшей российскую монархию надклассовой силой, Ольминский предлагает свой ракурс видения проблемы «дворянство – абсолютизм».

Он начинает с демонстрации примеров очевидного неподчинения бояр и дворян государству, имевших место с XVI вплоть до XIX в. Это боярские наезды, разбои, игнорирование решений властей, неповиновение и т. д. Где же всемогущая сила государства, которое закрепило все сословия? – задает вопрос Ольминский⁵³².

Выстраивая свою аргументацию, М. С. Ольминский отталкивается от традиционных представлений: феодального партикуляризма как сочетания политической власти и вотчинного землевладения, эконо-

⁵²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 134.

⁵²⁹ Там же. С. 134–135.

⁵³⁰ Там же. С. 153.

⁵³¹ Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. 3-е изд. М., 1925. 221 с.

⁵³² Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. С. 3–6.

мической обусловленности объединения земель, постепенного возвышения великого князя Московского и т. д.⁵³³ Однако было бы ошибочно полагать, считает он, что с усилением великокняжеской власти бояре стали слабее. Скорее наоборот. Во-первых, к ним в подчинение, кроме крестьян, попали мелкие феодалы, во-вторых, бояре в своих вотчинах сохранили всю полноту власти. В результате власть не концентрировалась в лице великого князя Московского, а была рассредоточена во всей иерархической организации господствующего класса, где великий князь – это ее глава, а землевладельцы на местах – душа и тело⁵³⁴. Царь был бессилен без бояр, и, «чем сильнее и ярче становилось самодержавие, тем более умалялась, становилась эфемерной самостоятельность тогдашних самодержцев»⁵³⁵.

По мере развития торгового капитализма, самодержавная власть всячески поддерживает дворян – торговцев и предпринимателей, причем в ущерб непривилегированным купцам и промышленникам⁵³⁶. С течением времени «центр» и «периферия», верхи и низы дворянства сложились в сплоченную организацию. Что же касается самого монарха, то его полномочия, начиная с XVII в., стали ограничиваться. Во-первых, многие дела просто перестали доходить до царя и решались в бюрократических инстанциях, и, во-вторых, сама государственная машина «не обнаруживала склонности к беспредельному повиновению»⁵³⁷.

Пресловутое самовластие монарха – тоже, с точки зрения Ольминского, фикция. Оно очень быстро пресекается дворянским заговором⁵³⁸. Если и считать, поясняет далее Ольминский, что с начала XVIII в. в России появляется абсолютизм, то он не мог быть самовластным или произвольным. Это был «абсолютизм класса, или, точнее сказать, организации землевладельческого класса по типу абсолютной монархии»⁵³⁹. Вплоть до 1861 г., отмечает М. С. Ольминский, российская государственность оставалась организацией землевладельцев⁵⁴⁰. Нет никакой силы, стоящей над дворянством, и не оказывается никакого «государства», стоящего над дворянством, следовательно, и само внеклассовое государство – фикция⁵⁴¹.

⁵³³ Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. С. 7–14.

⁵³⁴ Там же. С. 12–14.

⁵³⁵ Там же. С. 20, 26.

⁵³⁶ Там же. С. 27–33.

⁵³⁷ Там же. С. 24–25.

⁵³⁸ Там же. С. 41.

⁵³⁹ Там же. С. 86.

⁵⁴⁰ Там же. С. 107.

⁵⁴¹ Там же. С. 56–57.

Ответ на положения, изложенные М. С. Ольминским, дал В. В. Воровский в статье «О природе абсолютизма»⁵⁴², вышедшей в 1912 г. Исходя из того, что государство выросло из вотчины, Воровский акцентирует внимание на том, что хозяйство частного вотчинника носит публично-правовой характер, а государя – частно-правовой. По мере укрепления власти князя извне начинается, по мнению Воровского, «постепенно превращение механической смеси вотчин в органическое тело государства»⁵⁴³. С ростом товарного хозяйства частно-правовые интересы вотчинников начинают перевешивать, владельцы вотчин постепенно сосредотачивают внимание на хозяйственном развитии своих владений, и потеря публичных прав не кажется им таковой. Наоборот, она воспринимается как освобождение от ненужного бремени, мешающего уходу в частную и хозяйственную жизнь. В свою очередь, государь увеличивает свои публичные права⁵⁴⁴.

Российский абсолютизм формировался в условиях борьбы боярства и дворянства⁵⁴⁵. Победила дворянская масса – установился абсолютизм⁵⁴⁶. Воровский, указывает, что успешнее всего развивали идеи самодержавия те государи, которые опирались на дворянскую массу и одновременно откупались от вельмож подачками. Самым ярким примером такого монарха является Екатерина II⁵⁴⁷. По мнению Воровского, Александров (Ольминский) упустил из виду борьбу внутри дворянского сословия, представив его как монолитную социальную группу, рассматриваемую только извне⁵⁴⁸.

Наконец, Воровский завершает свою статью в достаточно ироничном тоне: «Конечно, буржуазная историография, умалчивающая о классовом характере абсолютизма, заслуживает сугубых скорпионов, тем более, что ее умолчание подсказывается тоже классовыми расчетами... Но Александров слишком уж легко и просто отделался от одной из труднейших задач русской истории, над которой до сих пор ломают головы и специалисты, и неспециалисты»⁵⁴⁹.

Одновременно с работами Ольминского и Воровского выходило наиболее масштабное и значимое произведение марксистской историографии – «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского. Основанная на оппозиции «государственной школе» и идее «торгового капитала», «Рус-

⁵⁴² Воровский В. В. О природе абсолютизма (по поводу книги М. Александрова «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России») // Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1932. С. 189–208.

⁵⁴³ Там же. С. 194.

⁵⁴⁴ Там же. С. 194–196.

⁵⁴⁵ Там же. С. 197–199.

⁵⁴⁶ Там же. С. 205.

⁵⁴⁷ Там же. С. 201.

⁵⁴⁸ Там же. С. 203–204.

⁵⁴⁹ Там же. С. 205.

ская история...» была впервые издана в 1910–1913 гг. Нужно отметить, что историография «школы Покровского» весьма обширна и уже оформилась как самостоятельное направление. Методологически и идеологически она разнообразна – от публикаций оппонента Покровского П. Н. Милюкова⁵⁵⁰ до современных исследований, среди которых наиболее масштабными являются работы О. П. Володькова⁵⁵¹, однако ее анализ выходит за рамки данной книги. Вместе с тем концепция М. Н. Покровского применительно к проблеме российских государственных институтов, и, в частности, абсолютизма, может быть продуктивно рассмотрена в компаративном ключе.

Экономический детерминизм в «Русской истории...» очевиден с первой главы. Покровский решительно отказывается от идеи «призвания варягов» в создании русской государственности⁵⁵². Общий хозяйственный интерес – вот импульс, приводящий и к образованию славянской общины⁵⁵³, и к созданию Московского государства⁵⁵⁴. Ключевая фигура в обоих процессах – отец патриархальной семьи, огромная власть которого в экономической и духовной областях трансформировалась со временем в княжескую. «О сопротивлении домовладыке не может быть и речи, – подводит черту Покровский, – господин-отец – самодержец в широчайшем значении этого слова»⁵⁵⁵.

Механизм формирования государственных структур подчинен экономическому и географическому детерминизму и раскрыт Покровским так: когда «территориальное расширение власти изменяло ее природу – поместье превращалось в государство... образование Московского государства в XVII веке было... окончательной ликвидацией русского феодализма в его древнейшей форме»⁵⁵⁶.

Нужно обратить внимание на то, как М. Н. Покровский интерпретирует феодализм. До XVII в. «феодальные отношения составляют тот базис, на котором воздвигаются... и городская волость, и вотчина Московских царей. И Господин Великий Новгород, и... великий московский князь Иван Васильевич... властвовали не над серой толпой однообразных в своем бесправии подданных, а над пестрым феодальным миром больших и малых «бо-

⁵⁵⁰ Милюков П. Н. Величие и падение М. Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 505–524.

⁵⁵¹ Володьков О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 18 с. См. также: его же. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932): монография. Омск, 2011. 567 с.

⁵⁵² Покровский М. Н. Русская история: в 3 т. Т. 1. СПб., 2002. С. 20.

⁵⁵³ Там же. С. 18–20.

⁵⁵⁴ Там же. С. 53–54.

⁵⁵⁵ Там же. С. 21.

⁵⁵⁶ Там же. С. 53–54.

ярщин», в каждой из которых сидел свой маленький государь, за лесами и болотами Северной Руси умевший не хуже отстоять свою самостоятельность, чем его западный товарищ за стенами своего замка»⁵⁵⁷.

Покровский, таким образом, считал феодализм не только европейским, но и российским явлением, тем самым отмежевываясь от «националистической» историографии, ставящей во главу угла национальную «своеобычность» России⁵⁵⁸. Понятия «базис» и «надстройка» сочетались трактовкой феодализма как феодального земельного партикуляризма, при котором «нельзя себе представить землевладельца, который не был бы в той или другой степени государем, и государя, который бы не был крупным землевладельцем»⁵⁵⁹.

Впоследствии советские историки существенно изменяют смысл понятия «феодализм». Правовая составляющая в нем будет минимизирована, а акцент сделан на классовом делении и условном характере землевладения. Феодальный строй будет характеризоваться как «классовая общественно-экономическая формация, характеризующаяся господством системы эксплуатации лично зависимых от феодала непосредственных производителей материальных благ; основой производственных отношений феодального общества являлась собственность феодала на землю и неполная собственность на крепостного крестьянина»⁵⁶⁰.

Считая выгодное торговое положение Москвы определяющим в деле «собирания земель», Покровский утверждает, что «столица Калиты уже в XIV в. становится крупным буржуазным центром»⁵⁶¹. У Покровского в роли буржуазии выступают не торговые слои города (иначе была бы образована городская власть, а не феодальная монархия), а феодальные элементы, в частности крупные землевладельцы (при этом Покровский не противопоставляет бояр и дворян), и православная церковь⁵⁶².

Покровский не отождествляет самодержавие XV–XVI вв. с абсолютизмом. Во-первых, под самодержавием в то время понималась независимость правителя от соседей, и, во-вторых, налагаемые православной церковью требования в соблюдении церковных канонов часто применялись для предъявления претензий к московским великим князьям, ограничивая возможности последних⁵⁶³.

Каким же образом самодержавие стало приобретать черты абсолютизма? Исходным пунктом этого процесса Покровский считает кризис

⁵⁵⁷ Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. С. 24.

⁵⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁵⁹ Там же. С. 29.

⁵⁶⁰ Феодальный строй // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 44. С. 608.

⁵⁶¹ Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. С. 129.

⁵⁶² Там же. Т. 1. С. 131–133.

⁵⁶³ Там же. С. 164–167.

крупного землевладения, произошедший в условиях расширения товарно-денежных отношений. Потребность в деньгах размывала натуральный характер вотчины и требовала большей гибкости в ведении хозяйства. Это было не под силу боярам-вотчинникам, в то время как средние и мелкие собственники имели лучшие условия для организации своих хозяйств⁵⁶⁴. Наступал момент масштабного передела земельных владений. Уже в первой половине XVI в., по утверждению Покровского, боярство это чувствовало и принимало меры для укрепления своего политического положения»⁵⁶⁵. Ответом со стороны власти была опричнина – экспроприация «богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина»⁵⁶⁶. С точки зрения формирования абсолютизма опричнина, по мнению Покровского, была прогрессивной, хоть и преждевременной «попыткой за полтора года до Петра основать личное самодержавие петровской монархии»⁵⁶⁷.

Кризис крупных вотчин и подъем товарности среднего землевладения, считает Покровский, «должны были выдвинуть новые общественные классы... *То было среднее землевладение, успешно сочетавшееся с условиями нового менового хозяйства, то была буржуазия (курсив мой. – Л. Л.)*»⁵⁶⁸. Таким образом, для Покровского «буржуазия» – это не только посадские люди, но и дворянство, ведущее хозяйство, ориентированное на рынок. Внутреннее развитие России, реформы, внешняя политика – все, с точки зрения Покровского, диктовалось потребностями новых социальных групп, борьбой и компромиссами с боярами-вотчинниками, а также потребностями страны в новых рынках. Вот, например, каким образом была охарактеризована Покровским Ливонская война, формально ведущаяся «за веру»: «То, за чем тянулся русский торговый капитал, не в меньшей мере было нужно и польскому»⁵⁶⁹. Перипетии событий Смутного времени – не что иное, как борьба за власть между силами торгового капитала и боярства, а последствия Смуты – утверждение дворянской России и крепостного права⁵⁷⁰.

Утверждение «дворянской России», естественно, сопровождалось сочетанием старых и новых черт в развитии государственных институтов. Правление первых Романовых было, по оценке Покровского, временем феодаль-

⁵⁶⁴ Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. С. 173–174, 184.

⁵⁶⁵ Там же. С. 185.

⁵⁶⁶ Там же. С. 184.

⁵⁶⁷ Там же. С. 214.

⁵⁶⁸ Там же. С. 188.

⁵⁶⁹ Там же. С. 211.

⁵⁷⁰ Там же. С. 305–311.

ных отношений⁵⁷¹, «реставрацией»⁵⁷² и «переживанием» феодализма»⁵⁷³. Под этими эпитетами скрывались такие черты государственного управления допетровской России, как сохранение политического влияния боярства, иммунитетов, юрисдикции помещиков в своих владениях⁵⁷⁴. Проявлениями «феодальных отношений» были и приказы⁵⁷⁵.

Наконец, «переживанием» феодализма» были Земские соборы. К ним Покровский относится весьма сдержанно, не разделяя мнения об их самобытности. Наоборот, отмечает он, российские сословные собрания были рудиментарны и грубы по сравнению с европейскими аналогами. Земский собор – это не средство совета с народом, а орудие сюзерена для достижения собственных целей, и оно становится ненужным по мере укрепления монархии⁵⁷⁶. Демонстрируя динамику развития торгового капитала и политических институтов, Покровский подводит следующий масштабный итог: «В России и во Франции... рост торгового капитала и его влияния на дела совпадает с развитием абсолютной монархии и упадком тех форм политической свободы, которые были тесно связаны с натуральным хозяйством»⁵⁷⁷.

Россия второй половины XVII в. – это абсолютная монархия, где царь – первый купец в своем государстве⁵⁷⁸. Интересы торгового капитала определяют внутреннюю и внешнюю политику. Войны времен Алексея Михайловича и Петра I – это войны за рынки⁵⁷⁹.

Российский торговый капитализм имел ряд особенностей. Во-первых, это доминирование заграничной торговли. Во-вторых, западное влияние, в связи с которым Покровский проводит такую параллель: «Торговый капитализм шел к нам с Запада; мы уже тогда были для Западной Европы той колонией, характер которой мы во многом сохранили доселе»⁵⁸⁰. В-третьих, жесткое насаждение капиталистических порядков «сверху», что имело негативные последствия. Купцы и промышленники испытывали давление и стеснения, зато развился помещичий крепостнический капитализм на основе крепостных мануфактур и дворянских фабрик⁵⁸¹. В итоге завоевание торгового капитала оказалось временным и непрочным⁵⁸².

⁵⁷¹ Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. С. 338.

⁵⁷² Там же. С. 342.

⁵⁷³ Там же. С. 340.

⁵⁷⁴ Там же. С. 335.

⁵⁷⁵ Там же. С. 338.

⁵⁷⁶ Там же. С. 342.

⁵⁷⁷ Там же.

⁵⁷⁸ Покровский М. Н. Русская история. Т. 2. СПб., 2002. С. 80.

⁵⁷⁹ Там же. С. 90.

⁵⁸⁰ Там же. С. 73.

⁵⁸¹ Там же. С. 111.

⁵⁸² Там же. С. 134.

Дворяне, получившие преференции в торговле и предпринимательстве – вот та «новая феодальная знать, начавшая править Россией на другой же день после смерти Петра»⁵⁸³. Времена Анны Иоанновны были названы Покровским «реакцией феодальной простоты»⁵⁸⁴, а правление Елизаветы Петровны – «новым феодализмом»⁵⁸⁵. Россия опять стала, по словам Покровского, той, какой была «накануне Петра»⁵⁸⁶. Во время «действительно дворянского управления Россией» 1741–1796 гг.⁵⁸⁷ произошло важнейшее мероприятие дворянской политики абсолютизма – «шляхетство» избавилось «от тягостей, наваленных на него службой торговому капиталу»⁵⁸⁸.

Таким образом, дворянство, являясь социальной опорой абсолютизма, с точки зрения Покровского, проходит на протяжении XVI–XVIII вв. путь от прогрессивного класса, экспроприировавшего боярство во имя развития торгового капитала, через службу «торговому» капиталу в Петровскую эпоху до «нового феодализма» с освобождением от обязательной службы. С одной стороны, оно пользовалось всеми выгодами «торгового капитализма», с другой – было привилегированным сословием, освобожденным от государственной службы. Это придало государству дворян – абсолютной монархии – особую прочность.

В свою очередь, монархия и дворянство находились в постоянном взаимодействии, давлении интересов и поддержании баланса сил. Этот процесс, несмотря на колебания, развивался в направлении к буржуазной монархии⁵⁸⁹. Первые дворянские проекты политических реформ появились при Петре I⁵⁹⁰, Екатерине II удалось реализовать дворянские требования путем соответствующих законов⁵⁹¹, Павел I, в стремлении подчинить дворян, «слишком сильно натянул струну»⁵⁹², что закончилось переворотом 1801 г. Анализируя перипетии отношений самодержавия и дворянства, Покровский никогда не упускал из виду их экономической основы. Так, убийство Павла I имело своей причиной не только деспотизм царя, но и присоединение России к континентальной блокаде, из-за чего страдали

⁵⁸³ Покровский М. Н. Русская история. Т. 2. С. 112.

⁵⁸⁴ Там же. С. 186.

⁵⁸⁵ Там же. С. 212.

⁵⁸⁶ Там же. С. 217.

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Покровский М. Н. Русская история. Т. 3. СПб., 2002. С. 148.

⁵⁹⁰ Покровский М. Н. Русская история. Т. 2. С. 238.

⁵⁹¹ Там же. С. 254.

⁵⁹² Там же. С. 327.

русские помещики-дворяне, торговавшие с Англией продукцией своих хозяйств⁵⁹³.

Двойственность природы российского дворянства, экономическая подоплека его либеральных проектов выразительно охарактеризованы Покровским в следующем пассаже: «То внутренне противоречивое существо, которое представлял русский помещик до 70-х почти годов XIX столетия – европейский буржуа, с одной стороны, азиатский феодал – с другой, уже народилось на свет ко второму десятилетию александровского царствования... новое крепостное хозяйство уже нельзя было вести без капитала и не приспособляясь к условиям рынка... А свобода торговли... была корнем всех буржуазных свобод... Но свобода торговли была нужна русскому помещику затем, чтобы сбывать при наиболее выгодных условиях продукты крепостного хозяйства...»⁵⁹⁴ При этом развитие промышленного капитализма, успехи купеческого предпринимательства, крах дворянского предпринимательства в сочетании с кризисом барщинного хозяйства стали для монархии мощными аргументами в пользу реформаторства уже в николаевскую эпоху⁵⁹⁵.

В 1914 г. вышло еще одно масштабное и неоднократно переиздаваемое затем произведение М. Н. Покровского – «Очерк истории русской культуры»⁵⁹⁶. По сравнению с «Русской историей...» трактовка самодержавия Покровским не претерпела изменений – последнее являлось государством эпохи торгового капитала.

Государство – это единство территории и единство верховной власти⁵⁹⁷. Конец «удельному периоду» положила опричина, когда ведущие позиции в землевладении перешли к дворянам. Экономической основой «смены бояр дворянами» был переход к более интенсивным формам хозяйства, а ее политической основой – усиление власти московского князя и созывы Земских соборов. Этот переворот был «проведен средним землевладением при участии торгового капитала, который и был представлен в Соборе 1566 г. всем наличным комплектом “гостей” и верхушками второстепенного купечества»⁵⁹⁸. При первых Романовых реальная власть «была в руках тех, кто представлял собою новую экономическую силу, торговый капитализм, а это были царь с его семьей, и кружком крупных магнатов, его

⁵⁹³ Покровский М. Н. Русская история. Т. 2. С. 340.

⁵⁹⁴ Он же. Русская история. Т. 3. С. 18.

⁵⁹⁵ Там же. С. 64, 67, 81, 86–87.

⁵⁹⁶ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры: Экономический строй: от первобытного хозяйствования до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. Изд. 5-е, испр. М., 2010. С. 222–250.

⁵⁹⁷ Там же. С. 222.

⁵⁹⁸ Там же. С. 239–240.

торговые агенты – и в то же время крупнейшие капиталисты своего времени – “гости” и – орудие всех этих сил – техники военной, финансовой и дипломатической службы, чиновничество»⁵⁹⁹.

Дореволюционные работы М. Н. Покровского, раскрывающие проблематику абсолютизма, представлены также политическими портретами российских монархов конца XVIII–XIX вв. Так, в 1907 г. были опубликованы два очерка – «Павел Петрович»⁶⁰⁰ и «Александр I»⁶⁰¹. Достоинства этих работ очевидны – фактологическая насыщенность, проработка психологических портретов, критический авторский взгляд с глубокими выводами, наконец, заслуживающий самой высокой оценки стиль изложения. Кроме того, обращает на себя внимание очень важный при рассмотрении концепта абсолютизма аспект, очерченный Покровским, – роль личности в системе абсолютной монархии, а также границы полномочий монарха.

Исходная позиция М. Н. Покровского такова: власть лица должна выражать интересы класса⁶⁰². Однако эта система динамична. Так, личностный фактор не слишком опасен в вотчинной системе феодальной монархии. Здесь носитель власти сталкивается лишь с непосредственным окружением, с которым неизбежно вынужден считаться, и влиять на судьбу целого класса не в силах. По мере развития капиталистического хозяйства властелин получает в свое распоряжение не только огромные средства, но и распространяет свое могущество на целые общественные группы.

При абсолютизме усиление центральной власти идет параллельно с ослаблением власти землевладельцев, претензии которых монархия может и выслушать, и проигнорировать. При столкновении интересов личности и класса «личные конфликты разрешаются личным же путем... Убийство крепостными жестокого барина и убийство Павла I его придворными – два совершенно параллельных явления»⁶⁰³. Сын Екатерины II превысил границы личной власти и затронул интересы класса, от которого напрямую зависел, – дворянства. Он не только усилил личную диктатуру, но и – что было важнее всего – ущемил экономические интересы дворян, присоединившись к континентальной блокаде Англии⁶⁰⁴.

Для Александра I правление отца было «грозным предостережением». Первая половина александровского правления традиционно считается либеральной. Однако Покровский акцентирует внимание на ее «исходной

⁵⁹⁹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. С. 242.

⁶⁰⁰ Павел Петрович // История России в XIX веке / М. Н. Покровский [и др.]. М., 2001. С. 27–36.

⁶⁰¹ Александр I (1801–1815) // Там же. С. 37–72.

⁶⁰² Павел Петрович ... С. 27.

⁶⁰³ Там же. С. 27–28.

⁶⁰⁴ Там же. С. 34–35.

точке», о которой «русская читающая публика долгое время была в совершенном неведении». Речь идет о потребности монархии «гарантировать права и преимущества “первенствующего в империи сословия”»⁶⁰⁵.

Таким образом, историки марксистского направления представляли целый спектр трактовок проблематики российской монархии, в которых можно выделить более или менее вариативные компоненты. Наиболее устойчивым был географический и экономический детерминизм, присутствующий всем исследователям данного направления – от Плеханова до Покровского. Более подвижным выглядит влияние «государственной школы», в максимальной степени проявившееся у Плеханова и Рожкова и отторгаемое Покровским. В разной степени выражена и оценка самобытности российских государственных институтов. Г. В. Плеханов наделяет российское самодержавие чертами восточной деспотии, Н. А. Рожков приходит к выводам в духе государственной школы, наконец, М. Н. Покровский проводит наиболее близкие параллели в развитии российских и европейских государственных институтов.

Для более полной картины осмысления самодержавия в российской дореволюционной историографии целесообразно обратиться и к докладу А. С. Лаппо-Данилевского на Лондонском конгрессе в 1913 г.⁶⁰⁶ Этот доклад, встреченный в Европе с огромным интересом и посвященный идее государства в России, очевидно, был связан и с широко отмечаемым в то время 300-летием Дома Романовых.

Первая же фраза Лаппо-Данилевского указывает на важнейший акцент в понимании идеи государства. Эта идея «содержит понятие о том отношении, которое должно быть между государем и подданными, а не только понятие о принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами (курсив и полужирный мой. – Л. Л.)»⁶⁰⁷. Лаппо-Данилевский прослеживает трансформацию идеи государства на протяжении нескольких столетий. Он демонстрирует, с одной стороны, постепенное приобретение ею светского характера, с другой – включенность России, несмотря на византийскую традицию, в европейский культурный контекст. Развернутое изложение Лаппо-Данилевским трансформации доктрин российского самодержавия на протяжении XVI–XVIII вв. приводило к оптимистическим выводам. Во-первых, российское самодержавие – это уникальное, имеющее выраженную национальную окраску явление. Во-вторых, что не менее важно, Россия всегда была открыта к восприятию европейских правовых

⁶⁰⁵ Александр I. С. 37.

⁶⁰⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.

⁶⁰⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства ... С. 5.

идей, вплоть до античного наследия⁶⁰⁸. Окончательное торжество европейской правовой традиции Лаппо-Данилевский видит в деятельности Петра Великого, который «не различал пользу государя от пользы государства». Однако в рамках идеи «общего блага», в соответствии с принципами «полицейского государства», Петр требовал и беспрекословного подчинения своей воле, усилив этим традиционную власть московских самодержцев⁶⁰⁹. Характерно, что при этом А. С. Лаппо-Данилевский обращает внимание на декларирование Петром принципов законности, делая при этом оговорку: «Впрочем, Петр Великий не был в состоянии вполне обосновать свой принцип законности: как самодержавный монарх, он имел возможность всегда вмешиваться во все дела и подвергать давлению своего бюрократического режима всех частных лиц»⁶¹⁰. Тем не менее, правовая мысль России, несмотря на специфику ее институтов, демонстрировала принадлежность к европейской культурной традиции. Еще одним подтверждением этому служат конституционные проекты, получившие в России развитие сразу после смерти Петра⁶¹¹. В заключение Лаппо-Данилевский выдвигает следующий принципиально важный и открывающий хорошие перспективы тезис. Несмотря на прерывистость и даже случайность, идея государства в России «все же была развитием и даже своего рода прогрессом»⁶¹².

О торжествах, посвященных трехсотлетию Дома Романовых, оставил заметку в своем дневнике и профессор Московского университета А. Н. Савин. Это своего рода взгляд «изнутри» на официальные мероприятия: «25 февраля, понедельник первой недели поста. Вчера было в университете юбилейное заседание, в актовом зале. Народу довольно много, но студентов ужасно мало. Много профессоров в мундирах, у кого есть – в лентах... Попечитель держит себя развязно, хозяином... Пригласили оркестр, военный. Он оказался очень полезен, не только играл гимн, но и кричал ура, без музыкантов даже в этом собрании ура вышло бы очень жидкое. Ректор говорил, вернее читал (все читали), коротко и серо, но прилично; хорошо было, что он говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах династии; упомянул, что и теперь Россия окружена врагами, с запада и с востока. Сухотин, пасынок дочери Толстого, Татьяны Львовны, читал о народных движениях 1611 и 1612 года, длинно и серо, часто элементарно, кое-где был условный юбилейный язык, но в общем прилично. Готье читал об избрании Михаила на царство, не длинно и не коротко, в самый

⁶⁰⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства ... С. 10–17.

⁶⁰⁹ Там же. С. 25–26.

⁶¹⁰ Там же. С. 31.

⁶¹¹ Там же. С. 35–38.

⁶¹² Там же. С. 38.

раз, не весело и не скучно, средне, но совершенно объективно, без фими-ама, так, как нужно. Потом перерыв, и немалая часть публики разбрелась. Богословский читал очень красивым голосом и очень красивым языком, и очень юбилейным образом. Он говорил почти только о династии и государстве, народ являлся больше объектом благодетельных династических правительственных воздействий. Не то чтобы Богословский хвалил дурное. О нет! С этой стороны все обстояло прилично. Но из дел династии и правительства за три века Богословский брал только хорошее; а где хороших дел не хватало, на подмогу брались хорошие слова и хорошие намерения. Получилась очень красиво (по языку) сделанная, очень сентиментальная и очень юбилейная картина шествия России по пути трехвекового прогресса под добрым водительством династии. О Павле было сказано, что он нанес первый удар чудовищу крепостного права. О Николае I, что он хотел уничтожить крепостное право. Об Александре III, что он держал оливковую ветвь мира и высоко поднял международный престиж России. Николай II завершил дело деда дарованием представительных учреждений.

Впрочем, это было лучше, чем я ожидал. Ректор огласил текст телеграммы на высочайшее имя. Она была прилична. В заключение оркестр трижды играл и кричал ура.

А сегодня, слава Богу, будни»⁶¹³.

Осмысление самодержавия, как неотъемлемого компонента российской национальной идентичности, находилось на пике востребованности в дореволюционном историческом дискурсе и отражало общественно-политические запросы российского общества. Более того, на аналогичных основах изначально конструировался и сам концепт самодержавия. Он восходил не только к византийской политической традиции, но и к имперской римской идее, что очевидно из идеологемы «Москва – Третий Рим». Однако, несмотря на принадлежность, в конечном итоге, к общей идеологической основе, интерпретации западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия отличались. Самодержавие, по сравнению с западноевропейским абсолютизмом, предполагало значительно большую силу единоличной власти и подчинения подданных, что сформировало и иную, нежели в Западной Европе, политическую культуру.

Трактовки самодержавия в российской общественной мысли и историографии, естественно, не могли быть одинаковыми – они включали широкий спектр оценок – от обожествления до низвержения. С методологических позиций также присутствовало разнообразие установок – от позитивистских до диалектико-материалистических. При этом с середины XIX в. ведущие позиции занимала государственная школа, с правовым под-

⁶¹³ Савин А. Н. Университетские дела: дневник 1908–1917. М.; СПб., 2015. С. 280.

ходом к изучению монархии, позитивистской многофакторностью в рассмотрении ее генезиса и доминированием изучения государственных институтов в проблемном поле.

Проблематика западноевропейского абсолютизма разрабатывалась в русле западноевропейских методологических тенденций, с адаптацией европейского научного нарратива, вниманием к социальной составляющей абсолютной монархии и умеренно критической ее оценкой. В соответствии с последней, абсолютизм рассматривался как закономерное явление, необходимое для централизации страны и развития экономики, но после реализации указанных задач ставшее реакционной силой, сломить которую может только революция.

Таким образом, в трактовках западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия существовало множество нюансов и различий – мотивационных, оценочных, методологических, и они имели объективный характер. Результатом их осмысления стал определенный консенсус в российской дореволюционной историографии. В одной стороны, Россия считалась частью Европы, и проводимая в Новое время модернизация страны это подтверждала. С другой стороны – было очевидно российское цивилизационное своеобразие, что в полной мере получило отражение в концепте российского самодержавия, отнюдь не тождественного европейскому абсолютизму. Таким образом, естественно было параллельное существование терминов «абсолютизм» и «самодержавие», а также ограничение сферы употребления термина «абсолютизм» областью всеобщей истории. Вместе с тем, по мере либерализации общественной мысли, нарастания кризиса самой российской монархии, расширялась практика применения термина «абсолютизм» и в отношении российского самодержавия.

Глава 3. Проблема абсолютизма в исторической науке первых советских десятилетий (1917–1920-е гг.)

3.1. Социокультурные и политические доминанты в развитии исторической науки 1920-х гг.

Масштабным изменениям в российской историографии, ставшим следствием событий 1917 г., посвящены сотни работ. Акценты последних смещались в зависимости от идейно-политической направленности конкретной эпохи, что для историографа является огромным полем изучения разнообразных дискурсивных практик.

Так, в 1966 г. фундаментальные «Очерки по истории исторической науки в СССР» характеризовали первое десятилетие советской историографии следующим образом: «Становление марксистско-ленинской исторической науки происходило в острых столкновениях с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, в которых кризис русской буржуазной историографии завершился в конечном счете ее полным крахом... Правильность исторических взглядов в эти годы доказывалась в ходе вооруженных боев, в процессе гигантской революционно-преобразовательной деятельности пролетариата и его партии в области хозяйственного, государственного и культурно-строительства»¹.

А вот трактовка того же сюжета, написанная через тридцать лет, в 1996 г.: «Революционный переворот, захват власти большевиками, последующий разгон Учредительного собрания и начало гражданской войны, вывод на общественную арену миллионных масс, прежде униженных и оскорбленных, малокультурных и обозлённых, которых вели за собой в большинстве своем столь же малокультурные, фанатичные и закомплексованные вожди, затвердившие марксистские догмы, создали в стране атмосферу, которая резко идеологизировала всю общественную жизнь. В результате историческая наука, еще недавно набиравшая силу как свободная и независимая, оказалась на краю пропасти, имя которой идеология, новая идеология, идеология победителей. Сокрушая старый мир, новый порядок не мог принять и общественную науку этого мира»².

¹ Очерки по истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. Т. 4. М., 1966. С. 138.

² Советская историография / под общ. ред. акад. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 125.

Последствием Февральской и особенно Октябрьской революции стала коренная трансформация российской историографии, занявшая около двух десятилетий. Вместе с тем происходившее в то время нельзя оценивать упрощенно – в зависимости от области исторического знания изменения отличались неравномерностью и специфичностью. Степень трансформации концепта абсолютизма, сопоставление в этом процессе абсолютизма западноевропейского и российского наглядно иллюстрируют сказанное.

Октябрьская революция привела к радикальному преобразованию всех сторон российского общества. На протяжении 1920-х гг. вводимые изменения сочетались с дореволюционной традицией, что позволяет выделить первое советское десятилетие в отдельный, переходный период. Декларируемые большевиками задачи требовали огромную, качественно новую, материальную и интеллектуальную базу, которой не было. Это диктовало на первых порах как использование прежних кадров, так и известный идейный плюрализм.

В стремлении «отречься от старого мира», в 1920-х гг. ломке подверглось все – государство, экономика, система ценностей, повседневная жизнь. В переустройстве страны исторической науке отводилась центральная роль. Историческое знание призвано было создать новую картину мира, доказать научную и практическую ценность марксизма, закономерность и прогрессивность прихода большевиков к власти в России, а затем – в мировом масштабе. На массовом уровне внедрение новой исторической картины мира происходило, например, на советских «революционных празднествах», где главный смысл имел бой «мирового пролетариата» с «мировой буржуазией» как вселенская борьба Добра со Злом³. Делался акцент на разрушительном начале истории – противопоставлении прошлого, «покоренного и низвергнутого», и «настоящего»⁴. Таким образом, приоритетными стали революционные ценности⁵.

Новая система ценностей должна была изменить и историческую науку. Отторжение прошлого, легитимизация новой власти, мессианская роль марксизма были направляющими факторами этого процесса. Так, полностью принявший власть большевиков, один из основателей Коммунистической академии и разработчиков первой советской конституции М. А. Рейснер утверждал: «Лишь пролетарская наука, окончательно установленная К. Марксом, Ф. Энгельсом и Ф. Лассалем, сумела совершить пол-

³ Малышева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 10. М., 2003. С. 232–235.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Ландина Л. В. Социально-политические изменения первых советских лет и преподавание всеобщей истории в высшей школе (на примере ФОН МГУ) // Высшая школа. 2017. № 3. С. 41.

ный переворот в науке об обществе и государстве и дать торжество поруганной истине...»⁶ Суть буржуазной науки и буржуазной интеллигенции также была четко определена Рейснером: «Если бы эти ученые могли быть честными до конца, они признались бы... что за всеми государственными богатствами и призраками скрывается могучий интерес их буржуазных хозяев...»⁷ Совершенно не случайно поэтому, согласно «Примерным программам по обществоведению и культуроведению», история была упразднена. Обществоведение представляло собой синтез политэкономии, социологии и права, а история понималась как наука о смене обществ и формаций. Учебников, кроме «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, не было⁸.

Мероприятия организационного характера, предпринимаемые советским правительством в то время, хорошо известны. Задача подготовки кадров историков-марксистов была поставлена еще в 1917 г.⁹ В середине 1918 г. по инициативе М. Н. Покровского и И. М. Рейснера декретом ВЦИК была учреждена Социалистическая (с 1924 г. Коммунистическая) академия общественных наук – первый советский научно-исследовательский центр по общественным наукам. Возглавил академию М. Н. Покровский. Целями ее были развитие и пропаганда марксистской мысли, подготовка кадров, а также борьба с «буржуазно-дворянской идеологией»¹⁰. Огромное значение для идейного и организационного утверждения марксизма имело создание Общества историков-марксистов (ОИМ)¹¹. На открытии Общества и заседании 1 июня 1925 г. возглавивший его М. Н. Покровский указал на необходимость такого общества, а также подверг жесткой критике все «вывихи», «дефекты» и «пережитки» не только народничества, но и «метафизического» и «экономического» материализма¹². В Уставе Общества было указано, что новая организация имеет целью: «а) объединение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории; б) научную разработку вопросов истории и марксистской методологии истории; в) борьбу с извращением истории буржуазной наукой; г) критическое освещение текущей исторической литературы с марксистской точки зрения; д) содействие членам Общества в получении научной литературы, доступа

⁶ Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР: в 3 ч. Пг., 1923. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Ястер И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920-х – 1930-х гг. // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 10. М., 2003. С. 282–284.

⁹ Наумова Г. Р. Шикло А. Е. Историография истории России. 2-е изд. М., 2009. С. 309.

¹⁰ Там же. С. 322.

¹¹ Ландина Л. В. Социально-политические изменения ... С. 41–42.

¹² Покровский М. Н. Задачи Общества историков-марксистов (Речь, произнесенная при открытии Общества и заседании 1 июня 1925 г.) // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 3–10.

в архивы, научных командировок и т. д.; е) пропаганду и популяризацию марксистского метода и ознакомление широких масс с марксистскими достижениями в области истории...»¹³

Советское руководство реорганизовало прежнюю университетскую систему, которая должна была стать частью государства диктатуры пролетариата. Лениным, Луначарским, Покровским было заявлено, что университетская автономия – это буржуазная идея, что при диктатуре пролетариата никакой автономии быть не может. В университетах действовали большевистские комиссары, имевшие право наложить вето на любое решение администрации, возникли ячейки компартии, состоящие первоначально из студентов рабфаков, получивших большие права в решении многих университетских вопросов¹⁴. К началу 1930-х гг. из-за реорганизаций университетская система находилась на краю гибели, однако потребности в квалифицированных кадрах диктовали ее восстановление, что и произошло, но уже с полным включением университетов в государственную систему¹⁵.

Отношение новой власти к интеллигенции было весьма настороженное. Во-первых, интеллигенция расценивалась как потенциальный идейный враг. Во-вторых, к ней относились как к антиподу трудового народа, что культивировалось на высшем уровне. Достаточно вновь обратиться к М. А. Рейснеру, который не только расставил акценты в этом, но и нарисовал идеал будущего. «В общем и в целом, – утверждал Рейснер, – положение интеллигенции при буржуазном порядке менее всего может отвечать требованиям культурного творчества. Всеобщая продажность развращающим пятном ложится на мозг и сердце интеллигента... С классовым обществом интеллигенция как профессия изживает самое себя... В трудовом обществе все его члены становятся интеллигентами... Лишь в новом социалистическом обществе каждый человек станет гением, и неслыханным богатством засияет мир знания, искусства и техники»¹⁶.

Тем не менее новой власти необходимы были управленцы, врачи, педагоги, инженеры, ученые. К последним, а особенно историкам, предъявлялись дополнительные требования – и в отношении происхождения, и в плане идейной преданности. Кадры историков-марксистов готовили Институт красной профессуры, организованный в 1921 г., коммунистические университеты, которых в 1930 г. было уже 40¹⁷, а также созданные в 1919 г. факультеты общественных наук (ФОН) как альтернатива историко-филологиче-

¹³ Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т.1. С. 320.

¹⁴ Ландина Л. В. Социально-политические изменения ... С. 42.

¹⁵ Аврус А. И. Власть и университеты в России // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 10. М., 2003. С. 215–216.

¹⁶ Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. С. 65, 79.

¹⁷ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Указ. соч. С. 331.

ским факультетам. Постоянно реорганизовываясь, ФОН просуществовали в Московском и Ленинградском университетах до 1925 г.¹⁸

Содержание учебных программ и протоколов заседаний деканата ФОН Московского университета отражает отмеченную новыми идеологическими акцентами атмосферу 1920-х гг. Реформирование высшей школы и нехватка марксистских кадров пока объединяли профессоров разных поколений: например, М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина, Р. Ю. Виппера, В. И. Пичету – и Н. М. Лукина, С. Д. Сказкина, А. Д. Удальцова¹⁹.

Предлагаемые студентам учебные курсы были хронологически и тематически разнообразны, и при их отборе соблюдался классовый принцип. Вот, например, характерное распоряжение деканата от 5 февраля 1921 г.: «Семинарий проф. Савина по веку Людовика XIV возобновить, семинарий проф. Н. И. Радцига по абсолютной монархии исключить... семинарий проф. Пичеты “История Западно-Русского и великорусского дворянства” исключить, а семинарий того же профессора по истории экономических идей во II половине XVIII в. и в I половине XIX в. возобновить»²⁰.

Содержание учебных программ ФОН позволяет делать вывод о качественном в итоге образовании. Однако не все предлагаемые курсы были обязательны, к тому же не соблюдались хронологический порядок и системность в преподавании. Вот, например, последовательность изложения некоторых курсов на общественно-педагогическом отделении ФОН МГУ в 1923/24 учебном году: «I курс: 1. Политическая экономия... 5. История России XIX и XX в... 6. История Западной Европы в XIX и XX в... II курс: 2. История Интернационала. 4. Один из курсов по истории России XVII–XIX вв... 5. Один из курсов по истории Запада...»²¹ При этом в качестве факультатива студентам II курса предлагалось прослушать методологию истории и историю Литовско-Русского государства. Наконец, на III курсе студентов ожидали история Греции, история Рима, а в качестве факультативов – например, история Реформации и история Ближнего Востока²². В связи с отмеченным возникает вопрос о качестве усвоения знаний в такой последовательности даже подготовленным слушателем²³. Насколько это вписывалось в реалии 1920-х гг.?

Набор студентов на факультеты общественных наук определялся задачами большевиков – максимально быстро создать новые кадры соответствующего происхождения и идеологической направленности. Так, в про-

¹⁸ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Указ. соч. С. 309–310.

¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24. Л. 10, 17.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Д. 69. Л. 29.

²² Там же. Л. 29 об., 30.

²³ Ландина Л. В. Социально-политические изменения ... С. 42.

токоле заседания деканата ФОН МГУ от 4 июня 1921 г. зафиксировано следующее: слушали И. Д. Удальцова (зам. декана), который сообщил, что «при Главпрофобре было совещание о приеме студентов на факультеты общественных наук и установлено: по разверстке установить комплект, который был бы обеспечен общежитием и пайком. Преимущество дать командированным через ПК Партии РКП, профессиональным организациям и окончившим рабочие факультеты. Принимать по проверке коллоквиума. Если же есть достаточная подготовка – освобождать от коллоквиума...»²⁴ Еще более конкретная установка об условиях приема в 1922/23 академическом году была озвучена деканом ФОН Н. М. Лукиным: «Руководиться следующими принципами: 1) ...в первую очередь зачисляются окончившие Рабфаки. 2) затем происходит зачисление по командировкам, согласно разверстке ЦК РКП, МК РКП, Губкомов компартии с визой ЦК, всех заинтересованных Наркоматов, Союзов Рабис-Прос и Совработников, а также производственных союзов через Губпрофсоветы и отдельно по командировкам ВЦСПС и МГСПС. 3) наконец, в виде исключения прием по индивидуальным заявкам... От командированных наркоматами и Профсоюзами требуется годичный стаж общественной работы. С учебной стороны зачисляемый должен удовлетворять требованиям окончивших школу II ступени или другого учебного заведения, соответствующего по своим учебным планам»²⁵.

В 1920-е гг. широко применялась идеологема «красный студент», подразумевавшая наличие определенных качеств, образцов поведения, речи и этапов биографии. Центральным моментом было происхождение из среды рабочих и крестьян (пролетарское происхождение), но при этом не конкретизировалось, имеется ли профессия родителей, родственников или собственная. По инициативе А. В. Луначарского «красным студентом» становился также человек, воевавший в Красной армии, доказавший тем самым свое «классовое сознание»²⁶. Однако классовый принцип комплектования вузов был воспринят неоднозначно. Например, Н. К. Крупская критиковала эту систему, считая ее «классовой привилегией», «дворянской навыворот», и утверждала, что главным должно быть не происхождение, а воспитание или перевоспитание в пролетарском духе²⁷.

Эта позиция была понятна – происхождение из рабочих и крестьян не обеспечивало должной подготовки абитуриентов, не получивших систематического образования²⁸. Например, профессор Герценовского педагогиче-

²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24. Л. 21.

²⁵ Там же. Д. 40. Л. 14.

²⁶ Андреев Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 20. М., 2007. С. 276.

²⁷ Там же. С. 270–274.

²⁸ Ландина Л. В. Социально-политические изменения ... С. 43.

ского института историк Г. М. Дейч в своих воспоминаниях рассказывал: «В Харькове я поступил на рабфак, хотя знания мои были весьма слабыми. Я работал тогда на заводе и числился рабочим, а это для поступления на рабфак являлось почти решающим. На приемных экзаменах мне почему-то поставили высокую оценку и зачислили сразу на 3-й курс. Мои однокашники оказались почти все моего уровня, и я весьма успешно учился и получил по окончании диплом и право поступления в высшее учебное заведение». Пробелы начального и среднего образования приходилось ликвидировать уже в вузах²⁹.

Такая ситуация не могла игнорироваться советским руководством, для которого было очевидно, что провозгласить классовый принцип подготовки историков-марксистов легче, чем его реализовать. В интересах дела оно было вынуждено отступить от жесткой классовой линии. Появились такие категории абитуриентов, как «трудовая интеллигенция», то есть дети преподавателей и учителей, «талантливые», «успешно закончившие» средние школы³⁰.

Методологической и идейной основой обучения нового поколения студентов-историков служила программная работа и одновременно лекция М. Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература».

Задача обучения была сформулирована М. Н. Покровским предельно ясно: «С течением времени из Зиновьевского и Свердловского университетов выйдет та новая школа общественных наук, которая будет действительно марксистской не потому, что там преподавали марксизм, а потому, что там немислима будет никакая другая история, кроме марксистской, и никакое студенчество, кроме пролетарского. В этом и заключается сущность преобразования высшей школы»³¹. Вся дореволюционная российская историография, с точки зрения Покровского, это «кривое зеркало»³², отражающее исторический процесс в необходимом для буржуазии ракурсе. Его цель – «скрыть классовую борьбу. Потому что, если она [буржуазия] встанет на точку зрения классовой борьбы, она должна будет принять и социалистическую революцию, т. е. подписать себе смертный приговор»³³.

В условиях 1920-х гг., когда задачи советского руководства диктовали форсированные темпы, а последние не могли реализовываться в полную меру из-за нехватки кадров, существовало научное учреждение, олицетворявшее перемены и преемственность, – Институт истории ФОН МГУ РАНИОН (Рос-

²⁹ Мир историка. XX век: монография / под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002. С. 44–45.

³⁰ Андреев Д. А. Указ соч. С. 280–281.

³¹ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 8.

³² Там же. С. 13.

³³ Там же. С. 12.

сийской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). Созданный в 1921 г., он просуществовал до конца 1920-х гг. и сыграл важную роль в развитии советской историографии как в организационном, так и в содержательном аспектах. Сотрудниками и выпускниками института были ученые, ставшие впоследствии гордостью советской исторической науки, – Л. В. Черепнин, С. Д. Сказкин, Н. М. Дружинин, А. З. Манфред и многие другие. Институт не только объединял новое поколение ученых-марксистов, но и старую университетскую профессуру. Весьма важно было то, что в 1920-х гг. он являлся фактически единственным центром, где наряду с новой тематикой продолжались исследования докапиталистических формаций³⁴.

Наряду с подготовкой кадров, важнейшей задачей было формирование ее идейной основы. Утверждение марксистской методологии как единственно правильной, роль в этом партийных решений, проявления и последствия установленного сверху методологического монизма давно уже превратились в самостоятельное поле рефлексии. Однако методологическая ломка 1920-х гг. была многослойным явлением, требующим отдельного осмысления.

Во-первых, в конце XIX в. марксизм был популярен в российской интеллектуальной среде, в том числе у либералов-западников, которыми были историки «русской школы». Например, Н. И. Кареев, уже после Октябрьской революции, написал «Основы русской социологии», где целая глава посвящена марксизму и марксистской мысли в России³⁵. На М. М. Ковалевского, по сравнению с его коллегами, марксизм оказал наибольшее влияние, хотя сам Ковалевский марксистом не был. Предметно сочеталось с марксизмом и традиционное для «русской школы» социально-экономическое направление исследований.

О том, насколько была популярна созвучная марксизму революционная проблематика у историков «русской школы», написано много, причем первым историографом изучения Французской революции был Н. И. Кареев. Либералы-западники, российские новисты, особенно выделяли Английскую и Французскую революции, как события, заложившие основы реформаторского и революционного образцов государственного развития³⁶.

Размышляя о методологическом разнообразии начала XX в., нельзя не согласиться с доктором исторических наук Р. Г. Пихоей в том, что марксизм содержал в себе положения, каждое из которых в отдельности не противоречило ряду положений прежней историографии. Так, для позитивизма были традиционны идеи линейного прогрессивного развития и обу-

³⁴ Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992. С. 3–4.

³⁵ Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 285–350.

³⁶ Ландина Л. В. Социально-политические изменения ... С. 43.

словленность социально-политического развития экономическим. Учение о классовой борьбе было заимствовано из французской историографии, представление о формациях могло быть осмыслено в категориях позитивизма и неокантианства³⁷. Все это вместе могло претендовать на системность в изучении общества, сочетаясь с демонстрацией большевиками советского эксперимента³⁸. Разумеется, сказанное верно. Более того, мог ли марксизм, вышедший из предшествовавшей ему европейской интеллектуальной традиции, быть ей чуждым, хотя классовая борьба в понимании французских историков эпохи Реставрации и марксистов – явления все же разные? Конечно, нет. Однако методологическая ломка и идейный диктат в советской историографии совпали с политическими изменениями, где силовые аргументы оказались решающими.

На рубеже XIX–XX вв. в российской историографии, равно как и в европейской, наблюдался кризис позитивизма. Рационализм, стадиальность, идея прогресса, социологические схемы, обилие эмпирического материала, многофакторность, развернутые исторические нарративы, публикации источников и прорыв в археологии – все это было достижением позитивистской историографии. Однако для осмысления реалий начала XX в. позитивистского видения было уже недостаточно. В свою очередь, молодые историки-марксисты активно и агрессивно занимали научное поле. Они не только категорически отвергали немарксистские версии истории, но и в своих рядах разоблачали тех, кто, прикрываясь «своим формальным согласием с партийной линией, на самом деле активно извращает марксистско-ленинские положения»³⁹.

Вот, например, образцы аргументации в дискуссии об «азиатском способе производства», произошедшей в Институте красной профессуры в 1929 г.: «И. Минц: *Единственный научный метод объяснения есть только марксистский метод (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.)*⁴⁰;

С. Дубровский – [М. Зоркому – оппоненту в дискуссии]: Вы даже Ленина не можете дочитать до конца. Читайте дальше...

М. Зоркий – [С. Дубровскому]: Если вы считаете, это определение недостаточным (признаки феодальной формации у Ленина. – Л. Л.), укажите,

³⁷ Ляхович Л. В. Интерпретация проблемы европейского абсолютизма как проявление методологического перехода в российской историографии 20-х гг. XX в. [Электронный ресурс] // История. Вып. 3(11): Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории: Режим доступа: <http://mes.igh.ru/magazine/content/interpretaziaevropeiskogoabsolutisma/html/> / Дата доступа: 27.05.2012.

³⁸ Пихоя Р. Г. Востребованная история. Становление феномена советской историографии на рубеже 20-х – 30-х годов // История и философия отечественной исторической науки. М., 2009. С. 227.

³⁹ Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 5.

что именно упущено. Вместо этого вы даете наставления, как цитировать Ленина. Известно, что вы в этом деле большой мастер...

С. Дубровский – [М. Зоркому]: Вы ничего не поняли у Ленина и вы в этом отношении безнадежны...⁴¹

А. Шестаков: Тон той полемики, которая ведется здесь против Дубровского, мне кажется, выходит за пределы тех академических границ, в которых, может быть, было бы целесообразно вести эту дискуссию... Несомненно, что *история должна быть пронизана политикой и нельзя подходить к исторической науке с чисто академическими задачами...* мы переживаем чрезвычайно острый момент классовой борьбы, чрезвычайно заостренное внимание к теоретическим проблемам, но, я думаю, что эта заостренность все же требует известной выдержки...⁴²

С. Симонов – [А. Шестакову]: ...Если у нас будет действительно такая установка, что в период обостренной классовой борьбы нужно дискутировать поспокойнее... то у нас, кроме спокойствия, ничего не выйдет... Я считаю, что подобным выступлениям должен быть дан решительный отпор. *Мы вслед за Лениным думаем, что во всяком споре нужно искать политический стержень. Ленин не раз писал, что политические люди должны даже в частных высказываниях искать политический момент...*⁴³

Крайняя непримиримость в области исторического знания была проявлением идеологической конфронтации в первые годы советской власти. С переходом к НЭПу большевики ужесточили меры по вытеснению инакомыслия. Летом – осенью 1922 г. были предприняты меры по выявлению, арестам и высылке неугодной для новой власти интеллигенции, наиболее масштабным эпизодом которой были два печально известных рейса «философских пароходов». В результате более 200 человек были высланы за границу или в отдаленные губернии⁴⁴.

После смерти В. И. Ленина развернулась борьба за лидерство, и партийные споры, по справедливому замечанию российской исследовательницы советской историографии Т. И. Калистратовой, находили немедленный резонанс в идеологической сфере. При этом определяющей тенденцией официальной идеологии становилось нарастание нетерпимости к инакомыслию⁴⁵, а с середины 1920-х гг. под флагом защиты ленинизма проходила догматизация марксистско-ленинской теории⁴⁶. Показательно, что даже

⁴¹ Против механистических тенденций в исторической науке. С. 84.

⁴² Там же. С. 112.

⁴³ Там же. С. 126.

⁴⁴ Высылка интеллигенции 1922 г. // Революция и гражданская война в России 1917–1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. С. А. Кондратов. Т. 1. М. 2008. С. 392–393.

⁴⁵ Калистратова Т. И. Указ соч. С. 75.

⁴⁶ Там же. С. 76.

представители правящей партии указывали на это. В беседе с А. М. Коллонтай Н. К. Крупская высказалась так: «Молодежь обрабатывают, ей грозят, что если она думает не по указке, она содействует расколу»⁴⁷. Масштабные реорганизации, политические проработки, репрессии, «академическое дело» 1929–1931 гг.⁴⁸ были логическим продолжением описанных выше процессов.

Идеологическая атмосфера эпохи во внутренней и внешней политике 1920-х гг. обусловила характер международных связей советской исторической науки. В их развитии красной нитью проходила мессианская идея о марксизме как единственно верной методологии исторического знания, призванной прийти на смену переживающей кризис буржуазной историографии. Идеологическая конфронтация и непризнание СССР, в частности, объясняли тот факт, что присутствующие на V Международном конгрессе историков в Брюсселе 9–14 апреля 1923 г. Е. В. Тарле, В. В. Бартольд и Н. П. Оттокар признавались делегатами Российской академии наук, но не СССР⁴⁹.

С середины 1920-х гг., в условиях «полосы признаний» СССР и интенсивных контактов с Германией, советская наука обретала, с одной стороны, большую известность, но одновременно нарастала и идейная напряженность в мировом научном сообществе. Ее апогеем стал скандал, связанный с выступлением во время работы VI Международного конгресса в Осло 14–18 августа 1928 г. Речь шла о выступлении русского профессора М. И. Ростовцева, находившегося в эмиграции в США. В интервью газете «Афтенпостен» 15 августа 1928 г. он весьма однозначно высказался о марксистской исторической науке. Реакцией на это выступление было отмежевание от Ростовцева руководства конгресса и последовавшее затем интервью с руководителем советской делегации М. Н. Покровским⁵⁰. Однако выступление Ростовцева заслуживает внимания и почти дословного приведения. Высказанное русским историком мнение сохранит свою силу в аргументах западной историографии почти до конца существования советской историографии.

С научной точки зрения, считал Ростовцев, приходится удивляться приглашению советских историков на конгресс, и вообще не может быть сотрудничества между советскими и остальными членами конгресса⁵¹. При-

⁴⁷ Калистратова Т. И. Указ соч. С. 83.

⁴⁸ См. Брачев В. С. Травля русских историков. М., 2006. 320 с.; см. также: Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков: время и судьбы: очерки: [в 4 т.] Т. 2: Всеобщая история. М., 2000. С. 322–333; Шмидт С. О. Сергей Федорович Платонов // Там же. Т. 1: Отечественная история. М., 2000. С. 100–135.

⁴⁹ Желенина И. А. Международные конгрессы историков // Советская историческая энциклопедия: [в 16 т.]. Т. 9: Мальта-Нахимов. М., 1966. Стб. 271.

⁵⁰ Минц И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и 6-м международном конгрессе историков в Осло // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 92.

⁵¹ Там же. С. 91.

чинами такого отношения были следующие. «Мы [историки-немарксисты] базируем нашу работу на свободном исследовании и полной свободе взглядов, – считал Ростовцев. – Между тем как советско-русские историки имеют своей определенной исходной точкой марксизм и задачей их является как можно лучше приспособить к нему факты. Но это ведь ничего общего не имеет с научным исследованием! Между тем, задачей конгресса является организационная работа исторического исследования на основе полной свободы для каждого. Мы ищем истину без предпосылок, и только ее. И мы знаем, что истина еще далека. Но советско-русские историки, напротив, говорят: истина найдена, это – марксизм; те, кто не видят этого, должны быть изгнаны. Эти господа, если бы были в состоянии, распустили бы весь конгресс. Исторический материализм для них теология, но не наука. Их исследование не является наукой, а лишь попыткой приноровить фактические условия к теологической догме»⁵².

На одном из пленарных заседаний конгресса выступил М. Н. Покровский. Его доклад назывался «Происхождение русского абсолютизма с точки зрения исторического материализма»⁵³. Изложение концепции российского самодержавия Покровским слушалось, как было отмечено позднее, «внимательно, но с каким-то напряжением, как будто слушатели ожидали, что вот-вот большевистский ученый скажет что-нибудь особо неожиданное»⁵⁴.

Наращение взаимного неприятия советской и западной исторической науки, разумеется, объяснялось идеологическими реалиями 1920-х гг. Однако, независимо от политических условий и идейных предпочтений, существовали объективные проблемы историографии, множество вопросов в которой требовали ответов. В 1922 г. в российском журнале всеобщей истории «Анналы» была опубликована статья Е. В. Тарле «Очередная задача», сохранившая актуальность и поныне.

Указывая на кризис в исторической науке, Тарле пишет, что «обнаруживается явное недоверие ко многим унаследованным схемам и призыв к их пересмотру»⁵⁵. Почему так происходит?

«Старые схемы и теории, – отмечает Тарле, – нередко мастерились в такие времена, когда их авторы знали меньше, чем спустя пятьдесят лет обязан был знать прилежный гимназист старших классов... Вторую общей причиной недолговечности исторических схем и частных теорий было усложнение психологии, повышение требовательности, расширение круго-

⁵² Минц И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине ... С. 91–92.

⁵³ Желенина И. А. Указ. соч. Стлб. 271.

⁵⁴ Минц И. И. Указ. соч. С. 93.

⁵⁵ Тарле Е. В. Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. С. 5.

зора среди самих исследователей»⁵⁶. *Чем индивидуальнее и полнее вырисовывался факт, тем труднее было подвести его под любой общий ранжир*⁵⁷. Рост эмпирических данных привел к быстрому устареванию научных материалов. Однако в то же время в научном сообществе «наблюдалось полное понимание, что без конструкций – нет науки, а есть лишь складочное место материалов (курсив мой. – Л. Л.)»⁵⁸.

Трагедия Первой мировой войны и революций в России, считает Тарле, это удар, заставивший историков пересмотреть свои построения. Такие эпохи «обостряют способность к пониманию многого, что в другое время оказалось бы не совсем ясным»⁵⁹.

В наши дни, в условиях глобальных проблем, войн и кризисов, сказанное Тарле имеет особую актуальность. «Революция – всегда прежде всего смерть, а уж потом жизнь, – считает он. – *Вот почему с каждым катаклизмом гибнет очень много старых фантомов и лжи. Тут же немедленно рождаются, конечно, новые, – но, во всяком случае, процесс отрезвления от старых фантасмагорий способен пошатнуть наиболее крепкую умственную самоуверенность. И в этот-то опасный период утраты веры в правильности целого ряда своих былых суждений, историки, пережившие катаклизмы, подвергаются новым и сильным искушениям (курсив мой. – Л. Л.)...*»⁶⁰ «*А главное, наблюдаешь все ничтожество исторического значения рационального начала, всю особую, не-человеческую, а какую-то иную, неодолимую логику... Государства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожной пленкой, первозданный хаос охватывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом (полужирный курсив мой. – Л. Л.)*»⁶¹.

Что делать историку? Он, по мнению Тарле, не должен быть ни рассказчиком, ни адвокатом. Его задача – устанавливать факты и выяснять их причины. Но этого не достаточно⁶². «Добывать и исследовать факты, но на этом не успокаиваться; помнить, что *каменщиков очень много, а за архитектурную работу никто почти не хочет теперь браться; не забывать, что если не окончательный, то высший смысл дела, однако, именно в архитектурных достижениях; критиковать, проверять, если нужно, то и разрушать чужие чертежи и планы, но не бояться строить свои собственные*

⁵⁶ Тарле Е. В. Очередная задача. С. 6–9.

⁵⁷ Там же. С. 11.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 15.

⁶² Там же. С. 13.

(полужирный и курсив мой. – Л. Л.) – вот каких настроений каждый историк должен, кажется, пожелать в настоящее время и себе самому, и соратникам по науке»⁶³.

Е. В. Тарле не был одинок в своих оценках состояния исторической науки. Годом ранее вышла полная рефлексии работа одного из крупнейших исследователей всеобщей истории Р. Ю. Виппера (1859 – 1954) «Кризис исторической науки»⁶⁴. Как и Тарле, Виппер указывает на негативные последствия войн и революций в России, непригодность существующих исторических концепций для объяснения произошедшего, на то, что «история из наставницы стала ученицей жизни»⁶⁵. Будучи свидетелем «заката Европы», Виппер не только отмечает крушение теории прогресса, «составлявшей чуть ли не главный догмат культуры XIX века»⁶⁶, но и предполагает, что «теперь есть основание вспомнить о другом забытом историческом мировоззрении... которое, в противоположность теории прогресса, зовется теорией исторического круговорота»⁶⁷. За полвека до кризиса социальной истории Виппер писал следующее: «Историческое преподавание и в средней школе, и в университете стояло под знаком социальной истории... Мы придавали мало значения личностям, мы сводили крупные факты к действиям масс... Идеи, теории сами по себе будто бы не двигают жизни, они только последствия таких-то и таких-то интересов»⁶⁸.

«А вот перед нашими глазами изумительный факт, – указывает Виппер, имея в виду Октябрьскую революцию, – количественно небольшая группа овладевает колоссальным государством, становится властью над громадной массой и перестраивает всю культурную и социальную жизнь сверху донизу. Согласно чему? – Своей идейной системе, своей абстракции, своей утопии земного рая... Это ли не господство теории над миром человеческих отношений!»⁶⁹

В зависимости от решения основного вопроса философии, в советской России можно было быть либо материалистом, либо идеалистом. И Виппер высказывает совершенно «еретическую» точку зрения, выступая за то, что сейчас назвали бы плюралистической методологией: «*И материалистический взгляд, и взгляд идеалистический, каждый в отдельности взятый, неполны, недостаточны, односторонни, – рассуждает он. – Очень хорошо было бы, если бы в науке одновременно и согласно действовали тем и*

⁶³ Тарле Е. В. Очередная задача. С. 18–20.

⁶⁴ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. 37 с.

⁶⁵ Там же. С. 3.

⁶⁶ Там же. С. 15.

⁶⁷ Там же. С. 37.

⁶⁸ Там же. С. 4–5.

⁶⁹ Там же. С. 11–12.

другим методом, смотрели бы с той и с другой точки зрения (курсив мой. – Л. Л.). Но так никогда не бывает»⁷⁰.

Декларировать такое в СССР значило стать объектом беспощадной критики. Так и произошло, правда, позже, в 1928 г. М. Н. Покровский в докладе на конференции марксистско-ленинских учреждений подвел итоги советской общественной науки за десять лет⁷¹. Доклад Покровского – настолько яркий образец дискурса и приемов полемики тех лет, что целесообразно привести из него развернутые выдержки.

«Общественная наука есть орудие классово-борьбы... – изначально расставляет акценты Покровский. – Мы подошли к 17 году идеологически и методологически лучше вооруженными, чем наши классовые противники... в то время, как наша идеология сложилась в нечто очень крепкое... монолитное, буржуазная наука постепенно дряхлая, рассыпалась, разваливалась, и, естественно, он нам ничего противопоставить не могла»⁷².

И вот нашелся человек (Р. Ю. Виппер), который сказал, что «Октябрьская революция до корня разрушила теорию исторического материализма... Раньше можно было воображать, что действительно не идеи правили миром, а двигают миром экономические факторы, развитие производительных сил. Но после того, как большевики завладели властью и вырвали из-под этого профессора “производственную базу”, которую он имел ранее в области распространения своих учебников, после этого совершенно ясно стало, что дело идет не так, как требует теория исторического материализма, а совершенно иначе. У власти стала, – говорит он, – кучка лиц, которые явились из-за границы (я передаю вольно его слова) в рваных пиджаках, у которых не было решительно никакой материальной силы, а только сидела в голове с твердостью маньяка идея и была смелость к осуществлению этой идеи. И осуществили. После этого рассказывайте, что в основе лежит развитие производительных сил, никаких решительно у них производительных сил не было. Голые почти люди пришли (смех), почти без штанов, и совершили такой переворот. И заканчивает решительно Виппер этот свой “Кризис исторической науки”: в настоящее время всякий разумный историк станет, конечно, не на материалистическую похоронную точку зрения, а на точку зрения идеалистическую.

Виппер был первым историком, который во всеуслышание заявил “я идеалист”... Я должен оговориться, что это произведение Виппера получило свет благодаря советской власти. Оно было напечатано Госиздатом

⁷⁰ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. С. 13.

⁷¹ Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник Коммунистической академии. Кн. 26. М.; Л., 1928. С. 3–30.

⁷² Там же. С. 6, 10, 12.

в качестве одного из выпусков трудов состоявшего при Казанском университете исторического общества. Я это привел... как пример тому, что у нас свободна всякая наука»⁷³. Конечно, Покровский был прав. Напечатать такую работу было можно. Только в региональном издательстве и в переходный период. Тогда еще оставалась, хоть и минимальная, возможность работы для историков, чьи взгляды не совпадали с официальными трактовками.

Переходный период 1920-х гг., методологически разнообразный, неустойчивый в организационном и кадровом отношении, не мог, однако, продолжаться бесконечно. В 1929 г. наступил перелом, связанный со свертыванием НЭПа, переходом к сталинскому плану построения социализма и названный исследовательницей советской историографии Т. Н. Калистратовой роковым⁷⁴. Утверждение идеи «исторического фронта» привело к смене относительно мирного сосуществования с представителями дореволюционной историографии к их открытым гонениям и утверждению полного единомыслия⁷⁵.

Установление методологического единообразия сопровождалось всеобъемлющей критикой не только представителей буржуазной историографии, но и «псевдомарксистов» – мимикрировавших в новых условиях примиренцев с искажением марксистской линии⁷⁶.

На «историческом фронте» предусматривались следующие методы борьбы: 1) «марксистская критика» и самокритика; 2) цитатничество; 3) подмена научной полемики политическими и идеологическими кампаниями; 4) использование дискуссий как средства выявить не концептуальную слабость оппонента, а расхождение с официальной схемой, определив связь с «оппортунистическими» группировками⁷⁷. Новые идеологические и политические предпочтения власти в конце 1920-х гг. диктовали и соответствующие требования к исторической науке.

Таким образом, после Октябрьской революции были провозглашены революционные ценности и новый социальный заказ в историографии. Однако практически реализовывать намеченное приходилось оставшимися с дореволюционных времен интеллектуальными и материальными ресурсами. И для подготовки новых кадров, и для вытеснения немарксистской методологии требовалось время. С другой стороны, дореволюционная методологическая традиция, несмотря на кризисные явления, была силь-

⁷³ Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет. С. 24–25.

⁷⁴ Калистратова Т. И. Указ. соч. С. 117.

⁷⁵ Там же. С. 122–126.

⁷⁶ Калистратова Т. И. Указ. соч. С. 140–142.

⁷⁷ Там же. С. 166.

на и авторитетна не только в России, но и за рубежом. По этим причинам становится ясен достаточно долгий – около двух десятилетий – период методологической трансформации. Однако нарастание идеологической напряженности и мессианской риторики историков-марксистов обусловили прогрессирующее осложнение международных контактов советской исторической науки.

Степень методологической трансформации и изменение проблемного поля исторического знания зависели от того, насколько конкретная проблематика была связана с актуальными политическими задачами. Для медиевистов и историков раннего Нового времени приоритетными областями стали народные движения, общественная мысль, аграрная тематика и, разумеется, буржуазные революции. В свою очередь, изучение последних неизбежно притягивало внимание к государственному строю предреволюционной эпохи – западноевропейскому абсолютизму.

3.2. Концепт западноевропейского абсолютизма: преемственность и дискретность в интерпретации «государства торгового капитала»

Авторы «Науки “убеждать”...» С. В. Кондратьев и Т. Н. Кондратьева справедливо отмечают, что абсолютистская проблематика досталась советской историографии от дореволюционных ученых, которые могли использовать понятия «абсолютизм» и «Старый порядок» как синонимы и никогда не пренебрегали социальной проблематикой⁷⁸. Однако собственно анализ дореволюционных трактовок абсолютизма в задачи авторов не входил. В написанной ими позднее статье о Б. Ф. Поршневе высказанная в «Науке “убеждать”...» мысль была выражена еще раз: «Сегодня бытует мнение, что советская историография кардинально пересмотрела дореволюционную концепцию абсолютизма. Но так ли это?... Советских историков, как и их предшественников, интересовали идентичные вопросы: когда абсолютизм возник? Чьи интересы выражал? Как складывались отношения государства с различными сословиями/классами? Какую эволюцию/этапы абсолютизм пережил? Как связан абсолютизм и имевшие место в Европе “буржуазные” революции? Расхождения были в ответах»⁷⁹. Но, несмотря на приведенную здесь же лапидарную характеристику дореволюци-

⁷⁸ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века Тюмень, 2003. С. 241.

⁷⁹ Они же. Б. Ф. Поршнева – интерпретатор французского абсолютизма // Абсолютизм во Франции: к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М. С. 68–69.

онного концепта абсолютизма, исследователей занимают все же другие эпохи и персоналии⁸⁰.

В «Науке “убеждать”...» наиболее тщательно и образно проработаны 1930–1950-е гг., для которых авторы не жалеют красок и используют обширные архивные материалы. Методологический же переход 1920-х гг. выглядит несколько схематично. Поворот к трактовке абсолютизма как государства «торгового капитала» не был столь резок, работы 1920-х гг. демонстрируют богатую методологическую палитру. Концепт же западноевропейского абсолютизма демонстрирует парадоксальную устойчивость, несмотря на радикальную смену ценностей в исторической науке Советской России.

Изданная в 1920 г. работа обобщающего характера историка раннего Нового времени А. Г. Вульфуса (1880 – 1941), по сути, принадлежит дореволюционной традиции⁸¹. В характеристике Нового времени господствует позитивистская многофакторность. Абсолютизм занимает одно из центральных мест, второй период Новой истории так и назван – «эпоха расцвета абсолютизма и усиления буржуазии»⁸². Несмотря на реверанс в сторону новой методологии и теории экономического материализма, «развитой впервые с гениальной силой Карлом Марксом в его знаменитом труде “К критике политической экономии” (1859), являющейся как бы введением к еще более знаменитому “Капиталу”» (курсив мой. – Л. Л.)⁸³, увидеть в данной работе какие-либо концептуальные новации проблематично. И тем удивительнее выглядит сходство выкладок Вульфуса с будущими характеристиками советской историографии (разумеется, с поправкой на дискурс периода). Итак, согласно А. Г. Вульфусу, в Новое время «в жизни политической решающим фактором выступает повсеместное усиление монархической власти, вплоть до полного торжества абсолютизма... в жизни социальной наблюдается, с одной стороны, превращение старой полунезависимой феодальной знати в совершенно подчиненное в политическом отношении, но привилегированное в сословном отношении поземельное дворянство, а с другой – развитие буржуазного сословия; в жизни экономической характерное явление заключается в нарождении первых форм капиталистического хозяйства в производстве и торговле»⁸⁴. Еще более поразителен такой пассаж об абсолютизме: «Там, где она достигает полного успеха, абсолютная монархическая власть вступает в теснейшую связь с дворянством и ста-

⁸⁰ Ландина Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии 1920–1930-х годов: преемственность или дискретность? // Средние века. Вып. 78 (1–2). С. 329.

⁸¹ Вульфус А. Г. Западная Европа в Новое время. Пг., 1920. 39 с.

⁸² Вульфус А. Г. Указ. соч. С. 27.

⁸³ Там же. С. 14.

⁸⁴ Там же. С. 17–18.

новится на страже его сословных привилегий и преимуществ. Этим как бы компенсируется потеря дворянством прежней феодальной независимости. Буржуазия, которая в конце Средних веков была еще верною союзницей монархической власти, оттесняется на второй план, т. е. попадает в положение, совершенно не соответствующее ее растущему богатству и значению. Отсюда неизбежность сословной розни между дворянством и буржуазией, розни, которая очень сильно будет чувствоваться в XVIII в. во Франции и составит один из мощных двигателей Великой Французской Революции (курсив мой. – Л. Л.)»⁸⁵. Это написано вовсе не историком-марксистом. Но где здесь хоть один тезис, с которым бы были впоследствии не согласны советские медиэвисты?

Литература по всеобщей истории переходных 1920-х гг. – это в основном работы обобщающего плана, что иллюстрирует методологически разнообразный учебный сборник «Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология)»⁸⁶, в котором авторы представляли разные поколения и школы. Молодыми исследователями Я. М. Захером и А. П. Вигдорчик была написана глава «Экономическое положение Франции накануне революции». Она выражено марксистская и начинается утверждением о противоречии производительных сил и производственных отношений. Франция показана экономически отсталой страной, а в политическом отношении «типичным самодержавно-бюрократическим государством», где действовал принцип «нет земли без сеньора»⁸⁷.

Выраженное негативное отношение к абсолютизму как системе производства и контроля, исчерпавшей свой потенциал и приведшей к буржуазным революциям, логичное для марксистов, было унаследовано от дореволюционных историков-либералов. Так, М. А. Рейснер писал в 1923 г.: «В известной степени, конечно, самодержавие служило интересам общества, поскольку речь шла о нарождающемся капитале. Но абсолютизм не мог допустить ни одной секунды самой мысли о том, будто он кому-то повинуетя и перед кем-то отвечает. Народ существует лишь постольку, поскольку он живет в разуме и воле своего обожаемого монарха. Вывод отсюда до крайности прост: кроме целей власти, никаких других целей в государстве нет и быть не может»⁸⁸.

Такое отношение к абсолютизму, дополненное марксистской идеей о государстве как аппарате классового угнетения, останется в советской историографии надолго. Эта преемственность, не комментируемая совет-

⁸⁵ Вульфийс А. Г. Указ. соч. С. 21–22.

⁸⁶ Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология). Пг., 1922. 230 с.

⁸⁷ Англия и Франция на исходе XVIII в. С. 69–75.

⁸⁸ Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. С. 148.

скими историками, выявлена и проанализирована в работе А. В. Чудинова «"Королевское самодержавие" во Франции: история одного мифа»⁸⁹. Отмеченная А. В. Чудиновым ценностная преемственность совершенно не случайна. Она очевидна из общего неприятия абсолютной монархии как системы и либералами, и марксистами в России⁹⁰.

Неоднократно переиздаваемая «Новая история» Р. Ю. Виппера трактовала абсолютизм вполне традиционно – как неограниченную власть короля и назначаемых им чиновников, возможную вследствие бессилия штатов и разъединения сословий⁹¹. Абсолютизм воплощал «Старый порядок» – строй, основанный на закреплённом сословном неравенстве, защищаемом государственной властью, охраняющей «интересы немногих»⁹². В наиболее полной трехтомной версии «Учебника истории» указывается на возможность абсолютной монархии «взять в свои руки управление главными источниками страны, особенно в области торговли и промышленности» и приводится уже традиционная трактовка социальной направленности абсолютизма: «Опрокидывая политическое влияние высших классов, монархия оставила в силе их социальные привилегии»⁹³.

В работе, написанной в 1925 г. и представляющей собой подборку источников по истории раннего Нового времени, будущий создатель канонической трактовки абсолютизма С. Д. Сказкин (1890 – 1973) также отождествляет абсолютизм и Старый порядок во Франции⁹⁴. При этом влияние дореволюционной традиции на автора «Старого порядка» было определяющим, несмотря на набирающий силу марксизм. Это очевидно из прилагаемого списка литературы. Здесь Н. И. Кареев, А. Н. Савин, П. Н. Ардашев, Е. В. Тарле, М. А. Рейснер, а также А. Токвиль, И. Тэн, А. Сорель, и... ни одного представителя марксистского направления⁹⁵. Е. В. Тарле в те годы марксистом не считался, как и С. Д. Сказкин. Об этом свидетельствует замечание М. Н. Покровского в библиографии статьи об абсолютизме в Большой Советской энциклопедии⁹⁶.

Согласно С. Д. Сказкину, возникновение абсолютизма связано с условиями хозяйственной жизни и культурным подъемом. Во Франции, где абсолютизм достиг максимальной силы, интересы внешней защиты и право

⁸⁹ Чудинов А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М., 2005. С. 259–293.

⁹⁰ Ландина Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии ... С. 330.

⁹¹ Виппер Р. Ю. Новая история: [в 2 кн.]. Кн. 1: Новая история. 1500–1789. М., 1923. С. 105–106.

⁹² Там же. С. 204.

⁹³ Виппер Р. Ю. Учебник истории: [в 3 ч.]. Ч. 3: Новое время. Рига, 1928. С. 159.

⁹⁴ Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции. М.; Л., 1925. С. 5.

⁹⁵ Там же. С. 8.

⁹⁶ Покровский М. Н. Абсолютизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 1. Стб. 90.

на налогообложение дали в руки королей огромные финансовые средства. При этом французский абсолютизм при своем возникновении не встретил особенного сопротивления ни со стороны феодальной знати, ни со стороны еще слишком слабой буржуазии, ни со стороны пассивного земледельческого населения. «Правительство и двор... – отмечал Сказкин, – скоро превратились в самодовлеющую величину, в своеобразную формацию, выполнявшую функции управления и вершившую дела, сообразно со своими интересами, ложно отождествляемыми с интересами государства, с осуществлением идеи общего блага»⁹⁷. В своем стремлении уравнять всех в повиновении, французский абсолютизм склоняется к деспотизму, «правда, без особого успеха, ибо протест против абсолютизма растет непрерывно»⁹⁸. Во Франции после Кольбера лично королевские, династические интересы выступают резко, правительство становится дорогостоящим и плохо действующим. Его союз с финансовой буржуазией неизбежно влечет к его задолженности, постоянно возрастающему дефициту, с одной стороны, и хищнической эксплуатации податного населения, с другой. В результате «правительство становится слишком дорогим, невежественным, презираемым, и, в конце концов, ненужным»⁹⁹.

Сопоставим интерпретацию С. Д. Сказкина и характеристику социальной опоры абсолютизма, данную Н. И. Кареевым в «Западноевропейской абсолютной монархии...». «В теории абсолютизм должен был осуществлять «общее благо», на практике после собственного своего интереса на первый план он выдвигал интересы привилегированных сословий, совокупность которых для него, в сущности, и составляла нацию»¹⁰⁰, – отмечает Кареев.

Кареев, в русле современной ему историографии, ведет речь об антагонизме между аристократией и буржуазией, погубившем сословно-представительные учреждения, и о принципе «разделяй и властвуй», благодаря которому абсолютная монархия обрела «один из устоев своей прочности»¹⁰¹.

Далее Кареев справедливо указывает на двойственность социальной опоры абсолютизма, когда власть должна была удовлетворять бывшие столь часто противоречивыми требования военно-землевладельческой знати и класса, обладавшего торговыми и промышленными капиталами. Здесь же речь идет и о феодальных привилегиях, тормозивших развитие новых сил, и о преимуществах, выпадавших на долю последних, но задевавших

⁹⁷ Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции. С. 6.

⁹⁸ Там же. С. 7.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного порядка общества «Старого порядка». СПб., 1908. С. 270–271.

¹⁰¹ Там же. С. 271.

привилегированных. Наконец, Н. И. Кареев предельно ясно характеризует политику лавирования и поиска социальной устойчивости властью при абсолютизме: «Нужно было угождать и тем, и другим, в то же время ведя свою собственную линию, причем часто симпатии правительства были на стороне дворянства, а расчет пользы диктовал необходимость содействовать осуществлению стремлений буржуазии. Пока власть более или менее искусно лавировала между двумя основными тенденциями тогдашнего общества, позиция абсолютизма была более или менее непоколебимой... В общем счете абсолютная монархия все-таки больше тяготела к дворянству и содействовала развитию купечества, откуда повсеместно «буржуазный» характер всех революций, направленных против абсолютизма (курсив мой. – Л. Л.)»¹⁰².

Приведенные фрагменты, несомненно, дают немалую пищу для размышлений. Трактовка С. Д. Сказкина показывает характерное для марксизма смещение акцентов с правового на социологический подход. Но дальнейший анализ текстов приводит к достаточно неожиданным результатам. Например, советская историография особенно настаивала на неприятии абсолютизма как «надклассового» государства, обвиняя в этом российских дореволюционных историков. Однако в приведенных фрагментах «надклассовость» скорее присутствует в трактовке С. Д. Сказкина. Разумеется, данный факт можно объяснить переходным периодом в формировании Сказкина как историка-марксиста. Наконец, не менее важно то, что еще в 1908 г. Н. И. Кареев сформулировал, по сути, концепцию «равновесия» с пониманием абсолютизма как дворянского государства. Концепция же «равновесия» традиционно позиционировалась как достижение советской исторической науки. Как же было в действительности? К чему приводит сопоставление текстов, должных отражать, как думается, разные концептуальные реалии?¹⁰³

Кроме перенесения акцента с правового на социологический подход, иных изменений нет. Преемственность явно превалирует над дискретностью. Тем не менее преждевременно делать выводы без рассмотрения западноевропейского абсолютизма как государства «торгового капитала». Теория «торгового капитала», как одна из модификаций марксизма, в сочетании с мессианским и конфронтационным дискурсом, выступает в 1920-х гг. как попытка принципиального разрыва с дореволюционной историографией. Насколько она удалась?

Методологической основой общественных наук в 1920-х гг. служили труды А. А. Богданова, общепризнанного на тот момент и разностороннего теоретика марксистской мысли. О популярности его работ свидетельству-

¹⁰² Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. С. 271–272.

¹⁰³ Ландина Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии ... С. 334.

ет тот факт, что первое издание «Краткого курса экономической науки» вышло в 1897 г., девятое – в 1906; а в 1923 г., переработанный и дополненный, «Краткий курс» выходил уже третий раз.

В соответствии с концепцией Богданова, общественное развитие обусловлено экономическими отношениями и проходит три стадии: первичное натуральное хозяйство, меновое хозяйство и социально-организованное хозяйство. Стадии менового хозяйства соответствует феодализм. По Богданову – это некая базовая форма, выступающая как исходная и для европейского крепостничества, и для античного рабства, и для восточной деспотии.¹⁰⁴

Необходимо обратить внимание на эту возможность разнообразного толкования и построения вариативных теоретических моделей. По этой причине понятно, почему советские историки 1920-х гг. находили «торговый капитализм» везде, от Римской империи до Китая¹⁰⁵. Например, историк Античности С. И. Ковалев (1889–1960) утверждал следующее: «Большинство греческих городов-государств вышло из революционных бурь VI ст. до н. э. социально и политически окрепшими... у власти стал торговый капитал, тогда как разбитая феодальная аристократия была оттеснена на задворки политической арены», и сложились все условия для расцвета греческих торговых республик в V в.¹⁰⁶ Абсолютизм же связывается с установлением Македонской династии. По Ковалеву, во время кризиса полиса в IV в. до н. э. «греческая буржуазия» «поправела»: «Смертельно испуганная грозными вспышками революции, живя под непрерывным террором немущей части народного собрания, она жаждет “сильной власти”, которая бы обеспечила, наконец, “социальный мир”».¹⁰⁷

Согласно Богданову, феодализм характеризуется раздробленностью, феодальными войнами и иерархией, в которой король – не глава государства, а только последнее звено в цепи феодалов¹⁰⁸. Следует обратить внимание на то, что данный богдановский тезис целиком в русле понимания феодализма дореволюционной историографией, равно как и утверждение о том, что со временем экономические связи порождали политические, крупные феодалы покоряли мелких, князья и короли начинали «собирать земли»¹⁰⁹. Следующее же утверждение Богданова о том, что таким образом сложились обширные «абсолютно-монархические» организации,

¹⁰⁴ Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. Пг., 1922. С. 60.

¹⁰⁵ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука “убеждать”... С. 38–39.

¹⁰⁶ Ковалев С. И. Курс всеобщей истории: в 2 т. Т. 2 Пг., 1925. С. 200–201.

¹⁰⁷ Ковалев С. И. Указ. соч. С. 382–383.

¹⁰⁸ Богданов А. А. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁹ Там же. С. 77–87.

способные обеспечить на время ход развивающейся меновой жизни¹¹⁰, уже четко ориентировано на марксистскую обусловленность политических процессов экономическими. Центральной фигурой этого периода, по Богданову, выступал купец. Это и был торговый капитализм¹¹¹, время расцвета абсолютной монархии¹¹². Роль последней состояла в объединении страны, уничтожении «остатков феодализма», усмирении непокорных феодалов, подавлении крестьянских выступлений¹¹³.

Статья об абсолютизме М. Н. Покровского, главы советской исторической науки, является официальным видением проблемы. Согласно Покровскому, абсолютизм есть форма государственного устройства на основе торгового капитализма. Для европейских стран она соответствует периоду первоначального накопления, по Марксу, XV–XVIII вв.¹¹⁴ Особый акцент делается на насильственном характере абсолютистского государства, которое, согласно Марксу, призвано «облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»¹¹⁵.

Абсолютизм – это надстройка периода «торгового капитализма». По форме это «чисто личная власть», обусловленная «колоссальной силой денег»¹¹⁶. Соответственно, государственные деятели периода абсолютизма – марионетки в руках торгового капитала. Данный тезис Покровский заострил в пропагандистском духе 1920-х гг. «Обществу казалось, что личность монарха “создает эпоху”: именно в это время сложились такие названия, как “век Людовика XIV”, “век Петра”, “век Екатерины” и т. п., *которые с таким трудом удаётся вытравлять современным программам и учебникам истории... Эти лица были... такими же марионетками в руках капитала, как и современные буржуазные министры (курсив мой – Л. Л.)*. Личная по форме власть была... властью класса»¹¹⁷.

Данная схема с максимально развитой социологической и классовой составляющей, идеологически акцентированная, подчеркивающая насильственный характер превращения феодального способа производства в капиталистический, концептуально нова. Всевластие торгового капитала, монархи как его марионетки, а также абсолютизм как буржуазное государство – все это в совокупности выглядит разрывом с дореволюционной традицией.

¹¹⁰ Богданов А. А. Указ. соч. С. 87.

¹¹¹ Там же. С. 96.

¹¹² Там же. С. 103.

¹¹³ Там же. С. 104.

¹¹⁴ Покровский М. Н. Абсолютизм. Стб. 87.

¹¹⁵ Там же. Стб. 87.

¹¹⁶ Там же. Стб. 88.

¹¹⁷ Там же. Абсолютизм. Стб. 89–90.

В то же время мы видим уже знакомую генерализацию абсолютизма, присутствующего не только в Европе, но и, по словам автора, всюду¹¹⁸. Традиционны также датировка и атрибуты абсолютной монархии. Ничем не отличается от дореволюционной и негативная оценка абсолютизма. Тем не менее баланс между преемственностью и дискретностью отчетливо смещен в сторону последней¹¹⁹.

В обобщающих работах 1920-х гг. по всеобщей истории идея «торгового капитализма» находилась на пике методологической конъюнктуры¹²⁰. Но даже в этой ситуации их тональность и концептуальная заостренность отличались. Например, «Эпоха торгового капитала» С. Г. Лозинского (1874–1945), вышедшая в 1926 г., является преимущественно нарративной и напоминает обобщающие дореволюционные издания. В ней отсутствуют прямолинейные выводы и жесткие социологические построения. В заключении автор указывает на основные тенденции рассмотренного им исторического периода, но без громкой риторики. «Описанная эпоха, – заключает Лозинский, – видела расцвет капитала, направленного преимущественно на развитие торговли... Однако плодотворный рост капитала был возможен лишь при соответственном изменении форм производства, и торговый капитал должен был приспособить к своим потребностям и промышленность...»¹²¹

Совершенно иной представляется работа историка-медиевиста Н. Н. Розенталя (1892 – 1960) «История Европы в эпоху торгового капитализма». Характерны уже первые строки введения: «"Торговым капитализмом" называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов»¹²². Описывая денежное хозяйство позднего Средневековья, Розенталь утверждает, что «там, где процесс обуржуазивания феодалов наталкивается на ряд препятствий, там он обычно нуждается в абсолютной монархии, т. е. такой форме государственной власти, которая является наиболее концентрированной формой общественного насилия»¹²³. В «Западно-европейском средневековье» этот тезис поясняется: «С развитием капиталистических отношений в Европе непрерывно возрастала конкуренция между национальными группировками господствующих классов и обострялись внутренние социальные противоречия... В области политической

¹¹⁸ Покровский М. Н. Абсолютизм. Стб. 87.

¹¹⁹ Ландина Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии ... С. 336.

¹²⁰ Там же. С. 336.

¹²¹ Лозинский С. Г. Эпоха торгового капитала. Л., С. 245–246.

¹²² Розенталь Н. Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927. С. 1.

¹²³ Там же. С. 23.

жизни эти обстоятельства привели к замене неустойчивых форм сословно-монархического и республиканского строя железным режимом личной диктатуры. Необходимыми предпосылками для возникновения абсолютизма являлись деньги и войско»¹²⁴.

Данное суждение Розенталя не лишено основания, тем более в сочетании с риторикой борьбы и диктатуры. Обстановка 1920-х гг., полная максимализма и экспериментов, привела Розенталя к еще более радикальному выводу о том, что уничтожение политической власти феодалов и установление абсолютизма – это своего рода буржуазные революции¹²⁵. Такими, по Розенталю, являются приход к власти во Флоренции партии Медичи, установление абсолютизма в Испании и Португалии¹²⁶, также централизация Франции в XV в.¹²⁷

Обобщающая «История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма» В. Д. Преображенского не менее красноречива. Говоря об экономических предпосылках образования абсолютных монархий, Преображенский, как и его коллеги, утверждает, что торговый капитал был заинтересован в обширных рынках и торговых путях, обеспечить которые могла только сильная централизованная монархия во главе с королями как орудиями торгового капитала¹²⁸.

Здесь уместно заметить, что персоналиям эпохи абсолютизма в обобщающих работах 1920-х гг. уделялся минимум внимания. Это – функциональные единицы, психологические и интеллектуальные качества которых безразличны, а действия детерминированы социально-экономическими условиями. Единичными исключениями из этого правила выглядят оценки персоналий в «Истории Западной Европы...» В. Д. Преображенского. Так, разделы «Людовик XI как орудие торгового капитала...»¹²⁹, «Тюдоры, как орудие торгового капитала»¹³⁰ все же содержат психологические зарисовки описываемых монархов.

Охарактеризованные выше работы действительно выглядят своего рода методологическим рывком, особенно в отношении абсолютизма как буржуазной революции. Однако не стоит это переоценивать. Если абсолютизм – это государство, где власть принадлежит торговым капиталистам,

¹²⁴ Розенталь Н. Н. Западно-европейское средневековье: [в 2 ч.]. Ч. 2: Позднее средневековье. Л., 1925. С. 72.

¹²⁵ Он же. История Европы в эпоху торгового капитализма. С. 23.

¹²⁶ Там же. С. 17, 23, 25–26.

¹²⁷ Там же. С. 61–62.

¹²⁸ Преображенский В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков, 1931. С. 272.

¹²⁹ Преображенский В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. С. 42.

¹³⁰ Там же. С. 60–61.

то возникает вопрос: кто такие эти «торговые капиталисты»? Н. Н. Розенталь отвечает так: «Наряду с купцом, посредническую функцию выполняет и феодал-земледелец (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.); собирая с зависимого от него населения оброки и стремясь превратить их в деньги, он сам... втягивается в торговлю. Многие крупные торговые капиталисты вышли из рядов феодальной знати. Вместе с разбогатевшими купцами и промышленниками “неблагородного” происхождения, они образовали новый общественный класс – буржуазию, который и утвердил свое господство на развалинах феодализма»¹³¹.

Историк-медиевист В. Д. Преображенский называет абсолютную монархию «национальной» и считает ее дворянско-купеческим государством¹³². Далее он указывает на весьма важное обстоятельство: принимая во внимание три основных типа государства в марксизме, все же легко заметить, что абсолютизм ни к одному из этих типов не подходит. Оно – полуфеодальное и полукапиталистическое¹³³. Наиболее же концентрированно позиция В. Д. Преображенского звучит так: «На дворянско-торгово-капиталистическое государство (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.) история возложила миссию создания внешней и внутренней обстановки, благоприятствующей обогащению, росту экономической мощи этих классов, наилучшим образом обеспечивающего эксплуатацию трудящихся масс в интересах социальных верхов. Дворянство при этом во всем должно было послушно идти за капиталистами, несмотря на внешние знаки социального превосходства. Эти новые государства можно назвать национальными монархиями»¹³⁴.

С. В. и Т. Н. Кондратьевы, характеризуя концепцию В. Д. Преображенского, говорят об отступлении в ней от схемы Покровского и формировании идеи «равновесия»¹³⁵, и это справедливо. Идея кажущейся независимости государственной власти и «равновесия» озвучена В. Д. Преображенским, пусть и с опорой на К. Каутского и Ф. Энгельса¹³⁶. Разумеется, это еще «двухклассное» государство, не признаваемое советским марксизмом. В ближайшей перспективе принятия формационной схемы, где государство, как аппарат классового насилия, будет выражать волю одного господствующего класса, требуемые коррективы будут сделаны. Тем не менее, вопрос точного выявления социальной основы абсолютизма встал в полной мере. Вариантом его решения было разделение государств эпохи торгового капи-

¹³¹ Розенталь Н. Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. С. 3.

¹³² Преображенский В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. С. 275.

¹³³ Там же. С. 276–277.

¹³⁴ Преображенский В. Д. Происхождение современных государств Европы. М.; Л., 1927. С. 33.

¹³⁵ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать»... С. 42–43.

¹³⁶ Преображенский В. Д. Происхождение современных государств Европы. С. 34–35.

тализма на дворянско-купеческие (испанский, французский, Московский абсолютизм)¹³⁷ и торговые (государства торгового дома Медичи, Венецианская республика, Нидерландские соединенные штаты)¹³⁸. Это указывало на специфику стран, но главную проблему не решало.

Переходный характер раннего Нового времени, размытость социальных рамок дворянства и буржуазии, отсутствие достаточных количественных и качественных данных для их определения – однозначного решения этих проблем не было не только в 1920-х гг., но и сейчас. В условиях же становления советской историографии, где при недостатке источников была важна четкость, подобная ситуация ни к чему, кроме построения схем, привести не могла. Классики же марксизма не оставили после себя подробных выкладок, позволявших однозначно расставить акценты в неоднократных дискуссиях. Фундаментальная цитата К. Маркса из «Морализирующей критики и критицирующей морали» указывала на промежуточный характер общества и известный социальный баланс в период складывания абсолютизма. Речь шла о переходных периодах, «когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой»¹³⁹.

Итак, что же в итоге? Во-первых, концепция «равновесия» по факту присутствует, хотя еще не имеет названия. Во-вторых, налицо рецепция советскими историками ряда тезисов о характере абсолютистского государства, высказанных еще представителями «русской школы». Подобные методологические нюансы приводят к достаточно четким выводам. Например, о том, что даже такая радикальная попытка разрыва с дореволюционной традицией, как «школа Покровского», в проблематике западноевропейского абсолютизма была относительна, и в развитии концепта западноевропейского абсолютизма явно просматривается преемственность дореволюционной и советской историографии¹⁴⁰. Да и могло ли быть по-другому, если марксизм, принятый на вооружение советской исторической наукой, – результат развития той самой европейской буржуазной историографии, о которой говорит Маркс? Тем не менее советские историки считали своим долгом от нее отмежеваться, хотя и не всегда удачно¹⁴¹. В данном случае это привело к известному казусу с усе-

¹³⁷ Ляшкевич Л. Торговый капитализм. М., 1927. С. 198, 200, 217.

¹³⁸ Там же. С. 233, 234, 235.

¹³⁹ Маркс К. Морализирующая критика и критицирующая мораль // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 4. С. 306.

¹⁴⁰ Ландина Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии ... С. 339.

¹⁴¹ Там же.

чением трех первых слов вышеприведенной цитаты, подмеченному авторами «Науки “убеждать”...»¹⁴².

Среди приведенных работ общего характера особое место занимают труды Н. А. Рожкова. Еще до Октябрьской революции он создал работу с практически готовой для концепции «торгового капитала» схемой. Написанная в 1908 г., научно-популярная книга «От самовластия к народовластию. Очерки из истории Англии, Франции и Германии» была в 1923 г. переиздана под другим названием – «Очерки из истории Англии, Франции и Германии XII–XX в.: От самовластия к народовластию»¹⁴³, не претерпев никаких изменений в трактовке абсолютизма.

Наиболее же значительная работа Н. А. Рожкова, – переизданная в 1928 г. «Русская история в сравнительно-историческом освещении...» в 12 томах. Это уникальный труд, сочетавший различные концептуальные основы и не имеющий аналогов по широте проблематики. Важно отметить также, что, основываясь на экономическом монизме, материализме, теории классовой борьбы и диалектике, Рожков заявил, что считает себя марксистом¹⁴⁴. Отдельный вопрос – как это заявление было принято советскими историками?

Н. А. Рожков предложил системное изложение всемирной истории, охватив не только разнообразие цивилизаций, но разнообразие их структур – от экономики до типов личности. О. В. Волобуев, исследователь научного наследия Н. А. Рожкова, прав, оценивая «Русскую историю...» как первый в русской историографии обобщающий труд, охватывающий весь исторический путь человечества, созданный на основе позитивистской схемы общественного развития, экономического монизма и сравнительно-исторического метода¹⁴⁵. Правомерна и положительная оценка Волобуевым одного из базовых методов Рожкова – сравнительно-исторического, взятого в ракурсе стадильной асинхронности. Это – фиксация и раскрытие типовых, стадильно близких явлений в условиях географически и хронологически разных цивилизаций, что продуктивно и для современной исторической науки¹⁴⁶.

С другой стороны, основа «Русской истории...» – это социологическая схема, с присущими любому схематизму недостатками – упрощением материала и слабой базой источников, на что указывалось и при выходе «Рус-

¹⁴² Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать»... С. 111.

¹⁴³ Рожков Н. А. Очерки из истории Англии, Франции и Германии XII–XX в.: от самовластия к народовластию. 2-е, испр. и доп. изд. Пг., 1923. 119 с.

¹⁴⁴ Он же. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. Т. 12: Финансовый капитализм в Европе и революция в России. 2-е изд. М.; Л., 1928. С. 349–350.

¹⁴⁵ Волобуев О. В. Николай Александрович Рожков // Избранные труды. М., 2010. С. 48.

¹⁴⁶ Волобуев О. В. Феодалная революция в трактовке Н. А. Рожкова // Вестн. Моск. гос. област. ун-та: Сер.: История и политические науки. 2009. № 4. С. 125.

ской истории...»¹⁴⁷, и в наши дни¹⁴⁸. Как очевидный минус нужно расценить и недостаточно проработанную периодизацию. Так, количество исторических периодов у Рожкова изменяется от 9 в начале его исследования¹⁴⁹ до 15 в конце¹⁵⁰.

Абсолютизм, или, по Рожкову, королевское самодержавие – это форма государственного устройства, соответствующая торговому капитализму и имевшая место в европейских странах в XV–XVIII вв. Период торгового капитализма, в свою очередь, состоит из двух этапов – дворянской революции (критический период) и Старого порядка (органический период). Последний сменяется критическим периодом буржуазно-демократической революции и гибелью абсолютизма. Подобно тому как абсолютная монархия сменяется конституционной, так и торговый капитализм постепенно сменяется производственным¹⁵¹.

Сущность дворянской революции – в переходе власти из рук старой феодальной аристократии, приспособленной к натуральному или рассчитанному на узкий рынок хозяйству, в руки нового землевладельческого дворянства, приспособленного к национальному и международному рынку. В хозяйственной сфере дворянская революция означает победу торгового капитализма¹⁵². Дворянская революция – это переходный период, что придает ее рассмотрению дополнительный интерес в свете современной историографии¹⁵³, уделяющей значительное внимание структурам переходных обществ.

В области политической дворянская революция «ознаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии»¹⁵⁴ с подчинением церкви государству и формированием идеи «общего блага» как цели государства. В социальной сфере дворянская революция характеризуется «господством сословности и преобладанием землевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной – буржуазии»¹⁵⁵. Таким образом, согласно Рожкову, социальной

¹⁴⁷ Сидоров А. Л. Исторические взгляды Н. А. Рожкова: к выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 184–185.

¹⁴⁸ Волобуев О. В. Феодалная революция в трактовке Н. А. Рожкова. С. 129.

¹⁴⁹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1: Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодалная революция. М.; Л., 1928. С. 21–22.

¹⁵⁰ Там же. Т. 12. С. 386.

¹⁵¹ Там же. С. 369–375.

¹⁵² Там же. С. 369.

¹⁵³ Волобуев О. В. Дворянская революция в странах Западной Европы как переходный период всемирной истории в трактовках Н. А. Рожкова // Вестн. Моск. гос. област. ун-та: Сер.: История и политические науки. 2010. № 2. С. 36.

¹⁵⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1. С. 370.

¹⁵⁵ Там же.

опорой абсолютизма являются дворянство и буржуазия, причем дворянству принадлежит первое место.

Критический период дворянской революции сменяется органическим – Старым порядком, с поступательным развитием торгового капитализма. Характеристика Старого порядка, данная Рожковым, пригодна как для последующей советской историографии, так и в известной мере для современной трактовки абсолютизма. Еще в 1928 г., до дискуссий об абсолютизме, Н. А. Рожков писал следующее: «Государственный строй покоится на самодержавии и бюрократии, действующих посредством правильно и стройно организованных учреждений и провозглашающих основной целью государственного союза общее благо, которое фактически сводится к благу *господствующего сословия – дворянства, в особенности его основного ядра – класса дворян – землевладельцев (курсив мой. – Л. Л.)*»¹⁵⁶.

Наконец, крушение Старого порядка, «упадочного» в «последний момент» своего существования, обусловлено переходом к новому периоду – производственному капитализму и господству буржуазии, что реализуется путем буржуазных революций¹⁵⁷. Каким же содержанием наполняется эта схема?

Собственно нарратив Рожкова, источниками для которого послужила историографическая классика – от Гизо, Ранке, Гардинера до Кареева и Ковалевского, – не содержит каких-либо сюжетных открытий, а схематизм изложения приводит к написанию исторического полотна «широкими мазками». В центре внимания автора находится экономика. Политические же процессы, несмотря на периодизацию (например, «три момента» истории Германии¹⁵⁸ или «три момента» дворянской революции во Франции¹⁵⁹), освещены неравномерно. Основное внимание уделено социальному развитию и классовой борьбе, эволюция власти прослежена в общих чертах, а внешняя политика вытеснена на периферию как фон для расширения рынков торгового капитала. В известной мере, гармонизирует такую диспропорцию внимание Н. А. Рожкова к ментальности и культуре.

Абсолютная монархия как политическая форма, соответствующая дворянской революции и Старому порядку, включена в общеисторическую панораму, созданную Рожковым на основе сравнительного метода. Метод, несомненно, продуктивный, хотя часто применяемое Рожковым слово «отсталость» не только несет негативную коннотацию, но и нуждается в уточ-

¹⁵⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. С. 373.

¹⁵⁷ Там же. С. 374–375.

¹⁵⁸ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Т. 6. Дворянская революция в южной Руси, в Западной Европе, на Древнем Востоке и античном мире. М.; Л., 1928. С. 85.

¹⁵⁹ Там же. С.117.

нении, так как зачастую отсталостью именуется Рожковым то, что не соответствует некоему образцу¹⁶⁰.

Так, Англия – страна передовая. Здесь дворянская революция произошла легче, быстрее, результативнее, чем в других странах¹⁶¹, и Елизавета I (1558–1603) «окончательно установила англиканскую церковь и королевское самодержавие»¹⁶². С другой стороны, «экономически передовая»¹⁶³ в XV–XVI вв. Италия, где зародился европейский капитализм и абсолютная власть итальянских правителей, буквально на следующей странице объявляется Рожковым отсталой, так как в Италии не было создано единое государство¹⁶⁴. Германские земли с развитыми мануфактурами и торговлей, с точки зрения Рожкова, также по этой причине отсталые¹⁶⁵.

Как образец «нормы» выступает Франция. В этой классической стране Старого порядка формой политической власти выступает королевское самодержавие, служившее интересам дворянства. Оно окончательно утвердилось при Генрихе IV и Людовике XIII и получило выражение в словах Людовика XIV «Государство – это я!»¹⁶⁶. Нужно отметить, что психологические характеристики правящей элиты у Рожкова минимальны, но в отношении «короля-Солнца» сделано исключение. Рожков, придерживаясь метода социально-психологической типологии, показывает короля как воплощение натуры французского дворянства: «Старое приобретательство, эгоистическая жадность, заставлявшая Людовика XIV возвращаться теоретически к традициям вотчинной монархии... сочеталась у него с крайним индивидуализмом, с обожествлением своей личности и своего положения, с чрезвычайно сильной любовью к славе, с пышностью, этикетом и роскошью, составлявшими, с его точки зрения, необходимую рамку... для самодержавной власти. Он не терпел никакой самостоятельности перед лицом своего всевластия... умел держать себя с большим достоинством и приличием, умел прикрывать культурными внешними формами и приемами дворянское крепостническое самодурство»¹⁶⁷.

По сравнению с властью «короля-Солнца», английский «старый порядок» Стюартов, по утверждению Рожкова, явление условное. Он не был так прочен, не был настолько выражен и не был так длителен. Наконец, по

¹⁶⁰ Ландина Л. В. Проблема абсолютизма в концепции А. Н. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала XX века // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 66. М., 2019. С. 232.

¹⁶¹ Там же. С. 151.

¹⁶² Там же. С. 161.

¹⁶³ Там же. С. 45.

¹⁶⁴ Там же. С. 46.

¹⁶⁵ Там же. С. 82–83.

¹⁶⁶ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Т. 7: Старый порядок (господство дворянства). М.; Л., 1928. С. 183–184.

¹⁶⁷ Там же. С. 190–191.

мнению Рожкова, практически все время английский абсолютизм был в состоянии частичного, а затем полного разложения¹⁶⁸.

В политически разрозненных германских землях, где преобладало крепостное право¹⁶⁹, «дворянский абсолютизм» был запоздалым¹⁷⁰. В силу этого он приобрел оригинальные черты. Речь идет о просвещенном абсолютизме и реформах «сверху», проводимых не только в Германии, но и в Австрии, Швеции, Дании, Италии, Испании, Португалии.

«Отсталость» этих стран, имевшую множество причин, Рожков объясняет отрицательным балансом во внешней торговле. Соответственно, чтобы удержаться на уровне передовых государств и по возможности предотвратить социальный взрыв, проводилась политика просвещенного абсолютизма¹⁷¹. По мнению Рожкова, это был разумный консерватизм преимущественно в пользу дворянства¹⁷². Достигала ли цели эта политика? Да. Реформы приводили административный и хозяйственный аппарат в соответствие с экономической основой, абсолютизм и меркантилизм равнялись по торговому капитализму, и Старый порядок упрочивался¹⁷³.

Социологическое построение Рожкова, основанное на аналогии и стадильной асинхронности, включает в число стран дворянской революции и Старого порядка Древний Египет, эллинистические монархии, Рим первых веков нашей эры. Так, Египет Нового царства охарактеризован Рожковым как переживший дворянскую революцию в связи со значительным расширением торговли и внешней экспансией фараонов с целью захвата новых территорий для развития торгового капитализма¹⁷⁴. Вместе с тем подобные выводы Рожкова иногда оставляют в недоуменных размышлениях. Например, говоря о Старом порядке на Древнем Востоке и в античном мире, Рожков утверждает, что «и в Египте, и в эллинистическом мире, и в Римской империи крепостнические (рабские) порядки были сильнее, чем во Франции (?), и этим отклоняли их в сторону более отсталых стран (?)»¹⁷⁵. С другой стороны, несмотря на указанные замечания, после панорамного нарратива Н. А. Рожкова опыта единоличного создания работы подобного масштаба в советской историографии уже не предпринималось.

Проблематика западноевропейского абсолютизма в 1920-х гг. была представлена не только обширными нарративами, но и работами, посвя-

¹⁶⁸ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Т. 7. С. 203.

¹⁶⁹ Там же. С. 208, 210.

¹⁷⁰ Там же. С. 212.

¹⁷¹ Там же. С. 224.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. С. 227.

¹⁷⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 6. С. 199.

¹⁷⁵ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 6. С. 272.

щенными отдельным крупным сюжетам. Один из них, отраженный в почти полярных интерпретациях, – Английская революция.

«Лекции по истории Английской революции» А. Н. Савина, прочитанные в 1907/08 и 1909/10 учебных годах в Московском университете и на Высших женских курсах, были изданы в СССР дважды¹⁷⁶. Первым было посмертное издание 1924 г., вторым – 1937 г., подготовленное его учеником Е. А. Косминским и дополненное картой. В «Лекциях...» видно влияние марксизма, и не только внешнее.

Так, автор анализирует концепцию Маркса и Энгельса и оперирует понятиями «классы», «классовые интересы», «социально-экономический уклад». Но показательное другое. Савин отмечает, что Маркс, изучая расстановку классовых сил в революции, впервые охарактеризовал ее как буржуазную, причем союз буржуазии с новым дворянством придал революции своеобразный консервативный характер¹⁷⁷. В собственной трактовке революции Савин солидарен с Марксом: «Революция не смогла провести в Англии такой глубокой борозды, как во Франции полтора века спустя. Она изменила больше государство и церковь, чем общество и организацию народного труда. “Старый порядок”... не исчез, а только претерпел существенные видоизменения»¹⁷⁸. В подтверждение этому Савин приводит разрушение традиционных аграрных порядков, секуляризацию, предпринимательство и арендаторство дворян предреволюционной Англии¹⁷⁹.

Для характеристики английской монархии Савин широко применяет понятие «абсолютизм», а ее социальную основу определяет так, как будет принято советской историографией: «Командующим классом в начале XVII в. были породистые землевладельцы, средние и крупные, соответствующие континентальным дворянам»¹⁸⁰.

Тем не менее «Лекции...» Савина – не марксистская работа, прежде всего в трактовке причин революции. Даже внешне она начинается не с социально-экономического очерка, а с анализа идейно-политической борьбы в Англии, корни которой уходят в религиозную жизнь общества¹⁸¹. Причина краха и быстрой гибели абсолютизма – в его «мертвящем влиянии»¹⁸². Английский абсолютизм, по Савину, столкнулся с «исключительно крепкой традицией общественной самодеятельности» и приверженности англичан

¹⁷⁶ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 3.

¹⁷⁷ Он же. Лекции по истории Английской революции / под общ. ред. Е. А. Косминского. Изд. 2-е. М., 1937. С. 34.

¹⁷⁸ Там же. С. 82.

¹⁷⁹ Там же. С. 85–87.

¹⁸⁰ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. Изд. 2-е. С. 82.

¹⁸¹ Там же. С. 66–68.

¹⁸² Там же. С. 156.

старине¹⁸³. Здесь необходимо остановиться на ряде моментов в понимании предреволюционной Англии, впоследствии практически полностью исчезнувших из советской учебной и научной литературы.

Нужно отметить, что Савин предостерегает от модернизации взглядов вождей оппозиции и приписывания им республиканских ценностей в понимании XX в.: «Представление о прогрессе чуждо даже самым смелым парламентским борцам... Себя они стараются представить хранителями незапамятных национальных традиций, своих противников – новаторами и революционерами¹⁸⁴... Притязаниям короны... надо противопоставить победоносные ссылки на старые судебные решения, старые парламентские протоколы, на статуты XV, XIV и даже XIII вв.»¹⁸⁵ Это явление Савин называет «антикварным либерализмом»¹⁸⁶.

В равной степени не стоит, считает Савин, преувеличивать революционность оппозиции. Противники абсолютизма – «не противники монархии и только отчасти противники старой государственной церкви. Они только хотят поставить крепкие границы королевской прерогативе...»¹⁸⁷ Разумеется, со временем разочарование в личности монарха росло¹⁸⁸, но даже «в самые острые моменты политической борьбы... вожди парламентской оппозиции 20-х годов не позволяют себе нападать на личность монарха... Все ошибки и правонарушения правительства исходят не от короля, а от его дурных советников, на которых и ложится ответственность»¹⁸⁹.

Наконец, в «Лекциях...» содержится, возможно, единственная разносторонняя, написанная ярким языком характеристика Якова I. Вот каким предстает король в описании Савина: «Случайность рождения поместила его не на свое место. Король... из него вышел плохой: получужой англичанам... совершенно не царственный по внешности и образу жизни, ленивый в политике, непоследовательный, расточительный, болтливый, малоспособный ценить людей, совсем не популярный. Но из него вышел бы хороший шотландский, даже английский член университетского колледжа или профессор. Он неглуп, даже остроумен, жизнерадостен, любит охоту, вино, красивых людей, умную беседу, привязчив к тесному кругу близких людей... он много читает и немало знает, особенно по богословию... Он... сын католички Марии Стюарт и сомнительного отца, король с детства... выросший в чувствах обиды, в борьбе с теократическими притязаниями кальвинистских

¹⁸³ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. Изд. 2-е. С. 156.

¹⁸⁴ Там же. С. 56.

¹⁸⁵ Там же. С. 55.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. С. 185.

¹⁸⁸ Там же. С. 58.

¹⁸⁹ Там же. С. 57.

священников... и с классовыми притязаниями лордов, в мечтах об ожидающем его величии объединителя двух королевств. Его идеи шире английских, он стоит на великобританской точке зрения, в век религиозных войн не прочь мечтать о соединении церквей и не боится переговоров с папой... Яков хотел бы занять такое же положение, как монархи континента...»¹⁹⁰

Примером последовательного марксистского дискурса является работа историка-медиевиста А. Е. Кудрявцева (1880–1941) «Великая Английская революция»¹⁹¹. Это своего рода противопоставление «Лекциям...» Н. А. Савина. У Кудрявцева революция выступает как грандиозный классовый конфликт эпохи торгового капитализма. Феодалному миру короля и его окружения противостоит капиталистическая часть Англии¹⁹². Абсолютизм Стюартов, по мнению Кудрявцева, совершенно иной, чем абсолютизм Тюдоров. Изменилась социальная основа Англии – торговый капитал расколол некогда единую социальную базу монархии. Короли же продолжали опираться на ее консервативную, феодальную часть¹⁹³. Монархия Стюартов переживала процесс вырождения, реанимируя феодальные поборы и раздавая привилегии немногим¹⁹⁴, и перестала отвечать интересам тех классов и групп, которые были носителями материальных и производственных сил страны¹⁹⁵. Изложенный Кудрявцевым ракурс предпосылок Английской революции станет каноническим в советской историографии.

«Меркантилизм» Е. С. Лолы¹⁹⁶ отмечен характерным для рассматриваемого периода обращением к формулировкам К. Маркса и идее «торгового капитала». Это компактно изложенное рассмотрение истории XVI–XVIII вв. через призму экономики. Раскрывая роль торгового капитала как ступени капиталистического производства, автор утверждает, что «вызванная к жизни торговым капиталом, абсолютная монархия осуществляла его волю»¹⁹⁷. Частые социологические и экономические выводы, а также характеристика Кольбера как типичного представителя интересов торгового капитала¹⁹⁸ делает данную работу типичной для своего времени.

Эпоха «короля-Солнца» нашла отражение также в «Веке Людовика XIV» А. Н. Савина, изданном в 1930 г. Это курс лекций, прочитанный в 1912/13 г. в Московском университете и оказавшийся востребованным в новых усло-

¹⁹⁰ Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. Изд. 2-е. С. 44–45.

¹⁹¹ Кудрявцев А. Е. Великая Английская революция. Л., 1925. 232 с.

¹⁹² Там же. С. 39–40.

¹⁹³ Там же. С. 37–38.

¹⁹⁴ Там же. С. 39.

¹⁹⁵ Там же. С. 38.

¹⁹⁶ Лола Е. С. Меркантилизм. Л.; М., 1930. 78 с.

¹⁹⁷ Там же. С. 7.

¹⁹⁸ Там же. С. 39.

виях. По этой причине издательское предисловие к нему не менее интересно, чем сама работа. Его авторы справедливо отмечают, что разнообразные и интересные материалы Савина полезны и нужны. Это тем более важно, что литература по описываемому периоду очень бедна, между тем как «проблемы абсолютизма и взаимоотношений при нем различных классов непрерывно ставятся в порядок дня» советских историков¹⁹⁹.

Савин, действительно, не марксист, как это отмечено в предисловии, и начинает изложение с анализа политической литературы – «элемента чисто надстроечного характера»²⁰⁰. Он – скорее позитивист, либерал, эмпирик, отдающий предпочтение материалу перед выводами. Но это не значит, что выводов у него нет – просто они не отвечали методологическим требованиям 1930 г. Так, Савину ставится в вину мнение о «каком-то внеклассовом характере абсолютизма»²⁰¹. Между тем Савин однозначно утверждает: «В большинстве европейских стран торжество абсолютизма связывается с падением аристократии и возвышением среднего и мелкого дворянства. Оно является главной социальной силой, на которую опирался новый политический порядок»²⁰². Французский абсолютизм наиболее силен, и французское дворянство максимально подчинено королю²⁰³. При этом родовитому дворянству было «больно чувствовать свое оттеснение... людьми мантии, пера, менее породистыми, но идущими в гору»²⁰⁴.

Итогом правления Людовика XIV стало истощение страны из-за непомерных внешнеполитических амбиций. Это сопровождалось бюрократизацией, падением «общественной самодеятельности»²⁰⁵, что в результате дало абсолютизму лишь «всего каких-то 75 лет»²⁰⁶ существования. Самодовлеющий абсолютизм перестал быть полезным для общества и потому обречен на гибель – эта сентенция, традиционная для историков-либералов, убедительна и для Савина²⁰⁷.

Среди публикаций данного периода выделяется работа, до сих пор сохранившая свою значимость. Это статья Н. Н. Розенталя «Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье»²⁰⁸, посвященная борьбе поли-

¹⁹⁹ Савин, А. Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С. 3.

²⁰⁰ Там же. С. 4.

²⁰¹ Там же. С. 4.

²⁰² Там же. С. 62.

²⁰³ Там же. С. 63–64.

²⁰⁴ Там же. С. 79.

²⁰⁵ Там же. С. 234.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Розенталь Н. Н. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (К вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII) // Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1928. Т. 6. С. 110–126.

тических группировок после смерти кардинала и Людовика XIII. Лишенная дискурсивных штампов 1920-х гг., без цитат классиков марксизма и атрибутики «торгового капитала», эта работа носит своеобразный «вневременной» характер. Борьба, связанная с установлением регентства Анны Австрийской, предстает в двух ипостасях, между которыми соблюден оптимальный баланс. С одной стороны – показано столкновение и взаимодействие социальных групп, ведомых своими корпоративными интересами, и компромиссный характер заключенных соглашений²⁰⁹. С другой – в изложении Розенталя события предстают красочно, с характеристиками, пусть и краткими, персоналий, в частности кардинала Мазарини. Отмечая хрупкую победу французской монархии над феодализмом (что бы ни скрывалось под этим термином)²¹⁰, Розенталь имплицитно проводит мысль о прогрессивности абсолютной монархии на этапе объединения страны и укрепления королевской власти. Противниками же последней выступают феодальная аристократия и парламенты, а сторонниками – служилые дворяне и горожане²¹¹. Таким образом, в концептуальном отношении эта статья не только сохранила дореволюционную традицию, но и являлась выражением понимания абсолютизма советской историографией, что вновь позволяет вести разговор о методологической преемственности. Наконец, что важно, Розенталь демонстрирует панорамное и сравнительно-историческое видение. Так, Совет регентства в составе Орлеанов и Конде при Анне Австрийской он уподобляет «верховникам» во главе с Долгорукиными и Голицыными при Анне Иоанновне – как по составу, так и по результатам деятельности²¹².

К концу 1920-х гг., по мере критики «школы Покровского», набирали силу новые методологические построения. Они носили системный характер и были обусловлены общим идеологическим климатом в СССР. Политика НЭПа была свернута, началась реализация сталинского плана построения социализма, время экспериментов и относительного плюрализма мнений, характерных для 1920-х гг., закончилось. Соответственно, историкам необходимо было построить единую, четкую и исключющую иные толкования картину всемирно-исторического процесса. Отныне единственным непререкаемым российским классиком марксизма становится В. И. Ленин, а среди здравствующих руководителей коммунистической партии – И. В. Сталин. Все остальные представители марксистской мысли были не только оттеснены на идейную периферию, но и объявлены идео-

²⁰⁹ Розенталь Н. Н. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье. С. 111, 113.

²¹⁰ Там же. С. 118, 125.

²¹¹ Там же. С. 115, 124.

²¹² Там же. С. 113.

логически чуждыми, извращающими в своих работах истинный марксизм. Не случайно в это время широко вошли в обиход негативные политические ярлыки – «богдановщина», «рожковщина», «струвизм», «троцкизм», «плехановщина» и другие.

11 июля 1919 г., по следам октябрьских событий, в условиях гражданской войны, В. И. Ленин прочел перед студентами Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова лекцию «О государстве». Можно, конечно, согласиться с тем, что «О государстве» – едва ли не самая слабая из работ подобной тематики, отличающаяся крайним схематизмом²¹³. Более того, в ней есть и ряд неточностей. Например, если следовать логике Ленина, указывающего на то, что рабовладельческий, крепостнический и капиталистический периоды «обнимают десятки и **сотни** столетий»²¹⁴, то нужно искать классовое общество еще в палеолите. «О государстве» – это пропагандистское изложение азов марксизма перед неподготовленной аудиторией. Само выступление Ленина не было чем-то экстраординарным. Его идейные и политические соратники – Троцкий, Богданов, Рожков и другие – также выступали перед аудиторией и издавали свои работы.

Десять лет спустя, 18 января 1929 г., лекция «О государстве» была впервые напечатана в «Правде» – главной газете страны, публикации которой, по сути, носили директивный характер. Уже этого было достаточно, чтобы сделать ленинскую работу канонической. Если же прибавить популярное объяснение основ марксизма, а также небольшой объем статьи (20 страниц), то станет понятно, почему она была обязательной для изучения в СССР.

По Ленину, «государство, как особый аппарат принуждения людей, возникло только там и тогда, где и когда появилось разделение общества на классы – значит, такие группы людей, из которых одни могут постоянно присваивать себе труд других, где один эксплуатирует другого»²¹⁵. Роль государства Ленин сводит только к насилию: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»²¹⁶. Именно **одному** господствующему классу – это непреложное условие впоследствии породит ряд проблем при обсуждении европейского абсолютизма.

Ленин показывает деление общества на формации (не применяя этого понятия, рассчитанного на более подготовленную аудиторию). Вначале

²¹³ Большевик А. О. Василий Васильевич Струве // Портреты историков: время и судьбы: очерки: [в 4 т.]. Т. 2: Всеобщая история. М., 2000. С. 48.

²¹⁴ Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 39. М., 1934. С. 71–72.

²¹⁵ Там же. С. 69.

²¹⁶ Ленин В. И. О государстве. С. 75.

было общество без классов – первобытное. Затем оно сменилось рабовладельческим. На смену рабству пришло крепостническое общество (очевидно, под ним подразумевался феодализм, замененный на более понятное слушателям понятие «крепостное право»)²¹⁷. Третьей эксплуататорской формацией был капитализм²¹⁸. Наконец, пролетариат, свергнув власть капитала, построит общество без эксплуатации, то есть коммунистическое²¹⁹. Принципиально важным был императив Ленина: «И это деление общества на классы должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение всех тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития»²²⁰.

Выход ленинской работы совпал во времени с разгорающейся дискуссией о социально-экономических формациях. В 1929 г. вышла книга советского историка-аграрника С. М. Дубровского (1900–1970) «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала»²²¹. В ней нашли трактовку наиболее спорные в то время теоретические проблемы в построении схемы исторического процесса. Отвергнув тезисы об «азиатском» способе производства и торговом капитализме, Дубровский выдвинул идею о крепостничестве как особой формации, отличающейся от феодализма централизацией государства. Соответственно, политической надстройкой этого, отличного от децентрализованного феодального государства является диктатура крепостников в форме абсолютизма²²². Работа Дубровского стала объектом жестких дискуссий. Стенограмма одной из них, проходящей в Институте красной профессуры, была издана с красноречивым названием – «Против механистических тенденций в исторической науке»²²³.

Тезис о крепостничестве как особой формации был отвергнут. Например, изучавший российский феодализм М. Н. Тихомиров (1893 – 1965) аргументировал это так. Избранный Дубровским критерий – децентрализация власти при феодализме и абсолютная монархия при крепостничестве – не обоснован. В обоих случаях существует вотчинник как носитель государственной власти и вотчинная юрисдикция²²⁴. К тому же, замечал Тихоми-

²¹⁷ Ленин В. И. О государстве. С. 73–77.

²¹⁸ Там же. С. 78.

²¹⁹ Там же. С. 84.

²²⁰ Там же. С. 70.

²²¹ Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. 169 с.

²²² Там же. С. 86, 93–95.

²²³ Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Институте Красной профессуры. М.; Л., 1930. 240 с.

²²⁴ Против механистических тенденций в исторической науке. С. 148.

ров, «Маркс неоднократно указывал на то, что монархия есть феодальное образование»²²⁵, а Ленин в работе «О государстве» – на то, что при крепостничестве может существовать не только монархия, но и республика²²⁶. Наконец, в статье об итогах дискуссии среди ряда аргументов отмечалось, что «т. Дубровский упускает из виду, что когда Ленин в числе других формаций называл крепостничество, тогда он не называл феодализма, и наоборот, когда называл феодализм, то никогда не упоминал о крепостничестве, ибо, по его мнению, в основе феодализма и крепостничества лежал в основном один и тот же способ производства»²²⁷.

Теория торгового капитала также была признана несостоятельной, но выступление в дискуссии исследователя Парижской коммуны С. Д. Кунисского указало на проблемы, требующие решения. Разумеется, торговый капитал нельзя назвать формацией, но «во всяком случае, это... особая эпоха, длительная, переходная, предшествующая появлению капиталистического способа производства. Он создал особую форму государства. Попробуйте отрицать, что создание концентрированной монархии не есть дело торгового капитала»²²⁸.

Дискуссия о социально-экономических формациях была поворотной в конструировании схемы исторического процесса, определив тем самым и место в нем абсолютизма. Отныне он становился надстройкой феодализма. Однако социальная и экономическая сложность переходной эпохи, называвшейся ранее торговым капитализмом, была предпосылкой будущих теоретических споров.

Методологический рубеж в подходе к абсолютизму показали материалы прошедшего 2 июня 1930 г. семинара на I курсе секции Запада исторического отделения Института Красной профессуры²²⁹. Они требуют к себе особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, сформулированные в них положения станут базовыми для концепции «равновесия». Во-вторых, здесь указаны принципиально недопустимые отныне для советского историка суждения. Наконец, в дискурсивном плане эти материалы весьма показательны.

Предметом обсуждения в ИКП являлся доклад В. М. Мирошевского, в будущем специалиста по Латинской Америке, под названием «Социаль-

²²⁵ Против механистических тенденций в исторической науке. С. 148.

²²⁶ Там же. С. 149–150.

²²⁷ Фролов И. [В]. Против ревизии марксизма-ленинизма в исторической науке (К некоторым итогам дискуссии с тов. Дубровским) // Под знаменем марксизма. 1931. № 1–2. С. 168.

²²⁸ Против механистических тенденций в исторической науке. С. 158.

²²⁹ Абсолютная монархия в Европе (Заключительное слово т. Косминского на семинаре I курса секции Запада исторического отделения ИКП 9/VI1930 г.) // Бюллетень заочно-консультационного отдела ИКП. 1930. № 10. С. 43–52.

ная природа западноевропейского абсолютизма»²³⁰, тезисы которого были опубликованы. Уже начало тезисов говорило об авторской направленности: «Большинство буржуазных исследователей абсолютизма стоят на той точке зрения, что абсолютизм представляет собой обособленную, самостоятельную, силу, стоящую над классами...»²³¹ Для автора приоритетна не проблема и не собственное ее понимание, а желание доказать, что «надклассовые» теории стоят в резком противоречии с элементарнейшими положениями марксистского учения о государстве, согласно которому «политическая власть в собственном смысле этого слова есть организованная сила **одного класса**, имеющая целью подчинение другого класса» («Коммунистический манифест»)» (*курсив мой – Л. Л.*)²³².

Для советского марксиста принципиально неприемлема идея о том, что абсолютизм может быть социальным арбитром различных классов. По Мирошевскому, эта концепция ведет к соглашательству, оппортунизму, теории «народного государства» и должна быть «самым решительным образом изгнана из революционно-марксистской науки»²³³. Но что же делать, если и «матерые социал-предатели» К. Каутский и О. Бауэр, и беспощадно критикуемый Ф. Лассаль приводят в качестве аргумента работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где есть тезис о временном равновесии борющихся классов и в силу этого независимости абсолютной монархии? И здесь автор прописывает императивный тезис: Энгельс говорил только о **видимости** надклассовости, он отнюдь не имел в виду фактическую независимость абсолютной монархии от определенного класса²³⁴.

Какой же это класс и какова социальная опора абсолютизма? Автор категорически отбрасывает понимание абсолютизма как государства торгового капитала, который не создает особого способа производства. Соответственно, нет командующего в производстве государственно организованного класса²³⁵.

Абсолютная монархия опирается на феодалов-помещиков. Они, силой внеэкономического принуждения эксплуатируя крестьян, обеспечивали возрастание отработочной и денежной ренты. При этом класс феодалов-помещиков мог пополняться и торгово-ростовщической буржуазией. Чтобы подавлять эксплуатируемых крестьян, этот класс нуждался

²³⁰ Абсолютная монархия в Европе ... С. 48–52.

²³¹ Там же. С. 48.

²³² Там же.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же. С. 49–50.

в абсолютной монархии: «Только такая государственная власть, которая характеризуется крайней централизацией... обладает мощным военно-бюрократическим и полицейским аппаратом, и могла стать формой политического господства крупных помещиков позднефеодального типа»²³⁶. Эти выводы, сместившие акценты и отодвинувшие купечество и буржуазию на подчиненное место, определяют трактовку абсолютизма советской историографией в последующие десятилетия.

Заключительная часть тезисов посвящена более частным вопросам: подчинению абсолютной монархией крестьян, феодальной аристократии, сословно-представительных институтов, а также периодизации абсолютизма. Автор выделил ранний, зрелый и поздний абсолютизм. Соответственно, на первом этапе абсолютизм подчиняет себе сословно-представительные учреждения и феодальную знать, на втором функционирует как орудие внеэкономического принуждения трудящихся, а на третьем, в связи с развитием капитализма, вступает в конфликт с буржуазией, сближается с феодальной знатью и приобретает «феодально-реакционную окраску». «В конце концов, – подводит итог автор, – агонизирующий абсолютизм или падает под ударами массового революционного движения, либо эволюционирует в буржуазную конституционную монархию»²³⁷.

Доклад Мирошевского был прокомментирован и оценен Е. А. Косминским, в то время профессором Института красной профессуры. Косминский отметил, что «как прелиминарная работа доклад выполнен... очень хорошо»²³⁸. Положительная оценка была высказана в адрес автора прежде всего за то, что он покончил «с целым рядом теорий», придающих абсолютизму внеклассовый или надклассовый характер²³⁹. Пройдя эту обязательную часть, Косминский ставит ряд вопросов и по сути намечает проблемное поле последующих десятилетий. Важнейшие из них следующие: Какова роль буржуазии при абсолютизме? В чем специфика английского абсолютизма?

Е. А. Косминский, получивший отличное историческое образование еще до революции, заметил уязвимые места предложенной социологической конструкции. Например, если торговый капитал не способен организовать собственное политическое господство, то как расценивать политический строй Голландии, а также торговых республик Генуи и Венеции?²⁴⁰ Как определить социальную опору абсолютизма в Англии, и не преувели-

²³⁶ Абсолютная монархия в Европе ... С. 49–50.

²³⁷ Там же. С. 50–51.

²³⁸ Там же. С. 43.

²³⁹ Там же. С. 43.

²⁴⁰ Там же. С. 44–45.

чивается ли ее капиталистический уклад? Какова роль королевской власти в Англии, и на какие группы она опиралась? Словом, как подытожил Косминский, вопрос об английском абсолютизме более сложен, чем его изображает в докладе т. Мирошевский²⁴¹.

Правда, в одном Косминский и его коллеги явно ошиблись – в вопросе о термине «просвещенный абсолютизм», впоследствии прочно вошедшем в советскую историографию. «Мне кажется, – говорил Косминский, – что т. Мирошевский совершенно правильно покончил с этим термином. Термин “просвещенный абсолютизм” представляет анахронизм, который нужен сейчас буржуазным историкам, в особенности германским, мечтающим о реставрации германской монархии, но нам этот “просвещенный абсолютизм” не нужен...»²⁴²

Акценты в обсуждении абсолютизма расставило редакционное примечание, где как раз наиболее ценные замечания Косминского не только были расценены как ошибочные, но и прямо связанные с либерально-буржуазными теориями²⁴³.

Анализ развития концепта западноевропейского абсолютизма в первое советское десятилетие, во многом определившее последующие научные поиски советской историографии, дает основание для ряда выводов. В первую очередь нужно сказать об оценочной преемственности дореволюционных и советских историков. Для тех и других абсолютизм – «неизбежное зло», терпимое на этапе создания централизованного государства, а затем – негативная сила, исчерпавшая свой потенциал и явившаяся причиной буржуазных революций. Такое отношение понятно – и либералы, и большевики абсолютизм не приветствовали.

Понятна и парадоксальная на первый взгляд методологическая преемственность. Декларативно советские историки дистанцировались от своих дореволюционных учителей и ни в коем случае не признавали генетической связи с ними. Марксизм, однако, являлся органической частью европейской историографической традиции, и даже такая радикальная попытка методологического разрыва с ней, как концепция «торгового капитала», была относительна. Более того, приведенный выше анализ дал основание утверждать, что будущая концепция «равновесия» была, по сути, сформулирована уже российскими либералами-новистами.

Молодая советская историография, уверенная в абсолютной научности и мессианстве марксизма, создавала масштабные социологические конструкции. Социальную составляющую западноевропейского абсолютизма

²⁴¹ Абсолютная монархия в Европе ... С. 48.

²⁴² Там же. С. 46.

²⁴³ Там же. С. 52.

включали в свои работы и дореволюционные историки. Но они не стремились построить на этой основе универсальную схему. Эту задачу поставила перед собой советская историография, но однозначного ее решения не получила. Изначально указание классиков марксизма на наличие двух социальных сил – дворянства и буржуазии, – тем более на равновесие между ними, предоставляло, по сути, бесконечное поле для дискуссий. При этом в спорах советских историков были два принципиально недопустимых положения: во-первых, абсолютизм не может быть «надклассовым» или «двухклассным», и, во-вторых, государство может быть выразителем интересов только одного класса. В силу этого маятник дискуссий колебался между дворянством и буржуазией как социальными основами абсолютизма. Отдельным поводом для споров была социальная природа этих классов, их формирование и отношение между ними и абсолютной монархией.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. «школа Покровского» была развенчана, а затем отвергнута. «Методологическая волна» в виде концепции «торгового капитала» схлынула, оставив после себя идею о феодальной опоре абсолютизма и уже существующую, но еще не оформленную до конца концепцию «равновесия». Дать ей название и вписать в новую формационную схему – вот в чем состояла задача советских историков в последующее десятилетие.

3.3. Проблема российского абсолютизма в идейно-политических дискуссиях исторической науки 1920-х гг.

До Октябрьской революции существовали различные по идейной и концептуальной направленности трактовки российского абсолютизма в исторической науке, и в условиях методологического плюрализма и общественной активности каждая из них находила свою аудиторию.

После революционных событий 1917 г. социально-политическая обстановка в стране в корне изменилась. Пришедшие к власти большевики взяли курс на построение однопартийной политической системы. В условиях государства диктатуры пролетариата приемлемой признавалась только одна идеология – победившего класса. Этой идеологией был советский марксизм 1920-х гг. То, что он существовал в различных модификациях, было явлением временным. На протяжении первого советского десятилетия, по мере внутривластной борьбы, шли и теоретические споры, прекратившиеся к концу 1920-х гг. Возобладала не только единственная идеология, но единственная ее официальная версия, и историческая наука была в эпицентре этих процессов.

В методологическом и организационном планах большевистским идеологам надлежало решить ряд задач:

- негативизировать наследие дореволюционной дворянской и буржуазной историографии как классово чуждое новому обществу;
- селективно использовать идеи дореволюционной историографии, подходящие к новым идеологическим условиям;
- критиковать и позиционировать как идеологически враждебных историков, продолжавших после Октябрьской революции находиться на немарксистских позициях;
- жестко указывать на политические и методологические ошибки коллег по партии;
- создавать молодое поколение историков, придерживающихся официальной идеологии.

В исследовании А. В. Сидорова «Марксистская историографическая мысль 20-х годов» – одном из наиболее информативных и взвешенных среди аналогичных работ – показано, каким образом представление о мессианской роли марксизма диктовало уничижительное отношение к результатам домарксистской мысли²⁴⁴, как формировались идеологические постулаты и создавался культ Ленина как методолога истории²⁴⁵, устанавливались шаблоны «марксистичности», присваивались соответствующие идеологические ярлыки²⁴⁶. Наконец, как отмечает А. В. Сидоров, в ходе дискуссии 1928 г. утвердилось понимание, отождествляющее немарксистские и антимарксистские взгляды. Все немарксистские научные концепции стали рассматриваться как враждебные «подлинной науке». Труды ученых, ранее оцениваемые как близкие к марксизму, с конца 1920-х гг. стали относиться к категории «марксистскообразных», маскирующих свой антимарксизм²⁴⁷. Очевидно, что подобные установки вели, в одной стороны, к нарастанию конфронтации в науке, а с другой – к догматизации исторического знания, имевшей в перспективе деструктивные последствия.

Показателен тот факт, что еще в 1927 г., как отмечает А. В. Сидоров, М. В. Нечкина обращала внимание на проявления догматизации марксизма²⁴⁸. Однако эта негативная тенденция не только не была преодолена, а, наоборот, получила поддержку на официальном уровне²⁴⁹. Внутривластной-

²⁴⁴ Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь, 1998. С. 16–21.

²⁴⁵ Там же. С. 27–29.

²⁴⁶ Там же. С. 32–39.

²⁴⁷ Там же. С. 41.

²⁴⁸ Там же. С. 31.

²⁴⁹ Там же. С. 31–32.

ная борьба 1920-х гг. привела к сращиванию политических и научных установок и политизации исторической науки²⁵⁰, подмене принципа научности принципом партийности²⁵¹. Наконец, объективность исторического познания, традиционно рассматриваемая как синоним научности, ставилась под сомнение ввиду классового характера науки как пролетарской. По этой причине стремление к объективному подходу в исследовании со стороны немарксистов (а позднее и марксистов. – Л. Л.) третировалось как «буржуазный объективизм»²⁵².

В описанных выше условиях существовали краеугольные проблемы исторической науки, находящиеся на пике идеологической конъюнктуры и важные для построения новой исторической картины. Среди них – исторические судьбы российского абсолютизма, специфика государственных и социальных институтов России по сравнению с европейскими и, наконец, степень правомерности и характер российских революций. От трактовки указанных проблем в нужном русле напрямую зависело обоснование закономерности Февральской и особенно Октябрьской революции и легитимности власти большевиков. Европейский абсолютизм был далек от граждан Советской России хронологически и территориально. По этой причине была воспринята и характерная для либеральной новистки ценностная и концептуальная основа в его понимании. Диаметально противоположной была ситуация, связанная с осмыслением российского самодержавия, как совсем недавнего прошлого граждан былой Российской империи, и вызывавшего весь диапазон эмоций.

Во-первых, свергнутая российская монархия, ввиду новых идеологических установок, в принципе не могла положительно оцениваться. В крайнем случае, терпимое к ней отношение аргументировалось успехами централизации, реформирования или присоединения территорий. Во-вторых, все немарксистские трактовки российской абсолютной монархии должны были быть отвергнуты. Даже в марксистской среде мнения, отличающиеся от официально принятых, становились объектом жесткой критики. В-третьих, однозначно неприемлемыми оказались идеи государственной школы о закреплении сословий и взаимодействии монархии и общества. Проблема была не только в однозначно негативном отношении к крепостному праву. Согласно марксистской теории, государство не может стоять над классами и быть социальным арбитром. В-четвертых, интерпретации европейского и российского абсолютизма, ранее различные, должны были быть сведены в единую формационную схему. Наконец, необходимо было

²⁵⁰ Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. С. 190–191.

²⁵¹ Там же. С. 199.

²⁵² Там же. С. 206–207.

создать общую марксистскую картину всемирно-исторического развития, со сходной для России и Европы моделью развития.

Идеологические и методологические споры в советской историографии возникли отнюдь не на пустом месте. Еще в дореволюционный период появилась и теория «торгового капитала», и полемика марксистов как с представителями официальной историографии, так и с коллегами по партии, находящимися под влиянием государственной школы.

«Русская история» М. Н. Покровского, первое издание которой появилось еще до революции, многократно переиздавалась в 1920-х гг. и была концептуальным образцом. В ней автор четко расставляет акценты в понимании специфики исторического процесса России. Говоря о феодализме, а далее и не только о нем, он полемизирует с «националистической историографией», стремившейся доказать, что «в истории России все было “своеобразно”, оригинально и непохоже на историю других народов»²⁵³. Такая позиция была отнюдь не случайна. Во-первых, в свете идеи мировой революции и лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» национальные различия были только помехой. Во-вторых, признание национального своеобразия России отсылало к дореволюционной историографии, отмежевания от которой были принципиальными для советской историографии. Наконец, в свете признания специфичности экономики и особенно политических институтов России возникал опасный для большевиков вопрос о правомерности российских революций.

О. П. Володьков, автор наиболее значимых ныне исследований о М. Н. Покровском, прав, утверждая, что именно Покровский, с его «отменным знанием» работ буржуазных историков, умением вести полемику, прекрасной подготовкой «был наиболее уместен в качестве главы советских историков-марксистов»²⁵⁴. Но нужно отметить, что лидерский статус М. Н. Покровского имел и другие составляющие. Так, Покровский был последовательным большевиком, в отличие, например, от не менее компетентного Н. А. Рожкова, который, однако, разделял позиции меньшевиков и полемизировал с В. И. Лениным. Работы Покровского, будучи изначально созданными на профессиональной основе, отличались к тому же яркостью и публицистичностью. В условиях политической борьбы и пропаганды нового исторического знания, часто в неподготовленной аудитории это было неоценимо. Наконец, сам Покровский, и это очевидно из его работ, был ярким полемистом, владевшим всем арсеналом приемов не только для научной дискуссии, но и для изощренной иронии.

²⁵³ Покровский М. Н. Русская история: в 3 т. Т. 1. СПб., 2002. С. 28.

²⁵⁴ Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.): монография. Омск, 2011. С. 18.

Теория торгового капитализма, действительно, была наиболее подходящей, вариативной, объединяющей, говоря марксистским языком, различные производственные отношения. Она давала «оперативный простор» для конструирования новой исторической модели, и в этом О. П. Володьков прав. Не вызывает сомнения и то, что для адаптации в новых условиях М. Н. Покровскому приходилось жертвовать «сложностью, неоднозначностью, противоречивостью, нюансами, деталями», что «оставался каркас», становившийся «более крупным, ясным и универсальным...»²⁵⁵. Однако представляется, что вместе с «ясностью концептуального каркаса» появились искажение и упрощение истории.

Всеми указанными чертами была отмечена первая работа Покровского, вышедшая после Октябрьской революции, где шла речь об абсолютизме и торговом капитализме. Это – популярный очерк «Царизм и революция», опубликованный в 1918 г.²⁵⁶ Как таковая концепция торгового капитализма не претерпела изменений. Это очевидно, например, из приведенных ниже емких, публицистически окрашенных характеристик: «Боярская вотчина, где крестьянин был рабом, рушилась, но на ее месте выросло нечто, еще более ужасное – помещичье имение, где крестьянин был уже рабочим скотом. И создателем этой перемены была та самая царская власть, на которой покоились все надежды закрепощаемых... Впереди же, для московской Руси первых Романовых, лежало не крестьянское царство божие, где у всех есть земля и воля, а железное царство торгового капитализма, для которого неволя работающей массы была первым условием существования»²⁵⁷. «Первый купец государства», то есть царь, «выступал перед народом в тяжелом облачении византийских императоров, копируя этих последних с точностью почти иконописного “подлинника”... Свою империалистическую политику он по-старому освящал интересами православия...»²⁵⁸

Модернизация истории в сочетании с красноречием агитатора, бесспорно, были востребованы, но ценой снижения научного уровня. Об этом говорят например, утверждения о том, что «аннексия Иваном III Новгорода была типичным актом буржуазной политики»²⁵⁹, или том, что в XVI в. наряду с русским империализмом появились польский и шведский²⁶⁰. Восстание Пугачева, по мнению Покровского – это и вовсе неудавшаяся буржу-

²⁵⁵ Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского ... С. 78–79.

²⁵⁶ История освобождения России. Т. 1: Царизм и революция М. Н. Покровского. Общественно-литературные течения конца XIX века В. М. Фриче. М., 1918. 46 с.

²⁵⁷ Там же. С. 13–14.

²⁵⁸ Там же. С. 18.

²⁵⁹ Там же. С. 14.

²⁶⁰ Там же. С. 15.

азная революция. Однако оно «разбудило дворянскую революционность», и «под царизмом что-то треснуло...»²⁶¹.

Раскрывая причины устойчивости российской монархии, Покровский, все же, отходит от упрощения и демонстрирует связь «прусского пути» развития России после отмены крепостного права со слабостью российской буржуазии, которая в дворянском правительстве видела не врага, а союзника²⁶². Соответственно, при трусости буржуазии задача разрушения обветшавшей монархии была поставлена перед пролетариатом²⁶³.

«Русская история в самом сжатом очерке», впервые вышедшая в 1920 г., является, по сути, наиболее значимой работой для исторической науки и образования 1920-х гг., это образец для нового поколения историков и утвержденное пособие для учащихся. Концепция Покровского, по мере ее критики и выхода новых изданий, претерпевала некоторые трансформации. Самая масштабная ее корректировка была прописана автором в предисловии к десятому изданию в июле 1931 г. Делая необходимую в то время оговорку, что для Ленина категория «торговый капитал» является ясной и понятной, Покровский далее поясняет: «К чему же ломиться в открытую дверь и так выпячивать торговый капитал, что местами – нечего греха таить – он у меня закрывал феодальную сущность помещичьего государства? Вот почему все “риторические преувеличения” в новом издании устранены, а торговый капитал поставлен на свое историческое место: не создателя государства Романовых, а их главной опоры, той основы, на которой они строили свою бюрократическую монархию»²⁶⁴.

Это предисловие, с одной стороны, комментирует изменения в нарративе «Русской истории...» – концепт торгового капитала остался, но, говоря словами Покровского, «не выпячивался», а стал просто одним из ведущих факторов развития государственных институтов России. Во-вторых, Покровский указал на смену авторитетов в советской историографии, где отныне непререкаем только Ленин. Наконец, четко фиксируется понимание абсолютизма как феодального, помещичьего государства, что проявилось к началу 1930-х гг.

«Русская история в самом сжатом очерке» представляет скорее не концептуальный, а дискурсивный интерес для историографа. Публицистичность, дидактичность и стигматизация прошлого России выступают здесь в максимальной мере. И если в методологическом смысле налицо редуцирование концепции «торгового капитализма», то в аксиологическом – рез-

²⁶¹ История освобождения России. Т. 1. С. 22–23.

²⁶² Там же. С. 25–26.

²⁶³ Там же. С. 27–28.

²⁶⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке: в 3 ч. 4-е изд. М., 1933. С. 4.

кий крен от относительно сдержанного, в меру критического отношения к дореволюционному прошлому России до обличения с элементами гротеска. Российская история, которой автор отказывает в самобытности, придерживаясь норманнской теории, предстает как череда грабежей, работоторговли, захвата чужих территорий, эксплуатации народа и издевательств над ним.

Страной правят ничтожества – начиная от первых князей – «предводителей шаек работоторговцев»²⁶⁵, заканчивая последним Романовым, – среди которых нет ни одного монарха, достойного хотя бы нейтральной оценки. Общее отношение к правителям России эпохи абсолютизма М. Н. Покровский выразил так: «Участь царей определялась не их личными свойствами, а тем, нужна ли была и полезна ли была их деятельность тем силам, которые создали капиталистически-крепостническое государство»²⁶⁶.

От Михаила Романова – «глуповатого шестнадцатилетнего юноши»²⁶⁷, до Николая II, «тупого, ограниченного, пьяного человека», при котором Россия узнала, «что на русском престоле может быть еще большее ничтожество, чем Александр III»²⁶⁸ – перед читателем предстает галерея носителей всевозможных пороков. Вот, например, как охарактеризован Петр I и его ближайшие преемники: «Порядочные люди, даже из дворян, бежали от двора, как от чумы. Петр, прозванный льстивыми историками “великим”, запер жену в монастырь, чтобы жениться на Екатерине... Своего сына Алексея он собственноручно пытал, а потом велел тайно казнить в каземате Петропавловской крепости... Он умер (1725 г.) от последствий сифилиса, заразив предварительно и вторую жену, которая пережила его только на два года. Трудно, впрочем, наверное сказать, что стало причиной ее преждевременной смерти – сифилис или алкоголизм: дорвавшись до царского престола, эта бывшая горничная не умевшая подписать своего имени, проводила за бутылкой весь день и большую часть ночи. Сменивший ее внук Петра... умер от оспы 15 лет, не успев поэтому совершить ни одного преступления»²⁶⁹.

При создании статьи об абсолютизме в Большой советской энциклопедии перед Покровским стояли несколько иные задачи. На первое место выступало изложение официальной точки зрения. В соответствии с ней, абсолютизм – это форма государственного устройства, которая возникает

²⁶⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 22.

²⁶⁶ Там же. С. 88.

²⁶⁷ Там же. С. 55.

²⁶⁸ Там же. С. 150–151.

²⁶⁹ Там же. С. 86.

на основе торгового капитализма²⁷⁰. Минимизируя специфику российских политических институтов, М. Н. Покровский уравнивает понятия «абсолютизм», «неограниченная монархия», «самодержавие», а также «суверен» и «самодержец»²⁷¹.

Понимая абсолютизм как неограниченную волю правителя, Покровский проводит знак равенства между Людовиком XIV и Петром I, который, согласно «Правде воли монаршей», становился «в положение настоящего собственника государства»²⁷². Особенностью российского абсолютизма Покровский считает неравномерное экономическое развитие регионов. При этом быстрая капитализация центра сочеталась с неразвитостью окраин, что давало абсолютизму множество «точек опоры»²⁷³. В добавлении к четвертому дополненному изданию «Очерка по истории русской культуры» 1925 г. М. Н. Покровский охарактеризовал российскую монархию 1905–1917 гг. как цензовую, Она была, по его мнению, компромиссом между формами промышленного и торгового капитализма²⁷⁴.

Несколько ранее, в 1924 г., вышло второе издание исторического очерка об абсолютизме Е. В. Тарле, озаглавленное «Падение абсолютизма в Западной Европе и России»²⁷⁵. Тарле придерживался марксистской социологии, но не разделял идею Покровского о торговом и промышленном капитале. Он считал, что юридически российское самодержавие перестало быть таковым 17 октября 1905 г.²⁷⁶ Однако, несмотря на конституционную внешность, оно фактически являлось государством личного режима²⁷⁷. При этом не борьба политических партий и придворных группировок была наиболее опасной для монархии, а нерешенный аграрный вопрос и чреватая взрывом политика на национальных окраинах²⁷⁸. Катализатором революции 1917 г., уничтожившей монархию, по мнению Тарле, стала Первая мировая война²⁷⁹.

Будучи главой советской исторической науки, М. Н. Покровский на протяжении 1920-х гг. вел практически непрерывную полемику – как с классиками российской историографии – от Карамзина до Ключевского, – так

²⁷⁰ Покровский М. Н. Абсолютизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 1. Стб. 87.

²⁷¹ Там же. Стб. 87, 88.

²⁷² Покровский М. Н. Абсолютизм. Стб. 89.

²⁷³ Там же. Стб. 90.

²⁷⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры: экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. Изд. 5-е, испр. М., 2010. С. 251.

²⁷⁵ Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. М., 2011. 273 с.

²⁷⁶ Там же. С. 208.

²⁷⁷ Там же. С. 209.

²⁷⁸ Там же. С. 215–217.

²⁷⁹ Там же. С. 208, 223–224.

и с современниками – от Милюкова, как символа буржуазного либерализма, до товарищей по партии, чьи выводы расходились с его собственными.

В 1922 г. разгорелась дискуссия между М. Н. Покровским и Л. Д. Троцким, предметом которой была природа российского самодержавия. По верному замечанию О. П. Володькова, в этом вопросе для историка-марксиста должно было быть все ясно, но вмешалась политика. В начале периода НЭПа шли споры о путях построения социализма. Троцкому, выступающему за их жесткий, форсированный вариант, с максимальным усилением роли государства, был необходим исторический прецедент, демонстрирующий применение государственного насилия²⁸⁰. Формально же Л. Д. Троцкий пришел к одному из основных тезисов государственной школы – приоритету государственных институтов над экономикой России.

Основываясь на экономическом детерминизме, Троцкий объяснял медленное развитие российской экономики неблагоприятными условиями климата и низкой плотностью населения²⁸¹. Между тем существование России в окружении более развитых стран заставляло российское государство прилагать максимум усилий, чтобы выжить в конкурентной борьбе. Это привело к гипертрофированной роли государства во всех областях²⁸². Последствия этого были следующими:

- государство поглощало непропорционально большую долю прибавочного продукта;

- этим самым оно не только задерживало развитие привилегированных классов, но и подрывало крестьянское хозяйство, то есть производительные силы страны;

- компенсируя экономическую слабость, государство стремилось упорядочить и контролировать социальную жизнь, что привело в российских условиях к созданию сословий «сверху»;

- в результате царская власть оказалась более независимой, нежели европейский абсолютизм, сформировавшийся на основе сословной монархии²⁸³.

«Не равновесие экономически-господствующих классов, как на Западе, а их социальная слабость и политическое ничтожество создали из бюрократического самодержавия самодовлеющую организацию, – делает вывод Троцкий. – В этом отношении царизм является промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом»²⁸⁴. Российский абсолютизм обратил себе на пользу европейские капиталы, модерни-

²⁸⁰ Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского ... С. 123.

²⁸¹ Троцкий Л. Д. 1905. 9-е изд. М., 1922. С. 17.

²⁸² Там же. С. 18–20.

²⁸³ Там же. С. 20–21.

²⁸⁴ Там же. С. 21.

зировал армию, развивал капитализм²⁸⁵. Это дало ему возможность существовать «наперекор общественному развитию» и сделало революцию еще более радикальной²⁸⁶.

Открывшаяся полемика со столкновением трактовок марксизма «по Покровскому» и «по Троцкому» продемонстрировала в первую очередь ее политическую ангажированность. Публицистичность, схематизм, опора на цитаты, вторичность исторической аргументации – все присутствует в этой словесной дуэли. Ряд ее фрагментов заслуживают воспроизведения, как пример уникального дискурса на пограничье науки и политики, характерного для историографии 1920-х гг.

М. Н. Покровский: «Тов. Л. Д. Троцкий очень хорошо сделал, что переиздал свои очерки... не хорошо, что он переиздал их целиком... схема тов. Троцкого легко запоминается и усваивается. И это очень жаль. Ибо схема эта, во-первых, не наша, а во-вторых, объективно неверна»²⁸⁷.

Л. Д. Троцкий: «...т. Покровский напечатал посвященную моей книге "1905" статью, которая является свидетельством – увы! – отрицательным! – того, каким сложным делом является применение методов исторического материализма к живой человеческой истории и к каким шаблонам сводят нередко историю даже такие глубоко-осведомленные люди, как т. Покровский»²⁸⁸.

М. Н. Покровский: «Что это такое, как не теория в неклассовой государства, которую развивал Милюков без помощи марксистской терминологии и Струве с помощью последней?.. Повторяем, с кадетской политикой все это великолепно вяжется. Но как это связать с нашими призывами к пролетариату – бороться с буржуазией за власть? Как это отнимать у буржуазии то, чего она сама не имела? Зачем вообще осложнять борьбу с "внеклассовым" самодержавием классовыми мотивами?»²⁸⁹

Л. Д. Троцкий: «В действительности же моя мысль... такова, что царизм, придя в полное противоречие с потребностями общественного развития, продолжал существовать благодаря могуществу своей организации, политическому ничтожеству русской буржуазии и ее возраставшему страху перед пролетариатом... Т. Покровский доказывает, что в моей вступительной главе развиваются либеральные, милюковские (буквально!) взгляды на царизм, как на абсолютно самодовлеющую, не связанную с эксплуататорскими классами организацию»²⁹⁰.

²⁸⁵ Троцкий Л. Д. 1905. 9-е изд. С. 22.

²⁸⁶ Там же. С. 23.

²⁸⁷ Покровский М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? // Борьба классов и русская общественная литература: лекции, читанные в Коммунистическом университете. Пг., 1923. С. 119–120.

²⁸⁸ Троцкий, Л. Д. 1905 М., 1922. С. 294.

²⁸⁹ Покровский М. Н. Указ. соч. С. 122.

²⁹⁰ Троцкий, Л. Д. Там же.

М. Н. Покровский: «С этой теорией необходимо бороться самым решительным образом, не менее энергично, чем мы боремся теперь с религиозными предрассудками. Я даже скажу больше: не так важно доказать, что Иисус Христос, исторически, не существовал, как то, что в России никогда не существовало внеклассового государства... Теперь даже и Милюков, в последнем фазисе своей эволюции, соглашается признать стержнем всего революционного процесса в России борьбу крестьян за землю, т. е. чисто классовый момент...»²⁹¹

Л. Д. Троцкий: «В чем же суть? А в том, что несомненная и неоспоримая запоздалость развития России, под влиянием и давлением более высокой культуры Запада, дает в результате не простое повторение западноевропейского исторического процесса, а порождает глубокие особенности, подлежащие самостоятельному изучению... Слабость русской буржуазии и выморочность русской буржуазной демократии представляли собой несомненные и очень важные особенности русского исторического развития. Но отсюда – при прочих данных историей условиях – как раз вытекала и необходимость завоевания власти пролетариатом»²⁹².

М. Н. Покровский: «Дело не в отсталости – а в том, что это была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма, и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укрепившихся конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дисциплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие»²⁹³.

Л. Д. Троцкий: «Мысль т. Покровского находится в тисках неподвижных социальных категорий, подставляемых на место живых исторических сил. Относительную, т. е. исторически обусловленную и известными социальными пределами ограниченную независимость самодержавия от господствующих классов он подменяет какой-то абсолютной независимостью... Т. Покровский ставит вопрос так: либо буржуазия имела всю власть, либо она ее имела во все... Такая постановка власти не исторична, не материалистична, не диалектична... Буржуазия не владела властью целиком, а только приобщалась к власти»²⁹⁴.

Нужно отметить, что Покровский в 1922 г. столкнулся с очень сильным противником. Троцкий не только указал на упрощенность понимания сути торгового капитала Покровским, но и продемонстрировал более многослойную природу российского самодержавия, связывая развитие последнего с практикой европейских государств. «Кто природу и поли-

²⁹¹ Покровский М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм ... С. 123–124.

²⁹² Троцкий, Л. Д. Указ. соч. С. 297–298.

²⁹³ Покровский М. Н. Указ. соч. С. 131.

²⁹⁴ Троцкий, Л. Д. Указ. соч. С. 299.

тику самодержавия объясняет только интересами русских имущих классов, тот забывает, что кроме более отсталых, более бедных, более невежественных эксплуататоров России, были более богатые, более могущественные эксплуататоры Европы, – подчеркивает Троцкий. – Имущим классам России приходилось сталкиваться с имущими классами Европы, враждебными или полувраждебными. Эти столкновения совершались через посредство государственной организации. Такой организацией было самодержавие»²⁹⁵.

Полемика могла идти еще долго, так как противники оперировали марксистскими цитатами и социальными категориями, вариативно их истолковывая. Наконец, Покровский в заключительной заметке подвел итог, смысл которого можно выразить так: если Троцкий уверяет, что его схема «привела не только к пониманию, но и предвидению Октябрьской революции, это... его личное дело. Само по себе нет ничего невероятного, что, исходя из ошибочных предпосылок, люди нечаянно получают объективно ценные результаты...»²⁹⁶ Однако в последнем абзаце Покровский пообещал, что «не зарекается» когда-либо «объяснить интересующимся», откуда возникла «внеклассовая» схема Троцкого. И что это, «собственно, прямая обязанность русского историка-марксиста»²⁹⁷.

Такой случай представился в 1925 г., когда, в ходе внутривнутрипартийной борьбы после смерти Ленина, Троцкий получал максимальные удары от конкурентов по партии. Будучи в фарватере событий, Покровский пишет разгромную статью «Троцкизм и “особенности исторического развития России”»²⁹⁸. Припомнив «как будто академический спор» трехлетней давности²⁹⁹, он демонстрирует связь концепции Троцкого, выработанной «как одно из орудий борьбы с ленинизмом»³⁰⁰, с идеями историков государственной школы, особенно Милюкова, а также пагубность воззрений, в соответствии с которыми «искусная рука» самодержавия была главным фактором исторического развития России³⁰¹. Вывод Покровского был таким: историческая теория Троцкого не является марксистской, а имеет другую (то есть буржуазную) основу и «совершенно подтверждает тот приговор, который партия вынесла троцкизму вообще»³⁰².

²⁹⁵ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 307.

²⁹⁶ Покровский М. Н. Кончаю... // Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 150–151.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Покровский М. Н. Троцкизм и «особенности исторического развития России» // Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. – М.-Л., 1933. С. 152–166.

²⁹⁹ Там же. С. 154.

³⁰⁰ Там же. С. 153.

³⁰¹ Покровский М. Н. Троцкизм и «особенности исторического развития России» С. 164.

³⁰² Там же. С. 166.

Нужно отметить, что и сам М. Н. Покровский, имея в середине 1920-х гг. максимум влияния, не избежал критики. Ее объектом стал сборник «Марксизм и особенности исторического развития России»³⁰³, где были опубликованы материалы, направленные против Троцкого. Так, в одной из критических статей было указано на то, что у Покровского «самодержавие на протяжении своего трехвекового существования одно и то же. Оно все время есть “политическая организация торгового капитализма”»³⁰⁴. Между тем у В. И. Ленина самодержавие «проходит через различные этапы своего классового содержания», а без признания этого факта нет понимания тактики большевиков³⁰⁵.

То же замечание было высказано и в статье С. Г. Томсинского³⁰⁶. Ответ М. Н. Покровского был редким по сарказму и экспрессии. Демонстрируя некомпетентность Томсинского как историка, не умевшего за цифрами видеть глубинных процессов, Покровский в принципе не приемлет высказанных ему, марксисту-диалектику, замечаний, касающихся недиалектичности понимания сути российского самодержавия. На самом деле он ведет речь о «закоченелости» политических форм российской монархии, о чем, кстати, писал еще Ленин, а не рассматривает российскую монархию как неизменное явление³⁰⁷.

Переход к новой экономической политике, вызвавший описанные споры, был неизбежно сопряжен с известной либерализацией. Однако в планах большевиков, устанавливающих однопартийную систему, она была помехой. Нейтрализовать, а еще лучше – удалить идейных противников, было задачей кампании 1922 г. по высылке интеллигенции. Среди жертв этой акции оказался и Н. А. Рожков. Он пробыл в тюрьме до января 1923 г. и не раз обращался в советские инстанции с просьбой отменить решение о его высылке. После четырех обсуждений в ЦК РКП(б), во время которых на высылке настаивал Ленин, в декабре 1922 г. было принято решение выслать Рожкова в Псков³⁰⁸.

Таковыми были условия переиздания в 1923 г. «Происхождения самодержавия в России». В предисловии к нему Рожков писал, что в издании нет существенных изменений, «прибавлены лишь некоторые отдельные заме-

³⁰³ Покровский М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. 142, [2] с.

³⁰⁴ Марецкий Г. К вопросу об эволюции самодержавия (По поводу книги М. Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России». «Прибой», 1925) // Большевик. 1926. № 5. С. 97.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Томсинский С. Г. К вопросу о социальной природе русского самодержавия (М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России. «Прибой», 1925 г. – Его же – Японская война, сб. «1905», т. 1) // Вестн. Коммунист. Академии. 1926. Кн. XV. С. 282.

³⁰⁷ Покровский М. Н. Ответ тов. Томсинскому // Там же. С. 284.

³⁰⁸ Волобуев Н. А. Николай Александрович Рожков // Избранные труды. М., 2010. С. 37.

чания и сделаны некоторые новые ссылки»³⁰⁹. Действительно, в концептуальном плане работа не претерпела изменений. Как и в 1906 г., Рожков видит истоки самодержавия в переходе экономики страны к денежному хозяйству с обширным рынком. Резкий характер этого перехода стал причиной кризиса последней трети XVI – начала XVII в., на фоне которого формировалось самодержавие. Самодержавная монархия – это дворянское государство, и этапы его возникновения коррелируются с борьбой боярства и дворянства.

Новыми в издании 1923 г. были ссылки на «Русскую историю с древнейших времен до смутного времени» М. Н. Покровского. Для Рожкова, в условиях угрозы высылки, это было самозащитой. Тем не менее, он обратился к работе Покровского лишь дважды. Первое замечание, где речь шла о Василии Шуйском, носило характер уточнения. Рожков, считавший этого царя угодным лишь боярской олигархии, дополнил это утверждение, сославшись на Покровского, тем, что Шуйского поддерживали и богатые купцы, а сам он пытался связаться с дворянством³¹⁰.

Второе замечание касалось последствий Смуты. По мнению Рожкова, от нее максимально пострадали средние слои населения – дворянство, посадские люди, богатые крестьяне, духовенство. В их интересах были восстановление денежного хозяйства, утверждение крепостного строя, уничтожение боярской олигархии. Далее Рожков добавляет суждение, взятое у Покровского: «Восстановление порядка было для них насущной потребностью, тем более, что польское дворянство в отрядах Сапеги, Лисовского, Рожанского направляло все усилия к истреблению дворянства русского (курсив мой. – Л. Л.)»³¹¹. Надо учесть, что в 1921 г. был заключен Рижский мир, завершивший советско-польскую войну с известными территориальными уступками Польше, и в данном случае ремарка Рожкова попала как раз на острие политической конъюнктуры.

Максимального развития концепция Н. А. Рожкова достигла в двенадцатитомной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении...», второе издание которой вышло в 1928 г., уже после смерти автора. Концепция Рожкова о колонизации огромных территорий России, устойчивости традиционных хозяйственных отношений и неразвитости феодальных институтов была сохранена³¹², равно как и тезис о том, что зарождение

³⁰⁹ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России // Избранные труды. М., 2010. С. 212.

³¹⁰ Там же. С. 401.

³¹¹ Там же. С. 405.

³¹² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. 2-е изд. Т. 2: Феодализм. М.; Л., 1928. С. 286–287.

российского самодержавия было обусловлено формированием национального и международного рынка.

Этот период рывка в экономике и возникновения самодержавия Рожков называет дворянской революцией и выделяет в ней три момента. Первый – вторая половина XVI в., царствование Ивана Грозного; второй – Смутное время и его последствия; третий – вторая половина XVII в. и реформы Петра Великого³¹³. Задача дворянской революции – привести к власти дворянство, приспособить экономику к новым условиям и создать основы самодержавия и бюрократии³¹⁴.

В понимании Рожковым Петровской эпохи соединились идея «закрепощения сословий» и теория «торгового капитала». Для России был необходим рывок, чтобы «от *отсталого, недоразвитого феодализма (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.)* перейти к торговому капитализму. Только крепостной строй помог справиться с этой задачей. Дворянство оказалось достаточно зрелым для того, чтобы, закрепощая в своих интересах и в интересах строящейся дворянской государственности другие сословия, закрепостить и себя временно (имеется в виду обязательная служба. – Л. Л.)»³¹⁵.

Критический период дворянской революции сменился органическим периодом – Старым порядком. В России это 1725–1855 гг., где последние пятьдесят лет – период его разложения³¹⁶. Форма государственного управления этой эпохи – самодержавие, единоличная власть монарха³¹⁷. Это – сословное государство периода торгового капитализма, обеспечивающее господство дворянства³¹⁸, которое добилось «окончательного раскрепощения»³¹⁹. При этом важно различать самодержавие, служащее интересам дворянства, и личное самовластие. Последнее дворянством пресекается, что показал пример Павла I (1796–1801)³²⁰.

Эпоха Александра I – это надлом Старого порядка³²¹, завершившийся, несмотря на реформы, кризисом³²². В николаевскую эпоху власть стремилась к тому, чтобы произвести частичные поправки в государстве, не трогая

³¹³ Рожков Н. А. Там же. Т. 5: Конец дворянской революции в России. Ее третий момент. М.; Л., 1928. С. 270.

³¹⁴ Там же. С. 271.

³¹⁵ Там же. С. 162.

³¹⁶ Там же. Т. 7: Старый порядок (господство дворянства). М.; Л., 1928. С. 5.

³¹⁷ Там же. С. 91.

³¹⁸ Там же. С. 48.

³¹⁹ Там же. С. 50.

³²⁰ Там же. С. 112.

³²¹ Там же. Т. 10: Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1928. С. 40.

³²² Там же. С. 60.

его в принципе³²³. Это была, по словам Рожкова, последняя попытка защиты крепостного строя, предпринятая представителями наиболее отсталого дворянства³²⁴.

Воплощением этих социальных сил был сам император. Для Рожкова Николай I был такой же масштабной фигурой, как и Людовик XIV, с той лишь разницей, что русский царь был символом кризиса и косности монархии, в отличие от «короля-Солнца», олицетворявшего расцвет абсолютизма. Николай – столп охранительства. Отдавая должное императору в признании его по-своему цельной и яркой личностью³²⁵, Рожков видит мотивы его деятельности в инстинкте самосохранения, страхе перед революцией, либералами, народом. Защитой от этих угроз у самодержца выступают порядок и военная дисциплина. Трусость и хитрость, гибкость и беспощадность, грубость и ограниченность – эти черты выделены как доминирующие в личности Николая I³²⁶.

Отмена крепостного права, по мнению Рожкова, укрепила Старый порядок – были сделаны некоторые уступки и дана новая пища царистским иллюзиям крестьян³²⁷. Кроме того, александровские реформы дали определенный простор капиталистическому развитию³²⁸. Как на эти изменения реагировало государство?

Рожков считает, что «старорежимный абсолютизм имел все данные для своего существования»³²⁹. Обращает на себя внимание появление термина «абсолютизм» вместо «самодержавие», причем с выраженной негативной коннотацией. Красноречив и сам дискурс написанной в первое советское десятилетие работы. Так, в пореформенной России «львиная доля власти принадлежала по-прежнему крупно-земледельческому, полукрепостническому дворянству (*здесь и далее курсив мой. – Л. Л.*), которое лишь частично и медленно перерождалось в производственно-капиталистическую буржуазию... Что же касается промышленной буржуазии, то, *руководящая инстинктом грубого хищничества... взлелеянная... протекционизмом, она в главной своей массе не испытывала гнета абсолютизма...*»³³⁰. Российский капитализм

³²³ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 10. С. 193.

³²⁴ Там же. С. 217.

³²⁵ Там же. С. 218.

³²⁶ Там же. С. 218–221.

³²⁷ Там же. Т. 12: Финансовый капитализм в Европе и революция в России. М.; Л., 1928. С. 378.

³²⁸ Там же. Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины и начала века. М.; Л., 1928. С. 267.

³²⁹ Там же. С. 263.

³³⁰ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11.

нуждался в покровительстве государства, отсюда – *реакционная диктатура*³³¹.

Олицетворением «вырождения и упадка»³³² Старого порядка, «*декаданса реакции*»³³³ выступает последний самодержец. Среди персоналий Романовых только два монарха привлекли особое внимание Рожкова – Николай I и Николай II. Возможно, Рожков создал образы «двух Николаев» для контрастного сопоставления: Николай I символизирует силу государственного консерватизма, а Николай II – бессилие упадка власти. Последний российский монарх в описании Рожкова – лицемерный, хитрый, непостоянный, упрямый, не терпящий рядом с собой умных и талантливых людей, несмотря на внешнюю воспитанность³³⁴. Особые черты Николая II – мистицизм и суеверность, и, наконец, проявления «шатания и вместе убожества мысли и полного отсутствия государственного сознания при голом, ничем не прикрытом проявлении личного произвола»³³⁵.

Причину революции 1905–1907 гг. Рожков видит в полумерах реформы 1861 г. Как марксист, он минимизирует итог первой русской революции и считает, что она окончилась крушением³³⁶. Рожков называет Манифест 17 Октября «октябрьской полупобедой» и считает, что Старый порядок устоял³³⁷, в противоположность либералам, например Карееву, считавшему, что в России крушение «старого порядка» началось в 1905 г.³³⁸

Глубинной причиной Февральской революции 1917 г. Рожков считал объективную экономическую необходимость. Она заключалась в том, что «старый режим не создал ни культурного, ни самостоятельного народного хозяйства России»³³⁹, необходимого для прогрессивной буржуазии и трудящихся.

В чем своеобразие российских государственных институтов? С одной стороны – «нигде феодализм не был столь отсталым»³⁴⁰, с другой – Россия должна была развиваться и преодолевать отставание от передовых стран Запада³⁴¹. Достигнуть успеха в этом можно было лишь путем рывков и напряжения. Именно такой характер и носила российская дворянская революция, результатом которой было установление самодержавной монархии и крепостного права.

³³¹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11. С. 266.

³³² Там же. С. 299.

³³³ Там же. С. 302.

³³⁴ Там же. С. 299–301.

³³⁵ Там же. С. 302.

³³⁶ Там же. С. 137.

³³⁷ Там же. С. 152.

³³⁸ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия ... С. 5.

³³⁹ Там же. С. 274.

³⁴⁰ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 7. С. 270.

³⁴¹ Там же. Т. 12. С. 394.

В чем причина устойчивости и долговечности российского самодержавия? Русский Старый порядок имел возможность «снять сливки» с военных, технических и культурных достижений Западной Европы, не жертвуя при этом феодальными устоями³⁴².

Почему российское самодержавие было настолько сильным? Усилия самодержавия по своей защите были сообразны с силами, затраченными на рывок от натурального хозяйства к экономике в условиях обширного рынка³⁴³.

Подводя итог, Н. А. Рожков подчеркивает сохранение в условиях СССР идеи преодоления отсталости России от Запада, что звучит идейным напутствием: «На наших глазах и при нашем участии Россия снова делает гигантский прыжок вперед, стоящий огромных жертв, но обеспечивающий ей хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи»³⁴⁴.

Как был оценен труд Рожкова официальной советской наукой? 3 февраля 1928 г. было проведено заседание Института истории РАНИОН, посвященное памяти Н. А. Рожкова, где были озвучены марксистские оценки его творчества. В итоге был сделан вывод: марксизм Рожкова – не революционный, а «легальный». Рожкову были приписаны враждебные «подлинному марксизму» психологизм, махизм, эклектизм, недиалектичность. Классовая позиция Рожкова была расценена как позиция мелкобуржуазного идеолога капиталистического пути развития России³⁴⁵.

В 1929 г. журнал «Историк-марксист» опубликовал пространную, в тридцать семь страниц, рецензию на «Русскую историю...», автором которой был ученик М. Н. Покровского, впоследствии доктор исторических наук А. Л. Сидоров (1900–1966). Общая оценка работы Рожкова была однозначно негативной: «Историческая концепция Н. Рожкова... не является фундаментом марксистско-ленинской концепции русской истории. В этом отношении приоритет бесспорно принадлежит М. Н. Покровскому... (курсив мой. – Л. Л.) мы не можем приветствовать 2-е издание 12-томной «Истории России», по которой нельзя современной молодежи изучать русскую историю»³⁴⁶.

Особенно много замечаний высказывается в отношении трактовки Н. А. Рожковым истории России XIX – начала XX в. Одно из самых серьезных и имеющих в итоге характер политического обвинения – недооцен-

³⁴² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 7. С. 271.

³⁴³ Там же. Т. 10. С. 381.

³⁴⁴ Там же. Т. 12. С. 394.

³⁴⁵ Сидоров А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.; Симферополь, 1998. С.119–120.

³⁴⁶ Сидоров А. Л. Исторические взгляды Н. А. Рожкова: К выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 219–220.

ка Рожковым степени развития российского капитализма, что служит «отправным пунктом всей меньшевистской концепции новейшей истории России»³⁴⁷.

Наступивший 1929 г. стал переломным и в истории СССР, и в развитии советской исторической науки. НЭП был свернут, наступала эпоха форсированного строительства социализма и ужесточения в идеологической сфере. Символом наступивших перемен было «академическое дело» против ленинградских ученых, проходившее в 1929–1931 гг. Предлогом для него послужило обнаружение в октябре 1929 г. в Библиотеке Академии наук подлинных экземпляров манифестов об отречении Николая II и его брата Михаила и других документов, не подлежащих хранению в академических учреждениях. Обвинения в контрреволюционной деятельности были предъявлены большой группе историков, среди которых были С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, В. И. Пичета, Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и ряд других. В основу начавшегося следствия были положены сведения о том, что С. Ф. Платонов и его коллеги критиковали политику ВКП(б), а официального главу советских ученых-марксистов М. Н. Покровского называли не иначе, как «гносом»³⁴⁸. Следствие выросло в дело о создании монархической организации «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», по которому проходило 115 человек. В 1931 г. различным группам подсудимых были вынесены приговоры – заключения в концлагеря и ссылки³⁴⁹. В это же время, в обстановке травли и обвинений, скоропостижно скончался Н. И. Кареев. Уже после окончания следствия, 29 января – 16 февраля 1931 г. на организованном Институте Комкадемии и Ленинградским отделением историков-марксистов совместном заседании обсуждалось «вредительство» на историческом фронте С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле и их учеников. Школа Платонова была охарактеризована как великодержавная, националистическая, охранительная и контрреволюционная³⁵⁰.

К началу 1930-х гг., в результате целой системы мер – от идеологических обвинений до заключений в лагеря – дореволюционное поколение историков было ликвидировано как активная часть научного сообщества. В истории «академического дела» сохранился такой эпизод. Один из арестованных профессоров задал вопросу следователю ленинградского ОГПУ: «Если мы преступники, что же вы нас тринадцать лет не арестовывали?» – и получил не только ясный, но и циничный ответ: «Тогда вам еще смена не

³⁴⁷ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 210.

³⁴⁸ Брачев В. С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 122–123.

³⁴⁹ Там же. С. 125.

³⁵⁰ Брачев В. С. «Наша русская школа историков» и ее судьба // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – 2001. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). С. 11–12.

выросла»³⁵¹. «Смена» выросла под руководством и на основе работ М. Н. Покровского. Между тем подходили к завершению и его жизнь, и существование его «школы».

В 1931 г., за год до кончины М. Н. Покровского, была опубликована его статья «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России»³⁵². Эта публикация была весьма показательной в историографическом смысле. То, что в условиях едва прошедшего «академического дела» Покровский еще раз показывает себя верным марксистом-ленинцем и борцом с троцкизмом³⁵³, естественно. Однако важнее другое. Покровский, приводя большое количество развернутых цитат В. И. Ленина, на протяжении всей работы демонстрирует свою приверженность именно ленинскому видению истории как единственно правильному и представляет себя как старательного ученика Ленина. В концепцию «торгового капитализма» внесены существенные поправки. Во-первых, разграничены понятия «торговый капитал» и «торговый капитализм». Правильнее, с точки зрения Покровского, пользоваться термином «торговый капитализм». Капитализм есть система производства, именно производственные отношения являются определяющими. Капитал же ничего не производит и не обуславливает характер политической надстройки. Поэтому, считает Покровский, неправильно определение самодержавия как «торгового капитала в мономаховой шапке». «Мономахова шапка» «есть украшение феодальное, а не капиталистическое»³⁵⁴. Торговый капитал, развивающийся в рамках феодализма, – это еще не капитализм³⁵⁵.

Соответственно, абсолютизм, или бюрократическая монархия – это видоизменение феодального государства под влиянием товарного хозяйства. Под абсолютизмом Покровский понимает именно государство периода разложения феодального строя, с бюрократией, постоянной армией, системой налогов, а не монархии вавилонских царей, римских цезарей или власть Наполеона I³⁵⁶.

Следуя высказываниям Ленина, Покровский акцентирует внимание на значительной самостоятельности царской власти и бюрократии. Обращается внимание на буржуазные происхождение и характер бюрократии, включенной в систему самодержавия как феодального института³⁵⁷.

Связь феодального государства с торговым капиталом началась еще с XVII в., определенного Лениным как «нового периода» русской истории³⁵⁸.

³⁵¹ Брачев В. С. Сергей Федорович Платонов. С. 123.

³⁵² Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М., Л., 1933. С. 285–303.

³⁵³ Там же. С. 286.

³⁵⁴ Там же. С. 287–288.

³⁵⁵ Там же. С. 289.

³⁵⁶ Там же. С. 296.

³⁵⁷ Там же. С. 297–298.

³⁵⁸ Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. С. 299.

Оставаясь по происхождению феодальным, самодержавие эволюционирует в буржуазную монархию, однако с высшими формами капитала, например промышленным, оно несовместимо³⁵⁹. Резюмируя сказанное, Покровский формулирует такую причинно-следственную схему: «Без феодализма не было бы самодержавия. Без торгового капитала власть феодального монарха не пошла бы дальше Ивана III. А самодержавие дало не только Петра I, но и Александра II, и даже псевдоконституцию Столыпина. Дальше по своей феодальной природе оно приспособляться не могло и пало»³⁶⁰.

Приведенное построение М. Н. Покровского можно назвать оптимальным в тех условиях. Во-первых, Покровскому удалось совместить концепт торгового капитала с ленинским пониманием российского самодержавия, отдавая приоритет трактовке Ленина. Во-вторых, что не менее важно, Покровский создал трактовку абсолютизма, которая с поправками будет применяться впоследствии советскими историками. При этом «торговый капитал» будет заменен «предпосылками капитализма». С этой точки зрения, Покровский был явно несправедлив к себе, когда писал: «Свободна ли эта “окончательная” схема от ошибок? Никак не могу этого обещать. Она свободна от тех ошибок, которые я успел заметить и исправил... Моим утешением служит то, что, повторяю, в основном схема не была антиленинской с самого начала...»³⁶¹ Тем не менее, внесенные Покровским коррективы не смогли предотвратить падения его «школы» и наделения самого словосочетания «торговый капитал» негативным подтекстом.

В свете происходивших в советской исторической науке процессов рубежа 1920-х – 1930-х гг. глубоко символичны судьбы ее двух знаковых фигур – академиков С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского. Непримиимые противники, вышедшие из одной историографической традиции, оба они стали жертвами идеологической ломки 1920-х гг. Осужденный по «академическому делу» и сосланный, С. Ф. Платонов скончался в 1933 г. в Самаре. Он был реабилитирован и восстановлен в звании академика в 1967 г.

М. Н. Покровский, все более критиковавшийся за свои взгляды в конце жизни, причем часто своими учениками, в 1932 г. умер академиком и был похоронен в Кремлевской стене. Однако сразу же он и его школа подверглись разгрому, более двадцати лет имя Покровского было симво-

³⁵⁹ Покровский М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. С. 299–303.

³⁶⁰ Там же. С. 303.

³⁶¹ Там же. С. 289.

лом антимарксизма и методологической порочности, и лишь на рубеже 1950-х – 1960-х гг. его наследие стало более или менее объективно изучаться³⁶².

Почему же «школа Покровского» была отвергнута? Не отрицая роли субъективных факторов и борьбы в научном сообществе, нужно указать и на ряд причин, имевших системный характер.

Нельзя не согласиться в О. П. Володьковым, утверждавшим, что фундамент концепции «торгового капитала» был более многоплановым, подвижным, изменчивым по сравнению с формационной «пятичленкой»³⁶³. Однако именно это порождало постоянные, политически окрашенные споры историков. К началу 1930-х гг., в условиях форсированного строительства социализма и утверждения идеологического единства, это совсем не нужно было советскому руководству.

Кроме того, в самой концепции Покровского содержались предпосылки ее будущего отторжения. Для массы советских людей понимание теории торгового капитализма затруднялось тем, что последний историки находили практически везде и всегда – от древности до XIX ст. Это создавало сложности, размывая границы формаций и классов – краеугольных категорий марксизма. Между тем, к началу 1930-х гг., в соответствии с единой государственной идеологией, нужна была ясная, с четкими ориентирами картина исторического процесса, понятная массам советских граждан. Именно такой и стала пятичленная схема исторического процесса, с определенными чертами каждой формации, базисом, надстройкой и классовым делением. Несмотря на упрощенный подход к историческому процессу, периодически возникающие дискуссии и делаемые поправки, именно она просуществовала до конца советской эпохи.

Наконец, одним из важнейших факторов, обусловивших судьбу «школы Покровского», стала ее идеологическая составляющая, и это не парадокс. В период «революционной романтики», социальных экспериментов 1920-х гг. и желания «отречься от старого мира» негативизм в отношении дореволюционного прошлого был понятен. Однако необходимость мобилизовать народ для труда во благо великой Родины победившего социализма, а на случай войны – и ее защиты, требовала совершенно иного подхода к формированию гражданских чувств и исторической памяти. Нужен был гражданин – патриот, уважающий историю своей страны. Для решения этой задачи версия истории, представленная М. Н. Покровским, совер-

³⁶² Ляхович Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. Вып. 12, ч. 1. Минск, 2012. С. 185.

³⁶³ Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского... С. 78.

шенно не подходила. То, что «в лице Минина и Пожарского одержали победу помещичье землевладение и торговый капитал» и к власти пришли Романовы – «плод измены верхов революционных войск своим низам»³⁶⁴, еще могло быть как-то воспринято воспитанным в марксистском духе читателем. Но как нужно было понимать гражданину СССР, например, такое: «Русь – это прозвище, которое финны дали шведам, приезжавшим в Финляндию через Балтийское море»³⁶⁵, или «Москва XIV в. – был город... средневековый, по своим постройкам мелкий и сплошь деревянный, по своим узким и грязным улицам больше похожий на деревню, чем на город, но уже оправдывающий поговорку, что Москва – большая деревня»³⁶⁶?

Еще более чужеродными в новых условиях стали трактовки дореволюционных историков, не оперирующих понятиями «торговый капитал», «формации» и т. д. В Отделе рукописей РГБ сохранился автограф созданной в 1920-х гг. работы Н. И. Кареева «О причинах культурной отсталости от Запада», часть из которой ныне опубликована³⁶⁷. Как специалист по всеобщей истории, Кареев рассматривал развитие России в общеевропейском контексте. В частности, он указывал на более позднее, чем в Европе, закрепощение крестьян, проходящее параллельно с установлением самодержавной власти.

Московское государство, отмечал Кареев, не являлось сословной монархией в западноевропейском понимании. Земские соборы не были представительствам сословий, это – съезды правительственных слуг на местах. Примечательно, что для характеристики политического строя Московского государства Кареев применяет термины «абсолютизм» и «самодержавие» в качестве синонимов³⁶⁸. Содержательно сопоставление Кареевым отношения монархии к дворянству в Восточной Европе и России. В Чехии, Польше, Венгрии «монархия была избирательной, тогда как московский царь был вотчинник, наследственный владелец; там сеймы ограничивали королевскую власть, которая в Польше сводилась, что называется, на нет; там дворянство стремилось быть западным рыцарством, воспринимая нравы, обычаи, взгляды высшего слоя феодального общества; там они закрепощали народную массу своею собственною силою, самостоятельно участвуя в государственном властвовании. Московское дворянство с эпоху закрепощения крестьянства было служилым сословием, которое царь жаловал своими милостями и которое само считало себя государственными холопами»³⁶⁹.

³⁶⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 56.

³⁶⁵ Там же. С. 22.

³⁶⁶ Там же. С. 34.

³⁶⁷ Кареев Н. И. «Крепостное право развращало и рабов, и господ». Главы из рукописи Н. И. Кареева «О причинах культурной отсталости от Запада» // Исторический архив. 2001. № 1. С. 107.

³⁶⁸ Там же. С. 110.

³⁶⁹ Там же. С. 111.

В московском самодержавии, отмечал Кареев, было много общего с западным абсолютизмом, получившим полное развитие. Петр I заимствовал с Запада все, что можно было совместить с властью московских царей, при этом строя государство по европейским образцам³⁷⁰. Оценивая реформы, Кареев считал, что Петр, во-первых, не пошел по пути вероисповедного абсолютизма, насаждающего религиозную нетерпимость, а, наоборот, проявил себя как «абсолютист-политик», уподобляясь Бранденбургским курфюрстам и Фридриху II и привлекая в Россию иноверцев. Во-вторых, если понимать термин «просвещенный абсолютизм» более широко, то Петра можно назвать просвещенным деспотом. «Это просвещение, – замечал Кареев, – было не церковным, не гуманитарным, как в эпоху Ренессанса, не художественно-придворным, как как во Франции при Людовике XIV, а чисто техническим образованием. Во всяком случае, хотя бы и с чисто утилитарным уклоном, был открыт путь к светской науке...»³⁷¹ Говоря о борьбе Петра с косностью русского общества, необходимости «вколачивать» новое просвещение, Кареев расценивает это как один из факторов отсталости России. «Все предыдущее воспитание русского общества, в условиях патриархального быта, в привычках мирного и покойного жития и ленивого препровождения времени, со всеми чертами позднейшей обломовщины, были одной из великих причин культурной отсталости России, умственной инертности и пассивности господствующего класса»³⁷².

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. интерпретация российского абсолютизма в советской историографии характеризовалась следующими чертами. В методологическом отношении произошли радикальные изменения. Концепция государственной школы, с идеями закрепощения сословий и монархии как института, стоящего над обществом, была отвергнута в принципе. На смену многофакторности исторического процесса и правового подхода как определяющих трактовку российской монархии пришла социологическая схема марксизма, в основу которой был положен экономический детерминизм. В ценностном отношении российская монархия и ее представители в историческом нарративе характеризовались только отрицательно.

Официально принятой стала теория «торгового капитала», существовавшая еще в дореволюционный период, а в 1920-х гг. ставшая императивной. Согласно ее установкам, абсолютизм был формой государства, возникшего на этапе разложения феодализма как экономической и политической системы под воздействием товарно-денежных отношений. «Торговыми капиталистами» были как купечество, так и дворяне-помещики, поместное

³⁷⁰ Кареев Н. И. «Крепостное право развращало и рабов, и господ» ... С. 116.

³⁷¹ Там же. С. 117.

³⁷² Там же.

хозяйство которых было ориентировано на рынок. С течением времени концепция «торгового капитала» претерпевала коррективы в сторону выделения в социальной базе абсолютизма именно дворянства.

В соответствии с построением единой схемы исторического развития и включением российской истории в общемировой контекст, были уравнены подходы к западноевропейскому и российскому абсолютизму. Разумеется, специфика российских институтов власти не могла игнорироваться, но она была, во-первых, подчинена общей логике формационных процессов и, во-вторых, выступала производной от социально-экономических явлений.

Рассмотрение процессов, происходящих в советской историографии 1920-х гг. применительно к концепту европейского абсолютизма, позволяет говорить о целом ряде тенденций, носящих переходный характер. Они были обусловлены комплексной ломкой и перестройкой исторического знания и организации исторической науки, на что потребовалось почти полтора десятилетия при сохранении, особенно в первые годы, определенного методологического разнообразия. Соответственно, при анализе трактовки проблем западноевропейского абсолютизма также заметна преемственность с ее дореволюционным содержанием.

Так, концепция «торгового капитала», в русле которой интерпретировалась проблема западноевропейского абсолютизма, стала звеном, обеспечившим сохранение значительной связи с построениями новистов-либералов. Это проявилось в понимании абсолютизма как формы правления и системы общественных отношений, опирающейся на дворянство и использующей ресурсы буржуазии. Такое понимание абсолютизма было присуще дореволюционной новистике и было воспринято советскими историками-марксистами. В данном случае «торговыми капиталистами» были буржуазия (купцы) и дворяне-помещики, ориентированные на рынок. В аксиологическом аспекте отношение к западноевропейскому абсолютизму у новистов-либералов и советских марксистов также совпадало. Для ученых обоих идейных направлений абсолютизм – в целом негативное явление, необходимое и терпимое лишь на этапе его мероприятий в области централизации страны и обеспечения условий для развития экономики.

В проблемном поле советской новистики абсолютизм продолжал занимать одно из ведущих мест, т.к. государство рассматривалось как важнейший фактор развития новоевропейского общества. Политика абсолютизма в Англии и Франции представляла интерес в качестве предпосылок буржуазных революций. Нужно отметить также сохранившийся в 1920-х гг. преимущественно обобщающий характер работ, в которых, в рамках «большого нарратива», рассматривались сюжеты, касающиеся западноевропейского абсолютизма.

Наряду с явлениями, демонстрирующими преемственность подходов дореволюционной и ранней советской историографии, очевидны существенные изменения, сыгравшие определяющую роль в переходных 1920-х гг. В первую очередь, это относится к интерпретации концепта российского самодержавия. Установки дореволюционной историографии были отвергнуты. Российский абсолютизм, называемый до середины XVII в. самодержавием, трактовался не просто как государство периода господства «торгового капитала», но и, в соответствии с идеями марксизма, как государство, выражающее прежде всего интересы дворянства. Категорически отвергались интерпретации российского самодержавия как «надклассовой» силы или как «двухклассного государства». Российская монархия, ее практика в различных областях, персоналии монархов оценивались отрицательно, что в максимальной степени проявилось в работах М. Н. Покровского.

Важным изменением, носившим системный характер, было формирование единой марксистской формационной схемы исторического развития и общей методологии для изучения всемирной и российской истории. В ее рамках на смену правовому подходу как приоритетному пришел социологический, согласно которому политическое и идеологическое состояние общества обуславливалось экономическим развитием и классовым делением. Идея «особого пути» России и самобытности российских политических институтов стала неприемлемой – при подобном подходе могли возникнуть сомнения в закономерности российских революций. Соответственно, трактовки западноевропейского и российского абсолютизма, ранее имевшие различия, были нивелированы. В обоих случаях в сторону прямолинейности и однозначности суждений, а также негативного подтекста изменился дискурс работ, затрагивающих проблематику абсолютизма.

С конца 1920-х гг. общей тенденцией стала не только унификация подходов к проблематике западноевропейского и российского абсолютизма, но и корректирование концепции «торгового капитала» для максимального ее сочетания с воззрениями В. И. Ленина на абсолютизм. Как показывают последние работы М. Н. Покровского, ему удалось это оптимально реализовать. Интерпретация российского абсолютизма в его работах изменилась от «государства торгового капитализма» к государству периода разложения феодализма торговым капиталом, в котором опорой самодержавия были дворяне-помещики. Это был наиболее удачный вариант, не только совместивший трактовки Ленина и Покровского, но и впоследствии сохранившийся в советской историографии с минимальными изменениями.

Глава 4. Оформление концепции «равновесия» и интерпретация абсолютизма советской историографией 1930 – первой половины 1950-х гг.

4.1. Социально-политические приоритеты исторической науки СССР 1930-х гг. и изучение государственных институтов

События 1930-х – начала 1950-х гг. – неоднозначные, трагические, часто противоположно оцениваемые – оказали прямое влияние на советскую историческую науку. В ее конфронтационном и одновременно мессианском дискурсе центральное место заняла идея «исторического фронта», борьбы и разделения на «своих» и «врагов». Ярким подтверждением этому выступает статья ведущего советского историка-новиста Н. М. Лукина (1885–1940) «За большевистскую партийность в исторической науке» с подзаголовком «К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта». Лукин утверждает, что успехи социализма вызывают у империалистического окружения «стремление к усиленной подготовке интервенции против СССР»¹. При этом главные враги революционного пролетариата – не только мировая буржуазия, «которая пытается противопоставить развертыванию мировой революции фашистскую диктатуру», но и социал-демократия. Последняя названа социал-фашистской, «взявшей на себя задачу лечить раны капитализма»². Отсюда – необходимость «гигантского напряжения сил коммунистических партий, максимального идеологического вооружения их в деле разоблачения фашизма и социал-фашизма перед трудящимися массами»³.

Атмосферу эпохи не менее красноречиво передают тезисы «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» фракции Совета Общества историков-марксистов Ленинградского отделения Коммунистической академии от 6 февраля 1931 г. «Интервенция теперь, при свете разоблачений, данных процессами Промпартии и меньшевиков, стоит перед нами как совершенно реальная угроза ближайшего времени, – указано в тезисах. – Со стороны буржуазной историографии с каждым днем

перед нами вырастает все более сплоченный вражеский фронт... Все чаще и чаще нам нужно припоминать слова Ленина: беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... Необходимо вести самую непримиримую борьбу не только с самими уклонистами, но и со всякого рода примиренчеством к правому и левому уклону, памятуя, что оппортунизму вообще не свойственны четкие установки и что он всегда старается “проползти ужом” между двумя диаметрально противоположными мнениями... История же, как наука “сугубо политическая”, должна быть максимально политически заостренной и партийной в большей степени, чем другие науки, она должна непримиримо бороться со всякими уклонами от ленинского понимания исторического процесса»⁴.

В 1968 г., по следам периода «оттепели», вышла книга О. Л. Вайнштейна «История советской медиевистики». Высказанные в ней оценки влияния сталинской эпохи на советскую историографию были максимально сглаженными. Автор указывал на быстрый подъем советской исторической науки, рост марксистских кадров, расширение тематики, усиление борьбы с буржуазной историографией. Силовые методы установления единомыслия и их драматические последствия отразились лишь в нейтральном замечании о том, что, несмотря на указанные успехи, «для многих работ этого периода характерны догматизм и боязнь обобщений»⁵.

О. Л. Вайнштейн перечислил обязательные и оставшиеся таковыми вплоть до 1980-х гг. ленинские требования к советским историкам. Это, «во-первых, признание неразрывной связи партийности и объективности в научном исследовании; во-вторых, требование изучать весь всемирно-исторический процесс начиная с древнейших времен; в-третьих, сосредоточивать внимание, прежде всего на конкретных фактах, явлениях и процессах, определяющих своеобразие каждого исторического периода; в-четвертых, при использовании буржуазной литературы уметь отсекалть ее классово-партийную тенденцию; в-пятых, признание решающей роли в истории народных масс, классовая борьба которых определяет пути, темпы, характер и результаты всего общественного развития»⁶.

В четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», изданном в 1966 г., содержится намного более объективная характеристика условий работы советских историков, данная историографом, источниковедом, исследователем феодальной России Л. В. Черепниным (1905 – 1977). В сравнении с тональностью официального дискурса, призванного возвеличивать советскую действительность, написанное Черепниным выгляде-

¹ Лукин Н. М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта // Историк-марксист. 1931. Т. 22. С. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 227. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 2, 3, 5.

⁵ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 4.

⁶ Там же. С. 81.

ло явным нарушением дозволенных границ. «В 1931 г. появилось в печати письмо И. В. Сталина “О некоторых вопросах истории большевизма” в редакцию журнала “Пролетарская революция”... Письмо Сталина породило атмосферу подозрительности и необоснованной критики... Научные дискуссии подменялись “проработками”, разгромом целых групп историков и исторических учреждений, предъявлением политических обвинений, – отмечает Черепнин и продолжает: – В дальнейшем, в связи с нарушениями социалистической законности, многие честные советские историки сделали жертвой клеветы и необоснованных репрессий. Непомерно возвеличивалась роль Сталина в исторической науке. Наряду с В. И. Лениным он стал рассматриваться в качестве классика марксизма, положившего начало новому этапу в советской историографии. Высказывания Сталина получили значение основополагающих. Насаждался догматизм и начетничество. Складывалась нездоровая и вредная для научной работы обстановка»⁷.

После распада СССР произошла переоценка советской историографии, зачастую болезненная и сопровождавшаяся дискуссиями. Сформировался целый пласт работ, содержанием которых стала рефлексия происшедшего в советской исторической науке. Это направление, имеющее ряд своеобразных черт, можно охарактеризовать по нескольким критериям. Во-первых, это институциональная историография, так как одним из главных ее сюжетов выступает организация и функционирование исторической науки в событиях и персоналиях. Однако внимание авторов акцентировано на том, что в публикациях советского периода оставалось в тени, – отношениях ученых внутри профессиональной корпорации, неформальных связях, механизмах коммуникации, влияния, патроната, борьбы за лидерство и т. д. Во-вторых, это мемориальная историография, где речь идет о людях – учителях, коллегах, знакомых, – но тональность повествования отнюдь не всегда выдержана в традиционном почтительно-академическом стиле. Наконец, особенной чертой всех работ указанного направления является выраженный личностный акцент авторской рефлексии. Мемориальная и личностная направленность дали основание называть работы этого направления «эго-историей»⁸.

Монографии, биографические очерки, эссе, интервью, мемуары, описывающие развитие советской историографии, несомненно, представляют отдельный научный интерес и уже привлекли внимание исследователей⁹. Не претендуя на историографический анализ указанных работ, целесообразно обратить внимание на те из них, которые непосредственно затра-

⁷ Очерки истории исторической науки в СССР: [в 5 т.] / под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. Т. 4. М., 1966. С. 162.

⁸ Послесловие редколлегии // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 415.

⁹ Ключев А. И., Свешников А. В. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920 – 1940-х годов // Вестн. Омск. ун-та. 2013. № 3. С. 57–62.

гивают сюжет данной книги. Это нужно как для представления о том, что в современной историографии называется «образом исторической науки»¹⁰, так и для понимания условий развития собственно советской медиевистики¹¹. Отдельно можно указать на публикации 2000-х гг., отражающие имевшую место в связи с данным сюжетом «войну мемуаров»¹².

Вот каким образом характеризовал обстановку сталинской эпохи доктор исторических наук, византинист А. П. Каждан (1922–1997): «Во многом это правда – историки были скованны цепями предвзятых правил и нацелены на то, чтобы подбирать аргументы в пользу априорных и часто банальных истин. Но тем больше хвала и честь тем, кто в этих условиях учил нас... Тот, кто хотел учиться на истфаке тех лет, мог учиться, несмотря на свежие раны от Великой чистки, несмотря на растрату времени и сил, порождаемую объемом псевдонаучных дисциплин»¹³. В воспоминаниях А. Я. Гуревича эта же атмосфера оценивается так: «Когда я думаю о наших стариках, о профессорах, у которых мы учились, то испытываю самое тяжкое сожаление о том, что их постигла такая участь... те, кто нас учил, жили в условиях не прекращающегося, а всего лишь перемежающегося временными приостановками террора и подвергались злой радиации страха на протяжении всей своей сознательной жизни. И я не могу выступать в роли их судьи... К ужасу своему, я впоследствии убедился, что страх, порожденный репрессиями 30-х годов, подчас оставался неотъемлемой составной частью сознания и несколько десятков лет спустя»¹⁴.

¹⁰ Корзун В. П. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. 471 с. См. также: Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг. Брянск, 2005. 800 с.; Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1955 г.). М.; СПб., 2016. 427 с.; Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. 216 с.; Гордон А. В. Историки железного века. М., 2018. 448 с. Большое значение в данном контексте имеют библиографические очерки, представленные пятитомной серией «Портреты историков. Время и судьбы», вышедшей на протяжении 2000–2010 гг.

¹¹ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. 464 с.; Лебедев Г. Е., Якубский В. А. Cathedra medii aevi: материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-х – 1950-х годов. СПб., 2008. 123, [2] с.; Гуревич А. Я. Путь прямой, как Невский проспект, или Исповедь историка // Одиссей: человек в истории. М., 1994. С. 7–34; его же. История историка. М., 2004. 288 с.; Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М., 2015. 280 с.

¹² Гуревич А. Я. Историк среди руин. Попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 362–393; Мильская Л. Т. Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность // Там же. С. 394–401; ее же. Заметки на полях (по поводу статьи А. Я. Гуревича «Историк среди руин» // Там же. Вып. 65. М., 2004. С. 214–228; Гуревич А. Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л. Т. Мильской // Там же. Вып. 66. М., 2005. С. 408–414; Уваров П. Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 194–208; Рыжковский В. В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // Там же. 2009. № 3. С. 58–89.

¹³ Каждан А. П. Трудный путь в Византию // Одиссей, 1992: человек в истории. 1992. М., 1994. С. 37.

¹⁴ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 41.

Поиски классовых врагов, равно как и борьба за единственно правильное понимание исторического процесса не прекращались на протяжении всего периода 1930-х – начала 1950-х гг. Например, в проекте резолюции «О положении и задачах на фронте исторической науки» 1931 г. отмечалось: «Недостаточно разоблачены наши действительные “допшианцы” (сторонники концепции австрийского медиевиста А. Допша. – Л. Л.) (Косминский, Неусыхин, Грацианский), псевдомарксисты, прикрывающие марксистской фразеологией буржуазные концепции (Преображенский, Попов-Ленский, Сказкин), протаскивающие идеалистические концепции (Розенталь), двурушники (Захер) ученики Тарле...»¹⁵

То, что научная критика превращалась в политические обвинения с соответствующими последствиями, было лишь одной стороной драмы, участником которой мог быть каждый. Не менее губительной была деформация моральных установок самого общества и живших в нем людей. Так, обвиненный в антимарксизме и не получивший в связи с этим ответа от руководства Академии наук, в феврале 1931 г. скорпостижно скончался Н. И. Кареев. Главным обличителем Кареева был Н. М. Лукин¹⁶, который после смерти Покровского фактически возглавил советскую историческую науку¹⁷. Однако и он в 1938 г. был арестован. Ему были предъявлены обвинения в «активной контрреволюционной деятельности», руководстве «террористической группой», связью с Троцким и борьбе «за реставрацию капитализма в стране»¹⁸. Примечательно, что на заключительном допросе в мае 1939 г. Лукин отказался от своих показаний. Он объяснил это так: «Я прошу суд учесть, что ввиду моего болезненного состояния (тяжелое состояние стенокардии после инфаркта миокарда¹⁹. – Л. Л.) я не мог терпеть *физические воздействия*, вследствие сего я оклеветал себя и оговорил других»²⁰. Две попытки обращения Лукина к Берии и Вышинскому были напрасными. Н. М. Лукин умер в заключении в июле 1940 г.²¹

Свидетельством идеологических приоритетов тех лет является вступление в лекционный курс по истории Средних веков Е. А. Косминского, читаемый студентам МГУ в 1935/36 учебном году. «Товарищи, – обращается Косминский к аудитории, – в этом году, как и в прошлом, мы будем старать-

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 227. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 4.

¹⁶ Золотарев С. П. Николай Иванович Кареев // Портреты историков: время и судьбы: очерки: [в 4 т.]. Т. 2 : Всеобщая история. М., 2000. С. 285.

¹⁷ Дунаевский В. А. Николай Михайлович Лукин // Там же. С. 318.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 321.

²⁰ Там же. С. 319.

²¹ Там же. С. 320.

ся давать вам научную конкретную историю, т. е. историю на основе марксистско-ленинской методологии. Мы не должны забывать, что история, особенно в настоящее время, является фронтом ожесточенной борьбы, что здесь мы имеем перед собой не только борьбу за объективную науку, каковой может быть только история, опирающаяся на метод марксизма-ленинизма, но и борьбу чисто политическую, что история является в руках ожесточенно борющихся в данное время классов мощным идеологическим орудием»²².

Контакты советских и зарубежных историков прекратились. Последним международным конгрессом, на котором присутствовали представители исторической науки СССР, был VII конгресс в Варшаве 21–28 августа 1933 г. Он проходил в осложнившейся международной обстановке и нарастающей конфронтации буржуазной и марксистской науки. В частности, выступивший на конгрессе В. П. Волгин высказался против неокантианского понимания задач исторической науки, и указал, что концепцию «исторического синтеза» буржуазные историки стремятся превратить в знамя для объединения против марксизма. В свою очередь, Н. М. Лукин выступил с опровержением мнений буржуазных историков об «устарелости» марксизма²³. В итоге политические и идеологические реалии обусловили отсутствие советских ученых на международной арене до 1955 г.

Начало 1930-х гг., вместе с переходом к строительству социализма по сталинской модели и идеологической унификацией, было отмечено радикальным изменением отношения власти к преподаванию истории. Форсированное строительство социализма требовало воспитания гражданина-патриота, самоотверженно трудящегося на благо своей страны и уважающего ее прошлое. «Школа Покровского», обесценивавшая не только дореволюционную историографию, но и дооктябрьскую историю России, эту задачу выполнить не могла. В принципиальном изменении к историческому образованию возможно и присутствие субъективного фактора. Российский исследователь И. В. Ястер приводит такие воспоминания историка-антиковеда Д. П. Кончаловского. В Москве начала 30-х гг. был широко распространен рассказ о том, что Сталин как-то задал своему старшему сыну, обучающемуся в старшем классе, несколько вопросов по истории. Полученные ответы возмутили вождя. Например, германский император Генрих Птицелов был назван чуть ли не представителем торгового капитала. Тогда и произошел коренной поворот. Разумеется, аргумент Кончаловско-

²² Косминский Е. А. История средних веков: 1936 уч. г. Вып. 1: Лекции 1–3, курс 1935. М., 1936. С. 1–2.

²³ Желенина И. А. Международные конгрессы историков // Советская историческая энциклопедия: [в 16 т.]. Т. 9: Мальта-Нахимов. М., 1966. Стб. 272.

го в известной мере спорный, но знания по истории у школьников 30-х гг. практически отсутствовали²⁴.

Эксперименты в области школьного образования закончились выходом 25 августа 1931 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе». Согласно программе Коммунистической партии, советская школа должна быть не только проводником коммунистических принципов, но и средством воспитания поколения, способного построить коммунизм²⁵. Соответственно, ставилась задача «немедленно организовать научно-марксистскую проработку программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний», в том числе по истории²⁶. Через год, 25 августа 1932 г., было принято Постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», где была отмечена «недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам, выражающаяся в том, что в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и стран»²⁷. Следующим шагом в построении системы исторического образования стало Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. В нем констатировалось, что вместо преподавания «гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактные определения социально-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»²⁸. Решающими условиями усвоения курса истории было признано соблюдение историко-хронологической последовательности, с обязательным закреплением исторических явлений, деятелей и дат²⁹.

Создание системы исторического образования было невозможно без подготовки научных кадров. При Академии наук СССР аспирантура и докторантура были введены еще в 1929 г. Например, первый набор аспирантов в Ленинградском отделении Коммунистической академии составлял пять человек. Четыре аспиранта были по социальному положению из служащих,

²⁴ Ястер И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920-х – 1930-х гг. // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 10. М., 2003. С. 285.

²⁵ Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/53561>. Дата доступа: 21.01.2018.

²⁶ Там же.

²⁷ Постановление ЦК ВКП(б) от 25.VIII. 1932 г. Об учебных программах и режиме начальной и средней школе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/57330>. Дата доступа: 28.01.2018.

²⁸ К изучению истории. М., 1938. С. 18.

²⁹ Там же.

один – из рабочих, при этом четверо были членами ВКП(б)³⁰. В 1934 г. аспирантура появилась при всех исторических факультетах университетов по всем разделам истории³¹. В том же 1934 г. в историческую науку был возвращен термин «Средние века». Однако теперь Средневековье понималось как эпоха господства феодального способа производства³². В феврале 1936 г. постановлением Президиума Академии наук СССР был создан Институт истории, первым директором которого стал возглавлявший советскую историческую науку академик Н. М. Лукин.

Международные отношения второй половины 1930-х гг. сразу же отразились на идеологической составляющей советской медиевистики. Одной из главных задач советских ученых стала борьба с «фашистскими фальсификаторами истории». Руководство исторической наукой СССР считало, что Германия и Япония обращают особое внимание на историю, в том числе отдаленных эпох – древности, Средневековья, и по этой причине, по словам Н. М. Лукина, Институту истории надлежало «трудиться над темами оборонного значения»³³.

Ввиду отдаленности во времени и политической незаангажированности проблематики, медиевистика традиционно воспринималась как «тихая академическая гавань»³⁴. Однако, как показала дальнейшая работа советских историков, в изучении Средневековья нашлось множество вопросов, оказавшихся на острие политической конъюнктуры – например, история германского продвижения в Восточную Европу³⁵.

Начиная цикл лекций по истории Средних веков для студентов исторического факультета МГУ в 1935/36 учебном году, Е. А. Косминский следующим образом говорил о задачах советской медиевистики: «Борьба против фашизма, создание единого фронта против фашизма указывает нам на то направление, в котором должна идти наша историческая борьба. Мы должны будем здесь выступить с марксистско-ленинским пониманием истории средневековья, противопоставляя его на всех стадиях фашистскому его извращению и тем оттенкам и уклонам в понимании истории, которые так или иначе могут привести к фашистским точкам зрения»³⁶.

Важным элементом организации исторической науки в соответствии с новыми задачами стало создание многотомной «Всемирной истории».

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 227. Оп.1. Ед. хр. 17. Л. 25.

³¹ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. С. 83.

³² Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Указ. соч. С. 4.

³³ Свешников А. Советская медиевистика в идеологической борьбе 1930-х – 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 87.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ Косминский Е. А. История средних веков. С. 1.

С. В. и Т. Н. Кондратьевы отмечают, что идея ее написания высказывалась еще с середины 1930-х гг.³⁷ Проект схемы многотомника всемирной истории был опубликован в 1938 г. в номере 2 (Средние века и Новое время) и 3 (Древний мир) журнала «Историк-марксист»³⁸.

Однако представляется, что отправной датой в подготовке «Всемирной истории» следует считать все же 1937 г., на что указывают Кондратьевы. В архиве РАН, фонде 1577 (Институт истории Академии наук СССР), описи 5 (управленческая документация) содержатся протоколы заседаний сектора Средних веков за 1937 г.³⁹ Авторы «Науки “убеждать”...» приводят данные протокола заседания 19 сентября 1937 г. с соответствующим планом работы на 1938 г. и на третью пятилетку⁴⁰.

На заседании сектора Средних веков 15 ноября, как отмечено в «Науке “убеждать”...», С. Д. Сказкину поручалось редактировать VI том Всемирной истории, в котором Б. Ф. Поршневу должен был подготовить материал о Франции XVI в. и кальвинизме. В VII томе под редакцией В. М. Лавровского, посвященном XVII в., Сказкину поручался материал об Испании и Португалии и т. д.⁴¹

Эта планируемая работа соответствовала схеме, изложенной в «Историке-марксисте». В намеченном проекте история Средних веков занимала девять томов. Том VI был назван «Развитие капитализма в Европе в конце XV – XVI веков. Азия, Африка и Америка в начальный период проникновения европейского капитала»⁴². В частности, в нем рассматривался абсолютизм в Испании и Португалии (гл. V), Германии (гл. VI и VIII), Франции первой половины XVI в. (гл. X) и периода религиозных войн и Генриха IV (гл. XII), Англии эпохи Тюдоров (гл. XIII)⁴³.

Том VII носил название «XVII век. Развитие капитализма в Европе и буржуазная революция в Англии»⁴⁴. Он содержал информацию об абсолютизме в Англии (гл. IV), Франции (гл. VI), Испании и Португалии (гл. VII), Германии (гл. VIII), скандинавских странах (гл. IX), Московском государстве (гл. XI)⁴⁵. Том VIII назывался «История Европы с конца XVII до 60-х гг. XVIII века (От “славной” английской революции до эпохи промышленного переворота»⁴⁶.

³⁷ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003. С. 51.

³⁸ Проект схемы многотомника всемирной истории // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 143–191; № 3. С. 170–189.

³⁹ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 103.

⁴⁰ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 51.

⁴¹ Там же.

⁴² Проект схемы многотомника всемирной истории // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 153.

⁴³ Там же. С. 154.

⁴⁴ Там же. С. 156.

⁴⁵ Там же. С. 157.

⁴⁶ Там же. С. 158.

В нем было уделено внимание абсолютным монархиям во Франции (гл. IV), в Пруссии (гл. V), Австрии (гл. VI), России (гл. VIII), а также в государствах Пиренейского и Апеннинского полуостровов (гл. X)⁴⁷. Наконец, том IX был посвящен странам Ближнего Востока, Африки и Азии в XVII–XVIII вв.⁴⁸

В «Очерках истории исторической науки СССР» на основе данной схемы было указано, что издание «Всемирной истории» предполагалось в объеме 26 томов⁴⁹. В планах сектора истории Средних веков намечалось довести в 1941 г. выпуск «Всемирной истории» до десятого тома⁵⁰.

Какое продолжение имели эти мероприятия и насколько они повлияли на издание фундаментальной «Всемирной истории» в 1950-х – 1960-х гг.? В данной работе можно высказать некоторые суждения применительно к проблематике абсолютизма.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранился план-проспект «Всемирной истории», отмеченный 1938 г.⁵¹ Он почти совпадал со схемой, опубликованной в «Историке-марксисте». Отличалась нумерация лишь двух глав. В томе VI Англия рассматривалась не в XIII, а в XII главе⁵², в VII томе речь шла об абсолютизме Стюартов не в IV, как планировалось, а в V главе⁵³. Роспись содержания томов, однако, не сопровождалась указанием на авторов глав.

Таким образом, очевидно, что опубликованное в «Историке-марксисте» было взято как руководство к действию на местах. Конкретное подтверждение одновременно начавшейся работы привели и С. В. и Т. Н. Кондратьевы, отметив материалы, порученные к подготовке Поршневым, Сказкиным и Лавровским.

Тем не менее есть данные, указывающие на смещение нумерации томов внутри схемы «Всемирной истории». В архиве Института Российской истории РАН, в папке «Г», содержащей материалы сектора истории Средних веков, сохранились тексты, подготовленные для IX (!) тома «Всемирной истории». Материал посвящен Европе XVI–XVII вв. и датирован 1938–1940 гг.⁵⁴ Примечательно, что здесь же есть пометка «Т. V», не содержащая каких-либо уточнений.

В IX томе планировалось поместить материал Б. Ф. Поршнева, касающийся Франции XVI⁵⁵ и XVII вв.⁵⁶ К этому же тому относился фрагмент тек-

⁴⁷ Проект схемы многотомника всемирной истории // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 158–159.

⁴⁸ Там же. С. 159–160.

⁴⁹ Очерки истории исторической науки в СССР: [в 5 т.] Т. 5. М., 1985. С. 9.

⁵⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 103. Л. 40.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. Д. 1531. Л. 10–32.

⁵² Там же. Л. 26.

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. Д. 1531. Л. 29.

⁵⁴ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп.2. Д. 78. Л.1.

⁵⁵ Там же. Л. 1–42.

⁵⁶ Там же. Д. 60.

ста о Генрихе IV, судя по пометке, вероятно, написанный З. В. Мосиной⁵⁷, которая в это время готовила кандидатскую диссертацию по соответствующей теме. В этом же фонде находится текст рукописи об Англии при Тюдорах и первых Стюартах с правками В. М. Лавровского⁵⁸. Примечательно, что в самой описи 2 есть такое пояснение: «Работа 1937–1938 гг. Позже том перedelывался. Работа прекращена в 1947 г. Сдана в ОРФ [Отдел рукописных фондов] в 1948 г.»⁵⁹.

Таким образом, сопоставление данных указывает на подвижки внутри опубликованной в 1938 г. схемы в пределах одного-двух томов. Очевидно, объем и компоновка текстов вносили коррективы. Так, материал о Европе XVI–XVII вв. мог относиться не только к шестому и седьмому, но и к девятому тому.

Информация о ходе подготовки к печати томов «Всемирной истории» содержится в заметке «Институт истории Академии наук СССР в 1940 году»⁶⁰. «Всемирная история» имела представительную редколлегия. В нее входили академики А. Я. Вышинский, Е. М. Ярославский, В. П. Волгин, А. М. Деборин, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. А. Жебелев, В. В. Струве и др., причем идеологи были поставлены на первое место. Сообщалось, что издание рассчитано на 28 томов, делящихся на четыре отдела. Планировалось, что история Древнего мира займет 6 томов. На изложение истории Средних веков отводилось также 6 томов. Однако далее указывалось на окончание работы над XIV томом, где речь шла о Европе кануна Французской революции. В таком случае, вместо шести томов должно было оказаться восемь. Наконец, рассмотрение Новой истории планировалось разместить в 11 томах и Новейшей – в 5⁶¹.

В связи с тем, что изложение истории Средневековья начиналось с седьмого тома и должно было продолжаться по двенадцатый включительно, несколько прояснялся вопрос о распределении материалов, и размещение текстов Поршнева, Мосиной и Лавровского в девятом томе, в материалах архива ИРИ РАН, выглядело логично, как внесенный позже корректив.

«Исторический журнал» информировал также о том, что в 1940 г. Институт истории закончил работу по XIV тому (ответственный редактор В. П. Волгин), охватывающему период от Семилетней войны до Французской революции. Вместе со сданным ранее XV томом, посвященным Французской революции, том XIV находится в типографском производстве. Окончено написание и редактируется ряд других томов. Это том II (Древний Восток),

⁵⁷ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп.2. Д. 78. Л. 88–90.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 61.

⁵⁹ Там же. Ф.1. Оп. 2. Описание материалов сектора истории средних веков. С. 11.

⁶⁰ Шунков В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 154–157.

⁶¹ Шунков В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году. С. 156.

том III (Греция классического периода), том IV (История эллинизма), том VII (Западная Европа до IX в.), том XI (Европа XVI–XVII вв.), том XXXIII (Первая мировая империалистическая война)⁶². На основе данной информации можно заключить следующее. Во-первых, применялась периодизация, в соответствии с которой Средневековье заканчивалось Французской революцией. Во-вторых, существовали версии издания как в 26 томах, по схеме 1938 г., так и в 28, о чем сообщалось в «Историческом журнале» в 1941 г. Вряд ли возможно, учитывая незавершенность работы, утверждать однозначно, какой из вариантов был выбран. Однако, с большей долей вероятности, можно предположить вариант 28 томов. Во-первых, это более поздняя версия, и, во-вторых, изложение истории Средневековья все же заняло, судя по имеющейся информации, на два тома больше. Косвенно подтверждает вариант в 28 томов и смещение в расположении текстов по томам. Материал по истории Европы XVI–XVII вв., запланированный первоначально на VI и VII тома, что отражено в схеме «Историка-марксиста» и данных архива РАН в Москве и Санкт-Петербурге, затем переместился, по информации архива ИРИ РАН в IX том, а по сообщению «Исторического журнала» – в XI.

При сопоставлении намеченного в 1938 г. и реализованного к середине 1941 г., можно сделать вывод о том, что в целом первое соответствовало второму. Перемещения материала относительно первоначального варианта не превышали одного-двух томов. Действительно, история Древнего мира занимала, согласно проекту, шесть томов⁶³, Средние века рассматривались в восьми следующих⁶⁴. В результате, как сообщил «Исторический журнал», завершающим стал XIV том, содержащий информацию о Европе перед Французской революцией. Это почти соответствовало представленной в «Историке-марксисте» схеме. Для полного соответствия XV том должен был содержать историю Азии и Африки XVII–XVIII вв., а не Французской революции. Очевидно, что материал о неевропейских цивилизациях был распределен по другим томам.

Коррективы в работу над «Всемирной историей» внесло начало Великой Отечественной войны. Кроме того, именно на рубеже 1930-х – 1940-х гг. шла речь об изменении периодизации всемирной истории и перенесении нижней границы Нового времени с Французской на Английскую буржуазную революцию. Тем не менее авторский коллектив, равно как и содержание предполагаемых материалов, были в основном определены.

Известные замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории вносили ряд обязатель-

⁶² Шунков В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году. С. 156.

⁶³ Проект схемы многотомника всемирной истории. С. 170–189.

⁶⁴ Там же. С. 143–159.

ных указаний. Так, применительно к изучению политических институтов, были разграничены понятия «самодержавный строй» и «строй феодальный», причем критерием в данном контексте выступала феодальная раздробленность России⁶⁵. Было предписано также отказаться от термина «Старый порядок», заменив его «абсолютистско-феодальным порядком», и освободить материал от обилия «эпох»⁶⁶.

Авторами «Замечаний...» было указано на необходимость противопоставления Французской и Октябрьской революций. В создаваемую советской историографией картину развития человечества была заложена идея поступательного революционного развития. Французская революция была излюбленным сюжетом советских историков, ею начиналось Новое время и его первый период. Второй период открывался франко-прусской войной и Парижской коммуной, и, наконец, третий знаменовался Октябрьской революцией и окончанием Первой мировой войны⁶⁷.

Обе революции, обрамлявшие Новое время, должны были представляться принципиально различными по своей сути. Французская революция, «освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма», наложила на него новые цепи – капитализма и буржуазной демократии – утверждалось в «Замечаниях...». Октябрьская революция, напротив, освободила народ от всех форм эксплуатации. Таким образом, нельзя допускать, «чтобы французскую революцию называли просто “великой” – ее надо называть и трактовать как революцию буржуазную. Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию просто революцией Октябрьской – ее надо называть и трактовать как революцию социалистическую, революцию советскую»⁶⁸. Понятия «новейшая история», впоследствии неразрывно связанного с Октябрьской революцией, тогда еще не было. Период 1918–1934 гг. считался «третьей частью» Новой истории⁶⁹.

Таким образом, в построенной исторической схеме по восходящей развертывался революционный процесс – от Французской буржуазной до Октябрьской социалистической революции. Однако нужно было определить в нем место Нидерландской и Английской революций. Авторы «Замечаний...» рекомендовали: «Для связи с предшествующими событиями можно было бы предпослать небольшое введение с кратким изложением событий нидерландской и английской революций»⁷⁰, подробное рассмотрение которых было включено в изучение истории Средних веков.

⁶⁵ К изучению истории: сб. М., 1938. С. 22.

⁶⁶ Там же. С. 27.

⁶⁷ К изучению истории. С. 25.

⁶⁸ Там же. С. 25–26.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

Созданная картина развития общества выглядела для своего времени вполне логично. При этом всегда можно было обосновать в известной мере ограниченный характер Нидерландской и Английской революций, значение которых велико, но не настолько, чтобы расценивать их как поворотные в истории. Что же послужило причиной изменения нижней границы Нового времени? Почему Французская революция была заменена на Английскую в качестве события, открывающего Новую историю?

Четкого ответа на этот вопрос нет. Возможно, сыграло роль 300-летие Английской революции. 28 октября 1940 г. прошло собрание Отделения истории и философии АН СССР. Первый вопрос, приуроченный к 300-летию Английской революции, был посвящен ее месту во всемирном процессе. Доклад делал Е. А. Косминский⁷¹, оценивавший Английскую революцию как событие, открывающее эпоху Нового времени.

«Концом феодального и началом буржуазного общества можно считать эру буржуазных революций, – высказал Косминский исходную мысль. – Но эта эра чрезвычайно длительна, ее можно начать с XVI в., с великой крестьянской войны и реформации в Германии»⁷², а завершается она «в XIX и даже XX веке... Очевидно, что такой длительный период не может служить гранью между средневековой и новой историей»⁷³.

«Необходимо выбрать здесь... поворотный момент, имеющий всемирно-историческое значение»⁷⁴, – формулирует задачу Косминский и предлагает ее решение. Французская революция таким поворотным моментом быть не может, так как буржуазное общество в Европе в это время уже существовало. Именно Англия, утверждает Косминский, пережила буржуазную революцию в XVII в., именно британский капитализм является классическим. «Я думаю, что нет надобности напоминать о том, что Маркс и Энгельс изучали именно на Англии, как типичнейшей капиталистической стране, законы становления и развития капитализма»⁷⁵, – приводит Косминский аргументацию по нарастающей.

Роль же Нидерландов, маленького уголка Европы, была, по мнению Косминского, ограничена. Голландский капитализм основывался в переломе торговли над промышленностью (очень весомый аргумент после разгрома «школы Покровского»). Не голландский, а английский капитализм был определяющим в истории Европы. Поэтому, разъясняет Косминский, нисколько не умаляя значения Нидерландской револю-

⁷¹ АРАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 28. Л. 3.

⁷² Там же. Л. 9–10.

⁷³ Там же. Л. 10–11.

⁷⁴ Там же. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Л. 11–12.

ции, все же нельзя признать за ней такой же роли, как за революцией Английской⁷⁶.

Наконец, Е. А. Косминский формулирует тезис, который прочно утвердился в советской историографии: «Значение Английской революции заключается, главным образом, в том, что вслед за ней в феодальной Европе появилась крупная буржуазная страна, оказывающая решающее воздействие и на историю Европы, и всего мира. Победа Англии над соперником, т. е. над Францией, в XVII–XVIII вв. была победой буржуазной страны над феодальной»⁷⁷.

Однако точка зрения Е. А. Косминского оспаривалась, правда, безуспешно, доктором исторических наук, заведующим кафедрой Средних веков ЛГУ О. Л. Вайнштейном. В неопубликованной статье «К вопросу о “начале” новой истории (в порядке дискуссии)» и датированной 04.01.1941 г.⁷⁸, Вайнштейн отстаивает действовавшую тогда периодизацию, в которой началом Новой истории является Французская революция.

Аргументация Вайнштейна не менее убедительна, чем доводы Косминского. По Вайнштейну, капиталистические отношения, как основная черта Нового времени, могли сформироваться только в результате промышленной революции. А она началась лишь во второй половине XVIII в. Кроме того, одновременно с нею прошли две буржуазные политические революции – в Северной Америке и Французская революция 1789–1794 гг.⁷⁹ Французская революция принципиально отличается от предшествующих ей тем, что в ней не было религиозной окраски, а только политическая, и закончилась она полной победой над феодализмом. Кроме того, международное значение Французской революции несопоставимо с Английской⁸⁰.

В истории развития капиталистического общества Вайнштейн отмечает две грани. Первая из них – конец XV и начало XVI в. Это начало широкого распространения капиталистических отношений и исходный пункт социальной революции буржуазии. Но капитал оперирует еще старой технологической базой, а буржуазия еще не выработала собственной идеологии. Вторая грань развития капитализма приходится на вторую половину XVIII в. При этом появляется новая техническая база, новые производительные силы, тем самым создавая прочную основу для новых производственных отношений⁸¹. «Проводить грань в середине XVII в., – подчеркивает Вайн-

⁷⁶ АРАН. Ф. 457. Оп.1. Д. 28. Л. 13.

⁷⁷ Там же. Л. 14.

⁷⁸ НИА СПб ИИ РАН. ЗЕС. Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 2–14.

⁷⁹ Там же. Л. 5, 6.

⁸⁰ Там же. Л. 7,8.

⁸¹ Там же. Л. 9, 10.

штейн, – значило бы делить “детский период” капитализма и относить часть его к средним векам, а часть – к новому времени»⁸². Существующая периодизация, указывает Вайнштейн, вписывается в формационную схему и соответствует указаниям Сталина, Кирова и Жданова. При этом период от XVI до XVIII в. можно выделить особо, как носящий на себе черты перехода от феодального общества к капиталистическому⁸³. Однако в итоге возобладала точка зрения, высказанная Е. А. Косминским.

В современной научной литературе существует еще одна версия перенесения нижней границы Нового времени с Французской революции на середину XVII в. История, по мнению приведшего ее российского медиевиста Д. Э. Харитоновича, возможно подлинная, возможно вымышленная, такова: «Рассказывают: то ли в 1947, то ли в 1948 г. обсуждался план университетского учебника по истории Средних веков, и происходило это, согласно правилам того времени, на самом высоком уровне: на Политбюро ЦК ВКП(б). Спор зашел о том, когда заканчиваются Средние века... Одни считали, что Новое время начинается с Возрождения, другие – с Реформации, третьи – с эпохи Великих географических открытий... третьи (так у автора! – Л. Л.) – с Нидерландской революции 1565 г., четвертые – с Английской буржуазной революции XVII в., пятые – с Французской революции, то есть с 1789 г. Великий вождь народов, корифей всех наук товарищ Сталин внимательно всех выслушал и заявил: “А я думаю, что Средние века заканчиваются Вестфальским миром 1648 года” (вот вам и классик марксизма, который кладет в основу периодизации не социально-экономический, а военно-политический принцип!). Самоубийц, которые спросили бы “А почему?” – естественно не нашлось»⁸⁴.

Оценить подлинность этого рассказа тяжело, но несообразности все же очевидны. Во-первых, перечисленные в качестве знаковых события (кроме революций) в то время уже никоим образом не могли выступать в качестве критериев периодизации. Во-вторых, в изданных в 1944 г. лекциях А. Д. Удальцова и С. Д. Сказкина по истории Средних веков об изменении периодизации говорится уже как о свершившемся факте: «Последний период средневековой истории мы начинаем с XVI в. и кончаем кануном Английской революции»⁸⁵.

В формируемой системе исторических знаний несущей опорой была схема исторического процесса. Различные версии марксизма, представ-

⁸² НИА СПб ИИ РАН. ЗЕС. Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 10.

⁸³ Там же. Л. 13.

⁸⁴ Кенигсбергер Г. Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789. М., 2006. С. 296–297.

⁸⁵ Удальцов А. Д., Сказкин С. Д. История средних веков. Курс лекций, прочитанных в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 1944. С. 6.

ленные в исторической науке 1920-х гг., создавали свои построения, часто спорные и рассчитанные на подготовленное восприятие. Достаточно вспомнить феодализм у Богданова, органические и критические периоды у Рожкова, повсеместный «торговый капитал» и абсолютизм в Древнем Египте и античном мире. Насколько возможно было на этой основе создать понятную для миллионов советских людей историческую картину? Не менее важным было и то, что альтернативное толкование марксизма постоянно вызывало теоретические споры, переходящие в идейные разногласия. Нужно ли это было в СССР эпохи Сталина?

Начавшаяся на рубеже 1920-х – 1930-х гг. дискуссия о социально-экономических формациях положила начало созданию их пятичленной схемы («пятичленки»). Были отвергнуты идеи «торгового капитала» и крепостничества как особой, отличной от феодализма формации. Наиболее спорным был тезис об «азиатском» способе производства, тем более что сторонники последнего находили соответствующие аргументы у Маркса.

В мае 1933 г. в Государственной Академии истории материальной культуры был прочитан доклад ведущего исследователя Древнего Востока В. В. Струве (1889–1965). Доклад, длившийся почти четыре часа, назывался «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» и обосновывал тезис о рабовладельческом характере древнеегипетского общества. Он стал важнейшим событием проходящей дискуссии и вызвал неоднозначные оценки в прениях, но идея «азиатского» способа производства была отвергнута⁸⁶. С 1933 г. ряд советских историков выдвинули тезис о том, что древневосточное общество было рабовладельческим, но рабовладение не достигло там такого уровня, как в античном мире⁸⁷. Так постепенно формировалась пятичленная схема формаций, понятная для широких масс и демонстрирующая стадийное историческое развитие исторического процесса по восходящей – от первобытно-общинного к коммунистическому строю.

Одновременно осуществлялась ценностная переориентация в преподавании истории как науки о прошлом трудящихся масс, борющихся за свои права и ныне строящих коммунизм в самой передовой стране мира. Руководством к действию для советских историков стала передовая статья «Правды» от 27 января 1936 г. «Народные массы должны знать доподлинную историю человечества, историю порабощения и освобождения трудящихся масс, должны знать, откуда и куда мы идем, – провозглаша-

⁸⁶ История Древнего Востока: материалы по историографии [Электронный ресурс] / под ред. В. И. Кузищина, А. А. Вигасина. М., 1991. Режим доступа: https://studfiles.net/Istoriya_drevnego_vostoka_material_13060.doc. Дата доступа: 06.02.2018.

⁸⁷ Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 2013. С. 21.

лось в «Правде». – Они должны получить не мертвую схему возникающих и разлагающихся формаций, а конкретную картину борьбы классов с характеристикой их вождей, с конкретной характеристикой классовых отношений в этой борьбе, ибо только таким образом история научит их тому, что является задачей ее, как науки о политике, т.е. о борьбе за власть и ее сохранение»⁸⁸.

В исторической науке ведущим авторитетом провозглашался Сталин как продолжатель дела и лучший ученика Маркса, Энгельса и Ленина⁸⁹. Главная мысль статьи звучала так: «Партия, её центральный комитет, товарищ Сталин, требуют от историков, чтобы... они взялись за работу с той энергией, с тем размахом, с которым мы строим нашу социалистическую промышленность, колхозы, Красную Армию. **Великая социалистическая страна требует великой исторической науки (полужирный курсив здесь и далее мой. – Л. Л.)**»⁹⁰.

Идеей мессианской роли советской исторической науки была проникнута вступительная статья первого номера «Вестника древней истории», начавшего выходить в 1937 г.: «Буржуазная история вовсе не заслуживает названия науки в полном смысле этого слова... Энгельс в связи с... сословно-классовым характером буржуазной историографии писал: **“Всю историю надо начинать изучать сизнова”**. Такое изучение необходимо не только потому, что история насыщена классовой фальшью и ложью, но и потому, что она не имела научного метода для объяснения прошлого. Этот метод был дан истории только Марксом в виде исторического материализма»⁹¹.

В 1938 г. миллионным тиражом был издан «Краткий курс истории ВКП(б)» – официально принятое и идеологически непререкаемое изложение как соответствующих событий, так и методологических установок. В главе IV, где популярно излагался диалектический и исторический материализм, речь шла о смене первобытного строя рабовладельческим, рабовладельческого – феодальным, феодального – буржуазным⁹². Наконец, пятичленная схема была сформулирована так: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»⁹³. Важно отметить, что были перечислены пять **основных** типов производ-

⁸⁸ На фронте исторической науки: в Совнарком Союзе СССР и ЦК ВКП(б). М., 1936. С. 24.

⁸⁹ Там же. С. 27.

⁹⁰ Там же. С. 28.

⁹¹ Сванидзе А. С. Наши задачи // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 5–6.

⁹² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 114.

⁹³ Там же. С. 119.

ственных отношений. Слово «основных» авторы выделили, очевидно оставив пространство для возможного теоретического маневра.

Знаковым событием, подводящим итог организационной и идеологической работы в области исторической науки стал выход в 1939 г. первого тома «Истории СССР» – «С древнейших времен до конца XVIII века»⁹⁴. Введение к этому фундаментальному изданию расставляло ряд значимых акцентов. Во-первых, речь шла о развитии общества «на территории нашей социалистической родины (*курсив мой. – Л. Л.*), начиная с древнейших времен»⁹⁵. История связывалась с патриотическими чувствами советского человека к родной стране, хотя слово «родина» писалось пока со строчной, а не прописной буквы – «Родина», как будет принято в послевоенном СССР. Во-вторых, со ссылкой на «Краткий курс ВКП(б) подчеркивалось, что история развития общества «есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков»⁹⁶. При этом провозглашалось, что работы Ленина и Сталина «дают нам понимание важнейших исторических событий, раскрывают все содержание истории нашей страны»⁹⁷. Наконец, «каждый гражданин нашей социалистической родины должен знать героические страницы борьбы за ее независимость, борьбы рабочих и крестьян за свое право строить социалистическое общество»⁹⁸.

Период 1930-х гг. для советской исторической науки был, таким образом, одним из важнейших и неоднозначных. Его главным итогом стало установление жесткого методологического канона и обусловленных однопартийной системой принципов функционирования исторического сообщества. Историческое знание расценивалось государством как важнейшее средство формирования мировоззрения граждан и воспитания подрастающего поколения. Решению этих задач была подчинена выстроенная в 1930-х гг. единая государственная система преподавания истории и подготовки кадров высшей квалификации. Руководству СССР эпохи Сталина насаждение единомыслия представлялось целесообразным, но в перспективе это имело тяжелые последствия для всей исторической науки. Речь шла не только об искаженных судьбах, нездоровых отношениях в научном сообществе или концептуальных недостатках работ советских историков – возникла проблема ценности советской историографии как таковой и ответственности ее научному статусу.

⁹⁴ История СССР: в 2 т. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1939. 792 с.

⁹⁵ Там же. С. 5.

⁹⁶ Там же. С. 5.

⁹⁷ Там же. С. 7.

⁹⁸ Там же. С. 7–8.

В 1930-х гг. была выработана схема исторического процесса на основе смены пяти социально-экономических формаций, движущими факторами которой выступали способ производства материальных благ и классовая борьба. В соответствии с предложенной моделью исторического процесса всеобщая история и история России были сведены в единую формационную схему, в основе которой была заложена идея прогрессивного поступательного развития. В конце 1930-х гг. были установлены рамки периодизации Новой истории, неизменные до конца 1980-х гг. Остается лишь добавить, что созданные в это время организационные и методологические основы исторической науки стали каноническими и сохранились с минимальными изменениями на протяжении всей советской эпохи.

Исследование государственных институтов было закономерно включено в общую систему исторического знания. Каждая социально-экономическая формация, как совокупность экономического базиса и политической надстройки, имела соответствующую систему институтов власти. Государство, как аппарат насилия господствующего класса над эксплуатируемыми массами, было важнейшим элементом надстройки. В XVI–XVIII вв. в Европе существовали и республика, и конституционная монархия, и абсолютная монархия. Господствующей была абсолютная монархия, а созданная ею социально-политическая система получила с 1934 г. название феодально-абсолютистского строя. Однако главной характеристикой абсолютной монархии для советских историков была не форма управления и соответствующие ей институты, а социально-классовая основа. На какой класс опиралась и чьи интересы выражала абсолютная монархия? Каким было соотношение феодальных и буржуазных мер в политике абсолютизма по мере его развития? В чем заключалась специфика абсолютных монархий в отдельных европейских странах? Ответы на эти и ряд других вопросов должны были сформулировать советские историки.

4.2. Интерпретация абсолютизма в методологических построениях 1930-х гг.: оформление концепции «равновесия»

К началу 1930-х гг. в трактовку абсолютизма уже был заложен теоретический фундамент. Итоги дискуссии о социально-экономических формациях, упразднение идеи «торгового капитала» и крепостничества как особой формации упростили концептуальные построения. Абсолютизм стал рассматриваться как государство периода феодализма, классовой основой которого являлись дворяне-помещики.

В содержании исторического образования проблема абсолютизма была одной из важнейших. Например, в программе семинария по истории стран Запада 1931/32 учебного года для аспирантов I курса Ленинградского отделения Коммунистической академии изучению западноевропейского абсолютизма уделялось такое же внимание, как и рассмотрению феодального поместья в позднем Средневековье и генезиса капитализма⁹⁹.

Концепт абсолютизма рассматривался отдельной темой и включал такие аспекты: 1) феодальная монархия и сословное представительство; 2) английский абсолютизм; 3) абсолютизм во Франции; 4) абсолютизм в Пруссии; 5) проблема абсолютизма в торговых республиках (Голландия, Венеция, Генуя); 6) социальная природа абсолютизма – а) надклассовая теория абсолютизма и б) абсолютизм как форма государственной власти при переходе от феодальной формации к капиталистической; 7) природа русского самодержавия; 8) три периода в истории абсолютизма¹⁰⁰.

В первой половине 1930-х гг. были созданы две работы, оказавшие значительное влияние на дальнейшее осмысление проблемы абсолютизма.

В 1932 г. вышел очерк Е. А. Косминского «Феодализм в Западной Европе». Последовательный, сдержанный, несколько суховатый текст был емким по содержанию. История – это смена общественно-экономических формаций. В основе формации лежит особый способ производства, определяющий свойственные ему идеологические надстройки¹⁰¹. Феодализм – это общественная формация, при которой основным средством производства является земля¹⁰².

Поскольку при феодализме власть связана с земельной собственностью, то землевладелец является государем по отношению к живущим на его земле. В силу этого феодальное государство представляет собой систему договорных отношений между сеньорами-государями¹⁰³. Централизация же определялась Косминским так: «На почве изменяющегося базиса начинает изменяться надстройка в виде сплочения феодального государства... Но, ведя ожесточенную борьбу с политической самостоятельностью отдельных сеньоров, опираясь при этом нередко на буржуазию, монархия остается по своей классовой сущности **феодальной**, возглавляя лишь новый этап в развитии феодального способа производства (курсив мой. – Л. Л.)»¹⁰⁴.

⁹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 54, 54 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 54 об.

¹⁰¹ Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. Ч.1. [М.], 1932. С. 5.

¹⁰² Там же. С. 6–7.

¹⁰³ Там же. С. 11.

¹⁰⁴ Там же.

Централизацию поддерживали, во-первых, сеньоры-землевладельцы, развивающие свое товарное хозяйство и заинтересованные в безопасности торговых путей и четком регулировании сделок. Им необходимо было сильное государство для укрепления своей власти над крестьянами и для защиты от нового соперника – городов и складывающейся буржуазии¹⁰⁵.

Буржуазия, особенно ее верхушка, отмечает далее Косминский, также была заинтересована в укреплении центральной власти, необходимой для безопасности торговли и обеспечения власти над ремесленниками и подмастерьями. Буржуазии было гораздо удобнее иметь дело с центральной властью, чем с насилиями феодальной вольницы¹⁰⁶.

Простой народ, получивший, по мнению Косминского, усиление эксплуатации, был также заинтересован в том, чтобы установился «твердый государственный порядок, который прекратил бы феодальные насилия и разорения. В крестьянстве складывается вера в доброго и справедливого короля, который стоит выше сеньоров-угнетателей и от которого можно ждать защиты и покровительства»¹⁰⁷.

Положения, сформулированные Е. А. Косминским, были дополнены в статье профессора Ленинградского университета П. П. Щеголева (1903–1936) «Учение Маркса о первоначальном накоплении».

«Итак, начнем с государства»¹⁰⁸, – в экспрессивной манере ставит проблему Щеголев. Опираясь на работы классиков марксизма, подвергнув критике различные толкования абсолютизма в духе теории «торгового капитала»¹⁰⁹, он в очередной раз напоминает о недопустимости «надклассового» понимания государства. «Марксизм отрицает, – продолжает далее Щеголев, – вместе с тем, возможность существования двух господствующих классов... В особенности же неприемлемо для него представление о двух господствующих классах, парализующих друг друга, уступающих и передоверяющих власть королю, который оказывается на положении надклассового суперарбитра»¹¹⁰.

Классовую природу абсолютизма Щеголев выявляет формально-логическим путем. Тезис первый: процесс первоначального накопления протекает в рамках феодального способа производства, который, несмотря на разложение, сохраняет господствующее положение. Тезис второй: на всем протяжении существования феодализма власть принадлежит дворянству, помещикам-феодалам. Вывод: абсолютизм – это одна из форм феодаль-

¹⁰⁵ Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. С. 105.

¹⁰⁶ Там же. С. 105–106.

¹⁰⁷ Там же. С. 106.

¹⁰⁸ Щеголев П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 84. С. 45.

¹⁰⁹ Там же. С. 46–47.

¹¹⁰ Там же. С. 47.

но-крепостнического государства, при которой господствующим классом остается дворянство, а основным содержанием всей политики – оборона феодальной системы эксплуатации крестьянских масс¹¹¹.

Однако такого утверждения было недостаточно в полемике с теми, кто считал абсолютизм государством «торгового капитала». Если абсолютизм – это дворянское государство, то каким образом оно учитывает интересы буржуазии? Не приобретает ли оно буржуазную природу? Какова роль буржуазии на разных этапах абсолютной монархии? Такая постановка вопроса порождала бесконечные дискуссии.

Одним из весомых аргументов в пользу буржуазной природы абсолютной монархии было преобладание выходцев из буржуазии в ее бюрократическом аппарате. Следует ли из этого, что социальная основа абсолютизма становилась буржуазной? Щеголев это категорически отрицает. В качестве аргумента он обращается к ленинской характеристике бюрократии (правда, российской конца XIX в.) как буржуазной, но реакционной, испорченной абсолютизмом¹¹². Буржуазное происхождение чиновников, подчеркивает Щеголев, «отнюдь не означает перехода власти к буржуазии, перехода, связанного с изменением классовой сущности дворянского государства»¹¹³.

Рост товарного хозяйства вызвал дифференциацию дворянства, считает Щеголев. Перед дворянами встала задача «управлять по-новому», то есть перейти к максимальной концентрации государственной власти. Буржуазия в этом была их союзницей. Таким образом, королевская власть, блокировавшаяся с буржуазией, была представительницей среднего и мелко дворянства, заинтересованного в ликвидации могущества феодальной знати и установлении мощной абсолютной монархии¹¹⁴.

С. В. и Т. Н. Кондратьевы верно отмечают, что этой концепции, при смещении внутри нее отдельных акцентов, будет суждена долгая жизнь¹¹⁵. Однако П. П. Щеголев не был первопроходцем в ее создании, и авторы «Науки «убеждать»...» разумно сделали в данном контексте оговорку, отметив, что идея «абсолютизм есть дворянское, феодальное государство» была предложена Щеголевым «видимо, впервые»¹¹⁶. Эта идея существовала в советской историографии уже с конца 1920-х гг., появившись в связи с началом создания формационной схемы исторического процесса¹¹⁷.

¹¹¹ Щеголев П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении. С. 48.

¹¹² Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 1. М., 1971. С. 301.

¹¹³ Щеголев П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении. С. 51.

¹¹⁴ Там же. С. 52.

¹¹⁵ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 47.

¹¹⁶ Там же. С. 46–47.

¹¹⁷ Абсолютная монархия в Европе (Заключительное слово т. Косминского на семинаре I курса секции Запада исторического отделения ИКП 9/VI 1930 г.) // Бюллетень заочно-консультационного отдела ИКП. 1930. № 10. С. 43–52.

Марксистская модель прогрессивной смены формаций выдвигала концепт абсолютизма на одно из первых мест. Абсолютная монархия в большинстве европейских стран была той формой государства, или, выражаясь терминологией марксизма, политической надстройкой, которая создавала условия для генезиса и развития капитализма. Но со временем абсолютизм превращался в регрессивную силу, когда его институты препятствовали развитию капиталистических отношений. В результате советские историки выходили на важнейшую проблему предпосылок буржуазных революций и дальнейшего развития капитализма.

К капитализму же отношение историков-марксистов было особым. Капиталистическая формация – последняя из антагонистических и эксплуататорских, и должна быть уничтожена в результате пролетарской революции. В этом аспекте концепт абсолютизма приобретал новое качество, которое ставило перед советскими историками трудноразрешимую проблему. Нужно было не только интерпретировать абсолютизм применительно к конкретным странам, в частности России, но, что значительно сложнее, создать его теоретическую схему в рамках марксизма сталинского образца. Это и явилось главной задачей советских исследователей абсолютизма в 1930-х гг.

С середины 1930-х гг., в свете принятых постановлений об организации исторического образования, создавалась учебная литература для высшей школы, в которой проблеме абсолютизма уделялось неизменное внимание. Так, в 1934 г. Е. А. Косминским и А. Д. Удальцовым был составлен проект программы по истории Средних веков¹¹⁸, и в последующие годы Косминский читал соответствующие лекции на историческом факультете Московского государственного университета. В 1938 г. лекции Косминского вышли отдельным изданием. В их заключительной части было отмечено, что к концу XV в. две ведущие европейские страны – Англия и Франция – вступили в период «феодального абсолютизма»¹¹⁹, переход к которому во Франции был обусловлен, в частности, проведением монархией военных и финансовых реформ. Одновременно усиливалось использование средств буржуазии для укрепления королевской власти¹²⁰.

Необходимостью продемонстрировать формирование классического капитализма и предпосылки революции XVII в. объяснялось второе, после Франции, место, занимаемое Англией в проблемном поле абсолютизма.

¹¹⁸ Крылов В. В. Вторая пламенная страсть академика Косминского // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 6. С. 555.

¹¹⁹ Косминский Е. А. Лекции по истории средних веков: с конца IV по XV век включительно. М., 1938. С. 375–380.

¹²⁰ Косминский Е. А. Лекции по истории средних веков ... С. 375–377.

В лекции Е. А. Косминского было отмечено всемерное содействие первоначальному накоплению как особенная черта английской абсолютной монархии¹²¹.

Не меньшее внимание уделялось причинам Английской революции. А. Е. Кудрявцев, занимающийся этой проблемой, в статье «Кризис абсолютизма в Англии начала XVII века» уделил внимание эпохе Якова I как особому периоду. «Два первых Стюарта отражают в своей политике и два последовательных этапа в подготовке революции», – считал Кудрявцев¹²². Недовольство политикой абсолютизма давало о себе знать уже при Елизавете, но при Якове Стюарте оно вылилось в форму открытых конфликтов. Королевский абсолютизм уже резко выявил свою феодальную сущность, но собрание сил революции прошло только начальную фазу, еще не охватив народных масс¹²³.

Доктор исторических наук В. М. Лавровский (1891–1971) в рамках формационной теории делал следующий вывод о предпосылках Английской революции. Для дальнейших возможностей буржуазно-капиталистического развития страны рамки феодально-абсолютистской монархии стали тесны. Однако Стюарты пытались их сохранить и обосновать, используя для этого теорию божественного происхождения королевской власти¹²⁴.

Советские историки затрагивали проблему абсолютизма и в других странах Европы, однако это были единичные публикации учебного или общего плана. Так, австрийский и прусский абсолютизм охарактеризовал в своей лекции С. Д. Сказкин. Подчеркивая специфику этих стран, он указывал, что на северо-востоке Европы установилось товарное помещичье хозяйство, основанное на крепостном труде. Соответственно, Пруссия и Австрия «оказались настоящим царством крепостников-дворян, крепкими военно-крепостническими державами, вступившими скоро в борьбу между собой за власть в Германии»¹²⁵.

Ленинградский историк, исследователь средневековой Испании И. В. Арский (1913–1941), рассматривая предпосылки упадка Испании, указал на особенности испанского абсолютизма. Созданный Фердинандом и Изабеллой, он не имел под собой достаточной экономической базы. Будучи единой монархией, Испания представляла собой ряд областей, почти не связанных экономически. Арский, вслед за Марксом, утверждал, что испан-

¹²¹ Косминский Е. А. Английский абсолютизм. Буржуазная революция в Англии в XVII веке. М., 1940. 72 с.

¹²² Кудрявцев А. Е. Кризис абсолютизма в Англии начала XVII века (Время Якова Стюарта, 1603–1625 гг.) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1939. Вып. 4. Сер. исторических наук. № 39. С. 216.

¹²³ Там же. С. 231.

¹²⁴ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 9.

¹²⁵ Сказкин С. Д. Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII–XVIII веках. М., 1941. 24 с.

ская монархия лишь внешне походила на европейские абсолютные монархии, а в действительности испанский абсолютизм скорее был проявлением азиатской формы правления¹²⁶. Приток золота из колоний, революция цен и разорение дворянства сочетались со слабостью буржуазии. Дополнившие это регресс в сельском хозяйстве и непомерные военные расходы привели в упадок страну, для которой XVI ст. было «золотым веком»¹²⁷.

Сюжет об испанском абсолютизме был отражен в обобщающей работе А. Е. Кудрявцева «Испания в средние века»¹²⁸. Это было первое издание книги, рассчитанной на широкого читателя и приуроченное к событиям Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.

Установление монархических режимов в Италии, опорой которых была земельная и финансовая аристократия северо-итальянских городов, было рассмотрено в учебном пособии ленинградского историка, ученика Н. И. Кареева В. В. Бирюковича (1893–1954)¹²⁹.

Центральное место в изучении абсолютной монархии занимала Франция, как страна классического абсолютизма и Французской буржуазной революции. При этом доминирующими были две проблемы – социальная основа абсолютизма и кризис монархии накануне революции 1789 г., в разрешении которых имелись некоторые оттенки.

В 1936 г. вышло учебное пособие В. В. Бирюковича «Абсолютная монархия во Франции», в котором трактовка абсолютизма демонстрировала новый уровень понимания этой проблемы. Основываясь на социологическом подходе, автор выходил за рамки простой констатации того, что борьбу дворянства и буржуазии использовала монархия, а также показывал более сложную структуру и динамику французского общества.

Революция цен и экспроприация крестьянства привели к перераспределению земель, в результате чего параллельно со старым дворянством – «дворянством шпаги» – сформировалось новое – «дворянство мантии», рекрутировавшееся из одворянившейся буржуазии. «Дворянство мантии», занимавшее место в королевской администрации и организующее свое хозяйство на прогрессивных основах, было, по мнению Бирюковича, социальной опорой абсолютизма¹³⁰.

Будучи дворянским государством, абсолютная монархия способствовала торговле и промышленности, королевская власть пользовалась поддержкой буржуазии, у которой «крепла тяга к абсолютизму». Буржуазия

¹²⁶ Арский И. В. Могущество и упадок Испании в XVI–XVII вв. // Исторический журнал. 1937. № 7. С. 77.

¹²⁷ Там же. С. 80–91, 77.

¹²⁸ Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. М., 1937. 250 с.

¹²⁹ Бирюкович В. В. Италия в XIV–XVI вв. Л., 1937. 37 с.

¹³⁰ Абсолютная монархия во Франции / под ред. В. В. Бирюковича. Л., 1936. С. 1–5.

«еще далеко не доросла до задач буржуазной революции», так как власть создавала условия для развития капитализма¹³¹.

Абсолютная монархия решала ряд задач. Это укрепление позиций нового дворянства как опоры абсолютизма, содействие экономическому подъему торгово-промышленной буржуазии, привлечение на свою сторону старого дворянства, ликвидация политической самостоятельности крупных феодалов, и, наконец, объединение всех сил феодального класса «на защиту феодально-самодержавного строя, на подавление нарастающего революционного протеста крестьян, городской бедноты и плебейства»¹³².

Е. А. Косминским абсолютная монархия расценивалась как государство, отражающее интересы дворянского класса в целом. Оно создавалось усилиями королевской власти, боровшейся против крупных феодалов. Абсолютизм пользовался и поддержкой буржуазии, так как содействовал развитию промышленности и торговли. В свою очередь, кредитование монархии обеспечивало ее союз с буржуазией. Однако это прекратилось с превращением абсолютизма в реакционную силу, тормозящую развитие производительных сил. Для свободного развития капитализма требовалась буржуазная революция¹³³. Авторы «Науки “убеждать”...» проницательно заметили: любопытно, что, несмотря на изложение Косминским концепции, «которая в конце концов восторжествует», не его будут считать ее творцом¹³⁴.

В изданной в 1936 г. книге А. де Виньи «Сен-Мар» характеристика абсолютизма содержится в предисловии, написанном С. Д. Сказкиным. Феодально-абсолютистская монархия интерпретировалась как «политическое новообразование», созданное вместо «феодального распыления» средневековья¹³⁵. Она «концентрировала волю класса феодалов и могущество одного из феодалов, который превратился в неограниченного монарха “милостью божьей”». Однако победа была достигнута монархией не сразу, для этого королевской власти потребовался союзник, которого она обрела в буржуазии. Опираясь на города, которым для торговли было необходимо объединение территорий, короли сломали феодальную вольницу¹³⁶.

С. Д. Сказкин в прочитанной 19 марта 1940 г. лекции, посвященной французскому абсолютизму, трактует его еще проще. Примечательно, что

¹³¹ Абсолютная монархия во Франции С. 7.

¹³² Там же. С. 9.

¹³³ Косминский Е. А. Абсолютизм во Франции. М., С. 39–41.

¹³⁴ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 54.

¹³⁵ Сказкин С. Д. Предисловие к книге А. де Виньи «Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XIII. М., 1964, с. 5–21* // Из истории социально-политической и духовной жизни Европы в средние века. М., 1981. С. 227.

¹³⁶ Там же.

как раз в то время происходило известное обсуждение проблем абсолютизма в Институте истории АН СССР, и лекция Сказкина почти не содержит теоретических построений. Лишь в ее начале кратко характеризуется противостояние дворянства и буржуазии при абсолютизме: «Наряду с сеньорами-дворянами в результате развития торговли и промышленности сложился класс буржуазии, которая росла и богатела. Дворяне начали побаиваться, как бы буржуазия не отняла у них власти. Они крепче сплывались вокруг короля, чтобы единым фронтом защищать свои привилегии и свое господствующее положение от натиска буржуазии»¹³⁷.

Французский абсолютизм накануне 1789 г. характеризовался советскими историками не только как упадочный и антинародный, но, с телеологических позиций, как государство, у которого в принципе не было другой перспективы, кроме уничтожения революционным путем. В 1936 г. была издана стенограмма лекции «Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции XVIII века» специалиста по революционному движению во Франции А. И. Молока (1898–1977). Она начиналась традиционно: «Франция второй половины XVIII века была абсолютной монархией, в которой еще господствовали феодальные отношения, и вся полнота власти принадлежала дворянству»¹³⁸. Далее обосновывалась неотвратимость событий 1789 г. Демонстрировалось нарастание противоречий между растущими элементами капитализма и пережитками феодализма. Политика абсолютизма, олицетворявшего реакцию, создала революционную ситуацию. Это «и кризис “верхов”, и кризис “низов”, и крайнее обострение нужды угнетенных масс, и наличие классов, готовых принять участие в революции и сокрушить старый феодально-абсолютистский режим»¹³⁹.

В 1939 г. вышла первая часть «Новой истории», в которой Французская революция открывала период 1789–1870 гг. Глава «Французская монархия накануне революции», написанная образно, с краткими характеристиками Людовика XVI, Марии-Антуанетты, Тюрго, Калонна, подводила читателя к традиционному выводу: бездарная политика монархии развязала революцию. «Верхи потеряли всякое доверие и обанкротились. Они уже не могли управлять по-старому. Народ исчерпал все свое терпение и больше не хотел жить по-прежнему»¹⁴⁰.

Придерживающийся этой же позиции В. П. Волгин (1879–1962), специалист по истории социалистических учений, рассматривал проблему более глубоко. Он считал просвещенный абсолютизм важным явлением внутрен-

¹³⁷ Сказкин С. Д. Абсолютизм во Франции. С. 4; См. также: его же. Абсолютизм во Франции и Англии. М., 1941. 24 с.

¹³⁸ Молок А. И. Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века. Л., 1936. С. 3.

¹³⁹ Молок А. И. Буржуазная революция во Франции конца XVIII века: в 2 ч. Ч. 1. Л., 1936. С. 4.

¹⁴⁰ Новая история / под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец. Ч. 1: От Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789–1870). М., 1939. С. 63.

ней политики Франции¹⁴¹. По мнению Волгина, просвещенный абсолютизм отражает ситуацию, при которой абсолютная монархия превращается в препятствие для дальнейшего поступательного развития государства. Суживается ее социальная база, падает авторитет, возникают новые представления о власти¹⁴². Само по себе, считает Волгин, абсолютистское государство покровительствовало развитию капитализма, поскольку это не нарушало интересов господствующего класса. Однако французская монархия никогда не была в состоянии проводить последовательно меркантилистскую политику, даже во времена Кольбера, из-за сопротивления феодальных элементов, а это можно было устранить только путем ликвидации феодальных отношений¹⁴³.

В 1938 г. были опубликованы «Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв.» П. П. Щеголева. Это был первый лекционный курс, созданный в соответствии с установившейся в 1930-х гг. методологической канвой. Абсолютизм интерпретировался здесь уже не как государство «торгового капитала», а «особая форма диктатуры дворянства в условиях разложения феодальной формации и зарождения в ней капиталистических отношений»¹⁴⁴.

Книга вышла после смерти автора, с редакторскими правками. Как отмечено в предисловии, «редакторы обращали внимание на уточнение отдельных формулировок, фактических данных и хронологии, прибегая к дополнениям, вставкам целых фраз и т. п. лишь в отдельных, относительно редких случаях»¹⁴⁵.

Г. Е. Лебедева и В. А. Якубский (1924–2013), известные санкт-петербургские медиевисты, отметили в связи с данным сюжетом, что авторский текст правил в основном О. Л. Вайнштейн, в то время заведовавший кафедрой Средних веков Ленинградского университета¹⁴⁶. Ему принадлежит и оценка издания: «Курс П. П. Щеголева отличается несомненными достоинствами: широким использованием относящихся сюда высказываний классиков марксизма-ленинизма (курсив мой. – Л. Л.), свежестью многих данных, насыщенностью фактическим материалом, рядом интересных мыслей и обобщений, удачным... расположением отдельных частей, жи-

¹⁴¹ Волгин В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748–1789). М.; Л., 1940. С. 85–96.

¹⁴² Там же. С. 87.

¹⁴³ Волгин В. П. Указ. соч. С. 10–11.

¹⁴⁴ Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. Л., 1938. С. 10.

¹⁴⁵ Там же. С. 3.

¹⁴⁶ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 104.

вою, подчас увлекательной формой изложения»¹⁴⁷. Эта оценка во многом справедлива. По стилю изложения и подбору материала «Очерки...» Щеголева превзошли последующие аналоги.

В 1939 г. вышел второй том двухтомной «Истории средних веков», охватывающий период XVI–XVIII вв.¹⁴⁸ В первой главе, написанной С. Д. Сказкиным, эта эпоха характеризовалась «тремя основными фактами» – развитием капиталистического хозяйства, превращением сословия горожан в класс буржуазии и появлением новой политической формы феодального государства – феодально-абсолютистской монархии¹⁴⁹.

Генезис абсолютной монархии рассматривался как производное явление от процессов первоначального накопления и формирования буржуазии. Абсолютная монархия, таким образом, «для все еще господствующего класса феодалов... была политической необходимостью, диктовавшейся измененной хозяйственной и социальной обстановкой»¹⁵⁰. С. Д. Сказкин подробно, со ссылками на классиков марксизма, характеризует отношения буржуазии с королевской властью. Он подчеркивает, что о политическом господстве буржуазии речь не идет – оно осуществляется лишь в конституционном государстве XIX в. В эпоху же абсолютизма для буржуазии была благоприятна политическая централизация. В силу этого буржуазия не только поддерживает абсолютную монархию, но и «принимает заметное участие в бюрократических учреждениях централизуемого государства»¹⁵¹.

При обсуждении II тома учебника по истории Средних веков проблеме абсолютизма было уделено значительное внимание. Б. Ф. Поршнев (1905 – 1972), один из наиболее известных исследователей абсолютизма, выдвигал на первый план его классовую составляющую. Он был не согласен с тем, что абсолютизм рассматривается во вводной части учебника наравне с развитием капитализма и формированием буржуазии, то есть происходит смешивание социальных и политических аспектов. Если же речь идет о буржуазии, то, по мнению Поршнева, почему не обращено внимание на формирование предпролетариата и революционные движения? В результате классовая характеристика эпохи получается недостаточно четкой¹⁵². Централизованное государство, утверждал Поршнев, было создано для

¹⁴⁷ Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. С. 3; см. также: Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн ... С. 104.

¹⁴⁸ История средних веков веков: в 2 т. / под ред. С. Д. Сказкина и О. Л. Вайнштейна. Т. 2. М., 1939. 562 с.

¹⁴⁹ Там же. С. 3.

¹⁵⁰ Там же. С. 4.

¹⁵¹ История средних веков веков. Т. 1 С. 11.

¹⁵² [Мосина З. В.] Обсуждение II тома учебника по истории средних веков для вузов // Историк-марксист. 1939. № 5–6. С. 273.

противостояния народным движениям. Что же до буржуазии, то она противостоит дворянам и крестьянам как нечто третье, антагонистичное тем и другим, и ищущее союза то с теми, то с другими¹⁵³.

З. В. Мосина, цитируя Ленина, обратила внимание на создание при абсолютизме бюрократического аппарата, формируемого из буржуазии и окончательно ликвидируемого только пролетарской революцией. Следовательно, нельзя считать, что абсолютизм направлен против буржуазии. По мнению З. В. Мосиной, не следует «затушевывать» борьбу абсолютизма с верхушкой дворянского класса, то есть абсолютизм не был прямым господством дворян¹⁵⁴.

Рассматривая учебную литературу 1930-х гг., необходимо остановиться на таком аспекте ее содержания, как характеристики монархов и их окружения. Правителям, как главам эксплуататорского класса, не принято было уделять внимание в советской историографии. Однако учебная литература 1930-х гг. демонстрирует, что это требование не всегда выдерживалось, и иногда характеристики персоналий были глубже, чем предписывалось классовым подходом.

Вот, например, выразительные портреты Людовика XI (1461–1483) и Карла Смелого (1467–1477), данные Е. А. Косминским. «Еще Карамзин сравнивал его [Людовика XI] с Иваном Грозным. Сравнение это не совсем точно... Это была фигура несколько более мелкого калибра, но с Иваном Грозным его объединяла крайняя жестокость и неразборчивость в средствах. Одни из главных противников Людовика XI, герцог Бургундии Карл Смелый называл его всемирным пауком... Этому сравнению нельзя отказать в истинности. Этот болезненный, невзрачный человек, постоянно одержимый великими страхами, религиозными порывами (в этом тоже сходство его с Иваном Грозным), вечно прятавшийся от врагов, непрерывно раскидывал свою паутину по всей Франции... Постоянным соперником Людовика XI был герцог Бургундский Карл Смелый... Это был действительно смелый до безрассудства человек, рыцарь на герцогском престоле. С Людовиком XI они были смертельными врагами, причем врагами их делала не только противоположность их политических интересов, но и противоположность их характеров и темпераментов»¹⁵⁵.

Еще более примечательны характеристики правителей в «Очерках из истории Западной Европы XVI–XVII вв.» П. П. Щеголева. «Французские короли, – пишет он, – принадлежали к династии Валуа. Буржуазные истори-

¹⁵³ Обсуждение II тома учебника по истории средних веков для вузов. С. 273.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Косминский Е. А. Лекции по истории средних веков: С конца IV по XV век включительно. М., 1938. С. 378–379.

ки очень любят разбирать вопрос о том, что произошло с Валуа, почему эта династия дала тот исключительный подбор дегенератов, какой представляют собою последние Валуа (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.) – дети Франциска I и его внуки»¹⁵⁶.

Однако не везде оценки Щеголева были такими. Несмотря на цитирование классиков марксизма и отмежевание от буржуазных историков, П. П. Щеголев далек от упрощений. Говоря о заурядности Людовика XIV как личности, историк обращает внимание на другие качества монарха: «Людовик XIV был человеком весьма работоспособным... он любил работать и действительно работал в течение шестидесяти лет своего царствования, – делает акцент Щеголев и подводит общий итог: Людовик XIV считал, что он должен быть королем не только на словах, но и на деле. Поэтому худо ли, хорошо ли, но он в течение шестидесяти лет действительно управлял страной»¹⁵⁷.

Стремление Щеголева донести до читателя «неудобную» в условиях СССР 30-х гг. информацию видно из описания мероприятий Генриха IV по отношению к крестьянам. В нем содержание и идеологическое обрамление внешне увязаны, но для внимательного читателя страны победившей коллективизации порождают ряд размышлений. По этой причине данный сюжет заслуживает особого внимания.

«Буржуазная историография, – традиционно критически отмечает Щеголев, – рисует Генриха IV как короля, который был охвачен любовью к своим подданным и прежде всего к крестьянам... Ему приписывается известное изречение о курице в супе, который он хотел бы видеть на столе у каждого подданного. Эта курица в супе при ближайшем рассмотрении оказывается легендой, основанной на беззастенчивой фальсификации фактов»¹⁵⁸. В чем же эта фальсификация состояла?

Так называемые крестьянские мероприятия Генриха, продолжает Щеголев, «сводились к запрещению произвольных обложений и произвольной барщины, к отмене продажи за долги сельскохозяйственного инвентаря и к некоторым другим мероприятиям. В самом начале XVI в. талья, основной прямой налог, была уменьшена более чем на 4 млн. ливров... Во время религиозных войн нередко были случаи уклонения выходцев из третьего сословия от уплаты тальи: они приобретали документы, которые удостоверяли их дворянское происхождение, и отказывались платить налог. Генрих IV отыскал сорок тысяч таких налогоплательщиков и обложил их налогом: это, конечно, привело к облегчению всей остальной массы налогоплательщиков...

¹⁵⁶ Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. С. 191.

¹⁵⁷ Там же. С. 429–430.

¹⁵⁸ Там же. С. 207.

Чем объясняется интерес Генриха IV к крестьянскому хозяйству? Это был интерес помещика, интерес дворянина. Генрих IV отлично сознавал, что феодальная эксплуатация может идти бесперебойно, когда за крестьянством будет обеспечен известный прожиточный минимум»¹⁵⁹.

Действительно, было бы наивным полагать, что политика Генриха мотивировалась любовью к народу, а не государственным интересом. И все же у читателя невольно возникали вопросы. Если король антинародного феодального государства так относился к крестьянам, то что должно было сделать для крестьян рабоче-крестьянское советское государство? И почему король-эксплуататор, найдя сорок тысяч неплательщиков налогов, не обложил их по существующей ставке и не обеспечил дополнительный доход казне, а зачем-то произвел перерасчет и уменьшил размеры налога для всех? Остается добавить, что в последующих учебных изданиях сюжет о крестьянской политике Генриха IV так развернуто уже не приводился¹⁶⁰.

Особенное внимание уделил Щеголев Ришелье, считая кардинала деятелем, «с именем которого связывается утверждение режима абсолютной монархии не только во Франции, но и во всей Европе»¹⁶¹. Утверждая, что кардинал «не давал народу ни отдыха, ни срока», историк тем не менее приводит известное высказывание Ришелье о народе полностью, что впоследствии часто опускалось. «Народ, – писал Ришелье в своем «Политическом завещании», – следует сравнивать с ослом, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы. Но подобно тому, как работа мула должна быть умеренна, и бремя, положенное на животное, соизмеряться с его силою, то же самое должно быть соблюдено и относительно повинностей народа: будучи чрезмерными, они не перестали бы быть несправедливыми даже и в том случае, если бы они были полезны для общества»¹⁶².

Внимание к персоналиям появилось после отказа от установок «школы Покровского», в которых личность растворялась в социологической схеме. При этом наличие идеологических рамок все же не было непреодолимым препятствием для авторов, желавших взвешенно отразить исторические события.

Интерпретация абсолютизма как феодального дворянского государства, призванного удерживать в повиновении народные массы, сформирова-

¹⁵⁹ Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. С. 208.

¹⁶⁰ Ландина Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920-х – 50-х гг. // Крыніцазнаўства і дапаможныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 11. Мінск, 2016. С. 88–90.

¹⁶¹ Там же. С. 412.

¹⁶² Там же. С. 414.

ровала ядро проблемного поля абсолютной монархии в советской медиовистике, генерируя сюжеты для научных статей и диссертаций. К концу 1930-х гг. последние были представлены двумя докторскими (В. В. Бирюкович, Б. Ф. Поршнев) и четырьмя кандидатскими (Г. Г. Жордания, З. В. Мосина, А. Д. Люблинская и Б. Б. Пыхтеев). Особое место советскими историками отводилось классовой борьбе при абсолютизме. Например, в 1930-х гг. этой проблемой специально занимались как будущие доктора наук В. В. Бирюкович и Б. Ф. Поршнев, так и аспирант кафедры истории Средних веков МГУ А. О. Букштейн¹⁶³.

Применительно к советской историографии 1930-х г. вести речь об оригинальных авторских концепциях абсолютизма проблематично, однако индивидуальные оттенки его трактовок очевидны. Это присуще, например, защищенной в 1939 г. докторской диссертации В. В. Бирюковича «Французский абсолютизм и финансисты в XVII в. (1622–1634 гг.)»¹⁶⁴.

Как историк-марксист, Бирюкович рассматривал проблему французского абсолютизма «в тесной связи с экономическим положением и ходом классовой борьбы»¹⁶⁵. Однако он создал более сложную картину французского общества XVII в., нежели его коллеги¹⁶⁶.

В. В. Бирюкович рассматривает не просто некое гомогенное (в крайнем случае, ранжированное по богатству и степени близости к монарху) дворянство. Историк различает в нем феодально-аристократическую оппозицию, неоднородное по своим политическим устремлениям старое дворянство («людей шпаги») и одворянившихся представителей буржуазии, служащих монархии («людей мантии»)¹⁶⁷. Бирюкович не только актуализировал эти термины в советской историографии, но и подробно охарактеризовал «людей мантии». Это – землевладельцы, буржуазные по происхождению, но феодальные по типу хозяйства. Они были государственными чиновниками, но чиновниками особого рода, так как занимаемые ими должности были их частной собственностью. Благодаря этому «люди мантии» уже при Генрихе IV заняли доминирующее положение в бюрократической системе и превратились в правящую феодальную группировку. Симпатии их к абсолютизму объяснялись тем, что последний, сохраняя феодальный строй, создавал в то же время условия, необходимые для развития капитализма¹⁶⁸.

¹⁶³ Букштейн А. Крестьянское движение во Франции в XVI веке (о восстании кроканов) // Борьба классов. 1936. № 6. С. 80–88.

¹⁶⁴ Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // Историк-марксист. 1939. Кн. 5–6. С. 278–279.

¹⁶⁵ Там же. С. 278.

¹⁶⁶ Бирюкович В. В. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–1624 гг. // Исторические записки. Вып. 3. М., 1938. С. 181–240.

¹⁶⁷ Там же. С. 182–185.

¹⁶⁸ Бирюкович В. В. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–1624 гг. С. 182–183.

Борьба различных группировок дворянства и буржуазии, завершившаяся приходом к власти кардинала Ришелье, демонстрирует, по мнению автора, установление именно того социального баланса, который отвечал природе и целям абсолютной монархии. Это мобилизация общественного мнения на борьбу с феодальной аристократией, укрепление связи монархии с «людьми мантии», обеспечение поддержки городских верхов и предотвращение присоединения к грандам (феодальной аристократии) большинства старого дворянства¹⁶⁹.

Во время защиты диссертации Бирюкович подверг серьезной критике существующую трактовку абсолютизма. Во-первых, он обратил внимание на то, что в этом вопросе «господствует голая схема, оторванная от анализа конкретных фактов»¹⁷⁰ (сам Бирюкович использовал значительный массив источников, в том числе документы канцлера Сегье из фонда П. П. Дубровского Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина). Во-вторых, диссертант указал на схематизм и «искажение марксистско-ленинской методологии» в статье П. П. Щеголева о первоначальном накоплении, в которой абсолютизм отождествляется с диктатурой дворянства и защитой исключительно его интересов. Хуже того, эта упрощенная схема, по мнению Бирюковича, уже стала классической, так как представлена в только что вышедшем учебнике по истории Средних веков¹⁷¹.

Эти высказывания диссертанта серьезно задевали его оппонентов – С. Д. Сказкина и Б. Ф. Поршнева. Оба уважаемых ученых имели пристрастие к цитированию и пространным теоретическим построениям. Глава XVI второго тома учебника по истории Средних веков, содержащая упрощенное, по мнению Бирюковича, рассмотрение французского дворянства, принадлежала Сказкину¹⁷². Для полного понимания ситуации нужно учесть, что мнение Бирюковича об «искажении марксистско-ленинской методологии» было высказано в 1939 г.

Демонстрация собственного мнения Бирюковичем, очевидно, не вызвала положительных эмоций и у Поршнева, готовящего в защите докторскую диссертацию. При этом Поршнев, как и Бирюкович, занимался разработкой народных движений во Франции XVII в.¹⁷³ Как утверждает исследовательница научного наследия В. В. Бирюковича О. И. Зезегова, Бирюкович первым обра-

¹⁶⁹ Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве. С. 279.

¹⁷⁰ Там же. С. 279.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² История средних веков. Т. 2. М., 1939. С. 302–303.

¹⁷³ Бирюкович В. В. Народные восстания в Бордо и Гиени // Исторические записки. Вып. 2. М., 1938. С. 360–397; см. также: его же. Народные движения во Франции в 1624–1634 гг. // Труды военно-политической Академии Красной Армии им. В. И. Ленина. 1940. № 4. С. 223–279.

тился к этой проблеме, между тем как в советской историографии до конца 1960-х гг. первенство в этой области отдавалось Б. Ф. Поршневу¹⁷⁴.

Именно Бирюкович, как отмечает Зезегова, открыл для изучения массив ранее неизвестных источников, впоследствии использованных Поршневым, причем последний ссылался на Бирюковича в книге о народных восстаниях перед Фрондой¹⁷⁵. Однако О. И. Зезегова указывает и на такой факт: «Выявлено некорректное отношение Б. Ф. Поршнева к научному наследию предшественника, что подтверждается сравнительной таблицей, фиксирующей совпадения текстов в работах двух историков: Б. Ф. Поршнев порой дословно цитирует В. В. Бирюковича, не делая при этом ссылок»¹⁷⁶. На то, что Бирюкович стал первым исследователем народных движений во Франции XVII в., указывают и С. В. и Т. Н. Кондратьевы, ссылаясь на работу ленинградского медиевиста В. И. Райцеса об Аженской коммуне¹⁷⁷.

Описанные обстоятельства, дополненные теоретическими расхождениями между диссертантом и его оппонентами, накалили атмосферу дискуссии, что очевидно из сообщения о защите диссертации. Так, «оба оппонента вступили в *резкий спор (курсив мой. – Л. Л.) с диссертантом*», не соглашаясь с его концепцией. Затем Поршнев указал Бирюковичу на то, что, пока еще не создав своей концепции, тот *резко нападает* на своих критиков, уподобляясь анекдотическому солдату, считающему, что вся рота шагает не в ногу, а лишь он один шагает в ногу. Наконец, Бирюкович в заключительном слове *«особенно резко поставил вопрос»* о разногласиях со своими оппонентами. Он жестко указал, что «вся-то “рота” состоит из трех человек, которые действительно шагают в ногу», и подвел черту: *«Я с ними в ногу шагать не хочу, отказываюсь»*¹⁷⁸. Бирюкович призвал не «выдумывать абстрактные основания и мертвые схемы», а заняться изучением источников и к ним прилагать «тот метод, которым основоположники марксизма пришли к своим выводам»¹⁷⁹. А с этими выводами, заключил он, установки его работы «ни в чем не расходятся»¹⁸⁰.

Б. Ф. Поршнев, один из ведущих исследователей абсолютизма и народных движений XVII в. и весьма колоритная фигура в советской историографии, по-другому расставлял акценты в понимании абсолютизма. Если для

¹⁷⁴ Зезегова О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С. 20.

¹⁷⁵ Золотарев В. П., Зезегова О. И. Владимир Владимирович Бирюкович (1893–1954) // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 185–186.

¹⁷⁶ Зезегова О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича. С. 20–21.

¹⁷⁷ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 64.

¹⁷⁸ Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве. С. 279.

¹⁷⁹ Там же. С. 279.

¹⁸⁰ Там же.

С. Д. Сказкина «универсальным ключом» к пониманию абсолютизма были его социальные корни, то для Б. Ф. Поршнева – классовая борьба, о чем неоднократно писали С. В. и Т. Н. Кондратьевы¹⁸¹.

В статье с образным названием «От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда»¹⁸² Т. Н. Кондратьева рассказывает о том, как обстоятельства и умение Поршнева с пользой для себя выходить из затруднений привели к защите им докторской диссертации в 1940 г., а через четверть века – к появлению нового эпитета «le temps porschnevien» – поршнево-е время – так во Франции называли 20-е – 40-е гг. XVII в.¹⁸³

Как отмечает Т. Н. Кондратьева, в начале 1930-х гг. Поршнева еще не определил как ученый, между тем как потребность в средствах заставляла братья за любую работу. В ноябре 1932 г. между Поршневым и издательством «Academia» был заключен договор сроком на полгода о работе над «Мемуарами» кардинала де Реца. Речь шла о написании Поршневым вступительной статьи, комментариев и редактировании подготовленного переводчиком текста. Однако книга не была издана, Поршнева свою часть работы не выполнил¹⁸⁴. Т. Н. Кондратьева обоснованно считает, что ему не хватило языковой подготовки и знаний об описываемой эпохе. Кроме того, очевидно, что между Поршневым и переводчицей не было согласованного взаимодействия. Результатом стали несоблюдение сроков предоставления материалов, проволочки и, наконец, разрыв договора издательства с Поршневым 1 января 1937 г.¹⁸⁵

Описываемая история выглядела бы тривиально, если бы не имела примечательной оборотной стороны. Действительно, Поршнева на протяжении 1932–1933 гг. занимался исследованиями и собирал материалы по истории Франции XVII в.¹⁸⁶ Однако это делалось не для издательства, а для самого Поршнева. Очевидно, он рассудил, что нельзя упускать шанс раз-

¹⁸¹ См., например: Кондратьева Т. Н. «Абсолютизм», «народные массы», «буржуазия» и Фронда в трактовке Б. Ф. Поршнева в 30–40-е годы // Европа. 2002. № 2. С. 126–147; Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать»...; их же. Б. Ф. Поршнева – интерпретатор французского абсолютизма // Абсолютизм во Франции: к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М., 2005. С. 76–95.; их же. Б. Ф. Поршнева в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20–80-е годы XX века: фр. ежегодник, 2007. М., 2008. С. 34–54 и др.

¹⁸² Кондратьева Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. № 4. С. 145–164.

¹⁸³ Вите О. Т., Гордон А. В. Борис Федорович Поршнева (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 183.

¹⁸⁴ Кондратьева Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам ... С. 147.

¹⁸⁵ Там же. С. 155.

¹⁸⁶ Там же. С. 156.

работать неизученную проблему, тем более что в центре нее находилась столь востребованная в 1930-х гг. тематика классовой борьбы.

Это было тем более рационально, что в марте 1934 г. заведующий отделом французской литературы А. М. Эфрос весьма снисходительно оценил уже сделанный перевод «Мемуаров», указав на необходимость тщательной редакции. Тогда Поршнева, вероятно, работал над вступительной статьей и комментариями, но, как указывает Т. Н. Кондратьева, статья, видимо, не превратилась в законченный текст, историк не сдал его в редакцию и не попытается опубликовать позже¹⁸⁷. Очевидно, что мотивацией Поршнева стал собственный научный интерес, а не работа над «Мемуарами» – более тяжелая, не задавшаяся и не имевшая лично для него особых перспектив.

Однако очередной срыв сдачи материалов в издательство и уже не первая отсрочка могли иметь серьезные последствия. И тогда Поршнева в октябре 1934 г. обращается с письмом к директору издательства Л. Б. Каменеву. Изложенное Т. Н. Кондратьевой, это письмо служит ярким примером искусной манипуляции. Здесь и благодарность за предоставленные ранее отсрочки, и признание собственной вины в срыве договорных обязательств, и отчет о том, что уже немало сделано. Однако самое интересное – это успешное переведение проблемы в нужное для Поршнева русло. «Мемуары» – это, по его мнению, публикация не просто литературного произведения, а исторического источника. И, как историк, Поршнева *просто принужден (курсив мой. – Л. Л.)* полностью погрузиться в изучение описываемого в «Мемуарах» времени. При этом, по мере вхождения в работу, все более очевидной становится невозможность уложиться в требуемые сроки предоставления самих «Мемуаров». Поршнева убеждает Каменева в том, насколько непросто ему далось решение продолжить собственные исследования. Более того, он *должен* не только издать «Мемуары» Реца, но и *собственную монографию о Фронде*. Это *особенно необходимо* из-за отсутствия марксистского исследования на эту тему и неприемлемости сохранения в ней оценок буржуазных историков. И он, Поршнева, уже вплотную работает над подготовкой части монографии согласно плану исследовательских работ исторической комиссии Академии наук. Убеждая, таким образом, директора издательства в необходимости создаваемого им исследования и поставив перед фактом его включения в план Академии наук, Поршнева просит еще *год(!)* для работы. Чтобы смягчить свою просьбу и показать активную деятельность, он предлагает Каменеву издание сатирических листовок-мазаринад. Каков был результат этого демарша Поршнева? Издательство предоставило ему отсрочку на год, но идею публикации мазаринад отклонило¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Кондратьева Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам ... С. 149–150.

¹⁸⁸ Там же. С. 150–152.

Уже к 1935 г. Поршневу, отмечает Кондратьева, выразил свое понимание Фронды, во-первых, как финала борьбы феодальных сеньоров за утраченную независимость и, во-вторых, как пролога буржуазной революции и непосредственного отклика на события Английской революции¹⁸⁹.

Значительно позже, в заметке «Как я работал в СССР над книгой по истории Франции», Б. Ф. Поршневу рассказывал, какое впечатление произвел на него массив источников. Результатом стала уверенность в том, «что Фронда не была беспринципной и поверхностной политической смутой, что она была настоящей бурей, всколыхнувшей все общество и умы Франции».¹⁹⁰ Сотни документов, по мнению Поршнева, содержали информацию о «повседневной и повсеместной глухой и ожесточенной борьбе угнетаемых масс деревни и города»¹⁹¹. И если до этого момента он не думал о книге, то теперь решение о ее написании созрело¹⁹².

Во второй половине 1930-х г. концепция Поршнева в основном сформировалась, что нашло отражение в его рецензии на «Мемуары» герцога де Сен-Симона, вышедшие в 1936 г. Сен-Симон, подчеркивает историк, является представителем консервативной оппозиции абсолютизму. Он олицетворяет высшую феодальную знать, оттесняемую от власти новым дворянством и буржуазией¹⁹³. Далее Поршневу обращает внимание на «во многом верную картину загнивания дворянского абсолютизма во Франции, фатально идущего к гибели, к взрыву буржуазно-демократической революции, которая уже не за горами»¹⁹⁴. И наконец, Поршневу представляет собственную научную область. «К лучшим страницам “Мемуаров”, – отмечает он, – принадлежат помещенные в конце первого тома (настоящего издания) описания народных бедствий и восстаний»¹⁹⁵. В рецензии сформулирована и трактовка абсолютизма как централизованного государства, необходимого для того, «чтобы сдерживать клокотавшие во Франции общественные противоречия, чтобы не допустить взрыва»¹⁹⁶.

Эта же мысль повторяется и в статье 1939 г. о крестьянских и плебейских восстаниях. Более того, считал Поршневу, постепенно выходящие за антианалоговые рамки восстания превращались в выступления против са-

¹⁸⁹ Кондратьева Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам ... С. 158.

¹⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 14. Л. 1.

¹⁹¹ Там же. Л. 4.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Поршневу Б. Ф. [Рецензия] // Историк-марксист. 1937. Кн. 5/6. С. 235. Рец. на кн.: Сен-Симон, Мемуары. Избранные части «Подлинных воспоминаний герцога де Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства»: [в 2 т.]. Т. 2. М., 1936.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 236.

мого феодального строя. Их практика и логика должны были вести «в сторону борьбы с феодалами и феодализмом как основой абсолютистского государства»¹⁹⁷, – утверждал Поршневу. Народные восстания, проходя ряд циклов, создали и продолжали революционную традицию народных масс, а революция должна была завершить этот процесс¹⁹⁸. Здесь же Поршневу высказывает и неоднократно повторявшееся затем мнение о недооценке французскими историками «настоящего шквала народных восстаний», прошедшего по Франции на протяжении двадцати лет перед Фрондой¹⁹⁹.

Несомненным аргументом в признании Поршневым особой роли крестьянских выступлений XVII в. была утрата ими религиозной окраски. Народные массы, по мнению Поршнева, заговорили простой и откровенной классовой «прозой»²⁰⁰.

Научная направленность Б. Ф. Поршнева очевидна из рецензии на выпущенный в 1940 г. VII том «Архива Маркса и Энгельса». Речь шла о черновых записях Маркса, названных Энгельсом «Хронологическими выписками». Они представляют собой конспекты Маркса по всемирной истории с его комментариями, где была затронута и проблематика абсолютизма. Поршневу, в частности, указывает на такие важнейшие с позиций советской историографии выводы Маркса, как связь товарно-денежных отношений и финансовых возможностей монархий²⁰¹. Абсолютные монархии, как отмечает Маркс, были созданы как раз в тех странах, где было устойчивое финансово-экономическое положение, и примером тому являются Франция, Испания и Англия²⁰².

Особенное место уделяет Поршневу классовой борьбе в конспектах Маркса, хотя сам отмечает, что заметки Маркса «по этому поводу подчас кратки, так как он занят главным образом явлениями политической истории»²⁰³. И тем не менее это не мешает Поршневу утверждать, что «Маркс ни на минуту не упускает из виду идеи классовой борьбы. Он всюду остается пламенным другом народа»²⁰⁴. Примером этому служат приводимые Поршневым уничижительные характеристики европейских правителей XVI в., данные Марксом. «Отнюдь не простой юмор или вольность пера, а ненависть и презрение, – подчеркивает Поршневу, – побуждают Маркса называть

¹⁹⁷ Поршневу Б. Ф. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 90.

¹⁹⁸ Там же. С. 85, 91–93.

¹⁹⁹ Поршневу Б. Ф. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции С. 86.

²⁰⁰ Он же. Народные восстания во Франции 20-х – 40-х гг. XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1940. Т. II. С. 3–4.

²⁰¹ Он же. [Рецензия] // Большевик. 1941. № 1. С. 90. Рец. на кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. VII. М., 1940.

²⁰² Там же. С. 92–93.

²⁰³ Там же. С. 94.

²⁰⁴ Там же.

Карла V “испано-габсбургским псом”, папу Сикста IV – “свиньей”, Изабеллу – “фанатичной свиньей”, “ханжой” и еще хуже, Генриха VIII – “королем-скотиной”, Филиппа II – “чудовищем” и т. д.; разоблачать их разврат, всю поистине скотскую грязь, наполнявшую жизнь большинства государей»²⁰⁵.

То, что крестьяне и городской плебс являлись классовыми врагами абсолютизма, не вызывало малейших сомнений у советских медиевистов. Роль дворянства также выявлялась без особых трудностей, исходя из дворянской природы абсолютистского государства. Наибольшие сложности вызывала буржуазия, как наиболее подвижный элемент в системе «равновесия». В докторской диссертации Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции в XVII веке», защищенной 26 декабря 1940 г. на Ученом совете Московского института истории, философии и литературы²⁰⁶, раскрытию социальной природы буржуазии уделено немалое место. Так, являющаяся вводной частью диссертации статья «Чем было “третье сословие” во Франции XVII века?»²⁰⁷ посвящена решению двух исследовательских задач. Первая из них – выяснение содержания концепта «буржуазия», вторая – раскрытие роли буржуазии в системе французской абсолютной монархии XVII в.

Опираясь на французскую политико-правовую и историческую мысль XVII–XX вв., Поршневу указывает, что, начиная с О. Тьерри, во французской историографии буржуазия считалась частью «третьего сословия», то есть народа в широком смысле слова. Следуя классикам марксизма, Поршневу усматривает в этом проповедь «классового мира». Тьерри, подчеркнул Поршневу, «скрыл противоречие между буржуазией и народом с помощью идеи «третьего сословия», а противоречие между буржуазией и господствующим феодально-дворянским классом – с помощью идеи надклассовой монархии»²⁰⁸.

Однако, обращает внимание Поршневу, еще в XVI в. высказывалось суждение о том, что буржуазия и народ – это различные социальные группы²⁰⁹. Наиболее ярким выразителем этого мнения был французский правовед XVII в. Ш. Луазо, стремившийся возвысить буржуазию до дворянства и вписать ее в систему абсолютной монархии²¹⁰. Таким образом, содержание

²⁰⁵ Поршневу Б. Ф. [Рецензия]. С. 94.

²⁰⁶ Шарапов Ю. Защита докторской диссертации на тему «народные восстания во Франции XVII века» // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 147.

²⁰⁷ Поршневу Б. Ф. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? // Историк-марксист. 1940. № 2. С. 91–113.

²⁰⁸ Там же. С. 93.

²⁰⁹ Там же. С. 93–95.

²¹⁰ Там же. С. 96–100.

понятия «третье сословие» менялось²¹¹, и господствующей тенденцией в этом было дистанцирование буржуазии от народа²¹².

Французская буржуазия, утверждал Поршневу, быстро революционизировалась в XVIII в., однако этого нельзя сказать о ней применительно к XVI и XVII вв. Тогда она искала покровительства абсолютизма и опасалась «революции, к которой неизбежно должно было привести ее собственное развитие»²¹³. Как указывал вслед за классиками марксизма и «Кратким курсом истории ВКП(б)» Б. Ф. Поршневу, двойственность буржуазии заключалась в переходном характере того периода, когда «капиталистический уклад уже существовал, а политическая буржуазная революция еще не совершилась»²¹⁴. Однако буржуазия не могла не обладать и известной долей господства. Но, считает Б. Ф. Поршневу, для этого она должна была «вырождаться в “феодальную буржуазию”, то есть «непрерывно отречься от своей формирующейся классовой природы, непрерывно самоотрицаться»²¹⁵. Это «самоотрицание» осуществлялось путем покупки должностей, приобретением земли, жизни по-дворянски, кредитованием дворян и государства²¹⁶. Это «врастание» буржуазии в феодально-абсолютистский режим²¹⁷ не давало ей бороться с абсолютизмом.

В докторской диссертации и ее опубликованном в 1944 г. автореферате Б. Ф. Поршневу²¹⁸ развернуто изложил свою концепцию:

– абсолютная монархия есть централизованный орган классового господства дворян и защиты феодального строя от революционного движения народа, а подавление и предотвращение народных восстаний было важнейшей функцией французского абсолютизма в XVII в.;

– своей экономической политикой абсолютизм косвенно способствовал развитию капитализма;

– буржуазия играла значительную роль в классовой борьбе, но тогда еще не решалась поддержать народ и совершить буржуазную революцию, опасаясь народных масс и искала покровительства монархии;

– абсолютная монархия нуждалась в кадрах бюрократии, вышедших из буржуазии, и, оказывая ей поддержку, отвлекала от объединения с революционным народом²¹⁹;

²¹¹ Поршневу Б. Ф. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? С. 94–95.

²¹² Там же. С. 99–100.

²¹³ Там же. С. 91.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. С. 100.

²¹⁶ Там же. С. 101–107.

²¹⁷ Там же. С. 102.

²¹⁸ Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. 1944. Вып. 1. С. 37–39.

²¹⁹ Шарапов, Ю. Указ. соч. С. 147.

– борьба народных масс против налогов – это борьба против абсолютизма и феодализма, так как налоги – это не что иное, как централизованная феодальная рента, взимаемая государством наряду с сеньориальной;

– в городах движущей силой борьбы с налогами были плебейские слои, то есть обедневшие ремесленные мастера, подмастерья, наемные рабочие (предпролетариат), деклассированное население, и общая борьба с налогами открывала возможность слияния крестьянских и плебейских восстаний;

– XVII в., классический век абсолютизма во Франции, был классическим веком народных восстаний, в связи с чем в новом свете предстает Фронда – общий кризис феодально-абсолютистской системы;

– абсолютистская доктрина целиком сложилась на почве опыта борьбы с народными восстаниями в связи с задачами их предотвращения и подавления²²⁰.

Концепция Б. Ф. Поршнева была отражением времени ее создания. В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)». Новые идеологические установки, в виде формационной «пятичленки» и классовой борьбы как движущей силы истории сразу нашли рьяных последователей. Это тем более относилось к Б. Ф. Поршневу, собранный которым материал, казалось, идеально иллюстрировал правильность официального канона.

Желание построить на этой основе не просто исторический нарратив, а целую систему исторического знания также было присуще Б. Ф. Поршневу. Не случайно он ведет речь о том, что *«детальное изучение народных восстаний выясняет анатомию всего французского общества XVII века, и внутреннее строение каждого класса, и соотношение классов между собой (курсив мой. – Л. Л.)»*²²¹. В формате отмеченного совершенно понятен и вывод Поршнева о генетической связи Французской революции XVIII в. и народных движений XVII в. – «крестьянские и плебейские массы, главные движущие силы этой революции, принесли в нее опыт своей борьбы с абсолютизмом и феодализмом, накопленный целым рядом поколений»²²².

Мнение Поршнева о том, что Французская революция уходит своими корнями в народные движения эпохи Ришелье и Мазарини, не могло отрицаться советскими медиэвистами 1930-х г. Оно имеет известный смысл и сегодня, особенно в свете актуальных в последние десятилетия истории коллективной ментальности и протестных движений.

Тем не менее, в предложенной Поршневым картине истории Франции эпохи абсолютизма были очевидные натяжки. Академик Е. В. Тарле, профессор С. Д. Сказкин и профессор Н. И. Грацианский, получившие высшее

²²⁰ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. С. 37–38.

²²¹ Там же. С. 38.

²²² Там же. С. 38.

образование еще до революции, не должны были оставить без внимания как минимум два утверждения диссертанта. Одно из них – о крестьянских и плебейских движениях как главных движущих силах Французской революции, что было явным упрощением. Еще более некорректным было утверждение о классовой борьбе как источнике абсолютистской доктрины. Это не только требовало доказательств, но и перечеркивало историю европейской правовой мысли, несомненно известную оппонентам Поршнева. Однако замечаний по указанным вопросам не последовало.

Защита прошла, согласно официальной хронике, спокойно. Е. В. Тарле поддержал идею диссертанта о преемственности народных движений XVII–XVIII вв. Особенно высоко он оценил главу о Фронде, которая, по его мнению, в расширенном виде была бы достойна докторской степени. Вместе с тем Тарле указал на слабость историографической части, был не согласен с мнением диссертанта о налоговом гнете как причине хозяйственного регресса, отметил необходимость более подробной характеристики различных слоев буржуазии и плебейства и т. д. Таким образом, выступление Е. В. Тарле не содержало серьезных замечаний²²³.

Таковыми представлялись скорее замечания С. Д. Сказкина. Его указание на недостаточное внимание диссертанта к проблеме крестьянства и его роли в буржуазной революции было очевидным намерением продемонстрировать идеологическую небрежность Поршнева. Не случайно С. Д. Сказкин отметил, что недооцененная Поршневым проблема достаточно изучена классиками марксизма. Весьма серьезно было замечание Сказкина о том, что написать работу о народных восстаниях во Франции, не исследовав французские архивы, невозможно²²⁴. Однако была ли у советских медиэвистов возможность выезда для работы за границей? По итогам защиты Ученый совет ИФЛИ присвоил Б. Ф. Поршневу степень доктора исторических наук.

Диссертация Б. Ф. Поршнева была шагом к реализации масштабного замысла – создания фундаментальной книги о народных восстаниях XVII в. как прологе Фронды. За месяц до начала Великой Отечественной войны вышла статья Поршнева «Проблема Фронды»²²⁵ с авторским пояснением. Из него следовало, что представленная публикация является отрывком из большого исследования, посвященного народным восстаниям XVII в. Фронда, в трактовке Поршнева, является событием, разделяющим два цикла народных

²²³ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. С. 38.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Поршнев Б. Проблема Фронды // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 96–105.

восстаний: 1623–1674 гг. и 1654–1676 гг.²²⁶ В пользу того, что Фронда была неудавшейся буржуазной революцией, Поршневу приводит следующие аргументы: политическая программа Парижского парламента 1648 г. и «постановления палаты Святого Людовика» сопоставимы с требованиями Долгого парламента в Англии, в «мазаринадах» – политических памфлетах времен Фронды – содержатся радикальные высказывания, говорящие об «известной зрелости буржуазной революционной идеологии»²²⁷, где вопрос о республике «стоял в порядке дня»²²⁸.

Защита кандидатских диссертаций во второй половине 1930-х гг. демонстрировала сохранение актуальности проблемы абсолютизма и продолжение ее разработки молодым поколением историков. В 1937 г. под руководством С. Д. Сказкина защитил диссертацию аспирант МГУ Г. Г. Жордания по теме «Экономическая политика кардинала Ришелье»²²⁹.

В 1940 г. под руководством Н. П. Грацианского была защищена кандидатская диссертация Б. Б. Пыхтева «Аграрная политика Генриха IV». Официальные оппоненты – профессор Н. И. Радциг и профессор Б. Ф. Поршневу – указали на такой ее недостаток, как принижение роли Сюлли, оказавшего большое влияние на политику Генриха IV. При этом оппоненты отметили значимость диссертации, материал которой дает ключ к пониманию истории Франции XVI–XVIII вв.²³⁰ Сам диссертант считал, что мероприятия Генриха IV были первыми шагами аграрной политики французского абсолютизма, а «развитию национального земледелия Генрих IV содействовал больше, чем любой из французских королей»²³¹.

В конце 1930-х гг. были защищены две кандидатские диссертации, авторы которых оставили весьма различно оцениваемое научное наследие. Речь идет о З. В. Мосиной и А. Д. Люблинской.

О З. В. Мосиной (1898–1953), специализирующейся в области французского абсолютизма XVI – начала XVII в., осталось мало сведений. В «Науке «убеждать»...» отмечается, в частности, ее недостаточная подготовка и приводятся слова С. Д. Сказкина о том, что «она училась в институте всего три года», причем неясно, о каком институте идет речь²³².

²²⁶ Поршневу Б. Проблема Фронды. С. 96.

²²⁷ Там же. С. 99.

²²⁸ Там же. С. 100.

²²⁹ Жордания Гиви Георгиевич [Электронный ресурс] // Всемирная история. Режим доступа: w.histf.ru/articles/article/chow/zhordania_givi_georghievich. Дата доступа: 02.12.2019.

²³⁰ Стегарь С. Научная работа на историческом факультете Московского государственного педагогического института // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 151.

²³¹ Пыхтеву Б. Б. Мероприятия Генриха IV по развитию сельского хозяйства во Франции // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та. 1940. Т. XXVI. С. 57.

²³² Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 55.

В восьмом номере «Вопросов истории» за 1953 г. нашлась, возможно, единственная публикация именно о З. В. Мосиной²³³. Это некролог, проясняющий некоторые моменты в ее биографии. Зоя Васильевна Мосина, действительно, училась в Институте красной профессуры три года вместо положенных четырех. В ИКП Мосину привело образцовое в то время происхождение. Она родилась в семье сельского фельдшера, в сентябре 1917 г. вступила в партию большевиков, принимала участие в работе Иркутского совета рабочих и крестьянских депутатов. Вступила в Красную гвардию, участвовала в боях, после захвата белогвардейцами Иркутска ушла в подполье, в 1918 г. была арестована и попала в тюрьму. В 1920 г. вступила в Рабоче-крестьянскую Красную армию, работала в Штабе РККА, в 1924 г. перешла на дипломатическую работу. В 1934 г. была направлена в Институт красной профессуры²³⁴.

Две статьи З. В. Мосиной²³⁵, посвященные абсолютизму Генриха IV, отражают содержание ее кандидатской диссертации, защищенной 25 декабря 1939 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР²³⁶.

Обширная публикация «Абсолютизм в политике Генриха IV» была невысоко оценена в книге Кондратьевых²³⁷, что в принципе верно. Рассматривая правление Генриха Бурбона, анализируя отношения монарха с дворянством и буржуазией, описывая меры по созданию бюрократии, армии, реформированию финансов, З. В. Мосина, действительно, привлекает мало источников, от чего вся работа производит впечатление легковесности. Архивных документов автор не использует. В распоряжении З. В. Мосиной – переписка Генриха IV, мемуары Сюлли и Л'Этуалья, сочинения Ф. Гизо и О. Тьерри, а также занимающихся изучением абсолютизма О. Пуарсона (1795–1871) и П. де Вассьера (1867–1942). Однако почему-то З. В. Мосина оставила без внимания книгу авторитетного исследователя Франции эпохи Старого порядка Ж. Пажеса (1867–1939), вышедшую еще в 1928 г.²³⁸

Сам формат работы, в которой изложение построено по разделам «Король и дворянство», «Король и буржуазия», «Укрепление государства», «Заключение», вызывает ассоциацию не с научным текстом, а с рефератом.

При чтении работ Мосиной очевидно ее желание продемонстрировать свое знание работ классиков марксизма и цитировать их при любой возможности, подчас с пафосом: «На этот счет мы находим у Энгельса не

²³³ З. В. Мосина [Некролог] // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 191.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Мосина З. В. Абсолютизм в политике Генриха IV // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 34–62; см. также: Мосина З. В. Франция при Генрихе IV // Исторический журнал. 1938. № 9. С. 95–104.

²³⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 43–89.

²³⁷ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ...

²³⁸ Pagés G. La monarchie d'Ancien Régime en France (De Henri IV à Louis XIV). Paris, 1928. 215 p.

оставляющие ни малейшего сомнения разъяснения»²³⁹, «мы должны припомнить некоторые принципиальные высказывания Ленина о русском самодержавии»²⁴⁰, «предельно четкий анализ классового характера царской монархии XVIII века дал товарищ Сталин»²⁴¹, «правильно оценить деятельность Генриха IV можно только на основе высказываний классиков марксизма-ленинизма»²⁴².

Абсолютная монархия, согласно Мосиной, является органом господства дворянства, однако абсолютизм не исключает противоречий с его верхушкой. Абсолютизм пользуется в известных пределах поддержкой буржуазии²⁴³. Царствование Генриха IV является завершением борьбы, «которую вела во Франции королевская власть в союзе с городской буржуазией против могущественного дворянства, за национальное объединение, за укрепление централизованного государства»²⁴⁴.

В работах З. В. Мосиной присутствует и столь присущий советским историкам телеологизм. Подчеркивая неустойчивость «равновесия» между дворянством и буржуазией в процессе укрепления абсолютизма, Мосина, вслед за Энгельсом, указывает на то, что монархия «ограбила и поработила» свою союзницу буржуазию²⁴⁵. В диссертации, однако, этот тезис был изменен. Генрих IV не старался грабить буржуазию. Наоборот, он содействовал экономическому развитию Франции²⁴⁶. Тем не менее абсолютизм «все больше превращался в реакционную силу, по мере того, как он переходил к поддержке и финансированию паразитического дворянства»²⁴⁷. Основываясь на этом, Мосина выводила «неизбежность во Франции в дальнейшем революционного столкновения»²⁴⁸.

При оценке работ З. В. Мосиной очевидно, что она не имела уверенности и широты мышления В. В. Бирюковича, амбиций и размаха Б. Ф. Поршнева, скрупулезности и обширных познаний А. Д. Люблинской. Мосина была идеально вписанным в систему бойцом исторического фронта. Она с энтузиазмом цитировала классиков марксизма, была активной в обсуждениях, не блистала оригинальностью и, вероятно, не приобрела врагов в науке.

Содержание кандидатской диссертации З. В. Мосиной первоначально встретило весьма критическое отношение. Сохранились отзывы на

²³⁹ Мосина З. В. Абсолютизм в политике Генриха IV. С. 34.

²⁴⁰ Там же. С. 36.

²⁴¹ Там же. С. 37.

²⁴² Мосина З. В. Франция при Генрихе IV. С. 104.

²⁴³ Там же. С. 36.

²⁴⁴ Там же. С. 95.

²⁴⁵ Там же. С. 104.

²⁴⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 51.

²⁴⁷ Мосина З. В. Франция при Генрихе IV. С. 104.

²⁴⁸ Она же. Абсолютизм в политике Генриха IV. С. 62.

нее Б. Ф. Поршнева и Е. А. Косминского, написанные соответственно 20 и 27 апреля 1939 г. Поршнева категоричен в своем мнении о том, что «работа не может явиться кандидатской диссертацией по самому своему типу. Кандидатская работа должна демонстрировать способность и навыки автора к научно-исследовательской работе. Между тем сочинение тов. Мосиной является по выбору и постановке темы научно-популярным... Источники привлекаются почти исключительно с иллюстративной целью. Стремление к обобщению... приводит: 1) к игнорированию эволюции, смены периодов в правлении Генриха IV; 2) к игнорированию борьбы противоречивых тенденций в этом правлении; 3) к упущению многих важнейших проблем, без которых характеристика абсолютизма Генриха IV неполна»²⁴⁹.

Е. А. Косминский был более дипломатичен и уклонился от разбора диссертации. Он указал, что работа З. В. Мосиной «ставит тему слишком широко и неопределенно и не вполне отвечает тем требованиям, которые предъявляются к кандидатской диссертации, как исследованию по источникам». Косминский сослался на то, что не работал с источниками эпохи Генриха IV, и порекомендовал обратиться к Сказкину, Поршневу или Бирюковичу²⁵⁰.

Обсуждение диссертации З. В. Мосиной «Идея абсолютизма в королевских посланиях и законодательных актах Генриха IV»²⁵¹ интересно не в плане содержания работы – оно совпадало с написанным в статьях. Развернувшаяся на защите дискуссия выявила совершенно разный стиль научного мышления оппонентов.

Первым выступил В. В. Бирюкович. По его мнению, тема диссертации слишком широка²⁵². Главный же недостаток работы – «исследование... ни по одной линии не доведено до конца»²⁵³. Однако, с концептуальной точки зрения, более весомыми были другие замечания. Что подразумевает З. В. Мосина под «дворянской природой» абсолютизма? В чем именно выражалась дворянская политика Генриха IV? Не происходит ли упрощенное восприятие априорных утверждений диссертантом?

«То, что Генрих IV был дворянским королем, требует некоторого объяснения, – указывает Бирюкович. – О каком дворянстве идет здесь речь? Было ли это «дворянство мантии» или «дворянство шпаги»? З. В. не остановилась на вопросе о том, что же, в конце концов, Генрих IV сделал в течение своего царствования для дворянства? Хорошо, Генрих IV в 90-х гг. подавлял народные волне-

²⁴⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 277. Л. 2, 3.

²⁵⁰ Там же. Л. 5.

²⁵¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 43–91.

²⁵² Там же. Л. 66.

²⁵³ Там же. Л. 57.

ния, причем нужно сказать, что эти движения были подавлены не столько центральной властью, сколько силами дворянства – дворянство и подавило их.

А после этого, в чем выражается некоторое благоволение Генриха IV по отношению к старому дворянству? Дворянство шпаги оказалось в его царствование в критическом положении... Как откликнулся на это Генрих IV? З. В. не отвечает на этот вопрос (а это вопрос коренной). Старался ли Генрих IV предотвратить или как-либо затормозить эту деградацию дворянства, как экономическую, так и политическую? Действительно, вправе ли мы приписывать ему такой эпитет – «дворянский король»?²⁵⁴

Несколько лучше, по мнению Бирюковича, разработан в диссертации вопрос об отношении монархии к буржуазии. Но, как отмечает оппонент, «меркантилизм рассмотрен здесь как политика государственная, как политика сверху. При этом не принимается во внимание, что эта политика в значительной степени была отзвуком, откликом на требования, на претензии, которые исходили из среды самой буржуазии»²⁵⁵.

Замечания В. В. Бирюковича, таким образом, требовали от диссертанта, во-первых, квалифицированной проработки материала, во-вторых, самостоятельности и умения критически относиться к устоявшимся мнениям. Насколько это было возможно в 1930-х гг. (да и не только тогда) – вопрос, в известной мере, риторический. Во всяком случае, выступавший вторым Б. Ф. Поршнев не поддержал своего коллегу. Зачем усложнять вопрос, если и так все определено классиками марксизма и советскими историками?

«У меня лично не вызывает сомнений термин “дворянская монархия”, “дворянский король”, – однозначно заявляет Поршнев. – Тут возможны всяческие уточнения. Но ведь в данном контексте речь совсем не идет об этом вопросе, какие социальные силы принимали участие в управлении, а речь идет именно об общем определении существа данного государства... мы можем легче всего представить себе либо дворянское государство, либо буржуазное – и ничего третьего (курсив мой. – Л. Л.). В этом смысле тезис З. В. совершенно точен»²⁵⁶.

Поршнев соглашался с тем, что работа поверхностна – «какую бы сторону французского абсолютизма ни взять – она не нашла себе полного освещения в этой работе»²⁵⁷. «Но, – ведет он к своему “коньку”, – должно быть очевидным, что в основном найти исходные позиции этого ново-

²⁵⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 62.

²⁵⁵ Там же. Л. 64.

²⁵⁶ Там же. Л. 68, 69.

²⁵⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 75.

го укрепления абсолютизма во Франции XVII века можно, только учтя ту историю классовую борьбу, которая наполняет историю Франции в конце XVI века»²⁵⁸.

Выступавший третьим С. Д. Сказкин наиболее лояльно отнесся к представленной работе. Он указал на добросовестность и старательность З. В. Мосиной, разработавшей масштабную тему на основе марксистско-ленинской методологии. Кроме того, С. Д. Сказкин призвал не судить диссертанта очень строго, отметив, что З. В. Мосина училась в институте (Красной профессуры) в течение трех лет²⁵⁹ (вместо четырех). З. В. Мосиной была присуждена степень кандидата исторических наук.

В 1940 г. в Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию ученица В. В. Бирюковича, будущий выдающийся советский медиевист, палеограф, архивист и источниковед А. Д. Люблинская (1902–1980).

Кандидатская диссертация А. Д. Люблинской «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сент-Мену и Генеральные штаты 1614 г.» тематически дополняла докторскую диссертацию В. В. Бирюковича, раскрывающую коллизии политической борьбы во Франции в 1620-х – 1630-х гг. Очевидно, что признание определяющей роли источников было приоритетным для А. Д. Люблинской, как и для ее научного руководителя. В диссертации были введены в оборот не только ранее не изученные источники из собрания Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, но и документы Парижской национальной библиотеки. В последнем случае речь шла о хранящихся в Ленинградской ГПБ фотокопиях²⁶⁰. Очевидно также критическое отношение диссертанта к современным ей отечественным публикациям и хорошее знакомство с зарубежной историографией. Отмеченные авторами «Науки “убеждать” ...»²⁶¹, эти черты исследовательской работы останутся присущими А. Д. Люблинской на протяжении всей ее научной деятельности.

Как и Бирюкович, Люблинская стремится выявить в политической истории начала XVII в. расстановку классовых сил и показать социально-классовую основу французского абсолютизма. Рассмотренные в диссертации несколько лет после смерти Генриха IV представляются исследовательнице «закономерной и важной ступенью в развитии французского абсолютизма»²⁶². Почему гражданская смута, последовавшая за смертью Генриха IV, не была слишком продолжительной и не имела фатальных по-

²⁵⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32. Л. 75, 76.

²⁵⁹ Там же. С. 83.

²⁶⁰ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 106.

²⁶¹ Там же. С. 106–107.

²⁶² Люблинская А. Д. Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Л., 1940. С. 1.

следствий для монархии? Цель А. Д. Люблинской – ответить на этот вопрос и продемонстрировать социальную основу и тенденции развития французского абсолютизма.

Французское общество начала XVII в. разделяется Люблинской на грандов, «людей шпаги», «людей мантии», городской нобилитет, буржуазию и народные массы²⁶³. При этом очевидно отсутствие в этой классификации единого критерия. Нельзя не согласиться с справедливостью, возможно, несколько ироничной оценки подхода Люблинской, содержащейся в «Науке “убеждать”...»²⁶⁴. Однако, оставив саму возможность и познавательную ценность анализа общества по одному классификационному критерию в области социологии, нужно подумать о таком, например, вопросе. Насколько в советской исторической науке 1930-х гг. была возможна иная классификация применительно к заявленной в диссертации проблеме? Наконец, была ли собственно классификация в числе исследовательских приоритетов Люблинской?

По мнению А. Д. Люблинской, правительство Марии Медичи в основном продолжало мероприятия покойного короля. Это была политика французского абсолютизма в период его роста, которая опиралась на «людей мантии», поддерживающих союз с городским нобилитетом и буржуазией, и располагавшая симпатиями народных масс, поскольку боролась с феодальной анархией²⁶⁵. Таким образом, в понимании социальной основы абсолютизма А. Д. Люблинская солидарна с В. В. Бирюковичем.

Гражданская смута начала XVII в. объяснялась стремлением грандов (феодальной аристократии) добиться политической власти, используя регентство Марии Медичи. Однако, как пишет А. Д. Люблинская, гранды не получили устойчивой социальной опоры. Во-первых, их претензии были в известной мере удовлетворены условиями мира в Сент-Мену и обещанием созвать Генеральные штаты. Во-вторых, «люди мантии» и буржуазия не поддержали притязания аристократии, выступив в поддержку короля. Но для окончательной победы монархии необходимо было привлечь на ее сторону старое дворянство. В перспективе именно это «обеспечило торжество абсолютизма, подготовив поприще для деятельности Ришелье»²⁶⁶. Диссертация А. Д. Люблинской, подтверждая трактовку абсолютизма как дворянского государства, вносила в нее уточнения и дополнения. Кроме того, эта работа стала основой для дальнейшего исследования Люблинской истории Франции первой половины XVII в.

Перед самым началом Великой Отечественной войны вышла фунда-

²⁶³ Люблинская А. Д. Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Л., 1940. С. 1–2.

²⁶⁴ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать»... С. 174.

²⁶⁵ Там же. С. 2.

²⁶⁶ Там же. С. 4.

ментальная коллективная работа о Французской революции под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Во введении, написанном доктором исторических наук, специалистом по истории Франции эпохи промышленного переворота Ф. В. Потемкиным (1895–1973), содержалась характеристика французского абсолютизма. Однозначная и исчерпывающая, она почти на полвека закрепила в советской историографии: «Абсолютистско-феодальный строй во Франции сохранился вплоть до 1789 г. Располагая неограниченной властью, освященной теорией так называемого “божественного права”, король мог по своему усмотрению решать все дела административные и судебные, объявлять войну или заключать мир, издавать или отменять любые законы»²⁶⁷.

Примечательно, что из введения выступает мысль об аннигиляции социальной базы абсолютизма. По-другому нельзя расценить тезис Потемкина о том, что даже «дворянство мантии», традиционно позиционируемое как опора монархии, не было к ней лояльно. «Итоги длительной, почти двухвековой борьбы парламентов с королями были совсем не утешительны для дворянства мантии... – указывал Потемкин, – претензии парламентов представлять в абсолютистской Франции нечто вроде Генеральных штатов были окончательно сломлены, а французское общество, по крайней мере, в лице своих лучших представителей, поняло всю безнадежность борьбы парламентов и реакционность их идей»²⁶⁸.

На фоне достаточно результативного изучения западноевропейского абсолютизма в советской историографии 1930-х гг. контрастно выделяется почти полное отсутствие работ по истории российского самодержавия. В «Очерках истории исторической науки в СССР» об этом сказано так: «Вопросы истории государства, внутренней и внешней политики в XVII–XVIII веках не оставили свой след в советской историографии 20–30-х годов»²⁶⁹. Такое положение вполне объяснимо. Это пример соотношения ценностных установок в разных областях исторического знания.

Действительно, сдержанные оценки западноевропейского абсолютизма перешли из дореволюционной историографии в советскую. При этом не возникло неприятия самой проблемы европейского абсолютизма, как явления исторического, отдаленного от советской России во времени и пространстве.

Однако совершенно иная ситуация сложилась в отношении российского самодержавия, как реального недавнего прошлого, символизировавшего ненавистный и поверженный «старый мир», «отречением»

²⁶⁷ Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. Л.; М., 1941. С. 1.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 304.

от которого была проникнута идеология молодого советского государства. Негативизация монархии и всего, связанного с нею, увлечение революциями, крестьянскими войнами, историей производительных сил и трудящихся масс стали причиной минимизации проблемного поля российского самодержавия. В условиях господства революционных ценностей изучение монархии представлялось, по меньшей мере, неактуальным. Однако проблема российского самодержавия все же затрагивалась в работах обобщающего формата или смежной тематики. В 1932 г., после смерти М. Н. Покровского, вышла книга исследователя российского капитализма Н. Н. Ванага (1899–1937) «Краткий очерк истории народов СССР»²⁷⁰. Издание для учащихся «средних звеньев партпросвещения»²⁷¹ излагало российскую историю до революции 1905 г. включительно. Книга Ванага была продолжением традиции «школы Покровского».

Соответственно, самодержавие – это диктатура помещиков-крепостников, «исполнительный комитет» в деле порабощения помещиками крестьянских масс»²⁷². «В течение XVII и XVIII вв. великорусский помещик распространил путем военно-феодального грабежа и насилия крепостническую эксплуатацию... на территории, почти в три раза превосходившие Московское государство конца XVI в., – считал Ванаг и подводил итог: – Так диктатурой помещиков-крепостников была создана Российская империя, державшаяся на военно-феодальной эксплуатации крестьянства народов, покоренных огнем и мечом»²⁷³.

В 1933 и 1934 гг. были опубликованы две работы, непосредственно затрагивающие проблему абсолютизма – статья «Петровские реформы»²⁷⁴ и книга «Очерки феодально-крепостной России»²⁷⁵. Их автором был С. Г. Томсинский (1894–1938), изучавший народные движения XVII–XVIII вв.

Обе работы, полемически заостренные и нацеленные на рассмотрение народных масс и классовой борьбы, выявили немаловажный аспект и в трактовке абсолютизма. Статья Томсинского начинается тезисом: «Характер “петровских” реформ можно понять только в тесной связи с той классовой борьбой, которая им предшествовала»²⁷⁶. По мнению С. Г. Томсинского, российское правительство контролировало общественное мнение при по-

²⁷⁰ Ванаг Н. Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч. 1. Л., 1932. 415 с.

²⁷¹ Там же. С. 3.

²⁷² Там же. С. 32.

²⁷³ Там же. С. 35.

²⁷⁴ Томсинский С. Г. Петровские реформы // Историк-марксист. 1933. № 4. С. 53–80.

²⁷⁵ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. 1: Крестьянские войны в эпоху образования империи. М., 1934. 306 с.

²⁷⁶ Он же. Петровские реформы. С. 53.

мощи литературы, живописи, архитектуры, церковного пения, праздников и т. д. Проявлением идеологического воздействия на массы была борьба с церковным расколом²⁷⁷, причем «господствующие классы использовали икону как орудие классовой борьбы»²⁷⁸. Для подчинения крестьян государство применяло не только идеологию. Со второй половины XVII в. в России появились более удобное огнестрельное оружие, чугунные пушки, новые приемы фортификации и т. д.²⁷⁹ Таким образом, в 1933 г. Томсинским была высказана идея об определяющей роли классовой борьбы для развития государства, военной техники, идеологии и религии.

В статье о Петровских реформах характеризовалась социальная основа российского государства времен царевны Софьи. Оно ориентировалось на «незнатных, средних и мелких провинциальных помещиков... выражало интересы тех новых землевладельческих групп – помещиков окраин и колоний, верхушки стрельцов и казачества, которые добивались закрепощения за ними крестьян»²⁸⁰. Одновременно был проведен ряд мероприятий в интересах крупного купечества²⁸¹.

Правительство Петра I, считал Томсинский, усвоило идеи Симеона Полоцкого – сторонника неограниченной монархической власти и поворота к Западу²⁸². Эти идеи послужили «оружием в руках всего российского дворянства в целом и помогли ему укрепиться у власти»²⁸³. Суть российского абсолютизма была выражена так: в интересах всего дворянства и крупного купечества окончательно было закрепощено крестьянство, и строилась «единая неделимая Российская империя»²⁸⁴.

В «Очерках истории феодально-крепостной России», задача которых «систематизировать историю феодализма и крепостничества в связи с классовой борьбой»²⁸⁵, освещен более широкий круг проблем. В частности, вслед за Покровским, Томсинский утверждает, что европейские государства стремились превратить Россию в колонию, но это им не удалось. Поэтому, отмечает Томсинский, Россию «грабили собственные помещики и купцы»²⁸⁶. «Классовая борьба, непрерывные крестьянские войны с конца XVI и в течение всего XVII в. заставили феодала-крепостника воору-

²⁷⁷ Томсинский С. Г. Петровские реформы. С. 58.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. С. 61.

²⁸⁰ Там же. С. 65.

²⁸¹ Там же. С. 70–71.

²⁸² Там же. С. 76.

²⁸³ Там же. С. 80.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России. С. 5.

²⁸⁶ Там же. С. 283.

житься с головы до ног. Это было невозможно без крайнего нажатия на крестьянские массы. напряжение достигло «высшего градуса» во время петровских реформ», – подытоживает Томсинский²⁸⁷. Эти выводы были основаны на высказываниях классиков марксизма, характеристике Сталиным петровской России как государства дворян и купцов²⁸⁸ и тезисе Сталина о революции крепостных, направленной против крепостничества и феодализма²⁸⁹.

В связи с отмеченным, в новом свете предстает концепция Б. Ф. Поршнева о классовой борьбе как главном факторе развития абсолютизма. При сопоставлении работ С. Г. Томсинского и Б. Ф. Поршнева очевидно, что Поршневу не является ее первым выразителем на конкретном материале и монопольным обладателем. Исследования биографии Поршнева, проведенные Т. Н. Кондратьевой, подтверждают это. Два своих первых доклада – о крестьянских восстаниях в Байонне и Бретани – Б. Ф. Поршневу прочел на заседании кафедры Средних веков Московского отделения ГАИМК в 1935 г.²⁹⁰, то есть позднее, чем вышли работы Томсинского. Но почему ссылок на работы Томсинского нет в трудах Поршнева?

Статья Т. Н. Кондратьевой «Когда Борис Федорович Поршневу стал франковедом?» проясняет этот вопрос. Т. Н. Кондратьева отмечает, что Поршневу позиционировал себя как ученик В. П. Волгина. Между тем факты говорят о том, что в 1920-х гг. Поршневу сотрудничал с Волгиным недолго и интересовался не всеобщей, а российской историей. Сначала он изучал российское революционное движение в Коммунистической академии под руководством С. А. Пионтковского. Затем Поршневу стал аспирантом Института истории РАНИОН. В секции новой русской истории, возглавляемой В. И. Невским, он исследовал общественную мысль второй половины XIX в.²⁹¹ Однако оба историка – Пионтковский и Невский – были репрессированы и расстреляны в 1937 г. Для Поршнева стало небезопасно упоминать о своей связи с ними, по крайней мере, до середины 1950-х гг.²⁹² Весьма вероятно, что такая же ситуация сложилась и в отношении С. Г. Томсинского, обвиненного в создании контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации и расстрелянного в 1938 г.

²⁸⁷ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России. С. 286.

²⁸⁸ Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Сочинения: [в 18 т.] Т. 13. М., 1951. С. 105.

²⁸⁹ Он же. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Там же. Т. 13. М., 1951. С. 239–240.

²⁹⁰ Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршневу в Московском отделении ГАИМК // Европа. 2005. № 5. С. 187; см. также: Кондратьева Т. Н. Архивные свидетельства об академической деятельности Б. Ф. Поршнева (конец 1920-х – середина 1930-х гг) // Вестн. Томск. госуд. ун-та. 2010. № 332. С. 81–82.

²⁹¹ Кондратьева Т. Н. Когда Борис Федорович Поршневу стал франковедом? // Там же. 2012. № 11. С. 107.

²⁹² Там же. С. 109.

На протяжении второй половины 1930-х гг. в основу разработки концепта российского абсолютизма были положены высказывания классиков марксизма. Особенно важными среди них стали указания Ленина и Сталина. Проблема абсолютизма в России получила отражение практически лишь в учебной литературе. Исключением стала опубликованная в апрельском номере «Исторического журнала» за 1941 г. статья декана исторического факультета МИФЛИ Г. Н. Анпилогова (1902–1987) «Сенат при Петре I»²⁹³. Создание Сената, по мнению автора, стало центральным моментом Петровских реформ. Их целью было формирование и укрепление «централизованного бюрократического аппарата государственной власти помещиков-крепостников и торговцев»²⁹⁴. Государство, созданное Петром, характеризуется также как «военно-бюрократическая империя»²⁹⁵.

В лекции С. М. Дубровского, в соответствии с указаниями Ленина, Россия времен Екатерины II оценивается как дворянская монархия, где крепостное хозяйство и абсолютизм достигли наивысшего развития²⁹⁶. Как «чиновничье-дворянскую монархию» определяет российское самодержавие XVIII в. специалист в области феодальной России В. В. Мавродин (1908–1987)²⁹⁷. Он характеризует Россию времен Петра I, согласно замечанию Сталина, как государство дворян и купцов²⁹⁸. Аналогичное понимание абсолютизма показано в лекции о Российской империи²⁹⁹ исследователя XVI–XVIII вв. Г. А. Новицкого (1896–1981). Таким образом, для определения характера российского государства XVIII в., абсолютистский характер которого признавался единогласно, применялись такие эпитеты, служившие для передачи смысловых оттенков, как «государство дворян и купцов», «государство помещиков-крепостников и торговцев», «военно-бюрократическая империя», «дворянская монархия», «чиновничье-дворянская монархия».

Профессор К. В. Базилевич (1892–1950), изучавший Россию XVI–XVII вв., уделил немалое внимание проблеме абсолютизма. Базилевич указывал на сходство процессов образования централизованных государств и абсолютных монархий в Западной Европе и России. Опираясь на высказывания Маркса и Энгельса, он утверждал, что, во-первых, в основе создания централизованных государств лежат экономические причины, и, во-вторых,

²⁹³ Анпилогов Г. Н. Сенат при Петре I // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 40–49.

²⁹⁴ Там же. С. 40, 43.

²⁹⁵ Там же. С. 49.

²⁹⁶ Дубровский С. М. Дворянская монархия XVIII века: стеногр. лекции. Л., 1936. С. 16.

²⁹⁷ Мавродин В. В. История СССР: (стенограф. лекции): в 2 ч. Ч. 2. Л., 1938. С. 4.

²⁹⁸ Там же. С. 33.

²⁹⁹ Новицкий Г. А. Образование Российской империи: стеногр. лекций, прочитанных 21, 27 и 29 января 1940 г. // Курс истории СССР. М., 1940. С. 29–30.

национальные государства могли быть только в форме монархии, способной объединить страну³⁰⁰. Королевская власть опиралась на землевладельческое дворянство, составлявшее основную часть королевского войска. С другой стороны, усиление феодальной эксплуатации ввиду желания дворян увеличить доходность своих владений вызвало обострение классовой борьбы. В силу этого, средние и мелкие феодалы, не имевшие собственных средств для подавления крестьян, нуждались в сильной центральной власти. В России проходили аналогичные процессы, однако российской особенностью была необходимость сильной власти для обеспечения обороны страны³⁰¹. Политический строй Московского государства в XVI в., отмечал Базилевич, являлся дальнейшим развитием системы централизованного государственного управления. Соборное уложение 1649 г. укрепило царскую власть, которая во второй половине XVII в. приобрела самодержавный характер (абсолютизм)³⁰².

В 1939 г. был издан учебник по истории СССР для исторических факультетов университетов и педагогических институтов³⁰³. Его раздел В, озаглавленный «Феодально-абсолютистское государство», раскрывал процессы российской истории, начиная с правления Ивана III (1462–1505).

К. В. Базилевичу в этом разделе принадлежали главы, где велась речь о процессах объединения русских земель, создании централизованного государства и формировании самодержавия³⁰⁴. По Базилевичу, в конце XV в. на русских землях произошло образование государства «феодального по классовой основе, централизованного по системе управления, самодержавного по устройству верховной власти и русского по этнографическому составу»³⁰⁵. Однако у читателя возникал ряд вопросов. Почему государство считается «феодально-абсолютистским», если слова «абсолютизм» нет ни в главе К. В. Базилевича об Иване III, ни в главе С. В. Бахрушина об Иване Грозном³⁰⁶? В силу каких причин тогда понятие «абсолютизм» выносится как определяющее для всего раздела? Если же авторы ведут речь о самодержавии, то в чем его отличие от абсолютизма? В учебнике такие нестыковки были очевидными методическими промахами.

³⁰⁰ Базилевич К. В. Курс истории СССР: стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 уч. г. М., 1940. С. 3–4. Темы: Образование Русского национального государства; Расширение Русского государства и превращение его в многонациональное; Крестьянская война в начале XVII в.; Разгром польской и шведской интервенции; Русское государство в XVII веке; Народы Сибири в XVI–XVII веке; Завоевание Сибири; Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI – XVII вв.; Борьба украинского и белорусского народов с польским владычеством. Присоединение Украины к России.

³⁰¹ Там же. С. 4.

³⁰² Там же. С. 152–154.

³⁰³ История СССР: в 2 т. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. Т. 1. М., 1939. 792 с.

³⁰⁴ История СССР. Т. 1. С. 299–335.

³⁰⁵ Там же. С. 301.

³⁰⁶ Там же. С. 349–390.

Лишь в главе специалиста по истории России XVII–XVIII вв. В. И. Лебедева (1894–1966) о «военно-бюрократической империи» Петра I появляется первая смысловая отсылка к понятию «абсолютизм». Она звучит так: «В результате реформы управление империей стало представлять внушительное здание, построенное по образцу западноевропейских бюрократически-полицейских государств»³⁰⁷. Тем не менее, само понятие «абсолютизм» включено лишь в высказывания классиков марксизма³⁰⁸, авторы же ведут речь о «национальном дворянском государстве»³⁰⁹ и «дворянской империи»³¹⁰. Только в главе Ю. В. Готье о Екатерине II как представительнице просвещенного абсолютизма четко сказано об «абсолютной монархии, дворянской по существу»³¹¹.

Отмечая погрешности в методике построения понятийного аппарата, необходимо вместе с тем указать на содержательные достоинства книги. В проблематике самодержавия, например, полезна информация о складывании «думных чинов» и приказов³¹², заимствовании российской монархией византийской атрибутики³¹³, идеологии самодержавия Ивана Грозного и переписке его с Курбским³¹⁴ и т. д. По количеству характеристик правителей России «История СССР» 1939 г. значительно превосходит последующие учебные издания. В советской историографии не принято было уделять внимание монархам, за исключением Ивана Грозного и Петра I. В противовес этому, в главах о дворянской империи 1725–1801 гг., написанных академиком Ю. В. Готье (1873–1943), проходит галерея психологических портретов императоров династии Романовых, описываются значимые и любопытные факты их биографии, обстоятельства прихода к власти, ближайшее окружение и т. д.³¹⁵

Тем не менее, первый фундаментальный учебник по истории СССР для высшей школы, несмотря на содержательную ценность, выявил серьезную проблему. Она заключалась, во-первых, в необходимости уяснить разницу между понятиями «самодержавие» и «абсолютизм» и, во-вторых, определить нижнюю хронологическую границу российского абсолютизма.

В «Истории СССР» ею считался конец XV в. Однако это противоречило словам Ленина о «русском самодержавии XVII века с Боярской думой

³⁰⁷ История СССР. Т. 1. С. 634.

³⁰⁸ Там же. С. 634, 681.

³⁰⁹ Там же. С. 631.

³¹⁰ Там же. С. 657, 681.

³¹¹ Там же. С. 681.

³¹² Там же. С. 321.

³¹³ Там же. С. 330–331.

³¹⁴ Там же. С. 374–378.

³¹⁵ Там же. С. 651–652, 657–663, 681, 702, 733–735.

и боярской аристократией»³¹⁶. Возникла проблема определения характера политического строя России на протяжении почти двух столетий.

4 марта 1940 г. на заседании сектора истории СССР до XIX в., произошла дискуссия между К. В. Базилевичем и историком государства и права С. В. Юшковым (1888–1952). Опираясь на высказывания Сталина и Энгельса, Базилевич делает вывод, что уже со второй половины XV в. в российском государстве налицо процессы роста экономических связей и усиления централизации³¹⁷. «Вопрос идет о том, – формулирует он проблему, – куда отнести зарождение новых форм государственного порядка: к эпохе феодальной раздробленности или к эпохе абсолютизма. Я думаю, – решает Базилевич, – что к эпохе абсолютизма. Мы имеем здесь процесс, который тянется дальше через Ивана IV и кончается эпохой победы пролетарской революции. Здесь мы входим в эпоху первого Московского абсолютистского государства»³¹⁸.

С данной трактовкой С. В. Юшков был категорически не согласен. Для того чтобы возникла абсолютная монархия, считал он, необходима определенная социальная база. Надо, чтобы к власти пришло дворянство, чтобы феодалы добились закрепощения основной массы сельского населения. Однако Судебник 1497 г. только подвел массу крестьян к закрепощению.

Для установления абсолютной монархии нужна перестройка государственного аппарата. Но этого не произошло ни при Иване III, ни при его преемнике. Это показывают такие события, как захват власти феодальной знатью в малолетство Грозного. О самодержавии можно говорить только после опричнины, когда было подорвано экономическое и политическое господство княжат. Период княжения Ивана III и Василия III следует именовать «Образование русского национального государства». Период же самодержавия следует начинать с царствования Ивана Грозного³¹⁹.

Нужно сказать, что сам Юшков не сразу пришел к таким выводам и некоторое время, сходясь во взглядах с Базилевичем, в свою очередь, подвергался критике со стороны своего коллеги С. А. Покровского (1905–1973). Это отражено в рецензии Покровского на «Историю государства и права

³¹⁶ Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полное собрание сочинений. Т. 17: март 1908 – июнь 1909. М., 1973. С. 346.

³¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 56.

³¹⁸ Там же. Л. 58.

³¹⁹ Там же. Л. 166–167.

СССР» и на одноименный конспект лекций³²⁰ Юшкова. Покровский считает правильным мнение Юшкова об утверждении абсолютной монархии в России к концу XVII в. До этого, начиная со времен Ивана Грозного, формой русского государства была сословно-представительная монархия. «Действительно, – поясняет Покровский, – как можно говорить об абсолютизме московских царей, когда власть московского царя была ограничена Боярской думой... когда в борьбе с остатками феодальной раздробленности... царская власть была вынуждена опираться на представительство от сословий – земские соборы... когда цари были еще вынуждены считаться с местничеством и т. д.»³²¹

Воплощением унификации подходов к западноевропейскому и российскому абсолютизму и стремления четко расставить акценты в их понимании стало обсуждение проблем абсолютизма в марте-апреле 1940 г.

Предметом рассмотрения на заседании 16 марта 1940 г. стал западноевропейский абсолютизм, трактовка которого была изложена С. Д. Сказкиным в докладе «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме». В 1941 г. доклад был опубликован в одноименной статье³²².

Весьма красноречиво вступление, где раскрывается цель автора. Речь идет не о стремлении понять суть абсолютизма как такового, а об истолковании того, что о нем думали Маркс и Энгельс. «Моей задачей, – объявил С. Д. Сказкин, – будет стремление *понять подлинный смысл того или иного суждения Маркса и Энгельса об абсолютной монархии на Западе, проследить его до самой глубины (курсив мой. – Л. Л.), вплоть до специфики логического образования понятий в исторической науке*»³²³. Таким образом, С. Д. Сказкин позиционировал себя как наиболее квалифицированного интерпретатора классиков марксизма.

Написанное Марксом и Энгельсом об абсолютизме имело статус непрекаемой истины. Вопрос был лишь в том, кто будет ее монопольным толкователем, и каждый из выступавших на обсуждении видел в этой роли себя. Построенное на цитатах, ограниченное жесткими методологическими и идеологическими рамками, обсуждение могло быть только схоластическим. Не случайно авторы «Науки “убеждать”...» отметили, что описываемая дискуссия напоминала спор схоластов³²⁴. Действительно,

³²⁰ Покровский С. А. [Рецензия] // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 121. Рец. на кн.: Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940; Юшков С. В. Конспект лекций по истории государства и права СССР. М., 1940. 308 с.

³²¹ Там же. С. 113.

³²² Сказкин С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3. Вып. I. С. 3–25.

³²³ Там же. С. 3.

³²⁴ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 84.

в данном случае речь шла об истолковании священных текстов (выкладок Маркса и Энгельса) для создания канона (концепции «равновесия»).

Основываясь на развернутых выдержках из классиков марксизма, Сказкин утверждал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи. В это время «старые сословия разлагаются», а «средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии». Ни одна из этих спорящих сторон не достигла еще перевеса. По причине такого равновесия сил классов дворянства и буржуазии, государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к ним как кажущаяся посредница³²⁵. При этом «сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов»³²⁶.

Каркасом для теоретического построения Сказкина были общие и уже ставшие непреложными суждения о том, что государство есть орган классового принуждения, что именно антагонизм, а не сопряженность классов создают государство³²⁷. Принципиально важным было и то, что господствующим может быть только один класс.

Особое внимание уделил С. Д. Сказкин буржуазии при абсолютизме, продемонстрировав умение оперировать цитатами и назвав это пробой «восстановить мысль Энгельса полностью»³²⁸. Действительно, как объединить тезис Энгельса об антагонизме дворян и крепостных при феодализме с тезисом о том, что при абсолютизме основные борющиеся классы – это дворянство и буржуазия? Оказывается, буржуазия является носителем нового прогрессивного способа производства – «цементом, скрепляющим все силы, направленные против феодального порядка в целом»³²⁹. Однако эту свою роль буржуазия не осознает. Осознание приходит только во время буржуазной революции, и то не в рациональной, а в иллюзорной форме, через «естественное право и царство разума». Таким образом, буржуазия, по Сказкину, действует сначала бессознательно, а затем сознательно. Что же до конфликта дворянства и крестьянства, то он существует как изначальный антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми³³⁰. Таким образом, С. Д. Сказкин сконструировал построенную на цитатах классиков марксизма социологическую модель абсолютизма, в которой правовой аспект последнего был сведен к минимуму.

³²⁵ Сказкин С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме. С. 12–13.

³²⁶ Там же. С. 9.

³²⁷ Там же. С. 4.

³²⁸ Там же. С. 17.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 85–86.

Первое обсуждение доклада С. Д. Сказкина было, судя по стенограмме, достаточно спокойным³³¹. Сначала взял слово Б. Ф. Поршневу. В весьма многословном выступлении он еще раз подчеркнул важность признания абсолютизма именно дворянским государством. Иное его понимание просто «приведет к самой невероятной путанице в самых общих представлениях наших о ходе исторического процесса, настолько значительной путанице, что выбраться из этой путаницы не никакой возможности. Мы знаем в истории государства – рабовладельческое, феодальное, буржуазное, и, наконец, социалистическое, других государств мы не знаем»³³². Мимоходом Поршневу не преминул задеть В. В. Бирюковича, как отрицающего дворянский характер абсолютизма³³³ (на самом деле Бирюкович выступал за дифференцированный подход к дворянству).

Зачем дворянству нужен абсолютизм? Ответом на этот вопрос служит концепция Б. Ф. Поршнева, стержнем которой является идея Сталина о классовой борьбе как основной черте феодального строя. Эскалация классовой борьбы при феодализме приводит к абсолютизму. «Последняя форма феодального государства – абсолютизм – соответствует, так сказать, максимальной напряженности классовой борьбы, какую только вообще могло знать феодальное общество»³³⁴, – обобщает Поршневу.

Специальное внимание Б. Ф. Поршневу уделил буржуазии. Учитывая, что она является внутренне противоречивым классом, в котором сочетается феодальное и капиталистическое, он предлагает различать буржуазию старую, то есть феодальную, и новую. Соответственно, существуют два абсолютизма: один – в союзе с буржуазией, другой – в разрыве с ней³³⁵.

В выступлении З. В. Мосиной очевидно желание быть большим марксистом, чем ее коллеги. Она буквально «правит» выступления Сказкина и Поршнева цитатами классиков. Тем не менее Мосина высказывает два резонных замечания. Во-первых, нельзя рассматривать упрощенно все дворянство как сплошную опору королевской власти и исключать из социальной опоры абсолютизма буржуазию, как класс, которому последний дает перспективу развития³³⁶. Во-вторых, при анализе социальной основы французского абсолютизма необходимо различать «дворянство шпаги» и «дворянство мантии». Мосина поддержала и идею Бирюковича о «дворянстве мантии» как опоре абсолютизма³³⁷.

³³¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 36. Л. 2–35; см. также изложение обсуждения проблем абсолютизма в марте – апреле 1940 г. в кн.: Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 84–104.

³³² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 2 об.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же. Л. 9.

³³⁵ Там же. Л. 17 об., 18, 18 об., 19.

³³⁶ Там же. Л. 24, 24 об.

³³⁷ Там же. Л. 29, 30, 30 об.

С. Д. Сказкин, не во всем согласный с Поршневым и Мосиной, счел за лучшее отложить дискуссию³³⁸. Таким образом, первый день обсуждения закончился корректным обменом мнениями.

Единство подходов к западноевропейскому и российскому абсолютизму символизировали названия обсуждаемых на заседании Ученого совета выступлений. Доклад «Ленин и Сталин о русском самодержавии», прочитанный 20 марта 1940 г. ученым секретарем Института истории А. Л. Сидоровым, был «симметричным» докладу С. Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме».

Отметив, что в недавно изданной «Истории СССР» временем образования самодержавной монархии указывается XV в. и считая это неверным, А. Л. Сидоров выдвигает основанную на указаниях Ленина периодизацию абсолютизма: «1) феодальная монархия с боярской думой – XVII век; 2) полный расцвет самодержавия – XVIII век; 3) эволюция самодержавия от дворянско-помещичьей монархии к монархии буржуазной, начинающаяся с крестьянской реформы Александра II»³³⁹. Некоторые уточнения в эту периодизацию внес член-корреспондент АН СССР, профессор С. В. Бахрушин (1882–1950). Он указал на то, что начало абсолютной монархии следует отнести к середине XVII в., когда Соборное уложение 1649 г. точно установило прерогативы царской власти. Кроме того, по мнению Бахрушина, эпоха Ивана III и Ивана IV подготовили создание абсолютистского государства. В свою очередь, исследователь феодализма и историограф Н. Л. Рубинштейн (1894 – 1963) нашел подход Бахрушина недостаточно определенным, а также указал на то обстоятельство, что часто историки не проводят грани между средневековой «буржуазией» и буржуазией как классом капиталистического общества³⁴⁰.

Специалист по истории Прибалтики XVIII в. Я. Я. Зутис (1893–1962) противопоставил точную периодизацию Сидорова отвлеченным теоретическим построениям Сказкина и Мосиной, что привело в их выступлениях к стиранию граней между абсолютизмом и сословно-представительной монархией. А. В. Шестаков (1877–1941), исследовавший крестьянство и аграрную историю России, указал, что при рассмотрении абсолютизма необходимо принимать во внимание внешнеполитические связи, роль отдельных личностей, моменты идеологического порядка³⁴¹. Оценивая второй этап обсуждения абсолютизма, можно сделать вывод об отсутствии каких-либо принципиальных расхождений в интерпретации российского

³³⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 35.

³³⁹ Обсуждение проблемы абсолютизма // Историк-марксист. 1940. № 6. С. 63–68. С. 65.

³⁴⁰ Там же. С. 66.

³⁴¹ Там же.

абсолютизма. Кроме того, замечания по докладу А. Л. Сидорова были целесообразны и носили практический характер.

Апогей концептуальных споров советских медиевистов пришелся на третий день обсуждения – 10 апреля 1940 г. Несмотря на расширенный формат заседания, направленность и конечный результат обсуждения определили несколько ключевых фигур. Максимальный накал полемики присутствовал в выступлениях Б. Ф. Поршнева и В. В. Бирюковича.

Именно Поршнева критикует в начале заседания А. Д. Эпштейн, специализирующийся на германистике. Он не приемлет генерализующего подхода Поршнева, усматривающего одновременное возникновение абсолютизма в ряде стран – от Франции до Германии и итальянских княжеств, говоря, что при таком подходе «выхолащивается само понятие абсолютизма»³⁴². Эпштейн не согласен с мнением Поршнева об изначальной приверженности дворян монархии. На каких данных, спрашивает он, «покоится эта сословно-антропологическая теория, это присвоение дворянству преданности королю и привязанности к абсолютизму как органического свойства»? «Я позволю себе смело сказать, – отвечает Эпштейн на свой вопрос, – что эта теория представляет собой концентрацию “Трех мушкетеров”, просто и слишком доверчиво воспринятую т. Поршневым»³⁴³. Эпштейн не согласен с Поршневым насчет двойственной природы буржуазии при абсолютизме. Все проще – в одном случае она имела основания поддерживать абсолютизм, а когда последний «ограбил» ее – заняла враждебную позицию³⁴⁴. Наконец, Эпштейн посягает на «святыню святынь» в концепции Поршнева – классовую борьбу, отрицая ее гипертрофированное значение и утверждая: «Самые грозные движения гигантской силы и колоссального напряжения превозмогались феодальной монархией, и при том в момент наибольшей слабости»³⁴⁵.

Жесткой критике подвергает воззрения Поршнева на буржуазию Бирюкович. Отмечая отвлеченность формально-логических построений Поршнева, Бирюкович сравнивает буржуазию в поршневом понимании, колеблющуюся между народом и абсолютизмом, с буридановым ослом, погибшим от голода из-за невозможности выбрать один из двух пучков сена³⁴⁶. «Б. Ф. совершенно упустил из виду, – разъясняет Бирюкович, – что двойные противоречия, среди которых находится буржуазия, имеют различный удельный вес в зависимости от стадии развития, и что с этой точки

³⁴² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 39.

³⁴³ Там же. Л. 39 об.

³⁴⁴ Там же. Л. 40.

³⁴⁵ Там же. Л. 43.

³⁴⁶ Там же. Л. 48.

зрения мы должны различать позицию буржуазии в период первоначального накопления, в период ранних буржуазных революций, от позиции той же буржуазии в позднейший период, когда развитие капитализма поднялось на гораздо более высокую ступень... И у нас нет никаких оснований, следуя за Б. Ф., вычеркивать те слова «Коммунистического манифеста», которые говорят, что буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль... когда еще не испытывала опасности со стороны пролетариата»³⁴⁷.

Однако этот поток замечаний не обескураживает Б. Ф. Поршнева. В огромном заключительном выступлении он дискутирует со своими противниками, затушевывая конкретику пространными рассуждениями, манипулируя цитатами, опровергая положения «Коммунистического манифеста» ссылками на «Краткий курс» и сталкивая своих оппонентов лбами³⁴⁸. При этом Поршнева направленно идет к конечной цели – отстаиванию и утверждению ценности собственной концепции.

В. В. Бирюкович выступает настоящим «возмутителем спокойствия». Обладая гибким умом и полемическим напором, используя арсенал марксистской аргументации, он не приемлет теоретизирования Б. Ф. Поршнева и С. Д. Сказкина и называет их метод порочным «в самом своем основании». «Я думаю, – считает Бирюкович, – что порок заключается в том, что оба докладчика подошли к разрешению стоявших перед ними вопросов недиалектически, отвлекаясь от конкретного исторического процесса, т. е. выдвигая те или иные положения вне времени и пространства»³⁴⁹.

Бирюкович указывает на упрощенный подход С. Д. Сказкина, в соответствии с которым вся власть при абсолютизме находится в руках дворян. Он отмечает, что «феодалы и буржуа имеют общую почву для взаимного сближения», что существуют «второстепенные винты политического механизма», которые могут самими феодалами передаваться в распоряжение буржуазии»³⁵⁰. На реплику Сказкина: «Это вы доказываете». – Бирюкович ответил: «Я думаю, что это история доказывает. Если мы это отметем, то нам придется вычеркнуть из истории во имя такого абсолютного государства... господство буржуазии в своих городских, муниципальных управлениях, которое имело место в Англии, во Франции, в Германии в период абсолютизма... Это ничто иное, как осуществление буржуазией политической власти, но при условии ее субординации феодалам, продолжающим занимать господствующие позиции»³⁵¹.

³⁴⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 49.

³⁴⁸ Там же. Л. 69–85.

³⁴⁹ Там же. Л. 44–45.

³⁵⁰ Там же. Л. 45–46.

³⁵¹ Там же. Л. 46.

Практически единодушное отторжение среди присутствующих получило предложение В. В. Бирюковича отойти от теоретизирования и заняться конкретными исследованиями. Высказывания классиков марксизма, – выразил свое мнение Бирюкович – относятся к разным сторонам абсолютизма и различным эпохам, они не образуют единой системы. Поэтому приходится заполнять лакуны логическими построениями. Было бы гораздо правильнее взять эти суждения за исходную точку и заняться конкретикой – безбоязненно пуститься в «море подлинного исторического исследования». По мнению Бирюковича, это марксистско-ленинский метод, и только таким путем «мы могли бы прийти к решению вопроса о том, что такое абсолютизм»³⁵².

Никоим образом не идущее вразрез с марксистской методологией разумное предложение Бирюковича, требующее более осмысленного и критического отношения к выкладкам классиков марксизма, вызвало негативную реакцию присутствующих. Специализирующийся по петровской России В. И. Лебедев и построивший трактовку ее истории на цитатах Ленина, начал свое выступление утверждением в противовес Бирюковичу о том, что «классики марксизма-ленинизма дали нам в достаточной степени руководящие мысли о фазах развития абсолютизма»³⁵³.

В. В. Стоклицкая-Терешкович (1885–1952), специалист в области средневековых городов, выразилась еще более однозначно: «Я не согласна с т. Бирюковичем, что у основателей марксизма не было согласованной во всех частях системы взглядов на абсолютизм»³⁵⁴. Поддерживая идею классовой борьбы Б. Ф. Поршнева и высоко оценивая доклады С. Д. Сказкина и А. Л. Сидорова, Стоклицкая-Терешкович высказывает все же нестандартную и заслуживающую внимания мысль. Проблему абсолютизма, считает она, «можно решать не только на конкретном материале тех стран, где развилась абсолютистская форма правления, но и совершенно другим путем: на конкретном материале стран, где эта форма не развилась. У нас имеются чрезвычайно интересные исторические материалы, относящиеся к одной из стран такого рода, к Польше»³⁵⁵.

А. Л. Сидоров в заключительных прениях начал свою речь выпадом в адрес Бирюковича, опровергая слова последнего собственным выступлением, где на основе цитат Ленина и Сталина характеризовалось российское самодержавие. «Я должен заявить, что мы имеем совершенно ясные и точные высказывания на этот счет, – безапелляционно утверждает Сидоров и

³⁵² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 49 об., 50.

³⁵³ Там же. Л. 51.

³⁵⁴ Там же. Л. 54.

³⁵⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 55, 55 об.

далее указывает Бирюковичу: – Вы недостаточно внимательно относитесь к изучению тех замечаний, которые нам оставили классики марксизма»³⁵⁶. Отмечая, что в «Истории СССР» им уделено недостаточно внимания, он напоминает об уже имевшей место дискуссии о нижней границе российского абсолютизма. И в этой связи Сидоров ясно ставит вопрос: правление Ивана IV – это централизованное государство или абсолютизм?³⁵⁷ Далее, опираясь на высказывания Ленина и Сталина и фактический материал, Сидоров предлагает надолго сохранившуюся трактовку. В соответствии с ней, для характеристики российской монархии, установившейся со второй половины XVII в. термины «самодержавие» и «абсолютизм» являются синонимами. Начало российского абсолютизма считается с середины XVII в. – закрепощения крестьян согласно Соборному уложению 1649 г.³⁵⁸

Заключительное слово С. Д. Сказкина четко указывало на приоритеты советской историографии 1930-х гг. «Дискуссия, конечно, плодотворна, но приходится сознаться, что она была подготовлена недостаточно хорошо. И даже больше того, я должен сказать, что мой доклад как-то прошел впустую, – с сожалением отметил Сказкин. – Почему я это говорю? Потому, что мне казалось, в противоположность тому взгляду, который сегодня развивал В. В. [Бирюкович], что мы недостаточно хорошо знаем, в подлинном смысле, логику марксистского мышления по таким принципиальным вопросам, каким является вопрос о государстве... Поэтому, в своем докладе я считал необходимым, с самого же начала в рассмотрении такого важного вопроса, как вопрос об абсолютной монархии, выяснить теоретические позиции тех историков – а мы Маркса и Энгельса считаем историками – которые говорят чрезвычайно много об абсолютной монархии, и постараться проникнуть во всю глубину тех высказываний, которые они нам по этому вопросу оставили. Надо как следует их продумать и проанализировать. Только таким образом мы можем поступить»³⁵⁹.

Подводящий итог дискуссии член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов (1883 – 1958) отметил «некоторую неудовлетворенность» от обсуждения и указал на ее причины: трудность в теоретических обобщениях и слабость в овладении марксизмом-ленинизмом³⁶⁰.

На достоинствах доклада С. Д. Сказкина Удальцов остановился специально: «Доклад т. Сказкина представляет собою, я бы сказал, блестящее изложение взглядов Маркса и Энгельса. Здесь были приведены едва ли не

³⁵⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 61 об., 62.

³⁵⁷ Там же. Л. 63.

³⁵⁸ Там же. Л. 66–67 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 85–87 об.

³⁶⁰ Там же. Л. 96, 96 об.

все цитаты, которые характеризуют абсолютную монархию, и они в докладе связаны в красивой, достаточно разработанной форме»³⁶¹. После такого официального признания и издания отдельной статьей написанное С. Д. Сказкиным об абсолютизме стало каноническим, несмотря на ряд публикаций других авторов и то обстоятельство, что концепция «равновесия» по сути своей – результат коллективного творчества.

Что же дали в итоге три заседания, на которых обсуждалась проблема абсолютизма? Во-первых, демонстрацию приоритета цитат и отторжение альтернативного их переосмысления. Во-вторых, окончательное утверждение как общепринятой точки зрения С. Д. Сказкина – канонической концепции «равновесия». В-третьих, существование, несмотря на концептуальный монизм, собственных интерпретаций абсолютизма Б. Ф. Поршневым и В. В. Бирюковичем.

Анализ разработки проблемы абсолютизма в 1930-х гг. позволяет оценить этот период как важный формирующий этап, итоги развития которого в общих чертах сохранятся до конца 1980-х гг. Вместе с реорганизацией исторического образования установился методологический канон в историографии. Трактовки западноевропейского и российского абсолютизма были нивелированы, и на смену концепции «абсолютизм – государство торгового капитала» пришло представление об абсолютизме как дворянском государстве, учитывающем и интересы буржуазии.

В понимании абсолютизма советскими историками утвердилась концепция «равновесия». Ее суть состояла в возможности абсолютной монархии противопоставлять друг другу дворянство и буржуазию. При этом монархия, будучи орудием классового господства дворянства, получает возможность усиливаться, используя для этого средства буржуазии. В 1930-х гг. в интерпретации как российского, так и западноевропейского абсолютизма самодовлеющее значение приобрел фактор классовой борьбы. Выдвинутый на первый план ввиду цитирования высказываний Ленина и особенно Сталина, он сначала обрел статус императива в изучении российской истории, а затем был перенесен на рассмотрение процессов всеобщей истории и получил наиболее яркое воплощение в работах Б. Ф. Поршнева. Несмотря на установление концепции «равновесия», существовали спорные для советских историков вопросы. Их согласованию было посвящено обсуждение проблем абсолютизма в Институте истории Академии наук СССР в марте-апреле 1940 г., после чего концепт абсолютизма обрел достаточно завершённое оформление, особенно при трактовке западноевропейской абсолютной монархии.

³⁶¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 96 об.

Интерпретации западноевропейского и российского абсолютизма, будучи сходными, существенно отличались в области наполнения проблемного поля и ценностного содержания. В разработке западноевропейского абсолютизма сохранилось в целом сдержанное к нему отношение, унаследованное от российской либеральной историографии, и были достигнуты определенные результаты. Напротив, в изучении российской монархии, воспринимаемой в обществе и исторической науке негативно, проблемное поле разрабатывалось минимально. Несмотря на общую методологическую основу, в интерпретации российского абсолютизма более рельефно выступал правовой подход. В частности, заметное место отводилось формированию идеологии самодержавия, теории «Москва – Третий Рим», а утверждение абсолютизма связывалось с уменьшением роли Земских соборов, усилением власти царя, Соборным уложением 1649 г. и т. д.

4.3 Европейский абсолютизм и российское самодержавие в советской историографии периода Великой Отечественной войны

19 июня 1941 г. на заседании группы истории СССР Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР первым вопросом повестки дня обсуждалось Постановление Президиума Академии от 20 мая того же года. В свете задач, стоящих перед советскими историками, присутствующие приняли ряд решений. В частности, речь шла о создании монографических исследований, связанных с насущными вопросами советской исторической науки, разработке общих проблем в свете высказываний классиков марксизма-ленинизма. Был сделан акцент на то, чтобы «подготовить обсуждение вопроса о характере государственного строя Русского государства в XVII в. в свете высказываний В. И. Ленина»³⁶². Однако в эти и другие планы большие коррективы внесла Великая Отечественная война.

О ее начале сохранились многочисленные свидетельства, окрашенные и временем их создания, и индивидуальным восприятием автора. Например, будущий академик Н. М. Дружинин (1886–1986), исследователь России XIX в., писал в «Воспоминаниях и мыслях историка»: «Работая над своей монографией, 22 июня 1941 г. я услышал передаваемую по радио речь Молотова о внезапном нападении фашистских войск на наши границы. Начался памятный военный период 1941–1945 гг., который в корне изменил наши настроения, наш быт и направление нашей научной работы. Я никогда не

³⁶² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663. Л. 124.

забуду первых, наиболее тревожных месяцев военных действий. Мы были охвачены взрывом самого горячего патриотизма, с напряженным вниманием ловили вести с фронта, стремились подчинить все свои мысли и действия главной задаче – защите Родины»³⁶³.

Е. В. Гутнова, медиевист и историограф, впоследствии профессор МГУ, 22 июня 1941 г. была на даче под Москвой вместе с трехлетним сыном. В книге «Пережитое», написанной в годы перестройки, Гутнова вспоминала этот день так: «В двенадцать часов ровно репродуктор зашипел, и из него вырвался какой-то неуверенный голос Молотова. Он сильно заикался, видимо, от волнения. Тем не менее, речь его была недвусмысленна, ясна и удивительно суха для такого трагического момента. К нам обращался не страдающий соотечественник, а добросовестный чиновник, сообщая то, что ему поручили. Его выступление повергло нас всех в ужас. Из него было ясно, что немцы не только нанесли воздушные удары по нескольким крупным городам, но и начали наступление по всему фронту, прорвавшись на нашу территорию, в общем, без особых проблем и быстро двигаясь по ней»³⁶⁴.

Все стороны жизни советского общества перестраивались на режим военного времени, и историческая наука не была исключением. Первоочередной задачей стала эвакуация научных учреждений и их сотрудников. Н. М. Дружинин рассказывал следующее: «Через месяц начались фашистские налеты на Москву. Уже в первую ночь, когда немцы забросали город зажигательными бомбами, вспыхнул пожар в здании Института истории, и мы вынуждены были перебраться с уцелевшей частью имущества в одно из покинутых зданий Академии... В первой половине октября положение Москвы стало опасным, и правительство решило эвакуировать институты и университет в восточные районы. Академики и члены-корреспонденты еще раньше были направлены частью в Казань, частью в алтайский санаторий «Боровое». Некоторые из университетских преподавателей и сотрудников института уехали в Ташкент, другие в тревожный день 16 октября покинули Москву»³⁶⁵. В отчете за первое полугодие 1943 г. Ленинградского отделения Института АН СССР отмечалось: «Научные силы ЛОИИ были разбросаны по следующим городам: Москва, Ташкент, Казань, Саратов, Елабуга, Алма-Ата»³⁶⁶.

В связи с эвакуацией возникали многочисленные проблемы – от координации действий между находившимися в разных местах научными цен-

³⁶³ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979. С. 62.

³⁶⁴ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 192.

³⁶⁵ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. С. 63–64.

³⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 3. Л. 2.

трами до бытовых условий жизни сотрудников. В объяснительной записке к Отчету о производственной работе ЛОИИ за 1944 г. об этом сказано так: «Большая часть работников находилась в Ташкенте, часть имела своим местопребыванием Москву, некоторые в Ленинграде. Чрезвычайно неблагоприятны были и те бытовые условия, в которых приходилось жить в 1944 г. работникам Ленинградского отделения. В Ташкенте это были условия жизни в общежитии; товарищи в Москве, как правило, не имели своей площади и пользовались жилищной площадью родных и знакомых, стесненных, обычно, в смысле помещения. Бытовая обстановка для сотрудников ЛОИИ ленинградцев также была трудной, ибо последствия только что сброшенной блокады давали сильно себя чувствовать и сказывались на личной жизни работников. Выбитые стекла в квартирах, после бывших бомбежек и обстрелов, отсутствие топлива, плохое состояние городского транспорта и т. д., конечно, мешали налаживанию правильной научно-исследовательской работы. Самое помещение Ленинградского отделения также находилось в состоянии, непригодном для развертывания в нем работы. Большинство окон были без стекол, фанерные щиты на месте стекол делали помещения темными, отсутствие топлива – холодными. Перенесенная большинством сотрудников ленинградского отделения блокада вызвала тяжелые заболевания дистрофией и цингой, от которых в 1944 г. никто из сотрудников оправиться еще не мог»³⁶⁷.

Однако это не могло остановить работу советских историков. Более того, именно в 1942 г., в самый тяжелый период войны, вышел первый номер журнала «Средние века» – специализированного органа советских медиевистов. В открывающей его редакционной статье была сформулирована задача, стоящая перед советской медиевистикой, – раскрыть «подлинный смысл истории жизни народов в свете марксизма-ленинизма»³⁶⁸. При этом в числе приоритетных направлений исследований было названо изучение социальных основ сословной и абсолютной монархий на Западе³⁶⁹.

Начавшаяся война превратила идеологему «исторический фронт» в реальные условия работы советских историков. Задачи исторической науки должны были подчиняться идеологическим и пропагандистским целям военного времени. Исследовательскими приоритетами стали противостояние с историографией Германии, борьба славянских народов с германской агрессией, роль России в международных отношениях, история войн и освободительных движений, деятельность выдающихся полководцев и т. д.

³⁶⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4. Л. 4–5.

³⁶⁸ Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века. Вып. 1. М., 1942. С. 3–6. С. 3.

³⁶⁹ Там же. С. 5.

В первом номере «Средних веков» об этом говорилось так: «Особая роль на историческом фронте разоблачения фашистского мракобесия принадлежит медиевистам. Средние века – это излюбленная тема кликушеских извращений фашистских “историков”, преследующих политическую цель “приспособления” истории средневековья для обоснования притязаний “Третьей империи” на господство над народами Запада и Востока Европы... Уничтожить этот реакционный утопизм, развернув истинную историю средних веков, разящими аргументами сокрушить попытки формирования фашистской “концепции” истории средневековья – такова благодарная и почетная задача советских медиевистов»³⁷⁰. Нужно сказать, что эта задача неуклонно выполнялась, что, в частности, подробно отражено в работе А. В. Свешникова³⁷¹.

Проблематика абсолютизма, по понятным причинам, не находилась на острие идеологической востребованности в 1941–1945 гг. Однако вопросы абсолютной монархии традиционно входили в число важнейших. Е. А. Косминский, подытоживая изучение истории Средних веков за 25 лет, отмечал: «Из вопросов политических наибольшее внимание советских медиевистов привлекали вопросы социальной характеристики абсолютизма в его французской классической форме (С. Д. Сказкин, В. В. Бирюкович, Г. Г. Жордания, З. В. Мосина). Проблема абсолютизма стала предметом специальной дискуссии в Институте истории АН СССР»³⁷².

Однако в это время абсолютизм рассматривался скорее как дополнение к актуальным темам. Примером служит статья З. В. Мосиной в первом номере «Средних веков», где раскрытие истории абсолютных монархий XVI в. отражает не авторскую концепцию, а является изложением конспекта Маркса, созданного в основном по «Всемирной истории» Шлоссера. Публикация так и называется – «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) и написана в связи с выходом VII тома Архива Маркса и Энгельса³⁷³. Проблема абсолютизма является фоновой и в работе Б. Ф. Поршнева о восстании «босоногих» в Нормандии и опубликованной в том же номере «Средних веков»³⁷⁴.

В отчете кафедры истории Средних веков Московского государственного университета за 1942–1943 гг. отмечено, что на ее заседаниях 2 февраля

³⁷⁰ Задачи советской исторической науки ... С. 6.

³⁷¹ Свешников А. В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930-х – 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 86–112.

³⁷² Косминский Е. А. Изучение истории средних веков за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 212.

³⁷³ Мосина З. В. «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) // Средние века. Вып. 1. 1942. С. 202–211.

³⁷⁴ Поршнев Б. Ф. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 г (Начало и организационная форма восстания) // Там же. С. 164–184.

и 9 марта были сделаны два доклада, в которых присутствовал сюжет об абсолютизме. На февральском заседании прозвучал доклад Б. Ф. Поршнева «Некоторые вопросы истории Тридцатилетней войны». На заседании кафедры в марте выступила А. Д. Люблинская с докладом «Франция после смерти Генриха IV»³⁷⁵. Проблема западноевропейского абсолютизма в научных исследованиях 1941–1945 гг. включалась в исследования по истории войн и международных отношений. Например, темой работы О. Л. Вайнштейна, находившегося в 1944 г. в Саратове, стала история Тридцатилетней войны и Вестфальского мира (1618–1648). Кроме того, О. Л. Вайнштейн подготовил статьи «История Англии в трудах русских ученых» и «Идеология гитлеризма». Последняя статья объемом в 1½ п. л. была написана для Саратовского обкома ВКП(б)³⁷⁶. Особенное место в работе над «Историей Тридцатилетней войны» занимала проблема «Россия в Тридцатилетней войне»³⁷⁷.

С середины 1945 г. в ЛОИИ была создана группа истории Западной Европы под руководством академика Е. В. Тарле. Среди плановых работ группы, в частности, были «Екатерина II и ее дипломатия» Тарле и «Россия и Тридцатилетняя война. Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века» Вайнштейна³⁷⁸.

На определенное внимание к проблеме абсолютизма указывает и отчет А. И. Молока за первое полугодие 1945 г. В частности, в нем отмечено: «Проведено редактирование (вне плана) главы “Франция перед революцией” (в томе “Всемирной истории”, посвященном XVIII веку)»³⁷⁹. Приведенная информация позволяет сделать вывод о том, что в 1945 г. намеченная еще в 1938 г. схема издания «Всемирной истории» не потеряла значимости.

Целенаправленное рассмотрение абсолютизма как основной проблемы сохранялось в учебной литературе. В Отделе рукописей РГБ, в фонде Б. Ф. Поршнева, находятся его лекции, созданные в достаточно образной и живой манере и датированные 1941–1942 гг. В русле своей концепции, Поршнев характеризует Францию XVII в., с одной стороны, как «самый блестящий век французской истории», а с другой – как «белое пятно» по сравнению с XVI и XVIII вв.³⁸⁰ Неслыханные бедствия французского народа, подчеркивает Поршнев, «были оборотной стороной внешних побед. Абсолютизм вел двойную войну – внешнюю и внутреннюю – одинаково трудную по напряженности»³⁸¹.

³⁷⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 3. Л.1.

³⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4. Л. 4.

³⁷⁷ Там же. Л. 3.

³⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4. Л. 4–5.

³⁷⁹ Там же. Л. 82.

³⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 4. Л. 17, 18 об.

³⁸¹ Там же. Л. 19, 19 об.

Поршнев, как историк-марксист, оценивает буржуазию соответствующе. Он утверждает, что французская буржуазия «знала гораздо больше отступлений, чем наступлений»³⁸², и причина этого заключалась в ее классово-природной природе. Последняя роднила ее с дворянством, и народ был их общим врагом, хотя, как разъясняет Поршнев, «и буржуазия, и дворянство временами пытались использовать этот народ как союзника»³⁸³. Расцвет французского абсолютизма Поршнев считает результатом «двух крупных предательств буржуазии, двух неудавшихся по ее вине революций»³⁸⁴. Первая революция была религиозными войнами XVI в., вторая была Фрондой³⁸⁵.

Правление Генриха IV и Ришелье Поршнев расценивает как два этапа укрепления абсолютизма. Система Генриха IV сочетала в себе уступки антиабсолютистским силам и дальнейшее усиление абсолютизма³⁸⁶. При Ришелье «назрела необходимость возрождения абсолютизма и продвижения его вперед», что и реализовал Ришелье³⁸⁷.

Говоря об эпохе Людовика XIV, Поршнев сопоставляет Англию и Францию, позиционируя первую как страну классического капитализма, а вторую – классического феодализма³⁸⁸. Сравнивая оба государства, Поршнев указывает на то, что надлежит обращать внимание не на капиталистическую промышленность, а на степень устойчивости феодального строя. Английский феодализм «отмечен чертами неполного развития», ввиду чего произошла ранняя буржуазная революция, где выступали союзниками буржуазия и дворянство³⁸⁹. Во Франции такая революция была невозможна, здесь не происходило обуржуазивания дворянства. Следовательно, буржуазия должна была идти в революцию с единственным союзником – народом. Поэтому от французской буржуазии требовалось гораздо больше смелости и зрелости³⁹⁰.

«Французское государство XVII в., основанное на принципе абсолютного (неограниченного) самодержавия короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства», – подчеркивает Поршнев³⁹¹. Назначением этого государства, далее разъясняет он, «была защита феодального строя, уже обреченного историей (курсив мой. – Л. Л.), от всех антифеодальных сил, созревших в недрах феодального строя»³⁹².

³⁸² ОР РГБ. Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 4. Л. 20 об.

³⁸³ Там же. Л. 20, 21 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 22.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Там же. Л. 25 об.

³⁸⁷ Там же. Л. 71 об.

³⁸⁸ Там же. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 1.

³⁸⁹ Там же. Л. 2–3.

³⁹⁰ Там же. Л. 3.

³⁹¹ Там же. Л. 25.

³⁹² Там же.

Достаточно образно характеризует Поршневу внутреннюю политику «короля-Солнца», целью которой было «осуществление централизованной диктатуры в интересах дворянства и дворянской реакции после Фронды»³⁹³. «Даже во время бала, карточной игры или представления “король-Солнце” имел обыкновение время от времени удаляться для чтения почты и выслушивания дел, – рассказывает Поршнева. – Это не было его личной прихотью. Государственная система на самом деле достигла такой степени централизации, что все почти нити управления сходились, в конце концов, в одну точку, и из этой точки только и могли исходить все законы и повеления. Франция – это двор, государственная власть – это воля короля, пронизывающая, как луч настоящего солнца, всю жизнь подданных – так представляли себе сущность политической системы деятеля дворянской абсолютной монархии»³⁹⁴.

В 1941 г. вышли две лекции С. Д. Сказкина об Английской революции. Ее предпосылки определялись традиционно: «Английской буржуазной революции предстояло... уничтожить феодальные отношения в городе и деревне, свергнуть абсолютизм и расчистить путь для свободного капиталистического развития»³⁹⁵. Конкретно это выражалось так: «Английская буржуазия и новое дворянство разбогатели и окрепли и больше уже не нуждались в помощи со стороны сильной королевской власти. Между тем, английские короли хотели править и дальше неограниченно, подобно французскому или испанскому королям»³⁹⁶. В 1945 г., в связи с изменившейся периодизацией, материал С. Д. Сказкина, охватывающий время от Английской до кануна Французской революции, был представлен уже в лекциях по Новой истории³⁹⁷.

В лекционном курсе по истории Средних веков С. Д. Сказкина и А. Д. Удальцова, вышедшем годом ранее³⁹⁸, четко прописано изменение периодизации всемирной истории. Авторы сообщают, что последний период средневековья «мы начинаем с XVI в. и кончаем кануном Английской революции»³⁹⁹. Сюжет об абсолютной монархии, трактуемой в русле концепции «равновесия», был представлен нарративным материалом об Ис-

³⁹³ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 50.

³⁹⁴ Там же. Л. 84 об.

³⁹⁵ Сказкин С. Д. Буржуазная революция в Англии. М., 1941. С. 5.

³⁹⁶ Он же. Английская революция: стеногр. лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 уч. году. М., 1941. С. 3.

³⁹⁷ Сказкин С. Д., Ефимов А. В. Новая история. От англ. буржуазной революции до Венск. Конгресса: лекции, прочит. в 1944 г. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 1945. 183 с.

³⁹⁸ Удальцов А. Д., Сказкин С. Д. История средних веков: курс лекций, прочитанных в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б). М., 1944. 275 с.

³⁹⁹ Там же. С. 6.

пани, Франции и Англии⁴⁰⁰. Выпущенный в 1944 г. курс лекций послужил образцом для последующих аналогичных изданий – 1946⁴⁰¹, 1948⁴⁰² и 1952⁴⁰³ гг.

Специалистов по российской истории идеологические реалии Великой Отечественной войны поставили на самые передовые рубежи «исторического фронта». Отечественная история для воюющей страны должна была стать источником примеров героического прошлого, патриотизма, величия государства и народа. Не случайно поэтому в 1941 г. было создано Бюро научной пропаганды АН СССР. В него вошли такие известные историки, как Греков, Бахрушин, Тарле, Готье, Минц, Хвостов, Рубинштейн. Бюро начало разработку методического пособия для учителей, озаглавленного «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны»⁴⁰⁴.

Патриотическая тематика научной и научно-популярной работы охватывала огромный временной диапазон – от времен Киевской Руси до Первой мировой и Гражданской войн. Эпоха Петра I, естественно, должна была привлечь особое внимание – в ее рассмотрении можно было вести речь одновременно о военных успехах России и ее великом правителе. Наряду с Иваном Грозным, Петр I входил в тот избранный круг российских самодержцев, которые почитались на официальном уровне. Сталину импонировали как деятельность Ивана Грозного, боровшегося с боярами и укрепившего самодержавие, так и личность и реформаторство Петра I, основавшего Российскую империю.

Деятельность Петра не могла не стать объектом идеологической спекуляции. В двенадцатом номере «Исторического журнала» за 1941 г., во время наступления советских войск под Москвой, вышла статья «О так называемом “завещании” Петра Великого», в котором Петр якобы призвал своих преемников не слагать оружия, пока Россия не будет владеть всем миром. Эта историческая фальсификация была использована германской пропагандой для убеждения в том, что лишь Германия спасет мир⁴⁰⁵.

Автор статьи, Н. Яковлев (очевидно, это Н. Н. Яковлев (1898–1970), историк, партийный деятель, директор Государственной библиотеки СССР им. Ленина) разоблачая фашистскую «изолгавшуюся кровавую банду, бросившую в пучину войны народы всего мира и германский народ», обрушивает на читателя всю силу пропагандиста. Разумеется, пи-

⁴⁰⁰ Удальцов А. Д., Сказкин С. Д. История средних веков ... С. 235–270.

⁴⁰¹ Там же. М., 1946. 271 с.

⁴⁰² Там же. М., 1948. 320 с.

⁴⁰³ Там же. М., 1952. 222 с.

⁴⁰⁴ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Указ. соч. С. 352.

⁴⁰⁵ Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128.

шет он, ни один честный и уважающий себя и науку историк в «Завещание» не поверит. Но, подчеркивается далее, «фашистская пропаганда и не рассчитывает на честных и здравомыслящих людей: она имеет в виду еще более одурачить и без того одураченного немецкого обывателя, приученного в течение 9 лет питаться лживым крошечком из кухни зловерного выродка Геббельса»⁴⁰⁶.

Называя «завещание» Петра Великого фальшивкой, Яковлев напоминает, что оно использовалось и во время вторжения наполеоновской армии в 1812 году, и во время Первой мировой войны, но в обоих случаях не помогло – для армий неприятеля война закончилась катастрофой. Не поможет фальшивка и в этот раз, подчеркивает Яковлев, – «германская армия, так и не повидав Москвы, гибнет в снегах СССР»⁴⁰⁷.

На фоне военно-патриотических сюжетов несколько неожиданным стало появление одной из наиболее своеобразных в советской историографии книг по истории государственных институтов Российской империи. Это «"Регулярное" государство Петра Первого и его идеология» доктора исторических наук, историка-правоведа Б. И. Сыромятникова. Книга задумывалась в двух частях, в 1943 г. вышла ее первая часть, вторая осталась неизданной. Работа Сыромятникова заслуживает особого внимания по нескольким причинам, среди которых ее идеологическая направленность и полемичность занимают отнюдь не первое место.

Действительно, Б. И. Сыромятников достаточно амбициозно заявляет, что «по существу, до сих пор мы не только не имеем научной истории реформы Петра и оценок последней, но проблема этой реформы, и в особенности государства, организованного Петром, не была еще поставлена научным образом, не была еще изучена с марксистских позиций»⁴⁰⁸. Он намеревается сделать это, не боясь дискуссии, «к которой он и идет навстречу»⁴⁰⁹.

Работа Сыромятникова состоит из историографического очерка и научного нарратива. Первый из них, особенно рефлексия осмысления Петровской эпохи в дореволюционной России, обладает несомненной ценностью, несмотря на возрастающий критический подтекст в отношении государственной школы и либеральной историографии начала XX в. Однако, оставив в стороне авторские коннотации, нельзя не признать мастерства Сыромятникова как историографа. Ему удалось создать информационно емкий анализ написанного о Петре в XIX в., включив это не только в идейно-

⁴⁰⁶ Яковлев Н. Указ. соч. С. 129.

⁴⁰⁷ Там же. С. 133.

⁴⁰⁸ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.; Л. С. 3.

⁴⁰⁹ Там же. С. 4.

политический контекст российского общества, но и в существующую в то время европейскую историко-философскую традицию⁴¹⁰.

Рассмотрение советского этапа историографии более идеологически ангажировано, хотя максимум критики, причем правомерной, автор обращает на учебник по истории СССР 1939 г. и особенно на работы историка государства и права С. В. Юшкова⁴¹¹. Однако важна не сама критика, а содержащееся в ней ценное замечание Сыромятникова, служащее ключом для понимания разницы понятий «самодержавие» и «абсолютизм».

«Юшкову, очевидно, остается совершенно неизвестным, что целью автора "Правды воли монаршей" именно и было и с т о л к о в а т ь и о б о с н о в а т ь с п о м о щ ь ю западноевропейской правовой науки с т а р ы й титул московских царей – "самодержец" – в новом смысле неограниченного самодержавия в духе просвещенного абсолютизма, или полицейского государства, – подчеркивает Сыромятников. – Не самодержавие обосновывал Прокопович, а с а м о д е р ж а в и е к а к а б с о л ю т и з м с о г л а с н о п о л и т и ч е с к и м у ч е н и я м X V I I – X V I I I в в. (полужирный курсив мой. – Л. Л.)»⁴¹².

В историографическом очерке обрисована концепция самого автора. Он безоговорочно разделяет идею «равновесия», приводя в подтверждение соответствующие цитаты⁴¹³. Однако дело в том, что из традиционных цитат делаются выводы, отличные от канонических.

С точки зрения Сыромятникова, речь идет не о дворянском, а о дуалистическом государстве Петра I (в самом деле, это же не противоречит мнению Сталина о петровской России как о государстве дворян и купцов⁴¹⁴). Сыромятников указывает на недооценку Юшковым роли буржуазии, на уязвимость определения петровской монархии как «дворянской», на игнорирование бюрократизма, как проявления самостоятельности государства по отношению к дворянству и буржуазии⁴¹⁵.

Сыромятников, сторонник термина «абсолютизм», высказывается так: «Публицисты, историки и историки права до третьей четверти прошлого столетия говорят почти исключительно о "самодержавии" или "самодержавной монархии", тщательно избегая термина а б с о л ю т и з м, а б с о л ю т н а я м о н а р х и я, а тем более – "полицейское" государство, и предпочитают подчеркивать ту общую мысль, что начало самодержавия было исконным "началом" в истории русского народа»⁴¹⁶.

⁴¹⁰ Сыромятников Б. И. Указ. соч. С. 5–54.

⁴¹¹ Там же. С. 62–77.

⁴¹² Там же. С. 71.

⁴¹³ Там же. С. 74.

⁴¹⁴ Там же. С. 74.

⁴¹⁵ Там же. С. 75.

⁴¹⁶ Там же. С. 78.

«Пусть Алексей Михайлович, “тишайший”, и был непрочь кое-что позаимствовать от “еретического” Запада под давлением известных объективных условий, однако его “великое государство” и “государство” Петра Великого, этого неистового реформатора – явления, далеко не однородные, – указывает Сыромятников. – В действительности это – исторические образования двух, сменивших один другого, последовательных периодов феодального государства на последнем его этапе»⁴¹⁷.

Концепция Сыромятникова может быть представлена следующими тезисами:

– империя Петра I – это вариант абсолютной монархии, которая приходит на смену феодальной раздробленности и сословно-представительной монархии⁴¹⁸;

– абсолютизм отражает разложение феодального государства и служит переходной стадией к буржуазному государству. Этот переход внутри феодальной формации характеризуется экономическими сдвигами, классовой борьбой, изменением удельного веса классов и социальных групп⁴¹⁹;

– понятия «абсолютизм» и «просвещенный деспотизм» синонимичны, в то время как абсолютистскую монархию никоим образом нельзя отождествлять с «самодержавием»⁴²⁰;

– «всецелый» монарх, как воплощение «вольного самодержавства», был политическим идеалом поместного дворянства и торгово-посадских людей на этапе борьбы с феодальной аристократией. Союз дворянства, посада и монарха воплотился в сословно-представительной монархии, основанной на идеологии самодержавия⁴²¹;

– социальные пертурбации в московской самодержавной монархии продолжались до середины XVII в. Соборное уложение 1649 г. регламентировало положение сословий. Установилось относительное «равновесие» сил между ними, что впоследствии послужило базой для образования лавирующего абсолютистского государства⁴²²;

– отличие между московским самодержавием и петровским абсолютизмом было в том, что московские государи смотрели на себя как на наследников московского удела, а Петр, покончив с вотчинными традициями, дал новое теоретическое обоснование понятию «государство», полностью освобожденному от феодальной идеологии⁴²³;

⁴¹⁷ Сыромятников Б. И. Указ. соч. С. 79.

⁴¹⁸ Там же. С. 93.

⁴¹⁹ Там же. С. 93 – 94.

⁴²⁰ Там же. С. 93–94.

⁴²¹ Там же. С. 99–101, 105.

⁴²² Там же. С. 104, 105, 106.

⁴²³ Там же. С. 106.

– Петр I создал «регулярное», то есть полицейское абсолютистское государство «просвещенного деспотизма», образец которого он нашел в Западной Европе, откуда почерпнул и его идеологию⁴²⁴;

– социальной основой этого государства было «равновесие сил» между дворянством и городским классом. Оно дало возможность возвышения абсолютистского государства, которое, однако, лишь «возомнило себя» «независимым и всесильным» и создало иллюзию «надклассовости»⁴²⁵;

– специфическим правовым признаком абсолютистского государства является отсутствие в нем какого-либо учреждения, с которым бы «император и самодержец всероссийский» разделял свои верховные полномочия⁴²⁶;

– «регулярное» государство Петра, идущее по буржуазному пути, в силу этого прогрессивно. Однако, ввиду такой направленности, политика Петра содержала ряд антидворянских мер – обязательную службу в соответствии с «Табелью о рангах», закон 1714 г. и т. д. По этой причине после смерти Петра началась «дворянская реакция», разрешившаяся победой дворянства в эпоху Екатерины II⁴²⁷.

Теория Б. И. Сыромятникова, в которой были сильны элементы правового подхода, была многослойной конструкцией. В ее основе лежала идея «равновесия», и в этой части построение Сыромятникова не могло вызвать возражений. Однако под огонь критики неизбежно попадали базирующиеся на этой основе заключения.

Во-первых, для советских историков категорически неприемлем был тезис о дуалистическом характере абсолютизма, приводящий к мысли о его «двухклассности». В данном случае подчеркивание Сыромятниковым феодального характера абсолютистского государства роли уже не играло. Во-вторых, при утвердившейся трактовке абсолютизма как дворянского государства вызывали неприятие выводы Сыромятникова о буржуазной направленности петровского «регулярного» государства и его антидворянских мероприятиях. Это не только не укладывалось в канон, но и напоминало соответствующие выкладки «школы Покровского», а в более отдаленной ретроспективе – построения буржуазной и созвучной в ней социал-демократической историографии. Наконец, выраженный акцент в понятии «абсолютизм» на рецепции западноевропейской идеологии, а не на социально-экономических предпосылках, или, по крайней мере, появлении Соборного уложения 1649 г., могли показаться и вовсе идеологиче-

⁴²⁴ Сыромятников Б. И. Указ. соч. С. 151.

⁴²⁵ Там же. С. 106, 122, 151.

⁴²⁶ Там же. С. 122.

⁴²⁷ Там же. С. 123–124.

ски вредными. Появление книги Сыромятникова в 1920-х гг. несомненно вызвало бы интерес и обсуждение, в 1930-х – бурную дискуссию. Однако в 1940-х., когда, с одной стороны, методологический канон в трактовке абсолютизма определился, а с другой, еще были памятны продолжительные дискуссии, книга Сыромятникова вызвала многочисленные, преимущественно негативные, отзывы и отторжение⁴²⁸.

Оценивая «"Регулярное" государство...», нельзя не согласиться с мнением В. В. Тихонова о том, что эта книга была результатом известного ослабления идеологического контроля государства в годы войны⁴²⁹. Однако, как показала практика, возобладал не только контроль, но и конвенциональность в научном сообществе. Отдельным фактором в разгроме книги, очевидно, был личностный. Так, В. И. Лебедев и С. В. Юшков в свое время подверглись особенной критике со стороны Сыромятникова. Теперь же их общая рецензия, лишенная даже нейтральной вводной части, представляла собой не только сведение научных и, очевидно, личных счетов, но и весьма жесткий разбор спорных положений книги⁴³⁰.

Более корректным, но критическим в основе было мнение о книге Сыромятникова Б. Б. Кафенгауза, доцента МГУ, впоследствии одного из ведущих знатоков Петровской эпохи, который в целом расценил концепцию Сыромятникова как неправильную⁴³¹.

К концу войны стало очевидным стремление идеологов взять под контроль ситуацию в интеллектуальной сфере. Это демонстрирует совещание историков в ЦК ВКП(б) в мае – июне 1944 г. Открывший его секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков видел суть проблемы в том, что «у ряда наших историков нет ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории, а по ряду вопросов имеются существенные разногласия»⁴³². Среди вопросов, предложенных к рассмотрению на совещании, значительное место отводилось трактовке российского самодержавия, его внешней политике и присоединению других народов, оценке монархов и полководцев, выявлению соотношения интересов народа и самодержавия и т. д.⁴³³

На фоне патриотической риторики советским идеологам было важно определить четкие границы в конструируемом историками прошлом. Где

⁴²⁸ Тихонов В. В. Исторические взгляды Б. И. Сыромятникова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 5, 7, 37.

⁴²⁹ Там же. С. 37.

⁴³⁰ Лебедев В., Юшков С. [Рецензия] // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 124–131. Рец. на кн.: Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.; Л., 1943. 210, [2] с.

⁴³¹ Кафенгауз Б. Вопросы историографии Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 38.

⁴³² Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг). Брянск, 2005. С. 443.

⁴³³ Там же. С. 444–445.

заканчивается признание заслуг выдающихся правителей и полководцев прошлого и начинается их «неоправданное возвеличивание», где проходит грань, отделяющая, прогрессивные национально-освободительные движения народов России от реакционных националистических выступлений? Итоги совещания были следующими: с одной стороны, надлежало воздерживаться от возвеличивания царской политики и неумеренного воспеваания дореволюционной России, с другой – не очернять ее историческое прошлое⁴³⁴.

Очевидно, именно такую направленность имела лекция Н. М. Дружинина «Самодержавие как форма развития государства», прочитанная 23 ноября 1944 г. в Ленинском райкоме ВКП(б) г. Москвы. Тезисы лекции демонстрируют следующие опорные моменты в понимании российской монархии.

«Самодержавие как прогрессивный фактор в период борьбы с феодальной раздробленностью... по Энгельсу, "представительница порядка в беспорядке"... Прогрессивная политика Ивана III, Ивана Грозного, Петра I... (Сталин о Петре I). Развитие товарно-денежных отношений и создание общероссийского рынка как социально-экономическая основа развития процесса. Момент внешней опасности по Сталину, интересы обороны... Социальная опора – класс землевладельцев, ведущий класс феодального общества.

Абсолютизм Петра. Государственная охрана феодальной эксплуатации, развитие производительных сил»⁴³⁵.

Далее Дружинин акцентирует внимание на переломном моменте в развитии производительных сил, общественном разделении труда, накоплении капитала, потребности в личной инициативе предпринимателя и указывает на непроизводительность феодально-крепостнического труда. Речь идет о борьбе буржуазии за власть и политике просвещенного абсолютизма, о потребности государства в отмене крепостничества, сословного и самодержавного произвола⁴³⁶.

Резюме: самодержавие – тормоз с середины XVIII в. Постепенное усиление его тормозящей роли. 1856 и 1917 гг. моменты наивысших противоречий. Дружинин обращает внимание на «затяжную борьбу революционных демократов с самодержавием во имя свободного развития производительных сил». Как специфические черты России XIX в. указываются «аграрный характер страны, слабость буржуазии, позднее формирование пролетариата» и «хозяйственная, политическая, культурная отсталость как результат»⁴³⁷.

⁴³⁴ Дубровский А. М. Историк и власть ... С. 473.

⁴³⁵ АРАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.

⁴³⁶ Там же. Л. 1 об., 3.

⁴³⁷ Там же. Л. 5.

Сила самодержавия была преодолена тремя поколениями революционеров при моральной поддержке буржуазии. Освобождающее значение имела Октябрьская социалистическая революция, а силу освобожденного государства показала Великая Отечественная война⁴³⁸.

Развитие концепта абсолютизма в 1941–1945 гг. было обусловлено идеологическими реалиями Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что проблема абсолютизма не входила в число идеологически приоритетных, она сохраняла научную значимость. Кроме того, тематика абсолютизма неизменно присутствовала в учебной литературе.

Методологической основой рассмотрения абсолютизма была концепция «равновесия». Вместе с тем, Б. И. Сыромятников, характеризуя «регулярное» государство Петра I, предложил свою интерпретацию российского абсолютизма, которая в итоге была отвергнута, как не вписавшаяся в уже утвердившиеся трактовки. Наконец, важным моментом в разработке проблем как российской, так и всемирной истории стал произошедший в середине 1940-х гг. переход к новой периодизации всемирной истории. В соответствии с принятыми установками, границей между Средними веками и Новой историей была признана Английская революция.

4.4. Абсолютная монархия и ее институты в работах советских историков конца 1940-х – первой половины 1950-х гг.

Окончание Великой Отечественной войны, восстановление страны и оптимистичные перспективы мирной жизни, однако, не сопровождались смягчением общественно-политического климата. Наоборот, произошло усиление контроля государства, что выразилось в целой серии идеологических и политических кампаний. Их задачей, с одной стороны, была мобилизация общества, с другой – превознесение успехов победившего социализма. В обоих случаях идеологическая конфронтация и поиск «врагов народа» были действенными средствами.

Краткий период сближения Востока и Запада на почве победы над фашизмом быстро завершился. Началась эпоха «холодной войны», в СССР произошло возвращение к довоенной модели социализма. Культ личности Сталина достиг апогея. Советскими идеологами победа в Великой Отечественной войне расценивалась как подтверждение правоты и силы социалистического строя, в связи с чем советское общество провозглашалось наивысшим достижением мировой истории. Все это давало основа-

²⁸² АРАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 311. Л. 5.

ния для мессианских настроений и идеологической нетерпимости. Между тем побывавшие в Европе во время войны советские люди увидели зарубежную жизнь, и последующее сравнение ее с советскими реалиями часто было не в пользу СССР. Все это разочаровывало людей, ожидавших перемен к лучшему.

Советская историческая наука послевоенного десятилетия оказалась в эпицентре этих процессов, что нашло отражение во множестве современных исследований, которые можно, весьма условно, отнести к двум категориям. В первой из них доминирует проблема «образа исторической науки». Это система ее концептов, характеристик как социального института, развития, ценностей и идеалов⁴³⁹. В «человеческом измерении» речь идет о взаимоотношениях историка и власти, антропологическом аспекте научной деятельности, ее когнитивных принципах, соотношении историографических интерпретаций с культурной традицией и т. д.⁴⁴⁰. В исследованиях второй категории внимание авторов акцентировано на развитии конкретных областей исторической науки в тесной связи с политическим, социокультурным и личностным компонентами работы историка⁴⁴¹.

В книге В. В. Тихонова подробно раскрыто развертывание и содержание идеологических кампаний конца 1940-х гг. После окончания войны, до осени 1946 г., был период «мини-оттепели», сопровождавшийся эйфорией от победы, либерализацией интеллектуальной жизни, надеждами на сотрудничество и диалог СССР с капиталистическим миром. Однако существовала и противоположная тенденция – идеологической бдительности и контроля над обществом, которая в итоге возобладала⁴⁴². Проявлением этого стало известное постановление от 14 августа 1946 г. «О журналах “Москва” и “Ленинград”». Затем последовала редакционная статья в журнале «Большевик» с четкой установкой: «Научный работник в нашей стране – общественный деятель. Он не может быть аполитичным»⁴⁴³.

Результатом этих акций стало закрытое партийное собрание в Институте истории АН СССР 9 и 11 октября 1946 г. Была принята обширная резолюция с перечислением недостатков в работе института и рядом решений,

⁴³⁹ Корзун В. П., Колеватов Д. М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 60–61.

⁴⁴⁰ Там же. С. 59; см. также: Кныш Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 23 с.; Корзун, В. П., Кныш Н. А., Колеватов Д. М. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011. 470, [1]с.; Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Указ. соч.

⁴⁴¹ Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб, 2016. 424 с.; Дубровский А. М. Историк и власть ...; Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ...

⁴⁴² Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» ... С. 102–108.

⁴⁴³ Там же. С. 109.

среди которых показательным было следующее: «Партбюро совместно с Дирекцией просмотреть и обсудить со стороны идеологической и методологической всю продукцию Института за последний период»⁴⁴⁴. 1 ноября, на открытом заседании в Институте истории, прошло обсуждение этого события. Из его изложения В. В. Тихоновым целесообразно привести два фрагмента, из содержания которых ясно, что для последующих идеологических кампаний имелась уже подготовленная почва.

С. Д. Сказкин призвал историков, включая специалистов по древним периодам, понимать, что их исследования «должны связываться с важнейшими политическими вопросами», «ибо наша политика есть одновременно и наука, а наука – это и есть политика (курсив мой. – Л. Л.)»⁴⁴⁵. Не менее значимыми были и такие слова Сказкина: «Среди политических задач, стоящих перед нами, нам указано, что мы должны не очень сильно расшаркиваться перед иностранцами, что мы должны понимать наши недостатки, но и подчеркивать и некоторые наши достоинства – весьма и весьма большие»⁴⁴⁶. Еще более красноречиво высказался А. З. Манфред. Отметив, что бывшие союзники стали теперь «силами реакции», он сделал вывод: «С необычайной быстротой происходит мобилизация буржуазной исторической науки, выполняющей эту задачу атаки против советского идеологического фронта. Нам не к лицу позиция обороняющейся стороны. Мы должны нападать на буржуазную культуру»⁴⁴⁷.

На протяжении 1947 г., параллельно с началом «холодной войны», росло вмешательство идеологического контроля в работу историков, одновременно развертывалась масштабная кампания по пропаганде советского патриотизма и искоренению низкопоклонства перед Западом. Тревожным симптомом было принятие Постановления от 16 июля 1947 г. о прекращении издания советской академической периодики на иностранных языках⁴⁴⁸. Одновременно в СССР развертывалась пропагандистская и имевшая далеко идущие последствия кампания в связи с «делом КР» (профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина). Суть его была в том, что разработанным ими препаратом против рака заинтересовались в США и предложили начать совместные исследования. Об этом был составлен проект соглашения на уровне Министерства здравоохранения, с разрешения Политбюро в США отправился ученый секретарь АМН СССР В. В. Парин. В итоге Парин, Клюева и Роскин были обвинены в антигосударственной и антипатриотической

⁴⁴⁴ Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» ... С. 112.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же. С. 113.

⁴⁴⁸ Там же. С. 121.

деятельности⁴⁴⁹. 5–7 июня 1947 г. состоялся «суд чести» при Министерстве здравоохранения СССР.

Он обозначил начало новой идеологической кампании, направленной в первую очередь против научной и творческой интеллигенции. Отныне ее представители должны были знать, что все их достижения и открытия – это не только и не столько результат их работы, сколько достижение советской власти и социалистического строя. С этих пор контакт любого советского человека с иностранцем представлял угрозу для государственной тайны СССР и становился поводом для проработки и позора⁴⁵⁰.

15 марта 1948 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР выступил С. Д. Сказкин с докладом «О патриотическом долге советского ученого». Советский ученый, утверждал Сказкин, живет не только в библиотеке и архиве, но и в мире, в котором идет «чем дальше, тем все более ожесточенная между двумя мирами – миром подлинной демократии и социализма и миром капитализма и реакции»⁴⁵¹. Имея в виду «дело КР», Сказкин упомянул о «некоторых их советских ученых», которые «не учли до конца сложности исторического периода, нами переживаемого, и совершили ряд поступков, которые с их точки зрения как будто бы ничего плохого в себе не заключали, но которые при более глубоком рассмотрении оказались настоящим преступлением и перед Родиной, и перед нашим советским обществом»⁴⁵².

Описывая враждебный эксплуататорский мир капитализма, Сказкин противопоставляет ему советскую действительность. «Наше общество, – подчеркивает он, – принципиально отрицающее собственность, является величайшей моральной ценностью, которую могла достичь до сих пор история. Поэтому и советский патриотизм особого рода... Наше общество... впервые создает понятие патриотизма, как неограниченной ненависти к классу эксплуататоров, любви к родине не только как любви к месту рождения, но и как любви ко всему обществу и государству как высшей этической ценности... Любой советский человек, уже тем одним фактом, что он живет в лоне социалистического общества, уничтожившего эксплуатацию человека человеком, поставлен в условия, которые делают его бесконечно лучше, чем любой член буржуазного общества (курсив мой. – Л. Л.). Самосознание советского человека должно быть исполнено гордости за наш строй, за строй впервые осуществленного подлинно че-

⁴⁴⁹ Есаков В. Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 254–256.

⁴⁵⁰ Там же. 255–257.

⁴⁵¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 2, 3.

⁴⁵² Там же. Л. 3.

ловеческого общества, и в этом качественное превосходство советского патриотизма»⁴⁵³.

Патриотический долг советского историка, объявляет Сказкин, состоит в том, чтобы продвигать дальше марксистско-ленинскую методологию истории, как «единственно научную теорию исторического знания, гарантирующую истории ее объективно-научное содержание... Наша наука, тем, что она стала на позиции марксизма-ленинизма, имеет основания занять первое место в мире»⁴⁵⁴. У буржуазной науки, делает акцент Сказкин, нужно брать только фактический материал. Советский историк обязан пропагандировать достижения советского строя и бороться с фальсификацией истории СССР. Необходимо также изучать современный империализм и вести самую непримиримую борьбу с буржуазной историографией, особенно англо-американской⁴⁵⁵.

Следующей ступенью в нарастании идеологического прессинга стала борьба с «буржуазным объективизмом». Его удачную характеристику привел В. В. Тихонов: «Термин “объективизм” имманентно присутствовал в политической культуре советского общества и трактовался как беспристрастный и безыдейный взгляд на мир. Он противопоставлялся партийности, то есть умению рассмотреть вопрос с партийной точки зрения, естественно, большевистской»⁴⁵⁶.

Кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» развернулась летом – осенью 1948 г. С 15 по 18 октября 1948 г. проходило заседание Ученого совета Института истории АН СССР, где обсуждалась и критиковалась работа Института и его сотрудников. Оценивая размах и последствия этого заседания, нельзя не согласиться с В. В. Тихоновым, назвавшим его «логической кульминацией борьбы с объективизмом»⁴⁵⁷.

Заседание открылось докладом директора Института истории академика Б. Д. Грекова (1882 – 1953), подчеркнувшего, что, несмотря на имеющиеся в прошлом ошибки и промахи, «никогда еще в жизни института не отмечалось такого серьезного неблагополучия»⁴⁵⁸. В частности, большое количество претензий имелось к сектору истории СССР до XIX в. Особенной критике подвергался сборник статей «Петр Великий»⁴⁵⁹ и его редактор А. И. Андреев, которому пришлось принять выдвигаемые против него обвинения в недооценке самобытности России и преклонении перед Англией⁴⁶⁰.

⁴⁵³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 12, 13.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 23–25.

⁴⁵⁶ Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» ... С. 131.

⁴⁵⁷ Там же. С. 156.

⁴⁵⁸ Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 144.

⁴⁵⁹ Петр Великий: сб. ст. / под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. 432 с.

⁴⁶⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 19, 20.

Выступивший несколько позже специалист по Реформации и Крестьянской войне в Германии М. М. Смирин (1895 – 1975) указал на «неправильное отношение к старой русской медиевистике». «Дело в том, – разъяснил он, – что старая русская медиевистика, так же, как и русские ученые в ряде других областей науки, занимала ведущие места в мировой науке, и надо сказать, что она сыграла большую прогрессивную роль... Однако необходимо ведь помнить о том, что при всех своих заслугах старая русская медиевистика оставалась буржуазной наукой, не марксистской, и, следовательно, враждебной марксистской науке, и поэтому говорить здесь о какой-то прямой связи, о продолжении линии дореволюционной медиевистики – это глубокая ошибка, потому что цели, задачи и направление советской медиевистики – совершенно другие. Ведь мы, советские медиевисты, имеем своей задачей понять большой отрезок времени с V по XVII в... с точки зрения современного передового советского народа, который борется за коммунизм, который строит коммунизм...»⁴⁶¹

Выступление секретаря парторганизации Института истории Н. А. Сидоровой (1910–1961) имело особое значение как идеологический императив. Сидорова начала с того, что «институт еще ни разу не находился в таком тяжелом положении, как сейчас»⁴⁶², и так охарактеризовала ситуацию: «Главная опасность, которая у нас имеется, и против которой мы боремся, эта главная опасность заключается в проникновении буржуазной идеологии в наши ряды, в ряды советских историков. Формы проникновения этой буржуазной идеологии и заражения ею отдельных товарищей, работающих на историческом фронте, самые разнообразные, – разъясняла Сидорова. – Это и низкопоклонничество перед западной наукой, и преклонение перед традициями, идущими от буржуазной науки... У нас имеет место и совершенно слепое, некритическое отношение к своим учителям»⁴⁶³.

Как секретарь партийной организации, Сидорова подвергла резкой критике своих коллег, и этот фрагмент выступления, имеющий особенную смысловую нагрузку, целесообразно воспроизвести.

«Наконец, последнее, на чем я хочу остановиться, относится к следующему, – указала Н. А. Сидорова. – Мы знаем, в каких условиях работали и творили Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Мы знаем, в каких труднейших условиях они жили, и какую огромную литературу, какое богатство, какие сокровища науки они дали нам для изучения. И вот, когда я думаю об огромном вкладе этих корифеев науки в сокровищницу мировой культуры, я думаю и о следующем, что наши историки, наши ученые находятся в ис-

⁴⁶¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 41–42.

⁴⁶² Там же. Л. 60.

⁴⁶³ Там же. Л. 60, 61.

ключительном положении. Народ относится к нашим ученым с большим почетом, с большим уважением, народ дает свои трудовые деньги нашим ученым и окружает их величайшей заботой. Ясно, что наши ученые должны отвечать на народную заботу соответствующим образом»⁴⁶⁴.

Эта пропагандистская риторика, полная нравоучительного пафоса, является ярким образцом того, что П. Ю. Уваров назвал стилем «высокого советизма»⁴⁶⁵. Однако сама по себе она не заключала ничего угрожающего. Чреватая последствиями конкретика прозвучала далее, в сочетании с общественным порицанием: «Здесь, с трибуны такого высокого собрания, мне хотелось бы предъявить счет нашим ученым в области медиевистики.

Первый счет мне хотелось бы представить Е. А. Косминскому, главе нашей медиевистики. В настоящее время Евгению Алексеевичу недоступны английские архивы и материалы, и он не может вести в них работы. Но в то же самое время Е. А. Косминский почему-то, я не знаю, по какой причине, но мне кажется, что никакие причины не могут быть признаны уважительными, прервал очень большое дело, которое он начал несколько лет тому назад. Я имею в виду его работу над историографией средних веков. Это вещь совершенно необходимая, и мне кажется, что тот счет, который мы можем предъявить Евгению Алексеевичу, заключается в том, что он должен дать, и это ему по силам как крупнейшему ученому страны, подлинно марксистскую историографию в той области, в которой он работает.

Второй счет, который мне хотелось бы предъявить – это счет А. Д. Удальцову, являющемуся крупнейшим специалистом в области раннего средневековья. Надо прямо сказать, что Александр Дмитриевич не дает полностью того, что он должен был бы дать нашему народу, нашим историкам-медиевистам...

Третий счет, который мы можем предъявить с этой трибуны – это счет С. Д. Сказкину, который также здесь присутствует. С. Д. Сказкин является крупнейшим работником нашего института. Сергей Данилович давно занимается проблемами, связанными с историей католической церкви эпохи средневековья, с историей папства и т. д. Почему же до сих пор мы не имеем его авторитетного слова, почему не пользуемся плодами его трудов в этой области?»⁴⁶⁶ Нужно отметить, что после такой эскапады Косминский, Удальцов и Сказкин не стали возражать или оправдываться. Возможно, в силу научного статуса они посчитали ниже собственного достоинства это делать. Вероятно, они также понимали, что прозвучавшая критика – это не

⁴⁶⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 68, 69.

⁴⁶⁵ Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 130.

⁴⁶⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 69, 70.

обвинение в методологических пороках, а скорее высказанная по партийной линии рекомендация.

Окончание речи Н. А. Сидоровой состояло из двух частей – критикующей и мобилизующей. В первой части, в дискурсе «исторического фронта», Сидорова порицает коллег. «Вот почему, если мы сравним всех наших медиевистов с армией, а наших крупнейших медиевистов, имена которых я здесь перечислила, – с генералами, то мы можем сказать: мало, товарищи генералы, даете того, что нам требуется, мало! Больше нужно отвечать на ту народную заботу, которая вам оказывается!»⁴⁶⁷

Мобилизующая часть, по контрасту, начиналась несколько лирически: «Свое выступление мне хочется закончить следующим. Великий русский физиолог Павлов говорил, что наука требует от ученого всей его жизни, – взывала Сидорова к чувствам слушателей. – Нельзя успокаиваться на достигнутом, и нельзя думать, что, если выпущена одна или две книги, то наука скажет: товарищи, вы сделали все, что могли. Нет, и мы будем все говорить, что этого недостаточно, что мы ждем еще очень, очень многого!»⁴⁶⁸ Выступление Н. А. Сидоровой завершилось аплодисментами.

Несмотря на то, что руководители секторов смогли удержать ситуацию под контролем⁴⁶⁹, общий итог трехдневного обсуждения весьма красноречиво выразил один из современников, сотрудник ЛОИИ: «У нас здесь впечатление, что в Институте истории в Москве полная летаргия и параличное похмелье»⁴⁷⁰. Однако, как показали события, это было лишь начало. Практически сразу же, в ноябрьском номере «Вопросов истории» вышла публикация З. В. Мосиной «О работе Института истории Академии наук СССР»⁴⁷¹. В следующем номере журнала ситуацию усугубила редакционная статья «Против объективизма в исторической науке»⁴⁷².

Жесткой критике за низкопоклонство перед Западом, некритическое отношение к дореволюционной историографии и объективизм были подвергнуты сборник «Петр Великий»⁴⁷³, второй номер «Средних веков», «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна⁴⁷⁴, статья С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»⁴⁷⁵ и т. д. Критические

⁴⁶⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 71.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» ... С. 158, 159.

⁴⁷⁰ Там же. С. 164.

⁴⁷¹ Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР. С. 144–149.

⁴⁷² Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 3–12.

⁴⁷³ Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР. С. 144–145.

⁴⁷⁴ Рубинштейн, Н. Л. Русская историография. Изд. 2-е. СПб., 2008. 802 с.

⁴⁷⁵ Против объективизма в исторической науке. С. 6, 9–10.

замечания были высказаны в адрес С. В. Бахрушина, А. А. Новосельского, Б. Б. Кафенгауза, А. Д. Удальцова⁴⁷⁶, Е. А. Косминского⁴⁷⁷.

Наивысшего размаха идеологические акции достигли в 1949 г., будучи дополненными борьбой против космополитизма, называемого в советской печати также «буржуазным» и «безродным». «Космополитизм» вобрал в себя низкопоклонство перед Западом, преклонение перед дореволюционной историографией, объективизм, недостаточную критику буржуазной исторической мысли и любые отклонения от официального канона. Это понятие трактовалось весьма широко и имело оттенок антисемитизма. Кроме того, в условиях начала «холодной войны» космополитизм трактовался как идеологическое оружие США и их союзников.

В редакционной статье второго номера «Вопросов истории» за 1949 г. отмечалось: «Отстаивая антинаучную и реакционную идею «единого мирового потока» развития культуры, космополиты объявили устаревшими и отжившими такие понятия, как национальная культура, национальные традиции, национальный приоритет в научных и технических открытиях... Будучи проявлением буржуазной идеологии, космополитизм отнюдь не противостоит другим ее формам, а находит в них – в буржуазном объективизме и буржуазном национализме, кадетском либерализме и социал-реформизме – своих союзников, питательную среду и почву для своего развития»⁴⁷⁸.

Эти установки отразились на работе советских историков, испытавших целую серию проработок. Наиболее значительными из них были следующие. 24, 25 и 28 марта прошло заседание Ученого совета Института истории АН СССР по вопросу борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке⁴⁷⁹. 25, 26 и 28 марта аналогичное заседание было проведено на историческом факультете Московского государственного университета⁴⁸⁰, а 13 и 14 апреля – в Ленинградском отделении Института истории⁴⁸¹.

Идеологические предписания и контроль в принципе были униженными. Они формировали установку на возможность интеллектуальной деятельности советских историков не иначе как под государственным руководством, когда «правильные» выводы предreshались партийными указаниями. Однако политическая конъюнктура менялась, изданные рабо-

⁴⁷⁶ Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР. С. 145.

⁴⁷⁷ Против объективизма в исторической науке. С. 6.

⁴⁷⁸ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 4–5.

⁴⁷⁹ А. В. Заседание ученого совета Института истории АН СССР 24–28 марта 1949 г. // Там же. № 3. С. 152–155.

⁴⁸⁰ Стишов М. На историческом факультете МГУ // Там же. С. 154–158.

⁴⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1949). Д. 7.

ты и их авторы попадали под идеологические санкции. Создавать что-либо значимое становилось небезопасным, но отсутствие новых работ также порицалось и имело последствия. Историки оказались в тисках государственно-идеологической системы, прессинг которой достиг максимума к началу 1950-х гг.

Критике подверглись специалисты по всем периодам всеобщей истории и истории СССР. Немало претензий было высказано в адрес работ по медиевистике и истории феодальной России. Наибольшему порицанию подверглись «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна и «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» О. Л. Вайнштейна. Например, в резолюции Ученого совета ЛОИИ о работе Н. Л. Рубинштейна сказано: «Ярким проявлением буржуазного космополитизма в исторической науке является книга проф. Н. Л. Рубинштейна “Русская историография”... Написанная с космополитических позиций, книга Рубинштейна изображает развитие русской историографии как результат влияния идей и течений, возникших на Западе и перенесенных в Россию»⁴⁸².

В выступлении А. Д. Удальцова на заседании 24 марта было указано, что «Историография средних веков...» О. Л. Вайнштейна «страдает всеми пороками буржуазного космополитизма, протаскиванием теории развития русской историографии в результате лишь постоянных толчков со стороны западноевропейских теорий»⁴⁸³. На следующий день заседания, 25 марта, Е. А. Косминский дополнил слова Удальцова: «Все еще основной печатной работой... является курс историографии Вайнштейна, о котором здесь упоминалось как о книге совершенно порочной, книге, проникнутой космополитизмом, книге, которая не только не соответствует запросам данного момента, но даже является вредной»⁴⁸⁴. Косминский не обошел вниманием и изданный в 1939 г. учебник по истории Средних веков, который «уже давно и безнадежно устарел и совершенно не соответствует задачам настоящего дня»: «Учебник вышел под редакцией Удальцова, Косминского, Сказкина и того же Вайнштейна. Надо отметить в нем, прежде всего, полное отсутствие какой бы то ни было борьбы с реакционной наукой Запада»⁴⁸⁵.

Весьма нелестно была оценена книга О. Л. Вайнштейна о Тридцатилетней войне⁴⁸⁶, к которой «профессор Вайнштейн переоценивает ино-

⁴⁸² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1(1949). Д. 7. Л. 31 об.

⁴⁸³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 13.

⁴⁸⁴ Там же. Д. 208. Л. 131.

⁴⁸⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 208. Л. 131–132.

⁴⁸⁶ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.: очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине 17-го в. М., 1947. 216 с.

странные источники и игнорирует русские источники»⁴⁸⁷. Нужно учесть, что главным обличителем Вайнштейна был Поршневу. Он также занимался Тридцатилетней войной, всячески преувеличивая вклад Москвы в военно-политические события XVII в.⁴⁸⁸

С. В. Бахрушин, как руководитель сектора российской истории периода феодализма, указал не только на работу Рубинштейна, но и на ошибки в учебных изданиях С. В. Юшкова⁴⁸⁹. Бахрушин акцентировал внимание на дореволюционной историографии: «Сейчас наш сектор приступил к разбору концепций видных буржуазных историков... Я лично придаю очень большое значение раскрытию политической подоплеки и классовой базы учения Ключевского, потому что Ключевский, вследствие яркости своего стиля, до сих пор не утратил известного впечатления на молодежь»⁴⁹⁰.

Бахрушин указал также на необходимость «правильного понимания петровских реформ». «Тут, как отмечалось, были серьезные ошибки у нашего сектора, – напомнил он в связи с критикой сборника «Петр Великий», а затем перешел к трактовке Петровских реформ в «Истории СССР»: – Не удовлетворяет нас раздел учебника, написанный проф. Лебедевым, не потому, что он страдает космополитизмом, а потому, что он как-то оторван от общего исторического процесса. Корни реформы не показаны, не показана ее зависимость от развития производительных сил и культуры в стране, ведь это закономерный процесс, только ускоренный реформами Петра. Иностранские названия, которые дает Петр – это только внешняя оболочка реформ. На эту сторону приходится обратить большое внимание»⁴⁹¹.

Особое место в идеологических проработках занимает объединенное заседание сектора истории Средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории Средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г.⁴⁹². Стенограмма этого события, опубликованная в «Одиссее», уже стала историографическим сюжетом⁴⁹³.

Прежде чем к ней обратиться, нужно сделать замечание, уместное, как и предваряющая текст в «Одиссее» заметка «О публикуемой рукописи и ее

⁴⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1949). Д. 7. Л. 32.

⁴⁸⁸ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн ... С. 106–107.

⁴⁸⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 86.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 89.

⁴⁹¹ Там же. Л. 90.

⁴⁹² Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета // Одиссей: человек в истории. М., 2007. С. 253–340.

⁴⁹³ Зарецкий Ю. П. Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов 1949 года: опыт медленного чтения [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/3560-aktualnoe-proshloe-stenogramma/html>. Дата доступа: 27.01.2020.

судьбе»⁴⁹⁴. Публикация этого ценного источника вызывает благодарность к тем, кто его сохранил и издал. Стенограмма заседания от 23 марта 1949 г., казалось, была обречена погибнуть в макулатуре, но ее спасли и ввели в научный оборот. Однако о сохранении этого документа все же позаботились.

Во время работы в декабре 2017 г. в архиве Института Российской истории автору удалось обнаружить экземпляр уже знакомой по публикации в «Одиссее» стенограммы. Он находится в деле 535 «Протоколы и стенограммы заседаний сектора истории средних веков. Т. 2.» фонда Института истории АН СССР. О том, что речь идет об опубликованном в «Одиссее» документе, свидетельствовало его название – «Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г.»⁴⁹⁵ В этом убеждало и содержание, в котором полностью совпадали интересующие автора фрагменты. Судя по качеству машинописного текста, это был, вероятно, третий экземпляр. Текст хорошо прочитывался и был сопровожден пометками, однако, судя по их количеству, особенно тщательной редактуре не подвергался.

Публикуемая в «Одиссее» стенограмма включала 198 страниц, найденный же в архиве ИРИ РАН документ заканчивался на 188 странице. Для проведения глубокого сравнительного анализа требовался не один день. Однако научная стажировка, в рамках которой автор работал в московских архивах, подходила к концу. Зная местонахождение документа, сейчас нетрудно сопоставить тексты и оценить оба их варианта.

То, что с горькой иронией названо А. Я. Гуревичем «грехопадением московских медиевистов» и «мартовскими идами»⁴⁹⁶, отражено в стенограмме, выявляющей как само событие, так и его участников. С морально-этической стороны наиболее показательна речь аспиранта В. В. Дорошенко. Самые жесткие выступления представителей старшего поколения не содержали, например, таких пассажей: «Сегодня... речь идет о том, чтобы подвести красную черту под рядом тех позорных провалов, происхождение которых сводится к группе ведущих профессоров кафедры Московского государственного университета... Думаю, что открытое проявление космополитических, буржуазно-объективистских тенденций можно найти... в трудах и академика Косминского, и профессора Лавровского, и профессора Неусыхина... Я думаю, что сегодня во всей остроте должна

⁴⁹⁴ Горяинов А. Н. О публикуемой рукописи и ее судьбе // Одиссей: человек в истории. М., 2007. С. 250–252.

⁴⁹⁵ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 535.

⁴⁹⁶ Гуревич А. Я. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей: Человек в истории. М., 2007. С. 341–349.

быть дана характеристика нашего первого стопроцентного космополита Вайнштейна»⁴⁹⁷.

Дорошенко третирует своего учителя, исследователя общественного строя варваров, профессора А. И. Неусыхина (1898–1969). «Ваши работы пропитаны буржуазным объективизмом, пропитаны космополитизмом, – обвиняет аспирант профессора, бравируя нежеланием в эти работы вникать: – Не будем страницы цитировать. Я не хочу вдаваться в конкретные подробности тех вопросов, которые в вашей работе трактуются»⁴⁹⁸. Аспирант поучает научного руководителя и клеймит его как профессионально непригодного: «Вы имели в своих руках богатый материал, вы обладали большим опытом исследовательской работы, вы обладали вместе со всеми нами тем богатством, которое нам оставили Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин. Что же, в конце концов, получилось? *Что представляют ваши работы по существу?.. (здесь и далее курсив мой. – Л. Л.). Я не считаю это работой историка, потому что историк в том материале, пусть правовом, должен различать те тенденции, которые выступают как следующий этап общественного развития... вы же направили острие, устремление всей своей исследовательской мысли, назад, вы старались реконструировать прошлое. Я не знаю, зачем нужно этим заниматься»*⁴⁹⁹.

Поведение Дорошенко, однако, находит поддержку и похвалу Н. А. Сидоровой: «Я с большим удовлетворением выслушала выступления некоторых наших молодых товарищей. Я могу сказать о выступлении В. В. Дорошенко. Он очень волновался, он с трудом говорил, потому что, выполняя свой партийный долг, он непосредственно выступил против своего учителя. Для этого нужно иметь гражданскую смелость, нужно иметь настоящую партийную совесть...»⁵⁰⁰

Образцом словесной эквилибристики и продуманного избиения отсутствующего соперника является выступление Б. Ф. Поршнева. Его не смущал тот факт, что он был единственным рецензентом «Историографии средних веков...» Вайнштейна, и рецензия, очевидно, была положительной. Поршнева разрешает это просто: «Таким образом, повторяю, с одной стороны я являюсь наступающей стороной и считаю себя вправе это подчеркнуть, с другой стороны, я считаю, что я очень плохо наступал на труды проф. Вайнштейна. В частности, моя первая рецензия меня совершенно не удовлетворяет. Я бы считал ее нужным написать совсем иначе сейчас в све-

⁴⁹⁷ Стенограмма объединенного заседания ... С. 310–311.

⁴⁹⁸ Там же. С. 311.

⁴⁹⁹ Там же. С. 311–312.

⁵⁰⁰ Там же. С. 336.

те политического новейшего опыта. Никаких личных отношений с проф. Вайнштейном, кроме научной борьбы, у меня нет»⁵⁰¹.

З. В. Мосина подвергла разгромной критике журнал «Вопросы истории», в редколлегии которого она тогда состояла. «Очень большой ошибкой»⁵⁰² Мосина посчитала опубликование в «Вопросах истории» статьи А. Д. Люблинской «Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв.»⁵⁰³. Эта работа, лишенная идеологических штампов, является образцом историографического анализа и единичным примером рассмотрения в этом ракурсе персоналии правящей элиты французской абсолютной монархии.

Люблинская раскрывает причины интереса к Ришелье в различные периоды, субъективные и объективные факторы трактовок его образа, содержательные особенности работ. Она демонстрирует взаимовлияние концепций, изменение степени исторического осмысления в зависимости от этапов развития историографии. В статье проявляется индивидуальное отношение Люблинской к рассматриваемым работам, учет их «плюсов» и «минусов» Вот, например, фрагмент анализа исторического наследия Ж. д'Авенеля (1855–1939), французского историка, исследовавшего эпоху Ришелье. С одной стороны, д'Авенель «первый всерьез занялся социальными отношениями и экономикой». С другой – он «совсем отстраняется от рассмотрения внешней политики кардинала, признавая, однако, ее величие и значимость. Четыре тома д'Авенеля, – продолжает А. Д. Люблинская, – представляют собой редкий по темпераменту и страсти политический памфлет против Ришелье. Аристократ, издерганный французскими революциями XIX в., особенно Коммуной, горько и глубоко страдавший от политической смерти своего класса, д'Авенель во всем винит Ришелье. Кардинал представляется ему зачинателем на французской почве столь непереносимого для аристократии этатизма...»⁵⁰⁴ Люблинская взвешенно подводит итог: «Книга д'Авенеля безнадежно устарела в своих выводах и суждениях, но в ней собрано огромное количество красочных фактов, перебрано такое количество событий и людей, что в этой части она до сих пор еще не пересмотрена и не обновлена»⁵⁰⁵.

Как сама А. Д. Люблинская оценивала Ришелье? Для нее, советского историка, кардинал был идеологом абсолютизма – воплощения дворянской диктатуры. Однако из контекста видно, что Люблинской близка позиция французского историка, дипломата и политика Г. Аното (1853–1944):

⁵⁰¹ Стенограмма объединенного заседания ... С. 293.

⁵⁰² Там же. С. 300.

⁵⁰³ Люблинская А. Д. Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 112–117.

⁵⁰⁴ Там же. С. 114–115.

⁵⁰⁵ Там же. С. 115.

«Лучше стремиться к пониманию того, что он сделал, чем к пустой забаве рассуждений о том, что он должен был бы сделать»⁵⁰⁶. Более прозрачна фраза во вступлении к статье: «Ришелье долго пришлось ждать беспристрастного суда потомства, той репутации, которую он называл “единственным благом, могущим удовлетворить великую душу”»⁵⁰⁷.

В конце 1940-х гг. содержание и выводы работы Люблинской квалифицировались как буржуазный объективизм и преклонение перед Западом. На заседании 23 марта 1949 г. А. Д. Люблинская не присутствовала, обвинения в ее адрес высказала З. В. Мосина. «Эта статья, безусловно, того же самого космополитического характера, какой имеют многие работы ленинградских медиэвистов, – категорически утверждала Мосина. – Эта статья, прежде всего, обнаруживает необычайное преклонение самого автора, т. е. Люблинской, перед фамилией Ришелье. Я не знаю, все ли французские националистически настроенные историки так преклоняются перед Ришелье, как перед ним преклоняется наш советский историк Люблинская... Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской буржуазной историографии, посмотреть на нее глазами советского историка. Она смотрит на эту историографию не извне, а изнутри. Она очень хорошо изучила весь ход развития и накопления материалов, источников, но она не сумела дать всей этой историографии марксистскую оценку.

Наконец, самое возмутительное – это структурная часть этой статьи, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается вопроса советской историографии, причем это настолько уничижительно звучит, что лучше бы ей не касаться этого вопроса...»⁵⁰⁸

В находящемся в архиве ИРИ РАН экземпляре стенограммы некоторые акценты выступления Мосиной изменены. Например, во фразе «Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской историографии» исправлено на «не показано даже попытки отойти». Слова «она смотрит на эту историографию не извне, а изнутри» вычеркнуты. Последний тезис также подкорректирован: «Наконец, самое слабое место ее статьи – это та часть, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается советской историографии, причем *делает это настолько мимоходом*, что лучше было бы ей совсем не касаться этого вопроса»⁵⁰⁹.

Анализ работ советских историков о Ришелье был у Люблинской, действительно, кратким. Однако как было сказать о том, что практически отсутствовало? В. В. Бирюкович и Б. Ф. Поршневу позиционировали Ришелье

⁵⁰⁶ Люблинская А. Д. Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. С. 115.

⁵⁰⁷ Там же. С. 112.

⁵⁰⁸ Стенограмма объединенного заседания ... С. 300.

⁵⁰⁹ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 535. Л. 100, 101.

лишь как фоновую фигуру при изменениях в правящей элите и народных движениях⁵¹⁰. Специально о кардинале Ришелье как о государственном деятеле и личности в то время в СССР не писал никто, но такое исследование могла создать А. Д. Люблинская. Специализируясь по Франции первой половины XVII в., будучи архивистом, палеографом, она, как видно из приведенных фрагментов ее статьи, могла писать живо и образно, а о ее требовательности к качеству работы сохранились многочисленные упоминания. Почему А. Д. Люблинская не создала книги о Ришелье?

В декабре 2015 г., во время стажировки в Институте всеобщей истории Российской академии наук, автору посчастливилось побеседовать с учеником А. Д. Люблинской, доктором исторических наук, крупнейшим специалистом по истории Франции XVII в., автором работ о Кольбере, Людовике XIV, Фронде В. Н. Маловым (1938 – 2019). Интерес к А. Д. Люблинской оттеснил на второй план теоретические проблемы абсолютизма. В. Н. Малову, в частности, был задан вопрос о том, намеревалась ли Люблинская создать исторический портрет кардинала Ришелье отдельной книгой? Ответом на этот вопрос было «нет». Почему? В. Н. Малов объяснил это двумя причинами. Во-первых, создание популярной биографии, вероятно, не импонировало А. Д. Люблинской, понимавшей свою работу как строго научную. Во-вторых, и это было явлением системным, в СССР тех лет могли выходить лишь книги о деятелях, считавшихся прогрессивными, например о Кромвеле. А насколько прогрессивен, с точки зрения советского историка, идеолог абсолютизма кардинал Ришелье – вопрос неоднозначный⁵¹¹.

В условиях проработок и жестких идеологических рамок историки, занимающиеся Средними веками, оказались в более благоприятных условиях, чем специалисты по Новой и особенно Новейшей истории. Анализ происходившего в корпорации советских медиэвистов позволяет сделать вывод, во-первых, об укреплении методологического канона и, во-вторых, достаточной прочности самой корпорации, отстоявшей существовавшую интерпретацию феодального строя и абсолютизма от попытки Б. Ф. Поршнева утвердить собственную их трактовку.

Нужно отметить, что первые послевоенные годы благоприятствовали этому замыслу Поршнева – значимых работ по проблематике французского абсолютизма не выходило. Одной из них, с немалыми оговорками, мож-

⁵¹⁰ См.: Бирюкович В. В. Народные восстания в Бордо и Гиени в 1635 г. // Исторические записки. 1938. Т. 2. С. 360–397; Он же. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–24 гг. // Там же. Т. 3. С. 181–240; его же. Народные движения во Франции в 1624–1634 гг. // Труды военно-политической ордена Ленина Академии Красной Армии им. В. И. Ленина. 1940. № 4. С. 223–279; Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции ... ; его же. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 164–185.

⁵¹¹ Ландина Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма ... С. 96.

но считать опубликованный в 1948 г. очерк в обобщающем страноведческом издании «Франция и ее владения»⁵¹². Написанный В. В. Бирюковичем и О. Л. Вайнштейном, он был выдержан в нормах советских исторических нарративов. Изложение начиналось традиционно, с описания экономического положения, и первая же фраза задавала общую направленность текста: «В основе политической консолидации Франции лежали значительные сдвиги в хозяйственной жизни страны»⁵¹³. Продемонстрировав разложение феодализма и формирование капиталистических порядков, авторы переходили к классовым противоречиям и изменениям внутри буржуазии и дворянства, что отражало концепцию В. В. Бирюковича. Речь шла о формировании слоя «людей мантии» (королевских чиновников) из верхов буржуазии⁵¹⁴, которые были главной опорой королевской власти⁵¹⁵. Основная линия развития Франции XVI в. заключалась в переходе от сословной монархии к абсолютной и соответствовала в общем интересам буржуазии⁵¹⁶. Становясь абсолютной, королевская власть не освобождалась от политических ограничений. Уменьшая влияние феодальной аристократии при помощи «людей мантии», она оказалась в зависимости от последних ввиду системы наследственности и продажи должностей и контроля парламентов⁵¹⁷.

Нарратив о Религиозных войнах, восстановлении страны при Генрихе IV, правлении Ришелье и Людовика XIV иллюстрировал тезис об укреплении и поступательном развитии французской абсолютной монархии, достигшей зенита при Короле-Солнце⁵¹⁸. В финальной части очерка смысловой посыл заключался в том, что с начала XVIII в. «Франция являла собой картину дальнейшего упадка феодально-самодержавного строя и быстрого роста экономических и социальных противоречий, подготавливавших почву для буржуазной революции»⁵¹⁹.

Во время обсуждения на объединенном заседании групп истории СССР и Новой истории ЛОИИ от 27. XI. 1947 г. доклада О. Л. Вайнштейна «Борьба за Балтику в XVII в.», докладчик четко расставил акценты: «Для нас всех истина, что абсолютизм есть феодальное государство, опирающееся на нарождающуюся буржуазию»⁵²⁰.

⁵¹² Франция и ее владения: сб. / под ред. Ф. Н. Петрова. М., 1948. С. 108–126.

⁵¹³ Там же. С. 108.

⁵¹⁴ Там же. С. 111.

⁵¹⁵ Там же. С. 113.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Там же. С. 114.

⁵¹⁸ Там же. С. 115–122.

⁵¹⁹ Там же. С. 124.

⁵²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1947). Д. 8. Л. 51.

В послевоенные годы вышло три статьи З. В. Мосиной, затрагивающих тему абсолютизма. Мосина рассматривала Францию первой половины XVI в. – это проблемное поле оказалось незанятым ее коллегами. Кроме того, Итальянские войны, ведущиеся тогда Францией, можно было сопоставить с Великой Отечественной войной, придав сюжету дополнительную актуальность. В этом ракурсе примечателен объемный, в 81 машинописную страницу, текст, находящийся в архиве ИРИ РАН и озаглавленный «Внутренняя политика Франциска I (1515–1547 г.)»⁵²¹. Текст не датирован и не опубликован. Однако содержание позволяет отнести его создание к рубежу 1940-х – 1950-х гг. Статьи З. В. Мосиной, особенно последняя, наиболее идеологизированная работа «Из истории борьбы французского народа за национальное государство (Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г.)» 1953⁵²² гг., отсылают к материалу архива ИРИ РАН.

Текст из архива показывает несоизмеримость поставленных автором задач с имеющимися источниками. На их малочисленность указывает сама Мосина⁵²³, обращаясь в основном к ордонансам Франциска I. Среди других источников – мемуары дю Белле и книга французского историка Роже Дусе (1885–1956) «Исследование правления Франциска I в его отношениях с Парижским парламентом»⁵²⁴. Работа Дусе раскрывала формирование абсолютистской доктрины, церковную политику, финансы, роль Парижского Парламента. Особое место было уделено истории коннетабля Бурбона. Для З. В. Мосиной эта книга, пусть и буржуазного историка, была очень информативной. Однако Мосина поставила перед собой другие цели.

Они заключались в ответах на следующие вопросы. Какие именно внешнеполитические планы и мероприятия короля пользовались поддержкой народных масс, а какие не пользовались? К каким изменениям во внутренней политике приводили внешнеполитические конфликты и войны: затухала или обострялась внутривнутриполитическая борьба во Франции под влиянием внешнеполитических конфликтов? Наконец, укреплялся или ослабевал французский абсолютизм во время этой борьбы?⁵²⁵ Нужно признать, что для решения каждого из этих вопросов был нужен массив источников, включая материалы региональных архивов Франции, и масштаб монографии. Однако Мосина, видимо, либо не понимала, либо не желала понимать это.

⁵²¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14.

⁵²² Мосина З. В. Из истории борьбы французского народа за национальное государство (Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г.) // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 225–248.

⁵²³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

⁵²⁴ Doucet R. Étude sur le gouvernement de François Ier dans ses rapports avec le Parlement de Paris: Ire partie. P., 1921. 378, [1] p.

⁵²⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1.

Она поставила перед собой еще одну непростую задачу. С одной стороны, нужно было показать патриотизм французского народа и его поддержку королевской власти, с другой – указать на классовую суть абсолютизма и антагонизм народа и монархии. Под впечатлением победы 1945 г. Мосина решила продемонстрировать ограниченность поддержки народом короля Франции, в противоположность всенародной борьбе во время Великой Отечественной войны. В этой области идеологический пафос З. В. Мосиной порой принимал курьезные формы.

Раскрывая риторику Франциска I во время войны, подчеркивая ее тенденциозный характер, Мосина отмечает, что «король приспосабливается к вкусам простого народа, неблагородного сословия»⁵²⁶. Из этого она делает два вывода: вести «широкую внешнюю политику и войны без поддержки широких народных масс король никак не мог» и «не все по этой линии обстояло благополучно»⁵²⁷. Первый вывод был понятен – королю нужны были средства налогоплательщиков. В чем была суть второго?

Перечислив свидетельства борьбы французских крестьян против войск Карла V, Мосина заключает: «Приведенные примеры героической защиты всеми классами населения своей земли свидетельствуют о том, что французский король вполне мог опереться на народные массы тогда, когда он выступал как организатор обороны королевства от внешней опасности. *И только в этом, очень ограниченном смысле, можно говорить о лояльности народных низов по отношению к королю (курсив мой. – Л. Л.)*»⁵²⁸.

В тексте Мосиной ярко выступает классовый подход, обязательный для советского историка. Например, после предложения «Высшие чиновники королевства заботились о пополнении средств короля, облагая население, в частности, буржуазию, дополнительными поборами» была вычеркнута фраза «Население не только не роптало, но богатые люди сами проявляли инициативу, жертвуя свои деньги на оборону страны. В этом мы видим один из важнейших факторов, обеспечивших победу французской армии над имперской»⁵²⁹. Франция, по словам автора, не знала в это время народных восстаний и крестьянских войн (хотя единичные волнения Мосина описывает)⁵³⁰. Однако она заявляет: «Но нельзя забывать и о том, что французский тыл тоже имел свои трещины и слабые места, которые ограничивали короля, заставляли его постоянно оглядываться назад»⁵³¹. В чем

⁵²⁶ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 25.

⁵²⁷ Там же.

⁵²⁸ Там же. Л. 51.

⁵²⁹ Там же. Л. 46.

⁵³⁰ Там же. Л. 79.

⁵³¹ Там же. Л. 70.

это заключалось и как заставляло королевскую власть «все больше обнаруживать диктаторские черты, абсолютизм»?⁵³²

Король приказал выбрать из узников тюрем гребцов на галеры, исключая осужденных на казнь за преступления против короля, поджоги, насилия над женщинами, подделку монеты и оскорбление святынь. В связи с этим Мосина указывает: «За исключением религиозных преступников и оскорбителей женской чести, в него попали люди, обвиненные в *les sé majesté*, поджогах и фальшивомонетничестве. Совершенно очевидно, что эти преступления могли считаться самыми тяжелыми только с точки зрения господствующего класса»⁵³³. Распоряжение короля заключить в тюрьмы «всех воров, жуликов, бездомных, развратников, бродяг, убийц, скандалистов, людей, привыкших творить зло» оценивается Мосиной так: «Очень легко себе представить, с каким усердием местные власти принялись исполнять этот приказ короля, стараясь избавиться от всех беспокойных, необеспеченных, деклассированных элементов, всегда склонных в ту пору к беспорядкам и восстаниям...»⁵³⁴ Очевидно, эти категории населения представлялись Мосиной потенциальными «борцами с абсолютизмом».

З. В. Мосина приходит к заданному выводу о том, что «традиционная точка зрения о монолитности французского тыла и возможности для французского короля опереться на широкие народные массы должна быть отброшена»⁵³⁵. «Совершенно несомненно, – уверена Мосина, – что именно обострение социального конфликта внутри французского королевства принуждало короля принимать меры к укреплению и усилению королевской власти, т. е. к установлению абсолютизма»⁵³⁶.

Эпоха Франциска I рассматривалась Мосиной как период интенсивного формирования абсолютной монархии. В статье, посвященной измене коннетабля Бурбона⁵³⁷, Мосина перечисляет обязательные для генезиса абсолютизма социальные группы. Это разоряющееся дворянство, ищущее поддержки короля, крепнущая буржуазия, оттесняющая дворян от управления, а также угнетаемое крестьянство⁵³⁸. Вероятно, по причине идеологических кампаний, направленных против зарубежной историографии, книга Р. Дусе, где коннетаблю Бурбону посвящено две главы⁵³⁹, в работе не используется.

⁵³² НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 70.

⁵³³ Там же. Л. 71.

⁵³⁴ Там же. Л. 72.

⁵³⁵ Там же. Л. 80.

⁵³⁶ Там же. Л. 81.

⁵³⁷ Мосина З. В. Франциск I и коннетабль Бурбон // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 108–117.

⁵³⁸ Там же. С. 114–116.

⁵³⁹ Doucet R. Étude sur le gouvernement ... P. 203–318.

З. В. Мосиной принадлежит также предисловие к книге известного испанского историка демократического направления Р. Альтамира-и-Кревеа (1866 – 1951) «История Испании»⁵⁴⁰. Речь идет об испанском абсолютизме и, в частности, о причинах упадка страны в XVII в. «Чем же был вызван упадок Испании?» – задается вопросом Мосина и указывает, что Альтамира-и-Кревеа, конечно, бессилён это правильно объяснить⁵⁴¹. Для понимания проблемы нужно выявить специфику испанского абсолютизма, обратившись к Марксу. Именно он правильно оценил испанский абсолютизм, чего Альтамира-и-Кревеа опять же сделать не смог⁵⁴². Далее следует каноническая трактовка абсолютизма как последней формы феодального государства. «Испанские феодалы, стоявшие во главе государства, – подводит итог Мосина, – не были заинтересованы в развитии отечественной промышленности, т. к. в основном их доходы состояли из поступлений от колоний и богатейших европейских владений, а также из различных феодальных поборов с населения, обеспечивавших паразитическое существование господствующего класса»⁵⁴³.

В условиях редкого появления работ по тематике абсолютизма и разветвления идеологических кампаний над собственной проблемой интенсивно работал Б. Ф. Поршнев. В 1946 г. вышла его публикация «Народные восстания во Франции при Кольбере»⁵⁴⁴, где указываются их новые черты – антидворянская направленность и элементы стачечной борьбы в плебейских восстаниях⁵⁴⁵. В 1947 г. появилась рецензия Б. Ф. Поршнева на VIII том Архива Маркса и Энгельса, где почти половина текста посвящена излюбленной теме Поршнева – классовой борьбе и государству XVII в. как органу классового насилия⁵⁴⁶.

Созданная во второй половине 1930-х гг. и уже проанализированная выше концепция Б. Ф. Поршнева, дополненная более обширным корпусом источников, воплотилась в его книге, вышедшей в 1948 г. Установки марксизма и собственное социологическое конструирование Поршнев объединил в предисловии: «Историкам-марксистам ясно, что буржуазная революция, как некая потенция, таится в недрах феодального общества с того момента, когда в нем зародились капиталистические отношения, т. е.

⁵⁴⁰ Мосина З. В. Предисловие // История Испании: в 2 т. Т. 2. М., 1951. С. 5–13.

⁵⁴¹ Там же. С. 7.

⁵⁴² Там же. С. 8.

⁵⁴³ Там же. С. 12.

⁵⁴⁴ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции при Кольбере. С. 373–404.

⁵⁴⁵ Там же. С. 374–375.

⁵⁴⁶ Он же. [Рецензия] // Советская книга. 1947. № 6. Рец. на кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 55–56.

с XVI в., и что, следовательно, корни революции 1789 г. уходят во всю трехвековую толщу “старого порядка”»⁵⁴⁷.

Классовая борьба, выступающая в форме народных восстаний первой половины XVII в. и, по мнению Поршнева, замалчиваемая французской буржуазной историографией, является смысловым центром, к которому сходятся все характеристики французского общества.

Народные восстания повсеместны, они спланированы народ «снизу» и имеют глобальную цель – выступление против абсолютной монархии, так как восставшие преодолевают узкие антиналоговые рамки и сталкиваются «со всей государственной машиной абсолютизма»⁵⁴⁸. В этих условиях различные группы, партии, учреждения, корпорации, лица пытаются занять наиболее выгодную позицию между государством и народом. Например, Поршнев рассказывает о том, как канцлер Марильяк пытался сместить Ришелье и реализовать иной политический курс, исходя из угрозы народных восстаний⁵⁴⁹.

Поскольку население выступает в первую очередь против налогов, Поршнев рассматривает налоговую систему Франции. Он делает вывод о том, что народу становилось все яснее, куда идут его деньги. Завершение национального объединения и защита национальных границ Франции, утверждает Поршнев, слишком часто служили для прикрытия других целей, и народ «разоряли главным образом для того, чтобы могли роскошествовать двор и дворянство, откупщики и чиновники»⁵⁵⁰.

Что касается функций абсолютизма, то Поршнев ранжирует их следующим образом: «на первом месте и прежде всего» – обуздание эксплуатируемых классов и подавление народных движений. Затем – привлечение в этой борьбе на свою сторону значительной части буржуазии, которая в противном случае могла бы объединиться с революционными силами. Третья функция – снабжение значительной части дворянства централизованной (налоговой) рентой с помощью пенсий и жалованья по мере упадка сеньориального хозяйства. Для этого требовалось вести вторичное феодальное хозяйство в общегосударственном масштабе. Наконец, четвертая функция – защита и при возможности расширение границ государства, для чего необходимо содержание армии и флота⁵⁵¹.

Абсолютизм – это дворянское государство. Однако Поршнев не отрицает того, что дворяне могли руководить крестьянскими восстаниями. Он

⁵⁴⁷ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). С. 3.

⁵⁴⁸ Там же. С. 312.

⁵⁴⁹ Там же. С. 315–316.

⁵⁵⁰ Там же. С. 507–508.

⁵⁵¹ Там же. С. 501.

объясняет это недовольством налогами в пользу короля и ущемлением сеньориальной ренты, а также остатками феодального сепаратизма и партикуляризма⁵⁵². Буржуазия в XVII в. не могла поддержать народные восстания и «отважиться на буржуазно-демократическую революцию, на развязывание сил, способных опрокинуть феодально-абсолютистский порядок, хотя и испытывала непрерывные посылы к этому»⁵⁵³.

Причиной этого была включенность буржуазии в абсолютистское государство через бюрократию и финансы. Пополнение государственного аппарата выходцами из буржуазии Поршневу объясняет путем развернутых теоретических построений. По мере развития феодального общества и углубления в нем классовой борьбы государственная власть все больше обособляется от господствующего класса. На последнем этапе, при абсолютизме, она становится относительно самостоятельной силой и защищает наиболее общие интересы всего дворянства. Однако каждый дворянин является не только землевладельцем, но и осуществляет политическую власть. Следовательно, общеполитические интересы государства в той или иной мере противоречат частным интересам дворян. Выход заключается в передаче аппарата власти в руки чиновников, которые бы не принадлежали к дворянству⁵⁵⁴.

Нужда в средствах диктовала монархии предоставление привилегий и должностей для буржуазии⁵⁵⁵. Более того, феодальный строй и охранявшая его дворянская монархия во Франции в XVII в. в конечном счете зависели от политической позиции буржуазии⁵⁵⁶. Однако, подчеркивает Поршневу, какими бы ни были мотивы сближения буржуазии с дворянством и дворянским государством, а также дворянского государства с буржуазией, «в самом конечном счете самая последняя и самая основная причина была для обеих сторон одна и та же: боязнь народной антифеодальной революции»⁵⁵⁷.

Фронда – это неудавшаяся буржуазная революция. Причина неудач заключалась в отсутствии у французской буржуазии союзника «справа» – дворянства. Так было в Нидерландах и Англии, где буржуазные революции победили. Но во Франции, ввиду отсутствия «обуржуазивания» дворянства, этого не произошло⁵⁵⁸. Поршневу утверждал, что «в теле французской буржуазии XVII в. боролись две души – феодальная и капиталистическая, –

⁵⁵² Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). С. 581–582.

⁵⁵³ Там же. С. 309.

⁵⁵⁴ Там же. С. 619.

⁵⁵⁵ Там же. С. 621–623.

⁵⁵⁶ Там же. С. 629.

⁵⁵⁷ Там же. С. 636.

⁵⁵⁸ Там же. С. 637–638.

и первая обычно осиливала все посылы второй ввязаться в народный натиск против феодально-абсолютистского порядка»⁵⁵⁹.

Книга Поршневу была встречена положительными рецензиями. З. В. Мосина утверждала, что далеко идущие выводы автора, если и не всегда бесспорны, «проливают новый свет на многие сложнейшие вопросы истории и теории абсолютизма». По мнению рецензента, Поршневу внес ценный вклад в марксистско-ленинскую разработку этой проблемы⁵⁶⁰. В качестве замечания Мосина указала на отсутствие характеристики поземельных отношений и данных о росте налогов⁵⁶¹.

Весьма лестной для автора «Народных восстаний...» стала рецензия одного из крупнейших историков-франковедов А. З. Манфреда (1906 – 1976). «Разумеется, что в руках советского историка было неизмеримо меньше материала, чем у французских авторов, писавших на эти темы. Тем знаменательнее результат, которого добился Б. Поршневу», – с гордостью указывает Манфред⁵⁶². Отличительной чертой книги, считает рецензент, стала «творческая смелость, с которой автор поставил и решил новые проблемы»⁵⁶³. В качестве недостатков отмечены преувеличение Поршневым «одворянивания» буржуазии, недооценка «обуржуазивания» дворянства и отсутствие дифференцированного подхода к буржуазии⁵⁶⁴.

Однако первенство в похвалах нужно отдать Б. Г. Веберу (1902–1984), исследователю историографии Нового времени. В отличие от Мосиной и Манфреда, он не высказал конкретных замечаний⁵⁶⁵. «За недостатком места мы не можем здесь передать, даже и в самых общих чертах, развитие всей многообразной, остроумной, талантливой аргументации автора», – с восхищением отмечает рецензент⁵⁶⁶. Особенно ценной была такая оценка Поршневу как профессионала: «Так историка-исследователя, выступающего на переднем плане в первой собственно исследовательской половине книги, отодвигает на второй план не менее яркий и сильный историк-теоретик марксистско-ленинского склада в ее последней обобщающей части»⁵⁶⁷.

⁵⁵⁹ Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). С. 571.

⁵⁶⁰ Мосина З. В. [Рецензия] // Вопросы истории. 1948. № 7. Рец. на кн.: Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М.; Л., 1948. С. 131–132.

⁵⁶¹ Там же. С. 129.

⁵⁶² Там же. С. 83.

⁵⁶³ Там же. С. 85.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Вебер Б. Г. [Рецензия] // Известия Академии наук СССР. 1948. Т. V, № 4. Рец. на кн.: Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М.; Л., 1948. С. 382–387.

⁵⁶⁶ Там же. С. 386.

⁵⁶⁷ Там же. С. 387.

Особой была статья Р. Самойлова в «Литературной газете»⁵⁶⁸, где в конце 1940-х гг. не раз публиковались материалы, обличающие историков в идеологических грехах⁵⁶⁹. Однако оценка книги Поршнева была совершенно другой – ему уже была присуждена Сталинская премия за 1949 г.⁵⁷⁰

Эта рецензия заслуживает внимания как яркий образец того, что называлось в официальном дискурсе пропагандой достижений советской исторической науки. Целевая аудитория Самойлова была иной, нежели Мосиной, Манфреда и Вебера. «Литературная газета» предназначалась для читающей общественности, и статья Самойлова выполняла просветительские, публицистические и пропагандистские задачи.

«Во французской буржуазной историографии в “моде” далекий XVII век. Преклонению перед ним учат еще в школе, а на страницах буржуазных газет все чаще тревожат тень “диктатора” XVII в. кардинала Ришелье. Во всем этом кроется определенный политический расчет, – от наполненной негативными смыслами экспозиции переходит автор к разоблачающей части: – Буржуазные историки стремятся доказать, что за сто лет до штурма Бастилии во Франции все было тихо и спокойно, буржуазия преуспевала, а в деревне феодализм мирно уступал место мелкой поземельной собственности, и если бы не “роковые ошибки” абсолютизма, то и революция была бы “не нужна”»⁵⁷¹. Далее напряжение возрастает и достигает максимума: «В такой схеме не оставалось места для народа, его решающей роли в борьбе с феодализмом. И если консервативные историки просто игнорировали народные движения, то либеральная историография действовала более замаскированно. В прошлом, доказывали Тьерри и его многочисленные последователи, единое “третье сословие” боролось против дворянства. Никаких противоречий между буржуазией и народными массами не было и нет. Стало быть, и в настоящем не должно быть ни классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, ни революции против буржуазии»⁵⁷².

Затем следует кульминация: «Только с позиций марксизма можно было разгромить лживую буржуазную концепцию. И не случайно сделал это советский ученый Б. Ф. Поршнева... Поршнева н а с т у п а е т, о п р о в е р г а е т буржуазную псевдонауку. Гениальное сталинское указание о р е в о л ю ц и и к р е п о с т н ы х к р е с т ь я н, ликвидировавшей феодализм, открыло советскому историку путь к решению сложных и запутанных проблем изучаемого им периода... Французская дворянская монархия XVII века, показывает

⁵⁶⁸ Самойлов Р. Страница истории, прочитанная заново // Литературная газета. 1950. № 26 (29 марта). С. 3.

⁵⁶⁹ Тихонов В. В. Идеологические кампании ... С. 209–210.

⁵⁷⁰ Расцвет наук // Литературная газета. 1950. № 20 (8 марта). С. 3.

⁵⁷¹ Самойлов Р. Страница истории, прочитанная заново. С. 3.

⁵⁷² Там же.

автор, была п р е ж д е в с е г о органом подавления крестьянства и городской бедноты... Не буржуазия подымала народные массы, а наоборот – стихийный напор снизу будил буржуазию»⁵⁷³. Финал торжественно объединял народные массы Франции эпохи абсолютизма и периода Четвертой республики: «Но французский народ, верный своим великим революционным традициям, ежедневно и ежечасно напоминает “власть имущим”, что не они, а он является подлинным хозяином своей страны, гневно выступает против самого гнусного преступления буржуазии – попытки превратить Францию в колонию доллара, а французский народ – в пушечное мясо для заокеанских претендентов на мировое господство»⁵⁷⁴.

Издание книги и получение Сталинской премии послужили стимулом для Б. Ф. Поршнева стать лидером и идеологом советских медиэвистов. Для достижения этой цели на протяжении 1948–1950 гг. он публикует четыре статьи. Их названия были показательны: «Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях»⁵⁷⁵, «История средних веков и указание тов. Сталина об “основной черте” феодального общества»⁵⁷⁶, «Сущность феодального государства»⁵⁷⁷, «Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации»⁵⁷⁸.

Это была серьезная заявка со стороны Поршнева. С. В. и Т. Н. Кондратьевы отметили в связи с этим любопытный факт: Поршнева показал варианты двух статей Косминскому, который, ознакомившись и высказав замечания, предложил обсудить их на заседании сектора. Однако Поршнева делать этого не стал⁵⁷⁹. Естественно, он понимал, что начнется ненужная ему дискуссия. Коллеги-медиэвисты, в отличие от новистов Манфреда и Вебера, авторов хвалебных рецензий на книгу Поршнева, имели обширный опыт общения с ним и глубже разбирались в рассматриваемых проблемах.

Например, на заседании сектора истории Средних веков 4 апреля 1947 г. доклад Б. Ф. Поршнева «Крестьянские движения накануне Фронды по неопубликованным донесениям интендантов» вызвал неоднозначную реакцию. И если вопросы Н. А. Сидоровой и З. В. Мосиной о перерастании Фронды в буржуазную революцию и участия дворянства в народных движениях

⁵⁷³ Самойлов Р. Страница истории, прочитанная заново. С. 3.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ Поршнева Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. 1948. Т. V. № 6. С. 473–488.

⁵⁷⁶ Поршнева Б. Ф. История средних веков и указания тов. Сталина об «основной черте» феодального общества // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. VI. № 6. С. 531–537.

⁵⁷⁷ Он же. Сущность феодального государства // Там же. 1950. Т. VII. № 5. С. 418–444.

⁵⁷⁸ Он же. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Там же. Т. VIII. № 3. С. 205–221.

⁵⁷⁹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 183.

для Поршнева трудности не представляли⁵⁸⁰, то замечания В. М. Лавровского и Е. А. Косминского были значительно серьезней.

Лавровский указал на весьма уязвимое место в построениях Поршнева. «Вы хотите показать, – обратился он к Поршневу, – что угроза восстания висела в воздухе и Франция представляла собой пороховой погреб. Но эта картина носит черты импрессионизма. Вы уже сами признаете, что крупных восстаний не было, а лишь отдельные проявления крестьянских движений... Очень ценно привлечение ваших источников, но в некоторых отношениях они разочаровывают, т. к. о крестьянских восстаниях там говорится очень мало»⁵⁸¹. Не менее показательным было замечание Косминского, у которого после доклада Поршнева создалось впечатление «не о приближающейся буржуазной революции, а о яркой картине борьбы за феодальную ренту»⁵⁸². Косминский пояснил: «Рента уже принимает форму налога, отчего страдают отдельные представители дворянства. Поэтому получается интересное переплетение интересов крестьянства и дворянства. Ход борьбы за феодальную ренту приводит к какому-то компромиссу между королевской властью и отдельными дворянами»⁵⁸³.

После выхода «Народных восстаний...» разгорелся конфликт Б. Ф. Поршнева с А. Д. Люблинской. В свое время она во многом помогла Поршневу с подбором, копированием и расшифровкой источников для его работы⁵⁸⁴. Однако, прочитав книгу, Люблинская сочла ее из-за некорректного перевода источников «недобросовестной» и не содержащей «ни одной правильной страницы». Среди ряда других, Люблинская приводила такой пример перевода Поршнева. Об одном персонаже в документе было сказано: «ауант tranché de la tête» («ему отрубили голову»), а в монографии Поршнева это переведено как «он очертя голову бросился в народное движение»⁵⁸⁵.

Как отмечали Г. Е. Лебедева и А. В. Якубский, Люблинская вскрывала исследовательскую недобросовестность Поршнева. Как она обнаружила, Поршневу «мог в подтверждение своих выводов сослаться, к примеру, на единственный в СССР экземпляр французского памфлета XVII в., который, побывав в руках Б. Ф. Поршнева, так и остался в неразрезанном виде»⁵⁸⁶. А. Д. Люблинскую поддержал О. Л. Вайнштейн. Он указывал, что тезис

⁵⁸⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 401. Л. 14, 14 об., 15.

⁵⁸¹ Там же. Л. 14 об.

⁵⁸² Там же. Л. 15.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 146; см. также: Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршневу и Александра Дмитриевна Люблинская: к истории взаимоотношений // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 178–183.

⁵⁸⁵ Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршневу ... С. 178–179.

⁵⁸⁶ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн ... С. 122.

Поршнева о Фронде как неудавшейся буржуазной революции порожден неправильной аналогией с мнением Энгельса о немецкой Реформации как первой буржуазной революции⁵⁸⁷. Происходящее совпало с кампанией против космополитов. На известном заседании 23 марта 1949 г. позиция Люблинской была оценена М. М. Смирным как «голое охаивание», «голое отрицание» книги советского историка, как буржуазный космополитизм, то есть равнодушие к задачам, которые стоят перед советской наукой»⁵⁸⁸.

Учитывая все это, Поршневу счел за лучшее издавать свои статьи, не привлекая к ним внимания. Публикации Б. Ф. Поршнева универсализировали его концепцию, в основу которой были положены слова И. В. Сталина, служащие эпиграфом к одной из статей: «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»⁵⁸⁹.

Сугубо умозрительно, без подтверждений фактами, Поршневу делал вывод о постоянном возрастании крестьянской борьбы, которая в начале Средневековья была чуть ли не «близкой к нулю», «сравнительно с той гигантской напряженностью, какой это антифеодальное сопротивление достигает к концу средневековья»⁵⁹⁰. Силой, которая сдерживала крестьянские выступления, было в первую очередь государство. Этот тезис Поршневу подкреплял высказыванием Сталина о главной функции государства – держать в узде эксплуатируемое большинство⁵⁹¹. Нарастание крестьянского сопротивления «заставляло перестраиваться и соответствующие органы феодального общества»⁵⁹². Вооружение, право, суд, феодальная иерархия, централизация государства, формирование наций – все это, по Поршневу, производные от классовой борьбы⁵⁹³.

Крестьянство эпохи буржуазных революций, утверждает Поршневу, имеет две души – эксплуатируемого труженика и мелкого буржуа. Исторический опыт, делает он априорный вывод, показывает, что «крестьянская масса все же гораздо легче находила общий язык с городской неимущей беднотой (плебейством), чем с городской буржуазией»⁵⁹⁴. Не буржуазия, а именно «простой народ», как указывал Сталин, «вел неравный бой с врагами»⁵⁹⁵.

⁵⁸⁷ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн ... С. 122.

⁵⁸⁸ Стенограмма объединенного заседания ... С.302.

⁵⁸⁹ Поршневу Б. Ф. История средних веков ... С. 521.

⁵⁹⁰ Поршневу Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы ... С. 205.

⁵⁹¹ Он же. Сущность феодального государства. С. 420–421.

⁵⁹² Там же. С. 418.

⁵⁹³ Там же. С. 422–432.

⁵⁹⁴ Поршневу Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения ... С. 486–487.

⁵⁹⁵ Там же. С. 482.

Представляя свою теорию, Поршневу указывал и на единомышленника – кандидата исторических наук, специалиста по средневековой Германии Н. Ф. Колесницкого (1910–1992)⁵⁹⁶. Правда, Колесницкий расценивал абсолютизм как целиком дворянское государство, не признавая в нем никакой активной роли буржуазии, вплоть до отрицания идеи «равновесия», в связи с чем считал концепцию Поршнева несостоятельной⁵⁹⁷. Но Поршневу не придавал этому слишком большого значения, подчеркнув, что «наши исходные принципиальные положения одинаковы»⁵⁹⁸.

О том, насколько предложенная Б. Ф. Поршневым схема, по мнению авторов «Науки “убеждать”...», отличалась оригинальностью даже в 1940-х гг.⁵⁹⁹, можно рассуждать, однако одно не подлежало сомнению. В советской историографии не могло быть научных размышлений доктора исторических наук, лауреата Сталинской премии, опубликованных просто так и никого ни к чему не обязывающих, особенно если уважаемый профессор основывает свою концепцию на идеях товарища Сталина. Подтверждением этому служил сформулированный Поршневым вывод о том, что *«пришло время медиэвистам, следуя руководящему сталинскому указанию, сосредоточить внимание именно на крестьянской борьбе и показать, что именно она-то и была основной силой, принуждавшей развиваться в течение многих веков феодальное общество, государство и мировоззрение. Не менее важно показать, что та же крестьянская борьба была и основной силой, уничтожившей в конце концов феодализм (курсив мой. – Л. Л.)»*⁶⁰⁰.

С этим не просто выводом, а императивом советским медиэвистам необходимо было либо соглашаться, либо его оспаривать, ведь разные точки зрения по одной проблеме в советской исторической науке не принимались. Не случайно, например, Н. Ф. Колесницкий начал свою статью словами: «В докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин отметил в качестве одного из недостатков нашей пропагандистской и идеологической работы отсутствие полной ясности, наличие некоторой неразберихи в... вопросах теории...»⁶⁰¹ Однако признать верными построения Поршнева значило не просто нарушить устоявшийся теоретический консенсус, но и уничтожить пусть небольшое, но разнообразие проблемного поля и возможность методологического маневра. Из сложившейся ситуации был один выход – дискуссия, в которой надлежало развенчать взгляды Поршнева.

⁵⁹⁶ Поршневу Б. Ф. Сущность феодального государства. С. 421.

⁵⁹⁷ Колесницкий Н. К вопросу о периодизации истории феодального государства // Вопросы истории. 1950. № 7. С. 123–124.

⁵⁹⁸ Поршневу Б. Ф. Сущность феодального государства ... С. 421.

⁵⁹⁹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 191.

⁶⁰⁰ Поршневу Б. Ф. История средних веков ... С. 525.

⁶⁰¹ Колесницкий Н. Ф. Указ. соч. С. 108.

Авторы «Науки “убеждать”...» обращают внимание на то, насколько осторожно и не сразу было принято решение обсудить статьи Поршнева в Институте истории и как тщательно велась подготовка⁶⁰². Это же отмечают Лебедева и Якубский, характеризуя ситуацию в целом: «Поршневу в период антикосмополитской кампании чувствовал себя как рыба в воде. Он принадлежал не к гонимым, а к гонителям и зорко высматривал среди коллег “сторонников меньшевистских взглядов на историю”, “буржуазных объективистов” и пр. Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин и другие московские ученые, не признававшие поршневу теорий, но хорошо знавшие его самого, не зря соблюдали осторожность и прежде, чем выступить против его теоретических новаций, довольно долго готовили почву в Отделе науки ЦК ВКП(б). Под нажимом этой высокой инстанции Поршневу поневоле пришлось признать ошибочность некоторых своих утверждений»⁶⁰³.

Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, проходившее в секторе Средних веков в январе 1951 г. на четырех заседаниях, продемонстрировало серьезность ситуации – выступило 22 человека, причем каждое заседание собирало от 100 до 200 присутствующих⁶⁰⁴.

В своей книге Кондратьевы выявляют закулисную сторону этих событий, раскрывают мотивацию и ярко демонстрируют речевые практики их участников⁶⁰⁵. Подобно тому, как Поршневу аргументировал свою позицию, его противники, при помощи тех же приемов, доказывали противоположное, уже в который раз демонстрируя, что выкладки классиков марксизма можно толковать вариативно. Поршневу вменялось в вину, что он придерживается «неправильной концепции, извращающей марксизм в сторону вульгарного материализма, ревизующей основные высказывания классиков марксизма-ленинизма о феодализме и отбрасывающей достижения советской исторической науки»⁶⁰⁶, «не понимает диалектики исторического развития и вульгаризирует историю», «косвенно полемизирует со взглядами классиков марксизма-ленинизма»⁶⁰⁷ и т. д.

В доказательстве научной и идейной несостоятельности построений Б. Ф. Поршнева применялись три взаимодополняющих приема. Первый из них – демонстрация методологической порочности поршневу концепции с точки зрения классиков марксизма. Именно этот прием отвлеченной,

⁶⁰² Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать»... С. 192–195.

⁶⁰³ Лебедева Г. Е., Якубский А. В. Профессор О. Л. Вайнштейн ... С. 122.

⁶⁰⁴ Москаленко А. В Институте истории Академии Наук СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева // Вопросы истории. 1951. № 6. С. 138.

⁶⁰⁵ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 192–206.

⁶⁰⁶ Москаленко А. В Институте истории Академии Наук СССР ... С. 138–139.

⁶⁰⁷ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР, Серия истории и философии» в 1948–1950 гг. // Изв. Акад. Наук СССР. Сер. истории и философии. Т. 8. № 2. С. 201.

основанной на цитатах аргументации, стал предпочтительным для критиков Поршнева в устных выступлениях и статьях.

Например, Ю. М. Сапрыкин был уверен, что в основе ошибок Б. Ф. Поршнева «лежит совершенно неверное стремление объявить борьбу классов главной силой исторического процесса, в то время как в действительности такой главной силой является способ производства»⁶⁰⁸.

Н. А. Сидорова обращала внимание на то, что Поршнева предпринял попытку «ревизии основных положений марксизма-ленинизма, попытку, прикрытую левой фразой, и поэтому особенно опасную... В противоположность основным, сформулированным классиками марксизма-ленинизма положениям исторического материализма, Б. Ф. Поршнева рассматривает развитие способа производства как результат, следствие классовой борьбы. В результате сама классовая борьба выхолащивается, становится надисторической, чисто абстрактной категорией, и употребляется Б. Ф. Поршневым, пользуясь выражением К. Маркса, в виде некой “отмычки”, позволяющей Б. Ф. Поршневу “открывать” любое историческое явление»⁶⁰⁹.

Аргументация такого рода подчас выглядела несколько комично. С. Д. Сказкин, расценивая поршнева «закон» возрастания и обострения классовой борьбы от одной формации к другой, как ошибочный и не находящий подтверждения, приводит такой неоспоримый довод: «Товарищ Сталин, характеризуя классовую борьбу как основную черту рабовладельческого общества, говорит о ней как о ж е с т о к о й, борьбе, а борьбу пролетариата против буржуазии характеризует как о с т р е й ш у ю, но не прибавляет таких определений при характеристике классовой борьбы в феодальном обществе»⁶¹⁰.

Следующим был прием уличения Поршнева в некомпетентности как медиевиста. Например, Е. А. Косминский считал, что Поршнева «искусственно упростил классовую борьбу в феодальном обществе, по существу сведя ее к борьбе крепостного крестьянства против феодалов, преуменьшив рост города в феодальном обществе и исказив роль буржуазии»⁶¹¹.

По мнению В. В. Бирюковича, идея Поршнева «противоречит самой исторической действительности, втискивая ее в упрощенную и искусственно надуманную схему». В частности, Поршнева начисто отрицает прогрессивную роль абсолютизма⁶¹². С. Д. Сказкин указывает на то, что «Поршнева пол-

⁶⁰⁸ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 201.

⁶⁰⁹ Там же. С. 205.

⁶¹⁰ Там же. С. 202.

⁶¹¹ Там же.

⁶¹² Москаленко А. В. Институте истории Академии Наук СССР ... С. 139.

ностью пренебрегает историческими фактами, особенно экономической историей крестьянства в средние века, которую он совершенно не изучает. Отсюда та легкость, с которой Поршнева обращается с фактами, пытаясь втиснуть их в прокрустово ложе своей схемы, упрощающей исторический процесс и искажающей историческую действительность»⁶¹³.

В. В. Стоклицкая-Терешкович отмечает, что Поршнева «игнорирует роль города»⁶¹⁴, Ю. М. Сапрыкин обращает внимание на «отрицание прогрессивной роли господствующих классов на определенных этапах истории»⁶¹⁵. По мнению А. Д. Эпштейна, крестьянские движения тракуются Поршневым с идеалистических позиций, идеализируется их стихийность. Развитие феодального государства не может быть объяснено классовой борьбой, так как «нельзя найти пример государства, которое было бы слишком слабым для подавления крестьянского движения»⁶¹⁶.

Третьим приемом дискредитации концепции Поршнева выступало отождествление ее с чуждыми и опасными для советского ученого теориями. Например, Н. А. Сидорова нашла в идеях Поршнева «антиисторизм» и «рецидив “покровщины”»⁶¹⁷. В. В. Бирюкович усмотрел в построениях Поршнева идеи Дюринга, а С. Д. Сказкин – влияние на Поршнева разгромленного как раз в то время учения Н. Я. Марра о языках⁶¹⁸.

В развернувшейся дискуссии Б. Ф. Поршнева был поддержан как некоторыми коллегами-медиевистами, так и философами. Идеи Поршнева сочла плодотворными кандидат исторических наук, византинист З. В. Удальцова (1918–1987). Она положительно оценила внимание Поршнева к роли народных масс и назвала его концепцию ценным вкладом в советскую историческую науку⁶¹⁹. Кандидат исторических наук, историограф М. А. Алпатов (1903–1980) охарактеризовал позицию оппонентов Поршнева, не увидевших очевидных достоинств его статей, как ошибочную⁶²⁰. В «Науке “убеждать”...» указаны мотивы этих действий. З. В. Удальцова была женой М. А. Алпатова, книга которого выдвигалась на Сталинскую премию в 1950 г., в чем Б. Ф. Поршнева принимал активное участие⁶²¹. Ученица Б. Ф. Поршнева А. В. Мельникова, защитившая в русле его концепции кан-

⁶¹³ Москаленко А. В. Институте истории Академии Наук СССР ... С. 139.

⁶¹⁴ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 204.

⁶¹⁵ Там же. С. 201.

⁶¹⁶ Там же. С. 204.

⁶¹⁷ Там же. С. 205.

⁶¹⁸ Москаленко А. В. Институте истории Академии Наук СССР ... С. 139, 141.

⁶¹⁹ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 202–203.

⁶²⁰ Там же. С. 205.

⁶²¹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 199–200.

дидатскую диссертацию об интендантах провинций Франции⁶²², высказала разочарование ходом обсуждения. По ее мнению, критикующие Поршнева сами не пытаются раскрыть поднятые им вопросы⁶²³.

Присутствующие на обсуждении кандидаты философских наук Т. И. Ойзерман и Ф. В. Константинов поддержали Поршнева. Ойзерман отметил, что Б. Ф. Поршнев правильно подчеркивает решающую роль народных масс в истории, следуя указанию Сталина⁶²⁴. Ф. В. Константинов обратил внимание на слишком расширительное понимание Поршневым классовой борьбы и замалчивание прогрессивной роли господствующих классов в определенные периоды. Однако в целом поршнева концепция была охарактеризована как ценная в плане теории, тем более что «у историков есть опасность недооценки теоретического момента, сползания в фактологию»⁶²⁵.

Ответом Поршнева своим оппонентам была «резкая “антикритика”», не удовлетворившая присутствующих. Он принял лишь немногие из замечаний, в частности, отметил, что не считал нужным уделять особое внимание экономике, так как это «известное, установленное, не требующее повторений». Поршнев не ответил ни на одно из предъявленных ему обвинений, касающихся вольного обращения с историческими фактами⁶²⁶.

Заключительное слово Е. А. Косминского диктовалось стремлением погасить конфликт. Он не стал делать из промахов коллеги далеко идущих выводов. Конечно, Поршнев неправ, рассматривая не весь феодальный способ производства, а «лишь определенную его сторону, которая дана как бы через сильное увеличительное стекло». Да, серьезной ошибкой была публикация его статей не в дискуссионном порядке. Однако Косминский считает необоснованными обвинения Поршнева в ревизии марксизма и забвении важнейших его положений⁶²⁷. Для снижения напряженности Косминский апеллирует к коллективной ответственности: «Все историки-медиевисты должны извлечь уроки из настоящего обсуждения. Они должны более углубленно изучать марксистско-ленинскую теорию, и решать методологические проблемы в сотрудничестве с советскими философами, на основе конкретно-исторического исследования»⁶²⁸.

⁶²² См. также: Токарева Т. Н. Политические взгляды Сюлли: дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. М., 1999. Режим доступа: <https://www.dissreca.com/content/politicheskie-vzgliady-siulli>. Дата доступа: 06.02.2020.

⁶²³ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 205.

⁶²⁴ Там же. С. 203.

⁶²⁵ Там же. С. 204–205.

⁶²⁶ Москаленко А. В. Институте истории Академии Наук СССР ... С. 142.

⁶²⁷ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 206.

⁶²⁸ Москаленко А. В. Указ. соч. С. 142.

Раскрывая эту непростую ситуацию, Кондратьевы подчеркнули отсутствие резолюции по итогам дискуссии. Это указывало на нерешенность вопроса. В «Науке “убеждать”...» приводится письмо Косминского Поршневу, где говорится, что «у наших историков не должно оставаться впечатления, что по поднятым Вами вопросам у сектора нет никакого определенного мнения». Поршневу деликатно рекомендуется «не возражать против вынесения резолюции». Косминский заверяет, что «резолюция ни в коем случае не должна и не будет иметь “аракчеевского” характера». 25 апреля 1951 г., на открытом партийном собрании, Поршнев скажет, что резолюция появилась в его отсутствие, когда он был в отпуске⁶²⁹.

Поскольку итоги дискуссии не удовлетворили руководство, началась подготовка еще одного обсуждения. Появились две публикации – Е. А. Косминского и историка государства и права П. Н. Галанзы (1893–1982). Обе статьи, построенные на цитатах, повторяли то, что уже звучало на январском обсуждении. Однако интонации авторов радикально отличались. Косминский желал сгладить конфликт, и его мнение о статьях Поршнева – образец дипломатичности: «Б. Ф. Поршнев хотел нанести сокрушительный удар по экономическому материализму, все еще не вполне изжитому в нашей среде. Он хотел разбить буржуазную, а также меньшевистско-троцкистскую теорию, преувеличивавшую историческую роль буржуазии. Он хотел показать, что в истории творческая роль принадлежит народным массам. Он хотел показать решающую роль классовой борьбы угнетенных народных масс в прогрессивном развитии человечества. Исходя из этих начал, он хотел установить основные закономерности развития феодального способа производства. Но, несмотря на то, что его работа содержит немало острых мыслей и интересных наблюдений, мы должны признать его попытку неудавшейся»⁶³⁰.

Совершенно другая позиция была у П. Н. Галанзы, цель которого – заклеить Поршнева. По мнению Галанзы, Поршнев «совершенно извращенно» представляет соотношение государства и нации⁶³¹, его концепция «построена на гнилой теоретической основе»⁶³², у него «грубо ошибочные утверждения», «невообразимая путаница»⁶³³, «антиисторичность методологических установок»⁶³⁴, и вообще, «спрашивается, для чего понадобилось

⁶²⁹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 205–206.

⁶³⁰ Косминский Е. А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма (По поводу статей Б.Ф. Поршнева) // Изв. Акад. наук СССР. 1951. Т. 8. № 3. С. 254.

⁶³¹ Галанза П. Н. Об ошибочных взглядах Б. Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. общественных наук. Вып. 4. 1951. № 9. С. 172.

⁶³² Там же. С. 167.

⁶³³ Там же. С. 168–171.

⁶³⁴ Там же. С. 164.

огород городить»⁶³⁵. В построениях Поршнева автор усмотрел «рецидив Дюринга и Фейербаха»⁶³⁶, а также проявления космополитизма⁶³⁷.

Вывод Галанзы уничтожающий: «Приведенный перечень грубых ошибок Б. Ф. Поршнева, которые проистекают из его порочных методологических установок, всем этим еще не исчерпывается. Но и отмеченного в данной статье вполне достаточно, чтобы привлечь внимание научной общественности к очень странному и вопиющему факту – пропаганде схоластики, путаницы и извращений марксизма-ленинизма на страницах журнала Академии Наук СССР. Весьма странно, что ни один из исторических журналов до сих пор не подверг суровой и развернутой критике концепции Б. Ф. Поршнева»⁶³⁸.

Партийное и академическое руководство желало добиться покаяния Поршнева и расставить акценты в этой истории, но Поршнева не думал сдаваться. Конфликт, образно описанный Кондратьевыми, углублялся⁶³⁹. На открытом партийном собрании Института истории 25–26 апреля 1951 г. не менее половины времени заняло обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, который объявил коллегам, что готовит к изданию книгу «Роль борьбы народных масс в истории феодального периода». Поршнева подчеркнул, что «пока он выносит пользу из критики», его оппоненты, которые «сами ничего не печатают», и не думают поступать так же. Эмоциональная, с политическими обвинениями, дискуссия завершилась принятием резолюции, в которой статьи Б. Ф. Поршнева были признаны ошибочными и «порочными»⁶⁴⁰.

Конфронтация нарастала, последовал еще один разбор статей Поршнева на закрытом партсобрании 19 сентября 1951 г.⁶⁴¹ Очевидно, это событие предварялось обсуждением работ Поршнева в секторе Средних веков. Об этом сохранился отчет, датированный 7 сентября, где описан, в частности, присущий Поршневу стиль полемики. «На обвинения в ошибках, если можно так выразиться, качественного порядка, Б. Ф. отвечает признанием ошибок количественного порядка и обещанием “все это сделать подробнее, на этом остановиться больше”. По существу выдвинутых обвинений в искажении роли и места классовой борьбы Б. Ф. ничего не отвечает, уклоняется от ответа по главному предмету спора... Вместо прямого ответа на высказанные критиками по этому вопросу упреки, указания на ошибки Б. Ф. уходит в сторону от спора, говорит о другом... или отвечает на такие вопросы, которые никем не выдвигались»⁶⁴².

⁶³⁵ Галанза П. Н. Указ. соч. С. 168.

⁶³⁶ Там же. 164–165.

⁶³⁷ Там же. С. 173.

⁶³⁸ Там же. С. 174.

⁶³⁹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 209–236.

⁶⁴⁰ Там же. С. 215–224.

⁶⁴¹ Там же. С. 233.

⁶⁴² НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 173. Л. 9, 9 об.

Когда Поршнева представлял свою будущую книгу «более истматовской», где «более обильно использованы Ленин и Сталин»⁶⁴³, он не лукавил. В архиве ИРИ РАН сохранилась рукопись одной из ее глав – «О роли крестьянских восстаний в истории средних веков и буржуазных революциях»⁶⁴⁴. Основанный на цитатах из «Краткого курса» и тезисах Сталина, текст раскрывает уже знакомые сюжеты. Однако обобщения автора более масштабны. Например, цитату Сталина о конфликте между производительными силами и производственными отношениями и возникновении на этой почве идей, мобилизующих массы, «которые сплываются в новую политическую армию, создают новую революционную власть», Поршнева развивает так: «Разумеется, это прогрессивное движение человечества... замедлялось тем, что господствующие классы имели в каждую эпоху противопоставить революционному напору со стороны народных масс непреодолимую до поры до времени преграду в виде, с одной стороны, государства, с другой – определенных общественных, религиозных и моральных идей»⁶⁴⁵.

«С возникновением абсолютизма первенствующее место среди сил подавления переходит к государству и остается за ним до конца феодальной эпохи, – разъясняет Поршнева. – Являясь воплощением принципа насилия, диктатурой, абсолютизм, естественно, вносит в общественную жизнь голое внеэкономическое принуждение в виде налоговой системы, а так как крестьянская собственность к этому времени уже достигает полной зрелости, налоговая экспроприация этой собственности, в свою очередь, резко увеличивает силу крестьянского сопротивления»⁶⁴⁶.

Летом 1951 г. Поршнева закончил книгу, которую направил непосредственно Сталину. С. В. и Т. Н. Кондратьевы отмечают, что данных, указывающих на то, что с ней ознакомился Сталин, нет. Однако через Отдел науки ЦК книга была отправлена на рецензирование. Три рецензента из четырех – С. Д. Сказкин, В. В. Бирюкович и Л. В. Черепнин – были противниками Поршнева, что, как отмечают Кондратьевы, не было случайным. Итогом рецензирования был возврат рукописи книги в декабре 1951 г. с заключением о том, что книга содержит ряд неправильных положений и нуждается в значительной переработке⁶⁴⁷.

То, насколько конфликт ухудшил микроклимат в среде медиевистов, показывают два отзыва на работы Поршнева, принадлежащие С. Д. Сказкину. Первый отзыв был частично опубликован в материалах январско-

⁶⁴³ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 216.

⁶⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.

⁶⁴⁵ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 147. Л. 8.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 57, 58.

⁶⁴⁷ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Указ. соч. С. 234.

го обсуждения 1951г.⁶⁴⁸ В неопубликованном же тексте лучше видны оттенки отношения Сказкина к своему коллеге. Так, обращаясь к Поршневу, он говорит: «Скажу относительно вашей книги [«Народных восстаний перед Фрондой»]. Согласен я или нет? С некоторыми положениями не согласен, но книжка неплохая. Там есть очень много интересных вещей, так же, как и в этих статьях есть много полезных и интересных вещей, но в них есть много положений, с которыми я не могу согласиться»⁶⁴⁹. Вот контраргументация Сказкина, которую можно даже назвать дружеской: «Вообще нужно сказать, что Вы господствующий класс феодального общества лишаете разума. Это совершенно поразительная вещь. Вот Вы говорите о желудках феодалов, говорите, что если бы не было классовой борьбы, то феодалы вытянули бы все из мужика, и погубили бы и мужика, и самих себя... Должны же вы допустить настолько разума у феодала, чтобы он понимал, что если он зарежет курицу в расчете получить сразу два яйца, он только потеряет курицу, которая несет яйца ежедневно. Феодал вовсе не так глуп, и совершенно правильно здесь говорили, что феодал до известной степени может заботиться о той овце, которую он стрижет. А у Вас получается, что классовая борьба определяет всегда и всякую деятельность феодала. Нельзя же все сводить к классовой борьбе!»⁶⁵⁰

В отзыве на рукопись книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества» тон С. Д. Сказкина изменился. «Автор заявляет, что критика помогла ему значительно дополнить, улучшить, исправить и т. д. С такими заявлениями автора абсолютно нельзя согласиться. Второй вариант его работы в известном смысле хуже первого», – считает Сказкин. Он разъясняет далее: «Та методологическая путаница, которая была отмечена критиками, и выдавание своих собственных формалистических и схоластических измышлений за творческий марксизм, остались и в этой работе, и я не ошибусь, если скажу, что вся критика прошла мимо автора. <...> К сожалению, проф. Поршневу оказался таким же плохим философом, как и историком. Он остался абсолютно при своих прежних принципиальных методологических ошибках, но обставил их кучей всевозможных оговорок, и в результате исчезла даже та ясность, которая, пусть с неправильных методологических позиций, все же имела место в его первых статьях. В результате получилась настоящая каша, дремучий лес чисто отвлеченных теоретических рассуждений, через которые с трудом пробирается даже опытный читатель»⁶⁵¹.

⁶⁴⁸ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева ... С. 201–208.

⁶⁴⁹ АРАН. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁶⁵⁰ Там же. Л. 13.

⁶⁵¹ Там же. Д. 87. Л. 11.

Написанные рукой Сказкина спонтанно, в состоянии усталости и раздражения слова о Поршневе «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб прошибет»⁶⁵², безусловно, красноречивы. Однако всю глубину неприязни и возмущения Сказкина демонстрирует текст, который целесообразно привести почти полностью: «Профессор Поршневу не стеснялся никогда, не стесняется и в данном случае, никакими средствами, когда дело идет о его карьере или его служебных успехах. Послушать его – так это он борец за Правду и за истину, которому не дают возможность высказать эту истину некие ученые, которых он называет “непогрешимыми руководителями”, намекая, по-видимому, на то, что в недрах советской медиевистики царит “аракчеевский режим”. Все это самая бесстыдная ложь. Он достаточно известен своей моральной неразборчивостью в средствах, и если против него долгое время никто не выступал, и он успел напечатать четыре статьи, то это объясняется, к сожалению, страхом многих товарищей, опасющихся, что за всяким против него выступлением последует месть!

...Когда комсомольцы и партийные товарищи из среды аспирантов кафедры истории средних веков МГУ решили устроить обсуждение его статей, он приложил все усилия, чтобы административным путем не допустить их обсуждения. Все это нисколько не мешает ему утверждать, что он “вынудил” своих критиков после чуть ли не двадцатилетних усилий высказаться.

Проф. Поршневу принадлежит, к сожалению, к типу “дельцов” в науке, делающих карьеру, и притом далеко не всегда морально допустимыми для советского человека средствами, а поэтому он и считает возможным для себя говорить неправду, если таковая ему выгодна»⁶⁵³.

Конфликт Поршнева с коллегами распространялся и на другие сферы, подходящие для сведения счетов. Например, Поршневу дал такую рецензию на первый том учебника по истории Средних веков, вышедший в 1952 г.⁶⁵⁴, что его редактор Е. А. Косминский был приглашен ознакомиться с ней в редакцию журнала «Коммунист» – печатный орган ЦК КПСС⁶⁵⁵. Отвечая на 18 замечаний Поршнева, Косминский порой отправляет их бумерангом рецензенту. Например, мнение Поршнева о том, что авторы учебника «сбиваются на непомерное выпячивание королей и полководцев» Косминский нейтрализовал, отметив, что «показать некоторые личности... и приемы их политики необходимо, если не сводить все изложение к голому социологизированию»⁶⁵⁶. В другом случае Косминский указал, что Порш-

⁶⁵² Там же. Д. 87. Л. 11.

⁶⁵³ АРАН. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 87. Л. 26–27.

⁶⁵⁴ История средних веков / под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. 1952. 748 с.

⁶⁵⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 165.

⁶⁵⁶ Там же. Л. 5.

нев «напрасно ополчился на термин “городская культура”, под которой во все не разумеется буржуазная культура... Чувствуется, что автор рецензии все еще не преодолел страха перед признанием прогрессивного характера буржуазии и буржуазной культуры даже на заре капитализма»⁶⁵⁷.

Попытки Б. Ф. Поршнева разместить в «Вопросах истории» свой ответ на публикацию Е. А. Косминского в «Известиях Академии наук СССР»⁶⁵⁸ завершились появлением в «Вопросах истории» статьи В. В. Бирюковича «О некоторых вопросах развития феодального общества»⁶⁵⁹. С ленинградскими же медиэвистами – А. Д. Люблинской, О. Л. Вайнштейном, В. В. Бирюковичем – отношения Поршнева были испорчены уже давно.

Главный удар Бирюкович направил против оценки Поршневым крестьянства при абсолютизме. Говоря о «двух душах» крестьян – эксплуатируемого труженика и мелкого буржуа, – Поршнева считал, что в результате побеждала «душа труженика», а собственнические настроения крестьянину навязывала буржуазия. Бирюкович, основываясь на тезисах классиков марксизма, разбивает идею Поршнева. Интересы крестьян как тружеников и как собственников в период феодализма не противоречат друг другу, а совпадают, так как для борьбы с феодалами нужно превратить крестьянское владение в свободную буржуазную собственность. Совершенно по-другому происходит при капитализме, когда, в условиях вытеснения мелкого крестьянского хозяйства, для преодоления собственнических инстинктов крестьянину нужен союз с пролетариатом⁶⁶⁰. Мнение Поршнева Бирюкович называет «извлеченной из забвения народнической идейкой»⁶⁶¹.

Из этой «идейки» было выведено чреватое последствиями обвинение: «Хотел или не хотел того Б. Ф. Поршнева, но он предпринял попытку пересмотреть с народнических позиций некоторые из основных положений марксистско-ленинской теории. Теперь для нас не может быть сомнений, что, изображая крестьянскую борьбу против феодализма как движение, направленное против эксплуатации вообще и на утверждение личной трудовой собственности, Б. Ф. Поршнева тем самым ставит под вопрос историческую необходимость гегемонии пролетариата в отношении крестьянства в социалистической революции. Это принижение исторической роли революционного пролетариата ради народнической идеализации крестьянского движения неизбежно влечет за собой и умаление исторического значения пролетарской революции, затушёвывание противоположности между

⁶⁵⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 165. Л. 6, 7.

⁶⁵⁸ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 234.

⁶⁵⁹ Бирюкович В. В. О некоторых вопросах развития феодального общества. С. 30–46.

⁶⁶⁰ Там же. С. 31–33.

⁶⁶¹ Там же. С. 34–35.

революцией социалистической и революцией буржуазной»⁶⁶². Не менее серьезными были и уличения Поршнева в превратном понимании им процесса образования наций и национальных государств. Это, по мнению Бирюковича, «причудливое переплетение свойственных ему неодюрингианских и неонароднических ошибок»⁶⁶³.

Итоговое заключение Бирюковича было сокрушительным. Статьи Поршнева «стали рассадником порочных, антимарксистских взглядов». Причины этого, прежде всего, в самом Поршневе. Он «взялся за решение больших методологических вопросов, не овладев должным образом марксистско-ленинской теорией». Он «решал сложные и трудные методологические вопросы особняком, в стороне от научного коллектива»⁶⁶⁴. Значительную долю вины Бирюкович возлагает на сотрудников сектора истории Средних веков Института истории. Весьма показательной была финальная мысль Бирюковича. Львиная доля «извращений марксистско-ленинской теории», указывал он, «содержится в вышедшей еще в 1948 г. монографии Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой». «К сожалению, – подчеркивает Бирюкович, – эта монография не стала предметом глубокой и принципиальной критики. Вина за это ложится на всех советских медиэвистов»⁶⁶⁵.

Оставить без ответа такой демарш Бирюковича Поршнева не мог. Он направляет в редакцию журнала «Большевик» (с конца 1952 г. – «Коммунист») письмо «Против горе-марксистов в крестьянском вопросе» на 52 листах⁶⁶⁶. Используя ту же лексику, Поршнева предъявляет политические обвинения Бирюковичу, который «фактически оспаривает» в своей статье «правильность той политики по отношению к крестьянству, которая проводится компартиями всего мира»⁶⁶⁷. «Печать начетничества лежит на всей его статье, – делает Поршнева многозначительное замечание. – Выстроенный частокол из цитат – это отнюдь не изучение марксизма. Это – талмудистское извращение духа марксизма-ленинизма»⁶⁶⁸. Если считать борьбу крестьянства в прошлом только борьбой за буржуазную сторону крестьянского хозяйства, то историк, по мнению Поршнева, должен признать наиболее передовым слоем крестьян кулачество. А ставка «на кулачество, на буржуазную сторону в крестьянском движении, приводит к контрреволюции, как показывает опыт титовской Югославии», – предостерегает Поршнева⁶⁶⁹.

⁶⁶² Бирюкович В. В. О некоторых вопросах развития феодального общества. С. 37.

⁶⁶³ Там же. С. 38.

⁶⁶⁴ Там же. С. 45–46.

⁶⁶⁵ Там же. С. 46.

⁶⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 4.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 1.

⁶⁶⁸ Там же. Л. 11.

⁶⁶⁹ Там же. Л. 42.

Однако письмо возымело не тот эффект, которого ожидал Поршнев. Очевидно, наблюдая за двухлетней дискуссией, не принесшей ничего, кроме конфликта и политических обвинений, партийное руководство приняло решение поставить точку в этой истории. Редакционная статья второго номера журнала «Коммунист» за 1953 г. расставляла новые акценты в общественных науках. «Учение марксизма-ленинизма всесильно, потому что оно верно» – таково было указание главного партийного журнала страны⁶⁷⁰.

Вершиной всесильного учения стала вышедшая работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР, устраняющая «ошибочные, неправильные, немарксистские взгляды, проявления буржуазной идеологии»⁶⁷¹. Таковой была названа и концепция Б. Ф. Поршнева, который «допускает ошибки идеалистического характера, отрывает классовую борьбу от развития производительных сил и производственных отношений»⁶⁷².

После настолько однозначного указания Поршнев уяснил ситуацию и опубликовал в «Вопросах истории» покаянное письмо. По словам Поршнева, книга товарища Сталина помогла ему понять, как следовало подходить к вопросам, за неправильную трактовку которых его критиковали⁶⁷³. Любопытно, что обвинявший ранее Косминского и Сказкина в «экономическом материализме»⁶⁷⁴, Поршнев теперь говорит о себе: «Сам будучи в известной мере экономистом...»⁶⁷⁵ Четырехстраничное покаяние Поршнева включает и развенчивание концепции «Народных восстаний перед Фрондой», и признание «крайне упрощенным» вывод о Фронде как о неудавшейся буржуазной революции⁶⁷⁶. В заключение Поршнев объявляет о своей работе над теоретической книгой о феодальной эпохе, которую он обещает написать, «следуя во всем по мере сил указаниям и мыслям нашего великого учителя И. В. Сталина»⁶⁷⁷. «Как этой книгой, так и всей дальнейшей работой я постараюсь исправить тот ущерб, который я причинил советской исторической науке своими ошибками»⁶⁷⁸, – заверял Поршнев.

Параллельно с описываемыми, происходили и другие события в советской медиэвистике. Возобновилось издание «Всемирной истории». Со-

⁶⁷⁰ За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. 1953. № 2. С. 3–13.

⁶⁷¹ За воинствующий материализм в общественной науке. С. 5.

⁶⁷² Там же. С. 10.

⁶⁷³ Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 139–142.

⁶⁷⁴ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 226–227.

⁶⁷⁵ Письмо в редакцию. С. 139.

⁶⁷⁶ Там же. С. 141.

⁶⁷⁷ Там же. С. 142.

⁶⁷⁸ Там же.

хранился план научно-исследовательской работы ЛОИИ АН СССР на 1951–1955 гг. Первоначально «Всемирная история» должна была включать 8 томов. В частности, третий том посвящался раннему Средневековью, четвертый – позднему. Намечалось закончить авторскую и редакционную работу над первыми тремя томами в 1952 г., над последующими – в 1955 г.⁶⁷⁹ Затем количество томов было увеличено до десяти. Написание, рецензирование и редактирование отдельных глав I–VII томов было поручено Е. А. Косминскому, С. Д. Сказкину, Б. Ф. Поршневу, А. С. Ерусалимскому⁶⁸⁰.

Проблематика абсолютизма занимала прочное место в учебной литературе для высшей школы. Продолжался выпуск лекций, и вопросы абсолютизма были представлены С. Д. Сказкиным⁶⁸¹ в лекции об Английской революции, а также Ф. М. Потемкиным и А. И. Молоком⁶⁸² в лекции о Французской буржуазной революции.

Учебная литература для высшей школы трактовала абсолютизм согласно концепции «равновесия». В изданной в 1949 г. «Истории средних веков» В. Ф. Семенова отмечалось: «Главной политической формой позднего средневековья был абсолютизм, опирающийся на дворянство, заинтересованное в усилении центральной власти против растущей народной оппозиции, и находившийся также в союзе с буржуазией, еще недостаточно окрепшей для того, чтобы захватить власть непосредственно в свои руки»⁶⁸³.

Идеологические кампании не могли не отразиться на учебной литературе. В мае 1949 г. В. В. Бирюкович указал: «Когда читаешь учебник средних веков, то нельзя отделаться от впечатления, что речь идет о событиях, которые навсегда и бесследно прошли, и они могут трактоваться поэтому совершенно спокойным и таким объективистским тоном. Вот почему в учебнике средних веков нет и следа, я бы сказал, боевого, партийного духа. Мне кажется, товарищи, что задачи авторов нового учебника и будут состоять в том, чтобы их произведение было бы обвинительным актом против феодальной эксплуатации, феодального государства, памятуя о том, что мы сейчас боремся за уничтожение не только капиталистической эксплуатации, но и всякой эксплуатации»⁶⁸⁴.

Такая направленность материала в известной мере прочитывалась во втором томе «Истории средних веков», вышедшем в 1954 г. Королевский

⁶⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп.1 (1951). Д. 5. Л. 71, 72.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 120.

⁶⁸¹ Сказкин С. Д. Буржуазная революция XVII века в Англии. Страны континентальной Европы в XVII–XVIII веках: лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952. 32 с.

⁶⁸² Потемкин Ф. В., Молок А. И. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции: стеногр. лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949. 55 с.; М., 1952. 47 с.

⁶⁸³ Семенов В. Ф. История средних веков: учебник для учительских институтов. М., 1949. С. 6–7.

⁶⁸⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 537. Л. 3.

абсолютизм «играл на противоречиях дворянства и буржуазии», оставаясь при этом формой «диктатуры дворянского класса». Главной целью абсолютизма было подавление классово-крестьянской борьбы⁶⁸⁵.

Однако наиболее жесткая классовая риторика была присуща изданному в 1951 г. (и дополнительным тиражом в 1953 г.) первому тому пособия по Новой истории под редакцией В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева и С. Д. Сказкина. То, что из двадцати глав восемь были написаны при участии Б. Ф. Поршнева, а некоторые – единолично им, было показательно. Несмотря на дискуссионность концепции Поршнева в научной среде, в учебнике она была изложена во всей красочности дискурса классового подхода. «Сильное централизованное государство было орудием феодалов-дворян для охраны феодальных порядков, для обуздания и подавления трудящихся масс деревни и города, боровшихся против феодального гнета. Интересы нового растущего класса буржуазии учитывались абсолютизмом лишь в той мере, насколько это было выгодно в общественном и экономическом отношении и не задевало коренных интересов господствующего класса землевладельцев. Устранение старых феодальных экономических отношений и старых феодально-абсолютистских политических форм, мешавших дальнейшему росту капитализма, могло быть произведено только революционным путем», – эти фразы первой главы могут служить лейтмотивом всего учебника⁶⁸⁶.

Приоритеты в изучении европейского абсолютизма расставлены в программе курса по новой истории, изданном МГУ в 1954 г.⁶⁸⁷. Система абсолютизма оценивается как «феодально-абсолютистский строй»⁶⁸⁸. Абсолютизм – это государство переходного периода от феодализма к капитализму. В силу закона «об обязательном соответствии производительных отношений характеру производительных сил во время развития капиталистического уклада в недрах феодального общества», феодальная верхушка «феодально-абсолютистской надстройки» (то есть абсолютной монархии) выступает против нового капиталистического уклада⁶⁸⁹.

Одновременно происходит «рост бедствий народных масс» и подъем их «революционных выступлений». Народные массы оцениваются как «ударная сила буржуазных революций». При этом на этапе буржуазных революций признается роль буржуазии, стоящей «во главе нации в борьбе

⁶⁸⁵ История средних веков: [учебник: в 2 т.] / под ред. С. Д. Сказкина, А. С. Самойло, А. Н. Чистозвонова. Т. 2. М., 1954. С. 35.

⁶⁸⁶ Новая история / под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. Т. 1: 1640–1789. М., 1951. С. 5.

⁶⁸⁷ Новая история: первый период (1640–1870): прогр. для ист. ф-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов. М., 1954. 48 с.

⁶⁸⁸ Там же. С. 5, 8.

⁶⁸⁹ Там же. С. 5.

против феодальной системы, за буржуазно-демократические свободы и национальную независимость»⁶⁹⁰. Вместе с признанием прогрессивности либеральной буржуазии «в ее борьбе против феодально-абсолютистского строя, за независимость своего народа и за развитие производительных сил», указывается на «ограниченность этой борьбы»⁶⁹¹. Примечательно, что авторы программы акцентировали внимание на интерпретации причин Французской революции дореволюционными историками следующей фразой: «Историки русской школы о развитии социально-экономических отношений во Франции XVIII в.»⁶⁹².

Проблема абсолютизма была представлена и в обобщающих работах: «Французская буржуазная революция конца XVIII века» А. З. Манфреда⁶⁹³, «Английская буржуазная революция XVII в.» под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого⁶⁹⁴ и «Германия в XVIII в.» В. Н. Перцева⁶⁹⁵.

В книге А. З. Манфреда приведена уже ставшая канонической трактовка упадка монархии в предреволюционной Франции. Его причины разъяснял Манфред, «конечно, не в том, что преемники “короля-солнца” ... уступали по своим личным качествам своему могущественному предшественнику, как это изображают многие буржуазные и дворянские историки. Причины были в том, что абсолютистский режим и вся феодально-абсолютистская система изжили себя, перестали соответствовать социально-экономическому развитию страны и, более того, превратились в путы, сковывающие развитие производительных сил, препятствующие их росту»⁶⁹⁶.

В книге об Английской революции абсолютизм выступает важным фактором развития страны. Доктор исторических наук В. Ф. Семенов (1896–1973) характеризует специфику тюдоровского абсолютизма, указывает на его содействие развитию промышленности, опору на новое дворянство⁶⁹⁷. Такая особенность английской монархии, как наличие парламента, объясняется союзом королевской власти с буржуазными и обуржуазившимися слоями общества. Однако по мере их укрепления усиливалась напряженность в отношениях короля и парламента, что имело место уже в конце XVI в.⁶⁹⁸ Рассматривая события начала XVII в. и действия первых Стюартов,

⁶⁹⁰ Новая история: первый период (1640–1870). С. 5.

⁶⁹¹ Там же. С. 6.

⁶⁹² Там же. С. 8.

⁶⁹³ Манфред А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794). М., 1950. 176 с.

⁶⁹⁴ Английская буржуазная революция XVII века: [в 2 т.] / под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. Т. 1. М., 1954. 495 с.

⁶⁹⁵ Перцев В. Н. Германия в XVIII веке. Минск, 1953. 76, [2] с.

⁶⁹⁶ Манфред А. З. Французская буржуазная революция ... С. 5.

⁶⁹⁷ Английская буржуазная революция XVII века. С. 75.

⁶⁹⁸ Там же. С. 76–77.

Семенов, однако, отмечает: «Было бы грубой ошибкой объяснять рост абсолютистских тенденций в идеологии и политике Англии только личными взглядами Якова I или влиянием иностранных (французских и испанских) образцов. С конца XVI в. начинает меняться характер английского абсолютизма, который из прогрессивного становится все более реакционным, все более выявляет свою феодальную сущность»⁶⁹⁹.

Доктор исторических наук, белорусский историк В. Н. Перцев в работе о Германии уделяет значительное место княжескому абсолютизму, одержавшему победу над сословным представительством (ландтагами), дворянством и городами⁷⁰⁰. Внимание автора сконцентрировано на Бранденбургско-Прусском государстве, охарактеризованном как «дворянская военно-бюрократическая монархия»⁷⁰¹, особое место уделено просвещенному абсолютизму Фридриха II⁷⁰².

Несмотря на идеологически неблагоприятную атмосферу в медиевистике, проблемное поле западноевропейского абсолютизма увеличивалось. Во-первых, расширялся круг рассматриваемых стран. В это время вышли статьи В. В. Штокмар (1914–1984), в будущем одной из ведущих исследовательниц эпохи Тюдоров, положившие основание глубокому изучению английской абсолютной монархии. В статье «Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор» В. В. Штокмар обращает внимание на то, что имеющий ряд особенностей английский абсолютизм практически не изучался советскими медиевистами. По мнению автора, интерес заключается в специфике абсолютизма в Англии, начавшей процесс первоначального накопления раньше, чем остальные европейские страны⁷⁰³. Социальная база английского абсолютизма характеризовалась возрастанием роли нового дворянства и буржуазии. Особенными были условия развития страны – отсутствие постоянной армии, непрерывное существование парламента и важная роль местной администрации⁷⁰⁴.

Анализируя политическую риторику королевы, Штокмар прослеживает, с одной стороны, тезис о божественной природе монархической власти, с другой – необходимость Елизаветы приравниваться к тем, кто сделал ее королевой⁷⁰⁵. Несмотря на усилия, Елизавете Тюдор не удалось создать сильной и послушной бюрократии. Причиной этого автор считает слиш-

⁶⁹⁹ Английская буржуазная революция XVII века. С. 82.

⁷⁰⁰ Перцев В. Н. Германия в XVIII веке. С. 19.

⁷⁰¹ Там же. С. 22.

⁷⁰² Там же. С. 23–36.

⁷⁰³ Штокмар В. В. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Сер. исторических наук. 1950. Вып. 17. С. 223.

⁷⁰⁴ Там же. С. 224.

⁷⁰⁵ Там же. С. 228–247.

ком быстрое развитие Англии, которое опередило формирование мощного аппарата управления и сделало абсолютную монархию ненужной новым дворянам и буржуазии⁷⁰⁶. Особое внимание В. В. Штокмар уделяла процессу первоначального накопления и связанному с этим законодательству по отношению к жертвам огораживаний и обезземеливания⁷⁰⁷.

Некоторые аспекты английского абсолютизма отражены в работах исследовательницы из Горьковского университета А. В. Барчуговой⁷⁰⁸. В частности, заговор графа Эссекса трактуется как проявление вырвавшихся из-под контроля монархии классовых противоречий⁷⁰⁹.

Кандидатская диссертация А. Д. Роловой, впоследствии лидера в изучении итальянского абсолютизма, «Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи»⁷¹⁰ – пример преломления концепции «равновесия» через призму материала об Италии. А. Д. Ролова указывает на рассмотрение советскими историками в основном французского абсолютизма, между тем как итальянский абсолютизм очень своеобразен. Это абсолютизм в форме сеньории, или княжеский, появление которого объясняется ранним развитием капиталистических отношений⁷¹¹. Основываясь на тезисах классиков марксизма, Ролова относит французский, английский и российский абсолютизм к классическим вариантам. Германский же и итальянский абсолютизм – это особые формы, существующие не в рамках национальной монархии, а в пределах провинциальных княжеств⁷¹².

Диссертация А. Д. Роловой вписана в концепцию «равновесия», построение работы канонично. Изложение начинается с социально-экономического очерка и констатации того, что во Флоренции на рубеже XIV–XV вв. были налицо ростки мануфактурного капитализма. В структуре горожан автором выделены патрициат с сильным феодальным элементом, буржуазия и плебейство со значительным слоем предпролетариата. Важным является аноблирование буржуазии, то есть ее одворянивание через вкладывание средств в банки, землю и титулы. Возникновение абсолютизма А. Д. Ролова связывает с борьбой между патрициатом и буржуазией. Неу-

⁷⁰⁶ Штокмар В. В. Указ. соч. С. 248.

⁷⁰⁷ Она же. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Вып. 18. 1951. С. 185–206.

⁷⁰⁸ Барчугова А. В. Политическая борьба в Англии в конце XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1951. 17 с.; см. также: ее же. Обострение классовых противоречий в Англии в конце XVI века и попытка Эссекса захватить власть // Ученые записки Горьк. гос. ун-та. 1954. Вып. XXVI. С. 31–42.

⁷⁰⁹ Она же. Обострение классовых противоречий ... С. 31.

⁷¹⁰ Ролова А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 482 с.

⁷¹¹ Там же. С. 9.

⁷¹² Там же. С. 6.

стойчивая внутривластная ситуация приводит к установлению абсолютизма Медичи в 1537 г. Показательным обстоятельством А. Д. Ролова считает флорентийское происхождение виднейшего теоретика абсолютизма Н. Макиавелли⁷¹³. «Патрициям, – указывает автор, – нужна была такая власть, которая могла бы обеспечить их рост доходов, необходимых как для подавления классового врага, так и для поддержания своего экономического и политического господства». Флорентийская сеньория, будучи ранней формой абсолютистского государства, возникла в условиях не усиления, а ослабления буржуазии⁷¹⁴.

Таким образом, в Тоскане, в результате ослабления капиталистических элементов, возник княжеский абсолютизм. Важную роль в этом процессе автор отводит классовой борьбе и поведению народных масс. Установление абсолютизма и власти Медичи имело прогрессивное значение. Абсолютизм предотвратил ничем не контролируемый произвол, неминуемо бы установившийся в случае олигархического правления. Были созданы условия для развития промышленности, торговли и развития внутреннего рынка. Сильное герцогство Тосканское стало препятствием для укрепления позиций Испании в Италии. Наконец, сплочение государства имело положительное воздействие на развитие итальянской культуры, именно на основе флорентийского наречия сложился итальянский литературный язык⁷¹⁵.

Несмотря на то, что изучение абсолютизма стало охватывать большее количество стран, предпочитаемым все же был его французский вариант. В его проблемном поле выделились новые аспекты – экономическая политика⁷¹⁶, провинциальные интенданты⁷¹⁷, идеология⁷¹⁸, социально-политические аспекты Религиозных войн⁷¹⁹.

Докторская диссертация А. Д. Люблинской, посвященная развитию французского абсолютизма в первой четверти XVII в., стала знаковым со-

⁷¹³ Ролова А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции ... С. 11.

⁷¹⁴ Там же. С. 111–112.

⁷¹⁵ Там же. С. 467.

⁷¹⁶ Покровская М. А. Основные принципы экономической политики французского абсолютизма в первой половине XVI столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 16 с.; ее же. К вопросу о налоговой политике французского абсолютизма первой половины XVI века // Ученые записки Орловск. гос. пед. ун-та. Т. 22. 1954. С. 213–234; ее же. К вопросу экономической политики французского абсолютизма первой половины XVI века // Средние века. Вып. 7. 1955. С. 135–151.

⁷¹⁷ Мельникова А. В. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. 16 с.

⁷¹⁸ Калущая Л. П. Политические идеи кардинала Ришелье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1951. 30 с.

⁷¹⁹ Лозинский А. А. Парижская Лига. Социально-политическая борьба в Париже в период подъема народного движения (конец 80-х гг. XVI в.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1949. 269, [VIII] с.; его же. Париж накануне народного восстания 12 мая 1588 г. (Социальная структура населения и муниципалитет) // Наукові записки Львівського Державного Університету імені Івана Франка. Серія історична. Т. XXV. Вып. 5. 1953. С. 192–215.

бытием. Будучи итогом многолетнего труда, диссертация одновременно являлась образцом работы советского историка послевоенного периода. В методологическом отношении она подчинена марксистской логике – обусловленности надстроечных процессов развитием базиса. Политические события первой четверти XVII в. рассматриваются как результат взаимодействия различных социальных групп, положение и активность которых обусловлены их местом в процессе складывания капиталистических отношений (первоначального накопления) во Франции.

Обсуждение доклада Люблинской на заседании группы всеобщей истории ЛОИИ в январе 1951 г. вызвало вопросы и одобрение аудитории. Известный исследователь средневековой Италии В. И. Рутенбург (1911–1988) предлагал рассматривать первоначальное накопление во Франции, сопоставляя его не только с Англией, но и с Германией, Испанией, Голландией⁷²⁰. Он отметил, что значение доклада Люблинской выходит за рамки обычного сообщения, и она правильно подчеркивает медленный, компромиссный характер французского первоначального накопления⁷²¹. Примечательной была оценка академика Е. В. Тарле: «Доклад А. Д. [Александры Дмитриевны] не входит ни в какое сравнение с той пустой болтовней, которая писалась на эту тему во времена Покровского. После указания т. Сталина историческая наука в силах давать серьезные работы, к числу которых относится работа А. Д. Люблинской»⁷²².

В связи с последним замечанием понятно частое цитирование в диссертации Люблинской. Работа начинается с признания того, что «гениальные труды И. В. Сталина в области образования наций и языкознания» дают «строгие научные и исчерпывающие определения» названных проблем. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма, учит товарищ Сталин, является в то же время процессом складывания людей в нации... – отмечает А. Д. Люблинская. – Это указание является основным и важнейшим при изучении той эпохи в развитии Франции, когда совершался процесс разрушения феодализма...»⁷²³

Важной особенностью первоначального накопления во Франции Люблинская считает налоги, из-за которых страдало крестьянство⁷²⁴. Постепенная, медленная экспроприация французского крестьянства и его разорение вели к скупке крестьянских наделов⁷²⁵. Оценивая состояние сельского хозяйства Франции, А. Д. Люблинская дважды не соглашается с

⁷²⁰ НИИ СПБ ИИ РАН. ЗЕС. Ф. СПБ ИИ РАН. Оп. 1, ч. 1. Д. 5. Л. 5.

⁷²¹ Там же.

⁷²² Там же.

⁷²³ Люблинская А. Д. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1951. С. 1.

⁷²⁴ Там же. С. 48.

⁷²⁵ Там же. С. 133–139.

Б. Ф. Поршневым. Во-первых, в отношении налогов. Именно они, по мнению Люблинской, а не феодальная эксплуатация, как полагает Поршневу, разоряли крестьян⁷²⁶. Во-вторых, Люблинская считает неверной оценку аграрного сектора Франции Поршневым как целиком феодального, с редкими вкраплениями капиталистических элементов. Наоборот, утверждает она, во французской деревне уже с XVI в. появились новые формы эксплуатации, переходные к капиталистическим⁷²⁷.

Французское общество отличалось сложной, с гибридными формами, структурой. Ни дворянство, ни буржуазия еще не были политически консолидированы⁷²⁸. Люблинская выделяет феодальную аристократию, родовое дворянство, новое дворянство.

Знать, связанная отношениями патроната с родовым дворянством, мечтала о «короле без централизации» и была «последовательно реакционной»⁷²⁹. Родовое дворянство, отмечает Люблинская, «не желало дальнейшего развития буржуазных отношений и укрепления абсолютизма», в этом его интересы совпадали с устремлениями знати. Оно боролось против абсолютизма под эгидой феодальной знати. Между тем, дворянство в целом было опорой абсолютизма⁷³⁰.

Обращаясь к мнению одного из современников описываемых событий, А. Д. Люблинская отмечает, что «если бы дворянство не обновлялось третьим сословием, так давно бы сгнуло»⁷³¹. Происходил постоянный процесс пополнения дворянства из буржуазии. Это вышедшее из буржуазного класса новое дворянство, приспособившееся к условиям первоначального накопления, и стало опорой французского абсолютизма⁷³².

Сложной социальной группой было чиновничество. С одной стороны, это выходцы из буржуазии, купившие должности, и Люблинская считает, что первоначально чиновничество было буржуазным. Однако, с течением времени, ввиду сближения с дворянством, оно образовало особую группу внутри дворянского класса – «дворянство мантии», «стоявшее на страже основ феодально-абсолютистской монархии и сокрушенное вместе с ней»⁷³³. Что же касается буржуазии, то в рассматриваемый период она «и не мечтала еще о политической власти»⁷³⁴. В буржуазии Люблинская выделяет

⁷²⁶ Люблинская А. Д. Социально-экономические отношения ... С. 48.

⁷²⁷ Там же. С. 47–48.

⁷²⁸ Там же. С. 209.

⁷²⁹ Там же. С. 232.

⁷³⁰ Там же. С. 218, 1024.

⁷³¹ Там же. С. 234.

⁷³² Там же. С. 218, 1024.

⁷³³ Там же. С. 266, 267.

⁷³⁴ Там же. С. 1022.

три группы: чиновную, финансовую, торгово-промышленную. Чиновники и финансисты одворянивались и богатели, оттесняя торгово-промышленную буржуазию, однако именно за ней, по мнению автора, было будущее⁷³⁵. Оценивая политическую смуту после смерти Генриха IV, Люблинская указывает, что правительство было поддержано чиновничеством и буржуазией, заинтересованными в укреплении абсолютизма. Это находило поддержку и в народе, так как междоусобицы несли разорение и тяготы⁷³⁶.

Как при Генрихе IV, так и при Ришелье происходило поэтапное укрепление абсолютизма. Обращаясь к известному высказыванию Сталина, Люблинская отмечала, что французский абсолютизм XVII в., так же, как и русский при Петре, развивался по восходящей. Французский абсолютизм, возвышая класс помещиков и содействуя развитию буржуазии, укреплял национальное государство этих классов, причем за счет крестьян, «с которых драли три шкуры»⁷³⁷. Поскольку антиналоговые восстания сотрясали страну, был создан очень мощный государственный аппарат принуждения, в котором были заинтересованы все группы господствующего класса⁷³⁸.

Таким образом, А. Д. Люблинская предложила динамичную модель «равновесия», в которой дворянство, пополнявшееся выходцами из буржуазии, сохранялось, между тем как сама буржуазия укреплялась по имманентному свойству позднефеодальной эпохи. В диссертации был охарактеризован восходящий, прогрессивный период развития французского абсолютизма, реконструирована сложная социальная структура позднефеодального общества. Построения Люблинской вписывались не только в концепцию «равновесия», но и оставляли значительное место необходимому в послевоенной историографии фактору классовой борьбы.

По сравнению с началом дифференцированной разработки проблем западноевропейского абсолютизма, изучение российской абсолютной монархии находилось в стадии затянувшейся паузы и теоретических споров. В «Очерках истории исторической науки СССР» об этом сказано так: «Недостаточная изученность политического строя, равно как и внутренней политики господствующего класса в период позднего феодализма особенно сказывалась на разработке проблем российского абсолютизма. В посвященных ей работах обнаруживались весьма существенные расхождения и в теоретическом, и в конкретно-историческом плане»⁷³⁹.

⁷³⁵ Люблинская А. Д. Социально-экономические отношения ... С. 333.

⁷³⁶ Там же. С. 576.

⁷³⁷ Там же. С. 1021.

⁷³⁸ Там же. С. 1029.

⁷³⁹ Очерки истории исторической науки в СССР... Т. V. С. 221.

В 1946 г. вышла полемическая статья С. А. Покровского «К вопросу о классовой природе абсолютизма»⁷⁴⁰. Она начиналась с критики работ ряда советских историков, понимаемых, однако, несколько упрощенно. Б. И. Сыромятникову Покровский вменяет в вину «надклассовость» абсолютизма и преувеличение в его политике буржуазной направленности⁷⁴¹. С. Д. Сказкина и Б. Ф. Поршнева он уличает в одностороннем понимании абсолютизма как чисто дворянской диктатуры⁷⁴².

Цитируя классиков марксизма и особенно Сталина, Покровский представляет свое понимание российского абсолютизма, сводящееся в итоге к концепции «равновесия». Русский абсолютизм, отмечает Покровский, в той мере, в какой он содействует нарождающейся буржуазии, объективно проявляет антифеодальные тенденции⁷⁴³. В связи с этим политика Петра I не только прогрессивна, но и оценивается как просвещенный абсолютизм. «"Просвещенный абсолютизм", – разъясняет далее Покровский, – может иметь место только в условиях, когда его господству еще не угрожают домогательства окрепшей и выросшей буржуазии, когда разложение феодально-крепостнического хозяйства и крестьянские войны еще не расшатывали его основы»⁷⁴⁴.

Новый этап просвещенного абсолютизма, продолжает Покровский, относится ко времени Екатерины II. Но уже к концу ее правления наступает перелом, совпадающий с началом разложения феодально-крепостнического строя. Во времена Николая I политика абсолютизма становится реакционной и охранительной. Ее крах заставляет абсолютизм в 1860-х гг. сделать шаг в направлении буржуазной монархии⁷⁴⁵.

Стремление С. А. Покровского представить наиболее идеологически выдержанную трактовку российского абсолютизма встретило негативную реакцию со стороны А. М. Давидовича, в будущем доктора юридических наук, исследователя российского самодержавия эпохи империализма. В развернутой статье⁷⁴⁶, не уступавшей по конфронтационной настроенности публикации С. А. Покровского, Давидович с осуждением указывает на то, что в последнее время в юридической литературе «имели место высказывания, противоречащие марксистско-ленинскому учению об абсо-

⁷⁴⁰ Покровский С. А. К вопросу о классовой природе абсолютизма // Изв. Акад. наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 4. С. 281–299.

⁷⁴¹ Там же. С. 281–283.

⁷⁴² Там же. С. 283–284.

⁷⁴³ Там же. С. 296.

⁷⁴⁴ Там же. С. 297.

⁷⁴⁵ Там же. С. 298–299.

⁷⁴⁶ Давидович А. М. Русский абсолютизм. К вопросу о его возникновении и классовой сущности // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М., 1948. С. 101–125.

лютизме», между тем как «основоположники марксизма-ленинизма дали классическое определение абсолютизма и его классовой роли»⁷⁴⁷. Давидович однозначно негативно оценивает иные трактовки абсолютизма – от концепций российской дореволюционной историографии до глубоко ошибочных, с его точки зрения, позиций в данном вопросе М. Н. Покровского и Б. И. Сыромятникова. Точка зрения С. А. Покровского, подвергается критике как немарксистская, исходящая из «двухклассовости» самодержавия, преувеличения в нем буржуазной направленности, а также ошибочного мнения о том, что абсолютизм возник при Петре I⁷⁴⁸. А. М. Давидович, комментируя Ленина, утверждал, что российский абсолютизм возник во второй половине XVII в., классовая его сущность была последовательно дворянской, и только в XIX в. началось постепенное его движение по пути превращения в буржуазную монархию⁷⁴⁹.

Одновременно с публикацией Покровского развернулась дискуссия о характере государственного строя России в Институте истории АН СССР. Поводом к обсуждению 4 апреля 1946 г. послужил доклад С. В. Юшкова «Основные моменты истории русского государства до середины XIX века». Констатируя большие разногласия между историками СССР и историками государства и права в понимании развития форм российской государственности, Юшков предлагает исходить из высказываний классиков марксизма. Соответственно, в Европе последовательно сменяли друг друга раннефеодальная монархия, сословно-представительная монархия и абсолютная монархия⁷⁵⁰. Как серьезный недостаток, Юшков отметил, что большинство историков СССР отвергают существование сословно-представительной монархии в России, называя ее феодальной. Однако такой подход, с точки зрения Юшкова, неправилен, так как феодальной была и раннефеодальная, и абсолютная монархия⁷⁵¹.

Отождествляя понятия «абсолютизм» и «самодержавие», основываясь на тезисах классиков марксизма, Юшков относит возникновение абсолютизма в России ко второй половине XVII в. Дополнительным аргументом он считает падение с это время роли Земских соборов.

Петр I положил начало полицейскому государству в России. Существует мнение об утверждении при Петре просвещенного абсолютизма. Несмотря на то, что вопрос о последнем разработан мало, Юшков указывает на следующие его черты: связь с учением французских просветителей, стремление

⁷⁴⁷ Давидович А. М. Русский абсолютизм. С. 101.

⁷⁴⁸ Там же. С. 104–105.

⁷⁴⁹ Там же. С. 107–124.

⁷⁵⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Л. 40, 40 об.

⁷⁵¹ Там же. Л. 41 об., 42.

ослабить классовые противоречия путем уступок буржуазии, проведение ряда реформ в области административного и судебного аппарата, кодификация законодательства и т. д.⁷⁵²

В отличие от медиевистов, в свое время сломавших немало копий на выяснении классовой основы абсолютизма, для исследователей феодальной России предметом обсуждения 4 апреля 1946 г. стало отношение к сословно-представительной монархии и определение нижней границы абсолютной монархии. Ситуацию несколько сглаживало то обстоятельство, что большинство присутствующих сходились во мнении о том, что абсолютизм складывался во второй половине XVII в., а оформился при Петре I⁷⁵³.

В. И. Пичета (1878–1947), ставший в 1946 г. академиком, поддержал идею о существовании в России сословно-представительной монархии. После польской интервенции, разъяснил он, государство с новой царской властью должно было опираться на Земский собор, то есть на дворянский и городской классы⁷⁵⁴. Пичета был согласен и с мнением Юшкова об окончательном оформлении абсолютизма при Петре I. По образному выражению Пичеты, «три кита», на которые опирается абсолютизм – центральная и провинциальная администрации, а также регулярное войско, выступают на историческую арену только во второй половине XVII в., и только при Петре они получают точное юридическое оформление⁷⁵⁵.

Дискуссию обострил С. А. Покровский. Он подчеркнул, что никакого рубежа между допетровским и петровским временем не было. Вторая половина XVII в. – это не время рождения абсолютной монархии, а период отмирания сословно-представительной монархии и зарождения абсолютизма⁷⁵⁶. Начало же своего выступления С. А. Покровский отметил заявлением о том, что с трактовкой Юшковым просвещенного абсолютизма «решительным образом не согласен»⁷⁵⁷.

Монархию, которая предшествовала абсолютизму в России, советские историки называли и централизованной, и феодальной, и сословно-представительной, смешивая государственное устройство, социальную основу и форму правления. С. В. Юшков указывал на некорректность такого подхода и целесообразность определения российской монархии XVI–XVII вв. как сословно-представительной, и в этом находил поддержку у части коллег. Например, доктор исторических наук, исследователь российского го-

⁷⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Л. 42, 42 об.

⁷⁵³ Там же. Д. 321, т. 1. Л. 77.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 83, 84.

⁷⁵⁵ Там же. Л. 87.

⁷⁵⁶ Там же. Л. 109.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 108.

рода XVII в. П. П. Смирнов (1882–1947) выразился четко: «Я приветствую термин “сословно-представительная монархия”, который кажется мне правильным»⁷⁵⁸. «В наших рассуждениях, – разъяснил он, – происходит взаимное непонимание по вопросу о сословной монархии и по абсолютизму от того, что мы по-разному понимаем эти политические термины. Я понимаю их только, как условный значок. На известном сочетании классовых сил возникает и существует земский собор, и существует – собирается он или не собирается – все равно. Он существует до тех пор, пока призваны дворянство и горожане к политическому сотрудничеству с боярством и с церковью. Вот это сочетание двух старых, раннефеодальных, и двух молодых классов и есть период сословной монархии»⁷⁵⁹.

Однако была и противоположная, идеологически аргументированная, точка зрения. П. К. Алефиренко, занимающаяся классовой борьбой крестьян в XVIII в., рекомендовала не преувеличивать роль Земских соборов. Были ли они настолько представительными? Так ли они были нужны, если монарх чувствовал себя уверенно? В признании существования сословно-представительной монархии в России Алефиренко увидела идею «единения царя с народом». «Поэтому, – подытожила она, – когда вы предлагаете хронологию монархии XVII–XVI вв., исходя из земских соборов, вы придаете земскому собору славянофильскую трактовку, именно эту идеализацию земских соборов и идеализацию монархии»⁷⁶⁰. Правильной Алефиренко посчитала трактовку учебника по истории СССР. В нем «феодальная монархия или самодержавие этого времени – это именно монархия, русское централизованное государство на базе складывающегося всероссийского рынка»⁷⁶¹.

Таким образом, вопрос о применении термина «сословно-представительная монархия» в отношении российского самодержавия решен не был. Главный же итог длительной дискуссии подвел С. В. Бахрушин, отметив, что выступление С. В. Юшкова было полезно. В процессе его обсуждения выработалось общее решение: было признано, что процесс становления абсолютизма начинается со второй половины XVII века»⁷⁶².

Однако совершенно не такой была реакция коллег на доклад С. В. Юшкова о просвещенном абсолютизме. Обсуждение, развернувшееся 21 ноября 1946 г., было жестким и продемонстрировало, что в советской историографии делать маркером просвещенного абсолютизма применение просвети-

⁷⁵⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 119 об.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 140.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 127, 127 об.

⁷⁶¹ Там же. Л. 127 об.

⁷⁶² Там же. Л. 148, 149.

тельских идей монархами, пусть и в соответствующих, созревших для этого условиях, неприемлемо. Непримируемая полемика разгорелась между С. В. Юшковым и доктором исторических наук М. В. Нечкиной (1901–1985). Поставив множество вопросов и обвинив Юшкова в «узко идеалистических соображениях», Нечкина сделала вывод о том, что смысла вести дискуссию нет, ибо вопрос не поставлен⁷⁶³. С. А. Покровский обвинил Юшкова в отказе от марксистского анализа и некритическом следовании за буржуазными историками, в частности за Кареевым⁷⁶⁴.

Тезисы доклада С. В. Юшкова, действительно, показывают достаточно легковесную проработку вопроса о просвещенном абсолютизме⁷⁶⁵. Однако можно с большой вероятностью утверждать, что, если бы Юшков подошел к этому вопросу так же, как это сделал П. И. Иванов, представляющий кафедру истории Курского педагогического института, реакция коллег не была бы такой негативной. Отметив, что вопрос о «просвещенном абсолютизме» у дореволюционных историков, естественно, не нашел сколько-нибудь удовлетворительной разработки», а в работах советских историков «имеются лишь отдельные, разноречивые суждения по этому вопросу»⁷⁶⁶, Иванов подходит к проблеме конкретно и фундаментально. Сначала цитируется высказывание Ленина о том, как непохожи русское самодержавие XVII и XVIII вв. Затем приводится указание Сталина о главной функции государства в классово-антагонистическом обществе – «держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства». Соответственно, выяснить вопрос о сущности «просвещенного абсолютизма» в России 60-х гг. XVIII в. – «значит проследить проявление этой главной функции самодержавного аппарата»⁷⁶⁷.

Проблема российского абсолютизма в первое послевоенное десятилетие была представлена лишь в учебной литературе. При этом в пособиях по истории СССР игнорировалось существование в России сословно-представительной монархии, между тем как пособия по истории государства и права подробно ее характеризовали.

В учебном пособии по истории СССР К. В. Базилевич указывал, что политический строй Русского государства в XVII в. был «дальнейшим развитием системы централизованного государственного управления, которая начала складываться с конца XV в.»⁷⁶⁸. К середине XVII в. власть приобре-

⁷⁶³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 176–181.

⁷⁶⁴ Там же.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 42 об.

⁷⁶⁶ Иванов П. К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России 60-х гг. XVIII века // Вопросы истории. 1950. № 5. С. 85.

⁷⁶⁷ Там же.

⁷⁶⁸ Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР. Ч. 1. М., 1946. С. 443.

тала все более самодержавный характер, что отождествлялось автором с абсолютизмом⁷⁶⁹. Г. А. Новицкий, в русле сталинских указаний, отмечает, что главное внимание социальной политики Петра I «было направлено на укрепление классовых позиций дворян и купцов»⁷⁷⁰.

«История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века», вышедшая в 1947 г., ориентировала на то, что «корни абсолютизма» прослеживаются еще с Ивана IV, а к середине XVII в. «черты абсолютизма выступают уже в большей степени»⁷⁷¹. На основе высказываний Ленина и Сталина, российский абсолютизм XVIII в. оценивается как чиновничье-дворянская монархия – форма феодальной монархии при наличии нарождающейся буржуазии при господстве дворян-крепостников⁷⁷².

Авторы учебника по истории СССР М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев термин «сословно-представительная монархия» проигнорировали не только применительно к России, но и к европейским монархиям, характеризуемым как «централизованные государства»⁷⁷³. Этот учебник критиковали как «немарксистский» – авторы чрезмерно уделили внимание государству и недостаточно – экономике и социальным процессам. В результате «надстроечные явления рассматриваются раньше базиса», следовательно, «нарушено основное требование марксистско-ленинской методологии»⁷⁷⁴.

В учебной литературе по истории государства и права С. В. Юшков указывал на наличие сословно-представительной монархии в России. Он характеризует сословно-представительную монархию как промежуточную форму «между раннефеодальной и абсолютной монархией»⁷⁷⁵. Сословно-представительная монархия берет свое начало от созыва первого Земского собора в 1530 г. Наивысшего расцвета она достигает при Михаиле Романове, превратившись во второй половине XVII в. в абсолютную⁷⁷⁶.

Разногласия по вопросу о сословно-представительной монархии еще раз выявились при обсуждении учебника по истории СССР в декабре 1947 г. С. В. Юшков убеждал коллег, что до наступления абсолютизма «у нас какой-то промежуток в истории государства должен быть»⁷⁷⁷. «Сама власть монарха, в данном случае царя, перестраивается. Боярская дума усиливается,

⁷⁶⁹ Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР. Ч. 1. С. 445.

⁷⁷⁰ Там же. С. 574.

⁷⁷¹ История СССР: с древнейших времен до конца XVIII века / [Б. Д. Греков и др.]. М., 1947. С. 433–434.

⁷⁷² Там же. С. 563.

⁷⁷³ Тихомиров М. Н., Дмитриев С. С. История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. М., 1948. С. 106–107.

⁷⁷⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 441. Л. 132–136.

⁷⁷⁵ Юшков С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР. Вып. 5/6. М.; Л., 1946. 87 с.; см. также: его же. История государства и права СССР: [в 2 т.] Т. 1. М., 1947. С. 25–29.

⁷⁷⁶ Юшков С. В. История государства и права СССР. С. 283–285.

⁷⁷⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 164. Л. 47.

изменяется ее влияние, дальше создается бюрократическая система приказов, на местах изменяется система управления, – объяснял Юшков. – И если вы будете это понятие исключать из учебника, то у вас не будет ясности представления, как изменяется весь аппарат. Что сделали авторы? Опять у нас фигурирует феодальная монархия»⁷⁷⁸. «Товарищи, давайте как-то считаться все же с данными каких-то других наук! – призывал Юшков. – Когда говорят “феодальная монархия”, мы, юристы, улыбаемся. Почему? Да очень просто почему! Что такое феодальное? Это указание на социальные отношения, социальное положение... Это понятие настолько расплывчатое, оно настолько не определяет сущности, что это понятие феодальной монархии, само собою разумеется, надо из учебника убрать совершенно. Я не знаю, почему оно до сих пор фигурирует»⁷⁷⁹.

Подводя итог послевоенным дискуссиям о государственном строе России, нужно отметить, что, несмотря на значительную долю схоластичности, они все же проходили в более конкретном предметном поле, нежели у медиевистов, которые обсуждали социальную основу западноевропейского абсолютизма, конструируя схемы и оперируя теоретическими понятиями. Специалисты по истории России обсуждали нижнюю границу абсолютизма и правомерность применения термина «сословно-представительная монархия» в отношении Российского государства. Эти споры не были столь отвлеченными, причем велись с участием историков-юристов, и результаты этих обсуждений утвердились надолго. Отныне было признано, что формирование абсолютизма происходило во второй половине XVII в., а его окончательное оформление произошло при Петре I. Однако вопрос о сословно-представительной монархии решен не был. Факт наличия Земских соборов отрицать было нельзя. Тем не менее, вместо общепринятого и понятного определения этого этапа как сословно-представительной монархии применялся достаточно расплывчатый термин «централизованное государство», при котором царская власть называлась «самодержавием».

В послевоенной советской исторической науке концепт абсолютизма получил дальнейшее развитие, несмотря на крайне неблагоприятную идеологическую обстановку. Классовый подход, конфронтационные установки, политизированные теоретические споры оказали свое деформирующее влияние. Советская историческая наука выработала особый словарь, в основе которого лежали марксистские категории базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений, эксплуатируемых и эксплуататоров в антагонистическом обществе, антифеодальной борьбы народных масс, феодально-абсолютистского строя, крепостнического са-

⁷⁷⁸ РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 164. Л. 48.

⁷⁷⁹ Там же.

модержавия и т. д. Специфичными и экспрессивными были речевые практики в полемике и аргументации.

В методологической области установилось единообразие в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма, встроенное в формационную схему. Возобладал социологический подход к рассмотрению абсолютизма, однако в изучении российской монархии несколько сильнее были выражены элементы правового. Так, формирование абсолютизма связывалось с эволюцией управления, Соборным уложением 1649 г., а окончательное утверждение – с «регулярным» государством Петра I. Тем не менее, во избежание представлений о «единении царя и народа» из рассмотрения эволюции российского государства был вытеснен термин «сословно-представительная монархия». Он сохранился у медиевистов при изучении западноевропейских монархий.

Проблематика российского абсолютизма рассматривалась в обобщающих работах, не становясь предметом специальных исследований. В противоположность этому, медиевисты существенно расширили проблемное поле западноевропейского абсолютизма. Новыми для рассмотрения странами стали Англия и Италия, появились диссертации по частным проблемам французского абсолютизма, причем не только в столичных, но и в региональных университетах России, а также союзных республиках – Беларуси и Украине.

Глава 5. Новые акценты в построении концепта абсолютизма и кризис его социологической модели во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

5.1. Изучение советскими историками государственных институтов Нового времени в период «оттепели»

Со второй половины 1950-х и на протяжении 1960-х гг. в развитии концепта абсолютизма происходили важные процессы, впоследствии определившие теоретическую основу и предметное поле в проблематике абсолютистской монархии вплоть до конца 1980-х гг.

Интеллектуальное оживление периода «оттепели» и сохранение идеологического контроля, создание «больших нарративов» и расширение тематики работ, налаживание диалога с зарубежными коллегами и критическая его направленность были важнейшими условиями внешнего порядка. Факторами внутреннего характера были возможности переосмысления марксизма, признание определяющей роли источников, использование количественных методов и структурного анализа. Однако с середины 1960-х гг. в разработке проблем абсолютизма проявилась узость рамок концепции «равновесия», что подготовило дискуссию 1968–1972 гг.

Период с середины 1950-х до середины 1960-х гг. получил в историографии название «оттепели». В это время, в связи с развенчанием культа личности Сталина, произошла частичная демократизация в общественной жизни, социальной политике, интеллектуальной сфере. Названные процессы затронули и историческую науку. При этом, отмечают Г. Е. Лебедева и В. А. Якубский в книге о ленинградских медиевистах, «потепление политического климата шло исподволь, но зримо» с весны – лета 1953 г.¹ То, что наступил новый период в развитии советской исторической науки, доказывало и начало ее международных контактов. Советские историки стали принимать участие в зарубежных научных мероприятиях, начиная с Римского конгресса 1955 г.²

Российская исследовательница Л. А. Сидорова обоснованно считает важнейшими тенденциями этого периода отказ от сталинского прочтения истории, переосмысление марксистского наследия и стремление

советских историков к истине. Однако о пересмотре марксизма речь не шла, все предлагаемые новации в работе историков находились в очерченных границах³. Однако, на тот момент эти, весьма умеренные установки имели немалое значение, предоставив историкам известную свободу действий. Важно и то, считает Л. А. Сидорова, что в рассматриваемое время марксизм и социологическая модель построения истории еще не утратили своего ресурса. Наконец, нельзя переоценить и того факта, что жесткие социологические конструкции стали наполняться фактическим материалом и историки включили в оборот большие массивы документов⁴.

Доктор исторических наук, специалист по истории Франции новейшего времени В. П. Смирнов (1929–2020) так описывал это время: «Эти события, начавшиеся после смерти Сталина (разоблачение Л. П. Берии, прекращение дела врачей, секретный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС), общеизвестны, но, пожалуй, лишь тот, кому довелось их пережить, может до конца понять, насколько они поражали воображение и чувства современников. Разумеется, на историческом факультете МГУ, как и по всей стране, горячо обсуждались эти ошеломляющие события, буквально взрывавшие прежние представления об СССР, коммунистической партии и советской власти; переворачивающие то, чему раньше учили и во что многие верили»⁵.

На историческом факультете ЛГУ была схожая атмосфера: «После XX съезда партии политические перемены стали набирать темп. Члены кафедры (истории Средних веков. – Л. Л.) по-разному выражали свои чувства, но зачитываемый тогда по предприятиям и учреждениям закрытый доклад Н. С. Хрущева потряс всех. Даже Александра Дмитриевна [Люблинская], которая по работе избегала всяких разговоров о политике (а по свидетельству А. Д. Роловой, не касалась этой темы и в кругу близких людей), изменила своему обыкновению. Весной 1956 г. она чуть ли не каждый день рассказывала на кафедре о наблюдаемых сдвигах. Однажды радостно объявила, что спецхран доживает свои последние дни. Присутствующие выразили сомнение, и, к сожалению, оказались правы»⁶.

В середине 1960-х гг. О. Л. Вайнштейн работал над «Историей советской медиевистики». Варианты ее глав сохранились в фонде 15 Западно-европейской секции архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Сопоставление трех редакций авторской рукописи и содержания соответ-

³ Сидорова Л. А. Оттепель в советской исторической науке: советская историография первого после-сталинского десятилетия. М., 1997. С. 3–4.

⁴ Там же.

⁵ Смирнов В. П. Анатолий Васильевич Адо (1928–1995) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 4: Новая и новейшая история. М., 2004. С. 10–11.

⁶ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Cathedra medii aevi. С. 108–109.

¹ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-х – 1950-х годов. СПб., 2008. С. 108.

² Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 242.

ствующей главы «Истории советской медиевистики» демонстрирует то, как работа задумывалась, и то, что получилось в итоге.

Первоначально глава V части II носила название «Развитие советской историографии в условиях "культ личности" (начало 30-х – середина 50-х гг.)». Главу предваряли два эпиграфа – цитата «Культ личности ведет к принижению роли партии, сковывает развитие идейной жизни партии и творческую активность» из Программы КПСС 1961 г. и выдержка из доклада М. А. Сулова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1962 г.: «Особенно тяжелый вред нанес культ личности исторической науке»⁷. В следующем варианте эпиграфы были сняты, а глава стала называться «Развитие советской историографии в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (30-е – середина 50-х гг.)»⁸.

Многочисленные правки, вымарывания и зачеркивания авторского текста демонстрируют нюансы дискурса в ситуации окончания «оттепели». Например, были вычеркнуты экспрессивные «весьма» и «даже»⁹, «серьезные возражения» изменены на «сомнения»¹⁰, «реабилитация» заменена на «восстанавливая облик» (в сюжете о пересмотре научной деятельности Покровского)¹¹ и т. д. Фрагмент же «в том числе такого ведущего советского историка, как Б. Ф. Поршнев» исчез вовсе, а слово «ведущего» было заменено на «видного»¹². Авторский вариант содержал такие, например, оценки: «Число затронутых ими [проработками] было так велико, что легче перечислить не подвергавшихся проработке, чем имена тех, кто стали в какой-то мере ее жертвами»¹³. Следствием такой политики было «уклонение ученых от творческого риска в исследовательской работе, воздержание от постановок новых проблем, от широких обобщений, элементы конъюнктурщины, антиисторизма, злоупотребления цитатами»¹⁴.

В вышедшей в 1968 г. «Истории советской медиевистики» часть вторая озаглавлена лапидарно – «30-е годы – середина 50-х годов»¹⁵. Сложности этого периода описывались так: «Однако для ряда произведений советской историографии 30-х – середины 50-х годов все еще продолжал оставаться характерным нетворческий, догматический подход к отдельным,

⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

⁸ Там же. Ед. хр. 10.

⁹ Там же. Ед. хр. 10. Л. 8, 10.

¹⁰ Там же. Л. 42.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Л. 34.

¹³ Там же. Л. 26.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. С. 81.

подчас плохо понятым указаниям основоположников марксизма. Но особенно сильно сказывался этот недостаток при использовании некоторых, подчас случайных высказываний И. В. Сталина по вопросам истории, которыми он специально не занимался. Мы ограничимся несколькими примерами таких высказываний...»¹⁶ Анализ примеров заканчивался такой оценкой: «Было бы, разумеется, неверным преувеличивать значение всех отмеченных выше неблагоприятных моментов. Несмотря на их тормозящее влияние, историческая наука продолжала развиваться, продолжали, в частности, выходить ценные исследования по вопросам медиевистики...»¹⁷

В профессиональном кругу историков восприятие итогов XX съезда могло вызывать протест и припоминание старых обид. Примером этого выступают материалы заседания Ученого совета Института истории от 9 мая 1963 г. С докладом об изучении феодализма выступил Л. В. Черепнин.

Он указал, в частности, на то, что политическая история XVI–XVIII вв. является «очень мало тронутым участком советской исторической науки», что «серьезных монографий по проблемам формирования сословно-представительной и абсолютной монархий, пожалуй, давно не появлялось»¹⁸.

В то время, когда во главу угла работы историков были поставлены социально-экономические отношения и классовая борьба, интерес к политическим институтам и персоналиям правящей элиты не приветствовался. Понимая это, Л. В. Черепнин привел неоспоримый тогда идеологический аргумент: «Говоря о важности изучения проблематики сословно-представительной и абсолютной монархии в России, надо помнить, что этой проблематикой весьма интересуются за рубежом, где пользуется популярностью версия о коренном якобы отличии политического строя московского деспотизма от парламентарного режима западноевропейских средневековых государств. А отсюда делаются далеко идущие выводы фальсификаторского характера о так называемом "советском деспотизме" и современной западной демократии»¹⁹.

Этот аргумент не был беспочвенным. В 1955 г. Л. В. Черепнин, будучи в составе советской делегации, принимал участие в X Международном конгрессе историков в Риме с докладом о развитии феодализма в России²⁰ и был свидетелем полемики между советскими и западноевропейскими историками по проблеме абсолютизма. Черепнин входил в состав советской делегации и на XI конгрессе историков в Стокгольме (21–28 августа

¹⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 10. С. 86.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 24–25.

²⁰ 10-й Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956. 686 с.

1960 г.). Этот конгресс выделялся не только представительством ученых из социалистических стран, но и тем, что стал «ареной идеологической борьбы», где столкнулись «марксизм-ленинизм и идеалистические течения»²¹. Однако, несмотря на дискуссии по названным проблемам, все же не эпоха самодержавия была для специалистов по истории СССР главной темой идеологических столкновений. Наибольшая конфронтация между советскими и западными историками была в рассмотрении истории советского периода. Это в полной мере подтверждает анализ содержания конференции по историографии, прошедшей в мае 1961 г. на историческом факультете МГУ²². В исторической науке СССР крайне негативно воспринимались не только концепции советологии, но и евразийские идеи, в рамках которых могла интерпретироваться российская монархия. Например, на прошедшей в январе 1969 г. историографической конференции в МГУ А. М. Сахаров сделал доклад по теме «Евразийство как орудие антикоммунизма». Докладчик акцентировал внимание на том, что эта концепция выдвигает положения об особом несоциалистическом характере российской революции, о непринадлежности России к Западу, и при этом используются идеи славянофильства и православия²³.

На заседании Ученого совета Института истории в 1963 г. обсуждение доклада Л. В. Черепнина выявило ряд проблем. Импульсом к их раскрытию послужили слова доктора исторических наук С. М. Дубровского. Уверенный в непререкаемости существовавших установок марксизма, он сделал ряд замечаний и в отношении текущего момента, и в адрес Черепнина. Дубровский указал на то, что «проявилось абстрагирование от конкретных фактов. Это выразилось в... идеализации отдельных представителей господствующего класса... абстрагировании от марксистско-ленинских установок в целом ряде вопросов, причем некоторые историки перешли на критику в этом направлении, а некоторые упорствуют. Какая-нибудь ссылка на то, что надо подходить по-марксистски и т. д. вызывает припадки истерии»²⁴.

Дубровский не обошел вниманием и поведение коллег во время культа личности: «Лев Владимирович, к вам упрек относится. Ведь какие вопросы Ваш сектор поднял в связи с хотя бы теми ошибками, которые были среди историков в период культа личности? Дело не в том, что Сталин разработал вопросы истории. Он специально вопросами истории очень мало занимался, но достаточно ему было легонько мизинцем двинуть в сторону того

²¹ XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопросы истории. 1960. № 12. С. 4.

²² Наумов В. П. Научная конференция по историографии // Вестн. Моск. ун-та. 1962. № 1. С. 75–77.

²³ Соколов А. К., Соколов А. А. Межвузовская историографическая конференция «Методология и историография в современных отечественных и зарубежных исследованиях по истории» // Там же. 1969. № 4. С. 93.

²⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506. Л. 62.

или другого деятеля, как некоторые историки “петушком-петушком” старались раздуть целое кадило. Кто теперь скажет, что надо идеализировать Ивана Грозного? А когда поставили вопрос о недопустимости этого, то сразу пошли телеграммы: “Сос! Сос! Нашего царя-батюшку бьют!” Выступали в защиту царя-батюшки. А что получилось? Некоторые выступали с критикой, некоторые вертелись, как уж!»²⁵

«То, что правильно, надо поддержать, а от того, что неправильно надо отказаться, – категорично заключал Дубровский. – Надо уничтожить обломки старых представлений, ошибочных теорий, чтобы никакого “существования” не только с буржуазно-империалистической литературой не было, но и с буржуазно-помещичьей литературой, которая в международном масштабе и сейчас распространяется у нас»²⁶.

В конце своего выступления Дубровский указал на тревожный, с его точки зрения, симптом, который, однако, был красноречив: «Соловьев расходуется в 50 тысячах экземпляров. Он является ценным из-за обилия фактического материала. В этом отношении его работа представляет ценность, но когда работы нашего брата в количестве 1,5–2 тысячи не расходятся, то из этого приходится делать грустные выводы»²⁷.

Это, несомненно, верное замечание Дубровского было поддержано его коллегами. В частности, доктор исторических наук, специалист по древнерусской архитектуре Н. Н. Воронин (1904–1976) с удивлением и сожалением отметил: «Я был удивлен, оказывается, Соловьев идет в магазине гораздо лучше, чем наши книги. (С места: “Это факт!”). Я думаю, дело не в том, что читателю нравится эта буржуазная методологическая основа монументального труда Соловьева. (С. М. Дубровский: “Я видел людей, которым она нравится!”) <...> Я хочу сказать, что Соловьева читают и покупают потому, что он, помимо того, что был крупнейшим ученым, был еще большим художником. Его история живет, там даются люди, которые разговаривают, умирают, страдают, борются. А вот “Очерки по истории СССР” с золотым тиснением на корешке у меня стоят и почти не сходят с полки»²⁸. Это искреннее замечание Воронин завершил словами: «Мне хочется пожелать... следующее. В работах творческих и крупных история приобретает какие-то слишком общие, смазанные, социологические формы, как-то пропадает та живая конкретность, которая захватывает читателя и исследователя. В деле привлечения к нашим трудам широчайших читательских масс большое значение имеет опыт Ключевского и Соловьева, который надо взять,

²⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506. Л. 62, 63.

²⁶ Там же. С. 64.

²⁷ Там же. Л. 64.

²⁸ Там же. С. 72.

оставив их теоретические позиции... То, что я сегодня узнал, меня глубоко взволновало. Это, по-видимому, говорит о том, что мы пишем сухо, стандартно. Это чувствуется в ряде больших обобщающих трудов, которые стоят на полке и редко с нее сходят, потому что ни конкретного материала не возьмешь, ни чего-то свежего в смысле мысли»²⁹.

Воронин был прав. В те годы «широчайшие читательские массы», действительно, могли прочитать о «людях, которые разговаривают, умирают, борются» либо в художественной литературе, либо в книгах дореволюционных историков. Официальное мнение о том, что историю творят народные массы, а великие люди – только выразители общественно-политических потребностей, приводило к тому, что персоналии в лучшем случае характеризовались несколькими строками. Тем более не принято было привлекать внимание к правителям России – эксплуататорам и угнетателям народа. Они выступали как проводники «феодално-крепостнической политики самодержавия», «диктатуры помещиков-крепостников» или мер «крепостнического самодержавия». Тональность дискурса советской историографии выражало, например, такое название раздела учебника по истории СССР для вузов: «Усиление феодално-крепостнического гнета. Начало складывания всероссийского рынка. Зарождение буржуазных отношений. Развитие абсолютизма»³⁰. В этом же издании было определено, что переход к абсолютизму в России начинается со второй половины XVII в. При этом отмечалось, что единовластие еще не было обеспечено достаточной системой бюрократических государственных учреждений и соответствующей организацией армии³¹.

В свою очередь, «разложение и кризис феодално-крепостнической системы» датировались второй половиной XVIII в.³² Именно для этого времени была характерна политика просвещенного абсолютизма³³. Оценка деятельности Екатерины II советскими историками выражалась следующим образом: «Основной задачей внутренней политики царизма, вытекавшей из соотношения классовых сил в стране, было всемерное укрепление самодержавной власти, стоящей на страже основного господствующего класса – дворянства... Незрелость складывающихся буржуазных отношений, слабость буржуазии, отсутствие социальной силы, способной возглавить общественный прогресс, позволили проводить эти мероприятия, не затрагивая основ самодержавной власти, давали возможность лавирования, ма-

²⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506. С. 72–73.

³⁰ История СССР / под ред. Л. В. Черепнина (отв. ред.) [и др.]. Т. 1: С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. М., 1956. С. 309.

³¹ Там же. С. 349.

³² Там же. С. 503.

³³ История СССР. С. 531.

неврирования, либеральной демагогии... Такая политика, возможная лишь при определенной расстановке классовых сил, и получила условное название «просвещенного абсолютизма»³⁴.

Оформление же и продуктивная роль абсолютизма связывались с петровскими преобразованиями – «центральным явлением социально-экономической и политической истории России XVIII в.»³⁵. При этом значимость Петра – единственного, кроме Ивана Грозного, российского монарха, достойного уважительного отношения в советской историографии, подчеркивается специальным параграфом – «Личность Петра». Первый российский император охарактеризован как обладающий «самобытным умом, пронизательностью, широким государственным кругозором, мужеством и трудолюбием»³⁶.

Предпринятое Петром кардинальное реформирование и приобретение Россией имперского статуса импонировали советским руководителям. В 1955 г. вышла книга Б. Б. Кафенгауза, в центре которой был первый российский император – «Россия при Петре Первом»³⁷. Написанная как популярный очерк, книга не только раскрывала разнообразные стороны реформаторской деятельности Петра, но и давала им соответственную оценку. Преобразования имели прогрессивный характер, однако они вместе с тем «служили процветанию эксплуататорских классов»³⁸.

Оценку деятельности Петра I Б. Б. Кафенгауз включил во введение к «Очеркам истории СССР»: «Народ творит историю, и значение великих людей заключается в правильном учете тех условий, которые они застали, в правильном понимании, как изменить эти условия. Человек исключительных способностей, сильной воли и неиссякаемой энергии, Петр был великим русским государственным деятелем, выдающимся полководцем, дипломатом и законодателем. Он оставался, однако, представителем господствующего класса»³⁹.

В заключительной части книги Н. И. Павленко (1916 – 2016), впоследствии крупнейший исследователь Петровской эпохи и XVIII в., подводя итоги реформ, справедливо обращает внимание на то, что прогрессивные нововведения достались народу дорогой ценой⁴⁰. В наибольшей же степени дискурс 1950-х гг. выразился в следующих словах: «Феодално-крепостни-

³⁴ История СССР. С. 532.

³⁵ Там же. С. 416.

³⁶ Там же. С. 457.

³⁷ Кафенгауз Б. Б. Россия при Петре Первом. М., 1955. 176 с.

³⁸ Там же. С. 175.

³⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М., 1954. С. 18.

⁴⁰ Там же. С. 773.

ческий строй оказался еще способным обеспечить некоторый подъем производительных сил, но крепостнические отношения ограничивали его размах, господствующий класс – дворянство не мог преодолеть отсталость страны, как и не могла ее преодолеть буржуазия. Только два столетия спустя пролетариат, совершая Великую Октябрьскую социалистическую революцию, овладев властью, создал условия для невиданного культурного и материального подъема народных масс»⁴¹.

«Очерки истории СССР», состоящие из девяти книг и вышедшие в 1953–1958 гг., излагали события с древнейших времен до конца XVIII в. и были примером «больших нарративов», характеризующих эпоху «оттепели». Полувековой юбилей советской историографии предполагал издание фундаментальных по содержанию и оформлению книг, подводящих итог работы советских историков. Кроме «Очерков...», в рассматриваемое время вышел ряд важнейших для последующих десятилетий изданий. Это «Всемирная история» в 10 томах, выпущенная в 1956–1965 гг. (с тремя дополнительными томами 1977–1983 гг. издания); «История СССР с древнейших времен до наших дней» в 12 томах и двух сериях (1963–1980 гг.). С другой стороны, в наиболее кратком и информативном виде концепция абсолютизма, созданная советскими историками, была раскрыта в первом томе Советской исторической энциклопедии. Особое место в данной публикации было уделено российскому абсолютизму, характеристику которого представили А. Я. Аврех и А. М. Сахаров⁴². Каким образом интерпретировалась проблема абсолютизма в этих и других публикациях рассматриваемого периода?

На X Международном конгрессе историков в Риме Л. В. Черепнин выступил с докладом, в котором определил место абсолютизма в истории России. Зарождение абсолютной монархии, по мнению докладчика, связано с формированием всероссийского рынка, обострением классово-политической борьбы, завершением централизации. В государственном управлении, соответственно, произошел переход от сословно-представительной монархии к абсолютной, который относится к концу XVII в. Сопоставляя западноевропейский абсолютизм с российским, Черепнин акцентировал внимание на том, что в Европе, при активной буржуазии, еще не утратили своего господства феодалы; в России же буржуазия была слабой и господствовали феодально-крепостнические отношения. Абсолютизм в России – это дворянская монархия, которая, проводя в своих интересах политику, способствующую развитию торговли и промышленности, содействует в известной мере и

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. С. 774.

⁴² Абсолютизм // СИЭ. Т. 1. М., 1961. Стб. 48–49.

интересам буржуазии⁴³. Таким образом, точка зрения Л. В. Черепнина, основанная на идее «равновесия», учитывала специфику российского социального устройства и включала историю России в общеевропейский исторический процесс.

В «Очерках истории СССР», раскрывая сущность происходящих в XVII в. процессов, доктор исторических наук А. А. Новосельский (1891–1967) указал на ряд важных для понимания российского абсолютизма моментов. Во-первых, на соотношение терминов «самодержавие» и «абсолютизм», применяемых как синонимы при характеристике государственного строя России с середины XVII в.: «В течение XVII в. в государственном строе России происходил ряд характерных изменений. Общее направление этих изменений – развитие самодержавия (абсолютизма, неограниченной монархии), как формы правления, при которой царь осуществляет права верховной власти всецело и нераздельно без всякого участия народа»⁴⁴. Во-вторых, было обращено внимание на процесс «одворянивания» различных прослоек господствующего класса, укрепление феодальной собственности на землю и рост противоречий между различными прослойками класса феодалов⁴⁵.

Россия после Петра I характеризовалась в «Очерках...» как государство, где дворянство, правящий феодальный класс, воздействуя на представителей верховной власти, возводимых им на престол, добивался для себя льгот и привилегий. При этом крепостничество росло вширь, и это проходило в ущерб развитию новых буржуазных отношений⁴⁶. В Российской империи второй половины XVIII в. «продолжала господствовать феодально-крепостническая формация. Новые процессы, которые протекали внутри феодально-крепостнического строя, были еще недостаточны для его крушения»⁴⁷. Однако, несмотря на то, что феодально-крепостнический строй задерживал экономическое развитие, он не мог приостановить образование капиталистического уклада. При этом «чиновничье-дворянская империя» стремилась укрепить диктатуру дворянства, что сочеталось с усилением бюрократизации государственного аппарата⁴⁸.

Во «Всемирной истории» эпоха самодержавия и абсолютизма представлена в каноническом изложении, направленность которого сохранится до

⁴³ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодализма в России: [докл. совет. делегации на X Междунар. конгр. историков в Риме]. М., 1955. С. 30.

⁴⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век / под ред. А. А. Новосельцева, Н. В. Устюгова. М., 1955. С. 22.

⁴⁵ Там же. С. 18.

⁴⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века / под ред. А. И. Барановича [и др.]. М., 1957. С. 11.

⁴⁷ Там же. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 8.

конца 1980-х гг. Было четко очерчено применение термина «самодержавие». Один их крупнейших специалистов по XVI в., с 1959 г. доктор исторических наук А. А. Зимин (1920–1980), ставший доктором исторических наук в 1959 г., расставляет акценты следующим образом. В России конца XV–XVI вв. было создано централизованное государство, страной управлял великий князь и Боярская дума, ограничивавшая его власть⁴⁹. При этом постепенно великокняжеская власть усиливается⁵⁰, становясь при Иване Грозном самодержавием⁵¹.

А. А. Зимин, описывая слагаемые этого процесса, немало внимания уделил правовым и идеологическим факторам. В частности, подчеркнуты две опорные даты – 1498 г. (венчание «шапкой Мономаха» внука Ивана III Дмитрия и закрепление за ним титула великого князя Владимирского и наследника русского престола)⁵² и принятие царского титула Иваном IV в 1547 г.⁵³. Приводится и известное выражение Ивана Грозного, характеризующее неограниченность его власти: «Жаловати есми своих холопей вольны, и казнити вольны же»⁵⁴.

Россия второй половины XVII в. представлена академиком М. Н. Тихомировым как складывающаяся феодально-абсолютистская монархия. На первое место в ее предпосылках поставлены социально-экономические изменения, повлекшие за собой перемены в политическом строе. Ведущими тенденциями периода при переходе к абсолютизму названы укрепление господства дворянства в условиях обострения классовых борьбы и необходимость отражения экспансии соседей. Переход к абсолютизму характеризовался отмиранием Земских соборов и возрастающим подчинением церковной власти светской⁵⁵.

Б. Б. Кафенгаузу и Н. И. Павленко во «Всемирной истории» принадлежит глава, описывающая Россию первой половины XVIII в. Центральное место в рассмотрении этой эпохи принадлежит реформам Петра I⁵⁶, с которыми связывается окончательное установление в России абсолютной монархии. Исчерпывающая для понимания российского абсолютизма характеристика, данная авторами, представляется актуальной и сейчас. Она звучит так: «Абсолютизм в России складывался во второй половине XVII в., но его окончательное утверждение и оформление относится к первой чет-

⁴⁹ Всемирная история: в 10 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 4. / под ред. М. М. Смирин (отв. ред.) [и др.]. М., 1958. С. 456, 468–469.

⁵⁰ Там же. С. 471–477.

⁵¹ Там же. С. 493.

⁵² Там же. С. 471.

⁵³ Там же. С. 477.

⁵⁴ Там же. С. 493.

⁵⁵ Всемирная история. Т. 5. / под ред. Я. Я. Зутиса (отв. ред.) [и др.]. М., 1958. С. 164.

⁵⁶ Там же. С. 359.

верти XVIII в. Абсолютная монархия осуществляла господство дворянства при наличии складывающегося класса буржуазии. Абсолютизм пользовался поддержкой купечества и мануфактуристов, умноживших свои богатства благодаря получаемым льготам, поощрению торговли и промышленности. Утверждение абсолютизма сопровождалось усилением централизации и бюрократизации государственного аппарата и созданием регулярной армии и флота»⁵⁷.

Россия времен Екатерины II была охарактеризована В. В. Мавродиным как период, когда «феодально-крепостническая система... стала подтачиваться ростом капиталистических отношений»⁵⁸. Просвещенный абсолютизм был политикой самодержавия, целью которой было некоторое приспособление дворянского государства к требованиям поднимающегося капитализма. По мнению Мавродина, эта политика была порождена также обострением социальных противоречий и в первую очередь классовых борьбой крестьян⁵⁹. В соответствии с идеологическими установками советской историографии, деятельность Екатерины II оценивалась как либеральная фразеология и видимость «заботы о народе». В. В. Мавродин был солидарен с мнением А. С. Пушкина об Уложенной комиссии как о «непристойно разыгранной фарсе»⁶⁰.

Реформы начала XIX в. в России показаны во «Всемирной истории» как попытка усилением бюрократизации управления «провести некоторые меры, которые могли бы сгладить остроту общественных противоречий»⁶¹. Коренная же проблема страны заключалась в разложении крепостничества. Оно не позволяло осуществить радикальную перестройку помещичьих хозяйств, что не только тормозило экономическое развитие, но и обостряло отношения между помещиками и крестьянами⁶². Нарастание социальных противоречий, приведшее к революционной ситуации рубежа 1850–1860-х гг., закончилось отменой крепостного права. Условия этой важнейшей реформы, несмотря на признание важности обретения крестьянами личной свободы, оценивались во «Всемирной истории» как «грабительские»⁶³.

Как вынужденные оценивались все реформы 1860-х гг., цель которых заключалась в приспособлении политического строя царской России к ка-

⁵⁷ Всемирная история. Т. 5. С. 373.

⁵⁸ Там же. С. 634.

⁵⁹ Там же. С. 649.

⁶⁰ Там же. С. 650.

⁶¹ Всемирная история. Т. 6 / под ред. Н. А. Смирнова (отв. ред.) [и др.]. М., 1959. С. 113–114.

⁶² Там же. С. 113.

⁶³ Там же. С. 494.

питалистическим отношениям⁶⁴. Однако, несмотря на свою половинчатость и незавершенность, они имели все же прогрессивное значение. Царская Россия стала постепенно превращаться в буржуазную монархию⁶⁵. То, что Манифестом 17 октября 1905 г. был юридически положен конец российскому абсолютизму, авторами «Всемирной истории» не отмечалось. Сам же Манифест оценивался весьма сдержанно в том смысле, что «народные массы, возглавленные пролетариатом, сумели завоевать, хотя и на время, политические свободы»⁶⁶.

Завершая анализ многотомных работ эпохи «оттепели», необходимо обратить внимание еще на один «большой нарратив» – «Историю СССР с древнейших времен до наших дней». Это издание, авторами которого были крупнейшие историки, по оформлению, содержанию, дискурсу и идеологической направленности является ярким воплощением советской послевоенной историографии. Однако оно выделяется продуманной организацией материала, максимально образным языком, появлением сюжетов, отражающих историю повседневности, а также характеристиками персоналий правящей элиты и российских монархов. Вот, например, выразительный сюжет о Павле I (1796–1801): «"Сыном Минервы" называли его екатерининские вельможи, надеявшиеся, что он пойдет по стопам "просвещенной матери". "Коронованным Гамлетом" именовали Павла сторонники его отца – Петра III, считавшие, что пришло время сыну отомстить и покончить с правлением "баб и их фаворитов", однако Павел не стал ни тем, ни другим. Он вырос вдали от государственных дел, отстраненный от екатерининского двора, озлобленный недоверием матери и высокомерным отношением ее вельмож»⁶⁷.

Становление и укрепление абсолютизма, «отвечавшего классовым интересам дворянства и верхов купечества», датировалось в России второй половиной XVII в. Усиление власти царя образно передано словами Г. Котошихина о том, что Алексей Михайлович «государство свое правит по своей воли», в отличие от отца, который «самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»⁶⁸.

В создании целостной картины развития российского абсолютизма значительная роль принадлежит работам Н. П. Ерошкина (1920–1988), крупнейшего исследователя государственных институтов дореволюционной России. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вышли две его ра-

⁶⁴ Всемирная история. Т. 6. С. 500.

⁶⁵ Там же. С. 502.

⁶⁶ Всемирная история. Т. 7 / под ред. А. А. Губера (отв. ред.) [и др.]. М., С. 344.

⁶⁷ История СССР: с древнейших времен до наших дней: в 2 сер.: в 12 т. Сер. 1, т. 4: Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. / отв. ред. А. В. Фадеев. М., 1967. С. 56.

⁶⁸ Там же. Т. 3: Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1967. С. 62.

боты учебного характера – «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России»⁶⁹ и «История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции»⁷⁰.

В соответствии с трактовками классиков марксизма, Н. П. Ерошкин так определяет этапы развития российского абсолютизма. Сначала это самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией⁷¹, затем просвещенный абсолютизм XVIII в.⁷²; кризис самодержавия наступает в первой половине XIX в.⁷³; «первый шаг» самодержавия к буржуазной монархии делается на протяжении 1861–1904 гг.⁷⁴, «второй шаг» – в 1905–1914 гг.⁷⁵; наконец, наступает общий кризис и падение⁷⁶.

Основываясь на эволюции государственных институтов, Ерошкин четко определяет как хронологические рамки, так и социальную основу российской абсолютной монархии. Абсолютизм зародился во второй половине XVII в., когда прекратили свою деятельность Земские соборы, ослабла и исчезла система местничества и снижалась роль Боярской думы. В первой четверти XVIII в. правительство Петра I «при активной поддержке дворянства и широкой помощи со стороны купечества ликвидировало все остатки сословного представительства и создало вполне бюрократическую систему управления»⁷⁷. «Абсолютистская монархия, – разъясняет Ерошкин, – есть форма правления государства феодального типа. В России, как и в других странах Европы, абсолютизм возник на поздней стадии феодализма когда на арене истории рядом с господствующим классом – феодалами-землевладельцами – появилась буржуазия. При абсолютизме отсутствуют какие бы то ни было представительные учреждения, участвующие в законодательстве и контролирующие политику правительства»⁷⁸. Последнее замечание Н. П. Ерошкина, верное в отношении российского абсолютизма, требовало корректив применительно в западноевропейским абсолютным монархиям.

Обобщающие работы обеспечивали максимально широкий охват вопросов, касающихся российского абсолютизма. Однако анализ публикаций показывает, что проблемное поле его изучения было неравномерным.

⁶⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 395 с.

⁷⁰ Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. 417 с.

⁷¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 47.

⁷² Там же. С. 124.

⁷³ Там же. С. 181.

⁷⁴ Там же. С. 248.

⁷⁵ Там же. С. 326.

⁷⁶ Там же. С. 369.

⁷⁷ Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений ... С. 76.

⁷⁸ Там же.

Так, если политические процессы XVI в., связываемые с государственной централизацией и самодержавием находили свое отражение в книгах А. А. Зимина⁷⁹, И. И. Полосина⁸⁰, И. И. Смирнова⁸¹, докторской диссертации Р. Г. Скрынникова⁸², то в освещении политической истории XVIII в. отдельных работ было значительно меньше. Что же касается рассмотрения истории государства и политических институтов XVII в., то данная проблематика, по сути, оставалась вне специального рассмотрения.

В какой-то мере образовавшийся пробел восполнялся статьями, например, в вышедшем в 1960 г. сборнике «Вопросы генезиса капитализма в России». Так, Б. Б. Кафенгауз обращает внимание на то, что проблема генезиса капитализма непосредственно связана и с эволюцией государственных институтов. Кроме того, Кафенгауз указывает на то, что различные этапы российского абсолютизма выявлены недостаточно четко. «Петровские реформы управления, – отмечает он, – являются завершением или оформлением абсолютизма, или вторым этапом в его развитии. Но в чем качественные отличия этого этапа от абсолютизма второй половины XVII в., остается невыясненным»⁸³. Советские историки, по мысли Кафенгауза, не уделяют достаточного внимания мысли, высказанной еще М. М. Богословским о Петровской эпохе как начале просвещенного абсолютизма⁸⁴.

В. В. Мавродин, рассматривая эволюцию российской монархии в свете работ В. И. Ленина, выступает против отождествления самодержавия и сословно-представительной монархии ввиду подчиненной роли Земских соборов, которые созывались лишь тогда, когда монархия была недостаточно сильна. Можно говорить лишь об элементах сословного представительства во времена Ивана Грозного, Россия же XVII в., по мнению Мавродина, это централизованное государство с самодержавной властью во главе⁸⁵.

Следуя концепции Ленина, Мавродин считает, что весь XVII в. был временем самодержавия⁸⁶, а окончательное утверждение абсолютизма связано с Петровскими реформами и бюрократизацией государства⁸⁷. Новым

⁷⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. 511 с.; см. также: его же. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 535 с.

⁸⁰ Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. 384 с.

⁸¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30-х – 50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958. 516 с.

⁸² Скрынников Р. Г. Опричнина Ивана Грозного: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967. 42 с.

⁸³ Кафенгауз Б. Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 12.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Мавродин В. В. Некоторые вопросы эволюции российского самодержавия в XVII–XVIII вв. // Там же. С. 79.

⁸⁶ Там же. С. 80–82.

⁸⁷ Там же. С. 8–83.

этапом в эволюции российского самодержавия стал период просвещенного абсолютизма Екатерины II. Это была политика реформ в условиях зарождения капитализма при сохранении всей полноты власти за дворянством⁸⁸.

В 1960 и 1961 гг. Н. И. Павленко написал две статьи, посвященные двум господствующим классам при абсолютизме – дворянству и буржуазии. Задачей автора было показать трансформацию этих социальных групп в условиях абсолютной монархии, когда, с одной стороны, происходило развитие капитализма, а с другой – дворянство оставалось господствующим привилегированным классом.

Первая из статей раскрывает изменения, произошедшие с дворянством. Описывая то, как менялся его статус, пополнение, условия и оплата службы, наделение земель, нивелировалось положение различных групп, Павленко особое внимание обращает на занятие дворян торговлей, предпринимательством, откупам, организацию мануфактур и т. д. Дворяне освобождались от службы, занимаясь ведением своих хозяйств, ориентированных на рынок и основанных на крепостном труде. Таким образом, дворянство адаптировалось к буржуазным отношениям, переживая сложную эволюцию и в юридическом, и в социальном смысле⁸⁹.

«Парной» к статье о дворянстве стала статья об одворянивании русской буржуазии⁹⁰. На примере фамилий промышленников, мануфактуристов и т. д. Павленко раскрывает пути получения дворянского звания, дававшего привилегии и социальный престиж. Дворянство могло быть пожаловано за организацию предприятий, выпуск особо качественной продукции, колонизацию земель, благотворительность и другую полезную для государства деятельность⁹¹. В то же время описывается случай получения потомственного дворянства и за подавление народных выступлений во время крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева⁹². Распространено было «восстановление» дворянства с подтверждением дворянского происхождения соответствующими свидетелями⁹³. Часто практиковались брачные союзы, в результате которых потомки небогатых дворян и дочерей купцов получали дворянское звание⁹⁴.

Появившееся новое дворянство, располагая средствами, усваивало аристократический стиль жизни, вызывая, однако, негативное отношение со

⁸⁸ Мавродин В. В. Некоторые вопросы эволюции российского самодержавия ... С. 85.

⁸⁹ Павленко Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 54–75.

⁹⁰ Он же. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // История СССР. 1961. № 2. С. 71–87.

⁹¹ Там же. С. 72–76.

⁹² Там же. С. 73.

⁹³ Там же. С. 78–80.

⁹⁴ Там же. С. 82.

стороны родовитого дворянства. Аристократы, во-первых, считали такой приток новых дворян девальвацией благородного звания, во-вторых, видели в новых дворянах конкурентов в предпринимательской деятельности⁹⁵.

Таким образом, содержание обеих статей Павленко предоставляло читателю не только достаточно интересную информацию, но и создавало многогранный образ качественно нового состояния общества при абсолютизме, с промежуточными группами и вариантами социальной мобильности.

На протяжении 1960-х гг. вышел ряд работ, посвященных различным аспектам практики российского абсолютизма XVIII в. Финансовая политика монархии была проанализирована в монографии одного из крупнейших исследователей социально-экономических процессов XVIII в. С. М. Троицкого (1930–1976)⁹⁶. Развитие армии, флота, активная внешняя политика требовали значительных средств. Покровительствуя развитию торговли и промышленности, правительство постоянно изыскивало и способы увеличения налогов, что вызывало протест не только крестьян, но и феодалов и формирующейся буржуазии. Автор анализирует организацию управления финансами, налогообложение, доходную и расходную части бюджета и показывает, каким образом с середины 1720-х до конца 1760-х гг. государство решало задачи управления финансами.

Рассматривая послепетровскую Россию, В. В. Мавродин относит оформление абсолютизма к царствованию Петра I, наделяя ее элементами просвещенного абсолютизма. Время «от Петра до Екатерины» Мавродин, в соответствии с ленинской характеристикой, определяет как «чиновничье-дворянскую монархию с бюрократией и служилыми сословиями»⁹⁷. Отдельные аспекты правительственной деятельности Екатерины II получили отражение в работах таких исследователей XVIII в., как М. Т. Белявский и М. П. Павлова-Сильванская.

Доктор исторических наук М. Т. Белявский (1913–1989) анализирует рассмотрение вопроса о крепостном праве в «Наказе» Екатерины II⁹⁸. По мнению автора, «Екатерина II, в интересах сохранения и укрепления крепостничества делает попытку использовать теории просветителей, выхолостив из них антифеодальную направленность, извратив и фальсифицировав их содержание и изобразив самодержавие в качестве надклассовой силы, заботящейся о благосостоянии всех подданных»⁹⁹. М. П. Павлова-

⁹⁵ Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. С. 85.

⁹⁶ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. 275 с.

⁹⁷ Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России (1725–1773): курс лекций. Л., 1964. С. 98.

⁹⁸ Белявский М. Т. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II // Вестн. Моск. ун-та. 1963. № 6. С. 44–63.

⁹⁹ Там же. С. 44–45.

Сильванская в кандидатской диссертации, посвященной «Учреждению о губерниях» 1775 г., делает вывод о том, что «этот законодательный акт носил отчетливо выраженный феодально-крепостнический характер и... областная реформа Екатерины II не несла в себе никаких буржуазных черт»¹⁰⁰.

Наиболее заметной работой 1960-х гг., посвященной абсолютизму, стал сборник научных статей, который так и назывался – «Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)»¹⁰¹. Это издание, вышедшее в честь 70-летия со дня рождения и 45-летия научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза, ценно в нескольких отношениях. Было однозначно признано, что «проблема возникновения и развития абсолютизма в России изучена еще недостаточно»¹⁰², что открывало широкие возможности для советских историков. В хронологическом аспекте оформление абсолютизма было отнесено к XVII в., а общая тенденция его развития, в соответствии с работами Ленина, обозначена как движение к буржуазной монархии¹⁰³. Это являлось ориентиром в дальнейшей работе историков, что было немало важно в советской историографии. Тематика статей охватывала период XVI–XVIII вв. и была максимально широкой, представляя не только эволюцию государственных институтов и народные движения, но и реализацию правительственных мер в национальных районах империи и отражение идей абсолютизма в изобразительном искусстве. Книга объединила работы ведущих советских историков – Н. М. Дружинина, А. А. Зимина, Н. И. Павленко, С. М. Троицкого, Н. В. Устюгова, С. О. Шмидта, Л. В. Черепнина и ряда других. Наконец, предисловие завершалось немаловажным по тем временам замечанием, что среди авторов «не было разногласий по основным вопросам изучаемой темы»¹⁰⁴.

А. А. Зимин обращает внимание на предпосылки возникновения абсолютизма, имевшие место еще в XVI в. В экономической области это образование всероссийского рынка, в политической – развертывающийся процесс централизации, которому автор уделяет основное внимание¹⁰⁵.

Роль Земских соборов, как одного из важнейших государственных институтов России времен формирования абсолютизма, рассматривается Л. В. Черепниным¹⁰⁶. Земские соборы, состоящие из верхушки духовенства,

¹⁰⁰ Павлова-Сильванская М. П. «Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 19.

¹⁰¹ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1964. 517 с.

¹⁰² Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). С. 13.

¹⁰³ Там же. С. 13–14.

¹⁰⁴ Там же. С. 17.

¹⁰⁵ Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). С. 18–49.

¹⁰⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Там же. С. 92–133.

Боярской думы, выборных от дворянства и посадских людей, рассматривались современниками-иностранцами как аналоги других сословно-представительных органов – парламента, сейма, риксдага¹⁰⁷. Как важнейший после монархии политический институт, Земские соборы выступали ближайшими политическими партнерами верховной власти. Они поддерживали самодержавие на этапе его укрепления, а затем, когда поддержка уже не требовалась, были постепенно свернуты¹⁰⁸.

Специфика и деятельность целого ряда государственных институтов абсолютизма были отражены в статьях Н. Ф. Демидовой (бюрократия)¹⁰⁹, М. П. Павловой-Сильванской (местное управление)¹¹⁰, Н. Б. Голиковой (политический сыск)¹¹¹, С. М. Троицкого (налоги и бюджет)¹¹², Н. И. Павленко (идеология)¹¹³, Н. А. Баклановой (культура)¹¹⁴.

Признавая историографическую ценность всей книги, нельзя не обратить внимания на статью академика Н. М. Дружинина о просвещенном абсолютизме в России¹¹⁵. Почти лишенная идеологического пафоса, содержательная, умеренная в оценках, она не потеряла актуальности и сегодня. Просвещенный абсолютизм рассматривается в европейском контексте, как международная система, целью которой было «укрепить устои абсолютной монархии устранением наиболее отживших институтов прошлого и тем самым предотвратить революционное крушение старого режима»¹¹⁶. Помимо анализа политики Екатерины II, автор обращает внимание на элементы просвещенного абсолютизма в политике Петра I и Александра I. Мероприятия Екатерины оценены Дружининым взвешенно – он отмечает, что наибольший успех они имели в области экономики, оказавшись прогрессивнее меркантилизма Фридриха II. Значительный «пропагандистский пафос» оставили меры в области образования. Сохранили силу до 1861 г. и частично позже Учреждения о губерниях 1775 г. и Жалованные грамоты 1785 г.¹¹⁷. Общая оценка Дружинина такова: внутренняя логика самодер-

¹⁰⁷ Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. С. 93–94.

¹⁰⁸ Там же. С. 131–133.

¹⁰⁹ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). С. 206–242.

¹¹⁰ Павлова-Сильванская М. Н. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Там же. С. 460–491.

¹¹¹ Голикова Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Там же. С. 243–282.

¹¹² Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Там же. С. 281–319.

¹¹³ Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Там же. С. 389–427.

¹¹⁴ Бакланова Н. А. Отражение идеи абсолютизма в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. // Там же. С. 492–507.

¹¹⁵ Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Там же. С. 428–459.

¹¹⁶ Там же. С. 430–431.

¹¹⁷ Там же. С. 458.

жавного режима «оказалась сильнее перелицованных идей французского Просвещения... Наименьшее значение имели потуги Екатерины поставить и разрешить крестьянский вопрос: ее усилия не могли подняться до уровня политики Иосифа II»¹¹⁸.

Проблемное поле в изучении российского абсолютизма XIX – начала XX в. было заполнено несколько неравномерно, максимум внимания акцентировался на пореформенной России и особенно на предпосылках и итогах первой российской революции.

Сущность российской монархии первой половины XIX в. раскрыта в работах докторов исторических наук А. В. Фадеева (1908–1965)¹¹⁹ и Н. С. Киняпиной (1920–2003)¹²⁰, несмотря на то, что указанные авторы исследовали преимущественно ее внешнюю политику. Российская империя первой половины XIX в. рассматривалась как дворянское государство, в котором назревал кризис крепостничества¹²¹. Правящая элита видела решение проблем в бюрократизации и укреплении самодержавия, поддерживая старые феодальные формы хозяйства. Буржуазные тенденции были выражены в политике правительства чрезвычайно слабо¹²². Самодержавие поддерживало развитие предпринимательства, видя в этом один из путей укрепления экономики и способствуя развитию капитализма, однако руководство валось оно прежде всего интересами помещиков¹²³.

Монархия и политические институты пореформенной России представлены, прежде всего, исследованиями доктора исторических наук П. А. Зайончковского (1904–1983). Это выдержавшая на протяжении 1950-х – 60-х гг. три издания «Отмена крепостного права в России»¹²⁴, «Кризис самодержавия на рубеже 1870-х – 1880-х гг.»¹²⁵, «Российское самодержавие в конце XIX ст.»¹²⁶ и др.

«Отмена крепостного права в России» стала канонической работой, определившей трактовку реформы 1861 г. на десятилетия вперед. Вынужденность и половинчатость крестьянской реформы, главной в ряду реформ 1860-х гг. и открывшей простор для буржуазного развития страны, – эти выводы традиционны¹²⁷. Однако не менее значимой является пер-

¹¹⁸ Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России. С. 459.

¹¹⁹ Фадеев А. В. Дореформенная Россия (1800–1861). М., 1960. 181 с.

¹²⁰ Киняпина Н. С. Промышленная политика русского самодержавия в годы кризиса феодальной системы // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 61–75.

¹²¹ Фадеев А. В. Дореформенная Россия (1800–1861). С. 39.

¹²² Там же. 39–40.

¹²³ Киняпина Н. С. Промышленная политика русского самодержавия ... С. 65.

¹²⁴ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968. 366, [2] с.

¹²⁵ Он же. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. 511 с.

¹²⁶ Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970. 444 с.

¹²⁷ Он же. Отмена крепостного права в России. С. 346–347.

вая глава работы, посвященная предьстории 1861 г. – анализу экономики дореформенной России и мероприятий монархии по решению крестьянского вопроса¹²⁸.

В книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов» П. А. Зайончковский раскрыл борьбу либеральных и консервативных сил в правящей элите, конституционные проекты, нарастание революционного движения, убийство Александра II, ужесточение правительственного курса – переломные события для судеб российской монархии. Возможно, с учетом современных оценок некоторые аспекты этой работы могут быть переосмыслены, однако с выводом автора нельзя не согласиться – «самодержавие в основном преодолело кризис»¹²⁹.

Убийство Александра II народовольцами усугубило ситуацию в стране, явившись одной из важнейших предпосылок жесткого курса Александра III. Этому периоду посвящена книга П. А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.)»¹³⁰. Эпоха Александра III, оцениваемая советскими историками как период реакции и контрреформ, а в постсоветской историографии характеризуемая как время «консервативной стабилизации»¹³¹, впервые стала предметом отдельного рассмотрения. Отрицательно оценивая монархию в целом, Зайончковский все же находит полутона в характеристике самого царя. Действительно, Александр III не выделялся интеллектом и широтой мышления. Ум его был примитивен и неширок, а консервативные взгляды были восприняты, что называется, «с молоком матери»¹³². Вместе с тем это старательный и трудолюбивый, хоть и упрямый, человек, замечаящий глупость других, не любящий лжи и распущенности, довольно скромный в личной жизни, хороший семьянин, хотя и выпивающий втихомолку¹³³.

Работы П. А. Зайончковского, написанные с привлечением огромного массива источников, насыщенные статистическими данными, фрагментами из мемуаров и переписки, погружающие в атмосферу описываемых событий, раскрывают не только функционирование государственных институтов, но и показывают людей, стоящих у власти. В 1966 г. вышла отдельная статья Зайончковского, посвященная Александру III¹³⁴. Она пред-

¹²⁸ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. С. 7–62.

¹²⁹ Он же. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. С. 6.

¹³⁰ Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970. 444 с.

¹³¹ Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. 240 с.

¹³² Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия ... С. 39–41.

¹³³ Там же. С. 35–37, 42–44.

¹³⁴ Зайончковский П. А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 130–146.

ставляла собой сокращенный вариант главы «Российского самодержавия в конце XIX столетия». Представляется, что эпоха «оттепели», внимание к документальному материалу, открывшиеся возможности для историков принесли результаты. В советской историографии на какое-то время появилась возможность уделить внимание персоналиям правящей элиты, несмотря на дозированность информации и известную заданность оценок.

Максимальное количество работ охватывает период начала XX в., и, по понятным причинам, эти работы идеологизированы в наибольшей степени. Речь идет об итогах революции 1905–1907 гг. и изменении в характере монархии в период существования Государственной думы. Советские историки оценивали Манифест 17 октября как обман народа царем. Соответственно, большевики разъясняли массам, что единственной гарантией свободы «является вооруженное восстание, свергающее самодержавие царя и утверждающее самодержавие народа, т. е. демократическую республику»¹³⁵.

Для описания монархии России начала XX в. советские историки применяли целый ряд характеристик-маркеров с негативной коннотацией. Это «царизм», «военно-феодальный империализм», «реакция», «крепостники-помещики», «контрреволюционная буржуазия», «столыпинщина», «придворная камарилья» и т. д. Большевики, напротив, «были единственной партией, которая была вооружена правильным пониманием революции 1905 г., как подлинно народной революции эпохи империализма, как пролога социалистической революции»¹³⁶.

Жесткие характеристики политической ситуации содержатся в учебной литературе для высшей школы. В пособии, охватывающем период 90-х гг. XIX в. – марта 1917 г., доктор исторических наук, специалист по истории России эпохи империализма, Е. Д. Черменский (1905–1995), вслед за В. И. Лениным, называет политическую систему этого периода «военно-феодальным империализмом», подчеркивая сосуществование промышленного и финансового капитализма и средневекового крепостнического землевладения и противоречия между ними¹³⁷.

Доктор исторических наук А. Л. Сидоров характеризует положение в России после 1907 г. как контрреволюционный союз помещиков и буржуазии, направленный против рабочего класса и крестьянства, в котором «командное положение принадлежало крепостникам-помещикам»¹³⁸.

¹³⁵ Мироненко К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. // Учен. записки Ленингр. гос. ун-та. Сер. юрид. наук. Вып. 10. 1958. С. 174.

¹³⁶ Там же. С. 179.

¹³⁷ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма (90-е гг. XIX в. – март 1917 г.): пособие для студ. пед. ин-тов. М., 1959. С. 18.

¹³⁸ Очерки истории СССР (1907 – март 1917) / под ред. А. Л. Сидорова. М., 1954. С. 71.

Третья Дума названа А. Л. Сидоровым «черной», «детисцем антинародного третьеиюньского закона, просто прикрытием неограниченной власти царя»¹³⁹, а Столыпин – министром-вешателем¹⁴⁰.

А. М. Давидович выразился о российской монархии начала XX в. с такой полнотой официального дискурса, что приведение пространной цитаты представляется целесообразным. Давидович, в будущем доктор юридических наук, писал так: «О падении самодержавия в советской историко-юридической литературе говорится обычно походя, как об одном из скоротечных событий в бурном потоке важных фактов начала 1917 года. При таком освещении выпадает из виду то обстоятельство, что быстрое свержение абсолютизма было подготовлено вековой борьбой народов России против класса дворян-крепостников, вершиной которого являлся царь, обусловлено самоотверженной деятельностью ряда поколений российских революционеров – от Радищева и декабристов до когорты пролетарских борцов во главе с великим Лениным. Особенно острой, предельно напряженной стала борьба с самодержавием в эпоху империализма, когда войну против него возглавила партия большевиков, под натиском руководимых ею трудящихся масс абсолютизм вступил в полосу смертельного кризиса, закономерным финалом которого явилось отречение последнего Романова в ночь на 3 марта 1917 года»¹⁴¹.

В юридическом смысле после Манифеста 17 октября российская монархия перестала быть абсолютной, но этот факт не прослеживается в приведенном фрагменте. А. М. Давидович объясняет свой вывод тем, что после 17 октября «царская власть была ограничена по сути лишь формально, а фактически она осталась самодержавной»¹⁴².

Однако проигнорировать ряд соответствующих юридических изменений в государственных институтах невозможно. Поэтому, признавая Манифест «шагом» по пути к буржуазной монархии, А. М. Давидович делает оговорку, что «один шаг к конституционной монархии вовсе не означал, что она установлена»¹⁴³. Вслед за Лениным он определяет политический режим после 1905 г. как «конституционное самодержавие». Это означает, что «монархия, оставаясь фактически неограниченной, вынуждена маски-

¹³⁹ Очерки истории СССР (1907 – март 1917). С. 77.

¹⁴⁰ Там же. С. 70.

¹⁴¹ Давидович А. М. Кризис самодержавия в эпоху империализма и его крах // Учен. записки Таджик. ун-та им. Ленина. Т. 1. Душанбе, 1968. С. 100.

¹⁴² Там же. С. 125.

¹⁴³ Там же. С. 126.

роваться конституционными формами»¹⁴⁴. После революции 1905–1907 гг. «крепостники-помещики и их глава царь убедились, что они уже не могут управлять капиталистической страной без союза с верхушкой буржуазии... Дума и была призвана служить организационной формой такого блока. Она стала необходима царизму как орудие проведения выработанной им в борьбе с революцией новой политики – бонапартизма»¹⁴⁵.

Монография В. С. Дякина (1930–1994) написана с меньшим идеологическим пафосом и определяет социальную опору монархии начала XX в. так: «Защищая прежде всего власть и доходы помещиков, самодержавие должно было оберегать и интересы буржуазного развития страны»¹⁴⁶. Революция 1905 г. заставила царизм согласиться с существованием Государственной думы, однако монархия не только сохраняла ряд возможностей обхода законодательных прав Думы, но и обеспечивала себе в Думе послушное большинство¹⁴⁷. Таким образом, специфика политического режима после 1905 г. определялась советскими историками и как конституционное самодержавие, и как фактическое сохранение власти монарха при существовании Государственной думы.

А. Я. Аврех (1915–1988), ставший доктором исторических наук в 1967 г., накануне открытия дискуссии об абсолютизме, также определял третьеиюньскую систему и премьерство Столыпина, в соответствии с ленинскими оценками, как бонапартизм. Это – политика социального лавирования между помещиками и буржуазией с «конституционным прикрытием» в виде Думы¹⁴⁸. Эта политика «создавала внешнее впечатление “надклассовости” власти, однако на деле природа самодержавия оставалась прежней, происходило лишь медленное видоизменение его, постепенное преобразование в буржуазную монархию»¹⁴⁹.

Концепция А. Я. Авреха в развернутом виде была изложена в двух его монографиях – «Царизм и третьеиюньская система»¹⁵⁰ и «Столыпин и Третья Дума»¹⁵¹. Знакомство с содержанием работ убеждает в том, что здесь нашли отражение многие идеи, с которыми Аврех начнет в 1968 г. дискуссию об абсолютизме. В частности, известный тезис о том, что крестьянство является массовой социальной опорой самодержавия, Аврех обосновывает

¹⁴⁴ Давидович А. М. Кризис самодержавия в эпоху империализма ... С. 132.

¹⁴⁵ Там же. С. 135.

¹⁴⁶ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1967. С. 18.

¹⁴⁷ Там же. С. 24–25.

¹⁴⁸ Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса Третьеиюньской системы (1908–1909) // Исторические записки. 1955. С. 50–51.

¹⁴⁹ Он же. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 17.

¹⁵⁰ Он же. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. 181 с.

¹⁵¹ Он же. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. 519, [1] с.

не только ссылкой на Ленина¹⁵². «Экономическая неразвитость крестьянского хозяйства, его полунатуральный характер, являлись той объективной основой, на которой покоились политическая отсталость крестьянства, его темнота, сословная замкнутость, прочные и длительные царистские иллюзии»¹⁵³, – утверждал Аврех. Активная роль самодержавия, берущего на себя решение задач буржуазной революции, проведение столыпинской реформы для решения аграрного вопроса и предотвращения нового социального взрыва, слабость русской буржуазии¹⁵⁴ – слагаемые концепции Авреха были налицо. А. Я. Аврех имел все основания утверждать, что «царизм задумал изменить не только базис, но и надстройку, не только уничтожить прежние вековые устои социально-экономических отношений, в деревне, но и сделать современной в буржуазном смысле политическую систему управления»¹⁵⁵.

Возможности переосмысления марксизма, атмосфера эпохи «оттепели», работа с большими массивами источников постепенно наполняли социологическую схему абсолютизма фактическим материалом. Вместе с тем возникали проблемы, которые было тяжело разрешить имеющимися в распоряжении советских историков средствами. Речь шла о переходе от феодализма к капитализму и критериях этого процесса, формировании капиталистического уклада, степени развитости буржуазии, специфике российской мануфактуры и т. д. В свою очередь, при господствующей социологической модели абсолютизма и концепции «равновесия» возникал вопрос о генезисе и социальной базе российского абсолютизма.

В июне 1965 г. в Москве проходила Всесоюзная дискуссия, посвященная переходу России от феодализма к капитализму. Как показали выступления ее участников, уже тогда было высказано мнение об отсутствии «равновесия», или компромисса, между интересами дворянства и купечества в XVII–XVIII вв.¹⁵⁶ Журнал «Вопросы истории» достаточно оперативно отреагировал на ситуацию, изложив не только суть проблемы, но и предоставив для оппонентов возможность высказаться.

Проблема заключалась в различном понимании советскими историками времени формирования капитализма в России. Это был отнюдь не праздный вопрос. С одной стороны, на этот счет имелись указания Ленина о «новом периоде» российской истории, наступившем в XVII в., с другой – перенесение развития российского капитализма на более поздний этап

¹⁵² Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. С. 59.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. С. 4–8.

¹⁵⁵ Там же. С. 5.

¹⁵⁶ Переход от феодализма к капитализму: материалы Всесоюзной дискуссии [ред. коллегия В. И. Шунков (отв. ред.) и др.]. М., 1969.– 413. С. 151.

ставило под вопрос обоснованность российских революций. Между тем советские историки не были едины в определении нижней границы российского капитализма. Одни из них считали, что начало российского капитализма относится к XVI в. (С. Г. Струмилин, Д. П. Маковский)¹⁵⁷, другие – к XVII в. (И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий), третьи – к середине XVIII в. (И. Ф. Гиндин, Л. В. Данилова, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. П. Новосельцев, Н. И. Павленко, М. К. Рожкова, П. Г. Рындзюнский)¹⁵⁸.

С позиции включения истории России в общеевропейский процесс и соответствия марксистскому канону, предпочтительно было считать, что российский капитализм уже существовал в XVII в. Для обоснования этого тезиса применялись не только соответствующие цитаты из классиков марксизма, но и материалы источников¹⁵⁹.

Сторонники идеи более позднего возникновения российского капитализма акцентировали внимание на том, что товарное производство, характерное для любой формации, еще не есть капитализм¹⁶⁰. Даже наличие такой формы организации производства, как мануфактура, требует уточнения, так как действительно капиталистическая мануфактура основана на применении наемного труда. Последнее в России приобрело необратимые масштабы только к 1760-м гг.¹⁶¹.

Споры вокруг едва уловимых граней понятий «зарождения» и «появления» предпосылок капитализма и степени их развития, а также различные мнения о том, что имели в виду классики марксизма в том или ином случае, при всей их схоластике, были весьма показательны. Они демонстрировали относительно широкие возможности интерпретации классиков марксизма, что в условиях советской историографии было очень важно. С другой стороны, эти споры указывали на трудноразрешимую проблему характеристики социально-экономических процессов, не имеющих четких граней.

В рамках социологической модели абсолютизма признание иного характера экономического базиса неизбежно требовало пересмотра социальной основы абсолютной монархии. Соответственно, возникали вопросы о роли буржуазии, пригодности идеи «равновесия» к истории России, степени самостоятельности надстройки и т. д. Похожие теоретические поиски имели место и среди специалистов по западноевропейскому Средневековью.

¹⁵⁷ Начальный этап генезиса капитализма в России / И. А. Булыгин [и др.] // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 71.

¹⁵⁸ Там же. С. 65.

¹⁵⁹ Там же. С. 71–81.

¹⁶⁰ Павленко Н. И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 91.

¹⁶¹ Там же. С. 97–100.

В 1966 г. доктором исторических наук А. Н. Чистозвоновым (1914 – 1998) уже была представлена его концепция абсолютизма. Это произошло 8 апреля на объединенном заседании секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков и 11–13 мая на научной сессии в Институте истории академии наук СССР¹⁶². А. Н. Чистозвонов, ни в коей мере не подвергая ревизии классиков марксизма, тем не менее высказался так: «Все эти положения совершенно правильные, и это общесоциологические положения, которые каждый историк должен иметь в виду... Но я не считаю, что они должны накладываться на исторические явления, а тем более одно из этих положений, и превращаться в универсальный ключ, с помощью которого можно раскрыть генезис такого сложного и запутанного явления, как абсолютизм»¹⁶³. Иными словами, Чистозвонов предлагал перенести акцент с общей схемы «равновесия» на конкретный материал и специфику стран¹⁶⁴.

Считая главным критерием развитость буржуазных элементов, Чистозвонов указывал на государства, где развивался собственно абсолютизм (Англия, Франция), и государства с абсолютистскими формами правления (Испания, Австрия, Пруссия, Россия). Во втором случае происходила рецепция абсолютистских порядков и их адаптация к потребностям феодального дворянского государства¹⁶⁵.

Наконец, собственно о российском абсолютизме, концепции «равновесия» и борьбе буржуазии и дворянства тогда же однозначно высказался Н. И. Павленко: «Короче говоря, эта схема, на мой взгляд, к истории России совершенно неприложима»¹⁶⁶.

8–10 апреля 1968 г. в Москве прошла конференция советских и итальянских историков, на которой в качестве основной обсуждалась проблема абсолютизма. Столкновение различных точек зрения и уязвимость идеи «равновесия» прочитываются даже в корректных, сжатых изложении

¹⁶² В Отделе западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, в частично обработанном виде, находятся стенограмма объединенного заседания 8 апреля 1966 г. и материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г. Последние были изданы в 1969 г. под названием «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма».

¹⁶³ Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора средних веков Института истории академии наук СССР 8 апреля 1966 г. // Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Л. 11.

¹⁶⁴ Там же. Л. 7, 8.

¹⁶⁵ Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии 11–13 мая 1966 г. // Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Т. 1. Л. 140–143.

¹⁶⁶ Стенограмма объединенного заседания ... Л. 44–45.

ях научной периодики 1968 г.¹⁶⁷: «Активно обсуждалась и проблема “равновесия” сил между феодальными и буржуазными классами, как основы абсолютизма. В отношении Франции этот факт не вызывал ни у кого возражения. Но выявилось различное понимание сущности “равновесия”... Продолжая дискуссию, уже давно идущую среди советских историков, участники конференции пришли к выводу, что в России не было «равновесия» между буржуазией и дворянством. В целом выступающие по этой проблеме констатировали, что “равновесие” отнюдь не является обязательным условием возникновения абсолютизма»¹⁶⁸.

То, что серьезная проблема существует и необходимо ее решать, но решать в рамках советской методологии, показал доклад Л. В. Черепнина¹⁶⁹, бывший наряду с докладом итальянского историка-марксиста К. Виванти¹⁷⁰ основным на конференции. Так, Черепнин четко расставляет акценты, ведя речь о непреложном для советских историков марксистско-ленинском учении о государстве. Абсолютная монархия – это «политическая надстройка феодализма на позднем этапе его развития... последняя форма феодальной монархии, диктатуры дворянства в тот период, когда уже идет формирование буржуазии»¹⁷¹. Черепнин обращается к выдержкам из Маркса и Энгельса о периодах равновесия сил классов-антагонистов и об абсолютной монархии, державшей в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга.

Эта каноническая преамбула тем не менее сопровождается оговорками. «Совершенно очевидно, – отмечает Черепнин, – что Энгельс не рассматривает здесь абсолютизм *специально и всесторонне*... Он берет здесь абсолютизм в уже сложившемся виде...»¹⁷² И далее: «Маркс... указывает здесь на социально-экономические предпосылки абсолютной монархии, рассматривая их... как процесс генезиса и нарастания в обществе новых, капиталистических отношений... Маркс подходит к проблеме *исторически и диалектически*, оценивая переход от средневековья к новому времени как борьбу сил феодального и буржуазного общества (о “равновесии” тут не говорится), затянувшийся на какой-то (переходный) период, в разви-

¹⁶⁷ Комолова Н. П. Встреча советских и итальянских историков // Вестн. акад. наук СССР. 1968. № 7. С. 88–92; см. также: Щетинина Г. И. Третья встреча советских и итальянских историков // История СССР. 1968. № 5. С. 245–249.

¹⁶⁸ Там же. С. 90.

¹⁶⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века. М., 1970. С. 11–60.

¹⁷⁰ Виванти К. Заметки к дискуссии об абсолютизме // Там же. С. 61–85.

¹⁷¹ Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии ... С. 12.

¹⁷² Там же. С. 13.

тии которого политической надстройкой феодализма является абсолютная монархия»¹⁷³.

Далее следует важное теоретическое построение Л. В. Черепнина, в дальнейшем не раз повторенное его коллегами: «Конечно, **“равновесие” нельзя понимать как равенство на чашах весов или даже математическое равенство. Это, очевидно, соотношение сил господствующего феодального класса и формирующегося класса буржуазии, оказывающее воздействие на правительство, – соотношение, которое в зависимости от конкретных условий может быть неодинаковым в разных странах и в различные периоды, отчего и абсолютные монархии развиваются по-разному. Лишь в отдельных странах и в определенные эпохи буржуазия в системе абсолютной монархии приближается по своему удельному весу к дворянству** (курсив и полужирный мой. – Л. Л.)»¹⁷⁴.

Сделанный на основе расширенного понимания известных цитат Маркса и Энгельса, вывод Черепнина был удачным методологическим маневром. Для советских историков открывались новые возможности моделирования внутри предложенной схемы.

Однако появившийся «прорыв» таил в себе массу вопросов. Если речь идет о «соотношении сил», то что делать с «равновесием»? Разумеется, оба понятия соотносимы, но не тождественны. Упразднить же само понятие «равновесия» значило замахнуться на авторитет классиков марксизма, что было чревато неприятностями. Как выход из затруднительного положения, появилось идея о наличии в обществе достаточно широко понимаемого соотношения сил, которое, в зависимости от конкретных условий, может быть неодинаковым в разных странах и в различные периоды. Это был максимум возможностей в пределах социологической модели.

«Как оценить соотношение старого и нового, феодального и буржуазного?»¹⁷⁵ Это была краеугольная проблема, поднятая Л. В. Черепниным и, по его верному замечанию, вызывающая наибольшие споры. Показательно, что и статья А. Я. Авреха, оппонента Л. В. Черепнина, открывающая дискуссию об абсолютизме, начинается аналогичной фразой: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная... Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в природе и политике абсолютной монархии»¹⁷⁶. Таким образом, перед советскими историками встал вопрос определения качественных и количественных

¹⁷³ Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии ... С. 14.

¹⁷⁴ Там же. С. 13.

¹⁷⁵ Там же. С. 32.

¹⁷⁶ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. №2. С. 82.

граней того, что понималось под словами «феодальное» и «буржуазное». Как это сделать в пределах социологической модели и марксистской методологии?

С точки зрения Л. В. Черепнина, с XVI в. можно вести речь о предпосылках абсолютизма, установившегося в России к XVIII в.¹⁷⁷ Черепнин признает, что в России начала XVII в. не было ни буржуазии, ни буржуазных отношений¹⁷⁸, не было равновесия дворянства и буржуазии в смысле равенства их сил, равнозначности удельного веса¹⁷⁹. Однако Черепнин не желает выводить социально-экономические процессы в России из европейской схемы формирования капитализма. Он ведет речь о кануне «завязи таких отношений в недрах феодального строя»¹⁸⁰. Следуя ленинской характеристике XVII в. как «нового периода русской истории», Черепнин еще раз маневрирует, связывая понятия, похожие по названию, но не тождественные. Эта выглядит так: «Признание термина “новый период” равнозначным выражению “новая история” вводит Русское государство (с учетом особенностей его развития) в русло общеисторической периодизации. Россия в то время отставала в своем росте от ряда европейских стран, где развивались капиталистические отношения: в ней господствовал еще не исчерпавший всех своих возможностей феодальный строй. Однако давали себя чувствовать и новые явления, которые исследователи характеризуют как “ростки капитализма” (наряду с термином “ростки” употребляются и другие – “зародыши”, “элементы”)»¹⁸¹. Таким образом, Л. В. Черепнин не ставит под сомнение канон, но одновременно признает и не совсем вписывающиеся в него идеи коллег.

На конференции проявили себя и будущие активные участники дискуссии об абсолютизме. Первым выступил Н. И. Павленко, следующим образом прокомментировав доклад Л. В. Черепнина «На стр. 16 (доклада Л. В. Черепнина. – Л. Л.) написано, что становление абсолютизма в России “подчинялось (при всем своеобразии) общим закономерностям, о которых говорят Маркс и Энгельс”... на стр. 52 сказано, что “общую формулу о “равновесии” сил дворянства и буржуазии не следует воспринимать догматически”... Допустим, это так. Но как тогда согласовать это заявление с тем, что утверждается на стр. 48: “В России не было (подчеркиваю – не было – Н. П.) равновесия дворянства и буржуазии в смысле равенства их

¹⁷⁷ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 17.

¹⁷⁸ Там же. С. 26.

¹⁷⁹ Там же. С. 48.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же. С. 30.

сил...»¹⁸². Дело обстоит так, подводит итог Павленко, «что концепция равновесия существует сама по себе, а факты сами по себе»¹⁸³.

Доктор исторических наук П. В. Волобуев (1923–1997), рассматривая абсолютизм как всемирно-историческое явление, высказал, по его словам, «по-видимому еретическую» мысль о том, что «наличие так называемого равновесия... дворянства и буржуазии... не является общеисторической чертой абсолютизма»¹⁸⁴.

Применительно к России Волобуев указал на следующие ведущие факторы генезиса абсолютизма: внешнюю опасность, завоевательные войны, обширные слабозаселенные пространства, многонациональность и необходимость сильной власти для подавления центробежных тенденций. Совокупность этих условий привела к тому, что «политическая, государственная концентрация опережала экономическую»¹⁸⁵.

А. Я. Аврех, дискуссионная статья которого уже готовилась к выходу, также критически оценил выступление Л. В. Черепнина. Аврех видел корень проблемы в желании советских историков представить российский капитализм более ранним, чем он был на самом деле, с помощью идеи одновременного развития феодализма и капитализма, и примером такого подхода считал доклад Черепнина: «XVII столетие, – цитирует Аврех Черепнина, – нельзя не включать в рассмотрение генезиса капитализма, но при этом не следует забывать, что и феодализм в то время не исчерпал еще своих больших резервов. Появление зачатков капиталистических отношений было предвестником конечной гибели феодальной формации, но очень отдаленным и мало заметным. И лишь в этом смысле, в плане далекой перспективы, можно говорить о начавшемся разложении феодализма (курсив мой. – Л. Л.)»¹⁸⁶.

Такая постановка вопроса не могла не вызвать ироничного замечания А. Я. Авреха, «ярого полемиста», менее всего склонного к компромиссам, умевшего «держать удар»¹⁸⁷. «Итак, перед нами совершенно иной подход к исторической реальности, – саркастически замечает Аврех, – если ее нет, она будет, а раз так, то, значит, она есть»¹⁸⁸.

Аврех, конечно, был прав. Но нужно отдать должное и Черепнину: предлагаемое им также было оправданно. Характеристики, указывающие на далекую перспективу и допускавшие широкие толкования, открыли дополнительные возможности перед советскими историками, вынужденными

¹⁸² Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 181–182.

¹⁸³ Там же. С. 181–182.

¹⁸⁴ Там же. С. 194.

¹⁸⁵ Там же. С. 195–196.

¹⁸⁶ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 220.

¹⁸⁷ Ганелин Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4. С. 102.

¹⁸⁸ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 220.

сверять свои выводы с общепринятым каноном. Однако теоретический простор требовал фактологического подкрепления. Между тем с фактами и их интерпретацией были проблемы. Это и подметил А. Я. Аврех.

«Не аргументирован и следующий тезис – о равновесии, – указывает далее Аврех. – Мне было приятно слышать, когда в своем вступительном слове Л. В. Черепнин решительно и ясно заявил: равновесия не было. Но в докладе между тем доказывается, что это равновесие было, только не надо понимать его буквально, как математическое равенство... Таким образом, нам предлагают считать равновесием любое соотношение... Ну, а если это соотношение выражается, как соотношение 100:1...? В том-то и дело, что равновесие – это не просто соотношение, а определенное количественное соотношение, и если его нет, то слова о равновесии – звук пустой»¹⁸⁹. И далее: «Существование равновесия доказывается при помощи глаголов долженствования. Абсолютной монархии *“приходится оказывать содействие нарождающейся буржуазии”*; *“правительство в своей политике должно было считаться с запросами буржуазии”* и *“правительство не может не считаться с ними”* (курсив мой. – А. А.). Это, собственно, все, чем располагает докладчик для доказательства существования равновесия»¹⁹⁰.

Не соглашался А. Я. Аврех и с трактовкой Л. В. Черепниным классовой борьбы как определяющего фактора в становления абсолютизма, и с определением абсолютизма как «политической надстройки феодализма на позднем этапе его развития», как фиксирующего лишь время появления абсолютизма, а не его сущность¹⁹¹.

Завершая выступление, Аврех изложил свои взгляды на природу абсолютизма. В России абсолютизм появился задолго до капитализма и сам был предпосылкой последнего. Причиной этого была необходимость России выжить в соседстве с передовыми европейскими странами¹⁹². «И не надо, – отмечал Аврех, – искать капитализм или его “элементы”, “зародыши” и т. д. там, где их не было, так же, как не надо искать равновесия между феодальными и буржуазными классами»¹⁹³.

Абсолютная монархия, по Авреху – это «такая феодальная монархия, которой в силу ее внутренней природы присуща способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию»¹⁹⁴. Упреждая вопросы о том, каким образом это возможно без капитализма и буржуазии, Аврех

¹⁸⁹ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 220.

¹⁹⁰ Там же. С. 220–221.

¹⁹¹ Там же. С. 221–222.

¹⁹² Там же. С. 222.

¹⁹³ Там же. С. 222–223.

¹⁹⁴ Там же. С. 222.

указывает на господство бюрократии, относительную самостоятельность государства и способность помещика превращаться в юнкера, а буржуа – одворяниваться. Двойственная природа абсолютизма объясняет его внутреннюю противоречивость. Абсолютистское государство, стремясь стать буржуазным, не может освободиться от своей феодальной сущности¹⁹⁵. Подобные теоретические выкладки в условиях советского историографического канона, даже со ссылками на Ленина, были вольнодумством. Но, как оказалось, это было еще не все.

Выступивший вслед за А. Я. Аврехом И. Ф. Гиндин обострил ситуацию. Продемонстрировав в начале доклада свою верность классикам марксизма и удовлетворенность в том, что находящаяся на подъеме советская историческая наука «проникается тем историзмом, который присущ самой марксистско-ленинской методологии»¹⁹⁶, он заявил о существовании двух направлений в российской историографии. Одно из них, господствующее, основывается на признании почти одновременного развития западноевропейского и российского капитализма и отсутствии принципиальной разницы между обоими. Другое, или новое, направление, отстаивает идею гораздо более позднего развития российского капитализма, бывшего значительно слабее западноевропейского¹⁹⁷.

Первое, традиционное, направление и самого Л. В. Черепнина Гиндин подвергает жесткой критике. Во-первых, доклад Черепнина, замечает Гиндин, «еще не дотягивает до методологического уровня, который должен бы уже являться эталоном для оценки всех наших работ»¹⁹⁸. Во-вторых, главное значение доклада Л. В. Черепнина, по мнению Гиндина, в том, «что в нем умело обобщены многолетние итоги трудов большой группы советских историков-медиевистов, специалистов по отечественному феодализму... (явный намек на недостаточную научную глубину. – Л. Л.)»¹⁹⁹. Признавая заслуги традиционного направления в области публикации источников и накопления фактов, Гиндин, однако, минимизирует этот комплимент жестким выводом: «*Не велики, напротив, научные итоги существующего уже сорок лет направления. Невольно возникает вопрос: какое место займет доклад Л. В. Черепнина в нашей историографии? (курсив мой. – Л. Л.)*»²⁰⁰.

Сторонники «нового направления» сразу же получили жесткую отповедь у непререкаемого авторитета советской историографии – академика

¹⁹⁵ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 223.

¹⁹⁶ Там же. С. 224–225.

¹⁹⁷ Там же. С. 224–226.

¹⁹⁸ Там же. С. 225.

¹⁹⁹ Там же. С. 225–226.

²⁰⁰ Там же. С. 226.

М. В. Нечкиной. «Боевой дух» конференции, который Нечкина отметила в заключении своего доклада, пронизывает все ее выступление. Волобуеву, Гиндину и Авреху были поставлены в вину игнорирование классово-борьбы, базисных оснований абсолютизма, русского революционного движения, отсутствие динамики в рассмотрении феодализма²⁰¹. «Новое в науке не тождественно правильному! Новое бывает разное!» – утверждала М. В. Нечкина²⁰².

Таким образом, формат и содержание последовавшей вскоре дискуссии уже выявились на советско-итальянской встрече историков. То, что предметом дискуссии стал российский абсолютизм, было естественно. Это – актуальная отечественная проблематика, выходящая на исторические судьбы российского самодержавия, подкрепляемая российскими источниками. Что же касается западноевропейского абсолютизма, то в данной области господствовала традиционная точка зрения «равновесия» сил дворянства и буржуазии. Сложившуюся ситуацию не могла изменить и достаточно оригинальная на тот момент точка зрения А. Д. Люблинской. Отталкиваясь от социологической модели абсолютизма и специфики формирования ранней буржуазии, Люблинская предложила рассматривать эти процессы в общеевропейском масштабе, на основе сопоставления стран различного уровня развития, с учетом всей сложности и медленного развертывания централизации государств²⁰³.

Особенно интересным в свете развернувшейся дискуссии было мнение Люблинской о российском абсолютизме. Исторический материал, отметила она, показывает, что явления, называемые «предпосылками», значительно опережают развитие капитализма как такового и что еще до появления первых мануфактур и первоначального накопления государственная власть уже готова воспринять эти явления²⁰⁴. А. Д. Люблинская по сути поддержала идею А. Я. Авреха: «Вот почему мне представляется обоснованной точка зрения наших историков, которая не связывает непосредственно и очень жестко формирование абсолютизма в России с появлением капиталистического уклада. Мне кажется, что Россия как раз представляет собой тот интересный случай, когда государственная власть как бы несколько забежала вперед экономики»²⁰⁵. Точка зрения А. Д. Люблинской, однако, не изменила установки советской медиевистики, еще раз повторенные С. Д. Сказкиным в его выступлении²⁰⁶.

²⁰¹ Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 257, 252, 253.

²⁰² Там же. С. 253.

²⁰³ Там же. С. 173–174.

²⁰⁴ Там же. С. 175.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 163–166.

Более того, С. Д. Сказкин категорически отверг трактовку итальянского историка-марксиста К. Виванти о существовании социального консенсуса между буржуазией и дворянством при абсолютизме²⁰⁷. Идея Виванти расходилась с воззрениями классиков марксизма, и для аргументации Сказкина этого было достаточно: «Дело вовсе не в том, что определенные слои дворянства срастаются с некоторыми слоями крупной буржуазии и создается, как он [Виванти] считает своего рода мир между двумя классами, на котором будто бы покоится абсолютизм. Как раз наоборот: абсолютизм появляется именно вследствие того, что, несмотря на такое состояние “равновесия”, внутри государства продолжается оппозиционная борьба. Именно поэтому центральная власть, лавируя между буржуазией и дворянством, и приобретает... большую самостоятельность, чем обычно. Таким образом, интересы этих классов не примиряются, а наоборот, остаются непримиримыми»²⁰⁸. Итоговые акценты в обсуждении абсолютизма расставил Б. Ф. Поршнев: «Формулировка марксистского понимания природы абсолютизма была дана сегодня в докладе Л. В. Черепнина и в выступлении С. Д. Сказкина. Это определение представляется мне бесспорным»²⁰⁹. Дискуссия о российском абсолютизме, таким образом, фактически уже началась до своего официального открытия в «Вопросах истории»²¹⁰, однако проблематика западноевропейского абсолютизма отразилась в ней лишь опосредованно.

Подводя итог работы, проведенной советскими историками в области изучения российского абсолютизма, необходимо обратить внимание на своеобразие рассмотренного периода. «Оттепель», несмотря на ее регулируемый характер, привела к теоретическим поискам советских историков и привлечению материалов источников, что совпало с изданием много томных обобщающих работ и появлением новых сюжетов в проблематике абсолютизма. Несомненно, все это сыграло положительную роль. Теоретическая модель абсолютизма приобрела определенную устойчивость на основе концепции «равновесия», развитие российской абсолютной монархии было вписано в европейский контекст, оформились основные проблемы при его рассмотрении в обобщающих работах. Вместе с тем постепенно становилось очевидным, что проблема абсолютизма значительно сложнее и глубже, чем представлялось ранее. Это привело не только к переосмыслению устоявшихся представлений о генезисе российского абсолютизма, но и к дискуссии 1968–1972 гг.

²⁰⁷ Виванти К. Заметки к дискуссии об абсолютизме (1550–1650) // Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 69.

²⁰⁸ Документы советско-итальянской встречи историков ... С. 165.

²⁰⁹ Там же. С. 199.

²¹⁰ Дискуссии // Вопросы истории. 1968. № 2. С. 82–104.

5.2. Западноевропейский абсолютизм в советской исторической науке середины 1950-х – 1960-х гг.

Статья «Сорок лет советской медиевистики», опубликованная в 1957 г.²¹¹, не только подводит соответствующие итоги, но и передает идеологический заряд первых послесталинских лет и начала эпохи «оттепели». Авторы акцентируют внимание на всемирно-историческом значении Октябрьской революции, победе марксистско-ленинской методологии и роли КПСС. С Коммунистической партией, от которой историки получали «постоянную помощь и руководство»²¹², связывалось будущее советской историографии. «Решения XX съезда партии, наметившего перспективы для дальнейшего подъема науки и культуры, решительно осудившего догматизм, начетничество и вредные последствия культа личности в исторической науке, – отмечалось в заключении, – открыли перед советскими медиевистами, как и перед всеми историками, еще более широкие возможности творческой работы, свободных дискуссий, новых исследований»²¹³.

Насколько искренними были эти заявления? Вопрос можно счесть риторическим, однако в середине 1950-х гг. вряд ли речь шла лишь о внешнем соблюдении правил в отношениях историков и власти. Марксистская методология, которой придавалось мессианское значение, получила импульс к обновлению после XX съезда. Советские историки, бывшие очевидцами и жертвами проработок и репрессий предыдущих десятилетий, несомненно, работали в режиме внутренней цензуры. Однако они не могли не признавать значимости марксизма и как научной парадигмы, и как идеологии страны, в которой жили. Наконец, важную роль играл личностный фактор. Среди исследователей были и те, кто цитировал классиков марксизма помногу и с пафосом, и те, кто делал это умеренно, скорее соблюдая необходимую формальность. Политическую и психологическую раздвоенность этой эпохи точно и образно выразил А. П. Каждан: «Сталинизм не был просто грубой одеждой, наброшенной на наше нежное тело, мы срослись с ним и не могли его сбросить одним небрежным движением»²¹⁴.

Именно сверху, обращает внимание Каждан, пришел слух, «что можно писать и печатать без обильных ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма, нам позволили занять более мягкую позицию в отношении буржуазной историографии; дрогнули основы воинствующего атеизма,

²¹¹ Косминский Е. А., Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Сорок лет советской медиевистики // Вопросы истории. 1957. № 11. С. 186–205.

²¹² Там же. С. 186.

²¹³ Там же. С. 205.

²¹⁴ Каждан А. П. Трудный путь в Византию // Одиссей: человек в истории, 1992. М., 1994. С. 44.

и открылись возможности заговорить об историчности Иисуса Христа. Пожалуй, уже без поощрения сверху исторический опыт стал использоваться для анализа и критики современной ситуации»²¹⁵.

Статья, подводящая итог сорокалетней работы советских медиевистов, в свою очередь, демонстрирует официальное понимание исследовательских приоритетов. На первом месте находилось рассмотрение феодализма как общественно-экономической формации. При этом акцентировалось внимание на содержании понятия «феодализм». Оно, по словам авторов, «получило в советской медиевистике совершенно новое, единственно правильное научное толкование (курсив мой. – Л. Л.)»²¹⁶, в противовес «буржуазным исследователям, которые... обычно видят в нем лишь политическую или правовую систему»²¹⁷. Следующим по важности выступало изучение аграрных процессов, категорий зависимого населения, классово-борьбы, города, ремесел и торговли. Изучение государства – «надстроечных явлений эпохи феодализма»²¹⁸ – рассматривалось как нужная, но не приоритетная сфера. Наконец, внизу исследовательской иерархии находились идеология, культура, международные отношения и проблема образования народностей и наций, «которая в целом, однако, разработана еще далеко не достаточно»²¹⁹.

Проблема абсолютной монархии, утверждают авторы, «интересовала и интересует» советских медиевистов²²⁰. Большинство советских историков, поясняется далее, считают абсолютную монархию феодальным эксплуататорским государством. Специфическая форма этого государства, способствовавшая максимальной централизации, объяснялась, в русле социологической модели, формированием и борьбой классов. В обществе XVI – XVII вв. появились новые классы – буржуазия и предпролетариат, обострились противоречия между феодалами и крестьянством, а также между дворянством и буржуазией. Указанные процессы связывались с развитием капиталистических отношений²²¹.

В указанном ракурсе раскрывается проблематика западноевропейского абсолютизма в фундаментальном обобщающем труде эпохи «оттепели» – «Всемирной истории». В данном контексте уместно поставить вопрос: насколько сохранилась в этом издании связь с планами, намеченными еще в конце 1930-х гг.?

²¹⁵ Каждан А. П. Трудный путь в Византию. С. 45.

²¹⁶ Косминский Е. А., Гутнова Е. В., Сидорова Н. А. Сорок лет советской медиевистики. С. 189.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 198.

²¹⁹ Там же. С. 202.

²²⁰ Там же. С. 199.

²²¹ Там же. С. 199–200.

При этом нужно учитывать ряд моментов. В плане 1951 г., было намечено сокращение количества томов. Однако для точной его оценки необходима информация о том, в каком формате планировался первоначальный выпуск, согласно плану-проспекту 1938 г. Не следует также сбрасывать со счетов отношения внутри корпорации медиевистов и мотивацию распределения глав между авторами. Весьма вероятно, что подготовленный еще до войны материал сохранился и не потерял актуальности. С одной стороны, методологический канон уже установился, с другой – вряд ли реалии «оттепели» могли что-либо радикально изменить в интерпретации западноевропейского абсолютизма, в отличие, например, от трактовок российской истории первой половины XX в. Наконец, выбор специалистов для написания конкретных глав был не так широк.

Сопоставление плана-проспекта 1938 г. и оглавления вышедших в 1958 г. IV²²² и V²²³ томов «Всемирной истории», приводит к выводу о том, что в содержательном плане, применительно к европейским государствам XVI–XVIII вв., изменений практически не было. Изменился лишь порядок рассмотрения стран²²⁴. Советские историки работали коллективно, в границах единой методологии и государственного заказа. По этой причине текстов, расходящихся с общепринятыми установками, тоже появиться не могло.

Более существенные изменения коснулись распределения материала по томам и авторам. То, что в плане 1938 г. должно было занимать три тома – VI, VII и VIII, было помещено в два – IV и V. Материал по истории французского абсолютизма XVI – первой половины XVII в. был написан В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской, между тем как за Б. Ф. Поршневым осталась глава о Франции второй половины XVII в. Положение французской монархии накануне революции было охарактеризовано Ф. В. Потемкиным. Очерк о тюдоровской Англии оказался написанным Ю. М. Сапрыкиным, а об Англии Стюартов – М. А. Баргом. С. Д. Сказкин остался, как и планировалось ранее, автором глав об Италии и Испании XVI в., однако он написал их вместе с М. Л. Абрамсон. Создателями же очерков по истории этих стран в XVII – первой половине XVIII в. стали К. Э. Кирова и Н. Н. Косорез²²⁵. Таким образом, в ракурсе рассмотрения абсолютизма во «Всемирной истории», содержательная и методологическая преемственность между задуманным во второй половине 1930-х гг. и реализованным спустя два десятилетия, очевидна. Однако в отношении структуры материала и авторского коллектива произошли коррективы.

²²² Всемирная история: в 10 т. Т. 4. 823 с.

²²³ Там же. Т. 5. 781, [1] с.

²²⁴ Всемирная история. Т. 4. С. 815–823, Т. 5. С. 773–782.

²²⁵ См. перечень авторов по главам: Всемирная история. Т. 4. С. 16, Т. 5. С. 16.

«Возвышение феодально-абсолютистской Франции»²²⁶ – так названа глава, написанная В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской. Авторы выделяют три периода развития французского абсолютизма. Первый период: 1500 – конец 1550-х гг. – зарождение элементов капитализма, формирование абсолютистской монархии, длительные внешние войны (итальянские войны); второй период: начало 1560-х гг. – 1594 г. – гражданские войны, экономический упадок, кризис абсолютизма; третий период: 1595–1648 гг. – окончательное торжество абсолютистской монархии во Франции, дальнейшее развитие капиталистических отношений, участие Франции в Тридцатилетней войне²²⁷. Обращает на себя внимание акцент на войнах, как условия развития абсолютистской монархии, однако такие ее аспекты, как идеология, институты, личностный фактор и т.д., сведены к минимуму. Первоочередное внимание авторов сконцентрировано на зарождении капитализма и формировании буржуазии как прогрессивных тенденций в рамках позднего феодализма. В соответствии с заложенной в концепции «равновесия» идеей конфликта буржуазии и дворянства, акцентируется «неизбежное все возрастающее недовольство мануфактуристов и купцов» их непривилегированным положением в государстве. Однако французская буржуазия XVI в. «была еще экономически слишком слаба и политически незрела для того, чтобы противопоставить себя как класс привилегированным условиям, для того, чтобы возглавить народную борьбу против феодализма и домогаться завоевания политической власти»²²⁸.

Единственным представителем правящей элиты эпохи абсолютизма, охарактеризованным и как политик, и как личность, стал кардинал Ришелье. Читатель узнавал о его происхождении, образовании, честолюбии, твердости в достижении цели, политической гибкости. Ришелье, считают авторы, являлся защитником феодальных устоев французской монархии, однако ему было свойственно чутье нового и понимание необходимости приспособления старых учреждений к требованиям времени²²⁹.

Глава о Франции XVII в. в пятом томе «Всемирной истории» написана Б. Ф. Поршневым. «Французское государство XVII в., построенное на принципе абсолютистской власти короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства, считал он. – Главным назначением абсолютистского государства была защита феодального строя, феодального экономического базиса от всех антифеодальных сил»²³⁰.

²²⁶ Всемирная история. Т. 4. С. 207.

²²⁷ Там же. С. 208.

²²⁸ Там же. С. 212.

²²⁹ Там же. С. 232.

²³⁰ Всемирная история. Т. 5. С. 116.

Концепция Поршнева, подвергшаяся критике в начале 1950-х гг., несколько утратила категоричность, однако сохранила свое содержание. По Б. Ф. Поршневу, основной антифеодальной силой были крестьяне, сила крестьянского сопротивления все нарастала, и только абсолютистское государство имело возможность ей противостоять. Что же касается буржуазии, то из факта покровительства ей абсолютистского государства не следует думать, что абсолютизм был «двухклассным» или «буржуазным» государством, как утверждают буржуазные историки²³¹, подчеркивал Поршнева. По его мнению, абсолютизм привлекал буржуазию на сторону дворянского государства, чтобы отколоть от демократических союзников и борьбы против феодализма²³².

В ОР РГБ сохранились документы, из которых очевидно желание Поршнева создать панорамную картину развития европейского абсолютизма, синхронизируя процессы в Западной Европе и России. Для этого сопоставляются условия развития государств, выявляется степень «революционности» различных факторов, в том числе деятельности монархов. Что же касается Фронды, то она характеризуется Поршневым как революция, произошедшая «не во время»²³³. Рассматривая российскую монархию в годы правления патриарха Филарета, Поршнева обращает внимание на схожесть институциональных процессов укрепления абсолютизма в России и Европе. Он делает вывод о том, что есть «основание сравнить русскую монархию при Филарете с английским, французским или испанским абсолютизмом первой половины XVII века»²³⁴. Еще важнее, отмечает Поршнева, схожесть условий формирования абсолютизма. Это проявилось в аналогичности народных восстаний времен Ришелье и Мазарини во Франции и событий «бунташного века» в России²³⁵.

В 1964 г. концепция Б. Ф. Поршнева воплотилась в основанной на теоретических построениях книге «Феодализм и народные массы»²³⁶. Общую ее тональность можно выразить таким тезисом: «Чем более, с развитием феодального общества, расшатывался его экономический базис, тем острее и глубже становилась борьба составлявших его классов, тем соответственно более сильная надстройка требовалась для сохранения и защиты этого базиса. Поэтому для позднефеодальной эпохи характерно очень сильное, мощное государство (самодержавие, абсолютизм), активизирующаяся, на-

²³¹ Всемирная история. Т. 5. С. 116.

²³² Там же.

²³³ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 16. Ед. хр. 14. Л. 8, 9.

²³⁴ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 1–3.

²³⁵ Там же. Л. 3.

²³⁶ Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. 519 с.

ступающая церковь (католическая реакция, реформы, контрреформы). Эти две силы и сковывали нарастающую силу крестьянского сопротивления на протяжении всего средневековья»²³⁷.

Иногда социологические построения советских историков напоминали смысловые головоломки. Это очевидно из такого, например, сюжета об относительной самостоятельности государства при абсолютизме: «И мы вправе, очевидно, сказать следующее: абсолютистское государство представляет собой ту своеобразную форму относительной самостоятельности надстройки в отношении базиса, которая связана с выполнением государством активной роли в развитии и укреплении базиса в рамках независимости его от фракционных экономических интересов различных и прежде всего ведущих сил эксплуататорского класса, и именно потому среди других форм эксплуататорского государства являет собой пример государства максимально, предельно возможной относительной самостоятельности»²³⁸.

С. Д. Сказкин выразил аналогичную мысль яснее: «Государство, как “аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию” может обладать меньшей или большей самостоятельностью в своих действиях от своего класса. Такое положение, в силу которого государство обладает большей самостоятельностью, от своего класса, не делает его в меньшей степени выразителем интересов своего класса. Наоборот, полицейско-бюрократическая машина, созданная впервые абсолютизмом, разрастаясь и становясь всеобъемлющей, с особой силой осуществляет функцию классового насилия, и, таким образом, удовлетворяет интересы господствующего класса»²³⁹.

Однако представляется, что к числу лучших может быть отнесено описание абсолютизма, данное Сказкиным в первом томе «Краткой всемирной истории». Абсолютная монархия, считает С. Д. Сказкин, выступает «как арбитр между старым господствующим классом феодалов и буржуазией, и как защитник обоих классов от революционного движения народных масс, подвергаемых и феодальной, и капиталистической эксплуатации. Буржуазия становится все более мощным в экономическом отношении классом, но все же недостаточно сильным, чтобы поставить вопрос о захвате власти. Власть остается в руках феодалов, но централизованная монархия, стремясь повысить свои доходы, поддерживает укрепляющееся капиталистическое хозяйство и буржуазию, а та, в свою очередь, опирается на аб-

²³⁷ Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. С. 321.

²³⁸ Жемойтель Л. В. Абсолютистское государство как специфическая форма выражения относительной самостоятельности надстройки в отношении базиса // Учен. записки Карельск. пед. ин-та. Т. IX. 1959. Петрозаводск, 1960. С. 25.

²³⁹ Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) М., 1957. С. 9.

солютную монархию, которая обеспечивает ей успешную конкуренцию на внешнем рынке и ссудами поддерживает и расширяет мануфактурное производство»²⁴⁰.

Французский абсолютизм считался классическим и служил референтной моделью для изучения абсолютной монархии в других странах. Вырастающая, абсолютизм использовал соперничество дворянства и буржуазии. Кроме того, и абсолютизм, и дворянство выигрывали от капиталистического развития²⁴¹. Особое внимание С. Д. Сказкин уделил итальянскому абсолютизму, который, по его мнению, был предшественником того типа самодержавия, который классики марксизма называли бонапартизмом. Это – лавирование правителей не столько между дворянством и буржуазией, сколько натравливание на последнюю городского плебса²⁴².

В 1961 г. в Советской исторической энциклопедии была опубликована совместная статья академиков С. Д. Сказкина и Н. И. Конрада об абсолютизме в Западной Европе и Азии, где сжато и информативно было представлено существовавшее видение абсолютизма в советской историографии. В прилагаемый библиографический список были внесены работы зарубежных, в том числе современных, исследователей²⁴³.

Последнее было не случайно. Во второй половине 1950-х гг. стал меняться характер отношений между советскими и зарубежными историками, происходило налаживание их диалога, характер которого определялся идеологической атмосферой времени.

4–11 сентября 1955 г. советские ученые, после десятилетий изоляции, приняли участие в X Международном конгрессе историков в Риме. Доклады историков Запада были изданы в том же году в Италии²⁴⁴, советских историков – в следующем году в СССР²⁴⁵. Отдельным изданием был опубликован доклад Е. А. Косминского, прозвучавший на конгрессе, – «Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке»²⁴⁶ – работа, которая может служить образцом научной корректности. «Следует приветствовать как отрадное и многообещающее явление, возобновившееся в настоящее время общение советских и западноевропейских историков. Это общение может быть плодотворным для обеих сторон. Но для

²⁴⁰ Краткая всемирная история: [в 2 кн.]. Кн. 1 / под ред. А. З. Манфреда. М., 1966. С. 239.

²⁴¹ Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе ... С. 15.

²⁴² Там же. С. 17.

²⁴³ Абсолютизм // СИЭ. Т. 1. Стб. 45–48.

²⁴⁴ Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Vol. IV. Storia Moderna / Comitato Internazionale di Scienze Storiche, X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Roma 4–11 settembre 1955. Firenze, 1955. 398 p.

²⁴⁵ 10-й Международный конгресс историков в Риме. 686 с.

²⁴⁶ Косминский Е. А. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. М., 1955. 88 с.

плодотворного общения надо хорошо понимать друг друга»²⁴⁷. Марксизм – не догма, далее утверждает Косминский, и продолжает: «Конечно, у нас не было недостатка в “начетчиках и талмудистах”, стремившихся подменить живое учение марксизма мертвой буквой. Но все эти попытки превратить марксизм в окаменелую догму разоблачались и сводились на нет»²⁴⁸.

К сожалению, многое в выступлении Е. А. Косминского осталось лишь пожеланием. Разница в категориях мышления, методологических подходах, направленности исследований, дискурсивных практиках советской и европейской немарксистской историографии была очевидна.

Примером этого может служить обсуждение на конгрессе проблем английского парламента. 5 сентября 1955 г. на одной из секций конгресса с докладом на эту тему выступил Е. А. Косминский. «Английский парламент представляет собой единственное представительное собрание, которое имеет прямую и непрерывную линию развития от своего возникновения до настоящего времени, – делает Косминский вводное замечание и продолжает: – Несколько дней назад в комиссии по представительным и парламентским учреждениям мисс Роббинз сделала сообщение на тему “Почему английский парламент пережил век абсолютизма. Мнение некоторых современников XVII и XVIII веков”. М-р Кенигсбергер *справедливо* (это слово в тексте доклада зачеркнуто. – Л. Л.) отметил, что сейчас многие историки возвращаются к тем самым идеям, которых придерживались авторы XVII и XVIII века, таким, как национальный характер англичан, климат Англии, ее географическое положение и т. д.»²⁴⁹.

Указанные аргументы вряд ли были исчерпывающими, даже в рамках истории ментальностей. Для советского историка, мыслящего совершенно иными категориями, они выглядели несерьезно. Их оценка и комментарий, сделанные Косминским, являются примером не столько культуры дискуссии, сколько дипломатии. «Было бы, конечно, жаль, если бы идеи историков английского парламента двигались по заколдованному кругу, – предельно корректно выразился Косминский и подытожил, демонстрируя доброжелательное отношение: – Но я думаю, что это не так. *Я знаю, что* (слова зачеркнуты – Л. Л.) среди английских историков велась живая дискуссия по вопросу о социальном характере английского абсолютизма»²⁵⁰. Однако не всегда научные разногласия удавалось сглаживать таким образом.

Во время работы конгресса, на секции Новой истории, прозвучал обширный доклад об абсолютной монархии. Его авторами были профессор

²⁴⁷ Косминский Е. А. Основные проблемы западноевропейского феодализма ... С. 10.

²⁴⁸ Там же. С. 8.

²⁴⁹ АРАН. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.

²⁵⁰ Там же.

Страсбургского университета Р. Мунье (1907–1993) и член-корреспондент Баварской академии наук, работающий в области государства и права Ф. Гартунг (1883–1967)²⁵¹.

Основным докладчиком был Мунье. Нужно отметить, что Р. Мунье, как и его старший коллега, известный исследователь Старого порядка во Франции Ж. Пажес, считал, что французский абсолютизм феодальным государством не был. Ввиду продажи должностей, буржуазия не только допускалась к власти, но и создавала опору абсолютной монархии. Соответственно, и Пажес, и Мунье выдвигали категорически неприемлемый советскими историками тезис²⁵². Беспрецедентная нужда в деньгах, отмечал Пажес, не преодолеваясь иными способами, заставляет монархию продавать должности. Их охотно приобретает буржуазия, стремительно богатая и обладающая свободными средствами. Теперь «грядущее монархии Старого порядка было обеспечено»²⁵³, но в итоге и юрисдикция продана буржуазии²⁵⁴. Точка зрения Пажеса о социальном характере абсолютизма была развита Мунье²⁵⁵ и впоследствии критиковалась советскими медиевистами.

Дискуссии на конгрессе 1955 г. и освещение этого события в научной периодике СССР продемонстрировало радикальные расхождения между западными и советскими историками. Это было отражено и в статье советского исследователя Английской революции А. С. Самойло (1893–1974)²⁵⁶. Реакция советских историков объяснима: концептуальные изменения приводили бы к пересмотру марксистской схемы истории, а затем к коррективам в идеологии. В СССР, без санкции на высшем уровне, это было недопустимо. По этой причине, занимая методологически ограниченную нишу, послевоенная советская медиевистика отвергала все, что не вписывалось в советский историографический канон.

Приводимый ниже развернутый критический разбор доклада Мунье и Гартунга не только демонстрирует видение абсолютизма, но и систему аргументации, которые почти в неизменном виде сохранились в советской медиевистике до 1980-х гг.

²⁵¹ Hartung F., Mousnier R. Quelques problemes concernant la monarchie absolue // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Vol. IV. Storia Moderna / Comitato Internazionale di Scienze Storiche, X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Roma 4–11 settembre 1955. Firenze, 1955. P. 1–55.

²⁵² Поршнева Б. Ф. [Рецензия] // Вопросы истории. 1947. № 9. Рец. на кн: Mousnier R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1946. С. 144, 146–147.

²⁵³ Pagés G. La Monarchie d'Ancien Régime en France (De Henri IV à Louis XIV). Paris, 1928. P. 14–16.

²⁵⁴ Ibid. P. 17.

²⁵⁵ Mousnier R. Les XVI et XVII siècles. Les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1954. 605 p.; Mousnier R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1946. 629, [XXIX] p.

²⁵⁶ Самойло А. С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии // Средние века. Вып. 16. 1959. С. 125–135.

По мнению Мунье и Гартунга, термин «абсолютизм» уместен постольку, поскольку противопоставляет централизованную монархию феодальной раздробленности. На деле же абсолютный монарх был ограничен нормами религии и права, и, например, во Франции XVI–XVII вв. различали абсолютизм и деспотизм. Понятие абсолютизма в западноевропейских странах не подразумевало произвола, в отличие от Турции и России, где у подданных не было гарантий личных и имущественных прав.

Такая постановка вопроса названа советским историком А. С. Самойло «формально-юридической», основанной на туманных, мистических категориях. Как можно ограничить власть монарха, в распоряжении которого суды, тюрьмы, войско и т. д.? Комментарии и выводы Самойло демонстрировали их конфронтационную настроенность. «Создается впечатление, – подчеркивал А. С. Самойло, – что на современном этапе формально-юридический метод мышления буржуазных историков приближается моментами к «формально-мистическому»²⁵⁷. Особенную неприязнь, по понятным причинам, вызвал тезис о России и Турции как странах с деспотическими режимами. «Субъективные представления отдельных писателей о неизвестных или мало известных им странах, вместе с тенденциозно подобранными высказываниями нескольких современников о власти собственных государей, служат решающими доказательствами одного из основных тезисов доклада, – с возмущением отмечает А. С. Самойло и делает вывод: – Это создает впечатление научной несостоятельности и легковесности предпринятого исследования, в котором проступают цели и тенденции, не имеющие ничего общего с наукой»²⁵⁸.

В равной степени неприемлемой для советской медиевистики была предложенная Мунье периодизация абсолютизма по критерию изменений в органах управления. Она названа поверхностной, искусственной и научно бесплодной²⁵⁹. Признание Р. Мунье важности изучения социальных институтов и классов как таковых недостаточно для советского историка. Почему, признавая колебание цен, Мунье недооценивает значимости этого явления? По какой причине, отмечая важность классовой борьбы, Мунье не выдвигает ее на первое место? Призыв французского историка исследовать проблему абсолютизма как многофакторную и динамическую расценивается как приверженность к «старой, эклектической теории взаимодействия многих разнородных факторов, теории, ничего не объясняющей... устраняющей категорию причинности из исторической науки»²⁶⁰.

²⁵⁷ Самойло А. С. Указ. соч. С. 127.

²⁵⁸ Там же. С. 127.

²⁵⁹ Там же. С. 128.

²⁶⁰ Там же. С. 129.

Говоря о смене абсолютизма парламентарной монархией, Мунье, к негодованию А. С. Самойло, о революциях даже не упоминает²⁶¹.

Вопросы, поставленные Р. Мунье в ответ на выступление в прениях С. Д. Сказкина, также вызывают неприятие советского историка. Мунье, усомнившись в используемых советским марксизмом категориях, выразился в том смысле, что происходит использование понятий, смысл которых недостаточно ясен. Что такое буржуазия? Каким было английское крестьянство при Елизавете I? Имеет ли понятие социального класса один и тот же смысл для XVI, XVII и XVIII в.? Если исходить из фактов, продолжает Мунье, то абсолютная монархия не была угнетающей, она стремилась удержать равновесие между дворянством и буржуазией в интересах всего государства. Да и применение слова «феодальный» в отношении XVI, XVII и XVIII вв. весьма сомнительно, так как это общество ничем не похоже на действительно феодальное общество VIII–XIII вв.

Советскому историку такие размышления были чужды в принципе. Как можно ставить под сомнение марксистскую концепцию? Как возможно утверждать, что такие социальные категории, как «крестьянство» и «дворянство», не изучены? Например, В. И. Ленин великолепно это разъяснил, говоря о Франции XVIII в., где парламент и совет короля выступили против монархии²⁶².

Таким образом, обмен мнениями между советскими и европейскими историками-немарксистами продемонстрировал, что конструктивный диалог вряд ли возможен. Рассчитывать на взаимопонимание после отождествления России с восточной деспотией было нереально. Ожидать, что советские историки воспримут категории западной науки и откажутся от марксистской схемы ради конкретного материала, также не приходилось. В свою очередь, в СССР из произошедшего были сделаны политические выводы. Во-первых, Россия рассматривается на Западе как деспотия, противопоставляемая Западу²⁶³. Во-вторых, «в новейшей буржуазной историографии все более выступает тенденция отождествить абсолютную монархию с современным конституционным государством, иначе говоря, обосновать историческую законность перехода правительств ряда современных капиталистических стран к абсолютистским, диктаторским методам»²⁶⁴.

Несколько позднее дискуссия об абсолютизме на X конгрессе нашла отражение в статье А. Д. Люблинской «Новейшая буржуазная концепция

²⁶¹ Самойло А. С. Указ. соч. С. 129.

²⁶² Там же. С. 132–133.

²⁶³ Там же. С. 127.

²⁶⁴ Там же. С. 135.

абсолютной монархии»²⁶⁵. В данной публикации концептуальные расхождения, озвученные на X конгрессе, были конкретизированы и изложены в более корректной манере. Итоговая оценка проведенного анализа выражалась так: «На наш взгляд, самые насущные для изучения абсолютизма темы развития социально-экономических отношений мало освещены, а многие совсем не затронуты. Если следовать предложенной авторами проблематике, то надо углубиться главным образом в изучение доктрины и практики абсолютизма, т. е. в область идеологии и административно-политической жизни. Это и нужно, и полезно, но не этим путем мы придем к более ясному представлению о закономерностях развития государственного строя стран Европы в XVI–XVIII вв.»²⁶⁶

Историки СССР были убеждены в изначальной правильности марксистского метода, который представлялся им универсальным, единственно верным средством объективного познания исторического процесса. Склонен ли был Запад учитывать мнение советских историков? Глава российских медиевистов П. Ю. Уваров считает, что на этот вопрос нужно все же дать положительный ответ: «Да и как он мог не прислушиваться, когда СССР обладал водородной бомбой, запускал ракеты в космос и его танковые армады были в двух суточных переходах от Рейна, стройные ряды историков “стран народной демократии” демонстрировали успешное освоение марксистского метода, а сам марксизм находился на пике популярности среди западных интеллектуалов 1950–1960-х годов?»²⁶⁷. При этом имидж советских историков был специфическим. Как отмечал итальянский историограф и исследователь Античности А. Момильяно, «в разговоре с советскими историками создается впечатление, что они имеют в кармане философский камень, а потому могут лишь снисходительно смотреть на западных коллег»²⁶⁸.

Полемика между Р. Мунье и советскими историками, проявившаяся еще в ходе X конгресса в 1955 г., имела масштабное продолжение. Речь шла об обсуждении работы Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой», опубликованной в СССР в 1948 г. За рубежом эта книга вышла в 1954 г. на немецком языке, а затем, в 1963 г. – на французском. По словам свидетеля этих событий, И.-М. Берсе, профессора Сорбонны, автора работ о народных движениях и социальных институтах периода абсолютизма, издание книги Поршнева на русском языке находилось в свободном

²⁶⁵ Люблинская А. Д. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. Вып. 3. М.; Л., 1961. С. 374–403.

²⁶⁶ Там же. С. 403.

²⁶⁷ Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М., 2015. С. 155.

²⁶⁸ Там же.

доступе в Национальной библиотеке. Дополнительную помощь тем, кто интересовался народными движениями во Франции XVII в., оказал немецкий перевод 1954 г.²⁶⁹

То, что в «метаисторической концепции» Поршнева присутствовали «аномалии и деформации», несовместимые с образом мысли людей и социальных групп XVII в., было лишь частью сделанных Р. Мунье замечаний. По мнению И.-М. Берсе, Мунье брался за перо не только как специалист по истории Франции рассматриваемого периода, но и как адвокат французской историографии, которую Поршнева обвинил в неумении рассмотреть предпосылки Революции задолго до ее начала. Книгу Поршнева, таким образом, «предстояло раскритиковать за то, чем она являлась по изначальному замыслу, а являлась она манифестом, собравшим и смешавшим в себе все животворные и ядовитые плоды советской историографии»²⁷⁰.

Основой исследований Поршнева и Мунье послужили взаимодополняющие части архива, содержащего донесения провинциальных чиновников канцлеру П. Сегье, хранящиеся в Ленинграде и Париже. Это было показательно, и дело здесь не только в «симметрии» обеих частей собрания документов и, следовательно, одинаковой «вооруженности» оппонентов, на что указывал И.-М. Берсе²⁷¹. Корреспонденция, адресованная Сегье и оказавшаяся разделенной между архивами двух стран, представляла собою единый корпус источников, равноценные или почти равноценные части которого использовали двое историков, придерживающихся диаметральных методологических установок. В результате было создано две разных версии истории.

Вышедшую в 1958 г. обширную статью²⁷² Мунье хорошо подготовил, подключив участников его семинара к сбору и исследованию соответствующих архивных материалов. В столкновении Мунье и Поршнева, отмечает Берсе, не было ничего личного, это был идеологический спор. Оба противника были ровесниками, оба снискали равную известность и положение, оба не слишком отличались в подходах к работе.

Начало статьи Р. Мунье, действительно, напоминает обмен любезностями между дуэлянтами. «Б. Ф. Поршнева часто обращается к моей книге “Продажа должностей при Генрихе IV и Людовике XIII”, и объявляет, что многие из моих наблюдений и выводов имеют научную ценность, и ни в коей мере не оспаривает силу аргументов, избранных в качестве атакуемых им тези-

²⁶⁹ Берсе И.-М. Размышления о том, как пишется история // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е – 80-е годы XX века: фр. ежегодник, 2007. М., 2008. С. 28.

²⁷⁰ Там же. С. 29.

²⁷¹ Там же. С. 30.

²⁷² Mousnier R. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1958. T. V. P. 81–113.

сов, – демонстрирует академический политес Р. Мунье, и завершает его такой фразой: – Я могу, не прилагая усилий, вернуть ему любезность в тех же пределах»²⁷³. «Поршневу хорошо знает французский XVII век, в той мере, в какой мы знаем его сегодня... Многие из его наблюдений и выводов имеют реальную научную ценность, и многие его аргументы сильны в качестве выдвигаемых тезисов, – “возвращает любезность” Мунье. Но, – подводит он итог, – я не могу присоединиться к этим тезисам, потому что мне кажется, что Поршневу пожелал любой ценой загнать конкретные факты, точно понятые и оцененные отношения в рамки марксистской теории, которая заставляет проблему взорваться»²⁷⁴.

В особом разделе статьи Мунье приводит содержание тезисов Поршнева. Это понимание Фронды как рубежного события между двумя большими циклами крестьянских и рабочих движений, а народных восстаний перед Фрондой – как не оцененных французской историографией масштабных событий классовой борьбы, имеющих антифеодальный характер. Это оценка Франции XVII в. как феодально-абсолютистского государства и орудия для удержания эксплуатируемых классов в повиновении. Это трактовка абсолютной монархии как диктатуры феодалов-дворян в рамках феодального способа производства. При этом крестьяне и городские низы составляют классовый фронт против абсолютизма, но они терпят поражение, так как у них нет союзника – пролетариата, а буржуазия пока поддерживает феодальное государство²⁷⁵.

Самая обширная часть статьи – двадцать две страницы, из которых пятнадцать – цитируемый материал источников, – посвящены критическому разбору концепции Поршнева, после чего от нее, говоря словами Мунье, остается лишь «много частичных истин»²⁷⁶.

Мунье выражает серьезные сомнения в спонтанности описываемых восстаний и, опираясь на документы, утверждает, что выступления крестьян и городской бедноты часто были инспирированы дворянами и магистратами. Дворяне и крестьяне имели общего противника – королевскую власть, взимавшую с них налоги. Более того, большинство господ, по словам Мунье, защищали своих людей от королевских сборщиков и проходящих войск, ведь обеднение крестьян отражалось на положении сеньора. Конечно, соглашается Мунье, господа относились к своим крестьянам жестоко и хищно. Но нужно было, чтобы господин был очень плох, чтобы крестьянин испытывал по отношению к нему ненависть и жажду насилия²⁷⁷.

²⁷³ Mousnier R. Recherches sur les soulèvements ... P. 83.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ Ibid. P. 83–90.

²⁷⁶ Ibid. P. 90.

²⁷⁷ Ibid. P. 91–100.

В городах, пишет Мунье, часто королевские чиновники, городские магистраты, богатые буржуа разжигали восстания и открыто руководили ими, когда на карту были поставлены привилегии провинции или когда налоги казались слишком большими²⁷⁸. Что же происходит с «классовым фронтом», спрашивает Мунье и сам отвечает: «Он [фронт] просто исчезает»²⁷⁹.

Совершенно не согласен Р. Мунье с трактовкой Б. Ф. Поршневым оффисье, аноблировавшихся буржуа, перешедших на службу государству, как представителей дворянского класса. Утверждение Поршнева основано на том, что оффисье якобы отошли от промышленности и коммерции, что они не являются носителями буржуазных производственных отношений. Однако, отмечает Мунье, это было присуще функционерам XIX в., должности которых обязывали их оставить эти занятия. Оффисье же XVII в. были присущи нравы и законы, явно отличающие их от дворян, даже когда сами оффисье действовали по-дворянски. Трактовка Поршнева – жестко ставит акценты Мунье, – это незнание характера и качеств оффисье, роли их корпораций, отношений, системы продажи должностей²⁸⁰.

Совершенно неприемлемыми для Мунье были определение абсолютизма как феодального государства и орудия господства дворянства над эксплуатируемыми массами, а также оценка Франции XVII в. как феодального общества. Сама марксистская интерпретация феодализма чужда Мунье. Он категорически против того, чтобы отождествлять Францию XVII в. с миром замкнутой экономики, поместий с крепостными и социальными отношениями, имевшими место в VIII–XI вв. на землях между Луарой и Массом. Франция раннего Нового времени, по Мунье – это общество наступления промышленного капитализма²⁸¹.

Что же касается абсолютной монархии, то она, по мнению Мунье, боролась не против эксплуатируемых классов. Борьба проходила во внешних войнах – за независимость Франции против универсалистских претензий Габсбургов, и внутри государства – за государственный интерес, против оппозиции, в том числе оффисье в парламентах²⁸². Монархия подчинила все классы, создав государство, она обезопасила себя и от буржуазии, предоставив ей участие в административной и политической власти²⁸³.

Наконец, Мунье представил следующее понимание социальных отношений и эксплуатации, после которого конструктивный диалог между

²⁷⁸ Mousnier R. Recherches sur les soulèvements ... P. 100–103.

²⁷⁹ Ibid. P. 106.

²⁸⁰ Ibid. P. 109–110.

²⁸¹ Ibid. P. 86, 107.

²⁸² Ibid. P. 110.

²⁸³ Ibid.

буржуазными и марксистскими историками становился лишь гипотетическим. «Рассмотрение отношений между дворянами и крестьянами в эти тревожные времена убеждает скорее в существовании социальных групп, которые объединяли фермеров, работников, чиновников, священников, дворян – групп, члены которых были объединены отношениями взаимной защиты и службы. Это было вертикальное разделение общества, более важное, чем горизонтальное разделение на слои. Поршневу говорит нам, что дворяне, священники, офицеры эксплуатируют земледельца, потому что он не сохраняет все, что производит, а отдает часть этого другим членам групп... Это правда, если мы признаем, что эти люди должны были удовлетворять только потребности в еде, одежде и жилье, и что земледelec мог при любых обстоятельствах мирно продолжать свой труд... Если, с другой стороны, признается, что социальная группа должна быть защищена от агрессии, что споры между ее членами должны разрешаться и отношения регулироваться, то, поскольку разделение труда выгодно, не лучше ли будет доверить эти операции специалистам, освобожденным от работы производителя, но без которых производство было бы невозможным? И что же станет тогда с понятием эксплуатации?»²⁸⁴.

Ф. Ильдесаймер, исследовательница и главный хранитель Национальных архивов Франции, так описывала последующие события. В 1959 г. Р. Мунье ознакомился с «ленинградской частью» архивов Сегье и столкнулся с невозможностью ее публикации. Вероятно, он думал, что Поршневу отобрал для публикации лишь ту часть документов, что подтверждала его выводы.

В 1963 г., во время выхода книги Б. Ф. Поршнева, Мунье писал в комментарии к изданию корреспонденции Сегье: «Когда в 1961 г., в Москве, на симпозиуме советских и французских историков я сказал г-ну Борису Поршневу, что неполнота документальной базы делает многие его тезисы шаткими, г-н Поршневу прилюдно дал мне такой ответ: “Даже если бы я изучил все до единого французские документы, это никак не повлияло бы на мои выводы”. Г-н Поршневу демонстрирует пафос, который движет и некоторыми другими советскими историками: для них цель любого исторического исследования заключается не столько в том, чтобы найти нечто новое, сколько в том, чтобы переписать историю, приспособив ее к схеме, соответствующей марксистско-ленинскому подходу»²⁸⁵.

Книга Б. Ф. Поршнева, изданная в 1963 г.²⁸⁶, по инициативе историка школы «Анналов» Р. Мандру (1921–1984), произвела большое впечатление на француз-

²⁸⁴ Mousnier R. Recherches sur les soulèvements ... P. 106.

²⁸⁵ Ильдесаймер Ф. Архивы канцлера Сегье: от Парижа до Санкт-Петербурга // Советская и французская историография в зеркальном отражении ... М., 2008. С. 84–85.

²⁸⁶ Porchnev B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris, 1963. 679 p.

скую аудиторию. Читатели, захваченные, с одной стороны, «железной логикой и простотой концепции» Поршнева, а с другой – сокрушительной критикой ее положений Р. Мунье, разделились на «поршневи́стов» и «антипоршневи́стов»²⁸⁷. На данном фоне контрастно выглядела весьма сдержанная, краткая рецензия молодого исследователя И.-М. Берсе²⁸⁸, опубликованная в 1964 г. Указав на то, что книга Поршнева не случайно вызывает большой интерес как по сюжету, так и по марксистскому подходу²⁸⁹, рецензент все же обратил внимание на небрежность автора в терминологии и персоналиях, отсутствие внимания к некоторым социальным группам среди восставших²⁹⁰. Представление Поршнева о Франции рассматриваемого периода как о феодальном государстве, а также крестьянах, которые, выступая против налогов, борются против феодального общества, не вызвало у рецензента поддержки²⁹¹.

Французский перевод книги Поршнева о народных восстаниях, разумеется, не мог оставить равнодушным и Р. Мунье. Вышедшая в 1965 г. рецензия была предельно краткой и жесткой. Ее первая фраза говорила уже о многом: «Шестая секция Практической школы высших исследований охотно публикует многочисленные работы историков, не являющихся ни ее членами, ни ее учениками»²⁹². По мнению Мунье, за прошедшее с 1954 г. время Поршневу ничего не изменил в своей книге. Он проигнорировал сделанные ранее замечания и даже приписал Мунье то, что последний не говорил. Эти претензии были высказаны помимо уже имеющихся замечаний, относящихся к самой концепции Поршнева. Ее же оценка была такой: «Г-н Борис Поршневу захотел насильно загнать исторические факты в рамки схемы, которая оказалась взорванной этими фактами. Схема фальшива. Необходимо другое объяснение, которое исходит из самих фактов»²⁹³.

Как раз в описываемое время Р. Мунье опубликовал работу, диаметрально противоположную по предмету и методологии не только «Народным восстаниям» Поршнева, но и публикациям историков школы «Анналов». Речь идет об «Убийстве Генриха IV (14 мая 1610)» – книге, не только особой в плане сюжета, но и первой из работ Мунье, переведенных на русский язык²⁹⁴. Разумеется, Мунье, как практикующий историк, не мог остаться в стороне от ретроспективного осмысления современных ему событий –

²⁸⁷ Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами» ... С. 157.

²⁸⁸ Bercé Y.-M. [Compte rendu] // Bibliotheque del Ecole des chartes. 1964. № 122. Compte rendu: Porchnev B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris, 1963. P. 354–358.

²⁸⁹ Ibid. P. 354.

²⁹⁰ Ibid.. P. 354–357.

²⁹¹ Ibid. P. 356.

²⁹² Mousnier R. [Compte rendu] // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1965. № 1. Compte rendu: Porchnev B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris, 1963. P. 166.

²⁹³ Ibid. P. 171.

²⁹⁴ Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / пер. с франц. Некрасов М. Ю. СПб., 2008. 416 с.

череды покушений на президента Франции генерала де Голля. Однако верно и другое. Главный герой – монарх, центральный сюжет – чрезвычайное событие были вызовами как марксистской традиции, не считающей королей, как глав эксплуататорского класса, достойными внимания, так и установкам школы «Анналов», для которых событийная история не представляла интереса. Французская монархия, по Мунье, это система институтов на фундаменте идеологических и юридических установлений, а ни в коей мере не социологическое построение марксистов или сторонников методов «социальной истории». Использование огромного массива фактов указывает на позитивистские предпочтения Мунье. Однако Мунье все же смог оказаться на пике методологической моды, реконструируя социальную психологию, ментальность, презентацию власти, обращаясь к микросюжетам, дающим, хотя и в известных пределах, возможность рассмотреть конкретного человека, а еще лучше – постараться понять его восприятие действительности в рассматриваемое время. Впрочем, Мунье пошел в этом направлении даже дальше, смоделировав альтернативную версию и назвав одну из глав «Если бы Равальяк остался в живых...»²⁹⁵.

Полемика Поршнева и Мунье вышла на новый уровень во время работы XII Международного конгресса историков в Вене. Конгресс, проходивший с 29 августа по 5 сентября 1965 г., выявил принципиальные идеологические расхождения историков марксистов и представителей «идеалистических направлений в историографии», что проявилось в острых дискуссиях²⁹⁶.

В ходе конгресса в подсекции Новой и Новейшей истории обсуждалась тема «Экономические и социальные основы абсолютизма XVI–XVIII вв.». Генеральным докладчиком выступил венгерский историк Э. Мольнар, придерживающийся в трактовке абсолютизма марксистской позиции. Абсолютизм расценивался им как понятие, применимое ко всем европейским странам, включая Англию, Турцию и Россию. Мольнар дал определение абсолютизма как «политического режима, при котором государственная власть существенно и действенно осуществляется монархом на всей территории страны при содействии военно-бюрократических органов, которые находятся от него в зависимости»²⁹⁷. Все формы европейского абсолютизма служат интересам класса дворянства, или земельных собственников, роль буржуазии определяется степенью экономического развития в конкретных странах²⁹⁸.

Однако, как отметила позднее А. Д. Люблинская, не со всеми положениями Мольнара можно было согласиться. В частности, неубедительным, по

²⁹⁵ Мунье Р. Указ. соч. С. 282–292.

²⁹⁶ Губер А. А. XII Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 3.

²⁹⁷ Черепнин Л. В. XII Международный конгресс историков // История СССР. 1966. № 1. С. 16.

²⁹⁸ Там же.

ее мнению, был примененный Мольнаром метод изучения распределения государственных доходов для выявления классовой основы абсолютизма. Люблинская не была согласна также с выделением в особую группу административной и церковной бюрократии, считая их частью господствующего землевладельческого класса²⁹⁹.

В развернувшейся на конгрессе полемике одним из лидеров историков-немарксистов стал Р. Мунье, и его спор с Б. Ф. Поршневым максимально обострил ситуацию. Мунье критиковал представленное определение абсолютизма, идею классовой борьбы, рассмотрение абсолютной монархии как политической надстройки. Б. Ф. Поршневу, поддержавший Э. Мольнара, не только дискутировал в очерченных рамках. Он поставил вопрос шире, подчеркнув, что Мунье не раз «допускал необоснованные обвинения в адрес марксистско-ленинской исторической науки по поводу ее понимания классовой борьбы как движущей силы истории»³⁰⁰.

Разногласия между советскими и зарубежными историками по проблемам классовой борьбы, народных движений, социальной структуры, политических институтов эпохи абсолютизма нашли отражение в статье А. Д. Люблинской, опубликованной в 1967 г. Сдержанно изложив взгляды западноевропейских специалистов по названным вопросам, Люблинская в резюмирующей части публикации формулирует правильное их понимание в свете марксистской методологии³⁰¹.

Контакты советских и зарубежных историков были отражением идеологического противостояния, характерного для послевоенных десятилетий. Это обстоятельство не смягчалось даже особыми отношениями Франции и СССР – ближайших партнеров в биполярной системе международных отношений. Критика буржуазной историографии стала обязательной составляющей работы советских историков. По этому вопросу Б. Ф. Поршневу высказался так: «Наша историческая наука развивалась и развивается в неослабевающей борьбе с буржуазной идеологией. Поэтому критика буржуазной историографии должна быть указана в числе важнейших, первенствующих задач и проблем всей нашей работы»³⁰².

Тем не менее, расценивать диалог советских и западных историков лишь как конфронтационный было бы неверно. В СССР среди историков

²⁹⁹ Люблинская А. Д. Проблемы медиевистики на XII Международном конгрессе историков в Вене // Средние века. Вып. 30. М., 1967. С. 267–268.

³⁰⁰ Там же. С. 16–17.

³⁰¹ Люблинская А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма // Критика новейшей буржуазной историографии: сб. ст. Вып. 10. Л., 1967. С. 98–314.

³⁰² Поршневу Б. Ф. Основные проблемы изучения новой истории // Новая и новейшая история. 1961. № 6. С. 31.

Запада различали «чужих» и «своих». Мнение европейских историков-марксистов уважалось, их работы могли быть опубликованы в СССР. Примером этому служит выход в 1957 г. в Москве обобщающей работы Жермены и Клода Виллар «Формирование французской нации»³⁰³.

Издание 1957 г. предваряло пространное, в семнадцать страниц, предисловие А. З. Манфреда, целью которого было представление авторов в положительном для читателя свете, как идеологически близких советским историкам. Так, мнение Ж. и К. Виллар о XVI в. как «заре капитализма»³⁰⁴ и «победе централизованной монархии»³⁰⁵ встретило бы полную поддержку советских медиевистов, равно как и характеристика предреволюционной Франции, где была «необходимость разрушения феодальных отношений»³⁰⁶, и оценка монархии как проводника «реакционной политики феодального класса»³⁰⁷.

Однако, по неясным причинам, А. З. Манфредом была пропущена без комментариев трактовка Ж. и К. Виллар французского абсолютизма XVII в. как «монархического орудия борьбы против феодализма»³⁰⁸. Этот тезис основывался на правовом подходе к феодализму и в СССР был неприемлем. Абсолютизм расценивался французскими авторами как дворянское государство, и в этом взгляды Ж. и К. Виллар и советских историков совпадали. И все же классовая оценка французского абсолютизма Ж. и К. Виллар должна была встретить серьезные замечания. Уже само утверждение, что государство в XVII в. представлялось как «независимая сила, отделенная от общества», выражением которой служит «абсолютная и бесконтрольная власть короля»³⁰⁹, категорически отвергалось советскими историками еще с 1920-х гг. В советской медиевистике также недопустимо было считать, что абсолютная монархия «состоит на службе у двух эксплуататорских классов, выступающих под разными знаменами и противостоящих друг другу: у феодального дворянства и буржуазии»³¹⁰. Жесткую критику со стороны советских историков вряд ли смягчил бы тот аргумент, что абсолютная монархия, «сохраняя в основном феодальные производственные отношения, допускает развитие буржуазной экономики»³¹¹.

³⁰³ Виллар Ж., Виллар К. Формирование французской нации (X – начало XIX в.) / пер. с фр. О. В. Волкова. М., 1957. 335 с.

³⁰⁴ Там же. С. 67.

³⁰⁵ Там же. С. 75.

³⁰⁶ Там же. С. 112.

³⁰⁷ Там же. С. 115.

³⁰⁸ Там же. С. 81.

³⁰⁹ Там же. С. 99.

³¹⁰ Там же. С. 99.

³¹¹ Там же. С. 99–100.

В рамках данной работы можно лишь высказать предположение, почему эти серьезные, с позиций советских историков, промахи были оставлены без особого внимания. То, что для А. З. Манфреда они были очевидны, сомнений не вызывает. Уровень его научной квалификации не позволяет ставить под вопрос знание им марксистской теории и соответствующих трактовок абсолютизма, тем более что они выводили на вопрос о предпосылках Французской революции. В равной степени очевидно и то, что решения о публикации книг, подобных «Формированию французской нации», – работ зарубежных авторов по истории – принимались на уровне даже не академического, а партийного руководства.

Однако указанными обстоятельствами ситуация не исчерпывалась. Важным фактором было и то, что в 1950-х гг. французские историки, многие из которых приветствовали марксизм, были наиболее идеологически близки советским историкам. Вероятно, указания по поводу неправильного понимания классовой природы абсолютизма могли увеличить количество замечаний в книге до критического уровня и поставить под вопрос саму ее публикацию в СССР. Нужен ли был столь недружественный жест в отношении французских коллег-марксистов? Очевидность ответа на этот вопрос объясняет ситуацию, в которой идеологическая солидарность оказалась сильнее методологических канонов.

В ноябре того же 1957 г., в рамках научного сотрудничества Франции и СССР, состоялась научная командировка Б. Ф. Поршнева в г. Клермон-Ферран. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки существует достаточно обширный фонд Б. Ф. Поршнева, в документах которого сохранился пространный отчет Поршнева об этой командировке. Этот документ, несмотря на официальную выверенность речевых оборотов, все же передает атмосферу описываемого события.

По прибытии Б. Ф. Поршнева в Клермон-Ферран 6 ноября было запланировано торжественное заседание в Клермонском университете. Поршневу обращает внимание на то, что произнести благодарственное слово, посвященное изучению в СССР истории Франции, он смог только на официальном завтраке, последовавшем за торжественным заседанием³¹². Такое изменение, отмечает Поршневу, «было произведено в последний момент ректором университета, профессором Луи, по-видимому, с целью избежать выступления советского ученого на широкой публике. Он же незадолго до моего приезда готовил для передачи репортерам материалы о том, что якобы власти СССР воспрепятствовали моему приезду, тогда как остальные семь иностранных ученых прибыли. Словом, реакционные элементы вели

³¹² ОР РГБ. Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 3. Л. 1, 2.

посильную скрытую борьбу с целью сорвать успех прогрессивных ученых Клермонского университета (в частности, профессора Перюса), члена Коммунистической партии Франции, руководителя кафедры русского языка и русской литературы... Эта скрытая борьба окончилась полной неудачей... На последовавшем вечером того же числа приеме ректор уже демонстративно позировал со мной для фотокорреспондентов»³¹³. На другой день после церемонии, отмечает далее Поршневу, по просьбе декана гуманитарного факультета университета Клермон-Феррана, им была прочитана лекция «Некоторые проблемы истории Франции»³¹⁴.

Охарактеризовав сложность идеологической ситуации, Б. Ф. Поршневу описывает свое общение с французскими коллегами. Профессор Виктор Тапье, заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории в Сорбонне, пригласил Поршневу на прогулку по Лувру, а затем к себе домой на завтрак. Будучи по своим идейно-политическим установкам правым католиком и нетерпимым в вопросах науки, Тапье, по словам Поршневу, высоко оценивал некоторые труды советских историков и чешских историков-марксистов и немало ссылался на них в своих печатных работах по истории Франции и России XVII в., а также по истории искусства. «Со смехом рассказывает он, – отмечает Поршневу, – что некоторые коллеги подозревают его в пристрастии к коммунизму и к России»³¹⁵.

«Я нанес визит на дом одному из патриархов французской исторической науки, прогрессивному заслуженному ученому, редактору журнала “Анналы” Жоржу Лефевру, – продолжает Поршневу. – Он, хотя и больной, проявил живой интерес к делам и людям советской исторической науки». Наконец, Б. Ф. Поршневу рассказывает о «чрезвычайно плодотворных» беседах с историками-коммунистами – Собулем, Брюа, Вилларом, Перюсом. В частности, Поршневу указывает на то, что французские историки-марксисты «совершенно недостаточно осведомлены о работах советских историков, не слышали о многих наших монографиях, не могут следить за статьями в наших журналах из-за недостаточного знания языка и отсутствия в журналах иностранных резюме»³¹⁶. В архивном фонде Б. Ф. Поршневу сохранились также свидетельства его поездки во Францию в 1967 г. – фотографии, программы лекций, афиши, значки и т. д. В частности, во время поездки в феврале – марте 1967 г. Поршневу прочел в Коллеж де Франс цикл из пяти лекций, посвященных социальным движениям и политическим структурам Франции второй четверти XVII в.³¹⁷

³¹³ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 3. Л. 2.

³¹⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 5, 7.

³¹⁵ Там же. Л. 14.

³¹⁶ Там же. Л. 14–15.

³¹⁷ Там же. Л. 1, 2.

Историки школы «Анналов», с уважением относящиеся к марксизму, встречали достаточно хорошее отношение в СССР. Это относится, например, к Р. Мандру, ученику Л. Февра и основоположнику «истории ментальностей». Несмотря на заявление о том, что он не хотел бы включаться в полемику Поршневу и Мунье «с позиции третьей или четвертой стороны»³¹⁸, Мандру все же опубликовал в 1959 г., вслед за Мунье, статью в «Анналах», посвященную книге Поршневу. Сделав ряд замечаний, в частности, указав, что «не все так просто» с фронтом богатых против бедных³¹⁹, Мандру в целом сочувственно оценил концепцию Поршневу. Он смягчил жесткую критику Мунье, особенно в том, что касалось «феодалного общества» во Франции и дворянской природы оффисье у Поршневу³²⁰.

Желание сгладить остроту полемики заметно, например, в таком замечании. Мунье, отмечает Мандру, «только что со всей энергией защищал от трактовки Поршневу классическую схему» французского абсолютизма. Однако Поршневу, обращаясь к трактату Луазо и «Политическому завещанию» Ришелье, не отбрасывает классическую картину монархии Старого порядка целиком. Трактовку Поршневу, разъясняет Мандру, всего лишь несколько сложнее уловить. Так, Поршневу ни на миг не отрицает того, что монархия Старого порядка должна была опираться на буржуазию вследствие неподчинения аристократии³²¹.

В свою очередь, Б. Ф. Поршневу так отзывался о Р. Мандру в советской научной периодике: «Можно уверенно сказать, что изучение истории идей, мало того, идей и психики, – будет занимать в нашей науке все большее место... книга французского прогрессивного историка Робера Мандру “Введение в новую историю Франции (1500–1640). Опыт исторической психологии” (1961) представляет заслуживающую внимания попытку набросать картину повседневного быта, чувств, помыслов, воззрений разных слоев французского общества и прежде всего трудящихся масс. К сожалению, у нас работ по исторической психологии нет совсем»³²².

В предисловии к первому изданию «Введения в новую историю Франции», посвященному Л. Февру, Мандру представляет новое исследовательское направление так: «Эта книга – отправная точка в области исторической психологии, методы и модели которой будут еще созданы»³²³. Для Мандру французская монархия – это вершина социального здания над подчинен-

³¹⁸ Mandrou R. Les soulèvements populaires et la Société française du XVIIe siècle // Annales E.S.C. 1959. № 4. P. 756.

³¹⁹ Ibid. P. 757–758.

³²⁰ Ibid. P. 761–765.

³²¹ Ibid. P. 762.

³²² Поршневу Б. Ф. Основные проблемы изучения новой истории. С. 42.

³²³ Mandrou R. Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique 1500–1640. Paris, 1961. P. XI.

ными ей общностями прихода и семьи. Это – верховная власть, освященная авторитетом католической церкви. Укреплению монархии служили, по мнению Мандру, пробуждение национального сознания и деятельность легистов, а кульминацией этой консолидации власти стала монархия³²⁴.

«В ту эпоху король не был главой государства и шестеренкой в конституционном механизме, как нам может показаться при взгляде на современные монархии, – разъясняет Мандру. – Он был сувереном, а на более глубоком уровне гарантом процветания и защитой нации. Это благодаря ему одному, по праву крови, текущей в его венах, жили его подданные, которые в свою очередь обеспечивали военный успех и культурные достижения. Монархия была мистической идеей»³²⁵. П. Губер (1915–2012), коллега Р. Мандру по школе «Анналов», в 1960-х гг. президент «Общества исторической демографии», рассматривает французскую монархию как культурный и антропологический феномен, также основываясь при этом преимущественно на правовом подходе³²⁶.

Актуальные в рассматриваемый период в западноевропейской историографии количественные методы, структурный анализ, внимание к географии и демографии, материальным аспектам повседневности не могли не вызвать интереса у советских историков. Более того, расширение контактов с зарубежными коллегами, в особенности с представителями школы «Анналов», способствовало генерированию идей в области структурализма и исследования исторической ментальности, что было предпринято, в частности, А. Я. Гуревичем в области средневековья.

Однако на практике это вызывало настороженные вопросы. В январе 1969 г. на историческом факультете МГУ прошла научная конференция на тему «Методология и историография в современных отечественных и зарубежных исследованиях по истории», где применение советскими историками указанных выше подходов стало предметом отдельного обсуждения. Наибольшие опасения официальной историографии были связаны с тем, что структурно-функциональный метод в совокупности с количественным анализом приведет к отходу от марксизма. Действительно, конкретный фактологический материал по демографии, экономике, истории повседневности и т.д. плохо сочетался с идеологическим пафосом и построением на его основе теоретических рассуждений. В докладе министра просвещения РСФСР, профессора, медиевиста А. И. Данилова было отмечено, что М. А. Барг, А. Я. Гуревич и некоторые другие историки, некритически за-

³²⁴ Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: эссе по ист. психологии / пер. с фр. Андрея Лазарева. М., 2010. С. 158.

³²⁵ Там же. С. 161–162.

³²⁶ Goubert P. Louis XIV et vingt millions de Français. Paris, 1966. 252 p.

имствуя структурно-функциональный метод, допустили отход от материалистического понимания истории. С. Д. Сказкин заметил, что сам по себе структурно-функциональный анализ отражает потребность буржуазной науки в синтезе. Однако при этом нужно отделять, что в структурно-функциональном анализе взято от марксизма, а что ему противостоит. А. Н. Чистозвонов поддержал А. И. Данилова, отметив, что «усиленные поиски внеформационных внеклассовых структур в буржуазной науке находятся в тесной связи с теорией “конвергенции”, с попытками выхолостить классовое содержание марксизма. Поэтому для советских историков важно идти строго марксистским путем»³²⁷.

В январе 1970 г. на заседании группы феодализма в Ленинградском институте истории обсуждался доклад А. Д. Люблинской «Некоторые проблемы истории крестьянского хозяйства», которое рассматривалось, в том числе, с географических и агрономических позиций. Такая постановка вопроса вызвала весьма неоднозначное отношение, что очевидно из выступлений присутствующих:

О. Л. Вайнштейн: Доклад А. Д. [Александры Дмитриевны] не по истории. Не только. Даниэль Фоше собрал вокруг себя специалистов из разных отраслей знаний (историческая география, климатология, почвоведение). В Бельгии тоже есть такое направление. Нам для исследования надо учитывать, что все это засилье неисторических вещей есть буржуазная защита от марксизма. Социальные отношения вытесняются злаками и огородами. Нельзя все сводить к одному знаменателю. Эти задачи являются для нас, советских специалистов по истории Франции, не первостепенными. Для нас первостепенна социальная борьба³²⁸.

И. П. Шаскольский: Само направление вызывает у нас интерес. История крестьянского хозяйства – это не только история крестьянских войн, это, прежде всего, история труда. Приветствую внимание к географическому моменту³²⁹.

Ю. Л. Бессмертный: Мне кажется, доклад А. Д. об истории. Изучение в том плане, в котором занимаются представители направления «человеческой географии» должно интересовать историков-марксистов. Надо изучать историю крестьянского питания, но в марксистском плане, то есть связывая и с историей классовых отношений... важно отказаться от упрощенного представления о прогрессе в земледелии³³⁰.

³²⁷ Соколов А. К., Соколов А. А. Межвузовская историографическая конференция «Методология и историография в современных отечественных и зарубежных исследованиях по истории // Вестн. Моск. ун-та. 1969. № 4. С. 90–91.

³²⁸ НИА СБ ИИ РАН. ЗЕС. Ф. СБ ИИ РАН. Оп.1. Д. 133. Л. 1 об.

³²⁹ Там же. Л. 1 об., 2.

³³⁰ Там же. Л. 2.

А. В. Адо: С большим интересом выслушал богатый мыслями и материалами доклад. Речь в докладе шла об истории. Фоше и другие историки – это буржуазный экономизм. Мы к ним и подходим с марксистской критической точки зрения. Верно, что они на первый план выдвигают технологизм и отодвигают проблемы социальные. У нас социальная борьба на первом месте, но характер и уровень сельского хозяйства объясняют ее. Без изучения всего последнего нельзя изучать аграрную историю. А. Д. призвала иметь в виду шире и глубже эти конкретные моменты³³¹.

А. Д. Люблинская: Наше дело – использовать работы буржуазных историков в сочетании со всеми аспектами истории. Кстати, и историки, названные мною, учитывают социальную. Я призвала к учету и использованию материала³³².

Применение методов структурализма и подходов исторической антропологии, действительно, могло не только поколебать формационную схему и принятое в советской историографии понимание феодализма. При благоприятном для А. Я. Гуревича и его единомышленников развертывании событий могло бы иметь место, говоря словами П. Ю. Уварова, «качественное обновление, мутация в рамках советской медиевистики»³³³. Но этого не случилось. Корпоративные установки советских медиевистов вкупе с усилиями идеологов от исторической науки перевели разработки в рамках новой парадигмы в безопасное для советской историографии русло. То, каким образом это делалось и какую реакцию вызывало, ярко характеризовало условия функционирования советской исторической науки³³⁴.

Тем не менее новые идеологические и социокультурные установки послевоенного СССР, несмотря на идеологический контроль, реализовывались в историографической практике. Наряду с большей, чем в предыдущие десятилетия, открытостью западноевропейской историографии, приметой времени стало внимание к историческим источникам. 28 сентября 1956 г., на заседании сектора истории средних веков возглавляющая его Н. А. Сидорова сделала специальный доклад по указанной проблеме. Она отметила, что публикация источников (речь шла об истории Франции) не находится еще на должной высоте. Необходимо не только публиковать новые источники, но и исправлять и дополнять

³³¹ НИА СПб ИИ РАН. ЗЭС. Ф. СПб ИИ РАН. Оп. 1. Д. 133. Л. 2 об.

³³² Там же.

³³³ Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»... С. 108.

³³⁴ Там же. С. 99–108.

уже опубликованные³³⁵. Присутствовавший на заседании М. М. Смирин подчеркнул, что публикация источников – это вопрос огромной государственной и научной важности, и что сектор Средних веков должен взять инициативу в свои руки³³⁶.

Эту работу надлежало проводить с документами коллекции П. П. Дубровского, хранящейся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Планировалось обработать и опубликовать около 8 тысяч документов. Для реализации этой грандиозной задачи документы предполагалось разделить на группы по тематике и степени важности. Группы отражали следующие темы: Франция конца XV в., Франция середины XVI в., Религиозные войны, Генрих IV, малолетство Людовика XIII, Ришелье, Фронда и др. Наибольшее количество единиц документов (более 3 тысяч) относилось к Религиозным войнам, около 2 тысяч должны были иллюстрировать правление Ришелье, около 700 – малолетство Людовика XIII, около 400 – Фронду и т. д.³³⁷

Исследователем, способным реализовать поставленные задачи, стала А. Д. Люблинская, как высококвалифицированный специалист-палеограф. Сохранилось письмо А. Д. Люблинской А. Н. Чистозвонову от 12 марта 1956 г., в котором она высказывает согласие взять на себя работу по подготовке источников к публикации. А. Д. Люблинская видела ситуацию так: «Ваша мысль о публикации источников кажется мне ценной и заслуживающей осуществления. Я же со своей стороны готова оказать этому начинанию всяческую помощь. В Отделе рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина есть целые серии неопубликованных документов по внутренней истории Франции XVI–XVII вв. и по международным отношениям этого времени.

В данном случае трудность заключается не в поисках интересного материала, а в необходимости выбора из множества интересных документов. Публикация их важна еще и потому, что это нужно не только нам, но и французским историкам. Сама библиотека начала их публикацию, но в более чем скромных размерах. Если этот вопрос будет решен в положительном смысле, то подбор материалов и редакцию их я могла бы взять на себя»³³⁸.

Первая публикация документов из коллекции П. П. Дубровского, подготовленная под редакцией А. Д. Люблинской, появилась в двенадцатом выпуске «Средних веков» в 1958 г. Одиннадцать писем, датированных

³³⁵ Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Протокол заседания сектора истории средних веков от 28.09.1956 г. Л. 2.

³³⁶ Там же. Л. 7.

³³⁷ Там же. Л. 4.

³³⁸ Там же. Л. 14.

1559–1560 гг.³³⁹ положили начало серии публикаций, включившей 77 документов, характеризующих начало Религиозных войн во Франции³⁴⁰. На протяжении 1960-х гг. под руководством А. Д. Люблинской вышел целый ряд сборников документов по истории Франции XVI–XVII вв.³⁴¹, а последнее издание такого рода вышло в 1980 г.³⁴².

Официальный дискурс советской историографии выражал актуальность работы медиевистов так: «Изучение закономерностей развития эпохи феодализма имеет не только сугубо теоретический интерес (хотя он и огромен), но и практическое значение, поскольку и в настоящее время в слаборазвитых и колониально зависимых странах не изжиты еще многие черты, присущие феодальной формации. Поставив своей задачей исследовать феодализм как закономерный этап всемирной истории, следующий за эпохой господства рабовладельческих отношений, и предшествующий капиталистической эпохе, советские медиевисты выступают против реакционной буржуазной историографии, доказывавшей извечность капитализма и фальсифицирующей историю феодальной эпохи»³⁴³.

В свете сказанного абсолютизм характеризовался следующим образом: зарождение капиталистических отношений и еще большее обострение классово-борьбы «потребовали дальнейшей централизации государственной власти, феодальная монархия с сословным представительством уступила место абсолютной монархии, явившейся той формой феодального государства, которая нужна была господствующему классу на последнем этапе существования феодального строя»³⁴⁴.

Эта интерпретация абсолютизма, в рамках идеи «равновесия», была представлена и в учебной литературе для высшей школы. Традиционно абсолютизм рассматривался во вводной части материала, посвященного позднему Средневековью, как одно из важнейших явлений периода. При этом давалась его общая характеристика, перечислялись атрибуты абсолютной монархии, обращалось внимание на политику абсолютной монархии по отношению к буржуазии. В главах, посвященных конкретным

³³⁹ Документы по истории Франции середины XVI в. // Средние века. Вып. 12. 1958. С. 149–171.

³⁴⁰ Там же. Вып. 13. 1958. С. 155–180; см. также: Вып. 14. 1959. С. 168–190; Вып. 15. 1959. С. 149–174; Вып. 19. 1961. С. 292–329.

³⁴¹ Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561–1563 гг. [Из отд. рукописей Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] / [под ред. и с предисл. А. Д. Люблинской]. М.; Л., 1962. 364 с.; Документы по истории внешней политики Франции. 1547–1548 гг. / Акад. наук СССР. Ленингр. отд. Ин-та истории. Л.; М., 1963. 394 с.; Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг. [сб. докум.] / АН СССР: Ленингр. отд. Ин-та истории. Л.; М., 1966. 406 с.

³⁴² Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг.: Сев. и Центр. провинции [сб. докум.]. Л., 1980. 279 с.

³⁴³ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 156. Л. 3.

³⁴⁴ Там же. Л. 48, 49.

государствам, раскрывались специфические для данной страны черты абсолютной монархии³⁴⁵.

Центральное место в исследованиях проблем западноевропейского абсолютизма занимала Франция. Первенство в данной области необходимо признать за А. Д. Люблинской, опубликовавшей в это время две масштабных работы, объединенные общей тематикой – «Франция в начале XVII века (1610–1620)»³⁴⁶ и «Французский абсолютизм в первой трети XVII века»³⁴⁷.

Рассматривая французский абсолютизм, А. Д. Люблинская демонстрирует системное видение общеевропейских процессов. Франция предстает как страна, избежавшая в своем развитии длительных периодов регресса или застоя и стабильно удерживающаяся среди великих европейских государств. Французский капитализм формировался поступательно и равномерно, однако встать вровень с Нидерландами или Англией Франции не удалось. С одной стороны, во Франции не было быстрого процесса экспроприации крестьянства, с другой – буржуазия предпочитала вкладывать средства в государственный долг, откупа и покупку должностей³⁴⁸. В таких размеренных условиях развивался и французский абсолютизм. По мнению А. Д. Люблинской, он прошел два этапа. С XVI до второй половины XVII в. – усиливался параллельно с капиталистическим укладом (восходящая фаза), а с конца XVII – начала XVIII в. вступил в фазу упадка и нарастания противоречий между растущим капитализмом и загнивающим феодализмом (нисходящая фаза)³⁴⁹. Таким образом, из страны классического феодализма Франция превратилась в страну классического абсолютизма, что, по мнению Люблинской, стало причиной самой радикальной буржуазно-демократической революции³⁵⁰.

Нужно отметить, что, как и все советские историки, Люблинская негативно относилась к предложенной на Западе концепции «кризиса XVII века». Однако она не могла отрицать «общей картины отсутствия поступательного движения» уже в первой четверти века, длительного застоя и даже регресса в экономике, когда «распалась цепь времен» и общество

³⁴⁵ Сказкин С. Д., Удальцов А. Д. История средних веков: учеб. пособие. М., 1955. 223 с.; см. также: Семенов В. Ф. История средних веков: учебник для пед. ин-тов. М., 1956. 551 с.; История средних веков: Допущено Мин-вом высш. и ср. спец. обр. СССР в качестве учебника для студ. пед. ин-тов / ред. коллегия: М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревич, Н. Ф. Колесницкий. М., 1964. 703 с.; История средних веков: в 2 т. / под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. Т. 2. М., 1966. 388 с.; Галанза П. Н. Феодальное государство и право Франции. М., 1963. 64 с.; его же. Феодальное государство и право Германии. М., 1963. 45 с.

³⁴⁶ Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). Л., 1959. 294 с.

³⁴⁷ Она же. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. М.; Л., 1965. 361 с.

³⁴⁸ Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. Л., 1957. 370 с. С. 72–78.

³⁴⁹ Там же. С. 73.

³⁵⁰ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 3.

пришло в состояние брожения»³⁵¹. Многие явления, характерные для «трагического века» (экономический кризис, меркантилизм, абсолютизм, классицизм) получили во Франции наиболее четкое выражение³⁵². Однако, по мнению Люблинской, они объясняются не «кризисом XVII века» как таковым, а спецификой развития страны и конкретными усилиями французского абсолютизма по урегулированию внутренних проблем и стимулированию экономики³⁵³.

Природу французского абсолютизма А. Д. Люблинская выводит из специфики первоначального накопления во Франции. В свою очередь, определение классовой основы абсолютизма требует выявления социальной структуры французского общества, и Люблинская обращает внимание на ее особенную сложность. «Французское дворянство и французская буржуазия XVI – начала XVII вв. не обладали ни стабильностью, ни замкнутостью, соприкасаясь и смешиваясь друг с другом с такой легкостью, которой не существовало ни до, ни после, – подчеркивает она. – Поэтому характеристика этих классов и их промежуточных гибридных форм в их текучести представляет немалые трудности»³⁵⁴.

А. Д. Люблинская выделяет следующие социальные группы: феодальную аристократию, родовитое дворянство, новое дворянство, чиновничество, духовенство, буржуазию, плебейство, крестьянство³⁵⁵. В работе, посвященной Франции первой трети XVII ст., ее социальная структура весьма образно названа «самым неповторимым для того времени сочетанием различных сословий»³⁵⁶. Это, во-первых, привилегированные, «феодальные и по сути и по происхождению» духовенство, знать, родовитое дворянство. Во-вторых, это буржуазное по происхождению, но почти феодальное по сути чиновное новое дворянство. В-третьих, это «еще безгласная в политическом отношении», но экономически довольно развитая и «немолчно вопившая» о своих нуждах буржуазия. Наконец, это народные массы города и деревни, страдавшие, по словам Люблинской, не столько от развития капитализма, сколько от недостаточного его развития³⁵⁷.

Предметом особого внимания Люблинской была одворянившаяся буржуазия. Ее представители, став собственниками должностей и земель, поступали на службу в государственный аппарат. Эта новая прослойка чиновников-землевладельцев относилась А. Д. Люблинской не к буржуазии,

³⁵¹ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 7.

³⁵² Там же. С. 7.

³⁵³ Там же. С. 338–339.

³⁵⁴ Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). С. 44.

³⁵⁵ Там же. С. 45–102.

³⁵⁶ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 339.

³⁵⁷ Там же. С. 339.

а к дворянству. Высшие и средние чиновники, акцентировала внимание Люблинская, оторвались от своей среды и составили слой «людей мантии», которых с XVII в. стали называть «дворянством мантии»³⁵⁸. Это дворянство, названное А. Д. Люблинской новым, не только изменило господствующий класс и непрерывно увеличивало свое влияние, но и поддерживало абсолютную монархию³⁵⁹.

С другой стороны, нейтрализуя путем жалования, пенсий, предоставления центрального места в управлении феодальную титулованную знать, абсолютная монархия в период своего прогрессивного развития осуществляла многие экономические, юридические и отчасти политические требования буржуазии, содействуя капиталистическому развитию страны. Особенное значение, более того, историческая миссия абсолютизма, заключалась в дальнейшей централизации страны³⁶⁰.

Развернувшаяся после смерти Генриха IV гражданская смута во Франции предстает иллюстрацией разнонаправленных интересов внутри правящего класса. Для королевы-регентши Марии Медичи и ее правительства в первую очередь необходимо сохранить мир до совершеннолетия Людовика XIII. Напротив, принцы крови и феодальная аристократия желают добиться власти и сделать королеву орудием в своих руках, не останавливаясь перед гражданской войной. Именно они настаивают на созыве Генеральных штатов, возлагая на них надежды в реализации своих планов. Однако, как показал ход Генеральных штатов 1614 г. и анализ требования сословий, планам грандов не суждено было реализоваться. В равной степени были нереальны требования родовитого дворянства, связанные с его желанием замкнуться в непроницаемое для других привилегированное сословие. Наоборот, чиновничество и буржуазия оказали поддержку абсолютной монархии, будучи заинтересованными в мире и укреплении королевской власти³⁶¹.

Отмечая сложность и зачастую взрывоопасность ситуации в стране, Люблинская тем не менее четко расставляет акценты, отрицая, во-первых, «кризис» в понимании западных историков и, во-вторых, «революционную ситуацию» в середине века, намекая на идею Б. Ф. Поршнева о Фронде как несостоявшейся буржуазной революции³⁶².

Результаты исследований А. Д. Люблинской вносили уточнение в каноническую трактовку абсолютизма как дворянского государства. Оказы-

³⁵⁸ Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. С. 78.

³⁵⁹ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 60–61.

³⁶⁰ Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. С. 84–87.

³⁶¹ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 129–156.

³⁶² Там же. С. 339–340.

валось, что интересы буржуазии не просто учитывались монархией, – это происходило постоянно и в значительной мере. Анализируя политические требования третьего сословия в 1614 г. и сопоставляя их с практикой абсолютизма, Люблинская делает вывод о том, что именно требования третьего сословия, а не дворянства обуславливали деятельность абсолютной монархии в течение почти всего XVII в.³⁶³ Правительство «было крайне заинтересовано в увеличении богатства торгово-промышленной буржуазии, ибо это было теснейшим образом связано с ростом государственных доходов; сама же буржуазия могла богатеть лишь при помощи центральной власти. Следовательно, политический союз этих сил еще не был разорван»³⁶⁴.

Представляется важным и мнение А. Д. Люблинской о необходимости преодоления упрощенного представления об однозначном угасании роли сословно-представительных институтов при абсолютизме. Достаточно, по ее мнению, сопоставить в этом отношении специфику Франции с особенностями Англии и других стран, где представительные институты сохранились в той или иной форме до буржуазных революций. «Само по себе развитие абсолютизма отнюдь не исключало наличия общенационального представительного учреждения, не говоря уже о провинциальных собраниях, которые в той же Франции, несмотря на абсолютизм, дожили почти до революции»³⁶⁵, – утверждала Люблинская. Таким образом, пристальное внимание к созданной Люблинской картине развития французского абсолютизма позволяет рассмотреть в ней целый ряд сюжетов, которые, при дальнейшей разработке, привели бы к существенной корректировке концепции «равновесия». Разумеется, А. Д. Люблинская была советским историком, что объясняло ее неприятие, например, трактовки абсолютной монархии Р. Мунье. Но не следует забывать, что во время дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг. именно Люблинская с пониманием отнеслась к мнению А. Я. Авреха.

В свою очередь, по построению материала, логике его подачи, выводам, общей интонации работы Люблинской могли считаться образцовыми для своего времени. Неудивительно поэтому, что в рецензиях на них как таковых нет серьезных замечаний. Так, наиболее существенным замечанием рецензентов книги о Франции начала XVII в. – С. Д. Сказкина и А. Е. Рогинской – было указание на недостаточное обоснование Люблинской специфического характера французского нового дворянства³⁶⁶. Что же

³⁶³ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века. С. 156.

³⁶⁴ Там же. С. 342.

³⁶⁵ Там же. С. 299–300.

³⁶⁶ Рогинская А. Е., Сказкин С. Д. [Рецензия] // Средние века. Вып. 23. М., 1963. Рец. на кн.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). Л., 1959. С. 280.

до несогласия рецензентов с выводом Люблинской об отсутствии *полного* расхождения интересов всего дворянства и буржуазии, то данное замечание демонстрирует лишь схоластичность существовавшего историографического канона³⁶⁷.

Кроме научной ценности, работы А. Д. Люблинской обладали еще одним достоинством, о котором было сказано так: «Глубокая научность содержания сочетается в ней [книге] с удивительным изяществом и доступностью изложения. Стройность расположения материала, четкость мысли, живость повествования, меткие характеристики исторических деятелей, образность сравнений увлекают читателя, конкретизируют его представления о событиях отдаленного прошлого и как бы приближают его. На страницах нашей периодической печати дискутируется вопрос о стиле трудов по истории. По нашему глубокому убеждению, “Франция в начале XVII века” является одним из лучших образцов стиля исторического исследования»³⁶⁸.

Проблемы французского абсолютизма были достаточно широко представлены в обобщающих работах. Например, в «Очерках по истории Франции (XVII–XIX вв.)» кандидата исторических наук А. Е. Рогинской (1912–1969) нарративный материал по истории Франции второй половины XVII в. представлен в традиционном методологическом ключе, равно как и характеристика французского абсолютизма перед революцией конца XVIII в.³⁶⁹ В каноническом русле излагалось и предыстория Французской революции. Во главе феодально-абсолютистского государства стоял король, власть которого была беспредельна. Социальная опора монархии – регрессивное дворянство, на котором лежала вина за огромные расходы двора. Феодальный строй препятствовал развитию уже достаточно развитого капитализма, между тем как сам абсолютизм дошел во второй половине XVIII в. до полного разложения³⁷⁰.

Наряду с французским абсолютизмом, наиболее востребованным для рассмотрения в 1950–1960-х гг. был английский. В данном случае можно вести речь о двойной актуальности этой проблематики. Во-первых, внимание к английской абсолютной монархии диктовалось важностью изучения процессов первоначального накопления в Англии как стране образцового капитализма, во вторых – выявление социальной основы и мероприятий

³⁶⁷ Рогинская А. Е., Сказкин С. Д. [Рецензия]. С. 283.

³⁶⁸ Молдавская М. А. [Рецензия] // Там же. Рец. на кн.: Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620) ... С. 287–288.

³⁶⁹ Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.). М., 1958. С. 8–98.

³⁷⁰ Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. С. 120–133; см. также: Потемкин Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка во // Новая история. Первый период (1642–1870): учеб. пособие. М., 1956. С. 54–67.

монархии Стюартов было необходимо для обоснования предпосылок Английской революции.

Формирование английского абсолютизма в конце XV в. стало предметом исследований С. А. Сливко³⁷¹. Автор обращает внимание на слабую изученность периода, последовавшего за окончанием войн Роз и заключавшегося в укреплении власти Генриха VII. В диссертации доказывалось, что политика первого представителя династии Тюдоров «стихийно осуществляла превращение Англии в феодальную абсолютную монархию»³⁷². Этот процесс, происходивший противоречиво и непоследовательно, был завершен при преемниках Генриха VII, однако все характерные признаки абсолютизма были в Англии уже в начале XVI в.³⁷³ Это усиление власти монарха, централизация страны, укрепление финансовой самостоятельности короны, подчинение парламента. Социальная политика Генриха Тюдора, по мнению автора, выражала интересы широких масс «нового дворянства» и находила поддержку у городской верхушки³⁷⁴.

Английский абсолютизм эпохи Тюдоров рассматривался В. В. Штокмар, проанализировавшей мероприятия монархии в различных сферах. В первую очередь, это политика в области аграрных отношений, городского ремесла, мануфактур, торговли, обеспечившая особенно интенсивные процессы первоначального накопления. Отдельное внимание автора было уделено социальной политике Елизаветы I и ее отношению к пуританам³⁷⁵. Итогом работы В. В. Штокмар стала докторская диссертация «Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века»³⁷⁶.

Целью исследования В. В. Штокмар стало раскрытие социальной природы и исторической роли английского абсолютизма для выявления глубинных причин специфики процессов первоначального накопления в Англии. Английский абсолютизм развивался, во-первых, в условиях быстрого и интенсивного первоначального накопления, и, во-вторых, при разделении английского дворянства на два, по сути, разных класса (имелось в виду старое и новое дворянство³⁷⁷). Однако эти условия были и результатом соответствующих мероприятий короны. В. В. Штокмар раскрывает, каким об-

³⁷¹ Сливко С. А. Социальная борьба в Англии XV века и формирование английского абсолютизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 24 с.

³⁷² Там же. С. 3.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же. С. 22–23.

³⁷⁵ Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. 163 с.; см. также: ее же. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962. 154 с.

³⁷⁶ Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л. 1963. 35 с.

³⁷⁷ Там же. С. 3, 4.

разом в аграрной, экономической, торговой, социальной политике, борьбе за преобладание на морях английская монархия обеспечивала интересы нового дворянства и буржуазии. В то же время власть проявляла необходимую гибкость, удерживаясь от мер, способных вызвать обнищание крестьянства, сокращение посевных площадей или недовольство городских ремесленных корпораций³⁷⁸. Несомненно, В. В. Штокмар удалось выявить причины превращения Англии «из феодальной страны, только пережившей “пролог аграрного переворота” и еще не имевшей сколько-нибудь значительного развития крупного производства, в страну с уже вполне сложившимся капиталистическим укладом»³⁷⁹.

Вместе с тем в аргументированных выводах автора о том, что «тюдоровская монархия, будучи по своей природе государством феодальным, сыграла все же большую положительную роль в развитии страны, обеспечив необходимые условия для появления капиталистического производства»³⁸⁰, скрывалось некоторое противоречие. С одной стороны, политика тюдоровского абсолютизма – это мероприятия «в основе своей безусловно еще феодально-дворянского государства»³⁸¹, и на это не раз обращает внимание автор. С другой – монархия «прекрасно справлялась со стоящими перед ней задачами» покровительства буржуазии и новому дворянству³⁸². Эта «феодальная по своей сущности власть» тем не менее неизбежно оказывалась гибкой для того, чтобы обеспечить развитие новых общественных сил³⁸³.

В связи со сказанным, у непредубежденного читателя возникал ряд вопросов. По какой причине, при подобном содержании социальной политики, абсолютизм считается именно дворянским государством? Более того, если это так, почему автор не акцентирует внимание на собственно дворянской политике Тюдоров (в данном случае не имеется в виду новое дворянство)? Если последняя предполагается по умолчанию, то насколько она была эффективна? Подтверждением того, что эти вопросы небеспопченны, служит и известный вывод А. Д. Люблинской: именно требованиями третьего сословия в первую очередь руководствовался абсолютизм во Франции на протяжении XVII в.³⁸⁴ Разумеется, отстаивая трактовку абсолютизма как дворянского феодального государства, можно делать оговорки и ссылаться на авторитет классиков марксизма. Однако насколько эффективна такая аргументация?

³⁷⁸ Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика ... С. 8–12.

³⁷⁹ Там же. С. 7–8.

³⁸⁰ Там же. С. 34.

³⁸¹ Там же. С. 30.

³⁸² Там же. С. 31.

³⁸³ Там же. С. 34.

³⁸⁴ Люблинская А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620). С. 156.

Приведенные соображения о социальной основе абсолютизма посчитались бы надуманными в СССР 1960-х гг. и ведущими в область построений буржуазной историографии, с которой в этом вопросе боролись советские медиевисты. Тем не менее проблема была очевидна: при более пристальном рассмотрении официально принятая в советской историографии модель абсолютизма демонстрировала ряд уязвимых позиций.

В исследовании Английской революции и абсолютизма Стюартов важнейшее место занимали работы доктора исторических наук, профессора, специалиста в области английской истории и методологии истории М. А. Барга (1915–1991). В книге В. М. Лавровского и М. А. Барга предпосылки революции рассматривались как нарастание конфликта короны и общества, что было проявлением кризиса феодальной монархии в условиях нарастания противоречий между новыми общественными классами и старым общественно-политическим строем³⁸⁵. Английской монархией, обеспечившей условия для развития капитализма, было создано и усилено новое дворянство, связанное с буржуазным способом производства. Затем, по мере укрепления этой социальной группы, нарастала опасность для королевской власти³⁸⁶. Авторы считают, что можно выявить момент, когда английский абсолютизм утратил свои прогрессивные черты, то есть господство феодального дворянства стало несовместимым с развитием капиталистических отношений, что выразилось в парламентской антикоролевской оппозиции. Таким моментом можно считать победу над испанской «непобедимой Армадой»³⁸⁷.

В книге «Кромвель и его время» М. А. Барг показал специфику общества предреволюционной Англии. Здесь «никогда нельзя было уловить ту грань, которая отделяла верхний слой свободных крестьян от слоя мелких дворян. Не было такой грани и между верхними слоями сельского дворянства и знатью»³⁸⁸. Говоря об английском новом дворянстве, занимающемся торговой и предпринимательской деятельностью, Барг отмечает, что оно встречалось в основном на юге и востоке Англии, в экономически развитых районах. На севере и северо-западе страны господствовали «дворяне старого покроя – дворяне-феодалы»³⁸⁹. Таким образом, в Англии классовые грани не совпадали с сословными. Дворянство было расколото по сути на два класса, и это составляло специфику английского общества в начале XVII в.³⁹⁰

³⁸⁵ Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. С. 53.

³⁸⁶ Там же. С. 178–179.

³⁸⁷ Лавровский В. М., Барг М. А. Указ. соч. С. 179–180.

³⁸⁸ Барг М. А. Кромвель и его время / под ред. С. Д. Сказкина. 2-е изд. М., 1960. С. 44–45.

³⁸⁹ Там же. С. 48.

³⁹⁰ Там же. С. 52.

Интересы феодального дворянства представлял король. Однако абсолютизм в Англии никогда не достиг того могущества, которым отличалась королевская власть во Франции. Английский король жил «за свой счет» – со своих владений, что не позволяло ему располагать большими средствами и постоянной армией. В случае необходимости в деньгах монарх вынужден был обращаться к парламенту. Образно говоря, «сила парламента заключалась в бедности короля»³⁹¹. В написанной под руководством М. А. Барга кандидатской диссертации Е. Д. Воробьевой³⁹² внимание автора сконцентрировано на складывании революционной ситуации в Англии, когда в парламенте появляется буржуазно-дворянская оппозиция абсолютизму.

В 1950-х – 1960-х гг. возросло внимание к прусскому и австрийскому абсолютизму, однако это имело место в работах общего характера. Так, в «Очерках истории Германии с древнейших времен до 1918 г.» М. А. Коганом (1907–1982), специалистом по германским и скандинавским странам, дана характеристика бранденбургско-прусского абсолютизма. Последний, направленный на форсированное развитие армии, был, по мнению автора, «лишь расширенным изданием княжеского абсолютизма» и не сыграл в целом прогрессивной роли³⁹³.

Вестфальская система, закрепившая «мелкодержавие» Германии, недееспособный рейхстаг, вмешательство иностранных государей, экономический упадок – совокупность всех этих факторов обусловила раздробленность и слабость германских земель после Тридцатилетней войны, – считали С. Д. Сказкин и Л. И. Гинцберг в «Германской истории в новое и новейшее время»³⁹⁴. Наибольших успехов в германском регионе достигла Пруссия – страна самого развитого, агрессивного абсолютизма, приближавшегося к военной деспотии. Прусский абсолютизм укрепился позже, чем в других западноевропейских странах, однако, по ряду причин, приобрел здесь особенную устойчивость³⁹⁵.

Особое место в работах, посвященных германским землям в Новое время, занимает книга советского историка-германиста А. Д. Эпштейна. Его «История Германии от позднего средневековья до 1848 г.» представляет собой информативный и оптимально структурированный нарратив. Автор, отталкиваясь от сжатой предыстории Бранденбурга-Пруссии в Средние века, раскрывает специфику сословного строя и политических институтов этого государства. Формирование абсолютизма при Гогенцоллернах

³⁹¹ Барг М. А. Кромвель и его время. С. 63–64.

³⁹² Воробьева Е. Д. Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта. 1603–1625 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 12 с.

³⁹³ Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. М., 1959. С. 124–125.

³⁹⁴ Германская история в новое и новейшее время: [в 2 т.]. Т. 1. М., 1970. С. 70–76.

³⁹⁵ Там же. С. 106–109.

связывается с потребностью укрепления страны ввиду открывшихся для нее экономических возможностей. Создание юнкерского товарного хозяйства, закрепощение крестьян, секуляризация земель, подчинение городов нуждам военизированного государства посредством перераспределения налогообложения – все это вносило специфические черты в формирующийся прусский абсолютизм, мероприятия которого проанализированы автором³⁹⁶. Особенное внимание А. Д. Эпштейн уделяет прусской армии, раскрывая не только причины ее гипертрофированного развития, но и демонстрируя подчинение военным нуждам всех остальных сфер жизни общества³⁹⁷.

Бранденбургско-прусский абсолютизм оценивается А. Д. Эпштейном отрицательно, соответствующий материал полон негативных коннотаций, в которых обличается не только милитаристская, но и эксплуататорская сущность прусского государства. Наряду с этим, постоянно присутствует конфронтационный тон в отношении германской буржуазной историографии, опровержения тезисов которой содержатся практически в каждом параграфе текста. Например, опровергая превознесение заслуг Фридриха II в германской исторической науке, Эпштейн отмечает: «По далеко не случайным причинам к подобной апологетике Фридриха приложили руку многие реакционеры, и отнюдь не случайно о своем преклонении перед Фридрихом твердил Гитлер»³⁹⁸.

В советской историографии были также представлены работы, отражающие проблематику абсолютизма в других европейских странах. Это могли быть единичные публикации, например обзор М. А. Когана источников и литературы о просвещенном абсолютизме в Дании и реформах И. Ф. Струензе³⁹⁹, в котором деятельность последнего оценена как «драматическая попытка проведения прогрессивных и смелых, хотя и непоследовательных реформ»⁴⁰⁰.

Сюжеты об абсолютизме включались в рассмотрение более общих вопросов. Примером этого служат публикации Э. Э. Литавриной, посвященные особенностям социально-экономического развития Испании в XVI в.⁴⁰¹

³⁹⁶ Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961. С. 234–239.

³⁹⁷ Там же. С. 240–246.

³⁹⁸ Там же. С. 261.

³⁹⁹ Коган М. А. Обзор исторических источников и исторической литературе о Струензе // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. С. 290–312.

⁴⁰⁰ Там же. С. 290.

⁴⁰¹ Литаврина Э. Э. Состояние земледелия в Испании во второй половине XVI в. // Социально-экономические проблемы истории Испании: сб. ст. Вып. 4. М., 1965. С. 124–157; см. также: ее же. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в. // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.): сб. ст. [под ред. С. Д. Сказкина]. М., 1957. С. 173–185.

Политика испанского абсолютизма, считает автор, обусловила «вырождение испанской абсолютной монархии в деспотию восточного типа»⁴⁰². Это было связано с чрезвычайным усилением испанского дворянства, для которого был создан монархий режим максимального благопритворства, что в итоге не дало развиваться слабой испанской буржуазии⁴⁰³.

Таким же образом представлен и материал об абсолютизме австрийских Габсбургов в книге Р. А. Авербух, посвященной революции 1848–1849 гг. в Австрии⁴⁰⁴. Характеристика австрийской империи как отсталого феодально-абсолютистского государства, где господствовал консерватизм системы Меттерниха, является вводной для последующего раскрытия революционных событий⁴⁰⁵.

Наконец, проблематика абсолютизма могла быть частью обобщающей работы, если речь шла об определенном этапе истории государства. Так, разделы об итальянском абсолютизме были представлены М. А. Гуковским⁴⁰⁶ и А. Д. Роловой⁴⁰⁷ в «Очерках по истории Италии. 476–1918 годы». В первом томе трехтомной «Истории Италии» Роловой принадлежат две главы об Италии XVI–XVIII вв., в которых рассматриваются различные аспекты итальянского абсолютизма. Это «Феодальная реакция и упадок Италии»⁴⁰⁸ и «Италия в XVIII в.»⁴⁰⁹. Анализируя процессы в итальянских княжествах XVI–XVII вв., А. Д. Ролова указывает на те же явления, что и А. Д. Люблинская, – одворянивание буржуазии, вкладывание ее средств в земельные владения, замки, а также приобретение привилегий у государей⁴¹⁰.

Анализ развития концепта европейского абсолютизма в советской историографии во время «оттепели» демонстрирует своеобразие и насыщенность этого периода. Фоном для работы советских медиевистов была либерализация в обществе, оставившая, несмотря на кратковременность, заметный след в развитии страны. В советской исторической науке начался период интеллектуальных и методологических поисков, осуществляемых как в рамках марксистской методологии, так и под влиянием зарубежной историографии. Советские историки начали по-новому интерпретировать классиков марксизма, что могло приводить к нестандартным выводам. Не

⁴⁰² Литаврина Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в. С. 185.

⁴⁰³ Там же. С. 185.

⁴⁰⁴ Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970. 246 с.

⁴⁰⁵ Там же. С. 3, 40–42.

⁴⁰⁶ Очерки истории Италии. 476–1918 годы: пособие / под ред. М. А. Гуковского. М., 1959. С. 82–102.

⁴⁰⁷ Там же. С. 153–191.

⁴⁰⁸ Ролова А. Д. Феодальная реакция и упадок Италии // История Италии: [в 3 т.]. Т. 1. / под ред. С. Д. Сказкина (отв. ред.), Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970. С. 466–504.

⁴⁰⁹ Она же. Италия в XVIII в. // Там же. С. 505–525.

⁴¹⁰ Она же. Феодальная реакция и упадок Италии. С. 486–488.

менее важным было признание значимости исторических источников как фундаментальной основы исторического исследования. Знаковым явлением, отражающим атмосферу времени, стал выход советских историков на международную арену и восприятие ими подходов исторической антропологии, истории ментальностей, методов структурализма.

Все указанное имело непосредственное отношение к изучению проблемы абсолютизма. Разумеется, методологические рамки исторической науки и вписанная в них трактовка абсолютизма оставались в основе своей неизменными с 1930-х гг. Вместе с тем работы С. Д. Сказкина, Б. Ф. Поршнева, А. Д. Люблинской, А. Д. Роловой, А. Д. Эпштейна демонстрировали не просто расширение проблемного поля, но и более детальную его проработку. Особую значимость имела публикация источников по истории Франции, осуществляемая под руководством А. Д. Люблинской.

При этом в изучении западноевропейского абсолютизма была определенная специфика ввиду методологического контекста работы советских историков. Она заключалась в большем традиционализме, нежели при изучении российского самодержавия. Авторитет классиков марксизма, основывавшихся на западноевропейском материале, был непоколебим. С другой стороны, советские медиевисты, изучающие абсолютные монархии Запада, располагали минимумом источников, а выводы европейских ученых, по известным причинам, встречали настороженное отношение в СССР. Несмотря на известные модификации, отраженные в работах Б. Ф. Поршнева и А. Д. Люблинской, каноническая концепция «равновесия», сформулированная в свое время С. Д. Сказкиным, не претерпела изменений.

Контакты советских историков с зарубежными коллегами были неоднозначными. Идеологическая конфронтация Востока и Запада переносилась и на историческую науку, где расхождения были слишком велики, чтобы речь шла о принятии иной точки зрения. В трактовке концепта абсолютизма это выразилось в противостоянии Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье. Настороженно были восприняты в СССР и методы изучения структур повседневности как «внеформационных» и «внеклассовых». Несмотря на диалог с идеологически близкими зарубежными коллегами, борьба с буржуазной историографией и ее разоблачение на стали обязательными для советских историков, что неоднократно демонстрировали работы, раскрывающие проблематику абсолютизма.

В советской медиевистике эпохи «оттепели» абсолютизм традиционно оценивался как эксплуататорское дворянское государство, существование которого было закономерно и оправдано только в свете задач централизации и создания условий для процессов первоначального накопления. По мере развития капитализма, абсолютизм, по мнению советских историков,

превращался в реакционную силу, защищавшую интересы паразитического класса дворянства и создающую препятствия для экономической и политической активности буржуазии.

В дискурсе советской исторической науки абсолютные монархии именовались «феодально-абсолютистскими» и «крепостническими». Английский абсолютизм, сохранивший парламент и способствовавший развитию капитализма, назывался «архидеспотическим и архикротовым государством»⁴¹¹. Прусский абсолютизм оценивался «как военно-крепостническая монархия»⁴¹², а испанский – как вырождающийся в деспотию восточного типа⁴¹³. Соответственно, не принято было уделять особого внимания персоналиям монархов и их окружения. Их характеристики были минимальны и служили основной цели советских историков – раскрытию классовой сущности абсолютной монархии.

5.3. Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг.: содержание, акценты, значение

В советской историографии дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. была весьма симптоматичной и имела итоги, не подведенные до сих пор. Сказанное не является преувеличением или стремлением к критике исследователей, в разное время и в разной степени уделявших внимание этой проблеме. Дискуссия 1968–1972 гг. должна оцениваться, по меньшей мере, в двух ракурсах. В первом – через восприятие ее непосредственно участниками и современниками. Член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин (1926–2014), коллега А. Я. Авреха, наблюдал дискуссию со стороны и описал ее ход в своей книге «Советские историки: о чем они говорили между собой»⁴¹⁴. Известный советский историк права Ю. П. Титов изложил свое видение задач и итогов дискуссии в статье по ее окончании⁴¹⁵. Во втором – путем выявления места дискуссии в методологических изменениях, произошедших за последние полвека, что отражено в специальных публикациях.

Оценка дискуссии в научных работах неоднозначна. С одной стороны, она характеризуется как заметное историографическое явление, с другой – ее значение минимизируется или обесценивается. Высказываемые

⁴¹¹ Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика ... С. 3.

⁴¹² Эпштейн А. Д. Указ соч. С. 241.

⁴¹³ Литаврина Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании ... С. 173–185.

⁴¹⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. СПб., 2004. С. 172–176.

⁴¹⁵ Титов Ю. П. Абсолютизм в России // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 107–112.

в разное время оценки были сдержанно-пессимистическими и сводились в принципе к одному: дискуссия цели не достигла. Наиболее корректным представляется суждение, высказанное в 1993 г. А. Н. Медушевским: «Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и нуждаются в дальнейшем изучении»⁴¹⁶.

В вышедшем в 1983 г. сборнике научных трудов «Проблемы истории абсолютизма» Ю. П. Титов констатировал: «Материалы дискуссии свидетельствуют о том, что по многим важнейшим проблемам абсолютизма нет единой точки зрения у советских ученых»⁴¹⁷. Справедливо отмечая, что в дискуссии должны были бы гораздо шире участвовать, наряду с историками, и юристы⁴¹⁸, Титов демонстрирует ортодоксальную даже в условиях 1983 г. позицию. Категорически не принимая позицию зачинателя дискуссии А. Я. Авреха, Ю. П. Титов видит проблему в малочисленности конкретно-исторических исследований, отсутствии подведения ее итогов⁴¹⁹ и т. д. Он указывает на отрицательную сторону дискуссии – «ее участники недостаточно использовали ленинские труды»⁴²⁰.

В 1996 г., уже в постсоветских реалиях, Ю. А. Сорокин в статье «О понятии “абсолютизм”», говоря о дискуссии 1968–1972 гг., вновь делает неутешительные выводы: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина “абсолютизм”... Историки заметно разошлись во мнении при решении вопроса о социальной опоре абсолютизма. Однако наиболее острыми были споры о причинах возникновения и движущих силах российского абсолютизма, так и не приведшие к выработке единой позиции»⁴²¹. В монографии Ю. А. Сорокина «Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.» оценка автора еще более категорична. Сорокин подводит черту под целым этапом историографии, отмечая, что «после 1972 г. изучение теоретических аспектов проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным»⁴²².

⁴¹⁶ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1993. С. 24.

⁴¹⁷ Титов Ю. П. Проблемы российского абсолютизма // Проблемы истории абсолютизма: сб. науч. трудов. М., 1983. С. 5.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. С. 5–6. Тезис Ю. П. Титова об отсутствии подведения итогов не совсем корректен. Обобщающий характер носило обсуждение проблем абсолютизма на расширенном заседании Ученого Совета Института истории СССР в октябре – ноябре 1971 г. Его краткий стенографический отчет опубликован в журнале «История СССР» в № 4 за 1972 г. См.: Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1972. № 4. С. 65–88.

⁴²⁰ Там же. С. 7.

⁴²¹ Сорокин Ю. А. О понятии «абсолютизм» [Электронный ресурс] // Исторический ежегодник. 1996. С. 4–16. Режим доступа: <http://metodich.ru/download/istoricheskij-ejegovodnik-1996-god-stranici-4-16-omskij-gosudar.doc>. Дата доступа: 06.05.2018.

⁴²² Он же. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография. Омск, 1999. С. 29.

А. Л. Янов, советский и американский историк, обратил внимание на совпадение во времени начала дискуссии и Пражской весны 1968 г.: «Если нужно доказательство, что прорыв цензурной плотины в одном конце тоталитарной империи тотчас эхом отзывается в другом, то вот оно перед нами»⁴²³. Янов отметил противоречивость цитат, применяемых в качестве аргументов. Он указал на невозможность преодоления идеологических предписаний, диктующих рассматривать историю России в рамках формационной модели и в связи с Западной Европой⁴²⁴. Дискуссия, по мнению Янова, ни к чему не привела, продемонстрировав «ворох парадоксов, полную теоретическую беспомощность и дефиниционный хаос»⁴²⁵.

На таком фоне особенно ценным выглядит мнение о дискуссии исследователя российского конституционализма В. Ю. Захарова, высказанное в 2008 г. Отмечая жесткие методологические рамки дискуссии и ее во многом схоластический характер, Захаров все же считает, что в целом дискуссия оказалась достаточно плодотворной. В частности, были определены новые подходы к выявлению сущности российского абсолютизма, в научный оборот введен значительный массив источников и т. д.⁴²⁶ С таким суждением нельзя не согласиться, однако это лишь один из ракурсов оценки дискуссии – ее место и роль были более масштабными. Чтобы их раскрыть, необходимо рассмотреть дискуссию системно.

Ко времени дискуссии об абсолютизме советские историки уже более четверти века руководствовались пониманием того, что абсолютизм – это дворянское государство, классовая основа которого определялась концепцией «равновесия», представленной в 1941 г. С. Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме»⁴²⁷. В этой работе, опираясь на тезисы классиков марксизма, Сказкин сформулировал каноническую для советских историков концепцию «равновесия». В соответствии с ней, абсолютизм, как дворянское государство переходного периода, возникает в ту эпоху, когда начинает приходить в упадок дворянское сословие, и, в свою очередь, из горожан формируется буржуазия. Сложившееся «равновесие сил» позволяет монархии усилиться, получить известную самостоятельность и выступать в виде «кажущейся посредницы» между дворянством и буржуазией⁴²⁸.

⁴²³ Янов А. Л. Россия у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 207.

⁴²⁴ Там же. С. 197–216.

⁴²⁵ Там же. С. 219.

⁴²⁶ Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. – www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/. Дата доступа: 23.11.2018.

⁴²⁷ Сказкин С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Учен. записки Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3. Вып. I. С. 3–25.

⁴²⁸ Там же. С. 12–13.

Статья С. Д. Сказкина была результатом прошедшего весной 1940 г. обсуждения проблем абсолютизма в ученом совете Института истории Академии наук СССР и развернувшихся там споров. Научные дискуссии в СССР эпохи Сталина предполагали не просто обмен мнениями, но и подведение итога с формулированием единой точки зрения. Эпоха «оттепели» смягчила, но отнюдь не убрала идеологические рамки и требование единомыслия. В этом – одна из причин последовавшего обесценивания итогов дискуссии 1968–1972 гг., так как установка на достижение общепринятой точки зрения была имманентным требованием и показателем эффективности работы советских историков.

Ко времени проведения дискуссии в научном сообществе, кроме того, сложились известные, хотя и неписанные, правила в выборе тематики исследований, цитировании классиков марксизма и т. д. В советской историографии постепенно установился не просто идеологический канон, но и дающая ощущение стабильности и комфорта конвенциональность внутри научного сообщества, что также необходимо учитывать.

Наконец, нельзя рассматривать дискуссию 1968–1972 гг. как нечто возникшее внезапно. Она созревала давно и началась раньше, чем А. Я. Аврех опубликовал известную статью в журнале «История СССР»⁴²⁹. Прологом дискуссии 1968–1972 гг. выступило несколько событий. Это и Всесоюзная дискуссия 1965 г. о переходе России от феодализма к капитализму, и предложенная А. Н. Чистозвоновым в 1966 г. трактовка абсолютизма, и, наконец, фактически начавшая дискуссию конференция советских и итальянских историков в апреле 1968 г.

Почему традиционные трактовки российского абсолютизма вызвали неприятие А. Я. Авреха, статьей которого дискуссия официально открылась? Ответ на этот вопрос он дал на расширенном заседании Ученого совета Института Истории АН СССР в 1971 г. Заседание, посвященное дискуссии об абсолютизме, прошло в конце октября – начале ноября 1971 г., затем краткое содержание докладов было опубликовано в журнале «История СССР»⁴³⁰.

Исследуя внутреннюю политику российской монархии начала XX в., Аврех пришел к выводу о несостоятельности российской буржуазии, не сумевшей вплоть до начала XX в. сформулировать задачи буржуазного развития страны. Значит, буржуазные преобразования должны были взять на себя передовые представители дворянства. Желая прояснить эту проблему, Аврех обратился к соответствующей специальной литературе. Вы-

⁴²⁹ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

⁴³⁰ Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. С. 65–88.

яснилось, что буржуазия, которую Аврех считал исторически непригодной, выглядит в ней совсем по-другому – как заявившая о себе уже с XVII в. крупная экономическая и политическая сила⁴³¹. Возникла необходимость разрешить это противоречие и ответить на вопрос: что вдруг произошло с российской буржуазией? Куда пропала ее сила? Основываясь на тезисах классиков марксизма, Аврех в своей программной статье «Российский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России» предложил собственную интерпретацию российского абсолютизма.

В России не было «равновесия» между дворянством и буржуазией. Последней просто не существовало для серьезного противовеса дворянству, которое, наоборот, укреплялось и консолидировалось⁴³². По мнению Авреха, буржуазия как социальная сила отсутствовала в дореволюционной России. Чтобы найти российскую буржуазию в XVII в., иронизирует Аврех, исследователи проявляют «чудеса изобретательности». Они готовы «удовлетвориться самым малым – тремя десятками мануфактур на всю страну, двумя-тремя десятками богатых купцов-промышленников, ничтожным количеством “свободных” работных людей и т. д.»⁴³³. Что же до политических требований, то буржуазия имела идеальную возможность изложить их во время деятельности Уложенной комиссии. Однако главным требованием городских наказов было противопоставление купечества остальным классам, причем занятие торговлей должно было быть исключительной привилегией купечества, а ремесло – носить цеховой характер⁴³⁴.

И капитализм, и абсолютизм возникают с формированием торговых, общенациональных связей⁴³⁵. При этом абсолютизм, ввиду активности и относительной самостоятельности государства⁴³⁶, способен обеспечивать развитие капитализма⁴³⁷. Таким образом, делает вывод Аврех, образование абсолютистского государства есть политическое выражение образования национального единства. Национальные связи – это связи буржуазные. Следовательно, сама абсолютная монархия, является предпосылкой буржуазного развития страны. Отсюда вытекает логический вывод о том, «абсолютная монархия является ничем иным, как прототипом буржуазного государства»⁴³⁸.

⁴³¹ Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. С. 78.

⁴³² Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль ... С. 88.

⁴³³ Там же. С. 91.

⁴³⁴ Там же. С. 86.

⁴³⁵ Там же. С. 92.

⁴³⁶ Там же. С. 90.

⁴³⁷ Там же. С. 98.

⁴³⁸ Там же. С. 92.

Абсолютизм – это феодальная монархия, способная, в силу своей внутренней природы, эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию⁴³⁹. Абсолютизм содержит в себе все элементы, функции и составные части буржуазного государства⁴⁴⁰. Это провозглашаемые «начала законности» и «всеобщей пользы»⁴⁴¹, бюрократия, способность буржуазии приспособляться к феодальным порядкам, а помещиков – к буржуазным⁴⁴².

Российский абсолютизм «развратил» российскую буржуазию высокими таможенными тарифами, казенными заказами, железнодорожным строительством, сделав ее политически зависимой и послушной⁴⁴³. Сила абсолютной монархии в России достигла крайних пределов. Длительность существования абсолютизма и победа прусского пути развития капитализма, по мнению Авреха, стали большим несчастьем для страны и народа⁴⁴⁴.

Разумеется, точка зрения Авреха не была бесспорна, однако она представляла собой то самое творческое развитие марксизма, которое официально приветствовалось советской историографией. Аврех, в рамках марксизма, выдвигал правомерную идею об активной роли государства, цели и мероприятия которого отнюдь не обязательно экономически и социально детерминированы. Заканчивая дискуссию, Аврех признался: «В конечном итоге главный смысл моего выступления по вопросу о русском абсолютизме сводится к неприятию вульгарного, упрощенного марксизма»⁴⁴⁵. Однако официальное признание права советского историка на толкование марксизма отличалось от реального.

Что же в концепции Авреха не укладывалось в существующий канон? Во-первых, отрицание идеи «равновесия», бывшей основным ориентиром для советских историков и подкрепленной авторитетом классиков марксизма. Во-вторых, Аврех, говоря о самостоятельности государства, вольно или невольно отодвигал роль экономического базиса с безусловно доминирующей позиции. В трактовке Авреха не находилось места и традиционному акцентированию классовой борьбы. Более того, крестьянство, ввиду его патриархальности, отсталости и царистских иллюзий, расценивалось Аврехом как одна из социальных опор абсолютизма⁴⁴⁶. И уже совершенно выпадало из привычного дискурса советской историографии утверждение о том, что «абсолютизм идет на буржуазные преобразования в силу соб-

⁴³⁹ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль ... С. 89.

⁴⁴⁰ Там же. С. 92.

⁴⁴¹ Там же. С. 92–93.

⁴⁴² Там же. С. 94–95.

⁴⁴³ Там же. С. 102–103.

⁴⁴⁴ Там же. С. 103–104.

⁴⁴⁵ Аврех А. Я. Утраченное «равновесие» // История СССР. 1971. № 4. С. 75.

⁴⁴⁶ Там же. С. 101.

ственной природы. «Либерализм» в смысле буржуазной по своему существу политики у него, если так позволительно выразиться, “в крови”»⁴⁴⁷.

Предложенная А. Я. Аврехом интерпретация вызвала далеко не однозначное отношение и критику. Сторонники «равновесия» – А. М. Давидович и С. А. Покровский⁴⁴⁸, С. М. Троицкий⁴⁴⁹, М. Я. Волков⁴⁵⁰, А. А. Преображенский⁴⁵¹ – представили, по сути, две стратегии аргументации в опровержение изложенного А. Я. Аврехом.

Одна из них – ссылка на непререкаемый авторитет классиков марксизма. В наибольшей степени это присуще доводам А. М. Давидовича и С. А. Покровского: «Знаменитое ленинское определение абсолютизма как формы государства, являющееся классическим по своей точности, глубине и всесторонности, А. Я. Аврех считает недостаточным...»⁴⁵²

Оба автора не желают видеть сложной социальной природы абсолютизма и многогранности его внутренней политики, обращенной к различным общественным слоям. Они упрощают точку зрения Авреха, обвиняя его в трактовке абсолютизма как буржуазного государства⁴⁵³. Их аргументация традиционна: раз классики марксизма считали абсолютную монархию политическим выражением диктатуры дворян, то «со всей наглядностью видно, что выводы А. Я. Авреха об абсолютизме как прототипе буржуазного государства... это явное искажение исторической действительности...»⁴⁵⁴. Сами Давидович и Покровский, исходя из положений Ленина, относят первый этап абсолютизма ко второй половине XVII в. Однако они подтверждают это не демонстрацией степени развития капитализма, не наличием буржуазии и ее требованиями (именно здесь суть проблемы). Вместо этого речь идет об изменениях в органах управления, прекращении созыва земских соборов, возрастании роли дворянства, увеличении войска и т. д.⁴⁵⁵, то есть не об экономике, а о государственных институтах.

В меньшей степени, но с сохранением остроты полемики на классиков марксизма ссылается известный исследователь России XVIII в. С. М. Троицкий: «Развивая такую оригинальную концепцию, А. Я. Аврех несколько не

⁴⁴⁷ Аврех А. Я. Утраченное «равновесие». С. 95.

⁴⁴⁸ Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78.

⁴⁴⁹ Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // Там же. № 3. С. 130–149.

⁴⁵⁰ Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России // Там же. 1970. № 1. С. 90–104.

⁴⁵¹ Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // Там же. 1971. № 2. С. 108–117.

⁴⁵² Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах ... С. 58.

⁴⁵³ Там же. С. 60.

⁴⁵⁴ Там же. С. 60–61.

⁴⁵⁵ Там же. С. 67–69.

смущается тем, что еще более 50 лет назад Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» подверг резкой критике сходные воззрения...»⁴⁵⁶ В вину Авреху ставится отрыв эволюции в надстройке от эволюции в базисе. Троицкий недоумевает, «почему это вдруг феодальное государство, каким была абсолютная монархия, при полном отсутствии элементов капитализма в хозяйстве страны, начинает проводить буржуазную политику»⁴⁵⁷.

Другой моделью аргументации были построения оппонентов А. Я. Авреха, основанные на нарративном материале с целью создания панорамы достаточно развитых для возникновения абсолютизма буржуазных отношений в России XVII – начала XVIII в. Это демонстрируют выступления в дискуссии М. Я. Волкова⁴⁵⁸ и А. А. Преображенского⁴⁵⁹.

М. Я. Волков проводит мысль о том, что в России XVII – начала XVIII в. феодальные и буржуазные отношения развивались параллельно⁴⁶⁰, причем Россия могла избежать крепостничества⁴⁶¹. Торговля, купечество, посадские люди, работающие по найму, трактуются как однозначно буржуазные явления⁴⁶². Религиозное вольномыслие, по М. Я. Волкову, есть отражение в сознании людей «новых отношений, порожденных развитием товарно-денежных хозяйств»⁴⁶³. Идеи вождей церковного раскола о «праведном суде божьем» расцениваются как «религиозное обоснование и оправдание различных форм сопротивления власти феодально-крепостнического государства»⁴⁶⁴, а сочинения игумена Андреевского монастыря старца Авраамия – как программа буржуазных реформ⁴⁶⁵.

А. А. Преображенский основное внимание уделил законодательству, отражающему отношения правительства Алексея Михайловича и торгово-промышленных кругов. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о том, что «интересы и требования торгово-промышленного развития страны в XVII в. в большой мере зависели от состояния и активности соответствующих слоев общества, как бы их ни именовать – “предбуржуазией”, “так называемой буржуазией”, “буржуазией эпохи первоначального накопления” и т. д.»⁴⁶⁶

Приводимый фактический материал, однако, порождал новые вопросы. Если имеется некое «равновесие», то где его мерил? Развитие торговли –

⁴⁵⁶ Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории ... С. 133.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России. С. 90–104.

⁴⁵⁹ Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах ... С. 109–117.

⁴⁶⁰ Волков М. Я. Указ. соч. С. 91.

⁴⁶¹ Там же. С. 91–92.

⁴⁶² Там же. С. 93–94.

⁴⁶³ Там же. С. 95.

⁴⁶⁴ Там же. С. 96.

⁴⁶⁵ Там же. С. 98–99.

⁴⁶⁶ Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах ... С. 117.

показатель именно буржуазных отношений? Где фактическое подтверждение требований купечества, которые можно было бы считать буржуазными? Ощущало ли себя российское купечество буржуазией в европейском смысле слова? Российские мануфактуры на крепостном труде – явление буржуазное или феодальное?

Совершенно не случайно Н. И. Павленко, призывая обращаться к фактам, утверждал: «Роль противовеса феодалам буржуазия способна выполнять лишь в том случае, когда она выступает против феодальных порядков, когда она покушается на феодальные отношения... Социальные силы, разумеется, нельзя взвешивать на аптекарских весах. Но сторонники тезиса “противовеса” должны располагать значительными фактами, подтверждающими декларируемый ими тезис о том, что русское купечество XVII – первой половины XVIII в. противопоставляло себя дворянству. Между тем известен единственный случай, когда в 1662 г. гости, торговые люди... при экстраординарных обстоятельствах катастрофического падения курса денег сетовали на то, что “ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин”...»⁴⁶⁷

Однако такая модель аргументации, основанная на фактах, отнюдь не всегда применялась советскими историками и могла вызывать противодействие. Сопоставление подхода к фактам в 1970 г. и оценки роли фактов в 1940 г., когда обсуждалась проблема абсолютизма, демонстрирует разительные изменения в этом вопросе.

В 1940 г., выступая против В. В. Бирюковича, призывавшего «броситься совершенно в открытое море фактов», С. Д. Сказкин, назвал этот метод «совершенно неправильным». На вопрос Бирюковича «Почему?» был дан такой ответ: «Потому что когда мы оперируем действительными фактами... мы тем самым исходим из определенных принципиальных понятий... Нам обязательно при рассмотрении исторических фактов нужно осмыслить, как эти вопросы рассматривались Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. В частности, в данном случае мы должны выявить их точку зрения на такие вопросы, как вопросы абсолютной монархии, государства и т. д. Мне кажется, что при рассмотрении таких сложных и глубоко теоретических вопросов, мы прежде всего должны исходить из их мыслей на данный предмет»⁴⁶⁸.

Очевидно, что эпоха «оттепели», обращение к источникам, признание приоритета фактов и возможности более свободного толкования классиков марксизма сыграли свою роль. Выявилось, что социологический подход не безграничен, что факты не укладываются в схему. Н. И. Павленко

⁴⁶⁷ Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 63.

⁴⁶⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 39. Л. 86 об.

правомерно указывал на трудность изучения социально-экономических процессов, на то, что «они развивались медленно, качественные грани между отдельными явлениями подчас неуловимы, а ограниченная источниковая база исследований не всегда дает основания для изучения явлений, скрытых от глаз исследователя»⁴⁶⁹. «Встречаются случаи, – пояснял Павленко, – когда наблюдения, имеющие локальное значение, распространяются на всю страну, или когда обнаруженное мыловаренное и т. п. предприятие возводится в ранг мануфактуры, без должных к тому оснований, ибо нет данных ни о разделении труда, ни о производительности, ни о времени его функционирования»⁴⁷⁰.

Говоря о сложности проблемы генезиса российского абсолютизма, Павленко обратил внимание на системные недоработки советской историографии. «Наибольшие разногласия участники дискуссии проявили в трактовке предыстории абсолютизма, его генезиса, – обозначил Павленко “болеую точку” споров и тут же пояснил: – Здесь мы пожинаем плоды наблюдавшегося в течение длительного времени пренебрежения к политической истории страны. О Боярской думе второй половины XVII – начала XVIII в. мы сейчас знаем не больше, чем это было известно Ключевскому около 90 лет назад. Столь же неудовлетворительно обстоит дело с изучением земских соборов. Между тем история становления абсолютизма есть в конечном счете история освобождения самодержавия от Боярской думы»⁴⁷¹.

Подвергая критике и контраргументации выступления своих коллег, в разной степени являющихся сторонниками идеи «равновесия», – А. М. Давидовича, С. А. Покровского, С. М. Троицкого, М. Я. Волкова, – Н. И. Павленко приходит к выводу о том, что утверждение абсолютизма – это победа дворянства, противостоящего крупным светским и духовным феодалам. Особенность российского абсолютизма состояла как раз в том, что он возник на базе противоборства сил внутри одного класса-сословия, то есть без противовеса буржуазии. Этим объясняется долговечность крепостнической системы и абсолютистской монархии. В период же становления абсолютизма его социальной опорой были дворяне и горожане⁴⁷². Н. И. Павленко солидаризовался с А. Я. Аврехом, А. Н. Чистозвоновым, М. П. Павловой-Сильванской, подчеркивавшими наличие в России особого типа абсолютизма, складывавшегося на иной, чем, например, во Франции, социально-экономической основе.

Доктор исторических наук И. А. Федосов (1921–2001), поддержавший А. Я. Авреха в признании буржуазных тенденций в политике абсолютиз-

⁴⁶⁹ Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. С. 82.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России. С. 54.

⁴⁷² Там же. С. 74.

ма, продемонстрировал это на примере просвещенного абсолютизма в России⁴⁷³. Федосов вообще заменил смысловое наполнение понятия «равновесие». По его мнению, «равновесие» – это не равенство сил двух классов, а такой уровень социально-экономического развития, при котором существует политическая альтернатива для государственной власти, которая получает возможность противопоставлять одни социальные слои другим⁴⁷⁴. При подведении итогов дискуссии И. А. Федосов развил эту мысль: «Равновесие, как равенство сил двух классов, очевидно, возможно только в кризисные, революционные периоды... термин “равновесие” вполне правомерен, но понимать его нужно не как механическое равенство сил двух классов, а как определенное соотношение социальных сил, которое позволяет развиваться обществу в целом и отдельным его частям... В этом смысле ни одно общество не может жить без такого “равновесия”»⁴⁷⁵.

Исследователь феодальной России А. Н. Сахаров (1930 – 2019), основываясь на указаниях классиков марксизма, критически рассмотрел аргументацию как противников, так и сторонников «равновесия». В широком историческом плане, считает Сахаров, России присущи те же законы перехода к абсолютизму, что и другим европейским странам. Кроме того, необходимо учитывать, что факторы генезиса и развития абсолютизма проявлялись неравномерно в разные периоды⁴⁷⁶. Сахаров считал, что «равновесие» и связанная с ним независимость власти – это, согласно Энгельсу, момент исключительный⁴⁷⁷. Почему же следует рассматривать исключение как правило и на этом основании отказывать России XVII–XVIII вв. в закономерном переходе к абсолютизму?⁴⁷⁸ Таким образом, историографическая реальность показала, что понимание «равновесия» в 1972 г. существенно отличалось от такового в 1941 г.

Л. В. Черепнин придерживался своей взвешенной позиции, высказанной во время советско-итальянской встречи историков. Его выступление на расширенном заседании Ученого совета Института Истории СССР при подведении итогов дискуссии было сдержанно и достаточно кратко⁴⁷⁹. Уподоблять ли российский абсолютизм германскому? Возможно, но необходимы доказательства⁴⁸⁰. Относительная самостоятельность государства,

⁴⁷³ Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–35.

⁴⁷⁴ Он же. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Там же. 1971. № 7. С. 50.

⁴⁷⁵ Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. С. 79.

⁴⁷⁶ Сахаров А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 111–112.

⁴⁷⁷ Там же. С. 115.

⁴⁷⁸ Там же. С. 116.

⁴⁷⁹ Черепнин Л. В. Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР (1971 г.) // Вопросы методологии исторического исследования: теорет. пробл. ист. феодализма: сб. ст. М., 1981. С. 215–218.

⁴⁸⁰ Там же. С. 216–217.

разумеется, бесспорна, но историк должен в каждом конкретном случае выяснять степень этой самостоятельности и не автономизировать чрезмерно надстроечные явления⁴⁸¹. Классовая борьба велась, конечно, людьми против конкретных людей. Крестьяне не понимали основ феодальной системы, но их стихийный протест был направлен все же против нее самой⁴⁸². Говоря об итоговом выступлении А. Я. Авреха, Л. В. Черепнин подтвердил свое непонимание «внутренней природы» российского абсолютизма, позволявшей ему эволюционировать в сторону буржуазной монархии. «Во всяком случае, – подытожил Черепнин, – я понимаю Авреха так: внутренняя природа – величина искомая, но пока не найденная. Словом, говорить придется о неизвестном»⁴⁸³. В связи с этим Черепнинным было обращено внимание на недостаток фактов, необходимость их сбора и систематизации, так как многие темные места в истории упираются в отсутствие фактов⁴⁸⁴.

Альтернативная интерпретация генезиса российского абсолютизма, кроме проблемы соответствия идеям классиков марксизма, имела еще один аспект – одновременно научный и идеологический. Насколько Россия уникальна в своем цивилизационном развитии? Должна ли она идти по пути Европы или она самобытна, в том числе в своих государственных институтах? Марксизм однозначно включил историю России в общеевропейский контекст. Акцентирование же внимания на особенностях России, с точки зрения ревнителей советского марксизма, могло вывести на почвенничество, евразийство и другие подобные, не приветствуемые в СССР идейные направления.

Мнение А. Я. Авреха об отсутствии в России «равновесия» между буржуазией и дворянством как фактора возникновения абсолютизма нашло поддержку, хоть и в разной степени, у Н. И. Павленко, А. Л. Шапиро⁴⁸⁵, М. П. Павловой-Сильванской⁴⁸⁶, А. Н. Чистозвонова⁴⁸⁷, вызвавших на себя огонь критики сторонников «равновесия».

Не во всем соглашаясь с А. Я. Аврехом, исследователь феодальной России и историограф А. Л. Шапиро (1908–1994) все же был солидарен с ним в том, что русская буржуазия была слаба даже во второй половине XVIII в. Самодержавие, разумеется, кое-что делало для развития буржуазных отношений, но в первую очередь исходя из государственного интереса и ни в коей мере не ущемляя интересов дворян. Россия оставалась дворянской и кре-

⁴⁸¹ Черепнин Л. В. Выступление на расширенном заседании Ученого совета ... С. 217.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же. С. 218.

⁴⁸⁵ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69–82.

⁴⁸⁶ Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // Там же. № 4. С. 71–85.

⁴⁸⁷ Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.

постнической страной, а устойчивость самодержавия объяснялась патриархальностью отношений в деревне, где наивная преданность крестьян монархии играла первостепенную роль⁴⁸⁸.

М. П. Павлова-Сильванская более других развила тезис о неприложимости к России западноевропейских моделей формирования абсолютизма, опираясь на сравнительно-исторические выводы классиков марксизма⁴⁸⁹. Россия, по ее мнению, это вариант азиатской деспотии, складывающейся на основе натурального хозяйства, общинной организации деревни, закрепощения крестьян и перехода к внешней экспансии. Это не исключало эволюции к абсолютизму, но все же «процессы, послужившие укреплению самодержавия, представляют собой явления, полярно противоположные тому разложению феодальной формации, на базе которого возникает европейский абсолютизм»⁴⁹⁰. Система крепостнических отношений и помещичья система, установившаяся в России, по мнению Павловой-Сильванской, аналогичны тем, что имели место в Турции⁴⁹¹.

Сравнительно-исторический подход в максимальной мере развил А. Н. Чистозвонов. По его мнению, социально-экономическое и политическое развитие европейских стран представляет собой общий процесс, в рамках которого существуют ярко выраженные местные особенности⁴⁹². Считая генезис капитализма синтезирующей чертой формирования абсолютистской монархии, обращая особое внимание на разнообразие форм надстройки, конкретное соотношение социальных сил и роль внешнеполитического фактора, А. Н. Чистозвонов указывал на абсолютизм в собственном смысле слова (англо-французский вариант) и абсолютистские формы правления (австро-пруско-русский вариант). Испанский вариант расценивался как модификация второго типа либо как промежуточный. Критерием выраженности черт абсолютизма является степень развития капитализма и перевес буржуазии. Для государств первой группы «равновесие» приемлемо, в государствах второй модели происходила, в условиях местных особенностей, рецепция абсолютистских порядков⁴⁹³. Чистозвонов обратил внимание на то, что крестьянские восстания и классовая борьба не могут считаться синтезирующим моментом в возникновении абсолютизма – никакая интенсивность классовой борьбы не приведет к абсолютизму при отсутствии процесса капиталистического развития⁴⁹⁴.

⁴⁸⁸ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России. С. 78.

⁴⁸⁹ Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. С. 78–81.

⁴⁹⁰ Там же. С. 82.

⁴⁹¹ Там же. С. 83.

⁴⁹² Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы ... С. 49.

⁴⁹³ Там же. С. 58–62.

⁴⁹⁴ Там же. С. 61.

Наконец, А. Н. Чистозвонов предложил оптимальное в тот период определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь»⁴⁹⁵.

Комплексность, системность, сравнительный подход, отказ от упрощенных схем – вот, по мнению А. Н. Чистозвонова, перспективные пути исследования. В этом с ним был солидарен и Л. В. Черепнин, отметивший на советско-итальянской конференции историков, что сравнительно-исторический метод – это творческий метод исследования⁴⁹⁶. Однако Черепнин подверг сомнению идею Чистозвонова о рецепции абсолютистских форм правления: «Я не могу понять, как можно заимствовать тип государства, которое является продуктом социально-экономического развития. Можно заимствовать какие-то правовые нормы, институты, учреждения, но невозможно заимствовать тип государства. Мне думается, что этот вывод профессора Чистозвонова противоречит итогам развития русской исторической науки»⁴⁹⁷.

Во время дискуссии точка зрения Чистозвонова встретила еще более критическое отношение. В первую очередь, против нее выступили сторонники «равновесия». Так, А. М. Давидович и С. А. Покровский не приняли не только идею М. П. Павловой-Сильванской об азиатских чертах российского абсолютизма, но и более сдержанную аналогию, проводимую между Россией и Испанией А. Н. Чистозвоновым.⁴⁹⁸

А. Н. Чистозвонов, А. Я. Аврех, М. П. Павлова-Сильванская и А. Д. Люблинская стали объектом жесткого нападения С. М. Троицкого. Этой группой ученых поддерживалась идея слабого развития буржуазных отношений на российской почве и фактор заимствования политических институтов у более развитых стран. В выступлении, направленном в основном против Чистозвонова, Троицкий выдвигает аргумент скорее из политического,

⁴⁹⁵ Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы ... С. 62.

⁴⁹⁶ Черепнин Л. В. Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.)» // Вопросы методологии исторического исследования: теорет. пробл. истории феодализма: сб. ст. М., 1981. С. 209.

⁴⁹⁷ Там же. С. 210.

⁴⁹⁸ Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах ... С. 62.

нежели научного, арсенала. Он обвиняет А. Я. Авреха и особенно А. Н. Чистозвонова в следовании концепции П. Н. Милюкова⁴⁹⁹, что было небезопасно для советского историка. Естественно, такой выпад Чистозвонов не мог оставить без внимания и ответил скорее не статьей, а заметкой в пять страниц⁵⁰⁰, на четырех из которых разъяснял свою точку зрения и опровергал построения Троицкого⁵⁰¹.

В еще большей степени ощутил идеологический нажим А. Я. Аврех. Уже на советско-итальянской конференции, когда он высказал тезис о крестьянстве, поддерживавшем абсолютизм ввиду своей патриархальности и отсталости, он получил жесткое предупреждение М. В. Нечкиной. Она выразилась так: «Существует Карамзин, существует Погодин, имеются официальные документы – перелистайте их и обратите внимание, что они утверждают как раз то, что вы говорите, – что царизм – конечно, идеология крестьянства: царь-батюшка является попечителем, страдателем за народ, ревнителем интересов народа. И существуют царские манифесты, которые начинались с признания “божьего благословения” на царские дела для народа. Это именно и была официальная идеология. Пусть вас потревожит это совпадение! Все-таки неприятная близость...»⁵⁰²

Нужно отметить, что результаты дискуссии обратили на себя внимание на совещании по вопросам исторической науки, прошедшем 21–22 марта 1973 г. По итогам совещания была написана передовая статья в журнале «Новая и новейшая история»⁵⁰³. В ней, наряду с традиционным акцентом на необходимости борьбы с «буржуазной идеологией, ревизионизмом, национализмом, различными видами оппортунизма и догматизмом»⁵⁰⁴, была подчеркнута важность повышения теоретической подготовки кадров. В этом ключе было обращено внимание на ошибки советских историков, которые не поняли «неисчерпаемых творческих потенциалов марксизма-ленинизма, того факта, что марксизм-ленинизм есть творческая, обогащающаяся и развивающаяся теория, возможности применения которой к анализу сложных исторических процессов, к новым явлениям общественного развития безграничны...»⁵⁰⁵. Далее, с явным намеком на дискуссию и точку зрения А. Я. Авреха указывалось: «В некоторых статьях и выступлениях сказалось непонимание влияния классовой борьбы на возникновение

⁴⁹⁹ Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории ... С. 137–139.

⁵⁰⁰ Чистозвонов А. Н. К дискуссии об абсолютизме в России. С. 72–76.

⁵⁰¹ Там же. С. 72–75.

⁵⁰² Документы советско-итальянской конференции историков ... С. 257.

⁵⁰³ Некоторые итоги и задачи изучения новой и новейшей истории // Новая и новейшая история. 1973. № 4. С. 3–13.

⁵⁰⁴ Некоторые итоги и задачи изучения ... С. 3.

⁵⁰⁵ Там же. С. 7.

и историю российского абсолютизма. Отдельные авторы ошибочно рассматривали все крестьянство как опору российского самодержавия»⁵⁰⁶.

Как вспоминал впоследствии Р. Ш. Ганелин, после дискуссии об абсолютизме обстановка в исторической науке стала меняться. Наряду со своими коллегами А. Я. Аврех оказался причисленным к «новому направлению». Они обвинялись в пересмотре традиционных представлений о предреволюционной России. Вскоре осуществилось и предупреждение М. В. Нечкиной. Тезис Авреха о крестьянстве как массовой опоре царизма до 1905 г. был перетолкован в утверждение о том, что царизм выражал интересы крестьянства. Ученый совет Института истории СССР АН СССР отменил в 1974 г. принятое решение о рекомендации к печати монографии А. Я. Авреха «Царизм и IV Дума». Книга, впоследствии положительно оцененная, вышла со значительным опозданием⁵⁰⁷ (в 1981 г.).

В 1975 г. была издана монография А. М. Давидовича «Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России)», в которой концепция А. Я. Авреха и его единомышленников названа методологически ошибочной и страдающей принципиальными недостатками⁵⁰⁸. Аргументация А. М. Давидовича – образец стиля полемики в советской историографии эпохи развитого социализма. «При анализе данной концепции, – утверждает Давидович, – необходимо, по нашему убеждению, полностью учитывать критику на страницах партийной и специальной печати некоторых современных исторических работ... Интересы дальнейшего совершенствования исторической науки настоятельно диктуют необходимость «решительно разоблачать любые попытки “нового прочтения” ленинской концепции исторического развития, которые ведут к нарушению принципов марксистско-ленинской методологии, к забвению исторической правды»⁵⁰⁹. В рецензии на монографию А. М. Давидовича была особенно оценена ее идеологическая заостренность и отмечена как достоинство «серьезная критика точки зрения А. Я. Авреха»⁵¹⁰. Конечно, подобные оценки были показательны, но все же приходится признать: эпоха «оттепели» не прошла бесследно для советской историографии. Идеологический контроль, даже в приведенном варианте, был все же менее жестким и карающим, чем в довоенном СССР.

⁵⁰⁶ Некоторые итоги и задачи изучения ... С. 8.

⁵⁰⁷ Ганелин Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха // История СССР. 1990. № 4. С. 109.

⁵⁰⁸ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 18–19.

⁵⁰⁹ Там же. С. 20.

⁵¹⁰ Гавлин М. Я., Шевырин В. М. [Рецензия] // Вопросы истории. 1977. № 5. Рец. на кн.: Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975. С. 170–171.

Дискуссия была знаковым явлением. Она показала всю сложность назревших проблем и узость социологической модели абсолютизма. Оказалось, что категории «феодального» и «буржуазного» расплывчаты, что весьма трудно провести грань между ними и оценить их количественные и качественные составляющие. Более того, и приводимые факты вряд ли могли дать ответы на интересующие вопросы, так как, в конечном счете, речь шла о проблеме интерпретации данных источника. Существенные ограничения в обсуждении накладывали и методологические рамки. Можно ли было в такой ситуации требовать решения проблем и принятия единой точки зрения? Ответ может быть только отрицательным.

При более масштабном осмыслении дискуссии очевидно, что она вышла за пределы ее темы и подняла более глубокий пласт вопросов. Это соотношение факта и теории, общего и особенного, источника и его интерпретации, количественных и качественных методов исследования. Применительно к российскому абсолютизму встали проблемы уже идеологического характера. В чем заключалась специфика российской монархии, а шире – социально-политического развития? Достаточно ли зрелым был российский капитализм? Насколько закономерной была Октябрьская революция? Поставленные вопросы указывали на границы дискуссии, которые, по понятным причинам, не могли быть нарушены.

Однако было бы неверно видеть проблему результативности дискуссии лишь в специфике советской историографии. В послевоенные десятилетия в Европе и США наблюдался очередной взлет социальной истории. Как форма исторического исследования, направление, совокупность субдисциплин⁵¹¹, она была альтернативой событийному историописанию и развилась на волне научно-технической революции, разработке новых теорий и моделей, технических приемов и методов верификации.⁵¹² Социальная история, по определению Л. П. Репиной, «выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социальной истории, описывающих внутреннее состояние общества, а также отдельных его групп и отношений между ними»⁵¹³. Направленность социальной истории не могла не вызвать интереса у советских исследователей, которые, обратившись к источникам, стали применять методы статистического анализа. То, что между советскими и западными историками существовали идейные расхождения, разумеется, было важно, однако не настолько, чтобы советская историография отвергала построение социологических моделей.

⁵¹¹ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 9, 13, 14.

⁵¹² Там же. С. 14–15.

⁵¹³ Там же. С. 15.

Однако к началу 1970-х гг. подходы социальной истории достигли своего предела. Формализация и анализ социальных процессов приводили к аннигиляции социальных макрогрупп, зашел в тупик спор о классах и условиях⁵¹⁴, распадались комплексное восприятие исторического материала. П. Ю. Уваров следующим образом сформулировал «приговор всему социально-структурному направлению»⁵¹⁵. Это «погоня за “объективным” при пренебрежении к “субъективному”, т. е. к тому, как общество мыслило себя само; игнорирование творческой способности исторических лиц; реификация категорий, создаваемых историком, казалось бы, для служебных целей; недооценка сложности процесса исторического познания»⁵¹⁶. «Те, кто больше всех считали и высчитывали, осознали, что исторической объективности нет, и что историк сам конструирует свои факты»⁵¹⁷, – эти слова, написанные в 1971 г. представителем школы «Анналов» Ф. Фюре, подвели черту под очередной попыткой создать универсальную методологию.

Советский историк, даже если и задумывался о чем-либо подобном, никогда бы не смог это высказать и тем более напечатать. С позиций диалектического материализма, процитированное выше было воплощением упадка буржуазной науки. Тем не менее кризис социологического подхода был и в советской историографии, и дискуссия об абсолютизме – этому подтверждение. Таким образом, дискуссия 1968–1972 гг. должна рассматриваться шире, как системное явление в контексте развития европейской историографии. С этой точки зрения требовать от участников дискуссии выработки единой позиции было и вовсе утопично. Другое дело, насколько отдавали себе в этом отчет советские историки.

В данном контексте дискуссия 1968–1972 гг. предстает в новом качестве, существенно меняющем ее оценку. Несмотря на то, что социологическая модель абсолютизма достигла кризиса, она в ходе дискуссии была откорректирована и получила ресурс дальнейшего развития, что было продемонстрировано разработкой проблематики абсолютизма в последующее десятилетие. Указанное не позволяет расценивать дискуссию 1968–1972 гг. как неэффективную. Наоборот, был достигнут максимум возможного в имеющихся условиях.

Более того, в ходе дискуссии были предложены перспективные направления и проблемное поле исследований. Сам факт признания того, что идея «равновесия» неприменима к России, был в известной мере прорывом, а понимание «равновесия» как просто некоего баланса сил дало простор для

⁵¹⁴ Уваров П. Ю. Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 39.

⁵¹⁵ Там же. С. 40.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Там же.

научного поиска, пусть и в рамках официального дискурса. Нельзя переоценить и предложенных во время дискуссии сравнительно-исторического подхода, типологического рассмотрения абсолютных монархий, новых вариантов определения абсолютизма. Было обращено внимание на необходимость изучения политических институтов и учета личных качеств носителей власти.

Представляется, что в свете сказанного отсутствие итоговой единой точки зрения не выглядит серьезным аргументом в снижении результатов дискуссии даже с позиций советской историографии. А ведь именно это традиционно было ведущим аргументом в ее обесценивании. Замечание о том, что историки так и не смогли прийти к единой точке зрения, стабильно высказывалось как в советские, так и в постсоветские годы. Это выглядит тем более странно, что дискуссия изначально предполагает обмен мнениями и право исследователя на собственное видение проблемы, а с 1990-х гг. вряд ли нужно было в принципе это доказывать.

Жизнеспособность предложенных в рамках дискуссии решений не только проявилась в последующие десятилетия в расширении спектра исследований и возможности методологического маневра. Изменения в историографии, начавшиеся со второй половины 1980-х гг., упразднили концепцию «равновесия» в модификации советской историографии, однако социологический подход все же сохранился, несмотря на утрату им доминирующих позиций и исчезновение ссылок на классиков марксизма.

Полемические статьи советских историков, демонстрировавшие различные подходы, стратегии аргументации и отношения к оппоненту, являются красноречивым примером мышления советских историков в устоявшихся идеологических границах. Материалы дискуссии продемонстрировали реакцию научного сообщества на то, что поколебало его конвенциональную стабильность, а также возможности методологического маневра в рамках официального канона.

Важно отметить и такой фактор, как изменение социально-политического фона дискуссии. Аргументация оппонентов была уже иной, чем в 1930-х – 1950-х гг., существенно снизился градус политизированности, уже не шла речь о публичном отказе от своего мнения. То, что участники дискуссии не пришли к единому решению, было знаковым явлением. На тот момент это обесценивало дискуссию, от которой ожидали расстановки акцентов и новой общей трактовки. Однако нужно отметить и то, что даже в жестких методологических рамках столкновение альтернативных точек зрения было продуктивно.

Дискуссия об абсолютизме, наконец, была диагностическим срезом советской историографии в области осмысления проблем абсолютной мо-

нархии. Степень разработанности вопросов, требующие внимания темы, перспективные направления, альтернативные подходы и их рамки – все перечисленное отразилось в статьях и выступлениях ее участников. Участники дискуссии строили свою аргументацию в рамках одной парадигмы, однако и в этих пределах в проблемном поле концепта абсолютизма выявились изменения, получившие развитие до конца 1980-х гг.

5.4. Российское самодержавие в советской историографии 1970-х – середины 1980-х гг.

Дискуссия 1968–1972 гг. началась в проблемном поле изучения российского абсолютизма, российской монархии было уделено основное внимание в спорах историков. По этой причине, итоги дискуссии должны были сказаться, прежде всего, в области изучения российского абсолютизма. Радикальных, внешне заметных методологических трансформаций тем не менее не происходило. Примером этого является учебное пособие московских исследователей Л. А. Стешенко и К. А. Софроненко, посвященное России Петровской эпохи⁵¹⁸. Попыток оспорить марксистско-ленинскую концепцию абсолютизма не было, однако, приводя традиционные цитаты, советские исследователи понимали, что при необходимости их можно будет истолковать под несколько иным углом.

Разнообразие мнений существовало в маркировке нижней хронологической границы абсолютизма, диапазон которой простирался от правлений Ивана Грозного до Петра Великого. Вместе с тем в данном вопросе нужно отметить положительную черту – исследователями феодальной России был принят тезис о том, что монархию XVI–XVII вв. можно оценивать как сословно-представительную. Более того, в сословно-представительной монархии усматривались предпосылки абсолютизма. Вот, например, мнение одного из известнейших российских историков, источниковеда, методолога С. О. Шмидта (1922–2013), предлагающего отнести начало российского абсолютизма к правлению Ивана Грозного: «Не схожи ли действительно реформы Избранной рады с реформами, характерными для западноевропейского абсолютизма?.. Не поддаемся ли мы соблазну рассматривать эволюцию форм правления обязательно в хронологической последовательности? Не застилает ли нам глаза традиционное представление о смене сословно-представительной монархии абсолютизмом? Ведь земские соборы не были по существу помехой развитию царской власти и не ограничивали ее»⁵¹⁹.

⁵¹⁸ Стешенко Л. А., Софроненко К. А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973. 120 с.

⁵¹⁹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973. С. 311.

Данный тезис, хотя и косвенно, находил поддержку у А. А. Зимина. Российское государство первой половины XVI в. Зимин считал сословной монархией⁵²⁰. Он подчеркивал, что именно в первой трети XVI в. был, по сути, решен вопрос о существовании в России сильной монархической власти⁵²¹. Исследователь государственных институтов России XVI в. Н. Е. Носов (1924–1985), поддерживал идею Л. В. Черепнина о том, что сословно-представительная монархия и абсолютизм являются двумя формами единого централизованного государства. Соответственно, эти формы отражают две тенденции – к повышению роли сословий и к укреплению самодержавия. Носов считал, что в XVI в. имелись две тенденции – централизации, бюрократизации, закрепощения, а параллельно шло образование сословий. Более того, Земские соборы, по мнению Носова, это аналоги европейских сословно-представительных институтов, а происходящие в России XVI в. процессы переходят в абсолютизм в середине XVII в.⁵²²

Особенностью трактовок государственного строя России XVI–XVII вв. был принятый по умолчанию нюанс соотношения понятий «самодержавие» и «абсолютизм». С одной стороны, они считались, согласно указанию Ленина, синонимами. С другой – правление Ивана Грозного называлось не абсолютизмом, а самодержавием, в то время как для характеристики петровского времени применялись оба термина. Советские историки понимали это подобие, но не тождественность понятий, и поэтому если о самодержавии можно было вести речь уже со времен Василия III, то черты абсолютизма относили к периоду Алексея Михайловича.

Акценты в этой проблеме расставил А. М. Сахаров (1923–1978), ученик Л. В. Черепнина. В 1969 г., в разгар дискуссии об абсолютизме, вышла его книга «Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.»⁵²³. Сахаров отметил, что данная проблема является спорной, и ряд исследователей отождествляют понятия «абсолютизм» и «самодержавие» применительно к XVI–XVII вв.⁵²⁴ По понятным причинам, А. М. Сахаров не мог использовать критерии разграничения этих понятий, применявшиеся в российской дореволюционной историографии. Он апеллирует к классикам марксизма и делает вывод, что в указанный период в России не было достаточного развития буржуазных элементов. Более того, даже в XVII–XVIII вв. и позднее русский абсолютизм был в преимущественной степени свя-

⁵²⁰ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерк политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 397.

⁵²¹ Там же. С. 397.

⁵²² Носов Н. Е. Централизация и сословное представительство в России XVI в.: (закон и действительность) // Чтения, посвященные памяти акад. С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина М., 1983. С. 51–52, 56–57.

⁵²³ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. 224 с.

⁵²⁴ Там же. С. 189–190.

зан с крепостничеством, нежели с раннебуржуазными элементами⁵²⁵. Явное же проявление черт абсолютизма – усиление дворянства и верхушки посада, уменьшение значения Боярской думы, снижение роли Земских соборов, создание Соборного уложения, по Сахарову, имело место с XVII в.⁵²⁶

В условиях господства социологической модели было обязательно связывать генезис абсолютизма с формированием капиталистического уклада. Однако на практике традиционным указанием на начало российского абсолютизма была все же характеристика государственных институтов. Примером этому выступает монография специалиста по истории позднефеодальной России А. Г. Манькова (1913–2006). «Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России»⁵²⁷. Это работа, посвященная в первую очередь государственным институтам, несмотря на внимание к социально-экономическим факторам. Начало абсолютизма А. Г. Маньков связывает с такими изменениями политических институтов в середине XVII в., как снижение роли Земских соборов, установление на местах власти воевод и, наконец, принятие Уложения 1649 г. с выраженным описанием статуса царя как верховного главы государства⁵²⁸.

Точка зрения Л. В. Черепнина, изложенная в ряде его работ, стала наиболее оптимальной, вобрав в себя разрешение ряда существовавших в то время вопросов. Абсолютизм, по мнению Черепнина, «это политическая надстройка феодализма на позднем этапе его развития, последняя форма диктатуры дворянства, когда уже начинается процесс формирования буржуазии, запросы которой вынужден учитывать монарх. Абсолютизм характеризуется государственной централизацией, наличием бюрократии, регулярной армии, укреплением государственного бюджета, подчинением церкви государству. Все это создает относительную независимость монархии и бюрократического аппарата от господствующего класса»⁵²⁹.

Политические предпосылки абсолютизма складываются в правление Ивана Грозного во второй половине XVI в. Это период сословно-представительной монархии. Во второй половине XVII в. вырисовываются признаки абсолютизма. При Петре I происходит оформление абсолютизма⁵³⁰.

Сословно-представительная монархия и абсолютизм – это две исторически сменяющиеся формы централизованного государства⁵³¹. Земские

⁵²⁵ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. С. 190.

⁵²⁶ Там же. С. 170.

⁵²⁷ Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. 271 с.

⁵²⁸ Там же. С. 154.

⁵²⁹ Черепнин Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России // Вопросы методологии исторического исследования: теорет. пробл. ист. феодализма: сб. ст. М., 1981. С. 219.

⁵³⁰ Там же. С. 219.

⁵³¹ Там же. С. 220.

соборы, через которые власть обращалась к обществу и узнавала о его запросах, поддерживали правительственную политику⁵³². Индикатором «определенной грани» в усилении царской власти и переходе к абсолютизму стали соборы середины XVII в., собираемые все реже и с большими перерывами⁵³³.

Образование централизованного государства в России было подготовлено, как и в других странах, развитием экономических связей, преодолевших присущий Средневековью партикуляризм. Но эти связи еще не дошли до уровня экономической консолидации капиталистического типа, лишь с XVII в. появились первые зародыши капиталистических отношений. Экономическая консолидация в России отставала от государственных потребностей, поэтому большую роль в централизации играл политический фактор⁵³⁴.

Образование централизованного государства, складывание сословно-представительной монархии и последующий переход к абсолютизму в России проходили по аналогии с подобными процессами в Западной и Центральной Европе⁵³⁵. В частности, российские Земские соборы, по мнению Черепнина, могут быть уподоблены Генеральным штатам, парламенту, кортесам, ригсдагу и т. д.⁵³⁶

В 1970-е – 1980-е гг., после публикации «больших нарративов» двух послевоенных десятилетий, советские историки акцентировали внимание на отдельных проблемах. Этому способствовало и интенсивное обращение к источникам. Более того, появились работы собственно источниковедческой направленности. Так, в статье А. Н. Медушевского «К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России (первая четверть XVIII в.)»⁵³⁷ источниковедческий подход положен в основу выявления динамики состава, структуры и системы органов управления при Петре I. В кандидатской диссертации А. Н. Медушевского «Феодальные верхи и формирование бюрократии в России в первой четверти XVIII в.»⁵³⁸ акцент сделан на изучении собственно комплекса источников, служащих для исследования социальной базы российской монархии Петровской эпохи.

⁵³² Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 61–62.

⁵³³ Там же. С. 345.

⁵³⁴ Там же. С. 220.

⁵³⁵ Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 48–53.

⁵³⁶ Там же. С. 50–51.

⁵³⁷ Медушевский А. Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России (первая четверть XVIII в.) // Общественно-политическое развитие феодальной России: сб. ст. 1985. С. 89–102.

⁵³⁸ Он же. Феодальные верхи и формирование бюрократии в России в первой четверти XVIII в.: источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 23 с.

То, что во время дискуссии об абсолютизме было обращено внимание на необходимость изучения государственной идеологии, структуры управления, функционирования политических институтов, личностных черт носителей власти и т. д., вполне вписывалось в тезис об активности надстройки и роли личности в истории в марксистском понимании. Нужно отметить, что указанная проблематика начала разрабатываться еще с 1960-х гг., а в 1970-х – 1980-х гг. происходило, наряду с количественным ростом работ, ее расширение.

Так, сразу после окончания дискуссии, в июне 1972 г., была защищена докторская диссертация С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии)»⁵³⁹, затем вышла одноименная монография⁵⁴⁰. Посвященные конкретной проблематике, созданные с применением статистического и сравнительно-исторического анализа большой массы источников, они и сегодня не утратили своего значения.

Интересно, что С. М. Троицкий, во время дискуссии об абсолютизме один из наиболее активных оппонентов А. Я. Авреха и А. Н. Чистозвонова, в этих работах таковым не выглядит. Наоборот, он указывает на проблемы, где возможен конструктивный диалог: «Так, А. Я. Аврех, рассматривая абсолютную монархию как прототип современного буржуазного государства, считает, что она создает все его элементы, в том числе бюрократию, которая при отсутствии капитализма в России была «плутократической». А. Н. Чистозвонов поставил важный вопрос о необходимости глубже изучать социальную базу, на основе которой происходило формирование бюрократии в различных странах»⁵⁴¹.

Теоретические положения С. М. Троицкого органично вписывались в существующую концепцию абсолютизма. Бюрократия – важнейший атрибут абсолютной монархии. Ее складывание было обусловлено изменением в господствующем классе феодалов и выдвиганием на историческую арену дворянства – опоры монархии. Поэтому история бюрократии в то же время является и историей дворянства – той его части, которая участвовала в управлении государством⁵⁴². Более того, постепенное превращение бюрократии в бессловную прослойку капиталистического общества было одним из важнейших показателей эволюции абсолютной монархии в направлении к буржуазному государству⁵⁴³.

⁵³⁹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972. 51 с.

⁵⁴⁰ Он же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974. 395 с.

⁵⁴¹ Он же. Русский абсолютизм ... автореф. С. 11–12.

⁵⁴² Там же. С. 2.

⁵⁴³ Там же. С. 1–2.

В центре внимания автора – складывание бюрократии при Петре I, когда завершилось утверждение абсолютизма в России⁵⁴⁴. Особое внимание акцентируется на Табели о рангах, а также адаптации на российской почве заимствованных Петром европейских принципов службы дворянства. Последнее, в частности, стало предметом отдельной статьи⁵⁴⁵. Автор считает, что закрепленный в Табели принцип личной выслуги стал мощным механизмом вертикальной социальной мобильности для разночинцев, пополняя дворянское сословие. В свою очередь, это делало бюрократию послушным орудием монархии, обеспечивая живучесть абсолютизма в России⁵⁴⁶.

Особую ценность работе придают конкретные данные о «пирамиде власти». Так, выходцы из непривилегированных сословий, формирующие ее основание, составляли 78,5% учтенных автором чиновников⁵⁴⁷. Автор обработал данные по генеалогии 630 родов чиновников, проследив историю трех и более поколений одной фамилии. Это позволило С. М. Троицкому сделать вывод о высокой степени вертикальной мобильности в Российской империи⁵⁴⁸. Интересным частным сюжетом является степень соответствия изданных Петром I законов их практической реализации, которая отнюдь не всегда соблюдалась⁵⁴⁹.

Период 1970-х – первой половины 1980-х гг. отмечен выходом целого ряда работ, как научного, так и учебного характера, посвященных отдельным периодам развития российского абсолютизма. Интонация их идеологической составляющей могла варьироваться – от сдержанного необходимого пояснения до развернутых пафосных сентенций, особенно по мере приближения к событиям 1917 г. С другой стороны, это качественные нарративные исследования, основанные на солидной источниковой базе. Нельзя не отметить и того, что во многих из них впервые в послевоенной советской историографии уделено особое внимание личностям российских монархов, пусть и с позиции советского марксизма.

Эпоха Петра I в историографии 1970-х гг. отмечена выходом работ Н. И. Павленко – крупнейшего специалиста по изучению Петровской эпохи. В 1973 г. вышло исследование Н. И. Павленко, посвященное социально-политическим взглядам Петра I⁵⁵⁰. Кроме рассмотрения идеологии абсолю-

⁵⁴⁴ Троицкий С. М. Русский абсолютизм ... автореф. С. 19.

⁵⁴⁵ Он же. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 67–75.

⁵⁴⁶ Там же. С. 28–29.

⁵⁴⁷ Там же. С. 36, 38.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Он же. Русский абсолютизм и дворянство ... М., 1974. С. 38–40.

⁵⁵⁰ Павленко Н. И. Петр I. К изучению социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 40–102.

тизма, в работе впервые в советской историографии создан развернутый психологический портрет первого российского императора. Перед нами предстает человек с контрастным характером, эмпирическим складом ума, импульсивный, любознательный, трудолюбивый. Петр – не божество на троне, а земной человек, которому в равной степени присущи добродетели и пороки. Даже отклонения в его поведении, по мнению автора, понятны. Это проявление многогранной уникальной натуры, притом что личность Петра не дает оснований для создания иконописного портрета⁵⁵¹. В 1975 г., причем в серии «Жизнь замечательных людей», вышла книга Н. И. Павленко «Петр Первый»⁵⁵². Охватывая все аспекты петровского правления – от экономики до культуры повседневности, она стала очень популярной и переиздавалась шесть раз (второе издание – в 1976 г., последнее – в 2010 г.). Это совершенно не случайно. Книга, написанная без излишней идеологизации, соединяла в себе высокий научный уровень, образный стиль изложения, запоминающиеся психологические характеристики. Суждение о личности и государственной деятельности первого российского императора, выраженное Н. И. Павленко, было каноническим для советской историографии: «Оценивая Петра положительно в истории нашей Родины, надобно помнить, что политика Петра носила классовый характер. Преобразования эпохи осуществлялись за счет огромных жертв трудового населения... Политика Петра была направлена на возвышение дворянства... Классовая направленность преобразований не исключала их громадной общенациональной значимости»⁵⁵³.

Политические институты абсолютной монархии стали изучаться не только в плане их формирования, структуры и функционирования, о чем свидетельствуют работы Н. Ф. Демидовой⁵⁵⁴, но и их идеологическому и правовому наполнению. Речь идет об исследованиях историка государства и права О. А. Омельченко, посвященных просвещенному абсолютизму Екатерины II. В статье «Политическая теория в “Наказе” комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II»⁵⁵⁵ и посвященной официальной идеологии екатерининской монархии диссертации⁵⁵⁶ не только подробно освещены цели, источники, процесс создания и обсуждение «Наказа», но и его компо-

⁵⁵¹ Павленко Н. И. Петр I. К изучению социально-политических взглядов. С. 40–42.

⁵⁵² Он же. Петр Первый. М., 1975. 384 с.

⁵⁵³ Там же. С. 6–7.

⁵⁵⁴ Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // Исторические записки. Вып. 108. М., 1982. С. 109–154.

⁵⁵⁵ Омельченко О. А. Политическая теория в «Наказе» комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «История», 1977. № 1. С. 77–92.

⁵⁵⁶ Он же. «Наказ» комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 27 с.

зиционные и литературные характеристики. Автор подчеркивает, что изложенные в «Наказе» принципы вписывались в контекст эпохи и были адаптированы к сохранению и укреплению позиций дворянства и самодержавной неограниченной верховной власти как выражения дворянской диктатуры⁵⁵⁷.

Важным стал тезис О. А. Омельченко о том, что единоличное и неограниченное правление не исключало, но, напротив, предполагало форму организации верховной власти, не совпадающей с личностью монарха. В первую очередь это делегирование части полномочий монарха органам управления. Разумеется, на российской почве речь не шла о независимых корпорациях наподобие французских парламентов⁵⁵⁸, но сама постановка вопроса была показательна: абсолютная власть не замыкалась только на личности самодержца. Более того, монархическая власть должна была обосновывать и себя, и собственные действия. Даже при наличии социальной демагогии в подобных заявлениях, что любили подчеркивать советские историки, все же нельзя отрицать, что абсолютизм, представленный в таких рамках, не был неограниченным произволом. Учение о монархии просвещенного властителя, опирающегося на законы, подчеркнул Омельченко, позиционировало екатерининский абсолютизм как правление, имеющее целью «блаженство всех и каждого». Эта консервативная идеология, естественно, была направлена на сохранение существующего социального и политического строя⁵⁵⁹.

Консерватизм вообще, как отмечает автор, выступает важнейшей особенностью политической теории абсолютизма. Это диктуется не только спецификой ментальности феодального общества. Сохранение существующего общественного и политического порядка, равно как и признание его единственно возможным, справедливым и законным, были неременной аксиомой официальной политической теории⁵⁶⁰.

Советская историография традиционно оценивала абсолютную монархию как совершенно не ограниченную власть, просвещенный абсолютизм, с минимальными поправками – как социальную демагогию. Например, М. Т. Белявский, оставив в стороне роль просвещенного абсолютизма в развитии экономики и культуры, указывал, что политика Екатерины II, несмотря на просветительскую и либеральную риторику, оставалась продворянской и прокрепостнической. Именно в правление составительницы «Наказа» «юридически оформляется полное бесправие крестьянства и неограниченное полноправие дворян в отношении личности и имуще-

⁵⁵⁷ Омельченко О. А. Политическая теория в «Наказе» ... С. 81.

⁵⁵⁸ Там же. С. 86.

⁵⁵⁹ Там же. С. 24–25.

⁵⁶⁰ Омельченко О. А. «Наказ» комиссии о составлении проекта ... С. 26–27.

ства крестьянина»⁵⁶¹. Почему практика просвещенного абсолютизма расходилась с теорией и границы либерализма были различными в отношении конкретных сословий? Ответы на эти вопросы были весьма неоднозначны, а время для более взвешенной оценки екатерининского (и не только) правления и реформаторства еще не наступило.

В такой ситуации статья О. А. Омельченко «К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в.»⁵⁶² выглядела несколько необычной. Она была посвящена «Наказу Сенату» 1787 г., бывшему «своего рода конституцией абсолютной монархии»⁵⁶³, в котором трактовались вопросы положения, прав и полномочий верховной власти. Автор акцентирует внимание на том, что традиционно в советской литературе власть при абсолютной монархии характеризовалась, прежде всего, отсутствием каких-либо регламентаций или ограничений⁵⁶⁴. Однако, несмотря на суверенитет монархической власти, она имела правовые границы. Автор утверждает, что следует переосмыслить суть формально-правовой регламентации абсолютизма. Нужно увидеть в ней не вызванные теми или иными субъективными причинами ограничения монархии в духе буржуазного конституционализма, а органические правовые рамки именно абсолютной власти, существующие в соответствии с ее интересами и принципами. Это политические устои, формирование которых было обусловлено внутренней логикой самой феодальной государственности⁵⁶⁵. Таким образом, О. А. Омельченко выдвинул непривычную для советской историографии идею: абсолютная монархия не является неограниченным производом, в первую очередь с правовых позиций. Более того, сама постановка проблемы – изучать историческое явление, исходя из его внутренней природы и конкретных условий бытования, а не позднейшей модернизации или идеологических установок, была в условиях историографического канона начала 1980-х гг. новаторством.

Политическая практика российской монархии XIX в. представлена в советской историографии 1970–1980-х гг. целым рядом работ. Несмотря на различную степень идеологической окрашенности, процессы, рассматриваемые в них, неизменно интерпретировались в русле ленинской характеристики периодов российского самодержавия. Соответственно,

⁵⁶¹ Белявский М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: К вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 45–46.

⁵⁶² Омельченко О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма: сб. науч. трудов. М., 1983. С. 25–62.

⁵⁶³ Там же. С. 25.

⁵⁶⁴ Там же. С. 29.

⁵⁶⁵ Там же. С. 29–30.

по Ленину, в первой половине XIX в. самодержавие было «исключительно крепостническим»⁵⁶⁶; «19 февраля 61-го года было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию... эпоха 1908–1910 гг. показывает... второй и более серьезный шаг по тому же пути»⁵⁶⁷.

Одной из наиболее масштабных и показательных была докторская диссертация Н. П. Ерошкина, посвященная государственным учреждениям дореволюционной России⁵⁶⁸. Исследование было не только значительным вкладом в историю государственных институтов, но и демонстрировало официальный дискурс советского историка. Вот, например, обоснование актуальности исследуемой проблемы: «Государствоведческие аспекты в изучении дореволюционной России помогают значительно углубить и расширить ее понимание, дают возможность советским исследователям социально-экономической истории познать тот вражеский лагерь, который противостоял народным массам – основному творцу истории... История государственности дореволюционной России наглядно показала закономерность смены социально-экономических формаций и их надстройки... закономерность Великой Октябрьской социалистической революции...»⁵⁶⁹

Функционирование органов государственного аппарата, их структура, компетенция, кадры, законодательство, реформы были проанализированы в негативном ключе несоответствия новых производительных сил – капиталистического уклада, существующим производственным отношениям – абсолютной монархии. Это несоответствие породило кризис крепостничества и отмену крепостного права в 1861 г.⁵⁷⁰

В 1981 г. вышла монография Н. П. Ерошкина «Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века)»⁵⁷¹. Характеризуя этот период, автор делает вывод, что внутренняя политика самодержавия была нацелена на то, чтобы «отсрочить гибель крепостничества»⁵⁷². Это частые смены правительственного курса, реорганизация государственного механизма, введение «теории официальной народности» и т. д. Кризис феодально-крепостнического строя во второй

⁵⁶⁶ Ленин В. И. Анкета об организациях крупного капитала // Полн. собр. соч.: [в 55 т.]. Т. 21. М., 1973. С. 303.

⁵⁶⁷ Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч. М. Т. 20. М., 1973. С. 178.

⁵⁶⁸ Ерошкин Н. П. Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973. 96 с.

⁵⁶⁹ Там же. С. 1, 4.

⁵⁷⁰ Там же. С. 4.

⁵⁷¹ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981. 252 с.

⁵⁷² Там же. С. 225.

четверти XIX в. привел, по определению Ерошкина, к бюрократическому централизму, представлявшему собой последнюю форму организации крепостнической монархии⁵⁷³. Однако предпринимаемые усилия монархии были, по мнению автора, безрезультатны, что показал кризис 1850-х гг.⁵⁷⁴

В 1983 г. была переиздана «История государственных учреждений дореволюционной России»⁵⁷⁵ – учебник Н. П. Ерошкина для будущих историков-архивистов, с изложением канонической на тот момент концепция российского абсолютизма и его институтов. Созданная на основе ленинской трактовки, она выглядела следующим образом. 1. До середины XVII в. в России существовала сословно-представительная монархия. При этом Земские соборы способствовали укреплению самодержавной власти⁵⁷⁶. 2. Черты абсолютизма проявились в России с середины XVII в.⁵⁷⁷ Об этом свидетельствует превращение Земских соборов в совещания при царе, а затем и прекращение их созыва, принятие Соборного уложения 1649 г., отразившего возросшую роль царя. В правовую практику Русского государства было впервые введено понятие государственного преступления⁵⁷⁸. 3. При Петре I самодержавная монархия приобрела характер абсолютной, власть принадлежала всецело и нераздельно царю⁵⁷⁹. Монархия Петра I носила характер просвещенного абсолютизма, будучи при этом «регулярным» полицейским государством⁵⁸⁰. 4. Расцвет просвещенного абсолютизма соответствовал времени Екатерины II. Это была псевдолиберальная политика, прекращенная после крестьянской войны и смененная периодом военной и полицейской диктатуры⁵⁸¹. 5. Первая половина XIX в. – период кризиса феодальной монархии, как часть кризиса феодально-крепостнической формации, в недрах которой шел процесс формирования капитализма⁵⁸². Особенности этого периода были способность монархии к лавированию и стремление к более тщательному юридическому и идеологическому обоснованию⁵⁸³. 6. Вторая половина XIX в. и буржуазные реформы – это «шаг по пути к буржуазной монархии»⁵⁸⁴. 7. В 1906–1914 гг.

⁵⁷³ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. С. 87.

⁵⁷⁴ Там же. С. 225–226.

⁵⁷⁵ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 352 с.

⁵⁷⁶ Там же. С. 50–51.

⁵⁷⁷ Там же. С. 71.

⁵⁷⁸ Там же. С. 59.

⁵⁷⁹ Там же. С. 71.

⁵⁸⁰ Там же. С. 73.

⁵⁸¹ Там же. С. 98, 114, 115.

⁵⁸² Там же. С. 138.

⁵⁸³ Там же. С. 138–143.

⁵⁸⁴ Там же. С. 193–196.

осуществился второй шаг по пути к буржуазной монархии, связанный с учреждением законодательной Государственной думы⁵⁸⁵. 8. Первая мировая война и кризис в стране вызвали Февральскую революцию, в ходе которой самодержавие было свергнуто⁵⁸⁶.

Если в работах Н. П. Ерошкина была главной правительственная система российского самодержавия, то в исследованиях П. А. Зайончковского – люди, приводящие эту систему в действие. В 1978 г. вышла его монография «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.»⁵⁸⁷, и сегодня интересная для читателя.

В центре внимания П. А. Зайончковского – российское чиновничество конца XVIII – начала XX в. В эту социальную группу автор включает «лиц, имеющих классный чин и состоящих на службе в государственных учреждениях, а также канцелярских служащих, занимающих аналогичное положение в правительственном аппарате и впоследствии получающих классный чин»⁵⁸⁸. Анализируются такие характеристики чиновничества, как численность, происхождение, возраст, образование, имущественное положение, жалованье, производство в чины, условия службы. Данные параметры коррелируются с местом в иерархии российской бюрократии. Автор приходит к выводу, что количество чиновников на протяжении XIX в. с учетом роста населения увеличилось почти в 7 раз; если в 1796 г. был один чиновник на 2250 человек, то в 1903 – один на 335⁵⁸⁹. Среди высшей бюрократии и верхов губернской администрации преобладали помещики. По мнению Зайончковского, это приводило в первой половине века к противодействию отмене крепостного права, а в пореформенное время – к консервации феодальных пережитков⁵⁹⁰. От 25 до 53% низшего и среднего чиновничества в середине XIX в. происходило из разночинцев. Однако это не означало «демократизации» чиновной среды. Наоборот, эти чиновники были наиболее верноподданными и не проявляли, в отличие от дворянства, никакого недовольства монархией⁵⁹¹.

П. А. Зайончковский раскрывает тенденции развития внутренней политики российской монархии на протяжении XIX в., оценка которой весь-

⁵⁸⁵ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений ... С. 252–253.

⁵⁸⁶ Там же. С. 289, 308.

⁵⁸⁷ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

⁵⁸⁸ Там же. С. 4.

⁵⁸⁹ Там же. С. 221.

⁵⁹⁰ Там же. С. 224.

⁵⁹¹ Там же. С. 223.

ма критична, однако без чрезмерного идеологического пафоса. Важен интерес автора к персоналиям – монархам и их окружению – от С. С. Уварова до С. Ю. Витте, а также представителям губернской администрации. В советской историографии правители эпохи абсолютизма традиционно были только носителями (как правило, отрицательными) функций феодально-крепостнической системы, а не личностями, достойными внимания советских историков. Считая, что «наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой на нее оказывают немалое влияние люди, стоящие во главе администрации»⁵⁹², П. А. Зайончковский отвергает идеологизированные упрощенные оценки и создает десятки исторических портретов.

Один из наиболее ярких среди них – образ Николая I. Этот император – символ эпохи «наибольшего самоутверждения российского абсолютизма в его военно-бюрократической форме... в условиях кризиса всей феодально-крепостнической системы»⁵⁹³. Царь, для которого не существовало понятие «право», посредственно образованный, ценящий не умных, а послушных, считающий идеалом империи казарму, крайне самоуверенный, деспотичный, жесткий...⁵⁹⁴ Этот образ «жандарма Европы» достаточно традиционен. Однако этот же император, в характеристике П. А. Зайончковского, был деятельным, отличался честолюбием, живостью ума, ораторскими способностями, знанием многих иностранных языков⁵⁹⁵.

В условиях, когда советская историография наделяла максимумом отрицательных черт представителей династии Романовых, П. А. Зайончковский избегал упрощенных оценок. Так, он отмечает, что при всех полицейских воззрениях и убежденности в собственной непогрешимости Николай I отчетливо видел несовершенство бюрократического аппарата. Более того, царь распорядился составить «Свод показаний» декабристов, касающихся недостатков государственного управления, чтобы учитывать высказанные замечания в своей деятельности⁵⁹⁶. Наконец, еще одно пояснение Зайончковского: «Ради справедливости следует отметить, что Николай I в течение всего своего царствования, точнее, до 1848 г., думал об отмене крепостного права, понимая, что оно является “пороховым погребом” под государством. Правда, он имел в виду решить этот вопрос не сразу, и, конечно, “безболезненно”, в интересах дворянства»⁵⁹⁷.

⁵⁹² Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 5.

⁵⁹³ Там же. С. 106.

⁵⁹⁴ Там же. С. 106–107.

⁵⁹⁵ Там же. С. 107.

⁵⁹⁶ Там же. С. 108.

⁵⁹⁷ Там же. С. 109.

Советские историки никогда не применяли в названиях своих работ, даже если это подразумевалось их содержанием, словосочетаний «александровская эпоха», «николаевская эпоха», эпоха «великих реформ» и т. д. За исключением Петра I, ни один из российских царей не считался достойным, чтобы его именем назывался период российской монархии. Например, монография ленинградской исследовательницы В. Г. Чернухи (1930–2014), характеризующая эпоху Александра II, названа «Внутренняя и внешняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.»⁵⁹⁸. «Эта книга, – представляет автор свою работу, – рассматривает историю реформ несостоявшихся, отвергнутых царизмом и непоследовательно проведенных позже, под давлением революционных событий»⁵⁹⁹. На основании обширного массива источников В. Г. Чернуха раскрывает различные аспекты правления Александра II, делая акцент на правительственном «конституционализме».

Эпоха «великих реформ» Александра II была представлена также историками московской школы, учениками П. А. Зайончковского – Л. Г. Захаровой (1933–2017) и И. В. Оржеховским (1933–2002).

Исследование Л. Г. Захаровой «Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861» посвящено подготовке реформы 1861 г. Автор исходит из того, что реформа 1861 г. «явилась рубежом, отделяющим Россию феодальную от России капиталистической»⁶⁰⁰. Указывая на непосредственную связь отмены крепостного права с судьбой российского самодержавия, Л. Г. Захарова приходит к выводу, что реформа 1861 г. была компромиссной⁶⁰¹. Подготовленная либеральной бюрократией совместно с либеральными общественными деятелями, она все же имела «во многом необратимый характер»⁶⁰². Однако, будучи проведена феодальной монархией, она сохранила феодальные пережитки, что было чревато в перспективе революционной развязкой⁶⁰³.

Основной тезис работы И. В. Оржеховского «Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х – 70-х гг. XIX в.» – половинчатость и противоречивость реформ Александра II. С одной стороны, они создали определенные условия для превращения феодальной монархии в монархию буржуазную. С другой – сохранение феодально-крепостнических пережитков в стране «обусловило не только противоречивость

⁵⁹⁸ Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. 248 с.

⁵⁹⁹ Там же. С. 13–14.

⁶⁰⁰ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 3.

⁶⁰¹ Там же. С. 233.

⁶⁰² Там же. С. 232.

⁶⁰³ Там же. С. 236.

внутренней политики самодержавия, но и создавало возможности перехода в реакцию»⁶⁰⁴.

В докторской диссертации И. В. Оржеховского «Внутренняя политика российского самодержавия в 1866–1878 гг. (усиление реакционно-охранительных начал)»⁶⁰⁵ указанный тезис был развернут. По мере усиления борьбы с революционным движением монархия пыталась «урезать и обкорнать те уступки, которые вырвала у самодержавия «волна общего возбуждения и революционного натиска»⁶⁰⁶. Раскрывая механизм внутренней политики российской монархии, И. В. Оржеховский уделяет внимание и правящей элите – Александру II и его окружению. Сдержанно и корректно характеризуется император, который, будучи добрым по природе, не разбирался в людях и не умел ими пользоваться, что усугублялось его недоверием к себе и другим⁶⁰⁷. После выстрела Каракозова царь был в панике, подавленности и растерянности⁶⁰⁸. Покушение Каракозова «явилось предлогом не только для утверждения, но и теоретического обоснования открытого провозглашения реакционно-охранительного правительственного курса»⁶⁰⁹.

Политика российской монархии указанного периода нашла отражение в обобщающей статье П. Г. Рындзюнского (1909 – 1993) «Российское самодержавие и его классовые основы (1861–1904)»⁶¹⁰. По мнению автора, буржуазные реформы 1860-х гг. не изменили политическую систему России. Неограниченная монархия сохранилась⁶¹¹. Готовность самодержавия идти навстречу требованиям буржуазии расширяла его социальную базу, что давало правительству возможность лавирования⁶¹². Такие взаимоотношения между монархией и господствующими классами оказались устойчивыми и просуществовали до 1905 г.⁶¹³

Рассмотренные выше интерпретации российской монархии советскими историками позволяют сделать замечание, раскрывающее оценочный аспект в отношении абсолютизма. В советской историографии, с ее изначально сдержанно-негативным отношением к монархии и ее институтам,

⁶⁰⁴ Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х – 70-х годах XIX века: лекции по спецкурсу. Горький, 1974. С. 3.

⁶⁰⁵ Он же. Внутренняя политика российского самодержавия (усиление реакционно-охранительных начал): автореф. дис. д-ра ... ист. наук. Л., 1974. 44 с.

⁶⁰⁶ Там же. С. 41.

⁶⁰⁷ Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия ... С. 12.

⁶⁰⁸ Там же. С. 11.

⁶⁰⁹ Оржеховский И. В. Внутренняя политика российского самодержавия... С. 42.

⁶¹⁰ Рындзюнский П. Г. Российское самодержавие и его классовые основы // История СССР. 1977. № 2. С. 34–52.

⁶¹¹ Там же. С. 37.

⁶¹² Там же. С. 40.

⁶¹³ Там же. С. 41.

такое же отношение было и к проводимым государственной властью реформам. За исключением мероприятий Петра I, реформаторство «сверху» не приветствовалось. Оно рассматривалось как предпринимаемое под давлением, ради сохранения устаревшей государственной системы, критиковалось как половинчатое и непоследовательное. Особенную неприязнь советских историков вызывала охранительная направленность политики Николая I и Александра III. Однако, характеризуя российскую империю и ее правителей XIX в., советские исследователи все же использовали более богатую палитру оценок, чем при описании последнего российского самодержца.

Однозначно негативное отношение к Николаю II было имманентным и переоценкам не подлежало, однако реализация этой установки могла все же отличаться в конкретных случаях. Например, задачей статьи Л. Г. Захаровой «Кризис самодержавия накануне революции 1905 г.» было показать закономерность и неизбежность падения монархии. Последний российский царь, его окружение и мероприятия характеризуются сдержанно, весьма критически, однако без излишней идеологической патетики. Автор показывает заурядность, ограниченность, безволие, консервативность, неподготовленность к управлению государством последнего российского царя. Правда, этот бесталаный правитель был хорошим семьянином⁶¹⁴. Л. Г. Захарова подводит следующий итог: «Кризис власти уже имел место в 1870-х–80-х гг. Но тогда самодержавие обладало еще внутренними ресурсами. В начале XX в. кризис “верхов” происходил в условиях кризиса всей системы государственной власти. Вот почему личные характеристики Николая II, его окружения – дворцовой камарильи и правительства, как в фокусе, отражают разложение, загнивание всего режима (хотя и не дают полной его картины). Абсолютная монархия как форма политической власти изжила себя. В рамках существующего государственного строя никакие реформы уже не могли предотвратить революцию»⁶¹⁵.

Нужно помнить, что последний российский самодержец – это фигура не только историческая, но и идеологическая. В характеристике и оценке Николая II и его правления отчетливо выражены две линии – собственно научная и популярная, когда нужно было сформировать образ последнего русского императора для широкой аудитории.

Именно такая задача была у работы Н. П. Ерошкина «Самодержавие накануне краха»⁶¹⁶, впервые вышедшей в 1975 г., а в 2006 г. переизданной

⁶¹⁴ Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119–122.

⁶¹⁵ Там же. С. 140.

⁶¹⁶ Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха: книга для учителей. М., 1975. 160 с.

в сборнике трудов Н. П. Ерошкина, посвященном 75-летию Московского историко-архивного института⁶¹⁷. «Самодержавие накануне краха» – это работа историка-профессионала, предназначенная для учителей. Книга была призвана формировать определенные установки у советских школьников и отражала официальный, хоть и публицистически заостренный, дискурс советской историографии. Автор ставил перед собой задачу «показать историческую обреченность самодержавия как политического режима помещичье-буржуазной России в последнее двадцатилетие перед его свержением»⁶¹⁸. Книга рассказывала «о навсегда ушедшей старой, до-революционной России с ничтожным и жестоким “хозяином земли русской” и “самодержцем всея Руси” Николаем II, чуждой и враждебной народу “паутиной” – дворянской бюрократией, всесилием полицейского произвола и бесправным “парламентом”, где смелым голосам немногих избранников народа противостоял злобный хор помещичьих и буржуазных представителей»⁶¹⁹. Однако нельзя не признать, что автор, владея деталями, создал достаточно емкую характеристику последнего российского императора, принципиально изменить которую вряд ли возможно даже сегодня, учитывая выход ряда апологетических работ о последнем Романове.

Резко отрицательное отношение автора к Николаю II видно во всем – от обрисовки внешности царя («Невысокий, узкоплечий мужчина лет тридцати, с рыжими, аккуратно подстриженными усиками, мелкими чертами лица и тусклыми серыми глазами...»⁶²⁰) до описания убранства царских покоев: «...личные комнаты царской семьи заставлены мещанской мебелью излюбленного купцами стиля “модерн”, оклеены обоями с цветочками... В Большом кабинете Царскосельского дворца (где непосредственно работал царь. – Л. Л.)... в большом изобилии были представлены банальные акварели на лжеисторические темы... На полочке у одной из стен громоздились аляповатые фарфоровые звери... Поражает почти полное отсутствие в этом кабинете книг – на полке стояли лишь “Жития святых” в роскошных парчовых переплетах, молитвенник, а в одном из шкафов было “Собрание сочинений” А. П. Чехова со слипшимися страницами золотого обреза (видимо, хозяин открывал тома не часто)»⁶²¹. Разумеется, книга Н. П. Ерошкина была в первую очередь не о личностях, акцентировать внимание на которых не приветствовалось в советской историографии, а о системе⁶²², кото-

⁶¹⁷ Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. М., 2006. 495 с.

⁶¹⁸ Он же. Самодержавие накануне краха. С. 3.

⁶¹⁹ Там же. С. 4.

⁶²⁰ Он же. Российское самодержавие. С. 287.

⁶²¹ Там же. С. 309–310.

⁶²² Муравьев В. А. Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Российское самодержавие. М., 2006. С. 35.

рая в принципе оценивалась как крепостническая, антинародная, демагогическая и т. д.

Апогеем негативизации образа Николая II является известная книга «Двадцать три ступени вниз» М. К. Касвинова (1910–1977), историка по образованию, журналиста, имеющего доступ к уникальным документам. Эта работа, возможно, несколько выходит за рамки данного исследования. Однако в свое время, когда о Романовых публикаций для широкого читателя практически не было, она пользовалась популярностью, не раз переиздавалась и была известна в студенческой и даже школьной среде. Немаловажно и то, что она выражала официально принятую точку зрения и была создана не только как рассказ о людях и событиях, но и как средство идеологической борьбы. Так, по понятным причинам нужно было показать, что царизм держал народ не только в рабстве, но и в эксплуатации, нищете, голоде и темноте⁶²³. «Последний по счету самодержец земли Российской принадлежал к династии Романовых, представители которой, за исключением Петра Алексеевича, страниц истории собой не украсили»⁶²⁴, – считал автор. Общая оценка Николая II выражена так: «В. И. Ленин, отдавший всего себя делу освобождения народа... заклеил последнего Романова разящими эпитетами: “злейший враг народа”, “кровожадный”, “вешатель”, “палач”, “погромщик”, “изверг”. Да, именно таким и был в самой сущности этот внешне смирный и даже застенчивый человек с грустноватыми глазами тихого алкоголика...»⁶²⁵

Проблемы истории самодержавия конца XIX – начала XX в. были предметом особого внимания научных исследований, так как выводили на предпосылки российских революций. Так, российской монархии в конце ее существования были посвящены две монографии ленинградского историка Ю. Б. Соловьева (1929–1995) – «Самодержавие и дворянство в конце XIX века»⁶²⁶ и «Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг.»⁶²⁷.

Автор приходит к выводу о том, что монархия и дворянство придерживались реставраторских настроений. Они стремились вернуть дореформенные порядки, пусть и без восстановления самого крепостного права⁶²⁸. Правление Николая II характеризуется как «воинствующая реакция» и стремление «заморозить страну»⁶²⁹. Как либеральная, так и консервативная части дворянства имели претензии к монархии. Победу в революции

⁶²³ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 70–93.

⁶²⁴ Там же. С. 3.

⁶²⁵ Там же. С. 14–15.

⁶²⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. 383 с.

⁶²⁷ Он же. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. 256 с.

⁶²⁸ Он же. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 3–4.

⁶²⁹ Там же. С. 80–84.

1905–1907 гг. одержали либералы, заставив самодержавие «прийти в соответствие с эпохой, заключить прямой и непосредственный союз с верхушкой общества, допустив его к верховному управлению страной»⁶³⁰.

Важные замечания о природе абсолютизма были высказаны в коллективной монографии «Кризис самодержавия в России, 1895–1917»⁶³¹. Авторы указывают, что российское самодержавие, приспособившись к изменяющимся условиям, имело перед собой опыт других европейских монархий. Однако российская монархия опиралась на дворянство, затронуть привилегии которого было небезопасно, и силу российской бюрократии. Именно по этой причине царская власть максимально долго сопротивлялась переменам, подозревая, что они могут привести к глобальным последствиям. Наконец, сама возможность ограничения прерогатив воспринималась как неприемлемая в принципе для российского самодержавия, одним из принципов которого была неограниченность вверенной свыше власти⁶³². В России конституционные требования выдвигала дворянская оппозиция, однако большинство дворян, заинтересованных в льготах, предоставляемых монархией, ее не поддерживали. Буржуазия в 1860-х – 1880-х гг. была в массе своей экономически слаба и политически не развита. По этой причине российская монархия отличалась устойчивостью и приспособляемостью – в пореформенное время не было силы, способной добиться конституционной эволюции самодержавия. Пролетариат же, выступив на рубеже столетий, преследовал цель ликвидации монархии вообще⁶³³.

Одной из спорных проблем, в решении которой советские историки тем не менее приходили к консенсусу, были изменения в характере российской монархии после обнародования Манифеста 17 октября. Так, авторы коллективной монографии Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин и А. И. Королев⁶³⁴ считали, что нельзя полностью согласиться с мнением тех исследователей, которые безоговорочно утверждали, что манифест не внес никаких изменений в организацию государственной власти в России. Правильнее было бы утверждать, что он ограничил царскую власть, однако это ограничение было формальным⁶³⁵. Тем не менее предоставление населению «незыблемых гражданских свобод», избирательного права, созыв Думы «свидетельствовало о том, что политический режим Российского государства не должен был остаться неизменным»⁶³⁶.

⁶³⁰ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. С. 7–8.

⁶³¹ Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / [Б. В. Ананьич и др.]. Л., 1984. 664 с.

⁶³² Кризис самодержавия... С. 6.

⁶³³ Там же. С. 6–7.

⁶³⁴ Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие (государственно-правовые проблемы). Л., 1975. 151 с.

⁶³⁵ Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие ... С. 88.

⁶³⁶ Там же.

Заметное место уделено эволюции российского самодержавия А. М. Давидович. Его монография «Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России)»⁶³⁷ и докторская диссертация⁶³⁸, идеологически заострены и полемичны. Обе работы направлены против зарубежных и советских историков, придерживающихся иных, нежели ленинские, воззрений на российскую монархию.

Несмотря на ортодоксальность позиции А. М. Давидовича как историка, его мнение как юриста о российском самодержавии после 1905 г. нельзя не признать правильным. Анализируя Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г., А. М. Давидович отмечает отсутствие в ней определения императора как неограниченного монарха. Более того, в этом же документе был четко определен круг дел, решаемых единоличной властью монарха, что устанавливало пределы его власти⁶³⁹.

Можно ли считать Основные законы 1906 г. конституцией? А. М. Давидович отвечает на этот вопрос положительно⁶⁴⁰. Так же, с чисто правовой точки зрения, Государственная дума и Государственный совет были парламентскими учреждениями, однако права российского парламента были предельно ограничены⁶⁴¹. Форму правления, установившуюся после 1905 г., Давидович считает, вслед за Лениным, конституционным самодержавием. Противоречивость этой характеристики российской монархии Давидович разрешает так: это ее путь к буржуазной монархии, однако до его конца еще далеко. В России установилась форма правления, которая, будучи характерной «для крепостнически-дворянски-помещичьего государства, имеет уже некоторые зачаточные, недоразвитые институты буржуазной монархии»⁶⁴².

Эта же проблема находилась в центре внимания статьи Е. Д. Черменского⁶⁴³. Акцентируя внимание на дискуссионности данного вопроса, автор дает на него следующий ответ: «В России после 1905 г. все же была конституция, но узкоцензовая, более или менее призрачная, более или менее фиктивная. При этом надо иметь в виду, что поддержание конституционной фикции было одним из компонентов бонапартистского лавирования, т. е. третьеиюньского политического курса»⁶⁴⁴.

⁶³⁷ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма ... 350 с.

⁶³⁸ Он же. Самодержавное государство в России в эпоху империализма (классовая сущность и идеология российского абсолютизма): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. 60 с.

⁶³⁹ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма ... С. 273–274.

⁶⁴⁰ Там же. С. 274.

⁶⁴¹ Там же. С. 276–277.

⁶⁴² Там же. С. 290.

⁶⁴³ Черменский Е. Д. Царизм и Третьеиюньская Дума // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 30–47.

⁶⁴⁴ Там же. С. 30–31.

Рассмотрение того, как интерпретировался в советской историографии 1970-х – первой половины 1980-х гг. комплекс проблем, связанных с российским самодержавием, позволяет сделать ряд наблюдений. Это, во-первых, корректировка понятия «равновесия», вследствие чего нижняя граница формирования российского абсолютизма стала более подвижной, предоставив исследователям свободу маневра. Постепенно утверждался неприемлемый несколько десятилетий ранее тезис о том, что российский капитализм был весьма специфичен – зародился позже, был намного слабее западноевропейского и развивался под сильнейшей опекой абсолютной монархии. Во-вторых, качественно и количественно изменилось проблемное поле в изучении абсолютизма. Внимание историков стали привлекать государственные институты и их функционирование, идеологические аспекты абсолютной монархии, наконец, советские историки, пусть через призму классового подхода, обратились к личностям монархов и их окружению. При этом особое отношение было к Петру I, оцениваемому, с некоторыми оговорками, положительно, и Николаю II, восприятие которого могло быть только негативным.

5.5. Западноевропейский абсолютизм в советской историографии периода «развитого социализма»

Изучение западноевропейского абсолютизма советскими историками в 1970-х гг. было обусловлено как результатами периода «оттепели» и дискуссии 1968–1972 гг., так и общим идеологическим фоном 1970-х гг., для характеристики которого уместно применить такие слова, как «устойчивость» и «конвенциональность». В научном сообществе больше не практиковались показательные жесткие проработки, однако идеологические рамки сохранялись неприкосновенными. Такая ситуация была по умолчанию принята к сведению советскими историками – существовали неписанные правила в цитировании, выборе тематики, выводах и т. д. Эту атмосферу впоследствии исчерпывающе охарактеризовал А. Я. Гуревич: «Общие теории, общее понимание исторического процесса не нами вырабатывались, они нам были спущены с небес, сверху, идеологами и присяжными философами, а мы разрабатывали конкретные темы, которые предназначались для иллюстрации конкретных проявлений общих исторических закономерностей, продиктованных марксизмом-ленинизмом... При этом могли иметь место оригинальные наблюдения, мелкие открытия в области источниковедения, в интерпретации источников, но понятийная схема историку была уже предложена, или, лучше сказать, навязана, и он должен

был строить свои наблюдения и формировать свои выводы, руководствуясь этой схемой»⁶⁴⁵.

Общая интонация директивных документов в идеологической сфере смягчилась, однако это проявилось лишь в их языке, но не в содержании. Ярким примером официального дискурса выступает статья И. Д. Ковальченко и А. М. Сахарова «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии»⁶⁴⁶. Советский историк должен был помнить следующее: «Руководящая и направляющая роль в развитии советской исторической науки принадлежит Коммунистической партии Советского Союза... При этом партия уделяет неослабное внимание борьбе с буржуазной и ревизионистской методологией и идеологией, за чистоту марксистско-ленинской теории, являющейся твердой основой для научного, историко-материалистического познания прошлого, для служения настоящему и коммунистическому будущему человечества. Возрастание руководящей роли КПСС есть коренная закономерность коммунистического строительства. Ярким воплощением растущей роли партии в условиях развитого социализма стал XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, явившийся крупнейшим историческим событием современности»⁶⁴⁷.

Особое значение имел принцип партийности в историографии как гарант научности и объективности. Российская дореволюционная и особенно западная немарксистская историография считались идеологически чуждыми и даже враждебными советской исторической науке. «Пролетарская, коммунистическая партийность обеспечивает последовательно научное познание явлений прошлого и настоящего, – утверждалось в одной из публикаций. – Марксисты-ленинцы отстаивают пролетарскую, коммунистическую, партийность, являющуюся выражением интересов самого прогрессивного класса современности – рабочего класса... если же речь идет о буржуазной партийности, то здесь партийность и объективность находятся в принципиальном противоречии»⁶⁴⁸.

Так, при обсуждении 24 мая 1972 г. на совместном заседании кафедры истории Средних веков МГУ и сектора истории Средних веков РАН работы Е. В. Гутновой⁶⁴⁹, посвященной развитию российской дореволюционной медиэвистики, З. В. Удальцова подчеркнула: «В учебном пособии четко и убедительно прослеживается развитие в медиэвистике рассматриваемого периода двух

⁶⁴⁵ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 98.

⁶⁴⁶ Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии // История и историки. М., 1978. С. 5–16.

⁶⁴⁷ Там же. С. 5.

⁶⁴⁸ Иванов В. В. Ленинский принцип партийности и научная объективность // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 6.

⁶⁴⁹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М., 1974. 399 с.

противоположных исторических мировоззрений – марксистского и буржуазного. Хорошо показана их борьба и противоположные тенденции их развития: марксистское направление в историографии все время развивалось прогрессивно, все более укрепляло свои позиции, тогда как буржуазное историческое мировоззрение все более запутывалось в острых внутренних противоречиях, шло к своему кризису, начавшемуся на рубеже XIX и XX веков»⁶⁵⁰.

Профессор Б. Г. Сафронов (1907–2001), изучавший российскую дореволюционную историографию как философ, оценил работу Е. В. Гутновой положительно, подчеркнув, что «в целом в учебном пособии решение историографических проблем сделано глубоко и мастерски». При этом он отметил: «В характеристике русской медиевистики подчеркнута только положительная сторона ее оригинальных черт по сравнению с западной, но недостаточно отмечены ее отрицательные особенности, присущие ряду ее представителей»⁶⁵¹. Каких именно, Б. Г. Сафронов не конкретизировал, предложив рекомендовать работу к печати.

Несмотря на идеологические предписания, ситуация 1970-х гг. в историческом сообществе во многом отличалась от таковой несколько десятилетий назад. Итоги научных дискуссий, последствия «оттепели», внимание к источникам, приход нового поколения историков стали важнейшими внутренними факторами его развития. Не представлялось возможным изолироваться и от зарубежной историографии. Провозглашая абсолютную ценность марксистской исторической науки, необходимо было демонстрировать ее выводы и полемизировать с концепциями западных историков, для чего нужно было знать их содержание. Отношение советских историков к западной историографии, в том числе в русле изучения абсолютизма, четко высказал в начале 1970-х гг. Л. В. Черепнин: «Научная продукция, выходящая за рубежом, не говоря сейчас о марксистских исследованиях, разного качества. Среди работ историков-немарксистов можно назвать добросовестные, содержащие полезные наблюдения и выводы. Но есть и труды, искажающие исторический процесс, антинаучные, методологически несостоятельные, политически неприемлемые. Ведь проблема абсолютизма – это такая проблема, постановка которой поднимает целый ряд больших социальных и политических вопросов: классовой борьбы, революции. А решение этих вопросов так или иначе подводит к пониманию современности»⁶⁵².

Политика разрядки 1970-х гг. подразумевала некоторое смягчение идеологической нетерпимости. Особенное отношение в СССР было к историкам Франции, которая в послевоенные десятилетия была ближайшим внеш-

⁶⁵⁰ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 90. Л. 24, 25.

⁶⁵¹ Там же. Л. 23, 24.

⁶⁵² АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

неполитическим партнером Советского Союза в западном мире, а ФКП – признанным другом КПСС. В свою очередь, французская школа «Анналов», делавшая в исследованиях акцент на социальных структурах, экономике, материальной культуре, представители которой с уважением относились к марксизму, встречала более лояльное отношение со стороны советских идеологов, нежели другие направления западной историографии.

Исследование советскими историками западноевропейского абсолютизма несколько отличалось от изучения их коллегами российского самодержавия. Одним из таких отличий был больший методологический традиционализм. Дискуссия об абсолютизме существенно ослабила концепцию «равновесия» применительно к российскому абсолютизму, однако в отношении западноевропейского этого не произошло. Сформулированная в свое время С. Д. Сказкиным на основе тезисов классиков марксизма, она не претерпела изменений. Это подтверждает упомянутое уже обсуждение монографии Е. А. Гутновой. В частности, изучающий историю Англии профессор Ю. М. Сапрыкин отметил среди пожеланий автору: «Следует больше остановиться на проблеме абсолютной монархии в трудах Маркса и Энгельса, ибо, во всяком случае, для Западной Европы они установили очень точно социальные условия возникновения абсолютной монархии»⁶⁵³.

В 1972 г. издательство «Наука» выпустило сборник «Европа в средние века: экономика, политика, культура», посвященный 80-летию академика С. Д. Сказкина⁶⁵⁴. В статье Е. В. Гутновой и А. Н. Чистозвонова⁶⁵⁵ было подчеркнуто, что С. Д. Сказкин «является создателем той концепции западноевропейского абсолютизма, от которой до сих пор отправляется большинство советских медиевистов в своих конкретных исследованиях»⁶⁵⁶. В соответствии с ней, абсолютизм – это последняя по времени форма феодального государства и орган классового господства дворянства. Зарождение абсолютизма связано с появлением буржуазии. Установившееся равновесие сил между дворянством и буржуазией создало условия для усиления центральной власти, лавировавшей между ними⁶⁵⁷. Авторы обращают внимание на то, что Сказкин первым среди советских ученых поставил проблему многообразия форм абсолютизма. Он предложил рассматривать как специфическую форму абсолютизма власть западногерманских князей XVI–XVIII вв. и указал на близость к ней итальянской тирании XV–XVI вв.⁶⁵⁸ Подводя итог,

⁶⁵³ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 90. Л. 28.

⁶⁵⁴ Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. к 80-летию академика Сергея Даниловича Сказкина. М., 1972. 446 с.

⁶⁵⁵ Гутнова Е. В., Чистозвонов А. Н. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики // Европа в средние века: экономика, политика, культура. С. 5–15.

⁶⁵⁶ Там же. С. 10.

⁶⁵⁷ Там же. С. 11.

⁶⁵⁸ Там же. С. 11–12.

авторы подчеркивают, что концептуальное видение абсолютизма С. Д. сказкиным «послужило отправным моментом для дальнейшей теоретической и конкретно-исторической разработки этой проблемы... которая успешно ведется в настоящее время рядом советских медиевистов»⁶⁵⁹. В 1973 г. в «Избранных трудах по истории» С. Д. Сказкина была опубликована его статья с изложением концепции абсолютизма⁶⁶⁰, ранее вышедшая в 1957 г., что еще раз подчеркнуло стабильность концепции «равновесия».

Построение проблемы западноевропейского абсолютизма С. Д. Сказкиным было образцовым. Во-первых, оно основывалось на произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса, созданных на западноевропейском материале. Это позволяло не углубляться в размышления о местной специфике в такой степени, как произошло в случае с российским абсолютизмом. Во-вторых, немалую роль играли понятность и универсальность предложенной Сказкиным формулы «равновесия». Наконец, авторитет Москвы как научного и академического центра, а С. Д. Сказкина – как академика и главы советских медиевистов были неоспоримы.

Концепция С. Д. Сказкина доминировала в учебной литературе для высшей школы. Так, в неоднократно переиздаваемом учебнике по истории Средних веков В. Ф. Семенова формирование абсолютизма связывалось с разложением феодального способа производства и складыванием буржуазии как нового влиятельного класса. Это привело к установлению абсолютизма – последней формы феодального государства, в виде неограниченной власти короля, дворянской по своей сущности, но развивавшейся в условиях зарождавшегося капитализма и вынужденного считаться с растущей буржуазией⁶⁶¹. Абсолютизм играл исторически положительную роль в завершении политической централизации и развитии промышленности и торговли. Однако, когда буржуазия усилилась и стала претендовать на власть, возник конфликт между нею и абсолютизмом, разрешившийся буржуазными революциями⁶⁶². Эта же трактовка абсолютизма присутствует и в учебнике по истории Средних веков для исторических факультетов педагогических институтов под редакцией Н. Ф. Колесниченко⁶⁶³.

Двухтомный учебник по истории Средних веков под редакцией С. Д. Сказкина, где системно излагался содержательно насыщенный материал, заслуженно пользовался популярностью. Во втором томе, посвящен-

⁶⁵⁹ Гутнова Е. В., Чистозвонов А. Н. Академик Сергей Данилович Сказкин ... С. 11–12.

⁶⁶⁰ Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) // Избранные труды по истории. М., 1973. С. 341–354.

⁶⁶¹ Семенов В. Ф. История средних веков: учебник. Изд. 4-е. М., 1975. С. 380.

⁶⁶² Там же. С. 389.

⁶⁶³ История средних веков: учебник / М. Л. Абрамсон и др.; под ред. Н. Ф. Колесниченко. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 389–390.

ном событиям XVI – первой половины XVII в.⁶⁶⁴, генезис абсолютизма выводился из социально-экономических предпосылок и борьбы королевской власти в союзе с городами против феодальной аристократии⁶⁶⁵. Само же «равновесие» выражалось следующим образом: «Несмотря на то, что королевский абсолютизм играл на противоречиях между дворянством и буржуазией и опирался то на дворянство, то на буржуазию, он оставался формой диктатуры дворянского класса в изменившихся условиях»⁶⁶⁶.

В первом томе трехтомной «Истории Франции»⁶⁶⁷ нарратив об эпохе абсолютизма был создан тремя авторами. Это С. Д. Сказкин (две главы о Франции XVI в.), Б. Ф. Поршнев (абсолютизм XVII в.) и Л. С. Гордон (1901–1973), историк, литературовед, специалист по общественной мысли Франции XVIII в. (абсолютизм XVII в. и монархия в век Просвещения).

Социальная основа французского абсолютизма была охарактеризована С. Д. Сказкиным достаточно емко. «Дворянство в целом, как класс и вместе с тем как привилегированное сословие, является основной опорой королевской власти, – подчеркивает С. Д. Сказкин и поясняет далее: – Поставленное силами объективных обстоятельств социально-экономического развития перед крепнущей буржуазией и крестьянством, интересы которых соприкасались до известной степени в самом важном для дворянства земельном вопросе, дворянство в сильной королевской власти инстинктивно чувствовало наилучшую гарантию своего привилегированного положения. В это же время во Франции буржуазия консолидировалась как класс в пределах нового объединенного государства. В этих условиях формируется единая власть в форме абсолютной (неограниченной) монархии, которая правит при помощи разветвленной бюрократии, благодаря чему центральное правительство пользуется относительной самостоятельностью»⁶⁶⁸.

Складывание абсолютизма С. Д. Сказкин связывает не только с единством и сплоченностью самой Франции, но и с масштабным процессом создания национальных государств. Сам очерк о Франции XVI в. начинается красноречивой фразой, выразившей настроение эпохи и прозвучавшей на Генеральных штатах в Туре в 1484 г.: «Королевская власть есть достоинство, а не наследственное достояние»⁶⁶⁹. При этом особый эффект воздействия на читателя производится при следующем сопоставлении дискурсов. «И этот факт в сознании современников (складывание национальных

⁶⁶⁴ История средних веков: [в 2 т.] / под общ. ред. С. Д. Сказкина. Изд. 2-е, перераб. Т. 2. М., 1977. 336 с.

⁶⁶⁵ Там же. С. 28.

⁶⁶⁶ Там же. С. 29.

⁶⁶⁷ История Франции: в 3 т. Т. 1. [Ю. Л. Бессмертный и др.]. М., 1972. 359 с.

⁶⁶⁸ Сказкин С. Д. Франция – единое государство // История Франции: в 3 т. Т.1. С. 159.

⁶⁶⁹ Там же. С. 151.

государств. – Л. Л.), еще не понимавших всех вытекавших из него последствий, отложился в вышеупомянутой фразе, смысл которой заключался в том, что королевская власть, олицетворявшая новое государство, одновременно и возвышалась на пьедестал морального достоинства, и превращалась в общественное служение, – прокомментировал С. Д. Сказкин, а затем подвел итог следующим образом: – *Само собой разумеется, что это осознанное современниками положение не было полным пониманием смысла свершающихся процессов и их значения как звена всемирно-исторического развития. Раскрыть этот смысл и есть задача историка-марксиста, рассматривающего каждый факт и процесс прошлого в единстве целого (курсив мой. – Л. Л.)*»⁶⁷⁰.

Демонстрируя всю многогранность развития Франции в эпоху абсолютизма, авторы стремились сделать это максимально выразительно для читателя. Вот, например, суждение С. Д. Сказкина о неоднозначности оценок Религиозных войн: «Чрезвычайная сложность движения, непопулярность последних Валуа, уродов и дегенератов, попавших случайностью рождения на престол Франции; поддержка гугенотскими вождями нидерландских революционеров... ореол мученичества, окружавших таких действительно выдающихся людей, как адмирал Колиньи – все это давно уже приводило историков к часто диаметрально противоположным оценкам»⁶⁷¹.

Рассматриваемые очерки по истории Франции времен абсолютизма демонстрируют тот факт, что в условиях официального дискурса и предписанных выводов советские историки все же могли создавать тексты, качество которых и сегодня высоко. Вот, например, характеристика Генриха IV: «За свою недолгую жизнь Генрих Наваррский сам многое испытал: он знал и поражения, и победы, падения и взлеты; нелегкий жизненный опыт его многому научил: изворотливости, гибкости, умению маневрировать. Умный, дальновидный, настойчивый в достижении цели, он отдавал себе отчет в трудности стоящих перед ним задач... Генрих IV, не был, конечно, «добрым королем», «королем народа», каким его нередко изображала позднее апологетическая литература. Но он понимал, как шаток королевский трон, и искал средства его укрепления»⁶⁷².

Итог развития французской монархии, дискредитирующей самое себя, подводился в традиционном дискурсе советских историков: «Как это было видно из предыдущего, феодально-абсолютистскую Францию раздирали глубокие внутренние противоречия. Их было много, и они по-разному проявлялись на поверхности политической жизни. Но как ни многообразны

⁶⁷⁰ Сказкин С. Д. Франция – единое государство. С. 151.

⁶⁷¹ Он же. Реформация и религиозные войны // История Франции. Т. 1. С. 189.

⁶⁷² Гордон Л. С., Поршнев Б. Ф. Абсолютизм XVII века // Там же. С. 235.

и различны были эти противоречия, в каких бы разных аспектах они ни проявлялись, все они в конечном счете сводились к глубокому, непримиримому конфликту между третьим сословием и феодально-абсолютистским режимом, возглавляемым монархией, защищающей интересы привилегированных сословий»⁶⁷³.

Концептуальная модель западноевропейского абсолютизма, созданная С. Д. Сказкиным, несмотря на безусловное лидерство, не была единственной. Особая точка зрения на абсолютизм была у Б. Ф. Поршнева, однако в 1970-х гг. она представляла интерес скорее для историографа, а не для историка. Более весомой альтернативой обеим названным трактовкам абсолютизма была концепция А. Д. Люблинской, получившая в рассматриваемый период наиболее законченное оформление.

Интерпретация проблемы абсолютизма А. Д. Люблинской не раз анализировалась в историографической литературе. Достаточно вспомнить вышедшую в 1983 г. развернутую статью об А. Д. Люблинской в «Средних веках»⁶⁷⁴, повторенную затем в несколько сокращенном виде во втором томе «Портретов историков»⁶⁷⁵. Особое место отведено концепции Люблинской в «Науке “убеждать”...» С. В. и Т. Н. Кондратьевых⁶⁷⁶. Тем не менее существующие оценки и суждения не исключают возможности еще раз обратиться к вкладу А. Д. Люблинской в разработку концепта абсолютизма, и, возможно, найти в нем новые аспекты.

А. Д. Люблинская, на протяжении нескольких десятилетий, работавшая над проблемой абсолютизма, разумеется, не могла выйти за пределы марксистской парадигмы в ее советской модификации. Однако, как показывают ее работы, она была хорошо знакома с современной ей западной историографией. При этом Люблинская не только с ней полемизировала, но и воспринимала идеи, казавшиеся ей продуктивными. Если же вести речь о стиле научного мышления А. Д. Люблинской, то содержание ее работ демонстрирует такие его качества, как системность и способность видеть объект в динамике.

Как научная проблема, абсолютизм для Люблинской выступает не просто сложным феноменом, допускающим равноценные, но противоречивые по выводам трактовки⁶⁷⁷. Это государственная форма переходного периода,

⁶⁷³ Гордон Л. С. Упадок монархии. Век Просвещения // Там же. С. 309.

⁶⁷⁴ Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская и др. // Средние века. Вып. 46. 1983. С. 291–323.

⁶⁷⁵ Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская и др. // Портреты историков: время и судьбы: в 2 т. Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 228–242.

⁶⁷⁶ Кондратьев С. В., Кондратьева, Т. Н. Наука «убеждать» ... С. 106–109, 153–158, 166–182, 245.

⁶⁷⁷ Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма (конец XV – середина XVII в.) // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 56.

в пределах которой развивается и взаимодействует ряд социальных групп. Традиционно французский абсолютизм воспринимался как некий образец, через призму которого рассматривались другие модификации абсолютной монархии. Однако такой подход, на взгляд Люблинской, не оправдан – французский абсолютизм на самом деле представляет собой один из «национальных вариантов» абсолютизма⁶⁷⁸.

Формирование абсолютизма во Франции А. Д. Люблинская относит к концу XV – первой половине XVII в. Это было время зарождения капиталистического уклада и появления буржуазии, параллельно шло оскудение и ослабление родовитого дворянства. Ведущей силой в этих процессах, считает Люблинская, была буржуазия: «происходившие перемены прямо либо косвенно (порой даже очень отдаленно) имели ее своим началом или причиной изменений. Все это тоже либо прямо, либо косвенно, способствовало росту абсолютизма»⁶⁷⁹.

Слова «либо прямо, либо косвенно», «порою даже очень отдаленно» были показательны. Они отражали предписанную направленность социологической модели абсолютизма, обязательной для советских историков. А. Д. Люблинская в принципе не могла отвергнуть понятие «равновесие» – авторитет Маркса и Энгельса был непререкаем. Однако она, как и Л. В. Черепнин, стремится максимально гибко его интерпретировать.

Так, в статье о классовой природе французского абсолютизма А. Д. Люблинская утверждает: «Если и можно – но с большой осторожностью! – говорить для той поры (рубеж XV–XVI вв.) о “равновесии классов”, то лишь в том плане, что элементы будущего класса буржуазии уже самим фактом своего существования уравновешивали старое, оскудевшее рыцарство, (курсив мой. – Л. Л.), которому, чтобы превратиться в дворянский класс эпохи абсолютизма, еще предстояло пережить значительные перемены»⁶⁸⁰.

Во «Франции при Ришелье» эта же мысль звучала так: «Первый этап жизни французского абсолютизма можно обозначить как период своеобразного “равновесия” двух классов. Старый класс, дворянский, в целом еще владел феодальной сеньорией и феодальной рентой, в армии он заполнял офицерский корпус... Зарождавшийся класс буржуазии (здесь мы имеем в виду только торгово-промышленную буржуазию) уже обладал значительными капиталами, ибо появлялся не на пустом месте, но в качестве преемника купечества предшествующего периода... Своеобразие подобного равновесия заключалось в отчетливой разделенности классов и отсутствии споров между ними. Оно еще не означало равенства потенциалов обоих классов (курсив мой. – Л. Л.)»⁶⁸¹.

⁶⁷⁸ Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского ... С. 55–56.

⁶⁷⁹ Там же. С. 58.

⁶⁸⁰ Там же. С. 61.

⁶⁸¹ Она же. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л. 1982. С. 232–233.

Приведенные выдержки имели тот же смысл, что и «ростки», «предпосылки» и «зачатки» буржуазии и капитализма в России, вокруг которых ломали копья участники дискуссии 1968–1972 гг. «Равновесие», о котором речь велась «с очень большой осторожностью»,⁶⁸² необходимо было сохранить и в трактовке французского абсолютизма. Для этого А. Д. Люблинской была выбрана та же аргументация, что и Л. В. Черепниным в объяснении генезиса абсолютной монархии в России.

Ценность трактовки абсолютизма Люблинской заключается не только в адаптации идеи «равновесия» к методологическим реалиям 1970-х гг. А. Д. Люблинская создала динамическую модель социальных процессов при абсолютизме, чего ранее никто из ее коллег не предпринимал.

Во Франции не было непреодолимой границы между сословиями, и процесс аноблирования был для людей, достигших известного уровня достатка, традиционным средством повышения статуса. Такой человек сначала покупал должность, затем землю. Однако сам он еще платил особый налог на фьеф, так как не нес военной службы. Но его сын, как правило, получал дворянское воспитание, делался военным и налога не платил. В итоге, на протяжении двух-трех поколений семья буржуа могла превратиться в дворянскую. Теоретически был возможен и обратный вариант – дворянин мог заняться торговлей. Однако в таком случае он лишался налогового иммунитета. Таким образом, дворянин, превращаясь в купца, переставал быть привилегированным. Купец же, сделавшийся дворянином, обеспечивал своему сыну возможность приобретения дворянского имени⁶⁸³. Разумеется, эта дилемма разрешалась тем, что купец становился дворянином⁶⁸⁴.

Таких дворян А. Д. Люблинская называет новыми, и на протяжении XVI – первой половины XVII в. их количество и влияние росло. В результате пополнения ими изменялся в целом дворянский класс. Часто новые дворяне организовывали хозяйство в своих владениях по-капиталистически. Важным фактором консолидации дворянства были браки, при которых объединялись громкое имя, но оскудевшие средства одной стороны, с деньгами и стремлением к родовитости, с другой⁶⁸⁵.

Таким образом, новое дворянство – это промежуточная социальная группа. По классовой принадлежности Люблинская относит его к дворянству, а не к буржуазии, подчеркивая, что необходимо определять классовую природу конкретного социального слоя не по его происхождению, а по месту в системе производственных и общественных отношений⁶⁸⁶. Соответ-

⁶⁸² Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского ... С. 61.

⁶⁸³ Там же. С. 59–60.

⁶⁸⁴ Там же. С. 66–67.

⁶⁸⁵ Она же. Франция при Ришелье. С. 238–240.

⁶⁸⁶ Она же. К вопросу о классовой природе французского ... С. 70.

ственно, она не считает правильными термины «феодалная буржуазия» (в современной ей историографии) и «подлая буржуазия» (эпитет времен абсолютизма для обозначения министров Людовика XIV)⁶⁸⁷.

Благодаря развитию промышленности, торговли и государственному кредиту, средства и возможности буржуазии возрастали, она развивалась по восходящей. Состояние же родовитого дворянства А. Д. Люблинская характеризует как статус-кво с тенденцией к уменьшению социальной и экономической значимости. Оно оставалось при своем, поддерживая оскудевшие владения, усыновляя бастардов для пополнения поредевших рядов и участвуя в войнах⁶⁸⁸. Таким образом, если рассматривать «равновесие» между старым дворянством и буржуазией, то его быть просто не могло⁶⁸⁹. За счет чего же оно появилось и поддерживалось?

Источником «равновесия» между дворянством и буржуазией был приток в дворянский класс нового дворянства, которое по роду занятий и интересам было опорой абсолютизма. А. Д. Люблинская говорит об этом так: «Ведь не “дворянство вообще”, а именно новое чиновно-землевладельческое дворянство послужило главной опорой абсолютизму... и определило его классовую природу в том смысле, что оно не только обладало косвенным политическим влиянием (заяв все руководящие должности в армии, церкви и в высшей администрации и разделив придворные места с родовитой аристократией), но и поставляло своих членов в узкий круг правящих лиц... Равновесие двух классов никак не могло быть достигнуто, если бы наряду с растущей буржуазией все время пребывало неизменное по своему характеру рыцарство конца XV в.»⁶⁹⁰ Равновесие двух классов – обновленного дворянства и буржуазии – установилось во Франции после Фронды и подготовило расцвет абсолютизма⁶⁹¹, апогей которого сменился нарастающим противоречиями в XVIII в.⁶⁹²

Концепция абсолютизма, предложенная А. Д. Люблинской, может быть оценена в различных аспектах. В теоретическом плане она, без сомнения, представляла собой максимум, достижимый в существовавших методологических рамках. Можно вести речь об известной схематичности и заданности выводов А. Д. Люблинской, однако ни ранее, ни после в советской историографии не было предложено равноценных аналогов.

Концептуальные модели абсолютизма С. Д. Сказкина, А. Д. Люблинской и Б. Ф. Поршнева демонстрировали вариативность в рамках одной пара-

⁶⁸⁷ Люблинская А. Д. К вопросу о классовой природе французского ... С. 70.

⁶⁸⁸ Она же. Франция при Ришелье. С. 235.

⁶⁸⁹ Там же. С. 236.

⁶⁹⁰ Она же. К вопросу о классовой природе французского ... С. 70.

⁶⁹¹ Она же. Франция при Ришелье. С. 243.

⁶⁹² Она же. К вопросу о классовой природе французского ... С. 70.

дигмы. Концепция С. Д. Сказкина представляла собой канонический вариант. Точка зрения Б. Ф. Поршнева, сместившая акценты в социологической модели на классовую борьбу, сводила к минимуму теоретические возможности советских историков. Концептуальное же построение А. Д. Люблинской было максимально динамично, оно учитывало количественные и качественные показатели и могло бы занять главное место.

Почему этого не произошло? Очевидно, сказались простота и универсальность концепции С. Д. Сказкина как главы советских медиевистов. Интерпретация же А. Д. Люблинской требовала больших разъяснений. Нужно учитывать и тот факт, что в советской исторической науке общепризнанной могла быть одна точка зрения, даже если альтернативные трактовки не выходили за установленные границы.

На протяжении рассматриваемого периода проблематика французского абсолютизма находила отражение в ряде обобщающих и конкретизирующих работ. К первым относилось, например, учебное пособие К. И. Батыра⁶⁹³, созданное на основе канонического понимания французской монархии. Вторая группа работ была представлена докторской диссертацией⁶⁹⁴ и монографией⁶⁹⁵ Р. Ю. Энгельгардта, посвященными эпохе расцвета абсолютизма. По мнению автора, эпоха Людовика XIV была временем, когда «в недрах феодального общества назревали глубокие экономические и социальные потрясения, начался упадок абсолютистской монархии, внешне достигшей наибольшего блеска, развивались важнейшие процессы, приведшие в итоге к торжеству буржуазной революции»⁶⁹⁶. Причиной этого было сдерживание абсолютизмом производительных сил страны⁶⁹⁷. Р. Ю. Энгельгардт критиковал мероприятия Кольбера и меркантилизм, используя показательную в дискурсивном плане аргументацию. Так, подъем французской промышленности в 60-х – 70-х гг. XVII ст. «был вызван искусственными мероприятиями абсолютизма, которые не могли изменить сущности феодально-абсолютистской монархии, враждебной по своей природе буржуазному развитию Франции»⁶⁹⁸.

Функционирование государственных институтов абсолютистской монархии получило отражение в работах К. И. Батыра⁶⁹⁹ и В. В. Кучмы⁷⁰⁰. Идеологические аспекты абсолютизма стали содержанием

⁶⁹³ Батыр К. И. История феодального государства Франции: учеб. пособие. М., 1975. 50 с.

⁶⁹⁴ Энгельгардт Р. Ю. Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кишинев, 1972. 43 с.

⁶⁹⁵ Он же. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII – начале XVIII века. Кишинев, 1976. 243 с.

⁶⁹⁶ Он же. Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII века. С. 4.

⁶⁹⁷ Он же. Социально-экономическое положение Франции ... С. 5.

⁶⁹⁸ Там же. С. 31.

⁶⁹⁹ Батыр К. И. Аппарат управления французского абсолютизма накануне буржуазной революции // Проблемы истории абсолютизма: сб. науч. трудов. С. 97–120.

⁷⁰⁰ Кучма В. В. Создание и деятельность органов общей полиции во Франции в период абсолютизма // Античная древность и средние века: сб. Вып. 15. Свердловск, 1978. С. 83–95.

кандидатской диссертации Н. Е. Копосова «Представления о византийской автократии во французской общественной мысли XVII века»⁷⁰¹. Идеология абсолютизма рассматривалась не через призму древнеримской правовой традиции, как это обычно было, а византийской, что изменяло привычные ракурсы. Как наследница Римской и предшественница Османской империи, Византия считалась во Франции враждебной восточной деспотией. Идеологи абсолютизма считали ее внутренне слабым государством, идущим к упадку, в отличие от возвышающейся Франции⁷⁰².

Социальная борьба во Франции периода абсолютизма была рассмотрена в докторской диссертации А. А. Лозинского⁷⁰³ и статье А. Д. Люблинской⁷⁰⁴. Анализируя кульминационный этап гражданских войн, А. А. Лозинский делает следующие выводы: во Франции XVI в. за религиозными формами скрывалась борьба различных социальных сил. Она велась вокруг вопроса об абсолютизме, который был единственной силой, способной обеспечить развитие Франции в буржуазном направлении⁷⁰⁵. В лигерском движении города выступали как союзники абсолютной монархии⁷⁰⁶. Однако французская буржуазия, в отличие от нидерландской, не была передовой⁷⁰⁷. По этой причине неправомерно считать Религиозные войны неудавшейся буржуазной революцией – для последней еще не созрели предпосылки⁷⁰⁸.

В статье, посвященной крестьянским антиналоговым восстаниям во Франции при Ришелье, А. Д. Люблинская определяет их как особую форму классовую борьбу. Они не ставили перед собой цели искоренения дворянства или низвержения абсолютизма, а были направлены против конкретных мероприятий государства, которое все же должно было учитывать фактор социального протеста в проведении финансовой политики⁷⁰⁹.

Советские историки не могли игнорировать научную мысль Запада, особенно историков-марксистов. Например, в СССР достаточно известна была работа англо-американского историка и социолога П. Андерсона «Родословная абсолютистского государства», вышедшая в 1974 г.

⁷⁰¹ Копосов Н. Е. Представления о византийской автократии во французской общественной мысли XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 12 с.

⁷⁰² Там же. С. 8, 12.

⁷⁰³ Лозинский А. А. Кульминационный этап гражданских войн во Франции XVI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 31 с.

⁷⁰⁴ Люблинская А. Д. Крестьянские восстания на юго-западе Франции в 30-х гг. XVII в. // Новая и новейшая история. 1980. № 4. С. 58–74.

⁷⁰⁵ Лозинский А. А. Кульминационный этап гражданских войн ... С. 1.

⁷⁰⁶ Там же. С. 27.

⁷⁰⁷ Там же. С. 28.

⁷⁰⁸ Там же. С. 28–29.

⁷⁰⁹ Люблинская А. Д. Крестьянские восстания ... С. 73–74.

В концептуальном плане Андерсон определяет абсолютизм как феодальное государство, бывшее «новым политическим щитом, отбивающим удары, направленные против благородного сословия»⁷¹⁰. Большой интерес представляет, однако, не данное суждение, а сам дискурс книги. Очевидно, что марксизм советских историков не был тождественен марксизму историков на Западе. Так, Андерсон начинает с критики выводов Маркса и Энгельса, сделанных на основе идеи «равновесия». Он утверждает, что выкладки классиков марксизма подводят к мысли о буржуазном характере абсолютистского государства. Например, Маркс считал административные структуры абсолютизма непосредственно буржуазным инструментом⁷¹¹. Но, отмечает далее Андерсон, при ближайшем рассмотрении это не так. Конец крепостничества не означает конец феодализма. Феодалы, бывшие собственниками земли в доиндустриальном обществе, таковыми и остались⁷¹². Подобная постановка вопроса и вывод не «согласно», а «от противного» были в принципе немыслимы в работе советских историков.

Баланс интересов дворянства и буржуазии Андерсон выразил следующим образом: «Видимым парадоксом абсолютизма в Западной Европе было то, что он по сути своей представлял аппарат для защиты собственности и привилегий аристократов, и в то же время средства, которыми обеспечивалась эта защита, могли одновременно обеспечивать и базовые интересы новорожденного торгового и мануфактурного классов»⁷¹³.

Андерсон рассматривал европейский абсолютизм комплексно, в совокупности специфических локальных форм и их различной темпоральности. Признавая приоритет социологической модели абсолютизма, Андерсон уделял значительное внимание юридическим и военным слагаемым абсолютной монархии. В частности, римское право содержало идею безусловной и абсолютной частной собственности⁷¹⁴. В условиях «военной революции» раннего Нового времени абсолютистские государства были «машинами, построенными главным образом для битвы»⁷¹⁵. Наконец, Андерсон, обращаясь в том числе к классикам марксизма, выдвигал тезис, который станет основой для реинтерпретации и критики понятия «абсолютизм». Он писал: «В действительности же, сам термин “абсолютизм” неверен. Ни одна западная монархия никогда не получала абсолютную власть над своими подданными в значении неограниченного деспотизма. Все

⁷¹⁰ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М., 2010. С. 18.

⁷¹¹ Там же. С. 16.

⁷¹² Там же. С. 17–18.

⁷¹³ Там же. С. 38.

⁷¹⁴ Там же. С. 24.

⁷¹⁵ Там же. С. 31.

были ограничены, даже на вершине своих прерогатив, комплексом концепций, определявших “божественное” или “естественное” право⁷¹⁶.

Ближайшими партнерами советских историков в научном диалоге выступали французские, и тому был ряд причин. Это и давняя культурная традиция, и роль Франции как ближайшего партнера СССР в период разрядки, и популярность марксизма среди ряда французских историков. Однако это давало скромный итог – французская и советская историография развивались в различном концептуальном поле.

Вот, например, интерпретация французского абсолютизма П. Губером, представителем второго поколения школы «Анналов». Во-первых, обращает на себя внимание отсутствие обязательного для советских историков выведения абсолютизма из социально-экономических предпосылок. Важное для советской историографии выяснение соотношения феодальных и капиталистических элементов для Губера таковым не является. Во-вторых, четкой дефиниции абсолютизма нет. Предполагается, что читателю коннотации этого концепта известны. В-третьих, во главу угла поставлен антропологический, а не классовый подход.

Приступая к «открытию определения “Старый порядок”», Губер отмечает, что к этому существуют два подхода. Первый – узкий, идущий от анализа политических и юридических структур. Он «отправляется от теорий, чтобы завершить свой путь институтами, и больше никуда не следует»⁷¹⁷. Большинство же историков идут гораздо дальше – выражение «Старый порядок» служит им для глобального обозначения всего, что произошло во Франции от первого Валуа до последнего Бурбона. По мнению Губера, истина находится посередине этих противоположностей. Старый порядок, имеющий «все же юридический климат», тяжело реконструировать и прочувствовать⁷¹⁸.

Губер обращает внимание на ограничения в реальной практике королевской власти⁷¹⁹. Старый порядок, размышляет он, появился с опозданием и родился, умирая. Он выжил, как и множество мертвецов в истории, в душах и в ностальгии по прошлому⁷²⁰. «В реальности, – обобщает Губер в более поздней работе, – Старый порядок ясен лишь в противопоставлении тому, что за ним последовало. Он проясняется лишь через свою смерть, которая его определяет и называет»⁷²¹.

⁷¹⁶ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. С. 47–48.

⁷¹⁷ Goubert Pierre. L'ancien régime. T. 1: La société. Paris, 1969. P. 9.

⁷¹⁸ Ibid. T. 2: Les pouvoirs. Paris, 1972. P. 22–30.

⁷¹⁹ Ibid.

⁷²⁰ Ibid. P. 10.

⁷²¹ Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien régime. 1. La société et l'état. Paris, 1984. P. 24.

Аристократия, как главная опора короля – «сюзерена над сюзеренами»⁷²², выглядит в классификации Губера следующим образом. На вершине социальной пирамиды – гранды, древнейшая аристократия (une noblesse très ancienne), далее аристократия мантии (la noblesse parlementaire robe), наконец, провинциальное дворянство – «деревенские господа» (gentilhommes campagnards)⁷²³. Рассматривая Францию периода абсолютизма, Губер в равной степени считает важными производство и ренту, географию и демографию, болезни и психические состояния. Франция эпохи Старого порядка, таким образом, рассматривается в первую очередь через призму антропологического подхода.

Для Р. Мандру, как представителя школы «Анналов», эпоха абсолютизма – феномен, раскрывающийся через структуры повседневности и ментальность. Как и его коллеги, он отталкивается от правового подхода в понимании французской монархии⁷²⁴. Мандру солидарен со своими коллегами М. Блоком и Э. Лабруссом в том, что не взлет буржуазии, а сеньориальные порядки, унаследованные от Средних веков, разрушили социальный фундамент абсолютизма⁷²⁵.

Исследователь французских элит Г. Шоссинан-Ногаре считает, что в основе слабости Старого порядка лежал конфликт между аристократическими элитами, дошедший до XVIII ст. Это было противостояние между аристократией королевской, богатство и власть которой возрастали по мере триумфа абсолютизма, и аристократией феодальной, возможности которой были ограничены. Конфронтация между деньгами и привилегиями разрешилась при Людовике XIV в пользу королевской аристократии. Эта политическая ошибка абсолютизма разбила с трудом созданный им компромисс между конкурирующими фракциями одного сословия. В результате аристократия, сплотившись, стала искать союзника и нашла его в лице третьего сословия⁷²⁶.

Как и ранее, одним из самых непримиримых оппонентов советских историков в понимании абсолютизма был Р. Мунье. Его концепция вызвала устойчивое отторжение в СССР. Так, в 1974 г. Ю. Е. Ивонин опубликовал критический отзыв на статью Мунье «Концепция “сословий”, “верности” и “абсолютной монархии” во Франции конца XV – конца XVIII века». Для советской историографии были неприемлемы «надклассовость» абсолютной монархии, выведение ее из юридических, а не социально-экономических

⁷²² Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien régime. 1. La société et l'état. P. 22.

⁷²³ Goubert Pierre. L'ancien régime. T. 1. P. 161–170.

⁷²⁴ Mandrou R. L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'Etat. 1649–1775. Paris, 1977. P. 39.

⁷²⁵ Idem. La France aux XVII et XVIII siècles. Paris. P. 76.

⁷²⁶ Chaussinant-Nogaret G. La noblesse au XVIII siècle: de la féodalité aux Lumières. Paris, 1976. P. 18–19.

предпосылок, а также предлагаемая Мунье идея «верности» как интегрирующей сословия силы⁷²⁷.

Однако если в отношении абсолютизма борьба с идеологически чуждыми мнениями представляла скорее научный интерес, то идеи Ф. Фюре, Д. Рише, М. Озуф, подвергавших ревизии традиционные оценки Французской революции, становились для советских историков и идеологов масштабными задачами идеологической борьбы. Фундаментальной работой «критического», или «ревизионистского», направления стало «Постижение Французской революции»⁷²⁸ Ф. Фюре (1927–1997). Вышедшая впервые в 1978 г. под названием «Penser la Révolution française», книга содержала целый ряд положений, неприемлемых для советской историографии.

Так, французское государство XVIII в., по мнению Фюре, отнюдь не было реакционным или заложником каких-либо эгоистических интересов. Наоборот, был прогресс в различных областях, о чем свидетельствуют рост населения на протяжении столетия от 20 до 27 миллионов, развитие городов, сельского хозяйства, торговли, промышленности, образования и здравоохранения⁷²⁹.

Монархия во Франции понималась современниками как результат «общественного договора» между королем и нацией, и ввиду нараставших социальных противоречий речь шла о возвращении нации исконных прав⁷³⁰. Абсолютизм, считает Фюре, на самом деле был слаб, хотя и воображал себя сильным, и эта слабость позволила обособиться и развиваться неподконтрольному политическому процессу⁷³¹.

Французская монархия была активной силой, создавшей для себя новое дворянство. При сохранении сословности была сформирована новая правящая элита⁷³², обязанная своим появлением слиянию верхушки третьего сословия с дворянством⁷³³. Предпосылки революции, считает Фюре, заключались в конфликте элит. Недовольство старой знати, которую «более всего раздражало даже не низкое происхождение, а деньги, богатство, неприкрытая торговая сделка с государством», чей «крик души вырвался на свободу после смерти Людовика XIV» и что историки называют «аристократической реакцией», вполне могло быть, по мнению Фюре, проявлением конфронтации внутри дворянства Старого порядка⁷³⁴.

⁷²⁷ Ивонин Ю. Е. Сословия, католицизм и абсолютизм // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 193–194.

⁷²⁸ Фюре Ф. Постигание Французской революции / пер. с фр. Д. В. Соловьева. СПб., 1998. 224 с.

⁷²⁹ Там же. С. 119.

⁷³⁰ Там же. С. 42–44.

⁷³¹ Там же. С. 44–47.

⁷³² Там же. С. 111.

⁷³³ Там же. С. 115.

⁷³⁴ Там же. С. 115–116.

Главный кризис XVIII в. Фюре видит в том, что ни монархия, ни дворянство не сплотили государство и общество. «Постоянно разрываясь между верностью старым сеньориальным связям и требованиями новой социальной и бюрократической прагматики, заложники двух моделей иерархии и социальной подвижности, короли уступают то одной, то другой группе внутри правящей элиты»⁷³⁵, – поясняет Фюре. Главное – не в гипотетической замкнутости дворянского сословия и не в его враждебности к буржуазии «во имя какого-то воображаемого феодализма», считает Фюре. Наоборот, все дело в его открытости, чрезмерной для сплочения всего сословия и недостаточной для процветания нации⁷³⁶. Феодализм не случайно был назван Ф. Фюре «воображаемым». Накануне революции в аграрном секторе Франции уже было мало «феодального», если судить об организации хозяйства. Наоборот, справедливо вести речь об «обуржуазивании» сеньории, а не об аристократической реакции»⁷³⁷.

Фюре категорично против рассмотрения и оценки событий под углом «революция – контрреволюция». Эту логику он с жесткой иронией характеризует как безупречную, «если только заботиться не о выяснении смысла, а о возрождении пораженного склерозом мемориального ритуала»⁷³⁸. Если добавить к этому суждения о том, что феномен сталинизма берет свое начало в якобинской традиции⁷³⁹, что у Маркса нет никакой систематической интерпретации Французской революции⁷⁴⁰, что марксистская трактовка, прерывающая революцию 1794 г., крайне упрощена и телеологична,⁷⁴¹ то нетрудно представить себе реакцию советских историков и идеологов.

В такой ситуации было естественно появление статьи одного из крупнейших специалистов по истории Французской революции А. В. Адо (1928–1995) с характерным названием «Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в.»⁷⁴². По мнению Адо, Фюре и его коллеги переоценивают положение Франции накануне революции, реинтерпретируют А. де Токвиля и Э. Бёрка и делают «откровенный и воинствующий вызов марксистскому решению проблемы»⁷⁴³. А. В. Адо подвергает критике как идею «революции элит», так и тезис «обуржуазивания сеньории».

⁷³⁵ Фюре Ф. Постигание Французской революции. С. 121.

⁷³⁶ Там же. С. 116.

⁷³⁷ Там же. С. 101–103.

⁷³⁸ Там же. С. 97.

⁷³⁹ Там же. С. 21.

⁷⁴⁰ Там же. С. 22.

⁷⁴¹ Там же. С. 95–96.

⁷⁴² Адо А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. // Социальные движения и борьба идей: проблемы истории и историографии. М., 1982. С. 41–70.

⁷⁴³ Там же. С. 43–44.

Вместе с тем «ревизионистам» необходимо было противопоставлять собственную аргументацию, и Адо, как специалист по аграрной истории предреволюционной Франции, достаточно гибко это делает. Он признает, что знания о французской деревне значительно обновились, что проникновение в нее капиталистических элементов оказалось бóльшим, чем представлялось, что нельзя не признать роли французского нового дворянства и распространения дворянского предпринимательства, а также наличия пограничных «социальных зон» между дворянами-сеньорами и буржуа-предпринимателями⁷⁴⁴. Однако итоговый вывод статьи звучал так: «Но все современные достижения науки о Французской революции отнюдь не дают оснований ни для воинственно-критических атак историков “ревизионистской” тенденции, ни для поспешных и односторонних, нередко претенциозных, порой заведомо предвзятых концептуальных решений, которые мы находим в их работах»⁷⁴⁵. В ситуации начала 1980-х гг. такая позиция, очевидно, была единственно приемлемой. Кроме того, проблемы дворянства и правящей элиты предреволюционной Франции, действительно, вряд ли имели однозначное решение.

Такова, например, направленность работ исследовательницы предреволюционной Франции Л. А. Пименовой о французском дворянстве. Автор указывает, что в свете новейших данных французское дворянство второй половины XVIII в. не выглядит только паразитическим и пассивным классом получателей феодальной ренты. Часть его втягивалась в процесс утверждения капиталистических отношений. Вместе с тем выводы о дворянстве как важнейшей «матрице капитализма», по мнению автора, являются односторонними и не учитывают всей сложности фактов⁷⁴⁶ – обуржуазившееся дворянство составляло меньшинство сословия⁷⁴⁷. Раскрывая социально-политическую позицию дворянства, Л. А. Пименова акцентирует внимание на том, что либеральная фразеология дворянства была направлена, в конечном счете, на сохранение традиционных привилегий⁷⁴⁸.

Диссертация Л. А. Пименовой была посвящена позиции французского дворянства накануне революции, проанализированной по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г. Выводы исследования, по мнению автора, «решительно расходятся с выводами современных буржуазных историков. Предлагаемая ими характеристика социально-политической

⁷⁴⁴ Адо А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. С. 54–55.

⁷⁴⁵ Там же. С. 55.

⁷⁴⁶ Пименова Л. А. Дворянство Франции ко времени Французской революции (по материалам современных исследований) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 4. С. 56.

⁷⁴⁷ Там же. С. 59.

⁷⁴⁸ Пименова Л. А. Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 66.

программы всех дворянских наказов как передовой, либеральной является односторонней и предвзятой»⁷⁴⁹.

Рассмотрение политического кризиса «верхов» предреволюционной Франции, ставшее предметом исследования Е. И. Лебедевой, также отмечено достаточно взвешенными выводами автора. Одновременно оно было ответом «ревизионистскому» направлению буржуазной историографии, в исследованиях которого «абсолютизм последних лет старого порядка предстает динамичной силой»⁷⁵⁰. Анализируемый Е. И. Лебедевой план реформ Ш.-А. де Калонна оценивается как имеющий смысл, опирающийся на идеи Тюрго и объективно буржуазный по направленности. Однако целью Калонна было сохранение существующего порядка, а не буржуазная модернизация страны⁷⁵¹. Аристократия встретила идеи реформ враждебно, буржуазии было их недостаточно, и в результате провал проектов Калонна был предрешен. Абсолютизм потерпел поражение, а инициатива перешла к третьему сословию и поднимавшимся народным «низам»⁷⁵².

В целом же каноническая трактовка советской историографией предреволюционной Франции наиболее ярко выписана в классической работе А. З. Манфреда: «Вершиной феодально-абсолютистского строя являлась монархия, королевская власть. Король по-прежнему обладал неограниченной, самодержавной властью; ему принадлежало окончательное решение всех внутренних и внешних дел государства, он назначал и смещал министров и чиновников, издавал и отменял законы, карал и миловал»⁷⁵³. Монархия, не способная управлять, огромные траты двора, бедствия народа, неурожай и голод – вот черты Франции накануне 1789 г.⁷⁵⁴. Аналогично оценивается предреволюционная Франция и в работе В. Г. Ревуненкова. Феодально-абсолютистский строй обрекал страну на отсталость, власть монарха была абсолютной и бесконтрольной⁷⁵⁵.

Ситуацию начала 1980-х гг. в изучении Французской революции А. В. Чудинов охарактеризовал в статье с красноречивым названием «Накануне “смены вех”. Советская историография Французской революции в

⁷⁴⁹ Пименова Л. А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 23.

⁷⁵⁰ Лебедева Е. И. К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции (план реформ Ш.-А. де Калонна) // Проблемы новой и новейшей истории: сб. ст. М., 1983. С. 6.

⁷⁵¹ Там же. С. 17–19.

⁷⁵² Там же. С. 19.

⁷⁵³ Манфред А. З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 21.

⁷⁵⁴ Там же. С. 58–59.

⁷⁵⁵ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Падение монархии. 1789–1792. Л., 1982. С. 7, 22.

начале 1980-х гг.»⁷⁵⁶. На основе официальной переписки за 1981–1983 гг. автор раскрыл ситуацию, сложившуюся в связи с предстоящим 200-летием Французской революции, когда возник проект создания фундаментальной монографии. В ней, на основе новейших разработок, советские историки должны были ответить на вызовы идеологических противников⁷⁵⁷. Однако заказ «сверху» выполнить не удалось. Ни готовых взяться за работу квалифицированных кадров, ни новых идей, равно как и достаточной базы источников для советских историков ввиду «ограниченного по ряду причин» доступа в архивы Франции, в начале 1980-х гг. не было⁷⁵⁸.

Не менее востребованными сюжетами для советских историков были английский абсолютизм и революция XVII в. В 1970-х гг. стало популярно системное рассмотрение типов феодализма, генезиса капитализма, форм абсолютизма, специфики буржуазных революций и т. д. Это демонстрировали, например, работы Б. Ф. Поршнева, М. А. Барга, А. Н. Чистозвонова, Е. И. Гутновой.

Примером системного подхода является книга Б. Ф. Поршнева «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.»⁷⁵⁹. Разумеется, мнение Поршнева о Фронде как неудавшейся буржуазной революции было весьма спорно. В свою очередь, системное рассмотрение и синхронизация процессов, происходящих в Европе середины XVII в., представило новые ракурсы видения известных событий, несмотря на отрицание советскими историками популярной в то время на Западе идеи «кризиса XVII века».

«Поистине, 40-е гг. XVII в. были годами испытания на прочность трех западноевропейских абсолютных монархий, – констатирует Б. Ф. Поршнева и объясняет: – Английская – не выдержала состязания и пылала, охваченная пожаром революции, испанская – едва не рассыпалась уже в 1640 г. и почти сошла с круга, но все же уцелела: ее спасла не столько ее сила, сколько неразвитость и бессилие испанский буржуазии. Французская монархия балансировала над пропастью...»⁷⁶⁰ Фронда, по мнению Поршнева, не переросла в полноценную буржуазную революцию по той причине, что перспектива установления республики в Англии заставила французское правительство заключить мир и напугала французскую буржуазию⁷⁶¹.

⁷⁵⁶ Чудинов А. В. Накануне «смены вех». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 112–127.

⁷⁵⁷ Там же. С. 114–117.

⁷⁵⁸ Там же. С. 116–118.

⁷⁵⁹ Поршнева Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. 384 с.

⁷⁶⁰ Там же. С. 65.

⁷⁶¹ Там же. С. 69.

Внимание к Английской революции было тем более актуально, что и в ее изучении оформилось «ревизионистское» направление⁷⁶². Британские историки-«ревизионисты» методологически были во многом солидарны со своими французскими коллегами. Английская революция рассматривалась как конфликт элит, ставился под сомнение ее буржуазный характер и отрицался телеологический подход в ее понимании. Центр тяжести исследований переносился на ментальные структуры, политический дискурс, представления о власти, локальную историю. Например, в «Происхождении гражданской войны в Англии»⁷⁶³ один из лидеров «ревизионистского направления» К. Рассел (1937–2004) считает, что тюдоровская политическая система должна была меняться. Монархия столкнулась с недовольством провинциального дворянства, которое, реализуя распоряжения правительства на местах, было вправе рассчитывать на патронат и благодарность короля. Однако средства, в свое время полученные от секуляризации, у короны иссякли, и последней приходилось обращаться к парламенту. Власть разрывалась, пытаясь разрешить эту дилемму⁷⁶⁴.

Экономический фактор расценивается Расселом как сопутствующий, религиозный – как немаловажный, но не определяющий. Пуритане, считает Рассел, не были столь радикальны, как, например, при Елизавете, и имели связи во властных структурах. Они не были инстинктивными врагами власти, однако страх перед религиозными преследованиями присутствовал. И, считает Рассел, пока религиозные различия существовали в обществе, полагающем, что его долг – в достижении религиозного единства, революция всегда была возможна⁷⁶⁵.

В советской историографии Английская революция, которой открывался период Новой истории, считалась буржуазной и антифеодальной, ее причины оценивались по-иному. Соответственно, описанные выше трактовки отторгались советскими историками⁷⁶⁶. В 1970-х – 1980-х гг. сюжетная канва революции, равно и как оценки английского абсолютизма, радикальных изменений не претерпели, однако тематика работ расширилась.

Так, В. В. Штокмар опубликовала ряд статей о политике Тюдоров и Стюартов в отношении пуритан. Англиканская церковь, по мнению автора, не стала народной. Введенная «сверху», она свелась к установле-

⁷⁶² Кондратьев С. В. Английская революция XVII века: учебник. М., 2010. С. 8–15.

⁷⁶³ The Origins of the English Civil War / Ed. by Conrad Russell. L., 1973. 296 p.

⁷⁶⁴ Ibid. P. 14–16.

⁷⁶⁵ Ibid. P. 18.

⁷⁶⁶ Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1975. С. 69–71.

нию главенства монарха над церковью и разрыву с Римом⁷⁶⁷. Оппозицией официальной церкви стал пуританизм, идеология которого в конечном итоге ставила под сомнение авторитет монархии⁷⁶⁸ и поэтому воспринималась королевской властью как угроза⁷⁶⁹. По этой причине борьба с пуританами стала постоянным элементом политики английской монархии⁷⁷⁰.

Представляется, однако, что наиболее весомой и до сегодняшнего дня интересной работой В. В. Штокмар является вышедшая в 1973 г. «История Англии в средние века»⁷⁷¹. Факторами установления абсолютизма при Тюдорах автор считает потребность имущих классов в сильной власти, необходимость дальнейшей централизации страны, обеспечение внешней экспансии. Все это отвечало интересам английской буржуазии и нового дворянства⁷⁷². Особенности английского абсолютизма были сохранение парламента и теснейший альянс с ним королевской власти, а также подчинение монархией реформированной церкви⁷⁷³.

В 1974 г. была защищена кандидатская диссертация Ю. Е. Ивонина, посвященная реформации Генриха VIII⁷⁷⁴. Абсолютизм Тюдоров характеризовался автором как диктатура класса феодалов, при которой учитывались интересы нового дворянства и буржуазии⁷⁷⁵. Проведение реформации в Англии укрепляло власть короля и объективно способствовало буржуазному развитию⁷⁷⁶. Вместе с тем, стремление короны сдерживать рост протестантизма, одновременно проводя секуляризацию и стараясь сохранить связь с папством, было, по мнению автора, утопично⁷⁷⁷. Реформация Генриха VIII, отмечает Ю. Е. Ивонин в одной из последующих работ, была умеренной и незавершенной. Это было проявлением желания короны создать

⁷⁶⁷ Штокмар В. В. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества: межвуз. науч. сб. Вып. 1. Л., 1974. С. 125.

⁷⁶⁸ Там же. С. 134.

⁷⁶⁹ Она же. Особенности пуританского движения конца XVI – первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры ... Вып. 3. Л., 1980. С. 93.

⁷⁷⁰ Она же. Пуритане и церковная политика английской абсолютной монархии в конце XVI – начале XVII в. // Там же. Вып. 2. Л., 1973. С. 42.

⁷⁷¹ Она же. История Англии в средние века: учеб. пособие. Л., 1973. 179, [5]с.

⁷⁷² Там же. С. 154.

⁷⁷³ Там же. С. 161–162.

⁷⁷⁴ Ивонин Ю. Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 23 с.

⁷⁷⁵ Там же. С. 4.

⁷⁷⁶ Там же. С. 16.

⁷⁷⁷ Там же. С. 4.

равновесие социальных сил в стране, причем монархия ориентировалась на новое дворянство и буржуазию⁷⁷⁸.

Ряд статей Ю. Е. Ивонина раскрывали взаимосвязь внутренней политики европейских монархий и их внешнеполитической деятельности. Сюжетами данных публикаций были Реформация в Германии и политика Англии и Франции⁷⁷⁹, восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия⁷⁸⁰, внутренняя политика Англии и мир в Като-Камбрези⁷⁸¹.

Настоящий подъем в первой половине 1980-х гг. наблюдался в изучении английского абсолютизма. Это рассмотрение его аграрных мероприятий⁷⁸², торговой политики⁷⁸³, идеологического обоснования реформации⁷⁸⁴, нарастания политического напряжения к концу правления Елизаветы I⁷⁸⁵. Заметным явлением был выход сборника «Англия в эпоху абсолютизма»⁷⁸⁶, на обложке которого была приведена известная цитата К. Маркса из «Морализирующей критики и критицизирующей морали» об абсолютизме как государстве переходного периода⁷⁸⁷.

Особенности итальянского абсолютизма получили отражение в публикациях А. Д. Роловой и В. И. Рутенбурга. В 1974 г. А. Д. Роловой была защищена докторская диссертация, посвященная развитию Флоренции во второй половине XVI – начале XVII в.⁷⁸⁸. Предметом рассмотрения автора стала, в частности, экономическая политика тосканских герцогов, которая по сути не отличалась от аналогичных мероприятий абсолютизма. Специфика деятельности флорентийских правителей была обусловлена огромной ролью Флоренции как торгового центра. Именно внешняя торговля давала государству наибольшую прибыль, и, соответственно, правители Тосканы пре-

⁷⁷⁸ Ивонин Ю. Е. О характере реформации Генриха VIII // Проблемы социальной структуры ... Вып. 3. С. 88–89.

⁷⁷⁹ Он же. О влиянии крестьянской войны и Реформации в Германии на политику монархий Англии и Франции // Античная древность и средние века. Вып. 13. Свердловск, 1976. С. 132–140.

⁷⁸⁰ Он же. Восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977. С. 106–115.

⁷⁸¹ Он же. Англия и мир в Като-Камбрези // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии: межвуз. сб. Горький, 1980. С. 17–32.

⁷⁸² Митрофанов В. П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – начало XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.

⁷⁸³ Принцева Т. А. Торговая политика английской абсолютной монархии в первой трети XVI века (вопрос о торговле по лицензиям): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 17 с.

⁷⁸⁴ Сапрыкин Ю. М. Абсолютистские идеи англиканской реформации в XVI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1985. № 1. С. 79–90.

⁷⁸⁵ Дмитриева О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 22 с.

⁷⁸⁶ Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники) / под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984. 200 с.

⁷⁸⁷ Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 306.

⁷⁸⁸ Ролова, А. Д. Флоренция и проблема экономического упадка Италии (вторая половина XVI – начало XVII в.): автореф. дис. д-ра ист. наук. Л., 1974. 43 с.

доставляли купцам, предпринимателям и финансистам режим наибольшего благоприятствования. Сами флорентийские герцоги активно участвовали в торгово-финансовой деятельности, что позволяло обеспечивать расходы государства⁷⁸⁹. Более того, наличие средств содействовало предотвращению классовых потрясений во Флоренции⁷⁹⁰. Для этого герцоги не только практиковали социальное лавирование, но и оказывали материальную поддержку населению в виде празднеств, благотворительности и т. д.⁷⁹¹

Различные аспекты итальянского абсолютизма находили отражение и в работах одного из ведущих исследователей Италии В. И. Рутенбурга. Классический абсолютизм, отмечал Рутенбург, складывался на основе централизованных государств. Итальянский же образовывается на базе сеньорий, выросших из городских коммун. При этом городские республики постепенно превращались в олигархии, а затем переходили к единовластию, формы установления которого могли варьироваться. Итальянская сеньория отличалась от централизованных монархий небольшим размером. Тем не менее она была все же государством с развитой торгово-промышленной деятельностью и сильными пережитками республиканско-демократического строя⁷⁹².

Переход от сеньории к регионально-абсолютистскому правлению в форме герцогств, маркизатов и т. п. сопровождался уже в XVI в., а затем и в XVII–XVIII вв. централизаторской деятельностью правителей. При этом ослаблялась роль местных учреждений и корпоративных хозяйственных институтов, церковь и ее структуры становились орудиями в руках правящих домов. Правитель превращался из главы феодальной иерархии в воплощение власти, что находило отражение в формуле «наш Синьор и его любимейшие подданные»⁷⁹³.

Классическим образцом регионального итальянского абсолютизма выступает тосканский⁷⁹⁴. В. И. Рутенбург обращает внимание также на схожесть процессов формирования регионального абсолютизма в Италии и Германии⁷⁹⁵. Однако, отмечает он, в Германии, в отличие от Италии, произошло свертывание мануфактурной промышленности и ослабление буржуазии⁷⁹⁶.

⁷⁸⁹ Ролова А. Д. Флоренция и проблема экономического упадка Италии... С. 23–24.

⁷⁹⁰ Там же. С. 24.

⁷⁹¹ Она же. Политика Тосканского правительства в отношении народных масс (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Средние века: сб. Вып. 37. М., 1973. С. 174–195.

⁷⁹² Рутенбург В. И. Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века: экономика, политика, культура: сб. ст. к 80-летию акад. С. Д. Сказкина. М., 1972. С. 225–226.

⁷⁹³ Он же. Истоки Рисорджименто в Италии в XVII–XVIII веках. Л., 1980. С. 123.

⁷⁹⁴ Он же. Теория и практика итальянского абсолютизма. С. 228.

⁷⁹⁵ Там же. С. 229.

⁷⁹⁶ Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени (очерки). М. 1974. С. 109–110.

Абсолютизм в других европейских государствах не получил в данный период столь развернутого рассмотрения. Однако соответствующие сюжеты в истории скандинавских стран содержатся в работах таких крупнейших историков-скандинавистов, как А. С. Кан и М. А. Коган.

Вопросы, касающиеся шведского абсолютизма, в рассматриваемый период были либо включены в смежную проблематику, либо становились частью обобщающих работ. Примером первого является статья А. С. Кана «Швеция 1809–1810 гг.: государственный переворот или буржуазная революция», где вопрос об абсолютизме поставлен в самом общем плане, а именно так, что периоды шведского абсолютизма перемежались с установлением конституционной монархии⁷⁹⁷.

Более подробный нарративный материал, описывающий становление, развитие и специфику шведского абсолютизма, изложен группой авторов (И. П. Шаскольский, А. С. Кан и др.) в «Истории Швеции». В формировании шведского абсолютизма важнейшую роль сыграли разрыв Кальмарской унии, приход к власти Густава Вазы (1523–1560), проведение им реформации и установление наследственной монархии в 1544 г.⁷⁹⁸ Специфика шведской монархии была в рассредоточении власти между королем, риксродом (королевским советом) и риксдагом (собранием сословий). Это была так называемая смешанная монархия («monarchia mixta»).⁷⁹⁹ Соответственно, шведский вариант абсолютизма был отмечен соперничеством сословий, аристократии и монархии. В конечном итоге это завершилось победой королевской власти, что, в сочетании с интенсивным экономическим развитием, стимулируемым правительством, обусловило выход Швеции в ряд великих держав⁸⁰⁰.

Просвещенный абсолютизм в Дании был рассмотрен в вышедшей в 1972 г. (первым изданием в 1967 г.) работе М. А. Когана⁸⁰¹ и стал предметом его докторской диссертации⁸⁰². Реформы просвещенного абсолютизма, или «легального деспотизма», были, по мнению автора, «объективно буржуазными преобразованиями, проводившимися дворянскими режимами»⁸⁰³. Они носили на себе печать незавершенности и компромиссов. Законодатели, вдохновленные идеями французского Просвещения, не посягали на основы феодального землевладения и власть дворянства. Однако, если

⁷⁹⁷ Кан А. С. Швеция 1809–1810 гг.: государственный переворот или буржуазная революция // Новая и новейшая история. 1973. № 1. С. 63–81.

⁷⁹⁸ Он же. Швеция 1809–1810 гг. ... С. 149–163.

⁷⁹⁹ Там же. С. 196.

⁸⁰⁰ Кан А. С., Некрасов Г. А., Пийримяз Кан Х. А. История Швеции. М., 1974. С. 206–237.

⁸⁰¹ Коган М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струензе: лекция. Л., 1972. 52 с.

⁸⁰² Он же. Просвещенный абсолютизм в Дании 70-х гг. XVIII в. (Реформы Струензе) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1972. 30 с.

⁸⁰³ Там же. С. 3.

реформатор становился опасным правящей знати, а его деятельность перерастала рамки феодального строя, судьба самых энергичных и гуманных министров была сходной⁸⁰⁴.

М. А. Коган, разумеется, не мог избежать широких обобщений о «перерастании рамок феодального строя», как того требовал дискурс советской историографии. Свержение и казнь И. Ф. Струензе были результатом действия более конкретных факторов, в том числе личностного характера. Тем не менее А. М. Коган совершенно прав, признавая реформы просвещенного абсолютизма «выдающимся историческим явлением»⁸⁰⁵. Смягчение или отмена наиболее архаичных форм эксплуатации крестьянства, равенство всех перед законом, веротерпимость, отмена цехов, аннулирование ряда сословных привилегий, преобразование суда, отмена пытки, относительная свобода печати, антиклерикализм – все эти акты носили объективно буржуазный характер⁸⁰⁶.

Политика просвещенного абсолютизма в Испании получила отражение в кандидатской диссертации О. В. Волосюк⁸⁰⁷. Крупнейшей фигурой испанского Просвещения и идеологом реформ просвещенного абсолютизма был Г. М. де Ховельянос. Реформы, проводившиеся в правление Карла III (1759–1788), по мнению автора, объективно имели прогрессивный характер, поскольку способствовали ограничению феодальных структур и преодолению отсталости страны. Однако, решая отдельные задачи, реформаторская политика не затрагивала феодальной системы в целом⁸⁰⁸.

Таким образом, в изучении западноевропейского абсолютизма к середине 1980-х гг. произошли определенные качественные изменения. Во-первых, расширилось проблемное поле. Во-вторых, западноевропейский абсолютизм стал рассматриваться системно, в историко-сравнительном ракурсе. Об этом свидетельствует, например, обсуждение доклада А. Н. Чистозвонова «Некоторые проблемы генезиса и типизации западноевропейского абсолютизма» в мае 1981 г. Вопросы к докладчику, касающиеся различных региональных вариантов абсолютизма, выявления его классовой основы, соотнесения понятий «генезис» и «типизация» и т. д. свидетельствуют о значительном интересе к предложенному А. Н. Чистозвоновым ракурсу исследования⁸⁰⁹. В ноябре 1983 г., при обсуждении сборника «Ме-

⁸⁰⁴ Коган М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании 70-х гг. XVIII в. ... С. 3–4.

⁸⁰⁵ Там же. С. 5.

⁸⁰⁶ Там же.

⁸⁰⁷ Волосюк О. В. Г. М. де Ховельянос и политика просвещенного абсолютизма в Испании во второй половине XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 25 с.

⁸⁰⁸ Там же. С. 10.

⁸⁰⁹ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 369. Протоколы заседания сектора средних веков за 1981 г. Л. 42–43.

тодологические проблемы генезиса капитализма» Е. В. Гутнова обратила внимание на необходимость публикации материала об абсолютизме, приводя как аргумент комплексность его рассмотрения и значительный историографический анализ⁸¹⁰.

В начале 1985 г. вышла публикация «Абсолютизм в странах Западной Европы и России (опыт сравнительного изучения)»⁸¹¹, представлявшая собой доклад, прочитанный Е. В. Гутновой на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте 18 августа – 2 сентября 1985 г.⁸¹²

Эту публикацию можно назвать рубежной и связующей различные методологические подходы. С одной стороны, в ней приведены цитаты из классиков марксизма, подчеркнута роль классовой борьбы, принимается, с некоторыми оговорками, идея «равновесия»⁸¹³. Вместе с тем, в работе присутствует, наряду с достаточно толерантным отношением к западноевропейской историографии, ряд новых черт⁸¹⁴.

Это отсутствие отвлеченных теоретических выкладок, признание того, что монарх при абсолютизме не был полностью свободен в своих решениях, указание на специфику абсолютизма в конкретных странах⁸¹⁵ и т. д. Предложенное в статье определение абсолютизма актуально и сейчас. Вряд ли можно что-либо возразить против понимания абсолютизма как комплексной социально-политической системы, «которая представляла собой последнюю наиболее централизованную форму феодального государства и возникла в условиях зарождения капиталистических отношений, так или иначе затрагивавших все страны Европы»⁸¹⁶.

Советская историография эпохи «развитого социализма», таким образом, внесла в разработку проблем абсолютизма новые черты. Будучи временем устоявшегося методологического канона, этот период отмечен расширением проблемного поля исследований абсолютизма и применением в его изучении сравнительно-исторического подхода. Диалог с зарубежными коллегами носил ограниченный и преимущественно критический характер, т. к., даже признавая обоснованность некоторых выводов западной

⁸¹⁰ АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 430. Протоколы заседания сектора средних веков. Л. 37–38.

⁸¹¹ Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42–58.

⁸¹² Гутнова Е. В., Котельникова Л. А., Чиколини Л. С. Проблемы истории средних веков на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте // Средние века. Вып. 50. М., 1987. С. 47.

⁸¹³ Там же. С. 43–47.

⁸¹⁴ Ляхович Л. В. Российская историография французского абсолютизма рубежа 1980-х – 90-х гг.: опыт дискурсивного анализа // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9. Мінск, 2014. С. 182.

⁸¹⁵ Гутнова Е. В., Котельникова Л. А., Чиколини Л. С. Проблемы истории средних веков ... С. 44.

⁸¹⁶ Там же. С. 43.

историографии, советские историки не могли поставить под вопрос построения концепции «равновесия».

Интерпретация абсолютизма основывалась на социологической модели, генезис абсолютизма связывался в первую очередь с формированием капиталистического уклада. Тем не менее, советские историки не могли игнорировать правовую и идеологическую составляющие абсолютизма – их роль была слишком очевидна.

Отношение советских историков к абсолютизму было построено в соответствии с традиционными еще со времен либеральной историографии установками. На этапе централизации и экономического укрепления страны абсолютизм закономерен и терпим, как «необходимое зло», затем абсолютизм превращается в регрессивную силу, которой «предъявляется счет» за экономический и социальный консерватизм.

С середины 1960-х гг. социологическая модель абсолютизма, построенная на основе трактовок классиков марксизма, постепенно исчерпывала себя, особенно применительно к российскому абсолютизму. Дискуссия 1968–1972 гг. модифицировала ее и дала ресурс на последующее десятилетие, главным образом в рассмотрении российского абсолютизма. В трактовках же западноевропейской абсолютистской позиции «равновесия» были практически непоколебимы. С одной стороны, авторитет классиков марксизма подкреплялся тем, что они описывали западноевропейский исторический процесс, с другой – свободно пользоваться зарубежными архивами советские исследователи стран Западной Европы не имели возможности.

Период «оттепели», несмотря на его краткость и умеренность, не мог не отразиться на качестве исследований. Историки стали свободнее интерпретировать классиков марксизма. Это давало не только методологический маневр, но и новые идеи и тематику, что было немаловажно, пусть и в условиях директивной методологии. Признание значимости источника в противовес схеме способствовало созданию работ на качественной фактологической базе. Перечисленные изменения демонстрируют тенденцию некоторого смягчения и расширения методологических и идеологических рамок, очерченных еще в 1930-х гг., однако об их пересмотре до второй половины 1980-х гг. речи не шло.

Глава 6. Интерпретация абсолютизма советскими историками в период перестройки (вторая половина 1980-х гг.)

6.1. Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. и изучение российской монархии и ее институтов советскими историками

В апреле 1985 г. руководство Советского Союза во главе с М. С. Горбачевым взяло курс на ускорение социально-экономического развития страны. Состоявшийся в феврале – марте 1986 г. XXVII съезд КПСС провозгласил задачу «совершенствования социализма». В январе 1987 г. была поставлена цель коренной перестройки во всех сферах экономической и политической жизни СССР. Идеи построения «социализма с человеческим лицом», «нового мышления», политика демократизации и гласности, смягчение цензуры радикально изменили атмосферу в стране. Происходящее непосредственным образом повлияло на историческую науку. События отечественной и всемирной истории, исследовательские приоритеты, отношение к западной историографии и дореволюционному научному наследию, критерии истинности и ценности исторических знаний – эти и ряд других проблем стали предметом переоценки и дискуссий. Советская историография вошла в этап выявления и ликвидации «белых пятен» и переосмысления всего, достигнутого с 1917 г.

Перечисленные процессы вызревали достаточно давно. На протяжении 1970–1980-х гг., при установившейся конвенциональности в исторической науке, продолжалась экстенсивная разработка ее проблемного поля, в том числе и в изучении абсолютизма. Прошедшая еще в 1968–1972 гг. дискуссия продемонстрировала узость существующих методологических рамок. Их пересмотр тем не менее не представлялся возможным. Даже осторожное переосмысление существовавших установок в рамках официально разрешенного «творческого развития марксизма-ленинизма», наталкивалось на противодействие идеологов от науки и держалось под контролем.

Партийное руководство понимало, что альтернативная интерпретация марксизма может привести к изменениям формационной схемы. Это повлечет за собой возможность построения новой модели исторического знания и изменений в идеологии. Между тем, вопрос о том, насколько удастся направить эти процессы в желательное русло и сохранить ситуацию под

контролем, как в 1930-х гг., представлялся весьма проблематичным. Итоги «оттепели» не прошли бесследно, значительно вырос образовательный уровень советских людей, подготовка и количество историков. Нужно ли было советскому руководству, в условиях торможения социально-экономического развития и гонки вооружений, начинать масштабную научную и общественную полемику? Идеологические приоритеты растворили в себе назревшие потребности советской исторической науки, которая, и в начале 1980-х, продолжала придерживаться выработанных еще в 1930-х – 1940-х гг. канонов. В то время как западная историческая мысль развивалась, советская историография в лучшем случае селективно заимствовала из нее некоторые методы.

Однако, начиная с 1987 г., идеологическая ситуация в стране резко изменилась. Телепрограммы «Взгляд», «Прожектор перестройки», «600 секунд» собирали многомиллионные аудитории, как и журналы «Огонек», «Новый мир», «Знамя», газеты «Московский новости», «Комсомольская правда» и особенно «Аргументы и факты». Настоящий бум переживал книжный рынок, на который вышли не только не публиковавшиеся ранее литературные произведения, но и переиздания дореволюционных работ по истории и философии, мемуары и дневники политиков, деятелей культуры, современников знаковых событий дореволюционного и советского прошлого. Наблюдался подъем исторической публицистики, резко возросли тиражи журналов «Вопросы истории» и «История СССР». Огромное значение для развития исторической науки приобрела деятельность по рассекретиванию архивов. Конференции, обсуждения, дискуссии, круглые столы, прямые трансляции вовлекали в осмысление проблем настоящего и прошлого многомиллионную аудиторию.

Настоящий взрыв интереса к истории (прежде всего российской и советской) был, прежде всего, реакцией общества, десятилетия жившего в условиях жесткого дискурса официальной исторической науки, проблемное поле которой было заполнено преимущественно социально-экономической тематикой и рассмотрением классово-борьбы. Несмотря на появление в 1970-х гг. книг, посвященных государственным институтам дореволюционной России, ее внешней и внутренней политике, а также включение в некоторые работы характеристик государственных деятелей, потребность читателя в качественном историческом нарративе не удовлетворялась. История СССР советского периода, предельно идеологизированная и обезличенная, была малоинтересна для читающей аудитории. В итоге появление даже минимума альтернативной информации воспринималось как нечто, невиданное ранее и активно обсуждалось.

В сложившейся ситуации партийное руководство предложило новые ориентиры для советских историков. Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», прочитанный 2 ноября 1987 г. и посвященный 70-летию Октябрьской революции, стал ответом партийной власти на общественный запрос. С одной стороны, доклад был свидетельством некоторой эволюции официальной идеологии, с другой – демонстрировал границы, которые не могли быть ею нарушены. В условиях существования однопартийной системы и соответствующих установок радикально изменять идеологические ориентиры было небезопасно. Уместен вопрос и о том, какими альтернативными теориями общественного развития и интерпретациями истории располагало руководство КПСС. В итоге представленная в докладе трактовка прошлого и настоящего советского общества сводилась к уже существовавшим идеологическим построениям, подкорректированным новыми акцентами.

Октябрьская революция провозглашалась, как и ранее, величайшим событием мировой истории. Объявлялось, что для советских людей нет «выше чести, чем идти путем первопроходцев, отдавая все силы, энергию, знания, способности во имя торжества идей и целей Октября»¹. Юбилей революции представлялся не только «моментом гордости» и «моментом памяти», но и «моментом размышления» о том, «как непросто и неоднозначно порой складывались наши дела и судьбы»².

Драматизм довоенной эпохи объяснялся отсутствием «по-ленински внимательного отношения к крестьянству», принятием «ошибочной теории обострения классово-борьбы», что обернулось «настоящими преступлениями на фоне злоупотребления властью». «Такова, товарищи, горькая правда, – подчеркивалось в докладе. – И мы должны прямо сказать об этом. Это необходимо для окончательного и бесповоротного утверждения ленинского идеала социализма»³. Реформирование середины 1980-х гг. обосновывалось ставшим нестерпимым «растущим расхождением между высокими принципами социализма и повседневной реальностью»⁴.

Из доклада было очевидно, что кардинального идеологического поворота пока не предусматривалось. В качестве коррективов прежних установок был предложен, например, тезис о том, что несмотря на противоречивость современного мира, он все же представляет собой «определенную целостность», и поэтому необходима ориентация на «новое мышление

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 19–21.

⁴ Там же. С. 29.

с его общечеловеческими критериями»⁵. Что же касается осмысления отечественной истории, то руководствоваться надлежало такими словами: «История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызвала – это наша история, она дорога нам»⁶.

8 января 1988 г. состоялся круглый стол, посвященный исторической науке в условиях перестройки. Его содержание было отражено в обширной публикации «Вопросов истории», демонстрирующей всю сложность идеологически переходной ситуации.

Было очевидно, что какой-либо определенной концепции исторического развития, призванной прийти на смену прежним установкам, советская историческая наука не имела. Академик М. П. Ким выразился об этом в категориях еще довоенного дискурса: «К сожалению, историки не могут еще сказать, что ими продумана и осуществляется концепция перестройки на историческом фронте»⁷. Главный редактор «Вопросов истории» А. А. Искендеров констатировал, что «не удалось выработать четкой, хорошо продуманной охватывающей все звенья сложного научно-исследовательского механизма целостной концепции перестройки в области исторической науки»⁸.

Нужно отметить, что во второй половине XX в. это сделать вряд ли было возможно в принципе. Историографией Запада был уже пройден этап поиска универсальной методологии, в результате чего было уяснено: таковой не существует, историческое знание относительно, возможно его многовариантное конструирование. Советские же историки оперировали совершенно другими категориями, стараясь вновь найти единственный универсальный и всеобъемлющий подход для создания полной и объективной картины прошлого. Кроме того, для создания новой парадигмы исторического знания требовался огромный интеллектуальный ресурс с последними достижениями мировой исторической мысли. Имелось ли это в СССР, где историография целиком находилась в поле марксизма официального образца? Более того, А. А. Искендеров подчеркнул это обстоятельство: «Не забываем ли мы подчас, что историческая наука никогда не была и не является нейтральной. Она всегда была и остается наукой партийной... Поэтому нельзя допустить размывания идеологических и политических основ, на которых всегда стояла и стоит советская историческая наука».

Многими присутствующими отмечалось падение престижа трудов профессиональных историков на фоне необычайного общественного интереса

⁵ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка ... С. 44, 46.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 7.

⁸ Там же. С. 5.

к истории. А. А. Искендеров указал, что среди части населения представления о многих вопросах истории складываются не из работ историков-профессионалов, а «под воздействием далеко не бесспорных версий, оценок и идей, носителями которых являются создатели некоторых литературно-художественных произведений, кинофильмов, а также авторы статей и материалов, в большом количестве публикуемых сегодня средствами массовой информации»⁹.

Многие из выступавших критиковали романы В. Пикуля. И. В. Старцев, заведующий кафедрой истории СССР Ленинградского педагогического института им. Герцена, рассказал о произошедшем с ним случае во время выступления в Мурманском Доме политпросвещения: «Один пропагандист меня спросил: а вы знаете Анисимова (впоследствии одного из крупнейших исследователей истории России XVIII в. – Л. Л.)? Я говорю, знаю, даже в аспирантуру его принимал. – Лучше бы вы этого не делали. – Почему? – А как же, он против Пикуля выступает?! Он же Пикуля разоблачает. Разве это можно делать? Если бы, говорит он, не Пикуль, кто бы читал вашу историю, кто бы ею интересовался? Вы обязаны ему тем, что народ стал интересоваться историей»¹⁰.

Академик Ю. А. Поляков, специалист в области новейшей истории, указал на медленную реакцию научного сообщества на происходящие в историографии процессы и необходимость оперативного реагирования, в первую очередь со стороны таких изданий, как «Вопросы истории». «По меньшей мере, два обстоятельства диктуют эту необходимость, – разъяснил он. – Когда историей стали заниматься многие дилетанты, порой очень активно пропагандирующие далекие от науки, но броские, внешне привлекательные взгляды, важно с такой же оперативностью проводить и отставивать научно обоснованные теории. Во-вторых, сейчас отпадают, теряют научную ценность целые тематические массивы, появляется новая проблематика, открываются новые научные направления, по-новому ставятся исследовательские задачи. В этих условиях жизненно необходимо не только освещать то новое, что провозглашается с академических кафедр или дискуссионных трибун, но и организовывать, сплачивать ученых, способных творчески развивать марксистско-ленинскую науку»¹¹.

Причины кризисного состояния советской историографии раскрывались многими выступавшими. «В “застойные” годы, – отметил А. А. Искендеров, – из-под пера историков выходило немало откровенно слабых, серых работ, в которых замалчивалась, а нередко и искажалась историческая

⁹ «Круглый стол»: историческая наука ... С. 4.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Там же. С. 12–13.

правда. В них отсутствовала оригинальность мысли и концепции, вместо глубокого анализа малоизученных проблем читателю навязывались готовые социологические схемы, в которые не укладывалось подлинное содержание исторических процессов во всей их громадной разносторонности и противоречивости. Все это порождало догматизм и консерватизм исторического мышления, вело к появлению «белых пятен» в истории, обедняло ее, делая безлюдной, малосодержательной и неинтересной»¹². Доктор исторических наук, декан исторического факультета ЛГУ И. Я. Фроянов выразился несколько патетически: «Современные историки оказались в большом долгу перед народом. Я бы даже сказал острее: конъюнктурным подходом, нарушением исторической правды, угодничеством мы подорвали некогда высокий престиж отечественной исторической науки. Настало время восстановить его...»¹³ Одним из принципиальных недостатков изучения России феодальной эпохи Фроянов считал сложившуюся еще в 30-х гг. порочную установку «подтягивания» российской истории к истории стран Западной Европы: «Можно подумать, что история народов – это состязание бегунов, которые начинают бег одновременно и от одной стартовой черты. Нелепость подобной установки очевидна... Она растворила своеобразие русской истории»¹⁴.

Доктор исторических наук Н. И. Павленко коренную причину застоя в советской исторической науке видел в догматизме, заложенном еще «Кратким курсом». На злоупотреблении цитатами, отмечал Павленко, зиждется целое направление в исторической науке. Десятки, а может и сотни работ «кормятся» на каком-нибудь одном высказывании Ленина о феодальном периоде – о капиталистах-купцах, о буржуазных связях. Однако фактов, подтверждающих эти тезисы, нет. Кому принадлежит эта концепция? «Должен сказать, – предупредил Павленко, – что я отношусь с уважением к ее творцам, потому что это были настоящие ученые. Я имею в виду Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Пичету, Ю. В. Готье. Но они создавали эту концепцию на базе “Краткого курса”, в условиях конца 30-х годов. То, что они выдвинули, с небольшими модификациями, фактически существует и поныне»¹⁵. В. Д. Назаров, специалист по истории феодальной России, выразился следующим образом: «У нас давно нарушены верные пропорции между наукой как таковой, сферой научной популяризации и областью художественного отображения истории. Феномен исторических романов В. Пикуля объясняется, в частности, нашим небрежением к политической

¹² «Круглый стол»: историческая наука ... С. 4.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 19–20.

истории, к личностным аспектам исторического развития, к качественно поставленной популяризации исторических знаний»¹⁶.

Каким виделся выход из сложившейся ситуации? «Первое, – указывал А. А. Искендеров, – это проблема человека, или человеческого фактора в истории. Как это ни покажется странным, но в трудах по истории, в том числе и особенно по истории советского периода, хуже и бледнее всего описывались люди, народ – решающая сила истории»¹⁷. Ю. А. Поляков считал, что необходимо отвыкнуть от единственности точки зрения на события, деятелей прошлого и привыкнуть к наличию разных взглядов и подходов, так как история многомерна¹⁸. С позиции И. Я. Фроянова, требуют изучения историческая демография, историческая психология, историческая социология, положение женщин и детей, эволюция семьи и т. д. – то есть проблемы человека в истории»¹⁹.

Таким образом, «круглый стол» начала 1988 г. показал, что у советских историков нет альтернативной парадигмы исторического знания. Однако было очевидно желание актуализировать, трансформировать, переосмыслить то, что уже сделано, скорректировать существующие установки. Более того, были указаны направления работы, которые, не требуя концептуальной ломки, разнообразили проблемное поле, смягчали классовый подход, вносили новые оттенки в уже разрабатываемую тематику.

Указанные изменения имели прямое отношение к концепту абсолютизма. В том же 1988 г. вышла статья кандидата исторических наук, исследователя России первой четверти XVIII в. А. Н. Медушевского и будущего специалиста по российской эмиграции И. В. Сабенниковой «Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX в.»²⁰.

Констатируя, что современная историческая наука при рассмотрении абсолютизма исходит, прежде всего, из его социальной природы, авторы указывали на главную трудность данного подхода. Она заключалась в сложности установления тех «устойчивых социальных образований», которые определяли «направление развития политической системы»²¹. Социальная сущность российского абсолютизма, указывалось в статье, гораздо сложнее, чем представлялось ранее, она не может механически выводиться из расстановки классовых сил в ту или иную эпоху. Тот факт, что российский абсолютизм просуществовал столь длительное время, свидетельствует, по

¹⁶ «Круглый стол»: историческая наука ... С. 49.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Медушевский А. Н. Сабенникова И. В. Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX в. // Преподавание истории в школе. 1988. № 5. С. 30–36.

²¹ Там же. С. 35.

крайней мере, об устойчивости его социальной и идеологической программы и о неправомерности ее однозначной трактовки²².

Показательным симптомом, свидетельствующим об изменении отношения к проблеме абсолютизма, стала защита в 1989 г. в ЛГУ кандидатской диссертации венгерской исследовательницей Магдолной Агоштон «Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII века в советской исторической науке»²³.

Дефиниция диссертантом термина «абсолютизм», однако, оставляла желать лучшего, так как в ней были смешаны этапы развития государства и общественный строй: «Выражение “абсолютизм” в современной науке используется, как правило, для обозначения определенного этапа в развитии феодализма»²⁴. В качестве синонимов понятия «абсолютизм» предлагались «абсолютная монархия», «абсолютная власть», «единоличная власть», что в принципе было корректно и отражало как существовавший тогда, так и сохранившийся до наших дней консенсус в терминологии. Утверждение о том, что «в широком значении понятие “абсолютизм” используется для обозначения формы управления государством, основанной на неограниченной власти царя»²⁵, также было в общем приемлемым.

Гораздо больший интерес вызывало расширительное толкование понятия «абсолютизм» и утверждение, что абсолютная власть не связана только с монархической системой. Например, обладателями абсолютной власти в XX в. были Франко и Мао Цзэдун, обращалось внимание на Сталина и культ личности²⁶. Подобные исторические параллели и оценки были немыслимы еще несколькими годами ранее.

Определяющими чертами советской историографии российского абсолютизма М. Агоштон назвала традиционно большое внимание к социально-экономической стороне, классовой борьбе, процессам централизации. При этом практически не исследовался социально-психологический аспект абсолютизма, роль монархов и т. д.²⁷ Примечательным было ранжирование актуальных направлений изучения абсолютизма, в котором отражалось изменение исследовательских приоритетов. На первое место было поставлено изучение юридических форм, процессов централизации, анализ законодательства, политики и идеологической сферы общества. На втором находилась разработка социально-психологического элемента абсолютной

²² Медушевский А. Н., Сабенникова И. В. Новое в исследованиях по истории ... С. 35.

²³ Агоштон М. Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII века в советской исторической науке: дис... канд. ист. наук. Л., 1989. 219 с.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 159.

монархии с перенесением центра внимания на человека. Наконец, третье место занял социологический подход. Он предусматривал построение социологической модели абсолютизма, что выражалось в изучении структуры общества, сословного деления, положения различных слоев и т. д.²⁸

Новым явлением в изучении государственных институтов дореволюционной России стало появление работ, анализирующих их рассмотрение в зарубежной историографии. Журнал «История СССР» в 1988 г. опубликовал статью А. Н. Медушевского «Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы)»²⁹. Это свидетельствовало не только об изменении дискурса советской исторической науки, но и указывало направление, в котором предстояло двигаться российским исследователям государственных институтов абсолютизма в последующие десятилетия.

Статья начиналась констатацией того, что в изучении проблем российской государственности эпохи абсолютизма на Западе «важнейшее место принадлежит государственно-правовому подходу к истории, разрабатывавшемуся еще государственной школой в русской историографии»³⁰.

Медушевский переосмысливает заслуги дореволюционных историков, указывая, однако, что раскрытие истории российского государства «велось с идеалистических позиций, государству отводилась решающая роль в формировании социальных отношений, отчего оно приобретало самодевлеющий характер, превращаясь в надклассовую силу»³¹. В современной русистике, отмечал Медушевский, прослеживается определенная преемственность данного подхода. В подтверждение автор приводит слова американского экономиста и историка А. Гершенкрона о том, что российское государство «не было ни государством дворянства, ни государством буржуазии; это было государственное государство, преследующее интересы государства»³². Наряду с установками государственной школы, в немарксистской русистике применяется метод М. Вебера, дополненный социологическими построениями П. Сорокина, Т. Парсонса и др. Таким образом, делается акцент на изучении социальной стратификации, социологии власти, структуре и динамике социальных и государственных институтов. При этом объектом изучения становятся элиты – социальные слои, непосредственно осуществляющие функции власти и управления. Важной составляющей в изучении элит является просопография, или метод коллектив-

²⁸ Агоштон М. Указ. соч. С. 3.

²⁹ Медушевский А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии: обзор лит. // История СССР. 1988. № 3. С. 195–206.

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ Там же. С. 195.

³² Там же. С. 195.

ной биографии. Это многоплановое изучение личного состава какого-либо учреждения или слоя общества за определенное время. Информацию, полученную из всех источников, группируют по критериям (чин, образование, экономическое положение и др.), а затем обрабатывают на ЭВМ для установления связи между этими показателями³³. Применительно к России данный подход дополняется идеей «закрепощения сословий»³⁴.

Иллюстрируя данные подходы, Медушевский приводит выводы американского исследователя Р. Крамми. В России высокий статус значил больше, нежели контроль над ресурсами, причем высокий чин, экономический статус и политическая власть были взаимодополняемыми. Рассматривая Боярскую думу XVII в., Крамми выделял в ней две «элиты» – традиционную группу знати и бюрократию. Соответственно, классовые и общественные противоречия «бунташного века» рассматривались как конфликт элит³⁵. Исследуя состав и пути формирования правящей элиты при Петре I, Крамми, применяя просопографический метод, выявляет такие источники ее комплектования, как фаворитизм, служебная пригодность, опыт, то и другое вместе³⁶.

Утверждение абсолютизма, отмечает Медушевский, большинство западных историков относят к эпохе Петровских реформ. При этом основное внимание уделяется перестройке государственного аппарата, бюрократизации и централизации управления, формированию армии и т. д.

Особое внимание в статье уделялось концепции М. Раева (1923–2008), взгляды которого на российский абсолютизм, по мнению Медушевского, «пожалуй, наиболее представительны для современной немарксистской историографии»³⁷. По Раеву, государственная власть в России не только была «дирижером» во всех сферах общественной жизни, но и «атомизировала» население, не позволив сложиться развитым сословным структурам³⁸.

Просвещенный абсолютизм Екатерины II, в трактовках западных историков, предстает как политика прогрессивных преобразований, столкнувшаяся с консерватизмом дворянства, и в этом, как считает американский исследователь П. Дьюкс, была «трагедия просвещенного абсолютизма в России»³⁹.

Подводя итог, А. Н. Медушевский акцентирует внимание на исследовательских приоритетах немарксистской историографии – изучении госу-

³³ Медушевский А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков ... С. 197.

³⁴ Там же. С. 196.

³⁵ Там же. С. 196–197.

³⁶ Там же. С. 201.

³⁷ Там же. С. 199.

³⁸ Там же. С. 199.

³⁹ Там же. С. 203.

дарственных учреждений, механизмов политической власти, бюрократии и т. д. в рамках правового подхода и теорий социальной стратификации. В связи с этим, отмечает автор, «реформы государственного аппарата предстают прежде всего как реформы учреждений и положения правящих верхов, а вовсе не как результат развития социальных процессов и изменения соотношения сил борющихся между собой антагонистических или неантагонистических классов»⁴⁰. Последнюю фразу можно было оценивать по-разному – и как замечание в марксистском духе, и как констатацию того, что существуют и дают результат альтернативные модели изучения российского абсолютизма.

Изложенные в статье А. Н. Медушевского тезисы и выводы были расширены в научно-аналитическом обзоре, изданном в 1989 г., где рассматривалась не только англоязычная, но и французская и германская историография.⁴¹ Указывая два основных направления исследований абсолютизма в западной историографии – правовое и социологическое – и характеризуя их, автор обращает внимание на многогранность феномена абсолютизма и центральную его проблему – определение понятия «абсолютизм» и критериев его изучения⁴².

Изменение отношения к зарубежной историографии показывали первые публикации в СССР немарксистских авторов. Применительно к российскому абсолютизму это две работы – «Реформы Петра Великого» Х. Баггера (1985)⁴³ и «История России XVII в.» С. О. Кристенсена (1989)⁴⁴. Несмотря на то, что книга Баггера была подписана в печать за полгода до провозглашения политики перестройки, а Кристенсена – в период наивысшего ее развития, издания составляют единое целое.

Оба автора – датские историки, занимавшиеся Россией и в свое время учившиеся в СССР в рамках Советско-датского соглашения об обмене в области культуры, науки и техники. Х. Баггер проходил учебу на историческом факультете МГУ в 1965–1966 гг.,⁴⁵ С. О. Кристенсен – на филологическом факультете ЛГУ в 1967–1968 гг.⁴⁶ Оба ученых представляли прогрессивные, идейно близкие для руководства СССР общественные силы: Баггер состоял в левом крыле социал-демократической партии Дании⁴⁷, Кристенсен – в Комитете по безопасности и разоружению⁴⁸.

⁴⁰ Медушевский А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков ... С. 206.

⁴¹ Он же. Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.): зарубежная историография: науч.-аналит. обзор. М., 1989. 61 с.

⁴² Там же. С. 6.

⁴³ Баггер Х. Реформы Петра Великого: обзор литературы. М., 1985. 197 с.

⁴⁴ Кристенсен С. О. История России XVII в.: обзор исследований и источников / пер. с дат. М., 1989. 256 с.

⁴⁵ Баггер Х. Указ. соч. С. 193.

⁴⁶ Кристенсен С. О. Указ. соч. С. 229.

⁴⁷ Баггер Х. Указ. соч. С. 193.

⁴⁸ Кристенсен С. О. Указ. соч. С. 230.

Обе книги, выпущенные издательством «Прогресс», снабжены объемными вступительными статьями доктора исторических наук, специалиста в области феодальной России В. И. Буганова (1928–1996), в которых подробно комментировались выводы авторов. Исследования посвящены историографии (у Кристенсена добавлен анализ источников) и композиционно одинаковы. Выводы обоих авторов выдержаны в уважительно-нейтральном тоне по отношению к российской и советской историографии.

Для советского читателя был непривычен формат подачи материала. Историография Петровских реформ, равно как и политического развития России XVII в., раскрывалась не по хронологическому принципу и не по критерию выделения идейных направлений в исторической мысли. Речь шла о постановке ключевых проблем, а в них – отдельных аспектов, трактовка которых сжато излагалась в соответствующих разделах. Например, Х. Баггер формулирует такие вопросы: связаны ли реформы с развитием допетровской России?⁴⁹ Чем были Петровские реформы по отношению к предшествующей эпохе? Читателю предлагались следующие ответы: Петровские реформы – это революция⁵⁰, эволюция⁵¹, акселерация⁵², и по каждому варианту приводились аргументы историков.

С. О. Кристенсен, как и его коллега, выделяет краеугольные проблемы: государство и его институты⁵³, дефиниция государственной формы⁵⁴, абсолютизм или самодержавие⁵⁵? В вопросе «Самодержавие или сословное государство?» приводится два ответа с соответствующими трактовками: это и абсолютизм, и сословная монархия⁵⁶; это сначала самодержавие и сословная монархия, затем абсолютизм⁵⁷. Аналитическое построение материала, возможно, придавало книгам несколько справочный характер. Однако для читателя оно ценно разбивкой на смысловые блоки, что облегчало восприятие. Вот, например, варианты ответов с комментариями историков на вопрос «Что послужило предпосылкой и движущей силой абсолютизма?»⁵⁸: рост капиталистических отношений; равновесие между дворянством и буржуазией; равновесие между мелким и крупным дворянством⁵⁹; государственные нужды в области финансов; стремление к

⁴⁹ Баггер Х. Указ. соч. С. 27.

⁵⁰ Там же. С. 27.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² Там же. С. 30.

⁵³ Кристенсен С. Указ. соч. С. 32.

⁵⁴ Там же. С. 33.

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Там же. С. 36.

⁵⁷ Там же. С. 37.

⁵⁸ Там же. С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 39.

«всеобщему благоденствию»⁶⁰; и не только и не столько развитие капитализма⁶¹.

Книги Х. Баггера и С. О. Кристенсена демонстрировали иной дискурс, другую исследовательскую манеру и построение материала. Будучи рассчитанными в первую очередь на специалиста, они не содержали ничего, что противоречило бы установкам советской историографии.

Изданием совершенно другого рода была работа одного из крупнейших американских историков-русистов М. Раева «Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи»⁶², вышедшая на русском языке в 1990 г. Красноречивым было написанное историком и публицистом М. Геллером вступление: «В бесконечном перечне болезней, терзающих душу и тело Советского Союза, один из самых тяжелых недугов – потеря памяти. “Гласность” – позволение говорить, разрешение обернуться в прошлое – обрушила на совестких людей множество имен, фактов, событий, которые десятилетиями вычеркивались, смывались губкой цензуры с грифельной доски памяти... Трудность понимания русской истории определяется еще и тем, что ее настойчиво, планомерно фальсифицировали после октября 1917 г. Ее переписывали на каждом повороте “генеральной линии”»⁶³. По мнению Геллера, книга особенно актуальна, так как кризис советской системы, которая после 70 лет существования приобрела черты «Старого режима», подобен кризису дореволюционной России⁶⁴.

Работа Раева, в основу которой была положена трактовка Российской империи как полицейского, «регулярного» государства, введенного Петровскими реформами, демонстрировала читателю то, что некогда клеймилось советскими историками как «фальсификации» и «кризис» буржуазной историографии. Российское государство оценивалось Раевым как деспотическое и литургическое, в нем были слиты воедино церковная и светская власть, все сословия, будучи закрепощенными сверху донизу, несли государственную службу, а власть была неизмеримо дальше от общества, чем в Европе.

Реформы Петра I создали в России регулярное государство, основанное на рациональных началах. В соответствии с ними, монарх из обожествляемой фигуры, осуществлявшей правосудие, превращался в проводника сознательной, целенаправленной политики, нацеленной на наращивание ресурсов внутри государства и повышение его престижа извне⁶⁵. Акцент

⁶⁰ Кристенсен С. О. Указ. соч. С. 40.

⁶¹ Там же. С. 41.

⁶² Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской Империи: state and society in the Old Régime. London, 1990. 304 с.

⁶³ Там же. С. 5–6.

⁶⁴ Там же. С. 7, 10.

⁶⁵ Там же. С. 44.

автора на рассмотрении политической культуры, ментальности общества, государственных институтов, полное отрицание классового подхода, противоположные советским трактовки событий и многое другое взрывали существовавшие в СССР историографические традиции, тем более что это исходило не от публициста или писателя, а от профессионального историка.

С другой стороны, те, кто с недоверием относился к теоретическим нововведениям, могли обратиться к более близким в методологическом плане работам, например книге ленинградского историка, исследователя допетровской России, доктора исторических наук Д. Н. Альшица (1919–2012) «Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного»⁶⁶.

В полемически заостренном введении автор подчеркивает, что объективная, научно обоснованная оценка российского самодержавия «приобретает в условиях современной идеологической борьбы важное значение»⁶⁷. В качестве примера искаженного истолкования приводится трактовка самодержавия «как некой надклассовой силы, будто бы сплывающей своих подданных без различия их сословной и классовой принадлежности»⁶⁸. Критически оценив предшествующие интерпретации правления Ивана Грозного, Альшиц считает неверным утверждение о том, что царствование Грозного являлось сословно-представительной монархией⁶⁹. «Новорожденная монархия в лице Ивана Грозного... – утверждал автор, – тяготела к единовластию, к созданию и укреплению монархической системы правления, не ограниченной ни в какой форме»⁷⁰.

То, что в самом конце 1980-х гг. произошел концептуальный перелом в историографии и пошли необратимые процессы в настроениях граждан, было очевидно из редакционного предисловия к циклу статей А. Н. Медушевского в «Вестнике высшей школы». Речь шла о публикациях по истории России, которые должны были заполнить вакуум, образовавшийся в момент обрушения старой системы исторических знаний и отсутствия новой. Предисловие носило знаковое название: «Что придет на смену старому?»⁷¹

В нем было образно охарактеризовано переломное состояние общества: «Инициатором современных преобразований, как это бывало и в прошлом, выступает политическая власть, вызывая ответное движение снизу. Удивительные открытия совершаются в обстановке общественного са-

⁶⁶ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988. 241, [3] с.

⁶⁷ Там же. С. 3.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 12–14.

⁷⁰ Там же. С. 37.

⁷¹ Что придет на смену старому? // Вестник высшей школы. 1990. № 1. С. 54–55.

моочищения: в регионах, еще недавно “успешно” завершивших переход к “развитому социализму”, вдруг обнаруживаются слегка замаскированные структуры феодального общества, едва ли не средневековое обожествление живых и мертвых вождей. В других случаях толпы бывших “атеистов” собираются под зеленым знаменем ислама и нерукотворными ликами Христа... Общественная мысль и практика, например, в России, обращаются не только к традициям социал-демократии, происходит возрождение всего спектра национальных политических течений: от последователей М. А. Бакунина до сторонников династии Романовых. И если от этих малочисленных групп можно пока еще отмахнуться, то неистребимая любовь к Сталину, засвидетельствованная во многих и многих письмах, получаемых редакциями газет и журналов, подводит к мысли о живучести в толще народного сознания, казалось бы, давно изжитых стереотипов, о рецидивах монархической психологии»⁷². В условиях трансформации исторического образования предлагалось делать акцент на изучении государственности, развитии политических институтов и общественно-политической мысли, взаимодействия общества и власти, соотношении революции и реформ, рассмотрении политического лидерства и т. д.⁷³

А. Н. Медушевский указывал на такие ведущие факторы развития России, как особое геополитическое положение, специфические механизмы функционирования сословного строя, большая роль государства в социальных отношениях⁷⁴. Определяющей в развитии общества была потребность «скорейшей мобилизации экономических и людских ресурсов в экстремальных условиях хозяйственной разобщенности регионов, низкого уровня развития товарно-денежных связей, рассредоточенности населения в условиях постоянной борьбы с внешней опасностью»⁷⁵. В результате была создана особая служилая система, при которой каждое сословие несло определенный круг повинностей («службу»), а специфика российского государства обрела воплощение в Соборном уложении 1649 г.⁷⁶

Сословно-представительные учреждения России, ввиду контроля и регламентации государства, имели, по сравнению с западноевропейскими аналогами, меньшее значение. Земские соборы, оформившись в XVI в., в XVII уже потеряли свою силу. Царскую власть ограничивала Боярская дума, и центральным политическим противоречием XVI–XVII вв. стала борьба

⁷² Что придет на смену старому? С. 54.

⁷³ Там же. С. 55.

⁷⁴ Медушевский А. Н. Русская государственность допетровской эпохи // Вестник высшей школы. 1990. № 1. С. 56.

⁷⁵ Там же. С. 57.

⁷⁶ Там же. С. 58–59.

между боярской аристократией и самодержавием, окончившаяся упадком Боярской думы и утверждением абсолютизма в Петровскую эпоху⁷⁷.

Статьи А. Н. Медушевского, как и подготовленный им научно-аналитический обзор⁷⁸, демонстрировали новое понимание государственного реформаторства. Оно основывалось на том, что административная система и бюрократия являются необходимыми компонентами любого устойчивого социального образования.

В этой связи А. Н. Медушевский представляет ряд новых теоретических установок. Прежде всего, это концепция «догоняющего развития», или модернизации, в рамках которой реформаторство является средством совершенствования системы управления и гарантией сохранения суверенитета. Именно так расцениваются реформы в России, проводимые «сверху» с периодичностью примерно раз в столетия. Отталкиваясь от теории рационализации общественных отношений М. Вебера, Медушевский рассматривает реформу политической системы как результат и способ разрешения конфликта между традиционной и рациональной организацией власти⁷⁹.

Петровские реформы привели к созданию полицейского государства по образцу западноевропейских абсолютистских монархий. Более того, как отмечает автор, в условиях отсутствия социального контроля государство не было ничем ограничено, и реформы приобретали принудительный характер. Это порождало определенную социальную психологию, для которой было характерно апеллирование к государству как единственному авторитету⁸⁰. Созданная в результате Петровских реформ, которые надлежит расценивать как прогрессивные и закономерные, система государственного управления, с известными изменениями, просуществовала на протяжении всего дореволюционного периода⁸¹.

Применяя системный и сравнительно-исторический подходы, А. Н. Медушевский сопоставляет государственное реформаторство на Западе и Востоке. В странах «к востоку от Эльбы», отмечает автор, государство является единственной и достаточно монолитной силой. Следовательно, борьба различных социальных тенденций идет здесь не по горизонтали, а по вертикали, путем волнообразного изменения политики государства от консервативного к радикальному курсу и наоборот. Указанные особенно-

⁷⁷ Медушевский А. Н. Русская государственность допетровской эпохи С. 59–62.

⁷⁸ Он же. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990. 46 с.

⁷⁹ Он же. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе. Ч. 1 // Вестник высшей школы. 1990. № 2. С. 80–81.

⁸⁰ Там же. С. 82.

⁸¹ Медушевский А. Н. Реформы Петра Великого ... Ч. 1. С. 84.

сти в наибольшей степени проявились в реформах просвещенного абсолютизма в России, Австрии, Пруссии, Дании и т. д.⁸²

При этом нельзя не отметить достаточно оригинальное суждение автора о просвещенном абсолютизме: «Понятно, что просвещение и абсолютизм в принципе исключают друг друга, поэтому между ними возможен временный союз и лишь в специфической ситуации. Поэтому просвещенный абсолютизм (в отличие от абсолютизма и конституционной монархии) включает в себе зерно самоотрицания. Это противоречие проявлялось в разных странах: стремясь к модернизации и рационализации общества, такой абсолютизм в то же время не мог довести данный процесс до своего логического завершения и становился затем жертвой революции или консервативной контрреформы»⁸³.

Являясь средством рационализации общественных отношений, реформаторство приводило к масштабным и всеобъемлющим изменениям. В частности, Медушевский акцентирует внимание на конфликте элит. Он отмечает, что во всех крупных реформах в России XVIII–XIX вв. прослеживается конфликт внутри правящей элиты, приводящий к ее расщеплению на правых, умеренных и левых. Начавшись в Петровскую эпоху, он достиг апогея в период реформ 60-х гг. XIX в.⁸⁴ Анализируя динамику смены либеральных и консервативных сил в управлении, Медушевский делает вывод: двойственная природа бюрократической организации (наличие в ней «просвещенной бюрократии» и консерваторов) порождает в ходе модернизации две тенденции – реформы и контрреформы. Чем глубже попытки реформ, тем очевиднее возможность контрреформ. Провал преобразований в России стал итогом консерватизма дворянства, политического строя и правящей элиты. Реформы начала XX в. закончились торжеством реакции и крахом всей системы Старого порядка в России⁸⁵.

Цикл статей А. Н. Медушевского свидетельствовал о том, что в условиях разрушения марксистской парадигмы постепенно формировалась достаточно адекватная ее замена. Во-первых, на смену классовому подходу пришел цивилизационный, делающий акцент на культурно-историческом своеобразии России. Элементы формационного подхода сохранились как для маркировки различных этапов исторического развития, так и вследствие устойчивости понятийного аппарата, в котором и поныне не найдено эквивалентов понятий «феодализм», «капитализм», «буржуазная револю-

⁸² Медушевский А. Н. Реформы Петра Великого ... Ч. 2 // Вестник высшей школы. 1990. № 3. С. 66–67.

⁸³ Там же. С. 67.

⁸⁴ Он же. Реформы и контрреформы в истории России XVIII–XIX вв. // Вестник высшей школы. 1990. № 3. С. 71–72.

⁸⁵ Там же. С. 73.

ция» и т. д. Методологической основой для изучения истории России становились переосмысливаемые установки государственной школы в сочетании с теориями социальной стратификации и конфликта элит.

Учебная литература для высшей школы, однако, не сразу восприняла это, будучи изначально более консервативной, чем научные публикации. В изданном в 1989 г. пособии по правоведению развитие абсолютизма в России, равно как и положение различных категорий населения и социальная политика государства, рассматриваются целиком с марксистских позиций. Авторы исходят из того положения, что во второй половине XVII – начале XVIII в. в России совершился переход от сословно-представительной монархии к абсолютной, которую нужно рассматривать «как закономерный этап развития феодальной политической надстройки, как исторически последнюю государственную форму диктатуры класса феодалов»⁸⁶.

В учебнике по истории СССР с древнейших времен до 1861 г. содержалась каноническая трактовка абсолютизма. Последний оценивался как высшая форма феодальной монархии⁸⁷. Пройдя этап «самодержавия с Боярской думой и боярской аристократией», абсолютизм оформился при Петре I⁸⁸. Примечательно, что авторы, в рамках проблемного подхода, указывают на дискуссионность вопроса о том, к какой мере концепция «равновесия» применима к России⁸⁹.

Политика просвещенного абсолютизма – это, по мнению авторов, проявление разложения феодально-крепостнических отношений. Задача данной политики – помочь дворянству адаптироваться к развивавшимся товарно-денежным отношениям⁹⁰. Говоря о «союзе монархов и философов», авторы отмечали, с одной стороны, взаимную потребность участников этого союза друг в друге. С другой – «политические и социальные миражи» философов лишь издали казались реализуемыми. В связи с этим, чаще всего философы обращались не к «своим» монархам, а искали их «на стороне»⁹¹.

Правовые аспекты политики просвещенного абсолютизма были изложены в учебном пособии О. А. Омельченко⁹². Автор указывает, что утверждение абсолютизма и связанные с этим перемены в политической сфере общества заключались в превращении закона в основной и бесспорно преобладающий источник права. Соответствующим образом, все изменения правовой системы принимали форму закона как санкции верховной воли монарха⁹³. Раци-

⁸⁶ Рогожин А. И., Ярмыш А. Н. Государство и право России в период становления и развития абсолютизма (вторая половина XVII – конец XVIII в.: учеб. пособие. Киев, 1989. С. 3.

⁸⁷ Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 225.

⁸⁸ Там же. С. 194, 225.

⁸⁹ Там же. С. 195.

⁹⁰ Там же. С. 311.

⁹¹ Там же. С. 319.

⁹² Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века): учеб. пособие. М., 1989. 148, [3] с.

⁹³ Там же. С. 4.

ональные основания просвещенного абсолютизма придавали закону статус исключительного средства совершенствования общества и обусловили масштабные меры по кодификации российского права. Однако, как отмечает Омельченко, они имели консервативный характер, «придавая правовой облик абсолютистской государственности и сословно-феодальному строю»⁹⁴.

Неравномерность методологических изменений в конце 1980-х гг. сочеталась с идеологической ломкой общества. Сменялись ценностные ориентиры, начался процесс поиска национальной идентичности и крен в сторону традиционализма. Воздействие названных факторов привело к изменению дискурса и проблемного поля в осмыслении абсолютизма. Более интенсивно, чем в предшествующий период, оно стало заполняться исследованиями, раскрывающими взаимодействие абсолютной монархии с боярством и дворянством, а также формирование бюрократии.

Например, в диссертации московской исследовательницы О. В. Кошелевой⁹⁵ московское боярство второй половины XVII в. показано как сила, уже утратившая свою опасность для царской власти. Обладая огромными земельными и финансовыми ресурсами, главенствуя в Думе, бояре отнюдь не противоречили монарху. В свою очередь, цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич поддерживали бояр, жалуя их чинами и повышая оклады⁹⁶.

Во второй половине 1980-х гг. была опубликована монография⁹⁷ и защищена докторская диссертация⁹⁸ Н. Ф. Демидовой (1920–2015) – историка, архивиста, ведущего специалиста в изучении государственных институтов России XVII в. Впоследствии, в 2011 г., Демидовой был опубликован обширный биографический справочник служилой бюрократии России XVII в.⁹⁹

А. Б. Каменский, один из крупнейших исследователей России XVIII в., в своей статье о российском дворянстве и его роли в работе Уложенной комиссии¹⁰⁰ поднял проблему консолидации дворянского класса. Перед автором стояла задача выявить характер внутрдворянских противоречий и состояние дворянского самосознания. Изучение выступлений дворянских депутатов во время работы комиссии показало, что дворянский класс не обладал сформированным сословным самосознанием и не был консолидирован. Внутрдворянские противоречия, незамкнутость дворянской корпорации, приток в дворянство недворянских элементов содействовали, по

⁹⁴ Омельченко О. А. Кодификация права в России ... С. 129.

⁹⁵ Кошелева О. В. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645–1682): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 18 с.

⁹⁶ Там же. С. 18.

⁹⁷ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.

⁹⁸ Она же. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. 44 с.

⁹⁹ Она же. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник. М., 2011. 717 с.

¹⁰⁰ Каменский А. Б. Российское дворянство в 1767 году (к проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1. С. 58–77.

мнению автора, устойчивости абсолютизма. В этих условиях монархия могла лавировать, привлекать на свою сторону недворянские элементы, что в итоге вело к сохранению феодальных порядков¹⁰¹.

В кандидатской диссертации М. В. Бабич, выполненной на историческом факультете МГУ, исследуется историографическая рефлексия взаимоотношений монархии и дворянства в екатерининскую эпоху¹⁰², выявлена связь между воззрениями российских историков государственной школы и концепциями западной немарксистской историографии. Автор делает вывод о том, что в целом западные исследователи исходят из концепции всевластного самодержавия¹⁰³.

Реформирование советского общества в период перестройки сделало актуальной проблему российских реформ в исторической ретроспективе, отраженную как в сборниках работ¹⁰⁴, так и в отдельных публикациях. Например, статья С. О. Шмидта была направлена на разрушение устоявшихся стереотипов о незначительности эпохи, предшествующей правлению Екатерины II¹⁰⁵. С. О. Шмидт утверждал, что политика реформ не может быть отнесена лишь к правлению Екатерины II. Она явственно обнаруживается при Елизавете Петровне (1741–1761) и Петре III (1761–1762)¹⁰⁶. Сама политика просвещенного абсолютизма, по мнению Шмидта, выражалась в проведении ряда реформ, способствовавших ликвидации наиболее архаических институтов феодализма и делавших шаг в сторону буржуазного развития. Субъективно эта политика была призвана сохранять старые порядки, но объективно подчас ускоряла их отмирание¹⁰⁷. Создавая панораму развития российского общества и государства послепетровской эпохи, Шмидт считает, что историю России середины XVIII в. «отнюдь нельзя сводить преимущественно к истории дворцовых переворотов. Это время интенсивного государственного и культурного строительства и годы успешной внешней политики»¹⁰⁸.

Новое отношение к государственному реформаторству прочитывается в публикациях, раскрывающих правительственные реформы в России XIX века. Кризис абсолютной монархии и крепостного права отнюдь не от-

¹⁰¹ Каменский А. Б. Российское дворянство в 1767 году ... С. 74.

¹⁰² Бабич М. В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России второй половины XVIII века в русской дореволюционной и современной буржуазной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 22 с.

¹⁰³ Там же. С. 21–22.

¹⁰⁴ Реформы второй половины XVII – XX вв.: подготовка, проведение, результаты: сб. науч. тр. М., 1989. 189 с.

¹⁰⁵ Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42–58; см. также: его же. Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII века // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 261–286.

¹⁰⁶ Там же. С. 44.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 48.

рицался, однако из оценок исчез жесткий обличительный тон. В частности, такой дискурс был присущ монографии одного из крупнейших исследователей России XIX в., историка-архивиста С. В. Мироненко¹⁰⁹. «Естественно, – отмечал автор, говоря о реформах начала XIX в., – что самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Правительство – единственно допускаемым им путем реформ, общество – сперва давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом революционной борьбой. Ни та, ни другая попытка, как мы хорошо знаем, не увенчалась успехом. Победа осталась пока за отживающим строем»¹¹⁰.

Новый авторский стиль очевиден в статье Л. Г. Захаровой о реформах 60-х гг. XIX в. «Интерес к истории реформ, называемых в дореволюционной историографии “великими”, а в советской “буржуазными”, приобрел в определенные эпохи... особую остроту и политическую окраску, – отмечает автор во вступлении. – Сегодня этот интерес достиг, возможно, наивысшей точки за все 125 лет, отделяющих нас от самих событий»¹¹¹. Автор уподобляет реформы 60-х гг. XIX в. политике перестройки. Параллели более чем очевидны. Например, канун реформ, 1856 г., называется оттепелью¹¹². «Гласность, – отмечает Л. Г. Захарова, – это еще одно словесимвол неповторимого 1856 года. Гласность обличала, но пафос ее был в созидании, она несла заряд оптимизма и светлых надежд, побуждала правительство и общество к действиям, вытесняла страх, пропитавший николаевскую систему»¹¹³. Описывая подготовку отмены крепостного права, а также реализацию других реформ, Л. Г. Захарова указывает, что «дворяне в массе не откликнулись на меры правительства, побуждавшего их к действиям»¹¹⁴. Ставка либеральной бюрократии на инициативную роль монархии и либеральное дворянство оказалась тщетной. Монархия, по инерции еще продолжавшая реформы в разных сферах, стала утрачивать политическую инициативу, либеральные течения слабели, а консервативные набирали силу¹¹⁵. В этом и состоял драматизм российских реформ. «Сами по себе половинчатые и непоследовательные, они тут же по принятии были вырваны из рук их составителей и переданы для реализации их врагам... механизм гарантий был уязвим и слаб, тогда как традиционная феодальная государственность сильна. Реформа

¹⁰⁹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. 240 с.

¹¹⁰ Там же. С. 229.

¹¹¹ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.

¹¹² Там же. С. 3.

¹¹³ Там же. С. 5.

¹¹⁴ Там же. С. 10.

¹¹⁵ Там же. С. 21.

1861 г., отменив крепостное право, не решила земельного вопроса, а завязала новый “гордиев узел”, который не разрубили даже две буржуазные революции»¹¹⁶, – подводит итог автор.

Однако позиция понимания и принятия итогов деятельности государства не была выражена равномерно по отношению ко всем периодам российской истории. Чем ближе были рассматриваемые события к Октябрьской революции, тем более категоричными и по-марксистски жесткими были оценки авторов. Например, монография В. С. Дякина начиналась ленинской цитатой: «Третьеиюньская система была последней попыткой спасения черносотенной монархии царя, попыткой обновить ее союзом с верхами буржуазии, и эта попытка потерпела крах»¹¹⁷. Книга А. Я. Авреха «Царизм накануне свержения» построена на ленинской концепции развития российского самодержавия в сторону буржуазной монархии. Однако этот тезис переосмысливается автором¹¹⁸.

Марксистская парадигма трактовки финала российской монархии была дополнена системным подходом. Аврех указал, что рассматривает самодержавие не как монолит, а как сложную систему, для которой было характерно не только органическое единство, но и определенные противоречия, которые в экстремальных условиях «могли принять весьма острые формы и тем самым стать одним из важных механизмов его разрушения и гибели»¹¹⁹.

Значительный интерес представляет глава, посвященная последнему российскому самодержцу и его окружению, которая так и называется – «Царь и камарилья». Аврех четко расставляет акценты, указывая, что марксизм «не только не отрицает роли личности в истории, но и придает ей большое значение... Вполне понятно, что чем большей властью располагает та или иная личность, тем сильнее ее воздействие на ход вещей. Российские самодержцы в этом отношении на протяжении веков были вне конкуренции»¹²⁰. Предваряющий повествование историографический анализ, опора на многочисленные свидетельства современников, достаточно взвешенный подход привели к созданию сложного, многогранного образа последнего российского императора. Достоинства Николая II как частного лица поглощались неприемлемыми для правителя чертами – заурядностью, мелочностью, безличностью, неумением разбираться в людях, слабостью. Для трона Николай, по выражению одного из современников,

¹¹⁶ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России. С. 23–24.

¹¹⁷ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 3.

¹¹⁸ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. 256 с.

¹¹⁹ Там же. С. 10.

¹²⁰ Там же. С. 15.

был непригоден¹²¹. Что же касается политического мировоззрения царя и царицы, то оно, по определению Авреха, «было совершенно одинаковым и очень простым: царская власть должна оставаться самодержавной и неограниченной, власть царя в России обусловлена, органична и необходима именно в силу народной любви. Важно подчеркнуть, что без учета этой исходной посылки невозможно правильно понять и оценить политику царизма в последние годы его существования. Вера в то, что народ (и особенно армия) обожает своего монарха именно за то, что он монарх неограниченный и самодержавный, была у царской четы тем сильнее, чем меньше для этого имелось оснований. Эта вера была иллюзорной, ничего общего с действительностью не имевшей»¹²².

Точка зрения А. Я. Авреха, как историка-профессионала, изложенная в научной работе, была корректна и взвешенна по сравнению с трактовкой, содержащейся в книге исследователя-журналиста М. К. Касвинова (1910–1977), «Двадцать три ступеньки вниз», переизданной в 1989 г. в третий раз¹²³ и весьма популярной в СССР. Во введении четко формулировалась концепция книги: «Автор шаг за шагом прослеживает все 23 года царствования Николая II, дает нам возможность ощутить всю глубину духовного, нравственного падения последнего представителя династии Романовых, раскрывает перед нами “кухню” его правления, всю гниль и мерзость монархического строя, убедительно показывает его закономерную историческую обреченность»¹²⁴. «Двадцать три ступени вниз» – это, разумеется, работа скорее публициста, нежели историка, однако наибольшее количество дискуссий вызывала в то время личность именно последнего российского самодержца.

Совершенно другим был дискурс работ, посвященных событиям и персоналиям XVIII в., блестящего периода российской истории – там звучало уважение к империи и ее правителям, однако без апологетики. Именно этот период первым подвергся ценностному переосмыслению, когда абсолютизм перестал негативизироваться и называться крепостническим самодержавием, а личности императоров предстали перед читателем ярко и образно. Наиболее популярным российским императором XVIII в. как у читателей, так и у историков, естественно, был Петр I.

В книге В. И. Буганова «Петр Великий и его время»¹²⁵ оценка Петра как воспитанника феодальной верхушки, который не мог сделать больше, чем

¹²¹ Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. С. 21.

¹²² Там же. С. 23–24.

¹²³ Касвинов М. К. Двадцать три ступеньки вниз. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. 459 с.

¹²⁴ Там же. С. 4.

¹²⁵ Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989. 192 с.

возможно при феодально-крепостническом строе, смягчалась мнением о том, что Петр и его аппарат ставили и выполняли общенациональные задачи. В этом смысле личное служение Петра «государственному интересу», «общественной пользе» не может не вызвать уважения¹²⁶.

Рассказ о государственной деятельности Петра сопровождался психологической зарисовкой, радикально отличающейся от тональности работ советских историков: «Петр – фигура сильная, героическая и трагическая... Судьба не во всем баловала его. Один из самых сильных ее ударов был связан с его семейной драмой... Развод с первой женой, жизнь с Екатериной, сначала в гражданском, потом в законном браке, побочные сердечные увлечения, а их тоже было немало, дети от первой и второй супруг – все это говорит о натуре мечущейся, властной и избалованной»¹²⁷.

Уважением к значимости Петровских реформ проникнута статья доктора исторических наук Е. В. Анисимова «Петр I: рождение империи»¹²⁸. Об отношении автора к Петру говорит и заглавие публицистической статьи Анисимова: «Отец Отечества»¹²⁹. Однако отношение Анисимова к Петру не было апологетическим. В книге «Время петровских реформ» Анисимов отмечает следующее: «Петровские реформы – это еще и апофеоз этатизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных (негосударственных) форм общественного существования. Время петровских реформ – это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности-вождя, “отца нации”, “учителя народов”»¹³⁰. Наконец, в 1990 г. вышла фундаментальная книга «Петр Великий» крупнейшего знатока Петровской эпохи, историка старшего поколения Н. И. Павленко¹³¹.

Во второй половине 80-х гг. появились работы, которые можно назвать знаковыми. Первая из них – «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» Е. В. Анисимова¹³². Новый стиль написания был замечен сразу. Книга отсылала читателя к исторической памяти, к царице, не слишком уважаемой советской историографией, и ставила целью «взглянуть на период правления Елизаветы... с учетом бесценного для нас труда поколений историков, возводящих общее для нас здание исторической науки»¹³³. Работа начиналась не с очерка социально-экономического развития, а с ха-

¹²⁶ Буганов В. И. Петр Великий и его время. С. 185–186.

¹²⁷ Там же. С. 149.

¹²⁸ Анисимов Е. В. Петр Первый: рождение империи // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 3–20.

¹²⁹ Он же. Отец Отечества // Звезда. 1989. № 11. С. 101–118.

¹³⁰ Он же. Время петровских реформ XVII век, 1-я четверть Л., 1989. С. 11.

¹³¹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. 591 с.

¹³² Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. 239 с.

¹³³ Там же. С. 5.

рактеристики политической ситуации накануне 1741 г., причем текст не имел ссылок на классиков марксизма. Россия характеризовалась как дворянская империя, с оформившейся в петровское время абсолютной монархией. Достаточно бесславное правление ближайших преемников Петра описывалось в несколько непривычной для советского читателя манере, однако акценты расставлялись четко: «Последующее направление развития абсолютизма в России шло по пути сохранения неприкосновенности самодержавной власти, забвения в целом (как показала жизнь) эфемерных обязанностей монарха в деле служения государственному интересу, усиления явно негативных сторон не ограниченной ничем и никем власти человека над миллионами своих подданных»¹³⁴.

В центре внимания автора находилась фигура Елизаветы Петровны, причем не только ее политической деятельности. Автор рассматривал внешность, характер, привычки, окружение Елизаветы. Описывая императрицу, создавая образы ее приближенных, Анисимов отнюдь не идеализировал своих героев. Например, в образе дочери Петра явственно читаются лень, самодурство, недостаток образования, легкомысленность, завистливость, капризность. Как могла в 1986 г. выйти книга с рядом нарушений советских историографических канонов? Анисимов рассказал о том, как в свое время ему объяснили, что имя Елизаветы Петровны не может стоять на обложке советской книги по истории, эта тема неприлична для советского историка. И только с большими трудностями, благодаря авторитету, воле и доброте Н. И. Павленко книгу удалось «пробить» под маловыразительным названием «Россия в середине XVIII века»¹³⁵.

Достоинства книги заключались, однако, не только в том, что елизаветинское время «ожило» благодаря персоналиям, но и в том, что автор включил их в панораму эпохи, раскрывая важнейшие события и процессы в послепетровской России. В результате получился выдержанный баланс, который позволил говорить о научной работе, написанной тем не менее в манере, способной заинтересовать и неспециалиста. В положительной рецензии на книгу Анисимова член-корреспондент АН СССР Н. Н. Покровский (1930–2013), подводя итог, отметил, что «новые времена помогают историкам показать политические события “осмнадцатого столетия” в живой борьбе реальных людей, столкновении их характеров, психологии. Все развернутые характеристики персонажей основаны на проверенной источниковой базе, и таким образом сведения историка-профессионала могут противостоять сочинениям тех беллетристов, которые, не имея понятия

¹³⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века ... С. 133–134.

¹³⁵ Там же С. 7–8.

о критике источников, создают низкопробные творения на исторические темы»¹³⁶.

Показательной работой является защищенная в 1989 г. диссертация Ю. А. Сорокина «Российский император Павел I»¹³⁷. Исследователь российского абсолютизма, представляющий Томский университет, использует в качестве методологической основы в том числе и работы Г. В. Плеханова, чего ранее в советской историографии не предпринималось¹³⁸. Примечательна аргументация выбора темы, отражающая «новое прочтение марксизма»: «Изучение общественных отношений в России периода позднего феодализма вне изучения личности крупных государственных деятелей эпохи будет... односторонним... Все нити управления страной... сосредоточивались... в руках императора, личные качества которого могли влиять на характер внутренней и внешней политики»¹³⁹. Создавая политический портрет и психологический образ императора Павла, автор подчеркивает противоречивые тенденции в его правлении. Тем не менее политический курс Павла, считает Сорокин, был целесообразным, он соответствовал потребностям дворянского государства и интересам абсолютной монархии¹⁴⁰.

Отмеченные работы показывали, что в советской исторической науке происходят существенные изменения аксиологического характера. На первый план в изучении российского абсолютизма выходил монарх и его окружение, а государственная система либо рассматривалась равнозначно, либо несколько отходила на второй план. Кроме того, отношение к самой абсолютной монархии изменялось, причем параллельно переосмысливалась дореволюционная историографическая традиция и получали новую интерпретацию трактовки российской государственной школы.

Конец 1980-х гг. стал переломным моментом, когда историографические изменения приобрели необратимый характер. Ярким свидетельством этому выступает публикация в 1989–1994 гг. на страницах «Вопросов истории» галереи политических портретов всех монархов династии Романовых. Очерки, посвященные Екатерине II¹⁴¹, Павлу I¹⁴², Александру I¹⁴³ и Петру III¹⁴⁴, имеют ряд отличительных черт, которые будут развиты впоследствии. Сам факт появления в ведущем историческом журнале страны

¹³⁶ Покровский Н. Н. Рецензия // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 148.

¹³⁷ Сорокин Ю. А. Российский император Павел I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 20 с.

¹³⁸ Там же. С. 12.

¹³⁹ Там же. С. 3.

¹⁴⁰ Там же. С. 16–17.

¹⁴¹ Каменский А. Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 62–88.

¹⁴² Сорокин Ю. А. Павел I // Там же. № 11. С. 46–64

¹⁴³ Федоров В. А. Александр I // Там же. 1990. № 1. С. 50–72.

¹⁴⁴ Мыльников А. С. Петр III // Там же. 1991. № 4/5. С. 43–57.

публикаций «про царей» свидетельствовал о многом. Общий тон очерков был взвешенным, без принижения и апологетики, из дискурса исчезли эпитеты «царизм», «феодально-абсолютистский строй», «крепостническое самодержавие», отсутствовали ссылки на классиков марксизма. Тем не менее поспешное суждение о том, что считавшиеся ранее «плохими» цари стали «хорошими» под влиянием новых установок, будет неверным. Что же конкретно изменилось в оценках российских правителей?

Во-первых, личность монарха и его деятельность, равно как и сама государственность, приобретали статус научной самостоятельности и ценности для исследователя. Во-вторых, политические и психологические портреты монархов стали более сложными, с отражением динамики развития как личности, так и политики императоров. В-третьих, создавался новый нарратив, разрушавший стереотипы и реконструировавший более полную и сложную историческую картину.

Красноречивый пример нового дискурса – написанное А. Б. Каменским введение к очерку, посвященному Екатерине II: «На календаре было 25 декабря 1761 г., будущей Екатерине II... урожденной Софии Августе Фредерике, принцессе Ангальт-Цербстской, шел 33 год... Приводя девичье имя и титул этой российской императрицы, иные из современных беллетристов (историки о ней давно уже не писали), принимают рассуждать о том, что этой немке, конечно, были чужды интересы русского народа. Не пытаюсь оспорить эту очевидную мысль, замечу, однако, что императрица Анна Иоанновна, отдавшая Россию на откуп немцам, была чистокровной русской. Другая “дежурная” ассоциация при упоминании имени и титула принцессы Ангальт-Цербстской – ее “незнатное” происхождение... Кстати, Екатерина I знатностью, тоже, как известно, не отличалась, однако почему-то принято по этому поводу не расстраиваться, а скорее, наоборот, умиляться. Дело, конечно, не в происхождении»¹⁴⁵. Создавая образ императрицы, автор не обходит ни ее качеств манипулятора, ни молчаливого согласия на убийство мужа, ни лишения власти сына, ни большого количества фаворитов. Насколько искренней она была в своем стремлении следовать просветительским идеям? Ответ на этот вопрос был достаточно четким. Искренне желая реализовать на практике свои идеи, Екатерина вынуждена была действовать в конкретной обстановке. А она была такой, что «мечты молодости» пришлось скорректировать, а то и отбросить¹⁴⁶. Результатом правления Екатерины стало движение страны вперед в рамках феодального строя, достигшее высшей степени развития в политике просвещенного абсолютизма¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Каменский А. Б. Екатерина II. С. 62.

¹⁴⁶ Там же. С. 70–73.

¹⁴⁷ Там же. С. 82.

На разрушении историографических мифов построены очерки, посвященные Петру III и Павлу I. Петр III – «тупой солдафон», «холуй Фридриха II», «ненавистник всего русского», «хронический алкоголик», «ограниченный самодур», «неспособный муж»¹⁴⁸. Пусть так, но, придя к власти, Екатерина II стала проводить его программу во внешней и внутренней политике¹⁴⁹. А еще Петр III – ценитель музыки, неплохо игравший на скрипке, книголюб, владелец нумизматического кабинета, главный директор Сухопутного шляхетского корпуса¹⁵⁰.

Почему же жизнь императора Петра III так трагично закончилась? Историк-славист А. С. Мыльников (1929–2003) считал, что к такому финалу привели недалёковидность, нерешительность, неумение создать себе социальную опору, нежелание считаться с объективными условиями и полное невнимание к тому, что в XX в. назовут пиаром¹⁵¹. Практически то же самое стало причиной гибели и его сына Павла, личности с развитым интеллектом и хорошими задатками, но с деформированной жизненными обстоятельствами психикой. Павла считали сумасшедшим, но его мероприятия имели логику и были направлены на укрепление российского абсолютизма. Вопрос был лишь в том, что Павел и окружавший его дворянский класс по-разному понимали государственную пользу¹⁵².

И Петр III, и Павел I в желании управлять по-своему не учли мощного противодействия дворянского сословия и его незамедлительной реакции в случае ущемления его интересов. «Благословенный» Александр I не только это понял. На протяжении всей жизни он чувствовал вину за смерть отца и боялся перейти ту грань, за которой могла последовать фатальная реакция системы на проводимое реформирование. Исследователь российской истории XIX–XX вв. В. А. Федоров, показывая полный противоречий, безысходности, осознания собственного бессилия внутренний мир Александра, считавшегося властителем Европы, либералом и реформатором, тем не менее не симпатизирует царю¹⁵³.

В начале 1990-х гг. вышли две работы, символизирующие не только методологическое и идейное пограничье, но и демонстрирующие альтернативность оценок личности последнего российского императора. Одним из авторов является доктор исторических наук, специалист в области российской истории эпохи империализма К. Ф. Шацилло (1924–1998), написав-

¹⁴⁸ Мыльников А. С. Петр III. С. 43.

¹⁴⁹ Там же. С. 56.

¹⁵⁰ Там же. С. 4.

¹⁵¹ Там же. С. 54–57.

¹⁵² Сорокин Ю. А. Павел I. С. 46–64.

¹⁵³ Федоров В. А. Указ. соч. С. 50–72.

ший предисловие к «Дневникам императора Николая II»¹⁵⁴. Постоянно обращаясь к дневникам царя и мемуарам его современников, К. Ф. Шацилло реконструирует образ монарха, полностью идентичный существовавшему ранее в советской историографии. Мелочность и педантичность в сочетании с отсутствием глубоких мыслей и чувств, интеллектуальная скудость и эмоциональная тупость, слабохарактерность и упрямство, политическая бездарность и нежелание заниматься делами управления – вот неполный перечень черт, которые, по мнению К. Ф. Шацилло, выявляются в ходе чтения дневников последнего самодержца. Да, этот человек был хорошим семьянином, но этого недостаточно для управления колоссальной империей. «Он, и только он несет главную ответственность за все те трагические события, которые сотрясали страну в первые два десятилетия XX века, – утверждает Шацилло. – Путь его в дом купца Ипатьева, где он был расстрелян в 1918 г., им добровольно не выбирался, но он стал неизбежным следствием его бесславного царствования»¹⁵⁵.

Второй автор, Н. А. Боханов (1944–2019), в 1993 г. защитит докторскую диссертацию и станет виднейшим историком-монархистом. Вот его мнение о падении империи и последнем российском императоре, высказанное в декабре 1991 г.: «Крушение тысячелетней монархии в 1917 г. в России означало нечто несравненно большее, чем переход от одной формы организации государства и общества к другой. Произошел действительный распад связи времен... Понадобились многие десятилетия немыслимых лишений и жертв, чтобы возникло понимание той горькой истины, что тогда, в тот трагический период канунов и крушений, победителей не было»¹⁵⁶.

А. Н. Боханов не отрицал того, что Николай II не был готов к решению поставленных перед ним проблем. Императору не хватало прагматизма, жесткости и холодного расчета – качеств, требуемых реалиями эпохи, для него главными ценностями были «Бог, Россия и семья»¹⁵⁷. Политическая ситуация, в которой оказался Николай, была тупиковой. Никто не знал эффективных путей выхода России из кризиса, а столыпинские реформы столкнулись с критикой слева и справа. Между тем, ослабление самодержавия неизбежно вело к ослаблению и гибели империи¹⁵⁸. Николай, по мнению Боханова, оказался заложником унаследованных им принципов власти, отход от которых он воспринимал как предательство России и над-

¹⁵⁴ Шацилло К. Ф. Предисловие // Дневники императора Николая II. Тверь, 1992. С. 3–34.

¹⁵⁵ Там же. С. 5.

¹⁵⁶ Боханов А. Последний самодержец // Alma mater: Вестник высшей школы. 1991. № 12. С. 98.

¹⁵⁷ Там же. С. 101.

¹⁵⁸ Там же. С. 100.

ругательство над основами монархии¹⁵⁹. Последний российский царь и его семья – это узники и бессудные жертвы, достойные сострадания. «Настала пора, – подводит итог Боханов, – примириться со своим прошлым, осознав, что жизнь семьи Романовых и, скажем, жизнь судьбы Ульяновых – это все наша история; это звенья единой огромной цепи из людей и обстоятельств, приковавших страну к своему времени, сотворившему судьбу России»¹⁶⁰.

Рассмотренное позволяет говорить об особой специфичности развития концепта российского абсолютизма во второй половине 1980-х гг. Смягчение оценок советской историографии, изменение приоритетов, появление новых сюжетов в проблемном поле – все это вписывалось в еще формально не отмененную марксистскую парадигму. Можно утверждать, что в отношении проблем российской абсолютной монархии историки успешно решали задачи, о которых шла речь на «круглом столе» в начале 1988 г. Вместе с тем было очевидно, что новые методологические акценты, актуализация наследия государственной школы, восприимчивость к установкам западной историографии постепенно набирают все большую силу, тем более что это встретило интерес и поддержку в научном сообществе.

6.2. Западноевропейский абсолютизм в дискурсе российской советской историографии 1985–1991 гг.

Трансформации в исторической науке, начавшиеся после 1985 г., затронули и медиэвистику. Однако здесь изменения носили несколько иной характер, нежели в проблемном поле российской истории. Исследование западноевропейского Средневековья изначально было менее идеологизированным, события, происходившие в средневековой Европе, не вызывали у советских людей такого эмоционального отклика, как отечественная история. Соответственно, медиэвистам не пришлось сталкиваться с проблемами, о которых велась речь во время описанного выше «круглого стола» в январе 1988 г., и экстренно реагировать на ситуацию.

Период перестройки начался для советских медиэвистов с переосмысления периодизации истории Средних веков. Суть проблемы заключалась в поиске ответа на вопрос: оставить существующую верхнюю границу Средневековья на начале Английской революции или сместить ее на полтора столетия ниже, к рубежу XV–XVI вв.? Характерно, что аргументация в обоих

¹⁵⁹ Боханов А. Последний самодержец. С. 102.

¹⁶⁰ Там же. С. 107.

случаях основывалась на высказываниях классиков марксизма. Например, М. А. Барг считал, что XVII в. уникален. Это время расцвета мануфактурного производства¹⁶¹. В XVII в. произошли две победоносные буржуазные революции – в Нидерландах и в Англии¹⁶². Политическим выражением кризиса феодализма явилось вступление европейского абсолютизма в упадочную фазу развития, в первую очередь во Франции¹⁶³. Соответственно, XVII в. было бы правомерно считать границей между феодальной и капиталистической эпохами.

В. Н. Малов, напротив, считал смещение периодизации с XVII на XVI в. заслуживающей внимания идеей. С одной стороны, XVI столетие было охарактеризовано К. Марксом как начало капиталистической эры¹⁶⁴. С другой – именно в XVI в. прошли Реформация, Крестьянская война и Нидерландская революция. В. Н. Малов поддержал мнение В. И. Рутенбурга о том, что эти события имели рубежное значение для западноевропейской истории. Как отметил В. И. Рутенбург, именно Немецкую революцию, связанную с Реформацией и Крестьянской войной, Ф. Энгельс назвал первой буржуазно-демократической революцией в Европе¹⁶⁵.

Точку зрения о начале Нового времени в XVI в. разделял и Ю. Е. Ивонин. Во-первых, Реформация – это первая буржуазная революция, с точки зрения Энгельса¹⁶⁶. Во-вторых, несмотря на то, что в XVI в. в европейском масштабе еще господствует феодальная формация, уже возникает мировой рынок, характерный для капиталистического производства¹⁶⁷.

В первые годы перестройки концепт западноевропейского абсолютизма не претерпевал видимых изменений, однако было очевидно известное смягчение оценок в авторском дискурсе, более свободное формулирование вопросов и высказывание суждений. Произошло и расширение тематики. Так, вышел ряд публикаций, касающихся испанского абсолютизма. В частности, было комплексно рассмотрено становление испанского абсолютизма, экспроприация испанского крестьянства и роль в этом монархии¹⁶⁸ (Н. П. Денисенко), анализировался состав и специфика испанских кортесов,

¹⁶¹ Барг М. А. Место XVII века в истории Европы (к вопросу о «начале нового времени» // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 68, 73.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. С. 74.

¹⁶⁴ Малов В. Н. Единство и противоречия позднефеодального периода // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С. 83.

¹⁶⁵ Рутенбург В. И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 72.

¹⁶⁶ Ивонин Ю. Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? // Там же. 1987. № 1. С. 70–71.

¹⁶⁷ Там же. С. 75.

¹⁶⁸ Денисенко Н. П. Испанская монархия в последней трети XV – начале XVI века: учеб. пособие. Иваново, 1991. 74 с.; его же. Испанская корона и крестьянство в XVI в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 230–241.

доступ к должностям испанских дворян и горожан¹⁶⁹ (В. А. Ведюшкин), отношения между испанской монархией и духовно-рыцарскими орденами¹⁷⁰ (О. И. Варьяш).

Во второй половине 1980-х гг. получила развитие разработка проблем абсолютизма в германских землях, отраженная в работах Ю. Е. Ивонина. Его статья, вышедшая в 1987 г., демонстрирует специфику Саксонии и потенциальную возможность создания саксонского варианта княжеского абсолютизма в XVI в.¹⁷¹ Характеризуя особенности германских земель, автор отмечает, что в рассматриваемое время Германия не ощущала мощного давления извне. По этой причине не было основания для национальной консолидации, как в свое время во Франции, России или Испании. Следовательно, усиливалась власть князей в отдельных землях. Однако, подчеркивает Ю. Е. Ивонин, как универсалистская модель империи Габсбургов, так и княжеский абсолютизм не были основой национального единства Германии – первый был слишком широк, второй – слишком узок¹⁷².

В статье о германском абсолютизме¹⁷³ Ивонин указывает, что абсолютизм, будучи социально-политической формой организации государства на переходном этапе от феодализма к капитализму, выполняет двойную функцию. Она заключается как в сохранении феодальных институтов, так и в стимулировании экономических процессов и подготовке социальных сил, присущих капитализму¹⁷⁴. Автор акцентирует внимание на том, что «равновесия» сил дворянства и буржуазии, характерных для Франции, не было в Австрии, Пруссии или России. В этих странах абсолютизм, гарантировавший господство феодалов, был заинтересован и в ограждении крестьянства от разорения, так как это могло лишить государство основного источника дохода и пополнения армии¹⁷⁵.

Характеризуя германский абсолютизм, Ю. Е. Ивонин указывает на то, что германские княжества, независимо от их политической значимости, были вовлечены в войны за гегемонию в Европе и торговые конфликты. Постоянные военные столкновения обуславливали милитаристский характер германского, в частности прусского, абсолютизма. А был ли воз-

¹⁶⁹ Ведюшкин В. А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI–XVII вв.) // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985. С. 93–110.

¹⁷⁰ Варьяш О. И. Королевская власть и ордена в Испании XVI века (по документам ордена Калатрава, ЛОИИ АН СССР) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 222–229.

¹⁷¹ Ивонин Ю. Е. Проблема возникновения княжеского абсолютизма в Германии (некоторые аспекты политики Морица Саксонского) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: межвуз. сб. Л., 1987. С. 84–95.

¹⁷² Там же. С. 84–85.

¹⁷³ Ивонин Ю. Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 65–75.

¹⁷⁴ Там же. С. 65.

¹⁷⁵ Там же. С. 66.

жен иной выход в создавшейся ситуации? Автор ставит и другие вопросы: в силу чего классическим германским абсолютизмом считается именно прусский? Почему не сопоставить германский княжеский абсолютизм с итальянским?¹⁷⁶

Отмечая активизацию исследовательского интереса к германскому и испанскому абсолютизму, нужно констатировать, что лидером в изучении политических институтов продолжала оставаться Франция. Так, в 1989 г. в МГУ была защищена кандидатская диссертация С. К. Цатуровой, посвященная Парижскому парламенту¹⁷⁷ – фундаментальному политическому институту и основному оппоненту королевской власти. Роль Парижского парламента была исключительна и определялась особым местом права в феодальном обществе. Кроме того, автор поднял проблему возникновения чиновничества как определенной социальной группы служащих государства¹⁷⁸. В диссертации содержится ответ на вопрос, почему Парижский парламент, как высшая судебная инстанция, стал в результате противовесом королевской власти: «Призванный защищать “интересы короля”, парламент должен был сделать выбор между интересами государства и личными устремлениями конкретного короля и его менявшегося окружения. Поворот к политике парламента в сторону защиты интересов общества от посягательств на успехи централизации, королевскую власть и всеобщее благо был окончательно сделан именно в первой трети XV в., когда разгул политической борьбы грозил стране гражданской войной.

Особое место среди работ середины 1980-х гг. занимает монография Л. А. Пименовой о дворянстве накануне Французской революции¹⁷⁹. Еще в начале 1980-х гг. советские исследователи Французской революции столкнулись с ее реинтерпретацией немарксистской историографией, что было охарактеризовано в СССР как «ревизионистское» направление. На этот вызов надлежало отвечать, с одной стороны, признавая неоднозначность и нерешенность поднимаемых проблем, с другой – не поступаясь принципами официальной методологии, что и делалось до 1985 г. Однако новые реалии ослабляли идеологический пафос и делали возможными ряд допущений. Автор не только переосмысливает установки советской историографии, но и актуализирует суждения российских историков начала XX в. о предпосылках Французской революции.

¹⁷⁶ Ивонин Ю. Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. С. 69.

¹⁷⁷ Цатурова С. К. Парижский парламент в первой трети XV в. (по «Дневникам» секретарей суда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.

¹⁷⁸ Там же. С. 1.

¹⁷⁹ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986. 213, [2] с.

Так, в традиционном ключе абсолютизм расценивается как дворянская монархия. Его политика защищает интересы дворянства, государственный аппарат в своих высших и частично средних звеньях дворянский по составу. Относительная независимость абсолютизма от различных общественных классов обуславливает тот факт, что политика королевской власти подчас идет вразрез с некоторыми интересами дворянского сословия. Во второй половине XVIII в. взаимоотношения дворянства и абсолютизма изменились. В это время Старый порядок находился в стадии упадка, заметно ускорилось развитие буржуазных отношений. В таких условиях монархия предпринимала попытки реформ, однако их проведение наталкивалось на сопротивление дворянства, не желавшего идти на серьезные уступки¹⁸⁰. Имманентной категорией Старого порядка была дворянская оппозиция, прерогативы короны вступали в противоречия с прерогативами дворянства. Указанное было особенно верно в отношении парламентов¹⁸¹.

На этой концептуальной основе автором создается качественно новая для советской историографии версия отношений дворянства и монархии во Франции накануне 1789 г. Так, в советском дискурсе отсутствовала мысль о том, что на исходе Старого порядка недовольство политическим режимом абсолютной монархии стало общим для всего дворянского сословия. Советская историография не оперировала также категорией «социальная фрустрация», в состоянии которой, по мнению автора, оказались целые группы дворянского класса, переставшие видеть в абсолютизме защитника своих интересов. В равной степени, советскими исследователями не акцентировалось внимание на разнородности дворянской оппозиции¹⁸².

Особенное место в работе уделено идеологии и мировоззрению дворянства, динамике его системы ценностей, частичному обуржуазиванию, усвоению элементов мировоззрения третьего сословия в дворянской среде и т. д.¹⁸³ Таким образом, книга Л. А. Пименовой показывала дворянство предреволюционной Франции не как эксплуататорский и паразитический класс, а как сложнейшее социальное образование, игравшее значительную роль, в ряде случаев оппозиционное абсолютизму, и в силу этого оказавшее немалое влияние на складывание революционной ситуации во Франции.

Наконец, Л. А. Пименовой фактически был вновь введен в оборот термин «Старый порядок». Этот термин, указывает автор, возник в эпоху Французской революции для обозначения дореволюционных государственных

¹⁸⁰ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой Французской революции. С. 57.

¹⁸¹ Там же. С. 62–63.

¹⁸² Там же. С. 64.

¹⁸³ Там же. С. 77–94.

и общественных институтов и затем, наполненный иным, научным содержанием, утвердился в историографии. Под «Старым порядком» понимается период позднего феодализма, то есть XVI–XVIII вв. Вторая половина XVIII в. – время нарастания кризиса Старого порядка, социально-политических противоречий и конфликтов, которые в итоге окончились Великой буржуазной революцией¹⁸⁴.

По сравнению с переосмыслением Французской революции исследование Английской выглядело более скромно. Однако и здесь наблюдалось смещение приоритетов в сторону изучения политико-правовых ее предпосылок, о чем свидетельствуют работы С. В. Кондратьева¹⁸⁵ и А. В. Чудинова¹⁸⁶. Книгой, сочетавшей в себе и концептуальные инновации, и методологическую основу советской историографии, стала «Английская революция в портретах ее деятелей» М. А. Барга¹⁸⁷.

В 1989 г. вышла статья доктора исторических наук, директора Института всеобщей истории А. О. Чубарьяна «Опыт мировой истории и идеология обновления»¹⁸⁸. «Важнейшая задача сегодня, – подчеркивал автор, – раскрепощение исторического сознания, отказ от привычки к устоявшимся схемам и директивным оценкам, от страха “ошибиться” и не попасть в “общую струю”, преодоление застоя прежде всего в методологических вопросах исторической науки, разработка всех без исключения отраслей знания»¹⁸⁹. Было обращено внимание на необходимость диалога с зарубежными историками, на то, что противопоставление СССР остальному миру и формула «мы или они» наносили вред международному общению¹⁹⁰. Однако сказанное не означало «отказа от критической оценки сложных и противоречивых историографических явлений на Западе с позиций марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического процесса»¹⁹¹.

Перечисляя востребованные направления исследований, А. О. Чубарьян отметил, что «интересно бы изучить роль бюрократии, стратегию удержания власти, также выявление механизма такой стратегии в целом»,

¹⁸⁴ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой Французской революции. С. 27.

¹⁸⁵ Кондратьев С. В. Политическая мысль Англии конца XVI – первой четверти XVII века. Из истории формирования идейных предпосылок Английской буржуазной революции: по работам английских юристов: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 234 с.; его же. Основные черты административно-судебной системы Англии XVI – начала XVII вв.: носители власти и структура институтов // Европа на этапе от классического средневековья к новому времени. Тюмень, 1991. С. 54–70.

¹⁸⁶ Чудинов А. В. Абсолютизм и меркантилизм – практика и теория (Англия, 20–30-е годы XVII в.) // Буржуазная общественная мысль Англии XVII–XIX вв. М., 1989. С. 9–25.

¹⁸⁷ Бург М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. 397, [2] с.

¹⁸⁸ Чубарьян А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 7–18.

¹⁸⁹ Там же. С. 8.

¹⁹⁰ Там же. С. 15.

¹⁹¹ Там же. С. 16.

уделить внимание роли личности в истории и «жизни обычного человека, которого стало не видно за трудящимися и народными массами»¹⁹².

Показательной явилась статья Е. В. Гутновой «Государство в структуре и эволюции феодального общества»¹⁹³. В ней отмечалось недостаточное внимание советской медиевистики к вопросам истории государства. Это не только было упрощенным подходом, но и приводило к недооценке значения истории государства и права, религии и церкви, духовной культуры и идеологии¹⁹⁴. Автор указал на вопросы, которые впоследствии определяют проблемное поле изучения западноевропейской абсолютной монархии. Актуальными темами стали соотношение центральной власти и местного управления, деятельность аппарата управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, личностный фактор¹⁹⁵.

Наиболее эмоционально о проблемах всеобщей истории высказался доктор исторических наук, франковед П. П. Черкасов в публицистической статье «Портрет или подделка?»¹⁹⁶: «Уверовав когда-то, что мы владеем самой передовой марксистской методологией истории, с помощью которой советская историческая наука, действительно, добилась значительных успехов, постепенно мы успокоились, не заметив, как стали отставать от уровня мировой историографии, одновременно твердя о кризисе и тупиках западных историографических школ... Многие наши исследования в области всеобщей истории страдают экономическим детерминизмом, вульгаризацией и упрощением классового подхода, спрямлением сложностей и многообразия исторического процесса. Постепенно из исследований исчезал главный субъект и творец истории – Человек, буквально задавленный в тисках производительных сил и производственных отношений. Экономическая история, историко-культурная антропология, историко-экологические и историко-демографические исследования, социальная психология, история семьи – во всем этом и во многом другом мы на сегодняшний день безнадежно отстали. Возьмем Великую Французскую революцию, к 200-летию юбилею которой наше франковедение пришло с более чем скромными результатами...»¹⁹⁷

Двухсотлетие Великой французской революции, однако, не только высветило «болевые точки» советского франковедения, но и послужило дополнительным импульсом к тому, чтобы методологические измене-

¹⁹² Чубарьян А. О. Опыт мировой истории ... С. 12.

¹⁹³ Гутнова Е. В. Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М., 1989. С. 247–260.

¹⁹⁴ Там же. С. 247.

¹⁹⁵ Там же. С. 252–260.

¹⁹⁶ Черкасов П. П. Портрет или подделка? // Родина. 1989. № 2. С. 68.

¹⁹⁷ Там же.

ния конца 1980-х гг. приобрели необратимый характер. Например, само за себя говорило название сборника научных публикаций «От Старого порядка (а не феодально-абсолютистского строя. – Л. Л.) к революции»¹⁹⁸. Не случайно Л. А. Пименова поставила вопрос: что же было феодальным во Франции XVIII в.? Экономика была многоукладной, государство и общество представляли собой переплетение разнородных элементов. На современном уровне знаний, указывает она, нет оснований характеризовать систему общественных отношений Франции как феодальный строй. Поэтому лучше вместо «феодально-абсолютистского строя» пользоваться принятым во французской литературе термином Старый порядок. В неопределенности этого термина, разъясняет далее Пименова, есть известное достоинство, так как он не навязывает исследователю никакой готовой концепции. Более того, не следует связывать конец Старого порядка только с Французской революцией. Было бы упрощением абсолютизировать Французскую революцию как рубеж во французской истории на всех ее уровнях¹⁹⁹.

А. В. Чудинов, анализируя проблемы изучения Французской революции, указывал на некорректность дальнейшего применения понятия «феодально-абсолютистский строй» и необходимость создания адекватной картины предреволюционной Франции²⁰⁰. Примечательно, что пересмотр традиционных установок в изучении Французской революции не только проходил в научной среде, но доводился до широкого круга преподавательской аудитории²⁰¹.

Изучение французской монархии накануне 1789 г. сопровождалось переосмыслением работ, созданных по этой теме в дореволюционной России. Речь шла, прежде всего, о научном наследии П. Н. Ардашева, концепция которого возвращалась в историческую науку²⁰².

Актуализация термина «Старый порядок», равно как и знакомство с немарксистской историографией предпосылок революции, выдвинула на первый план изучение французского абсолютизма в предреволюционную

¹⁹⁸ От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции: межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988. 175 с.

¹⁹⁹ Пименова Л. А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции: материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г. М., 1989. С. 94–95.

²⁰⁰ Чудинов А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой Французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 70–71.

²⁰¹ Блуменау С. Ф. Некоторые проблемы изучения Великой Французской революции // Преподавание истории в школе. 1989. № 4. С. 7–18.

²⁰² Леонидова О. А., Иванова Т. Н. П. Н. Ардашев: материалы к научной биографии // Эпоха Великой Французской революции: проблемы истории и историографии: к 200-летию юбилею революции: межвуз. сб. науч. трудов. Чебоксары, 1989. С. 76–92.

эпоху. Речь шла о выяснении отношения к монархии дворянства и парламентов, проведении реформ и степени их эффективности, наличии альтернатив у монархии и выяснении ее «запаса прочности». Указанное получило рассмотрение в работах Л. А. Пименовой²⁰³, Е. И. Лебедевой²⁰⁴ и И. Б. Берго²⁰⁵. Сделанные авторами выводы были таковы. Ключевыми моментами развития предреволюционной Франции являются предпринятые монархией во второй половине XVIII в. попытки реформ и возникновение в недрах Старого порядка оппозиции абсолютизму. С 50-х гг. XVIII в. правительством проводится ряд реформ, но они не были последовательными и систематизированными. Их неудача явилась свидетельством нарастания кризиса всей французской феодально-абсолютистской системы²⁰⁶.

В исследованиях конца 1980-х гг. звучала мысль и о том, что нужно достаточно критически относиться к работам историков «ревизионистского» направления, реинтерпретирующим созданные прогрессивной и марксистской историографией концепции Французской революции²⁰⁷. Ряд нюансов развития предреволюционной Франции действительно ускользали от внимания советской историографии. Однако в последние годы эти проблемы разрабатываются, и «дальнейшее их изучение на базе марксистской методологии представляется весьма плодотворным»²⁰⁸. Марксистская парадигма продолжала существовать, она была своего рода официальным нормативом. Однако этот норматив уже не имел директивного значения и допускал разнообразные интерпретации.

В связи с реалиями «нового политического мышления», жесткий тон в отношении западноевропейской историографии постепенно сглаживался. Официальные пожелания активизировать исследования в области политической истории, системы управления, правящей элиты и т. д. совпадали со стремлением историков заняться сюжетами, ранее не приветствуемыми

²⁰³ Пименова Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология: [сб. ст. к 200-летию юбилею Великой Французской революции]. М., 1988. С. 59–74; см. также: ее же. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе века Просвещения (по наказам дворянского сословия генеральным штатам 1789 г.) // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции: межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988. С. 77–85.

²⁰⁴ Лебедева Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской революции: современная историографическая ситуация // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989. С. 219–231.

²⁰⁵ Берго И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 39–55; см. также: ее же. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749–1776 гг. // Французская революция XVIII века ... М., 1988. С. 37–58; ее же. К вопросу о политической предыстории Великой Французской революции / И. Б. Берго // Актуальные проблемы истории Великой Французской революции: материалы «круглого стола» ... С. 120–129.

²⁰⁶ Она же. К вопросу о политической предыстории ... С. 120–121.

²⁰⁷ Она же. Парламенты и политическая борьба ... С. 40.

²⁰⁸ Лебедева Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской революции ... С. 227.

советской историографией. В свою очередь, ослабление идеологического контроля и стремление «по-новому» интерпретировать марксизм привели к иным смыслам и ключевым словам текстов, постепенно исчезало цитирование классиков марксизма.

Таковым было, например, рассмотрение высшей бюрократии в системе Старого порядка, предпринятое ленинградским историком Н. Е. Копосовым. Феномен высшей бюрократии автор связывал со способностью абсолютизма к самореформированию, выводя отсюда предпосылки Французской революции. Соответственно, среди последних конфликт новых производительных сил и старых производственных отношений не упоминался. Вывод Копосова о жизнеспособности Старого порядка звучал так: «С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была неспособна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей»²⁰⁹.

Отмечая быстрое заполнение проблемного поля абсолютизма работами новой методологической направленности, нужно учитывать, что соблюдались и установки марксистской методологии, которая продолжала сохраняться. Например, докторская диссертация известного историка государства и права К. И. Батыра была написана целиком на ее основе. Автор утверждал, что абсолютная монархия, обладая высокой степенью самостоятельности, тем не менее не могла трансформироваться в буржуазную монархию²¹⁰. Абсолютная монархия во Франции, как и в любой другой стране, не могла быть и не была надклассовой силой, способной «отменить» феодализм²¹¹.

В свете внимания к идеологическим и правовым аспектам абсолютной монархии актуальными были работы саратовской исследовательницы И. Я. Эльфонд о политических учениях Франции эпохи Возрождения, сыгравших немалую роль в утверждении абсолютизма²¹².

Несмотря на множество методологических оттенков в исследованиях рассматриваемого периода, знаковыми для рубежа 1980-х – 1990-х гг. стали работы историков, представляющих на тот момент молодое поколение, – Н. Е. Копосова и Е. М. Кожокина²¹³. Статья «Французский абсолю-

²⁰⁹ Копосов Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции ... С. 51.

²¹⁰ Батыр К. И. Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 8.

²¹¹ Там же. С. 20.

²¹² Эльфонд И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция): учеб. пособие. Саратов, 1991. 72 с.

²¹³ Ляхович Л. В. Проблема французского абсолютизма в контексте методологических изменений на рубеже 1980-х – 1990-х гг. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: матер. IV Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 22 апр. 2013 г. Минск, 2013. С. 91–93.

тизм и финансисты в свете новейших исследований» Н. Е. Копосова²¹⁴, как и приведенная выше работа о бюрократии, даже внешне имеет мало общего «доперестроечной» традицией. Созданные на материале французских авторов, без обязательной критики буржуазной историографии и обращения к классикам марксизма как некоему методологическому эталону, работы демонстрируют сугубо авторскую позицию. В частности, в статье о финансистах подвергается сомнению тезис о безраздельном господстве знати в королевских финансах²¹⁵. Опираясь на зарубежную историографию, в работе о французских интендантах Н. Е. Копосов формулирует идею границ власти короля, которая будет развита впоследствии. «Неправильно видеть, – утверждает он, – в провинциальных интендантах всевластных агентов королевского произвола или просвещенных реформаторов жизни провинций: ни для того, ни для другого у них просто не хватало сил. Все это вносит существенные коррективы в привычную картину французского абсолютизма, который, при ближайшем рассмотрении, даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком “абсолютным”»²¹⁶. Специальное внимание было уделено Н. Е. Копосовым изучению политических карьер XVII в. Автор пришел к выводу, что, несмотря на социальное происхождение, которое слабо сказывалось на карьерном росте, и даже с учетом более значимых родственных связей, политические карьеры все же определялись в первую очередь «умственными способностями, деловыми навыками, честолюбием и готовностью исправно вершить волю министров»²¹⁷.

То, что работы Н. Е. Копосова размывали устоявшиеся представления о природе абсолютной монархии и классовый подход, при этом вводя советскую историографию в исследовательскую парадигму Запада, показывает его книга о высшей бюрократии XVII в. во Франции²¹⁸.

«Любая интерпретация социальной природы абсолютизма немислима без учета социального облика находившихся у кормила правления людей»²¹⁹, – выдвигает автор базовый тезис и обосновывает тем самым главный метод своей работы – просопографический, то есть историко-социологическую анкету малой группы. В данном случае это все члены королевского совета, занимавшие в нем посты между 9 марта 1661 г. и 1 сен-

²¹⁴ Копосов Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М., 1987. С. 139–155.

²¹⁵ Там же. С. 146–154.

²¹⁶ Он же. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка: (аналит. обзор) // К 200-летию Французской революции: зарубежная историография: реф. сб. М., 1988. С. 160.

²¹⁷ Он же. К изучению политических карьер во Франции XVII в. // Вестник ЛГУ. Сер. 2, вып. 2. 1989. С. 16–17.

²¹⁸ Он же. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990. 248 с.

²¹⁹ Там же. С. 3.

тября 1715 г. (между смертью Мазарини и смертью Людовика XIV) – всего 415 человек²²⁰.

Исследование привело автора к ряду новых выводов. Члены королевского совета юридически считались дворянами (причем около половины по тогдашним меркам родовитыми), а экономически – сеньорами, однако с той оговоркой, что значительную часть их богатств составляли ренты, и они были полусеньорами, полурантье. Возникновение высшей бюрократии было обусловлено укреплением королевской власти, и торжество «административной монархии» Короля-Солнца вряд ли было бы возможно без «слуг короля». Вместе с тем было бы ошибкой преувеличивать степень «абсолютистской» власти Людовика XIV. Абсолютизм Бурбонов носил до самого конца своего существования черты «незавершенности». Возможно, это объясняется незавершенностью вычленения высшей бюрократии, его непосредственной опоры, из среды магистратов верховных судов²²¹.

Члены королевского совета представляли собой относительно единую и самостоятельную социальную группу. Это проявлялось в единообразии карьер, едином правовом статусе, однотипности контактов с другими группами, единообразии происхождения и возвышения, прочных внутренних связей (в частности, матримониальных), уровне благосостояния и т. д.²²² Однако эта социальная прослойка не была монолитной. Она имела «чистую среду» из представителей старых парижских робенских династий и «смешанную», включавшую выходцев из военного дворянства, среднего чиновничества, финансистов, адвокатов, буржуа. Не была однородной и «смешанная среда». Ее аристократический полюс образовывали представители министерских династий, которые стояли на социальной и имущественной лестнице значительно выше рядовых членов совета и в известном смысле принадлежали к придворному обществу. Тем не менее они далеко не были ровней придворной знати²²³.

Эти заключения частного характера стали основой для более масштабных выводов, в первую очередь об огромном разнообразии социальных групп в рассматриваемый период. С XVI в., отмечает автор, традиционные водоразделы в обществе потеряли былую определенность. Получили развитие новые формы богатства, связанные с денежным хозяйством, и власти, воплощенной в государственном аппарате. Социальный облик индивида приобрел более комплексный характер. Разумеется, экономическая граница между сеньорами и несеньорами и юри-

²²⁰ Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. С. 4.

²²¹ Там же. С. 226–227.

²²² Там же. С. 220.

²²³ Там же. С. 221.

дическая – между дворянами и недворянами – не исчезла, однако они перестали совпадать друг с другом. Робены – это, конечно, сеньоры. Но сеньоры – это и провинциальные буржуа, и финансисты, и придворная знать²²⁴. Отмеченное приводит к следующему выводу о том, что вопрос «чиновничество – это дворянство или буржуазия?» по сути своей лишен смысла. Он имел бы смысл, если бы дворянство и буржуазия представляли собой более или менее единые социальные образования²²⁵.

Такая постановка вопроса минимизировала не только классовый подход, но и ставила в принципе трудноразрешимую задачу выявления критериев принадлежности к дворянству. Копосов приводит замечание П. Губера о том, что Старый порядок остался в памяти французских крестьян как «время сеньоров». Но сеньоры не обязательно были дворянами, а дворяне – сеньорами. Еще менее дворянство можно определить как расу или касту – дворянами называли не только родовитых, к тому же существовало несколько категорий родовитости. Критерий самосознания также весьма уязвим, оно имеет много вариантов, и какой следует сегодня выбрать за истину – тщеславие герцога Сен-Симона или господина Журдена? Возможны возражения и против понимания дворянства как правовой категории. Главное из них состоит в том, что не было ни одной привилегии, которую бы разделяли все без исключения дворяне и никто, кроме дворян. И тем не менее в XVII в. во Франции была выработана строгая система доказательства дворянства. С некоторыми локальными особенностями, она имела общезакономерный характер и обладала реальным значением благодаря тщательно основанной генеалогической службе²²⁶. Последняя фраза, кроме своего прямого смысла, указывала на условность, неполноту и относительность любой исторической реконструкции – будь это марксистская теория классов или социальная история, что, возможно, и являлось имплицитным выводом всей работы.

Статья Н. Е. Копосова «Абсолютная монархия во Франции»²²⁷ может претендовать на роль «концептуального прорыва» в рассмотрении абсолютизма. Справедливо утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые представления XIX – начала XX в. – времени создания концепта «абсолютизм» в исторической науке – на реалии XVI– XVIII вв., автор, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных огра-

²²⁴ Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. С. 224.

²²⁵ Там же. С. 225.

²²⁶ Там же. С. 71.

²²⁷ Он же. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 42–57.

ничений²²⁸. Копосов показал, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, материальной силе государства противостояла независимая от него сила общества. Официальная абсолютистская концепция во многом основывалась на представлении о публично-правовом характере государственной власти, к тому же средневековые традиции частнопубличной государственности были еще очень сильны при Старом порядке. Это и династическая политика, и сеньориальная юстиция, и собственность чиновников на должности, и отношения личной верности, которые в политическом сознании дворянства XVI–XVII вв. оставались не менее существенным принципом, чем государственное подданство²²⁹.

Понимание абсолютизма как феодального государства, утверждает Копосов, является упрощением – и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу. В трактовке причин возникновения абсолютной монархии автор не упоминает концепцию «равновесия», а утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности²³⁰.

«Абсолютная монархия во Франции» вызвала как отклик заметку Ю. Е. Ивонина под названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?». Автор был солидарен с Н. Е. Копосовым в том, что в области изучения абсолютизма существует множество нерешенных вопросов, что социологическая модель абсолютизма оставляла далеко на периферии политические институты²³¹. Однако, по мнению Ю. Е. Ивонина, Н. Е. Копосов несколько прямолинеен и радикален в своих выводах. При этом Ивонин предельно корректен и приглашает Копосова к конструктивному диалогу, дискуссии, в ходе которой могло бы быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции»²³².

Московский историк-франковед Е. М. Кожокин рассматривал французский абсолютизм как дворянское государство эпохи позднего феодализма, но в рамках правового подхода и теории конфликта элит. Говоря о сосредоточении всей государственной власти в руках короля, Кожокин отмечает, что при этом монарх был обязан уважать основные законы королевства. «Главное же, – подчеркивал Кожокин, – хотя король и считался абсолютно

²²⁸ Копосов Н. Е. Абсолютная монархия во Франции. С. 42–44.

²²⁹ Там же. С. 45–46.

²³⁰ Там же. С. 55.

²³¹ Ивонин Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 177.

²³² Там же. С. 178.

суверенным государем, он не мог без крайней необходимости нарушать веками складывающуюся систему привилегий, обычаев и свобод. Абсолютная монархия не отменяла, а включала в себя многие архаичные институты традиционной сословной монархии. С другой стороны, именно это традиционное правовое ограничение власти служило важной предпосылкой развития буржуазных общественных отношений. Не де-юре, но вполне де-факто королевская власть была абсолютна в пределах, предписанных ей правом. С этой точки зрения она уже несла в себе потенциал будущей буржуазной государственности»²³³.

Во Франции, ввиду практики покупки должностей, происходило отчуждение власти в пользу достаточно независимого аппарата. Политически лояльное чиновничество могло, исходя из своих личных и корпоративных интересов, саботировать государственную политику. С этим королевская власть столкнулась еще при Ришелье, когда предметом конфликта было усиление налоговой политики, а в 1648 г. сопротивление приняло форму открытой политической конфронтации²³⁴. Фронду Кожокин рассматривает как конфликт элит. Ни одну из противоборствующих сторон, утверждает он, нельзя назвать прогрессивной или консервативной. Мазарини защищал институт интендантов и в их лице прообраз чиновничества современного типа; суверенные суды, отстаивая контролируемость государственного бюджета, подготавливали почву для идей разделения властей и подотчетности исполнительной власти. Фронда, по мнению Кожокина, не являлась буржуазной революцией. Она лишь ускорила формирование режима административной монархии, которая, в свою очередь, выступила последним звеном на пути становления буржуазного государства²³⁵.

Трактовка Кожокиным французского абсолютизма дополнялась совершенно новым дискурсом, противоположным по своей направленности дискурсу советской историографии. В работе «Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции» французская монархия характеризуется им в следующих выражениях: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей покоилось на трех основах: религиозной, феодальной и римско-правовой... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя – “король Франции”, под словом “Франция” подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность (кур-

²³³ Кожокин Е. М. Фронда: кризис французского государства в середине XVII века // Французский ежегодник. 1986. М., 1988. С. 56.

²³⁴ Там же. С. 57.

²³⁵ Там же. С. 79.

сив мой – Л. Л.). Мистика, политика, религия, экономика сливались в одно целое. Рациональное расчленение сфер общественной жизни еще только намечалось...»²³⁶

Примечательны созданные Кожокиным характеристики правящей элиты в сюжете о регентстве королевы после смерти Людовика XIII: «Отстранив регентский совет, Анна Австрийская приняла на себя всю ответственность за судьбу французского королевства... Но ее почивший муж был прав: она действительно не могла одна справиться с тяжелейшей миссией главы государства. Трудно сказать, понимала ли это сама королева. Она не была человеком холодного разума, политических калькуляций и продуманных решений. Страсти всегда брали у нее верх над разумом. Но теперь ее главная, всепоглощающая страсть – страсть материнского чувства, – совпала с государственным интересом... Советчиков много, но кому довериться? Инстинкт матери и женщины помог ей сделать выбор. Первым министром, другом и... кто знает, кем еще... стал Джулио Мазарини»²³⁷.

События Фронды, отмечал Кожокин, лишь незначительно поколебали монархизм народных масс, возлагавших надежды на юного короля, предмет любви и поклонения. «Но, – указывает автор, – личная привязанность к королю вовсе не свидетельствовала о готовности подчиняться его администрации»²³⁸. Е. М. Кожокин отнюдь не идеализирует монархию. Он ведет речь об ее оторванности от общества, архаичности ее институтов, бюрократической опеке и контроле. Однако, отмечает он, опекаемые сохранили в себе способность к сопротивлению. Сохранились институты, препятствовавшие перерождению абсолютизма в деспотию, не подверглась уничтожению или даже существенному изменению политическая культура общества²³⁹. Все это сыграло свою роль впоследствии, при попытках монархии провести реформы и решить финансовые проблемы. В определении причин революции Кожокин был солидарен с маркизом д'Аржансоном, считавшим, что во Франции история развития монархии находится в прямой зависимости от истории министров финансов²⁴⁰.

Значимым симптомом изменений в дискурсе стало появление работ, посвященных государственным деятелям Франции эпохи абсолютизма. Нужно отметить, что в советской историографии выход подобных исследований, посвященных представителям «эксплуататорских классов», к тому

²³⁶ Кожокин Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / отв. ред. П. П. Черкасов. М., 1989. С. 4.

²³⁷ Там же. С. 12.

²³⁸ Там же. С. 34.

²³⁹ Там же. С. 52, 80.

²⁴⁰ Там же. С. 100.

же с раскрытием их внутреннего мира, был невозможен. В 1990 г. вышла созданная П. П. Черкасовым политическая биография кардинала Ришелье²⁴¹ – первая в СССР книга, посвященная едва ли не самому популярному представителю правящей элиты Франции эпохи абсолютизма. Написанная живым языком, с огромным вниманием к внутреннему миру Ришелье, жизни французского общества, она в то же время создавала панораму внутренней и внешней политики Франции. Избегая прямолинейных оценок, основываясь в большей степени на французских источниках, автор представил многогранный образ политика и человека, отнюдь не идеализируя великого кардинала.

Итогом исследований и переосмысления установок относительно французской абсолютной монархии стали докторская диссертация²⁴² и монография²⁴³ В. Н. Малова. С одной стороны, автор основывает свою трактовку французского абсолютизма на марксистской методологии, но проблема получает качественно иную трактовку. С другой – написание биографии Жана-Батиста Кольбера было бы весьма проблематичным в «доперестроечных» условиях. Позднее сам В. Н. Малов отмечал: «Самая главная и самая сложная работа – безусловно, книга о Кольбере. Для меня это было как штурм Измаила, о котором Суворов сказал, что решиться на такое дело можно только раз в жизни. Тема масштабная, широкоохватная и такая замусоренная стереотипами, легендами... Да тут еще “указание” начитавшегося физиократов Энгельса на то, что мануфактуры Кольбера разорили крестьянство – как бревно поперек дороги... Хорошо, что я писал книгу уже в годы перестройки. Мне было очень трудно решиться взять эту тему, некоторое время казалось, что тут ничего нельзя сделать...»²⁴⁴

Докторская диссертация В. Н. Малова рассматривает экономическую и социальную политику Ж.-Б. Кольбера, министра в 1661–1683 гг., в контексте развития французского абсолютизма и генезиса капитализма во Франции. Именно французский абсолютизм был образцовым для других абсолютных монархий. Кроме того, в рассматриваемый период Франция достигла наивысшего внешнеполитического и внутривнутриполитического могущества²⁴⁵. При характеристике деятельности Кольбера автор исходит «из принятого у основоположников марксизма понимания социальной природы классического абсолютизма как исторически сложившейся системы ди-

²⁴¹ Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990. 384 с.

²⁴² Малов В. Н. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Социальная и экономическая политика Кольбера: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 36 с.

²⁴³ Он же. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. 240 с.

²⁴⁴ Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века. Вып. 69(2). М., 2008. С. 56.

²⁴⁵ Малов В. Н. Абсолютистская бюрократия ... С. 2.

намического равновесия сил между поднимающейся буржуазией и приходящим в упадок классом феодалов»²⁴⁶.

Равновесие может иметь различный характер. Во Франции – это динамическое равновесие, связанное с вызреванием капитализма в недрах феодальной формации и сказывающееся в том, что нисходящий класс достаточно ослабел, а восходящий еще недостаточно силен, чтобы непосредственно подчинить себе государственную власть. Существование равновесия такого типа и является общим, определяющим признаком классического абсолютизма²⁴⁷.

Исходя из марксистского понятия «классического абсолютизма», автор сравнивает французский абсолютизм с абсолютными монархиями той же типологической группы. Наиболее продуктивным оказывается сравнение с Данией, дающее основание характеризовать французский вариант развития, в противоположность датскому, как компромиссный, рассчитанный на сравнительно замедленные темпы эволюции. «Именно потому, – указывает В. Н. Малов, – что процесс складывания абсолютизма начался очень рано, в дальнейшем практически не требовалось перенимать опыт других стран, не нужно было сильно форсировать ход эволюции. Королевское законодательство непременно должно было согласовываться с очень богатой правовой традицией, развиваясь преимущественно в форме фиксирования и регламентации уже наметившихся тенденций»²⁴⁸.

Автор предложил собственную периодизацию французского абсолютизма, в котором выделяются три этапа: 1) судебная монархия (XV – середина XVI в.); 2) судебно-административная монархия (середина XVI в. – 1630-е гг.); 3) административно-судебная монархия (1630-е гг. – 1789 г.). Периодизация демонстрировала постепенный перенос центра тяжести управления с судебно-коллегияльной на административно-бюрократическую систему. Данный процесс не был завершен. На третьем этапе судебный аппарат, не переставая обслуживать определенные интересы короны, постоянно оказывается в оппозиции к политике административного нажима, олицетворением которой в особенности стали утвердившиеся в провинции агенты центральной власти – интенданты²⁴⁹.

В. Н. Малов указывает на особый статус французских должностных лиц и предлагает для их обозначения специальный термин – «оффисье». Малов обосновывает целесообразность данного термина. Это были не чинов-

²⁴⁶ Малов В. Н. Абсолютистская бюрократия ... С. 2–3.

²⁴⁷ Он же. Ж.-Б. Кольбер. С. 5.

²⁴⁸ Он же. Абсолютистская бюрократия ... С. 15.

²⁴⁹ Там же. С. 15–16.

ники, а собственники должностей. Во многих отношениях оффисе были антиподами чиновников. Помимо гарантированного владения должностями, они обладали коллегиальной солидарностью вместо индивидуальной ответственности, демонстрировали заботу об охране законности вместо беспрекословного подчинения воле патрона, у них отсутствовало регламентированное выслужкой лет повышение по службе (для восхождения по карьерной лестнице надо было купить более высокую должность) и канцелярско-бюрократическая дисциплина²⁵⁰.

Основным противоречием внутренней политики абсолютизма, указывает В. Н. Малов, был конфликт между охраной им как дворянским государством освященных обычаев социальных привилегий, традиционной системы ценностей – и объективной необходимостью расшатывать то и другое в интересах модернизации общества. Деятельность Ж.-Б. Кольбера в целом представляла прогрессивную сторону этого основного противоречия²⁵¹. Кольбер был эмпириком, человеком, хорошо чувствующим требования времени²⁵². Его многогранная деятельность была неравнозначна в различных областях. Однако она являлась «экспериментом большой исторической важности – попыткой придать качественное ускорение поступательному развитию французского позднефеодального общества, то есть социальной системы, ориентированной на замедленные темпы прогресса. Определенный толчок был дан, но качественный перелом не наступил»²⁵³.

Отмечая открытость советской медиевистики западным представлениям об абсолютизме, нужно отметить быстрое сближение их позиций. В 1990 г. вышел англоязычный сборник, объединивший историков разных стран «Абсолютизм в Европе XVII века»²⁵⁴. Идея о том, что между представлениями о монархической власти и ее реальной практикой существовала целая пропасть, является одной из центральных в книге. Этот тезис доказывают сюжеты о невозможности реального контроля монархами разнообразных территорий с особыми правовыми системами, о «бессмертности» средневековых институтов и корпораций и т. д.²⁵⁵ Авторы книги воздерживаются от точных дефиниций абсолютизма. Так, Дж. Миллер констатирует, что термин «абсолютизм» применяется некритично и даже уничижительно. Иногда понятия «абсолютизм» и «деспотизм» отождествляются,

²⁵⁰ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. С. 11–12.

²⁵¹ Он же. Абсолютистская бюрократия ... С. 32.

²⁵² Там же. С. 33.

²⁵³ Малов В. Н. Абсолютистская бюрократия ... С. 35.

²⁵⁴ Miller J. (ed.) *Absolutism in Seventeenth-Century Europe*. L., 1990. 268 p.

²⁵⁵ Ibid. P. 2–3.

иногда подразумевая нечто среднее между ними. В частности, в Англии, с учетом традиционных «свобод» этой страны, под абсолютизмом подразумевали, прежде всего, деспотическое правление континентальных монархов²⁵⁶. Централизация страны и милитаризация политики, приводившие к усилению власти монарха, давали основания для характеристики рассматриваемого государства как «фискально-военного»²⁵⁷. В развитии французского абсолютизма, классического для советских историков, указываются два «слабых места» – продажа должностей и несовместимость реформ и состояния войн, в которых пребывала страна²⁵⁸.

Британский историк немецкого происхождения Г. Кёнигсбергер (1918–2014) в книге «Европа раннего Нового времени, 1500–1789»²⁵⁹ демонстрирует интерпретацию абсолютизма, в значительной мере «нормативную» для английской историографии конца 1980-х гг. «Европа раннего Нового времени» представляет собой университетский учебник, впервые изданный на английском языке в 1987 г.

Кёнигсбергер связывает генезис абсолютизма с появлением в XV в. так называемых новых монархий, в которых «центр силы» был смещен от высшей аристократии к королю. Причинами этого явления Кёнигсбергер считает, с одной стороны, разложение старинных феодальных отношений между сюзеренами и вассалами, с другой – распространение кредитно-денежных структур, позволивших монархам значительно укрепить свою власть. «Хотя немало проблем оставалось между монархией и высшей знатью, и в разные периоды в разных странах их отношения заметно менялись, абсолютизм конца XVI–XVIII вв. был в основном результатом их союза»²⁶⁰, – подводит итог Кёнигсбергер. Характеризуя абсолютные монархии и используя термин «абсолютизм», автор тем не менее воздерживается от дефиниций, ассоциируя «абсолютизм» со «старым режимом» (*ancien régime*). Этот термин, довольно неточный, маркировал состояние власти, при котором «монархии большинства европейских стран были способны добиться... устранения всех своих внутренних соперников раз и навсегда»²⁶¹. Тем не менее, по мнению Кёнигсбергера, не следует преувеличивать степень концентрации королевской власти. «Короли Франции претендовали на абсолютную власть по крайней мере с конца XV в. Под абсолютизмом они понимали лишь право вводить налоги без одобрения представительного

²⁵⁶ Miller J. (ed.) *Absolutism in Seventeenth-Century Europe*. P. 1–2.

²⁵⁷ Ibid. P. 5–6.

²⁵⁸ Ibid. P. 18.

²⁵⁹ Кёнигсбергер Г. Г. *Европа раннего Нового времени, 1500–1789*. М., 2006. 320 с.

²⁶⁰ Указ. соч. С. 44–45.

²⁶¹ Там же. С. 171.

собрания и то, что в определенных пределах они могут издавать законы, – указывал автор. – Это, разумеется, не было тождественно осуществлению фактического контроля над администрацией Франции; этот контроль... был поделен между высшей знатью, с их огромными поместьями и сотнями покровительствуемых из числа низшего дворянства и простонародья, и бесчисленными привилегированными корпорациями – от масштабов провинций до гильдий местного значения»²⁶².

Подводя итог развитию концепта абсолютизма во второй половине 1980-х гг., можно заметить два этапа данного процесса. В 1985–1988 гг. началось проникновение новых идей, однако они преимущественно дополняли марксистскую трактовку, сохранявшую свои позиции. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. концептуальные трансформации приобрели необратимый характер. Это проявилось в изменении лексической, предметной, понятийной, ценностной составляющих научного дискурса. Марксистская парадигма, официально продолжавшая существовать, оставалась как некий исходный ориентир, которому, однако, не предписывалось следовать. Более того, работы ряда историков фактически разделяли концепции, названные в свое время в советской историографии «ревизионистскими». Однако на рубеже 1980-х – 1990-х гг. негативные коннотации в отношении зарубежной историографии стремились к нулю, между тем как новые сюжеты и методы были с интересом восприняты советскими историками.

Статья «О кризисе современной исторической науки» А. Я. Гуревича²⁶³, вышедшая незадолго до распада СССР и окончательной утраты марксистской парадигмой референтного значения, формулировала ряд положений, звучавших едва ли не как откровение в 1991 г. для широкого читателя. Происходящие в это время явления Гуревич расценивал как кризис роста. Он заключался в ломке устоявшихся стереотипов и схем, глубокой трансформации всей исторической науки, причем самому историку предстояло менять свои методологические и гносеологические принципы²⁶⁴. По мнению автора, в исторической науке давно уже назрела потребность синтеза, в центре которого стоит человек во всех его жизненных проявлениях. Это новое направление – историческая антропология, или культурантропология, пытающаяся осуществить полидисциплинарный синтез, требующая специалиста с широким кругозором и подготовкой²⁶⁵.

Социальная значимость профессии историка, по мнению Гуревича, заключается в установлении контакта с людьми минувших времен, и в этом

²⁶² Кёнигсбергер Г. Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789. С. 171–172.

²⁶³ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 3–4. С. 21–36.

²⁶⁴ Там же. С. 35.

²⁶⁵ Там же. С. 34.

диалоге заключается конечный смысл деятельности историка. Однако в своей работе он руководствуется системой ценностей и картиной мира, которая присуща современному ему обществу. Таким образом, в исторической науке действует принцип релятивизма, которого отнюдь не нужно страшиться. В свете сказанного, знаменитое выражение Л. Ранке, что он пишет историю такой, «какова она была на самом деле», давно уже обнаружилось свою иллюзорность. История, поясняет Гуревич, это кумулятивная наука, наследующая накопленные знания, но наследуется лишь определенная, преимущественно фактическая их часть. Общий же взгляд меняется в соответствии с изменением картины мира. Ввиду этого, традиционный для историков подход «извне» должен сочетаться с подходом «изнутри». В первом случае применяются категории современной исследователю науки, во втором надлежит реконструировать мировоззрение людей другой эпохи²⁶⁶.

Новые исследовательские установки и предметное поле постепенно изменяли ценностную составляющую в изучении абсолютизма. Последний переставал восприниматься как «неизбежное зло» и предпосылка буржуазных революций. Он превращался в самоценный объект изучения, стали исчезать такие его эпитеты, как «крепостническое самодержавие», «феодално-абсолютистский строй», «царизм» и т. д. Изменилось отношение к реформам «сверху», в связи с восприятием идеи «конфликта элит» существенно трансформировался классовый подход, активизировался интерес к персоналиям. Более интенсивно отмеченные процессы начали разворачиваться в проблемном поле российского абсолютизма, однако к концу рассматриваемого периода глубина методологических изменений в изучении всеобщей и российской истории нивелировалась. Как в изучении западноевропейского, так и российского абсолютизма были восприняты концепции западной историографии, причем специалисты по российской истории одновременно переосмысливали и адаптировали идеи государственной школы.

²⁶⁶ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки. С. 31–33.

Глава 7. Исследование феномена абсолютизма в условиях понятийного кризиса и поливариантной методологии конца XX – начала XXI в.

7.1. Системная трансформация российской постсоветской историографии в контексте изучения проблем государства

Развернувшиеся после 1991 г. изменения в российской историографии принципиально отличались от происходивших в предшествующие десятилетия. Произошел распад Советского Союза и упразднение его идеологии. Соответственно, речь шла не о трансформациях внутри марксистской парадигмы, а о радикальных изменениях всей исторической науки бывшего СССР. В свою очередь, получившие развитие со второй половины 1980-х гг. теоретические новации и принятие их научным сообществом стали причиной поразительной быстроты, с которой произошла смена ориентиров в историографии.

Становление постсоветского общества не были целиком поступательным и внушающим оптимизм процессом, что, впрочем, справедливо в отношении любого периода радикальных изменений. Директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров оценивал происходившее следующим образом: «Исторической особенностью первой половины 1990-х гг. явился окончательный политический крах тоталитарного государства, в основе идеологии которого лежал суррогат из марксистских идей, имперских традиций, самодержавной амбициозности, революционного мессианства, утопических общинных иллюзий, убогой гордости невежественных правителей и невежественных масс.

На смену этому государству пришел странный полукommунистической, полукapиталистической, полукриминальный гибрид, жизнь которому дают все те же люди, кто был рожден, взращен и воспитан в послевоенный период... Этот странный общественный синтез относится и к кадрам историков, и к исторической науке в целом. Единственное, чем новый режим резко отличается от прежнего состояния коренным образом – известной, почти официальной свободой от сталинизма, без которой, как это выяснилось уже бесповоротно, невозможно было дальнейшее движение общества в условиях современной цивилизации»¹.

¹ Сахаров А. Н. О новых подходах к российской исторической науке. 1190-е годы // История и историки, 2002: историограф. вестн. М., 2002. С. 4.

Внешние условия функционирования исторической науки изменились. В связи с экономическим кризисом снизились государственные расходы на нее, упал престиж научной работы, из-за нехватки средств происходили кадровые сокращения, затруднялся выход публикаций. Негативное влияние на научную деятельность оказывала ее коммерциализация, в то время как нишу исторической литературы захватывали писатели и публицисты с различными параисторическими версиями истории.

Линейная формационная модель исторического процесса не отменялась, но из нее постепенно исчезали такие понятия, как «классовая борьба», «производительные силы», «производственные отношения», заменяемые на «социальную борьбу», «экономическое развитие», «социальную структуру». Формационный подход дополнялся цивилизационным, смягчая методологическую ломку, несмотря на критикуемую концептуальную непроработанность такого сочетания.

Преподавание в вузах истории КПСС, научного коммунизма, исторического материализма, научного атеизма, политэкономии капитализма и социализма и т. д. упразднилось. Вместо них появлялись политология, культурология, религиоведение, основы экономической теории, история социально-политических учений. В полемически заостренной форме, но верно по сути этот процесс охарактеризовал ныне доктор исторических наук, медиовист М. А. Бойцов в известной статье «Вперед, к Геродоту!»: «У нас после минутной растерянности просто сменили таблички на дверях особо одиозных кафедр. Академические журналы, ранее описывающие, какую хорошую политику осуществляла Коммунистическая партия, стали в той же тональности описывать, насколько эта политика была плохой. А по количеству на душу населения явившихся в мгновение ока непонятно откуда целых армий политологов и даже культурологов страна тотчас обогнала весь прочий мир (чего, впрочем, нельзя сказать ни о нашей политологии, ни о нашей культурологии последних лет)»².

Тем не менее описанный сценарий был оправдан, и Бойцов сам это признавал: «Пожалуй, всем стоит порадоваться, что никаких чисток не состоялось. Во-первых, перетряска в среде скромных идеологических работников выглядела бы по меньшей мере странно и даже несправедливо, когда вся прошлая социальная элита без особых потерь плавно перетекала в элиту нынешнюю. Во-вторых, при возможных кадровых просеиваниях было бы нервов истрепано много, но без особого толку, поскольку принципиальную чистку от “слуг скомпрометировавшего себя режима”, наверняка, проводили бы те же самые слуги, только что внезапно полностью прозревшие.

² Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М., 1999. С. 32.

Наконец, в третьих, и при нынешнем шадящем варианте, когда каждый получил возможность найти себе место под новым солнцем, всего через каких-то 10–15 лет наиболее активная и продуктивно работающая часть исторического сообщества будет укомплектована сегодняшними студентами, уже весьма смутно представляющими себе реалии развитого социализма – так из-за чего же было бы теперь страсти раздувать?»³

Несмотря на сложности с финансированием, у историков появилась возможность выезда за рубеж для работы в архивах и библиотеках. Российская историография вошла в мировое пространство исторической науки, осваивая его терминологию, методологию и приемы исследования. Реалии информационного общества вызвали резкое увеличение научного материала, электронные базы данных обеспечили мгновенный к нему доступ, возросла скорость распространения и объем потоков информации, а возможности интернета и электронной почты предоставили практически моментальную коммуникацию. Это давало большой прирост научной продукции, однако ее качество было весьма неоднородным.

Руководитель Центра интеграции академической и вузовской науки и Центра истории исторических знаний Института всеобщей истории РАН М. С. Бобкова в интервью 16 марта 2009 г. Л. Р. Хут, автору монографии о российской новистике на рубеже XX–XXI вв., отмечала наполненность книжного рынка посредственными работами. Негативным симптомом было и снижение уровня диссертаций: «К нам в Центр... приходит очень много авторефератов. Я могу сказать, что диву даёшься мелкотемьем, на котором защищаются степени... У меня лично вызывают недоумение ставшие теперь уже нормой ранние защиты юных докторов наук. Профессия историка не терпит скоропалительности. Трудно поверить, что человек через 2–3 года после защиты кандидатской диссертации может выступить как зачинатель нового направления, новой тенденции в науке (а именно так следовало бы оценивать докторские работы)»⁴.

Некогда единая советская историческая наука распалась, происходило развитие национальных историографий бывших союзных республик. Как в России, так и в республиках бывшего СССР продолжались сложные поиски национальной идентичности, начавшиеся еще во второй половине 1980-х гг. Становление национальных исторических школ, в которых выделялись радикальные, умеренные и консервативные течения, сопровождалось общественно-политической полемикой, зачастую жесткой, в которой исторической аргументации отводилась ключевая роль.

³ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 32–33.

⁴ Хут Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: монография. М., 2010. С. 472–473.

На всем постсоветском пространстве на смену революционным ценностям пришли традиционалистские. Интерес к классовой борьбе исчезал, революции, где бы они ни происходили, перестали восприниматься как безусловно прогрессивное явление, потеряло актуальность изучение социально-экономической истории. В поисках национальной и социальной идентичности стало популярным составлять родословные, возрождать традиции дворянства, офицерства, казачества и т. д.

Монархия, как социокультурный феномен, персонифицированная власть, воплощение дореволюционного прошлого, разумеется, привлекла к себе пристальное внимание. В российском обществе, на волне ценностной и психологической ломки, идейного размежевания, разочарования, поиска идентичности история самодержавия притягивала к себе значительную аудиторию. Монархия как политический феномен и форма правления⁵, монархизм и неомонархизм⁶, сакрализация власти⁷, специфика российского самодержавия⁸ становились объектами научного осмысления. Однако, несмотря на наличие неомонархизма в российском идейно-политическом спектре⁹, все же констатировалось, что в современной России отсутствуют социальные, религиозные и психологические основы, которые бы позволяли рассчитывать на восстановление монархии¹⁰. Процессы, происходившие в обществе, повлияли на формирование целого массива исследований и резкому росту проблемного поля абсолютизма, сопровождавшемуся ценностным разворотом в его изучении.

В 1998 г. был опубликован сборник научных статей, посвященный знаменательной в новых условиях дате – 450-летию учреждения царства в России (1547–1997). Научные материалы отражали достаточно широкий на тот момент спектр проблем – от идеологического обоснования власти

⁵ Серегин А. В. Теоретические проблемы монархической формы правления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 22 с.

⁶ Гусев И. В. Монархическое направление русской социально-политической мысли XIX – XX веков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2005. 19 с.; см. также: Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 55 с.; Антоненко Н. В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 32 с. и т. д.

⁷ Захарова Т. И. Сакрализация власти как фактор трансформации современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2009. 20 с.; см. также: Павлова Е. Л. Феномен сакрализации и десакрализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2008. 20 с. и т. д.; см. также: Савельева М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности: Российский опыт становления феномена «сакральное». Киев, 2007. 410 с.

⁸ Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. 42 с.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Гусев И. В. Монархическое направление русской ... С. 17.

московских царей¹¹ и представлений о власти русских государей XVI – начала XVIII в.¹² до анализа особенностей российской монархии XIX в.¹³

В 2001 г. вышла коллективная монография «Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века», подготовленная по итогам одноименной конференции, прошедшей в 1998 г.¹⁴ Структура книги состояла из таких тематических блоков, как монархия и империя, монархия и демократия, личности европейских монархов, Дом Романовых и заграница. Естественно, что Романовым в этом издании было отведено значительное место – от рассмотрения несостоявшихся династических браков до вопроса о статусе наследников Дома Романовых и обоснованности их прав на престол при гипотетической возможности реставрации монархии в России. Кроме того, что показательно, сборник материалов научной конференции включал статью духовной особы – протоиерея Александра Шаргунова, – в которой велась речь о возрождении духовности и государственности как предпосылках восстановления православной монархии. Автор утверждал: «Нет никакой иной истории, кроме истории спасения, которая завершается в вечности. Царь – помазанник Божий – призван обеспечить это в максимальной степени»¹⁵. Этот факт иллюстрирует принципиальные изменения проблемного и аксиологического поля, несмотря на то, что редколлегия издания отметила, что не разделяет указанную точку зрения¹⁶.

Центральное место в исследованиях российских историков заняла государственная власть как самоценный феномен. Отсюда – радикальное изменение проблемного поля ее изучения. Это социальный состав правящей элиты, психология власти, ее технологии, средства презентации, символика, механизм принятия решений, роль личности монарха, влияние его окружения и многое другое. Целые пласты исследований были посвящены темам «государство и его институты», «правитель и его окружение», «бюрократия и общество», «власть – общество – государство», «абсолютизм – реформы – общество», «власть – государство – личность», «власть и культура», «общество – государство – модернизация», «империя и нации»,

¹¹ Каравашкин А. В. Идея преемственности власти в России XVI – первой половины XVII вв. // Российская монархия: вопросы истории и теории: межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997). Воронеж, 1998. С. 32.

¹² Пушкарев Л. Н. Верховная власть в менталитете русских государей XVI – начала XVIII вв. // Там же. С. 32–40.

¹³ Тарановский Т. К. Особенности российской самодержавной монархии в XIX столетии // Там же. С. 157–171; см. также: Карпачев М. Д. Эволюция самодержавия в России во второй половине XIX века // Там же. С. 171–180.

¹⁴ Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века. СПб.; М., 2001. 302 с.

¹⁵ Шаргунов А. Последний русский император и перспективы восстановления православной монархии в России // Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века. С. 215.

¹⁶ Европейские монархии в прошлом и настоящем. С. 4.

«абсолютизм и конституционализм», «правитель и подданный», «государство и социальный протест», «революция и эволюция» и т. д.

Медиевисты, занимающиеся изучением отдаленных от России во времени и пространстве европейских стран, не рассматривали последние с позиций утраченного наследия или недооцененного прошлого. В изучении западноевропейской государственности на первое место вышел интерес к новому проблемному полю, соединенный с применением подходов европейской историографии. Еще с конца 1980-х гг., в связи с восприятием новых исследовательских установок, было признано перспективным рассмотрение государственно-политической истории в рамках структурного анализа. В последнем выделялись три аспекта: 1) государственная и политическая история в контексте такой структуры, как формация или феодальная система; 2) самостоятельные структуры в политической истории; 3) государственные и политические структуры в соотношении с микроструктурами семьи, общины, корпорации и т. д.¹⁷ Это позволяло по-новому интерпретировать политическую историю, взаимодействие государства, сословий и классов феодального общества, где активную роль выполняла монархия, опиравшаяся на бюрократический аппарат¹⁸.

Свобода в выборе тематики и открывшиеся новые области в изучении политической истории привели к появлению в 1992 г. в рамках Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени группы «Власть и общество» под руководством доктора исторических наук, профессора Н. А. Хачатурян (1931 – 2020)¹⁹. Этот научный коллектив был создан на базе кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ и состоял из ученых Санкт-Петербургского, Московского, Саратовского, Ставропольского университетов, а также научных сотрудников РАН и музеев Москвы и Санкт-Петербурга²⁰. Новый дискурс исследований предусматривал отход от дуальной схемы базиса и надстройки и понимание неразрывной связи материального и духовного. Получили развитие «человеческая история»²¹, историческая антропология и новое понимание «социального». Центром внимания историка стал человек во всем многообразии его характеристик, а общество оценивалось не только в категори-

¹⁷ Хачатурян Н. А. Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. Вып. 54. М., 1991. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 8–10.

¹⁹ Цатурова С. К. Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости // Искусство власти: сб. в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 5–45. См. также: Хачатурян Н. А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Вып. 1: Явление, модель, среда. М.; СПб., 2001. С. 7.

²⁰ Хачатурян Н. А. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV: фр. Ежегодник, 2014. М., 2014. С. 11.

²¹ Хачатурян Н. А. Запретный плод ... С. 7–8.

ях социальной борьбы, но и сотрудничества и широких связей государства с различными социальными группами²². Выход на проблему «властвования» привел к разработке тем, бывших по сути под запретом в советской историографии. Это королевская власть и монарший двор. Предметами изучения стали разнообразные аспекты церемониала (коронации, помазания, похорон, въездов монархов в города, ритуалов исцеления и т. д.). Таким образом, в контекст политической истории были включены проблемы коллективного сознания, средневекового менталитета и репрезентации власти²³.

На протяжении первых постсоветских лет оформились такие направления исследований, как «психоистория», «гендерная история», «история повседневности», «история элит», «микроистория». В российской историографии появилось направление «интеллектуальной истории». Оно было обращено к когнитивному и рефлексивному аспектам человеческого опыта, результатам творческой деятельности человека, а также соответствующей культурной среде²⁴. В российской науке получили развитие антропологический и лингвистический повороты. В нее вошло понятие «дискурса» и трактовка исторического источника как артефакта культуры, текст которого может быть расшифрован и интерпретирован во множестве вариантов. Возник вопрос сочетаемости «надындивидуального» и уникального, повлекший за собой понятийную и терминологическую ревизию и историческую деконструкцию, результатом которой стало избегание специалистами обобщений и сосредоточенность на частных темах.

Все это демонстрировало приход в российскую историографию идей постмодерна²⁵. История распалась «на кусочки». Казалось бы, позднее рассуждал Н. Е. Копосов, коль скоро вселенная неисчерпаема, более мелкий объект познания не менее сложен, чем крупный. Но на практике это оказалось не так²⁶. «Микроисторику редко удается сконструировать объект познания, сопоставимый как по важности, так и по сложности с объектом макроистории, – подводил итог Копосов. – Ничего удивительного, что в профессиональном смысле распад истории обернулся застоєм – пусть даже “лингвистический поворот” приучил историков лучше читать тексты»²⁷.

²² Хачатурян Н. А. Запретный плод ... С. 8–9.

²³ Там же. С. 10–11.

²⁴ Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 190.

²⁵ Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей, 1995: человек в истории. М., 1995. С. 5–19.

²⁶ Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! М., 2005. С. 5.

²⁷ Там же. С. 6.

Российскую историографию 1990-х правомерно уподобить плавлению котлу, вместившему в себя как уцелевшие компоненты марксистской парадигмы, так и методологические новации. Сохранялась, особенно в обобщающих работах и учебной литературе для высшей школы, линейная трактовка и прогрессистская интенция в истории, присущие формационному подходу. Кроме того, было невозможно одновременно отказаться от соответствующего понятийного аппарата. Постмодернистская парадигма, будучи представленной прежде всего в специальных работах, проявляла себя в релятивизме, деконструкции, идее множественности версий исторического нарратива и акценте на единичном. Однако, вольно или невольно, независимо от концептуальных предпочтений, российские историки отдавали дань позитивизму, так как именно позитивистский метод, делавший акцент на привлечении максимального количества источников и их критическом анализе, обеспечивал фактами.

Происходящие в исторической науке процессы, разумеется, уже не контролировались в той мере, как это было в СССР. Однако официальная реакция и поиск решений должны были последовать. 24 ноября 1992 г. состоялось заседание президиума Российской академии наук. Обсуждался вопрос «О состоянии и перспективах фундаментальных исследований в области общественных наук»²⁸. С докладом выступил академик-секретарь Отделения истории РАН, один из крупнейших советских методологов и источниковедов И. Д. Ковальченко (1923–1995). Докладчик констатировал кризисное состояние российской историографии. Его причиной было названо продолжительное развитие исторической науки под сильнейшим идеологическим и политическим прессом. Вместе с тем, Ковальченко не считал кризис целиком негативным процессом и отмечал его неравномерную выраженность в различных областях исторического знания. Научный потенциал у российских ученых есть, утверждал он. При этом не нужно ни переориентировать российскую науку на Запад, ни возвращаться целиком к российской историографической классике²⁹. Какие же меры надлежало предпринять для преодоления сложившейся ситуации?

В первом номере «Новой и новейшей истории» за 1995 г. была опубликована статья И. Д. Ковальченко «Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах»³⁰.

²⁸ Никифоров Е. А. Обсуждение работы Отделения истории РАН // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 51–55.

²⁹ Там же. С. 51.

³⁰ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. С. 3–33.

Автор предложил руководствоваться следующими принципами. Во-первых, следует «напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания... Во-вторых, следует учитывать, что любая научная теория, т. е. теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах, содержит то или иное рациональное зерно и тем самым вносит научный вклад в развитие общественно-научной мысли... В-третьих, любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторически в большей или меньшей степени ограничена... Наконец, в-четвертых, любой социологической теории... присущи определенные ошибки и просчеты»³¹.

В отчете Отделения истории РАН за 1995 г. эти указания расценивались как руководство к действию: «И. Д. Ковальченко исходит из признания исторической науки мультипарадигматической дисциплиной, для которой характерно существование не одной, а некоторого множества парадигм³². Надо исходить из того, что любая научная теория содержит рациональное зерно, а любой методологический принцип и конкретный метод для чего-нибудь да хорош»³³.

Предложения И. Д. Ковальченко базировались на традиционном для советской историографии поиске «истинных знаний». Их обретение представлялось возможным, если, говоря словами К. Маркса, исследование истины само будет истинным»³⁴. Для этого надлежит «на основании тщательного анализа выделить из совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все те, что позволяют углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется в отношении к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)»³⁵.

Ковальченко существенно переосмыслил традиционные для советской историографии трактовки и предложил в качестве оптимального цивилизационный подход³⁶. Российским историкам предлагались обновленные теоретические установки, не выходящие, однако, за пределы привычных в марксистской парадигме категорий.

³¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы... С. 4–5.

³² АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 854. Л. 1.

³³ Там же. Д. 857. Л. 2.

³⁴ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 5.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 5–31.

Статья И. Д. Ковальченко вызвала полемическую публикацию А. А. Искендерова³⁷. Автор указывал, что кризис российской исторической науки напрямую связан с кризисом марксизма. Статья Ковальченко, считал Искендеров, «выдержана в традициях консервативного мышления, характерного для так называемого консервативного направления, занимающего все еще достаточно сильные и влиятельные позиции»³⁸. Сам А. А. Искендеров, правомерно не разделяя идей о «конце истории»³⁹, видел перспективы развития исторической науки в следующем. Историческая наука в XXI в. не только сохранится, но и повысит свой статус. Она обогатится новыми идеями, преодолеет европоцентристский взгляд на историю. Произойдет существенное совершенствование понятийного аппарата, значительно расширится источниковая база, историческая наука станет подлинно интернациональной. Будет преодолен кризис системы исторического образования, исчезнет разобщенность между обществом и исторической наукой⁴⁰. Сценарий А. А. Искендерова, безусловно, во многом был верен, однако ответа на главный вопрос о том, что делать здесь и сейчас для того, чтобы такое будущее быстрее наступило, автор не давал.

Сложившаяся ситуация стала результатом того, о чем А. Я. Гуревич писал еще в 1991 г.: «Чтобы понять природу кризиса, необходимо приглядеться к тенденциям, которые наметились в исторической науке за последние десятилетия... Немало трудов было затрачено на огульное поношение “реакционной буржуазной историографии периода общего кризиса капитализма”, но как мало было сделано для изучения реального историографического опыта!»⁴¹ Что знает о современной зарубежной историографии в нашей стране не только интересующийся историей интеллигент, но и профессиональный историк? В исторической науке России, справедливо указывал Гуревич, образовался огромный и трудновосполнимый пробел в методологии и гносеологии исторического исследования⁴². Нужно, однако, отметить, что постепенно, без санкции «сверху», усилиями практикующих историков, особенно занимающихся европейской историей, он начал заполняться. Тем не менее, теоретические новинки зачастую воспринимались неоднозначно и скептически.

Проблемы, с которыми столкнулись историки, были лишь частью всеобъемлющей ревизии в области гуманитарного знания, наступившей после

³⁷ Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 3–31.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же. С. 22–23.

⁴⁰ Там же. С. 26–29.

⁴¹ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 3/4. С. 22.

⁴² Там же.

крушения марксистской парадигмы. Наблюдавшаяся в конце 1980-х гг. ситуация исследовательского комфорта, когда можно было, отталкиваясь от марксистской методологии, свободно включать в нее любые, нужные автору, методы и подходы, закончилась. Марксистская оболочка советской исторической науки, истончившись и потеряв форму, была сброшена при распаде СССР. В результате исчезла точка опоры для гуманитарного знания.

Об этом, например, вела речь доктор философских наук, профессор В. Г. Федотова во время «круглого стола» в 1995 г., посвященного проблемам методологии истории. Отмечая, что плюрализм в исторической науке необходимое, но не достаточное условие для ее нормального развития, докладчик указывала на важность для историков поиска «твердой почвы» под ногами. В качестве таковых не рассматривались многочисленные, с точки зрения автора, и скороспелые концепции. «Даже сто лягушек – это еще не лосось», – приводила она по этому поводу испанскую поговорку⁴³. Признавая, что формационная теория утратила свои позиции, Федотова тем не менее призывала не отказываться от линейных трактовок истории, так как они присущи не только марксизму. С другой стороны, необходимо четко представлять себе, что такое цивилизационный подход, набирающий все большую популярность, и в его использовании избегать эклектики⁴⁴.

В 1990-х гг., на фоне политизации всего общества, выявились различные идейные течения в исторической науке. Консерваторами, как уже отметил выше А. А. Искендеров, называли тех, кто в той или иной мере придерживался марксистских установок, особенно в трактовке российской истории XX в. А. Н. Сахаров в статье о новых подходах к истории России демонстрирует более полную картину идеологического размежевания. Радикалы и в политике, и в публицистике, и в науке, указывал Сахаров, расчистили завалы сталинизма. После этого «шестидесятники», верные своим либерально-коммунистическим воззрениям, «обогатившись новыми архивными пластами», огромным фактическим материалом по истории XX в., «властно вступили на научный подиум, безапелляционно оттесняя оттуда как консерваторов-сталинистов, так и сторонников радикально-антикоммунистических воззрений»⁴⁵. В вышедшей в 2012 г. статье, посвященной российскому историческому сообществу, доктор философских наук А. Н. Медушевский указывает на существование в нем национально-патриотического и либерально-демократического направлений⁴⁶.

⁴³ Федотова В. Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 60–70.

⁴⁴ Там же. С. 64–67.

⁴⁵ Сахаров А. Н. О новых подходах к российской исторической науке. 1190-е годы // История и историки, 2002: историограф. вестн. М., 2002. С. 4–5.

⁴⁶ Медушевский А. Н. Научное сообщество и его критерии: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // Российская история. 2012. № 4. С. 205.

Авторы вышедшего в 2013 г. учебного пособия по истории России для технических вузов исчерпывающе охарактеризовали ситуацию методологических поисков в постсоветской России: «Теоретической основой советской методологии была марксистско-ленинская формационная теория... Монополия единственной формационной методологии в советской исторической науке вызвала своего рода теоретическую катастрофу 90-х гг. XX в... В качестве альтернативы коммунистическому строю новое политическое руководство страны в 1991 г. выбрало либеральный путь развития. В области исторического знания это сопровождалось ростом вестернизации (форсированного внедрения западных политических и экономических структур) и исторических методологий, развивавшихся в Западной Европе и Америке. Кризис либеральных реформ и сложность применения западных либеральных принципов к российской действительности ограничили распространение либерально-западнических подходов к истории, которые, однако, заняли свое место в идейном спектре современной исторической науки России. Другими составляющими этого спектра стали различные вариации марксизма, а также державно-патриотические подходы»⁴⁷.

В связи с вопросом о теоретических и идейных пристрастиях российских историков, уместно заметить, что в сообществе медиевистов и исследователей раннего Нового времени подобная ситуация не выражена. В этом автор данной книги убедился во время беседы с главным редактором «Французского ежегодника», доктором исторических наук А. В. Чудиновым в декабре 2015 г. На вопрос о том, существует ли идейное размежевание среди его коллег, А. В. Чудинов дал однозначно отрицательный ответ. Что же касается методологических предпочтений, то специалисты по изучению Средневековья и раннего Нового времени придерживаются плюралистической методологии, имея возможность подобрать нужный подход для решения конкретной научной задачи.

Прослеживая развитие российской историографии последних десятилетий, можно указать на два ее периода. Первый продолжался с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Для него характерно разнообразие исследовательских подходов, дробление тематики, уход от теоретических проблем, дискуссионность, поляризация мнений, поиск ориентиров, смена поколений историков. С 2000-х гг., при отсутствии единой методологии и огромном сюжетном разнообразии, стал проявляться интерес к обсуждению общетеоретических вопросов, поиску целостности и системности истори-

⁴⁷ Земцов Б., Шубин А., Данилевский И. История России (для студентов технических вузов) [Электронный ресурс]. СПб., 2013. Режим доступа: https://royallib.com/read/zemtov_b/istoriya_rossii_dlya_studentov_tehnicheskikh_vuzov.html#0. Дата доступа: 09.05.2020.

ческого знания, что выразилось, в частности, в издании шеститомной «Всемирной истории» на протяжении 2011–2018 гг.

Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН П. Ю. Уваров в интервью с российским историком и историографом Л. Р. Хут 14 апреля 2009 г. отмечал, что в возникновении идеи создать «большой нарратив» сыграло роль несколько моментов. Во-первых, поиск ответа на вопрос: что объединяет российских медиевистов, кроме «хорошего отношения друг к другу»? В чем точка пересечения их интересов? Таким общим делом, по мнению Уварова, стало бы написание большого текста по истории Средних веков. «Мне казалось, – вспоминал П. Ю. Уваров, – что нам нужен коллективный проект, во-первых, для того, чтобы было что обсуждать, на чём поддерживать столь необходимую научную коммуникацию, а не превращаться в кружок взаимного самовосхваления. А во-вторых, это было бы востребовано обществом. И как раз в этот момент вызывает всех наш директор А. О. Чубарьян с идеей написания новой “Всемирной истории”... У него – способность чувствовать потребности времени... Здесь и умение следовать международной историографической ситуации, и знание рыночной конъюнктуры, и общественных ожиданий, но и властных ожиданий, разумеется, тоже. “Всемирная история” – общественно востребованный проект»⁴⁸.

Какова была концептуальная основа будущей работы? Объяснение лучше предоставить самому П. Ю. Уварову: «Я могу отвечать за второй том и отчасти за третий: за Средние века и за XVI–XVII вв. У нас некая концепция есть. Какая концепция всего издания? Назначили ответственных за тома. Каждый предложил план своего тома. Сначала это был махровый европоцентризм. Непробиваемый и густопсовый. Потом удалось его хоть как-то скорректировать. Вот и вся концепция. Сопоставлять эту “Всемирку” с тем зелёным гигантским многотомником, который был в советское время, абсолютно нет никакого смысла. Это разные страны, разные условия и разные задачи. Там огромный коллектив работал, с очень большими средствами, с очень большой властной вертикалью, согласованием на разных этапах и т. д. И главное – с единым драматургическим сценарием. Задача ясна – показать многообразие единого всемирно-исторического процесса развития и смены общественно-исторических формаций. А сейчас что?»⁴⁹. «Генеральной идеи, которая лежала бы в основе проекта – нет. Потому что её нет вообще (в современной историографии), и потому что её нет в частности (в нашем Институте)»⁵⁰.

⁴⁸ Хут Л. Р. Указ. соч. С. 521–522.

⁴⁹ Там же. С. 522–523.

⁵⁰ Там же. С. 520.

О том, какой получилась «Всемирная история», можно рассуждать долго. Однако представляется, что приведенная выше оценка П. Ю. Уварова несколько эмоциональна. Во «Всемирной истории», несмотря на отсутствие «генеральной идеи», мощно звучит ведущая интенция – всеобщность, тотальность истории, проявляющаяся как более или менее выраженная взаимосвязь всех стран и регионов. При доминировании цивилизационного подхода имплицитно присутствует идея некоего общего поступательного развития. Авторы в полной мере отдали должное «антропологическому повороту» во всех его проявлениях – от демографии и медицины до философских представлений и символики власти. С другой стороны, содержание фундаментальных понятий, таких как «феодализм», «абсолютизм», «революция», рассредоточено. Соответствующие дефиниции предложено формулировать читателю, что, возможно, скорее хорошо, нежели плохо.

В том, что «Всемирная история» принадлежит новой эпохе и новой аудитории, убеждает высказывание одного из ведущих исследователей Французской революции Д. Ю. Бовыкина: «Одной из главных причин того, что споры о хронологических рамках Французской революции (равно как и о ее предпосылках и итогах) едва ли имеют шанс когда-либо завершиться, служит высокая степень абстрактности самого понятия “революция”. Не существует согласия даже по поводу того, представляет ли собой революция некое целостное явление или же это разнородная череда событий (синхронных и асинхронных). Да и попытка привнести взгляды и деятельность вершивших революцию группировок к какому-нибудь знаменателю, помимо более или менее полного отторжения Старого порядка (что бы они под ним ни понимали), изначально обречена на провал: “революционеры” могли быть монархистами и республиканцами, католиками и атеистами, защитниками собственности и сторонниками ее отмены, выходцами из любого сословия и любого социального слоя»⁵¹.

Российская постсоветская историография вошла в мировое научное пространство. В 1990-х гг., в условиях переходного периода, происходила и методологическая трансформация – процесс сложный и неоднозначный. Параллельно шла рецепция установок зарубежной науки, их совмещение с существовавшей научной базой и создание оригинальных российских работ. В 2000-х гг. установилась определенная стабильность.

Методологический плюрализм, междисциплинарность, наличие различных подходов – культурологического, антропологического, лингвистического, структуралистского – делают весьма уместной характеристику современной историографии, данную выдающимся российским методоло-

⁵¹ Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. М., 2013. С. 679.

гом Б. Г. Могильницким (1929–2014): «Вступая в новое столетие, окинем мысленным взором современное состояние исторической науки. Оно представляется бурным потоком, дробящимся на многочисленные русла, подчас далеко уходящие от своего фарватера; и чем пристальнее мы вглядываемся в этот поток, тем хаотичнее и непредсказуемее кажется его движение, тем заметнее возмущающие его течение, завихрения и водовороты... Важно, однако, не упустить за ними глубинную тенденцию, определяющую развитие исторической мысли на рубеже столетий и сообщающую ему некоторую закономерность. В самом общем виде ее можно определить как прогрессирующее утверждение “новой истории”, фокусирующей вокруг человека, живущего в определенном социальном континууме»⁵².

Изучение феномена власти представляет собой отдельный, вполне оформленный поток в описанном течении. Различные стороны ее генезиса и функционирования, социальная основа, властные элиты, индивидуальные и коллективные представления, субъективный фактор, единичное и общее, личность и социум, поведенческие модели и т. д. – описание проблемного поля в исследовании власти можно продолжать и далее. При этом актуальны подходы истории повседневности, психоистории, гендерной истории, потестарной имагологии. Значительное место в данном историографическом массиве занимает изучение власти в раннее Новое время, что выразилось в рассмотрении различных аспектов абсолютной монархии в Западной Европе и России.

7.2. Абсолютные монархии Запада в работах современных российских историков

Ввиду специфики исследовательского поля, медиевистика была менее идеологизированной, чем другие области исторической науки. С другой стороны, она быстрее воспринимала концепции западной историографии. Соответственно, и споры российских медиевистов были более академичными, чем, например, у специалистов по истории России XX в. Тем не менее, общественные условия диктовали необходимость переосмысления социальных функций исторической науки, адекватности исторической интерпретации, соотносимости исследовательских парадигм и т. д.

Одной из традиционных и значимых проблем было выявление верхней границы Средневековья. Споры о том, какие процессы являлись рубежными для определения наступающей эпохи уже как Нового времени,

⁵² Могильницкий Б. Г. История исторической ... С. 522.

не раз велись в советской историографии. Дополнительным источником этих дискуссий, периодически возобновляемых, но так и не завершенных, было и то, что в высказываниях классиков марксизма можно было черпать аргументацию для разных точек зрения. Так, с равным успехом можно было предлагать в качестве пограничных и XVI, и XVII вв. В условиях второй половины 1980-х гг., по меткому суждению Л. Р. Хут, «критические замечания в адрес традиционной для советской историографии периодизации, носившие спорадический характер, перерастают в целенаправленное воздействие на “незыблемые устои”, и последствия этого воздействия в полной мере ощутила на себе российская историография рубежа XX–XXI вв.»⁵³

В 1992 г. было проведено два «круглых стола», где обсуждались верхние границы Средневековья и целесообразность применения термина «раннее Новое время». Эти мероприятия прошли 4 сентября в Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени и 28 сентября в ИВИ РАН⁵⁴. «Собственно говоря, – позднее отмечал П. Ю. Уваров, – “дискуссиями” их назвать трудно, потому, что аргументов “за” было в избытке, а аргументов “против” не приводилось. Однако при желании их можно было бы найти немало»⁵⁵. По большому же счету, суть проблемы периодизации и сопутствующей терминологии Уваров выразил следующей максимой: «Все термины, используемые для общепотребительной периодизации, небыстречны, уязвимы для критики и случайны по своему происхождению»⁵⁶.

Обсуждения, конференции, «круглые столы» были привычными для 1990-х гг., и все же целесообразно обратить особое внимание на одно из таких мероприятий. Речь идет о дискуссии вокруг статьи М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!», опубликованной во втором номере альманаха «Казус» в 1999 г. Статья была в значительной мере провокационной. Как сама публикация, так и последовавшая за ней дискуссия, демонстрируя смену поколений в науке, были весьма показательны.

М. А. Бойцов, утрируя ряд происходящих в обществе и историческом знании процессов, предложил весьма неоднозначный сценарий развития исторической науки. Во-первых, история исчезнет как системное целостное знание ввиду социальной невостребованности. В современном обществе, считал Бойцов, отсутствуют как великие идеи, так и масштабные угрозы. Современный человек индивидуализирован, он уже удовлетворяет «постматериальные» потребности, его множественные страхи размыты.

⁵³ Хут Л. Р. Указ. соч. С. 113.

⁵⁴ Там же. С. 113.

⁵⁵ Уваров П. Ю. Раннее Новое время: взгляд из Средневековья // Новая и новейшая история. 2011 № 2. С. 109.

⁵⁶ Там же. С. 109.

«Если историческое знание не вдохновляется ясной картиной грядущего (т. е. навязчивыми страхами в настоящем), оно уподобляется зданию, возводимому без связующего раствора, а значит зданию, рассыпающемуся уже в ходе такого бесконечного строительства, – делает вывод Бойцов. – Дробление и мельчание европейского исторического знания на протяжении всего XX века очевидны»⁵⁷. Это – «конец истории», отмирание ее социальной функции. Масс больше нет, так для чего же историку «пытаться склеивать из осколков разбитое зеркало, когда в него все равно некому больше смотреться...»⁵⁸.

Во-вторых, только по медиэвистике, отмечает автор, сейчас выходит около 10 000 статей ежегодно. Вся эта продукция уже не поддается обработке с должной полнотой и тщательностью⁵⁹. На этом фоне все больше значение будут приобретать узкая специализация и чисто «знаточеские» штудии: «Сообщество будет чем дальше, тем больше дробиться на мелкие группы узких, но свое дело хорошо знающих и вовлеченных в международные связи профессионалов, правда, скучающих в обществе коллег, занимающихся иными темами»⁶⁰.

М. А. Бойцов обратил внимание на существующую понятийную некорректность. Что такое «феодализм»? Согласно европейской историографии, это в первую очередь политическая раздробленность. Советские же историки вложили в это понятие другое содержание, и поэтому «словосочетание “феодалы сеньоры” в “марксистском” понимании лишено смысла – сеньоров капиталистических или рабовладельческих марксистская социология не знает»⁶¹. Государство, согласно марксизму, это институт подавления эксплуатируемых классов. Оно обладает суверенитетом, территорией, имеет армию, тюрьмы и т. д. А что же такое «всем нам из учебника известное мистическое «государство эпохи феодальной раздробленности»? – задает непростой вопрос автор.

«Если одно из ключевых понятий употребляется неряшливо, с постоянными смысловыми шумами, то при склеивании его с другими – не менее неопределенными – степень неясности резко увеличивается»⁶², – справедливо отмечает М. А. Бойцов, указывая далее на распространенное в свое время теоретизирование: «Путем дальнейшего нанизывания подобных “терминов” можно успешно строить теории и без конца писать вполне

⁵⁷ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 23.

⁵⁸ Там же. С. 28–29.

⁵⁹ Там же. С. 29.

⁶⁰ Там же. С. 34.

⁶¹ Там же. С. 39.

⁶² Там же.

научнообразные монографии об “особенностях эксплуатации в государстве эпохи феодальной раздробленности” или о “государстве эпохи феодальной раздробленности как политико-правовом выражении социальных противоречий общества зрелого феодализма”. Чем гуще смысловой туман, тем интенсивнее могут вестись научно-теоретические дискуссии»⁶³.

Развернувшаяся дискуссия стала идейным и концептуальным срезом историографии 1990-х гг. Практически все выступавшие критиковали М. А. Бойцова за форму и логику его выступления, субъективизм выводов и т. д. Мысль автора об «истории в “осколках”» и умирании генерализующего знания не нашла понимания. Историческое сообщество не воспринимало идеи о «конце истории», пусть даже исходя из корпоративных интересов. Из выступлений участников становилось ясно, что историческая наука все же имеет методологический и содержательный каркас. Он, разумеется, требует ремонта, но одновременно препятствует рассыпанию истории «на осколки».

Примечательна была реакция на выступление М. А. Бойцова различных поколений историков. Например, представители старшего поколения (И. С. Свенцицкая⁶⁴, Н. А. Хачатурян⁶⁵, М. Л. Абрамсон⁶⁶, Ю. Л. Бессмертный⁶⁷) восприняли статью М. А. Бойцова как повод для серьезной дискуссии. Они критиковали автора за неисторизм, субъективизм и футурологические построения. В противовес выдвигалась аргументация в пользу генерализующего знания, отстаивались объективные категории исторической науки, предлагались коррективы в существующие схемы и т. д.

Историки молодого поколения (О. И. Тогоева⁶⁸, А. А. Котомина⁶⁹), напротив, не видели предмета для научной полемики. По мнению О. И. Тогоевой, автор создал эпатажный текст, но присутствующие почему-то начали его с полной серьезностью критиковать. Статья Бойцова – это совершенно самодостаточное произведение, абсолютно индивидуальная точка зрения, которая уже в силу этого резко ограничивает возможности научной дискуссии. У каждого может быть своя точка зрения, и она имеет право на существование⁷⁰. А. А. Котомина подчеркнула, что автор радикализировал свою мысль, чтобы она лучше дошла до аудитории. Резуль-

⁶³ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 39–40.

⁶⁴ Дискуссия по статье М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999. С. 42–45.

⁶⁵ Там же. С. 49–53.

⁶⁶ Там же. С. 53–56.

⁶⁷ Там же. С. 64–69.

⁶⁸ Там же. С. 54.

⁶⁹ Там же. С. 59–60.

⁷⁰ Там же. С. 54.

тат – «мы все же поняли, что он имел в виду. И узнали себя... Может быть, важнее понять, почему у научного сообщества любые попытки обсуждать состояние этого сообщества в данный момент вызывают настолько негативную реакцию?»⁷¹

Мнения среднего поколения (С. А. Экштут⁷², О. Е. Кошелева⁷³, Л. П. Репина⁷⁴, П. Ю. Уваров⁷⁵) отличались по тональности. Наибольшей критике подвергла позицию автора Л. П. Репина. Сделав оговорку, что придерживается принципа плюрализма, она четко расставила акценты: «"Пусть расцветают сто цветов", но каждый "цветочек" должен представлять собой некоторую внутреннюю непротиворечивость»⁷⁶. Для Репиной проблема соотношения микро- и макроистории решаема: «Между супер-фрагментарной историей и историей генеральных схем, если ее вообще можно назвать историей, существует еще целый ряд других уровней. Все должно быть к месту. Одно дело, когда вы разбираете какой-то казус... И уже необходим абсолютно иной подход, если мы выходим... на региональную и мировую историю»⁷⁷.

О. Е. Кошелевой текст М. А. Бойцова показался интересным и актуальным. Работы антропологического, микроисторического направления, уверена Кошелева, быстро находят читателя, хотя и не очень привычны в обществе, воспитанном в основном на нравоучительной, морализирующей наукообразной истории⁷⁸.

П. Ю. Уваров акцентировал внимание на двух принципиальных моментах. Во-первых, история и историческая наука – это совершенно разные предметы для обсуждения. Во-вторых, несоответствие исторических понятий данным источников – действительно серьезная проблема. «Мне, также как и М. А., всегда было тошно от общих понятий в духе средневековых универсалий. Я ни разу не видел в источниках ни "Дворянства", которое куда-то стремилось, ни даже "Церкви" или "Абсолютизма", которые против кого-то боролись. Не они были для меня субъектами истории, – описывал Уваров ситуацию, отмечая при этом: – Без общих понятий, конечно, не обойтись, но чтобы ими можно было пользоваться, с исследователя должно семь потов сойти. Он и сам должен убедиться, что они существуют, и читателя в том убедить. Или постараться убедить. И тогда,

⁷¹ Дискуссия по статье М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!». С. 59–60.

⁷² Там же. С. 45–48.

⁷³ Там же. С. 60.

⁷⁴ Там же. С. 56–59.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 56.

⁷⁷ Там же. С. 57.

⁷⁸ Там же. С. 60.

пожалуйста, – можно даже и об "Абсолютизме" говорить, но не ранее»⁷⁹. Однако в целом это не решение вопроса. «Я понимаю всю ущербность такой позиции, – объяснял П. Ю. Уваров. – Но не менее важным, чем личные пристрастия... было чувство неловкости перед коллегами-смежниками. Им нужны вполне определенные знания обобщенного характера. Они хотят взять их у нас и приложить к своим студиям – к истории России, к политологии и социологии... Они берут вроде бы ясное и классическое понятие "французский абсолютизм". Начинают его монтировать в концепцию российской истории, не подозревая, что у них в руках не кирпич, а нечто студенистое, постоянно меняющее свое значение»⁸⁰. «Мы-то можем отказаться от генерализации... Но, – предупреждает Уваров, – тогда генерализовать станут без нашего участия, но станут обязательно, потому что есть преподавание. И в соревновании между учебником, написанным хорошим историком, понимающим фиктивность всех концепций, и учебником плохого историка, но организовавшего материал под "великую идею", преподаватели неизбежно отдадут предпочтение второму»⁸¹.

В заключительном слове М. А. Бойцов отметил, что поставленная им цель – привлечь внимание к наиболее острым проблемам исторического сообщества – была достигнута, и дискуссия, сценарий которой можно было предвидеть, прошла скорее не в научном, а в мировоззренческом ключе. Однако остался вопрос: если историки создают картины прошлого, используя весь арсенал инструментария, могут ли эти обобщения претендовать на научность? Есть ли методология, позволяющая приходить хотя бы к некоей относительно устойчивой истине? «Если такая методология существует, – переводил Бойцов проблему в практическую плоскость, – то ее надо осваивать. Если нет – историку придется во всем, что превышает необходимый ремесленный минимум, руководствоваться прежде всего личным пониманием мира, а любые общие «теоретические установки» принимать во внимание лишь в той мере, в какой они не противоречат его индивидуальному жизненному опыту. Так, собственно, и поступают крупные историки»⁸².

Оценивая это обсуждение, в современном понимании естественное и полезное, нужно добавить, что статья М. А. Бойцова была опубликована в научном издании, а обсуждение ее происходило в Институте всеобщей истории РАН. Если же сопоставить эту дискуссию с проходившими, например, в послевоенной медиевистике, то станет понятно, что речь идет о разных странах и разной исторической науке.

⁷⁹ Дискуссия по статье М. А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!». С. 61.

⁸⁰ Там же. С. 61–62.

⁸¹ Там же. С. 63.

⁸² Там же. С. 71–72.

Рассмотрение концепта абсолютизма в постсоветской историографии целесообразно начать с «большого нарратива» переходных 1990-х гг. – восьмитомной (по первоначальному замыслу) «Истории Европы». Первый том вышел в 1988 г., последний – пятый – в 2000-м, между появлением четвертого и пятого тома прошло шесть лет. Показательны тиражи издания: первый том – 100 тысяч, второй – 40, третий – 38, четвертый – 25 и пятый – 5(!) тысяч экземпляров, что отражает тяжелое финансовое положение, в котором оказались государственные издательства. Отсутствие томов, посвященных событиям XX в., также объяснимо. В 1990-х гг., в условиях кризиса исторической науки и последствий распада СССР, шло осмысление событий уходящего века. В методологическом плане «История Европы» демонстрирует сочетание формационного, цивилизационного и структурного подходов. Однако очевидно, что авторы, несмотря на изменение научной лексики, отталкивались от советской формационной схемы.

Проблематика абсолютизма рассматривалась в третьем⁸³, четвертом⁸⁴ и пятом⁸⁵ томах. Название третьего тома – «От средневековья к новому времени» – говорит о том, что споры о верхней границе Средних веков дали результат. Так, во введении М. А. Барг ведет речь о всемирно-исторической универсальности и уникальности общественного развития в XVI в., что «заключается в необратимом генезисе капиталистического уклада в лоне феодального строя»⁸⁶. Тем не менее сам термин «раннее Новое время» не применяется.

Анализ концепта абсолютизма, представленный В. М. Каревым во введении к разделу «Политические структуры и абсолютизм», демонстрирует устойчивость советской историографической традиции. Термины «абсолютная монархия» и «абсолютизм» синонимичны. Характеристика абсолютизма начинается фразой: «В советской историографии утвердилось точка зрения, согласно которой переход от сословно-представительных монархий к монархиям абсолютистского типа связывается с выходом на историческую арену новых социальных сил в лице формирующейся буржуазии, создающей определенный противовес феодальному дворянству»⁸⁷.

Конкретный характер «абсолютистской власти» ставится в зависимость от степени развития «буржуазных слоев» и особенностей «предшествующего развития политических структур». Очевидно, с целью подчеркнуть универсальный характер неограниченной власти, отмечается, что

⁸³ История Европы: с древнейших времен до наших дней: в 8 т. / Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII вв.) / [Л. Т. Мильская и др.]. М., 1993. 653 с.

⁸⁴ Там же. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века) / [М. А. Барг и др.]. М., 1994. 509 с.

⁸⁵ Там же. Т. 5: От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / [С. П. Пожарская и др.]. М., 2000. 667 с.

⁸⁶ Там же. Т. 3. С. 11.

⁸⁷ Там же. С. 160.

«абсолютизм, как исторически преходящая форма феодальной монархии может иметь и черты внешнего сходства с другими формами “самодержавного” правления, основывающимися на иной социальной базе и восходящими к принципиально иным политическим традициям»⁸⁸.

Нижней границей абсолютизма указан рубеж XV–XVI вв., при этом отмечается выделение периода «раннего абсолютизма» XVI – первой половины XVII в. Автор раскрывает специфические особенности абсолютизма в странах и регионах. Это абсолютизм в Англии с мощным парламентом и нарождающейся буржуазией, интересы которой сближались с интересами дворянства. Французский абсолютизм развивался медленно, ввиду «неразвитости капиталистических элементов» и действия центробежных сил, с «множеством архаических элементов» в его «бюрократической машине». Особенностью испанского абсолютизма была узость его социальной базы, ограниченной дворянством, занимавшим ведущие позиции в системе испанской монархии. В Германии возник мелкодержавный региональный абсолютизм в рамках Империи, который не только не играл централизаторской роли, но и закреплял раздробленность земель. Итальянский региональный абсолютизм был представлен несколькими вариантами. Политические структуры Савойского герцогства были близки к французской монархии, Неаполитанского королевства и Папского государства – к испанской. Собственно же итальянский абсолютизм воплотился в Тосканском великом герцогстве и других государственных образованиях, сложившихся на базе сеньорий и т. д.⁸⁹ В характеристике абсолютистских форм правления было обращено внимание и на другие регионы Европы: швейцарские кантоны, организованные аналогично политическим структурам Империи, Центральную Европу и Скандинавию, где наблюдались попытки создания абсолютных монархий, Нидерланды, где абсолютистские формы насаждались Испанией и т. д.⁹⁰

Построение материала, при котором «материальная культура и образ жизни» не смешивались с «политическими структурами», оказалось оправданным. Благодаря этому удалось создать информативно емкий нарратив, построение которого в общем отражало степень заполненности проблемного поля абсолютизма.

Первым был представлен материал об Англии (автор – О. В. Дмитриева)⁹¹, затем о Франции (Н. Е. Копосов)⁹², заключала первую «тройку» Республи-

⁸⁸ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 5. С. 160.

⁸⁹ Там же. Т. 3. С. 161–162.

⁹⁰ Там же. С. 162–163.

⁹¹ Там же. С. 163–174.

⁹² Там же. С. 174–187.

ка Соединенных Провинций (А. Н. Чистозвонов)⁹³. Абсолютизм в Англии и Франции, действительно, был изучен в наибольшей степени. Предоставление первенства именно Англии объяснялось традицией восприятия этой страны как родины «классического капитализма» и буржуазной революции, с которой еще недавно начинался отсчет Нового времени. Включение же в данный ряд Нидерландов вызывает определенные вопросы. Абсолютистские порядки в этом регионе насаждались Испанией. Однако насколько они соответствовали изначальным особенностям региона? Сам автор ведет речь об «эластичной федерации» как форме управления Нидерландами, и большой роли сословно-представительных учреждений, имевших давние традиции⁹⁴.

Ряд европейских стран и регионов продолжили Германия (Н. Ф. Колесницкий, А. Л. Ястребицкая)⁹⁵, Швейцарская конфедерация (А. Н. Чистозвонов)⁹⁶, страны Северной Европы (Х. А. Пийримяэ)⁹⁷, Италия (А. Д. Ролова)⁹⁸, Испания и Португалия (В. А. Ведюшкин)⁹⁹. Однако, исходя из научной разработанности и значимости в европейской истории XVI в., было бы целесообразно рассматривать Италию, Испанию и Португалию сразу после Германии. Изложение замыкают страны Центральной Европы (Б. Н. Флоря)¹⁰⁰, Россия (С. О. Шмидт)¹⁰¹ и Юго-Восточная Европа¹⁰² – регион, где большинство стран находились под властью Османской империи, и Дунайские княжества¹⁰³, также находящиеся под влиянием Османской империи.

Материал об абсолютизме, содержащийся в четвертом томе, конкретизирует теоретические установки, сформулированные в третьем. Том начинается рассмотрением Английской революции и заканчивается событиями кануна Французской. Трактовка Английской революции М. А. Баргом отсылает к советской традиции. Несмотря на то, что о «производительных силах» и «производственных отношениях» не говорится, они имплицитно присутствуют в дискурсе. Это очевидно в такой, например, фразе: «В результате уже давно назревавший конфликт между силами, требовавшими обновления всего уклада жизни страны, и силами, отстаивающими су-

⁹³ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 187–196.

⁹⁴ Там же. С. 191–192.

⁹⁵ Там же. С. 196–206.

⁹⁶ Там же. С. 206–210.

⁹⁷ Там же. С. 210–217.

⁹⁸ Там же. С. 217–228.

⁹⁹ Там же. С. 228–237.

¹⁰⁰ Там же. С. 237–246.

¹⁰¹ Там же. С. 246–258.

¹⁰² Там же. С. 246–259.

¹⁰³ Там же. С. 262–268.

ществующий порядок вещей, вскоре стал открытым и непримиримым»¹⁰⁴. Аналогичным было и описание предреволюционной Англии, где при первых Стюартах наблюдался «период углубления феодально-абсолютистской реакции»¹⁰⁵.

Посвященная европейскому абсолютизму XVII – начала XVIII в. глава была написана В. Н. Маловым¹⁰⁶, несколько модифицировавшим свою концепцию. Трактовка Маловым французского абсолютизма XVII в. будет приведена также во «Всемирной истории»¹⁰⁷.

На первое место среди факторов генезиса абсолютизма Малов выдвигает военный – реалии Тридцатилетней войны и последовавших за ней войн потребовали непривычно высоких военных расходов. Между тем, спрашивать согласие на них сословно-представительных органов было все более обременительно для правителей, которые стремились к укреплению собственной власти.

Определяя социальную основу абсолютной монархии, В. Н. Малов не обращается непосредственно к концепции «равновесия». Однако идея баланса буржуазных и феодальных сил присутствует в следующей характеристике: «В широком социальном плане рост буржуазии, еще нуждавшейся в опеке со стороны национальной монархии, составлял важнейший, хоть и не единственный, фактор складывания и развития абсолютизма. Но и функция монархии как охранительницы феодализма повсюду оставалась действенной, тем более что монархия имела дело с буржуа, которые в массе своей даже не противопоставляли себя старому строю, но, напротив, сами мечтали вклиниться в феодальную систему и приобрести к феодальным привилегиям»¹⁰⁸. Автор уделяет особое внимание тому фактору, что идеология и практика абсолютной монархии основывались на рационализме и эмпиризме, и при этом существовало взаимное влияние абсолютистских государств¹⁰⁹.

В описательном материале первое место принадлежит Франции. Далее следуют Испания, Португалия, Дания, Швеция, Бранденбургско-Прусское государство и держава австрийских Габсбургов. Достоинством текста является сравнительно-типологический метод изложения, позволяющий воспринимать европейские монархии не только в комплексе, но и как специфические для каждой страны явления.

¹⁰⁴ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 12.

¹⁰⁵ Там же. С. 24.

¹⁰⁶ Там же. С. 138–179.

¹⁰⁷ Всемирная история: в 6 т. / редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. С. 482–483.

¹⁰⁸ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 138–139.

¹⁰⁹ Там же. С. 139.

Словесная конструкция «просвещенный абсолютизм», как отмечает В. В. Рогинский, предложена немецкими историками XIX в. Она «имеет право на существование, поскольку она относительно верно отражает суть явления и стала привычной»¹¹⁰. В англо-французской историографии ее аналогом является словосочетание «просвещенный деспотизм». Это политика, диктовавшаяся назревшей необходимостью преобразования общества на началах капитализма. На основе реформ «сверху» и восприятия идей просветителей проводилось устранение наиболее устаревших и одиозных проявлений феодального порядка»¹¹¹.

Мероприятия просвещенного абсолютизма, развертываясь в различных странах, от Португалии до России, имели соответствующую специфику и результативность. Наиболее известными монархами-реформаторами были Екатерина II и Фридрих II, самыми же масштабными последствиями отличалась политика просвещенного абсолютизма в Дании. По мнению В. В. Рогинского, реформы просвещенного абсолютизма «объективно готовили, очищали путь для дальнейшего развития созревающего в недрах феодализма капиталистического уклада»¹¹².

Таким образом, ракурс освещения проблемы абсолютизма в «Истории Европы» позволяет говорить о сочетании различных методологических установок с превалярованием формационной модели. Тем не менее, изменение дискурса выразилось в исчезновении лексических конструкций советской историографии – «феодально-абсолютистского строя», «классовой борьбы», «эксплуататорского государства», «производительных сил», «производственных отношений» и т. д.

В пятом томе «Истории Европы» влияние советских методологических установок оказалось минимальным. Более того, в активное употребление вошел термин «Старый порядок», характеристикой которого начинается очерк об экономическом развитии Европы. «В конце XVIII в. “старый порядок” (как называют систему общественных отношений, разрушенную Французской революцией), еще повсеместно господствовал на Европейском континенте – такой фразой начинает главу А. В. Ревякин. – Его отличительными признаками являлись абсолютизм, сословные привилегии и разнообразные “пережитки” средневековья в виде сеньориальных прав и цехового строя городского ремесла и торговли, сохранившиеся на фоне новых форм общественной жизни, свойственных

¹¹⁰ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 4. С. 352.

¹¹¹ Там же. С. 353.

¹¹² Там же. С. 366.

раннему капитализму»¹¹³. Рассмотрение предпосылок Французской революции начинается с сюжета о провале реформ, предпринятых монархией, из-за противодействия придворной знати и дворянской оппозиции. Цели дворянской реакции, разъясняет автор, противоречили «доминирующим тенденциям развития Франции в XVIII в., а именно возвышению буржуазии и освобождению крестьянского хозяйства от пут сеньориального строя»¹¹⁴. Дворянская реакция «ущемляла интересы этих классов, тем самым подталкивая их к насильственным формам протеста против вопиющей несправедливости»¹¹⁵.

Такая трактовка выглядела несколько упрощенно, особенно с учетом переосмысления проблем Французской революции. Начавшись в конце 1980-х гг., оно оформилось как «новая русская школа». А. В. Чудинов, один из основателей этого направления, отмечал: «С большей или меньшей уверенностью можно лишь утверждать, что это направление появилось во Всемирной паутине на рубеже нынешнего и прошлого веков. Во всяком случае, автор опубликованной в “Книжном обозрении” весной 2001 г. рецензии на первый номер возобновленного “Французского ежегодника” использовал словосочетание “новая русская школа”, ссылаясь именно на “интернетских эрудитов”, что позволяет предположить уже более или менее устоявшуюся к тому моменту практику его употребления...

Причины возникновения подобного понятия, на мой взгляд, очевидны. Обращение к революционным традициям прошлого и, в частности, к истории Французской революции было для многих участников упомянутого сообщества своего рода формой протеста против распространившегося на постсоветском пространстве “дикого” капитализма, а потому они демонстрировали подчеркнутый пиетет по отношению к советской историографии Революции и, напротив, выказывали весьма критическое отношение к новейшим трактовкам этого события. Определение “новая русская школа” и стало у них собирательным наименованием для постсоветских историков»¹¹⁶.

В 1998 г. вышла статья А. В. Чудинова «Прощание с эпохой», где был перечислен целый ряд устоявшихся в советской историографии тезисов, не выдержавших проверки фактами. В первую очередь, это определение социально-политической системы предреволюционной Франции как «феодально-абсолютистский строй». Современные исследования доказали,

¹¹³ История Европы: с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М., 2000. С. 15.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 59.

¹¹⁶ Чудинов А. В. «Новая русская школа» в историографии Французской революции: ad fontes! // Universitas historiae: сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 523–524.

что экономика Франции была многоукладной, а сеньориальные отношения, хоть и просуществовали до начала революции, уже никоим образом не играли определяющей роли в экономике. Более того, отдельные элементы сеньориального комплекса фактически превратились в инструменты первоначального накопления.

В равной степени весьма спорны утверждения о неограниченной власти французского короля. Действительно, в теории власть монарха была абсолютной, но на практике она ослаблялась целой системой традиционных государственных институтов, важнейшее место среди которых принадлежало парламентам. Репрессивная сила и произвол королевской власти имели границы, неоднократные примеры действия которых приводятся А. В. Чудиновым. Пресловутой фразы «Государство – это я!» Людовик XIV, по-видимому, не произносил. Наоборот, контекст вероятного появления этих слов как раз говорит о четких ограничениях королевских полномочий. Фразу «Государство – это я!» королю приписали магистраты Парижского парламента, пожаловавшись в 1655 г. кардиналу Мазарини на то, что 17-летний король, нарушив традицию, явился на их заседание, чтобы выразить им свое неудовольствие. Таким образом, появление короля в Парижском парламенте было расценено как неприличная претензия на беспредельную власть¹¹⁷.

В развернутой публикации с красноречивым названием «Смена веков: 200-летие Революции и российская историография»¹¹⁸ А. В. Чудиновым был подведен итог постсоветского десятилетия в российской историографии Французской революции. На протяжении последующих лет А. В. Чудиновым были опубликованы работы, демонстрирующие новую парадигму осмысления Французской революции и, в частности, дореволюционной монархии¹¹⁹.

В сообществе российских медиевистов и историков раннего Нового времени еще с конца 1980-х гг. утвердился тезис о том, что теоретически абсолютная власть монарха не была такой на практике. В 1990-х гг. этот тезис вошел в учебную литературу.

Например, в учебном пособии В. М. Ракова (Пермь) указывалось, что развитие французского абсолютизма шло постепенно, спрово-

¹¹⁷ Чудинов А. В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В. Г. Ревуненкова) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 157–158.

¹¹⁸ Он же. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // 200 лет Французской революции, 1789–1799: итоги юбилея: фр. ежегодник, 2000. М., 2000. С. 5–23.

¹¹⁹ Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. 310 с.; он же. Старый порядок во Франции и его крушение. М., 2017. 205 с.

ждалось компромиссами, и возможности королевской власти имели пределы¹²⁰. Автор рассматривает абсолютизм в русле концепции современного государства. Абсолютная монархия представляет собой этап эволюции государственных структур от традиционных, сословно-корпоративных к современным, государственно-гражданским и правовым¹²¹. При этом традиционные структуры, отличающиеся корпоративностью и живучестью, сделали невозможным создание на Западе деспотических режимов. Период XV – первой половины XVIII в. автор условно называет ранним абсолютизмом. «На этом этапе монарх олицетворял все общество – не только в традиционном, но и посттрадиционном, надсословном смысле», – отмечает Раков. Важнейшими двигателями формирования абсолютных монархий являлись военный и финансовый факторы¹²².

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. конфигурация концепта западноевропейского абсолютизма представляла собой многоуровневую конструкцию. В основе ее лежали доказавшие свою прочность элементы марксистской теории, правовой подход, теория современного государства, заявившая о себе в полную силу к концу 1990-х гг., и, наконец, культурная антропология с практически безграничным проблемным полем. Абсолютизм мог рассматриваться в рамках идеи социального баланса, «военной революции», «истории элит» и т. д. Проблемное поле западноевропейского абсолютизма было представлено историей политических институтов, правящего класса, властных элит, идеологии власти, общественной ментальности, двора и т. д.

В 1992 г. вышел сборник научных статей «Власть и политическая культура в средневековой Европе». Основное внимание авторов обращалось на институциональную историю, в которой был сделан акцент на освещении корпоративных институтов, аппарате власти и т. д.¹²³

Статья Н. А. Хачатурян, имевшая вводный характер, раскрывала динамику соотношения авторитарного и коллективного принципов на различных этапах средневековой государственности. В данном формате абсолютизм рассматривался как перевес авторитарной тенденции, постепенно

¹²⁰ Раков В. М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.: учеб. пособие. Пермь, 1999. С. 82–83.

¹²¹ Там же. С. 80.

¹²² Там же. С. 82–83.

¹²³ Власть и политическая культура в средневековой Европе: сб. ст. / [редкол. Е. В. Гутнова (отв. ред.) и др.]. М., 1992. С. 9.

свернувшей сословно-представительские ассамблеи¹²⁴. При этом указывалось на наличие границ монархической власти. В XIV–XV вв. появились идеи о различии между личностью короля и королевским достоинством, и «если корона как результат общей воли не могла быть ничем ограничена», то «король как пользователь ее должен был подчиняться закону, подобно другим подданным королевства»¹²⁵.

В мае 1992 г. Отдел всеобщей истории Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН и Санкт-Петербургская группа по изучению истории Франции провели конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения А. Д. Люблинской. Значительная часть представленных на конференцию материалов была посвящена истории европейского дворянства. Это доклады о дворянстве Франции (Ю. П. Малинин), Северной Италии (Е. В. Бернадская), Испании (В. А. Ведюшкин), Португалии (А. П. Черных), Германии (Т. Н. Таценко), Англии (М. В. Винокурова)¹²⁶.

25 мая 1993 г. по инициативе группы «Власть и общество» состоялся круглый стол на тему «Харизма королевской власти: миф и реальность». «Проблема монархии и монарха фокусирует на себе все нити политической и социальной жизни средневекового общества»,¹²⁷ – эта фраза из доклада Н. А. Хачатурян была лейтмотивом «круглого стола». В выступлении его участников проблематика абсолютизма была представлена в нескольких ракурсах: символикe и сакральности власти¹²⁸, психоистории¹²⁹, идеологии королевской власти¹³⁰.

В структуре проблемного поля западноевропейского абсолютизма в 1990-х гг. наибольшее исследовательское внимание привлекала тройка стран – Англия, Франция и Германия. Английская правовая мысль, политические элиты, система управления в предреволюционную эпоху получили рассмотрение в работах С. В. Кондратьева (Тюмень)¹³¹. Отношения

¹²⁴ Хачатурян Н. А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., С. 22.

¹²⁵ Там же. С. 20.

¹²⁶ НИИ СПб ИИ РАН. ЗЕС. Ф. Санкт-Петербургского института истории РАН. Оп.1, ч. II. Д. 565. Л. 17.

¹²⁷ Хачатурян Н. А. Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе // Средние века. Вып. 58. М., 1995. С. 144.

¹²⁸ Дмитриева О. В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // Там же. С. 155–163; Гусарова Т. П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. // Там же. С. 163–170.

¹²⁹ Каплан А. Б. Психологическая характеристика различных типов абсолютных монархов (историко-биографический аспект) // Там же. С. 171–172.

¹³⁰ Эльфонд И. Я. Учение о «божественном праве» государей во французской доктрине абсолютизма второй половины XVI века // Там же. М., 1995. С. 172–178.

¹³¹ Кондратьев С. В. Английские юристы конца XVI – начала XVII вв. о королевской власти // Англия XVII века: идеология, политика, культура: межвуз. сб. науч. трудов. СПб., 1992. С. 13–21; его же. Юристы в предреволюционной Англии (политические и правовые воззрения). Шадринск, 1993. 125 с.; его же. Политика и политические элиты в предреволюционной Англии // Англия XVII века ... СПб., 1994. С. 17–32.

монархии Стюартов и купечества были отражены в публикациях Г. Н. Питулько (Санкт-Петербург)¹³². Во второй половине 1990-х гг. проблематика английского абсолютизма расширилась. И. В. Казаков (Самара) исследовал монархию и двор первых Тюдоров¹³³. Презентация власти в елизаветинской Англии средствами печати¹³⁴ и организацией королевских визитов¹³⁵ рассматривались М. К. Поповой (Воронеж) и О. В. Дмитриевой (Москва). А. Ю. Серегина (Москва) разрабатывала проблемы общественной мысли и статуса католиков в елизаветинской Англии¹³⁶. Новым направлением стало изучение различных аспектов жизни и деятельности английской аристократии, а также структур и функционирования королевского двора петербургскими историками С. Е. Федоровым¹³⁷, В. С. Ковиным¹³⁸ и Е. И. Эциной¹³⁹.

Традиционным сюжетом исследований были политико-правовые доктрины раннего Нового времени. Так, идеи Ж. Бодена о суверенитете и границах монархической власти были охарактеризованы И. Я. Эльфонд¹⁴⁰. Л. А. Пименова проанализировала идеологические основы французской монархии и их трансформацию в конце Старого порядка¹⁴¹.

Расширение проблемного поля французского абсолютизма демонстрируют работы известной исследовательницы Франции XVI в. С. Л. Плешковой (1936–2007). Речь идет о церковной политике французской монархии XVI в. Длительный процесс согласований позиций монархии и папства

¹³² Питулько Г. Н. Торговый кризис начала 1620-х гг. и английское привилегированное купечество // Англия XVII века ... СПб., 1992. С. 21–30; ее же. Образ привилегированного купечества на страницах английской публицистики начала XVII в. // Там же. СПб., 1994. С. 32–42.

¹³³ Казаков И. В. Генрих VII Тюдор: «новый» король и его двор // История и историография зарубежного мира в лицах: межвуз. сб. науч. ст. Вып. I. Самара, 1996. С. 42–53; его же. Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 20 с.

¹³⁴ Попова М. К. «Век Елизаветы»: королевская власть и печатное слово // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 172–177.

¹³⁵ Дмитриева О. В. «Монументы преданности»: частное строительство и организация королевских визитов в елизаветинской Англии // Там же. С. 178–186.

¹³⁶ Серегина А. Ю. Проблема происхождения власти и государства в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII веков // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. Вып. 3. М., 2000. С. 201–213.

¹³⁷ Федоров С. Е. Некоторые черты бытового поведения знатной женщины в стюартовскую эпоху: Элизабет Берти и Мэри Уиддингтон // Англия XVII века: социальные группы и общество: межвуз. сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 54–66; его же. Бытовое поведение стюартовской аристократии (аспект гостеприимства) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 10. 1996. С. 130–145.

¹³⁸ Ковин В. С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 22 с.; его же. Раннестюартовский двор: проблема дефиниции // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры: тез. докл. XVIII всероссийской конф. студ., аспирантов и молодых ученых. СПб., 1999. С. 40–41.

¹³⁹ Эцина Е. И. Английский двор в семейной переписке Арабеллы Стюарт // Там же. С. 42–43.

¹⁴⁰ Эльфонд И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI в. // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 162–171.

¹⁴¹ Пименова Л. А. Доктрина французской монархии в конце Старого порядка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4. История. 1996. № 5. С. 33–44.

увенчался подписанием Болонского конкордата 1516 г., закрепившего статус галликанской церкви¹⁴². В результате французская католическая церковь была подчинена монарху, что укрепило позиции последнего¹⁴³. В свою очередь, огосударствление галликанской церкви определило позицию короны во французской Реформации. Право вмешиваться в дела духовенства и обеспечивать финансовые интересы за счет галликанской церкви оставляли ее равнодушной к реформационным идеям секуляризации церковных богатств¹⁴⁴. Рассматривая проблемы Реформации и Религиозных войн¹⁴⁵, С. Л. Плешкова создала книгу о Екатерине Медичи¹⁴⁶ и исторический портрет Генриха IV¹⁴⁷.

Санкт-петербургский исследователь Франции XVI–XVII вв. В. В. Шишкин рассматривал различные аспекты функционирования французского двора последних Валуа и первых Бурбонов¹⁴⁸. «Эволюция королевского двора Франции конца XVI – первой трети XVII в. происходила вместе с укреплением королевской власти, – указывал он в итоге. – За внешней простотой двора этой эпохи скрывалась его важная, все возрастающая роль главного социально-политического института Франции... Торжество церемониала стало торжеством абсолютизма»¹⁴⁹.

XVII столетие, время расцвета французского абсолютизма, нашло отражение в публикациях В. Н. Малова о Кольбере и его реформах¹⁵⁰, прерогативах и месте в системе абсолютизма сословных представительств и парламентов¹⁵¹, а также в образно написанном очерке о личности Людовика XIV¹⁵², дополняющем известные факты и развеивающем ряд стереотипов. Однако речь об апологии монарха не шла. «Римский император Август, проживший почти столько же лет, сколько Людовик XIV, и правивший так же долго, перед кончиной сказал: “Если мы хорошо сыграли свою

¹⁴² Плешкова С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992. С. 25–45.

¹⁴³ Там же. С. 46–47.

¹⁴⁴ Плешкова С. Л. Французская монархия ... С. 4; см. также: ее же. Французская Реформация (спецкурс и пер. ист.): учеб.-метод. пособие. М., 1993. 122 с.

¹⁴⁵ Она же. Реальности и мифы Варфоломеевской ночи // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 114–124.

¹⁴⁶ Она же. Екатерина Медичи, Черная королева. М., 1995. 309 с.

¹⁴⁷ Она же. Генрих IV Французский // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 65–81.

¹⁴⁸ Шишкин В. В. Королевский двор Франции и его структура при Генрихе III // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 1996. С. 103–116; его же. Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII в. // Средние века. Вып. 59. М., 1997. С. 137–155.

¹⁴⁹ Он же. Эволюция французского королевского двора ... С. 155.

¹⁵⁰ Малов, В. Н. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века / В. Н. Малов // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 97–109.

¹⁵¹ Он же. Представительные собрания и парламенты во Франции Старого порядка / В. Н. Малов // Из истории европейского парламентаризма. Франция. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 15–22.

¹⁵² Он же. Людовик XIV: опыт психологической характеристики / В. Н. Малов // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 152–169.

роль, проводите нас аплодисментами”, – проводил историческую параллель В. Н. Малов и подводил итог: – Добросовестность исполнителя несомненна, но заслуживает ли он аплодисментов? Вот вопрос, который всегда будет вставать перед биографами “Короля-Солнца”, именовавшегося современниками Людовиком Великим»¹⁵³.

Исторические портреты французских монархов, создаваемые профессиональными историками во второй половине 1990-х гг., заполняли давно существовавшую сюжетную лакуну, и были востребованными. Прежде всего, нужно отметить взвешенный тон и продуманность суждений. Авторы создавали взвешенные образы французских монархов, причем рассказ подчинялся единой логике: король неотделим от своей деятельности и исторического контекста эпохи. Этим характеристикам в полной мере соответствуют созданные С. Ф. Блуменау и Л. А. Пименовой исторические портреты Людовика XV¹⁵⁴ и Людовика XVI¹⁵⁵, а также яркие образы Екатерины II и Людовика XVI, сопоставленные П. П. Черкасовым¹⁵⁶.

В разработке проблем германского регионального абсолютизма ведущие позиции принадлежали Ю. Е. Ивонину, представлявшему сначала Запорожский, затем Смоленский государственный университет. В 1990-х гг. началась активная научная деятельность германиста следующего поколения А. Ю. Прокопьева (СПбГУ).

Ю. Е. Ивонин отметил, что княжеский абсолютизм традиционно оценивался как препятствие к объединению страны и тормозящая сила ее развития¹⁵⁷ (такой была установка и советских историков). Однако, ввиду новых тенденций в германской историографии, происходит смещение акцентов «в пользу рассмотрения княжеского абсолютизма не как какого-то зла или случайного элемента германской истории, а как закономерного момента в истории развития германской государственности»¹⁵⁸.

При рассмотрении альтернатив новоевропейской государственности Ю. Е. Ивонин утверждал, что «тенденции к национальной и территориальной государственности оказались сильнее имперской идеи, поскольку они

¹⁵³ Малов, В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики. С. 169.

¹⁵⁴ Блуменау С. Ф. Людовик XV // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 62–82.

¹⁵⁵ Пименова Л. А. Людовик XVI // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 62–83.

¹⁵⁶ Черкасов П. П. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 161–182; его же. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 154–166.

¹⁵⁷ Ивонин Ю. Е. Проблема княжеского абсолютизма в Германии в современной немецкой историографии (традиции и новации) // Историческое познание: традиции и новации: материалы Междунар. теорет. конф.: [в 2 ч.] Ч. 1. Ижевск, 1993. С. 143.

¹⁵⁸ Там же. С. 144–145.

больше соответствовали потребностям государственного и регионального развития различных земель Западной Европы XVI века»¹⁵⁹.

Практика формирования «регионального государственного суверенитета» анализируется в публикациях А. Ю. Прокопьева. В частности, речь идет об архиепископстве Магдебург¹⁶⁰ и Саксонском курфюршестве¹⁶¹. В первом случае, рассматривая политические институты архиепископства Магдебург, автор делает вывод о том, что накануне и в ходе Реформации традиционные, персональные вассально-ленные отношения были живучи и связывали «чины, княжескую власть и имперский престол в единое целое... Вассально-ленная вертикаль еще не была заменена «территориально-государственной» горизонталью»¹⁶². Однако реалии Тридцатилетней войны и конфессионализации приводили к иным коллизиям в реальной политике, что А. Ю. Прокопьев продемонстрировал на примере деятельности саксонского курфюрста Иоганна Георга I, оцениваемого весьма неоднозначно¹⁶³.

Анализ российской историографии показывает, что в 1990-х гг. практически исчез разрыв между российскими и западноевропейскими трактовками абсолютизма. Примером этому служит появление в 2003 г. русскоязычного издания книги британского историка Н. Хеншелла (1944–2015) «Миф абсолютизма», вышедшего на английском языке в 1992 г.

Хеншелл указывает, что термин «абсолютизм» стал применяться во время политической борьбы в Испании 1820-х гг. Тогда «абсолютизмом» называли консервативный режим, отвергающий парламент и конституцию. «"Абсолютизм", – считает Хеншелл, – первоначально и был карикатурой, которую создали, чтобы охарактеризовать современные, а не исторические явления. Однако этот стереотип прижился и был спроецирован на прошлое, а именно на ancien régime»¹⁶⁴. То, что впоследствии стало называться «абсолютизмом», на самом деле было такой формой монархии, в которой одновременно присутствовали абсолютная и ограниченная власть: абсолютная в сфере осуществления королевских прерогатив и ограничен-

¹⁵⁹ Ивонин Ю. Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 44.

¹⁶⁰ Прокопьев А. Ю. На пороге Нового времени: сословия и княжеская власть в архиепископстве Магдебург во второй половине XV – первой половине XVI в. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2, вып. 3. 1992. С. 12–23.

¹⁶¹ Он же. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонский (1585–1656). Портрет эпохи раннего барокко // Там же. Сер. 2, вып. 2. 1995. С. 95–101.

¹⁶² Он же. На пороге Нового времени ... С. 21–22.

¹⁶³ Там же. С. 96.

¹⁶⁴ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. СПб., 2003. С. 236–237.

ная соблюдением прав подданных¹⁶⁵. «Абсолютный» же и «конституционный» – это, по мнению Хеншелла, термины XIX ст., которые не создавали ничего, кроме путаницы, если применялись для описания политических теорий раннего Нового времени¹⁶⁶.

Аргументируя необходимость отмены термина «абсолютизм», Н. Хеншелл исходил из того, что с «абсолютизмом» связываются следующие некорректные утверждения. Во-первых, «абсолютизм» по сути своей деспотичен. При нем ущемляются права и привилегии подданных. Во-вторых, «абсолютизм» автократичен. Государи отодвигают на второй план сословные представительства и корпоративные организации. В-третьих, «абсолютизм» бюрократичен – абсолютные правители отделяют себя от общества. В-четвертых, «абсолютизм» никак не связан с Англией¹⁶⁷.

Если бы книга Хеншелла появилась на полтора десятилетия ранее, она стала бы «революционной» в ниспровержении старых представлений. Однако к началу 2000-х гг. российские историки уже не только существенно трансформировали концепт абсолютизма, но и словосочетание «феодально-абсолютистский строй» исчезло из употребления¹⁶⁸.

В 2002 г. вышла на русском языке работа немецкого и британского социолога Н. Элиаса (1897–1990) «Придворное общество»¹⁶⁹. Российским исследователям она была известна и ранее¹⁷⁰ – существовали ее издания на немецком, английском и французском языках. Культурно-антропологический подход, лежащий в основе «Придворного общества», был популярен в постсоветской историографии. Понимание двора как воплощения социальной иерархии открывало огромные перспективы. Рассматривать топографию двора, его этикет и церемониал с семантической точки зрения можно было бесконечно. У молодых историков не могли не найти отклика и рассуждения Элиаса о том, что «из-за недостаточной автономности исторической науки от острых противоречий и споров, имеющих место в тех обществах, где производится и потребляется история, большая часть современной историографии носит протонаучный и квазинаучный характер»¹⁷¹.

Концепция «придворного общества» Н. Элиаса переносится на функционирование всех общественных структур. С одной стороны, с этим нель-

¹⁶⁵ Хеншелл Н. Указ. соч. С. 144–145, 147.

¹⁶⁶ Там же. С. 167.

¹⁶⁷ Там же. С. 8.

¹⁶⁸ Ландина Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. 2014. Вып. 48. С. 70–71.

¹⁶⁹ Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова и др. М., 2002. 368 с.

¹⁷⁰ См., например, Ковин В. С. Указ соч. С. 7.

¹⁷¹ Элиас Н. Указ. соч. С. 16.

зя не согласиться. Королевский двор отражал общество Старого порядка – иерархическую систему, в которой недопустимы изменения и сбои. При этом установившийся порядок социального регулирования делал заложниками этикета всех, не исключая монарха¹⁷².

Вместе с тем, несколько упрощенным выглядит утверждение о том, что дворянство, утратив ряд традиционных для него функций, не имея какой-либо функции «для нации», исполняло лишь функцию «для короля» и использовалось им для обеспечения равновесия между слоями общества, которыми он правил.

Одновременно король выступал и как угнетатель, и как хранитель дворянства¹⁷³, и это утверждение Элиаса имеет основания. Зависимость каждого отдельного дворянина от монарха была несравненно больше, чем зависимость монарха от каждого дворянина, и этот баланс взаимозависимости придавал институту двора специфический характер. Король и дворянство, по образному выражению Н. Элиаса, крепко удерживали друг друга, как боксеры в «клинче»: «Никто не решался изменить свою позицию, потому что опасался, что противник сумеет нанести ему ущерб; и не было на этом ринге рефери, который мог бы развести этот “клинч”»¹⁷⁴. Такое положение Элиас характеризует как «застывание привилегированных элит» в неразрешимом напряжении. Выходом была насильственная революционная ликвидация старой системы и установление новой системы с иным балансом сил¹⁷⁵.

Мысли, высказанные в книге Р. Шартье¹⁷⁶, представителя четвертого поколения «Анналов», были максимально созвучны тональности работ российских историков, занимающихся проблемами Старого порядка и предпосылок Французской революции. Антропологический подход и тезис о том, что общие ракурсы часто искажают реальную картину – вот аргументы в пользу положительного восприятия и высокой оценки книги «Культурные истоки Французской революции»¹⁷⁷.

Р. Шартье пересматривает тезис о прямой связи между распространением идей Просвещения и началом Французской революции. Он оценивает уровень грамотности и круг чтения, изменение религиозных представлений и моральных норм, роль общественного мнения и слагаемые престижа монархии и подводит читателя к выводу о том, что созреванию револю-

¹⁷² Элиас Н. Указ. соч. С. 111.

¹⁷³ Там же. С. 253–254.

¹⁷⁴ Там же. С. 255.

¹⁷⁵ Там же. С. 257.

¹⁷⁶ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / пер. с фр. О. Э. Гринберг. М., 2001. 256 с.

¹⁷⁷ Блуменау С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155–161.

ции способствовал весь комплекс этих явлений. Идея о том, что революции совершаются сначала в умах, находит множество подтверждений. Одно из них – дискредитация имиджа власти. Так, глава «Развенчание короля»¹⁷⁸ показывает действие совокупности факторов, приведших не только к десакрализации и развенчанию короля – «отца народа и зиждителя Франции», но и к «неслыханному деянию» – казни свергнутого государя и уничтожению его физического и политического тела¹⁷⁸.

Особое место в практике власти занимает ее «артикуляция» – конструирование и доведение до общества ее смыслов через коллективные представления, традиции, символику, церемонии. Эта неотъемлемая часть феномена абсолютизма неизменно притягивает внимание, что демонстрируют работы известных французских исследователей Р. Десимона и Ф. Козандей¹⁷⁹, сотрудничающих с российскими коллегами. Кроме того, Ф. Козандей уделяет значительное место изучению иерархии статусов и положения женщины в монархии Старого порядка¹⁸⁰.

Нужно ли отказываться от понятия «абсолютизм»? Действительно, оно стало удобной «этикеткой», применяемой для обозначения долгой эволюции политических институтов Франции. Однако не стоит ли переосмыслить и попытаться понять политическую систему, логика которой скрыта произошедшей революцией? В этом – проблематика исследования Ф. Козандей и Р. Десимона «Абсолютизм во Франции. История и историография»¹⁸¹. В беседе об этой книге с Р. Шартье авторы неоднократно подчеркивали, что необходимо различать абсолютизм как идею государственной власти и абсолютизм как практику управления. В первом случае это была переосмысленная в новых условиях теория римского права, во втором – регулируемый режим. Абсолютизм – это монархия, связанная узами закона и в силу этого отличная от деспотизма. Власть монарха была ограничена законами природы и Бога, существовали фундаментальные законы королевства. Важнейшими чертами абсолютизма были, во-первых, укрепление власти и административного аппарата и, во-вторых, сотрудничество и консультация с сословиями. Таким образом,

¹⁷⁸ Шартье Р. Указ. соч. С. 126.

¹⁷⁹ Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв: функции метафор // «Анналы» на рубеже веков: антология / отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 2002. С. 169–193; см. также: Козандей Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV: фр. ежегодник, 2014. / гл. ред. А. В. Чудинов. М., 2014. С. 239–251.

¹⁸⁰ Cosandey F. Préséances et sang royal // Cahiers de la Méditerranée. 2008. № 77. P. 19–26; Cosandey F. De lance en quenouille. La place de la reine dans l'Etat moderne (XIVe–XVIIe siècles) // Annales. 1997. № 4. P. 799–820; Cosandey F. La reine de France. Symbole et pouvoir XVe–XVIIIe siècles. P., 2000. 414 p.

¹⁸¹ Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France: Histoire et historiographie. P., 2002. 316 p.

при абсолютизме власть не была ни абсолютной, ни конституционной¹⁸². Эта особенность французской монархии может выражаться формулой «мощь государства, контроль общества», вынесенной в заглавие книги французского исследователя Л. Бели¹⁸³.

Историками Запада проблема соотношения «силы монархии» и «контроля общества» тем не менее решалась по-разному. Ее суть выразил американский историк У. Бэк (1941–2017). То, что король обладал абсолютной властью, то есть не контролируемой никаким конституционным органом, споров почти не вызывало. С другой стороны, власть монарха была ограничена религией, совестью и фундаментальными законами. Как это воплощалось на практике? Король сотрудничал или управлял?

Традиционной точкой зрения, восходящей еще к А. де Токвилю, как отмечает У. Бэк, было признание авторитарности королевской власти, подчинившей сословия. Однако «поколение назад» сформировалась новая парадигма. Она перешла от восприятия монарха централизующего и модернизирующего к монарху, сотрудничающему и поддерживающему традиционное общество. Эта установка была характерна для британской историографии, причем Н. Хеншелл довел ее до максимума. Французские же исследователи придерживались традиционных оценок¹⁸⁴. Сам Бэк разделял идею сотрудничества, положительно отзываясь о книге Ф. Козандей и Р. Десимона, очевидно учитывающих эту трактовку¹⁸⁵.

Точка зрения о социальном сотрудничестве в политике монархии, однако, стала оцениваться как ревизионистская, существующая лишь потому, что историки перестали искать доказательства противоположного. Это мнение принадлежит американскому историку Дж. Херту, исследование которого демонстрирует преобладание авторитарной тенденции в практике монархии¹⁸⁶. Собственно, этот факт и побудил У. Бэка создать полемический обзор историографии, иллюстрирующий оба подхода. Среди множества примеров Бэк указывает на уравновешенную трактовку П. Кэмпбелла, предложившего рассматривать сложившуюся к середине XVIII в. политическую систему как переплетенную с обществом, желающую над ним подняться и вынужденную идти на компромисс¹⁸⁷. Эта система была названа Кэмпбеллом «государством барокко». Его жесткие структуры, созданные

¹⁸² Une émission de Roger Chartier avec Fanny Cosandey et Robert Descimon // Les Lundis de l'Histoire: 16 décembre 2002 [Electronic resource]. Mode of access: <https://youtu.be/yjRz4xMb-6Y>. Date of access: 15.04.2020.

¹⁸³ Bély L. La France au XVII siècle: puissance de l'État, contrôle de la société. P., 2009. 846 p.

¹⁸⁴ Beik W. The absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. 2005. № 188. P. 195.

¹⁸⁵ Ibid. P. 196.

¹⁸⁶ Hurt J. J. Louis XIV and the Parlements: The Assertion of Royal Authority. Manchester, 2004. 249 p.

¹⁸⁷ Beik W. The absolutism of Louis XIV ... P. 211.

под стиль правления Людовика XIV, так и не смогли трансформироваться до 1780-х гг.¹⁸⁸

Баланс социального сотрудничества и авторитаризма в политике абсолютной монархии динамичен, что показывают работы известной французской исследовательницы Старого порядка А. Жуанна. Например, в созданном ею учебном пособии «Франция XVI века»¹⁸⁹ «наихристианнейшие короли» обладали величием и «почти жреческим» статусом в глазах своих подданных, были единственными и высшими суверенами¹⁹⁰. Монархия XVI в., постоянно усиливающаяся, характеризуется автором как «смешанная»¹⁹¹. Однако при этом делается вывод, что «еще нельзя говорить ни об абсолютной монархии, ни об абсолютизме... ни даже о прото-абсолютизме... монархия продолжала быть консультативной»¹⁹².

Королевскую власть следующего столетия, природа которой описана в «Абсолютном государе»¹⁹³ А. Жуанна характеризует по-другому. Вера в сакральность монарха после Религиозных войн сделала его единственным источником права. Абсолютная власть стала обычной и полезной, сопротивляться этой силе стало бессмысленно. Доведенная до апогея при Людовике XIV, она переродилась в деспотию, и начался ее упадок в глазах подданных. Таким образом, А. Жуанна рассматривает абсолютизм как изменяющуюся систему. С одной стороны, монархия сотрудничала с обществом, с другой – божественная природа власти давала ей неограниченные права. Как было отмечено в одном из отзывов на «Абсолютного государя», А. Жуанна представляет смешанное направление, включающее в себя как ревизионистское, так и традиционное понимание французского абсолютизма¹⁹⁴.

В современной российской историографии очевидно аналогичное понимание динамики развития французского абсолютизма. Несмотря на коррективы в понятии «абсолютизм», король представлен активной политической силой. Он сотрудничает с обществом (той его частью, которая имеет соответствующие прерогативы), но общая тенденция его деятельности несомненна – идет непрерывный процесс укрепления власти и вмешатель-

¹⁸⁸ Campbell P. R. Power and Politics in Old Regime France. 1740–1745. London and New York, 2003. P. 8.

¹⁸⁹ Jouanna A. La France du XVIe siècle, 1483–1598. P., 2012. 720 p.

¹⁹⁰ Ibid. P. 39.

¹⁹¹ Ibid. P. 246.

¹⁹² Eadem. La France du XVIe siècle, 1483–1598. P. 139.

¹⁹³ Eadem. Le prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique. P., 2013. 436 p.

¹⁹⁴ Legault C. Repenser l'absolutisme en France aux XVIe et XVIIe siècles. Note de lecture sur Le prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique d'Arlette Jouanna [Electronic resource] // Histoire Engagée. 13. dec. 2017. Mode of access: <https://histoireengagee.ca/repenser-labsolutisme-en-france-aux-xvie-et-xvii-siecles-note-de-lecture-sur-le-prince-absolu-apogee-et-declin-de-limaginaire-monarchique-darlette-jouanna/>. Date of access: 16.04.2020.

ство в дела общества во имя «государственного интереса». Именно такой представлена королевская власть в «Истории Франции» (2005)¹⁹⁵. В XVI в. монархия, несмотря на доктринальные рамки, значительно усиливается, этот процесс сдерживает только ограниченность ее ресурсов. На этом этапе если и можно вести речь об абсолютизме, то лишь о его ранней стадии¹⁹⁶. Совершенно другая ситуация складывается при Людовике XIV, в эпоху расцвета абсолютизма. Это – монархия административная или административно-судебная. Королевская власть не довольствуется ролью арбитра, она активно вмешивается в жизнь общества, присвоив себе руководящие и управленческие функции¹⁹⁷.

Непрерывный процесс укрепления королевской власти раскрывается и авторами соответствующих разделов «Всемирной истории»¹⁹⁸. В XVI–XVII вв. применялся концепт «составная монархия» (либо как характеристика сословно-представительной монархии, либо как синоним имперской власти). Однако налицо не расширение сотрудничества с сословиями, а, наоборот, усиление единоличной власти¹⁹⁹. Тем не менее монархия не может развиваться в социальном вакууме. Она не только сотрудничает с сословиями, но и формирует свой особый имидж, значение которого огромно²⁰⁰. Укрепление абсолютизма, разумеется, не означало деспотической власти. Однако главный конфликт французской монархии XVII в., в котором королевская власть одержала победу, – «между новым административным и старым судебским аппаратами» – был налицо²⁰¹.

В начале 2000-х гг. российская историография, пройдя этап мировоззренческих и концептуальных споров, вошла в состояние относительной устойчивости. Наступил период методологического плюрализма и неограниченных возможностей в выборе сюжетов. П. Ю. Уваров, с известной долей иронии, охарактеризовал это положение так: «Интеллектуальное поле стало напоминать монгольскую степь, где, как известно, сколько шоферов, столько и дорог и ни одна из них не пересекается с другой. Никто не воюет и не спорит друг с другом, а все занимаются тем, что интересно. Интересен высунутый язык дьявола на портале готического собора – изучают его, интересен гендерный аспект агиографии – пожалуйста, интересен ритуал въезда сеньора в город или проскинезис басилевса – чудесно. Бытовать в такой науке так же приятно, как пить фруктовый кефир. А вот свершить

¹⁹⁵ Арзаканян М. Ц., А. В. Ревякин, Уваров П. Ю. История Франции: учебник для высш. шк. М., 2005. 474 с.

¹⁹⁶ Там же. С. 101–103.

¹⁹⁷ Там же. С. 150.

¹⁹⁸ Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3. 857 с.

¹⁹⁹ Там же. С. 55–56.

²⁰⁰ Там же. С. 143.

²⁰¹ Там же. С. 482–483.

революцию трудно, потому что ломать нечего»²⁰². Действительно, при возрастающем потоке научных работ наивно ожидать массового появления шедевров. Проблематично чем-либо удивить в условиях тематического разнообразия. Современная историография переживает, если верить соответствующим публикациям, непрерывные «повороты» и «революции». Однако, признавая все сказанное, может быть, еще раз сопоставить описанное с условиями развития советской медиевистики...

Развитие концепта западноевропейского абсолютизма определялось общими тенденциями в исторической науке. В методологическом плане на первое место вышла культурно-антропологическая парадигма, в рамках которой применялись структурный, институциональный, микроисторический, психоисторический и другие подходы. Примером практической их реализации является созданная П. Ю. Уваровым в рамках «культурной истории» программа спецкурса «Проблемы социальной и культурной истории Франции XVI–XVII вв.»²⁰³.

В осмыслении абсолютизма произошли радикальные ценностные изменения. Он уже не воспринимался как неизбежное зло и предпосылка буржуазных революций, а считался закономерным этапом развития государства, практика которого имела свои сильные и слабые стороны. Новый уровень изучения европейской государственности выразился в издании первой в российской медиевистике обобщающей работы «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время» (2011)²⁰⁴, а также материалов международной конференции 2013 г. «Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в.»²⁰⁵.

Открывшиеся перспективы изучения вызвали взрыв проблемного поля и резкий рост количества публикаций. Рассмотреть и оценить их во всей полноте, однако, не представляется возможным. Во-первых, сюжетное разнообразие порой затрудняет проведение четких границ рассматриваемых проблем, во-вторых, происходит постоянное пополнение информационного пространства. Тем не менее можно выделить следующие области исследований: «личность – общество – власть», «власть – культура», «элита – государство», «элита – общество», «двор – общество», «двор – управление», «власть – двор – церемониал», «власть – ритуал – общество» и др.

²⁰² Уваров П. Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 206.

²⁰³ Он же. Проблемы социальной и культурной истории Франции XVI–XVII вв.: Программа спецкурса для гос. вузов. Казань, 2002. 24 с.

²⁰⁴ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: [монография] / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. 600 с.

²⁰⁵ Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. М., 2017. 316 с.

Королевский двор Средневековья и раннего Нового времени стал едва ли не самой популярной областью изучения. Эта проблематика находила отражение в научной периодике²⁰⁶ и формировании ее специальных выпусков²⁰⁷, работе конференций и «круглых столов»²⁰⁸, становилась предметом диссертационных исследований²⁰⁹.

В огромном проблемном поле рассмотрения королевского двора особое место принадлежит серии коллективных монографий, созданных в результате работы научной группы «Власть и общество». Первой из них была книга «Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда» (2001)²¹⁰. Понимание двора как политического и социокультурного феномена отразилось в названиях ее разделов: «Двор как властный институт», «Политический театр власти: этикет, церемониал и символика двора», «Гости при дворе: чужие в качестве придворных. Взгляд со стороны», «Двор как центр культурной жизни». Вторым коллективным изданием, значительно большего объема, стал «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы»²¹¹, структура которого дополнилась разделом «Двор и развитие властной пропаганды».

«Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти» – таково было название следующей работы²¹², посвященной сакральной природе королевской власти, в изучении которой политическая история «обрела культурно-психологическое измерение»²¹³. Новый ракурс продемонстрировали названия разделов: «Сакральная и правовая легитимизация власти», «Ритуал и символика», «Мифология власти в политической мысли и искусстве».

²⁰⁶ Кирьянова Е. А. Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 69. М., 2008. С. 92–119; ее же. «Зримый образ Бога»: король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного правления» Карла I Стюарта // Там же. Вып. 71 (3–4). М., 2010. С. 225–242; ее же. Король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период Английской революции // Там же. Вып. 72 (1–2). М., 2011. С. 175–193.

²⁰⁷ Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV: фр. ежегодник, 2014 / под ред. А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. М., 2014. 384 с.

²⁰⁸ Пименова Л. А. Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле; [сост. М. А. Бойцов]. М., 2008. С. 277–290; ее же. Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVI–XVII в. // Поблекшее сияние власти: материалы круглого стола. М., 2006. С. 108–124.

²⁰⁹ Казаков И. В. Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – первой трети XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 20 с.; Ковалев В. А. Королевский церемониал ранних Стюартов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 16 с.; Буров С. В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых – тридцатых годах XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 20 с.; Шишкин В. В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2019. 37 с.

²¹⁰ Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб., 2001. 352 с.

²¹¹ Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. 540 с.

²¹² Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. М., 2006. 484 с.

²¹³ Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании: загадки и поиски реальности // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 5–16.

Фундаментальными по постановке проблем стали две последующие коллективные монографии «Власть, общество, индивид в средневековой Европе» (2008)²¹⁴ и «Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время» (2011)²¹⁵.

Во введении к изданию 2008 г. Н. А. Хачатурян охарактеризовала концепт абсолютизма, не применяя этого термина и используя вместо него словосочетание «État moderne». Это государство, выступающее как этап развития от раннесредневековых монархий и монархий с королем-сюзереном во главе, к государствам Нового времени. Содержанием данного процесса стало обретение государством и властью публично-правового характера и превращение монарха в суверена. Последний, «претендуя на высшую авторитарную власть, т. е. соединяя в своем лице высшую судебную, законодательную и исполнительную власть, ограничивал с большим или меньшим успехом притязания носителей частной или корпоративной власти»²¹⁶. «Вместе с тем... – обращает внимание Н. А. Хачатурян, – даже в условиях авторитарного режима государство не поглощается личностью монарха. В зависимости от конкретно-исторического этапа развития общества, степени консолидации и активизации общественных сил – последние лимитизируют центральную власть, вынуждая считаться с их притязаниями»²¹⁷.

Вопросы, раскрывающие разнообразные стороны функционирования королевского двора при абсолютизме, получили разработку в ряде сюжетов. Наибольшее количество публикаций представили ученые из Москвы и Санкт-Петербурга. О. В. Дмитриева (МГУ) продемонстрировала различные варианты взаимодействия елизаветинского двора и общества, а также стороны придворного церемониала и создания имиджа власти²¹⁸.

Санкт-Петербургский государственный университет, где сложилась научная школа под руководством С. Е. Федорова, был представлен целой группой историков. С. Е. Федоров обратил внимание на специфику отноше-

²¹⁴ Власть, общество, индивид в средневековой Европе / [отв. ред. Н. А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников]. М., 2008. 600 с.

²¹⁵ Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2011. 503 с.

²¹⁶ Хачатурян Н. А. Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. С. 6.

²¹⁷ Там же. С. 7.

²¹⁸ Дмитриева О. В. «Новая бюрократия» при дворе Елизаветы I Тюдор // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. С. 137–148; ее же. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI – начала XVII в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 360–382; ее же. «Древо жизни в земном Раю»: библейские аллюзии в репрезентации Елизаветы I // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 377–403; ее же. Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов ритуальных речей в парламентах елизаветинской Англии // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. С. 469–494; ее же. «Милостивейшая и грозная»: репрезентация Елизаветы I во вступительных парламентских речах лорда-хранителя печати // Искусство власти: сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 164–186.

ний английской короны и шотландской правящей элиты²¹⁹. А. А. Паламарчук раскрыла представления о монархии в английской исторической мысли начала XVII в.²²⁰ И. А. Краснов охарактеризовал своеобразие английской придворной культуры при Елизавете I²²¹. В. А. Ковалев продемонстрировал репрезентацию власти средствами театра при Якове I²²².

Французский абсолютизм занимал не меньшее место в проблемном поле. Более того, в изданном в 2008 г. сборнике научных статей «Искусство власти»²²³ практике французской монархии отведен особый раздел²²⁴. Деятельность двора, роль парламентов, модели управления, идеология власти продемонстрированы в публикациях В. Р. Новоселова²²⁵, Л. А. Пименовой²²⁶, С. Л. Плешковой²²⁷, С. К. Цатуровой²²⁸, В. В. Шишкина²²⁹, И. Я. Эльфонд²³⁰.

²¹⁹ Федоров С. Е. Вторая коронация Карла I Стюарта: шотландская версия сценария // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 495–518.

²²⁰ Паламарчук А. А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. // *Священное тело короля ...* С. 404–418; *её же*. Имперская идея английской монархии: осмысление властных традиций лондонскими антиквариями начала XVII в. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 519–526.

²²¹ Краснов И. А. Символика английской придворной культуры XV–XVII вв. // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда*. Вып. I. С. 215–224.

²²² Ковалев В. А. Придворные маски в правление Якова I: репрезентация власти и создание династической мифологии // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 527–554.

²²³ *Искусство власти: сб. в честь профессора Н. А. Хачатурян*. СПб., 2007. 512 с.

²²⁴ Франция – *dominium regale* христианнейших королей? // *Искусство власти*. С. 206–317.

²²⁵ Новоселов В. Р. Дуэль и двор его величества короля Франции // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. М., 2004. С. 49–70; *её же*. Королевский арбитраж в вопросах чести Антидуэльное законодательство французских королей: бой с тенью // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 176–194.

²²⁶ Пименова Л. А. Осень Версаля глазами современников // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда*. Вып. I. С. 336–351; *её же*. Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. С. 157–174.

²²⁷ Плешкова С. Л. Искусство возможного: религиозные мирные соглашения французских монархов // *Искусство власти*. С. 258–285.

²²⁸ Цатурова С. К. «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. С. 216–248; *её же*. Священная миссия короля-судии, её вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти*. С. 78–95; *её же*. Верховные ведомства и лимиты власти короля в сфере законодательства в XIV–XV вв. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 152–175; *её же*. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. // *Искусство власти*. С. 99–131.

²²⁹ Шишкин В. В. Мужчины в доме французской королевы XVI–XVII вв. // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда*. Вып. 1. С. 149–164; *её же*. Французский двор в конце гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. С. 41–52; *её же*. Кардинал и королева: борьба за власть при дворе Франции в 30-е гг. XVII в. // *Искусство власти*. С. 302–317.

²³⁰ Эльфонд И. Я. Французский двор последних Валуа глазами оппозиции // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы*. С. 27–40; *её же*. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего средневековья // *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти*. С. 345–364; *её же*. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. С. 423–449.

История, структура, функционирование и политическая роль двора получили отражение в ряде монографий. В 2004 г. вышла книга В. В. Шишкина «Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках»²³¹. Французский двор, отмечает автор, обычно ассоциируется с церемониальным великолепием времен Людовика XIV и роскошью середины XVIII в. Двор же предшествующей эпохи, когда была заложена основа его будущего блеска, «пребывает в тени»²³². Между тем в последней четверти XVI – первой трети XVII в., практически распавшийся во время Религиозных войн, двор был воссоздан и развит, что послужило основой его функционирования при «короле-Солнце».

В конце XVI – начале XVII в. Франция не раз переживала политическую неустойчивость, сопровождавшую укрепление абсолютизма. Эти коллизии часто генерировались и концентрировались при дворе, где была сосредоточена правящая элита. В связи с этим В. В. Шишкин отмечал: «Двойственное положение двора заключалось в том, что, с одной стороны, он являлся фактором стабилизации для дворянства, поскольку давал возможность касаться власти и богатства, с другой – являлся фактором нестабильности для короны, т. к. часть придворных считала недостаточным свое участие в государственных делах»²³³. В монографии В. В. Шишкина «Французский королевский двор в XVI веке»²³⁴, прослеживается трансформация институтов двора на протяжении всего столетия: блеск ренессансного двора Франциска I, его упадок в эпоху Религиозных войн и воссоздание при Генрихе IV. В книге новосибирского историка М. А. Сидоренко продемонстрировано воплощение идеологии Старого порядка и презентация двора Людовика XIV средствами придворного театра, в частности балета, в выступлениях которого принимал участие сам король²³⁵.

История английского королевского двора представлена коллективной монографией «Королевский двор в Англии XV–XVII веков»²³⁶ и отдельной работой С. Е. Федорова «Королевская семья в церемониальном пространстве раннестюартовской монархии»²³⁷. С. Е. Федоров представил двор Якова I как социокультурный феномен, в центре которого находилась семья

²³¹ Шишкин В. В. *Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках*. СПб., 2004. 288 с.

²³² Там же. С. 8.

²³³ Шишкин В. В. *Королевский двор и политическая ...* С. 256.

²³⁴ Он же. *Французский королевский двор в XVI веке: история института*. СПб., 2018. 544 с.

²³⁵ Сидоренко М. А. *Король танцует. Политический театр королевской власти при Людовике XIV*. М., 2019. 281 с.; *см. также: её же*. Придворный балет Людовика XIV – дело государственное // *Новая и новейшая история*. 2016. № 1. С. 190–201.

²³⁶ *Королевский двор в Англии XV–XVII* [А. А. Паламарчук и др.]. СПб., 2015. 380, [2] с.

²³⁷ Федоров С. Е. *Королевская семья в церемониальном пространстве раннестюартовской монархии*. СПб., 2018. 270 с.

монарха. Двор, как идеологический, символический, политический центр, выступал также как важнейший механизм формирования придворной, а шире – правящей элиты, историю которой также нужно выделить в самостоятельное направление исследований. В качестве такового оно открывает не только возможности для решения задач культурной антропологии, но и дает основания переосмыслить предпосылки буржуазных революций, несмотря на всю уязвимость названного концепта.

История элит, как особая сфера исследований, была представлена на Всероссийской конференции «Нобилитет в истории старой Европы», состоявшейся на историческом факультете Санкт-Петербургского университета 31–31 января 2007 г., с последующей публикацией ее материалов в «Средних веках»²³⁸.

Исследовательское внимание в рассмотрении элит сфокусировано преимущественно на Англии. В свою очередь, наиболее масштабное изучение английской аристократии проводилось С. Е. Федоровым, широко применявшим культурно-антропологический и структурный подходы, а также просопографический метод²³⁹. С. Е. Федоров пришел к выводу о том, что еще в первой половине XVI в. в Англии началось складывание этакратической модели общества. В рамках этой системы отношения между группами выстраивались не по критерию уважения и престижа, а в зависимости от положения во властных структурах. Материальное благополучие, стиль жизни, престиж оказались связаны прежде всего с рангами во властных иерархиях, в то время как прочие различия играли второстепенную роль. Параллельно наблюдался процесс аристократизации судебной-административной системы и придворных учреждений, приведший к вытеснению из высших эшелонов управления нетитулованных особ²⁴⁰. Отношения монархии (династии) к титулованной знати, а также выстраивание взаимодействия с ней, рассчитанного на перспективу, С. Е. Федоров называет династическим строительством²⁴¹.

²³⁸ Нобилитет в истории старой Европы: Материалы конференции в Санкт-Петербургском университете // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 69 (1). М., 2008. С. 41–118.

²³⁹ Федоров С. Е. Позднетюдоровская аристократия к началу стюартовского правления: проблема границ // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2002. Вып. 1 (№ 2). С. 16–35; его же. Раннестюартовская монархия и титулованная знать: итоги династического строительства (финальный эпизод 1616–1629) // Там же. 2003. Вып. 4 (№ 26). С. 3–21; его же. Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Вып. 4. / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2003. С. 218–245; его же. Титульные продажи при первых Стюартах // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 1. С. 119–133; его же. Раннестюартовская знать династии: креатуры (1603–1615) // Там же. 2006. Вып. 3. С. 114–131; его же. Раннестюартовская аристократия (проблемы генезиса) // там же. 2007. Вып. 4. С. 220–225.

²⁴⁰ Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия ... С. 220.

²⁴¹ Там же. С. 221.

Соответственно, Федоров предлагает исходить в рассмотрении предреволюционной Англии не из традиционных понятий «старого» и «нового» дворянства (это деление весьма спорно и вызывает много вопросов), а из трактовки знати (дворянства) как додинастической и династической²⁴². Мероприятия Стюартов, изменявшие конфигурацию различных групп знати (английской, шотландской, ирландской), создавали новое соотношение сил внутри композитарной монархии. Противоречия, вызванные династическим строительством первых Стюартом, таким образом, рассматриваются как одна из предпосылок будущего Великого мятежа, как называет С. Е. Федоров Английскую революцию²⁴³. По словам автора, оценка различных групп аристократии будет способствовать более точному ответу на вопрос, были эти события гражданской войной или революцией²⁴⁴.

В данном контексте уместно привести мнение об английском абсолютизме и предпосылках революции крупнейшего исследователя Старого порядка во Франции В. Н. Малова. Государственный строй эпохи Тюдоров, отмечает Малов, по традиции именуется абсолютизмом. Однако было бы точнее считать его сословно-представительной монархией с сильной центральной властью. Впрочем, «надо учесть тот дополнительный “абсолютистский” импульс, который был придан английской монархии огосударствлением церкви и присвоением монастырских имуществ. Когда этот импульс иссяк, – замечает В. Н. Малов, – монархия Карла I погибла при первой попытке стать “настоящим” абсолютизмом континентального образца»²⁴⁵.

История европейских элит также нашла отражение в работах коллеги С. Е. Федорова, заведующего кафедрой истории Средних веков СПбГУ, специалиста по изучению Германии А. Ю. Прокопьева. В статье 2007 г. об имперском дворянстве Прокопьевым задаются терминологические, культурные, историографические рамки концепта «аристократия Священной Римской империи»²⁴⁶. В фокусе исследовательского интереса А. Ю. Прокопьева – Саксония, дрезденский двор и правящая элита в конфессиональной Германии²⁴⁷. Обобщающая работа А. Ю. Прокопьева «Германия в эпоху

²⁴² Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия ... С. 221–222.

²⁴³ Там же. С. 223–225.

²⁴⁴ Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). СПб., 2005. С. 416.

²⁴⁵ Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653. М., 2009. С. 25.

²⁴⁶ Прокопьев А. Ю. Дворянство Священной Римской империи: социокультурный аспект // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. 2007. С. 207–219.

²⁴⁷ Он же. Саксонское дворянство в Тридцатилетнюю войну // Там же. Вып. 3. 2001. С. 15–27; его же. Жезл гофмаршала (высшие должности при дрезденском дворе в XVII в.) // Там же. Вып. 1. 2002. С. 36–49; его же. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. 46 с.; его же. Династии и дворянство конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит // Нобилитет в истории Старой Европы. СПб., 2009. С. 194–228; его же. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. 821 с.

религиозного раскола»²⁴⁸ представляет собой систематическое изложение германской истории в парадигме конфессионализации, то есть утверждения новых основ германской государственности на основе религиозного компромисса, выработанного в результате Реформации и Тридцатилетней войны²⁴⁹.

В проблемном поле изучения западноевропейского абсолютизма рассмотрение его просвещенного варианта имманентно присутствует во всех обобщающих работах. Специальная же разработка проблематики просвещенного абсолютизма принадлежит В. С. Антипову, представляющему Псковский государственный университет²⁵⁰.

На протяжении 2000-х гг. получило широкое развитие написание политических портретов монархов и государственных деятелей эпохи абсолютизма. Российские историки реконструировали образы Карла V и Франциска I²⁵¹, Марии Тюдор²⁵² и Карла I Стюарта²⁵³, Густава II Адольфа²⁵⁴, Ж. Неккера²⁵⁵ и Г. М. де Ховельяноса²⁵⁶ и др.

Отдельной книгой была издана биография Елизаветы Тюдор О. В. Дмитриевой²⁵⁷. Автор где продемонстрировал процесс укрепления так называемой новой, или «персональной, монархии» сквозь призму деятельности королевы, которая стала во главе страны в важнейший момент ее развития. Англия превращалась в «современное национальное государство, суверенное, основанное на единой системе общего права, подчинившего себе церковь и избавившись от традиционного для феодализма дуализма власти»²⁵⁸.

Ведущее место в написании политических портретов принадлежало Ю. Е. и Л. И. Ивоным²⁵⁹, работающим не только в научном, но и в научно-популярном жанре. Так, в рассчитанном на широкую аудиторию издании «Властители Европы» политические портреты предваряются популярным

²⁴⁸ Он же. Германия в годы религиозного раскола. 1555–1648. Изд. 2-е. СПб., 2008. 483 с.

²⁴⁹ Там же. С. 468.

²⁵⁰ Антипов В. С. Типология политики просвещенного абсолютизма // *Метаморфозы истории*. 2013. № 4. С. 217–241; его же. Социальная база контрреформ в странах просвещенного абсолютизма // Там же. 2014. № 5. С. 270–285. его же. Контрреформы и завершение политики просвещенного абсолютизма // *Вестн. Псковск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки*. 2014. № 5. С. 3–14; его же. Формирование доктрины просвещенного абсолютизма // *Метаморфозы истории*. 2015. С. 84–102.

²⁵¹ Суховерхов В. В. Карл V и Франциск I: «Итальянские войны» // *Вопросы истории*. 2011. № 4. С. 111–121.

²⁵² Соусова Ю. И. Английская королева Мария Тюдор // Там же. 2013. № 4. С. 152–160.

²⁵³ Соколов А. Б. Карл I Стюарт // Там же. 2005. № 12. С. 70–85.

²⁵⁴ Сванидзе А. А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза // *Человек XVII столетия: [тем. сб.: в 2 ч.] / под ред. А. А. Сванидзе, В. А. Ведюшкина*. М., 2005. С. 19–43.

²⁵⁵ Блуменау С. Ф. Жак Неккер // *Вопросы истории*. 2004. № 7. С. 56–76.

²⁵⁶ Суховерхов В. В. Гаспар Мельхиор де Ховельянос // Там же. 2010. № 4. С. 29–39.

²⁵⁷ Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М., 2004. 308 с.

²⁵⁸ Там же. С. 6.

²⁵⁹ Ивоны Ю. Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века. Исторические очерки. Днепропетровск, 1994. 234 с.; Ивоны Ю. Е., Ивоны Л. И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004. 462, [1]с.

очерком, в котором разъясняется суть абсолютизма²⁶⁰. Последний расценивается как дворянское в конечном итоге государство, бюрократический Старый порядок, получивший классическое воплощение во Франции. При этом на практике королевская власть абсолютной не была, на решение монарха, при слабом короле, влияли фавориты, различные придворные круги и т. д.²⁶¹. Такая трактовка была уместна в книге, носящей научно-популярный характер. С другой стороны, научно-популярное издание, как и научная публикация, требует тщательной проработки понятий и фактического материала, и авторские неточности в этом отношении могут вызвать жесткую критику. Речь идет о полемике²⁶², разразившейся после выхода книги Л. И. Ивоной о кардинале Мазарини²⁶³.

Обширная галерея европейских правителей времен абсолютизма, созданная Ю. Е. Ивоным, заполнила целую область проблемного поля, существенно дополнила и уточнила представления о ряде персоналий. Это Франциск I Валуа²⁶⁴, Карл V Габсбург²⁶⁵, Генрих VIII Тюдор²⁶⁶, Филипп II Габсбург²⁶⁷, Густав II Адольф²⁶⁸, Фридрих Вильгельм²⁶⁹, Фридрих II и Иосиф II²⁷⁰. Портретам монархов и государственных деятелей была отведена первая часть второго тома в масштабной работе Ю. Е. Ивоны²⁷¹ о Священной Римской империи. Исследование раскрывало роль имперских и территориальных институтов, а также конфессионализации в развитии Старой империи. В данном ракурсе Ю. Е. Ивоны уделил значительное внимание сословным институтам в системе регионального абсолютизма, а также функционированию в названных рамках двора и бюрократии²⁷².

Наряду с историей двора и элит, в проблемном поле западноевропейского абсолютизма разрабатывались и уже ставшие традиционными области – идеологические основы абсолютизма и их реализация в деятельности

²⁶⁰ Ивоны Ю. Е., Ивоны Л. И. Властители судеб Европы ... С. 4–34.

²⁶¹ Там же. С. 7.

²⁶² Бовыкин Д. Все смешалось в доме Мазарини... // *Новое литературное обозрение*. 2010. № 2. Рец. на кн.: Ивоны Л. И. Мазарини. М., 2007. С. 385–389; Ивоны Л. Ловля блох на платье XVII в. (Размышления по поводу рецензии Д. Бовыкина на книгу «Мазарини» (М.: Молодая гвардия, 2007)) // Там же. № 4. С. 434–437; Бовыкин Д. Блохи вместо платья // Там же. С. 437–439.

²⁶³ Ивоны Л. И. Мазарини. М., 2007. 301, [2] с.

²⁶⁴ Ивоны Ю. Е. Франциск I Валуа // *Вопросы истории*. 2014. № 4. С. 19–42.

²⁶⁵ Он же. Карл V Габсбург // Там же. 2007. № 10. С. 46–63.

²⁶⁶ Он же. Генрих VIII Тюдор // Там же. 2008. № 8. С. 44–63.

²⁶⁷ Он же. Филипп II Габсбург // Там же. 2011. № 12. С. 41–57.

²⁶⁸ Ивоны Ю. Е., Ходин А. А. Густав II Адольф // Там же. 2010. № 9. С. 52–69.

²⁶⁹ Беляев М. П., Ивоны Ю. Е. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм // Там же. 2019. № 2. С. 173–184.

²⁷⁰ Ивоны Ю. Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург // Там же. 2003. № 10. С. 49–74.

²⁷¹ Он же. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806: в 2 т. Т. 2, ч. 1. М.; Смоленск, 2007. 274 с.

²⁷² Ивоны Ю. Е. Универсализм и территориализм. Т. 2, ч. 2. М.; Смоленск, 2009. 334, [1] с.

монархов²⁷³, внутренняя политика абсолютизма²⁷⁴, а также политическая и институциональная история абсолютизма. В рамках последнего направления в центре исследовательских интересов находилась Франция, что реализовалось в ряде масштабных работ.

Их рассмотрение правомерно начать с выпуска «Французского ежегодника» 2005 г., посвященного абсолютизму во Франции²⁷⁵. Это издание стало срезом концепта абсолютизма в российской историографии начала XXI в. Внешней стороной его развития являлась открытость российской историографии зарубежной научной мысли, что выразилось в публикации статей французских историков.

Концептуальное видение абсолютизма также отражало ряд изменений. Социологическая модель абсолютизма уступила доминирующее место правовой, что демонстрировала статья В. Н. Малова²⁷⁶. Автор указывал на эволюционность складывания французской монархии, отсутствие форсирования и стимулов к этому извне. Франции, разъяснял В. Н. Малов, «не нужно было догонять ушедших вперед соседей, перенимать чужой опыт... раз уж был взят определенный рубеж, дальше можно было положиться на естественный, эволюционный ход развития»²⁷⁷. С другой стороны, запрограммированность французской монархии на замедленные темпы прогресса, когда требовалась другая программа действий, в конце концов сделали неизбежной Французскую революцию²⁷⁸.

«Исконность, рудиментарность» соединения управленческих и судебных функций верховной власти приводила к противоречию практики мо-

²⁷³ Плешкова С. Л. Франция XVI – начала XVII века: королевский галликанизм: церковная политика монархии и формирование официальной идеологии: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. М., 2005. 464 с.; Мироненко А. А. Идея королевской власти в общественной мысли Франции XV–XVII веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 28 с.; Лысяков В. Б. Людовик XIV о государстве и монаршей власти // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 186–199; его же. Социально-политические воззрения Людовика XIV: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 29 с.; Савинова А. Н. Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 22 с.; Эцина Е. И. Идеино-политические основы раннеюгославской монархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 16 с.; Суховерхов В. В. Преобразования «просвещенного абсолютизма» в Испании XVIII в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 35–49.

²⁷⁴ Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2001. 41 с.; Кожокин Е. М. История бедного капитализма: Франция XVIII – первой половины XIX в. М., 2005. 368 с.; Куцева Е. А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. 24 с.; Царева Ю. И. Основные направления финансовой политики Тюдоров (1485–1603) // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 3–14.

²⁷⁵ Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972): фр. ежегодник, 2005. М., 2005. 304 с.

²⁷⁶ Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). С. 86–128.

²⁷⁷ Малов В. Н. Три этапа и два пути развития ... С. 87.

²⁷⁸ Там же.

нархии и правовой традиции²⁷⁹. Не случайно Малов выделяет три этапа развития французской монархии – судебный²⁸⁰, судебно-административный²⁸¹ и административно-судебный²⁸², когда парламенты и судебные чиновники перешли к устойчивой оппозиции к монархии. Более того, В. Н. Малов предлагает, исходя из властных полномочий и независимости судебных, называть их не «чиновниками», а «оффисье». Это подчеркивает специфичность данного социального слоя служителей короны. Они были собственниками своих должностей, не знали выслуги лет и обладали особой коллегиальной солидарностью²⁸³. С этим не была согласна С. К. Цатурова, утверждая, что «вплоть до конца Старого порядка чиновники были служителями короля, действовавшими в рамках четко очерченных полномочий и “пока так было угодно” государю»²⁸⁴.

Нужно все же отметить, что французские оффисье, будучи представителями особой политической культуры, по своему статусу радикально отличались, например, от российских служащих бюрократической системы, с которыми прежде всего ассоциируется понятие «чиновник». В этом убеждает и монография С. К. Цатуровой «Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в.»²⁸⁵.

Переосмысление институциональных прерогатив и границ власти монарха при абсолютизме происходило не только под влиянием установок западноевропейской историографии, но и в связи с новым прочтением российской дореволюционной новистики. А. В. Чудинов, анализируя генезис присущего советской историографии понимания абсолютизма как всепоглощающего авторитарного режима, указывает, что такая интерпретация была заложена еще Н. И. Кареевым, который проводил имплицитные аналогии между французским абсолютизмом и российским самодержавием. Впоследствии это было взято на вооружение советскими историками²⁸⁶. При этом в советской историографии было практически забыто научное наследие П. Н. Ардашева, в работах которого Старый порядок отнюдь не выглядел авторитарной системой²⁸⁷.

²⁷⁹ Малов В. Н. Три этапа и два пути развития ... С. 92, 96.

²⁸⁰ Там же. С. 88.

²⁸¹ Там же. С. 101.

²⁸² Там же. С. 106.

²⁸³ Там же. С. 100.

²⁸⁴ Цатурова С. К. Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *Quod principii placuit*) // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). С. 147.

²⁸⁵ Она же. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. 382 с.

²⁸⁶ Чудинов А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). С. 160–166.

²⁸⁷ Там же. С. 285–286.

«Люди, жившие в XVIII веке, не знали термина “абсолютная монархия” – так начинает свою статью Л. А. Пименова. – Они говорили о монархии с “абсолютной властью” короля. Интерпретации этого понятия у разных авторов отличались друг от друга и менялись со временем»²⁸⁸. Работа Пименовой раскрывала противостояние королевской власти и парламентов после того, как в 1774 г. Людовик XVI восстановил отмененные ранее прерогативы парламентов. Получалось, что «едва взойдя на престол, король сам по доброй воле и по недомыслию создал себе на погибель опасного врага»²⁸⁹.

Раскрывая рефлексию французского абсолютизма в современной российской историографии, необходимо обратить внимание на статью С. К. Цатуровой²⁹⁰. Рассматривая трансформацию европейской государственности в рамках концепции l'État moderne, автор обращает внимание на необходимость избавления от ряда стереотипов. В частности, традиция связывать становление l'État moderne непременно с «победой над феодализмом и церковью», указывает автор, была заложена еще в эпоху Возрождения с его пафосом обновления, а затем была продолжена в век Просвещения, когда абсолютная власть отождествлялась с деспотизмом монарха. «По сути, отмечает С. К. Цатурова, – современные исследования по истории государства Нового и Новейшего времени, трактующие абсолютизм как неограниченную никакими институтами власть монарха, являются наследниками именно этой идеологии и пропаганды»²⁹¹.

Автор указывает на то, что подобные установки затемняют суть вопроса. Этимологически слово «État», разъясняет С. К. Цатурова, восходит к термину status (от глагола stare – держаться твердо, длиться), выражающего преемственность власти и непреходящий характер государства. С 1200 г. термин «status» начинает обозначать власть государя в ее публичных функциях. Таким образом, король воспринимался как глава политического тела, обладающий публичной властью и действующий в интересах всего сообщества людей, живущих на конкретной территории и признающих его власть²⁹².

Становление современного государства было долгим процессом трансформации природы верховной власти – от патримониальной к публично-

²⁸⁸ Пименова Л. А. Власть короля абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. С. 195.

²⁸⁹ Там же. С. 196.

²⁹⁰ Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 3–16.

²⁹¹ Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства. С. 6.

²⁹² Там же. С. 7.

правовой. Этот процесс, во-первых, уходит корнями в Средние века, причем историки признают, что «сеньориальный этап был не только оформлением фундаментального для Западной Европы принципа дисперсии власти, но и необходимым этапом “освоения” людей и территорий властными институтами»²⁹³. Во-вторых, неправомерно рассматривать формирование l'État moderne как процесс секуляризации политической мысли. Наоборот, пишет автор, все идеологемы и политический словарь монархической власти «были взяты из церковного багажа», в том числе «не слишком благозвучный термин “абсолютизм”». Он восходит к латинскому прилагательному absolutus, означающему «независимый», «автономный». Идея суверенитета, подчеркивает автор, впервые была сформулирована внутри церкви как «полнота власти» (plenitudo potestatis) понтифика и в XVI в. лишь получила законченное теоретическое обоснование в трудах Жана Бодена²⁹⁴. В свою очередь, наличие правовых и институциональных ограничений королевской власти превращало Францию в глазах современников, теоретиков права, в идеальное государство – «умеренную монархию»²⁹⁵.

Французский абсолютизм, как этап государственного развития и социокультурный феномен, был отражен в двух книгах, своеобразных по построению и методологии и созданных российскими историками разных поколений.

Первая из них – «Парламентская Фронда» В. Н. Малова²⁹⁶, представителя старшего поколения медиевистов, ученика А. Д. Люблинской. Это классический нарратив, в котором автор в восприятии читателя находится «над» своим повествованием. Это изложение политической и институциональной истории, в хронологической последовательности и в соответствии авторской логикой. Достоинства авторского стиля объясняют легкость восприятия историографического введения, возможно несколько сокращенного и содержащего также частичную характеристику источников. С другой стороны, наиболее полное и многоаспектное изложение концепции абсолютизма В. Н. Малова приведено именно в «Парламентской Фронде», в ее второй главе²⁹⁷. Трактовка В. Н. Маловым французского абсолютизма, основанная на правовом подходе и балансе сил государственных институтов, фактически заменила идею «равновесия», выраженную в его докторской диссертации²⁹⁸.

²⁹³ Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства. С. 8.

²⁹⁴ Там же. С. 9–10.

²⁹⁵ Там же. С. 13.

²⁹⁶ Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009. 497 с.

²⁹⁷ Там же. С. 24–78.

²⁹⁸ Он же. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Социальная и экономическая политика Кольбера: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. С. 2–3, 5.

Чем же была Фронда? Автор отвечает на этот вопрос так: «Ее нельзя определить ни как феодальную реакцию, ни как буржуазную революцию. Время антиабсолютистского феодального сепаратизма уже отошло в прошлое, время буржуазных революций во Франции еще не настало... Но если все же попытаться определить ее характер одной формулой, учитывая интересы наиболее широкого слоя участников движения на его начальном этапе, когда дело еще не было до такой степени осложнено привходящими моментами, то точнее всего назвать ее широким антианалоговым движением народных масс»²⁹⁹.

Вторая работа – вышедшая в 2018 г. книга Л. А. Пименовой, ученицы А. В. Адо, о последних десятилетиях Старого порядка³⁰⁰. Это сборник статей, созданный автором на протяжении ряда лет и объединенный на основе предметного критерия. В отличие от хронологически выстроенного повествования В. Н. Малова, книга Л. А. Пименовой представляет собой мозаику сюжетов – король, его окружение, придворные фракции, политический церемониал, казусы и скандалы, политические доктрины, религиозная жизнь – каждый из рассказов вплетен в общую композицию. Автор отметила в предисловии: «Отбирая статьи для публикации, я старалась, чтобы, объединенные под одной обложкой, они составили не просто сборник, а более-менее цельную книгу»³⁰¹. Замысел удался, тем более что каждой главе предшествует краткий авторский комментарий – как связка частей и одновременно введение в новую тему. Книга Л. А. Пименовой стала достойной альтернативой классическому нарративу.

Говоря о предметной стороне своей работы, Л. А. Пименова отметила, что «сложившийся пазл» объединяет «преимущественное внимание к политико-событийной и институциональной истории, рассматриваемым во взаимосвязи с историей культуры»³⁰². Тем не менее, несмотря на политико-событийную канву (а она присутствует изначально), представляется, что книга Л. А. Пименовой – это в первую очередь образец культурно-антропологического написания истории. Людовик XVI и его благие намерения, министры и их карьеры, праздники и ритуалы власти, размышления аристократа о финансах и представления об образцовом подданном, казусы и скандалы, рассуждения о христианском воспитании и объяснение того, что

²⁹⁹ Малов В. Н. Парламентская Фронда ... С. 22.

³⁰⁰ Пименова Л. А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. С. Белоусов. М., 2018. 410 с.

³⁰¹ Там же. С. 9.

³⁰² Она же. Монархия и придворное общество ... С. 10.

в XVIII в. понималось под словами «реформы» и «феодализм» – эти и другие сюжеты отсылают к микро- и психоистории и истории повседневности. К сожалению, в книгу не вошла идеально подходящая для такого ракурса статья «Осень Версаля глазами современников»³⁰³. Манера изложения и ориентация на культурно-антропологическую парадигму приводят к «эффекту присутствия» автора и читателя «внутри» текста, с соответствующим на читателя воздействием.

Книги В. Н. Малова и Л. А. Пименовой, в сопоставлении их методологических и предметных доминант, демонстрируют не только смену поколений, но и сочетание классических и новаторских подходов в интерпретации концепта абсолютизма.

Подводя итог рассмотрению почти тридцатилетней рефлексии западноевропейского абсолютизма в российской историографии, нужно отметить следующее. Период 1990-х гг., связанный с острым методологическим кризисом, сменился затем относительной стабильностью 2000-х гг. Российские историки смогли ликвидировать методологический разрыв с европейскими коллегами, контакты с которыми приобрели регулярный характер. Проблематика абсолютизма стала разрабатываться не только в научных и университетских центрах Москвы и Санкт-Петербурга, но и во многих региональных университетах.

Радикально изменились ценностные установки в изучении абсолютизма – он начал рассматриваться не только как закономерный период развития новоевропейской государственности, но и как явление, свободное от изначальной негативизации. В конструировании концепта абсолютизма методологический плюрализм выражается в парадигмах институциональной истории и культурной антропологии, а также подходах потестарной имагологии, психоистории, истории повседневности, микроистории и т. д. Концепт абсолютизма как этапа к развитию государства выстраивается, прежде всего, в рамках правового подхода и понимания королевской власти как в первую очередь доминирующего, а не сотрудничающего с сословиями института. Итоги терминологической и понятийной ревизии показывают, что в содержание понятия «абсолютизм» внесены коррективы, принятые научным сообществом, и, несмотря на широкое применение термина «Старый порядок», говорить об упразднении термина «абсолютизм» пока преждевременно.

³⁰³ Пименова Л. А. Осень Версаля глазами современников // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. С. 336–351.

7.3. Российский абсолютизм как государственный и социокультурный феномен в постсоветской российской историографии

Сформулированная проблема может рассматриваться как сюжет для отдельной книги, и этому существует ряд оснований. Произошедшие после 1991 г. изменения в социально-политическом развитии России, безусловно, повлияли на российскую историографию. Однако осмысление российского абсолютизма (шире – самодержавия) приобрело в этой ситуации особое содержание, качественно иное, нежели в дореволюционной и советской исторической науке.

Проблемное поле изучения российского абсолютизма также уникально. Во-первых, оно иерархизировано по масштабу – от концептуальных построений крупных проблем в формате «долгой протяженности» до частных аспектов отдельных вопросов. Во-вторых, его содержательное наполнение беспрецедентно в количественном плане. Наконец, методологические и идейные установки российских исследователей также представляют отдельную область исследовательского анализа.

Значимость проблемы российского абсолютизма в современной российской историографии очевидна – его рассмотрение выступает как важный компонент осмысления исторических судеб страны. Период абсолютизма (середина XVII – начало XX в.) – это эпоха приобретения Россией статуса империи, модернизации ее государственных и социальных институтов, подъема общественной мысли и культуры. Вместе с тем цивилизационная специфичность России отражалась на прохождении этих процессов, итогом которых стали три российских революции.

Постсоветские реалии вызвали ряд изменений в построении концепта российского абсолютизма. Проблемы социально-экономического развития и классовой борьбы утратили статус доминирующих. На смену революционным ценностям советского историографического дискурса пришли традиционалистские, в рамках которых абсолютная монархия стала рассматриваться как достойное уважения явление российской истории. В методологическом плане, наряду с уходом концепции «равновесия», возобладали переосмысленные установки государственной школы.

Стержневой проблемой исторической науки стало изучение власти в различных ее ипостасях – как общественного феномена, ментальной конструкции, системы общественных и государственных институтов, их функционирования и т. д. Кардинальная линия исследований может быть выражена формулой «власть – государство – общество». В свою очередь, в ней очевидны два ведущих направления. Первое из них может быть названо

«власть – управление – институты», и в нем делается акцент на институциональной истории. Суть второго выражается логическим рядом «власть – общество – личность», где приоритетны исследования в культурно-антропологическом ключе. При этом проблемные поля обоих направлений частично перекрываются.

Сегменты весьма обширного проблемного поля российского абсолютизма могут быть оценены и в ракурсе новизны. Так, изучение политических институтов и политической истории традиционно, и в данной области доминирует правовой подход. Рассмотрение же власти как феномена общественного сознания, ее восприятия, образов и символики, поведенческих стратегий личности и социальных групп предполагают новые применение методов потестарной имагологии, семиотики, психологии в сочетании с методиками вспомогательных исторических дисциплин.

Изменения, произошедшие в работе специалистов по истории России, были несколько иными, нежели у их коллег, занимающихся всеобщей историей. Если медиевисты вели методологические споры, то для российских историков не менее важны были идейные аспекты их работы. По сути, на рубеже XX–XXI вв. возобновился спор западников и почвенников, разделивший историков на либералов и консерваторов. В частности, эту ситуацию характеризовал А. Н. Медушевский в статье о консервативной политической романтике³⁰⁴. «Феномен консервативной политической романтики, – констатировал он, – получил распространение в постсоветской России как реакция на быстрые и конвульсивные изменения после крушения коммунизма и Советского Союза»³⁰⁵. Консерватизм, в понимании Медушевского, выражался в актуализации идеи особого российского пути, особых ценностей России как православной цивилизации, которые не могут интерпретироваться с помощью рациональных аргументов, а также о чужеродности западных институтов на российской почве³⁰⁶.

Различное видение российского исторического пути представлено и в учебной литературе для высшей школы. Например, во введении к учебнику по истории России для вузов под редакцией И. Я. Фроянова отмечены такие ценности русского народа, как демократизм, коллективизм и общинность. При этом указывается на чрезвычайную важность вывода «об их несовместимости с ценностями капиталистического общества», которые, попадая на русскую почву, «вызывали скорее разрушительный эффект,

³⁰⁴ Медушевский А. Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 3–16.

³⁰⁵ Там же. С. 3.

³⁰⁶ Там же. С. 7–8.

приводили к дезориентации массового сознания»³⁰⁷. Напротив, в учебнике по истории России В. В. Моисеева, вышедшем в 2019 г., утверждается: «По своему географическому положению, историческим корням появления на Руси христианской религии, ее влиянию на государство, судьбы людей, развитию культуры Россия относится к Европе, к западной цивилизации... Деятельность Петра I, Екатерины Великой, многих руководителей России по превращению нашей страны в мощную европейскую державу не оставляет сомнения в истинности этого утверждения»³⁰⁸.

Абсолютизм в учебной литературе рассматривается преимущественно в рамках правового подхода. Так, в учебнике под редакцией И. Я. Фроянова указывается, что в XVII в. в основном определился дальнейший путь России: «Вместо сословно-представительной монархии наметилось движение к монархии абсолютной, вместо самоуправления с избираемой местной администрацией вводится практика назначения царских воевод, кроме того, окончательно закрепощается основная производительная сила общества – крестьянство, хотя и появляются первые признаки новых производственных отношений – капиталистических»³⁰⁹. Аналогичная мысль формулируется в «Основах курса истории России» 2001 г. издания: общая тенденция развития государственного строя России во второй половине XVII в. заключалась в переходе от самодержавия с Боярской думой, от сословно-представительной монархии к чиновничье-дворянской монархии, к абсолютизму. Абсолютизм – это форма правления, при которой верховная власть в государстве полностью и безраздельно принадлежит монарху. Власть достигает наивысшей степени централизации. Абсолютный монарх правит, опираясь на чиновничье-бюрократический аппарат, армию и полицию, ему подчиняется церковь как идеологическая сила³¹⁰.

В учебнике 1996 г. под редакцией Н. И. Павленко известный историк еще раз высказал свое мнение, неизменное со времен дискуссии 1968–1972 гг. Государственный строй России эволюционировал во второй половине XVII в. к абсолютизму, то есть неограниченной и бесконтрольной власти монарха, и закончился оформлением абсолютизма при Петре I. Ни о каком «равновесии», то есть упадке феодальных сословий и подъеме буржуазии, не приходится вести речь – в России буржуазия в современном понимании отсутствовала. Бесплезно искать предпосылки абсолютизма в

³⁰⁷ История России от древнейших времен: учебник истории для вузов [Электронный ресурс] / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1992. 211 с. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Frojan/intro.php. Дата доступа: 08.05.2020.

³⁰⁸ Моисеев В. В. История России. С древнейших времен до наших дней: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Берлин, 2019. С. 7–8.

³⁰⁹ История России от древнейших времен ...

³¹⁰ Орлов А. С., Георгиев В. А., Полунин А. Ю. Основы курса истории России. М., 2001. С. 158.

экономике – в России ее уровень отстает от политического развития. Решающую роль в установлении абсолютизма сыграла военная опасность – только неограниченная власть могла принудить население приносить жертву государству. При этом имели значение огромные размеры территории, колонизация, а также соперничество бояр и дворян, позволявшее монарху лавировать между ними³¹¹.

В трактовке понятия «самодержавие» делается акцент на неограниченном личном характере власти монарха. «Когда мы говорим о самодержавии, – указывает в учебнике под редакцией А. Н. Сахарова, – то должны ясно представлять себе, что это не только неограниченная власть одного человека в государстве, но и создание такой системы, при которой самодержец может осуществлять эту власть»³¹². В учебнике В. В. Моисеева самодержавие определяется как «особая форма монархического правления и организации общества»³¹³. К сожалению, в учебной литературе соотношение понятий «самодержавие» и «абсолютизм» специально не оговаривается. Однако данная проблема, весьма немаловажная, привлекает внимание историков и правоведов³¹⁴.

Представляется, что оптимальное соотношение понятий «самодержавие» и «абсолютизм» выразил Ю. А. Сорокин. В политической практике России XVIII в., указывает он, использовалось понятие «самодержавие», а не «абсолютизм». Тем не менее русское самодержавие в эпоху Петра трансформируется в абсолютную монархию, демонстрируя общеевропейскую эволюцию государственности. Абсолютная монархия является формой существования в новых условиях российского самодержавия. Таким образом, абсолютизм может пониматься не только как период в развитии самодержавия, но и как форма, которую может принимать самодержавие, приспособляясь к многофакторному кризису, в котором оказалось общество на исходе XVII в.³¹⁵

Характер государственной власти при абсолютизме оценивается историками по-разному. Например, в учебном пособии Земцова, Шубина и Данилев-

³¹¹ История России с древнейших времен до 1861 года: учебник для вузов / Н. И. Павленко и др.; под ред. Н. И. Павленко. М., 1996. С. 194–196.

³¹² Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / под общ. ред. А. Н. Сахарова. М., 2012. С. 274.

³¹³ Моисеев В. В. История России. С. 717.

³¹⁴ Золотухина Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии // Lex Rossica. 2016. № 10. С. 202–230; Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестник ТГПУ. 2013. № 2. С. 142–149; Долгих А. Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 2 (76). С. 93–97; Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 32–37.

³¹⁵ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, 1999. С. 95–96.

ского это делается в либеральном духе. Только власть, указывают авторы, была в России единственным источником развития, и Петр I максимально использовал этот ресурс насилия государства над обществом. Систему, установившуюся в России, авторы определяют как восточную деспотию. Этот термин трудно принять эмоционально, отмечают они, но он вполне приемлем на беспристрастном научном уровне для характеристики правления Петра³¹⁶. Разрастание власти до масштабов восточного деспотизма совершенно не обязательно должно было проявляться в государственном терроре, как это было во времена Ивана Грозного. Все зависело от конкретных исторических обстоятельств, характера царя и его окружения³¹⁷.

Напротив, Ю. А. Сорокин считает, что отождествлять самодержавие с восточной деспотией «сегодня все еще недостаточно аргументов»³¹⁸. Этого не позволяет делать понимание христианских и византийских традиций, а также системы наследования власти в России³¹⁹. В России, по мнению Сорокина, неограниченная власть утвердилась уже при Иване Грозном, приняв форму самодержавия. Установившуюся с первой четверти XVIII в. форму государственного устройства Сорокин считает абсолютной монархией, иначе – «полицейским» или «регулярным» государством, основанным на организованном в общерусском масштабе насилии с ярко выраженными чертами тоталитаризма³²⁰.

Один из наиболее известных российских историков, Б. Н. Миронов, в своей книге «Социальная история России периода империи»³²¹ в принципе не приемлет тезис о неправовом характере российской государственности. Он возник, отмечает Миронов, в русской дореволюционной либеральной историографии для утверждения идеалов западных демократий³²².

В России, считает Миронов, на всех этапах ее истории, как и в других европейских государствах, осуществлялось легитимное господство³²³, обеспеченное сакральными, идеологическими и правовыми основаниями. В развитии российской государственности Миронов выделяет сле-

³¹⁶ Земцов Б., Шубин А., Данилевский И. История России (для студентов технических вузов) [Электронный ресурс]. СПб., 2013. Режим доступа: https://royallib.com/read/zemtsov_b/istoriya_gossii_dlya_studentov_tehnicheskikh_vuzov.html#634880. Дата доступа: 09.05.2020.

³¹⁷ Земцов Б., Шубин А., Данилевский И. История России...

³¹⁸ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века. С. 31.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же. С. 95–97.

³²¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб., 2000. 566, [1] с.

³²² Там же. С. 109.

³²³ Там же. С. 112.

дующие этапы. Народную монархию XVII в.³²⁴ сменяет дворянская патерналистская монархия XVIII в.³²⁵, на смену которой приходит правомерная монархия первой половины XIX в.³²⁶ Со второй половины XIX в. устанавливается всеобщая правомерная монархия на основе идеи «народного самодержавия»³²⁷, а после Манифеста 17 октября – дуалистическая правовая монархия 1906–1917 гг., то есть Россия де-юре превращается в конституционную монархию³²⁸.

Наконец, А. Н. Боханов, историк-монархист, так оценивал российское государство периода формирования абсолютизма: «Именно тогда во всей неповторимой самобытной красе явилось миру Русское Царство, обетованный христианами Третий Рим – прямой духовный преемник Рима Второго, т. е. Константинополя, погибшего в 1453 г. С того времени хриstopреданные души по своей земле мечтали и желали узреть наяву подлинное государственно-христианское воплощение. Теперь же, в середине XVII века, подобное давнее чаяние становилось фактом исторической действительности»³²⁹. «Особую функцию в русской государственной духовно-имперской композиции исполнял Царь Православный, являвшийся и по определению, и по факту главным и высшим земным хранителем Православия, – подчеркивал А. Н. Боханов. – Не собственно Церкви как учреждения, а в первую очередь – защитник благодатной жизни, страж, охранитель вселенской миссии Церкви»³³⁰.

Когда возник российский абсолютизм? Общепринятым считается датировать его формирование царствованием Алексея Михайловича, а окончательное установление – правлением Петра I. Тем не менее С. О. Шмидт в 1996 г. повторил сказанное им еще в 1973 г: переходной к абсолютизму надлежит считать эпоху Ивана Грозного³³¹. «Не поддаемся ли мы соблазну рассматривать эволюцию форм правления обязательно в хронологической последовательности?.. Не застилает ли нам глаза и традиционное представление о смене сословно-представительной монархии абсолютизмом?» – вновь спрашивал историк³³².

³²⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России ... С. 116.

³²⁵ Там же. С. 127.

³²⁶ Там же. С. 141.

³²⁷ Там же. С. 150–152.

³²⁸ Там же. С. 154–158.

³²⁹ Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2012. С. 6.

³³⁰ Там же. С. 10.

³³¹ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследования социально-экономической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 385–386; см. также: его же. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1973. С. 311.

³³² Там же. С. 385.

Е. В. Анисимов, наоборот, считал, что говорить об установлении абсолютизма даже при Петре I преждевременно. Кроме того, он четко провел разницу в этом вопросе между Россией и Европой: «Я не принадлежу к той части историков, которые считают, что в петровский период в России окончательно сложилась абсолютистская форма правления. Дискуссия 1960-х – начала 1970-х гг. о сущности российского абсолютизма показала бессмысленность научной экстраполяции на русскую почву тех форм государственной власти и общественных организаций, которые сложились в Западной Европе и традиционно называются абсолютизмом. В России конца XVII – начала XVIII в. не было ни “сословий”, ни “абсолютизма”, а были “служилые люди” и было “самодержавие”, и знак равенства между парами этих понятий ставить невозможно»³³³.

С. Л. Чернов (МГУ) также не был согласен с мнением об установлении абсолютизма при Петре I, считая, что говорить об этом можно тогда, когда есть в законченных формах все его компоненты. Это особый статус монарха в политической системе, наличие регулярной армии, полиции, фискальной системы, централизованного государственного аппарата, подчиненной государству церкви, а также регулирования в рамках «полицейского государства». Кроме того, должны присутствовать такие компоненты социально-экономической системы, как развитое дворянское землевладение, крепостные или полукрепостные крестьяне, мелкая патриархальная промышленность, господство деревни над городом, сословность общества³³⁴. Созданная Петром модель государства представляла собой, по мнению Чернова, «модель мобилизационного управления для концентрации ресурсов государства в условиях достижения победы над сильным противником»³³⁵. В ней отсутствовали прочный порядок преемства верховной власти, бюрократия, формирование которой находилось в первичной стадии, полиция, которой не было вовсе, государственный аппарат, нуждавшийся в системной трансформации, организация государственной власти на местах и т. д. Таким образом, «созданную Петром форму государства нельзя считать абсолютной монархией, она представляла собой переходную стадию от сословно-представительной монархии к абсолютной, а именно самодержавную монархию»³³⁶. Создание же абсолютной монархии станет делом рук его преемников, начиная с Екатерины II и заканчивая Николаем I³³⁷.

³³³ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 270.

³³⁴ Чернов С. Л. К вопросу о возникновении абсолютизма в России // Россия в XVIII–XX веках: страницы истории. М., 2000. С. 32–34.

³³⁵ Там же. С. 46.

³³⁶ Там же. С. 47.

³³⁷ Там же. С. 47–48.

В 1990-х гг. присутствовали различные трактовки абсолютизма: отмеченная выше точка зрения Н. И. Павленко, опубликованная в 1993 г. в развернутом виде концепция А. Я. Авреха³³⁸, теоретические построения А. Н. Медушевского³³⁹ и т. д., демонстрирующие наличие различных подходов.

Концепция российского абсолютизма, представленная в издаваемой в это время «Истории Европы»³⁴⁰, являлась вариантом умеренного методологического компромисса. Например, методологически универсальным было утверждение о том, что в XVI – первой половине XVII в. «в условиях господства феодального способа производства происходило формирование централизованного государства в России. Ведущая роль в этом процессе принадлежала различным слоям феодалов, противоречия между которыми позволяли центральному правительству вести политику балансирования, которая была характерна для раннего абсолютизма»³⁴¹. Новые акценты интерпретации абсолютизма явственно проступают, например, в таком утверждении С. О. Шмидта: «Государственно-политическая централизация проводилась в целом успешно, сопровождаясь “бюрократизацией” управления, унификацией финансовой системы и правовых норм, но в феодальном духе, опережая экономическую централизацию (курсив мой. – Л. Л.): это была концентрация власти силами приказной, боярской и военной администрации всей территории государства, приводящая к всемогуществу и произволу военной и гражданской бюрократии»³⁴².

С другой стороны, процессы становления абсолютизма и утверждения его при Петре I раскрыты А. А. Преображенским и И. А. Булыгиным целиком в русле положений советской историографии. Ведется речь о «новом периоде» русской истории, расстановке сил под «воздействием обострившейся классовой борьбы народных масс», борьбе различных категорий феодалов как между собой, так и «торгово-промышленным населением, этой предтечей буржуазии». При этом «в укреплении буржуазии, в осуществлении ею своей исторической миссии по сплочению государства были в конечном счете заинтересованы и широкие массы трудящихся деревни и города»³⁴³. В основе установления абсолютизма в России XVIII в. «лежали серьезные изме-

³³⁸ Аврех А. Я. О природе российского самодержавия // Система государственного феодализма в России: сб. ст.: в 2 ч. Ч. 2. М., 1993. С. 254–331.

³³⁹ Медушевский А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 15–30.

³⁴⁰ История Европы: с древнейших времен до наших дней: в 8 т. Т. 3. М., 1993. 653 с.; см. также: Т. 4. М., 1994. 509 с.; Т. 5. М., 2000. 667 с.

³⁴¹ История Европы Т. 3. С. 162.

³⁴² Там же. С. 248.

³⁴³ Там же. Т. 4. С. 179–180.

нения в социально-экономическом развитии страны, вызванные генезисом капиталистических отношений, резким обострением классовой борьбы крестьян против феодального гнета, а также усилением противоречий внутри класса феодалов»³⁴⁴. Переход к абсолютизму был ускорен Северной войной, и при Петре абсолютизм получил свое институциональное завершение³⁴⁵.

Наконец, в последнем из вышедших томов «Истории Европы», изданном в 2000 г., в оценках российской монархии уже не просматриваются установки советской историографии. В очерках, написанных известным исследователем истории России XIX в. С. В. Тютюкиным (1935–2019), акцент делается на модернизации, представленной как приоритетная тенденция в политике монархии на протяжении столетия и носящей циклический характер³⁴⁶.

Изданная в 2010-х гг. «Всемирная история» рассматривает российский абсолютизм как проявление общеевропейских тенденций развития государства. Об этом говорится в обзорном разделе, посвященном государственности XVII в.: «Отсылая читателей к соответствующей главе этого тома, вкратце отметим, что Россия XVII века проходила европейский путь развития своей государственности – от монархии с активно действующими сословно-представительными собраниями (Земские соборы) к торжеству абсолютистских, бюрократических методов управления»³⁴⁷. С 1990-х гг. появляются работы, посвященные трансформации российской монархии в масштабе большой исторической перспективы и общеевропейского контекста.

К 2000-м гг. в публикациях стала все более заметной традиционная для дореволюционной российской историографии идея географического детерминизма политического развития России. В соответствии с данной идеей, политическая система России сложилась ввиду ее огромных территорий, слабой обеспеченности природными ресурсами, сопряженных с необходимостью колонизации и внешней экспансии, продиктованной не только имперскими, но и экономическими интересами. При этом слабое развитие сословий, необходимость мобилизации общества и контроля государства обусловили обязанности перед ним всех слоев населения и сильную власть вплоть до произвола³⁴⁸.

³⁴⁴ История Европы. Т. 4. С. 395–396.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же. Т. 5. С. 132–138, 207–213, 475–484.

³⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 491.

³⁴⁸ Шестопапов А. П. Российский абсолютизм: особенности развития российской государственности // Россия в Новое время: выбор пути исторического развития: матер. межвуз. науч. конф. М., 1994. С. 20–23; Плосконосова В. П. Российский абсолютизм и динамика социальных изменений // Клио. 2004. № 2 (25). С. 31–38; Шаповалов В. Ф. Россияведение: учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 167–184; Сенин А. С. История Российской государственности: учеб. пособие. М. С. 9–21.

А. Н. Медушевский указывал на такие ведущие факторы в историческом развитии России, как потребность общества в стабильности в условиях, когда основным занятием населения является земледелие и обработка ничем не защищенного поля. Развитие шло в условиях постоянной внешнеполитической нестабильности и невозможности накопления больших средств для внешнеполитической экспансии³⁴⁹. Эти явления достигли максимума в новый период русской истории, подготовив тем самым почву для утверждения абсолютизма в Петровскую эпоху³⁵⁰.

В формировании абсолютизма была огромна роль поместной системы, позволявшей монарху мобилизовать среднее и низшее звенья служилого класса. Важным признаком такого общества, живущего в состоянии напряжения, стало изменение его социальной структуры в направлении консолидации различных сословий и усиления иерархического соподчинения между ними. Таким был абсолютизм, и предпосылкой его утверждения является выход на историческую арену дворянства³⁵¹.

В масштабном исследовании О. А. Омельченко³⁵² российский просвещенный абсолютизм был впервые рассмотрен в юридическом, правовом и терминологическом аспектах. Автор отмечает, что само понятие «просвещенный абсолютизм» появилось в XIX в. ввиду понимания нового качества монархии эпохи Просвещения, называемой в то время «просвещенным деспотизмом»³⁵³. Просвещенный абсолютизм в России второй половины XVIII в. представлял собой особую фазу исторической эволюции монархии, что заключалось в изменении политического режима властвования. Главным звеном политической доктрины стала идея законной монархии, способной примирить самые разные социальные и политические устремления в единой государственно полезной деятельности. Однако, несмотря на политические декларации просвещенного абсолютизма, он сохранял все типические черты элитарно организованной монархии, с доминированием бюрократической и сословной элиты. В то же время, открытое полагание принципов государственного либерализма со стороны власти, в первую очередь, по отношению к правящей элите, обеспечивало высокую степень поддержки ею проводимой политики.

Политика Екатерины II, считает О. А. Омельченко, была ограничена в исторической перспективе, так как без изменения существа политическо-

³⁴⁹ Медушевский А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе. С. 15–30.

³⁵⁰ Там же. С. 15–17.

³⁵¹ Там же. С. 22–23.

³⁵² Омельченко О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 42 с.

³⁵³ Там же. С. 13.

го абсолютизма было невозможно обеспечить желаемое качество властно-административного режима. Тем не менее, именно просвещенный абсолютизм был непосредственным предшественником государственной практики первых десятилетий XIX в., известной как правительственный конституционализм³⁵⁴.

В докторской диссертации В. В. Тяна проанализирована эволюция верховной власти в пореформенный период³⁵⁵. По мнению автора, правления Александра II, Александра III и Николая II представляют собой три этапа эволюции политической системы абсолютной монархии. Режим Александра II оценен автором как «дееспособный, прогрессивный, свидетельствующий об эволюции монархии от “дворцовой” к развитому абсолютизму». Правление Александра III охарактеризовано как консервативная модернизация монархии, включающая административные реформы и контрреформы, свободу предпринимательства, вольнонаемный труд, одновременно с ограничением прав личности и манипулированием общественным сознанием³⁵⁶. Особое место в работе занимает эволюция абсолютизма при Николае II. По мнению Тяна, она заключалась в стремлении монарха сохранить «абсолютизм абсолютным», поэтому может трактоваться как «псевдозволюция». Данный процесс развивался параллельно с «обновленческим» реформизмом дворянской и буржуазной государственных элит³⁵⁷.

Для характеристики российской верховной власти автором были предложены термины «абсолютистский реформизм» (имитация реформ при псевдозволюции верховной власти) и «олигархический абсолютизм» (правление, суммарными составляющими которого выступают власть монарха, его родственников, дворянства, бюрократии)³⁵⁸. Думская монархия стала переходной к конституционной монархии, однако, несмотря на все изменения, власть осталась самодержавно-монархической³⁵⁹.

В непосредственной связи с рассмотрением исторической динамики российского абсолютизма находились две обширные темы, получившие мощный импульс в постсоветской историографии – государственный реформизм и конституционализм, представленные как масштабными нарративами, так и работами частного характера. В последнем случае речь шла

³⁵⁴ Омельченко О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России ... С. 36–40.

³⁵⁵ Тян В. В. Эволюция верховной самодержавной власти в России (1860-е – 1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 54 с.

³⁵⁶ Там же. С. 51.

³⁵⁷ Там же. С. 50.

³⁵⁸ Там же. С. 52.

³⁵⁹ Там же. С. 51.

о многочисленных работах, иллюстрирующих реформы Петра I и Екатерины II³⁶⁰, а также Александра I³⁶¹, Александра II³⁶².

Новым ракурсом осмысления российского реформаторства стали развернутые, созданные в ракурсе долговременной исторической ретроспективы исследования. Примером такого подхода выступает издание 1996 г. «Власть и реформы»³⁶³. Сюжетная канва работы была традиционна и достаточно полно очерчена в предисловии, написанном Санкт-Петербургским историком, доктором исторических наук Б. В. Ананьичем (1931 – 2015). Государственное реформирование, указывает автор, было неотъемлемой частью развития российской монархии и носило циклический характер. Становление самодержавия датируется второй половиной XV – XVII вв.³⁶⁴.

Путем ломки и радикальных преобразований Петр I обеспечил «переход от восточного к европейскому типу государственности». После Петра наступил обрыв реформ, возобновившихся только при Екатерине II, которая сделала попытку «придать самодержавию облик просвещенной монархии». Эпоха Павла, не отраженная в данном очерке, очевидно, мыслилась как откат реформаторства, возобновившегося при Александре I, понимавшем необходимость преобразований, но не решившемся их провести. Наступивший затем консерватизм николаевской эпохи сменяется Великими реформами (нужно отметить появление в историографическом дискурсе этого эпитета, неприемлемого для советских историков). Однако и в результате Великих реформ Россия осталась самодержавным государством. Это продемонстрировала практика монархии последних десятилетий XIX в., для характеристики которой употребляется понятие не «контрреформы», а «победа сторонников самобытного развития России»³⁶⁵. Государственная дума и проводимые реформы расценивались как попытки завершения пре-

³⁶⁰ Водарский Я. Е. Реформаторство Петра I и Екатерины II в контексте Европейской истории // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 168–184; Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Там же. С. 185–194; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого ...; его же. «Шведская модель» с русской «особостью». Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995. № 1. С. 133–150 и т. д.

³⁶¹ Коршунова Н. В. Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. Челябинск, 2009. 300 с.; Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.

³⁶² Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. 719 с.; ее же. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. М., 1992. С. 24–43; Новицкая Т. Е. Реформы Александра II // Вестн. Моск. ун-та. 1998. № 6. С. 38–53; Ананьич Б. Проблемы российского реформаторства // Знание – сила. 1992. № 2. С. 74–84.

³⁶³ Панеях В. М., Анисимов Е. В., Цамутали А. Н. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. 801 с.; см. также: их же. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 2-е изд. М., 2006. 734 с.

³⁶⁴ Панеях В. М., Анисимов Е. В., Цамутали А. Н. Власть и реформы. С. 4.

³⁶⁵ Там же. С. 5.

образований 1860-х – 1870-х гг. Однако реформаторство оказалось неспособным остановить революционный процесс³⁶⁶.

Во-первых, российские монархи исключали возможность изменения самой природы самодержавной власти. Верховная власть эволюционировала, но сознание ответственности только перед Богом не покидало даже последнего российского императора³⁶⁷. Вследствие цикличности реформы носили принудительный характер, в результате они не выполняли свою основную функцию – создание условий для свободного развития тех или иных социальных процессов. Итоговая фраза, единственная и набранная с красной строки, была заключительным аккордом: «Россия так и не стала правовым государством»³⁶⁸.

Актуальность истории российского реформаторства и связь этой проблемы с постсоветскими реалиями, в том числе и с разочарованием в политике реформ, была подчеркнута А. Б. Каменским. «Слово “реформа”, ставшее за последние 15 лет одним из наиболее употребительных слов русского языка, приобрело за это время негативную коннотацию и сегодня вызывает у многих стойкую идиосинкразию, – писал А. Б. Каменский в 2006 г. – Слово это также относится к числу тех понятий, о которых все знают и о которых каждый имеет собственное суждение, которое вряд ли кто-либо может изменить, и тем более историк, поскольку, с одной стороны, в обществе распространено убеждение, что история – это “продажная девка идеологии”, а с другой, что “история ничему не учит”»³⁶⁹.

Каменский обращает внимание на сугубо утилитарное отношение к истории, конъюнктурную риторику, легковесность суждений и обилие в них общих мест. В частности, он указывает на целый ряд штампов в понимании российских реформ, существовавших еще с советских времен, что делает целесообразным привести его высказывание более подробно: «Так, некоторые авторы с горечью писали о том, что беда российских реформ в том, что они все осуществлялись властью, т. е. сверху, как будто реформы могут задумываться, разрабатываться и осуществляться народными массами. Власть в свою очередь упрекали в том, что посредством реформ она всегда укрепляла самое себя – по-видимому, вместо того, чтобы сама себя уничтожить... С другой стороны, некоторые российские реформы называли “революциями сверху”... Истоки подобной трактовки, вероятно, следует искать в восходящем к А. С. Пушкину и развитом А. И. Герценом образе Петра I как “революционера на троне”. Между тем, современными исследова-

³⁶⁶ Панях В. М., Анисимов Е. В., Цамутали А. Н. Власть и реформы. С. 5–6.

³⁶⁷ Там же. С. 7.

³⁶⁸ Там же. С. 10.

³⁶⁹ Каменский А. Б. Российские реформы: уроки истории // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 21–39.

ниями убедительно доказано, что Петр не только не изменил прежний политический строй (а именно это в наше время принято считать основным признаком революции), но, напротив, его укрепил. Примечательно также, что называть “революционером на троне” Александра II, подошедшего к смене политического строя гораздо ближе, не принято. И уж тем более так никогда не называют Николая II, который манифестом 17 октября 1905 г. превратил Россию из самодержавия в ограниченную монархию. Отождествление же понятий “революция” и “реформа” ведет к размыванию смысла обоих и никак не способствует уяснению существа этих явлений. Широко распространенным является и представление о том, что все реформы в российской истории были не завершены – либо потому, что не были доведены до конца, либо потому, что за ними следовали контрреформы... Что же касается контрреформ, то они зачастую рассматриваются, как нечто неотвратимо следующее за реформами... Еще одно устойчивое представление об истории российских реформ связано с тем, что все они носили вынужденный характер, являясь следствием разного рода катастроф, преимущественно военных»³⁷⁰.

В собственной книге «От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа»³⁷¹ Каменский ставил целью разрушить данные стереотипы. Анализируя реформы XVIII в., автор указывает на их логику, последовательность и целостный характер, выделяя в этом процессе четыре этапа – от переломной эпохи Петра I до эпохи Екатерины II включительно. Период после Петра был временем адаптации реформ и их коррекции. При Павле I процесс преобразований был прерван реакцией на Французскую революцию и контрреформами³⁷².

В посвященной российскому абсолютизму монографии А. Н. Медушевского³⁷³ очевидны два авторских акцента. Это рассмотрение абсолютизма, модернизации, формирования элит в общеисторическом контексте, с одной стороны, и, с другой – раскрытие специфики этих явлений в России. В Новое время, указывал Медушевский, организация системы управления передовых европейских стран становится объектом для подражания, желаемой моделью. Перенимание этой модели можно назвать «догоняющим развитием», то есть модернизацией, что и имело место в петровской России³⁷⁴. Потребность в модернизации по догоняющей модели оставалась

³⁷⁰ Каменский А. Б. Российские реформы: уроки истории. С. 25–26.

³⁷¹ Он же. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 1999. 575 с.

³⁷² Там же. С. 520–526.

³⁷³ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование. М., 1993. 320 с.; см. также: его же. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование: монография. М.; Берлин, 2015. 320 с.

³⁷⁴ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России ... С. 47.

для России актуальной и впоследствии. При этом в XVIII – начале XIX в. этот процесс целиком вписывался в общеевропейский³⁷⁵.

Вместе с тем автор демонстрирует границы российской модернизации. В частности, закон Петра I о единонаследии 1714 г. был встречен дворянством негативно и впоследствии отменен – землевладельцы выступили против вмешательства государства в их право распоряжения землей. Неприятие же российским дворянством майората имело далеко идущие последствия: «Экономический смысл этого процесса, – указывал А. Н. Медушевский, – объективно вел не просто к раздроблению более крупных владений на все более мелкие: невыгодное экономически, данное деление в перспективе не оставляло надежд на экономическую эффективность помещичьего хозяйства»³⁷⁶. На протяжении XVIII в. не удалось провести и кодификацию законов, так как монархи стремились не обострять отношения со своей социальной опорой – дворянами³⁷⁷.

В более частном аспекте на деформацию первоначальной идеи реформ указывал Е. В. Анисимов. Несмотря на то, что при реформировании системы управления Петром I был взят шведский ее образец, воспроизвести шведскую модель в России не удалось. Здесь не было, как в Швеции, разветвленной системы сословно-представительных органов, самоуправляющихся городов и сельских общин, неотъемлемых сословных привилегий, личной свободы населения, королевских обязательств перед обществом. Весьма выразительна была резолюция Сената на предложение ввести в России шведский тип местного самоуправления с участием крестьянства: «В уездах ис крестьянства умных людей нет». В результате Петр «вполне удачно соединил камералистскую “бюрократическую технологию” с традиционной самодержавной властью, что, безусловно, усилило самодержавие в России на длительный период»³⁷⁸.

С начала XIX в. государственное реформаторство дополняется все более широко обсуждаемыми проектами конституционализма, в результате так и оставшимися нереализованными. В связи с этим Н. В. Коршунова (Челябинск)³⁷⁹ делает вывод о том, что проводимые реформы могли бы быть успешными, если бы одновременно затрагивали политическую, экономическую и социальную сферы. В России реформы предла-

³⁷⁵ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России ... С. 86–105.

³⁷⁶ Там же. С. 133–144, 143–144.

³⁷⁷ Там же. С. 107–143.

³⁷⁸ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого ... С. 292; см. также: его же. «Шведская модель» с русской «особостью». С. 133–150.

³⁷⁹ Коршунова Н. В. Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: замысел и механизмы реализации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 38 с.; см. также: ее же. Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. Челябинск, 2009. 300 с.

гались интеллектуальным меньшинством, что было недостаточно для проведения всего цикла преобразований. Со своей стороны, власть не стремилась преодолеть эти затруднения. Наконец, реформы требовали материально-технического обеспечения. Указанные факторы затруднили реализацию реформ, Россия выбрала «свой путь», далеко не во всем удачный³⁸⁰.

В. Ю. Захаров (МПГУ) отмечает, что традиционное еще с советских времен понимание реформ и либерализма Александра I как заигрывания с обществом, равно как и идея о безальтернативности развития России, нуждаются в пересмотре³⁸¹. Конституционная монархия в России времен Александра I была реальна, император задумывал и отмену крепостного права. Однако попытки его смягчить встречали отпор со стороны дворян. В свою очередь, введение конституции и парламента при полном господстве дворянства привело бы не к прогрессу, а к консервации крепостного права и феодальных отношений. Немаловажное значение имела и перспектива войны с наполеоновской Францией, во время которой начинать масштабное государственное реформирование было совершенно не к месту³⁸². Понимание окружающих реалий и груз ответственности привели Александра I к отказу от конституционных замыслов³⁸³.

Нужно отметить, что докторская диссертация В. Ю. Захарова посвящена не только рассмотрению конституционной альтернативы России, но и включению российского конституционализма в общеевропейский контекст. По мнению В. Ю. Захарова, с середины XVIII в. в силу ряда причин начался всеобъемлющий кризис абсолютистских режимов. Существовало четыре варианта выхода из него: «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм», правительственный конституционализм и революционный вариант, причем в первых двух случаях инициатива в проведении преобразований принадлежала монархам³⁸⁴. Два первых варианта – «просвещенного абсолютизма» и «просвещенного деспотизма» – пришлось на правления Екатерины II и Павла I. Задачей Александра I было не допустить революционного сценария. Сделав попытку реализовать конституционный вариант, император убедился в ее тщетности и провел реформы, кото-

³⁸⁰ Коршунова Н. В. Проекты реформ в России ... автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. С. 34.

³⁸¹ Захаров В. Ю. Могла ли Россия стать конституционной монархией при Александре I // Преподавание истории в школе. 2008. № 8. С. 19–20.

³⁸² Там же. С. 26; см. также: Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 47.

³⁸³ Он же. Конституционализм как вариант модернизации ... С. 47–48.

³⁸⁴ Захаров В. Ю. Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 46.

рые Захаров оценивает как нечто среднее между «просвещенным абсолютизмом» и «просвещенным деспотизмом»³⁸⁵.

В фундаментальной работе А. Н. Сахарова «Россия: народ, правители, цивилизация»³⁸⁶ также указывается, что конституционные проекты всегда присутствовали как альтернатива самодержавию. С одной стороны, политическое развитие России впитало в себя опыт практики восточных деспотий, в первую очередь Золотой Орды и Византии. Однако Россия испытывала влияние и германской, шведской и восточноевропейской государственности, в первую очередь Речи Посполитой с Магдебургским правом и выборностью монархов. В России не могло быть неизвестно о сословно-представительных институтах Англии и Франции. Однако возможность пути по данному варианту минимизировалась жесткой авторитарностью российского политического режима³⁸⁷. Нерешенные проблемы, по мнению Сахарова, будучи вытеснены из императорского окружения, нашли воплощение в гораздо более радикальных вариантах – от конституционных монархистов до большевиков, что в итоге, при усиливающейся радикализации, привело к революционному взрыву³⁸⁸.

Великие реформы Александра II рассматриваются как в общеисторическом ракурсе, так и в масштабе российской истории. Первый подход реализуется А. Н. Медушевским³⁸⁹. По его мнению, Великая реформа (отмена крепостного права) концептуально связана с идеологией либерализма и социального прогресса и носит необратимый характер. Это – революция «сверху», стоящая в одном ряду с Петровскими реформами, с перспективой перехода от абсолютизма к правовому государству³⁹⁰. Рассмотрев варианты реформы 1861 г., Медушевский считает, что выбранный властью был оптимальным. Личное освобождение крестьян сочеталось с сохранением общины, причем возмещение стоимости земли помещикам было растянуто во времени³⁹¹.

Л. Г. Захарова, один из ведущих специалистов по изучению Великих реформ, оценивая отмену крепостного права как поворотное событие, отмечает, насколько тяжело вынашивалась реформа. Пережитки в социальной психологии никуда не исчезали. «Даже в период общественного подъема, впервые наступившей гласности после поражения в Крымской войне

³⁸⁵ Захаров В. Ю. Российский конституционализм ... С. 46–49.

³⁸⁶ Сахаров А. Н. Россия: народ, правители, цивилизация. М., 2004. 957 с.

³⁸⁷ Там же. С. 232–236.

³⁸⁸ Там же. С. 279–280.

³⁸⁹ Медушевский А. Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.

³⁹⁰ Там же. С. 4–5.

³⁹¹ Там же. С. 6–10.

и краха николаевской системы самодержавная монархия проявляла свою неограниченную, самодовлеющую власть, – отмечала Л. Г. Захарова. – Одновременно с рассекречиванием Секретного комитета и превращением его в Главный комитет по крестьянскому делу, одновременно с открытием губернских дворянских комитетов и публичностью их заседаний был создан Совет министров под личным председательством Александра II, который воплощал не идею коллегиального, единого правительства, а усиление неограниченной власти самодержца. В течение нескольких первых лет он не имел своего статуса, каждый раз созывался по личному распоряжению царя, не имел протоколов заседаний, своего отдельного делопроизводства, заседания его часто прерывались на полуслове, если царствующему председателю становилось скучно или утомительно»³⁹². По мнению автора, реформы были не только половинчатыми, но и укрепляли самодержавие, так как самодержавная государственность была сильна, а реформы проводились консервативной бюрократией³⁹³. О мощи самодержавной государственной системы, неизменной даже в период ее разложения и кризиса, инертности масс, вселили бюрократии при том, что часто и императоры не могли с этим ничего поделать, писали также С. В. Мироненко и Ю. Б. Соловьев³⁹⁴.

Анализируя реформаторство российской монархии на рубеже XIX–XX вв., А. В. Черникова (Москва) утверждает, что проблема модернизации решена не была, хотя и не раз вставала³⁹⁵. В России следующее поколение реформаторов получало в наследство нерешенные проблемы, медленная эволюция монархии с трудом приспосабливала ее к новым условиям. Наконец, когда монархия сделала шаг в сторону конституционного развития, этот путь не был пройден до конца³⁹⁶.

Что же касается политической системы, установившейся в России после Манифеста 17 октября, то российские историки едины в признании того, что де-юре период абсолютизма в России закончился. Вместе с тем однозначного определения характера думской монархии нет. Например, известный российский историк К. Ф. Шацлло утверждал, очевидно разделяя понятия «самодержавие» и «неограниченная монархия»: «Дума не обладала необходимой политической властью. Однако отсюда было бы совершен-

³⁹² Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874: (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы 1856–1874. М., 1992. С. 39.

³⁹³ Там же. С. 42.

³⁹⁴ Мироненко С. Бессилие власти // Родина. 1993. № 1. С. 156–60; Соловьев Ю. Б. Странички летописи сумасшедшего дома // Там же. С. 161–165.

³⁹⁵ Черникова А. В. Российская монархия конца XIX века – 1917 года: эволюция монархической доктрины и политических институтов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.

³⁹⁶ Там же. С. 22.

но неверно делать вывод, что у Думы вообще не было никакой власти... С появлением этого нового “учреждения царизма”, отличавшегося от всех других своим представительным характером, самодержавие в России, оставаясь самодержавием, перестало быть неограниченным...»³⁹⁷ О. Г. Малышева, как специалист в области политической истории России начала XX в., также считает, что с момента подписания Николаем II Манифеста 17 октября и вплоть до подписания им же акта об отречении от престола в марте 1917 г. Россия уже не являлась абсолютной монархией. Вместе с тем Россия не стала и конституционной монархией в классическом виде ввиду неразвитости демократических институтов и соглашательской позиции буржуазии, которая предпочитала не бороться, а договариваться с абсолютизмом³⁹⁸. По мнению А. Н. Медушевского, в России начала XX в. наблюдались поэтапные процессы: становление монархического конституционализма, его трансформация в направлении дуалистической монархии и формирование режима личного правления монарха³⁹⁹.

В интерпретации проблем российского реформаторства сближались установки российских и западных историков, однако говорить об их совпадении не приходится. Например, французский историк и политолог Э. Каррер д' Анкосс в книге «Незавершенная Россия»⁴⁰⁰ считает, что российское самодержавие сочетало в себе «московскую сеньориальную систему, монгольский деспотизм и византийский цезаропапизм»⁴⁰¹.

Реформы, призванные модернизировать страну, носили кумулятивный характер, и, несмотря на торможения и откаты, оцениваются автором как весьма результативные. Например, деятельность С. Ю. Витте Каррер д' Анкосс оценила так: «Утверждение приоритета экономики, решающая роль государства, стремление сохранить абсолютную политическую власть – все это ставит Витте, творца перемен, в один ряд с Кольбером»⁴⁰². По мнению автора, в 1914 г. политическая, экономическая, социальная и интеллектуальная трансформация открывала перед Россией оптимистические перспективы, несмотря на то, что до завершения этих процессов требовалось время⁴⁰³. Однако весь этот положительный опыт рухнул из-за войны и революций. На обломках модернизированной России было построено государство, «кото-

³⁹⁷ Шацлло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 292–293.

³⁹⁸ Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах: в 2 ч. Ч. 1: Власть и зарождение Государственной думы. М., 2001. С. 6, 90.

³⁹⁹ Медушевский А. Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 33.

⁴⁰⁰ Каррер д' Анкосс Э. Незавершенная Россия / пер. с франц. М., 2005. 192 с.

⁴⁰¹ Там же. С. 44.

⁴⁰² Там же. С. 150.

⁴⁰³ Там же. С. 160.

рое больше взяло из России до модернизации». Очевидно, что для Каррер д' Анкосс «незавершенность» заключается в разрыве модернизационных процессов революциями и установлением власти большевиков⁴⁰⁴.

В данном контексте становится понятным название еще одной книги Э. Каррер д' Анкосс «Николай Второй: расстрелянная преемственность»⁴⁰⁵. Автор утверждает, что через убежденность в неприкосновенности самодержавия и внутреннюю драму Николай II все же вел достаточно последовательную работу по преобразованию своей страны⁴⁰⁶.

Р. Пайпс (1923–2018), один из крупнейших американских историков, характеризует политическую систему России как вотчинную, где политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности. При этом властитель является одновременно и сувереном государства, и его собственником⁴⁰⁷.

Отсутствие вассалитета по европейскому образцу, неоформленность условий, необходимость постоянной мобилизации, последствия нахождения под властью монголо-татар сформировали, с одной стороны, жесткую власть, с другой – отчуждение от государства его подданных⁴⁰⁸. Однако с течением времени страна начала проигрывать своим соседям. С Петровской эпохи началась системная модернизация России, заключающаяся, по мнению Пайпса, в частичном свертывании вотчинного строя. «Россия – отмечал он, – затеяла процесс внутренних реформ, которые, то ослабевая, то усиливаясь, продолжаются и по сей день»⁴⁰⁹. Однако главной цели реформ – уравнивания силы государства и общества – достичь не удалось ввиду сохранения авторитаризма власти. «В интересах национального могущества и престижа население побуждали образовываться, обогащаться и вырабатывать в себе государственное сознание, а также, когда его позовут, приходить на помощь “своему” правительству, – указывал Пайпс. – В то же самое время ожидали, что оно будет терпеть излишне опекающий его режим, который не признает ни ограничений, ни норм, и не только не дает населению участвовать в разработке законов, но и запрещает ему под страхом сурового наказания открыто высказываться о возможности такого участия. В этом-то и лежит источник трений, пронизывавших всю историю послепетровской России»⁴¹⁰.

Понять дореволюционную Россию – значит понять отношение в ней монархии и общества – именно эта идея является сквозной в одноименной книге

⁴⁰⁴ Каррер д' Анкосс Э. Незавершенная Россия. С. 162–163.

⁴⁰⁵ Она же. Николай Второй: расстрелянная преемственность / пер. с фр. Е. Богатыренко. М., 2006. 446 с.

⁴⁰⁶ Там же. С. 10.

⁴⁰⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 11.

⁴⁰⁸ Там же. С. 74–90.

⁴⁰⁹ Там же. С. 151–152.

⁴¹⁰ Там же. С. 153–154.

М. Раева⁴¹¹. В допетровской России, «литургическом государстве» с всеобщей повинностью сословий, единомыслием и слиянием церкви и государства⁴¹², под влиянием в первую очередь внешних вызовов, назрела необходимость модернизации. Однако внешние и внутренние аспекты преобразований расходились.

Внешняя европеизация и технические достижения сочетались с отсутствием гражданского общества, сознательного и организованного на рациональных основаниях. Во время работы Уложенной комиссии 1767 г. русское общество в лице своих представителей, отмечал Раев, выражало устремления, прямо противоположные курсу на регулярное государство⁴¹³. Вся дальнейшая модернизация России замыкалась на монархе-самодержце. «Положив начало переустройству, государство укрепляло убежденность, уверенность в том, что только по воле государя-самодержца могут быть проведены реформы и улучшено состояние и устройство русского общества, – акцентировал внимание Раев. – Верно, что позднее именно поэтому и все недостатки будут поставлены в вину государю и самодержавию»⁴¹⁴.

Это обстоятельство усугублялось по мере роста самосознания дворянства, формирования интеллигенции, а поскольку средний класс в России сформирован не был, то и набиравших популярность радикальных идей⁴¹⁵. В России не было «устойчивого центра», гражданского общества, способного уравновешивать монархию и радикальную интеллигенцию. Последние же оказались неспособны вести общество за собой. Эти факторы послужили источником «развивающегося загнивания системы и выкопали яму, в которую рухнул имперский режим»⁴¹⁶.

Стержневое значение проблемы «монархия и общество» обусловило значительную популярность этого, достаточно нового, сюжета у российских историков. Например, анализировалось восприятие образа монарха в культуре – как XVII⁴¹⁷, так и начала XX в.⁴¹⁸, общественном сознании⁴¹⁹, наконец, создание его средствами властной пропаганды⁴²⁰.

⁴¹¹ Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской Империи: state end society in the Old Régime. London, 1990. 304 с.

⁴¹² Там же. С. 13–22.

⁴¹³ Раев М. Указ. соч. С. 116.

⁴¹⁴ Там же. С. 126.

⁴¹⁵ Там же. С. 220.

⁴¹⁶ Там же. С. 268.

⁴¹⁷ Герцен Н. А. Восприятие образа правителя в русской культуре конца XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 28 с.

⁴¹⁸ Дорофеева А. В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 28 с.

⁴¹⁹ Бугаева Н. А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.; Конанова Е. И. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.

⁴²⁰ Баклашов А. И. Екатерина II и общественное мнение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 16 с.; Ремнев П. А. Образ российской монархии в восприятии российской политической элиты первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 26 с.

Комплексным исследованием, охватывающим максимум аспектов ментальности и духовной жизни российского дворянства как правящего сословия государства и проводника передовых культурных влияний, является книга С. О. Шмидта «Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX в.»⁴²¹.

Исследовательница психологии российского дворянства Е. Н. Марасинова (ИРИ РАН) анализирует изменения его политического сознания в XVIII в.⁴²² Автор прослеживает, как трансформировались такие понятия, как «император», «империя», «государь», «самодержец», маркирующие власть, и «дворянство», «благородное сословие», «служба Отечеству», «служба императору», «сын Отечества», «народ», «холоп», «раб», отражающие социальную иерархию и место дворянина в государстве⁴²³. Примечательно, что слово «гражданин», означающее сознательную личность и равноправного субъекта отношений с государством, властью употреблялось только в абстрактном смысле⁴²⁴.

По выводам автора, в первой четверти XVIII в. понятия «государь», «государство», «Отечество», «государева служба» означали не поляризацию, а, наоборот, усиление значений. Абсолютная власть отождествлялась с личностью императора, служба которому сливалась с чувством патриотизма и причастности к победам расширяющейся державы⁴²⁵. По мере укрепления абсолютизма идея верноподданнической обязанности затмевала собой собственно сословные цели дворянства, растворяла их в государственном интересе. Отсутствие иерархической структуры дворянства привело к появлению у каждого дворянина чувства личной зависимости от монарха⁴²⁶. Однако, по мере роста образовательного уровня и самосознания дворянства, по мере расширения его прав, произошло сопоставление и переосмысление понятий «гражданин» и «подданный». В гражданине стали видеть личность думающую, самостоятельную и отделяющую Отечество от личности монарха. Появилось понятие частной жизни, приватной сферы и интеллектуальной самодостаточности⁴²⁷.

⁴²¹ Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX в. М., 2002. 363 [2] с.

⁴²² Марасинова Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 51 с.; см. также: ее же. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 81–92; ее же. Власть и общество в России XVIII в. // Труды института Российской истории РАН. Вып. 5. 2005. С. 87–107; ее же. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 3–16.

⁴²³ Там же. С. 22–23.

⁴²⁴ Там же. С. 88–89.

⁴²⁵ Там же. С. 26.

⁴²⁶ Там же. С. 33.

⁴²⁷ Там же. С. 36–39.

Суть произошедших на протяжении века изменений в отношениях власти и общества Е. Н. Марасинова выразила следующим образом: «В этой коллизии скрыто, на мой взгляд, одно неразрешимое противоречие, ускользнувшее в конечном итоге гибель империи. С конца XVII столетия монархия сознательно идет на расширение спектра возможностей, предоставляемых верхушке господствующего сословия, которое призвано было решить задачи укрепления российской государственности. Открывшиеся перед дворянином новые перспективы повышают уровень претензий развивающейся индивидуальности, что неизбежно приводит к расшатыванию авторитета верховной власти и, следовательно, ослаблению государства, вынужденного существовать в режиме мобилизационной экономики и конкуренции других европейских держав. Так амбициозная просвещенная российская элита невольно периодически оказывается перед дилеммой – либо свободная критика собственного правительства и “повреждения нравов” и унижительная ущербность подданного государства, проигрывающего войны, теряющего земли и отстающего от Европы, либо жестко дозированное сильной властью проявление индивидуальности фрондера и достоинство представителя сильной державы»⁴²⁸.

В начале XIX в. рост самосознания образованной части российского общества и определенная либерализация привели в более широкому применению понятия «гражданин» в общественном дискурсе. Как отмечает Д. В. Тимофеев (Челябинск), российские авторы этого времени признавали невозможность существования государства без граждан, обладающих не только обязанностями, но и рядом гражданских прав. Однако идея о гражданских правах, обеспечиваемых государством, дополняла привычную патерналистскую модель взаимоотношений гражданина и государства⁴²⁹.

Предметом исследовательского внимания является также российское дворянство эпохи Великих реформ, примерами чего стали работы Н. М. Селиверстовой (Москва) и В. П. Бариновой (Саратов)⁴³⁰. Авторы раскрывают такие стороны жизни дворянства, как статус, воззрения, степень приспособленности к новым экономическим реалиям, деятельность в земствах, дифференциация на либералов и консерваторов и т. д. Как отмечает В. П. Баринова, взаимоотношения поместного дворянства и правительства в начале XX в. были негибкими, либеральные воззрения не пользовались популяр-

⁴²⁸ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / [отв. ред. Л. В. Милов]. М., 2008. С. 7.

⁴²⁹ Тимофеев Д. В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX в.: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 102.

⁴³⁰ Селиверстова Н. М. Российское дворянство накануне и в период 60-х–70-х гг. XIX в.: состав, положение, деятельность: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. 40 с.; Баринова В. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2003. 40 с.

ностью, что в итоге способствовала кризису и крушению государственного строя⁴³¹.

Наряду со сравнительно новыми исследовательскими областями, продолжалась разработка достаточно традиционных проблем политической истории. Так, Ю. А. Сорокин рассмотрел эволюцию политической практики абсолютизма на примере правлений Екатерины II и Павла I⁴³², выявив как преемственность, так и различия между их деятельностью. Автор приходит к выводу, что, при всех отличиях в стиле управления, нет оснований считать оба правления принципиально разными. Царствование Павла переходило, это трансформация абсолютизма в самодержавие. По выражению Ю. А. Сорокина, «мать была абсолютной монархиней, сын попытался стать православным самодержцем»⁴³³. Очевидно, под «самодержавием» понимается политический режим, основанный на жестком подчинении официальной идеологии, бюрократизации и военизации, проявлением чего служит правление сына Павла I, Николая I⁴³⁴.

Обширное и разнообразное проблемное поле внутренней политики абсолютизма представлено работами, освещающими различные аспекты правления Алексея Михайловича⁴³⁵, Федора Алексеевича⁴³⁶, Анны Леопольдовны⁴³⁷, Елизаветы Петровны⁴³⁸, Екатерины II⁴³⁹. Особое внимание было уделено таким сферам внутренней политики, как экономика⁴⁴⁰, законодательная деятельность⁴⁴¹, цензура⁴⁴², отношения церкви и государства⁴⁴³

⁴³¹ Баринова В. П. Указ. соч. С. 37.

⁴³² Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века: Омск, 1999. 322 с.

⁴³³ Там же. С. 318.

⁴³⁴ Там же. С. 315–320.

⁴³⁵ Доукин А. В. Денежная реформа царя Алексея Михайловича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 16 с.

⁴³⁶ Делягин И. В. Высшая власть и управление в царствование Федора Алексеевича: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 19 с.

⁴³⁷ Козлов Д. В. Внутренняя и внешняя политика России в правление Анны Леопольдовны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 26 с.

⁴³⁸ Чикова В. А. Государственная власть, Православная церковь и духовенство в царствование Елизаветы Петровны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2017. 29 с.

⁴³⁹ Котова О. А. Государственная деятельность Екатерины II: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 15 с.

⁴⁴⁰ Гайнутдинов Р. К. Политико-правовая идеология меркантилизма в России XVII – первой четверти XVIII веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 39 с.; Носова Г. В. Государственная политика протекционизма и предпринимательства в России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 23 с.; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х гг. М., 1999. 384 с.

⁴⁴¹ Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2015. 240 с.

⁴⁴² Старкова Л. К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. 18 с.; Ячевский С. И. Цензурная политика царского правительства в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 16 с.

⁴⁴³ Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997. 188 с.; см. также: ее же. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002. 467 с.

и т. д. Совершенно отдельной областью рассмотрения стала эпоха дворцовых переворотов⁴⁴⁴.

Система государственных институтов и управления России времен абсолютизма представлена такими сюжетами, как деятельность Кабинета министров и Правительствующего Сената при Анне Иоанновне⁴⁴⁵, статс-секретарей при Екатерине II⁴⁴⁶, генерал-губернаторств при Александре I⁴⁴⁷, особых структур управления в пореформенную эпоху⁴⁴⁸ и т. д. Нестандартным ракурсом исследования стало выявление механизма принятия правительственных решений⁴⁴⁹. Отдельно представлена дворянская гвардия, как военная корпорация и уникальная структура в системе российской государственности⁴⁵⁰.

Изучение бюрократии традиционно для российских историков. В постсоветское время оно пополнилось такими сюжетами, как образовательная и нравственная составляющая приказных управленцев⁴⁵¹, функционирование бюрократии в Смутное время⁴⁵², дворянская служба и формирование руководящего состава органов управления при Петре I⁴⁵³, чиновничества и высшей бюрократии начала XX в.⁴⁵⁴ и др.

Особенное место в изучении российской бюрократии занимают работы Л. Ф. Писарьковой (ИРИ РАН), проследившей эволюцию российского управ-

⁴⁴⁴ Курукин И. В. Из истории складывания режима «бионовщины» // Отечественная история. 2003. № 2. С. 3–19; его же. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Там же. 1997. № 5. С. 3–23; его же. «Эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762) в контексте политической истории России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.

⁴⁴⁵ Савельева Е. Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 16 с.; Фаизов А. В. Правительствующий Сенат в 1730–1741 гг.: полномочия и компетенция // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 4 (35). С. 34–42.

⁴⁴⁶ Перишкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

⁴⁴⁷ Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.

⁴⁴⁸ Барыкина И. В. Государственное управление Российской империи второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2017. 54 с.

⁴⁴⁹ Шалашная В. М. Механизм принятия государственных решений в российской империи в эпоху преобразований Александра II (на примере военных реформ 1860-х – 1870-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.

⁴⁵⁰ Болтунова Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. 349 с.

⁴⁵¹ Юркин Н. Г. Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002. 26 с.

⁴⁵² Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. 656 с.

⁴⁵³ Пудина С. И. Дворянская служба в конце XVII – первой четверти XVIII в.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 26 с.; см. также: ее же. Вознаграждение дворянства за государственную службу в первой четверти XVIII в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 131–136; Селихов Е. А. Формирование руководящего состава органов государственного управления России конца XVII – начала XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 20 с.

⁴⁵⁴ Голечкова О. Ю. Высшая бюрократия Российской империи в конце XIX – начале XX века: А. А. Половцов и его окружение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 31 с.; Семин Г. А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 25 с.

ления от приказов до министерств – с конца XVII до первой трети XIX в.⁴⁵⁵ В масштабе долгой временной протяженности автор не только показывает структуру и механизм функционирования органов управления, взаимодействие центра и периферии, происхождение и формирование бюрократии, подготовку, службу, систему вознаграждений и наказаний чиновников, но и тенденции и проблемы работы российского государственного механизма. Л. Ф. Писарькова считает, что приказный аппарат управления был более целесообразен и лучше соответствовал взаимодействию центральной и местной власти, нежели созданная Петром I система: «Движение служилых и приказных людей, обеспечивающих единство управления в XVII в., было заменено движением бумаг. При огромных расстояниях и постоянном недостатке служащих сложное делопроизводство и бесконечная переписка были причиной волокиты и низкой эффективности управления, способствовали развитию злоупотреблений и взяточничества. Преобразования первой четверти XVIII в. явно не отвечали ни уровню развития общества, ни экономическим возможностям страны, ни традициям российской государственности»⁴⁵⁶. Управление Россией, по мнению Л. Ф. Писарьковой, стало циклическим и развивалось в плоскости «централизация» – «децентрализация»⁴⁵⁷.

Автор солидарен с российским историком права А. Д. Градовским в том, что Петр I создал в России систему «писаных учреждений», при которой речь идет не об естественном развитии на местной почве, а о постоянных «переделываниях системы». Когда после централизаторских Петровских реформ бумажный поток и бюрократия достигли критической массы, были проведены мероприятия по децентрализации. Когда этого оказывалось недостаточно для управления, власть вновь искала выход в централизации управления⁴⁵⁸.

Идеологическое обоснование легитимности и идеология абсолютной монархии достаточно подробно рассматривались в дореволюционной историографии. Советские историки уделяли этой проблеме значительно меньше внимания. Современными исследователями данная тема представлена весьма широко. В работе М. Л. Шмыковой (Ижевск)⁴⁵⁹ показаны особенности обоснования легитимности Романовыми, которые учли опыт

⁴⁵⁵ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007. 743 с.; ее же. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. 448 с.; ее же. Государственное управление России в первой трети XIX в. Становление министерской системы. М., 2019. 416 с.

⁴⁵⁶ Там же. С. 534.

⁴⁵⁷ Там же. С. 542.

⁴⁵⁸ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России ... С. 542–543.

⁴⁵⁹ Шмыкова М. Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 30 с.

правления Б. Годунова и Смуты. Ввиду этого, в обоснование прав новой династии были включены не только идеи династической преемственности, божественного промысла и всенародного избрания, но и тщательно выверенные частности⁴⁶⁰.

В диссертационном исследовании И. Ю. Мурашова (Омск)⁴⁶¹ продемонстрировано, как процесс развития государственной власти при абсолютизме отразился на статусе монарха. В частности, императрица Елизавета Петровна юридически, в рамках идеологии Просвещения, закрепила за собой право окончательного решения посредством «именных указов». Одновременно формировалось прецедентное право – из частного случая единоличного монаршего решения выводилось общее правило. Преобразования, проводимые Елизаветой, в конечном итоге, считает автор, вели к стиранию грани между понятиями «государство» и «монарх». При этом императрица дорожила поддержкой дворянства и делала все для ее обеспечения⁴⁶².

Ракурс исследования Г. В. Ибнеевой (Казань) – формирование и обоснование имперской политики Екатерины II на основании ее знакомства с имперским пространством путем предпринимаемых на протяжении 1762–1787 гг. путешествий⁴⁶³. Под имперской политикой автор подразумевает решение комплекса проблем, связанных с отношением к различным этноконфессиональным группам. Это организация управления периферией государства, создание эффективного взаимодействия центральной и периферийной элит, модернизация социальной структуры империи, обоснование имперской идеологии и практики. Екатерина руководствовалась принципами этнокультурной терпимости и религиозной толерантности. В ее имперской политике политическая лояльность ставилась выше этнического и религиозного единообразия⁴⁶⁴. Политические и религиозные воззрения сына Екатерины Павла I получили комплексное отражение в публикациях А. В. Скоробогатова⁴⁶⁵ и С. Л. Григорьева⁴⁶⁶.

⁴⁶⁰ Шмыкова М. Л. Идеологическое обоснование ... С. 25–27.

⁴⁶¹ Мурашов И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 26 с.

⁴⁶² Там же. С. 24–25.

⁴⁶³ Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. 43 с.

⁴⁶⁴ Там же. С. 3–4.

⁴⁶⁵ Скоробогатов А. В. Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация. автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 48 с.; его же. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М., 2005. 345 с.

⁴⁶⁶ Григорьев С. Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.

В работе С. В. Удалова (Саратов), посвященной идеологии времен Николая I⁴⁶⁷, еще раз подтверждается традиционное мнение о разрозненности в России государства и общества: «Общество практически полностью дистанцировалось от государственных дел. В свою очередь, государственная власть в лице мудрого самодержца оставляла за собой право контроля над обществом и даже вмешательства в его внутреннюю жизнь. Эта концепция, ставшая одним из составных элементов государственной идеологии, подкрепляемого политикой самого Николая I, пытавшегося решать все вопросы бюрократическими методами, основным принципом которого была “келейность”, не была лишена противоречий. Отсутствие в этом процессе какого-либо взаимодействия между правительством и общественными силами лишь усиливало социальную напряженность»⁴⁶⁸.

Д. В. Соловьев (Санкт-Петербург) в диссертации, посвященной идеологическим мероприятиям николаевского правительства⁴⁶⁹, указывает на их итог: несмотря на некоторые цензурные и идеологические послабления времен Крымской войны, все же «положительного ответа на вопрос, должна ли и может ли власть абсолютной монархии объяснять и пропагандировать среди подданных свои действия, Николай I не дал»⁴⁷⁰.

В отношении правления Александра III понятие «контрреформы» применяется все реже, будучи замененным на «консервативную стабилизацию» или «охранительное самодержавие». Комплексное освещение официальной доктрины и мероприятий Александра III содержится в работах Н. Ф. Гриценко (МИЭТ)⁴⁷¹.

Наконец, в целом ряде работ анализируются политические взгляды и деятельность Николая II и его окружения, в том числе нарастание великокняжеской оппозиции⁴⁷².

Представления о власти при абсолютизме, ее церемониале, символике, каналах трансляции стали изучаться в рамках новых направлений куль-

⁴⁶⁷ Удалов С. В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 20 с.

⁴⁶⁸ Там же. С.19–20.

⁴⁶⁹ Соловьев Д. В. Формирование политической лояльности в России в 1825–1856 гг.: «виды правительства», печать и общественное мнение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 24 с.

⁴⁷⁰ Соловьев Д. В. Указ. соч. С. 24.

⁴⁷¹ Гриценко Н. Ф. Официальная доктрина внутриполитического курса России конца XIX века: политические и духовные аспекты внутренней политики: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 43 с.; см. также: ее же. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. 240 с.; ее же. Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 99–108.

⁴⁷² Шишлянникова Г. И. Политические взгляды и государственная деятельность Николая II: 1881 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 24 с.; Софьин Д. М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2010. 29 с.; Петрова Е. Е. Великокняжеская оппозиция в России. 1915–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 22 с.

турной антропологии. В первой половине 2000-х гг. появилась сразу ставшая известной работа американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти»⁴⁷³, оказавшая значительное влияние на разработку указанной тематики.

Автор рассматривает власть как феномен общественного сознания, как ритуал, транслирующий заложенные по властному сценарию смыслы, выраженные в определенной знаковой системе. В России правители придавали ритуалу огромное значение, несмотря на то, что он требовал огромных затрат. Однако, как отмечает Уортман, действуя на воображение, созданные ритуалом представления привязывали подданных к престолу не меньше, чем вознаграждения за службу⁴⁷⁴. Книга Уортмана является изложением российской истории эпохи абсолютизма сквозь призму реализации заложенных в правлении каждого императора сценариев власти, продиктованных задачами развития страны. В работе, в русле антропологической парадигмы, созданы политические и психологические портреты Романовых и их окружения. Конечный вывод автора достаточно традиционен – в реализуемом Романовыми сценарии власти, ориентированном на завоевание и силу, в конечном счете, не нашлось места народу и гражданскому обществу⁴⁷⁵.

В начале XXI в. проблематика презентации власти стала предметом рассмотрения на международном уровне (например, в 2002 и 2003 гг. прошли два российско-германских коллоквиума в Геттингене и Москве⁴⁷⁶), а также раскрывалась в ряде исследований российских специалистов.

Так, в центре внимания профессора МГУ О. Ю. Захаровой находится этикет и церемониал власти, что предполагает анализ таких средств ее презентации, как коронации, военные парады, высочайшие выходы, церемониальные застолья, придворные балы, дипломатические приемы и т. д.⁴⁷⁷ И. И. Домнина (Санкт-Петербург) в семиотическом ракурсе рассматрива-

⁴⁷³ Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: [в 2 т.]. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. 608 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пильникова. М., 2004. 796, [4] с.

⁴⁷⁴ Там же. Т. 1. С. 18.

⁴⁷⁵ Уортман Р. Указ. соч. Т. 2. С. 705–706.

⁴⁷⁶ Кошелева О. Е. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эклее; [сост. М. А. Бойцов]. М., 2008. С. 78–94; Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Там же. С. 254–276; Шевырев А. П. Петербург и Москва: две столицы, два образа власти // Там же. С. 362–386.

⁴⁷⁷ Захарова О. Ю. Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 46 с.; ее же. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Коронации, дипломат. приемы, высочайшие выходы, рыцар. карусели, церемониалы, застолья, балы. М., 2003. 398 с.; ее же. Государственный церемониал как программа власти. М., 2014. 381 с.

ет жизненный цикл российских императоров – рождение, бракосочетание, похороны⁴⁷⁸.

Исследовательницы Н. Н. Виноградова (Волгоград) и М. О. Логунова (Санкт-Петербург) рассмотрели полярные для правителя церемонии – коронацию⁴⁷⁹ и похороны⁴⁸⁰. Коронация, указывает Н. Н. Виноградова, была важнейшим публичным мероприятием власти, трансляцией обществу ее образа и программы действий. В частности, коронация Александра II сопровождалась, с одной стороны, политическим кризисом после окончания Крымской войны, с другой – общественным подъемом и ожиданием провозглашения нового курса⁴⁸¹. Александр II последним из российских царей выступил на коронации в образе царя-реформатора и впоследствии отчасти оправдал его, проводя соответствующие преобразования⁴⁸².

По словам М. О. Логуновой, Петр I, как радикальный реформатор, изменил подход и к похоронам монарших особ в сторону придания им более светского характера, совместив русские и европейские элементы в их организации. Значительно удлинился промежуток между смертью и погребением, похороны «становились светской церемонией со своими декорациями, статистами, главными и второстепенными персонажами – политическим театром, что, впрочем, не отрицало важности присутствия религиозного начала и духовных лиц»⁴⁸³.

Московский историк С. А. Лиманова рассмотрела презентацию власти средствами имперских мероприятий при Николае II⁴⁸⁴ – похорон, коронации, юбилеев, парадов, крестных ходов, открытий памятников в Санкт-Петербурге и Москве, где власть «артикулировала» обществу свои задачи и систему ценностей. Автор делает вывод, что ко второму десятилетию XX в. сформировалась своеобразная философия презентации власти Николая II, основанная «на обращении к прошлому и безоговорочной вере в силу Провидения»⁴⁸⁵. Л. Н. Вдовина (МГУ) и Н. В. Бессарабова (ИРИ РАН) акценти-

⁴⁷⁸ Домнина И. И. История российского императорского двора. Формирование обрядов жизненного цикла российских императоров (первая четверть XVIII – середина XIX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 24 с.

⁴⁷⁹ Виноградова Н. Н. Коронация в России во второй половине XIX века как общественно-политическое явление: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004. 30 с.; см. также: ее же. Коронация Александра II: образ власти глазами современников (на основе анализа материалов прессы) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2008. № 2 (14). С. 28–37.

⁴⁸⁰ Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 21 с.

⁴⁸¹ Виноградова Н. Н. Коронация в России ... С. 28–29.

⁴⁸² Там же. С. 36.

⁴⁸³ Логунова М. О. Указ. соч. С. 17–18.

⁴⁸⁴ Лиманова С. А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 30 с.; см. также: ее же. Столичные торжества российской империи в царствование Николая II. М., 2017. 358 с.

⁴⁸⁵ Там же. С. 25.

рвали внимание на репрезентации власти Екатерины II – во время грандиозного праздника «Торжествующая Минерва»⁴⁸⁶ и во время путешествия императрицы по стране⁴⁸⁷.

Семиотическая составляющая репрезентации власти представляет собой отдельную проблему, нашедшую отражение в ряде работ российских историков. Е. В. Пчелов (Москва) рассматривает широкий круг проблем, связанных с символикой российской власти в различные эпохи. Царские регалии⁴⁸⁸, применяемые в изображениях цвета, числа, животные, астральные объекты⁴⁸⁹, портреты и имена⁴⁹⁰ представителей правящей династии выступают каналами трансляции соответствующих представлений. Венец, корона, скипетр, трон, пространство царского дворца имеют свою семантику, равно как и цвет (доминирующий – золотой, подчеркивающий сакральность власти, силу и богатство), числа (главное – три, отражающее Святую Троицу), животные (орел, грифон, единорог, лев – символы четырех евангелистов), демонстрируют как сакральность, так и преемственность и единство духовной и светской власти⁴⁹¹. Парадный портрет является не только средством репрезентации монарха – поза, жесты, окружающие предметы призваны создать определенное настроение у зрителя⁴⁹².

О. П. Святуха (Владивосток) раскрывает репрезентацию царской власти в портретах XVII в.⁴⁹³ Исследовательница указывает, что в общественном сознании XVII в., ввиду произошедших кризисов власти, понимание ее как патерналистской стало сочетаться с усиливающимся восприятием как чего-то, стоящего «над» обществом. Особенно очевидно это при анализе изображений, когда символы власти располагаются в центре, а фигуры правителей – по бокам, в положении предстояния⁴⁹⁴. Реалии формирова-

⁴⁸⁶ Вдовина Л. Н. Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» // Россия в средние века и новое время: сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 256–271.

⁴⁸⁷ Бессарабова Н. В. Путешествие Екатерины II по России в контексте внутренней и внешней политики (1763–1767, 1780–1787): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

⁴⁸⁸ Пчелов Е. В. Символика регалий российских государей: эмблематика и символическая преемственность // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 12 (74). С. 186–194.

⁴⁸⁹ Он же. Солнце и Луна в bestiарной символике русской культуры // Бестиарий антитез: сб. по статьям и материалам международной конференции. М., 2019. С. 80–85.

⁴⁹⁰ Он же. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 76–83.

⁴⁹¹ Он же. Символика российских государственных регалий: цвета и числа // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7(50). С. 140–152.

⁴⁹² Он же. Жесты и эмоции на парадных портретах российских монархов // Там же. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 3. С. 98–122.

⁴⁹³ Святуха О. П. Репрезентация царской власти в русских портретах XVII в. // История и культура. 2005. № 4. С. 94–106; ее же. Легитимизация царской власти в русских портретах XVII в. // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1 (5). С. 197–204; ее же. «Идея» государственной власти и «носитель» власти. Отражение проблемы в русском искусстве XVII в. // Там же. 2008. № 1 (11). С. 121–136.

⁴⁹⁴ Она же. «Идея» государственной власти и «носитель» власти. С. 128–136.

ния абсолютизма диктовали новые подходы и к костюму чинов государева двора, что раскрыто в диссертации Д. М. Коренева (Курск)⁴⁹⁵.

Средоточием и символом власти, центром управления и концентрации правящей элиты, законодателем культуры и этикета является двор, также получивший отражение как в общих работах, так и в монографиях Е. А. Световой, П. В. Седова, О. Г. Агеевой⁴⁹⁶.

Одним из наиболее обширных и популярных сегментов проблемного поля являются политические портреты представителей династии Романовых. Количественные параметры публикаций указывают на сотни книг и статей, точное число которых назвать невозможно. Статьи профессиональных историков заняли страницы не только научных журналов, но и популярной периодики, книги обо всех Романовых не раз выходили в серии «Жизнь замечательных людей».

Первый номер журнала «Родина» за 1993 г., посвященный 380-летию Дома Романовых, впечатлял диапазоном вопросов. Читателям предлагался целый массив информации – от осмысления феномена монархии до исповеди расстрелявших царскую семью. Статьи с названиями «Пролог», «Политика как искусство возможного», «Бессилие власти», «Странички летописи сумасшедшего дома» и другие, несмотря на публицистичность, заполняли новое проблемное поле. Выражением изменившихся установок стала и аттрактивная портретная галерея Романовых, дополненная анкетой для каждого монарха, на вопросы которой давали ответы историки. Анкета формировала представление не только о правителе, но и о его эпохе. Среди двенадцати вопросов – уровень образования, знание иностранных языков, политические взгляды, войны и их результаты, реформы и контрреформы, культурные инициативы, корреспонденты, путешествия, досуг и развлечения, чувство юмора, внешний вид, темперамент. Наконец, в этом же номере под рубрикой «Точка зрения» обсуждался вопрос, нужна ли в России 1990-х гг. монархия.

Анализируя создание портретов российских самодержцев, начавшееся еще в конце 1980-х гг., можно выявить не только его характеристики, но и ранжирование персоналий по группам. Критерием ранжирования выступают исследовательские стратегии, однако нужно учесть, что границы между группами не всегда четкие.

⁴⁹⁵ Корнев Д. М. Процесс централизации власти в Московском государстве и его отражение в костюме чинов государева двора и полка (вторая половина XVI – XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 21 с.

⁴⁹⁶ Светова Е. А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013. 212 с.; Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008. 604 с.; Агеева О. Г. Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М., 2006. 264 с.; Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008. 280 с.; ее же. Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. 440 с.; Несмеянова И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 24 с.

Так, фигуры Федора Алексеевича (1676 – 1682) и Иоанна Антоновича (1740 – 1741) были почти неизвестны, их образы создавались практически «с чистого листа». Федор Алексеевич, как показал исследователь России XVII в. А. П. Богданов⁴⁹⁷, был не только болезненным и номинально правившим братом будущего Петра Великого. Федор укрепил и расширил Боярскую думу, реформировал суд и приказы, отменил местничество, упорядочил налогообложение⁴⁹⁸. Он содействовал развитию образования, торговли и промышленности, приглашал зарубежных специалистов, предписывал носить европейское платье и даже регламентировал дуэли⁴⁹⁹. Правление Федора, считала Н. Ф. Демидова, проложило путь петровским преобразованиям⁵⁰⁰. А. Б. Каменский впервые в отдельной статье рассказал о трагической судьбе императора Ивана Антоновича и его родственников, чьи судьбы были загублены из-за близости этой семьи к власти⁵⁰¹.

Персоналии следующей группы традиционно определялись одной-двумя чертами, и в новых условиях ставилась цель создания их более содержательных портретов. Это Михаил Федорович (первый Романов на престоле), Алексей Михайлович (отец Петра I и царь, при котором было принято Соборное уложение 1649 г.), Екатерина I (выбившаяся из низов жена Петра I и бездарная правительница), Петр II (ничем значительным не проявивший себя внук Петра). Разумеется, фигуры первых двух Романовых несопоставимы по масштабу с ближайшими преемниками Петра. Тем не менее тщательно и подробно выписанные портреты Михаила Федоровича и Алексея Михайловича не приводят к существенным изменениям представлений об этих правителях.

Михаил Романов предстает человеком значительных моральных достоинств, которому пришлось взять на себя власть в разрушенном после Смуты государстве, восстанавливать страну и примирять в ней «всех и вся». К этому мнению пришли ряд исследователей России XVI–XVII вв. – Л. Е. Морозова⁵⁰², А. А. Преображенский, Н. Ф. Демидова⁵⁰³, Р. Г. Скрынников⁵⁰⁴. «Ему сначала надо было построить Дом Романовых и не дать никому разрушить или изменить задуманный проект. В этом он преуспел, остальное было делом его потомков», – правомерно утверждает исследователь истории Рос-

⁴⁹⁷ Богданов А. П. Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 63–70.

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Там же. С. 72–74.

⁵⁰⁰ Демидова Н. Ф. Пролог: Сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем // Родина. 1993. № 1. С. 126–127.

⁵⁰¹ Каменский А. Б. Иван VI Антонович // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 50–62.

⁵⁰² Морозова Л. Е. Михаил Федорович // Там же. 1992. № 1. С. 32–47.

⁵⁰³ Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на российском престоле. Изд. 2-е. М., 2007. С. 18–20.

⁵⁰⁴ Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М., 2005. 334 с.

сии XVII ст. В. Н. Козляков⁵⁰⁵. Положительно и отношение к Алексею Михайловичу, сложной, но гармоничной фигуре непростого XVII ст., переходному типу правителя между православным государем и абсолютным монархом⁵⁰⁶. «Тишайший» царь, по мнению авторов книги о первых Романовых⁵⁰⁷ и создателя его биографии И. Л. Андреева⁵⁰⁸, проводил весьма активную внешнюю политику и немало сделал для укрепления российского абсолютизма. А. Н. Боханов оценивает правление Алексея Михайловича как «период русского творческого подъема и в делах государственно-строительных, и во всех прочих областях национально-духовного созидания»⁵⁰⁹.

Что касается Екатерины I (1725 – 1727), то очерк В. И. Буганова⁵¹⁰ и книга Н. И. Павленко⁵¹¹ едины в выводах. В историю Екатерина вошла благодаря близости к Петру I⁵¹². Имея ряд положительных качеств, самостоятельной правительницей она не стала, но запущенная Петром государственная машина продолжала, хоть и напряженно, работать⁵¹³. Исследователь послепетровской России И. В. Курукин, однако, не так строг. Екатерина не была политическим гением, но она стала незаменимой помощницей для Петра и после его смерти в меру своих способностей управляла страной⁵¹⁴. Относительно же оценки личности Петра II (1727 – 1730) у историков разногласий нет. Петр – пешка в чужой игре, и значим для окружающих его интриганов лишь своим статусом⁵¹⁵. Н. И. Павленко, говоря о Петре II, и вовсе делает вывод о том, что после смерти Петра Великого России «не везло» на царей⁵¹⁶.

При создании портретов следующей группы персоналий доминирующей стратегией явилось снятие стереотипов. Это Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III и Павел I.

По мнению московского исследователя России XVIII–XIX вв. В. П. Наумова, недооценка роли Елизаветы Петровны в российской истории свидетельствует, прежде всего, о недостаточном понимании роли личности монарха в абсолютистском государстве⁵¹⁷. Е. П. Анисимов считает, что прав-

⁵⁰⁵ Козляков В. Н. Михаил Федорович. Изд. 2-е. М., 2010. С. 324.

⁵⁰⁶ Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 86.

⁵⁰⁷ Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на российском престоле. С. 334.

⁵⁰⁸ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 5–6.

⁵⁰⁹ Боханов А. Н. Царь Алексей Михайлович. М., 2012. С. 6.

⁵¹⁰ Буганов В. И. Екатерина I // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 48.

⁵¹¹ Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004. С. 6.

⁵¹² Буганов В. И. Екатерина I. С. 48.

⁵¹³ Павленко Н. И. Екатерина I. С. 6.

⁵¹⁴ Курукин И. В. Екатерина I. М., 2016. 397, [1] с.

⁵¹⁵ Анисимов Е. В. Петр II // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 62.

⁵¹⁶ Павленко Н. И. Петр II. М., 2006. С. 6.

⁵¹⁷ Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 70.

ление Елизаветы оказалось одним из самых мирных в российской истории, когда страна, «переболев» Петровскими реформами, адаптировалась к нововведениям⁵¹⁸. Развенчивая стереотипное представление о Елизавете как недалекой и ленивой, московский историк К. А. Писаренко утверждает, что эта правительница, активная во внешней политике, умела настоять на своей точке зрения. Она могла быстро и эффективно изменить ситуацию, а в нестандартности мышления мало кто мог с ней сравниться⁵¹⁹.

Рассказывая о Петре III, рассматривающий его правление А. С. Мыльников сразу расставляет акценты: ни о какой посмертной реабилитации речь не идет, нужно попытаться постигнуть правду⁵²⁰. Гибель Петра III, по мнению Мыльникова, это «смерть реформатора», хотя эта точка зрения разделяется далеко не всеми исследователями российского XVIII в.⁵²¹

Фигура Павла I уже не одно столетие ставит перед историками ряд вопросов. За что его убили? Какой от этого был результат? Могли ли события развиваться по-другому? На первый вопрос один их крупнейших исследователей истории феодальной России А. Н. Сахаров ответил так. В свое время Екатерина II предупредила сына о том, что нельзя воевать пушками против идей. Но именно так Павел и действовал. Волевыми усилиями, демонстрируя «деспотический экстремизм», он столкнулся с такими социальными (особенно элитными) пластами, которые плотно «улежались» в прежнее царствование и которые потревожить было особенно рискованно⁵²². Историк государства и права В. А. Томсинов считает, что убийцы императора руководствовались не идейными, а личными мотивами. После смерти Павла изменилась лишь внешняя политика, а внутри страны реформы проходили в основном по павловскому плану⁵²³. А если бы «безумец» Павел царствовал и далее... Очень возможно, что не было бы истощающих войн с наполеоновской Францией и неудачной для России Крымской войны. Крепостное право, скорее всего, было бы отменено на пару десятилетий раньше, а реформы происходили бы более благоприятно для общества⁵²⁴.

Пересмотр существующих представлений об Анне Иоанновне, однако, не смог наделить ее чертами обаятельной женщины, мудрой правительницы или хотя бы просто душевного человека. Ее «исторический

⁵¹⁸ Анисимов Е. П. Елизавета Петровна. 4-е изд. М., 2005. С. 414–415.

⁵¹⁹ Писаренко К. А. Императрица Елизавета Петровна (мифы и реальность) // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 152–165.

⁵²⁰ Мыльников А. С. Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 25.

⁵²¹ Мыльников, А.С. Указ. соч. С. 353–364.

⁵²² Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. С. 76.

⁵²³ Томсинов В. А. Император Павел I, реформатор и законодатель (к 200-летию со дня гибели): статья пятая // Законодательство. 2001. № 7. С. 86.

⁵²⁴ Томсинов В. А. Император Павел I ... С. 88.

имидж» не изменился⁵²⁵, и максимум возможного – это постараться не осуждать, а понять ее⁵²⁶. Более заметна тенденция отказа от целиком негативной оценки анненского правления как «бионовщины» и засилья иностранцев. По мнению Е. В. Анисимова, немцев при российском дворе было достаточно и раньше, и в последующее время⁵²⁷. Кроме того, Бирон, несмотря на все его недостатки, все же был разумным и волевым человеком, который старался не акцентировать свою роль в управлении⁵²⁸. И вообще, как считает известный исследователь послепетровской России И. В. Курукин, нужно смотреть на вещи шире: «Несомненно, Бирон был обязан своим возвышением личной привязанностью к нему императрицы, помнившей, что это русские дворяне встретили ее ограничительными “кондициями”... Однако подлинная историческая роль Бирона состоит том, что он оказался первым в нашей политической истории “правильным” фаворитом, превратившим малопочтенный образ ночного “временщика” в настоящий институт власти с неписаными, но четко очерченными границами. В какой-то степени и это явление можно рассматривать как шаг на пути “европеизации” России, хотя бы и весьма специфическим образом»⁵²⁹. Н. И. Павленко, напротив, был категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Он считал, что бионовщина – это реальный факт, в чем российские историки не сомневались. Это целый комплекс негативных явлений анненского правления. «Вопрос не праздный, – отмечал Н. И. Павленко, – ибо в последнее время среди части историков наблюдается поветрие считать устоявшуюся оценку событий прошлого “стереотипом”: ничтожные люди на троне возводятся в ранг крупных государственных деятелей, отрицается существование бионовщины»⁵³⁰.

Можно заметить, что описанные выше персоналии, часть из которых максимально отдалена во времени, а часть является персонажами «второго плана», слабо изменились под влиянием новой историографической ситуации. Тем не менее их портреты стали более сложными, что, как и стирание стереотипов, положительно. Период от Петра I до Екатерины II перестал восприниматься как нечто незначительное и начал характеризоваться такими названиями неоднократно переиздаваемых книг, как «Эпоха “дворских бурь”»⁵³¹ или «Страсти у трона»⁵³².

⁵²⁵ Анисимов Е. В. Анна Иоанновна // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 19–33.

⁵²⁶ Он же. Анна Иоанновна. М., 2004. С. 355.

⁵²⁷ Он же. Анна Иоанновна // Вопросы истории. С. 25–27.

⁵²⁸ Там же. С. 25.

⁵²⁹ Курукин И. В. Фаворит на десять лет. Незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне // Родина. 2000. № 9. С. 37.

⁵³⁰ Павленко Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002. С. 369.

⁵³¹ Курукин И. В. «Эпоха “дворских бурь”». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762). М., 2019. 757 с.

⁵³² Павленко Н. И. Страсти у трона. М., 2018. 336 с.

Следующую группу персоналий представляют два монарха с титулами Великих – Петр I и Екатерина II. В отношении их происходит не столько корректирование устойчивых представлений, сколько максимальная популяризация. Разнообразие политических настроений постсоветской России демонстрирует и превознесение, и порицание деятельности Петра I, но это сфера публицистики. Среди историков отношение к Петру более однозначное. Вот оценка Петра I, высказанная в книге Е. В. Анисимова «Императорская Россия»⁵³³: «Опросы общественного мнения показывают, что среди выдающихся деятелей России у Петра Великого нет соперников: он один привлекает более 50 процентов общественных симпатий... Это значит, что люди признают необходимость мирных реформ и ненужность революции. В любви к первому императору видно и сожаление об исчезнувшей империи... Здесь и восхищение людей сильной личностью, хозяином, ведущим народ вперед. А более всего здесь – преклонение перед безупречной государственной репутацией Петра Великого, который... жил только ради России, ради ее будущего»⁵³⁴. По количеству посвященных ему работ российских историков – Н. И. Павленко⁵³⁵, Е. В. Анисимова⁵³⁶, Я. Е. Водарского⁵³⁷ и др. – Петр I находится в тройке наиболее популярных российских монархов вместе с Екатериной II и Николаем II.

Екатерина II, которая, по словам А. Б. Каменского, в советской историографии не удостоивалась доброго слова⁵³⁸, в постсоветской оказалась настолько популярной, что, по мнению крупного исследователя ее эпохи и дипломата П. В. Стегния, «трудно сыскать даже потаенный уголок великой жизни, куда бы не заглянул пытливым взором отечественный или зарубежный историк»⁵³⁹. По мнению Стегния, это объяснимо – екатерининская эпоха сыграла системообразующую роль в развитии российского общества как во внутренней, так и во внешней политике⁵⁴⁰.

Более того, Екатерина стала популярной и у зарубежных исследователей – достаточно вспомнить работы профессора славистики Лондонского университета И. де Мадариага (1919–2014)⁵⁴¹ и Э. Каррер д' Анкосс⁵⁴². Еще

⁵³³ Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб., 2008. 640 с.

⁵³⁴ Там же. С. 164.

⁵³⁵ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. 591 с.; его же. Петр I. М., 2000. 428 с.; Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М., 2001. 494 с.; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 2010. 832 с.

⁵³⁶ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. 331 с.; его же. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. 448 с.

⁵³⁷ Водарский Я. Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–78.

⁵³⁸ Каменский А. Б. Под сению Екатерины... Вторая половина XVIII в. СПб., 1992. С. 12.

⁵³⁹ Стегний П. В. Хроники времен Екатерины II: 1729–1796 гг. М., 2001. С. 3.

⁵⁴⁰ Там же. С. 3.

⁵⁴¹ Мадариага И. де Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002. 976 с.

⁵⁴² Каррер д' Анкосс, Э. Екатерина II. Золотой век в истории России / пер. с фр. М., 2006. 448 с.

на рубеже 1980-х – 1990-х гг. с Екатерины было снято обвинение в демагогии и спекуляции просветительскими идеями. Однако слабости и недостатки императрицы отнюдь не замалчиваются – к ним относятся терпимо, считая главным то положительное, что было ею сделано для России. Масштабные психологические и политические портреты Екатерины II создали почти все современные исследователи XVIII в. – А. Б. Каменский⁵⁴³, Е. В. Анисимов⁵⁴⁴, Н. И. Павленко⁵⁴⁵, О. И. Елисеева⁵⁴⁶ и др.

К 200-летию со дня смерти императрицы были опубликованы две статьи под названием «Непоколебимая Екатерина» историка дореформенной России М. А. Рахматуллина. Непоколебимость – особое качество императрицы, на которое она сама указывала. Создавая психологический портрет императрицы, автор ставил задачу ответить на вопрос об объективности самооценки Екатерины⁵⁴⁷, и пришел к выводу, что в сфере управления, особенно во внешней политике, эта оценка была адекватной. Общее же отношение автора к императрице иллюстрирует окончание статьи, говорящее об определенных настроениях постсоветского общества: «Двести лет назад завершилось правление императрицы, еще при жизни по праву названной Великой. Благодаря ее разумной политике Россия прочно заняла место ведущей державы мира. С тех пор во главе страны сменилось более десятка самодержцев, вождей, генсеков, президентов. И что мы имеем сегодня?! Едва ли наши соотечественники отзовутся о своем времени так же восторженно, как это делали люди Екатерининской эпохи»⁵⁴⁸.

Общественная мысль и литература эпохи Просвещения в значительно большей мере, чем ранее, обращалась к внутреннему миру человека. Соответственно, в распоряжении историков оказался обширный массив дневников, мемуаров, записок, в том числе самой Екатерины II. Можно вести дискуссию о том, как редактировались ее «Записки» и какой образ себя она формировала. Более того, нельзя не согласиться с мнением санкт-петербургского исследователя М. М. Сафонова о том, что поколения историков транслировали не отвечающий реалиям образ императрицы, основываясь лишь на ее записках. Ни один из образов, созданный в записках Екатерины, указывает Сафонов, не соответствует действительности. Подлинная Екатерина – это женщина, создавшая оба образа. Ее задачей, очевидно, было скрыть свой подлинный облик, и задачей современных ис-

⁵⁴³ Каменский А. Б. Политика как искусство возможного // Родина. 1993. № 1. С. 148–155; его же. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. 288 с.

⁵⁴⁴ Анисимов Е. В. Императрица Екатерина Великая. СПб., 2007. 96 с.

⁵⁴⁵ Павленко Н. И. Екатерина Великая. Изд. 6-е. М., 2006. 495 с.

⁵⁴⁶ Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010. 635 с.

⁵⁴⁷ Рахматуллин М. А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 19.

⁵⁴⁸ Там же. С. 25.

следователей является его реконструкция⁵⁴⁹. Сафонов также достаточно жестко указывает на панегиричность и недостаточную научную проработанность многих публикаций современных профессиональных историков о Екатерине II⁵⁵⁰.

Тем не менее, ни один из российских правителей XVII–XVIII вв. не привлекал к себе столько внимания, в том числе с психологической точки зрения. Так, П. В. Стегний ведет речь о психологии власти, особенностях формирования и принятия политических решений Екатериной⁵⁵¹. О. И. Елисеева реконструирует душевную жизнь императрицы, применяя подходы психоистории. Вот, например, сюжет о детстве будущей императрицы. После жесточайшей трехнедельной простуды у принцессы Фике (так в детские годы называли Екатерину, которая до православного крещения носила имя Софья Августа Фридерика) искривился позвоночник и образовалась впадина в левом боку. Чтобы исправить это, девочка должна была несколько лет носить, не снимая, корсет, в котором было тяжело даже наклонить голову. «И это у девочки, которая еще недавно не знала, куда девать энергию!.. демонстрирует эмпатию О. И. Елисеева. – Именно тогда будущая императрица приобрела необыкновенно прямую величественную осанку, о которой писали все современники, а главное – в столь раннем возрасте научилась сдерживать свои порывы и жить в постоянном принуждении к стесняющим волю правилам. Этот горестный навык очень пригодился Екатерине в будущем»⁵⁵².

Отдельную группу персоналий составляют монархи XIX в., в отношении к которым на первое место выступает уточнение оценок их деятельности. Возрастает психологизм создаваемых характеристик, стремление понять внутренний мир императоров, воссоздать их интеллектуальный и духовный облик. По мере приближения к финалу монархии возрастают рефлексия и расхождение оценок историков, выводя к главной проблеме: почему произошли Февраль и Октябрь 1917 года?

Внутри названной группы монархов XIX в. четко выделяются две подгруппы – реформаторов и консерваторов. Персоналии царей-реформаторов – Александра I и Александра II – можно объединить не только по оценке их деятельности, но и по постановке в связи с этим проблемы «власть – реформы – общество», и поиска ответа на вопрос: в какой степени личность может изменить систему, элементом которой сама является?

⁵⁴⁹ Сафонов М. М. «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 81.

⁵⁵⁰ Он же. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113–128.

⁵⁵¹ Стегний П. В. Указ. соч. С. 6.

⁵⁵² Елисеева О. И. Указ. соч. С. 10–11.

В работах А. Н. Сахарова на основе психологического анализа создан рефлексирующий и драматичный образ Александра I – «северного сфинкса». Его «загадка» звучит так: «Как произошло, что он, ставший одним из самых ярких представителей самодержавной власти и абсолютизма на европейском континенте... превратился в рефлексирующего мистика, в сомневающегося грешника и одновременно в одного из правителей, исповедующего гуманные идеалы своего времени?»⁵⁵³ «Погружение» в историю жизни Александра показывает, что только лавирование было для него эффективной линией поведения как личности и правителя. Но главное – через всю жизнь император должен был пронести моральные муки вольного или невольного участия в убийстве собственного отца. А. Н. Сахаров отмечает: «Получив после убийства отца царство реальное, он потерял это царство в душе, которая не готова была нести столь тяжкий крест»⁵⁵⁴. Кроме того, императора преследовал страх перед возможным переворотом и понимание того, что усвоенные в юности реформаторские идеи не удастся в полной мере воплотить в жизнь. Пример отца и практика управления показала царю, что личность не может безопасно и произвольно изменять систему, к которой сама принадлежит. Отсюда – контрасты александровского управления, «жажда и боязнь реформ»⁵⁵⁵. Наконец, книга исследователя российского XIX в. Л. М. Ляшенко утверждает, что Александр I – самый непостижимый российский император, характер и поступки которого являются сочетанием противоречий, и вряд ли возможно понять его мятущуюся натуру⁵⁵⁶.

Александр II, по мнению Л. Г. Захаровой, выдающейся личностью не был, но сила обстоятельств заставила его затронуть государственную систему и поступиться традиционными понятиями⁵⁵⁷. Тем не менее у Александра был «инстинкт прогресса», а отсутствие фанатизма и жестких рамок позволили ему провести Великие реформы⁵⁵⁸.

Однако их оценки варьируются. Например, исследователь пореформенной России Е. П. Толмачев указывает, что они были прогрессивными, но в то же время половинчатыми и непоследовательными⁵⁵⁹. В предисловии к созданной Л. М. Ляшенко биографии Александра II, наоборот, ведется речь о

⁵⁵³ Сахаров А. Н. Александр I. 1998. С. 3–4.

⁵⁵⁴ Он же. Александр I (к истории жизни и смерти) // Российские самодержцы (1801–1917) / А. Н. Боханов и др. М., 1993. С. 54.

⁵⁵⁵ Сахаров А. Н. Александр I: жажда и боязнь реформ // Вестн. Российской академии наук. 1994. № 10. Т. 64. С. 938–943.

⁵⁵⁶ Ляшенко Л. М. Александр I. Самодержавный республиканец. М., 2014. 347 [5] с.

⁵⁵⁷ Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 58–79.

⁵⁵⁸ Она же. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 685.

⁵⁵⁹ Толмачев Е. П. Александр II и его время: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 31.

жизненном подвиге царя-освободителя⁵⁶⁰. Л. М. Ляшенко показал, насколько тяжело для человека постоянное нахождение в центре всеобщего внимания и обладание абсолютной властью. Александр II, будучи по натуре человеком новой, буржуазной эпохи, стремился сломать одиночество публичной власти. Будучи освободителем крестьян, он старался стать освободителем самого себя, желая в частной жизни быть просто человеком⁵⁶¹.

Деятельность царей-консерваторов, Николая I и Александра III, в условиях оживления традиционалистских настроений, приобрела новые оттенки трактовок. Почему правление Николая I, внешне такое блестящее, закончилось так печально, спрашивает С. В. Мироненко⁵⁶² и отвечает: мир изменился, а в России стремились только сохранить и укрепить то, что было⁵⁶³. Можно по-разному относиться к Николаю I, возможно, в чем-то одиозной личности, соглашается исследовательница николаевской эпохи Н. С. Киняпина. Однако именно этот царь был первым, кто понял евразийское положение России, и единственным из ее правителей, кто продуманно готовил наследника престола к управлению государством⁵⁶⁴. По мнению Санкт-Петербургского исследователя дореформенной России Л. В. Выскочков, Николай проводил последовательную политику ограничения крепостного права⁵⁶⁵, еще в 1826 г. осознав необходимость его отмены⁵⁶⁶.

Во время восстания декабристов поведение царя, который весь день был на виду у мятежных войск, убеждая их разойтись, а потом удивлялся, как его не убили, совершенно не характеризует его как деспота и труса⁵⁶⁷. После подавления восстания к суду был привлечен 121 человек. Виновные были поделены на 11 разрядов. Отнесенные к первому (31 человек) были приговорены к обезглавливанию, пять человек (П. И. Пестель, К. Ф. Рылев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин) были поставлены вне разрядов и приговорены к четвертованию. Доклад об этом был подан Николаю I, который указом от 10 июля 1826 г. даровал жизнь осужденным первого разряда, смягчил всем остальным степень наказания, а участь поставленных вне разрядов предоставил решению Верховного уголовного суда. Суд приговорил их к повешению. Когда царь узнал об этом, он сказал, что офицеров не вешают, но на этой позорной казни насто-

⁵⁶⁰ Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. Изд. 3-е, испр. М., 2010. С. 18.

⁵⁶¹ Там же. С. 328.

⁵⁶² Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы (1801–1917) / А. Н. Боханов и др.; отв. ред. А. П. Корелин. М., 1993. С. 93.

⁵⁶³ Мироненко С. В. Николай I. С. 154.

⁵⁶⁴ Киняпина Н. С. Николай I: личность и политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 6. С. 8–10.

⁵⁶⁵ Выскочков Л. В. Николай I. Изд. 2-е. М., 2006. С. 224.

⁵⁶⁶ Там же. С. 206.

⁵⁶⁷ Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 33–34.

ял А. Х. Бенкендорф⁵⁶⁸. Таким образом, личность Николая I при более пристальном рассмотрении оказалось полной оттенков и полутонов. Одним из изданий, дающих массив информации для размышления об этом императоре, является антология «Николай I: pro et contra»⁵⁶⁹, в которой собраны не только работы историков, но и публицистические, мемуарные, эпистолярные источники. В обобщающей историографической статье Л. В. Выскочков так определил осмысление личности Николая I в современной историографии: «Николаевская эпоха рассматривалась не как время подготовки реформ, а как период застоя и застывшего царства Кощея. Нет, он не нуждается в реабилитации, но распространенные стереотипы оценки его как человека и государственного деятеля еще долго будут довлеть над отечественной историографией, воспитанной в герценовско-декабристских традициях. Однако время однозначных оценок прошло»⁵⁷⁰.

По мере рассмотрения проблемы персоналий династии Романовых в современной историографии может возникнуть закономерный вопрос: не слишком ли идеализируются российские монархи и не впадают ли постсоветские историки в такую же крайность, как и советские, заменяя отрицательные оценки на положительные? Представляется, что приведенные примеры отвечают на этот вопрос. Происходит усложнение, проблематизация персоналий Романовых, новое их осмысление, но говорить об идеализации по меньшей мере поспешно. Тем не менее замечание о том, что «новейшие сторонники монархии» уподобляются советским историкам, только меняют минус на плюс⁵⁷¹, небеспочвенно. Речь идет об образах двух последних самодержцев – Александра III и особенно Николая II.

Александр III в интерпретациях современных историков, разумеется, не стал демократом или интеллектуалом, но симпатии к царю, прозванному Миротворцем, возросли. Сбалансированную оценку высказала, например, В. Г. Чернуха. Этот «добропорядочный обыватель и чудесный семьянин» нес чужое бремя самодержца, не владея соответствующими качествами и сам это понимая. Удар революции мог бы быть смягчен более гибкой и прогрессивной политикой⁵⁷². Но этого не произошло, а вера в необходимость самодержавия позволяла Александру III еще в начале управления делать такие заявления: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?»⁵⁷³ Пережив два психологических перелома – смерть

⁵⁶⁸ Капустина Т. А. Николай I. С. 34.

⁵⁶⁹ Николай I: pro et contra: антология. СПб., 2011. 966 с.

⁵⁷⁰ Выскочков Л. В. Император Николай I. Проблемы изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996 – 2005) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 79.

⁵⁷¹ Литвак Б. Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С. 15.

⁵⁷² Чернуха В. Г. Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 46–47.

⁵⁷³ Там же. С. 62.

старшего брата и гибель отца, Александр выбрал непоколебимый консервативный курс⁵⁷⁴.

По мере идейных трансформаций среди российских историков, александровские контрреформы стали называться «консервативной стабилизацией», при которой власть обратилась «к традиционным ценностям, и во внутриполитическом курсе получили распространение идеи... основанные на обновленной трактовке триады православие, самодержавие, народность. Русский монархизм базировался на патриархальном традиционном каноне, на основе представлений и норм, сформированных на протяжении многовековой истории и, практически без изменений, существовавших столетия»⁵⁷⁵.

Наибольшая же апологетика правления Александра III, когда Россия обрела «покой и уверенность», звучит в работах историка-монархиста А. Н. Боханова. Никаких «контрреформ», по мнению Боханова, не было, царь просто попытался «нажать на тормоза», а такие люди, как К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой, были нужны России⁵⁷⁶. «Сакральная природа монархии четко очерчивала возможности политического маневра системы... Русский царь – понятие религиозное, указывал А. Н. Боханов. – Религиозный же авторитет не подлежит реформированию»⁵⁷⁷.

Нужно отметить, что полемические книги А. Н. Боханова направлены против либеральной идеи как в прошлом, так и в настоящем. С другой стороны, резким оппонентом Боханова являлся профессор Саратовского университета Н. А. Троицкий (1931–2014). В статье «“На земле стоит комод...” Александр III: время, правление, личность»⁵⁷⁸ Троицкий, как специалист по истории народничества, аргументирует собственные оценки александровского правления как времени реакции, репрессий и мракобесия и утверждает, что оснований для восхвалений Александра III нет, «за исключением, разумеется, розовых очков на глазах восторженных поклонников»⁵⁷⁹. Эмоции, с какой бы стороны они ни выплескивались на страницы научных работ, являются не лучшим средством создания адекватной исторической картины. Однако нужно признать, что высказанное звучит лишь пожеланием, если речь идет о таком монархе, как Николай II.

⁵⁷⁴ Толмачев Е. П. Александр III и его время. М., 2007. С. 4.

⁵⁷⁵ Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. С. 6.

⁵⁷⁶ Боханов А. Н. Император Александр III. Изд. 5-е, М., 2009. С. 291–302.

⁵⁷⁷ Там же. С. 470.

⁵⁷⁸ Троицкий Н. А. «На земле стоит комод...» Александр III: время, правление, личность // Свободная мысль – XXI. 2000. № 5. С. 88–98.

⁵⁷⁹ Там же. С. 88.

Вокруг личности последнего российского императора, которому посвящено множество работ, идут не только исторические, но и политические баталии. Совершенно особой темой является канонизация Николая II и его семьи. Указанные обстоятельства позволяют рассматривать последнего самодержца как уникальную историческую персоналию.

Личность и правление Николая II уже давно являются самостоятельной темой историографических исследований⁵⁸⁰. По этой причине целесообразно указать лишь опорные точки в оценках последнего императора. Логика всех работ, посвященных Николаю II, приводит к «вечным вопросам» российской (а шире – постсоветской) историографии: почему произошли события 1917 г.? Чем они были для России? Была ли альтернатива?

Представители старшего поколения российских историков Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин взвешенно оценивают деятельность последнего российского императора⁵⁸¹. Если же вести речь о психологизме, то еще в 1991 г. Р. Ш. Ганелин попытался представить драму расставания царя с монархической властью⁵⁸². Для Николая II, человека верующего и правителя, воспитанного в осознании сакральности данной Богом власти, ограничить ее по своей воле было святотатством.

Тональность исследований, где идет речь о Николае II, колеблется от сдержанно критических (Е. С. Радциг⁵⁸³, О. Г. Малышева⁵⁸⁴), до апологетических, апеллирующих к сакральности самодержавной власти, представленных, прежде всего, книгами А. Н. Боханова. При этом Боханов не только создает собственную версию «правды царя», проводя психологический анализ его личности и «вживаясь» в образ императора⁵⁸⁵, но и развертывает свое видение причин кризиса и падения российской монархии⁵⁸⁶. По мнению Боханова, причины потрясений, постигших Россию, нужно искать в моральной эрозии общества, крушении монархизма как идеи, чего не смог бы предотвратить ни один правитель⁵⁸⁷. Представляется, что среди множества

⁵⁸⁰ Соколов Н. П. Николай II в отечественной литературе эпохи «перестройки» // Россия в Новое время: выбор пути исторического развития: материалы науч. конф. С. 12–15; Горбунова Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 26 с.; Фирсов С. Л. Образ последнего русского императора Николая II в современной отечественной исторической литературе // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 238–270.

⁵⁸¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76.

⁵⁸² Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 3–4.

⁵⁸³ Радциг Е. С. Николай II в воспоминаниях приближенных // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 134–146.

⁵⁸⁴ Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах: в 2 ч. Ч. 1: Власть и зарождение Государственной думы. М., 2001. 193 с.

⁵⁸⁵ Боханов А. Н. Император Николай II. Изд. 3-е. М., 2004. 565, [2] с.

⁵⁸⁶ Он же. Сумерки монархии. М., 1993. 288 с.

⁵⁸⁷ Он же. Император Николай II. С. 431–440.

работ, посвященных Николаю II, одной из наиболее удачных в содержательном и оценочном аспектах является книга санкт-петербургского историка С. Л. Фирсова⁵⁸⁸.

Наконец, новым явлением современной историографии стало написание специальных историографических исследований, посвященных рефлексии в исторической науке деятельности российских монархов⁵⁸⁹.

Таким образом, историографическая рефлексия российского абсолютизма в наши дни – это многослойный научный и социокультурный феномен, вобравший в себя актуализированное дореволюционное научное наследие, сохранивший влияние советской историографии и включивший ряд западных теоретических установок. Изменившиеся ценностные ориентиры, неизбежная идейная окрашенность рассматриваемых проблем, методологическая неоднородность, разветвленность и многослойность проблемного поля служат достаточным основанием для признания правомерности приведенного выше итогового тезиса.

⁵⁸⁸ Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010. 524, [2] с.

⁵⁸⁹ Гусев А. В. Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.; Донников А. В. Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 28 с.; Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 22 с.; Клименко А. В. Отечественная историография внутриполитического курса самодержавия в 1861–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 23 с.

Глава 8. Создание теоретической модели абсолютизма в контексте современной методологии

8.1. Современные контуры концепта абсолютизма

Последние десятилетия стали временем радикального переосмысления проблематики абсолютизма. Нужно, однако, заметить, что большинство предлагаемых трактовок абсолютизма не являются чем-то ранее неизвестным – в постсоветской историографии они воспринимались как новации в том смысле, что не имели широкого применения во время господства концепции «равновесия».

На базовом уровне концепт европейского абсолютизма представлен в учебной литературе, задача которой – системное изложение проблем в их наиболее устоявшихся интерпретациях. В учебных пособиях 2000-х гг. предлагается, например, такое его объяснение: «Абсолютизм – особая социально-политическая система, складывающаяся в период перехода от традиционного к индустриальному обществу и отражающая временный баланс социальных сил»¹. Генезис абсолютной монархии связывается с модернизацией и изменением социальной структуры и экономических основ общества, а также новыми формами социальной мотивации и картины мира. Возникновение абсолютизма стало отражением временного баланса формирующихся буржуазных и разлагающихся феодальных социальных сил². «Новые классы – новое государство» – так можно охарактеризовать этот подход³.

Очевидно, что в приведенных примерах налицо преобладание социологической модели в трактовке абсолютизма. Например, английский абсолютизм характеризуется так: «В научной исторической литературе существует некое общее представление об абсолютизме как форме политической власти в период феодализма на том этапе, когда феодальная система разлагалась, и ей на смену шел другой тип общественных отношений – капитализм. С точки зрения этого общего представления... Англия имела свой вариант абсолютной монархии»⁴.

¹ Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: учеб. пособие для студ. высш. уч. завед.: в 3 ч. Ч. 1. М., 2004. С. 93.

² Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: учебник для студ. вузов: в 3 ч. / [А. М. Родригес и др.]; под ред. А. И. Родригеса, М. В. Пономарева. Ч. 1. М., 2005. С. 92.

³ Евдокимова А. А. История раннего Нового времени. Эпоха Реформации. Ростов-н/Д., 2004. С. 29.

⁴ Маркова С. П. Англия эпохи Средневековья и Раннего Нового времени: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2012. С. 241.

С другой стороны, ряд учебных пособий демонстрирует приоритет правового подхода в понимании абсолютизма. Абсолютизм представляется как «политическая система, при которой в высшей степени централизованная государственная власть обладает значительным контролем над обществом»⁵. Для абсолютной монархии характерны «централизация, унификация и регламентация» управления⁶. Правовой критерий как определяющий очевиден, например, в изложении истории Франции раннего Нового времени, где акцентируется внимание на королевских прерогативах. Они рассматриваются и с точки зрения французских правоведов эпохи формирования абсолютизма, и с позиций современных оценок в историографии⁷. Выводя абсолютизм из сосредоточения власти в руках коронованных правителей, его характеризуют как особую форму правления, при которой монарху принадлежит верховная и неделимая власть в государстве. Вместе с тем отмечается, что номинальное сосредоточение суверенной власти в руках одного человека было недостижимо на практике, власть сохраняла правовой характер⁸. Несмотря на использование термина «абсолютизм», ни одна монархия не была в действительности неограниченной, король обязан был соблюдать «естественные законы», ограничивающие его полномочия⁹.

Особое место среди данной группы литературы занимает учебник для вузов «Английская революция XVII века»¹⁰ С. В. Кондратьева. Излагая систематизированный и насыщенный нарратив, автор вообще не применяет термина «абсолютизм» в описании политического порядка предреволюционной Англии. Характеризуя королевскую власть, С. В. Кондратьев выделяет в ней прежде всего два аспекта – правовой и социокультурный. Тюдоры и Стюарты, пишет автор, воспринимали свою власть как Божий дар, и теоретически монарх мог произвольно распоряжаться имуществом и жизнью своих подданных, однако практика была иной. «Странным образом представление о безграничной королевской власти в головах подданных уживалось с практическими, реально существующими, и, что еще удивительнее, декларируемыми ограничениями»¹¹, – обращает внимание С. В. Кондратьев

⁵ Полторац С. Н., Бунакова В. А., Ульянова С. Б. Отечественная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 127.

⁶ Отечественная история / И. Ю. Заорская [и др]. М., 2002. С. 541.

⁷ Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю. История Франции: учебник для высш. шк. М., 2005. С. 102–103.

⁸ Ревякин А. В. Новая история стран Европы и Америки: конец XV – XIX век: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2007. С. 75.

⁹ История Нового времени: 1600–1799 годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / под ред. А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. М., 2007. С. 32.

¹⁰ Кондратьев С. В. Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. завед. М., 2010. 192 с.

¹¹ Там же. С. 55.

и поясняет это далее: – Отмеченные ограничения просвещенные англичане склонны были подчеркивать, проводя различия между собственным управлением и континентальным, которое казалось им деспотическим»¹². Таким образом, современная учебная литература для высшей школы демонстрирует взаимное дополнение двух подходов – правового и социологического, соотношение между которыми варьируется.

Иная ситуация наблюдается при рассмотрении научных работ.

В наиболее значимом ныне в российской историографии «большом нарративе» – «Всемирной истории»¹³ – раннему Новому времени посвящен третий том. В главе, характеризующей социально-экономическое и политическое развитие периода, очевидно радикальное переосмысление социологического подхода. Последний если и присутствует в исследовательском дискурсе, то наполняется другим смыслом. Действительно, соглашается автор главы М. А. Юсим, на сегодняшний день не существует альтернативных или более исчерпывающих формулировок для характеристики XVI–XVII вв., чем сформулированные еще советской историографией «переход от феодализма к капитализму» или «генезис капитализма». При этом историки всего мира применяют понятия «капитализм», «капиталистическое производство», «буржуазия», далеко не всегда утруждая себя их уточнением¹⁴.

Далее автор высказывает мнение, с которым нельзя не согласиться не только применительно к «капитализму», но и к «феодализму», «абсолютизму» и т. д. «Видимо, объективное наличие некоторого ряда феноменов, скрывающихся за словом “капитализм”, представляется очевидным, – отмечает М. А. Юсим, – а копание в теоретических нюансах, некогда обязательное для советских историков (был ли тот или иной процесс уже капиталистическим или еще докапиталистическим, когда именно установился новый строй в той или иной стране – причем всегда со ссылкой на *verba magistri*), теперь выглядит схоластическим или в лучшем случае является уделом философов и социологов»¹⁵.

Не менее показательна и трактовка абсолютизма. Отмечая то, что марксистская социология объясняла его неустойчивым равновесием политического влияния дворянства и буржуазии, автор подчеркивает следующее. Во-первых, причудливость и разнообразие общественных институтов «не вписывается в схемы, нанизывающие все жизненные сферы на один

¹² Кондратьев С. В. Английская революция XVII века. С. 56.

¹³ Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. 857 с.

¹⁴ Всемирная история: в 6 т. Т. 3. С. 52.

¹⁵ Там же.

стержень»¹⁶. Во-вторых, абсолютизм являлся определенным «венцом государственного строительства» и развития политического сознания, в котором общее благо стало отождествляться с личностью государя¹⁷.

В главе, посвященной абсолютизму как тенденции развития государственности, В. Н. Малов, рассматривая условия оформления абсолютной монархии, на первое место выдвигает военный фактор. Тридцатилетняя и последующие войны потребовали огромных средств, взимать которые, испрашивая согласия у сословий, было затруднительно. Устранение этой необходимости и укрепление личной власти монарха Малов считает «важнейшим критерием перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии»¹⁸. Соответственно, в правовой сфере на смену идее «смешанной монархии» приходит теория единого и нераздельного суверенитета монарха. Важной составляющей европейской политической мысли было указание на то, что единоличная власть не означает деспотизма, а монарх несет ответственность не только перед Богом, но и перед страной¹⁹. На смену ренессансному идеалу правителя как героической личности пришел образ государя как идеального управленца, трудящегося на благо государства. В управлении страной надлежало руководствоваться рационализмом и эмпиризмом²⁰. Таким образом, во «Всемирной истории» акценты расставлены следующим образом: на первый план выступают военная и правовая составляющие, а социологическая носит фоновый характер и рассматривается как имманентно присутствующий компонент.

В том, что военный фактор выступает доминирующим в утверждении абсолютизма, уверен и доктор исторических наук С. А. Нефедов. Основываясь на теории «военной революции», он утверждает: «Два пика самодержавия – при Иване IV и Петре I – были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями, и, конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами»²¹. Соглашаясь с данным тезисом, нужно заметить, что идея «военной революции» не была чужда и российской дореволюционной историографии. Необходимость наступления и обороны, мобилизация всех сословий на службу государству, возникновение абсолютизма и закрепощение сословий в итоге – все это было представлено историками государственной школы.

¹⁶ Всемирная история: в 6 т. Т. 3. С. 56.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 482.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Всемирная история: в 6 т. Т. 3. С. 482–483.

²¹ Нефедов С. А. Теория военной революции: полвека спустя // Изв. Уральск. федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 138.

На геополитический и военный фактор обращает внимание и Л. И. Ивонина. Новый этап континентальных войн, гегемония Франции, адаптация и конкуренция государств сопровождались процессом, называемым Л. И. Ивониной «монархизацией». Для характеристики этого явления применяется, с известными уточнениями, термин «Старый порядок»²². Значительное внимание автор уделяет политической культуре абсолютизма. Справедливо отмечается, что если Король-Солнце и не достиг реальной монополии на власть, то он создал великолепную политическую культуру абсолютизма, воплощенную в Версале²³.

Функционирование двора, потестарная имагология, трансляция и восприятие власти – это проблемное поле в исследовании абсолютизма может претендовать на роль отдельной парадигмы. «Образы правят миром», а власть – категория не только правовая или социально-экономическая, но и символическая. Так, в предисловии к материалам двух коллоквиумов российских и германских историков в 2002 и 2003 гг. подчеркнута, что власть – это система образов, которыми оперирует человеческое сознание. Именно в них оно «формулирует» как свое отношение к действительности, так и реакцию на нее. Соответственно, «мы вправе описывать власть не как развитие правовых или политических норм, и даже не как совокупность предзаданных культурой установок, присутствующих в ментальности более или менее широких групп, а как постоянно идущий динамический процесс складывания, трансформации и распада образов, относящихся к идеям господства и подчинения»²⁴.

В 2016 г. была опубликована статья доктора исторических наук М. М. Крома²⁵, в которой автор не только провел историографический анализ существующих подходов к созданию модели государства раннего Нового времени, но и предложил свое видение этой проблемы. Понятия «государство Нового времени» (модерное государство) и «абсолютизм» у автора не являются тождественными, что совершенно правильно, так как формы европейской государственности рассматриваемого периода включали не только абсолютные монархии.

М. М. Кром, анализируя работы зарубежных историков, приводит следующие признаки новоевропейского государства. Это устойчивость в пространстве и времени, формирование безличных, относительно постоянных

²² Ивонина Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 104–105.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле; [сост. М. А. Бойцов]. М., 2008. С. 5–6.

²⁵ Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

политических институций, перенос лояльности с семьи, местного сообщества на государство²⁶, деперсонализация власти, т. е. отождествление ее не с личной волей монарха, а с идеей безличного государства как объекта всеобщего служения²⁷. Модерное государство имеет «военно-фискальное» происхождение, осуществляет монополию на насилие и сбор налогов, корректирует в своих целях такие институты, как церковь и право, и руководствуется идеологией национализма²⁸.

Говоря о начавшемся в 1984 г. европейском проекте по изучению современного государства («La genese de l'État moderne»), М. М. Кром указывает, что, несмотря на проделанную работу, «обширный собранный материал не был обобщен, итоговая концепция не выработана»²⁹. Однако возможно ли, рассуждая об эволюции государства, проходящей в течение нескольких столетий и вобравшей все разнообразие его форм в масштабе Европы, прийти к единому мнению относительно его определяющих черт?

Критикуемая М. М. Кромом рабочая программа, созданная по итогам проекта, несомненно, имеет уязвимые места. Предложенные ее участниками деперсонализация и бюрократизация власти, достаточный уровень концентрации капитала, наличие властного принуждения характеризуют новоевропейское государство. Однако они применимы, например, и к эллинистическим монархиям, и к императорскому Риму. М. М. Кром имеет основания и для критической оценки «операционной модели государства» (война как мотор, налоги как источники энергии и легитимность как принятие данного образа действий). Принимая во внимание все отмеченное, все же приходится полагать, что вряд ли некая общепринятая модель современного государства появится в обозримом будущем.

Предметом особой критики М. М. Крома выступает гипотеза «диффузии» западноевропейской модели государства в другие страны и регионы, выдвинутая французским историком Ж.-Ф. Жене. По Крому, эта гипотеза «не имеет под собой серьезных оснований», поскольку не описан механизм распространения государственных институтов из Западной Европы в другие части континента»³⁰. В данном контексте М. М. Кром приводит следующую аргументацию: «Хорошо известны случаи заимствования юридических кодексов и отдельных правовых норм, военных и инженерных технологий, образовательных учреждений (университетов). И распространение Реформации в XVI в. – тоже исторический факт. Но можно ли себе

²⁶ Кром М. М. Государство раннего Нового времени. С. 4.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Там же. С. 6–7.

²⁹ Там же. С. 7–8.

³⁰ Там же. С. 9.

представить заимствование целиком формы правления, налоговой системы и характера отношений государя с его подданными, например, монархами Восточной Европы у их западных «коллег»? Мне, во всяком случае, подобные примеры неизвестны»³¹.

Еще в 1971 г., выступая на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР, Л. В. Черепнин в своем заключительном слове по докладу о складывании абсолютизма в России сказал: «Я не могу понять, как можно заимствовать тип государства, которое является продуктом социально-экономического развития. Можно заимствовать какие-то правовые нормы, институты, учреждения, но невозможно заимствовать тип государства»³². Таким образом, М. М. Кром, несколько перефразируя, высказал ту же мысль, что и Л. В. Черепнин. Действительно, оба уважаемых автора правы. Заимствовать форму правления целиком невозможно, так как невозможно создать на другой почве общество, породившее заимствуемый феномен. Однако можно заимствовать идеологические установки, правовые и культурные нормы, организацию системы управления и т. д. – подобные примеры в избытке предоставляет, например, эпоха Петровских реформ в России, а в более широком смысле – просвещенный абсолютизм в общеевропейском масштабе.

Это – культурный трансфер, выступающий важнейшим механизмом социокультурного обмена и социальной коммуникации на различных уровнях. В данном контексте уместно привести также примеры проникновения и восприятия западноевропейского влияния в России, описанные М. Раевым в его книге «Понять дореволюционную Россию»³³. Целесообразно указать и на вышедшую в 2008 г. коллективную работу, посвященную восприятию и адаптации европейских идей и практик в России³⁴. Содержание концепции диффузионизма, а также созданная в соответствии с ней модель, раскрывающая процесс диффузии европейских инноваций в России, продемонстрированы в докторской диссертации Е. В. Алексеевой³⁵.

М. М. Кром предлагает собственную модель государства раннего Нового времени. В самых общих чертах, модерное государство – это переход-

³¹ Кром М. М. Указ. соч. С. 9.

³² Черепнин Л. В. Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.)» // Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма: сб. ст. М., 1981. С. 210.

³³ Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи / пер. с фр. Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. London, 1990. 304 с.

³⁴ «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М., 2008. 255 с.

³⁵ Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 45–47.

ная форма от патримониальной монархии к легальному и бюрократическому порядку. Для него характерно делегирование властных полномочий и деперсонализация управления, влияние народного представительства и коллективных петиций, а также унификация религиозной жизни, поставленной под государственный контроль. Суть же модели государства раннего Нового времени может быть определена как единство в многообразии³⁶.

Представляется, что такой ракурс верен, особенно в отношении западноевропейских стран, прошедших путь от абсолютных монархий к республикам и конституционным монархиям XIX в. Вместе с тем, применительно к России необходимы уточнения. В Российской империи абсолютизм сохранился до начала XX в. Даже учитывая бюрократизацию, унификацию, подчинение церкви государству, все же нельзя вести речь о деперсонализации управления России в такой же мере, как это было в Западной Европе. Российский император-самодержец, как помазанник Божий и национальный символ, продолжал оставаться для широких народных масс лично воспринимаемым «царем-батюшкой».

В 2006 г. вышла публикация А. Н. Медушевского «Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX в.)»³⁷, где проблематика абсолютизма проработана максимально аналитично. Автор указывает на три основных подхода в интерпретации абсолютизма – юридический, социологический и исторический³⁸. Медушевский предлагает определять абсолютизм как форму становления национальных государств Нового времени. Эта форма, продолжает он, если рассматривать ее как идеальный тип, характеризуется следующими чертами:

- формированием нации и национального самосознания;
- стремлением к созданию в определенных национальных границах рациональной системы военного, административного и финансового управления;
- созданием такого консенсуса между обществом и государством, при котором последнее берет на себя основное бремя модернизации первого;
- проведением правовой унификации, систематизации и централизации управления;
- реализацией монархического суверенитета, как идеологического постулата, правового принципа и механизма управления;

³⁶ Кром М. М. Указ. соч. С. 10–15.

³⁷ Медушевский А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX вв.) // Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до кризиса. М., 2006. С. 84–117.

³⁸ Там же. С. 84.

– создание новой административно-бюрократической вертикали власти, устраняющей возможность автономного и независимого общественного мнения³⁹.

Нужно отметить, что трактовка А. Н. Медушевского представляется одной из наиболее удачных, причем акцент делается на «целевые установки» абсолютистского государства.

Таким образом, в рамках проекта *l'État moderne* абсолютизм может рассматриваться как временная и локальная разновидность современного государства. При трактовке абсолютизма как формы управления (то есть ближайшего синонима понятия «абсолютная монархия») уместен правовой подход. Если же под «абсолютизмом» понимается общество с особой социокультурной спецификой (Старый порядок), то представляется эффективным весь арсенал культурной антропологии.

Абсолютизм, как вариант современного государства, в свою очередь может быть раскрыт в совокупности составляющих его характеристик. Так, если А. Н. Медушевский рассматривает абсолютизм как идеальный тип с позиции его «конечных целей», не менее правомерно представить это явление в конкретно-историческом ракурсе и специфике характеристик. Их количество и взаимное дополнение, во-первых, еще раз доказывают невозможность сведения концепта абсолютизма к некоему знаменателю и, во-вторых, позволяют выявить следующие составляющие интегративной модели абсолютизма:

- хронотопический;
- правовой;
- военный;
- социологический;
- ментальный.

В концепте абсолютизма хронотоп выступает как единство его пространственных и временных параметров. Данная характеристика представляется базовой, так как маркирует то, что подразумевается под понятием «абсолютизм», указывая на время и место его существования. В медиевистике и новистике под абсолютизмом понимается особый тип государства Западной Европы и России, форма управления которого представляет юридически не ограниченную наследственную монархию. Абсолютизм господствовал в Западной Европе раннего Нового времени, то есть в XVI–XVIII вв., а в России сохранился до начала XX в. Данное уточнение необходимо ввиду того, что понятие «абсолютизм» может наполняться различным содержанием. Так, с одной стороны, Н. И. Кареев считал древневосточную

³⁹ Медушевский А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении ... С. 87.

деспотию, эллинистические монархии, власть римских и византийских императоров и европейский абсолютизм явлениями одного порядка⁴⁰, с другой – абсолютные монархии существуют в современном мире.

Хронологические характеристики европейского абсолютизма весьма важны для системного понимания этого явления. Например, Западная Европа XVI–XVIII вв. предстает как целостный цивилизационный феномен. Ему присущи специфические природные, демографические, территориальные, экономические, социальные, политические, культурные, ментальные, гендерные и иные характеристики. Соответственно, без учета перечисленного квалифицированное рассмотрение абсолютной монархии в отдельных странах представляется затруднительным.

Правовой аспект в концепте абсолютизма занимает важнейшую позицию. Фундаментальность его доказана не только рецепцией в средневековой Европе идей римского права, деятельностью легистов и идеологов суверенитета королевской власти. Так, Ж. Боден утверждал: необходимо, «чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям»⁴¹.

Именно правовой подход был применен историками в качестве концептуальной основы в осмыслении абсолютизма во второй половине XIX – начале XX в. Его правомочность и устойчивость были подтверждены и на протяжении XX в. Более того, востребованные ныне исследования в области политической культуры, символики и презентации власти, социальных представлений и т. д. восходят к проблематике правовой культуры и практики.

Большая роль военного фактора в создании абсолютных монархий не вызывает сомнений. Наличие в распоряжении правителя армии и финансовых средств не только демонстрирует его потенциал власти, но и реализует его, примером чего является деятельность курфюрста Бранденбурга-Пруссии Фридриха Вильгельма. Обоснование западноевропейскими юристами идеи королевского суверенитета долго бы ждало своего воплощения, если бы монарх не располагал вооруженными силами для борьбы с аристократией и ближайшими претендентами на престол. Разумеется, покупка лояльности всегда была эффективным средством, однако принуждение военными средствами было не менее действенно. Эти средства приме-

⁴⁰ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» СПб., 1908. С. 3–4.

⁴¹ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. М., 1970. С. 146.

няли, например, и Людовик XI, и Иван Грозный. Потребности расширения границ и обороны вызывали не только заимствования у соседей, но изменяли внутреннюю политику абсолютизма и состояние общества. В свою очередь, для проведения этих масштабных мероприятий было необходимо усиление власти, и наиболее ярким примером этому могут послужить Петровские реформы в России.

Вместе с тем, роль военного фактора коррелируется с геополитическим положением, размером территории, обеспеченностью страны ресурсами, а ее правительства – денежными средствами. Кроме того, экстраординарные меры государства в условиях военного времени сопрягаются с ментальными факторами соответствующего общества. «Мнение о том, что события Тридцатилетней войны и Смуты способствовали триумфу абсолютистских тенденций в политической теории и практике Европы, как Западной, так и Восточной, является общим местом в историографии»⁴², – отмечает в связи с этим П. Ю. Уваров. Действительно, абсолютизм, обладающий значительной военной и финансовой силой, мог достаточно быстро концентрировать ресурсы, а наличие армии ослабляло сопротивление налогоплательщиков. Однако не все было так однозначно. Часто опустошение карманов подданных и перенапряжение страны приводили к социальному взрыву. В Испании это потеря Португалии и части Каталонии, во Франции – Фронда, в России – «бунташный век», а о том, «во что вылилось лишь стремление монарха более свободно собирать налоги и распоряжаться ими по ту сторону Ла-Манша, – подводит итог Уваров, – вообще лучше не вспоминать»⁴³.

Социологический аспект в модели абсолютизма, или то, что называется социально-экономическим развитием, долгое время был господствующим и директивно поддерживаемым, что может объяснить существующую ныне долю скепсиса по отношению к нему. Однако такая реакция скорее эмоциональная, нежели профессиональная. Социально-экономическое развитие – это состояние общества и экономики – важнейших ресурсов любого правителя. Можно рассуждать о том, что первично – качества личности или условия, в которых она действует, но нельзя разделить субъекта деятельности и условия его деятельности.

Отказ от концепции «равновесия» в том виде, в каком она применялась советскими историками, тем не менее не разрешил вопросов, назревших

⁴² Уваров П. Ю. «Событийная история» и «история-проблема» на фоне общеевропейского кризиса XVII в. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / отв. ред. В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. М., 2018. С. 14.

⁴³ Уваров П. Ю. «Событийная история» ... С. 15.

уже более полувека назад. Более того, вряд ли возможно ожидать четких ответов на них в ближайшее время. Абсолютизм развивался в обществе, переходном от традиционного к индустриальному, оно характеризовалось определенной структурой и уровнем экономического развития. Что бы ни подразумевалось под «капитализмом», «феодализмом», «дворянством», «буржуазией» и другими подобными понятиями, невозможно абстрагироваться от соответствующих явлений, при анализе которых надлежит использовать весь арсенал современных методов и подходов.

Ментальный аспект в модели абсолютизма охватывает сферу культурных, этических, интеллектуальных, ценностных, рациональных, иррациональных и подобных установок и особенностей, характерных для больших и малых социальных групп, а также отдельных личностей. Изучение ментальности, предпринимаемое в различных ракурсах и включающее множество сюжетов, непосредственно связано с такими направлениями исторических исследований, как психоистория, микроистория, история повседневности, символика власти, политическая культура и рядом других.

Абсолютизм является формой правления в государстве, где неразделимы светская и церковная власть, высшие церковные иерархи управляют наравне с монархом, личность и деяния которого сакральны для подданных. Абсолютный монарх возвышается не над гражданами, а над подданными, регулируя их жизнь – публичную и частную – на основе идей общего блага, государственного интереса, службы Отечеству и т. д. Тираноборческие и демократические доктрины, равно как и крестьянские войны и восстания, не отменяют этого обстоятельства.

При абсолютизме невозможно переоценить значимость двора. Это – средоточие и символ власти, образец для подражания, центр управления государством. Наконец, личность монарха, как носителя верховной власти и просто человека, обладающего индивидуальными психологическими характеристиками, неизменно вызывает интерес не только у специалистов.

Охарактеризованные выше аспекты концептуальной модели абсолютизма, за исключением хронологического, являющегося базовым, не представляется возможности ранжировать или провести между ними четкую грань. Абсолютная монархия – это сложнейшее системное явление, развивающееся во времени и пространстве под влиянием множества факторов. Их сочетание и степень воздействия различаются в количественном и качественном отношении, при этом необходимо учитывать эффект их совокупного действия.

8.2. Концепт абсолютизма в условиях терминологической и понятийной ревизии

Более полувека назад, начиная дискуссию 1968–1972 гг., исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех подчеркнул: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии»⁴⁴.

Через три десятилетия, в конце 1990-х, Ю. А. Сорокин, изучавший Россию павловской эпохи, выразился следующим образом: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина “абсолютизм”... после 1972 г. изучение теоретических проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным»⁴⁵.

В 2007 г. П. Ю. Уваров указал на факт того, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях»⁴⁶.

В 2012 г. Л. И. Ивонина акцентировала внимание на том, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего нового времени никогда не кончится, и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие “абсолютизм” перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов»⁴⁷.

В 2014 г. К. С. Чернов, констатировал, говоря о российском абсолютизме: «До сих пор не дано четкого определения абсолютизма, не определены ни критерии, ни хронологические рамки этого явления, не предложена его периодизация»⁴⁸.

В 2016 г. М. М. Кром, изучающий проблемы новоевропейской государственности в свете компаративного подхода, высказался по обозначенной

⁴⁴ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82.

⁴⁵ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография. Омск, 1999. С. 29.

⁴⁶ Уваров П. Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) // Искусство власти: сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 237.

⁴⁷ Ивонина Л. И. Монархизация правителей и государств ... С. 105.

⁴⁸ Чернов К. С. Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 128.

проблематике так: «И хотя некоторые историки продолжают настаивать на полезности этого термина в ограниченном, прежде всего юридическом, смысле, уже ясно, что понятие “абсолютизм” не может служить концептуальной рамкой общеевропейской модели государства раннего Нового времени»⁴⁹.

Спор о том, насколько адекватно наше познание отражает действительность, продолжается уже не одно тысячелетие. Не вызывает сомнений лишь одно: понятия и термины условны, они принимаются и отвергаются по мере осмысления эмпирических данных и лишь в известном приближении отражают реальный объект.

В свете сказанного становятся понятными кризис социологической модели абсолютизма, дискуссия 1968–1972 гг. и ее итоги, когда для коррекции модели абсолютизма, в формат которой плохо вписывался эмпирический материал по российской истории, были внесены поправки. Затем последовали методологические трансформации конца 1980-х гг. и, наконец, радикальные изменения постсоветской исторической науки.

Одним из них стала понятийная и терминологическая ревизия. Традиционные и воспринимавшиеся устойчивыми понятия перестали быть таковыми – оказалось, что схемы историков противоречат данным источников. В свете гносеологического релятивизма и сама работа историка начала трактоваться лишь как конструирование версий, более или менее подтверждающихся эмпирическими материалами. Некогда воспринимавшаяся цельной и логичной, канва истории стала распадаться, на смену созданию систематизированных нарративов пришел разбор частных проблем. Содержание и дальнейшее применение таких понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «Средние века» и т. д. стали объектом дискуссий. В частности, критика термина «абсолютизм» основывалась на тезисе о том, что абсолютная власть монарха на практике таковой не являлась.

Выше уже говорилось о книге Н. Хеншелла «Миф абсолютизма», автор которой, указывая на некорректность термина «абсолютизм», отмечает заложенное в нем искаженное понимание реалий раннего Нового времени. «Как в Англии, так и во Франции *ancien régime* имели консультативные и прерогативные механизмы, соответственно ограниченную и абсолютную сторону. Однако XIX столетие воспринимало абсолютную монархию только как альтернативные системы управления, – разъяснял Хеншелл. – Такая точка зрения стала фатальной для понимания периода, когда правительства не могли легитимно функционировать без использования обоих

⁴⁹ Кром М. М. Указ. соч. С. 5–6.

механизмов»⁵⁰. Пришло время, подытоживает Хеншелл, «закрывать занавес над увлечениями предыдущего столетия. Сохранять название “абсолютизм”, изменяя большую часть его содержания – полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям. Кажется, нет нужды далее продлевать ему жизнь»⁵¹.

Нужно отметить, что на сегодняшний день многое из указанного Хеншеллом утратило свою остроту. Однако главная проблема в отторжении термина «абсолютизм» осталась: монархия, называемая абсолютной, на самом деле таковой не была⁵². Несомненно, имеет смысл и утверждение британского историка Н. Дэвиса о том, что в понятие «абсолютизм» в эпоху его существования вкладывалось самое разное содержание⁵³, что дополнительно усложняет поиск оптимальной на сегодняшний день дефиниции. Однако, к сожалению, оба уважаемых автора не предлагают никаких терминологических альтернатив.

Венгерский историк Я. Поор, говоря о понятиях абсолютизма и просвещенного абсолютизма, в 2006 г. подвел весьма неутешительный итог, отметив следующее: «Понятия абсолютизма и просвещенного абсолютизма более 150 лет служат в исторической науке предметом более или менее содержательной интеллектуальной игры и остаются таковыми по сей день. Невозможно дефиницией отметить на вопрос, что такое абсолютизм или просвещенный абсолютизм, как нельзя определить, что такое Просвещение. Но этим понятиям не только нельзя дать дефиницию, их невозможно и аналитически интерпретировать»⁵⁴. Характеризуя степень осмысления абсолютизма, Я. Поор обращается к сентенции Августина Блаженного, которую можно перевести так: «Если никто не спрашивает меня, я знаю; но если бы я хотел объяснить это тому, кто должен спросить меня, то, очевидно, я не знаю». Я. Поор подводит черту следующим образом: «несмотря на поучительную истинность этого мудрого трюизма, исследователи уже более полутора столетий неустанно пытаются ответить на не имеющие ответа вопросы»⁵⁵.

Спорить с Августином Блаженным о бесконечности познания и ограниченности разума – занятие не только бессмысленное, но и говорящее не

⁵⁰ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. СПб., 2003. С. 239.

⁵¹ Там же. С. 240.

⁵² Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 69–71.

⁵³ Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т. Б. Менской. М., 2004. С. 426.

⁵⁴ Поор Я. О понятии просвещенного абсолютизма // Судьба двух империй: российская и Австро-Венгерская монархия от расцвета до кризиса. М., 2006. С. 69.

⁵⁵ Там же. С. 69.

в пользу ума спорящего. Наоборот, «мудрый трюизм» Августина становится еще более верным, если учесть относительность возможностей языка как знаковой системы и аберрации языкового перевода.

То, что обозначается средствами языка как «абсолютизм», существовало как явление истории и существует как концепт исторической науки. И «игры ума», безусловно, полезны в научном сообществе, члены которого, обладая внушительными знаниями, понимают при этом не только друг друга, но и резонность сказанного Августином. Тем не менее, сколь бы пафосно это ни звучало, как бы ни был несовершенен наш разум и язык, необходимо, по мере возможности, транслировать суть явления «абсолютизм», как минимум, в образовательную среду.

Там, однако, положение выглядит по-другому. Сказать «я не знаю», конечно, можно, и даже иногда нужно. Но если это принять как руководство к действию, то результат утраты понятий будет фатальным. Каковы перспективы этого в сочетании с верой в «конец истории», вопрос риторический.

Не случайно П. Ю. Уваров указывал, что «нужно найти определения хотя бы для преподавания, иначе курс истории вновь превратится в перечень фактов политической истории и сборник анекдотов»⁵⁶. Он оценивал сложившуюся ситуацию так: «Происходит не вполне честная операция: берут обветшавшее понятие как минимум пятидесятилетней давности и накладывают его на эмпирический материал, добытый с помощью всей палитры современных подходов... И затем с радостью констатируют, что понятие к данной реальности неприменимо, поскольку эта реальность обладает, как оказалось, некими признаками, в него не укладывающимися... Вроде бы все знают слова “идеальный тип” и даже “исследовательская утопия”, все уже слышаны о том, к каким ошибкам может привести приписывание объективного существования этим “исследовательским утопиям”»⁵⁷.

Выходов из этой ситуации, с точки зрения П. Ю. Уварова, может быть три. Первый – признать, что время общих понятий и больших нарративов ушло и настала эпоха узких специалистов и микросюжетов. Второй путь – отбросить устаревшие понятия и придумать новые. Наконец, третий путь, на котором и предлагается сконцентрировать усилия, – подумать о том, можно ли приспособить старые понятия к современным условиям, и если можно, то как это сделать⁵⁸.

Точка зрения автора не претендует на однозначное решение терминологической проблемы абсолютизма, да и вряд ли это возможно. Однако ситуация в этой области позволяет высказать некоторые суждения.

⁵⁶ Уваров П. Ю. В поисках «феодализма» // Одиссей, 2006. М., 2006. С. 6.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же.

Действительно, в научной среде наступила эпоха узкой специализации. Об этом свидетельствует то внимание, которое уделяется уникальному в истории, структурам повседневности во всем их многообразии, отдельно человеку, семье, социальной группе и т. д. Данные обстоятельства обусловлены всем комплексом современных подходов – от антропологического поворота до дискурс-анализа в сочетании с психоисторией. Но разве это делает неактуальным написание масштабных работ? Большие нарративы нужны как систематизированное повествование, формирующее относительно цельную, логичную и, следовательно, познаваемую историческую картину. Превратившись же в совокупность специальных работ для профессионалов, история перестанет выполнять свои социальные функции со всеми выходящими из этого последствиями. Разумеется, приведенные аргументы в условиях постмодерна и «конца истории» могут оспариваться. Но каков результат подобных споров на сегодняшний день?

Отбрасывания устаревших понятий и терминов и введения новых является естественным процессом. Говоря об упразднении одних понятий и терминов и введении других, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, новый термин и его определение должны «снимать» вопросы, вызвавшие его появление. Если этого не происходит, то введение нового термина ничего не даст, кроме терминологической путаницы. Во-вторых, появление и исчезновение терминов – это естественный, зачастую долгий процесс, где вряд ли уместно форсирование. В-третьих, следует задуматься о том, что мало поддающийся формализации понятийный аппарат исторической науки формировался не одно столетие, значения ряда терминов изменялись, многие понятия демонстрируют проверенную временем устойчивость. Наконец, нельзя сбрасывать со счета и конвенциональный фактор в науке, и устоявшиеся традиции восприятия⁵⁹.

В отношении термина «абсолютизм», не единожды и небезосновательно отвергаемого, но имеющего тем не менее устойчивые коннотации, очень велико желание найти адекватную замену. Для начала можно обратиться к определениям, применяемым в эпоху существования самой абсолютной монархии. Королевская власть характеризовалась как «совершенная», «суверенная», «единовластная». Она могла быть «законной» и «деспотической» в зависимости от соблюдения монархом прав подданных. В связи с обоснованием суверенности королевской власти Ж. Боден ведет речь о монархии совершенного могущества⁶⁰. Перечисленные определения, выступающие и как эпитеты, несомненно, экспрессивны и образно передают

⁵⁹ Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 66–67.

⁶⁰ Омельченко О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 8.

идею абсолютной монархии, будучи включенными в идеологический и политический дискурс эпохи.

Однако для дефиниции абсолютизма как сугубо исторического явления, рассматриваемого с временной дистанции в несколько столетий, указанные характеристики малопригодны, в первую очередь ввиду иных подходов. Разумеется, действующая ныне система терминов не является каноничной, однако приведенные определения неизбежно вызовут ряд вопросов. Если монархия «совершенная», то что имеется в виду под «несовершенной»? Суверенный монарх может быть и конституционным, а словосочетание «единовластная монархия» вообще является тавтологией.

Терминологический ряд возможных аналогов в российской исторической науке может быть представлен «деспотизмом», «самодержавием», «цезаризмом», «автократической монархией», «неограниченной монархией», но почти все они несут достаточно конкретную смысловую нагрузку, не указывающую в должной мере на западноевропейскую специфику того, что обозначается как «абсолютизм». Кроме того, можно ли отождествлять европейский абсолютизм с «деспотизмом», отражающим, прежде всего, отсутствие правовых гарантий у подданных, или «самодержавием», указывающим на специфику российской монархии, этапом развития которой был абсолютизм? «Автократическая» переводится с греческого как «самодержавная». Не создаст ли терминологической путаницы «самодержавие» и «самодержавная монархия»? «Цезаризм» акцентирует внимание на узурпации власти как ее основном признаке, но в новоевропейском контексте выдвигать этот критерий на первое место – значит, в большинстве случаев, игнорировать исторические факты. «Неограниченная монархия» выступает как синоним «абсолютной монархии» и может быть принята как ближайший по смыслу к «абсолютизму» термин⁶¹. В современной исторической литературе это имеет место, однако говорить о замене термина «абсолютизм» на «неограниченную монархию» пока преждевременно.

Говоря об абсолютистской Европе, уместно вспомнить такую характеристику абсолютизма, как «классическая монархия», характерную для исследований историков школы «Анналов». Например, П. Шоню (1923–2009), вслед за Вольтером называя Европу XVII в. классической, демонстрируя непрерывность интеллектуальных и социальных процессов XVII и XVIII вв.,⁶² ведет речь о классическом государстве⁶³. Понятие «аб-

⁶¹ Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 68.

⁶² Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2005. С. 8–10.

⁶³ Там же. С. 27.

солютизм» Шоню обрисовывает в следующих чертах. При абсолютизме «король обладает абсолютной властью в той степени, в какой он является источником всякой власти, источником закона»⁶⁴. Однако король действует в лоне Королевского Совета и фундаментальных законов. Абсолютный монарх, отмечает Шоню, гораздо меньше, чем современное государство, вмешивался в сферу частного права, в сферу римского права или обычая⁶⁵. Французская монархия раннего Нового времени является «классической» и для Э. Ле Руа Ладюри. Она охватывает период 1450–1789 гг. и, по мнению историка, соответствует «весьма удлинённому по времени» Старому порядку⁶⁶. При этом временной отрезок 1610–1774 гг. Ле Руа Ладюри связывает с «упрощенным термином “абсолютизм”, хотя это можно было бы, следуя бальзаковской лексике, назвать по-королевски широким “поиском абсолюта”, который не всегда увенчивается успехом»⁶⁷.

Не менее популярным терминологическим аналогом абсолютизма была «ренессансная монархия», выступая одновременно и как противопоставление «абсолютизму». Это понятие, не раз предлагаемое зарубежными историками, в свое время стало предметом отдельного рассмотрения А. Д. Люблинской⁶⁸, с выводами которой в общем можно согласиться. Действительно, формы абсолютизма разнообразны. Во Франции, например, «ренессансное государство» существовало в XVI – первой половине XVII в., затем был абсолютизм «века Людовика XIV», а в XVIII в. – государство «эпохи Просвещения»⁶⁹. Западные исследователи расценивали недостаточную сильную власть правителя как определяющую черту ренессансной монархии⁷⁰. Однако, считает А. Д. Люблинская, вряд ли правомерен метод прямого соотнесения культуры и типа государства. Ренессансная монархия – это не что иное, как ранний абсолютизм, а не особый тип государства⁷¹. Проблема в том, что, по справедливому замечанию Люблинской, растянутость процесса усиления центральной власти делает проблему раннего абсолютизма трудной для исследования. Обычно эта стадия с ее неясными формами анализируется ретроспективным путем – от стадии абсолютизма завершенного. Однако при таком ракурсе рассмотрения проявляются лишь

⁶⁴ Шоню П. Цивилизация классической Европы. С. 542.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / пер. с фр. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М., 2004. С. 7.

⁶⁷ Ле Руа Ладюри Э. Указ. соч. С. 6.

⁶⁸ Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 7–14.

⁶⁹ Там же. С. 7–8.

⁷⁰ Там же. С. 9.

⁷¹ Там же. С. 10–11.

те черты абсолютизма, которые в дальнейшем развились в классическую монархию, а прочие остаются в тени⁷².

Нужно отдельно сказать о возвращенном ныне в науку термине «Старый порядок». Однако и он – «ancien régime» – отнюдь не свободен от негативного подтекста. Так, Н. Хеншелл отмечает, что в 1789 г. революционеры давали определение «ancien régime», чтобы вынести ему приговор⁷³, а далее либеральным историкам XIX в. «нравилось изображать эпоху «ancien régime» пыльным складом устаревших идей и учреждений⁷⁴.

В дореволюционной российской историографии термины «абсолютизм» и «Старый порядок» применялись параллельно, но если под первым подразумевалась преимущественно система управления, то под вторым – система общественных отношений. Н. И. Кареев, определяя абсолютизм как политический и социальный строй Европы Нового времени, акцентирует внимание на следующем терминологическом оттенке. Когда с началом Французской революции начался период крушения абсолютизма, тогда и появился термин «Старый порядок», обозначающий учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, а также им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах⁷⁵. Представляется, что замена «абсолютизма» на «Старый порядок» правомерна, но в широком смысле, если под абсолютизмом понимать весь комплекс политических и социальных отношений.

Абсолютизм, разумеется, может быть определен как модерное государство, однако это не синоним, а часть характеристики. Модерное государство, какие бы коннотации не вкладывались в это понятие, все же гораздо шире, чем понятие «абсолютизм». Новоевропейский политический ландшафт был представлен такими, например, республиками, как Швейцарская конфедерация, Венеция, шляхетская Речь Посполитая (ее характеризуют и как конституционную монархию), республика Соединенных провинций. Непростой задачей является выяснение формы правления в Священной Римской империи.

В обобщающих работах последних лет термин «абсолютизм» широко употребляется в сочетании с пояснениями. Так, в третьем томе «Всемирной истории» понятие «абсолютизм» сопровождается целым ассоциативным рядом. Это и «абсолютная власть монарха», и «ничем по сути неограниченный суверенитет единоличного государя», и вывод о том, что «абсолютизм

⁷² Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе. С. 12.

⁷³ Хеншелл, Н. Указ. соч. С. 235.

⁷⁴ Там же. С. 217.

⁷⁵ Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. С. 1, 4–5.

явился определенным венцом государственного строительства и развития политического сознания»⁷⁶.

В изданной в 2005 г. «Истории Франции» система управления страной при последних Валуа также оценивается как абсолютизм. При этом отмечено, что при невиданном ранее усилении власти монарха существовали ее ограничения, а ресурсы королевской власти в середине XVI в. были еще очень малы⁷⁷, и «для XVI в., если и можно говорить об абсолютизме, то лишь как о его ранней стадии»⁷⁸. Напротив, монархия Людовика XIV характеризуется как расцвет абсолютизма. Она названа административной или административно-судебной. Аргументацией для такой оценки служит то, что королевская власть более не довольствуется традиционной ролью арбитра, но активно руководит и управляет⁷⁹.

Этой же точки зрения придерживаются авторы коллективной монографии «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время»⁸⁰, заменив в своей работе «абсолютизм» на «абсолютную монархию» и называя ее «бюрократической». Складывание абсолютной монархии связывается со специализацией государственного аппарата и формированием бюрократии, что сделало технически возможным исключительную концентрацию власти в руках монарха⁸¹.

Подводя итог, можно сказать следующее. В настоящее время термин «абсолютизм» оказывается максимально близким по значению к терминам «абсолютная монархия» и «неограниченная монархия». Рассматривая абсолютную монархию как этап в развитии государства Нового времени, уместно применять все уточняющие это понятие эпитеты – «ренессансная», «административная», «бюрократическая», «классическая», «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм» и т. д.

Для разрешения противоречия между формально «абсолютной» властью монарха и практикой правления обоснованно задаться таким вопросом. С одной стороны, в европейских странах налицо сила местных традиций и местного самоуправления, суверенных судов, сословных прерогатив, общественного мнения – например, во Франции. Однако существовал ли в этой либо другой монархической стране орган управления или социальный институт, который мог легитимно и реально ограничить права короля? Такое случилось только после «славной революции» в Англии. В остальных

⁷⁶ Всемирная история: в 6 т. Т. 3. С. 56.

⁷⁷ Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю. Указ. соч. С. 101–103.

⁷⁸ Там же. С. 103.

⁷⁹ Арзаканян М. Ц., Ревякин А. В., Уваров П. Ю. Указ. соч. С. 150.

⁸⁰ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: [монография] / отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С.10.

⁸¹ Там же. С. 10.

государствах с абсолютистской формой правления правители находили рычаги воздействия на сословные представительства, хотя и испытывали в этом подчас значительные трудности. Таким образом, в формально-юридическом аспекте власть монарха была неограниченна.

С учетом сказанного, наиболее близким к современному пониманию абсолютизма является его определение, предложенное авторами энциклопедического словаря «Всемирная история государства и права», вышедшего в 2001 г.⁸²: «Абсолютизм (лат. absolutus – независимый, неограниченный) – формально неограниченная феодальная монархия, самодержавие. Одна из форм государственного правления, при которой юридически верховная власть (законодательная, исполнительная и судебная) в полном ее объеме принадлежат монарху. Соответственно, в государстве нет органа, который бы юридически ограничивал его полномочия. При А. достигается наибольшая (в условиях феодализма) степень государственной централизации, создается разветвленный бюрократический аппарат (судебный, налоговый и т. д.), большая постоянная армия и полиция; деятельность типичных для сословной монархии органов представительства или прекращается, или теряет прежнее значение»⁸³.

Таким образом, если идти по предложенному выше П. Ю. Уваровым третьему пути – приспособлению старых терминов к новым условиям, то нужно признать, что это имеет смысл, но, поскольку речь идет о приспособлении, придется смириться с неизбежными допущениями.

Второй путь, указанный главой российских медиевистов, – найти подходящую замену термину «абсолютизм», в принципе возможен, но далеко не прост. Выше уже был оценен целый ряд терминологических аналогов, и результат оказался достаточно предсказуемым. На сегодняшний день представляется наиболее целесообразным перейти к более нейтральной в стилистическом плане «абсолютной монархии», что по факту произошло. Более того, термин «абсолютная монархия» вписывается в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, – в котором ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов⁸⁴. Однако следует иметь в виду, что термины «абсолютная монархия» и «абсолютизм» не тождественны. Абсолютная (неограниченная) монархия

⁸² Абсолютизм // Всемирная история государства и права: энциклопедический словарь / под ред. А. В. Крутских. М., 2001. С. 6–7.

⁸³ Там же. С. 6.

⁸⁴ Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии ... // Диалог со временем. С. 71.

есть, прежде всего, форма государственного управления. Термин же «абсолютизм» ассоциируется с политическим режимом и социальной системой, и это необходимо учитывать.

Итак, какой итог можно подвести? Очевидно, что в свое время применение термина «абсолютизм» было вызвано в первую очередь необходимостью подчеркнуть негативные черты абсолютной монархии как силы, противостоящей народу и общественному прогрессу. Из этих же соображений в советской историографии были введены в употребление «царизм», «царское самодержавие», «феодально-абсолютистский строй», «феодально-крепостническое самодержавие», «крепостническое самодержавие» и т. д., в настоящее время ставшие анахронизмами. Однако термин «абсолютизм» оказался достаточно жизнеспособным, и, несмотря на претензии к его наполнению и предложения заменить, вряд ли последнее произойдет в ближайшем будущем.

И понятие «абсолютизм», и обозначающий его термин, несмотря на известные оговорки, имеют устойчивые коннотации, вобравшие в себя в том числе и коррективы последних десятилетий, заключающиеся в признании власти монархов абсолютной лишь формально. В связи с этим можно вести разговор о конвенциональности в применении термина «абсолютизм». Однако дело не только в этом.

На сегодняшний день, в случае упразднения термина «абсолютизм», адекватная ему замена будет состоять из двух словосочетаний. Это «абсолютная монархия» (как форма государственного управления), и «Старый порядок» (как характеристика новоевропейского общества). Весьма сомнительно, с точки зрения функционирования языка, применение четырех слов там, где можно применить одно. Да, термин «абсолютизм» может быть отменен. Однако действие принципа «наименьшего усилия» (он же закон «экономии») в языке, очевидно, окажется сильнее⁸⁵. Существующая ныне в историографии ситуация это демонстрирует, хотя, разумеется, ни о какой директивной отмене терминов речь не идет. Термин «абсолютизм», с пояснениями и оговорками, функционирует в научном пространстве, возглавляя целый ряд аналогов – «абсолютной монархии», «неограниченной монархии», «Старого порядка», «самодержавия». В свою очередь, в дискурсе историка абсолютная монархия может быть «ренессансной», «классической», «бюрократической», «административной», «просвещенной», и, возможно, этот ряд определений будет пополняться в перспективе.

⁸⁵ Величко А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 12–16.

8.3. Абсолютные монархии Западной Европы и шляхетская республика Речи Посполитой в свете задач компаративного подхода в отечественной историографии (к постановке проблемы)

Компаративный подход в исторической науке, демонстрируя объекты в сравнительном ракурсе, выводя на их панорамное и углубленное видение, является одним из наиболее эффективных. Сказанное не только верно применительно к изучению государственных институтов абсолютных монархий Западной Европы и системы управления Речи Посполитой, но и может быть продуктивно реализовано в современной белорусской историографии.

В отечественной исторической науке период XVI–XVIII вв. долгое время находился на периферии исследовательского интереса, и причины этого коренились в идеологической направленности советской историографии. Перипетии советско-польской войны, итогов Рижского мира, межвоенных отношений Польши и Советского Союза, а также кануна Второй мировой войны приводили к однозначным политическим установкам руководства СССР, обязательным для советских историков. Соответственно, комплекс проблем развития Великого Княжества Литовского XVI–XVIII вв. интерпретировался преимущественно как угнетение белорусского народа польскими феодалами и католической церковью, а Речь Посполитая рассматривалась как неизменный источник агрессии, экспансии и конфессионального давления на белорусские земли.

Так, через полторы недели после начала Второй мировой войны, 10 сентября 1939 г., в Институте истории Академии наук СССР происходило заседание сектора истории Средних веков. На повестке дня было обсуждение плана работы на 1940 г. Выступала З. В. Мосина, на тот момент готовящая к защите кандидатскую диссертацию, посвященную абсолютизму Генриха IV. «Было бы нам интересно провести хотя бы в конце 1939 года конференцию и поставить вопрос об абсолютных монархиях», – предложила она и тут же обратилась к другому сюжету: «И я выдвигаю тут, как очень важный, своевременный, вопрос о польском государстве. Теперь такой большой интерес к Польше, которую бьют на наших глазах, что своевременно показать, как складывалось это государство, какой злостный характер имело оно в XVI веке. Нужно по-боевому развернуть это дело, распределить задачи. У нас есть группа специалистов по отдельным странам. Нужно подготовить три-четыре выступления»⁸⁶.

⁸⁶ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 55. Л. 99.

Обширная статья В. И. Пичеты «Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии», вышедшая в 1939 г., ярко передает описанную выше установку. Разделы статьи «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против панской Польши в XVI–XVII веках» и «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против панской Польши в XVIII веке» содержали соответствующие трактовки, обязательные для советских историков вплоть до 1980-х гг.⁸⁷

При таком подходе множество проблем внутреннего развития Речи Посполитой и, в частности, Великого Княжества Литовского оказывались вне рассмотрения. Особенно много сюжетных пробелов было в изложении истории XVII в. Даже в трехтомной «Истории Польши», и сегодня ценной ввиду фактического материала, не нашлось специального раздела для характеристики государственных институтов, особенностей политической и сословной культуры, системы управления, попыток рецепции элементов абсолютизма, кроме упоминания о намерении Владислава IV укрепить свою власть во время Тридцатилетней войны⁸⁸.

С сожалением констатируя такое положение, нужно отметить, что еще в дореволюционный период существовала тенденция, обратная описанной выше. В 1917 г. М. К. Любавский в лекциях по истории западных славян дал развернутое и корректное обоснование необходимости изучения Речи Посполитой. «Значительная часть Руси около двух с половиной веков обрелась в составе польской Речи Посполитой. Из-за этой Руси наше собственное национальное государство вело вековую борьбу с Польско-Литовским государством, окончившуюся не только соединением Западной Руси с Восточной, но и присоединением части собственно Польши к Русскому государству. Почему борьба между Россией и Польшей имела такой, а не другой исход, ответ на этот вопрос нужно искать, конечно, не только в истории России, но и в истории Польши, в ее внутреннем развитии и международных отношениях, – аргументирует Любавский и продолжает: – Затем: в состав Русского государства Польша вошла с известным историческим наследием... Это наследие поляки изо всех сил старались сохранить и приумножить, доходя в этом даже до попыток восстановить Польшу от моря и до моря. Этим стремлением обязано своим происхождением немало фактов новейшей русской истории, при объяснении которых историку приходится считаться с вышеупомянутым историческим наследием Польши»⁸⁹. В начале главы, посвящен-

⁸⁷ Пичета В. И. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Историк-марксист. 1939. № 5–6. С. 67–98, 86–89, 89–92.

⁸⁸ История Польши: в 3 т. Т. 1 / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954. С. 234–235.

⁸⁹ Любавский М. К. История западных славян. Изд. 3-е. М., 2004. С. 16.

ной системе управления, государственным институтам, сословным прерогативам в XVI–XVIII вв. Любавский подчеркивает: указанный политический строй без особых изменений существовал в Речи Посполитой более полутора веков, он обусловил многие явления ее истории, и в нем же нужно искать причины политической смерти страны во второй половине XVIII в.⁹⁰

Не меньшее внимание политическим институтам Речи Посполитой уделял Н. И. Кареев. Говоря в сборнике статей «Polonica» о том, что Польша пала жертвой собственной анархии и «безнарядья», Кареев предлагает не ограничиваться констатацией этого факта, а искать объяснения и не сводить их к особенностям польского национального характера⁹¹. Кареев не только раскрывает особенности государственных институтов Речи Посполитой, но и делает это на основе компаративного подхода. Сопоставления, сравнения, синхронизации являются для Кареева эффективными средствами раскрытия специфики политических институтов Речи Посполитой в контексте развития этой страны в абсолютистской Европе, что успешно продемонстрировано в «Историческом очерке польского сейма»⁹².

В советской исторической науке также признавалась важность и продуктивность сравнительно-исторического метода. Профессор МГПИ им. В. И. Ленина И. И. Полосин (1891 – 1956), изучая опричнину, обратился к спорам о ней на сеймах Речи Посполитой, что позволило сопоставить политическую культуру и границы власти монархов в обеих странах. Результаты и перспективы исследования были оценены Полосиным в 1945 г. так: «Польша XVI в. не знала опричнины русского типа. Тем интереснее проследить за развитием элементов королевской опричнины даже в панской Польше, изучить дебаты на польских сеймах XVI в. о королевской власти, об ее основах, ее правах, ее свойствах. Польша не знала и не могла знать опричнины: тем интереснее своеобразные польские споры об опричнине»⁹³.

Более полувека назад, на советско-итальянской конференции историков в 1968 г., при обсуждении проблем абсолютизма о безусловной полезности компаративного метода высказался Б. Ф. Поршнев. Он подчеркнул следующее: «Но ведь есть же в науке и метод негативного рассуждения. Не вся же Европа была абсолютистской. Есть какие-то очень важные отклонения и исключения; и, когда мы их глубоко разбираем, мы получаем нечто очень весомое для дальнейшего развития теории абсолютизма»⁹⁴.

⁹⁰ Любавский М. К. История западных славян. С. 383.

⁹¹ Кареев Н. И. Polonica: сб. ст. по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. С. 159.

⁹² Он же. Исторический очерк польского сейма. М., 1888. 162 с.

⁹³ Полосин И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. М., 1963. С. 158.

⁹⁴ Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апр. 1968 г.: Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века. М., 1970. С. 204.

В современной историографии сравнительный подход уже давно обрел прочное место. Этому, в частности, способствовали предыстория и итоги дискуссии об абсолютизме. Тезис о том, что развитие абсолютизма в Европе нельзя представлять без учета специфики и взаимного влияния стран, был практически без оговорок принят советскими исследователями и получил развитие впоследствии. Так, в недавно вышедшей «Всемирной истории» применительно к абсолютизму отмечается, что правители континентальной Европы должны были учитывать опасность отставания своих стран в процессе монархической централизации. Они понимали, к каким последствиям это может привести, и доказательством этого служил печальный опыт Речи Посполитой⁹⁵.

Пример европейских абсолютных монархий неоднократно вызывал попытки рецепции элементов абсолютизма, но усилия дальновидных представителей правящей элиты Речи Посполитой оказывались тщетными. Как это происходило и почему безрезультатно заканчивалось? Данная проблема пока не получила самостоятельного рассмотрения в историографии – как российской, так и белорусской. Между тем в рамках компаративного подхода, она, наряду с множеством других, представляет значительный интерес.

Нужно отметить, что ряд проблем, касающихся изучения государственных институтов в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой, уже получили освещение в исследованиях отечественных специалистов, и это весьма ценно для ликвидации сюжетных пробелов в историографии. Как примеры можно привести и фундаментальную Энциклопедию Великого Княжества Литовского⁹⁶, и обобщающий сборник научных трудов, посвященный различным аспектам истории ВКЛ⁹⁷. Однако работы по истории Беларуси, как индивидуальные, так и коллективные, предстали бы в новом свете при использовании не только страноведческого, но и компаративного подхода, что может быть обеспечено развитием исследований в области всеобщей истории XVI–XVIII вв. В частности, изучение государственных институтов европейских стран раннего Нового времени, с включением в данный контекст проблематики Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, может стать значительным импульсом для развития отечественной новистики.

В фундаментальном труде, вышедшем к 80-летию Института истории Национальной академии наук Беларуси, подчеркивается, что изучение все-

⁹⁵ Всемирная история: в 6 т. Т. 3. С. 491–492.

⁹⁶ Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2 / рэдкал: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. 2-е выд. Мінск, 2007–2010.

⁹⁷ Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. арт.: у 2 ч. / рэдкал. У. Л. Гусакоў і інш. Мінск, 2017.

общей истории является чрезвычайно актуальным для Беларуси. В частности, стремление к знаниям о прошлом и настоящем других стран и народов отражает интересы государства, поскольку содействует налаживанию различного рода международных контактов⁹⁸. Более того, велика социальная значимость и актуальность исследований в области всемирной истории, о которых сказано следующее: «Они объективно способствуют выработке соответствующих взглядов и оценок исторических событий в различных странах мира, проведению сравнительного анализа по выявлению общих черт, закономерностей и специфических особенностей Беларуси на фоне исторической ретроспективы европейских и мировых процессов прошлого, и, в конечном счете – выбору оптимальной социально-экономической модели развития Республики Беларусь при сохранении национальной идентичности в контексте всемирных социально-экономических и культурных процессов»⁹⁹.

Однако, несмотря на сказанное, разработка проблематики всеобщей истории раннего Нового времени в белорусской историографии находится по сути на уровне формирования. Более того, до сегодняшнего дня не существует созданного отечественными авторами и рекомендованного для высшей школы развернутого учебного пособия, в котором нашли бы отражения события и процессы истории XVI–XVIII вв.

В результате сложный и насыщенный период мировой истории, включающий Ренессанс и образование национальных государств, Реформацию и Контрреформацию, становление классической науки и Просвещение, начало индустриального производства и формирование современного европейского общества, складывание колониальных империй и приобретение Европой статуса мирового лидера, оказался, по сути, вне специального рассмотрения отечественных историков.

Названные процессы, перечисление которых можно было бы продолжить, напрямую влияли на огромную по тем временам Речь Посполитую. Это государство, основанное на принципах шляхетской республики, систему управления которого не могли четко определить ни тогдашние правоведы, ни современные историки, существовало между абсолютистской Западной Европой и самодержавной Россией, испытывая влияние разнородных процессов и осуществляя, с большим или меньшим успехом, не менее разнообразные заимствования. Наконец, Великое Княжество Литовское, расположенное на конфессиональном, культурном, ментальном пограничье между Востоком и Западом, и вовсе уникально для

⁹⁸ Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. Минск, 2009. С. 529.

⁹⁹ Там же. С. 539.

исследователя, избравшего панорамное видение в ракурсе компаративного подхода.

Почему в Швеции королевской власти удалось сломить сопротивление правящей аристократии и установить абсолютизм, а в Речи Посполитой – нет? Чем отличается сейм Речи Посполитой от Генеральных штатов, кортесов, Земских соборов, ландтагов? Какими выглядят отношения Короны и Княжества в рамках унии в сопоставлении с отношениями государств в системе Габсбургской империи? В чем специфика развития городов и городского населения Княжества и Короны, с одной стороны, и Германии, Швеции, России, Франции, Италии – с другой? Каков шляхтич Речи Посполитой по своей ментальности и статусу в сравнении, например, с российским дворянином, испанским идальго, германским юнкером или французским шевалье? Чем отличаются мануфактуры Великого Княжества Литовского от французских, голландских или российских? Почему Великое Княжество Литовское избежало как феодальной раздробленности, так и абсолютизма? На многие вопросы частично можно ответить, ряд вопросов можно сформулировать и далее, однако не вызывает сомнений тот факт, что исследования европейской истории раннего Нового времени и разработка проблем истории Беларуси XVI–XVIII вв. в компаративном ключе станут перспективным и востребованным направлением в отечественной историографии.

Заклучение

Исследование, посвященное рефлексии европейского абсолютизма в российской историографии, было призвано ответить на ряд вопросов. Каким образом в развитии концепта абсолютизма соотносились европейская историографическая традиция и научный вклад российских историков? В чем заключалась специфика различных этапов трансформации концепта абсолютизма? Каким был характер изменения мотивации, методологии исследования, содержания, ценностных характеристик абсолютизма на протяжении последней трети XIX – начала XXI в.? Насколько выраженной была корреляция этих процессов с условиями развития исторической науки? Наконец, что является перспективным в дальнейшем осмыслении концепта абсолютизма?

Появление и развитие концепта абсолютизма в российской историографии было обусловлено цивилизационной близостью и культурным диалогом Европы и России. В раннее Новое время эти процессы интенсифицировались. Постепенно возрастая, влияние европейских новаций выразилось в комплексной модернизации Петровской эпохи. Результатом этого стало не только значительное цивилизационное сближение Европы и России, но и приобретение Россией имперского статуса и вхождение ее в число ведущих держав. Именно в это время в российской государственной идеологии появился концепт абсолютизма как неограниченного суверенитета монарха, управляющего «регулярным» государством во имя «общего блага».

Понятия «абсолютизм», «абсолютная монархия», «королевское самодержавие», применяемые в европейской исторической науке, вошли в середине XIX в. в российскую историографию. На протяжении более полутора столетий концепт абсолютизма проходил различные этапы трансформации в российской исторической науке. В свою очередь, их содержание может быть структурировано по ряду критериев – мотивации исследования, методологическим установкам, наполненности проблемного поля, ценностного отношения к предмету изучения и т.д.

Оба термина – «абсолютная монархия» и «абсолютизм» – взаимодополняемы и близки по значению, но не тождественны, несмотря на традиционное их применение как синонимов. Термин «абсолютная монархия» акцентирует внимание на форме государственного управления, в то время как «абсолютизм» указывает на политические, экономические и социокультурные характеристики общества. В совокупности оба термина, традиционно применяемые в историографии как синонимы, характеризуют

этап развития европейской государственности в Новое время, выступающей как один из вариантов современного государства (l'Etat moderne).

Эта государственная система может быть охарактеризована в нескольких аспектах. В хронологическом аспекте под абсолютизмом (абсолютной монархией) надлежит понимать специфическую форму государственности, установившуюся и господствовавшую в Западной Европе на протяжении XVI–XVIII вв., а в России сохранившуюся до начала XX в.

В правовом аспекте при абсолютной монархии верховная власть имеет личный наследственный характер и юридически не ограничена в своих полномочиях. Кроме того, отсутствует принцип разделения властей, церковь не отделена от государства, и, несмотря на централизацию, сохраняется разнообразие правовых статусов территорий в рамках одного государства.

В социально-политическом аспекте абсолютная монархия (абсолютизм) характеризуется проведением комплексной системы мер в области внутренней и внешней политики, обусловленных потребностями новоевропейского государства. Это принцип «государственного интереса», завершение централизации, расширение территорий, приобретение колоний, активный баланс во внешней торговле и управление государством вначале на основе принципа «что угодно государю, то имеет силу закона», а затем на рациональных основаниях «регулярного государства» для «общего блага».

В социокультурном аспекте абсолютизм указывает на систему ментальных, социальных, культурных, конфессиональных, психологических, гендерных и иных установок, характерных для Европы Нового времени. Это – особое общество, для названия которого уместно применить уже ставшее традиционным словосочетание «Старый порядок».

Термин же «самодержавие» указывает на российскую монархию, в рамках которой абсолютизм рассматривается как один из этапов ее развития, охватывающих период с середины XVII до начала XX в. Первоначально оба термина противопоставлялись, затем сблизились к началу XX в. и, наконец, стали синонимами в советской историографии. Однако эта синонимичность не была полной. Российская монархия XVI в. называлась самодержавием, тогда как термин «абсолютизм» применялся для характеристики государственных институтов России более позднего периода. Особенно рельефно разница между понятиями «самодержавие» и «абсолютизм» была продемонстрирована в концепции Б. И. Сыромятникова. Согласно ей, «абсолютизм» – это конструкт западноевропейской правовой традиции, воспринятый и внедренный Петром I в практику управления. Вместе с тем понятие «самодержавие» сохранилось для обозначения российской монархии. Оно указывало на ее

своеобразии в ментальном, конфессиональном, социокультурном преломлениях. Тем самым подчеркивалось не только известное дистанцирование концептов «самодержавие» и «абсолютизм», но и акцентировалась дихотомия «Восток» – «Запад» в русской историографии.

В развитии концепта абсолютизма российской историографией можно выделить следующие периоды:

I период (последняя треть XIX в. – 1917 г.) характеризуется расцветом российской историографии, что проявилось как развитием «русской школы» всеобщей истории, так и значимостью государственной школы в изучении истории России. В это время сформировалась созданная на основе либеральной идеи и европейской историографии трактовка абсолютизма в российской новистике. В условиях методологического и идейного разнообразия в исторической науке преобладала позитивистская парадигма, а приоритетным при анализе абсолютизма был правовой подход;

II период (1917–1930-е гг.) отмечен методологической трансформацией 1920-х и установлением марксистского историографического канона к концу 1930-х гг. Интерпретация абсолютизма изменялась от «государства торгового капитала» в 1920-х гг. до концепции «равновесия» в конце 1930-х гг. В рамках единой формационной схемы правовой подход в понимании абсолютной монархии был заменен социологическим, акцентировано выявление классовой сущности абсолютизма, ликвидировалась разница в трактовке западноевропейского и российского абсолютизма;

III период (1940-е – 1980-е гг.) представлен как время господства марксистской методологии, в границах которой доминировала социологическая модель абсолютизма, воплощенная в концепции «равновесия». Вместе с тем с середины 1960-х гг. социологическая модель вошла в кризисный этап, в известной мере преодоленный дискуссией об абсолютизме 1968–1972 гг. Общественно-политические процессы, начавшиеся в середине 1980-х гг., внесли ряд корректив в осмысление проблем абсолютизма и подготовили масштабные концептуальные изменения последующих десятилетий;

IV период (1991 г. – начало XXI в.) выступает как этап методологического кризиса, поисков, установления плюралистической методологии и вхождения российской исторической науки в мировое пространство. В трактовке абсолютизма была упразднена концепция «равновесия», однако социологический подход сохранился, утратив доминирующий статус. Приоритетным вновь стал правовой подход, однако современное состояние концепта диктует расширение ракурсов его осмысления.

Концепт абсолютизма, таким образом, трансформировался на протяжении более чем полутора столетий. В свою очередь, рассмотрение этого

процесса в масштабе «longue durée» – длительной протяженности, позволяет сформулировать более значимые выводы, нежели при фрагментарном анализе.

В интерпретации абсолютной монархии (как западноевропейской, так и российской) российской историографией целесообразно выделить следующие аспекты: мотивации и генезиса, методологии, ценностных установок, наполнения проблемного поля.

Мотивация и генезис осмысления абсолютизма западноевропейского и российского находились в различном ментальном поле российской исторической мысли.

Внимание к западноевропейскому абсолютизму проявилось в России в Петровскую эпоху, когда всестороннее реформирование государства дало новое качество и интенсивность контактам России с Европой и пробудило интерес к истории европейских стран. Ее изучение было полезно не только как средство установления более близких контактов России и Европы, но и подводило, в конечном итоге, к сопоставлению исторических судеб Западной Европы и России. Это было необходимо, чтобы понять, с одной стороны, самобытность России, с другой – оценить целесообразность заимствований с Запада. В Российской империи XVIII в. концепт европейского абсолютизма находил свое отражение в политической мысли и практике управления, в первую очередь для внедрения идеи «общего блага» и «регулярного государства» во главе с абсолютным монархом, а затем для обоснования необходимости монархической власти на основе идей просвещенного абсолютизма.

Термин «абсолютизм» в российской политической мысли ассоциировался с Западом, завоеванием германцами территорий Рима, насильственной трансформацией позднеимперского общества, рационализмом, отсутствием духовной связи монарха и народа, всевластием бюрократии. В условиях России это полицейское, «регулярное» государство, созданное Петром I и противопоставляемое «самодержавию», ассоциировавшемуся с православием, единением монарха и народа и российскими традициями. Не случайно поэтому наречие «абсолютно» применительно к власти появляется в Петровскую эпоху, а сам термин «абсолютизм» далеко не сразу был признан в исторической науке, особенно для характеристики российской монархии.

Что же касается российского самодержавия (которое, с известной оговоркой, можно с определенного этапа называть абсолютизмом), то формирование и внедрение в социум и историческую науку этого концепта были изначально приоритетными в российской историографии, где глав-

ное внимание уделялось изучению государства и утверждению правомерности и легитимности российской монархии. Известны тезис о призвании варягов, а не завоевании ими славян, концепция «Москва – Третий Рим», идея суверенитета монарха-самодержца, подчеркивание особого духовного единения царя и народа, «симфонии» церковной и светской власти, уходящей корнями в византийскую традицию. Самодержавие и царь-самодержец в дореволюционной России – это многогранный политический и социокультурный феномен. Российская монархия именовалась именно самодержавием – от становления до последнего дня официального существования. Вместе с тем подчеркивание преемственности российской и византийской традиций не означало полного противопоставления России Западу. Обращение к Византии приводило, в конечном итоге, к общей для всей европейской правовой традиции Римской имперской идее.

После Октябрьской революции произошло радикальное изменение мотивации при рассмотрении проблем абсолютизма. Центральное место в исторической науке заняли классовая борьба, революции, социально-экономические отношения, производительные силы и т. д. Однако изучение государственных институтов сохранило свою важность. Во-первых, историками-марксистами вовсе не отрицалась активная роль государства и обратное воздействие надстройки на экономику и общество. Во-вторых, изучение буржуазных революций предполагало экскурс в предреволюционную эпоху, цель которого – продемонстрировать кризис монархической власти и доказать неизбежность революции – будь то в Англии, Франции или России. В последнем случае характеристика российской монархии должна была убедить не только в неизбежности российских революций, но и в легитимности власти большевиков. По этой причине проблема абсолютизма, как западноевропейского, так и в особенности российского, была в числе важнейших и неоднократно становилась предметом дискуссий.

Разрушение СССР и утрата позиций марксистской методологии привели к значительным изменениям ориентиров в обществе и исторической науке. Существенно снизился интерес к революциям и классовой борьбе, на смену революционным приоритетам пришли традиционалистские. Как во всеобщей, так и в российской истории центральное место в исследованиях заняла власть как самодостаточный феномен и всевозможные сферы ее функционирования. Отсюда – изучение самых разнообразных аспектов западноевропейского и российского абсолютизма. При этом радикально, по сравнению с предшествующими этапами, изменилась сюжетная конфигурация проблематики и ценностные установки.

Методология трактовок западноевропейского и российского абсолютизма демонстрирует масштабную трансформацию, прошедшую на протяжении рассматриваемого периода полный методологический цикл. Для понимания исходных позиций последнего необходимо подчеркнуть, что российская историческая мысль в Новое время развивалась в европейском культурном контексте. Разумеется, этот факт не отрицал своеобразия российской интерпретации западноевропейских исторических и правовых учений и создания оригинальных российских трудов. Однако очевидно, что идея абсолютной власти, восходящая к римскому праву, равно как и правовой подход в трактовке абсолютизма, были общими как для европейских, так и для российских историков.

При изучении абсолютной монархии в Западной Европе и в России, дореволюционными историками в качестве основного применялся правовой подход. Общий в обоих случаях, он, однако, отличался в исходных положениях.

Рассмотрение западноевропейского абсолютизма российскими новистами началось с адаптации европейского историографического нарратива. По мере формирования и развития «русской школы» всеобщей истории появились оригинальные работы российских историков. Впервые при изучении всеобщей истории термин «абсолютизм» был применен в лекционном курсе 1858/59 гг. С. В. Ешевским в контексте становления принципата в Риме, где власть Августа выступила условием мира и спокойствия. Абсолютизм, таким образом, расценивался как авторитарная власть, необходимая для упорядочивания жизни государства. Однако, по мнению Ешевского, выполнивший эту задачу, абсолютизм становился регрессивной силой.

На протяжении последней трети XIX в. сформировалась основанная на методологии позитивизма либеральная «русская школа» всеобщей истории, где крупнейшими исследователями проблематики абсолютизма были Н. И. Кареев и П. Н. Ардашев. Абсолютизм, в рамках правового подхода, понимался как закономерная и необходимая форма развития государства. Главными факторами генезиса абсолютной монархии считались возродившаяся на основе римского права идея абсолютной власти и разложение сеньориального порядка. Абсолютизм опирался на дворянство, подчинил аристократию и использовал в своих интересах буржуазию на фоне падения роли сословно-представительных институтов. Очевидно, что в российской дореволюционной новистике имплицитно присутствовали и социологический подход, и, еще не ставшая канонической, концепция «равновесия». В соответствии с позитивистской многофакторностью, дореволюционные историки указывали и на социально-экономические предпосылки абсолютной монархии – освобождение крестьян, разрушение натурального хозяйства, рост городов, усиление буржуазии.

Трактовка российского абсолютизма, называемого в то время самодержавием, основывалась преимущественно на установках государственной школы, имевшей статус официальной. Согласно им, геополитические особенности России изначально диктовали опережающее развитие государства как силы, способной обеспечить задачи расширения территории и внутреннего развития. Эти цели реализовывались в закреплении, а затем, по мере решения задач государственного развития, освобождении сословий верховной властью. Правовой подход государственной школы сочетался с позитивизмом, пореформенная российская историография находилась на подъеме. Однако к концу XIX в. позитивистская парадигма вошла в состояние кризиса, поиск выхода из которого продолжился на протяжении первого десятилетия XX в.

Таким образом, отмечая различные мотивацию и генезис в осмыслении западноевропейской и российской абсолютной монархии, нужно констатировать схожесть методологических оснований в обоих случаях. И государственная школа, и «русская школа» всеобщей истории исходили из правового подхода как ведущего, дополняя его социально-экономическим.

Октябрьская революция вызвала радикальную перестройку советской исторической науки и привела в итоге к директивному утверждению марксистской методологии в ее официальной версии. Вместе с тем масштабные изменения в исторической науке были неравномерными и заняли определенное время. Соответственно, 1920-е гг. можно выделить как особый, переходный период, для которого был характерен ряд тенденций. Первая из них – разная степень трансформации, обусловленная содержанием и идеологической востребованностью конкретных проблем. Вторая – сосуществование различных идейных и научных установок. Третья – неуклонное вытеснение из советской исторической науки не вписывающихся в ее рамки трактовок.

В таких условиях восприятие советской историографией проблематики западноевропейского и российского абсолютизма отличалось. В объяснении западноевропейского абсолютизма имплицитно присутствовала концепция «равновесия», выдвигаемая еще «русской школой». Это было естественно – марксизм опирался на западноевропейскую историографическую и философскую традицию. В представлениях же о российском абсолютизме произошла радикальная ломка. Все его немарксистские толкования, особенно принадлежащие государственной школе, были отмечены как идеологически чуждые.

В 1920-х гг., согласно установкам «школы Покровского», возобладала идея «абсолютизм – государство периода торгового капитала». В соответствии с ней, абсолютная монархия опиралась на торговую буржуазию.

«Торговыми капиталистами» считалось и обуржуазившееся дворянство, ведущее товарное хозяйство и участвующее в предпринимательской деятельности.

Государством «торгового капитала» был объявлен и российский абсолютизм. Таким образом, идея «торгового капитала» обозначила «точку схождения» в интерпретации западноевропейского и российского абсолютизма. Это было установление, в противоположность правовому, социологического подхода в трактовках абсолютизма и начало их нивелирования. Именно в рамках господства социологической модели на протяжении первых советских десятилетий велись дискуссии о том, какой класс и в какой мере является социальной основой абсолютизма – дворянство, буржуазия или оба класса вместе.

По мере установления идеологического и методологического монизма к концу 1930-х гг. был выработан надолго утвердившийся в советской историографии тезис о том, что абсолютизм является дворянским государством, учитывающим, в силу государственных выгод, интересы буржуазии. Этот вывод не был оригинальным творением советской историографии. Подобное высказывали дореволюционные новисты, однако у них отсутствовали категорические утверждения о том, что абсолютизм является государством, выражающим интересы именно одного класса, и об антагонизме дворянства и буржуазии.

В советской историографии установилась концепция «равновесия». Наиболее полно изложенная С. Д. Сказкиным в 1941 г., она содержала следующие, аксиоматичные для советских историков, положения:

- абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия, в первую очередь дворянство, разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии;
- ни дворянство, ни буржуазия пока не победили во взаимном соперничестве, то есть установилось «равновесие» сил борющихся классов;
- по причине такого «равновесия» в борьбе дворянства и буржуазии, королевская власть приобретает определенную самостоятельность и выступает как кажущаяся посредница по отношению к обоим классам;
- это посредничество лишь кажущееся, ибо абсолютизм не может быть «надклассовым» или «двухклассным» государством;
- абсолютизм является выразителем интересов дворянства, с которым династически связан и на которое опирается. Интересы буржуазии абсолютизм учитывает ввиду потребности в ее финансах, а допускает ее представителей в администрацию.

Концепция «равновесия» стала обязательной при трактовке как западноевропейского, так и российского абсолютизма, и, таким образом, разли-

ца в их интерпретации была практически ликвидирована. Во главу угла был поставлен социологический подход в понимании абсолютной монархии, а правовые и идеологические аспекты были минимизированы. Однако даже в жестких рамках официального канона некоторая вариативность в интерпретации абсолютизма сохранялась.

Так, в осмыслении российского абсолютизма все же присутствовал правовой подход, несмотря на его минимизацию, и наиболее развернуто его представлял Б. И. Сыромятников. В интерпретации же западноевропейского абсолютизма социологический подход был выражен в максимальной степени, и его наиболее радикальная трактовка принадлежала Б. Ф. Поршневу. Полемика вокруг статей Б. Ф. Поршнева, проходившая на рубеже 1940-х – 1950-х гг., предотвратила дальнейшую догматизацию представлений об абсолютной монархии, оставив советским медиэвистам пространство для методологического маневра. Кроме того, наряду с трактовкой Б. Ф. Поршнева, существовали интерпретации западноевропейского абсолютизма А. Д. Люблинской, С. Д. Сказкина, В. В. Бирюковича.

Эпоха «оттепели», несмотря на ее кратковременность и официальные рамки либерализации, оставила значимый след в советской исторической науке. Историки стали вести речь о творческом развитии марксизма, отказе от догматизма и приоритете источников в историческом исследовании, была преодолена международная изоляция советской исторической науки. Все указанное сыграло роль и в интерпретации абсолютной монархии.

Разумеется, в изучении абсолютизма по-прежнему руководящей была концепция «равновесия», особенно применительно к истории западноевропейских стран. То, что Маркс и Энгельс в оценках абсолютизма основывались на западноевропейском материале, было мощным аргументом для советских историков. Однако не менее важны были минимальная доступность для советских исследователей европейских архивов и установка на критику не только всех немарксистских трактовок абсолютизма, но и мнений коллег-марксистов, которые не вписывались в советский историографический канон.

Постепенно советскими историками начала осознаваться узость и дискуссионность социологического подхода, а также несоответствие положений концепции «равновесия» результатам, получаемым при обращении к источникам. Данные симптомы проявились, прежде всего, при рассмотрении российского абсолютизма. Они выразились в разногласиях исследователей относительно степени развития капиталистических отношений в России, являвшихся, согласно марксистской трактовке, непременным условием формирования российской абсолютной монархии.

Максимальным выражением проблем, назревших в области изучения социально-экономических процессов и политических институтов Нового

времени, стала прошедшая в 1968–1972 гг. дискуссия об абсолютизме. Традиционные оценки ее как практически безрезультатной не соответствуют реальным итогам и нуждаются в серьезной корректировке.

В ходе дискуссии был выработан ряд перспективных установок в изучении абсолютизма. Например, А. Н. Чистозвоновым был выдвинут продуктивный метод сравнительного анализа абсолютных монархий и предложено удачное в то время определение абсолютизма, смягчающее жесткие рамки идеи «равновесия». Принципиально важным был принятый во время дискуссии тезис о недопустимости упрощенного понимания «равновесия». Последнее предлагалось расценивать не как равенство, измерить которое невозможно, а как некий баланс сил в конкретном обществе. Радикальным шагом историков выглядело решение о том, что концепция «равновесия» непригодна для изучения российского абсолютизма по причине явно не достаточного развития в России буржуазных отношений. Наконец, дискуссия показала возможность методологического маневра, продемонстрированного Л. В. Черепниным, предложившим более широкие рамки генезиса абсолютизма в России. Это дало социологической модели дополнительный ресурс развития, а советским историкам – возможность сочетать установки официальной историографии с некоторой свободой в выборе проблемного поля и формулированием выводов.

Таким образом, перечисленные выше результаты дискуссии не позволяют обесценивать ее итоги. Наоборот – в ее ходе был достигнут максимум возможного в существовавших на тот момент условиях. Что же касается неоднократно высказываемых в свое время требований выработки общей точки зрения, как основного критерия результативности дискуссии, то в ситуации начала 1970-х гг. они были утопичными. Дискуссия в принципе не могла дать однозначных трактовок процессов, качественные и количественные границы которых были размыты. Тем самым был продемонстрирован предел социологического подхода, который, в свою очередь, был проявлением общего кризиса социальной истории в Европе в то время.

Вторая половина 1980-х гг. и новые идеи в исторической науке коснулись концепта абсолютизма, обусловив ситуацию методологического перехода. Однако, несмотря на восприятие идей западной историографии, формально марксистская парадигма сохранялась и у ряда историков сочеталась с концептуальными новациями. Было обращено внимание не только на недостаточное изучение государства и его институтов, но и на необходимость изменения акцентов в этой области. Социологический подход сохранялся, однако постепенно, в ряде работ, уступал место правовому, идея «равновесия» минимизировалась, а в конце 1980-х гг., за редким исключением, исчезли ссылки на классиков марксизма.

Рубежным стал 1989 г., когда отмечалось двухсотлетие Французской революции и был подвергнут ревизии массив устоявшихся о ней представлений, в том числе и о французском абсолютизме. Необратимость произошедших изменений демонстрировал новый дискурс историков. Абсолютная монархия все более связывалась с правовой традицией и развитием государственных институтов, и на первое место в этом процессе выходили правовые, религиозные, ментальные, социальные, личностные составляющие. Итогом периода стало восприятие советскими исследователями теорий конфликта элит и социальной стратификации в осмыслении западноевропейского абсолютизма, а в рассмотрении российского – реинтерпретация идей государственной школы.

Методологические приоритеты постсоветской историографии были обусловлены утратой позиций марксистских установок. Это практически не заняло времени, ввиду подготовленности к этому научного сообщества и отсутствия идеологического давления. Возобладала множественность подходов, сочетавшаяся с терминологической и понятийной ревизией, гносеологическим кризисом, господством частных сюжетов в сочетании с идеями постмодерна. Российская историография стала развиваться в ситуации антропологического и лингвистического поворотов, применения методов микроистории, психоистории, истории повседневности, истории элит и т.д. Эти процессы затронули и концепт абсолютизма.

Важной особенностью современной историографической ситуации применительно к трактовке абсолютизма является возвращение, на качественно новом уровне, к подходам дореволюционной историографии. Иными словами, осмысление проблемы абсолютизма прошло методологический цикл протяженностью почти в полтора столетия.

Так, вновь на первом месте в трактовке абсолютизма оказался правовой подход в сочетании с учетом множества факторов (социального, военного, геополитического, личностного, экономического и т.д.). Современная российская медиевистика и новистика интегрированы в мировое научное сообщество. В свою очередь, при разработке проблем российского абсолютизма наблюдается не только обращение к идеям зарубежных историков, но и переосмысление установок государственной школы.

По аналогии с дореволюционной ситуацией, при изучении западноевропейских монархий среди современных историков сохраняется определенная общая позиция. Специалисты же по истории России, напротив, представляют различные точки зрения – от либеральных до монархических.

Таким образом, на протяжении последней трети XIX – начала XXI в. трансформация концепта абсолютизма прошла масштабный методологический цикл. Мотивационные, методологические, предметные, ценност-

ные ее компоненты претерпевали значительные изменения, однако смысловое ядро концепта абсолютизма сохранило устойчивость.

Ценностные установки в изучении проблем абсолютизма на протяжении последней трети XIX – начала XXI в. испытывали наиболее показательные изменения, демонстрирующие обусловленность исторического знания обществом, для которого и в котором оно создается.

В российской дореволюционной новистике абсолютизм рассматривался как закономерная форма развития государства. Абсолютная монархия – это необходимое условие для централизации страны, ликвидации усобиц, создания условий для развития экономики. «Ценой» этих преобразований было уничтожение феодального партикуляризма, минимизация роли сословных учреждений, подчинение монархической властью всех сословий при сохранении сословного неравноправия. Эта практика абсолютной монархии воспринималась как должное, пока речь не заходила об ограничении абсолютизмом свободы – главной ценности либерализма. Именно свобода, на время попранная абсолютизмом, пусть даже во имя высших общественных целей, выступала индикатором отношения к абсолютной монархии. Необходимый для замирения и упорядочивания жизни государства, абсолютизм был приемлем обществом. Выполнявший эти задачи, самодовлеющий, подавляющий и контролирующий, абсолютизм стал ему враждебным. Отсюда – негативная оценка абсолютной монархии как препятствия для общественного развития, которое может быть ликвидировано только революцией.

Самодержавие трактовалось, с точки зрения официальной историографии, как естественное и необходимое условие развития российской государственности. Признание российской абсолютной монархии в целом благом для страны не исключало критического к ней отношения, в том числе в рамках государственной школы. Однако оно высказывалось применительно к конкретным сюжетам, не распространяясь на институт монархии в целом. Критика абсолютизма в среде либеральной оппозиции, нараставшая к началу XX в., также не предусматривала упразднения монархии вообще. Радикально негативное отношение к самодержавию и требование его свержения было характерно для революционно-демократического направления историков и публицистов – от народников до большевиков.

Таким образом, в российской дореволюционной историографии налично различия в ценностных ориентирах применительно к западноевропейскому и российскому абсолютизму. Более поздняя по времени, иная по мотивации, достаточно однородная в плане либеральной направленности, трактовка западноевропейского абсолютизма выходила в итоге на его

сдержанную оценку. Отношение к российской монархии, напротив, было дифференцированным. Сквозь призму либеральной государственной школы она позиционировалась как созидательная сила (что, впрочем, допускало известную критику). Однако, по мере идейной радикализации, последняя становилась все более масштабной, доходя до требования свержения самодержавия в работах народников и социал-демократов.

Последствия Февральской и Октябрьской революций не могли не отразиться на восприятии и оценках абсолютизма в историографии. Однако это происходило неравномерно и специфично, в зависимости от предмета рассмотрения и политической актуальности.

Так, ценностные ориентиры в отношении западноевропейского абсолютизма практически не изменились. Этот на первый взгляд парадокс объяснялся просто. Абсолютизм не приветствовали ни либералы, ни тем более большевики, негативное отношение которых к абсолютной монархии только возросло в первые послереволюционные годы. В свою очередь, революционные ценности, особенно теоретически, импонировали либералам и были принципиально важны для большевиков. По этой причине западноевропейский абсолютизм, далекий от советской России во времени и пространстве, представлялся в советской историографии естественным этапом развития европейских стран, «необходимым злом», а затем предпосылкой буржуазных революций, альтернативы которым не было. Такая преемственность оценок коренилась в том, что и либеральная идея, и марксизм были частью европейской историографической традиции, приводившей к «предъявлению счета» и «вынесению приговора» абсолютной монархии.

Интерпретация же российского абсолютизма, наоборот, изменилась кардинально. Все немарксистские его трактовки были отвергнуты, российская монархия, как актуальное прошлое, оценивалась только отрицательно, что объяснялось классовой непримиримостью и приоритетом революционных ценностей в советском обществе. В марксистской формационной схеме, согласно которой Россия развивалась по аналогии с Европой, стали синонимами термины «абсолютизм» и «самодержавие». Славянофильские, евразийские и монархические идеи своеобразия российских государственных институтов были неприемлемыми в принципе. В ужесточившемся дискурсе советской исторической науки был отменен термин «Старый порядок», на смену которому пришел «феодально-абсолютистский строй». Свергнутая российская монархия могла быть только негативной. Она стала называться «царизмом», более нейтрально – «самодержавием», а Россия времен абсолютизма приобрела эпитет «феодально-крепостническая». Вести разговор о конструктивной роли российской монархии или персоналиях российских царей стало вряд ли возможно. Единственным правителем

династии Романовых, вызывающим уважение в официальном дискурсе, стал Петр I, европеизировавший Россию и превративший ее в империю. Однако и он, по мнению советских историков, не смог преодолеть своей классовой ограниченности.

По мере установления методологического монизма, концепции «равновесия», унификации подходов в рассмотрении западноевропейского и российского абсолютизма, произошло и ценностное нивелирование последних. И западноевропейский, и российский абсолютизм представлялся как необходимое зло, нужное и терпимое на этапе централизации государства, а затем как реакционная сила, справиться с которой может только буржуазная революция. В рамках классового подхода абсолютистское государство и его правящая элита осуществляли беспощадную эксплуатацию трудящихся, что давало народу безусловное право на восстания и крестьянские войны, неизменно положительно оцениваемые. Единая формационная схема демонстрировала общность исторического развития Европы и России и правомерность российских революций.

Историография эпохи «развитого социализма» рассматривала как западноевропейский, так и российский абсолютизм в сдержанно-негативной тональности, как необходимый этап в развитии государства в период централизации, а после ее завершения и достижения страной могущества – как регрессивную и антинародную силу. Негативное отношение было особенно характерно для трактовок российского абсолютизма, и оно возрастало по мере приближения к рассмотрению событий начала XX в. В соответствии с классовыми установками, негативизировалось и минимизировалось значение реформ «сверху», а монархи, за исключением Петра I, оценивались преимущественно отрицательно.

Со второй половины 1980-х гг. отношение к абсолютизму как историческому феномену стало меняться, и оценки абсолютной монархии, ее институтов и правящей элиты постепенно стали смягчаться. Наряду с методологическими изменениями стал изменяться дискурс исследований. С конца 1980-х гг. в историческую науку был возвращен термин «Старый порядок» и постепенно вышел из употребления «феодально-абсолютистский строй», равно как и «царизм», и «феодально-крепостнический строй». Знаковым стало появление книг, посвященных государственным деятелям периода абсолютизма – Ришелье, Кольберу, Елизавете Петровне, причем не только как политикам, но и как личностям. Принципиальным стал ценностный разворот в отношении абсолютизма – он перестал негативизироваться и рассматриваться как «необходимое зло» и причина революций. Абсолютная монархия, во всем многообразии ее проблемного поля, стала восприниматься как самоценный объект исследования.

Названные процессы ускорились и приобрели новое качество после 1991 г., когда в обществе на смену революционным ценностям пришли традиционалистские. Абсолютизм, как западноевропейский, так и российский, превратился в исторический и культурный феномен, достойный вдумчивого и свободного от негативных коннотаций изучения. Постепенно исчезли категоричность оценок и идея предопределенности буржуазных революций, стали рассматриваться альтернативы и ресурсы развития абсолютных монархий.

При изучении российского абсолютизма к названным установкам добавлялся значительный идеологический компонент, что было не случайно. История Российской империи и монархии стала для постсоветского российского общества огромным познавательным и духовным ресурсом в поисках национальной идентичности. При этом, как и в дореволюционный период, выявились различные оценки и точки зрения – от либеральных до монархических. Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода очевиден разворот ценностных ориентиров в исследовании абсолютизма: в трактовках последнего не только исчезли категоричность и негативизация, но и возросло положительное отношение, однако было бы неверно воспринимать этот процесс упрощенно.

Изменения *проблемного поля* в исследовании абсолютизма на протяжении указанного периода характеризуются содержательными, качественными и количественными показателями.

В дореволюционной российской историографии проблематика западноевропейского и российского абсолютизма имела схожее предметное ядро. Она была краеугольным, формирующим сюжетом при анализе внутренней и внешней политики государств Нового времени. Централизация и присоединение территорий, формирование сословий и государственных институтов, механизм управления и реформы «сверху», государство и экономика, социальные конфликты и их последствия, государственная идеология и церковь, правящая элита и личность монарха – эти и подобные сюжеты были, в различной степени, традиционны.

Проблема западноевропейского абсолютизма, как одна из важнейших в истории Нового времени, была воспринята российскими новистами из зарубежных работ. Первоначально именно они служили основой для создания российских нарративов по истории XVI–XVIII вв. С течением времени российские исследователи стали привлекать материалы европейских архивов. Последнее обстоятельство стало принципиально важным требованием для «русской школы» всеобщей истории и привело к появлению оригинальных исследований российских авторов. Особое внимание до-

революционных историков-новистов привлекали сюжеты, связанные с предпосылками Английской и Французской буржуазных революций. Это английский абсолютизм и нарастание его кризиса, а также различные стороны функционирования Старого порядка во Франции. Абсолютизм в германских землях, Габсбургской империи, Испании и т. д. был представлен в основном в обобщающих работах.

Проблемное поле российского абсолютизма было изначально обширнее и разнообразнее, нежели западноевропейского. Оно наполнялось за счет обращения к опубликованным и неопубликованным источникам и более обширной, чем у специалистов по всеобщей истории, научной литературе. При этом дискурс соответствующих исследований мог варьироваться в зависимости от идейных предпочтений автора.

В советской историографии, ввиду иных идеологических установок, проблематика абсолютизма была существенно изменена. В формационном подходе и социологической схеме исторического процесса на первое место вышли социально-экономическое развитие, с очерка которого традиционно начинался исторический нарратив, и классовая борьба как генератор исторического процесса. Применительно к эпохе абсолютизма задачей социально-экономического очерка было создание панорамы достаточно развитого мануфактурного капитализма с интенсивно формирующейся буржуазией. Генезис и развитие абсолютизма были представлены как подтверждение известных цитат классиков марксизма о «равновесии» укрепляющейся буржуазии и приходящего в упадок дворянства. Значительное место занимало описание положения трудящихся масс, народных восстаний и системы государственной эксплуатации, в первую очередь налогов и повинностей, а также иных мероприятий монархии сквозь призму подавления и контроля общества абсолютизмом. Реформы «сверху» оценивались сдержанно, а применительно к российскому самодержавию – зачастую негативно, за исключением мероприятий Петра I.

Последствия «оттепели» изменили проблемное поле абсолютизма. Важным фактором стало признание ценности и необходимости использования исторических источников. Формационная социологическая схема стала все более наполняться фактами. Новыми областями для изучения стали государственные институты российской монархии – Земские соборы, Боярская дума, приказы, бюрократия и т. д. В изучении западноевропейского абсолютизма не только наблюдалось расширение круга рассматриваемых стран, (например, появились работы об абсолютизме в Италии и германских землях), но и началась публикация источников.

На протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. продолжался количественный рост работ и расширение их тематики. Стали популярны такие

сюжеты, как система управления, бюрократия, реформы «сверху», абсолютизм и революционное движение, социальная политика, правовые и идеологические основы монархии и т. д.

Что же касается персоналий монархов и их окружения, то внимание к ним было минимизировано. Они рассматривались как функциональные единицы в проведении политики абсолютизма и характеризовались, за редкими исключениями, кратко и весьма сдержанно. В целом такое отношение к персоналиям сохранилось до середины 1980-х гг. Однако, даже в условиях идеологического контроля, запоминающиеся, многогранные, с элементами психологизма образы монархов и их министров были созданы П. П. Щеголевым, С. Д. Сказкиным, А. Д. Люблинской, Н. И. Павленко, П. А. Зайончковским, И. В. Оржиховским.

Идеологические изменения второй половины 1980-х гг. дали импульс для серьезных сюжетных и ценностных изменений в проблематике абсолютизма, что обусловило методологически переходный характер данного периода. Было обращено внимание на необходимость смягчения классового подхода, избегания упрощенных оценок, более вдумчивого отношения к дореволюционному историографическому наследию, изучения политических институтов, личностного фактора в истории и т. д. Указанные коррективы планировалось проводить в рамках марксистской парадигмы, однако последняя, по мере развертывания данных процессов, все более утрачивала значимость. В связи с изменением отношения к западной немарксистской историографии, советские историки восприняли теории конфликта элит, социальной стратификации и правовой подход в изучении абсолютизма. В изучении западноевропейского абсолютизма происходило некоторое расширение географии рассматриваемых стран, однако приоритетным оставался французский абсолютизм. В разработке проблем российского абсолютизма происходило переосмысление целого комплекса представлений и возрождалась установки государственной школы.

После 1991 г. явления, наметившиеся во второй половине 1980-х гг., стали масштабно развертываться в количественном и качественном отношении. Российская историография вошла в европейское научное пространство, что особенно сказалось на изучении всеобщей истории. Сформировались и развились такие направления, как история элит, история двора, потестарная имагология, история повседневности, микроистория, психоистория, гендерная история, история ментальности и т. д. Эти масштабные изменения происходили на фоне методологической, понятийной, терминологической ревизии и поисков новых путей развития исторического знания. Названные процессы дополнялись преобладанием микросюжетов, кризисом «большого нарратива» и гносеологическим пессимизмом.

Все указанное иллюстрировало присутствие постмодерна в российской исторической науке. Однако «конца истории» не произошло – применение цивилизационного подхода смягчило методологическую ломку и выход на методологический плюрализм.

В условиях актуализации исторической памяти в России, востребованности дореволюционной истории, возрастания традиционализма, вплоть до монархических настроений, новые сюжеты приобрели дополнительную идейную нагрузку. Феномен власти и обладающей ею личности занял центральное место в исследованиях российского абсолютизма. Это психология, символика, атрибутика, презентация власти, двор и его функционирование, политическая культура, сознание и ментальность различных общественных слоев, механизм принятия решений и состав правящей элиты, личность, ее психология, окружение и т. д. Уже не первое десятилетие разрабатываются такие комплексы проблем, как «власть – общество – реформы», «власть – культура – социум», «власть – общество – личность», «абсолютизм и конституционализм», «традиционализм и модернизация» и многие другие.

Особое место в работах историков заняли фигуры западноевропейских и российских монархов и их окружения. Количество соответствующих публикаций, как научных, так и научно-популярных, вряд ли можно установить точно, все Романовы стали персоналиями библиографической серии «Жизнь замечательных людей». Новым явлением стало создание работ, посвященных западноевропейским монархам и их окружению. Данное направление представлено в первую очередь работами Ю. Е. Ивонина и Л. И. Ивониной. Однако было бы ошибкой полагать, что отношение к монархам радикально изменилось. Их образы стали намного сложнее, многослойнее, противоречивее. Но, даже при самом лояльном отношении, например, Людовик XVI не предстал в свете новых оценок энергичным интеллектуалом и талантливым правителем, а Николай II, несмотря на канонизацию – воплощением государственной силы и мудрости.

Ситуация методологического релятивизма в полной мере коснулась и концепта абсолютной монархии. В связи с терминологической и понятийной ревизией и отрицанием термина «абсолютизм» как не отражающего исторические реалии, нужно отметить, что в качестве маркера формы государственного управления термин «абсолютизм» может быть заменен на «абсолютную монархию». В более широком смысле термин «абсолютизм» может быть заменен на «Старый порядок».

Однако, несмотря на все имеющиеся претензии к термину «абсолютизм» и желание найти ему замену, вряд ли это произойдет в ближайшем будущем. Во-первых, новый термин должен разрешить проблемы, возник-

шие при употреблении старого. Применительно к абсолютизму это несоответствие манифестируемой в термине неограниченности власти реальной практике монархий раннего Нового времени. Однако, к примеру, такие терминологические варианты, как «административная монархия», «классическая монархия», «ренессансная монархия», все же не могут разрешить указанную проблему. Термин «совершенная монархия» открывает необъятное поле для дискуссий, а термин «автократическая монархия», отсылая к Византии и самодержавию, сужает понятийный диапазон.

Во-вторых, не стоит забывать и о том, что понятие «абсолютизм» и обозначающий его термин, несмотря на все оговорки, демонстрируют стабильность применения. Они имеют устойчивые коннотации, вобравшие в себя в том числе и коррективы последних десятилетий.

В-третьих, существуют объективные принципы функционирования языка. В случае упразднения термина «абсолютизм», наиболее адекватная замена ему будет состоять из двух словосочетаний. Это «абсолютная монархия» (как форма государственного управления) и «Старый порядок» (как характеристика новоевропейского общества). Весьма сомнительно, с точки зрения принципа экономии (или «наименьшего усилия» в языке), применение четырех слов вместо одного. Необходимо также помнить и о том, что, в соответствии с тем же принципом, создание полного синонима невозможно.

На сегодняшний день необходима концептуальная модель абсолютизма, учитывающая всю его многогранность. В современных условиях в трактовке абсолютизма на первое место вышел правовой подход, но социологический ни в коей мере не игнорируется. Однако построения концепта абсолютизма на базе двух указанных подходов совершенно недостаточно. Осмысление абсолютизма невозможно без понимания его в ментальном, сакральном, социокультурном, психологическом ракурсах. Дополнительного рассмотрения требуют геополитический и военный факторы развития абсолютных монархий. Изучение абсолютных монархий Европы и России предстает на современном этапе как масштабный междисциплинарный проект, основанный на поливариантной методологии. В его реализации потребуются усилия историков, культурологов, специалистов в области государства и права, социальной психологии, культурной антропологии, истории повседневности и т. д.

Весьма перспективным представляется компаративное исследование абсолютизма в общеевропейском контексте, а также сопоставление исторических судеб тех государств, где были абсолютные монархии, и тех, где они не сложились. Отмеченное в максимальной степени относится к государственным и социальным институтам Речи Посполитой как страны, в ко-

торой, несмотря на попытки рецепции, так и не установились абсолютистские формы правления.

Речь Посполитая, как конфедеративное государство, объединявшее Королевство Польское и Великое Княжество Литовское, уникально в европейской истории. Так, Великое Княжество Литовское не знало феодальной раздробленности, а Речь Посполитая – абсолютизма. В чем причины такой специфичности? Как это отразилось на политическом развитии «государства обоих народов»? В чем особенности политической культуры, самосознания, правовой традиции Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, сделавших невозможным существование в этих государствах абсолютизма? Возможны ли были альтернативные сценарии развития Речи Посполитой? Ответы на эти и другие вопросы не могут быть исчерпывающими без рассмотрения Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского в общеевропейском контексте, без комплексного, панорамного сопоставления их государственных и социальных институтов с аналогами, функционировавшими в рамках абсолютистских государств – как на западе Европы, так и в России. Таким образом, проблематика абсолютизма, как феномена государства Европы раннего Нового времени, не только перспективна, но может стать содержанием отдельного направления в отечественной историографии.

Библиографический список

1. Абсолютизм // Всемирная история государства и права : энцикл. слов. / [Ю. Г. Арзамасов и др.] ; под ред. А. В. Крутских. – М., 2001. – С. 6–7.
2. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1964. – 519 с.
3. Абсолютная монархия в Европе (заключ. сл. т. Косминского на семинаре 1 курса секции Запада ист. отд-ния ИКП 9/VI 1930 г.) // Бюл. Заоч.-консул. отд-ния ИКП. – 1930. – № 10. – С. 43–52.
4. Абсолютная монархия во Франции : учеб. пособие / под ред. В. В. Бирюковича. – Л. : Воен.-полит. акад., 1936 – 31 с.
5. А. В. Заседание ученого совета Института истории АН СССР 24–28 марта 1949 г. / А. В. // Вопр. истории. – 1949. – № 3. – С. 152–155.
6. Авдиев, В. И. История Древнего Востока / В. И. Авдиев. – М. : Рипол Классик, 2013. – 708 с.
7. Авербух, Р. А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.) / Р. А. Авербух ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1970. – 246 с.
8. Аврех, А. Я. III Дума и начало кризиса Третьеиюньской системы (1908–1909) / А. Я. Аврех // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1955. – Вып. 53. – С. 50–109.
9. Аврех, А. Я. О природе российского самодержавия / А. Я. Аврех // Система государственного феодализма в России : сб. ст. : [в 2 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [редкол.: Л. В. Данилова (отв. ред.), А. М. Анфимов, С. Ю. Королева]. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 254–331.
10. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
11. Аврех, А. Я. Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1968. – 520 с.
12. Аврех, А. Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе / А. Я. Аврех // Вопр. истории. – 1956. – № 11. – С. 17–33.
13. Аврех, А. Я. Утраченное «равновесие» / А. Я. Аврех // История СССР. – 1971. – № 4. – С. 60–75.
14. Аврех, А. Я. Царизм и третьеиюньская система / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1966. – 181 с.
15. Аврех, А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1989. – 254 с.
16. Аврус, А. И. Власть и университеты в России / А. И. Аврус // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2003. – [Вып.] 10. – С. 207–218.
17. Агеева, О. Г. Европеизация русского двора. 1700–1796 гг. / О. Г. Агеева ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 264 с.
18. Агеева, О. Г. Императорский двор России. 1700–1796 годы / О. Г. Агеева ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 2008. – 380 с.
19. Агеева, О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I / О. Г. Агеева. – М. : Связь Эпох, 2018. – 439 с.
20. Агоштон, М. Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII века в советской исторической науке : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М. Агоштон ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1989. – 16 с.
21. Адо, А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. / А. В. Адо // Социальные движения и борьба идей: проблемы истории и историографии : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения ; [редкол.: М. А. Заборов (отв. ред.) и др.]. – М., 1982. – С. 41–70.
22. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1983. – Вып. 46. – С. 291–323.
23. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Портреты историков: время и судьбы : [в 2 т.] / Акад. исслед. культуры. – М. ; Иерусалим, 2000. – Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Г. Н. Севостьянов [и др.]. – С. 228–242.
24. Алексеева, Е. В. Диффузия европейских инноваций в России, XVIII – начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Е. В. Алексеева ; Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2007. – 42 с.
25. Альшиц, Д. Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного / Д. Н. Альшиц ; Акад. наук СССР. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1988. – 244 с.
26. Ананьич, Б. Проблемы российского реформаторства / Б. Ананьич // Знание – сила. – 1992. – № 2. – С. 74–84.
27. Ананьич, Б. В. Николай II / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Вопр. истории. – 1993. – № 2. – С. 58–76.
28. Английская буржуазная революция XVII века : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. – М. : АН СССР, 1954. – [Т.] 1. – 495 с.
29. Английский абсолютизм в работах В. В. Штокмар / С. Е. Федоров [и др.] // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; [редкол.: С. Е. Федоров (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 4–13.
30. Англия в эпоху абсолютизма : ст. и источники / под ред. Ю. М. Сапрыкина. – М. : Моск. ун-т, 1984. – 200 с.
31. Англия и Франция на исходе XVIII в. (экономика и идеология) : [сб. ст.]. – Петроград : [Ком. ун-т], 1922. – 230 с.
32. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон ; пер. с англ. И. Куриллы. – М. : Территория будущего, 2010. – 511 с.
33. Андреев, Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа / Д. А. Андреев // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2007. – [Вып.] 20. – С. 270–284.
34. Андреев, И. Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 638 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1171 (971)).
35. Андреев, И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях / И. Л. Андреев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: средние века. Новое время : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – С. 254–276.
36. Анисимов, Е. В. Анна Иоанновна / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1993. – № 4. – С. 19–33.
37. Анисимов, Е. В. Анна Иоанновна / Е. В. Анисимов. – [2-е изд.]. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 362 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1076 (876)).
38. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ XVIII век, 1-я четверть / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с.
39. Анисимов, Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е. В. Анисимов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. – СПб. : Д. Буланин, 1997. – 331 с.
40. Анисимов, Е. П. Елизавета Петровна / Е. П. Анисимов. – [Изд. 4-е]. – М. : Мол. гвардия, 2005. – 426 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1138 (938)).
41. Анисимов, Е. В. Императорская Россия / Е. В. Анисимов. – СПб. : Питер, 2008. – 640 с.
42. Анисимов, Е. В. Отец Отечества / Е. В. Анисимов // Звезда. – 1989. – № 11. – С. 101–118.
43. Анисимов, Е. В. Петр II / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1994. – № 8. – С. 61–74.
44. Анисимов, Е. В. Петр Великий: личность и реформы / Е. В. Анисимов. – М. ; СПб. : Питер, 2009. – 447 с.
45. Анисимов, Е. В. Петр Первый: рождение империи / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1989. – № 7. – С. 3–20.
46. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
47. Анисимов, Е. В. «Шведская модель» с русской «особостью»: реформа власти и управления при Петре Великом / Е. В. Анисимов // Звезда. – 1995. – № 1. – С. 133–150.
48. Анпилов, Г. Н. Сенат при Петре I / Г. Н. Анпилов // Ист. журн. – 1941. – № 4. – С. 40–49.
49. Антипов, В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44.
50. Антипов, В. С. Контрреформы и завершение политики просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та : Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2014. – № 5. – С. 3–14.
51. Антипов, В. С. Методологическая реформа 1930-х гг. и изучение политики просвещенного абсолютизма советскими историками / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2017. – Вып. 10. – С. 126–147.

52. Антипов, В. С. Отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1917 – начало 1930-х гг.) / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2015. – № 1. – С. 21–28.
53. Антипов, В. С. Советские историки о политике просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1934 – 1941) / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2018. – Вып. 11. – С. 25–39.
54. Антипов, В. С. Социальная база контрреформ в странах просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2014. – Вып. 5. – С. 270–285.
55. Антипов, В. С. Типология политики просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2013. – Вып. 4. – С. 217–241.
56. Антипов, В. С. Формирование доктрины просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2015. – Вып. 6. – С. 84–102.
57. Антоненко, Н. В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Антоненко ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2005. – 32 с.
58. Ардашев, П. Н. Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. – СПб. : Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. – 183 с.
59. Ардашев, П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. / П. Н. Ардашев. – СПб. : В. С. Балашев и К°, 1900. – Т. 1. – XVI, 658 с.
60. Ардашев, П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. / П. Н. Ардашев. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1906. – Т. 2. – XXII, 734 с.
61. Арзаканян, М. Ц. История Франции : учебник / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. – М. : Дрофа, 2005. – 474 с.
62. Арский, И. В. Могущество и упадок Испании в XVI–XVII вв. / И. В. Арский // Ист. журн. – 1937. – № 7. – С. 77–93.
63. Архив князя Ф. А. Куракина : [в 10 кн.] / под ред. М. М. Семевского. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. – Кн. 1 : Бумаги князя Б. И. Куракина, 1676–1717 г. – 362 с.
64. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 457. Оп. 1. Д. 28.
65. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 457. Оп. 1. Д. 854.
66. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 457. Оп. 1. Д. 857.
67. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1514. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.
68. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 1. Д. 165.
69. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 3.
70. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 32.
71. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 36.
72. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39.
73. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 164.
74. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 175.
75. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 192.
76. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 5. Д. 103.
77. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 207.
78. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 208.
79. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 2. Д. 506.
80. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1577. Оп. 6. Д. 277.
81. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1604. Оп. 1. Д. 311.
82. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1742. Оп. 1. Д. 11.
83. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1742. Оп. 1. Д. 87.
84. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1791. Оп. 1. Д. 87.
85. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1900. Оп. 1. Д. 90.
86. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1900. Оп. 1. Д. 369.
87. Архив Российской академии наук (РАН). – ф. 1900. Оп. 1. Д. 430.

88. Арутюнян, В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Г. Арутюнян ; Моск. гос. ун-т. – М., 2008. – 26 с.
89. Асонов, Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Н. В. Асонов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009. – 42 с.
90. Афанасьев, Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение / Г. Е. Афанасьев. – Одесса : Тип. В. Кирхнера, 1884. – X, 290, XXI [2] с.
91. Бабич, М. В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России второй половины XVIII века в русской дореволюционной и современной буржуазной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М. В. Бабич ; Моск. гос. ун-т. – М., 1990. – 22 с.
92. Баггер, Х. Реформы Петра Великого : обзор исслед. / Х. Баггер ; пер. с дат. В. Е. Возгина. – М. : Прогресс, 1985. – 199 с.
93. Базилевич, К. В. Курс истории СССР : стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 уч. г. / К. В. Базилевич ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. ВПШ, 1940. – 256 с.
94. Базилевич, К. В. История СССР : учеб. пособие : [в 3 ч.] / К. В. Базилевич, Г. А. Новицкий ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1946. – Ч. 1 : От древнейших времен до конца XVIII века. – 742 с.
95. Бакланова, Н. А. Отражение идеи абсолютизма в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. / Н. А. Бакланова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 492–507.
96. Баклашов, А. И. Екатерина II и общественное мнение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Баклашов ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 16 с.
97. Барбашина, О. И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей / О. И. Барбашина // Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты : сб. науч. работ аспирантов и соискателей / Моск. гос. открытый пед. ун-т ; ред. И. Г. Жиряков. – М., 2000. – С. 39–53.
98. Барг, М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1991. – 399 с.
99. Барг, М. А. Кромвель и его время / М. А. Барг ; под ред. С. Д. Сказкина. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1960. – 243 с.
100. Барг, М. А. Место XVII века в истории Европы: к вопросу о «начале нового времени» / М. А. Барг // Вопр. истории. – 1985. – № 3. – С. 58–74.
101. Барг, М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI–XVIII вв. / М. А. Барг // Вопр. истории. – 1975. – № 9. – С. 69–88.
102. Барина, В. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. П. Барина ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 40 с.
103. Барчугова, А. В. Обострение классовых противоречий в Англии в конце XVI века и попытка Эссекса захватить власть / А. В. Барчугова // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Горький, 1954. – Вып. 26. – С. 31–42.
104. Барчугова, А. В. Политическая борьба в Англии в конце XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Барчугова ; Горьк. гос. ун-т. – Горький, 1951. – 17 с.
105. Батыр, К. И. Аппарат управления французского абсолютизма накануне буржуазной революции / К. И. Батыр // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; [отв. ред. К. И. Батыр]. – М., 1983. – С. 97–120.
106. Батыр, К. И. История феодального государства Франции : учеб. пособие / К. И. Батыр. – М. : ВЮЗИ, 1975. – 50 с.
107. Батыр, К. И. Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований) : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / К. И. Батыр ; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М., 1989. – 41 с.
108. Бауер, В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете : в 2 т. / В. В. Бауер. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1886. – Т. 1. – 339 с.
109. Бауер, В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете : в 2 т. / В. В. Бауер. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1888. – Т. 2. – 566 с.
110. Белявский, М. Т. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II / М. Т. Белявский // Вестн. Моск. ун-та. – 1963. – № 6. – С. 44–63.
111. Белявский, М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия / М. Т. Белявский // Вестн. Моск. ун-та. – 1970. – № 2. – С. 65–79.

112. Белявский, М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: к вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» / М. Т. Белявский // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма : межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол.: Ю. Н. Смирнов (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев, 1985. – С. 31–47.
113. Беляев, М. П. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм / М. П. Беляев, Ю. Е. Ивонин // Новая и новейш. история. – 2019. – № 2. – С. 173–184.
114. Берго, И. Б. К вопросу о политической предыстории Великой Французской революции / И. Б. Берго // Актуальные проблемы истории Великой Французской революции : материалы «круглого стола» 19–20 сент. 1988 г. / Ин-т всеобщ. истории Акад. наук СССР ; [редкол.: Е. Б. Черняк (отв. ред.) и др.]. – М., 1989. – С. 120–129.
115. Берго, И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749 – 1776 гг. / И. Б. Берго // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. С. Кучеренко. – М., 1988. – С. 37–58.
116. Берго, И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции / И. Б. Берго // Новая и новейш. история. – 1988. – № 6. – С. 39–55.
117. Берсе, И.-М. Размышления о том, как пишется история / И.-М. Берсе // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е–80-е годы XX века : [по материалам фр.-рос. коллоквиума «Французская и советская историография Старого порядка и Революции XVIII века в зеркальном отражении (20–80-е годы XX в.)», Визиль, 22–23 сент. 2006 г.] : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2007. – С. 27–33.
118. Беспалов, С. В. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России : аналит. обзор / В. С. Беспалов // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 110–135.
119. Бессарабова, Н. В. Путешествие Екатерины II по России в контексте внутренней и внешней политики (1763–1767, 1780–1787) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Бессарабова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М., 2003. – 22 с.
120. Бессмертный, Ю. Л. А. Д. Люблинская – историк-медиевист / Ю. Л. Бессмертный, В. Н. Малов // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1972. – Вып. 35. – С. 3–14.
121. Бессмертный, Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю. Л. Бессмертный // Одиссей, 1995: человек в истории. Представления о власти / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 1995. – С. 5–19.
122. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй : в 2 т. / В. А. Бильбасов. – Берлин : Ф. Готтгейнер, [1900]. – Т. 1 : Екатерина до воцарения, 1729–1762. – X, 659 с.
123. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй / В. А. Бильбасов. – Берлин : Ф. Готтгейнер, [1900]. – Т. 2 : Воцарение Екатерины, 1762–1764. – VIII, 830 с.
124. Бирюкович, В. В. Италия в XIV–XVI вв. : учеб. пособие / В. В. Бирюкович. – Л. : Изд. Воен.-полит. акад. РККА, 1937. – 37 с.
125. Бирюкович, В. В. Народные восстания в Бордо и Гиени / В. В. Бирюкович // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1938. – Вып. 2. – С. 360–397.
126. Бирюкович, В. В. Народные движения во Франции в 1624–1634 гг. / В. В. Бирюкович // Труды военно-политической академии : сб. ст. / редкол.: А. М. Царицын [и др.]. – М., 1940. – Вып. 4. – С. 223–279.
127. Бирюкович, В. В. О некоторых вопросах развития феодального общества / В. В. Бирюкович // Вопр. истории. – 1952. – № 2. – С. 30–46.
128. Бирюкович, В. В. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–1624 гг. / В. В. Бирюкович // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1938. – Вып. 3. – С. 181–240.
129. Блуменау, С. Ф. Жак Неккер / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2004. – № 7. – С. 56–76.
130. Блуменау, С. Ф. Людовик XV / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2000. – № 9. – С. 62–82.
131. Блуменау, С. Ф. Некоторые проблемы изучения Великой Французской революции / С. Ф. Блуменау // Преподавание истории в шк. – 1989. – № 4. – С. 7–18.
132. Блуменау, С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2003. – № 9. – С. 155–161.
133. Бовыкин, Д. Блохи вместо платья / Д. Бовыкин // Новое лит. обозрение. – 2010. – № 4. – С. 437–439.
134. Бовыкин, Д. Все смешалось в доме Мазарини... / Д. Бовыкин // Новое лит. обозрение. – 2010. – № 2. – С. 385–389. – Рец. на кн.: Ивонина, Л. И. Мазарини / Л. Ивонина. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 303 с.
135. Богданов, А. А. Краткий курс экономической науки / А. А. Богданов ; Рос. ком. партия (большевик). – Перераб. и доп. – Петербург : Госиздат, 1922. – 264 с.

136. Богданов, А. П. Федор Алексеевич / А. П. Богданов // Вопр. истории. – 1994. – № 7. – С. 59–77.
137. Богословский, М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века / М. М. Богословский. – Изд. 2-е. – Петербург : Задруга, 1918. – 47 с.
138. Богословский, М. М. Конституционное движение 1730 г. / М. М. Богословский. – М. : Е. В. Кожевникова и Е. А. Коломийцев, 1906. – 40 с. – (Библиотека «Свободная Россия» ; № 18).
139. Богословский, М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг. / М. М. Богословский. – М. : Имп. об-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1902. – XVI, 522 с.
140. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой философии : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М., 1970. – Т. 2 : Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 144–147.
141. Бодров, О. В. М. М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. В. Бодров ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 27 с.
142. Бойцов, М. А. Вперед, к Геродоту! / М. А. Бойцов // Казус: индивидуальное и уникальное в истории : альманах / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 17–41.
143. Большаков, А. О. Василий Васильевич Струве / А. О. Большаков // Портреты историков: время и судьбы : [в 2 т.] / Акад. исслед. культуры. – М. : Иерусалим, 2000. – Т. 2 : Всеобщая история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – С. 41–52.
144. Болтунова, Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация / Е. М. Болтунова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2011. – 351 с.
145. Боровой, А. А. История личной свободы во Франции / А. Боровой. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, – 1910. – Т. 1, ч. 1 : Старый порядок и революция. – VI, 670 с.
146. Боханов, А. Н. Император Александр III: [жизнеописание рус. царя] / А. Н. Боханов. – 5-е изд. – М. : Рус. сл., 2009. – 511 с.
147. Боханов, А. Н. Император Николай II / А. Н. Боханов. – 3-е изд. – М. : Рус. сл., 2004. – 567 с.
148. Боханов, А. Последний самодержец / А. Боханов // Alma mater : вестн. высш. шк. – 1991. – № 12. – С. 98–107.
149. Боханов, А. Н. Сумерки монархии / А. Н. Боханов. – М. : Воскресенье, 1993. – 288 с.
150. Боханов, А. Н. Царь Алексей Михайлович / А. Н. Боханов. – М. : Вече, 2012. – 368 с.
151. Брачев, В. С. «Наша русская школа историков» и ее судьба / В. С. Брачев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2001. – Вып. 1, № 2. – С. 3–14.
152. Брачев, В. С. Сергей Федорович Платонов / В. С. Брачев // Отечеств. история. – 1993. – № 1. – С. 111–128.
153. Брачев, В. С. Травля русских историков / В. С. Брачев. – М. : Алгоритм, 2006. – 318 с.
154. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 687 с.
155. Брикнер, А. Г. История Павла I / А. Г. Брикнер ; [пер. М. Чепинской]. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 287 с.
156. Брикнер, А. Г. История Петра Великого : в 2 т. / А. Г. Брикнер. – М. : Терра, 1996. – 2 т.
157. Брикнер, А. Г. Русский двор при Петре Втором (1727–1730) / А. Г. Брикнер. – [Б. м. : б. и.], 1896. – 108 с.
158. Бугаева, Н. А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. А. Бугаева ; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2008. – 26 с.
159. Буганов, В. И. Екатерина I / В. И. Буганов // Вопр. истории. – 1994. – № 11. – С. 39–49.
160. Буганов, В. И. Петр Великий и его время / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1989. – 192 с.
161. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1929. – Ч. 1 / ред. В. И. Вернадский. – 218 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7).
162. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1931. – Ч. 2 / ред. С. А. Жебелев. – 223 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7).
163. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул ; Рос. акад. наук, С.-Петерб. фил. арх. Рос. акад. наук ; сост. И. В. Тункина. – М. : Индрик, 2008. – 831 с.
164. Букштейн, А. Крестьянское движение во Франции в XVI веке (о восстании кроканов) / А. Букштейн // Борьба кл. – 1936. – № 6. – С. 80–88.
165. Булыгин, И. А. Начальный этап генезиса капитализма в России / И. А. Булыгин // Вопр. истории. – 1966. – № 10. – С. 65–90.

166. Буров, С. В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых–тридцатых годах XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. В. Буров ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 20 с.
167. Бутенко, В. А. Наука новой истории в России / В. А. Бутенко // *Анналы*. – 1922. – № 2. – С. 129–167.
168. Буткевич, Т. И. Уроки первой Французской революции (из переписки друзей) / Т. И. Буткевич. – Харьков : Тип. Губ. Правления. – 1907. – 179 с.
169. Вайнштейн, О. Л. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками / О. Л. Вайнштейн // *Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1958 / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.* – М., 1959. – С. 491–513.
170. Вайнштейн, О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О. Л. Вайнштейн ; *Ин-т истории Акад. наук СССР*. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1940. – 375 с.
171. Вайнштейн, О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966 / О. Л. Вайнштейн ; *Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд-ние*. – Л. : Наука, 1968. – 424 с.
172. Вайнштейн, О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. : очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине 17-го в. / О. Л. Вайнштейн. – [М.] : Госполитиздат, 1947. – 216 с.
173. Вайнштейн, О. Л. Феодализм в Западной Европе / О. Л. Вайнштейн, Е. А. Косминский. – [М.] : Журн.-газ. об-ние, 1932. – Ч. 1. – 164 с.
174. Ванаг, Н. Н. Краткий очерк истории народов СССР / Н. Н. Ванаг. – Л. : Партиздат, 1932. – Ч. 1. – 415 с.
175. Вандалковская, М. Г. «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова и современники / М. Г. Вандалковская // *История и историки : [сб. ст.] / Рос. акад. наук [и др.] ; отв. ред. И. Д. Ковальченко*. – М., 1995. – С. 255–278.
176. Вандалковская, М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика / М. Г. Вандалковская / *Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории*. – М. : Наука, 1992. – 287 с.
177. Варьяш, О. И. Королевская власть и ордена в Испании XVI века (по док. ордена Калатрава, ЛОИИ АН СССР) / О. И. Варьяш // *Россия и Испания: историческая ретроспектива / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.* – М., 1987. – С. 222–229.
178. Васильева, Н. И. Первая российская революция и самодержавие : (гос.-прав. пробл.) / Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин, А. И. Королев ; *Ленингр. гос. ун-т*. – Л. : ЛГУ, 1975. – 151 с.
179. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. – М. : Рос. полит. энцикл., 2008. – 255 с.
180. Вдовина, Л. Н. Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» / Л. Н. Вдовина // *Россия в средние века и новое время : сб. ст. к 70-летию чл.-кор. Рос. акад. наук Л. В. Милова / [Моск. гос. ун-т, Ист. фак., Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; редкол.: В. А. Кучкин (отв. ред.) и др.]*. – М., 1999. – С. 256–271.
181. Вебер, Б. Г. Историографические проблемы / Б. Г. Вебер ; *Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории*. – М. : Наука, 1974. – 336 с.
182. Вебер, Б. Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой Французской революции // *Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1960 / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.* – М., 1961. – С. 489–526.
183. Вебер, Б. Г. [Рецензия] / Б. Г. Вебер // *Изв. Акад. наук СССР*. – 1948. – Т. 5, № 4. – С. 382–387. – Рец. на кн.: Поршнева, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнева ; *Акад. наук СССР, Ин-т истории*. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 724 с.
184. Ведюшкин, В. А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI–XVII вв.) / В. А. Ведюшкин // *Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме : [сб. ст.] / Акад. наук СССР [и др.] ; отв. ред. Е. В. Гутнова*. – М., 1985. – С. 93–110.
185. Вейсман, А. Д. О задачах преподавания истории в средних учебных заведениях / А. Д. Вейсман // *Журн. М-ва нар. просвещения*. – 1908. – Июль. – С. 19–30.
186. Величко, А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка / А. В. Величко // *Мир рус. сл.* – 2015. – № 2. – С. 12–16.
187. Виванти, К. Заметки к дискуссии об абсолютизме / К. Виванти // *Документы советско-итальянской конференции историков «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века», Москва, 8–10 апр. 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков ; редкол.: С. Д. Сказкин (отв. ред.) и др.* – М., 1970. – С. 61–85.
188. Виллар, Ж. Формирование французской нации (X – начало XIX в.) / Ж. Виллар, К. Виллар ; пер. с фр. О. В. Волкова ; ред. А. З. Манфред. – М. : Иностр. лит., 1957. – 335 с.

189. Виноградова, Н. Н. Коронация Александра II: образ власти глазами современников (на основе анализа материалов прессы) / Н. Н. Виноградова // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История*. – 2008. – № 2 (14). – С. 28–37.
190. Виноградова, Н. Н. Коронация в России во второй половине XIX века как общественно-политическое явление : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Н. Виноградова ; *Волгогр. гос. ун-т*. – Волгоград, 2004. – 30 с.
191. Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки / Р. Ю. Виппер. – Казань : Гос. изд-во, 1921. – 39 с. – (Сборники Ассоциации для изучения общественных наук при высших учебных заведениях г. Казани ; т. 1, вып. 4).
192. Виппер Р. Ю. Новая история : [в 2 кн.] / Р. Ю. Виппер. – 8-е изд. – М. : Мир, 1923. – Кн. 1 : Новая история. 1500–1789. – 283 с.
193. Виппер, Р. Ю. Учебник истории : [в 3 ч.] / Р. Ю. Виппер. – Рига : Вальтера и Рапа, 1928. – Ч. 3 : Новое время. – 473 с.
194. Вите, О. Т. Борис Федорович Поршнева (1905–1972) / О. Т. Вите, А. В. Гордон // *Новая и новейш. история*. – 2006. – № 1. – С. 181–200.
195. Вишленкова, Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. / Е. А. Вишленкова ; [Саратов. межрегион. ин-т обществ. наук]. – Саратов : Саратов. ун-т, 2002. – 467 с.
196. Вишленкова, Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи / Е. А. Вишленкова ; *Казан. гос. ун-т*. – Казань : Форт диалог, 1997. – 188 с.
197. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – 3-е изд., доп. – Киев ; СПб. : Изд-во Н. Я. Оглоблина, 1900. – 667, II с.
198. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / *Моск. гос. ун-т, Ист. фак.* ; отв. ред. Т. П. Гусарова. – М. : КДУ, 2011. – 597 с.
199. Власть и реформы : от самодержавной к Советской России / *Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петербург. фил.* ; редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др. – СПб. : Д. Буланин, 1996. – 801 с.
200. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / *ОЛМА медиагр.* ; редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др. – 2-е изд. – М. : Олма-Пресс, 2006. – 734 с.
201. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / *Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т* ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М. : Наука, 2008. – 600 с.
202. Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633–1649 гг. : [сб. док.] / *Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории*. – Л. ; М : Наука, 1966. – 406 с.
203. Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633–1649 гг.: Северные и Центральные провинции : [сб. док.] / *Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд.* ; под ред. А. Д. Люблинской. – Л. : Наука, 1980. – 278 с.
204. Водарский, Я. Е. Петр I / Я. Е. Водарский // *Вопр. истории*. – 1993. – № 6. – С. 59–78.
205. Водарский, Я. Е. Реформаторство Петра I и Екатерины II в контексте Европейской истории / Я. Е. Водарский // *Россия и мировая цивилизация : к 70-летию чл.-кор. Рос. акад. наук А. Н. Сахарова / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; редкол.: А. Н. Боханов и др.* – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 671 с.
206. Волгин, В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748–1789) / В. П. Волгин ; *Акад. наук СССР, Ин-т истории*. – М. ; Л. : АН СССР, 1940. – 192 с.
207. Волков, М. Я. О становлении абсолютизма в России / М. Я. Волков // *История СССР*. – 1970. – № 1. – С. 90–104.
208. Волкова, И. В. «Новый период» истории России в трудах С. М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Волкова ; *Моск. гос. ун-т*. – М., 1984. – 20 с.
209. Волобуев, О. В. Дворянская революция в странах Западной Европы как переходный период всемирной истории в трактовках Н. А. Рожкова / О. В. Волобуев // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки*. – 2010. – № 2. – С. 33–37.
210. Волобуев, О. В. Николай Александрович Рожков / О. В. Волобуев // *Избранные труды / Н. А. Рожков ; Ин-т обществ. мысли*. – М., 2010. – С. 5–50.
211. Волобуев, О. В. Феодальная революция в трактовке Н. А. Рожкова / О. В. Волобуев // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки*. – 2009. – № 4. – С. 124–130.
212. Володьков, О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.) / О. П. Володьков ; *М-во образования и науки Рос. Федерации, Омск. гос. ун-т* ; [отв. ред. Ю. А. Сорокин]. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2011. – 567 с.

213. Володьков, О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. П. Володьков ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2002. – 18 с.
214. Володьков, О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в оценке М. Н. Покровского / О. П. Володьков // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 5. – С. 118–121.
215. Волосюк, О. В. Г. М. де Ховельянос и политика просвещенного абсолютизма в Испании во второй половине XVIII века : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Волосюк ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1985. – 25 с.
216. Воробьева, Е. Д. Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта, 1603–1625 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. Д. Воробьева ; М-во просвещения РСФСР, Моск. гос. пед. ин-т. – М. : 1962. – 12 с.
217. Воровский, В. В. Буржуазия и монархия / В. В. Воровский // Избранные произведения о первой русской революции / В. В. Воровский. – М., 1955. – С. 32–38.
218. Воровский, В. В. О природе абсолютизма : (по поводу книги М. Александра «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России») / В. В. Воровский // Сочинения : в 3 т. – М., 1932. – Т. 1. – С. 189–208.
219. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред.: В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – 854 с.
220. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. – 787 с.
221. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1958. – Т. 4 / [под ред. М. М. Смирнова (отв. ред.) и др.]. – 823 с.
222. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1958. – Т. 5 / [под ред. Я. Я. Зутиса (отв. ред.) и др.]. – 782 с.
223. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 6 / [под ред. Н. А. Смирнова (отв. ред.) и др.]. – 830 с.
224. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 7 / [под ред. А. А. Губера (отв. ред.) и др.]. – 819 с.
225. Вульфийс, А. Г. Западная Европа в Новое время / А. Г. Вульфийс. – Петербург : Наука и шк., 1920. – 39 с.
226. Высокочков, Л. В. Император Николай I. Проблемы изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996–2005) / Л. В. Высокочков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. – 2005. – Вып. 4. – С. 79–99.
227. Высокочков, Л. В. Николай I / Л. В. Высокочков. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 694 с. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий ; вып. 1175 (973)).
228. Высылка интеллигенции 1922 г. // Революция и гражданская война в России 1917–1923 гг. : энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. С. А. Кондратов. – М., 2008. – Т. 1 : Абациев - Дмитрий Павлович. – С. 392–393.
229. Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. : [матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі] : у 2 ч. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; [уклад. А. А. Скеп'ян ; рэдкал.: У. Р. Гусакоў (старш.) і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 2 ч.
230. Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005–2010. – 2 т.
231. Гавлин, М. Я. [Рецензия] / М. Я. Гавлин, В. М. Шевырин // Вопр. истории. – 1977. – № 5. – С. 168–171. – Рец. на кн.: Давидович, А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России) / А. М. Давидович. – М. : Наука, 1975. – 350 с.
232. Гайнутдинов, Р. К. Политико-правовая идеология меркантилизма в России XVII – первой четверти XVIII веков : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Р. К. Гайнутдинов ; Ин-т междунар. права и экономики. – М., 2005. – 39 с.
233. Галанза, П. Н. Об ошибочных взглядах Б. Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства / П. Н. Галанза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. обществ. наук. – 1951. – Вып. 4, № 9. – С. 163–174.
234. Галанза, П. Н., Феодальное государство и право Германии / П. Н. Галанза ; Моск. гос. ун-т, Юрид. фак. – М. : МГУ, 1963. – 45 с.
235. Галанза, П. Н. Феодальное государство и право Франции / П. Н. Галанза ; Моск. гос. ун-т, Юрид. фак. – М. : МГУ, 1963. – 64 с.
236. Ганелин, Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году : реформы и революция / Р. Ш. Ганелин / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, С.-Петерб. отд-ние. – СПб. : Наука, 1991. – 221 с.

237. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой : страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. / Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 214 с. – (Библиотека журнала «Нестор»: источники и исследования истории и культуры России и Восточной Европы ; т. 8).
238. Ганелин, Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха / Р. Ш. Ганелин // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 102–112.
239. Германская история в новое и новейшее время : в 2 т. / редкол.: С. Д. Сказкин [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 1. – 510 с.
240. Герцен, Н. А. Восприятие образа правителя в русской культуре конца XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Н. А. Герцен ; Гос. акад. слав. культуры. – М., 2006. – 28 с.
241. Герье, В. И. Идея народовластия и Французская революция 1789 г. / В. И. Герье. – М. : Печатня С. П. Яковлева, 1904. – 571 с.
242. Герье, В. И. История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. / В. И. Герье. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902. – 525 с.
243. Герье, В. И. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. / В. И. Герье. – М. : Унив. тип. Каткова, 1884. – 143 с.
244. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе : пер. с фр. / Ф. Гизо ; ред. совет: Г. П. Пашков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. энцикл., 2005. – 416 с.
245. Гоббс, Т. Избранные произведения : в 2 т. : [пер. с латин. и англ.] / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 748 с. – (Философское наследие ; т. 107).
246. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Избр. произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1964. – Т. 2. – С. 45–678.
247. Гоббс, Т. Основы философии : часть третья : о гражданине // Избр. произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1964. – Т. 1. – С. 287–387.
248. Голечкова, О. Ю. Высшая бюрократия Российской империи в конце XIX – начале XX века: А. А. Половцов и его окружение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Ю. Голечкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2013. – 31 с.
249. Голикова, Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. / Н. Б. Голикова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 243–282.
250. Горбачев, М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается : докл. на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верхов. Совета СССР и Верхов. Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалист. революции в Кремл. дворце съездов 2 нояб. 1987 г. / М. С. Горбачев. – С. : Политиздат, 1987. – 63 с.
251. Горбунова, Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ю. Ф. Горбунова ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2004. – 26 с.
252. Гордон, А. В. Историки железного века / А. В. Гордон ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам. – М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2018. – 447 с.
253. Гордон, Л. С. Упадок монархии. Век Просвещения / Л. С. Гордон // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 285–329.
254. Гордон, Л. С. Абсолютизм XVII века / Л. С. Гордон, Б. Ф. Поршнев // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 235–284.
255. Горин, П. О. М. Н. Покровский – большевик-историк : сб. ст. о М. Н. Покровском / П. О. Горин ; Беларус. акад. наук, Ин-т истории. – Минск : [б. и.], 1933. – 113 с.
256. Горяинов, А. Н. О публикуемой рукописи и ее судьбе / А. Н. Горяинов // Одиссей, 2007 : Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2007. – С. 250–252.
257. Градовский, А. Н. Собрание сочинений : в 9 т. / А. Н. Градовский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – Т. 7 : Начала русского государственного права, ч. 1 : О государственном устройстве. – 433 с.
258. Грановский, Т. Н. Лекции по истории Средневековья / Т. Н. Грановский ; Акад. наук СССР ; отв. ред.: Е. В. Гутнова, С. С. Дмитриев. – М. : Наука, 1986. – 428 с.
259. Григорьев, С. Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Л. Григорьев ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

260. Гриценко, Н. Ф. Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в. / Н. Ф. Гриценко // Экон. и соц.-гуманитар. исслед. – 2014. – № 2. – С. 99–108.
261. Гриценко, Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: политические и духовные аспекты внутренней политики / Н. Ф. Гриценко. – М.: Рус. путь, 2000. – 240 с.
262. Гриценко, Н. Ф. Официальная доктрина внутриполитического курса России конца XIX века: политические и духовные аспекты внутренней политики : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. Ф. Гриценко ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2000. – 43 с.
263. Губер, А. А. XII Международный конгресс исторических наук / А. А. Губер // Вопр. истории. – 1966. – № 3. – С. 3–14.
264. Гуревич, А. Я. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия / А. Я. Гуревич // Одиссей, 2007 : Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2007. – С. 341–349.
265. Гуревич, А. Я. Историк среди руин: попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой / А. Я. Гуревич // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 362–393.
266. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 288 с.
267. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопр. истории. – 1991. – № 3/4. – С. 21–36.
268. Гуревич, А. Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л. Т. Мильской / А. Я. Гуревич // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2005. – Вып. 66. – С. 408–414
269. Гуревич, А. Я. "Путь прямой, как Невский проспект" или исповедь историка / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – 1994. – Т. 1992. – С. 7–34.
270. Гусарова, Т. П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. / Т. П. Гусарова // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 163–170.
271. Гусев, А. В. Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Гусев ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М., 2005. – 24 с.
272. Гусев, И. В. Монархическое направление русской социально-политической мысли XIX–XX веков : автореф. ... дис. канд. филос. наук : 09.00.03 / И. В. Гусев ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 19 с.
273. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики / Е. В. Гутнова, А. Н. Чистозвонов // Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. к 80-летию акад. Сергея Даниловича Сказкина. – М., 1972. – С. 5–15.
274. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин : к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности / Е. В. Гутнова // Вопр. истории. – 1961. – № 1. – С. 116–120.
275. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) / Е. В. Гутнова // Новая и новейш. история. – 1993. – № 2. – С. 145–163.
276. Гутнова, Е. В. Государство в структуре и эволюции феодального общества / Е. В. Гутнова // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. – М., 1989. – Вып. 2. – С. 247–260.
277. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) / Е. В. Гутнова. – М.: Высш. шк., 1974. – 399 с.
278. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Е. В. Гутнова. – М.: Высш. шк., 1985. – 419 с.
279. Гутнова, Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса : учеб.-метод. пособие / Е. В. Гутнова. – Изд. 2-е. – М.: МГУ, 1970. – 103 с.
280. Гутнова, Е. В. Памяти академика С. Д. Сказкина / Е. В. Гутнова // Вопр. истории. – 1980. – № 10. – С. 121–128.
281. Гутнова, Е. В. Пережитое / Е. В. Гутнова. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
282. Гутнова, Е. В. Пятьдесят лет советской медиевистики / Е. В. Гутнова // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1967. – Вып. 30. – С. 3–40.
283. Гутнова, Е. В. Проблемы истории средних веков на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте / Е. В. Гутнова, Л. А. Котельникова, Л. С. Чиколини // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1987. – Вып. 50. – С. 30–57.
284. Давидович, А. М. Кризис самодержавия в эпоху империализма и его крах / А. М. Давидович // Ученые записки Таджикского университета / Таджик. ун-т, Юрид. фак. – Душанбе, 1968. – Т. 1. – С. 100–159.

285. Давидович, А. М. Ленинская концепция абсолютизма (самодержавия) и современная литература / А. М. Давидович // Актуальные проблемы истории государства и права / Ин-т государства и права Акад. наук СССР. – М., 1976. – С. 32–37.
286. Давидович, А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России) / А. М. Давидович. – М.: Наука, 1975. – 350 с.
287. Давидович, А. М. Самодержавное государство в России в эпоху империализма (классовая сущность и идеология российского абсолютизма) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. М. Давидович ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М., 1974. – 60 с.
288. Давидович, А. М. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма / А. М. Давидович, С. А. Покровский // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 58–67.
289. Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М.; СПб.: Алетей, 2001. – Вып. 1. – 352 с.
290. Делягин, И. В. Выставка власть и управление в царствование Федора Алексеевича : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Делягин ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 19 с.
291. Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII – XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 206–242.
292. Демидова, Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке / Н. Ф. Демидова // Ист. зап. / Рос. акад. наук, Отд. истории. – М., 1982. – Вып. 108. – С. 109–154.
293. Демидова, Н. Ф. Пролог: Сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем / Н. Ф. Демидова // Родина. – 1993. – № 1. – С. 126–127.
294. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07. 00. 02. / Н. Ф. Демидова ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1988. – 44 с.
295. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова ; отв. ред. А. А. Преображенский. – М.: Наука, 1987. – 225 с.
296. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625 – 1700) : биографический справочник / Н. Ф. Демидова. – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 717 с.
297. Денисенко, Н. П. Испанская корона и крестьянство в XVI в. / Н. П. Денисенко // Россия и Испания: историческая ретроспектива / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1987. – С. 230–241.
298. Денисенко, Н. П. Испанская монархия в последней трети XV – начале XVI века : учеб. пособие / Н. П. Денисенко ; Иваново. гос. ун-т. – Иваново : ИГУ, 1991. – 74 с.
299. Дербов, Л. А. В. И. Ленин о классовой сущности и основных этапах эволюции самодержавия в России / Л. А. Дербов // Историографический сборник / Саратов. ун-т. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 3–33.
300. Десимон, Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: функции метафор / Р. Десимон // «Анналы» на рубеже веков: антология / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2002. – С. 169–193.
301. Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г. : докл. совет. делегации / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: А. М. Панкратова (отв. ред.) и др.]. – М.: АН СССР, 1956. – 686 с.
302. Дитятин, И. И. Верховная власть в России XVIII столетия : ст. по истории рус. права / И. И. Дитятин. – СПб.: О. Н. Попова, 1895. – [4], 632 с.
303. Дискуссии // Вопр. истории. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
304. Дискуссия по статье М. А. Бойцова "Вперед, к Геродоту!" // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 42–75.
305. Дживелегов, А. Абсолютизм / А. Дживелегов // Энциклопедический словарь русского библиографического института "Гранат" : в 58 т. / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.]. – 7-е перераб. изд. – М., [б. г.]. – Т. 1 : А – Актуарий. – Стб. 64–73.
306. Дмитриева, О. В. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI – начала XVII в. / О. В. Дмитриева // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 360–382.
307. Дмитриева, О. В. «Древо жизни в земном Раю»: библейские аллюзии в репрезентации Елизаветы I / О. В. Дмитриева // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2006. – С. 377–403.
308. Дмитриева, О. В. Елизавета Тюдор / О. В. Дмитриева. – М.: Мол. гвардия, 2004. – 308 с.
309. Дмитриева, О. В. Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов ритуальных речей в парламентах елизаветинской Англии / О. В. Дмитриева // Власть, общество, индивид в средневековой

- Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 469–494.
310. Дмитриева, О. В. «Милостивейшая и грозная»: репрезентация Елизаветы I во вступительных парламентских речах лорда-хранителя печати / О. В. Дмитриева // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатуряна / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 164–186.
311. Дмитриева, О. В. «Монументы преданности»: частное строительство и организация королевских визитов в елизаветинской Англии / О. В. Дмитриева // Культура Возрождения и власть / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. – М., 1999. – С. 178–186.
312. Дмитриева, О. В. «Новая бюрократия» при дворе Елизаветы I Тюдор / О. В. Дмитриева // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 137–148.
313. Дмитриева, О. В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор / О. В. Дмитриева // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 155–163
314. Дмитриева, О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Дмитриева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1985. – 22 с.
315. Докукин, А. В. Денежная реформа царя Алексея Михайловича : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Докукин ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2002. – 16 с.
316. Документы по истории внешней политики Франции, 1547–1548 гг / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории. – Л. ; М : АН СССР, 1963. – 394 с.
317. Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561–1563 гг. : [из отд. рукоп. Гос. публ. б-ки] / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории ; [под ред. А. Д. Люблинской]. – М ; Л. : АН СССР, 1962. – 364 с.
318. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1958. – Вып. 12. – С. 149–171.
319. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1958. – Вып. 13. – С. 155–180.
320. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 14. – С. 168–190
321. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 15. – С. 149–174.
322. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1961. – Вып. 19. – С. 292–329.
323. Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апр. 1968 г. «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века». – М. : Наука, 1970. – 374 с.
324. Долгих, А. Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке / А. Н. Долгих // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (76). – С. 93–97.
325. Домнина, И. И. История российского императорского двора. Формирование обрядов жизненного цикла российских императоров (первая четверть XVIII – середина XIX веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Домнина ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб, 2001. – 24 с.
326. Донников, А. В. Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Донников ; Моск. гос. ун-т сервиса. – М., 2003. – 28 с.
327. Дорофеева, А. В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Дорофеева ; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 28 с.
328. Дорохов, В. Н. Исторические взгляды П. Н. Милюкова : автореф. дис. ... канд ист. наук : 07.00.09 / В. Н. Дорохов ; Ун-т Рос. акад. образования. – М., 2005. – 30 с.
329. Дружинин, Н. М. Воспоминания и мысли историка / Н. М. Дружинин. – 2-е изд. – М. : Наука, 1979. – 166 с.
330. Дружинин, Н. М. Просвещенный абсолютизм в России / Н. М. Дружинин // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 428–459.
331. Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск : Брян. гос. ун-т. – Брянск, 2005. – 800 с.
332. Дубровский, С. М. Дворянская монархия XVIII века : стеногр. лекции / С. М. Дубровский ; Шк. про-

- пагандистов при Ленингр. обл. и гор. комитете ВКП(б). – Л. : Шк. пропагандистов при Ленингр. обл. и гор. комитете ВКП(б), 1936. – 16 с.
333. Дубровский, С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала / С. М. Дубровский. – М. : Науч. ассоц. востоковедов при ЦИК СССР, 1929. – 169 с.
334. Дунаевский, В. А. Николай Михайлович Лукин. Портреты историков: время и судьбы : очерки : [в 4 т.] / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М. ; Иерусалим, 2000. – Т. 2 : Всеобщая история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – С. 310–321.
335. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис ; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М. : АСТ, 2004. – 943 с.
336. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917) / В. С. Дякин. – М. : Наука, 1967. – 371 с.
337. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. / В. С. Дякин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1988. – 227 с.
338. Евдокимова, А. А. История раннего Нового времени. Эпоха Реформации / А. А. Евдокимова. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2004. – 288 с.
339. Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. к 80-летию акад. С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1972. – 446 с.
340. Европейские монархии в прошлом и настоящем, XVIII–XX века. – СПб. ; М. : Алетейя, 2001. – 302 с.
341. Елисеева, О. И. Екатерина Великая / О. И. Елисеева. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 635 с.
342. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М. : Мысль, 1981. – 252 с.
343. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : пособие для учителя / Н. П. Ерошкин. – М. : Учпедгиз, 1960. – 395 с.
344. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 352 с.
345. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции : учеб. пособие / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов. – М. : МГИАИ, 1965. – 417 с.
346. Ерошкин, Н. П. Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. П. Ерошкин ; Моск. гос. ист-арх. ин-т. – М., 1973. – 96 с.
347. Ерошкин, Н. П. Российское самодержавие : к 75-летию Ист.-арх. ин-та / Н. П. Ерошкин ; отв. ред В. А. Муравьев. – М. : РГГУ, 2006. – 495 с.
348. Ерошкин, Н. П. Самодержавие накануне краха / Н. П. Ерошкин. – М. : Просвещение, 1975. – 160 с.
349. Есаков, В. Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия / В. Д. Есаков // Тр. Ин-та рос. истории Рос. акад. наук / Рос. акад. наук, Ин-та Рос. акад. наук. – М., 2008. – Вып. 7. – С. 252–272.
350. Ефимов, А. В. Изучение Новой истории в СССР / А. В. Ефимов // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры : науч. конф. 5–12 июня 1944 г : прогр. и тез. докл. / Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. В. И. Спицын]. – М., 1944. – С. 71–72.
351. Ешевский, С. В. Сочинения : в 2 ч. / С. В. Ешевский. – М. : Тип. Грачева и К^o, 1870. – Ч. 1. – 576 с.
352. Желенина, И. А. Международные конгрессы историков / И. А. Желенина // Советская историческая энциклопедия : [в 16 т.] / гл. ред. Е. М. Жуков. – М., 1966. – Т. 9 : Мальта-Нахимов. – Стб. 269–276.
353. Жемойтель, Л. В. Абсолютистское государство как специфическая форма выражения относительной самостоятельности надстройки в отношении базиса / Л. В. Жемойтель // Учен. зап. Карел. пед. ин-та / Карел. пед. ин-т. – Петрозаводск, 1959. – Т. 9. – С. 18–26.
354. Жордания Гиви Георгиевич [Электронный ресурс] // Всемирная история. – Режим доступа: w.histrf.ru/articles/article/chow/zhordania_givi_georghievich. – Дата доступа: 02.12.2019.
355. За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. – 1953. – № 2. – С. 3–13.
356. Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 3–6.
357. Зайончковский, П. А. Александр III и его ближайшее окружение / П. А. Зайончковский // Вопр. истории. – 1966. – № 8. – С. 130–146.
358. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.
359. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1968. – 366 с.

360. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.
361. Зайончковский, П. А. [Рецензия] / П. А. Зайончковский // *Вопр. истории*. – 1977. – № 5. – С. 171–174. – Рец. на кн.: Оржеховский, И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х-70-х гг. XIX в. : лекции по спецкурсу / И. В. Оржеховский ; Горьк. гос. ун-т. – Горький : Горьк. ун-т, 1975. – 168 с.
362. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – начала 90-х гг. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1970. – 444 с.
363. Зарецкий, Ю. П. Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов 1949 года: опыт медленного чтения [Электронный ресурс] / Ю. П. Зарецкий // *Неприкосновен. запас*. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/3560-aktualnoe-proshloe-stenogramma/html>. – Дата доступа: 27.01.2020.
364. Зарубин, А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Зарубин ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2012. – 338 л.
365. Захаров, В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий [Электронный ресурс] / В. Ю. Захаров // *Знание. Понимание. Умение*. – 2008. – № 6. – Режим доступа: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/. – Дата доступа: 23.11.2018.
366. Захаров, В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века / В. Ю. Захаров // *Рос. история*. – 2011. – № 6. – С. 31–52.
367. Захаров, В. Ю. Могла ли Россия стать конституционной монархией при Александре I / В. Ю. Захаров // *Преподавание истории в шк.* – 2008. – № 8. – С. 19–26.
368. Захаров, В. Ю. Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1-ой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; 07.00.03 / В. Ю. Захаров ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2010. – 54 с.
369. Захарова, Л. Г. Александр II / Л. Г. Захарова // *Вопр. истории*. – 1992. – № 6/7. – С. 58–79.
370. Захарова, Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России / Л. Г. Захарова. – М. : РОССПЭН, 2011. – 719 с.
371. Захарова, Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. / Л. Г. Захарова // *Вопр. истории*. – 1972. – № 8. – С. 119–140.
372. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861 / Л. Г. Захарова. – М. : Моск. ун-т, 1984. – 254 с.
373. Захарова, Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) / Л. Г. Захарова // *Великие реформы в России. 1856–1874 : сборник / под ред. Л. Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бешнелл*. – М., 1992. – С. 24–43.
374. Захарова, Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России / Л. Г. Захарова // *Вопр. истории*. – 1989. – № 10. – С. 3–24.
375. Захарова, О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв.: коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы / О. Ю. Захарова. – М. : АиФ-принт, 2003. – 398 с.
376. Захарова, О. Ю. Государственный церемониал как программа власти / О. Ю. Захарова. – М. : Центрполиграф, 2014. – 381 с.
377. Захарова, О. Ю. Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII – начала XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / О. Ю. Захаров ; Моск. гос. ун-т. – М., 2002. – 46 с.
378. Захарова, Т. И. Сакрализация власти как фактор трансформации современной России : автореф. ... дис. канд. полит. наук : 23.00.02 / Т. И. Захарова ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 20 с.
379. Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // *Историк-марксист*. – 1939. – № 5/6. – С. 278–279.
380. З. В. Мосина : [некролог] // *Вопр. истории*. – 1953. – № 8. – С. 191.
381. Зезегова, О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. И. Зезегова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2004. – 24 с.
382. Земцов, Б. История России [Электронный ресурс] : для студентов техн. вузов / Б. Земцов, А. Шубин, И. Данилевский. – СПб. : Питер, 2013. – Режим доступа: https://royallib.com/read/zemtsov_b/istoriya_rossii_dlya_studentov_tehnicheskikh_vuzov.html#0. – Дата доступа: 09.05.2020.
383. Зимин, А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма / А. А. Зимин // *Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории*. – М. : Наука, 1964. – 517 с.

384. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.
385. Зимин, А. А. Реформы Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 511 с.
386. Золотарев, В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция / В. П. Золотарев. – Л. : Ленингр. ун-т, 1988. – 160 с.
387. Золотарев, В. П. Николай Иванович Кареев / В. П. Золотарев // *Портреты историков: время и судьбы : очерки : [в 4 т.] / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщ. истории*. – М., 2000. – Т. 2 : *Всеобщая история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская*. – С. 276–293.
388. Золотарев, В. П. Владимир Владимирович Бирюкович (1893–1954) / В. П. Золотарев, О. И. Зезегова // *Новая и новейш. история*. – 2001. – № 6. – С. 171–189.
389. Золотухина, Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии / Н. М. Золотухина // *Lex Rossica*. – 2016. – № 10. – С. 202–230.
390. Зонова, Н. С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Н. С. Зонова. – Н. Новгород, 2004. – 23 с.
391. Ибнеева, Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Ибнеева ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 43 с.
392. Иванов, П. К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России 60-х гг. XVIII века / П. Иванов // *Вопр. истории*. – 1950. – № 5. – С. 85–99.
393. Иванов, В. В. Ленинский принцип партийности и научная объективность / В. В. Иванов // *Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории*. – М., 1980. – Вып. 43. – С. 5–12.
394. Иванова, Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Иванова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1984. – 17 с.
395. Ивонин, Ю. Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. / Ю. Е. Ивонин // *Новая и новейш. история*. – 1990. – № 4. – С. 65–75.
396. Ивонин, Ю. Е. Англия и мир в Като-Камбрези / Ю. Е. Ивонин // *Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии : межвуз. сб. / Горьков. гос. ун-т ; [редкол.: Е. В. Кузнецов (отв. ред.) и др.]*. – Горький, 1980. – С. 17–32.
397. Ивонин, Ю. Е. Восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия / Ю. Е. Ивонин // *Вопросы истории древнего мира и средних веков : [сб. ст. : посвящ. 100-летию юбилею выдающ. белорус. учен. Н. М. Никольского, В. Н. Перцева] / под ред. Ф. М. Нечая, Г. М. Лившица*. – Минск, 1977. – С. 106–115.
398. Ивонин, Ю. Е. Генрих VIII Тюдор / Ю. Е. Ивонин // *Вопр. истории*. – 2008. – № 8. – С. 44–63.
399. Ивонин, Ю. Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века : ист. очерки / Ю. Е. Ивонин. – Днепропетровск : ДГУ, 1994. – 234 с.
400. Ивонин, Ю. Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века / Ю. Е. Ивонин // *Вопр. истории*. – 1993. – № 6. – С. 31–44.
401. Ивонин, Ю. Е. Карл V Габсбург / Ю. Е. Ивонин // *Вопр. истории*. – 2007. – № 10. – С. 46–63.
402. Ивонин, Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? / Ю. Е. Ивонин // *Вопр. истории*. – 1989. – № 12. – С. 176–178.
403. Ивонин, Ю. Е. О влиянии крестьянской войны и Реформации в Германии на политику монархий Англии и Франции / Ю. Е. Ивонин // *Античная древность и средние века : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. ун-т, Каф. ист. др. мира и средних веков*. – Свердловск, 1976. – Вып. 13. – С. 132–140.
404. Ивонин, Ю. Е. О характере реформации Генриха VIII / Ю. Е. Ивонин // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – Вып. 3. – С. 83–93.*
405. Ивонин, Ю. Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? / Ю. Е. Ивонин // *Вопр. истории*. – 1987. – № 1. – С. 67–77.
406. Ивонин, Ю. Е. Проблема возникновения княжеского абсолютизма в Германии (некоторые аспекты политики Морица Саксонского) / Ю. Е. Ивонин // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. : [редкол.: Г. Л. Курбатов (отв. ред.) и др.]*. – Л., 1987. – С. 84–95.
407. Ивонин, Ю. Е. Проблема княжеского абсолютизма в Германии в современной немецкой историографии (традиции и новации) / Ю. Е. Ивонин // *Историческое познание: традиции и новации : материалы Междунар. теорет. конф., Ижевск, 26–28 окт. 1993 г. : [в 2 ч.] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и др. ; сост. и общ. ред.: В. В. Иванова, В. В. Пузанова]*. – Ижевск, 1993. – Ч. 1. – С. 142–146.

408. Ивонин, Ю. Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. Е. Ивонин ; Ленингр. гос. ун-т, 1974. – 23 с.
409. Ивонин, Ю. Е. Сословия, католицизм и абсолютизм / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 1974. – № 8. – С. 193–194.
410. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время, 1495–1806 : в 2 т. / Ю. Е. Ивонин. – М. : РКонсульт, 2007. – Т. 2, ч. 1 : Властители Старой империи : очерки. – 274 с.
411. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время, 1495–1806 : в 2 т. / Ю. Е. Ивонин. – М. : РКонсульт, 2009. – Т. 2, ч. 2 : Рейхстаги. Национальное и универсальное. Бюрократия и придворное общество. Секуляризация 1803 г. и конец Священной Римской империи. – 335 с.
412. Ивонин, Ю. Е. Филипп II Габсбург / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2011. – № 12. – С. 41–57.
413. Ивонин, Ю. Е. Франциск I Валуа / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2014. – № 4. – С. 19–42.
414. Ивонин, Ю. Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2003. – № 10. – С. 49–74.
415. Ивонин, Ю. Е. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. / Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина. – Смоленск : Русич, 2004. – 463 с.
416. Ивонин, Ю. Е. Густав II Адольф / Ю. Е. Ивонин, А. А. Ходин // Вопр. истории. – 2010. – № 9. – С. 52–69.
417. Ивонина, Л. Ловля блох на платье XVII в. / Л. Ивонина // Новое лит. обозрение. – 2010. – № 4. – С. 434–437.
418. Ивонина, Л. И. Мазарини / Л. И. Ивонина. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 301 с.
419. Ивонина, Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. / Л. И. Ивонина // Вопр. истории. – 2012. – № 8. – С. 104–117.
420. Иконников, В. С. [Рецензия] / В. С. Иконников // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Февр. – С. 367–399. – Рец. на кн.: Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1899. – 665 с. – (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета ; ч. 52)
421. Иконников, В. С. [Рецензия] / В. С. Иконников // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Апр. – С. 165–189. – Рец. на кн.: Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1899. – 665 с. – (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета ; ч. 52).
422. Ильдесаймер, Ф. Архивы канцлера Сегье: от Парижа до Санкт-Петербурга / Ф. Ильдесаймер // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е–80-е годы XX века : [по материалам фр.-рос. коллоквиума «Французская и советская историография Старого порядка и Революции XVIII века в зеркальном отражении (20–80-е годы XX в.)», Визиль, 22–23 сент. 2006 г.] : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории РАН, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2007. – С. 69–86.
423. Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др. – М. : Наука, 2011. – 503 с.
424. Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – Вып. 69, № 2. – С. 55–58.
425. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / [А. А. Коваленя и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 628 с.
426. Искендеров, А. А. Историческая наука на пороге XXI века / А. А. Искендеров // Вопр. истории. – 1996. – № 4. – С. 3–31.
427. Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб. : Алетейя, 2007. – 507 с.
428. Историография истории нового времени стран Европы и Америки : [учебник] / [А. В. Адо и др.] ; под ред. И. П. Дементьева. – М. : Высш. шк., 1990. – 511 с.
429. Историческая наука в Московском университете, 1934–1984 / [Ю. С. Кукушкин и др.] ; редкол.: Ю. С. Кукушкин (отв. ред.) и др. – М. : МГУ, 1984. – 333 с.
430. Историческая наука в условиях перестройки : круглый стол // Вопр. истории. – 1988. – № 3. – С. 3–57.
431. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : одобрен ЦК ВКП(б) 1938 г. : краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – [М.] : Госполитиздат, 1938. – 352 с.

432. История Древнего Востока [Электронный ресурс] : материалы по историографии : учеб. пособие / сост.: А. А. Вигасин, С. С. Соловьева, О. В. Томашевич ; под ред. В. И. Кузицина, А. А. Вигасина. – М. : МГУ, 1991. – Режим доступа: https://studfiles.net/Istoriya_drevnego_vostoka_material_13060.doc. – Дата доступа: 06.02.2020.
433. История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук [и др.] ; гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др. – М. : Наука, 1993. – Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII вв.) / [редкол.: Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург (отв. ред.) и др.]. – 653 с.
434. История Европы: с древнейших времен до наших дней : 8 т. / Рос. акад. наук [и др.] ; гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др. – М. : Наука, 1994. – Т. 4 : Европа нового времени (XVII–XVIII века) / редкол.: М. А. Барг (отв. ред.) [и др.]. – 509 с.
435. История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук [и др.] ; редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др. – М. : Наука, 2000. – Т. 5 : От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.) [и др.]. – 667 с.
436. История Нового времени: 1600–1799 годы : учеб. пособие / под ред. А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. – М. : Академия, 2007. – 384 с.
437. История освобождения России / Рос. Соц. Федерация Совет. Респ. – М. : ВЦИК, 1918. – Т. 1 : Царизм и революция М. Н. Покровского. Общественно-литературные течения конца XIX века В. М. Фриче. – 46 с.
438. История Польши : в 3 т. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. – М. : АН СССР, 1954. – Т. 1. – 583 с.
439. История Правительствующего сената за двести лет, 1711–1911 гг. : [в 5 т.] / сост.: А. Е. Пресняков [и др.]. – СПб. : Сенат. тип., 1911. – Т. 2 : Правительствующий сенат в царствование Елисаветы Петровны и Петра Федоровича. – 806 с.
440. История России от древнейших времен до начала XX в. [Электронный ресурс] : учебник / под ред. И. Я. Фроянова. – СПб. : [б. и.], 1992. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Frojan/index.php. – Дата доступа : 08.05.2020.
441. История России с древнейших времен до 1861 года : [учебник для вузов] / [Н. И. Павленко и др.] ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Высш. шк., 1996. – 559 с.
442. История средних веков : [в 2 т.] / под ред. С. Д. Сказкина, О. Л. Вайнштейна. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Т. 2. – 562 с.
443. История средних веков : [учебник : в 2 т.] / Ин-т истории Акад. наук СССР, Ист. фак. Моск. гос. ун-та ; под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. – М. : Госполитиздат, 1952. – Т. 1. – 748 с.
444. История средних веков : [учебник : в 2 т.] / Ин-т истории Акад. наук СССР, Ист. фак. Моск. гос. ун-та ; под ред. С. Д. Сказкина, А. С. Самойло, А. Н. Чистозвонова. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 2. – 520 с.
445. История средних веков : [учебник] / [М. А. Барг и др.] ; редкол.: М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревич, Н. Ф. Колесницкий]. – М. : Высш. шк., 1964. – 703 с.
446. История средних веков : [учебник] / [М. Л. Абрамсон и др.] ; под ред. Н. Ф. Колесницкого. – Изд 2-е., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 576 с.
447. История средних веков : [учебник] : в 2 т. / под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. – М. : Высш. шк., 1966. – Т. 2. – 388 с.
448. История средних веков : [учебник : в 2 т.] / под общ. ред. С. Д. Сказкина. – 2-е изд., перераб. – Т. 2 / [С. Д. Сказкин и др.]. – М. : Высш. шк., 1977. – 335 с.
449. История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. : в 12 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; гл. ред. совет.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М. : Наука, 1967. – Сер. 1 : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, т. 3 : Превращение России в великую державу : Народные движения XVII–XVIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – 747 с.
450. История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. : в 12 т. / АН СССР, Ин-т истории ; гл. ред. совет.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М. : Наука, 1967. – Сер. 1 : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, т. 4 : Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. / отв. ред. А. В. Фадеев. – 742, [1] с.
451. История СССР : учебник : [в 2 т.] / Ин-т истории Акад. наук СССР, Каф. истории СССР, Каф. истории СССР ист. фак. Моск. гос. ун-та ; под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Т. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. – 792 с.
452. История СССР / Ин-т истории Акад. наук СССР, Ист. фак. Моск. гос. ун-та ; [под ред. Л. В. Черепнина (отв. ред.) и др.] – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1 : С древнейших времен до 1861 г. Первоначально-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. – 896 с.

453. История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1972. – Т. 1. – 359 с.
454. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – М. : РГГУ, 2004. – 702 с.
455. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 688 с.
456. Источниковедение : учеб. для акад. бакалавриата / Е. Д. Твердюков [и др.] ; под ред. А. В. Сиринова. – М. : Изд-во Юрайт, 2015. – 396 с.
457. Кавелин, К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй : ст. по философии рус. истории и культуры / К. Д. Кавелин ; Ин-т философии Акад. наук СССР, Филос. о-во СССР. – М., 1989. – С. 11–67.
458. Кавелин, К. Д. Мысли и заметки о русской истории / К. Д. Кавелин // Наш умственный строй : ст. по философии рус. истории и культуры / К. Д. Кавелин ; Ин-т философии Акад. наук СССР, Филос. о-во СССР. – М., 1989. – С. 171–255.
459. Каждан, А. П. Трудный путь в Византию / А. П. Каждан // Одиссей, 1992 : Человек в истории. Историк и время / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [отв. ред. А. Я. Гуревич]. – М., 1994. – С. 35–50.
460. Казак, О. М. Теоретико-методологические основания концепции русской истории С. М. Соловьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / О. М. Казак ; Моск. гос. ун-т. – М., 1987. – 24 с.
461. Казаков, И. В. Генрих VII Тюдор: «новый» король и его двор / И. В. Казаков // История и историография зарубежного мира в лицах : межвуз. сб. науч. ст. / Самар. гос. ун-т, Каф. зарубеж. истории. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 42–53.
462. Казаков, И. В. Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – начале XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / И. В. Казаков ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 1999. – 20 с.
463. Калистратова, Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Т. И. Калистратова. – Н. Новгород : Ниж. Новгород, 1992. – 216 с.
464. Калущкая, Л. П. Политические идеи кардинала Ришелье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Л. П. Калущкая ; Харьк. гос. ун-т, Каф. истории средних веков. – Харьков, 1951. – 30 с.
465. Каменский, А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой / А. Б. Каменский. – М. : Знание, 1997. – 288 с.
466. Каменский, А. Б. Иван VI Антонович / А. Б. Каменский // Вопр. истории. – 1994. – № 11. – С. 50–62.
467. Каменский, А. Б. Екатерина II / А. Б. Каменский // Вопр. истории. – 1989. – № 3. – С. 62–88.
468. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа / А. Б. Каменский ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 575 с.
469. Каменский, А. Б. «Под сению Екатерины...» : вторая половина XVIII в. / А. Б. Каменский. – СПб. : Лениздат, 1992. – 448 с.
470. Каменский, А. Б. Политика как искусство возможного / А. Б. Каменский // Родина. – 1993. – № 1. – С. 148–155.
471. Каменский, А. Б. Российские реформы: уроки истории / А. Б. Каменский // Вопр. философии. – 2006. – № 6. – С. 21–39.
472. Каменский, А. Б. Российское дворянство в 1767 году (к проблеме консолидации) / А. Б. Каменский // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 58–77.
473. Кан, А. С. История Швеции / А. С. Кан, Г. А. Некрасов, Х. А. Пийримяэ ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1974. – 719 с.
474. Кан, А. С. Швеция 1809–1810 гг.: государственный переворот или буржуазная революция / А. С. Кан // Новая и новейшая история. – 1973. – № 1. – С. 63–81.
475. Каплан, А. Б. Психологическая характеристика различных типов абсолютных монархов : ист.-биограф. аспект / А. Б. Каплан // Средние века : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 171–172.
476. Капустина, Т. А. Николай I / Т. А. Капустина // Вопр. истории. – 1993. – № 11/12. – С. 27–49.
477. Каравашкин, А. В. Идеи ответственности власти в России XVI – первой половины XVII вв. / А. В. Каравашкин // Российская монархия: вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997) / Моск. гос. соц. ун-т [и др.] ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 1998. – С. 23–32.
478. Кареев, Н. И. Две английские революции XVII века / Н. И. Кареев ; Гос. публ. ист. б-ка России. – М. : ГПИБ, 2002. – 205 с.

479. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
480. Кареев, Н. И. Историки Французской революции : в 3 т. / Н. И. Кареев. – Л. : Колос, 1925. – Т. 3 : Изучение Французской революции вне Франции. – 308 с.
481. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К., 1888. – IV, [2], 163 с. – (Очерки из истории европейских народов ; [вып.] 3).
482. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений : в 3 т. / Н. И. Кареев. – 5-е изд., перераб. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – Т. 1 : Переход от средних веков к новому времени. – IV, 422 с.
483. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений : в 3 т. / Н. И. Кареев. – 5-е изд., перераб. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, – 1915. – Т. 2 : История XVI и XVII веков. – 640 с.
484. Кареев, Н. И. Книга о Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма / Н. И. Кареев // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1907. – Ноябрь. – С. 134–187. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги. (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.
485. Кареев, Н. И. М. М. Ковалевский как историк французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1917. – Февр. – С. 211–226.
486. Кареев, Н. И. Крепостное право развращало и рабов, и господ : гл. из рукоп. Н. И. Кареева «О причине культурной отсталости от Запада, 1920-е гг.» / Н. И. Кареев // Ист. арх. – 2001. – № 1. – С. 107–123.
487. Кареев, Н. И. М. М. Ковалевский как историк французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1917. – Т. 1, кн. 2. – С. 211–226.
488. Кареев, Н. И. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка, 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным, Т. 1, СПб., 1900 г., Т. 2, Киев, 1906 г. / Н. И. Кареев // Отчет о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премий митрополита Макария в 1909 году по историко-филологическому отделению. – СПб., 1911. – С. 23–63.
489. Кареев Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. – СПб. : Изд. И. Лимбаха, 1996. – 368 с.
490. Кареев, Н. И. Памяти двух историков / Н. И. Кареев // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 155–174.
491. Кареев, Н. И. Последние работы русских ученых о французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1911. – № 4. – С. 318–324.
492. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л. : Ленингр. ун-т, 1990. – 384 с.
493. Кареев, Н. И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – X, 496 с. – (Типологические курсы по истории государственного быта ; [вып.] 5).
494. Кареев, Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции / Н. И. Кареев // Изв. С.-Петерб. политехн. ин-та. – 1904. – Т. 1, вып. 1/2 – С. 41–73.
495. Кареев, Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции / Н. И. Кареев // Изв. С.-Петерб. политехн. ин-та. – 1904. – Т. 1, вып. 3/4. – С. 155–202.
496. Кареев, Н. И. Роль идей, учреждений и личности в истории / Н. И. Кареев. – Одесса : Г. Бейленсон и И. Юровский, 1895. – 55 с. – (Русская библиотека ; № 3).
497. Кареев, Н. И. Теория исторического знания / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – VI, 320 с. – (Из лекций по общей теории истории: Теория исторического знания и теория исторического процесса ; ч. 1).
498. Кареев, Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800) : введение в историю XIX века (основные понятия, главные обобщения и наиболее существенные итоги истории XVI–XVIII вв.) / Н. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – VIII, 176 с.
499. Кареев, Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) / Н. И. Кареев // Историческое обозрение : сб. ист. О-ва при Имп. С.-Петерб. ун-те. – 1912. – Т. 17. – С. 12–126.
500. Кареев Н. И. Polonica : сб. ст. по пол. делам (1881–1905) / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. – IX, [3], 268 с.
501. Карпачев, М. Д. Эволюция самодержавия в России во второй половине XIX века / М. Д. Карпачев // Российская монархия: вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997) / Моск. гос. соц. ун-т [и др.] ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др. – Воронеж, 1998. – С. 171–180.

502. Каррер д' Анкосс, Э. Екатерина II. Золотой век в истории России : пер. с фр. / Э. Каррер д' Анкосс. – М. : РОССПЭН, 2006. – 448 с.
503. Каррер д' Анкосс, Э. Незавершенная Россия : пер. с фр. / Э. Каррер д' Анкосс. – М. : РОССПЭН, 2005. – 192 с.
504. Каррер д' Анкосс, Э. Николай Второй: расстрелянная преемственность / Э. Каррер д' Анкосс ; пер. с фр. Е. Богатыренко. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 446 с.
505. Касвинов, М. К. Двадцать три ступени вниз / М. К. Касвинов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 1989. – 459 с.
506. Кафенгауз, Б. Вопросы историографии Петра Великого / Б. Кафенгауз // Ист. журн. – 1944. – № 9. – С. 24–42.
507. Кафенгауз, Б. Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России / Б. Б. Кафенгауз // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 5–13.
508. Кафенгауз, Б. Б. Россия при Петре Первом / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Учпедгиз, 1955. – 176 с.
509. Кафенгауз, Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки / Б. Б. Кафенгауз // Петр Великий : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л., 1947. – С. 334–389.
510. Кенигсбергер, Г. Европа раннего Нового времени 1500–1789 / Г. Кёнигсбергер ; пер. с англ. Д. Э. Харитоновича. – М. : Весь мир, 2006. – 320 с.
511. Кизеветтер, А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. : опыт ист. коммент. / А. А. Кизеветтер. – М. : Тип. Моск. ун-та, 1909. – X, 473 с.
512. Кизеветтер, А. А. Деятельный век в истории России / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 48 с.
513. Кизеветтер, А. А. День царя Алексея Михайловича: сцены из жизни Москвы XVII века / А. А. Кизеветтер. – Изд. 3-е. – М. : Тип. В. И. Воронова, 1913. – 20 с.
514. Кизеветтер, А. А. Исторические силуэты / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – 475, [2] с.
515. Кизеветтер, А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. : ист. очерк / А. А. Кизеветтер. – 2-е изд. – М. : Задруга, 1917. – 120 с.
516. Кизеветтер, А. А. Петр Великий за границей / А. А. Кизеветтер. – М. : С. Стаханов, С. Курнин и К, 1900. – 24 с.
517. Кизеветтер, А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии / А. А. Кизеветтер. – 2-е изд. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 48 с.
518. К изучению истории : сборник. – М. : Госполитиздат, 1938. – 40 с.
519. Киняпина, Н. С. Николай I: личность и политика / Н. С. Киняпина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2000. – № 6. – С. 8–41.
520. Киняпина, Н. С. Промышленная политика русского самодержавия в годы кризиса феодальной системы / Н. С. Киняпина // Вопр. истории. – 1965. – № 6. – С. 61–75.
521. Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
522. Кирсанова, Е. С. Историко-теоретические взгляды В. И. Герье : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Е. С. Кирсанова ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 1982. – 20 с.
523. Кирсанова, Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. / Е. С. Кирсанова. – М. : МГОУ, 2004. – 119 с.
524. Кирьянова, Е. А. «Зримый образ Бога»: король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного правления» Карла I Стюарта / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2010. – Вып. 71 (3/4). – С. 225–242.
525. Кирьянова, Е. А. Король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период Английской революции / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2011. – Вып. 72 (1/2). – С. 175–193.
526. Кирьянова, Е. А. Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – Вып. 69. – С. 92–119.
527. К. К. [Рецензия] / К. К. // Вестн. Европы. – 1880. – Кн. 4. – С. 746–752. – Рец. на кн.: Ковалевский, М. М. Английская конституция и ее историк / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. – [2], 61 с.

528. Клименко, А. В. Отечественная историография внутривластного курса самодержавия в 1861–1881 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Клименко ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 23 с.
529. Ключев, А. И. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920–1940-х годов / А. Ключев, А. Свешников // Вестн. Омск. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 57–62.
530. Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский. – М. : Акад. проект, 2018. – 412 с.
531. Ключевский, В. О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / В. О. Ключевский ; под ред. Р. А. Киреевой. – М. : Рус. Панорама, 2012. – 416 с.
532. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1 : Курс русской истории, ч. 1 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 431 с.
533. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2 : Курс русской истории, ч. 2 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 447 с.
534. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3 : Курс русской истории, ч. 3 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 415 с.
535. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1989. – Т. 4 : Курс русской истории, ч. 4 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 398, [1] с.
536. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1989. – Т. 5 : Курс русской истории, ч. 5 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 477 с.
537. Кныш, Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Н. А. Кныш ; Омск. гос. ун-т. – Барнаул, 2009. – 23 с.
538. Ковалев, В. А. Королевский церемониал ранних Стюартов Голицыных : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Ковалев ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 16 с.
539. Ковалев, В. А. Придворные маски в правление Якова I: репрезентация власти и создание династической мифологии / В. А. Ковалев // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 527–554.
540. Ковалев, С. И. Курс всеобщей истории : в 2 т. / С. И. Ковалев. – Петроград : Прибой, 1925. – Т. 2. – 432 с.
541. Ковалевский, М. М. Английская конституция и ее историк / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. – [2], 61 с.
542. Ковалевский, М. М. История аристократии : курс лекций, чит. на экон. отд-нии С.-Петерб. политехн. ин-та в 1913–1914 уч. г. / М. М. Ковалевский. – СПб. : Касса взаимопомощи студ. СПб. политехн. ин-та, 1914. – 332 с.
543. Ковалевский, М. М. История монархии и монархических доктрин / М. М. Ковалевский. – СПб. : Типолитограф. И. Трофимов, 1912. – 146 с.
544. Ковалевский, М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. – [4], 11, [2], 397 с.
545. Ковалевский, М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений : в 3 т. / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. тов. Сытина, 1906. – Т. 2. – 493 с.
546. Ковалевский, М. М. [Рецензия] / М. М. Ковалевский // Крит. обозрение. – 1879. – № 15. – С. 32–33. – Рец. на кн.: Лучицкий, И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль (публ. лекция, чит. 25 февр. 1879 г.) / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип. (И. И. Завадского), 1879. – 42 с.
547. Ковалевский, М. М. Социология : в 2 т. / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – Т. 1 : Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. – 300 с.
548. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейш. история. – 1995. – № 1. – С. 3–33.
549. Ковальченко, И. Д. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии / И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров // История и историки / Акад. наук СССР. – М., 1978. – С. 5–16.
550. Ковин, В. С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии (1603–1625) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. С. Ковин ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1999. – 22 с.
551. Ковин, В. С. Раннестюартовский двор: проблема дефиниции / В. С. Ковин // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры : тез. докл. XVIII всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых учен., Санкт-Петербург, 23–27 нояб. 1998 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории сред. веков ; [редкол.: Г. Е. Лебедева (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1999. – С. 40–41.

552. Коган, М. А. Обзор исторических источников и исторической литературе о Струензе / М. А. Коган // Скандинавский сборник / Тарт. ун-т. – Таллин, 1958. – С. 290–312.
553. Коган, М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании 70-х гг. XVIII в. (реформы Струензе) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / М. А. Коган ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1972. – 30 с.
554. Коган, М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струензе : лекция / М. А. Коган. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1972. – 52 с.
555. Кожокин, Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / Е. М. Кожокин ; отв. ред. П. П. Черкасов. – М. : Наука, 1989. – 176 с.
556. Кожокин, Е. М. История бедного капитализма : Франция XVIII – первой половины XIX в. / Е. М. Кожокин. – М. : РОССПЭН, 2005. – 368 с.
557. Кожокин, Е. М. Фронда: кризис французского государства в середине XVII века / Е. М. Кожокин // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1986 / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [В. В. Загладин (гл. ред.) и др.]. – М., 1988. – С. 54–80.
558. Козандей, Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. / Ф. Козандей // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV : фр. ежегодник, 2014 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2014. – С. 239–251.
559. Козлов, Д. В. Внутренняя и внешняя политика России в правление Анны Леопольдовны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Козлов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 26 с.
560. Козлова, А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. А. Козлова ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2003. – 22 с.
561. Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. : 20-е – начало 60-х гг. / Н. В. Козлова. – М. : Археограф. центр, 1999. – 384 с.
562. Козляков, В. Н. Михаил Федорович / В. Н. Козляков. – Изд. 2-е. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 346 с.
563. Колесницкий, Н. К вопросу о периодизации истории феодального государства / Н. Колесницкий // Вопр. истории. – 1950. – № 7. – С. 108–125.
564. Комова, Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. Б. Комова ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2012. – 55 с.
565. Комолова, Н. П. Встреча советских и итальянских историков / Н. П. Комолова // Вестн. акад. наук СССР. – 1968. – № 7. – С. 88–92.
566. Конанова, Е. И. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. И. Конанова ; Юж. Федерал. ун-т, Пед. ин-т. – Ставрополь, 2008. – 26 с.
567. Кондратьев, С. В. Английская революция XVII века : учебник / С. В. Кондратьев. – М. : Академия, 2010. – 192 с.
568. Кондратьев, С. В. Английские юристы конца XVI – начала XVII вв. о королевской власти / С. В. Кондратьев // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; [редкол.: Г. Е. Левин (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 13–21.
569. Кондратьев, С. В. Основные черты административно-судебной системы Англии XVI-начала XVII вв.: носители власти и структура институтов / С. В. Кондратьев // Европа на этапе от классического средневековья к новому времени / Тюмен. гос. ун-т ; [редкол.: Г. Л. Курбатов и др.]. – Тюмень, 1991. – С. 54–70.
570. Кондратьев, С. В. Политика и политические элиты в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 17–32.
571. Кондратьев, С. В. Политическая мысль Англии конца XVI – первой четверти XVII века. Из истории формирования идейных предпосылок Английской буржуазной революции: по работам английских юристов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. В. Кондратьев. – Л., 1987. – 234 л.
572. Кондратьев, С. В. Юристы в предреволюционной Англии : политические и правовые воззрения / С. В. Кондратьев. – Шадринск : Исеть, 1993. – 125 с.
573. Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень : Мандр и К, 2003. – 272 с.
574. Кондратьев, С. В. Б. Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Абсолютизм во Франции: к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник,

- 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 68–85.
575. Кондратьев, С. В. Б. Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20–80-е годы XX века : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2008. – С. 34–54.
576. Кондратьева, Т. Н. «Абсолютизм», «народные массы», «буржуазия» и «Фронда» в трактовке Б. Ф. Поршнева в 30-40-е годы / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2002. – № 2. – С. 126–147.
577. Кондратьева, Т. Н. Архивные свидетельства об академической деятельности Б. Ф. Поршнева (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 332. – С. 81–82.
578. Кондратьева, Т. Н. Борис Федорович Поршнев и Александра Дмитриевна Люблинская: к истории взаимоотношений / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 178–183.
579. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев в дискуссиях советских историков о французском абсолютизме / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 51–58.
580. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2005. – № 5. – С. 185–188.
581. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев и дискуссия об абсолютизме в институте истории АН СССР (1940) / Т. Н. Кондратьева // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 240–247.
582. Кондратьева, Т. Н. В поисках демиурга (об одной дискуссии в отечественной исторической науке конца 40-х – начала 50-х гг.) / Т. Н. Кондратьева // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия : тез. докл. Всерос. науч. конф., Тюмень 27–28 апр. 2000 г. / Тюмен. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Отд-ние истории ; [отв. ред. Е. Б. Заболотный]. – Тюмень, 2000. – С. 127–128.
583. Кондратьева, Т. Н. Когда Борис Федорович Поршнев стал франковедом? / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2012. – № 11. – С. 107–111.
584. Кондратьева, Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда / Т. Н. Кондратьева // Новый ист. вестн. – 2016. – № 4. – С. 145–164.
585. Кондратьева, Т. Н. Проблема французского абсолютизма в работах В. В. Бирюковича / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2001. – № 1. – С. 76–86.
586. Кондратьева, Т. Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиевистике 20-х – начала 50-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Кондратьева ; Тюмен. гос. ун-т. – Омск, 2002. – 30 с.
587. Коновалов, В. С. Государственное управление в России (XVI–XVIII вв.) : аналит. обзор / В. С. Коновалов // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 71–95.
588. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопр. истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.
589. Копосов, Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка / Н. Е. Копосов // От Старого порядка к революции : к 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л., 1988. – С. 26–51.
590. Копосов, Н. Е. К изучению политических карьер во Франции XVII в. / Н. Е. Копосов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. 2. – 1989. – Вып. 2. – С. 11–18.
591. Копосов, Н. Е. Представления о византийской автократии во французской общественной мысли XVII века : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Н. Е. Копосов ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – 12 с.
592. Копосов, Н. Е. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка : (аналит. обзор) / Н. Е. Копосов // К 200-летию Французской революции: зарубежная историография : реф. сб. / Акад. наук СССР ; редкол.: Т. М. Фадеева (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИНИОН, 1988. – 160 с.
593. Копосов, Н. Е. Хватит убивать кошек! / Н. Е. Копосов. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 246 с.
594. Копосов, Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований / Н. Е. Копосов // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1985 / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [В. В. Загладин (гл. ред.) и др.]. – М., 1987. – С. 139–155.
595. Коренев, Д. М. Процесс централизации власти в Московском государстве и его отражение в костюме чинов государева двора и полка (вторая половина XVI – XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Коренев ; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2011. – 21 с.
596. Корзун, В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / В. П. Корзун ; Омск. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 38 с.

597. Корзун, В. П. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / В. П. Корзун. – М.: РОССПЭН, 2011. – 471 с.
598. Корзун, В. П. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / В. П. Корзун, Н. А. Кныш, Д. М. Колеватов; [под ред. В. П. Корзун]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 471 с.
599. Корзун, В. П. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Диалог со временем: альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2010. – Вып. 33. – С. 59–85.
600. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 520 с.
601. Коркунов, Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям: в 2 т. / Н. М. Коркунов; Юрьев. ун-т. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 1: Введение и общая часть. – 402 с.
602. Корнилов, А. А. Крестьянская реформа / А. А. Корнилов. – СПб.: П. П. Гершунин и К, 1905. – IV, 271 с.
603. Корнилов, А. А. Курс русской истории XIX века / А. А. Корнилов. – М.: Высш. шк., 1993. – 446 с.
604. Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881) / А. А. Корнилов. – М.: Рус. мысль, 1909. – 263 с.
605. Королевский двор в Англии XV – XVII / [А. А. Паламарчук и др.]. – СПб.: Алетейя, 2015. – 382 с.
606. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М.: Наука, 2004. – 540 с.
607. Коршунова, Н. В. Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. / Н. В. Коршунова. – Челябинск: Пирс, 2009. – 300 с.
608. Коршунова, Н. В. Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX вв.: замысел и механизмы реализации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Коршунова; Челябин. гос. пед. ун-т. – М., 2010. – 38 с.
609. Косминский, Е. А. Абсолютизм во Франции: стенограмма лекции, прочит. в Высш. шк. пропагандистов / Е. А. Косминский. – М.: [б. и.], 1938. – 43 с.
610. Косминский, Е. А. Английский абсолютизм. Буржуазная революция в Англии в XVII веке: стенограмма лекции, прочит. 13 и 16 марта 1940 г. / Е. А. Косминский. – М.: Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1940. – 72 с.
611. Косминский, Е. А. Изучение истории средних веков за 25 лет / Е. А. Косминский // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. – М.: Л., 1942. – С. 209–215.
612. Косминский, Е. А. История средних веков: 1936 уч. г. / Е. А. Косминский. – М.: МГУ, 1936. – Вып. 1: Лекции 1–3, курс 1935. – 40 с.
613. Косминский, Е. А. Лекции по истории средних веков: с конца IV по XV век включительно: для студентов-заочников пед. и учит. ин-тов / Е. А. Косминский; Упр. высш. шк. НКПС РСФСР. – М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. – 479 с.
614. Косминский, Е. А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма: по поводу ст. Б. Ф. Поршнева / Е. А. Косминский // Изв. Акад. наук СССР. – 1951. – Т. 8, № 3. – С. 237–255.
615. Косминский, Е. А. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке / Е. А. Косминский. – М.: АН СССР, 1955. – 88 с.
616. Косминский, Е. А. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков / Е. А. Косминский; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: АН СССР, 1963. – 456 с.
617. Косминский, Е. А. Сорок лет советской медиевистики / Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова // Вопр. истории. – 1957. – № 11. – С. 186–205.
618. Котляревский, С. А. [Рецензия] / С. А. Котляревский // Рус. мысль. – 1908. – Кн. 2. – С. 27–28. – Рец. на кн.: Рожков, Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии / Н. А. Рожков. – СПб.: О. Н. Попова, 1908. – 248 с.
619. Котова, О. А. Государственная деятельность Екатерины II: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Котова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 15 с.
620. Кошелева, О. В. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645–1682): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Кошелева; Моск. гос. ун-т. – М., 1987. – 18 с.
621. Кошелева, О. Е. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти / О. Е. Кошелева // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; [сост. М. А. Бойцов]; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М., 2008. – С. 78–94.
622. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 688 с.

623. Краснов, И. А. Символика английской придворной культуры XV–XVII вв. / И. А. Краснов // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М.: СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 215–224.
624. Краткая всемирная история: [в 2 кн.] / под ред. А. З. Манфреда. – М.: Наука, 1966. – Кн. 1. – 608 с.
625. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / [Б. В. Ананьич и др.]; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; редкол.: В. С. Дякин (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 664 с.
626. Кристенсен, С. О. История России XVII в.: обзор исслед. и источников: пер. с дат. / С. О. Кристенсен; общ. ред. В. И. Буганова. – М.: Прогресс, 1089. – 256 с.
627. Кром, М. М. Введение в историческую компаративистику / М. М. Кром. – СПб.: Европ. ун-т, 2015. – 247 с.
628. Кром, М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия / М. М. Кром // Новая и новейш. история. – 2016. – № 4. – С. 3–15.
629. Кропоткин, П. А. Великая Французская революция, 1789–1793 / П. А. Кропоткин; пер. с фр. П. А. Кропоткина. – М.: Голос тр., 1922. – VIII, 608 с.
630. Крылов, В. В. Вторая пламенная страсть академика Косминского / В. В. Крылов // Вестн. Рос. акад. наук. – 1994. – Т. 64, № 6. – С. 553–560.
631. Кудрявцев, А. Е. Великая Английская революция / А. Е. Кудрявцев. – Л.: Прибой, 1925. – 232 с.
632. Кудрявцев, А. Е. Испания в средние века / А. Е. Кудрявцев. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 250 с.
633. Кудрявцев, А. Е. Кризис абсолютизма в Англии начала XVII века: время Якова Стюарта, 1603–1625 гг. / А. Е. Кудрявцев // Учен. зап. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1939. – Вып. 4, № 39. – С. 216–231.
634. Кулешова, Е. В. Жан-Бенинь Боссюэ и его время: из истории общественно-политической мысли Франции второй половины XVII века: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. В. Кулешова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 23 с.
635. Курукин, И. В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки / И. В. Курукин // Отеч. история. – 1997. – № 5. – С. 3–23.
636. Курукин, И. В. Екатерина I / И. В. Курукин. – М.: Мол. гвардия, 2016. – 398 с.
637. Курукин, И. В. Из истории складывания режима «бироновщины» / И. В. Курукин // Отеч. история. – 2003. – № 2. – С. 3–19.
638. Курукин, И. В. Фаворит на десять лет. Незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне / И. В. Курукин // Родина. – 2000. – № 9. – С. 37–42.
639. Курукин, И. В. «Эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762) в контексте политической истории России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. В. Курукин; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 46 с.
640. Курукин, И. В. «Эпоха „дворских бурь“». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762) / И. В. Курукин. – М.: Наука, 2019. – 757 с.
641. Куцева, Е. А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. А. Куцева; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2006. – 24 с.
642. Кучма, В. В. Создание и деятельность органов общей полиции во Франции в период абсолютизма / В. В. Кучма // Античная древность и средние века: сборник / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1978. – Вып. 15. – С. 83–95.
643. Лавровский, В. М. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы буржуазной революции 40-х годов XVII века / В. М. Лавровский, М. А. Барг. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 366 с.
644. Лазорин, К. Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в XVIII – XIX веках [Электронный ресурс] / К. Б. Лазорин // Проблемы в рос. законодательстве. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politseyskogo-gosudarstva-v-stranah-evropy-v-xviii-xix-vekah>. – Дата доступа: 02.06.2020.
645. Ландина, Л. В. Дискуссия 1968–1972 гг. об абсолютизме: пятьдесят лет спустя / Л. В. Ландина // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени: сборник / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2018. – Вып. 79 (4). – С. 133–153.
646. Ландина, Л. В. Дифференциация подходов к изучению абсолютной монархии в российской историографии начала XX в. / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество: сб. науч. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 мая 2018 г.) / Беларус. гос. ун-т культуры и искусств [и др.]. – Минск, 2018. – С. 348–352.
647. Ландина, Л. В. Концептуальная модель европейского абсолютизма в контексте современной методологии / Л. В. Ландина // Историческая германистика: актуал. пробл. соврем. исслед.: сб. науч. ст. и материалов / сост.: А. В. Касович [и др.]. – Псков, 2018. – С. 289–296.

648. Ландина, Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии 1920-х – 1930-х годов: преемственность или дискретность? / Л. В. Ландина // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2017. – Вып. 78 (1/2). – С. 326–345.
649. Ландина, Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала XX века / Л. В. Ландина // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2019. – Вып. 66. – С. 223–237.
650. Ландина, Л. В. Соотношение подходов в изучении западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии конца XIX – начала XXI в. / Л. В. Ландина // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 258–268.
651. Ландина, Л. В. Социально-политические изменения первых советских лет и преподавание всеобщей истории в высшей школе (на примере ФОН МГУ) / Л. В. Ландина // Выш. шк. – 2017. – № 3. – С. 41–45
652. Ландина, Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920-х–1950-х гг. / Л. В. Ландина // Крыніцазнаўства і дапаможныя гістарычныя дысцыпліны : навуц. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2016. – Вып. 11. – С. 83–102.
653. Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 5–38.
654. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – [2], 62 с.
655. Лачаева, М. Ю. В. О. Ключевский (1841–1911) / М. Ю. Лачаева // Историография истории России до 1917 г.: учебник : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М., 2003. – Т. 2. – С. 167–199.
656. Лачаева, М. Ю. П. Н. Милюков (1859–1943) / М. Ю. Лачаева // Историография истории России до 1917 г.: учебник : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М., 2003. – Т. 2. – С. 200–218.
657. Лачаева, М. Ю. С. М. Соловьев (1820–1879) / М. Ю. Лачаева // Историография истории России до 1917 г.: учебник : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М., 2003. – Т. 1. – С. 315–343.
658. Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 гг. / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр. Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 416 с.
659. Лебедев, В. [Рецензия] / В. Лебедев, С. Юшков // Ист. журн. – 1944. – № 10/11. – С. 124–131. – Рец. на кн.: Сыромятников, Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. / Б. И. Сыромятников. – М.; Л.: АН СССР, 1943. – Ч. 1. – 212 с.
660. Лебедева, Г. Е. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) / Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени : сборник / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2005. – Вып. 5. – С. 102–126.
661. Лебедева, Г. Е. Труды и дни профессора В. В. Штокмар / Г. Е. Лебедева, А. В. Березкин, Н. Ю. Черепенина // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени : сборник / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПбГУ, 2015. – Вып. 12. – С. 20–37.
662. Лебедева, Г. Е. Cathedra medii aevi : материалы к истории ленингр. медиевистики 1930-х–1950-х годов / Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский. – СПб.: СПбУ, 2008. – 125 с.
663. Лебедева, Е. И. К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции: (план реформ Ш.-А. де Калонна) / Е. И. Лебедева // Проблемы новой и новейшей истории : сб. ст. / Моск. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. новой и новейш. истории. – М., 1983. – С. 3–19.
664. Лебедева, Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской буржуазной революции конца XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. И. Лебедева; Моск. гос. ун-т. – М., 1985. – 19 с.
665. Лебедева, Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской революции: современная историографическая ситуация / Е. И. Лебедева // Господствующий класс феодальной Европы / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1989. – С. 219–231.
666. Ленин, В. И. Анкета об организациях крупного капитала / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 21 : Декабрь 1911 – июль 1912. – С. 288–305.

667. Ленин, В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 17 : Март 1908 – июнь 1909. – С. 339–353.
668. Ленин, В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. – С. 171–180.
669. Ленин, В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 17 : Март 1908 – июнь 1909. – С. 407–414.
670. Ленин, В. И. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. – С. 114–133.
671. Ленин, В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1974. – Т. 39 : Июнь – декабрь 1919. – С. 433–451.
672. Ленин, В. И. По поводу юбилея / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. – С. 161–170.
673. Ленин, В. И. Попятное направление в русской социал-демократии / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1971. – Т. 4 : 1898 – апрель 1901. – С. 240–272.
674. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1971. – Т. 1 : 1893–1894. – С. 125–346.
675. Леонидова, О. А. П. Н. Ардашев: материалы к научной биографии / О. А. Леонидова, Т. Н. Иванова // Эпоха Великой Французской революции: проблемы истории и историографии: к 200-летию юбил. революции : межвуз. сб. науч. тр. / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 1989. – С. 76–92.
676. Леонтьева, О. Б. «Субъективная школа» в общественной мысли России последней трети XIX – начала XX вв.: проблемы теории и методологии истории : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / О. Б. Леонтьева; Самар. гос. ун-т. – Казань, 2005. – 32 с.
677. Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 гг. / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр. Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 416 с.
678. Леушина, Е. В. П. П. Митрофанов о реформировании церкви эпохи просвещенного абсолютизма / Е. В. Леушина // Историческая наука и методология истории в России XX века : к 140-летию со дня рожд. акад. А. С. Лаппо-Данилевского / С.-Петербург. ин-т истории Рос. акад., Ин-т междунар. образоват. прогр. С.-Петербург. гос. ун-та, Фонд культуры и образования; отв. ред. А. В. Малинов [и др.] – СПб., 2003. – С. 276–283.
679. Лиманова, С. А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Лиманова; Моск. гос. ун-т. – М., 2013. – 30 с.
680. Лиманова, С. А. Столичные торжества российской империи в царствование Николая II / С. А. Лиманова. – М.: Кучково поле, 2017. – 358 с.
681. Литаврина, Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в. / Э. Э. Литаврина // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.): сб. ст. / [под ред. С. Д. Сказкина]. – М., 1957. – С. 173–185.
682. Литаврина, Э. Э. Состояние земледелия в Испании во второй половине XVI в. / Э. Э. Литаврина // Социально-экономические проблемы истории Испании : сб. ст. / [редкол.: И. М. Майский (отв. ред.) и др.]. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 124–157.
683. Литвак, Б. Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох / Б. Г. Литвак; Центр по изучению России и Вост. Европы при Торонт. ун-те. – СПб.: Д. Буланин, 2002. – 190 с.
684. Логунова, М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. О. Логунова; Сев.-Зап. акад. гос. службы. – СПб., 2010. – 21 с.
685. Лозинский, А. А. Кульминационный этап гражданских войн во Франции XVI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. А. Лозинский. – М.: МГПИ, 1978. – 31 с.

686. Лозинский, А. А. Париж накануне народного восстания 12 мая 1588 г.: социальная структура населения и муниципалитет / А. А. Лозинский // Наук. зап. / Львів. держ. ун-т. Сер. іст. – Львів, 1953. – Т. 25, вып. 5. – С. 192–215.
687. Лозинский, А. А. Парижская Лига. Социально-политическая борьба в Париже в период подъема народного движения (конец 80-х гг. XVI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. А. Лозинский. – Л., 1949. – 269, [VIII] л.
688. Лозинский, С. Г. Эпоха торгового капитала / С. Г. Лозинский. – Л. : Книга, 1926. – 246 с.
689. Лола, Е. С. Меркантилизм / Е. С. Лола. – Л. ; М. : Мол. гвардия, 1930. – 78 с.
690. Лукин, Н. М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта / Н. М. Лукин // Историк-марксист. – 1931. – Вып. 22. – С. 3–10.
691. Лучицкий, И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1971. – Ч. 1 : [От Варфоломеевской ночи до мира в Шатенуа]. – IV, 647 с.
692. Лучицкий, И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во II половине XVI века : по неизд. ист. : в 2 т. / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1877. – Т. 1. – 622 с.
693. Лучицкий, И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1879. – 40 с.
694. Лысяков, В. Б. Людовик XIV о государстве и монаршей власти / В. Б. Лысяков // Новая и новейш. история. – 2002. – № 5. – С. 186–199.
695. Лысяков, В. Б. Социально-политические воззрения Людовика XIV : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. Б. Лысяков ; Моск. гос. ун-т. – М., 2003. – 29 с.
696. Любавский, М. К. История западных славян / М. К. Любавский. – Изд. 3-е. – М. : Парад, 2004 – 608 с.
697. Любавский, М. К. История царствования Екатерины II / М. К. Любавский. – 2-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 256 с.
698. Любимов, Н. А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787–1790) / Н. А. Любимов. – М. : Унив. тип., 1893. – XX. – 657 с.
699. Люблинская, А. Д. Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV : тез. к дис. ... канд. ист. наук / А. Д. Люблинская ; отв. ред. О. Л. Вайнштейн ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1940. – 4 с.
700. Люблинская, А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе / А. Д. Люблинская // Типология и периодизация культуры Возрождения / Акад. наук СССР, Науч. совет по истории матер. культуры. – М., 1978. – С. 7–14.
701. Люблинская, А. Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма (конец XV – середина XVII вв.) / А. Д. Люблинская // Новая и новейш. история. – 1979. – № 4. – С. 55–70.
702. Люблинская, А. Д. Крестьянские восстания на юго-западе Франции в 30-х гг. XVII в. / А. Д. Люблинская // Новая и новейш. история. – 1980. – № 4. – С. 58–74.
703. Люблинская, А. Д. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии / А. Д. Люблинская // Критика новейшей буржуазной историографии : сб. ст. / Акад. наук СССР. – М. ; Л., 1961. – Вып. 3. – С. 374–403.
704. Люблинская, А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма / А. Д. Люблинская // Критика новейшей буржуазной историографии : сб. ст. / Акад. наук СССР. – М. ; Л., 1967. – С. 282–314.
705. Люблинская, А. Д. Очерки истории Франции / А. Д. Люблинская, Д. П. Прицкер, М. Н. Кузьмин. – Л. : Учпедгиз, 1957. – 370 с.
706. Люблинская, А. Д. Проблемы медиевистики на XII Международном конгрессе историков в Вене / А. Д. Люблинская // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1967. – Вып. 30. – С. 261–270.
707. Люблинская, А. Д. Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. / А. Д. Люблинская // Вопр. истории. – 1946. – № 10. – С. 112–117.
708. Люблинская, А. Д. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. Д. Люблинская. – Л., 1951. – 1060 л.
709. Люблинская, А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская. – Л. : Ленингр. ун-т, 1959. – 294 с.
710. Люблинская, А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века / А. Д. Люблинская. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 361 с.
711. Люблинская, А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. / А. Д. Люблинская ; отв. ред. В. И. Рутенбург. – Л. : Наука, 1982. – 275 с.

712. Ляхович, Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной и советской историографии: ценностные установки исследований / Л. В. Ляхович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Респ. ин-т высш. шк. ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2015. – Вып. 15, ч. 1. – С. 118–125.
713. Ляхович, Л. В. Интерпретация проблемы европейского абсолютизма как проявление методологического перехода в российской историографии 20-х гг. XX в. [Электронный ресурс] / Л. В. Ляхович // История. – 2012. – Вып. 3 (11) : Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840000387-4-1/>. – Дата доступа: 07.07.2020.
714. Ляхович, Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты / Л. В. Ляхович // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 59–75.
715. Ляхович, Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) / Л. В. Ляхович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Респ. ин-т высш. шк. ; под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2012. – Вып. 12, ч. 1. – С. 184–190.
716. Ляхович, Л. В. Проблема французского абсолютизма в контексте методологических изменений на рубеже 1980–1990-х гг. / Л. В. Ляхович // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы IV Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 91–93.
717. Ляхович, Л. В. Российская историография французского абсолютизма рубежа 1980-х–1990-х гг.: опыт дискурсивного анализа / Л. В. Ляхович // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, – 2014. – Вып. 9. – С. 179–189.
718. Ляшенко, Л. М. Александр II, или История трех одиночеств / Л. М. Ляшенко. – Изд. 3-е, испр. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 359 с.
719. Ляшенко, Л. М. Александр I. Самодержавный республиканец / Л. М. Ляшенко. – М. : Мол. гвардия, 2014. – 352 с.
720. Ляшкевич, Л. М. Торговый капитализм / Л. М. Ляшкевич. – М. : Ком. ун-т, 1927. – 288 с. – (Сборник документов и материалов по истории развития общественных форм ; вып. 4).
721. Мавродин, В. В. История СССР : (стенограф. лекции) : в 2 ч. / В. В. Мавродин. – Л. : ЛГУ, 1938. – Ч. 2. – 154 с.
722. Мавродин, В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России (1725–1773) : курс лекций / В. В. Мавродин. – Л. : ЛГУ, 1964. – 194 с.
723. Мавродин, В. В. Некоторые вопросы эволюции российского самодержавия в XVII–XVIII вв. / В. В. Мавродин // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 77–89.
724. Мадариага, И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага ; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 976 с.
725. Макьявелли, Н. Государь : пер. с итал. / Н. Макьявелли // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма : сборник / Н. Макьявелли. – М., 2004. – С. 58–135.
726. Мандру, Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640 : эссе по ист. психологии / Р. Мандру ; пер. с фр. А. Лазарева. – М. : Территория будущего, 2010. – 328 с.
727. Манфред, А. З. Великая Французская революция / А. З. Манфред. – М. : Наука, 1983. – 431 с.
728. Малов, В. Н. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Социальная и экономическая политика Кольбера : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В. Н. Малов ; Ин-т всеобщ. истории Акад. наук СССР. – М., 1989. – 36 с.
729. Малов, В. Н. Единство и противоречия позднефеодального периода / В. Н. Малов // Новая и новейш. история. – 1986. – № 4. – С. 82–86.
730. Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М. : Наука, 1991. – 240 с.
731. Малов, В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики / В. Н. Малов // Новая и новейш. история. – 1996. – № 6. – С. 152–169.
732. Малов, В. Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653 / В. Н. Малов ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М. : Наука, 2009. – 497 с.
733. Малов, В. Н. Представительные собрания и парламенты во Франции Старого порядка / В. Н. Малов // Из истории европейского парламентаризма. Франция / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 1999. – С. 15–22.

734. Малов, В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма / В. Н. Малов // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 86–128.
735. Малышева, О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах : в 2 ч. / О. Г. Малышева. – М. : РАГС, 2001. – Ч. 1 : Власть и зарождение Государственной думы. – 193 с.
736. Малышева, С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов / С. Ю. Малышева // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 231–254.
737. Манфред, А. З. [Рецензия] / А. З. Манфред // Совет. кн. – 1948. – № 9. – С. 82–85. – Рец. на кн.: Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой / Б. Ф. Поршнев. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 724 с.
738. Манфред, А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794) / А. З. Манфред. – М. : Учпедгиз, 1950. – 176 с.
739. Маньков, А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л. : Наука, 1980. – 271 с.
740. Марасинова, Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; [отв. ред. Л. В. Милов]. – М. : Наука, 2008. – 460 с.
741. Марасинова, Е. Н. Власть и общество в России XVIII в. / Е. Н. Марасинова // Тр. ин-та Рос. истории / Рос. акад. наук. – М., 2005. – Вып. 5 / отв. ред. А. Н. Сахаров. – С. 87–107.
742. Марасинова, Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Н. Марасинова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М., 2008. – 51 с.
743. Марасинова, Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века / Е. Н. Марасинова // Отеч. история. – 2005. – № 5. – С. 3–16.
744. Марасинова, Е. Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. / Е. Н. Марасинова // Вопр. истории. – 2007. – № 12. – С. 81–92.
745. Марецкий, Г. К вопросу об эволюции самодержавия / Г. Марецкий // Большевик. – 1926. – № 5. – С. 86–97. – Рец. на кн.: Покровский, М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России / М. П. Покровский. – Л. : Прибой, 1925. – 142 с.
746. Маркова, С. П. Англия эпохи Средневековья и Раннего Нового времени : учеб. пособие / С. П. Маркова. – 2-е изд. – М. : КДУ, 2012. – 340 с.
747. Маркс, К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1954. – Т. 1 : [Работы К. Маркса за 1842–1844 гг. ; работы Ф. Энгельса за 1839–1844 гг.]. – С. 219–368.
748. Маркс, К. Монтескье LVI / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1957. – Т. 6 : [Ноябрь 1848 – июль 1849]. – С. 192–207.
749. Маркс, К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4 : [Май 1846 – март 1848 г.]. – С. 291–321.
750. Маркс, К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46, ч. 2 : [Экономические рукописи, 1857–1859 годов]. – С. 407–493.
751. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
752. Медушевский, А. Н. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе / А. Н. Медушевский ; отв. ред. Т. Л. Моисеенко. – М. : ИНИОН, 1990. – 46 с.
753. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.
754. Медушевский, А. Н. Государственный строй России периода феодализма XV–XIX вв.: зарубежная историография : науч.-аналит. обзор / А. Н. Медушевский. – М. : ИНИОН, 1989. – 61 с.
755. Медушевский, А. Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России (первая четверть XVIII в.) / А. Н. Медушевский // Общественно-политическое развитие феодальной России : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1985. – С. 89–102.
756. Медушевский, А. Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2012. – № 1. – С. 3–16.

757. Медушевский, А. Н. Конституционная монархия в России / А. Н. Медушевский // Вопр. истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.
758. Медушевский, А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе / А. Н. Медушевский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социал.-полит. исслед. – 1993. – № 1. – С. 15–30.
759. Медушевский, А. Н. Научное сообщество и его критерии: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2012. – № 4. – С. 203–208.
760. Медушевский, А. Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII–XIX вв. / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 3. – С. 66–73.
761. Медушевский, А. Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе. Часть 1 / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 2. – С. 79–88.
762. Медушевский, А. Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе. Ч. 2 / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 3. – С. 65–72.
763. Медушевский, А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX вв.) / А. Н. Медушевский // Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до кризиса / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2006. – С. 84–117.
764. Медушевский, А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии : обзор лит. / А. Н. Медушевский // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 195–206.
765. Медушевский, А. Н. Русская государственность допетровской эпохи / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 1. – С. 55–62.
766. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. : Текст, 1993. – 320 с.
767. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 320 с.
768. Медушевский, А. Н. Феодальные верхи и формирование бюрократии в России в первой четверти XVIII в.: источниковедческое исследование : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Медушевский ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М., 1985. – 23 с.
769. Медушевский, А. Н. Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX в. / А. Н. Медушевский, И. В. Сабенникова // Преподавание истории в шк. – 1988. – № 5. – С. 30–36.
770. Мельникова, А. В. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Мельникова. – М., 1951. – 16 с.
771. Милюков, П. Н. Величие и падение М. Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) / П. Н. Милюков // Очерки истории исторической науки / П. Н. Милюков ; Ин-т рос. истории, Комис. по истории ист. науки. – М., 2002. – С. 505–524.
772. Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М. : Директ-Медиа, 2014. – Т. 1. – 400 с.
773. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1892. – XVI, 736 с.
774. Милюков, П. Н. Верховники и шляхетство / П. Н. Милюков. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 74 с.
775. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 528 с.
776. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1994. – Т. 2, ч. 2. – 496 с.
777. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1995. – Т. 3. – 480 с.
778. Милюков, П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) / П. Н. Милюков // Рус. мысль. – 1886. – Кн. 6. – С. 80–92.
779. Мильская, Л. Т. Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность / Л. Т. Мильская // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 394–401.
780. Мильская, Л. Т. Заметки на полях (по поводу статьи А. Я. Гуревича «Историк среди руин» / Л. Т. Мильская // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2004. – Вып. 65. – С. 214–228.
781. Минц, И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и 6-м международном конгрессе историков в Осло / И. И. Минц // Историк-марксист. – 1928. – № 9. – С. 84–96.
782. Мир историка. XX век / под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. – 475 с.
783. Мироненко, А. А. Идея королевской власти в общественной мысли Франции XV–XVII веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. А. Мироненко ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2000. – 28 с.

784. Мироненко, К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. / К. Н. Мироненко // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. юрид. наук. – Л., 1958. – Вып. 10 : Вопросы государства и права. – С. 158–179.
785. Мироненко, С. Бессилие власти / С. Мироненко // Родина. – 1993. – № 1. – С. 156–160.
786. Мироненко, С. В. Николай I / С. В. Мироненко // Российские самодержцы (1801–1917) / [А. Н. Боханов и др. ; отв. ред А. П. Корелин]. – М., 1993. – С. 91–158.
787. Мироненко, С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко ; отв. ред. С. С. Дмитриев. – М. : Наука, 1989. – 240 с.
788. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. – 2-е изд, испр. – СПб. : Д. Буланин, 2000. – Т. 2. – 567 с.
789. Митрофанов, В. П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – начало XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. П. Митрофанов ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1982. – 19 с.
790. Митрофанов, В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В. П. Митрофанов ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2001. – 41 с.
791. Митрофанов, П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. / П. П. Митрофанов. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 156 с.
792. Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.
793. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века. Историографическая революция : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Томск. ун-т, 2008. – Вып. 3. – 558 с.
794. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала XX вв. / Б. Г. Могильницкий // Методологические и историографические вопросы исторической науки : тр. Томск. гос. ун-та : сб. ст. / Томск. гос. ун-т. – Томск, 1963. – Т. 166. – С. 62–84.
795. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 90-х годов / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Томск. ун-т, 1969. – 408 с.
796. Моисеев, В. В. История России. С древнейших времен до наших дней : учеб. для вузов / В. В. Моисеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 732 с.
797. Молдавская, М. А. [Рецензия] / М. А. Молдавская // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1963. – Вып. 23. – С. 277–288. – Рец. на кн.: Люблинская, А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская. – Л. : Ленингр. ун-т, 1959. – 294 с.
798. Молок, А. И. Буржуазная революция во Франции конца XVIII века : в 2 ч. / А. И. Молок. – Л. : Изд. проп. при Ленингр. обл. и гор. ком. ВКП(б), 1936. – Ч. 1. – 26 с.
799. Молок, А. И. Феодално-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века / А. И. Молок // Стенограмма лекции профессора Молока А. И., прочитанной 17 апреля 1936 г. – Л. : Шк. проп. при Ленингр. обл. и гор. ком. ВКП(б), 1936. – 22 с.
800. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения / Ш. Монтескье ; под общ. ред. М. П. Баскина. – М., 1955. – С. 159–733.
801. Морозова, Л. Е. Михаил Федорович // Вопр. истории. – 1992. – № 1. – С. 32–47.
802. Мосина, З. В. Абсолютизм в политике Генриха IV / З. В. Мосина // Историк-марксист. – 1938. – № 2. – С. 34–62.
803. Мосина, З. В. Из истории борьбы французского народа за национальное государство. Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г. / З. В. Мосина // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1953. – Вып. 4. – С. 225–248.
804. Мосина, З. В. Обсуждение II тома учебника по истории средних веков для вузов / З. В. Мосина // Историк-марксист. – 1939. – № 5/6. – С. 272–275.
805. Мосина, З. О работе Института истории Академии наук СССР / З. Мосина // Вопр. истории. – 1948. – № 11. – С. 144–149.
806. Мосина, З. В. Предисловие / З. В. Мосина // История Испании : в 2 т. / Р. Альтамира-и-Кревеа ; пер. с исп.: Е. А. Вадковской, О. М. Гармсен ; под ред. С. Д. Сказкина, Я. М. Света. – М., 1951. – Т. 2. – С. 5–13.
807. Мосина, З. В. [Рецензия] / З. В. Мосина // Вопр. истории. – 1948. – № 7. – С. 127–132. – Рец. на кн.: Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой / Б. Ф. Поршнев. – М. ; Л. : Акад. наук, 1948. – 724 с.
808. Мосина, З. В. Франциск I и коннетабль Бурбон / З. В. Мосина // Вопр. истории. – 1948. – № 2. – С. 108–117.

809. Мосина З. В. Франция при Генрихе IV / З. В. Мосина // Ист. журн. – 1938. – № 9. – С. 95–104.
810. Мосина, З. В. «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) / З. В. Мосина // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 202–211.
811. Москаленко, А. В. Институте истории Академии Наук СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева / А. Москаленко // Вопр. истории. – 1951. – № 6. – С. 138–143.
812. Мунье, Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / Р. Мунье ; пер. с фр. М. Ю. Некрасов ; науч. ред. В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2008. – 416 с.
813. Муравьев, В. А. Николай Петрович Ерощкин и его труды по истории российского самодержавия / В. А. Муравьев // Российское самодержавие / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2006. – С. 5–37.
814. Муравьев, В. А. Современная советская историография революции 1905–1907 годов / В. А. Муравьев ; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М. : МГИАИ, 1985. – 94 с.
815. Мурашов, И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Ю. Мурашов ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2010. – 26 с.
816. Мухин, О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий / О. Н. Мухин // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 142–149.
817. Мыльников, А. С. Петр III / А. С. Мыльников // Вопр. истории. – 1991. – № 4/5. – С. 43–57.
818. Мыльников, А. С. Повествование в документах и версиях / А. С. Мыльников. – М. : Мол. гвардия, 2002. – 511 с.
819. Мягков Г. П. «Русская историческая школа» : методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. – Казань : Казан. ун-т, 1988. – 200 с.
820. Мягков Г. П. «Русская историческая школа» : теория и история развития школы как научного сообщества : автореф. ... дис. д-ра ист. наук : 07.00.09 / Г. П. Мягков. – Казань, 2000. – 43 с.
821. Мякинская, А. В. // Проблема французского абсолютизма в довоенной советской историографии [Электронный ресурс] / А. В. Мякинская // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 20–21 дек. 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск, 2019. – Вып. 4. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/17299>. – Дата доступа: 06. 08. 2020
822. Мякинская, А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии / А. В. Мякинская // Философия. Культура. Общество : сб. тр. молодых учен. и аспирантов : в 2 ч. / редкол.: М. М. Демчук (пред.) [и др.]. – Минск, 2004. – Вып. 4, ч. 1. – С. 145–151.
823. Мякинская, А. Новая история Франции в современной отечественной историографии: традиции и новации / А. Мякинская // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : II Междунар. науч. конф., Пинск, 30 нояб. – 1 дек. 2018 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. – Пинск, 2018. – Вып. 3. – С. 311–315.
824. Мякинская, А. В. Французская абсолютная монархия в дореволюционной российской историографии / А. В. Мякинская // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 3 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2019. – Вып. 19, ч. 1 : Историографические и психолого-педагогические науки / [редкол.: В. А. Гайсенон (пред.) и др.]. – С. 373–379.
825. Назаров, В. Д. Проблемы политической истории феодальной России в новейшей историографии / В. Д. Назаров, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин // Вопр. истории. – 1976. – № 4. – С. 25–48.
826. Наумова, Г. Р. Историография истории России : учеб. пособие / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2009. – 480 с.
827. Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина // Средние века : [к семидесятилетию акад. С. Д. Сказкина] : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1960. – Вып. 17. – С. 5–18.
828. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 30.
829. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 10.
830. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 11.
831. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. СПбИИ РАН. Оп.1. Д. 133.
832. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. СПбИИ РАН. Оп. 1, ч.1. Д. 5.
833. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук

- (НИА СПБНИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЭС). – ЗЭС. Ф. СПБНИИ РАН. Оп. 1. ч. II. Д. 565.
834. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН) – Ф.1. Оп. 2. Описание материалов сектора истории средних веков.
835. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14.
836. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
837. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 89.
838. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 401.
839. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 535.
840. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14.
841. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 60.
842. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 61.
843. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 156.
844. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 321.
845. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 321, т.1.
846. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
847. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 537.
848. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 78.
849. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 173.
850. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.
851. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 441.
852. Наумов, В. П. Елизавета Петровна / В. П. Наумов // Вопр. истории. – 1993. – № 5. – С. 51–72.
853. Наумов, В. П. Научная конференция по историографии / В. П. Наумов // Вестн. Моск. ун-та. – 1962. – № 1. – С. 75–79.
854. На фронте исторической науки: в Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б) : [постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова о конспектах учеб. и др. материалы]. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 27, [2] с.
855. Некоторые итоги и задачи изучения новой и новейшей истории // Новая и новейш. история. – 1973. – № 4. – С. 3–13.
856. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени : протокол заседания сектора истории Средних веков от 28.09.1956 г.
857. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории РАН. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Т. 1 : Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма : материалы науч. сессии 11–13 мая 1966 г.
858. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории РАН. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков Института истории академии наук СССР, 8 апр. 1966 г.

859. Несмеянова, И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Несмеянова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 24 с.
860. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М. В. Нечкина ; Акад. наук СССР, Отд. истории, Науч. совет по проблеме «История исторической науки». – М. : Наука, 1974. – 638 с.
861. Нечухрин, А. Н. Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм) / А. Н. Нечухрин // Наш радавод : матэрыялы міжнар. навуц. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага» (Гродна, 28 верас. – 1 кастр. 1992 г.) / Беларус. дзярж. музей гіст. рэлігіі [і інш.] ; уклад. Д. Караў. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч. 1. – С. 49–60.
862. Нечухрин, А. Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Нечухрин ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 49 с.
863. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 348 с.
864. Нижник, Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» / Н. С. Нижник // Genesis. – 2016. – № 6. – С. 183–194.
865. Никифоров, Е. А. Обсуждение работы Отделения истории РАН / Е. А. Никифоров // Новая и новейш. история. – 1993. – № 2. – С. 51–55.
866. Николай I: pro et contra : антология / [Рос. акад. образования, Сев.-зап. отд. ; сост.: Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков]. – СПб. : С.-Петерб. культурол. о-во, 2011. – 966 с.
867. Нефедов, С. А. Теория военной революции: полвека спустя / С. А. Нефедов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2013. – № 3. – С. 134–141.
868. Нечухрин, А. Н. Проблема специфики исторического познания в творчестве Н. И. Кареева / А. Н. Нечухрин // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. ст. / Томск. гос. ун-т ; [отв. ред. А. И. Данилов]. – Томск : Томск. ун-т, 1979. – Вып. 13. – 103 с.
869. Нобилитет в истории старой Европы : материалы конф. в С.-Петерб. ун-те // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – Вып. 69. – С. 41–118.
870. Новая история : первый период (1640 – 1870) : прогр. для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / М-во высш. образования СССР, Каф. новой истории Моск. ун-та ; отв. ред. И. Д. Белкин. – М. : МГУ, 1954. – 48 с.
871. Новая история : [учеб. пособие] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. В. Бирюковича [и др.]. – М. : Госполитиздат, 1951. – Т. 1 : (1640–1789). – 471 с.
872. Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века : учеб. для студентов вузов : в 3 ч. / [А. М. Родригес и др.] ; под ред. А. И. Родригеса, М. В. Пономарева. – М. : ВЛАДОС, 2005. – Ч. 1. – 528 с.
873. Новая история : [учебник] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. А. Хейфец. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Ч. 1 : От Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789–1870) / [сост.: Р. А. Авербух и др.]. – 571 с.
874. Новицкая, Т. Е. Реформы Александра II / Т. Е. Новицкая // Вестн. Моск. ун-та. – 1998. – № 6. – С. 38–53.
875. Новицкий, Г. А. Образование Российской империи : стеногр. лекций, прочит. 21, 27 и 29 янв. 1940 г. / Г. А. Новицкий // Курс истории СССР / Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. Высш. парт. шк., 1940. – 52 с.
876. Новоселов, В. Р. Дуэль и двор его величества короля Франции / В. Р. Новоселов // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 49–70.
877. Новоселов, В. Р. Королевский арбитраж в вопросах чести Антидуэльное законодательство французских королей: бой с тенью / В. Р. Новоселов // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [отв. ред. Н. А. Хачатурян ; сост. О. С. Воскобойников]. – М., 2008. – С. 176–194.
878. Носов, Н. Е. Централизация и сословное представительство в России XVI в.: (закон и действительность) / Н. Е. Носов // Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина / редкол.: З. В. Удальцова [и др.]. – М., 1983. – С. 51–57.
879. Носова, Г. В. Государственная политика протекционизма и предпринимательства в России в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Носова ; Рос. экон. ун-т. – М., 2003. – 23 с.

880. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [сост. М. А. Бойцов] ; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М. : Наука, 2008. – 443 с.
881. Обсуждение проблемы абсолютизма // Историк-марксист. – 1940. – № 6. – С. 63–68.
882. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР, Серия истории и философии» в 1948–1950 гг. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1951. – Т. 8, № 2. – С. 201–208.
883. XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопр. истории. – 1960. – № 12. – С. 3–29.
884. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопр. истории. – 1949. – № 2. – С. 3–13.
885. Ольминский, М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М. С. Ольминский. – 3-е изд. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 221 с.
886. Омельченко, О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме: к критике традиционных проблем исторического государственоведения [Электронный ресурс] / О. А. Омельченко // Фемис : ежегодник истории права и правоведения / Моск. гос. индустр. ун-т. – М. : МГИУ, 2000. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/document.asp?d-ocID=1135820/>. – Дата доступа: 01.04.2019.
887. Омельченко, О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века) : учеб. пособие / О. А. Омельченко. – М. : ВЮЗИ, 1989. – 148, [3] с.
888. Омельченко, О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. / О. А. Омельченко // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; под ред. К. И. Батыра. – М., 1983. – С. 25–62.
889. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России. Политическая доктрина. Правовая политика. Государственные реформы : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Омельченко ; Моск. гос. индустр. ун-т. – М. : МГИУ, 2002. – 42 с.
890. Омельченко, О. А. «Наказ» комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. А. Омельченко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1977. – 27 с.
891. Омельченко, О. А. Политическая теория в «Наказе» комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II / О. А. Омельченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: История. – 1977. – № 1. – С. 77–92.
892. О. Н. У. [Ону, А. М.]. [Рецензия] / А. М. Ону // Мир Божий. – 1901. – № 5. – С. 99–105. – Рец. на кн.: Ардашев, П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. / П. Н. Ардашев. – СПб. : В. С. Балашев и К°, 1900. – Т. 1. – 658 с.
893. Ону, А. М. Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны / А. М. Ону. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – Ч. 1 : Опыт установления метода исследования и критики наказов как исторического источника. – XI, 718 с.
894. Основы курса истории России / А. С. Орлов [и др.]. – М. : Простор, 2001. – 650 с.
895. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 9.
896. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 14.
897. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 4.
898. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 11. Ед. хр. 11.
899. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 16. Ед. хр. 14.
900. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 4.
901. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 3.
902. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 4.
903. Оржеховский, И. В. Внутренняя политика российского самодержавия (усиление реакционно-охранительных начал) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. В. Оржеховский ; Ленингр. отд. ин-та истории Акад. наук СССР. – Л., 1974. – 44 с.
904. Оржеховский, И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х–70-х годах XIX века : лекции по спецкурсу / И. В. Оржеховский. – Горький : Горьк. ун-т, 1974. – 168 с.
905. Отечественная история / И. Ю. Заорская [и др.]. – М. : Логос, 2002. – 559 с.
906. Отечественная история / С. Н. Полторак, В. А. Бунакова, С. Б. Ульянова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гардарики, 2005. – 398 с.
907. От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л. : ЛГУ, 1988. – 175 с.
908. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. / [И. М. Кривогуз и др.]. – М. : Учпедгиз, 1959. – 358 с.

909. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. П. Корзун. – Омск : ОмГУ, 2005. – 684 с.
910. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1960. – Т. 2. – 861 с.
911. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1963. – Т. 3. – 830 с.
912. Очерки по истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 854 с.
913. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1985. – Т. 5. – 605 с.
914. Очерки истории Италии 476–1918 годы : пособие / под ред. М. А. Гукковского. – М. : Учпедгиз, 1959. – 388 с.
915. Очерки истории СССР (1907 – март 1917) / под ред. А. Л. Сидорова. – М. : Учпедгиз, 1954. – 349 с.
916. Очерки истории СССР. период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. – М. : АН СССР, 1954. – 814 с.
917. Очерки истории СССР. период феодализма. XVII в. / под ред. А. А. Новосельцева, Н. В. Устюгова. – М. : АН СССР, 1955. – 1032 с.
918. Очерки истории СССР. период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века / под ред. А. И. Барановича [и др.]. – М. : АН СССР, 1957. – 866 с.
919. Очерки истории СССР. период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / под ред. А. И. Барановича [и др.]. – М. : АН СССР, 1956. – 894 с.
920. Павленко, Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе / Н. И. Павленко. – М. : АСТ-Пресс, 2002. – 384 с.
921. Павленко, Н. И. Екатерина I / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 262, [3] с.
922. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – Изд. 6-е. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 495 с.
923. Павленко, Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. / Н. И. Павленко // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 389–427.
924. Павленко, Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России / Н. И. Павленко // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74.
925. Павленко, Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. / Н. И. Павленко // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 54–75.
926. Павленко, Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. / Н. И. Павленко // История СССР. – 1961. – № 2. – С. 71–87.
927. Павленко, Н. И. Петр I / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2000. – 428 с.
928. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1990. – 591 с.
929. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
930. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : АСТ, 2010. – 832 с.
931. Павленко, Н. И. Петр Первый / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 1975. – 384 с.
932. Павленко, Н. И. Петр I. К изучению социально-политических взглядов / Н. И. Павленко // Россия в период реформ Петра I / редкол.: Н. И. Павленко (отв. ред.) [и др.]. – М., 1973. – С. 40–102.
933. Павленко, Н. И. Петр II / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 281 с.
934. Павленко, Н. И. Соратники Петра / Н. И. Павленко, О. Ю. Дроздова, И. Н. Колкина. – М. : Мол. гвардия, 2001. – 494 с.
935. Павленко, Н. И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России / Н. И. Павленко // Вопр. истории. – 1966. – № 11. – С. 81–102.
936. Павленко, Н. И. Страсти у трона / Н. И. Павленко. – М. : РФ-Пресс, 2018. – 336 с.
937. Павленко, Н. И. История СССР с древнейших времен до 1861 г. / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Просвещение, 1989. – 558, [1] с.
938. Павлова, Е. Л. Феномен сакрализации и десакрализации: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Л. Павлова. – Ростов-н/Д., 2008. – 20 с.
939. Павлова, Т. А. Английская буржуазная революция в освещении советской историографии / Т. А. Павлова // Вопр. истории. – 1968. – № 10. – С. 152–162.
940. Павлова-Сильванская, М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России / М. П. Павлова-Сильванская // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 71–85.
941. Павлова-Сильванская, М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II / М. П. Павлова-Сильванская // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 460–491.

942. Павлова-Сильванская, М. П. Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. П. Павлова-Сильванская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1964. – 19 с.
943. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в древней Руси / Н. П. Павлов-Сильванский. – Петроград : Прибой, 1924. – 160 с.
944. Павлова-Сильванская, М. П. Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. П. Павлова-Сильванская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1964. – 19 с.
945. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независ. газ., 1993. – 421 с.
946. Паламарчук, А. А. Имперская идея английской монархии: осмысление властных традиций лондонскими антиквариями начала XVII в. / А. А. Паламарчук // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 519–526.
947. Паламарчук, А. А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. / А. А. Паламарчук // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2006. – С. 404–418.
948. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост. и общ. ред.: Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М., 1986. – С. 22–73.
949. Переход от феодализма к капитализму : материалы Всесоюзной дискуссии [редкол.: В. И. Шунков (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1969. – 413 с.
950. Перцев, В. Н. Германия в XVIII веке / В. Н. Перцев. – Минск : БГУ, 1953. – 78 с.
951. Перцев, В. Н. Очерки новой истории (XVI–XIX вв.) / В. Н. Перцев, Е. А. Ефимова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Задруга, [1918]. – [2], 282 с.
952. Перцев, В. [Рецензия] / В. Перцев // Рус. мысль. – 1908. – Кн. 2. – С. 24–27. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги / П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 784 с.
953. Перцев, В. Н. Очерки новой истории (XVI–XIX вв.) / В. Н. Перцев, Е. А. Ефимова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Задруга, [1918]. – [2], 282 с.
954. Перышкин, М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Ю. Перышкин ; Рос. акад. гос. службы. – М., 2004. – 24 с.
955. Петр Великий : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. – 432 с.
956. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. / М. Н. Петров. – СПб. : Изд-во Березовского, 1913. – Т. 3 : История нового времени (реформационная эпоха). – 270 с.
957. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. / М. Н. Петров. – СПб. : Изд-во Березовского, 1913. – Т. 4 : История нового времени (от Вестфальского мира до Конвента). – 298 с.
958. Петрова, Е. Е. Великокняжеская оппозиция в России. 1915 – 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Е. Петрова ; С.-Петербург фил. ин-та Рос. истории Рос. акад. наук. – СПб., 2001. – 22 с.
959. Пименова, Л. А. Власть короля абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. / Л. А. Пименова // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 195–222.
960. Пименова, Л. А. Дворянство накануне Великой Французской революции / Л. А. Пименова. – М. : МГУ, 1986. – 215 с.
961. Пименова, Л. А. Дворянство Франции ко времени Французской революции (по материалам современных исследований) / Л. А. Пименова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1982. – № 4. – С. 50–61.
962. Пименова, Л. А. Доктрина французской монархии в конце Старого порядка / Л. А. Пименова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4, История. – 1996. – № 5. – С. 33–44.
963. Пименова, Л. А. Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» / Л. А. Пименова // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 157–174.
964. Пименова, Л. А. Людовик XVI / Л. А. Пименова // Вопр. истории. – 2000. – № 3. – С. 62–83.
965. Пименова, Л. А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка : сб. науч. ст. / Л. А. Пименова ; под общ. ред. Л. С. Белоусова. – М. : Ист. фак. МГУ, 2018. – Вып. 1 : Научные статьи-ретроспектива. – 410 с. – (Труды исторического факультета Московского государственного университета. Серия «Исторические исследования II» ; вып. 116).

966. Пименова, Л. А. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе века Просвещения (по наказам дворянского сословия генеральным штатам 1789 г.) / Л. А. Пименова // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л., 1988. – С. 77–85.
967. Пименова, Л. А. Осень Версаля глазами современников / Л. А. Пименова // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 336–351.
968. Пименова, Л. А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции / Л. А. Пименова // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции : материалы «круглого стола», 19–20 сент. 1988 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1989. – С. 93–98.
969. Пименова, Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) / Л. А. Пименова // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология : [сб. ст. к 200-летию юбил. Великой Фр. революции] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1988. – С. 59–74.
970. Пименова, Л. А. Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации / Л. А. Пименова // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2008. – С. 277–290.
971. Пименова, Л. А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Л. А. Пименова ; Моск. гос. ун-т. – М. : МГУ, 1984. – 24 с.
972. Пименова, Л. А. Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой Французской революции / Л. А. Пименова // Новая и новейш. история. – 1984. – № 1. – С. 63–75.
973. Пименова, Л. А. Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII в. / Л. А. Пименова // Поблекшее сияние власти : материалы «круглого стола» (Москва, нояб. 2004 г.) / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; отв. ред. М. А. Бойцов. – Препр. изд. – М., 2006. – С. 108–124.
974. Писаренко, К. А. Императрица Елизавета Петровна (мифы и реальность) / К. А. Писаренко // Вопр. истории. – 2012. – № 6. – С. 152–165.
975. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в. Становление министерской системы / Л. Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф, 2019. – 416 с.
976. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф, 2012. – 448 с.
977. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. – М. : РОССПЭН, 2007. – 743 с.
978. Пискорский, В. К. История Испании и Португалии / В. К. Пискорский. – изд. 2-е, доп. – СПб. : Брокгауз-Эфрон, 1909. – 276 с.
979. Письмо в редакцию // Вопр. истории. – 1953. – № 4. – С. 139–142.
980. Питулько, Г. Н. Образ привилегированного купечества на страницах английской публицистики начала XVII в. / Г. Н. Питулько // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 32–42.
981. Питулько, Г. Н. Торговый кризис начала 1620-х гг. и английское привилегированное купечество / Г. Н. Питулько // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Гос. пед. ун-т ; [редкол.: Г. Е. Левин (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 21–30.
982. Пихоя, Р. Г. Востребованная история. Становление феномена советской историографии на рубеже 20-х–30-х годов / Р. Г. Пихоя // История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие. – М., 2009. – С. 220–254.
983. Пичета, В. И. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета // Историк-марксист. – 1939. – № 5/6. – С. 67–98.
984. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – М. : Фирма СТД, 2005. – 832 с.
985. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – СПб. : Мир, 1914. – Т. 1. – II, 304 с.
986. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – М. : Мир, 1915. – Т. 2. – 286 с.
987. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – М. : Мир, 1917. – Т. 3. – 294 с.
988. Плешкова, С. Л. Генрих IV Французский / С. Л. Плешкова // Вопр. истории. – 1999. – № 10. – С. 65–81.

989. Плешкова, С. Л. Екатерина Медичи, Черная королева / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 1995. – 309 с.
990. Плешкова, С. Л. Искусство возможного: религиозные мирные соглашения французских монархов / С. Л. Плешкова // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. – СПб., 2007. – С. 258–285.
991. Плешкова, С. Л. Реальности и мифы Варфоломеевской ночи / С. Л. Плешкова // Вопр. истории. – 1998. – № 8. – С. 114–124.
992. Плешкова, С. Л. Франция XVI – начала XVII века: королевский галликанизм: церковная политика монархии и формирование официальной идеологии : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 2005. – 464 л.
993. Плешкова, С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.) / С. Л. Плешкова. – М. : Моск. ун-та, 1992. – 176 с.
994. Плешкова, С. Л. Французская Реформация (спецкурс и пер. ист.) : учеб.-метод. пособие / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 1993. – 122 с.
995. Плосконосова, В. П. Российский абсолютизм и динамика социальных изменений / В. П. Плосконосова // Клио. – 2004. – № 2 (25). – С. 31–38.
996. Погодин, С. Н. Владимир Иванович Герье как историк и методолог / С. Н. Погодин // Вопр. истории. – 2004. – № 10. – С. 151–162.
997. Погодин, С. Н. Владимир Иванович Герье / С. Н. Погодин // Клио. – 2004. – № 1. – С. 209–217.
998. Погодин, С. Н. Максим Максимович Ковалевский / С. Н. Погодин. – СПб. : Нестор, 2005. – 158 с.
999. Покровский, М. Н. Абсолютизм // Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1926. – Т. 1 : А – Аколла. – Стб. 90.
1000. Покровский, М. Н. Александр I (1801–1815) / М. Н. Покровский // История России в XIX веке / М. Н. Покровский [и др.]. – М., 2001. – С. 31–66.
1001. Покровский, М. Н. Задачи Общества историков-марксистов: речь, произнесенная при открытии Общества и заседании 1 июня 1925 г. / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1926. – № 1. – С. 3–10.
1002. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая литература / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 7–100.
1003. Покровский, М. Н. Кончаю ... / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 150–151.
1004. Покровский, М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России / М. Н. Покровский. – Л. : Прибой, 1925. – 142, [2] с.
1005. Покровский, М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет / М. Н. Покровский // Вестн. Коммун. акад. – 1928. – Кн. 26. – С. 3–30.
1006. Покровский, М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России / М. Н. Покровский // М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 285–303.
1007. Покровский, М. Н. Ответ тов. Томсинскому / М. Н. Покровский // Вестн. Коммун. акад. – 1926. – Кн. 15. – С. 284–299.
1008. Покровский, М. Н. Очерк истории русской культуры: Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений / М. Н. Покровский. – Изд. 5-е, испр. – М. : Либроком, 2010. – 256 с.
1009. Покровский, М. Н. Павел Петрович / М. Н. Покровский // История России в XIX веке / М. Н. Покровский [и др.]. – М. : Центрополиграф, 2001. – 589 с.
1010. Покровский, М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал вопреки общественному развитию»? / М. Н. Покровский // Борьба классов и русская общественная литература : лекции, читан. в Коммун. ун-те. – Петроград, 1923. – С. 119–131.
1011. Покровский, М. Н. Русская история : в 3 т. / М. Н. Покровский. – СПб. : Полигон, 2002. – Т. 1. – 346 с.
1012. Покровский, М. Н. Русская история : в 3 т. / М. Н. Покровский. – СПб. : Полигон, 2002. – Т. 2. – 383 с.
1013. Покровский, М. Н. Русская история : [в 3 т.] / М. Н. Покровский. – СПб. : Полигон, 2002. – Т. 3. – 367 с.
1014. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – 4-е изд. – [М.] : Партиздат, 1933. – 544 с.
1015. Покровский, М. Н. Троицизм и «особенности исторического развития России» / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки / М. Н. Покровский ; Комакад. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. – Вып. 1. – С. 152–166.

1016. Покровский, Н. Н. [Рецензия] / Н. Н. Покровский // Вопр. истории. – 1988. – № 3. – С. 144–148. – Рец. на кн.: Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII век: борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
1017. Покровский, С. А. К вопросу о классовой природе абсолютизма / С. А. Покровский // Изв. Акад. наук СССР. – 1946. – № 4. – С. 28–299.
1018. Покровский, С. А. [Рецензия] / С. А. Покровский // Совет. государство и право. – 1940. – № 12. – С. 121. – Рец. на кн.: Юшков, С. В. История государства и права СССР / С. В. Юшков ; Всесоюз. ин-т юрид. наук Нар. комиссариата юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – Ч. 1. – 595 с.
1019. Покровская, М. А. К вопросу о налоговой политике французского абсолютизма первой половины XVI века / М. А. Покровская // Учен. зап. / Орлов. гос. пед. ун-т, Ист.-филол. фак. – Орел, 1964. – Т. 22. – С. 213–234.
1020. Покровская, М. А. К вопросу экономической политики французского абсолютизма первой половины XVI века / М. А. Покровская // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1955. – Вып. 7. – С. 135–151.
1021. Покровская, М. А. Основные принципы экономической политики французского абсолютизма в первой половине XVI столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / М. А. Покровская ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1952. – 16 с.
1022. Полосин, И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. : сб. ст. / И. И. Полосин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : АН СССР, 1963. – 384 с.
1023. Полосин, И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) / И. И. Полосин // Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. / И. И. Полосин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1963. – С. 156–181.
1024. Пономарев, М. В. Новая и новейшая история стран Европы и Америки : практ. пособие для вузов : [в 3 ч.] / М. В. Пономарев, С. Ю. Смирнова. – М. : ВЛАДОС, 2004. – Ч. 1 : Предмет и периодизация курса. Европейская цивилизация в XVI–XVII вв. Век Просвещения – период становления индустриального общества. – 288 с.
1025. Поор, Я. О понятии просвещенного абсолютизма / Я. Поор // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения : материалы науч. конф., Москва, 31 марта, 4 апр. 2005 г. / [редкол.: Л. П. Колодникова и др.]. – М., 2006. – С. 69–83.
1026. Попов, Д. Ф. Проблема российской абсолютной монархии (Верховная власть) в русской исторической науке / Д. Ф. Попов. – М. : М-Артика, 1999. – 362 с.
1027. Попова, М. К. «Век Елизаветы»: королевская власть и печатное слово / М. К. Попова // Культура Возрождения и власть : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения ; [редкол.: Л. М. Брагина (отв. ред.) и др.]. – М., 1999. – С. 172–177.
1028. Поршнев, Б. Ф. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году / Б. Ф. Поршнев // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 164–184.
1029. Поршнев, Б. Ф. История средних веков и указания тов. Сталина об «основной черте» феодального общества / Б. Ф. Поршнев // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1949. – Т. 6, № 6. – С. 531–537.
1030. Поршнев, Б. Ф. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции / Б. Ф. Поршнев // Историк-марксист. – 1939. – № 4. – С. 85–93.
1031. Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. / Б. Ф. Поршнев // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1944. – Вып. 1. – С. 37–39.
1032. Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции 20-х – 40-х гг. XVII в. / Б. Ф. Поршнев // Учен. зап. / Нар. комиссариат просвещения РСФСР, Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1940. – Т. 2. – С. 3–99.
1033. Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 724 с.
1034. Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции при Кольбере / Б. Ф. Поршнев // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1946. – Вып. 2. – С. 373–404.
1035. Поршнев, Б. Проблема Фронды / Б. Поршнев // Историк-марксист. – 1941. – № 5. – С. 96–105.
1036. Поршнев, Б. Ф. Основные проблемы изучения новой истории / Б. Ф. Поршнев // Новая и новейш. история. – 1961. – № 6. – С. 30–44.
1037. Поршнев, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршнев // Большевик. – 1941. – № 1. – С. 89–96. – Рец. на кн.: Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) ; под ред. М. Б. Митина. – [Л.] : Госполитиздат, 1940. – Т. 7. – 401 с.
1038. Поршнев, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршнев // Совет. кн. – 1947. – № 6. – С. 53–57. – Рец. на кн.: Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – [Л.] : Госполитиздат, 1946. – Т. 8. – 428 с.

1039. Поршнева, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршнева // Историк-марксист. – 1937. – № 5/6. – С. 234–237. – Рец. на кн.: Сен-Симон, Л. Мемуары: избранные части «Подлинных воспоминаний герцога де Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства»: [в 2 т.] / Л. Сен-Симон; пер. И. М. Гревса. – М.; Л.: Academia, 1936. – Т. 2. – 475 с.
1040. Поршнева, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршнева // Вопр. истории. – 1947. – № 9. – С. 143–147. – Рец. на кн.: Mousnier, R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII / R. Mousnier. – Rouen: Editions Mangard, 1946. – 629, [XXIX] p.
1041. Поршнева, Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1948. – Т. 5, № 6. – С. 473–488.
1042. Поршнева, Б. Ф. Сущность феодального государства / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1950. – Т. 7, № 5. – С. 418–444.
1043. Поршнева, Б. Ф. Феодализм и народные массы / Б. Ф. Поршнева; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – 520 с.
1044. Поршнева, Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1950. – Т. 8. – № 3. – С. 205–221.
1045. Поршнева, Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. / Б. Ф. Поршнева; [Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории]. – М.: Наука, 1970. – 387 с.
1046. Поршнева, Б. Ф. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? / Б. Ф. Поршнева // Историк-марксист. – 1940. – № 2. – С. 91–113.
1047. Послесловие редколлегии // Средние века: сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2005. – Вып. 66. – С. 415.
1048. Об учебных программах и режиме начальной и средней школе [Электронный ресурс]: постановление ЦК ВКП(б), 25 авг. 1932 г. // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/57330>. – Дата доступа: 28.01.2018.
1049. Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе [Электронный ресурс]: постановление ЦК ВКП(б), 25 авг. 1931 г. // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/53561>. – Дата доступа: 21.01.2018.
1050. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции: стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / Ф. В. Потемкин, А. И. Молок. – М.: Тип. Высш. парт. шк., 1949. – 55 с.
1051. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции: лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / Ф. В. Потемкин, А. И. Молок. – М.: Тип. Высш. парт. шк., 1952. – 47 с.
1052. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции / Ф. В. Потемкин // Новая история: учеб. пособие / Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, Каф. всеобщ. истории. – М., 1956. – Ч. 1: Первый период, 1642–1870. – С. 54–67.
1053. Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. / Рос. акад. наук [и др.]; отв. ред. В. Д. Назаров]. – М.: Древлеханище, 2017. – 315 с.
1054. Преображенский, А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России / А. А. Преображенский // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 108–117.
1055. Преображенский, А. А. Первые Романовы на российском престоле / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. сл., 2007. – 455 с.
1056. Преображенский, А. А. Проблемы классовой борьбы в XVII–XVIII вв. и абсолютизма в трудах Л. В. Черепнина / А. А. Преображенский // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв.: чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина: тез. докл. и сообщ., Москва, 26–28 нояб. 1980 г. / Акад. наук СССР [и др.]; редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М., 1980. – С. 12–18.
1057. Преображенский, В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма / В. Д. Преображенский. – [Харьков]: Пролетар, 1931. – 420 с.
1058. Пресняков, А. Е. Александр I / А. Е. Пресняков. – Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1924. – 189 с.
1059. Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. – 99 с.
1060. Принцева, Т. А. Торговая политика английской абсолютной монархии в первой трети XVI века (вопрос о торговле по лицензиям): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Т. А. Принцева; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1984. – 17 с.
1061. Проект схемы многоотомника всемирной истории // Историк-марксист. – 1938. – № 2. – С. 143–191.
1062. Проект схемы многоотомника всемирной истории // Историк-марксист. – 1938. – № 3. – С. 170–189.

1063. Прокопьев, А. Ю. Германия в годы религиозного раскола, 1555–1648 / А. Ю. Прокопьев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 482 с.
1064. Прокопьев, А. Ю. Дворянство Священной Римской империи: социокультурный аспект / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2007. – Вып. 4. – С. 207–219.
1065. Прокопьев, А. Ю. Династии и дворянство конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит / А. Ю. Прокопьев // Нобилитет в истории Старой Европы: [сб. ст.] / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2009. – С. 194–228.
1066. Прокопьев, А. Ю. Жезл гофмаршала (высшие должности при дрезденском дворе в XVII в.) / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2002. – Вып. 1. – С. 36–49.
1067. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / А. Ю. Прокопьев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 46 с.
1068. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонский (1585–1656). Портрет эпохи раннего барокко / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1995. – Вып. 2. – С. 95–101.
1069. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии / А. Ю. Прокопьев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 821 с.
1070. Прокопьев, А. Ю. На пороге Нового времени: сословия и княжеская власть в архиепископстве Магдебург во второй половине XV – первой половине XVI в. / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1992. – Вып. 3. – С. 12–23.
1071. Прокопьев, А. Ю. Саксонское дворянство в Тридцатилетнюю войну / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2001. – Вып. 3. – С. 15–27.
1072. Против механистических тенденций в исторической науке: дискуссия в Ин-те Красной профессуры / Ин-т Красной профессуры. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 240 с.
1073. Против объективизма в исторической науке // Вопр. истории. – 1948. – № 12. – С. 3–12.
1074. Пудина, С. И. Вознаграждение дворянства за государственную службу в первой четверти XVIII в. / С. И. Пудина // Экон. и соц.-гуманитар. исслед. – 2016. – № 1. – С. 131–136.
1075. Пудина, С. И. Дворянская служба в конце XVII – первой четверти XVIII в.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. И. Пудина; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2012. – 26 с.
1076. Пушкарев, Л. Н. Верховная власть в менталитете русских государей XVI – начала XVIII вв. / Л. Н. Пушкарев // Российская монархия: вопросы истории и теории: межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997) / Моск. гос. соц. ун-т [и др.]; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 1998. – С. 32–40.
1077. Пчелов, Е. В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика / Е. В. Пчелов // Вопр. истории. – 2009. – № 6. – С. 76–83.
1078. Пчелов, Е. В. Жесты и эмоции на парадных портретах российских монархов / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 3. – С. 98–122.
1079. Пчелов, Е. В. Символика регалий российских государей: эмблематика и символическая премственность / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – № 12 (74). – С. 186–194.
1080. Пчелов, Е. В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 7 (50). – С. 140–152.
1081. Пчелов, Е. В. Солнце и Луна в bestiарной символике русской культуры / Е. В. Пчелов // Бестиарий антитез: сб. ст. по материалам междунар. конф., Москва, 19–20 янв. 2018 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т мировой лит., Моск. гос. ун-т; сост.: О. Л. Довгий, А. Львова. – М., 2019. – С. 80–85.
1082. Пыхтеев, Б. Б. Мероприятия Генриха IV по развитию сельского хозяйства во Франции / Б. Б. Пыхтеев // Учен. зап. / Моск. гос. пед. ин-т, Каф. истории средних веков. – М., 1940. – Т. 26, вып. 1. – С. 57–86.
1083. Радциг, Е. С. Николай II в воспоминаниях приближенных / Е. С. Радциг // Новая и новейш. история. – 1999. – № 2. – С. 134–146.
1084. Раев, М. Понять дореволюционную Россию: государство и о-во в Рос. империи / М. Раев; пер. с фр.: Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. – London: Overseas publ. interchange, 1990. – 304 с.

1085. Раков, В. М. «Европейское чудо» : (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.) : учеб. пособие / В. М. Раков. – Пермь : Перм. ун-т, 1999. – 254 с.
1086. Рамазанов, С. П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. / С. П. Рамазанов ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. ун-т, Волж. гуманитар. ин-т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – Ч. 1 : Постановка и попытка решения проблемы. – 144 с.
1087. Расцвет наук : [ред. ст.] // Лит. газ. – 1950. – 8 марта (№ 20). – С. 3.
1088. Рахматуллин, М. А. К дискуссии об абсолютизме в России / М. А. Рахматуллин // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 65–88.
1089. Рахматуллин, М. А. Непокоримая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отеч. история. – 1996. – № 6. – С. 19–47.
1090. Рахматуллин, М. А. Непокоримая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отеч. история. – 1997. – № 1. – С. 13–26.
1091. Ревуненков, В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции: падение монархии 1789–1792 / В. Г. Ревуненков ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1982. – 240 с.
1092. Ревякин, А. В. Новая история стран Европы и Америки: конец XV – XIX вв. : учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Ревякин. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 508 с.
1093. Рейснер, М. А. Введение / М. А. Рейснер // Политический строй современных государств : [в 2 т.] / Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участии ред. газ. «Право». – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 1–77.
1094. Рейснер, М. А. Государство буржуазии и РСФСР : в 3 ч. / М. А. Рейснер. – М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – 424 с.
1095. Рейснер, М. А. Общественное благо и абсолютное государство / М. А. Рейснер // Вестн. права. – 1902. – № 9/10. – С. 1–128.
1096. Рейснер, М. А. Русский абсолютизм и европейская реакция / М. А. Рейснер. – [СПб.] : Дело, 1906. – 106 с.
1097. Ремнев, П. А. Образ российской монархии в восприятии российской политической элиты первой четверти XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. А. Ремнев ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2008. – 26 с.
1098. Репина, Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Историческая наука на рубеже веков : [сб. ст. : посвящ. 70-летию А. О. Чубарьяна] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. А. А. Фурсенко. – М., 2001. – С. 175–192.
1099. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛКИ, 2009. – 320 с.
1100. Реформы второй половины XVII–XX вв. : подготовка, проведение, результаты : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; редкол.: Ф. В. Шелов-Коведяев (отв. ред.) и др.]. – М. : Ин-т истории СССР, 1989. – 190 с.
1101. [Рецензия] // Вестн. Европы. – 1880. – Т. 5, кн. 9. – С. 371–377. – Рец. на кн.: Ковалевский, М. М. Общественный строй Англии в конце средних веков / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Мюллера, 1880. – 397 с.
1102. Рогинская, А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.) / А. Е. Рогинская ; Ин-т междунар. отношений. – М. : ИМО, 1958. – 368 с.
1103. Рогинская, А. Е. [Рецензия] / А. Е. Рогинская, С. Д. Сказкин // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1963. – Вып. 23. – С. 277–283. – Рец. на кн.: Люблинская, А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1959. – 294 с.
1104. Рогожин, А. И. Государство и право России в период становления и развития абсолютизма (вторая половина XVII – конец XVIII в.) : учеб. пособие / А. И. Рогожин, А. Н. Ярмыш ; Учеб.-метод. каб. по высш. образованию при Минвузе УССР, Харьков. юрид. ин-т. – Киев : УМК ВО, 1989. – 78 с.
1105. Рожков, Н. А. Очерки из истории Англии, Франции и Германии. XII–XX вв.: от самовластия к народовластию / Н. А. Рожков. – 2-е изд., испр. и доп. – Петроград : Изд. О. Богдановой, 1923. – 119 с.
1106. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России / Н. Рожков. – М. : Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1906. – [4], 231 с.
1107. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России / Н. А. Рожков // Избранные труды / Н. А. Рожков ; [сост.: О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов] ; Ин-т обществ. мысли. – М., 2010. – С. 211–419.
1108. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – 3-е изд. – М. ; Л. : Книга, 1928. – Т. 1 : Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодальная революция. – 444 с.

1109. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – 3-е изд. – М. ; Л. : Книга, 1930. – Т. 2. : Феодализм. – 370 с.
1110. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Петроград : Книга, [1923]. – Т. 5 : Конец дворянской революции в России: ее третий момент. – 274 с.
1111. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Петроград : Книга, [1923]. – Т. 6 : Дворянская революция в южной Руси, в Западной Европе, на Древнем Востоке и античном мире. – 285 с.
1112. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Петроград : Книга, [1923]. – Т. 7 : Старый порядок (господство дворянства). – 273 с.
1113. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Л. : Книга, 1924. – Т. 10 : Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. – 385 с.
1114. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Л. : Книга, 1925. – Т. 11 : Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины и начала века. – 406 с.
1115. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – М. ; Л. : Книга, [1926]. – Т. 12 : Финансовый капитализм в Европе и революция в России. – 396 с.
1116. Розенталь, Н. Н. Западно-европейское средневековье : [в 2 ч.] / Н. Н. Розенталь. – Л. : Прибой, 1925. – Ч. 2 : Позднее средневековье. – 152 с.
1117. Розенталь, Н. Н. История Европы в эпоху торгового капитализма / Н. Н. Розенталь. – Л. : Прибой, 1927. – 224 с.
1118. Розенталь, Н. Н. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (к вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII) / Н. Н. Розенталь // Учен. зап. / Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. – М., 1928. – Т. 6. – С. 110–126.
1119. Рожков, Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии / Н. А. Рожков. – СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1908. – 252 с.
1120. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России / Н. Рожков. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1906. – 217 с.
1121. Ролова, А. Д. Италия в XVIII в. / А. Д. Ролова // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: С. Д. Сказкин, К. Ф. Мизиано, С. И. Дорофеев. – М., 1970. – Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина (отв. ред), Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. – С. 505–525.
1122. Ролова, А. Д. Политика Тосканского правительства в отношении народных масс (вторая половина XVI – начало XVII в.) / А. Д. Ролова // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1973. – Вып. 37. – С. 174–195.
1123. Ролова, А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Д. Ролова. – Л., 1953. – 482 л.
1124. Ролова, А. Д. Феодальная реакция и упадок Италии / А. Д. Ролова // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: С. Д. Сказкин, К. Ф. Мизиано, С. И. Дорофеев. – М., 1970. – Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина (отв. ред), Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. – С. 466–504.
1125. Ролова, А. Д. Флоренция и проблема экономического упадка Италии (вторая половина XVI – начало XVII в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. Д. Ролова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1974. – 43 с.
1126. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн ; под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. – [2-е изд.]. – СПб. : СПбУ, 2008. – 939 с.
1127. Ружицкая, И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И. В. Ружицкая. – СПб. : ЦГИ, 2015. – 240 с.
1128. Рутенбург, В. И. Истоки Рисорджименто. Италия в XVII–XVIII веках / В. И. Рутенбург ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1980. – 303 с.
1129. Русские верховники прошлого века [Рецензия] // Вестн. Европы. – 1870. – Кн. 2. – С. 945–957. – Рец. на кн.: Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М. : Унив. тип., 1869. – Т. 19. – 392 с.

1130. Рутенбург, В. И. Италия и Европа накануне Нового времени : очерки / В. И. Рутенбург. – М. : Наука, 1974. – 323 с.
1131. Рутенбург, В. И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) / В. И. Рутенбург // Вопр. истории. – 1984. – № 3. – С. 72–81.
1132. Рутенбург, В. И. Теория и практика итальянского абсолютизма / В. И. Рутенбург // Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. : к 80-летию акад. С. Д. Сказкина / [Акад. наук СССР, Отд-ние истории ; редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – С. 225–235.
1133. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. / Н. В. Рыбалко ; Волгогр. гос. ун-т, Каф. истории России. – М. : Квадрига : МБА, 2011. – 656 с.
1134. Рыжковский, В. В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) / В. В. Рыжковский // Новое лит. обозрение. – 2009. – № 3. – С. 58–89.
1135. Рынзюнский, П. Г. Российское самодержавие и его классовые основы / П. Г. Рынзюнский // История СССР. – 1977. – № 2. – С. 34–52.
1136. Савельев, А. Б. Российский абсолютизм конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Б. Савельев. – М., 2001. – 286 л.
1137. Савельева, Е. Н. Кабинет министров императрицы Анна Иоанновны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Н. Савельева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 16 с.
1138. Савельева, М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности: российский опыт становления феномена "сакральное" / М. Ю. Савельева. – Киев : ПАРАПАН, 2007. – 410 с.
1139. Савин, А. Н. Век Людовика XIV / А. Н. Савин. – [М.] : Госиздат, 1930. – 247 с.
1140. Савин, А. Н. История Англии в Новое время. (XVI–XVIII вв.) : курс лекций литограф. : по зап. слушателей : [в 2 т.] / А. Н. Савин. – М. : О-во взаимопомощи студентам-филол. ИМУ, 1912. – Т. 1. – 179 с.
1141. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин ; под общ. ред. Е. А. Косминского. – 2-е изд. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 388 с.
1142. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин. – М. : Крафт+, 2000. – 535 с.
1143. Савин, А. Н. Университетские дела : дневник 1908–1917 / А. Н. Савин ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики» ; отв. ред. А. К. Гладков. – М. ; СПб. : ЦГИ, 2015. – 524 с.
1144. Савинова, А. Н. Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Н. Савинова ; Ярослав. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2005. – 22 с.
1145. Самойло, А. С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии / А. С. Самойло // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 16. – С. 125–135.
1146. Самойлов, Р. Страница истории, прочитанная заново / Р. Самойлов // Лит. газ. – 1950. – 29 марта (№ 26). – С. 3.
1147. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 3.
1148. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1. Д. 1531.
1149. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663.
1150. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4.
1151. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4.
1152. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1949). Д. 7.
1153. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1951). Д. 5.
1154. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 17.
1155. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 2. Д. 1.
1156. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 2. Ед. хр. 2.

1157. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 17.
1158. Сапрыкин, Ю. М. Абсолютистские идеи англиканской реформации в XVI в. / Ю. М. Сапрыкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1985. – № 1. – С. 79–90.
1159. Сапрыкин, Ю. М. Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина : к 75-летию со дня рожд. / Ю. М. Сапрыкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1966. – № 2. – С. 89–99.
1160. Сахаров, А. Н. Александр I / А. Н. Сахаров ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1998. – 287 с.
1161. Сахаров, А. Н. Александр I: жажда и боязнь реформ / А. Н. Сахаров // Вестн. Рос. акад. наук. – 1994. – Т. 64, № 10. – С. 938–943.
1162. Сахаров, А. Н. Александр I (к истории жизни и смерти) / А. Н. Сахаров // Российские самодержцы (1801–1917) / [А. Н. Боханов и др. ; отв. ред. А. П. Корелин]. – М., 1993. – С. 13–90.
1163. Сахаров, А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма / А. Н. Сахаров // История СССР. – 1971. – № 1. – С. 110–126.
1164. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник : в 2 т. / [А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков] ; под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Проспект, 2013. – 2 т.
1165. Сахаров, А. Н. Россия: народ, правители, цивилизация / А. Н. Сахаров ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2004. – 958 с.
1166. Сахаров, А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. : [учеб. пособие] / А. М. Сахаров. – М. : Высш. шк., 1969. – 224 с.
1167. Сахаров, А. Н. О новых подходах к российской исторической науке. 1190-е годы / А. Н. Сахаров // История и историки, 2002 : историограф. вестн. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Комис. по истории ист. науки ; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М., 2002. – С. 3–28.
1168. Сафонов, М. М. «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых / М. М. Сафонов // Вестн. архивиста. – 2013. – № 3. – С. 72–87.
1169. Сафонов, М. М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии / М. М. Сафонов // Петербург. ист. журн. – 2016. – № 1. – С. 113–128.
1170. Сванидзе, А. А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза / А. А. Сванидзе // Человек XVII столетия : [тем. сб. ст. : в 2 ч.] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр западноевроп. Средневековья и раннего Нового времени ; под ред. А. А. Сванидзе, В. А. Ведюшкина. – М., 2005. – Ч. 1. – С. 19–43.
1171. Сванидзе, А. С. Наши задачи / А. С. Сванидзе // Вестн. древней истории. – 1937. – № 1. – С. 5–13.
1172. Светова, Е. А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти / Е. А. Светова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. – М. : [б. и.], 2013. – 211 с.
1173. Свешников, А. Советская медиевистика в идеологической борьбе 1930-х – 1940-х годов / А. Свешников // Новое лит. обозрение. – 2008. – № 2. – С. 86–112.
1174. Святуха, О. П. «Идея» государственной власти и «носитель» власти. Отражение проблемы в русском искусстве XVII в. / О. П. Святуха // Ленингр. юрид. журн. – 2008. – № 1 (11). – С. 121–136.
1175. Святуха, О. П. Легитимизация царской власти в русских портретах XVII в. / О. П. Святуха // Ленингр. юрид. журн. – 2006. – № 1 (5). – С. 197–204
1176. Святуха, О. П. Репрезентация царской власти в русских портретах XVII в. / О. П. Святуха // История и культура. – 2005. – № 4. – С. 94–106.
1177. Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2006. – 484 с.
1178. Седов, П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века / П. В. Седов ; Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории. – [2-е изд., испр.]. – СПб. : Д. Буланин, 2008. – 604 с.
1179. Селиверстова, Н. М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70-х годов XIX в.: состав, положение, деятельность : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. М. Селиверстова ; [Рос. ун-т дружбы народов]. – М., 2017. – 40 с.
1180. Селихов, Е. А. Формирование руководящего состава органов государственного управления России конца XVII – начала XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Селихов ; [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2011. – 20 с.
1181. Сенин, А. С. История Российской государственности : учеб. пособие / А. С. Сенин. – М. : Владос, 2003. – 337 с.
1182. Сергей Данилович Сказкин : [некролог] // Новая и новейш. история. – 1973. – № 4. – С. 217–219.

1183. Серегин, А. В. Теоретические проблемы монархической формы правления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Серегин ; Рост. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 22 с.
1184. Серегина, А. Ю. Проблема происхождения власти и государства в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII веков / А. Ю. Серегина // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук [и др.]. – М., 2000. – Вып. 3. – С. 201–213.
1185. Семенов, В. Ф. История средних веков : учеб. для учителей ин-тов / В. Ф. Семенов. – М. : Учпедгиз, 1949. – 424 с.
1186. Семенов, В. Ф. История средних веков : учеб. для пед. ин-тов / В. Ф. Семенов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 551 с.
1187. Семенов, В. Ф. История средних веков / В. Ф. Семенов : [учеб. для студентов ист. фак. пед. ин-тов]. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1975. – 590 с.
1188. Семин, Г. А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Семин ; [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2017. – 25 с.
1189. Сидненко, Т. И. Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. А. Сидненко ; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2007. – 38 с.
1190. Сидоренко, М. А. Король танцует: политический театр королевской власти при Людовике XIV / М. А. Сидоренко. – М. : Наука, 2019. – 281 с.
1191. Сидоренко, М. А. Придворный балет Людовика XIV – дело государственное / М. А. Сидоренко // Новая и новейш. история. – 2016. – № 1. – С. 190–201.
1192. Сидоров, А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов / А. В. Сидоров ; Моск. гос. ун-т, Ин-т гос. упр. и соц. исслед. – М. : Унив. гуманитар. лицей ; Симферополь : Таврия, 1998. – 229 с.
1193. Сидоров, А. Л. Исторические взгляды Н. А. Рожкова: к выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» / А. Л. Сидоров // Историк-марксист. – 1929. – № 13. – С. 184–220.
1194. Сидорова, Л. А. Оттепель в советской исторической науке : совет. историография первого послесталинского десятилетия / Л. А. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Памятники ист. мысли, 1997. – 288 с.
1195. Сидорцов, В. Н. Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, О. М. Шутова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – М., 2008. – Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании / [М. О. Александрович и др.]. – С. 37–48.
1196. Сказкин, С. Д. Абсолютизм / С. Д. Сказкин // Советская историческая энциклопедия : [в 16 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М., 1961. – [Т.] 1 : Аалтонен – Аяны. – Стб. 45–49.
1197. Сказкин, С. Д. Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII–XVIII веках : стеногр. лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–41 учеб. г. / С. Д. Сказкин. – М. : Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1941. – 24 с.
1198. Сказкин, С. Д. Английская революция : стеногр. лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–41 учеб. г. / С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1941. – 19 с.
1199. Сказкин, С. Д. Буржуазная революция в Англии : стеногр. лекции, прочит. на Ленин. курсах при ЦК ВКП(б) в 1941 году / С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1941. – 20 с.
1200. Сказкин, С. Д. Буржуазная революция XVII века в Англии. Страны континентальной Европы в XVII–XVIII веках : лекция, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / С. Д. Сказкин. – М. : Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1952. – 32 с.
1201. Сказкин, С. Д. В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики / С. Д. Сказкин // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1960. – Вып. 18. – С. 3–8.
1202. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Учен. зап. / Моск. город. пед. ин-т. – М., 1941. – Т. 3 : Кафедра Исторического факультета, вып. 1. – С. 3–25.
1203. Сказкин, С. Д. Предисловие к книге: А. де Виньи. Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XIII. – М., 1964. – С. 5–21 / С. Д. Сказкин // Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века : материалы науч. наследия : [сборник] / С. Д. Сказкин ; Акад. наук СССР ; Отд-ние истории. – М., 1981. – С. 221–235.
1204. Сказкин, С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) / С. Д. Сказкин // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) : сб. ст. / [под ред. С. Д. Сказкина]. – М., 1957. – С. 5–18.

1205. Сказкин, С. Д. Реформация и религиозные войны / С. Д. Сказкин // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 181–234.
1206. Сказкин, С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) / С. Д. Сказкин // Избранные труды по истории / С. Д. Сказкин ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1973. – С. 341–354.
1207. Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции / С. Д. Сказкин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 96 с.
1208. Сказкин, С. Д. Франция – единое государство / С. Д. Сказкин // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 151–180.
1209. Сказкин, С. Д. Новая история: от английской буржуазной революции до Венского конгресса : лекции, прочит. в 1944 г. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / С. Д. Сказкин, А. В. Ефимов. – М. : [б. и.], 1945. – 182 с.
1210. Сказкин, С. Д. История средних веков : учеб. пособие / С. Д. Сказкин, А. Д. Удальцов ; Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, Каф. всеобщ. истории. – М. : [б. и.], 1955. – 223 с.
1211. Скоробогатов, А. В. Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. В. Скоробогатов ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 48 с.
1212. Скоробогатов, А. В. Цесаревич Павел Петрович : полит. дискурс и соц. практика / А. В. Скоробогатов ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М. : РГУ, 2005. – 346 с.
1213. Скрынников, Р. Г. Михаил Романов / Р. Г. Скрынников. – М. : АСТ : Ермак, 2005. – 334 с.
1214. Скрынников, Р. Г. Причина Ивана Грозного : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Р. Г. Скрынников ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1967. – 42 с.
1215. Сливко, С. А. Социальная борьба в Англии XV века и формирование английского абсолютизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Сливко ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1965. – 24 с.
1216. Смирнов, В. П. Анатолий Васильевич Адо (1928–1995) / В. П. Смирнов // Портреты историков: время и судьбы : [очерки] / Акад. исслед. культуры. – М. ; Иерусалим, 2004. – Т. 4 : Новая и новейшая история / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – С. 3–22.
1217. Смирнов, И. И. Очерки политической истории Русского государства 30-х – 50-х гг. XVI века / И. И. Смирнов ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : АН СССР, 1958. – 516 с.
1218. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/intro.htm>. – Дата доступа: 02.06.2020.
1219. Советская историография : [сб. ст.] / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; [под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева]. – М. : РГУ, 1996. – 591 с. – (Россия. XX век ; кн. 2).
1220. Соколов, А. Б. Карл I Стюарт / А. Б. Соколов // Вопр. истории. – 2005. – № 12. – С. 70–85.
1221. Соколов, А. К. Межвузовская историографическая конференция «Методология и историография в современных отечественных и зарубежных исследованиях по истории» / А. К. Соколов, А. А. Соколов // Вестн. Моск. ун-та. – 1969. – № 4. – С. 89–96.
1222. Соколов, Н. П. Николай II в отечественной литературе эпохи «перестройки» / Н. П. Соколов // Россия в новое время: выбор пути исторического развития : материалы межвуз. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 1994 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т [и др. ; редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др.]. – М., 1994. – С. 12–15.
1223. Соловьев, Д. В. Формирование политической лояльности в России в 1825–1856 гг.: «виды правительства», печать и общественное мнение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Соловьев ; С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук. – СПб., 2008. – 24 с.
1224. Соловьев, С. М. Курс новой истории / С. М. Соловьев. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 542 с.
1225. Соловьев, С. М. Наблюдение над исторической жизнью народов / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1996. – Кн. 17 : Работы разных лет / [отв. ред. И. Д. Ковальченко]. – С. 6–202.
1226. Соловьев, С. М. Публичные чтения о Петре Великом / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1995. – Кн. 18 : Работы разных лет / [отв. ред. И. Д. Ковальченко]. – С. 5–152.
1227. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1991. – Кн. 7 : История России в древнейших временах, т. 13/14 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 701 с.
1228. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – Кн. 9, т. 17/18. – 671 с.
1229. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – Кн. 10 : История России с древнейших времен, т. 19/20. – 751 с.

1230. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – Кн. 12 : История России с древнейших времен, т. 23/24 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 668 с.
1231. Соловьев, Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1973. – 383 с.
1232. Соловьев, Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л. : Наука, 1981. – 256 с.
1233. Соловьев, Ю. Б. Странички летописи сумасшедшего дома / Ю. Б. Соловьев // Родина. – 1993. – № 1. – С. 161–165.
1234. Сорокин, Ю. А. Алексей Михайлович / Ю. А. Сорокин // Вопр. истории. – 1992. – № 4/5. – С. 73–90.
1235. Сорокин, Ю. А. О понятии «абсолютизм» [Электронный ресурс] / Ю. А. Сорокин // Исторический ежегодник / Омск. гос. ун-т ; [редкол.: А. В. Якуб (отв. ред.) и др.]. – Омск : ОмГУ, 1996. – Режим доступа: <http://metodich.ru/download/istoricheskij-ejegodnik-1996-god-stranici-4-16-omskij-gosudar.doc>. – Дата доступа: 06.05.2018.
1236. Сорокин, Ю. А. Павел I / Ю. А. Сорокин // Вопр. истории. – 1989. – № 11. – С. 46–64.
1237. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Ю. А. Сорокин ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Омск. гос. ун-т ; отв. ред. А. П. Толочко. – Омск : ОмГУ, 1999. – 322 с.
1238. Сорокин, Ю. А. Российский император Павел I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Сорокин ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 1989. – 20 с.
1239. Соусова, Ю. И. Английская королева Мария Тюдор / Ю. И. Соусова // Вопр. истории. – 2013. – № 4. – С. 152–160.
1240. Софронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время / Б. Г. Софронов. – М. : Моск. ун-т, 1976. – 222 с.
1241. Софьин, Д. М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Софьин ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 29 с.
1242. Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. / И. В. Сталин // Сочинения : [в 13 т.] / И. В. Сталин ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – Т. 13 : Июль 1930 – январь 1934. – С. 104–123.
1243. Сталин, И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. / И. В. Сталин // Сочинения : [в 13 т.] / И. В. Сталин ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – Т. 13 : Июль 1930 – январь 1934. – С. 236–256.
1244. Старкова, Л. К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. К. Старкова ; Саратов. гос. тех. ун-т. – Саратов, 2000. – 18 с.
1245. Стегарь, С. Научная работа на историческом факультете Московского государственного педагогического института / С. Стегарь // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 149–152.
1246. Стегний, П. В. Хроники времен Екатерины II : 1729–1796 гг. / П. В. Стегний. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 511 с.
1247. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета // Одиссей, 2007: Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2007. – С. 253–340.
1248. Стишов, М. На историческом факультете МГУ / М. Стишов // Вопр. истории. – 1949. – № 2/3. – С. 154–158.
1249. Суховерхов, В. В. Гаспар Мельхиор де Ховельянос / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2010. – № 4. – С. 29–39.
1250. Суховерхов, В. В. Карл V и Франциск I: «Итальянские войны» / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2011. – № 4. – С. 111–121.
1251. Суховерхов, В. В. Преобразование «просвещенного абсолютизма» в Испании XVIII в. / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2010. – № 9. – С. 35–49.
1252. Сыромятников, Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология / Б. И. Сыромятников ; Акад. наук СССР, Ин-т права. – М. ; Л. : АН СССР, 1943. – Ч. 1. – 212 с.
1253. Тарановский, Т. К. Особенности российской самодержавной монархии в XIX столетии / Т. К. Тарановский // Российская монархия : вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997 гг.) / Моск. гос. соц. ун-т [и др. ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 1998. – С. 157–171.

1254. Тарановский, Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке / Ф. В. Тарановский. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1911. – VII, 633 с.
1255. Тарле, Е. В. История Италии в новое время / Е. В. Тарле. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1901. – 196 с.
1256. Тарле, Е. В. Очередная задача / Е. Тарле // Анналы. – 1922. – № 1. – С. 5–20.
1257. Тарле, Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России / Е. В. Тарле ; Гос. публ. ист. б-ка России ; под ред. Ю. И. Семенова. – 2-е изд., доп. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2011. – 272 с.
1258. Татищев, С. С. Император Николай I и иностранные дворы : ист. очерки / С. С. Татищев. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 460 с.
1259. Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С. С. Татищев. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 1006 с.
1260. Творческий путь советских ученых: академик Сергей Данилович Сказкин / Е. В. Гутнова [и др.] // Вопр. истории. – 1966. – № 4. – С. 148–158.
1261. Тимофеев, Д. В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX в.: к истории понятий / Д. В. Тимофеев // Вопр. истории. – 2009. – № 5. – С. 98–107.
1262. Титов, Ю. П. Абсолютизм в России / Ю. П. Титов // Совет. государство и право. – 1973. – № 1. – С. 107–112.
1263. Титов, Ю. П. Проблемы российского абсолютизма / Ю. П. Титов // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; [отв. ред. К. И. Батыр]. – М., 1983. – С. 4–24.
1264. Тихомиров, И. А. [Рецензия] / И. А. Тихомиров // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1907. – Июль. – С. 190–200. – Рец. на кн.: Ключевский, В. О. Курс русской истории : в 4 ч. / В. О. Ключевский. – М. : Синод. типогр., 1906. – Ч. 2. – 508, IV с.
1265. Тихомиров, И. А. [Рецензия] / И. А. Тихомиров // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1908. – Авг. – С. 431–442. – Рец. на кн.: Ключевский, В. О. Курс русской истории : в 4 ч. / В. О. Ключевский. – Ч. 3. – М. : Типогр. Лисснера и Собко. – 1908. – 476, 2 с.
1266. Тихомиров, Л. А. Апология Веры и Монархии : [сборник] / Л. А. Тихомиров ; [сост. М. Б. Смолина]. – М. : Изд-во журн. «Москва», 1999. – 476 с.
1267. Тихомиров, Л. А. Единичная власть как принцип государственного строения / Л. А. Тихомиров. – М. : Трим, 1993. – 192 с.
1268. Тихомиров, М. Н. История СССР : [учебник] / М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев ; Моск. гос. ун-т. – М. : Госполитиздат, 1948. – Т. 1 : С древнейших времен до 1861 года. – 410 с.
1269. Тихонов, В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1955 г.) / В. В. Тихонов. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. – 427 с.
1270. Тихонов, В. В. Исторические взгляды Б. И. Сыромятникова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / В. В. Тихонов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 42 с.
1271. Токарева, Т. Н. Политические взгляды Сюлли [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Т. Н. Токарева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1999. – Режим доступа: <https://www.dissrecat.com/content/politicheskie-vzgliady-siulli>. – Дата доступа: 06.02.2020.
1272. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль ; пер. с фр. Л. Н. Ефимова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 247 с.
1273. Толмачев, Е. П. Александр II и его время : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. П. Толмачев ; Моск. гос. ун-т. – М., 1998. – 32 с.
1274. Толмачев, Е. П. Александр III и его время / Е. П. Толмачев. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – 720 с.
1275. Томсинов, В. А. Император Павел I, реформатор и законодатель : к 200-летию со дня гибели : ст. первая / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2001. – № 3. – С. 88–91.
1276. Томсинов, В. А. Император Павел I, реформатор и законодатель : к 200-летию со дня гибели : ст. пятая / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2001. – № 7. – С. 83–89.
1277. Томсинский, С. Г. К вопросу о социальной природе русского самодержавия / С. Г. Томсинский // Вестн. Ком. акад. – 1926. – Кн. 15. – С. 255–283.
1278. Томсинский, С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России / С. Г. Томсинский / Ленингр. отд-ние Комакад., Ин-т истории. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – Ч. 1 : Крестьянские войны в эпоху образования империи. – 205 с.
1279. Томсинский, С. Г. Петровские реформы / С. Г. Томсинский // Историк-марксист. – 1933. – № 4. – С. 53–80.
1280. Троицкий, Н. А. «На земле стоит комод...» : Александр III: время, правление, личность / Н. А. Троицкий // Свободная мысль. – 2000. – № 5. – С. 88–98.

1281. Троицкий, С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России / С. М. Троицкий // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; [редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) и др.]. – М., 1970. – С. 294–311.
1282. Троицкий, С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России / С. М. Троицкий // Россия в XVIII веке : сб. ст. / А. Б. Каменский. – М., 1982. – С. 5–17.
1283. Троицкий, С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века / С. М. Троицкий // Вопр. истории. – 1977. – № 2. – С. 67–75.
1284. Троицкий, С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России / С. М. Троицкий // История СССР – 1969. – № 3. – С. 130–149.
1285. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : формирование бюрократии / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1974. – 394 с.
1286. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : формирование бюрократии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 571 / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1972. – 51 с.
1287. Троицкий, С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1966. – 275 с.
1288. Троицкий, С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. / С. М. Троицкий // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деят. Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 281–319.
1289. Троицкий, Л. Д. 1905 / Л. Д. Троицкий. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во, 1922. – 427 с.
1290. Трубецкой, Е. Н. Новое введение в историю революции / Е. Н. Трубецкой // Науч. сл. – 1904. – Кн. 7. – С. 39–55. – Рец. на кн.: Герье, В. И. Идея народовластия и французская революция 1789 года / В. И. Герье. – М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1904. – 571 с.
1291. Тьерри, О. История происхождения и успехов третьего сословия / О. Тьерри ; пер. с фр. Р. Ю. Виппера ; под ред. Р. Ю. Виппера. – М. : Тип. И. А. Баландина, 1899. – 306 с.
1292. Тэн, И. Происхождение современной Франции : в 3 т. / И. Тэн ; пер. с фр., под ред. Я. В. Швырова. – СПб. : Тип. П. Ф. Пантелева, 1907. – Т. 1 : Старый порядок. – 195 с.
1293. Тян, В. В. Эволюция верховной самодержавной власти в России (1860-е–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. В. Тянь ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2006. – 54 с.
1294. Уваров, П. Ю. В поисках феодализма / П. Ю. Уваров // Одиссей, 2006: Человек в истории. Феодализм перед судом историков / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2006. – С. 5–10.
1295. Уваров, П. Ю. Между «ежами» и «лисами» : заметки об историках / П. Ю. Уваров. – М. : Новое лит. обозрение, 2015. – 278 с. – (Научная библиотека. Научное приложение ; вып. 134)
1296. Уваров, П. Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации / П. Ю. Уваров // Новое лит. обозрение. – 2006. – № 5. – С. 194–208.
1297. Уваров, П. Ю. Проблемы социальной и культурной истории Франции XVI-XVII вв. : прогр. спецкурса для гос. вузов / П. Ю. Уваров ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Казан. гос. ун-т. – Казань : Новое знание, 2002. – 24 с.
1298. Уваров, П. Ю. Раннее Новое время: взгляд из Средневековья / П. Ю. Уваров // Новая и новейш. история. – 2011. – № 2. – С. 109–120.
1299. Уваров, П. Ю. «Событийная история» и «история-проблема» на фоне общеевропейского кризиса XVII в. / П. Ю. Уваров // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны : [сб. ст.] / отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – М., 2018. – С. 7–15.
1300. Уваров, П. Ю. Франция XVI века : опыт реконструкции по нотариальным актам / П. Ю. Уваров ; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 2004. – 511 с.
1301. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) / П. Ю. Уваров // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 236–257.
1302. Удалов, С. В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Удалов ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2005. – 20 с.
1303. Удальцов, А. Д., История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1944. – 275 с.

1304. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : Тип. им. Сталина и тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1946. – 271 с.
1305. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1948. – 320 с.
1306. Удальцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), Каф. всеобщ. истории. – М. : [б. и.], 1952. – 222 с.
1307. Уортман, Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии рус. монархии : [в 2 т.] / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2002. – Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I / [пер. с англ. С. В. Житомирской]. – 606 с. – (Материалы и исследования по истории русской культуры. Труды по истории / под ред. Е. В. Пермякова ; вып. 8).
1308. Уортман, Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии рус. монархии : [в 2 т.] / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пильщикова. – 797 с.
1309. Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. – 1926. – Т. 1. – С. 320–322.
1310. Фадеев, А. В. Дореформенная Россия (1800–1861) / А. В. Фадеев. – М. : МГУ, 1960. – 181 с.
1311. Фадеева, Т. М. Российский абсолютизм в XVIII в. (аналитический обзор) / Т. М. Фадеева // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 173–205.
1312. Фаизов, А. В. Правительствующий Сенат в 1730–1741 гг.: полномочия и компетенция / А. В. Фаизов // Вестн. Перм. ун-та. История. – 2016. – Вып. 4 (35). – С. 34–42.
1313. Федоров, В. А. Александр I / В. А. Федоров // Вопр. истории. – 1990. – № 1. – С. 50–72.
1314. Федоров, С. Е. Бытовое поведение стюартовской аристократии (аспект гостеприимства) / С. Е. Федоров // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1996. – Вып. 10. – С. 130–145.
1315. Федоров, С. Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (по-становка проблемы) / С. Е. Федоров // Proslogion: проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2016. – Вып. 2 (14). – С. 31–44.
1316. Федоров, С. Е. Вторая коронация Карла I Стюарта: шотландская версия сценария / С. Е. Федоров // Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, О-во медиевистов и историков раннего Нового времени ; [редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2008. – С. 495–518.
1317. Федоров, С. Е. Королевская семья в церемониальном пространстве раннестюартовской монархии / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетейя, 2018. – 270 с.
1318. Федоров, С. Е. Некоторые черты бытового поведения знатной женщины в стюартовскую эпоху: Элизабет Берти и Мэри Уиддиригтон / С. Е. Федоров // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 54–66.
1319. Федоров, С. Е. Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии / С. Е. Федоров // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени : межвуз. сб. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2003. – Вып. 4. / под ред. Г. Е. Лебедевой. – С. 218–245.
1320. Федоров, С. Е. Позднетюдоровская аристократия к началу стюартовского правления: проблема границ / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2002. – Вып. 1 (№ 2). – С. 16–35.
1321. Федоров, С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629) / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетейя, 2005. – 525 с.
1322. Федоров, С. Е. Раннестюартовская аристократия (проблемы генезиса) / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2007. – Вып. 4. – С. 220–225.
1323. Федоров, С. Е. Раннестюартовская знать династии: креатуры (1603–1615) / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2006. – Вып. 3. – С. 114–131.
1324. Федоров, С. Е. Раннестюартовская монархия и титулованная знать: итоги династического строительства (финальный эпизод 1616–1629) / В. Е. Федоров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. 2003. – Вып. 4 (№ 26). – С. 3–21.
1325. Федоров, С. Е. Титульные продажи при первых Стюартах / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2005. – Вып. 1. – С. 119–133.
1326. Федосов, И. А. Просвещенный абсолютизм в России / И. А. Федосов // Вопр. истории. – 1970. – № 9. – С. 34–55.

1327. Федосов, И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма / И. А. Федосов // *Вопр. истории*. – 1971. – № 7. – С. 46–65.
1328. Федосова, Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) / Э. П. Федосова // *Россия и мировая цивилизация : к 70-летию чл.-корр. Рос. акад. наук А. Н. Сахарова : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; редкол.: А. Н. Боханов и др.* – М., 2000. – 671 с.
1329. Федотова, В. Г. Методология истории сегодня / В. Г. Федотова // *Новая и новейш. история*. – 1996. – № 6. – С. 60–70.
1330. Феодальный строй / БСЭ. – 2-е изд. – М., 1956. – Т. 44. – С. 608.
1331. Фирсов, С. Л. Николай II. Пленник самодержавия / С. Л. Фирсов. – М.: Мол. гвардия, 2010. – 526 с.
1332. Фирсов, С. Л. Образ последнего русского императора Николая II в современной отечественной исторической литературе / С. Л. Фирсов // *Ист. экспертиза*. – 2019. – № 1. – С. 238–270.
1333. Франция и ее владения : [справочник] / под ред. Ф. Н. Петрова. – М.: ОГИЗ-ГИСЭ, 1948. – 800 с.
1334. Франция – *dominium regale* христианнейших королей? // *Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян* / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 206–317.
1335. Французская буржуазная революция, 1789–1794 / [сост.: Р. А. Авербух и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. – М.; Л.: АН СССР. – 1941. – VIII, 852 с.
1336. Французский ежегодник = *Annuaire d'études françaises*, 2005 : абсолютизм во Франции : к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М.: КомКнига, 2005. – 304 с.
1337. Французский ежегодник = *Annuaire d'études françaises*, 2014 : жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М.: ИВИ РАН, 2014. – 384 с.
1338. Фролов, И. В. Против ревизии марксизма-ленинизма в исторической науке (к некоторым итогам дискуссии с тов. Дубровским) / И. В. Фролов // *Под знаменем марксизма*. – 1931. – № 1/2. – С. 157–187.
1339. Фюре, Ф. Постыжение Французской революции / Ф. Фюре ; пер. с фр. Д. В. Соловьева. – СПб.: Инапресс, 1998. – 224 с.
1340. Хачатурян, Н. А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности / Н. А. Хачатурян // *Власть и политическая культура в средневековой Европе : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: Е. В. Гутнова (отв. ред.) и др.* – М., 1992. – Ч. 1. – С. 14–23.
1341. Хачатурян, Н. А. Запретный плод...или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике / Н. А. Хачатурян // *Двор монарха в средневековой Европе / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.* – М.; СПб., 2001. – Вып. 1 : Явление, модель, среда. – С. 7–30.
1342. Хачатурян, Н. А. Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа / Н. А. Хачатурян // *Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории*. – М., 1991. – Вып. 54. – С. 5–22.
1343. Хачатурян, Н. А. Сакральное в человеческом сознании: загадки и поиски реальности / Н. А. Хачатурян // *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.* – М., 2006. – С. 5–16.
1344. Хачатурян, Н. А. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент / Н. А. Хачатурян // *Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV : фр. ежегодник, 2014 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; под ред. А. В. Чудинова, Ю. П. Крыловой*. – М., 2014. – С. 8–26.
1345. Хачатурян, Н. А. Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе / Н. А. Хачатурян // *Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории*. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 144–149.
1346. Хачатурян, Н. А. Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества / Н. А. Хачатурян // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / [сост. О. С. Воскобойников ; Моск. гос. ун-т и др.] ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.* – М., 2008. – С. 5–8.
1347. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма : перемены и преемств. в развитии западноевроп. монархии ран. Нового времени / Н. Хеншелл ; пер. с англ. А. А. Паламарчук [и др.]. – СПб.: Алетейя, 2003. – 271 с.
1348. Хмылев, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. / Л. Н. Хмылев. – Томск : Том. ун-т, 1978. – 171 с.
1349. Хомяков, Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Д. А. Хомяков. – М.: Дарь, 2005. – 464 с.

1350. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут ; Моск. пед. гос. ун-т, Адыг. гос. ун-т. – М.: Прометей, 2010. – 704 с.
1351. Царева, Ю. И. Основные направления финансовой политики Тюдоров (1485–1603) / Ю. И. Царева // *Новая и новейш. история*. – 2018. – № 2. – С. 3–14.
1352. Цатурова, С. К. Верховные ведомства и лимиты власти короля в сфере законодательства в XIV–XV вв. / С. К. Цатурова // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / [сост. О. С. Воскобойников ; Моск. гос. ун-т и др.] ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.* – М., 2008. – С. 152–175.
1353. Цатурова, С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) / С. К. Цатурова // *Новая и новейш. история*. – 2016. – № 6. – С. 3–16.
1354. Цатурова, С. К. Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *Quod principii placuit*) / С. К. Цатурова // *Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]*. – М., 2005. – С. 129–149.
1355. Цатурова, С. К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. / С. К. Цатурова // *Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян* / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 99–131.
1356. Цатурова, С. К. «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) / С. К. Цатурова // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян*. – М., 2004. – С. 216–248.
1357. Цатурова, С. К. Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости / С. К. Цатурова // *Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян* / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 5–45.
1358. Цатурова, С. К. Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV в. / С. К. Цатурова. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
1359. Цатурова, С. К. Парижский парламент в первой трети XV в. (по «Дневникам» секретарей суда) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. К. Цатурова ; Моск. гос. ун-т. – М., 1990. – 24 с.
1360. Цатурова, С. К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. / С. К. Цатурова // *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.* – М., 2006. – С. 78–95.
1361. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 3. Д. 16113.
1362. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 348.
1363. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 650.
1364. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 736.
1365. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 754.
1366. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 827.
1367. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 867.
1368. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2054.
1369. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2088.
1370. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2090.
1371. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2279.
1372. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2403.
1373. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2405.
1374. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2575.
1375. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а.
1376. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24.
1377. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 40.
1378. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 69.
1379. Цыганков, Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики / Д. А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 503 с.
1380. Чапкевич, Е. И. Евгений Викторович Тарле / Е. И. Чапкевич // *Портреты историков: время и судьбы : [очерки] / Акад. исслед. культуры*. – М.; Иерусалим, 2000. – Т. 2 : Всеобщая история / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. Н. Севостьянов [и др.]. – С. 322–333.

1381. Черепнин, Л. В. XII Международный конгресс историков / Л. В. Черепнин // История СССР. – 1966. – № 1. – С. 3–23.
1382. Черепнин, Л. В. Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР (1971 г.) / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 215–218.
1383. Черепнин, Л. В. Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.)» / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 208–214.
1384. Черепнин, Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1978. – 417 с.
1385. Черепнин, Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России / Л. В. Черепнин / А. А. Зимин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 92–133.
1386. Черепнин, Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) / Л. В. Черепнин // Документы советско-итальянской конференции историков «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века», [Москва], 8–10 апр. 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков ; [редкол.: С. Д. Сказкин (отв. ред.) и др.]. – М., 1970. – С. 11–60.
1387. Черепнин, Л. В. Основные этапы развития феодализма в России : [докл. совет. делегации на X Междунар. конгр. историков в Риме] / Л. В. Черепнин. – М. : АН СССР, 1955. – 78 с.
1388. Черепнин, Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 219–235.
1389. Черепнин, Л. В., Пашуто, В. Т. Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте / Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто // Вопр. истории. – 1978. – № 2. – С. 41–53.
1390. Черкасов, П. П. Кардинал Ришелье / П. П. Черкасов. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 384 с.
1391. Черкасов, П. П. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) / П. П. Черкасов // Новая и новейш. история. – 1999. – № 5. – С. 161–182.
1392. Черкасов, П. П. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) / П. П. Черкасов // Новая и новейш. история. – 1999. – № 6. – С. 154–166.
1393. Черкасов, П. П. Портрет или подделка? / П. П. Черкасов // Родина. – 1989. – № 2. – С. 68.
1394. Черменский, Е. Д. История СССР : Период империализма (90-е гг. XIX в. – март 1917 г.) : пособие для студ. пед. ин-тов / Е. Д. Черменский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 511 с.
1395. Черменский, Е. Д. Царизм и Третьеиюньская Дума / Е. Д. Черменский // Вопр. истории. – 1973. – № 1. – С. 30–47.
1396. Черникова, А. В. Российская монархия конца XIX века – 1917 года: эволюция монархической доктрины и политических институтов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Черникова ; Моск. гос. акад. ком. хоз-ва и стр-ва. – М., 2009. – 25 с.
1397. Чернов, К. С. Абсолютизм в России / К. С. Чернов // Вопр. истории. – 2014. – № 1. – С. 128–136.
1398. Чернов, С. Л. К вопросу о возникновении абсолютизма в России / С. Л. Чернов // Россия в XVIII – XX веках: страницы истории. – М., 2000. – С. 32–50.
1399. Чернуха, В. Г. Александр III / В. Г. Чернуха // Вопр. истории. – 1992. – № 11/12. – С. 46–64.
1400. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха ; под ред. Р. Ш. Ганелина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. – 1978. – 248 с.
1401. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта ; Наука, 2000. – 136 с.
1402. Черняев, Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия : [сборник] / Н. И. Черняев. – М. : Москва, 1998. – 432 с.
1403. Чикалова, И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова. – СПб. : Алетейя, 2017. – 576 с.

1404. Чикалова, И. Р. Издание переводов «всеобщих историй» в дореволюционной России [Электронный ресурс] / И. Р. Чикалова // Актуальные проблемы источниковедения отечественной истории : междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 6–7 окт. 2011 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2011. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/1161>. – Дата доступа: 22.05.2020.
1405. Чикалова, И. Р. «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. / И. Р. Чикалова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 371–380.
1406. Чикова, В. А. Государственная власть, Православная церковь и духовенство в царствование Елизаветы Петровны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Чикова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2017. – 29 с.
1407. Чистозвонов, А. Н. К дискуссии об абсолютизме в России / А. Н. Чистозвонов // История СССР. – 1971. – № 3. – С. 72–76.
1408. Чистозвонов, А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А. Н. Чистозвонов // Вопр. истории. – 1968. – № 5. – С. 46–62.
1409. Чистякова, Е. В. Ленинская концепция истории России периода феодализма : учеб. пособие / Е. В. Чистякова, И. Ф. Мальцева. – М. : Ун-т дружбы народов, 1985. – 33 с.
1410. Что придет на смену старому? // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 1. – С. 54–55.
1411. Чубарьян, А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления / О. А. Чубарьян // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 7–18.
1412. Чудинов, А. В. Абсолютизм и меркантилизм – практика и теория (Англия, 20–30-е годы XVII в.) / А. В. Чудинов // Буржуазная общественная мысль Англии XVII–XIX вв. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: К. М. Андерсон (отв. ред.) и др.]. – М., 1989. – С. 9–25.
1413. Чудинов, А. В. История Французской революции : пути познания / А. В. Чудинов ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М. : Полит. энцикл., 2017. – 280 с.
1414. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Абсолютизм во Франции : к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 259–293.
1415. Чудинов, А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой Французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) / А. В. Чудинов // Новая и новейш. история. – 1989. – № 2. – С. 65–74.
1416. Чудинов, А. В. Накануне «смены вех». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. / А. В. Чудинов // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию Урал. гос. ун-та / Федер. агентство по образованию [и др. ; редкол.: Д. А. Редин (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург, 2008. – С. 112–127.
1417. Чудинов, А. В. «Новая русская школа» в историографии Французской революции: ad fontes! / А. В. Чудинов // Universitas historiae : сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [отв. ред.: А. О. Чубарьян]. – М., 2016. – С. 523–532.
1418. Чудинов, А. В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В. Г. Ревуненкова) // Вопр. истории. – 1998. – № 7. – С. 156–162.
1419. Чудинов, А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография / А. В. Чудинов // 200 лет Французской революции, 1789–1799 гг.: итоги юбилея : фр. ежегодник, 2000 / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр фр. ист. исслед. ; [ред. совет: А. В. Чудинов (отв. ред.) и др.]. – М., 2000. – С. 5–23.
1420. Чудинов, А. В. Старый порядок во Франции и его крушение / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2017. – 205 с.
1421. Чудинов, А. В. Французская революция: история и мифы / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2007. – 310 с.
1422. Шалашная, В. М. Механизм принятия государственных решений в российской империи в эпоху преобразований Александра II (на примере военных реформ 1860-х–1870-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. М. Шалашная ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2011. – 24 с.
1423. Шапиро, А. Л. Об абсолютизме в России / А. Л. Шапиро // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 69–82.
1424. Шаповалов, В. Ф. Россиеведение : учеб. пособие для вузов / В. Ф. Шаповалов. – М. : Фаир-Пресс, 2001. – 576 с.

1425. Шарапов, Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции XVII века» / Ю. Шарапов // Ист. журн. – 1941. – № 5. – С. 147–149.
1426. Шаргунов, А. Последний русский император и перспективы восстановления православной монархии в России / А. Шаргунов // Европейские монархии в прошлом и настоящем, XVIII–XX века / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: Е. В. Котова [и др.]. – СПб., 2001. – С. 208–217.
1427. Шартье, Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье ; пер. с фр. О. Э. Гринберг. – М. : Искусство, 2001. – 256 с.
1428. Шарф, К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения / К. Шарф // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблемам адаптации западных идей и практик в Российской империи : [сб. материалов конф. «XVIII век. Трансфер и адаптация европейских идей в российском историческом контексте», Москва, 16–17 июня 2006 г.] / сост. А. В. Доронин ; Герм. ист. ин-т в Москве. – М., 2008. – С. 9–45.
1429. Шацилло, К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика / К. Ф. Шацилло ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М. : РОССПЭН, 2000. – 399 с.
1430. Шацилло, К. Ф. Предисловие / К. Ф. Шацилло // Дневники императора Николая II / [сост.: В. П. Козлов и др. ; общ. ред. К. Ф. Шацилло]. – Тверь, 1992. – С. 3–34.
1431. Шевырев, А. П. Петербург и Москва: две столицы, два образа власти / А. П. Шевырев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси : Средние века. Новое время : [сборник] / [сост. М. А. Бойцов] ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М., 2008. – С. 362–386.
1432. Шестопалов, А. П. Российский абсолютизм: особенности развития российской государственности / А. П. Шестопалов // Россия в Новое время: выбор пути исторического развития : материалы межвузов. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 1994 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т [и др. ; редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др.]. – М., 1994. – С. 20–23.
1433. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 733 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 10).
1434. Шильдер, Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 710 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 11).
1435. Шильдер, Н. К. Император Павел Первый / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 542 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 9).
1436. Шишкин, В. В. Кардинал и королева: борьба за власть при дворе Франции в 30-е гг. XVII в. / В. В. Шишкин // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 302–317.
1437. Шишкин, В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2004. – 287 с.
1438. Шишкин, В. В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В. В. Шишкин ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2019. – 37 с.
1439. Шишкин, В. В. Королевский двор Франции и его структура при Генрихе III / В. В. Шишкин // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени : [сб. ст.] / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 1996. – С. 103–116.
1440. Шишкин, В. В. Мужчины в доме французской королевы XVI–XVII вв. / В. В. Шишкин // Двор монарха в средневековой Европе / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1 : Явление, модель, среда. – С. 149–164.
1441. Шишкин, В. В. Французский двор в конце гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания / В. В. Шишкин // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 41–52.
1442. Шишкин, В. В. Французский королевский двор в XVI веке: история института / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2018. – 544 с.
1443. Шишкин, В. В. Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII в. / В. В. Шишкин // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1997. – Вып. 59. – С. 137–155.
1444. Шишлянникова, Г. И. Политические взгляды и государственная деятельность Николая II: 1881 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. И. Шишлянникова ; Рос. гос. торг.-экон. ун-т, Воронеж. фил. – Тамбов, 2009. – 24 с.

1445. Шлоссер, Ф. Всемирная история : [в 8 т.] / Ф. Шлоссер. – Второе, общедоступ., испр. и умнож. изд. – СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1868–1877. – Т. 5. – 1871. – 738 с.
1446. Шлоссер, Ф. Всемирная история : [в 8 т.] / Ф. Шлоссер. – Второе, общедоступ., испр. и умнож. изд. – СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1868–1877. – Т. 6. – 1872. – 673 с.
1447. Шляхов, М. Ю. Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А. А. Корнилова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Ю. Шляхов ; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Н. Новгород, 2002. – 25 с.
1448. Шмидт, С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века / С. О. Шмидт // Вопр. истории. – 1987. – № 3. – С. 42–58.
1449. Шмидт, С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия : XVII – первая треть XIX в. / С. О. Шмидт ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Археограф. комис. – М. : Наука, 2002. – 365 с.
1450. Шмидт, С. О. Сергей Федорович Платонов / С. О. Шмидт // Портреты историков: время и судьбы : [очерки] / Акад. исслед. культуры. – М. ; Иерусалим, 2000. – Т. 1 : Отечественная история / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. Т. Мильская. – С. 100–135.
1451. Шмидт, С. О. Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII века / С. О. Шмидт // Россия и Испания: историческая ретроспектива : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М., 1987. – С. 261–286.
1452. Шмидт, С. О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М. : Мысль, 1973. – 359 с.
1453. Шмидт, С. О. У истоков российского абсолютизма: исследования социально-экономической истории времени Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М. : Прогресс : Культура, 1996. – 494 с.
1454. Шмидт, С. О. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) / С. О. Шмидт, Е. В. Гутнова, Т. М. Исламов // Новая и новейш. история. – 1985. – № 3. – С. 42–58.
1455. Шмыкова, М. Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Л. Шмыкова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2006. – 30 с.
1456. Шоноу, П. Цивилизация классической Европы / П. Шоноу ; [пер. с фр. В. Бабинцева]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 608 с.
1457. Штокмар, В. В. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. / В. В. Штокмар // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. науч. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. Г. Л. Курбатов. – Л., 1974. – Вып. 1. – С. 124–134.
1458. Штокмар, В. В. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор / В. В. Штокмар // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. – Л., 1950. – Вып. 17 : История / отв. ред. А. И. Молок, № 127. – С. 223–248.
1459. Штокмар, В. В. История Англии в средние века : учеб. пособие / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : Ленингр. ун-т, 1973. – 184 с.
1460. Штокмар, В. В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс / В. В. Штокмар // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. – Л., 1951. – Вып. 18 : История / [отв. ред.: М. В. Левченко, П. Ф. Кухарский], № 130. – С. 185–206.
1461. Штокмар, В. В. Особенности пуританского движения конца XVI – первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией / В. В. Штокмар // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. Г. Л. Курбатов. – Л., 1980. – Вып. 3. – С. 93–104.
1462. Штокмар, В. В. Очерки по истории Англии XVI века / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1957. – 163 с.
1463. Штокмар, В. В. Пуритане и церковная политика английской абсолютной монархии в конце XVI – начале XVII в. / В. В. Штокмар // Проблемы отечественной и всеобщ. истории : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. А. Ежов. – Л., 1973. – Вып. 2. – С. 42–47.
1464. Штокмар, В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1963. – 35 с.
1465. Штокмар, В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В. В. Штокмар ; Ленингр. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1962. – 154 с.
1466. Шунков, В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году / В. И. Шунков // Ист. журн. – 1941. – № 3. – С. 154–157.

1467. Щеголев, П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. : курс лекций / П. П. Щеголев ; Ленингр. гос. ун-т, Ист. фак. – Л. : Соцэкгиз, 1938. – 492 с.
1468. Щеголев, П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении / П. П. Щеголев // Изв. Гос. акад. истории материал. культуры. – 1934. – Вып. 84. – С. 3–86.
1469. Щетинина, Г. И. Третья встреча советских и итальянских историков / Г. И. Щетинина // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 245–249.
1470. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Н. Элиас ; пер. с нем. А. П. Кухтенкова [и др.]. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 368 с.
1471. Эльфонд, И. Я. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. / И. Я. Эльфонд // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / [сост. О. С. Воскобойников, отв. ред. Н. А. Хачатурян] ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т. – М., 2008. – С. 423–449.
1472. Эльфонд, И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция) : учеб. пособие / И. Я. Эльфонд ; Челябин. гос. пед. ин-т, Саратов. гос. пед. ин-т. – Саратов : СГПИ, 1991. – 72 с.
1473. Эльфонд, И. Я. Учение о «божественном праве» государей во французской доктрине абсолютизма второй половины XVI века / И. Я. Эльфонд // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 172–178.
1474. Эльфонд, И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI в. / И. Я. Эльфонд // Культура Возрождения и власть / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. – М., 1999. – С. 162–171.
1475. Эльфонд, И. Я. Французский двор последних Валуа глазами оппозиции / И. Я. Эльфонд // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 27–40.
1476. Эльфонд, И. Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего средневековья / И. Я. Эльфонд // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2006. – С. 345–364.
1477. Энгельгардт, Р. Ю. Очерки по истории Франции конца XVII – начала XVIII столетия / Р. Ю. Энгельгардт // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Сер. ист. наук. – Казань, 1968. – Т. 104. – С. 4–298.
1478. Энгельгардт, Р. Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII – начале XVIII века / Р. Ю. Энгельгардт ; Казан. гос. ун-т. – Казань : Штиинца, 1976. – 243 с.
1479. Энгельгардт, Р. Ю. Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 573 / Р. Ю. Энгельгардт ; Перм. гос. ун-т. – Казань, 1972. – 44 с.
1480. Энгельс, Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т маркс.-ленин. при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 258–259.
1481. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т маркс.-ленин. при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 23–178.
1482. Эпштейн, А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. / А. Д. Эпштейн ; Ин-т междунар. отношений. – М. : ИМО, 1961. – 619 с.
1483. Эцина, Е. И. Английский двор в семейной переписке Арабеллы Стюарт / Е. И. Эцина // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры : тез. докл. XVIII всерос. конф. студентов, аспирантов и мол. учен., Санкт-Петербург, 23–27 нояб. 1998 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории сред. веков ; [редкол.: Г. Е. Лебедева (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1999. – С. 42–43.
1484. Эцина, Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. И. Эцина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 16 с.
1485. Юбилей профессора В. И. Герье // Рус. шк. – 1898. – № 11. – С. 313–317.
1486. Юркин, Н. Г. Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Г. Юркин ; Иванов. гос. ун-т. – Иваново, 2002. – 26 с.
1487. Юшков, С. В. История государства и права СССР : учебник : в 2 т.] / С. В. Юшков ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во. – 1947. – 2 т.
1488. Юшков, С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР / С. В. Юшков. – М. : Юрид. изд-во, 1946. – Вып. 5/6 : История государства и права в период превращения русского государства в многонациональное. – 84 с.

1489. Яковлев, Н. О так называемом «завещании» Петра Великого / Н. Яковлев // Ист. журн. – 1941. – № 12. – С. 128–133.
1490. Янов, А. Л. Россия: у истоков трагедии, 1462–1584 : заметки о природе и происхождении рус. госу- дарствен. / А. Л. Янов. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.
1491. Ястер, И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного истори- ческого образования в 1920-х – 1930-х гг. / И. В. Ястер // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории ; [гл. ред.: Л. П. Репина]. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 282–288.
1492. Ячевский, С. И. Цензурная политика царского правительства в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. И. Ячевский ; Гос. ун-т управления. – М., 2002. – 16 с.
1493. Absolutism in Seventeenth-Century Europe / ed. J. Miller. – London : The Macmillan Press LTD, 1990. – 268 p.
1494. Beik, W. The absolutism of Louis XIV as social collaboration / W. Beik // Past and Present. – 2005. – Vol. 188, iss. 1. – P. 195–224.
1495. Bély, L. La France au XVII siècle: puissance de l'État, contrôle de la société / L. Bély. – [S. l.] : Presses univ. de France, 2009. – 846 p.
1496. Bercé, Y. M. [Compte rendu] / Y. M. Bercé // Bibl. del école des chartes. – 1964. – № 122. – P. 354–358. – Compte rendu : Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p. – (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).
1497. Campbell, P. R. Power and politics in old regime France, 1740–1745 / P. R. Campbell. – London ; New York : Routledge, 2003. – 432 p.
1498. Cosandey, F. La reine de France. Symbole et pouvoir, XVe–XVIII siècles / F. Cosandey. – Paris : Gallimard, 2000. – 414 p.
1499. Cosandey, F. Préséances et sang royal: le rite comme construction d'un mythe identitaire / F. Cosandey // Cahiers de la Méditerranée. – 2008. – Vol. 77. – P. 19–26.
1500. Cosandey, F. De lance en quenouille. La place de la reine dans l'État moderne (XIVe–XVIIe siècles) / F. Cosandey // Annales. – 1997. – Vol. 52, iss. 4. – P. 799–820.
1501. Cosandey, F. L'absolutisme en France: histoire et historiographie / F. Cosandey, R. Descimon. – Paris : Le Seuil, 2002. – 316 p.
1502. Chaussinant-Nogaret, G. La noblesse au XVIII siècle: de la féodalité aux Lumières / G. Chaussinant-Nogaret. – Paris : Hachett, 1976. – 239 p.
1503. Doucet, R. Étude sur le gouvernement de François Ier dans ses rapports avec le Parlement de Paris / R. Doucet. – Paris : É. Champion, 1921. – Vol. 1. – 379 p.
1504. Goubert, P. L'ancien régime / P. Goubert. – Paris : A. Colin, 1969. – Vol. 1 : La société. – 271 p.
1505. Goubert, P. Louis XIV et vingt millions de Français / P. Goubert. – Paris : Fayard, 1966. – 252 p.
1506. Goubert, P. Les Français et l'Ancien régime / P. Goubert, D. Roche. – Paris : A. Colin, 1984. – Vol. 1 : La société et l'état. – 383 p.
1507. Hartung, F. Quelques problèmes concernant la monarchie absolue / F. Hartung, R. Mousnier // Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, Roma, 4–11 Sett. 1955 / Com. intern. di scienze storiche. – Firenze, 1955. – Vol. 4 : Storia moderna. – P. 1–55.
1508. Hurt, J. J. Louis XIV and the parlements: the assertion of royal authority / J. J. Hurt. – Manchester : Manchester Univ. Press, 2004. – 249 p.
1509. Jouanna, A. La France du XVIe siècle, 1483–1598 / A. Jouanna. – P. : Presses univ. de France, 2012. – 720 p.
1510. Jouanna, A. Le prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique / A. Jouanna. – Paris : Gallimard, 2013. – 436 p.
1511. Legault, C. Repenser l'absolutisme en France aux XVIe et XVIIe siècles. Note de lecture sur Le Prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique d'Arlette Jouanna [Electronic resource] / C. Legault // HistoireEngagée.ca. – Mode of access: <https://histoireengagee.ca/repenser-labsolutisme-en-france-aux-xvie-et-xvii-siecles-note-de-lecture-sur-le-prince-absolu-apogee-et-declin-de-limaginaire-monarchique-darlette-jouanna/>. – Date of access: 16.04.20.
1512. Mandrou, R. La Raison du Prince – Europe «absolutiste»: raison et raison d'État, 1649–1775 / R. Mandrou. – Paris : Fayard, 1977. – 401 p.

1513. Mandrou, R. Introduction à la France moderne: essai de psychologie historique, 1500–1640 / R. Mandrou. – Paris : Albin Michel, 1961. – 400 p.
1514. Mandrou, R. La France aux XVII et XVIII siècles / R. Mandrou. – Paris : Presses univ. de France, 1974. – 355 p.
1515. Mandrou, R. Les soulèvements populaires et la Société française du XVIIe siècle / R. Mandrou // Annales. – 1959. – Vol. 14, iss. 4. – P. 756–765.
1516. Mousnier, R. [Compte rendu] / R. Mousnier // Revue belge de Philologie et d'Histoire. – 1965. – № 1. – P. 166–171. – Compte rendu : Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p. – (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).
1517. Mousnier, R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII / R. Mousnier. – Rouen : Ed. Mangard, 1946. – 629, [XXIX] p.
1518. Mousnier, R. Les XVI et XVII siècles: les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715) / R. Mousnier. – Paris : Presses univ. de France, 1954. – 605 p.
1519. Mousnier, R. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde / R. Mousnier // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1958. – Vol. 5, № 2. – P. 81–113.
1520. Pagés, G. La monarchie d'Ancien Régime en France (De Henri IV à Louis XIV) / G. Pagés. – Paris : A. Colin, 1928. – 215 p.
1521. Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p. – (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).
1522. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, Roma, 4–11 Sett. 1955 / Com. intern. di scienze storiche. – Firenze, 1955. – Vol. 4 : Storia moderna. – 398 p.
1523. The origins of the English Civil war / ed. C. Russell. – London : The Macmillan Press LTD, 1973. – 296 p.
1524. Une émission de Roger Chartier avec Fanny Cosandey et Robert Descimon [Electronic resource] // Les Lundis de l'Histoire: 16 décembre 2002 // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=yJRz4xMb-6Y>. – Date of access: 15.04.2020.

Именной указатель

- А
- Абрамсон М. Л. 435, 609
- Августин Блаженный 705, 706
- Авенель Ж. 353
- Авербух Р. А. 471
- Аврех А. Я. 406, 421, 422, 426, 428, 429, 430, 431, 464, 473, 474, 476, 477, 478, 479, 480, 482, 484, 486, 487, 488, 496
- Агеева О. Г. 677
- Агоштон М. 53, 548
- Адо А. В. 458, 529, 530, 644
- Александр I 83, 88, 163, 183, 246, 416, 566, 568, 657, 661, 670, 684, 685
- Александр II 37, 120, 122, 156, 158, 161, 167, 252, 320, 418, 505, 506, 656, 657, 659, 662, 663, 675, 684, 685, 686
- Александр III 186, 238, 418, 507, 656, 673, 687, 688
- Алексеева Е. В. 697
- Алексей Михайлович 9, 88, 159, 172, 180, 336
- Алексей Петрович 238
- Алефиренко П. К. 393,
- Алпатов М. А. 371
- Альтамира-и-Кревеа Р. 360
- Альшиц Д. Н. 554
- Ананьич Б. В. 657, 689
- Андерсон П. 524, 525
- Андреев И. Л. 679
- Андрей Боголюбский 151
- Анисимов Е. В. 545, 564, 565, 652, 660, 679, 681, 682, 683,
- Анна Австрийская 225, 585
- Анна Иоанновна 155, 162, 181, 225, 567, 670, 679, 680
- Анна Леопольдовна 669
- Анотто Г. 353
- Анпилогов Г. Н. 313
- Антипов В. С. 55, 638
- Ардашев П. Н. 45, 46, 47, 55, 90, 93, 104, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 138, 141, 207, 577, 641, 725
- Арский И. В. 282
- Афанасьев Г. Е. 47, 103,
- Б
- Бабич М. В. 560
- Баггер Х. 551, 552, 553
- Базилевич К. В. 313, 314, 316, 394,
- Бакланова Н. А. 416
- Барбашина О. И. 55
- Барг М. А. 435, 456, 468, 469, 532, 571, 575, 612, 614
- Баринова В. П. 668
- Бартольд В. В. 198
- Барчугова А. В. 385
- Батыр К. И. 523, 579
- Бауер В. В. 97, 98, 99, 100
- Бауэр О. 229
- Бахрушин С. В. 250, 314, 320, 333, 348, 350, 393
- Бекет Т. 131
- Бели Л. 628
- Белявский М. Т. 414, 499,
- Бенкендорф А. Х. 687

Берго И. Б. 578
 Берия Л. П. 262, 399
 Бёрк Э. 529
 Бернадская Е. В. 620
 Берсе И.-М. 444, 445, 449
 Бессарабова Н. В. 675
 Бессмертный Ю. Л. 457, 609
 Бестужев-Рюмин М. П. 686
 Бильбасов В. А. 163
 Бирюкович В. В. 54, 283, 291, 292, 293, 304, 305, 306, 307, 308, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 329, 354, 356, 370, 371, 375, 378, 381, 382, 389
 Блок М. 527
 Блуменау С. Ф. 623
 Бобкова М. С. 594
 Бовыкин Д. Ю. 605
 Богданов А. А. 86, 168, 209, 210, 211, 226, 274
 Богданов А. П. 678
 Богословский М. М. 162, 186, 192, 412
 Боден Ж. 20, 21, 111, 621, 643, 700, 707
 Бойцов М. А. 593, 607, 608, 609, 610, 611
 Бокль Г. 89
 Борджиа Ч. 165
 Боровой А. А. 112, 115, 116
 Боссюэ Ж.-Б. 21, 111
 Боханов А. Н. 651, 679, 688, 689
 Брикнер А. Г. 39, 163
 Буганов В. И. 552, 563, 679
 Бузескул В. П. 47, 93, 94, 112, 125
 Букштейн А. О. 291
 Булыгин И. А. 423, 653
 Бутенко В. А. 94, 112, 125
 Буткевич Т. И. 122, 123
 Бэк У. 628

В

Вайнштейн О. Л. 49, 50, 59, 76, 259, 272, 273, 286, 330, 349, 350, 352, 353, 356, 366, 378
 Валк С. Н. 347
 Ванег Н. Н. 310
 Вандалковская М. Г. 151
 Варьяш О. И. 572
 Василий III 144, 316, 493
 Василий Шуйский 245
 Васильева Н. И. 510
 Вассьер П. 303
 Вдовина Л. Н. 675
 Вебер Б. Г. 363, 364, 365
 Вебер Г. 89
 Вебер М. 549, 556
 Ведюшкин В. А. 572, 614, 620
 Вейсман А. Д. 91, 92
 Виванти К. 425, 432
 Вигдорчик А. П. 206
 Виллар Ж.и К. 452, 454
 Вильгельм Завоеватель 126, 127
 Виноградов П. Г. 90, 93, 104
 Виноградова Н. Н. 675
 Винокурова М. В. 620
 Виппер Р. Ю. 43, 90, 91, 104, 192, 201, 202, 207
 Витте С. Ю. 504, 664
 Владимирский-Буданов М. Ф. 79
 Волгин В. П. 263, 268, 285, 286, 309, 312
 Волков М. Я. 479, 480, 482
 Волобуев О. В. 170, 216
 Волобуев П. В. 428, 431
 Володьков О. П. 177, 235, 236, 240, 253
 Волосюк О. В. 538
 Вольтер Ф. М. А. 111, 115, 708
 Вольф Х. 81
 Воробьева Е. Д. 469

Воровский В. В. 78, 169, 176
 Воронин Н. Н. 403, 404
 Всеволод Большое Гнездо 151
 Вульфийус А. Г. 205
 Выскочков Л. В. 686, 687
 Вышинский А. Я. 268

Г

Галанза П. Н. 373, 374
 Гальперин Г. Б. 510
 Ганелин Р. Ш. 473, 488, 689
 Гартунг Ф. 441, 442
 Гегель Г. В. Ф. 31, 32, 40, 149
 Гейссер Л. 89
 Геллер М. Я. 553
 Генриетта-Мария Французская 133
 Генрих II Плантагенет 131
 Генрих IV Бурбон 27, 50, 96, 102, 114, 219, 266, 268, 289, 290, 291, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 330, 331, 356, 389
 Генрих VII Тюдор 129, 132
 Генрих VIII Тюдор 134, 298
 Геродот 593, 607
 Герцен А. И. 658
 Гершенкрон А. 549
 Герье В. И. 44, 45, 47, 54, 84, 89, 91, 95, 103, 104, 105, 114
 Гизо Ф. 27, 28, 33, 36, 89, 218, 303
 Гиндин И. Ф. 423, 430, 431
 Гинцберг Л. И. 469
 Гоббс Т. 21, 22, 111
 Годунов Б. 172, 672
 Голикова Н. Б. 416
 Горбачев М. С. 541, 543
 Гордон Л. С. 517
 Горин П. О. 48
 Готье Ю. В. 185, 250, 315, 333, 546

Градовский А. Д. 478, 148, 671
 Грановский Т. Н. 87, 90, 94
 Грацианский Н. И. 262, 300, 302
 Греков Б. Д. 250, 268, 333, 344,
 Григорьев С. Л. 672
 Гриценко Н. Ф. 673
 Гроций Г. 21
 Губер П. 456, 526, 527, 582
 Гуковский М. А. 471
 Гуревич А. Я. 456, 458, 512, 590, 591, 601
 Густав II Адольф 638, 639
 Густав Ваза 537
 Гутнова Е. В. 513, 514, 515, 532, 539, 576

Д

Давидович А. М. 390, 391, 420, 479, 482, 486, 488, 511
 Дамиани Петр 19
 Данилевский И. Н. 54, 649
 Данилов А. И. 456, 457
 Данилова Л. В. 423
 Деборин А. М. 268
 Дейч Г. М. 194
 Демидова Н. Ф. 419, 498, 559, 678
 Денисенко Н. П. 571
 Десимон Р. 627, 628
 Дживелегов А. К. 141, 142
 Дитятин И. И. 148, 149
 Дмитриев С. С. 395
 Дмитриева О. В. 613, 621, 633, 638
 Домнина И. И. 674
 Дорошенко В. В. 351, 532
 Дружинин Н. М. 73, 76, 195, 326, 327, 339, 415, 416
 Дубровский П. П. 292
 Дубровский С. М. 196, 197, 227, 228, 292, 313

Дусе Р. 357, 359
 Дьюкс П. 550
 Дьяконов М. А. 93
 Дэвис Н. 705
 Дякин В. С. 421, 562

Е

Егер О. 89
 Екатерина I 238,
 Екатерина II 21, 24, 88, 91, 148, 156, 157,
 158, 160, 161, 162, 165, 174, 176, 181, 183,
 211, 313, 315, 330, 337, 390
 Екатерина Медичи 622
 Елизавета I Тюдор 134, 219, 282, 384, 443,
 466, 533, 535, 621, 633, 634, 638
 Елизавета Петровна 181, 560, 564, 565, 669,
 672, 679, 680
 Елисеева О. И. 683, 684
 Ерошкин Н. П. 410, 411, 501, 502, 503, 507,
 508
 Ерусалимский А. С. 381
 Ефимов А. В. 95
 Ешевский С. В. 37, 94, 102, 725

Ж

Жданов А. А. 269, 273
 Желелев С. А. 93, 268
 Жене Ж.-Ф. 696
 Жордания Г. Г. 291, 302, 329
 Жуанна А. 629

З

Зайончковский П. А. 417, 418, 503, 504, 505,
 736
 Зарубин А. Н. 55, 112
 Захаров В. Ю. 475, 661, 662
 Захарова Л. Г. 505, 507, 561, 662, 663, 685
 Захарова О. Ю. 674

806

Захер Я. М. 206, 262
 Зезегова О. И. 292, 293
 Земцов Б. Н. 649
 Зибель Г. 89, 129
 Зимин А. А. 408, 412, 415, 493
 Золотухина Н. М. 144
 Зоркий М. С. 196, 197
 Зутис Я. Я. 320

И

Ибнеева Г. В. 672
 Иван III 160, 236, 252, 314, 316, 320, 339, 408
 Иван IV Грозный 9, 144, 152, 155, 174, 177,
 246, 288, 315, 316, 317, 320, 324, 333, 339,
 394, 403, 405, 408, 412, 492, 493, 494, 554,
 650, 651, 694, 701
 Иванов П. И. 394
 Иванова Т. Н. 112
 Ивонин Ю. Е. 527, 534, 535, 571, 572, 583,
 623, 638, 639, 737
 Ивонина Л. И. 638, 639, 695, 703, 737
 Изабелла Кастильская 110, 282, 298
 Иконников В. С. 41
 Ильдесаймер Ф. 448
 Индова Е. И. 423
 Иоанн Антонович 678
 Иоанн Солсберрийский 131
 Иоганн Георг I 624
 Иосиф II Габсбург 43, 44, 83, 91, 103, 105,
 639
 Искендеров А. А. 544, 545, 547, 601, 602

К

К. К. 43
 Кавелин К. Д. 40, 78, 151, 152, 155, 164
 Каждан А. П. 261, 433
 Казаков И. В. 621
 Калонн Ш. А. 285, 531,

Каменский А. Б. 559, 567, 658, 659, 678, 682,
 683
 Кан А. С. 537
 Карамзин Н. М. 145, 146, 239, 487,
 Карев В. М.
 Кареев Н. И. 44, 45, 46, 49, 81, 85, 86, 90, 91,
 103, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 114, 115,
 122, 124, 135, 141
 Карл I Стюарт 91, 133, 637
 Карл V Габсбург 98, 298, 358, 638, 639
 Карл Смелый 288
 Карлейль Т. 89
 Каррер д'Анкокс Э. 664, 665, 682
 Касвинов М. К. 509, 563
 Каутский К. 214, 229
 Кафенгауз Б. Б. 49, 338, 348, 405, 408, 412,
 415
 Каховский П. Г. 686
 Кёнигсбергер Г. 440, 589
 Кизеветтер А. А. 54, 151, 163, 192
 Ким М. П. 544
 Киняпина Н. С. 417, 686
 Киреева Р. А. 84
 Киров С. М. 269, 273
 Кирова К. Э. 435
 Клименко А. В. 53
 Ключева Н. Г. 342
 Ключевский В. О. 40, 41, 42, 48, 67, 73, 78,
 79, 91, 150, 151, 155, 156, 157, 158, 159, 162,
 163, 164, 170, 239, 350
 Ковалев В. А. 634
 Ковалев С. И. 210
 Ковалевский М. М. 42, 43, 46, 47, 54, 124,
 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133,
 134, 195, 218
 Ковальченко И. Д. 423, 513, 599, 600, 601
 Ковин В. С. 621
 Коган М. А. 469, 470, 537, 538
 Кожокин Е. М. 579, 583, 584, 585

Козандей Ф. 627, 628
 Козер Р. 37
 Козляков В. Н. 679
 Колесницкий Н. Ф. 368, 516, 614
 Коллонтай А. М. 198
 Кольбер Ж.-Б. 27, 99, 110, 208, 223, 286, 355,
 360, 523, 586, 588, 622, 664, 733
 Кондратьев С. В. 52, 204, 214, 266, 303, 365,
 369, 373, 374, 375, 519, 575, 620, 692
 Кондратьева Т. Н. 52, 55, 204, 214, 266, 267,
 280, 293, 294, 295, 296, 303, 312, 365, 369,
 373, 374, 375
 Конрад Н. И. 439
 Константинов Ф. В. 372
 Кончаловский Д. П. 263
 Копосов Н. Е. 524, 579, 580, 582, 598, 613
 Корелин М. С. 90, 104
 Коренев Д. М. 677
 Корзун В. П. 57
 Коркунов Н. М. 78, 79, 82, 170
 Корнилов А. А. 163
 Королев А. И. 510
 Коршунова Н. В. 660
 Косминский Е. А. 49, 50, 76, 221, 230, 231,
 262, 265, 271, 272, 273, 278, 279, 281, 282,
 284, 288, 305, 329, 346, 348, 349, 351, 366,
 369, 370, 372, 373, 377, 378, 380, 383
 Косорез Н. Н. 435
 Котляревский С. А. 43
 Котомина А. А. 609
 Котошихин Г. 88, 410
 Кошелева О. В. 559, 610
 Коялович М. О. 39, 40, 87
 Крамми Р. 550
 Краснов И. А. 634
 Кристенсен С. О. 551, 552, 553
 Кром М. М. 695, 696, 703
 Кромвель О. 22, 98, 355, 468
 Кропоткин П. А. 124
 Крупская Н. К. 193, 198
 Кудрявцев А. Е. 223, 282, 283

Кудрявцев П. Н. 94
 Куракин Б. И. 24
 Курбский А. 144, 315
 Курукин И. В. 679, 681
 Куторга М. С. 95, 97
 Кучма В. В. 523
 Кэмпбелл П. 628

Л

Лабрусс Э. 527
 Лависс Э. 89
 Лавров П. Л. 86
 Лавровский В. М. 266, 267, 268, 282, 351, 366
 Лаппо-Данилевский А. С. 54, 93, 162, 184, 185
 Лассаль Ф. 189, 229
 Лашнюков И. В. 87
 Ле Руа Ладюри Э. 709
 Леба Ф. 87
 Лебедев В. И. 315, 323, 338,
 Лебедева Г. Е. 286, 366, 369, 398
 Лебедева Е. И. 531, 578
 Левицкий Я. А. 383
 Ленин В. И. 51, 70, 78, 86, 166, 167, 168, 191, 196, 197, 225, 226, 227, 228, 233, 235, 237, 243, 244, 251, 252, 257, 259, 260, 275, 276, 288, 304, 313, 315, 323, 324, 325, 326, 345, 352, 375, 391, 394, 395, 412, 415, 419, 420, 422, 430, 443, 479, 481, 493, 501, 509, 511,
 Леонтьев К. Н. 78, 120
 Леушина Е. В. 55
 Лефевр Ж. 454
 Лжедмитрий 146
 Лиманова С. А. 675
 Литаврина Э. Э. 470
 Логунова М. О. 675
 Лозинский А. А. 524
 Лозинский С. Г. 212
 Лола Е. С. 223
 Луазо Ш. 298, 455

Лукин Н. М. 192, 193, 258, 262, 263, 265
 Луначарский А. В. 191, 193
 Лучицкий И. В. 42, 47, 100, 101, 102, 103
 Любавский М. К. 90, 162, 250, 715, 716
 Любимов Н. А. 120, 121, 122
 Люблинская А. Д. 52, 54, 62, 68, 76, 291, 302, 304, 307, 308, 330, 353, 354, 355, 366, 367, 378, 386, 387, 388, 389
 Людовик IX Валуа 23
 Людовик XI Валуа 174, 213, 288
 Людовик XIII Бурбон 219, 225, 445, 459, 463, 585
 Людовик XIV Бурбон 21, 27, 28, 29, 91, 96, 97, 98, 99, 104, 110, 111, 114, 115, 133, 192, 211, 219, 223, 224, 239, 247, 255, 289, 355, 356, 522, 523, 527, 528, 581, 618, 622, 623, 629, 630, 635
 Людовик XV 623
 Людовик XVI Бурбон 102, 115, 117, 122, 123, 124, 160, 285, 623, 642, 644
 Ляшенко Л. М. 685, 686

М

Мавродин В. В. 313, 409, 412, 414
 Мадариага И. 682
 Мазарини Дж. 96, 225, 300, 437, 581, 584, 585, 618, 639
 Макиавелли Н. 20, 110, 386
 Маковский Д. П. 423
 Маколей Т. 89
 Максим Грек 144
 Маленков Г. М. 338
 Малинин Ю. П. 620
 Малов В. Н. 355, 571, 571, 586, 587, 588, 615, 622, 623, 637, 640, 641, 643, 644, 645, 694
 Малышева О. Г. 664, 689
 Мандру Р. 448, 455, 456, 527
 Манфред А. З. 195, 342, 363, 364, 365, 383, 452, 453, 531
 Маньков А. Г. 494
 Мао Цзэдун 548

Марасинова Е. Н. 667, 668
 Марильяк М. 361
 Мария Медичи 308, 463
 Мария Стюарт 222
 Мария Тюдор 535, 638
 Мария-Антуанетта 285,
 Мария-Терезия 83, 105
 Маркс К. 30, 31, 32, 34, 36, 70, 125, 189, 205, 211, 215, 221, 223, 228, 271, 274, 275, 279, 282, 297, 313, 317, 318, 320, 324, 329, 345, 352, 360, 370, 425, 426, 427, 475, 481, 515, 516, 520, 525, 529, 535
 Марр Н. Я. 371
 Медушевская О. М. 11
 Медушевский А. Н. 53, 474, 495, 547, 549, 550, 551, 554, 555, 556, 557
 Мельникова А. В. 371
 Меттерних К. 140, 471
 Миллер Дж. 588
 Милов Л. В. 423
 Милюков П. Н. 40, 54, 91, 151, 158, 159, 160, 162, 164, 177, 240, 241, 242, 243
 Минин К. 40
 Минц И. И. 196, 333
 Минье Ф. 89
 Мироненко С. В. 561, 663, 686
 Миронов Б. Н. 650
 Мирошевский В. М. 228, 229, 230, 231
 Митрофанов П. П. 43, 44, 84, 93, 136
 Михаил Федорович 172, 185, 238, 395, 678
 Михайловский Н. К. 86
 Мишле Ж. 89
 Могильницкий Б. Г. 125, 606
 Моисеев В. В. 648, 649
 Молок А. И. 285, 330, 381
 Молотов В. М. 326, 327
 Мольнар Э. 450, 451
 Момильяно А. 444
 Монтескье Ш. 21, 23, 24
 Мопу Р.-Н. 118, 119

Моро Л. 165
 Морозова Л. Е. 678
 Мосина З. В. 50, 62, 65, 268, 288, 291, 302, 303, 304, 305, 307, 319, 320, 329, 347, 353, 354, 357, 358, 359, 360, 364, 365, 714
 Мунье Р. 441, 442, 443, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 455, 472, 527, 528
 Муравьев-Апостол С. И. 686
 Мурашов И. Ю. 672
 Мурхард Ф. 25
 Мыльников А. С. 568, 680
 Мягков Г. П. 125

Н

Назаров В. Д. 546
 Наполеон I 251
 Наумов В. П. 679
 Невский В. И. 312
 Неккер Ж. 116, 638
 Неусыхин А. И. 262, 352, 651
 Нефедов С. А. 694
 Нечкина М. В. 73, 151, 233, 394, 431, 487, 488
 Нечухрин А. Н. 85, 106
 Нижник Н. С. 81
 Никколини Н. 110
 Николай I 163, 186, 247, 248, 504, 507, 652, 669, 673, 686, 687
 Николай II 9, 53, 167, 238, 248, 250, 507, 508, 509, 512, 562, 569, 656, 664, 665, 673, 675, 682, 688, 689, 690
 Новицкий Г. А. 313, 395
 Новоселов В. Р. 634
 Новосельский А. А. 348, 407
 Новосельцев А. П. 423
 Носов Н. Е. 493

О

Озуф М. 528
 Ойзерман Т. И. 372
 Оккам У. 19

Октавиан Август 725
 Ольминский (Александров) М. С. 78, 174, 175, 176
 Омельченко О. А. 30, 31, 32, 33, 34, 498, 499, 500, 558, 559, 655
 Ону А. М. 46, 47, 122
 Оржеховский И. В. 505, 506, 736
 Оттокар Н. П. 198

П

Павел I 88, 181, 183, 186, 246, 410, 566, 568, 659, 661, 669, 672, 679, 680
 Павленко Н. И. 54, 405, 408, 413, 414, 415, 416, 423, 427, 428, 481, 482, 484, 497, 498
 Павлова-Сильванская М. П. 414, 416, 482, 484, 485, 486
 Павлов-Сильванский Н. П. 173
 Пажес Ж. 303, 441
 Пайпс Р. 665
 Паламарчук А. А. 634
 Парин В. 342
 Парсонс Т. 549
 Перцев В. Н. 43, 44, 135, 383, 384
 Пестель П. И. 686
 Петр I 7, 21, 24, 39, 40, 49, 83, 88, 105, 145, 146, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 174, 179, 180, 181, 185, 211, 238, 239, 246, 252, 255, 310, 311, 313, 315, 333, 334, 335, 336, 338, 340, 344, 347, 350, 389, 390, 391, 392, 395, 396, 397, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 657, 658, 659, 660, 670, 671, 675, 678, 679, 681, 682
 Петр II 679
 Петр III 679, 680
 Петрарка Ф. 110
 Петров М. Н. 95, 96, 97
 Петрушевский Д. М. 192
 Пийримяэ Х. А. 614
 Пикуль В. С. 545, 546
 Пименова Л. А. 573, 574, 577, 578, 621, 623, 634, 642, 644, 645
 Пионтковский С. А. 312

Писаренко К. А. 680
 Писарькова Л. Ф. 670, 671
 Пискорский В. К. 135, 136
 Питулько Г. Н. 621
 Пихоя Р. Г. 195
 Пичета В. И. 192, 250, 392, 546, 715
 Платон 81
 Платонов С. Ф. 41, 48, 54, 160, 161, 163, 250, 252
 Плеханов Г. В. 86, 164, 165, 166, 168, 184, 566
 Плешкова С. Л. 621, 622, 634
 Победоносцев К. П. 688
 Погодин С. Н. 126, 487, 810
 Пожарский Д. М. 254
 Покровский М. Н. 47, 48, 54, 78, 86, 168, 173, 176, 177, 178, 179, 180, 190, 191, 194, 198, 199, 202, 203, 207, 211, 214, 215, 225, 232, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 253, 257, 262, 263, 271, 290, 310, 311, 316, 317, 337, 387, 391, 400
 Покровский Н. Н. 565
 Покровский С. А. 390, 391, 392, 479, 486
 Полиевктов М. А. 88
 Полосин И. И. 412, 716
 Поляков Ю. А. 545, 547
 Помбал С. Ж. 103
 Поор Я. 705
 Попов Д. Ф. 53
 Попова М. К. 621
 Поршнева Б. Ф. 50, 52, 54, 65, 76, 204, 266, 267, 268, 287, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 312, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 329, 330, 331, 332, 352, 654, 355, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 400, 432, 435, 436, 437, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 454, 455, 463, 472, 519, 522, 523, 532, 716, 728
 Потемкин Ф. В. 309, 381, 435
 Преображенский А. А. 423, 479, 480, 653, 678

Преображенский В. Д. 213, 214, 262
 Прескотт У. 89
 Пресняков А. Е. 163
 Прокопович Ф. 21, 24, 335
 Прокопьев А. Ю. 623, 624, 637
 Пуарсон О. 303
 Пугачев Е. 236, 413
 Пушкин А. С. 409, 658
 Пчелов Е. В. 676
 Пыхтеев Б. Б. 291, 302

Р

Рагон Ф. 87
 Радциг Е. С. 689
 Радциг Н. И. 192, 302
 Раев М. 550, 553, 666, 697
 Райцес В. И. 293
 Раков В. М. 618, 619
 Рамазанов С. П. 85
 Рамбо А. 89
 Ранке Л. 89, 218, 591
 Рассел К. 533
 Раумер Ф. Л. 87
 Рахматуллин М. А. 683
 Ревуненков В. Г. 531
 Ревякин А. В. 616
 Рейснер М. А. 79, 80, 189, 190, 191, 206, 207
 Репина Л. П. 6, 489, 610
 Рец Ж. Ф. 294, 295
 Рише Д. 528
 Ришелье А. Ж. 21, 23, 27, 52, 96, 98, 99, 102, 110, 224, 290, 292, 300, 302, 308, 331, 353, 354, 355, 356, 361, 364, 389, 436, 437, 455, 459, 520, 524, 584, 586, 733
 Рогинская А. Е. 464, 465
 Рогинский В. В. 616
 Рождественский С. В. 88
 Рожков Н. А. 43, 48, 78, 86, 87, 137, 138, 139, 140, 141, 170, 171, 172, 173, 184, 216, 217, 218, 219, 220, 226, 235, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 274

Рожкова М. К. 423
 Розенталь Н. Н. 212, 213, 214, 224, 225, 262
 Ролова А. Д. 385, 386, 399, 471, 472, 535, 614
 Роскин Г. И. 342
 Ростовцев М. И. 198
 Рубинштейн Н. Л. 168, 320
 Рутенбург В. И. 387, 535, 536, 571
 Рылеев К. Ф. 686
 Рындзюнский П. Г. 423, 506

С

Сабенникова И. В. 547
 Савельев А. Б. 53
 Савин А. Н. 74, 90, 124, 133, 134, 135, 185, 193, 207, 221, 222, 223, 224
 Самойло А. С. 50, 441, 442, 443
 Самойлов Р. 364
 Сапрыкин Ю. М. 370, 371, 435, 515
 Сафонов М. М. 683, 684
 Сафронов Б. Г. 514
 Сахаров А. М. 402, 406, 493, 494, 513
 Сахаров А. Н. 483, 592, 602, 649, 662, 680, 685
 Свенцицкая И. С. 609
 Светова Е. А. 677
 Свешников А. В. 329
 Святуха О. П. 676
 Сегье П. 292, 445, 448
 Седов П. В. 677
 Сейссель К. 119
 Селиверстова Н. М. 668
 Семенов В. Ф. 381, 383, 384, 516
 Сен-Симон Л. 296, 582
 Сеньбос Ш. 89
 Сергеевич В. И. 78
 Серегина А. Ю. 621
 Сидоренко М. А. 635
 Сидоров А. В. 233
 Сидоров А. Л. 249, 320, 321, 323, 324, 419, 420

Сидорова Л. А. 398, 399
 Сидорова Н. А. 345, 347, 352, 365, 370, 371, 458
 Сидорцов В. Н. 12
 Симеон Полоцкий 311
 Сказкин С. Д. 50, 54, 76, 192, 195, 207, 208, 209, 262, 266, 267, 273, 282, 284, 285, 287, 292, 294, 300, 301, 302, 305, 307, 317, 318, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 329, 332, 342, 343, 344, 346, 349, 369, 370, 371, 375, 376, 377, 380, 381, 382, 390, 431, 432, 435, 438, 439, 443, 457, 464, 469, 472, 475, 476, 481, 515, 516, 517, 518, 522, 523
 Скоробогатов А. В. 672
 Скрынников Р. Г. 412, 678
 Сливко С. А. 466
 Смирин М. М. 345, 367, 459
 Смирнов В. П. 399
 Смирнов И. И. 412
 Смирнов П. П. 393
 Соловьев В. С. 78
 Соловьев Д. В. 673
 Соловьев С. М. 39, 40, 48, 78, 79, 82, 95, 103, 150, 152, 153, 154, 155, 157, 161, 164, 403,
 Соловьев Ю. Б. 509, 663
 Сорель А. 207
 Сорокин П. 549
 Сорокин Ю. А. 474, 566, 649, 650, 669, 703
 Софроненко К. А. 492
 Софья Алексеевна 153, 311
 Спиридон Савва 144
 Сталин И. В. 225, 260, 263, 269, 273, 274, 275, 276, 304, 312, 313, 316, 319, 320, 323, 324, 333, 335, 339, 340, 345, 352, 365, 367, 368, 370, 372, 375, 380, 387, 389, 390, 394, 395, 398, 399, 401, 402, 476, 481, 548, 555
 Старцев И. В. 545
 Стасюлевич М. М. 95
 Стегний П. В. 682, 684
 Стешенко Л. А. 492
 Стоклицкая-Терешкович В. В. 323, 371
 Столыпин П. А. 252, 420, 421
 Строев В. Н. 88
 Струве В. В. 241, 268, 274
 Струензе И. Ф. 103, 470, 538
 Струмилин С. Г. 423
 Суслов М. А. 400
 Сыромятников Б. И. 49, 334, 335, 336, 337, 338, 340, 390, 391, 721, 728
 Сюлли М. 302, 303

Т

Тапье В. 454
 Тарановский Ф. В. 45, 118, 119
 Тарле Е. В. 80, 93, 122, 135, 136, 170, 198, 199, 200, 201, 207, 239, 250, 262, 268, 300, 301, 309, 330, 333, 387
 Татищев В. Н. 148
 Татищев С. С. 163
 Таценко Т. Н. 620
 Тимофеев Д. В. 668
 Титов Ю. П. 473, 474
 Тихомиров И. А. 41, 42
 Тихомиров Л. А. 78, 147, 148
 Тихомиров М. Н. 227, 395, 408
 Тихонов В. В. 338, 341, 342, 344
 Тихонов Ю. А. 423
 Тогоева О. И. 609
 Токвиль А. 89, 101, 115, 124, 207, 529, 628
 Толмачев Е. П. 685
 Толстой Д. А. 688
 Томсинов В. А. 680
 Томсинский С. Г. 244, 310, 311, 312
 Трейчке Г. 37
 Троицкий Н. А. 688
 Троицкий С. М. 414, 415, 416, 423, 479, 480, 482, 486, 487, 496, 497
 Троцкий Л. Д. 48, 86, 226, 240, 241, 242, 243, 244, 262
 Тураев Б. А. 93
 Тьер А. 89
 Тьерри О. 25, 26, 27, 28, 33, 36, 298, 303, 364

Тэн И. 29, 30, 89, 207
 Тюрго А. Н. Ж. 103, 122, 285
 Тютюкин С. В. 654
 Тянь В. В. 656

У

Уваров П. Ю. 5, 346, 444, 458, 490, 604, 605, 607, 610, 611, 630, 631, 701, 703, 706, 712
 Уваров С. С. 504
 Удалов С. В. 673
 Удальцов А. Д. 192, 193, 273, 281, 324, 332, 346, 348, 349,
 Удальцова З. В. 371
 Уортман Р. С. 674
 Устюгов Н. В. 415

Ф

Фадеев А. В. 417
 Февр Л. 455
 Федор Алексеевич 559, 669, 678
 Федоров В. А. 568
 Федоров С. Е. 19, 621, 633, 635, 636, 637
 Федосов И. А. 482, 483
 Федотова В. Г. 602
 Фердинанд Арагонский 110, 282
 Филипп II Габсбург 91, 98, 298, 639
 Филипп IV Красивый 26
 Фильмер Р. 111
 Фирсов С. Л. 690
 Флоря Б. Н. 614
 Фортескью Дж. 131
 Франко Ф. 548
 Франциск I Валуа 96, 113, 289, 357, 358, 359, 635, 638, 639
 Фридрих II Гогенцоллерн 21, 83, 91, 100, 103, 105, 111, 255, 384, 416, 470, 568, 616, 639
 Фридрих Вильгельм I Гогенцоллерн 104, 639, 700
 Фроянов И. Я. 546, 547, 647, 648
 Фюре Ф. 490, 528, 529

Х

Харитонович Д. Э. 273
 Хачатурян Н. А. 597, 609, 619, 620, 633
 Хвостов В. М. 333
 Хеншелл Н. 624, 625, 628, 704, 705, 710
 Херту Дж. 628
 Ховельянос Г. М. 538, 638
 Хомяков Д. А. 146, 147
 Хрущев Н. С. 399
 Хут Л. Р. 594, 604, 607

Ц

Цатурова С. К. 5, 573, 634, 641, 642

Ч

Черепнин Л. В. 76, 151, 195, 259, 260, 375, 401, 402, 406, 407, 415, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 483, 484, 486, 493, 494, 514, 520, 521, 697, 729
 Черкасов П. П. 576, 586, 623
 Черменский Е. Д. 419, 511
 Черникова А. В. 663
 Чернов К. С. 703
 Чернов С. Л. 652
 Чернуха В. Г. 505, 687
 Черных А. П. 620
 Чернявская В. Е. 12
 Черняев Н. И. 78, 148
 Чикалова И. Р. 89
 Чистозвонов А. Н. 424, 457, 459, 476, 482, 484, 485, 486, 487, 496, 515, 532, 538, 614, 729
 Чичерин Б. Н. 48, 78
 Чубарьян А. О. 575, 604
 Чудинов А. В. 112, 207, 531, 575, 577, 603, 617, 618, 641,

Ш

Шапиро А. Л. 484
 Шаргунов А. 596

Шартье Р. 626, 627	Эльфонд И. Я. 579, 621, 634
Шарф К. 25	Энгельгардт Р. Ю. 523
Шаскольский И. П. 457, 537	Энгельс Ф. 30, 31, 34, 35, 36, 70, 189, 214, 221, 229, 271, 275, 297, 303, 304, 313, 316, 317, 318, 320, 324, 325, 339, 345, 352, 360, 367, 425, 426, 427, 475, 480, 481, 483, 515, 516, 520, 525
Шацилло К. Ф. 568, 569, 663	Эпштейн А. Д. 469, 470, 472
Шестаков А. В. 197, 320	Эфрос А. М. 295
Шильдер Н. К. 163	Эцина Е. И. 621
Шишкин В. В. 622, 634, 635	
Шлоссер Ф. 30, 89, 329	
Шмидт С. О. 415, 492, 560, 614, 651, 653, 667	
Шмурло Е. Ф. 93	Ю
Шмыкова М. Л. 671	Юсим М. А. 693
Шоню П. 708, 709	Юшков С. В. 316, 317, 335, 338, 350, 391, 392, 393, 394, 395, 396
Шоссинан-Ногаре Г. 527	
Штокмар В. В. 54, 384, 385, 466, 533, 534	Я
Шубин А. В. 649	Яков I Стюарт 21, 132, 222, 223, 282, 384, 634, 635
Шутова О. М. 12	Яковлев Н. Н. 333, 334
	Якубский В. А. 286, 366, 369, 398
Щ	Янов А. Л. 475
Щеголев П. П. 279, 280, 286, 287, 288, 289, 290, 292	Ярецкий Ю. Л. 52
	Ярославский Е. М. 268
Э	Ястер И. В. 263
Экштут С. А. 610	Ястребицкая А. Л. 614
Элиас Н. 625, 626	

Перечень сокращений

АН СССР – Академия наук СССР
 АРАН – Архив Российской академии наук
 БГУ – Белорусский государственный университет
 ВПШ при ЦК ВКП(б) – Высшая партийная школа при Центральном комитете Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ВЮЗИ – Всесоюзный юридический заочный институт
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук
 ИКП – Институт красной профессуры
 ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
 ЛОИИ АН СССР – Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет [им. А. А. Жданова]
 МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
 МГИУ – Московский государственный индустриальный университет
 МГУ – Московский государственный университет [им. М. В. Ломоносова]
 МИЭТ – Московский институт электронной техники
 МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории
 МПГУ – Московский педагогический государственный университет
 НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук
 НИА СПбИИ РАН. ЗЕС – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук. Западноевропейская секция
 ОИМ – Общество историков-марксистов
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 РАН – Российская академия наук
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
 РИВШ – Республиканский институт высшей школы
 РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 ЦГА Москвы – Центральный государственный архив Москвы
 ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
 ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
 ФОН МГУ – Факультет общественных наук МГУ

Научное издание

Ландина Лариса Владимировна

**Абсолютизм и абсолютная монархия
в российской историографии
последней трети XIX – начала XXI в.**

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор Кошелев В. С.

Корректор: Юхновец О. В.

Дизайн книги: Ляхович А. К.

Компьютерная верстка и макет Мартинович М. В.

Подписано в печать 10.09.2020 г.

Формат 62x84 1/8 Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс». Печать цифровая
Усл. печ. л. 66,1. Уч.-изд. л. 58,7. Тираж 100 экз. Заказ № 101

УП «Энциклопедикс»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатной продукции
от 3 апреля 2014 года № 1/266

220050, Минск, ул. К. Маркса 15, 203А
тел./факс 377-45-39;
E-mail: encyclopedix@tut.by

Отпечатано на технике УП «Энциклопедикс»